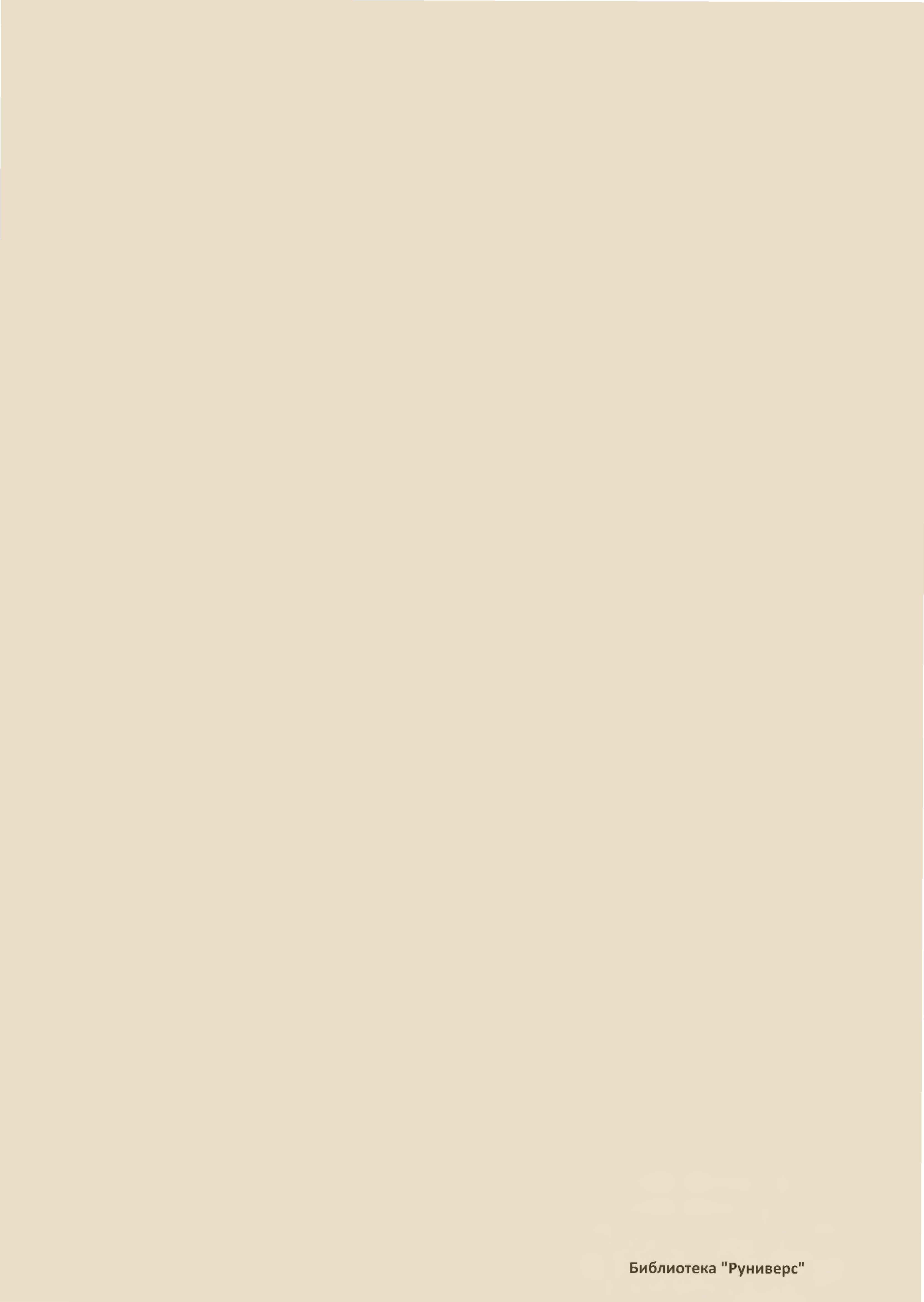
Цѣна 4 руб. сер.



ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 3 іюля 1872 года.

Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ Доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и доставкой	3 » — »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С.-Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Возникновеніе достопримѣчательнаго города Сѣченовки.

Очерки еврейскаго быта.

(Продолженіе).

V.

Мнѣніе сѣченовцевъ о будущемъ величіи своего города.—Движеніе между евреями ближайшихъ городковъ.—Опасенія раввиновъ по этому поводу.—Мѣры противъ наводненія израилемъ города Сѣченовки.—Ужасная еврейская война у воротъ города Сѣченовки безъ смертоноснаго оружія.—Драгоцѣнная находка для сѣченовцевъ въ лицѣ Ребъ Менделя Пешеса.

Прошло десять лѣтъ со времени основанія города Сѣченовки. Много воды утекло въ продолженіи этого времени, много перемѣнъ произошло въ городѣ Сѣченовкѣ. Мы его теперь уже можемъ назвать полнымъ городомъ, по его внѣшнему и внутренному устройству. Въ немъ теперь уже около 80 домовъ, онъ расположенъ вокругъ огромнѣйшаго базара. Сѣченовцы говорятъ, что если судить по величинѣ базара, то Сѣченовка нѣкогда будетъ великимъ городомъ. Хотя предположенію Сѣченовцевъ врядъ-ли когда суждено осуществиться, но во всякомъ случаѣ, судя по его прогрессивному увеличенію, можно было дѣйствительно предположить, что онъ будетъ довольно порядочнымъ городомъ. Кромѣ того, что у первыхъ переселенцевъ въ общей сложности оказалось больше 20 дѣтей, которыхъ они уже успѣли пристроить и выстроили для нихъ дома, движеніе въ Сѣченовку жителей другихъ городовъ замѣтно усиливалось,—особенно съ того времени, когда первые переселенцы прожили въ Сѣченовкѣ года два и съ ними за это время никакого несчастія не случилось, т. е. панъ Дембовскій никого ни разу не высѣкъ. Теперь же, когда каждый изъ переселенцевъ заказалъ себѣ въ ближайшемъ городкѣ по рацеморовой жупицѣ и штраймелу, жители ближайшихъ городковъ взволновались, бѣгали по улицамъ какъ сумасшедшіе, рвали на себя волосы, и кричали: «мы погибли, насъ обманули! Намъ сказали, что переселяющіеся въ Сѣченовку должны согласиться быть ежемѣсячно высѣченными паномъ Дембовскимъ, и мы понятное дѣло не согласились; теперь же оказывается, что они живутъ уже тамъ два года и никто изъ нихъ еще не былъ сѣченъ. Они всѣ еще разбогатѣли и заказали себѣ жупицы и штраймелы. Мы сейчасъ же заберемъ всѣ наши пожитки, женъ и дѣтей, и переселимся также туда. Если мы до сихъ поръ оставались здѣсь, то это по нашей глупости и обману»....

Раввины и всякая другая городская служба до того испугались движенія своихъ согражданъ, что рѣшились отправиться на могилы своихъ предковъ и просить ихъ дѣйствія на умы своихъ питомцевъ—дабы охладить ихъ рвеніе къ бѣсовскому переселенію; въ противномъ случаѣ всѣ святые города опустѣютъ—и на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь слышится *гласъ изученія святаго ученія,* будутъ бѣгать волки, медвѣди, лисицы, зайцы и всякіе другіе дикіе звѣри. Потомъ они велѣли синагогальнымъ прислужникамъ бить въ набатъ и созвать всѣхъ гражданъ въ си-

нагогу, и каждый изъ раввиновъ произнесъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ рѣчей, которыя когда-либо произносились. Во первыхъ, они доказывали, что весь этотъ свѣтъ сущее ничтожество и всѣ земныя блага трынъ-трава, и что обращать вниманіе на земныя блага настоящее идолопоклонство. Вообще, доказывали они дальше, по всему пространству атмосферы всей вселенной распространена нечистая сила—и только то пространство очищается отъ нечистой силы, гдѣ много лѣтъ существуетъ еврейскій городъ и евреи занимаются изученіемъ своего ученія. Слѣдовательно, надо полагать, что Сѣченовцевъ нечистая сила опутала со всѣхъ сторонъ, тѣмъ болѣе что здѣсь является благодѣяніе со стороны пана Дембовскаго, а это извѣстно по талмуду, что *если гой благодѣтельствуетъ еврею, то онъ этимъ замедляетъ освобожденіе евреевъ отъ изгнанія.* Они до того растрогали своихъ согражданъ, что тѣ всѣ расплакались и сѣтовали о днѣ своего рожденія; но не смотря на впечатлѣніе этой рѣчи, каждый внутренно рѣшилъ, что онъ переѣдетъ въ Сѣченовку.

Съ другой стороны, когда въ Сѣченовкѣ получено было извѣстіе о такомъ всеобщемъ движеніи и переселеніи въ ихъ городъ, произошло не меньше волненіе. «Какъ, кричали Сѣченовцы,—къ намъ переѣдутъ ближайшіе жители городовъ, чѣмъ же мы тогда станемъ жить?! Вѣдь весь нашъ доходъ составляютъ базары, ярмарки. Что же будетъ тогда, когда на каждаго мужика придется по десятку евреевъ? Мы несчастны, мы погибли! Къ Хацкелю пойдемъ, къ Хацкелю! Онъ насъ спасетъ отъ всѣхъ бѣдъ и золъ и отъ всей нашей непрошеной братіи», и вся процессія съ шумомъ двинулась къ Хацкелю. Она застала Хацкеля за обѣдомъ. «Хацкель, Хацкель, завопили всѣ въ одинъ голосъ:—ты обѣдаешь спокойно, не зная о несчастіи постигающемъ насъ, мы всѣ пропали!»

— Что случилось, въ чемъ дѣло? спросилъ Хацкель въ волненіи.

— О, развѣ еще можетъ что нибудь худшее случиться! къ намъ собирается весь израиль, о, упаси Богъ, мы пропали, бѣги, Хацкель, къ пану, проси защиты, ты все можешь сдѣлать.

По расказу Лѣтописца, это извѣстіе до того взволновало Хацкеля, что онъ не только бросилъ обѣдъ, но даже позабылъ молиться и, не простившись съ женою и дѣтьми, побѣжалъ къ пану Дембовскому.

— Ясновельможный панъ! воскликнулъ Хацкель взволнованнымъ голосомъ, упавши на колѣни,—защити своихъ дѣтей; мы Сѣченовцы твои дѣти, а ты нашъ отецъ. Тутъ Хацкель объяснилъ въ чемъ дѣло.

— Ты, Хацкель, правъ, сказалъ ему панъ.—Это не здорово ни для моихъ хлоповъ, ни для васъ. Поэтому я ограничу число желающихъ переселиться—и еще не болѣе 20-ти человѣкъ могутъ переѣхать, а тамъ уже сами плодитесь и размножайтесь и расширяйте городъ Сѣченовку. Я слышалъ, что жидки самый плодовитый народъ.

— О, ясновельможный панъ! это сущая правда. Богъ еще давно обѣщалъ Аврааму, что его потомки будутъ такъ многочислены, какъ звѣзды на небѣ и какъ песокъ на берегу моря. Я полагаю, ясновельможный панъ, что слѣдуетъ во всѣхъ концахъ города поставить стражу съ кольями, чтобы они не дали пробраться большему числу переселенцевъ, чѣмъ сколько вы опредѣлите.

— О, да, непремѣнно, ты правъ. Ты изобрѣтательный человѣкъ, Хацкель. Пропой пѣтухомъ и ступай домой.

Когда Хацкель принесъ эту вѣсть своимъ согражданамъ, они запрыгали отъ радости и положили праздновать ежегодно этотъ день, въ воспоминаніе Божьей благодати.

На второй день, когда по дорогамъ показались обозы съ разной домашнею рухлядью переѣзжающихъ съ разныхъ городовъ евреевъ, Хацкель приказалъ сторожамъ смотрѣть въ оба, чтобы болѣе опредѣленнаго числа никто не перебрался. При этомъ, какъ разсказываетъ лѣтописецъ, произошла ужасная сцена, можетъ быть никогда не виданная. Дѣло въ томъ, что переселенцевъ наѣхало болѣе опредѣленнаго числа и между ними начались споры, кому изъ нихъ слѣдуетъ остаться и кому возвратиться. Споры потомъ перешли во всеобщую драку. Лѣтописецъ выражается объ этой дракѣ слѣдующими словами: «Много войнъ было со времени существованія міра, но врядъ-ли когда-либо была такая ужасная, какая происходила при въѣздѣ въ Сѣченовку. Во всѣхъ войнахъ воюютъ оружіемъ, здѣсь же воевали одними руками. Въ войнахъ противниками бываютъ враги, здѣсь же воевалъ братъ съ братомъ. Братъ вцѣплялся въ бороду брата—и оба валялись на землѣ. На мѣстѣ этой ужасной войны пыль стояла столбомъ, небеса помрачились, былъ слышенъ жалобный крикъ и скрежетъ зубовъ, крикъ женщинъ и плачъ дѣтей. Всѣ думали, что пришелъ конецъ міру, но вдругъ одинъ воскликнулъ: «Господа, изъ за чего это мы воюемъ? мы можемъ разойтись самымъ дружелюбнымъ образомъ: мы бросимъ жребій—и кому суждено будетъ остаться, тотъ и останется, а остальные разъѣдутся по домамъ».

Тотчасъ драка прекратилась. Жребій былъ брошенъ—и остальные разъѣхались, пожелавши другъ другу всего хорошего. Эта борьба носитъ въ лѣтописи слѣдующее названіе: «Ужаснѣйшая еврейская война у воротъ города Сѣченовки безъ смертоноснаго оружія».

Почти о подобной битвѣ упоминается еще въ другой разъ въ лѣтописяхъ города Сѣченовки. Она происходила во время празднованія освященія синогоги съ только-что оконченными заповѣдями. Причиной этой битвы было слѣдующее: Когда въ синагогѣ происходила рѣчь о распредѣленіи мѣстъ для прихожанъ[1]), каждый разумѣется старался достать себѣ мѣсто у восточной стѣны и по этому поводу произошла драка—и еслибы не разнесся слухъ (вѣроятно кѣмъ-нибудь намѣренно распущенный), что панъ Дембовскій ѣдетъ посмотрѣть на еврейскій праздникъ, то Богъ знаетъ до чего бы эта драка дошла. Лѣтописецъ о ней такъ выражается: «Кто бы могъ предположить, что изъ такого торжественнаго праздника можетъ выйти такая ужасная бойня! Изъ этого видно, сколько средствъ есть у нечистой силы, для опутыванія грѣховными сѣтями ногъ благочестивыхъ, идущихъ по дорогѣ къ святилищу. Это все равно, что стоитъ прекрасная погода, благодѣтельное солнце въ точности исполняетъ обязанности, возложенныя на него Господомъ Богомъ, и щедрой рукой разсыпаетъ лучи своего свѣта скоропреходящимъ обитателямъ земной юдоли; но вдругъ изъ глубины моря-океана поднимается черная туча, облекаетъ чернымъ саваномъ ясное небо, солнце закрываетъ свое лицо чернымъ покрываломъ, тучи начинаютъ извергать громъ, молнію, дождь, градъ и всякія другіе ужасы. То же самое происходило на злосчастномъ праздникѣ, пока разнесшаяся молва о приближеніи пана Дембовскаго не укротила страстей. Нельзя изобразить той радости, которая сіяла на всѣхъ лицахъ;

[1]) Въ еврейскихъ синагогахъ и молитвенныхъ домахъ мѣста откупныя; иногда на счетъ распродажи мѣстъ строится молитвенный домъ. Мѣста эти оставляются въ наслѣдство нѣсколькимъ поколѣніямъ. Въ нѣкоторыхъ синогогахъ главныя мѣста стоятъ 400 или 500 руб. сер.

всѣ уголки израильскихъ сердецъ были наполнены ликованіемъ и радостью, музыка играла, радовались даже дѣти въ колыбеляхъ. Благочестивые жены изральскія танцовали среди улицы. Онѣ были въ восторгѣ, что ихъ рацеморовыя юбки (въ то время и женщины носили рацеморовыя юбки) удостоились чести служить одѣяніемъ святымъ заповѣдямъ ([1]) и что объ этомъ будутъ знать всѣ на небѣ. Каждый изъ благочестивыхъ израильтянъ прыгалъ отъ радости, что ему удалось купить святую букву въ Тойрѣ[2]). Процессія съ заповѣдями подъ балдахиномъ, освѣщенная факелами, шла изъ дома Хацкеля прямо въ синагогу, оглашаемая звуками музыки и радостными восклицаніями евреевъ,—и тутъ же произошло печальное событіе драки, составляющее запятнанную страницу въ исторіи города Сѣченовки.»

Такимъ же образомъ и во внутреннемъ устройствѣ города Сѣченовки произошли большія перемѣны къ лучшему: Въ Сѣченовкѣ теперь уже есть раввинъ, канторъ, рѣзникъ и учитель. Хотя, правду сказать, всѣ эти должности совмѣщаетъ въ себѣ одна личность, но это ни чуть не умаляетъ достоинства сѣченовцевъ; они ни чуть не виноваты, что они нашли такое сокровище, какъ ихъ раввинъ, могущій одинъ исполнить четыре должности, на которыя въ другіе города требуется четыре человѣка. Если бы имъ не удалось достать подобной драгоцѣнности, то можно быть увѣреннымъ, что они пріобрѣли бы себѣ всѣхъ этихъ исполнителей въ отдѣльности; но тогда имъ понадобились-бы лишніе расходы. Мы имѣемъ право утверждать это на тѣхъ основаніяхъ, что сѣченовцы мотивировали свою грамоту въ шатры Израиля именно въ этомъ смыслѣ. Въ грамотѣ, между прочимъ, говорилось слѣдующее: «Нашъ раввинъ долженъ былъ кротокъ духомъ, потому что мы, сѣченовцы, народъ не спокойный, - и если раввинъ къ тому будетъ крутого нрава, то, Боже упаси, могутъ выйти большіе грѣхи. Онъ долженъ довольствоваться малымъ, потому что мы ему много дать не можемъ,—во-первыхъ, потому что мы сами бѣдны; во-вторыхъ, что у каждаго изъ насъ есть семейство, и въ третьихъ, намъ нужно еще пригласить кантора и проч.» Вдругъ, какъ-то неожиданно, пріѣзжаетъ молодой человѣкъ и объявляетъ, что получивши недавно званіе раввина, онъ не имѣетъ мѣста. Онъ объявляетъ еще болѣе, — что онъ не только раввинъ, но и рѣзникъ, можетъ быть канторомъ, а также и учителемъ, что у него голосъ первой сортъ, о слухѣ же и говорить нечего; это можно судить по тому, что онъ никогда ни у кого не учился пѣнію, никогда не слышалъ хорошаго кантора—и не смотря на то сдѣлался замѣчательнѣйшимъ канторомъ. Сѣченовцы сначала не вѣрили своимъ ушамъ. Неужели они достойны такой Божьей благодати, что Онъ о нихъ постоянно печется и устраиваетъ все къ лучшему.

Положено было тотчасъ же приступить къ испытанію.

Тогда была пятница и нужно было зарѣзать на субботу вола. Вола вывели на открытое мѣсто, куда собралось много народа, чтобы присутствовать на этомъ великомъ испытаніи. Какъ только раввинъ началъ точить свой халефъ (ножъ), они сейчасъ ахнули, замѣтивъ, что онъ мастеръ своего дѣла [1]); они замѣтили, что онъ гораздо ловче водилъ ногтемъ по острію, чѣмъ тотъ старикъ, котораго они всегда приглашали.

Волъ былъ связанъ. Раввинъ подошелъ съ такимъ мужествомъ къ жертвѣ, что Сѣченовцы удивились.

Раввинъ—и такъ безстрашенъ! Это что-то невѣроятно.

Волъ былъ зарѣзанъ, животъ распоротъ, легкія вынуты, надуты и оказались сирхе [2]). Она была снята съ замѣчательною ловкостью—и изъ грудей Сѣченовцевъ вырвалось радостное восклицаніе; «если только онъ окажется такимъ же раввиномъ и канторомъ, говорили они,—то чего-же больше желать»!

Вечеромъ предстояла проба его канторскаго искусства,—искусство, требующее большаго таланта, чѣмъ искусство рѣзника. Весь день Сѣченовцы были въ ужасномъ уныніи. А что, если Боже упаси, голосъ у него окажется нехорошъ?! А что, если у него мало чувства?!... Что тогда!

Раввинъ съ своей стороны самъ это тоже понималъ; поэтому онъ утромъ выпилъ десятокъ яицъ, не бралъ никакой пищи, заткнулъ ротъ утиральникомъ и вырабатывалъ голосъ [3]).

Вечеромъ раввинъ исполнилъ свой пробный концертъ великолѣпнѣйшимъ образомъ—и Сѣченовцы до того насытились его пѣніемъ, что никто не дотронулся до субботней вечерней трапезы. Оставалось только опредѣлить свое раввинское достоинство. Нужно было въ субботу послѣ обѣда произнесть въ синагогѣ рѣчь.

Рѣчь была произнесена.

«Боже мой! восклицаетъ лѣтописецъ по поводу этой рѣчи,—чего въ ней не было, о чемъ не было говорено! Какая глубина, острота, величіе, могущество и благочестіе!..... И Сѣченовцамъ суждено имѣть подобнаго раввина!» Сѣченовцы разсудили слѣдующіе вопросы: Если бы этотъ раввинъ былъ только однимъ раввиномъ, не канторомъ и не рѣзникомъ, то и тогда можно-бы его принять; если бы онъ былъ даже только однимъ канторомъ, то и тогда бы для насъ достаточно; будь онъ наконецъ однимъ рѣзникомъ и не больше, то и тогда съ насъ довольно. Если-же всѣ подобныя качества соединены въ одномъ человѣкѣ, мы его должны принять всѣми руками, онъ для насъ настоящее сокровище. Судьба сѣченовскаго раввина была рѣшена. Ребъ Менделе, зять Пешеса, сдѣлался Сѣченовскимъ раввиномъ на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Раввинъ обязанъ исполнять всѣ, относящіяся къ раввинской обязанности, дѣла; кромѣ того въ Великую Субботу (Суббота предъ пасхой), въ Субботу покаянія (Суббота предъ суднымъ днемъ) и въ новый годъ онъ обязанъ произносить рѣчи.

([1]) Женщины обыкновенно дарятъ свое старое шелковое платье на оболочки заповѣдямъ и на занавѣсы для кивота, гдѣ хранятся заповѣди.

[2]) Тойра то же что святыя заповѣди. Обыкновенно начало и конецъ писанія заповѣдей сопровождается праздникомъ и каждый старается купить себѣ букву слова начинающагося начальной буквой его имени (онѣ продаются съ публичнаго торга) и тутъ же вписываются въ его присутствіи въ заповѣдь, съ его рукоприложеніемъ, т. е. взявъ перо въ руки, онъ затѣмъ передаетъ его сойферу для записи. Это имѣетъ своего рода значеніе.

[1]) Точеніе ножа считается дѣломъ не легкимъ у рѣзника. Остріе ножа должна быть такъ ровно выточено, что когда проводишь ногтемъ по острію, то чтобы не замѣтно было ни одной щербинки,—и чѣмъ больше развито это осязаніе у рѣзника, чтобы отыскивать незамѣтныя для другихъ неровности, тѣмъ лучшимъ рѣзникомъ онъ считается.

[2]) Нѣкоторыя даже легкія поврежденія въ организмѣ животнаго дѣлаютъ его негоднымъ для употребленія въ пищу евреями. Однимъ изъ самыхъ худшихъ поврежденій считается дырочка или другое поврежденіе въ легкихъ; поэтому обыкновенно легкія сильно надуваются воздухомъ чрезъ гортань, при чемъ ихъ сильно ударяютъ рукой, чтобы они лучше расправлялись и надувались. Если легкія выдерживаютъ напоръ воздуха, то животное считается здоровымъ и годнымъ въ пищу. Если на легкихъ иногда случается наростъ кожицы, то эта кожица называется *сирхой;* снять ее осторожно, не задѣвая кожи легкихъ, считается весьма труднымъ дѣломъ и искусствомъ рѣзника,—безъ этого мясо быка не можетъ быть употреблено въ пищу.

[3]) Заткнуть ротъ чѣмъ-нибудь и кричать—считается однимъ изъ вспомогательныхъ средствъ къ улучшенію голоса.

2) Каждую субботу послѣ обѣда обязанъ читать въ синагогѣ лекціи Медриша (легендарный отдѣлъ талмуда).

3) По обязанностямъ, относящимся къ кантору, онъ долженъ прилагать величайшее стараніе по обработкѣ своего голоса; обязанъ изобрѣтать новыя мелодіи и не скупиться вообще на пѣніе.

4) По всѣмъ годовымъ праздникамъ онъ обязанъ совершать богослуженіе, кромѣ того ежемѣсячно разъ въ субботу вечеромъ, и вообще не запрещается ему совершать богослуженіе и въ другое время.

5) По обязанностямъ рѣзника онъ долженъ съ величайшею осмотрительностью рѣзать скотъ и птицъ.

6) И ко всему этому не щадить своего старанія и трудовъ для пользы всего общества.

Со стороны общества были слѣдующія условія:

1) Кромѣ всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ по всѣмъ вышеизложеннымъ обязанностямъ, за должность раввина ему платится еженедѣльно по одному рублю съ доходовъ бани.

2) Доходы со свадьбъ и обрѣзаній также принадлежатъ ему.

3) Особеннаго жалованья за обязанность кантора не полагается, кромѣ 3-хъ рублей за каждый годовой праздникъ и другихъ побочныхъ доходовъ по этой должности.

4) Жалованья за должность рѣзника не полагается. Съ каждой крупной скотины онъ получаетъ 20 коп., 2 фунта грудины, одну толстую кишку съ жиромъ. Съ теленка и другой мелкой скотины по 10 копѣекъ; съ крупныхъ птицъ по 3 коп. а въ мѣсяцахъ Октябрѣ и Ноябрѣ по одной лапкѣ и головкѣ со штуки; съ мелкой птицы по одной копѣйкѣ.

(Продолженіе будетъ).

Намѣстникъ Царства польскаго, генералъ-фельдмаршалъ, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ.

Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ, потомокъ старинной дворянской фамиліи, родился въ маѣ 1794 года въ Лифляндіи, на мызѣ Шлосъ-Загницѣ. Окончивъ образованіе въ Дерптскомъ университетѣ, онъ въ мартѣ 1812 года поступилъ юнкеромъ въ Либавскій пѣхотный полкъ. Вторженіе непріятеля въ предѣлы Россіи давало молодому человѣку возможность въ военномъ отношеніи образовать себя и подготовить карьеру. Принадлежа къ отряду, назначенному для обороны Риги, находившейся тогда въ осадномъ положеніи, Бергъ, спустя $4^1/_2$ мѣсяца послѣ опредѣленія своего на службу, за отличіе въ дѣлахъ былъ произведенъ въ офицеры. Командующій войсками, тогдашній генералъ-губернаторъ Риги, Эссенъ 1-й, по малочисленности находившихся у него войскъ, долженъ былъ ограничиваться только отрядными дѣйствіями, въ которыхъ состоявшій при немъ молодой прапорщикъ Бергъ въ самое короткое время успѣлъ выказать свои военныя способности. Отличившись въ сраженіяхъ при Санкт-Анненѣ, Валсундо и въ особенности Даленкирхѣ,—гдѣ Бергу было дано особенно важное порученіе провести отрядъ вбродъ черезъ Двину, отъ чего зависѣлъ весь успѣхъ этого дѣла,—онъ былъ отправленъ съ личнымъ донесеніемъ объ этомъ къ Императору Александру I-му, и 26 іюля того же года былъ лично удостоенъ Государемъ производства въ подпоручики, съ переводомъ въ Свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Когда, мѣсяцъ спустя, прибылъ въ Ригу вспомогательный корпусъ графа Штейнгеля, Бергъ получилъ приказаніе состоять при немъ и участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ дѣлахъ съ 14 по 18 сентября. При отступленіи непріятеля изъ предѣловъ Россіи, Бергъ сначала находился въ авангардѣ генерала Ловиза, а потомъ былъ посланъ съ небольшимъ отдѣльнымъ отрядомъ преслѣдовать отступавшаго непріятеля. Пользуясь наступившими сильными холодами и малою бдительностію непріятельскихъ карауловъ, Бергъ съ однимъ казакомъ успѣлъ проникнуть черезъ деревни, занятыя польскими войсками, и открыть сообщеніе своему отряду съ передовыми войсками корпуса графа Витгенштейна. Въ первую половину кампаніи 1813 года, Бергъ былъ въ летучихъ партизанскихъ отрядахъ генералъ-адъютанта Кутузова, генерала Тетенборна и полковника Бенкендорфа и принималъ участіе во всѣхъ тѣхъ подвигахъ, въ которыхъ горсть храбрыхъ разбивала въ тылу непріятельской арміи шедшія къ ней подкрѣпленія, отбивала обозы, брала города и крѣпости. Такъ, Бергъ былъ при занятіи Кенигсберга, Берлина, въ стычкахъ подъ Гейльсбергомъ и Цолленшпикеромъ и при занятіи Гамбурга, а перейдя черезъ Эльбу, участвовалъ въ дѣлахъ подъ Левенденомъ, Ротенбургомъ и при защитѣ Гамбурга и Бергендорфа. Послѣ перемирія и движенія нашей арміи на Дрезденъ, Бергъ находился въ сраженіи при этомъ городѣ, и участвовалъ съ 10 августа по 6 сентября въ 14 авангардныхъ и аріергардныхъ дѣлахъ, за отличіе въ которыхъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 ст. съ бантомъ. Вслѣдъ затѣмъ, Бергъ былъ назначенъ состоять офицеромъ генеральнаго штаба, въ корпусѣ графа Витгенштейна, при авангардномъ начальникѣ графѣ Паленѣ 3-мъ, съ которымъ участвовалъ въ дѣлахъ при Альтенбургѣ, Фрейбургѣ и Бернѣ, послѣ чего находился въ знаменитомъ трехъ-дневномъ бою подъ Лейпцигомъ, во время котораго имѣлъ отъ своего начальства многія важныя порученія, а затѣмъ участвовалъ въ преслѣдованіи французовъ до Рейна и въ блокадѣ крѣпости Фальцбурга. Чинъ поручика былъ наградою за отличіе Берга въ этой кампаніи. Въ 1814 году, послѣ Бріенскаго сраженія, Бергъ былъ произведенъ въ штабсъ-капитаны и участвовалъ въ сраженіяхъ при Мери, Ножанѣ, Провансѣ, Баръ-сюръ-Обѣ, Троа, Фершампенуазѣ и Парижѣ. За отличія въ этихъ дѣлахъ, Бергъ былъ награжденъ золотою шпагою съ надписью «за храбрость» и орденомъ св. Анны 2-й степени.

По возвращеніи въ Россію, капитанъ Бергъ служилъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, но послѣ продолжительнаго заграничнаго отпуска, значительную часть котораго посвятилъ военному обозрѣнію Турціи и Балканскаго хребта, произведенъ въ полковники,—и по собственному желанію, для большаго простора въ служебной дѣятельности, переведенъ въ полевой генеральный штабъ.

Скучая мирнымъ затишьемъ и чувствуя наклонность къ дипломатическому поприщу, полковникъ Бергъ, по особому Высочайшему повелѣнію, вскорѣ былъ назначенъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ съ переименованіемъ въ коллежскіе совѣтники. Находясь при русскихъ посольствахъ въ Мюнхенѣ, Римѣ и Неаполѣ, оно за отличіе былъ произведенъ въ статскіе совѣтники; но въ 1822 году, Государь, по ходатайству тогдашняго генералъ-квартирмейстера главнаго штаба князя Волконскаго, желая даровать

генеральному штабу одного изъ способнѣйшихъ его офицеровъ, изволилъ повелѣть снова переименовать Берга въ полковники съ назначеніемъ въ квартирмейстерскую часть.

Въ то время наши юговосточныя границы, тревожимыя нападеніями хищныхъ Хивинцевъ и Киргизовъ, побудили наше правительство принять болѣе энергическія мѣры для ихъ обороны. Въ этихъ видахъ, полковникъ Бергъ былъ троекратно посылаемъ въ Киргизъ-Кайсацкую степь начальникомъ экспедицій противъ разбойничьихъ шаекъ, наносившихъ немаловажный вредъ нашей торговлѣ,—и за двѣ экспедиціи въ 1823 и 1824 годахъ, оконченныя съ полнымъ успѣхомъ, награжденъ орденами св. Владиміра 3 ст. и св. Анны 2 ст. съ алмазами. Отправленная туда же, подъ его начальствомъ, въ слѣдующемъ году, третья экспедиція, кромѣ упомянутой цѣли, имѣла еще назначеніемъ изслѣдовать край между Каспійскимъ и Аральскимъ морями. Послѣ пятимѣсячной, весьма тяжелой, зимней экспедиціи, оконченной съ полнымъ успѣхомъ, полковникъ Бергъ за отличіе произведенъ въ генералъ-маіоры; но вслѣдъ затѣмъ, въ день коронаціи Императора Николая въ Москвѣ, переименованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, назначенъ камергеромъ Высочайшаго Двора и зачисленъ въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по поводу усилившихся несогласій съ Турціею, которыя тогда уже грозили войною, Бергъ, какъ изучавшій тотъ край и предназначавшійся для этого театра войны, былъ назначенъ вторымъ совѣтникомъ нашего посольства при Оттоманской портѣ. Въ этомъ званіи онъ пробылъ въ Константинополѣ съ января по октябрь 1827 года, а по возвращеніи въ Петербургъ, былъ снова переименованъ въ генералъ-маіоры, прикомандированъ къ Свитѣ Его Величества и назначенъ состоять при главной квартирѣ Государя Императора.

Въ 1828 году, по случаю возгорѣвшейся войны съ Турціею, Бергъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ 2-й арміи. Въ этой должности онъ своимъ знаніемъ края много содѣйствовалъ успѣху нашихъ войскъ, за что, а въ особенности за распорядительность и мужество въ дѣлахъ 16 и 17 іюля при кр. Шумлѣ, награжденъ орденомъ св. Анны 1-й ст. Въ 1829 году, будучи назначенъ состоять для особыхъ порученій при главнокомандующемъ 2 арміи, Бергъ командовалъ въ траншеяхъ войсками, назначенными для осады крѣпости Силистріи; завѣдывалъ самъ осадными работами; не разъ разбивалъ турокъ при ихъ вылазкахъ, а наконецъ вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ княземъ Горчаковымъ былъ уполномоченъ условиться о сдачѣ этой крѣпости, послѣдовавшей 18 іюня. За отличную распорядительность и храбрость въ теченіе этой осады, генералъ Бергъ удостоился ордена св. Георгія 3-го класса. По сдачѣ Силистріи, генералъ Бергъ, по приказанію главнокомандующаго графа Дибича, прибылъ въ главную квартиру подъ Шумлу и въ должности генералъ-квартирмейстера способствовалъ славному переходу нашей арміи черезъ Балканскія горы, послѣ чего участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ, а равно при взятіи крѣпости Адріанополя, гдѣ и находился до самаго заключенія мира. За отличіе въ этой кампаніи, Бергъ былъ награжденъ св. Владиміра 2-й ст. Въ началѣ 1830 года, подъ его начальствомъ была произведена съемка части Румыніи и подробная инструментальная съемка береговъ рѣки Камчика и сѣверо-восточной части Балканскихъ горъ. По возвращеніи 2 арміи въ предѣлы Россіи, Бергъ, по случаю размѣщенія ея войскъ въ составѣ 1-й арміи, былъ уволенъ за границу. Во время своего пребыванія въ Италіи, узнавъ что въ царствѣ польскомъ открылся мятежъ, онъ просился въ ряды дѣйствующей арміи и получилъ на то Высочайшее соизволеніе. Прибывъ въ началѣ 1831 года на границу Имперіи въ г. Радзивиловъ, Бергъ узналъ о вторженіи мятежниковъ въ Волынскую губернію, немедленно явился въ корпусъ генерала Ридигера и участвовалъ въ преслѣдованіи корпуса Дверницкаго, который 15 апрѣля, будучи припертъ къ Австрійской границѣ, нашими войсками былъ вогнанъ въ Галицію; при чемъ генераломъ Ридигеромъ возложено было на Берга порученіе вести переговоры съ Австрійскимъ правительствомъ касательно обезоруженія корпуса Дверницкаго, что и было исполнено съ совершеннымъ успѣхомъ; за таковыя заслуги Бергъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны съ Императорскою короною. По укрощеніи мятежа въ Волынской и Подольской губерніяхъ, генералъ Бергъ, 4-го мая, прибылъ въ главную квартиру графа Дибича подъ Жуковымъ и 7-го числа того же мѣсяца былъ посланъ съ 1-ю Гренадерскою дивизіею для означенія мѣста переправы черезъ р. Бугъ для главныхъ силъ нашей арміи, слѣдовавшихъ на выручку гвардіи, аттакованной главными силами поляковъ подъ начальствомъ Скржинецкаго. По совершеніи этой переправы, Бергъ командовалъ частію авангарда и разбилъ непріятеля при дер. Пыски. Въ то время, когда главныя наши силы вели на мятежниковъ фронтальную аттаку при движеніи къ Остроленкѣ, 10 мая, главнокомандующій поручилъ генералу Бергу съ тремя кирасирскими полками обойти непріятельскій флангъ и отрѣзать ему отступленіе къ м. Чижеву, что и было исполнено имъ самымъ блестящимъ образомъ. Непріятель, отказавшійся положить оружіе, былъ опроки-

Графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ.

Рисовалъ Н. Волковскій, гравировалъ И. Матюшинъ.

нутъ, разсѣянъ рѣшительною атакою кирасиръ и потерялъ одно орудіе. Затѣмъ, начальствуя авангардомъ арміи, генералъ Бергъ преслѣдовалъ непріятеля, настигъ его 13 мая подъ д. Кусково и гналъ за м. Пыски до полуночи. 14 мая, по присоединеніи авангарда къ арміи, находясь съ двумя полками пѣхоты и батареею артиллеріи въ головѣ передовой колонны генерала графа фонъ-деръ-Палена, Бергъ первымъ открылъ непріятеля въ лѣсу, лежащемъ по дорогѣ между д. Замосць и Скуржель, выбилъ его оттуда штыками, а потомъ преслѣдуя по пятамъ, прибылъ съ своими полками къ г. Остроленкѣ; по перекладинамъ моста подъ картечными выстрѣлами переправился черезъ р. Наревъ; завладѣлъ 2 непріятельскими орудіями, которыя обстрѣливали этотъ мостъ, и въ продолженіи 10 часовъ удерживалъ занятую имъ за насыпью шоссе позицію противъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля, отразивъ 6 атакъ, произведенныхъ всею линіею мятежниковъ и взявъ у нихъ въ плѣнъ 2 генераловъ. Послѣ Остроленской битвы, въ которой на долю генерала Берга выпала самая видная роль, фельдмаршалъ графъ Дибичь поручилъ ему состоять при генералѣ отъ кавалеріи графѣ Витте, который тогда командовалъ главнымъ авангардомъ арміи и имѣлъ у себя значительный отрядъ кавалеріи. Тутъ постигла смерть графа Дибича, и Бергъ оставался при Витте до прибытія фельдмаршала графа Паскевича. Послѣ перехода черезъ Вислу, графъ Витте и Бергъ вели передовую чаасть арміи, которая шла черезъ Ловичь, Балимовъ къ Надаржину. Во время этого движенія, Бергъ съ тремя кавалерійскими полками и конною батареею, атаковалъ непріятельскій отрядъ въ составѣ 3 баталіоновъ пѣхоты, батареи артиллеріи и 2 эскадроновъ, вышедшихъ изъ Варшавы до дер. Бронише, окружилъ его и взялъ въ плѣнъ, такъ что ни одинъ человѣкъ не могъ спастись, чтобы дать знать въ Варшаву объ участи, постигшей отрядъ — за каковой подвигъ Бергъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству.

25 августа, въ день штурма Варшавы, Бергъ былъ посланъ главнокомандующимъ съ тремя полками пѣхоты штурмовать южную часть укрѣпленія Воли, которую невозможно было предварительно разбить артиллерійскимъ огнемъ. По взятіи штурмомъ этого укрѣпленія, въ то время, какъ президентъ революціоннаго правительства, генералъ Круковецкій выѣхалъ для переговоровъ съ фельдмаршаломъ, — Бергъ вмѣстѣ съ графомъ Толемъ участвовалъ въ этомъ свиданіи и начерталъ условія сдачи. Когда, по непринятію этихъ условій революціоннымъ правительствомъ, битва на другой день возгорѣлась снова, Бергъ вызвался, съ присланнымъ вновь изъ Варшавы парламентеромъ, объѣхать всѣ русскія и польскія линіи. Исполнивъ это во время приступа, среди безпрерывнаго жестокаго пушечнаго и ружейнаго огня съ обѣихъ сторонъ, генералъ-адъютантъ Бергъ прибылъ въ Варшаву—и не заключая никакой конвенціи, успѣлъ склонить генерала Круковецкаго покориться безусловно на милость Государя Императора, а предводителя мятежнической арміи, графа Малаховскаго, сдать Варшаву, мостъ на Вислѣ и Прагу. По случаю нарушенія мятежниками этой покорности и учрежденія въ Закрочимѣ новаго революціоннаго правительства, отвергнувшаго письменное обѣщаніе Круковецкаго и Малаховскаго, Бергъ былъ снова посылаемъ главнокомандующимъ для переговоровъ съ ними. Произведенный за отличіе въ сраженіяхъ въ генералъ-лейтенанты съ назначеніемъ генералъ-квартирмейстеромъ дѣйствующей арміи, генералъ-адъютантъ Бергъ, съ 15 по 14 сентября, участвовалъ въ преслѣдованіи остатковъ польской арміи до прусской границы и вогнаніи ихъ въ прусскія владѣнія.

Послѣ покоренія Польши, оставаясь 12 лѣтъ въ званіи генералъ-квартирмейстера дѣйствующей арміи, Бергъ успѣлъ придать всѣмъ частямъ своего управленія новую дѣятельность, а геодезическимъ работамъ болѣе обширные размѣры. Въ теченіи этого времени, генералъ Бергъ получилъ ордена: Бѣлаго орла, Прусскаго Краснаго орла 1 ст., св. Александра Невскаго, а также маіоратъ въ Августовской губерніи и табакерку, украшенную бриллiантами съ портретомъ Его Величества. Произведенный 10 октября 1843 года въ генералы отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ Бергъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Величества и за оказанныя имъ на этомъ поприщѣ заслуги награжденъ алмазными знаками св. Александра Невскаго.

Въ 1846 и 1848 годахъ, онъ имѣлъ нѣсколько важныхъ дипломатическихъ порученій, за успѣшное выполненіе которыхъ удостоился получить бриллiантовый перстень съ портретомъ Его Величества и награжденъ орденомъ св. Владиміра 1 ст.

Въ 1849 году, когда вслѣдствіе революціи въ Австрійскихъ владѣніяхъ и самой Вѣнѣ, Императоръ Францъ-Іосифъ просилъ Государя Николая Павловича о помощи, Бергъ былъ посланъ Его Величествомъ въ Вѣну для того, чтобы обсудить тогдашнее состояніе Австрійскаго правительства и изыскать тѣ мѣры, которыя могли бы спасти эту имперію.

По исполненіи этого порученія, во время свиданія обоихъ монарховъ въ Варшавѣ, императоръ Николай рѣшилъ вопросъ о поддержаніи Австрійской имперіи и начерталъ планъ кампаніи противъ мятежныхъ Венгровъ. По обоюдному же соглашенію обоихъ императоровъ, генералу Бергу было поручено слѣдить за точнымъ исполненіемъ утвержденнаго обоими монархами плана кампаніи и содѣйствовать этому устраненіемъ недоразумѣній между союзными войскамп и направленіемъ ихъ къ общей цѣли.

По окончаніи венгерской кампаніи и отличномъ исполненіи Бергомъ возложеннаго на него порученія, императоръ Францъ-Іосифъ, въ полной признательности за оказанныя заслуги, украсилъ его орденомъ св. Стефана 1 ст. и возвелъ въ графскій титулъ Австрійской имперіи, а государь Николай I пожаловалъ ему золотую шпагу, украшенную алмазами, съ надписью «за походъ въ Венгрію въ 1849 году». Одновременно съ этимъ, отъ короля Нидерландскаго Бергъ получилъ орденъ Нидерландскаго Льва 1-й ст.

Вступивъ затѣмъ въ занимаемую имъ должность генералъ-квартирмейстера главнаго штаба, генералъ Бергъ обратилъ особое вниманіе на топографическія работы и статистическое описаніе всей Имперіи, за что ежегодно удостоивался лестной признательности Его Величества, а въ 1852 году былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта.

При возникшемъ послѣ того, по поводу Турціи, разрывѣ съ морскими державами, генералъ Бергъ, съ оставленіемъ въ прежней должности, былъ назначенъ командующимъ войсками, назначенными для обороны Эстляндіи, и въ короткое время, даже въ виду непріятельскаго флота, блокировавшаго Ревельскую гавань, успѣлъ укрѣпить ее такъ, что командовавшій англійскимъ флотомъ адмиралъ Непиръ не отважился сдѣлать на нее нападенія, въ чемъ онъ самъ сознался въ своей рѣчи въ Гамбургѣ по окончаніи этого періода кампаніи.

Такое блестящее исполненіе генераломъ Бергомъ возложенной на него обязанности обратило на него особое вниманіе государя, который предоставилъ его дѣятельности иной болѣе важный постъ, назначивъ его финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками въ этомъ краѣ. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь, Бергъ вполнѣ оправдалъ довѣріе Государя и такъ усилилъ оборону крѣпости Свеаборга, Гельсингфорской оборонительной позиціи, что непріятельскій флотъ, подъ начальствомъ адмирала Дундаса, долженъ былъ ограничиться лишь бомбардированіемъ съ отдаленнаго разстоянія и затѣмъ, не причинивъ собственно укрѣпленіемъ ни какого вреда, отступить безъ результата. За распорядительность и мужество, оказанное при обороны Финляндіи, Императоръ Александръ II изволилъ наградить Берга орденомъ св. Апостола Андрея Первозваннаго съ мечами, а годъ спустя, въ день коронаціи въ Москвѣ, возвелъ его въ графское достоинство Великаго Княжества Финляндскаго.

По окончаніи войны, оставаясь въ званіи генералъ-губернатора этого края, графъ Бергъ будучи посланъ Государемъ въ Стокгольмъ съ личнымъ порученіемъ къ вступившему тогда на Шведскій престолъ Карлу XV, получилъ отъ Его Величества орденъ св. Серафима 1 степени, а годъ спустя, присутствуя въ Стокгольмѣ на коронаціи этого государя—алмазные знаки того же ордена. 8-го ноября 1861 года, графъ Бергъ былъ уволенъ отъ должности финляндскаго генералъ-губернатора, при чемъ за заслуги, оказанныя имъ въ теченіи 7-ми лѣтняго управленія этимъ краемъ, награжденъ алмазными знаками ордена св. Андрея Первозваннаго.

Недолго однако графъ Бергъ, послѣ усиленныхъ трудовъ, пользовался спокойствіемъ; возникшіе безпорядки въ Царствѣ польскомъ вскорѣ вызвали его къ новой дѣятельности въ этомъ краѣ.

Назначенный намѣстникомъ Царства и главнокомандующимъ тамъ войсками, графъ Бергъ вскорѣ подавилъ мятежъ, за каковыя заслуги въ 1864 году награжденъ портретомъ Его Величества, украшеннымъ алмазами, для ношенія въ петлицѣ, а 23 октября 1866 года возведенъ въ званіе генералъ-фельдмаршала, получивъ передъ тѣмъ отъ Прусскаго короля орденъ Чернаго орла съ бриллiантами, а послѣ того отъ короля Эллиновъ орденъ Спасителя 1-й степени, и отъ Австрійскаго императора—орденъ св. Стефана большаго креста съ бриллiантами.

Вотъ краткій перечень заслугъ, оказанныхъ фельдмаршаломъ графомъ Бергомъ въ 17-ти кампаніяхъ, во время его блестящей службы отечеству въ теченіи трехъ достопамятныхъ царствованій.

Молитвенникъ моей жены.

(Съ англійскаго).

(Окончаніе).

Мой защитникъ всталъ. Онъ спросилъ свидѣтеля, не по одному ли только звуку голоса рѣшилъ онъ, что это былъ я.

— Нѣтъ, я видѣлъ его и въ лицо; въ это время взошелъ мѣсяцъ и облилъ свѣтомъ весь бакъ, возразилъ свидѣтель.—Мѣсяцъ свѣтилъ такъ ярко, что нельзя было ошибиться.

Его отпустили, а вмѣсто него призвали его товарища, рыжеволосаго человѣка съ блѣднымъ лицомъ, маленькими свиными глазками, бѣлыми рѣсницами и однимъ изъ тѣхъ некрасивыхъ носовъ, которые какъ будто бы разсѣчены на кончикѣ какимъ-то острымъ инструментомъ.

— Я сидѣлъ, расказывалъ онъ,—на выдающейся части бака. Матросы спали; не спали только мы двое: я и мой товарищъ. Тутъ я увидѣлъ, какъ на бакъ пришолъ покойный вмѣстѣ съ арестантомъ; они сильно спорили по поводу ссоры, которая произошла между ними за нѣсколько часовъ передъ этимъ. Я увидѣлъ, какъ арестантъ взмахнулъ мѣдной скобой, ударилъ ею Пигера по головѣ и бросилъ его, когда онъ зашатался, за бортъ. Я слышалъ, какъ онъ упалъ, слышалъ плескъ разступившихся волнъ—и такъ испугался, что не могъ издать никакого звука. Опомнившись нѣсколько, я подползъ по тихоньку къ моему товарищу, который былъ испуганъ не меньше моего, и мы сговорились молчать. Какое намъ было дѣло до Пигера!

— Предлагали ли вы вашему товарищу продать современемъ ваше молчаніе за хорошія деньги? спросилъ мой защитникъ.

— Да, вѣдь я уже говорилъ вамъ, что Пигеръ былъ для насъ совершенно посторонній человѣкъ.

— Не чувствовали ли вы, что вы были обязаны объявить объ этомъ въ судъ?

— Это зачѣмъ? Да еслибъ мы хоть только заикнулись объ этомъ, то капитанъ не спускалъ бы съ насъ глазъ до самаго окончанія переѣзда, а по выходѣ на берегъ насъ принудили бы оставаться гдѣ нибудь вблизи судебнаго мѣста, вмѣсто того чтобы гулять на свободѣ а потомъ отправиться въ Техасъ,—и за все это намъ давали бы много-много что по одному доллару въ день. Нѣтъ, если кто нуждается въ моихъ показаніяхъ передъ судомъ, то пусть заплатитъ за нихъ приличную цѣну.

— Говорили вы кому нибудь въ теченіи всѣхъ этихъ лѣтъ объ этомъ происшествіи?

— Нѣтъ, я потерялъ арестанта изъ виду и мало по малу забылъ всю эту исторію. Я былъ на югѣ, на золотомъ берегу, гдѣ изъ-за одного какого-нибудь человѣка не станутъ такъ хлопотать какъ здѣсь.

— По какому же побужденію дѣлаете вы теперь свои показанія?

— Я прочелъ объявленіе и разсудилъ, что могу заработать себѣ тысячу долларовъ.

— Кому вы прежде всего разсказали объ этомъ дѣлѣ?

— Разумѣется, брату покойнаго. Онъ обѣщалъ намъ вдвое больше этого денегъ, если намъ удастся изобличить арестанта.

На галлереѣ зрителей послышались восклицанія негодованія, которыя прекратились только послѣ нѣсколько разъ возобновленныхъ приказаній молчать.

— Вспомните, сказалъ судья строгимъ голосомъ,—что вы присягали и сказали, что смертельный ударъ нанесенъ арестантомъ...

— Я очень ясно видѣлъ его, какъ уже и говорилъ, когда мѣсяцъ освѣтилъ его лицо. Было полнолуніе—и на морѣ было свѣтло, какъ днемъ.

Этого человѣка отпустили, приказавъ ему однакоже остаться вмѣстѣ съ товарищемъ въ передней до окончанія засѣданія.

Генералъ-прокуроръ, улыбающійся человѣкъ пріятной наружности, началъ свою рѣчь. Онъ бросилъ еще разъ взглядъ на все дѣло, представилъ всѣ подробности, налегая въ особенности на несчастную ссору. Не приписывая мнѣ въ сущности злаго умысла—такъ какъ, говорилъ онъ, на это нѣтъ никакихъ доказательствъ, — онъ тѣмъ не менѣе находилъ очень естественнымъ, что она должна была взволновать и разсердить меня, и заключилъ свою рѣчь обращеніемъ къ присяжнымъ, приглашая ихъ взвѣсить все это по совѣсти и не забывать, что хотя это темное преступленіе и скрывалось цѣлые годы и хотя кости убитаго конечно уже истлѣли, тѣмъ не менѣе факты такъ положительны, какъ будто-бы обезображенное смертными судоргами лицо убитаго только-что промелькнуло передъ ними,—какъ будто бы, ошеломленный сильнымъ ударомъ, онъ только-что грохнулся въ волны, простирая холодныя руки съ безмолвной просьбой о правосудіи и возмездіи безчеловѣчному убійцѣ.

Онъ умолкъ и сѣлъ опять на свое мѣсто. Наступила мертвая тишина. Всѣ взоры обратились на меня—и я ощутилъ что-то въ родѣ того, какъ будто бы я въ самомъ дѣлѣ виноватъ. Краснорѣчивое изложеніе, только что слышанное мною, почти убѣдило меня, что въ минуту умственнаго помраченія я совершилъ это ужасное дѣло, самъ не сознавая того.

Тутъ всталъ мой защитникъ. Онъ говорилъ все, что только можно было сказать. Онъ настаивалъ въ особенности на долголѣтнемъ молчаніи обоихъ свидѣтелей, на сомнительныхъ свойствахъ этихъ людей, на той репутаціи, какою я пользуюсь въ Бостонѣ. Онъ приглашалъ присяжныхъ обратить вниманіе на то, что только-что выслушанныя ими показанія вызваны надеждою на значительное вознагражденіе и напомнилъ имъ о множествѣ случаевъ, когда показанія подобнаго рода оказывались, только къ сожалѣнію слишкомъ поздно, ложными. Онъ говорилъ строго, съ жаромъ; онъ сдѣлалъ все, что только могъ, но еще задолго до того, какъ онъ кончилъ и президентъ всталъ, я чувствовалъ, я зналъ, что... я осужденъ.

Президентъ разсмотрѣлъ еще разъ каждый отдѣльный фактъ. Онъ говорилъ спокойно, безстрастно, пока не дошелъ до разсужденія о томъ, какъ долго скрывалось это преступленіе отъ правосудія; но тутъ и онъ также вспыхнулъ. Онъ оживился; онъ изобразилъ невозможность нераскрытаго преступленія въ странѣ, управляемой закономъ и правосудіемъ, которые рано или поздно съумѣютъ открыть преступника. Онъ повидимому самъ увлекся тѣмъ жаромъ, съ какимъ говорилъ и, окончивъ свою рѣчь, сѣлъ на свое мѣсто съ видомъ побѣдителя, увѣреннаго въ своемъ тріумфѣ. Присяжные оставили залу суда, чтобы посовѣтоваться между собою.

Я былъ словно въ безпамятствѣ, а между тѣмъ слышалъ съ страшною ясностію каждое слово этой длинной рѣчи. Совершенно машинально поднялъ я глаза и сталъ смотрѣть, что дѣлается вокругъ меня. Тутъ вдругъ я почувствовалъ на себѣ взоръ прекрасной молодой дѣвушки, сидѣвшей въ галлереѣ зрителей, какъ разъ надъ мѣстомъ президента. Она и смотрѣла на меня и не смотрѣла; она какъ будто-бы смотрѣла черезъ меня на что-то, находившееся внѣ меня. Мои глаза встрѣтились съ ея глазами, которые были полны слезъ, и очарованіе рушилось; она опустила опушенные длинными рѣсницами вѣки. Безмолвная симпатія принесла мнѣ невыразимое утѣшеніе. Я не могъ не взглянуть на нее еще разъ. Она вздрогнула, поблѣднѣла и опустилась на стулъ, съ котораго встала для того, чтобъ нагнувшись впередъ взглянуть на меня. Но это длилось не болѣе минуты; тутъ вдругъ она сдернула съ себя перчатки, вынула карандашъ и книгу, имѣвшую видъ молитвенника, оперлась на балюстраду и стала писать на первомъ листѣ этой книгѣ какое-то, какъ мнѣ показалось, исчисленіе. Прилежно, безъ устали, не переставая, двигалась по поверхности бумаги рука ея, въ то время какъ она забыла все, что окружало ее. Словно привлеченный магическою силою, наблюдалъ я за нею. Прошло четверть часа; тутъ она спрятала карандашъ въ карманъ, перечла еще разъ все написанное, закрыла книгу и—взглянула на меня внизъ. Чудная улыбка освѣтила ея лицо; ея губы шевельнулись, словно прошептали слово: «надѣйся!»

Она встала со стула и силилась пройти галлерею, биткомъ набитую зрителями, которые ѣли, пили, разговаривали между собою, словно мой допросъ и приговоръ были нарочно-устроеннымъ для ихъ удовольствія спектаклемъ. Прошло нѣсколько минутъ, тутъ молодая дѣвушка вошла въ залу, переговорила съ приказнымъ служителемъ, который подвелъ ее къ моему защитнику. Она сказала ему нѣсколько словъ и показала на то, что написала на первой страницѣ своего молитвенника; онъ измѣнился въ лицѣ и вскочилъ отъ испуга со стула. Я облокотился на перила «палаты бѣдныхъ грѣшниковъ», гдѣ я сидѣлъ, и слышалъ явственно, какъ онъ воскликнулъ: «Боже мой! какъ я могъ забыть это!—Садитесь, миссъ, и ободритесь!»

Эта сцена возбудила всеобщее вниманіе, которое еще болѣе увеличилось, когда, по приказанію моего защитника, приказный служитель прошелъ черезъ залу и сейчасъ послѣ этого явился президентъ. Онъ сѣлъ на свое мѣсто; все замолкло.

— Я счелъ своею обязанностью, началъ мой защитникъ,—поступить такимъ необыкновеннымъ образомъ, потому-что мнѣ только-что сдѣлано сообщеніе, которое можетъ сдѣлаться чрезвычайно важнымъ для моего кліента,—и я прошу васъ, господинъ президентъ, вызвать сюда господъ присяжныхъ изъ комнаты совѣщаній, для того чтобы выслушать это сообщеніе прежде окончательнаго рѣшенія.

— Вы просите совершенно небывалаго, господинъ адвокатъ, возразилъ президентъ.

— Согласенъ съ этимъ, но необыкновенныя обстоятельства требуютъ этого. Сообщеніе, которое будетъ имъ сдѣлано, можетъ совершенно измѣнить положеніе дѣла. Я знаю, чего я требую и принимаю на себя отвѣтственность за послѣдствія.

— Я посовѣтуюсь съ моими товарищами и увѣдомлю васъ.

Президентъ вышелъ изъ зала.

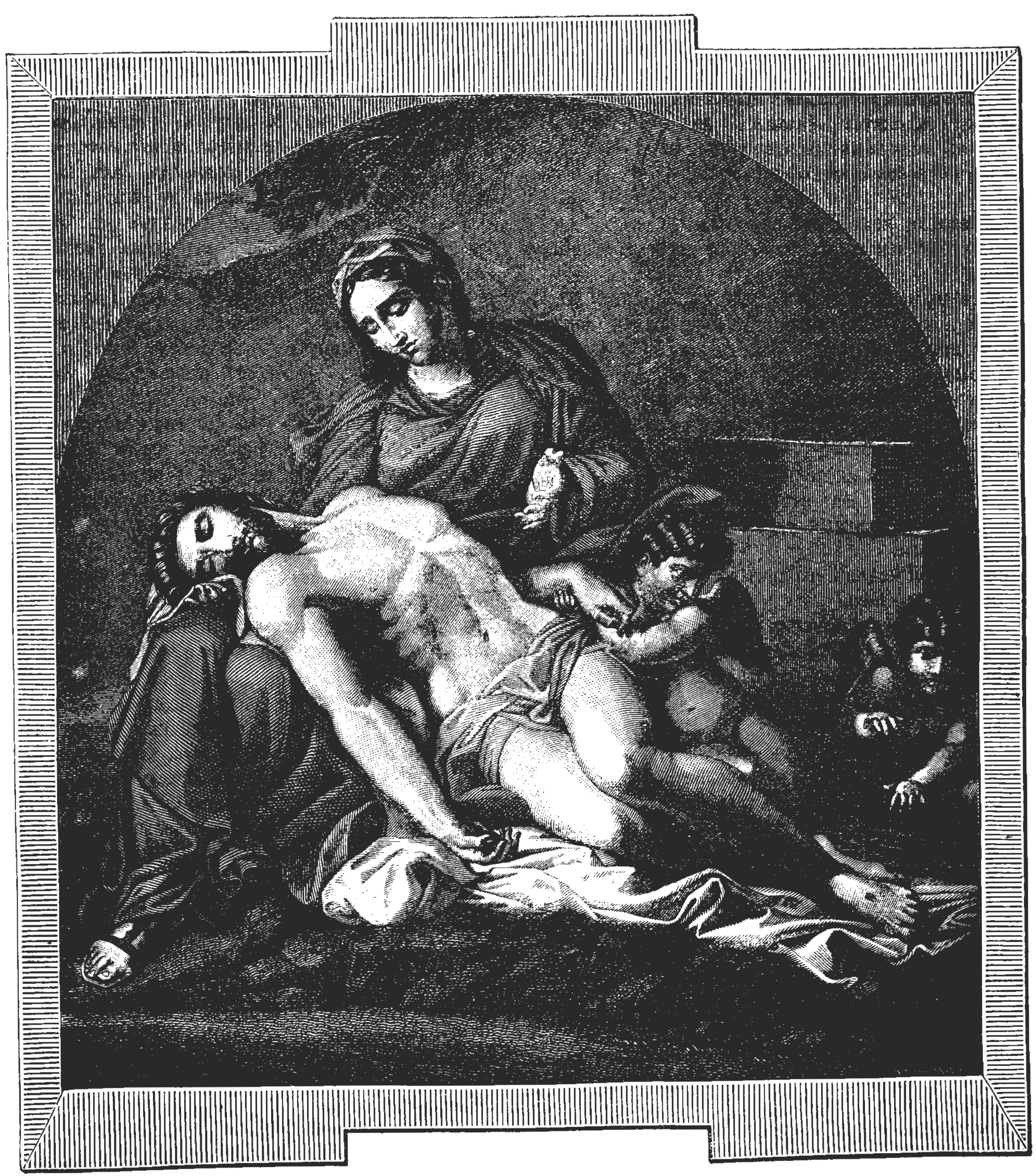
Что могло быть общаго между молодою дѣвушкою (которая сидѣла такая блѣдная и спокойная подлѣ моего защитника и была совершенно чужда мнѣ) и мною и моею судьбою? Я припоминалъ все свое прошедшее, вызвалъ въ своей памяти всѣ когда либо знакомыя мнѣ лица—ея не было между ними. Нѣтъ, я не ошибся, я никогда не видалъ ее до этого.

Какъ долго, какъ страшно тянулось для меня время! Я какъ бы прожилъ въ это короткое время цѣлые годы,—годы полные истощающихъ душевныхъ движеній и роковыхъ событій. Неподвижно сидѣлъ я на «скамьѣ бѣдныхъ грѣшниковъ», терзаемый какимъ-то безъименнымъ безпокойствомъ. Что я вытерпѣлъ во всю свою жизнь вплоть

до этой минуты и что мнѣ довелось вытерпѣть впослѣдствіи—все это ничто въ сравненіи съ мукою этихъ часовъ.

Разсыльные уходили и приходили. Мой пріятель, полицейскій чиновникъ, привезшій меня въ Нью-Іоркъ, былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ. Прежде всего онъ принесъ толстую книгу *in quarto*, которую мой защитникъ и молодая дѣвушка перелистовывали вмѣстѣ до тѣхъ поръ,

— Я совѣтовался съ прочими господами судьями, сказалъ онъ, обращаясь къ моему защитнику,—принимая во вниманіе настоящія обстоятельства, вамъ предоставляется, за вашей *собственной* отвѣтственностью, призвать назадъ присяжныхъ; но прежде, позвольте напомнить вамъ, что подобный поступокъ съ вашей стороны можетъ повредить вамъ въ качествѣ адвоката.



Погребеніе Христа.

Съ Картины Анибала Карачи, рисовалъ на деревѣ Карлони, гравировалъ Паннемакеръ. (См. стр. 427).

пока наконецъ не нашли на одной страницѣ того, чего желали. Оба казались довольными и повеселѣвшими. Затѣмъ онъ привелъ какого-то господина, очевидно зажиточнаго купца, поставилъ его передъ моимъ защитникомъ, и тутъ-то наконецъ раздалось приказаніе: «тише!»

Появился опять президентъ суда и сѣлъ на свое мѣсто.

— Я все таки настаиваю на своемъ требованіи, возразилъ мой адвокатъ.

Президентъ отдалъ приказаніе—и приказный служитель отправился въ комнату для совѣщаній. Присяжные возвратились. Нескрываемое удивленіе, которое было выказано ими, придавало имъ видъ только-что проснувшихся людей.

— Господа присяжные, началъ президентъ,—господинъ защитникъ желаетъ, чтобы вы, прежде окончательнаго рѣшенія, выслушали еще одно показаніе, которое, по его мнѣнію, чрезвычайно важно и необходимо. Вы, господа присяжные, конечно не придадите ему ненужнаго значенія, хотя оно и является въ формѣ какого-то необыкновеннаго сюрприза.

Онъ произнесъ эти послѣднія слова съ особеннымъ выраженіемъ. По пробѣжавшей по его лицу тѣни можно было догадываться о дурномъ расположеніи духа, которое овладѣло имъ.

— Андрей Мюллеръ! сказалъ адвокатъ.

Приказный служитель удалился, для того чтобъ возвратиться въ сопровожденіи одного изъ свидѣтелей. Мой защитникъ попросилъ позволенія сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ.

— Вы сказали подъ присягою, началъ онъ,—что вы узнали арестанта и что вы видѣли, какъ онъ нанесъ смертный ударъ.

— Да, я видѣлъ его такъ же ясно, какъ теперь. Въ это время было полнолуніе, какъ я уже говорилъ; какъ же могъ бы я ошибиться?

— Не было ли на пароходѣ кого нибудь, кто былъ бы похожъ на арестанта ростомъ, фигурой или одеждой?

— Нѣтъ; да еслибъ и такъ, я уже говорилъ вамъ, что видѣлъ его и узналъ.

Призвали другаго свидѣтеля.

— Вы говорили передъ этимъ, что видѣли ясно, какъ арестантъ нанесъ смертный ударъ своему противнику, и что вы узнали его.

— Вполнѣ. Я видѣлъ его такъ же ясно, какъ теперь.

— Какова была ночь?

— Мѣсячная, я видѣлъ ясно все, до послѣдняго предмета, я уже говорилъ это.

— Не было ли кого нибудь на пароходѣ, кто былъ бы похожъ на арестанта?

— Нѣтъ.

— Сколько вообще человѣкъ было на пароходѣ?

— Двадцать три, какъ я уже говорилъ.

— И между этими двадцатью тремя не было ни одного, который былъ бы похожъ на арестанта ростомъ, фигурой или одеждой?

— Ни одного. Да и кромѣ того въ это время было полнолуніе и я видѣлъ его въ лицо; я присягнулъ въ этомъ, какъ вамъ извѣстно; ошибка тутъ невозможна.

— Вы можете идти.—Миссъ Леонора Галль!

Незнакомая молодая дѣвушка, которая все это время сидѣла подлѣ моего адвоката, встала и заняла мѣсто передъ стуломъ для свидѣтелей.

— Вы Леонора Галль?

— Да.

— Ваше званіе?

— Учительница въ институтѣ господина Фильдинга.

— Знакомы ли вы съ арестантомъ?

— Нѣтъ.

— Не были ли вы знакомы съ покойнымъ Пигеромъ?

— Нѣтъ.

— Что вы имѣете сказать?

— Я внимательно слушала происходившіе переговоры. Показанія противъ арестанта основывались, какъ мнѣ кажется, на тождествѣ его личности, которая могла быть подтверждена только тѣмъ что его видѣли, и мнѣ показалось, что прежде всего нужно изслѣдовать: *можно ли было его видѣть.* Я сдѣлала исчисленіе, копія съ котораго находится теперь у господина защитника. По росписанію праздничныхъ дней въ моемъ молитвенникѣ, который былъ при мнѣ, пасхальное полнолуніе, по которому опредѣляется праздникъ пасхи, приходилось въ 1854 году 12 апрѣля. Періодъ времени отъ одного полнолунія до до другого заключаетъ двадцать девять дней, двѣнадцать часовъ и сорокъ четыре минуты. Если на 12 апрѣля приходилось полнолуніе, то оно должно было приходиться на 11 іюня, 9 іюля и 8 августа, а такъ какъ новолуніе наступаетъ въ серединѣ луннаго періода, состоящаго изъ двадцати восьми дней и двѣнадцати часовъ, то и выходитъ, что пятнадцать дней спустя послѣ полнолунія 8 августа, слѣдовательно 23 августа, арестанта *нельзя было видѣть*, потому-что—*мѣсяца тогда вовсе не было.*

Мертвая тишина царствовала въ залѣ въ то время, какъ молодая дѣвушка говорила, и нѣсколько минутъ послѣ того, какъ она кончила; а потомъ раздались радостные крики, отъ которыхъ задрожалъ домъ. Люди, до сихъ поръ почти совершенно незнакомые между собою, пожимали другъ другу руки, смѣялись и плакали. Мой защитникъ подошелъ ко мнѣ съ поздравленіями. Въ продолженіи пяти минутъ въ залѣ суда былъ такой гвалтъ, что нельзя было разобрать даже своихъ собственныхъ словъ.

Молодая дѣвушка, слова которой возбудили эту бурю, сидѣла спокойно и неподвижно подлѣ моего адвоката. Яркая краска залила ея лицо и опять уступила мѣсто блѣдности, которою оно было покрыто передъ этимъ.

Наконецъ спокойствіе возстановилось. Президентъ всталъ.

— Нѣтъ ли у васъ, спросилъ онъ у защитника,—какихъ нибудь другихъ доказательствъ, кромѣ росписанія праздничныхъ дней изъ молитвенника молодой лэди и сдѣланныхъ ею исчисленій. Эти послѣднія нуждаются въ подтвержденіи.

— У меня есть морской календарь на 1854, и я могу при помощи его доставить необходимое подтвержденіе. Не угодно ли вамъ убѣдиться самимъ, что сдѣланное исчисленіе правильно и что ночью 23 августа не было полнолунія.

— Не считаетъ ли господинъ адвокатъ противной стороны, спросилъ президентъ, — дальнѣйшій допросъ свидѣтельницы, сдѣлавшей это исчисленіе, излишнимъ?

— Совсѣмъ нѣтъ, господинъ президентъ. Прежде, чѣмъ я приступлю къ этому допросу, я долженъ просить о томъ, чтобы привести свидѣтельницу къ присягѣ.

Блѣдное личико молодой дѣвушки опять покрылось яркой краской, которая тотчасъ же исчезла. Мой адвокатъ нагнулся къ ней и прошепталъ нѣсколько словъ, вѣроятно для того чтобъ ободрить ее, послѣ чего она спокойно подошла къ стулу для свидѣтелей и повторила твердо и отчетливо, съ очевиднымъ благоговѣніемъ, прочитанную ей форму присяги.

— Теперь отвѣчайте мнѣ подъ присягою—знакомы ли вы съ арестантомъ? такъ начался допросъ.

— Нѣтъ.

— Зачѣмъ пришли вы сегодня сюда?

— Мнѣ давно уже хотѣлось посмотрѣть на судопроизводство этого рода, какъ вдругъ я услыхала о сегодняшнемъ разбирательствѣ — и меня поразила фамилія арестанта. Это фамилія одного изъ самыхъ дорогихъ и близкихъ друзей моего покойнаго отца—и я думала, что нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, чтобы тотъ, кто носитъ ее теперь, былъ родственникомъ этого друга.

— А что вы думаете теперь, когда вы увидали его?

— Я готова считать его за очень близкаго родственника, даже пожалуй за сына друга моего отца,—такъ похожъ онъ на тотъ портретъ, который достался мнѣ отъ моего отца.

— Знали ли вы, какія будутъ тутъ дѣлаться показанія противъ арестанта?

— Нѣтъ, я пришла точь въ точь такъ же, какъ и прочіе зрители.

— Вы можете идти, миссъ, сказалъ президентъ, въ то время какъ адвокатъ отступилъ назадъ.—Примите благодарность отъ имени всего присутствія и господъ присяжныхъ.

Она встала и вышла изъ залы. Проходя мимо меня, она взглянула на меня взоромъ, полнымъ участія. Я вздохнулъ отъ всего сердца и мысленно благодарилъ ее, ибо чувствовалъ, что я свободенъ.

Мой бывшій спутникъ, полицейскій чиновникъ, подошелъ къ стулу для свидѣтелей, ведя за собою новаго свидѣтеля—господина, который показался мнѣ, какъ я сказалъ выше, купцомъ.

— Мнѣ нужно сдѣлать показаніе, которое касается настоящаго случая, господинъ президентъ.

Президентъ приказалъ привести его къ присягѣ.

— Ваше дѣло богато сюрпризами, сказалъ онъ моему защитнику.

— Да, господинъ президентъ, но чрезвычайно пріятными, возразилъ этотъ послѣдній.

— Что имѣли вы сказать? спросилъ стряпчій свидѣтеля.

— Я здѣшній ювелиръ и часовщикъ—и полагаю, что часовая цѣпочка вмѣстѣ съ привѣшенными къ ней брелоками, которая надѣта на человѣкѣ по имени Андрей Мюллеръ, сдѣлана мною для покойнаго, передъ отправленіемъ его въ Европу.

— Поклянетесь ли вы въ этомъ?

— Да, если только мнѣ позволятъ сперва взглянуть поближе на цѣпочку.

Андрея Мюллера привели. Когда ювелиръ дотронулся до цѣпочки, этотъ человѣкъ вздрогнулъ, какъ будто бы его укололи,—и лицо его исказилось такъ, что его почти нельзя было узнать.

— Это та самая цѣпочка и часы, сказалъ ювелиръ,—я готовъ поклясться десять разъ, если только это будетъ нужно.

Меня освободили. Присяжные не сочли даже нужнымъ удаляться въ комнату для совѣщаній, а черезъ нѣсколько дней я узналъ, что оба товарища сознались. Они совершили убійство вмѣстѣ и раздѣлили между собою часы съ цѣпочкою и значительную сумму денегъ, состоявшую въ ассигнаціяхъ, которыя носилъ при себѣ покойный. Одинъ изъ убійцъ забылъ, передъ отправленіемъ въ судъ, снять съ себя часы и цѣпочку—это одинъ изъ тѣхъ, такъ часто встрѣчающихся въ лѣтописяхъ уголовныхъ дѣлъ, примѣровъ тому, что люди принявшіе повидимому всевозможныя предосторожности для избѣжанія подозрѣній, выпускаютъ изъ виду именно самое главное.

Я заболѣлъ воспаленіемъ мозга, грозившимъ отнять у меня только-что подаренную мнѣ жизнь. Долго лежалъ я въ безпамятствѣ. Прошли дни и недѣли, прежде чѣмъ я ощутилъ какое-то неясное чувство того, что за мною ухаживаютъ самымъ старательнымъ образомъ. Когда же наконецъ въ моемъ омраченномъ умѣ вспыхнула первая искра сознанія, то я подумалъ что или я сошелъ съ ума или же очутился на небѣ между ангелами. Да и не ангелъ ли была та, которая сидѣла въ ногахъ моей постели съ блѣднымъ кроткимъ лицомъ, которое такъ неизгладимо напечатлѣлось въ моемъ сердцѣ въ самыя тяжелыя минуты моей жизни? Не ангеломъ ли была для меня та, которая спасла меня отъ позорнаго приговора, отъ казни преступниковъ,—та, которой я обязанъ тѣмъ что могу еще видѣть себѣ подобныхъ? Да, молодая дѣвушка, явившаяся тогда моей благодѣтельницей, опять сжалилась надо мною—сыномъ друга ея отца—когда *мой* пріятель, полицейскій чиновникъ, описалъ ей мое безпомощное состояніе,—и стала вмѣстѣ съ нимъ ухаживать за мною. И Господь Богъ благословилъ это доброе дѣло. Я выздоровѣлъ, хоть и не скоро,—и очень естественно, что нашими сердцами овладѣла любовь,—любовь, которая переходитъ за предѣлы земной жизни и длится въ вѣчности, которая не разбираетъ моего и твоего, потому что соединяетъ все въ одномъ и все получаетъ.

Прошли годы. Мы давно уже обвѣнчались. Несчастье мнѣ принесло счастье—счастье цѣлой жизни. Но и въ радости и въ горѣ, въ веселье и грустные часы, читаемъ мы вмѣстѣ молитвы и почерпаемъ утѣшеніе и силу—въ молитвенникѣ моей жены.

Погребеніе Христа.

(Снимокъ съ картины Аннибала Карачи).

Аннибалъ Карачи—одинъ изъ членовъ того знаменитаго семейства итальянскихъ живописцевъ, которое вывело на путь прогресса искуство, все болѣе и болѣе падавшее въ Италіи въ теченіи 60 лѣтъ.

Этотъ художникъ, который можетъ считаться главнымъ основателемъ Болонской школы, родился въ Болоньѣ въ 1560 г. и отправлялъ сначала ремесло портнаго. Выросши въ обществѣ людей самаго нисшаго класса, онъ, вмѣстѣ съ потребностію къ болѣе благороднымъ и утонченнымъ наслажденіямъ, утратилъ также и стремленіе къ наукѣ и поэтическое чувство. Онъ и его старшій братъ Агостино, который былъ совершенно противоположенъ ему въ этомъ отношеніи, долго соперничали между собою и завидовали другъ другу, въ особенности послѣ того какъ картезіанцы отдали предпочтеніе картинѣ Агостино: «причащеніе св. Іеронима» передъ работами всѣхъ прочихъ соискателей, въ томъ числѣ и Аннибала. Аннибалъ началъ свое художественное образованіе подъ руководствомъ своего двоюроднаго брата Лодовико Карачи, а потомъ, начиная съ 1580 г., изучалъ въ продолженіи трехъ лѣтъ, въ Пармѣ, образцовыя произведенія Корреджіо и до такой степени усвоилъ себѣ стиль этого художника, что даже Тиціанъ, котораго онъ изучалъ въ Римѣ, не могъ произвести на него особеннаго вліянія. Гораздо болѣе подѣйствовали на него въ этомъ отношеніи картины Паоло Веронезе, роскошью своихъ красокъ, а еще болѣе произведенія Аллегри, своею глубиною. Когда Карачи прибылъ въ 1600 г., по приглашенію кардинала Фарнезе, въ Римъ, то его стиль уже до такой степени усовершенствовался, что онъ нуждался только въ изученіи анти-

ковъ для очищенія своего вкуса. Карачи изучилъ ихъ, но вскорѣ сталъ держаться больше Рафаэля и Микель Анджело. Впрочемъ Карачи не достигъ ни до одного изъ своихъ образцевъ, но соединивъ искуснымъ образомъ въ своихъ картинахъ особенно яркія преимущества этихъ послѣднихъ, онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ кто-либо изъ его современниковъ. Правильностію рисунка онъ превзошелъ даже Рафаэля; но его фигуры представляютъ собою, большею частію, лишь академическія модели; истиннаго выраженія жизни, характера и граціи въ нихъ нѣтъ. Самое высокое понятіе о художественныхъ достоинствахъ Карачи могутъ дать работы, совершенныя Аннибаломъ, его братомъ и ихъ учениками для дома Фарнезе. Аннибалъ трудился надъ ними въ продолженіи 8 лѣтъ. На сводчатыхъ потолкахъ и на поляхъ обѣихъ большихъ арокъ представляются вамъ: торжество Бахуса и Аріадны, исторія Галатеи и Кефала, Аврора, потомъ Юнона съ поясомъ Венеры, Діана и Эндиміонъ, Геркулесъ у Іолы, Венера съ Анхизомъ и множество другихъ небольшихъ картинъ миѳологическаго содержанія. Это произведеніе было встрѣчено необыкновенными, даже преувеличенными похвалами, только не со стороны самихъ Фарнезе, которые предложили за него Карачи 500 талеровъ. Это послѣднее обстоятельство чрезвычайно раздражило художника, что и было причиною его преждевременной смерти въ 1609 г.

Кромѣ этого большаго труда, Карачи оставилъ много масляныхъ картинъ. Во время Наполеона I во Францію перешло 30 картинъ работы Карачи (въ томъ числѣ и Успеніе Божіей Матери), а по возвращеніи увезенныхъ въ 1817 г. сокровищъ искуства Каррачи, много превосходныхъ картинъ этого художника находится въ картинныхъ галлереяхъ въ Вѣнѣ и Берлинѣ, другія разсѣяны по Англіи. Нѣсколько прекрасныхъ произведеній его находятся у насъ въ эрмитажѣ, въ томъ числѣ Христосъ и Самаритянка и три ландшафта. Много другихъ встрѣчаются въ различныхъ церквахъ и галлереяхъ, какъ въ Италіи, такъ и за границею. Въ заключеніе упомянемъ о превосходныхъ фрескахъ въ фарнезскомъ дворцѣ въ Пармѣ. Аннибалъ Карачи работалъ также и на мѣди. Первыя работы отъ 1581—82 г. превосходно награвированы и имѣютъ сходство съ работами Агостино. Его гравюры помѣчены буквами А. С. или его именемъ и чрезвычайно цѣнятся за превосходную отдѣлку и изящество исполненія; его фарнезійская галлерея извѣстна также посредствомъ эстамповъ, изданныхъ подъ различными названіями.

Картина: погребеніе Христа, снимокъ съ которой прилагается при этомъ № Нивы, отличается всѣми достоинствами и недостатками свойственными кисти этого знаменитаго художника.

Московская политехническая выставка,

Москва 25 іюня. (Спеціальная корреспонденція «Нивы»).

Успѣхи современнаго естествознанія, важное значеніе его многообразныхъ приложеній въ промышленности, всѣ улучшенія въ матеріальныхъ условіяхъ жизни, открытія и изобрѣтенія, составляющія гордость нашего времени — все это слишкомъ наглядно, слишкомъ бросается въ глаза, для того чтобы не быть признаннымъ болѣе или менѣе безспорно, по крайней мѣрѣ въ теоріи, образованными представителями современнаго общества. Далеко не то и часто совершенно противоположное встрѣчаемъ мы въ жизни, чуть дѣло касается практики. Многіе ли изъ нашихъ заводчиковъ, техниковъ, садоводовъ, скотоводовъ и сельскихъ хозяевъ ясно сознаютъ, что ихъ дѣятельность есть только примѣненіе выводовъ чистаго знанія, основанное на научныхъ средствахъ и зависящее отъ той степени совершенства, которой достигла наука въ своихъ фактическихъ и теоретическихъ основахъ? На дѣлѣ, такъ-называемые практики смотрятъ на теоретиковъ съ большимъ недовѣріемъ, если не совсѣмъ свысока, и эта рознь между теоріей и практикой до сихъ поръ еще служитъ однимъ изъ сильнѣйшихъ тормазовъ, задерживающихъ правильное и успѣшное развитіе промышленности—особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ преобладаютъ сравнительно-малая образованность и самодовольное невѣжество, привыкшее встрѣчать легкомысленной усмѣшкой все новое, выходящее изъ тѣснаго круга его скудныхъ свѣдѣній.

Представители чистой науки уже давно сознавали, что на нихъ лежитъ обязанность разъяснить практикамъ пользу ознакомленія съ основными положеніями науки въ производствахъ и промыслахъ. Но только современной наукѣ удалось наглядно, осязательно показать эту пользу, доступно самому непросвѣтленному уму. Техническія общества и публичные курсы для практиковъ много поизгладили эту рознь; общества акклиматизаціи установили постоянный обмѣнъ взглядовъ людей науки и практики; наконецъ всемірныя выставки, хотя и чисто промышленныя по цѣли, но общеобразовательныя на дѣлѣ, ведутъ къ тому же. Громадныя международныя выставки, осуществленныя впервые въ Англіи (1851 г.), составляютъ въ настоящее время одно изъ самыхъ дѣйствительно средствъ къ распространенію общеполезныхъ научныхъ промышленныхъ знаній въ народной массѣ. По точнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, число посѣтителей четырехъ послѣднихъ выставокъ доходитъ до 27,000,000 человѣкъ, а экспонентовъ до 117 тысячъ,—слѣдовательно кромѣ распространенія изобрѣтеній, имѣющихъ полезное примѣненіе въ промышленности и торговлѣ, выставки служили научно-образовательною школою для 27-мильонной массы. Любознательную толпу манила возможность увидѣть на ограниченномъ пространствѣ живую картину разнообразнѣйшихъ техническихъ производствъ, въ полномъ ходу, съ объясненіями экспонентовъ. Сиденгамскій дворецъ въ Лондонѣ, послѣдняя всемірная Парижская выставка, нѣкоторые техническіе музеи, Сельскохозяйственный музей министерства государственныхъ имуществъ въ Петербургѣ съ успѣхомъ проводили это направленіе,—и сочувствіе, которое они встрѣчали, свидѣтельствуетъ о существующемъ въ публикѣ насущномъ интересѣ къ предметамъ и вопросамъ изъ области прикладнаго естествознанія.

Императорское общество любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи, при самомъ учрежденіи своемъ поставившее себѣ задачей распространеніе естественно-научныхъ свѣдѣній въ массѣ публики и народа, руководствуясь тѣмъ что наглядное обученіе составляетъ самый вѣрный и прямой путь для укорененія всякаго рода свѣдѣній, также признало за лучшее для достиженія этой цѣли— устройство выставокъ. Первая устроенная имъ въ 1867 г., русская этнографическая выставка, вызвавъ быстрый и значительный наплывъ необходимаго для нея матеріала и

удовлетворивъ назначенію—популяризаціи этнографическихъ и антропологическихъ знаній, оставила послѣ себя коллекціи, которыя стали основаніемъ для обширнаго и постояннаго этнографическаго музея, съ Высочайшаго разрѣшенія наименованнаго Дашковскимъ. Ободренное этими успѣхами, Общество возъимѣло мысль устроить другую выставку, еще болѣе относящуюся къ его цѣли, а именно выставку предметовъ прикладнаго естествовѣдѣнія, политехническую выставку, имѣющую основною задачей: наглядно показать непрерывную, естественную и необходимую связь существующую между чистыми науками естествознанія и тѣми многоразличными приложеніями, для которыхъ основой служатъ эти науки, а матеріалъ доставляется произведеніями трехъ царствъ природы. Составленіемъ такой наглядной коллекціи продуктовъ со всѣми ихъ примѣненіями въ жизни, промышленности, хозяйствѣ, медицинѣ и искусствахъ,—Общество желало съ одной стороны удовлетворить требованіямъ публики, а съ другой—значительно пополнить образовательныя средства, существующія въ Москвѣ.

Главная цѣль выставки—показать естественную связь чистой науки съ приложеніями—рѣзко отдѣляетъ выставку Общества отъ промышленныхъ, сельскохозяйственныхъ и всемірныхъ выставокъ. Задача этихъ послѣднихъ состоитъ главнымъ образомъ въ состязаніи между экспонентами и въ наглядной картинѣ степени того совершенства, котораго достигли промышленность или сельское хозяйство въ данныхъ странахъ. Задача политехнической выставки—показать въ своихъ коллекціяхъ, насколько отдѣльныя отрасли естествознанія принесли свои выводы на пользу человѣка, до какого совершенства и разнообразія дошли приложенія этихъ выводовъ, и наконецъ насколько сами приложенія стоятъ въ зависимости отъ чистаго знанія и какія основныя положенія служатъ, научнымъ фундаментомъ для той или другой отрасли этихъ приложеній.

Политехническая выставка для промышленности—въ нѣкоторой степени то же что университетъ для наукъ; только для удовлетворенія потребностямъ промышленности нужно знакомство съ наукою болѣе подручное, такъ чтобы и для смышленаго рабочаго наука была доступна въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ она необходима для мастерства. Этой цѣли вполнѣ удовлетворяетъ политехническая выставка, на которой наглядка несравненно выше и поучительнѣй чѣмъ на заводѣ или въ мастерской, гдѣ рабочій видитъ только одинъ способъ производства, да и то не вполнѣ а по частямъ. Смѣтливый мастеръ или предприниматель изучитъ здѣсь полный курсъ своего мастерства со всѣми новѣйшими его усовершенствованіями, а главное—ознакомится съ научными основаніями своего производства и тѣмъ самымъ пріобрѣтетъ способность самостоятельно двигать его впередъ, отрѣшась отъ рутины. Не менѣе важное значеніе можетъ имѣть выставка и для того слоя публики, который по своему воспитанію носитъ названіе образованнаго, такъ какъ она даетъ возможность въ короткое время усвоивать массу свѣдѣній необходимыхъ всякому цивилизованному человѣку.

Не скрывая отъ себя громадности своей задачи и трудности ея выполненія, Общество учредило въ средѣ своей особый комитетъ, который въ одномъ изъ первыхъ засѣданій своихъ пришелъ къ заключенію, что выставка должна состоять изъ двухъ отдѣловъ: естественно-историческаго и политехническаго. Въ первомъ отдѣлѣ (распадающимся на секціи: зоологическую, ботаническую, минералогическую и геологическую) должны находиться произведенія трехъ царствъ природы, ихъ продукты, геологическіе

Московская политехническая выставка.

Видъ съ противуположнаго берега Москвы-рѣки. **Военный и Морской отдѣлы.** Рисов. Н. Каразинъ, гравир. И. Матюшинъ.

разрѣзы, орудія для горныхъ работъ, коллекціи, промысловые снаряды (рыболовныя снасти и проч.). Во второмъ отдѣлѣ (распадающемся на коммиссіи физическую, технологическую и сельскохозяйственную), назначенномъ для ознакомленія публики съ полезными приложеніями физико-химическихъ наукъ, должны помѣщаться инструменты, приборы и препараты, машины, электро-магнитные снаряды и проч.

При обсужденіи устройства и плана выставки, признано необходимымъ устроить ее въ Кремлевскомъ саду, который по центральному положенію въ городѣ, удобенъ для посѣщенія публикой и, представляя значительную поверхность, дѣлаетъ возможнымъ устраненіе тѣсноты и устройство особыхъ павильоновъ, присобленныхъ каждый къ своей цѣли. Что же касается времени открытія выставки, общество сочло нравственною обязанностью соединить его съ двухъсотлѣтнею памятью о Петрѣ Великомъ, положившемъ основаніе мануфактурной и фабричной промышленности и по справедливости считаемомъ творцомъ нашего народнаго хозяйства.

На громадномъ пространствѣ раскинулась Московская политехническая выставка и нѣтъ такой точки, съ которой, разомъ, можно бы было окинуть взоромъ всѣ многочисленныя, разнообразныя группы ея затѣйливыхъ построекъ. Для тѣхъ, кто бывалъ въ Москвѣ, кто знаетъ сколько нибудь главныя ея части,—довольно сказать, что выставка занимаетъ сплошь весь полутора-верстный Александровскій садъ, всю набережную Москвы рѣки противъ Кремля и чуть не половину послѣдняго, отъ Боровицкихъ до Спасскихъ воротъ. Если мы прибавимъ ко всему этому громадное зданіе Московскаго манежа, тоже занятаго выставкой, то не трудно будетъ понять, что врядъ-ли найдется такой неутомимый скороходъ, который бы въ одинъ день успѣлъ бы обѣжать всю выставку и составить себѣ объ ея деталяхъ хотя сколько нибудь приблизительное понятіе. Я, по крайней мѣрѣ, посѣщалъ выставку нѣсколько дней сряду, пока успѣлъ оріентироваться настолько, чтобъ начать спокойный, систематическій обзоръ всего выставленнаго.

Набережка Москвы-рѣки (та часть выставки, которая изображена на нашемъ рисункѣ) занята морскимъ, военнымъ и желѣзно-дорожнымъ отдѣлами и составляетъ наиболѣе интересную часть, въ которой, особенно въ морскомъ, съ утра и до закрытія выставки, толпится многочисленная публика. Да и правду сказать, есть что посмотрѣть, особенно для тѣхъ, кто знаетъ море и его диковины только по наслышкѣ.

Зданіе морскаго отдѣла построено изъ желѣза и стекла: оно все прозрачно кромѣ только нижнихъ частей стѣнъ—иначе ослѣпительный свѣтъ, врываясь отовсюду, до того бы пестрилъ общій видъ и частности, что невозможно было бы спокойно разсматривать не только многочисленныя картины морскихъ сраженій и другихъ эпизодовъ изъ исторіи нашего флота, но даже остальные предметы морскаго дѣла.

Начинается морской отдѣлъ носовою частью купеческаго корабля. Это не модель, дающая только понятіе о томъ, что можно ожидать въ натурѣ,—это сама натура. Вся постройка произведена основательно, прочно и въ точныхъ размѣрахъ; рангоутъ и такелажъ фокъ-мачты и бугшприта красиво рисуются въ воздухѣ своими хитро-пересѣкающимися линіями; прочныя лѣстницы ведутъ на верхнюю палубу, гдѣ посѣтители могутъ подробно разсматривать переднія каюты, устройство шпиля и другія подробности. Услужливые и предупредительные матросы готовы удовлетворить любознательность каждаго.

Далѣе начинается само стеклянное зданіе, въ центрѣ котораго, на самомъ видномъ мѣстѣ красуется на возвышеніи *Дѣдушка Русскаго Флота* подъ Императорскимъ штандартомъ, охраняемымъ двумя часовыми матросами; иногда ихъ смѣняютъ рослые гренадеры, въ преображенскихъ костюмахъ временъ Петра Великаго. На другомъ концѣ зданія красуется средняя часть военнаго корвета съ гротъ-мачтою и каютами офицеровъ и лазаретными. Затѣмъ тянется безконечное зданіе военныхъ мастерскихъ, некрасивое снаружи, но до нельзя интересное по своему содержанію. Сопѣніе локомобиля и разнообразная стукотня, свистъ и визгъ, покрываютъ говоръ толпы.

Здѣсь посѣтитель можетъ прослѣдить производство всего, что только относится къ военному дѣлу, начиная отъ выдѣлки подошвъ для солдатскаго сапога и кончая громадными стальными пушками новѣйшихъ системъ. Сперва тянутся мастерскія интендантскія, потомъ орудійныя, за ними патронныя; лѣвѣе, ближе къ откосамъ кремлевскихъ спусковъ—мастерскія Тульскихъ и Сестрорѣцкихъ оружейныхъ заводовъ и павильонъ Алафузова—армейскихъ полотенъ. Въ отдѣльномъ строеніи павильонъ Акчуриной—издѣлій суконной фабрики; наконецъ желѣзнодорожный отдѣлъ. Сейчасъ-же за мастерскими, мимо воронинской квасоварки, пройдя ресторанъ 3 класса, публика подымается по отлогамъ аппарелямъ на Николаевскую площадь кремля къ отдѣлу Севастопольскому, перевязочнымъ пунктамъ и военному музею.

Напечатанный въ этомъ померѣ видъ выставки, съ противуположнаго берега Москвы-рѣки, снятъ съ натуры и на немъ видны: весь морской отдѣлъ, зданія военныхъ мастерскихъ—и на первомъ планѣ начало вновь строющагося понтоннаго моста (теперь онъ уже выстроенъ и красивою прямою лентою соединяетъ оба берега рѣки). На заднихъ планахъ рисуются—купола кремлевскихъ соборовъ, Московскій дворецъ и разнообразные шпили старинныхъ башень.

Прилагая къ этому очерку задачъ и цѣлей политехнической выставки снятый изъ-за Москвы-рѣки видъ ея съ двумя богатѣйшими павильонами—морскаго и военнаго отдѣловъ—мы предоставляемъ себѣ подробнѣе побесѣдовать о нихъ въ слѣдующемъ нумерѣ.

(Продолженіе будетъ).

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Протестъ С.-Петербургскихъ псовъ противъ г. Скабичевскаго. — Альфа и Омега русской жизни по мнѣнію его. — Литературные желудки.

Сударыня! что вы мнѣ прикажете отвѣчать на слѣдующее письмо, которое я недавно получилъ? Вотъ его содержаніе: „Милостивый государь, L'homme qui rit! Мы нижеподписавшіеся, псы г. С. Петербурга и его окрестностей, обращаемся именно къ вамъ, такъ какъ намъ вѣдомо, что вы хорошо знаете наше собачье от-

родье, хорошо знакомы съ нашими нравами и знаете, что мы совсѣмъ не такія вредныя животныя, какъ предподполагаютъ, и что самое большое наказаніе, которое мы заслуживаемъ—это палка. Палка это самое лучшее средство противъ всѣхъ провинившихся животныхъ, но мы никакъ не заслуживаемъ той участи, на которую осуждаетъ насъ г. Скабичевскій, критикъ Отеч. Зап. (мы собаки, народъ чуткій, прислушиваемся къ требованіямъ времени, слѣдимъ за литературой и очень сочувственно относимся къ уважаемому нами журналу Отеч. Зап. Въ особенности намъ нравится его направленіе). Подумайте сами: по словамъ г. Скабичевскаго, каждый русскій человѣкъ, *что бы онъ ни дѣлалъ* (даже пишущій статьи для Отеч. Зап.), *что бы онъ ни думалъ*,—въ концѣ концовъ долженъ идти топить нашу братью. А такъ какъ, мы думаемъ, что въ Россіи насчитается истинно русскихъ около 50 миліоновъ (этотъ вопросъ, собственно говоря, еще не разрѣшенъ: а именно, подходятъ-ли сюда всѣ русскіе подданые, или одни только коренные русскіе), то представьте себѣ, что можетъ статься въ продолженіе одного года съ нашей бѣдной собачьей породой! за что-же, спрашивается, мы заслужили такую горькую участь? Положимъ, по мнѣнію г. Скабичевскаго, русскій человѣкъ не можетъ взяться за дѣло; но въ чемъ-же виноваты мы, бѣдные псы, въ чемъ виноваты наши дѣти? Если бываютъ русскіе олухи, которые уничтожаютъ нашего брата, то они потому-то и русскіе олухи, а не русскіе люди,— и изъ этого еще не должно выводить, что русскимъ людямъ слѣдуетъ брать примѣръ съ русскихъ олуховъ. И чего это хочетъ отъ насъ Александръ Михайловичъ? Вѣдь такихъ примѣровъ поголовнаго истребленія нѣтъ въ исторіи. Положимъ даже, что одинъ изъ нашихъ недостойныхъ братьевъ своимъ лаемъ и мѣшалъ г. Скабичевскому писать его глубокомысленныя статьи, но вѣдь онъ навѣрно былъ наказанъ по своей заслугамъ. Наконецъ, вѣдь семья не безъ урода. Но что бы изъ заодного пострадали всѣ!—это уже чрезъ чуръ негуманно. Поэтому послѣ неоднократныхъ совѣщаній мы рѣшились обратиться къ вашему просвѣщенному содѣйствію и просить васъ о защитѣ отъ этого собачьяго Каррье или, покрайней мѣрѣ, почтить насъ вашимъ совѣтомъ и посовѣтовать что намъ предпринять въ такое несчастное для насъ время. Затѣмъ слѣдуютъ подписи.

Письмо это меня ошеломило. Я не хотѣлъ вѣрить своимъ глазамъ. Собаки, думаю себѣ, брешутъ; не можетъ быть, чтобы человѣкъ, претендующій на серіозную мысль, договорился въ настоящее время до такого абсурда. Я бросился къ Отеч. Зап. и прочелъ тамъ статью г. Скабичевскаго „герои вѣчныхъ ожиданій", и къ моему великому удивленью я въ концѣ статьи прочелъ слѣдующее: „Вотъ предъ вами нѣсколько молодыхъ людей, такихъ образованныхъ, такихъ гуманныхъ, мыслящихъ (еще и мыслящихъ!) собрались и бесѣдуютъ о высокихъ предметахъ. Какой богатый сюжетъ для начала романа, съ великолѣпными женскими типами, анализомъ любви, борящейся съ призваніемъ гражданскаго долга. Романистъ стараго покроя не замедлилъ бы въ кругъ этихъ предающихся глубокомысленнымъ бесѣдамъ героевъ тотчасъ втереть дѣву, съ задатками страстности и неразгаданныхъ думъ въ томныхъ очахъ, а г. Успенскій вмѣсто этого заставляетъ появиться протопопа и вся кампанія—отъ вызывающихъ на размышленіе разговоровъ — ринулась вслѣдъ за приглашеніемъ протопопа топить кобеля богъ-вѣсть зачѣмъ и для чего (это мыслящіе-то и гуманные молодыелюди!) и кончилось дѣло всеобщей попойкой. О, русская жизнь! какъ видна ты вся какъ будто на ладони въ этой сценѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что бы ты ни предпринималъ, о чемъ бы ты ни размышлялъ, мой милый читатель, въ концѣ концовъ ты все-таки придешь къ одному—пойдешь топить кобеля (а сколько г. Скабичевскій перетопилъ ихъ?!) и при этомъ случаѣ напьешься."

Эти слова меня окончательно сбили съ толку. Тутъ уже нельзя было не вѣрить. Я зналъ за г. Скабичевскимъ замѣчательную способность: я зналъ, что его кругозоръ мышленія до того обширенъ, что онъ самъ не знаетъ его предѣловъ. Онъ, какъ владѣлецъ огромнаго имѣнія, самъ не знаетъ, что дѣлается въ его отдаленныхъ уголкахъ. Я зналъ, что г. Скабичевскій въ своихъ критическихъ поползновеніяхъ нѣсколько напоминаетъ Плюшкина: онъ находитъ старой гвоздь и кладетъ его въ карманъ, пуговицу безъ ушка—въ карманъ, попадается хорошая вещица—тоже поднимаетъ. Онъ поднимаетъ всякую вещь не потому, чтобы онъ могъ извлечь изъ пользу, употребить ее въ дѣло, а потому только, что въ характерѣ Плюшкина все поднимать. Случается, что подниметъ и хорошую вещицу. И въ самомъ дѣлѣ, прослѣдите статьи г. Скабичевскаго и вы тамъ найдете; старый гвоздь, сломанную пуговицу и хорошую вещь. Но всѣ эти разнородныя вещи не имѣютъ ничего общаго между собою, къ нихъ нѣтъ логической связывающей нити, аналогическихъ выводовъ. Если г. Скабичевскій начинаетъ что-либо доказывать, то знайте, что не далѣе какъ на второй страницѣ выводъ будетъ противорѣчить его доказательству. Начнетъ онъ говорить объ эстетикѣ, о романтизмѣ,—знайте, что онъ, говоря о творчествѣ, будетъ себѣ навѣрно противорѣчитъ, потому что все, чтобы онъ ни говорилъ, все имъ гдѣ-либо подобрано; онъ только выгружаетъ свои находки въ амбаръ Отечественныхъ Записокъ.

Все вышеозначенное я зналъ, Но, чтобы вы, г. Скабичевскій, могли дойти до того, будто бы русскому мыслящему человѣку остается топить псовъ, я никакъ не предполагалъ. Вы упрекаете Тургенева и Гончарова, что они не понимаютъ новой жизни и несочувственно относятся къ новому поколѣнію; по вашему выходитъ, что всѣ эти мыслящіе болваны, которые идутъ топить псовъ, гораздо живѣе Базаровыхъ и Волоховыхъ. По вашему, Глѣбъ Успенскій вѣрно нарисовалъ намъ картину современной русской жизни, со всѣми его треволненіями и сомнѣніями. Положимъ, что фактъ топленія псовъ самъ по себѣ вѣренъ и что г. Успенскій срисовалъ его съ натуры. Но, г. Скабичевскій, я бы вамъ могъ расказать двадцать фактовъ изъ нашей провинціальной глуши, гораздо безобразнѣе. Напримѣръ, путешествіе нѣкоторыхъ безобразниковъ по улицамъ совершенно нагими, или разрушеніе ими питейнаго заведенія, стоявшаго вдали отъ города (факты буквально вѣрны). И чтоже! послѣ этого, г. Скабичевскій, вы своимъ критическимъ анализомъ сдѣлаете выводъ, что всѣ молодые русскіе люди, чтобы они ни дѣлали, — должны въ концѣ концовъ разъѣзжать по городу нагими и разбивать кабаки! То, то г. Успенскій скопировалъ этотъ отдѣльный фактъ,—совершенно понятно, потому что всѣ его произведенія характеризируются тѣмъ, что въ нихъ встрѣчаются сфотографированные клочки жизни со всѣмъ соромъ и нечистотами, которые у г. Успенскаго случайно попали въ фокусъ его камераобскуры; у него нѣтъ того творческаго таланта, который изъ отдѣльныхъ чертъ создалъ-бы типъ. Г. Успенскій можетъ только копировать, но тамъ гдѣ онъ только чуть переходитъ эту границу и начинаетъ создавать, онъ становится карикатурнымъ. Но чтобы критикъ позитивистъ, который день и ночь страдаетъ отъ существованія во всемъ и вездѣ романтизма (и ни разу не разъяснилъ, что такое романтизмъ, постоянно ограничиваясь лишь фразами, въ родѣ: «это такое міросо-

зерцаніе и проч., и ставя романтизмъ въ вину даже отцу романтизма — Гюго), — на основаніи этихъ отдѣльныхъ фактовъ старался выводить заключенія на всю русскую жизнь — это болѣе чѣмъ странно, страннѣе того, что такіе восторженные отзывы объ Успенскомъ являются въ томъ-же журналѣ, въ которомъ онъ печатаетъ свои произведенія. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ по поводу этого говоритъ, что это напоминаетъ сцену на Апраксинскомъ дворѣ, гдѣ возлѣ одной лавки стоитъ слѣпой прикащикъ, обязанность котораго зазывать покупателей и выхвалять достоинство товаровъ. Мнѣ васъ жаль, г. Скабичевскій, вы слишкомъ много работаете, вы себя слишкомъ изнуряете. У васъ, г. Скабичевскій, долженъ былъ явиться вопросъ (у позитивиста тѣмъ болѣе): что значитъ это фактически-политическое могущество русскаго народа? Что значитъ это проявленіе его нравственнаго развитія, въ какой-бы то ни было мѣрѣ? Неужели, г. Скабичевскій, въ нашемъ прошломъ нѣтъ ничего кромѣ утопленныхъ псовъ, и мы ничего не имѣемъ въ виду кромѣ пріятной перспективы топить ихъ? Не клевета-ли это, г. Скабичевскій, *на народъ*, за который вы стоите горой? не явное-ли эти непониманіе той движущей силы, которая именуется исторіей? Я совершенно не за хвалебную литературу какой-бы то ни было жизни. То, что есть хорошаго въ жизни, никогда не пропадетъ, а нравственные пряники никуда не годны. Самая движущая сила литературы—это отрицательная. Писатель всегда воленъ въ выборѣ своихъ сюжетовъ, но критикъ всегда долженъ выяснять и обобщать эти факты въ связи со всѣми проявленіями народнаго духа. Чтобы русскому человѣку приходилось только топить псовъ—это клевета, и такое ваше апатичное отношеніе къ жизни только развращаетъ читателей, а не развиваетъ, хотя вы и хвастаете всегда вашими трезвыми взглядами... Но, сударыня, я совершенно забылъ, что мнѣ нужно отвѣтить на полученное письмо. Отвѣтъ мой будетъ кратокъ: успокойтесь, бѣдные псы, господъ Скабичевскихъ становится все меньше и меньше въ наше трезвое, трудное время; русская молодежь дружнѣе берется за дѣло; скоро ей нѣкогда будетъ не только оправдываться отъ взводимыхъ на нее поклеповъ но даже и читать ихъ. Я дѣлаю это иногда по обязанности—да и то скучно!... Ахъ, сударыня, вы не знаете, что за скучный народъ эти литераторы! Они вѣчно носятся съ своими книжными премудростями; они спятъ и имъ снится книги и разные вопросы и премудрости. Ахъ, сударыня, если-бы вы знали, какъ они ненавидятъ другъ друга, какіе они сплетники, какіе у нихъ мелочные, копѣечные разсчеты, какъ они много о себѣ думаютъ, какъ они мало знаютъ другихъ, какъ мало знаютъ жизнь, какъ они сами безжизненны, какъ они... но... но золотой куполъ церкви, который я вижу изъ своего окна, отражаетъ блѣдные лучи восходящаго солнца, пѣтухи поютъ, птицы чирикаютъ, ночь значитъ прошла, голова у меня тяжела, пора уснуть. Но, сударыня! Что тамъ за шумъ, что тамъ за крикъ, что тамъ за перебранка, что за скрежетъ зубовъ? Это гдѣ-то вдали, за литературной сценой. А посмотрите какъ хороша эта сцена, какая изящная отдѣлка, что за великолѣпный вкусъ, какіе живописные виды! На занавѣсѣ изображены пейзажи; посмотрите на эту горку, на этотъ великолѣпный храмъ — это обиталище боговъ и богинь. Но опять, что тамъ за крикъ и гулъ? Поднимемте, сударыня, завѣсу и посмотримъ: О, Господи! что за отвратительная картина: по всему пространству копошатся голодные желудки. Слова: „принципъ, идея, убѣжденіе" все это, сударыня, по эту сторону завѣсы, къ публикѣ, а по ту сторону завѣсы, за кулисами слышны хриплые голоса: „хлѣба, чаю, сахару, водки, ликеру!" и проч. Какой шумъ, какой гамъ, какая отвратительная и безобразная картина! Это литературные прожорливые желудки. Эти голодные желудки пожираютъ другъ друга какъ инфузоріи въ микроскопѣ, и какъ дорого обходится ихъ обжорливость! Дорогіе лукулловскіе обѣды могли бы считаться ничто противъ цѣнности той пищи, какую они употребляютъ. Знаете-ли, несчастные желудки, какую пищу вы потребляете? Вы потребляете не соловьиные языки, а пожираете человѣческія души. Вы запиваете не дорогимъ виномъ, а кровью бѣдной русской мысли. О, бѣдная русская мысль! Сударыня, отвернитесь отъ этого гадкаго зрѣлища!... Но что за шумъ, что за гамъ: хлѣба, чаю, сахару!... О, Господи! куда-бы мнѣ укрыться отъ него?!... Свѣту, воздуху!...

Я отворяю окно. Свѣжій утренній вѣтерокъ пахнулъ мнѣ въ лицо; ахъ какъ хорошо! но вмѣстѣ съ нимъ... Скорѣе, скорѣе затворить окно, потому-что... Ахъ, какъ бы поскорѣе англичане принялись за очистку нашего города отъ всякихъ міазмовъ! тогда можно-бы было безнаказано оставлять окрытымъ окно на улицу и подышать свѣжимъ воздухомъ послѣ петербургской ночи.

L'homme qui rit.

Смѣсь.

Демонъ рекламы. У одного извѣстнаго зубнаго врача въ Пале-Роялѣ былъ сосѣдомъ мѣняла-еврей, у котораго были великолѣпнѣйшіе зубы, хотя онъ далеко не былъ Адонисомъ. Однажды приходитъ къ нему этотъ зубной врачъ и предлагаетъ продать ему свои зубы съ тѣмъ, что онъ потребуетъ ихъ только послѣ смерти владѣльца. Мѣняла не видѣлъ почему бы ему не завѣщать въ духовной зубному врачу этого украшенія, которое не будетъ ему нужно на томъ свѣтѣ. Сдѣлка была заключена и мѣняла получилъ 1500 франковъ. Но какъ велико было его удивленіе, когда онъ, день спустя, прочиталъ въ одной парижской газетѣ, бывшей въ большомъ ходу, слѣдующее объявленіе: «Зубной врачъ X. продаетъ послѣ смерти г. Г., мѣнялы, прекраснѣйшій рядъ зубовъ. Желающіе могутъ видѣть ихъ у г. Г. въ Пале-роялѣ.—«Эти желающіе не замедлили явиться и несчастный мѣняла не зналъ куда дѣваться отъ посѣтителей, осматривавшихъ и щупавшихъ его зубы. Съ бѣшенствомъ бѣжитъ онъ къ зубному врачу, который спокойно отвѣчаетъ ему, что онъ имѣетъ полное право показывать покупщикамъ свой товаръ. Мѣняла требовалъ уничтоженія контракта, предлагая возвратить полученныя имъ деньги; но зубной врачъ уже продалъ свое право одному изъ своихъ товарищей за 3000 франковъ. Этотъ послѣдній смягчился и, получивъ въ задатокъ 500 франковъ, согласился уничтожить контрактъ. Такимъ образомъ нашъ герой возвратилъ себѣ за 2000 франковъ право не позволять всѣмъ, кому только будетъ угодно, тыкать себѣ пальцемъ въ ротъ.

Окаменѣніе труповъ. Итальянецъ, профессоръ Гарини, испросилъ послѣ смерти Мадзини разрѣшеніе окаменить его трупъ въ теченіи восьми мѣсяцевъ. Гарини давно уже занимается этимъ искусствомъ и достигъ чрезвычайно странныхъ результатовъ. Продержавъ нѣсколько часовъ трупъ въ водѣ, онъ посредствомъ нѣкоторыхъ препаратовъ для бальзамированія приводитъ его въ такое состояніе, какъ будто бы умершій спитъ, и такимъ образомъ доставляетъ возможность чрезвычайно важнымъ анатомическимъ изслѣдованіямъ. Другіе аппараты придаютъ трупу жесткость камня и доставляютъ ему такимъ образомъ возможность сопротивляться дѣйствіемъ жара и холода, влажности, и т. п. У профессора Гарини есть палка, съ набалдашникомъ изъ превосходно сохранившагося человѣческаго глаза, а въ его коллекціи находятся нѣсколько окаменѣлыхъ человѣческихъ труповъ, которые пробывъ въ такомъ состояніи около тридцати лѣтъ, кажутся какъ живыми.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 30 Іюня 1872 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большой Морской д. № 9. Типогр. Э. Д. Гоппе. Вознес. пр. д. № 53.

№ 28 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 10 іюля 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗАПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ Доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и доставкой	3 » — »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи **(А. Ф. Марксъ)** въ *С.-Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Возникновеніе достопримѣчательнаго города Сѣченовки.

Очерки еврейскаго быта.

(Продолженіе).

VI.

Удачный выборъ раввина.—Смерть жены Берки и ея предсмертное завѣщаніе.—На землѣ нѣтъ полнаго счастья—въ Сѣченовкѣ нѣтъ кладбища. — Страданія еврейской души въ жаркой печи.—Собака съѣдаетъ еврейскую душу. — Раввинъ открываетъ ларчикъ.—Отчего въ Сѣченовкѣ дѣти мрутъ.—Осада Сѣченовцами бани.

Сѣченовцы были счастливы своимъ выборомъ. *Раввинъ оказался прелестью Израиля*; его доброта, смиреніе и кротость были безграничны; объ учености и говорить нечего. Показанное имъ въ первую субботу было ничто въ сравненіе съ тѣмъ, что онъ имъ показалъ впослѣдствіи; а вѣдь онъ теперь еще молодъ, что же будетъ когда онъ состарѣется!... Канторомъ онъ оказался великолѣпнѣйшимъ. Чего-же больше желать Сѣченовцамъ? У еврея хорошій раввинъ самое главное. Правда, что нѣкоторые раввины сосѣднихъ городовъ отзывались о немъ очень худо и говорили о немъ, что онъ настоящая дубина и что онъ настолько же ученъ насколько ихъ банщики; но развѣ изъ подобныхъ словъ раввиновъ на своихъ собратовъ можно что-нибудь заключить? Вѣдь раввины, съ позволенія сказать, любятъ другъ на друга позлословить (если вѣрить отзывамъ каждаго раввина о другихъ, то на свѣтѣ нѣтъ хорошихъ раввиновъ, кромѣ самого говорящаго), тѣмъ болѣе, когда они здѣсь нѣкоторымъ образомъ лишились доходовъ. А раввины, не смотря на свое раввинское достоинство, любятъ доходы.

Какой-то мудрецъ сказалъ, что на свѣтѣ нѣтъ полнаго счастья; и дѣйствительно, даже Сѣченовцы не были вполнѣ счастливы—у нихъ еще кладбища не было; а это обстоятельство отравило жизнь Сѣченовцевъ. Я уже не говорю о томъ, что неудобно таскать каждаго мертвеца въ ближайшій городокъ, да и стоитъ оно дорого. Въ другихъ городахъ за Сѣченовскаго мертвеца драли въ десять разъ больше. Да и вообще безъ кладбища не ловко; какъ же это —еврейскій городъ безъ кладбища!.. Но что же дѣлать? Хоронить теперь на новоустроенномъ кладбищѣ? Богъ вѣсть сколько придется сторожить. Дожидайся, пока въ Сѣченовкѣ умретъ 10 человѣкъ. Если-бы, Боже упаси, случилась холера, тогда, пожалуй, можно рискнуть основать кладбище; авось въ одинъ холерный сезонъ наберется 10 мертвецовъ—даже въ такомъ маленькомъ городкѣ какъ Сѣченовка. Около двадцати разъ общество собиралось обсудить свое затруднительное положеніе, но эти разсужденія не привели ни къ какимъ результатамъ.

Но тутъ несчастье на нихъ снова обрушилось,—Берка потерялъ жену. «Послушай Беръ, говорила она ему предъ смертью,—я умираю; слѣдовательно, я не буду больше на этомъ свѣтѣ и не буду возлѣ тебя: ты женишься на другой. Я тебѣ этого не запрещаю, еврею

нельзя жить безъ жены; но я оставляю тебѣ дочь. Ты знаешь, сколько я выстрадала; я ее носила подъ грудью девять мѣсяцевъ; я, можетъ быть, умираю изъ за нея. Ты смотри, если мачиха будетъ съ нею скверно обходиться, то увѣряю тебя, что я встану изъ гроба, прійду и задушу васъ обоихъ. Когда же, Боже упаси, съ нею случится какое-либо несчастіе, ты прямо прійди ко мнѣ и возвѣсти меня: я тамъ подниму на всѣ *семь небесъ* такой шумъ, что они ужаснутся; я встревожу всѣхъ мертвецовъ, всѣхъ нашихъ предковъ, я добьюсь къ престолу самаго Господа Бога и спасу ее. Спасу во что бы то ни стало. Помни что я тебѣ сказала».

Хана умерла. Ее похоронили и Берка женился на другой. Не смотря на предсмертныя угрозы бѣдной матери, мачиха все-таки скверно обращалась съ ея дочерью, хотя Берка и предупреждалъ ее, что она можетъ за это дорого поплатиться; притомъ, чѣмъ болѣе дѣвочка росла, тѣмъ она становилась шаловливѣе и распущеннѣе. Чѣмъ больше мачиха ее била и ругала, тѣмъ менѣе она ея боялась. Это во всемъ проклятая черная свинья виновата. Годы шли, дѣвочка сдѣлалась взрослой и весьма красивой дѣвушкой. Лѣтописецъ по этому поводу говоритъ слѣдующее: «одна изъ сѣтей сатаны—это внѣшняя красота, этою сѣтью онъ опутываетъ свою жертву, какъ паукъ муху въ паутинѣ. Точно такъ, какъ паутина сама по себѣ не имѣетъ никакой цѣны, но все-же она опутываетъ жертву, такъ и красота, сама по себѣ ничтожная, опутываетъ мнвго жертвъ».

Сару, дочь Берки, сатана именно опуталъ своею сѣтью; въ эту сѣть попадалось много жертвъ, никто изъ видѣвшихъ ее разъ не могъ забыть ее. Въ особенности много вреда принесли ея глаза. О, что это были за глаза! Въ нихъ виднѣлась бездонная пропасть; въ нихъ виднѣлся ужасный адъ, откуда слышался хохотъ чертей. Эта нечистая сила, эти черти-какъ будто влекли васъ въ эту бездонную пропасть; они васъ притягивали какъ будто магнитомъ,—это были чисто еврейскіе глаза. Это были такіе глаза, отъ которыхъ честный человѣкъ долженъ бѣгать какъ отъ огня, если онъ не хочетъ пропасть тѣломъ и душою.

Время шло. Кладбища все не было. Въ Сѣченовкѣ тоже умирали. Спасенія не предвидѣлось.

Спасеніе явилось наконецъ съ такой стороны, откуда никто не ожидалъ. Въ пятницу вечеромъ, когда Шлемка Дерзкій съ семействомъ сидѣлъ за ужиномъ и напѣвалъ свои субботнія пѣсни, до его ушей долетѣлъ стонъ. На этотъ стонъ Шлемка обратилъ вниманіе своего семейства, начали слѣдить за причиной этого стона и оказалось, что стонъ происходитъ изъ печи; а такъ какъ печь замазана съ чолнтомъ [1]), то нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ той говядинѣ сидитъ гилгулъ [2]), которому жара печки приноситъ ужасныя страданія.

Эта вѣсть молніей разнеслась по всему городу и мигомъ весь городъ собрался къ дому Шлемки, чтобы посмотрѣть на бѣднаго страдальца.

— Да, дѣйствительно стонъ, говорили другіе, — не стонъ, а что-то въ родѣ писка; во всякомъ случаѣ, свиститъ-ли онъ, стонетъ-ли онъ—все же дѣло гилгула.

Позвали раввина.

Раввинъ подтвердилъ, что въ печкѣ дѣйствительно гилгулъ; иначе кому-же тамъ стонать, или пищать? поэтому слѣдуетъ изъ печки вынуть говядину, отвести ее на еврейское кладбище и совершить надъ ней погребеніе по обряду, какъ обыкновенно поступаютъ въ подобныхъ случаяхъ.

Позвали гойя, отперли печку, вынули говядину; она была уже почти готова, но душа перестала стонать—ясное доказательство, что душа стонала отъ жары.

Начались распросы о томъ, кто она такая и за что страдаетъ, чѣмъ они могутъ ей быть полезными; но она почему-то не считала нужнымъ отвѣчать. Можетъ быть сильная жара имѣла пагубное вліяніе на ея слухъ, а можетъ она была глуха отъ природы. Положено было: въ воскресенье отвести эту говядину въ ближайшій городъ для погребенія на еврейскомъ кладбищѣ. Теперь же ее накрыли тарелкою и отнесли въ чуланъ. Въ воскресенье, когда общество собралось для сопровожденія этой говядины, оказалось, что собака забралась въ чуланъ и съѣла говядину съ еврейской душою. Это обстоятельство произвело на весь городъ большое впечатлѣніе. Если бы въ городѣ было кладбище, этого не случилось бы,—говядину можно было-бы похоронить въ субботу вечеромъ и тогда бы удалось спасти еврейскую душу отъ дальнѣйшихъ страданій. Да наконецъ, если собака съѣла еврейскую душу, то кто-же послѣ этого можетъ быть обезпеченнымъ, что собака не съѣстъ еврея или еврейчика, пока его отвезутъ на кладбище.

Нѣтъ, безъ кладбища жить нельзя.

Но опять мучительный вопросъ,—какъ же его соорудить?

Тутъ является раввинъ, неоцѣненный раввинъ съ геніальнѣйшею мыслью; а именно: на первый случай купить въ ближайшихъ городахъ у бѣдныхъ родственниковъ нѣсколько мертвецовъ [1]) и ими основать Сѣченовское кладбище; а тамъ могутъ подвернуться скоро и свои.

Сѣченовцы были спасены—ларчикъ былъ открытъ, и кѣмъ? Все тѣмъ-же драгоцѣннымъ раввиномъ. Есть-ли другое подобное совершенство на свѣтѣ?!...

Прошло еще десять лѣтъ. Дѣла Сѣченовцевъ шли своимъ порядкомъ. Благосостояніе города возрастало съ каждымъ днемъ. У нихъ теперь уже были всѣ необходимыя для еврейскаго города вещи, такъ что они могли себѣ допустить даже нѣкоторое излишество; напр. у нихъ въ синагогѣ на заповѣдяхъ была серебряная корона, они уже помышляли о постройкѣ теплой клаузы, чтобы зимой не нужно было мерзнуть въ синагогѣ, или тѣсниться въ маленькой кагальной комнаткѣ, которая находится при синагогѣ. Имъ фортуна до того везла, что даже съ кладбищемъ у нихъ устроилось какъ нельзя лучше. Какъ только обществомъ было опредѣлено, что Сѣченовцы должны имѣть свое кладбище, они отвели для кладбища мѣсто у самыхъ оконъ синагоги. Во первыхъ, чтобы молящіеся

---

[1]) Чолнтъ. У евреевъ въ субботу нельзя готовить. Кушанье приготовляется въ пятницу и ставится въ горячую печь, отверстіе которой задѣлывается доской и замазывается глиной и на субботу получается готовая горячая пища. Такая пища называется чолнтомъ.

[2]) Гилгулъ. По кабалистическому ученію, еврейская душа за извѣстные грѣхи обречена на переселеніе на извѣстный срокъ въ тѣло животнаго; по мѣрѣ наказанія выбирается родъ животнаго. За самые тяжкіе грѣхи душа переселяется въ свинью. Это переселеніе называется гилгулъ. Если животное, въ которомъ есть гилгулъ, бываетъ зарѣзано, то гилгулъ можетъ попасть въ кусокъ говядины и такой кусокъ говядины достанется непремѣнно еврею, который избавляетъ его отъ мученій своей молитвою.

[1]) Это средство состоитъ въ томъ, чтобы слѣдить за умирающими въ другихъ городахъ и при этомъ входить въ соглашеніе съ родственниками покойника, чтобы похоронить его на вновь учрежденномъ кладбищѣ. Это дѣлается до тѣхъ поръ, пока число мертвецовъ не доходитъ до десяти.

могли имѣть предъ глазами настоящее назначеніе человѣка, чтобы они забывали о суетѣ мірской и обращали бы свои сердца искренно къ Господу Богу; во вторыхъ, чтобы мертвецамъ, по ночамъ, не далеко было ходить молиться въ синагогу [1]); въ третьихъ, если можетъ быть придется нѣкоторое время сторожить кладбище, то чтобы сторожъ въ минуту опасности отъ мертвецовъ могъ найти убѣжище въ синагогѣ. Опредѣливши планъ и мѣсто, они стали выжидать смертный случай.

Случай скоро представился. Умерла 80-лѣтняя женщина, мать одного Сѣченовца. Она была похоронена по всѣмъ обрядамъ, сторожъ былъ поставленъ (сторожемъ былъ синагогальный прислужникъ, за особое жалованье, хотя злые языки говорятъ, что, вмѣсто того чтобы сторожить, онъ спалъ въ кагальной комнатѣ, но это не правдоподобно) и разослали по ближайшимъ городкамъ розыскивать мертвецовъ. Результаты этихъ розысковъ оказались самые лучшіе. Въ одномъ городкѣ умерло трое сиротъ; пожертвовали за нихъ 25 злотовъ на госпиталь, а дѣти были перевезены на Сѣченовское кладбище. Въ другомъ городѣ у сына умеръ старикъ-отецъ, и по соглашенію онъ былъ похороненъ на Сѣченовскомъ кладбищѣ; кромѣ того, они взяли къ себѣ нѣкоторыхъ больныхъ нищихъ, которыхъ и содержали въ ожиданіи ихъ смерти. Впрочемъ, одинъ нищій надулъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ: кормили-кормили его, а онъ взялъ да и выздоровѣлъ.

Такимъ образомъ, въ продолженіе полугода на Сѣченовскомъ кладбищѣ былъ полный комплектъ мертвецовъ и сторожъ былъ отпущенъ. Особенныхъ приключеній съ мертвецами за это время не произошло; мертвецы были самые солидные. Хотя и прокидывались маленькіе случаи, какъ напр. гуляніе мертвецовъ по городу, или синагогальный прислужникъ слышалъ крикъ мертвецовъ, но это самые пустяки, это самыя обыкновенныя вещи. Слѣдовательно, въ Сѣченовкѣ все устраивается къ лучшему. Даже миква оказалась замѣчательно плодотворною [2]), такъ что Сѣченовцы не успѣвали совершать родинъ и обрѣзаній. Но опять-же на свѣтѣ нѣтъ полнаго счастья, и среди всеобщаго благоденствія случился казусъ, который возмутилъ безмятежный духъ Сѣченовцевъ. Стали появляться частые смертные случаи и особенно умирали дѣти. Всѣ сильно всполошились; начали употреблять разныя средства для прекращенія подобной смертности. Собрались всѣ женщины города Сѣченовки и всѣ отправились на кладбище просить мертвецовъ о заступничествѣ; мужчины собрались въ синагогѣ, читали псалмы, но ничего не помогало—дѣти умирали какъ мухи.

— Что тутъ дѣлать? Бѣда! тутъ что-то не ладно; вѣрно между нами кто сильно согрѣшилъ; если дѣти мрутъ, то это происходитъ всегда за грѣхи старшихъ.

Сѣченовцы стали искать между собою грѣховъ. Во 1-хъ осмотрѣли всѣ мезузы [3]). Оказалось, что всѣ мезузы въ порядкѣ. Сѣченовцы стали припоминать, не совершили-ли они когда-нибудь ненамѣренно грѣха; но никто за собой не чувствовалъ никакого грѣха. Начали Сѣченовцы слѣдить одинъ за другимъ, но никакихъ результатовъ отъ этихъ розысковъ не оказалось.

Изъ за чего же дѣти мрутъ?

Раввинъ собралъ Сѣченовцевъ въ синагогу и сказалъ по этому поводу рѣчь, призывая ихъ къ покаянію; но это ни къ чему не повело, — дѣти продолжали умирать. Загадка скоро разрѣшилась. Разъ вечеромъ къ раввину вбѣжала, чуть не задыхаясь отъ волненія, банщица, съ крикомъ: «О Раби, мы всѣ пропали! не только что наши дѣти, но и всѣ мы умремъ; въ городѣ ужасные грѣхи. Богъ за это изливаетъ гнѣвъ свой на невинныхъ дѣтей. О Раби, мы пропали!».. при этомъ она залилась потокомъ слезъ.

— Въ чемъ дѣло, дочь моя? спросилъ раввинъ взволнованнымъ голосомъ.

— Охъ, Раби, я и выговорить не могу.

— Говори, дочь моя; тутъ дремать нечего, нужно приняться энергически за дѣло, иначе мы всѣ пропали.

— Вотъ въ чемъ дѣло, Раби. Я, какъ вамъ извѣстно, банщица.

— А, понимаю! сказалъ раввинъ,—продолжай дочь моя.

— Ну, слѣдовательно, я знаю всѣхъ Сѣченовскихъ женщинъ на перечотъ....

— Похвально, похвально, дочь моя. Продолжай.

— Потому что каждая женщина, если только она не въ интересномъ положеніи, должна меня ежемѣсячно посѣтить.

— Прекрасно, прекрасно, дочь моя,—это долгъ каждой благочестивой израильтянки.

— И вотъ, Раби, если вамъ угодно, я вамъ могу разсказать все, что происходитъ въ каждомъ семействѣ въ точности.....

— Ну-съ.

— И вотъ Зелде Залменсъ уже 5 мѣсяцевъ какъ у меня не была, потому что я знаю не только день, но и часъ, когда кто долженъ посѣтить меня.

— Похвально, похвально.

— И вотъ, она не приходитъ мѣсяцъ, второй. Ну, думаю себѣ, слава Богу, навѣрно Богъ ей далъ уже что-нибудь—уже пора. И вотъ, Раби, не буду я пускаться въ подробности, эта самая Зелда сегодня вечеромъ является ко мнѣ.

— Неужели?

— Ей Богу, правда. Какъ я ее увидѣла, у меня сейчасъ сердце сжалось. Вотъ, думаю себѣ, наша душегубка. Я уже давно кое-что подобное подозрѣвала за ней. Ну, говорю я къ ней, милая гдѣ ты была до сихъ поръ? Она мнѣ туда сюда,—вижу что виляетъ. Нѣтъ, говорю, говори мнѣ толкомъ, я шутить не люблю.—А тебѣ, говоритъ, что за дѣло?—Какъ, говорю, мнѣ что за дѣло?! А кому же до этого дѣло? и вотъ, Раби, я оставила баню на произволъ судьбы и прибѣжала къ вамъ. Вы понимаете, Раби, кто у насъ былъ причиною смерти дѣтей, кто у насъ погубилъ столько младенцевъ? Она, она, эта великая грѣшница.

У раввина отъ ужаса зубы стучали. Когда онъ немного пришелъ въ себя, онъ одѣлся, не говоря ни слова.

— Веди меня къ этой грѣшницѣ, проговорилъ онъ еле слышнымъ голосомъ отъ волненія.

Банщица пошла впередъ, раввинъ позади, за раввиномъ его жена, все его семейство. Какъ молнія облетѣла эта вѣсть по всему городу, мгновенно всѣ отъ стара до млада собрались и присоединились къ этой процессіи.

Процессія оцѣпила кругомъ баню, чтобы грѣшница не

---

[1]) Мертвецы всегда по ночамъ молятся въ синагогѣ, какъ и живые.

[2]) Бываютъ миквы неплодотворныя. Изъ такихъ городовъ женщины обыкновенно для купанія ѣдутъ въ другой городъ.

[3]) Глава библіи, начинающаяся словами: «внемли Израиль!» написанная на пергаментѣ, тѣми же формальностями, какъ и заповѣди. Они должны находиться при каждой двери; они охраняютъ отъ нечистой силы, отъ бѣдъ и золъ.

могла ускользнуть. Женщины, бывшія въ банѣ, пришли въ ужасное волненіе и заперли двери. Поднялся страшный крикъ: «гдѣ та великая грѣшница, которая убила столько дѣтей? Давайте ее сюда, мы ее разорвемъ въ куски!»

Но женщины не отпирали дверей.

Волненіе все больше и больше увеличивалось. Наконецъ нашелся одинъ смѣльчакъ, выбилъ окно въ банѣ и, вскочивши въ окно, отперъ двери.

«Произошла ужасная сцена, разсказываетъ лѣтописецъ, какъ участвовавшій въ этой процессіи. Великую грѣшницу потащили въ синагогу, раввинъ произнесъ по этому поводу грозную рѣчь и на другой день было опредѣлено наказаніе. Оно состояло въ слѣдующемъ: великую грѣшницу провели по городу съ барабаннымъ боемъ съ надписью на груди: «Эта великая грѣшница Зельда, изъ за которой повымирали всѣ маленькія дѣти города Сѣченовки».

Перестали-ли послѣ этого умирать дѣти, объ этомъ лѣтописецъ не упоминаетъ.

Далѣе лѣтописецъ разсказываетъ, какъ чрезъ красоту Сары торговля въ шинкѣ Берки увеличилась; просто не было отбою отъ разной шляхты, экономовъ и лакеевъ окружающихъ пановъ. Онъ прибавляетъ, что есть достовѣрное извѣстіе, будто по ночамъ этотъ шинокъ посѣщалъ преподобный патеръ капеллы пана Дембовскаго. Разумѣется, весь городъ завидовалъ Беркѣ—и хотя злые языки говорили, что его мойдъ (дѣвка) слишкомъ много зубоскалитъ съ панами и чуть не вѣшается имъ на шею, но чего-же *еврей не сдѣлаетъ для своей парносы* (пропитаніе). Когда шляхтичи любятъ зубоскальство, такъ чортъ съ ними, пускай зубоскалятъ, лишь-бы они давали хорошо торговать. Но скоро случилось такое происшествіе, которое заставило содрогнуться всѣхъ Сѣченовскихъ гражданъ. Разъ ночью красавица Сара исчезла. Начались розыски, но они были напрасны; мойдъ провалилась какъ сквозь землю. Черезъ нѣсколько дней доискались до того, что красавица влюбилась въ красавца-эконома Юзика и задумала выкреститься. Теперь-же она находится у преподобнаго патера, который ее наставляетъ на путь истинный.

И всему причиной эта проклятая черная свинья!

«Мое перо безсильно, говоритъ лѣтописецъ, описать то впечатлѣніе, которое произвело это происшествіе. Какъ, дочь ребъ Берки, внука ребъ Пешеле выкрестилась! поднялся всеобщій крикъ. Какъ, племянница Плоцкаго раввина будетъ такой же гой (иновѣрка) какъ и всѣ гои, возможно-ли это?! Вѣдь въ этой знаменитой фамиліи не было даже ни одного ремесленника, не только что выкреста; вѣдь это будетъ черное пятно на золотомъ знамени. Да, послѣ этого, улежатъ-ли предки въ своихъ гробахъ! кто теперь обезпеченъ, что завтра земля не перевернется? Лучше было бы, если бы мать задушила ее маленькой; лучше и теперь ее задушить, чѣмъ дать ей выкреститься. Если она издохнетъ, то по крайней мѣрѣ фамилія не будетъ очернена и ея душа не погибнетъ....»

Несчастье одно никогда не приходитъ. Чрезъ нѣсколько времени послѣ этой печальной катастрофы у Берки умерла вторая жена. Лѣтописецъ по поводу этой смерти говоритъ слѣдующее: «Никто не сомнѣвается, что смерть жены Берки была необыкновенная; всѣ ее приписываютъ мщенію матери красавицы Сары».

Граждане города Сѣченовки ревностно принялись хлопотать о томъ, какъ бы вырвать еврейскую душу изъ рукъ гоевъ живой или мертвой, но ничего имъ не помогло. Беркѣ даже ни разу не удалось видѣться съ ней. Преподобный патеръ боялся, чтобы его христіанское сѣмя, посѣянное на шаткой, невоздѣланной жидовской почвѣ, не принесло дурныхъ плодовъ, послѣ того какъ дочь увидится съ своимъ отцомъ.

Время шло. Прошло уже три мѣсяца. Всѣ пришли въ отчаяніе по причинѣ невозможности спасенія еврейской души. Преподобный патеръ продолжалъ сѣять свои христіанскія сѣмена, сохраненныя отъ всемірнаго грѣховоднаго потопа въ ковчегѣ католицизма, на сухую почву Израиля.

Видно почва Израиля слишкомъ суха для принятія такихъ благородныхъ сѣмянъ.

Разъ, когда Хацкель исполнилъ удачно роль собаки, кошки и прочихъ животныхъ и искуснымъ выполненіемъ разсмѣшилъ пановъ до упаду, панъ Дембовскій вскрикнулъ: «Милый Хацкель! я тебѣ отдамъ весь мой маіонтекъ (имѣніе), ты настоящее сокровище, проси у меня что хочешь, я тебѣ ни въ чемъ не откажу». Хацкель упалъ на колѣна, ухватилъ ясновельможнаго пана за ноги и сталъ цѣловать ихъ.

— Ясновельможный панъ! началъ онъ слезно умолять,—прикажите вашему патеру возвратить бѣдному отцу его дочь, не крестите ее; не губите ея души на вѣки. Мы за васъ всѣ будемъ вѣчно Богу молиться.

Ясновельможный панъ началъ было ломаться, но ясновельможна пани поддержала Хацкеля. Лѣтописецъ замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: «Да не подумаетъ читатель, что сія пся кревъ, эта проклятая колдунья сдѣлала это изъ сожалѣнія, или изъ уваженія къ еврейской религіи. Нѣтъ, она ненавидѣла евреевъ; но дѣло было въ томъ, что сія пся кревъ, хотя была и замужняя....»

Рѣшено было спросить Сару, не согласна-ли она возвратиться къ отцу,—и въ случаѣ, если она согласится, не удерживать ее. И все это опять сдѣлалъ тотъ-же неоцѣненный Хацкель. Лучь надежды озарилъ сердце несчастнаго отца, когда Хацкель принесъ ему разрѣшеніе увидѣться съ дочерью; но каково было его огорченіе и отчаяніе, когда, при первой встрѣчѣ съ дочерью, она стала плевать ему въ лицо, и каково ему было слышать, когда она осыпала бранью его, всѣхъ евреевъ и еврейскую религію.

— Моя дочь, сказалъ несчастный отецъ,—ты можешь перемѣнить свою религію, но своихъ родителей ты не можешь перемѣнить. И та религія, которую ты теперь хочешь принять, велитъ уважать своихъ родителей; неужели ты можешь считать представителями какой-бы то ни было религіи такихъ людей, которые научаютъ тебя такъ обращаться съ отцомъ, котораго ты любишь и должна любить? Берка не договорилъ. Глухія рыданія заглушили его голосъ.—Послушай, моя дочь, продолжалъ онъ послѣ нѣкоторой паузы,—когда твоя мать умирала, она мнѣ сказала: «когда съ твоей дочерью случится какое-либо несчастіе, ты возвести меня и я все сдѣлаю для спасенія моей дочери». Я обѣщалъ. Съ тобою теперь случилось несчастіе, потому что можетъ ли быть большее несчастіе, какъ когда человѣкъ оставляетъ религію своихъ предковъ... Что можетъ быть позорнѣе жизни еврея, оставляющаго свою религію! Ты знаешь, что евреи тебя будутъ презирать, и совершенно ошибаешься, если ты думаешь, что тѣ тебя примутъ съ распростертыми объятіями, что тѣ на тебя не будутъ смотрѣть какъ на выкидыша, какъ на прилизу.

Но всѣ увѣщанія ни къ чему не повели. Сара ушла къ гоямъ и долго объ ней не было ни вѣсточки.

(Продолженіе будетъ).

Статуя „Ніобеи“.

Ніобея.

(Подражаніе Овидію).

Смертный, высоко тебя надъ міромъ поставили боги:
Мнится, вселенная вся волѣ покорна твоей;
Черпаешь дерзкой рукой ты въ волю богатства земныя;
Прихотей гордыхъ рабы, служатъ стихіи тебѣ.
Но не дерзай никогда, въ безумьи, съ богами равняться:
Силенъ межъ смертными ты—червь предъ жильцами небесъ.
Дремлютъ у Зевса-отца въ десницѣ ужасные громы.
Ихъ пробудить берегись или—погибнешь въ конецъ.
Всюду настигнетъ тебя какъ молнія страшная кара;
Тщетно спасенья искать будешь отъ гнѣва небесъ,
И затрепещутъ тогда въ Аидѣ прапраотцевъ тѣни;
Съ ужасомъ будутъ твердить имя потоки твое.........
Вспомни Танталову дочь, гордую мать Ніобею!
Высшее счастье земли было дано ей въ удѣлъ:
Цѣлымъ народомъ дѣтей боги ее надѣлили.
Ими дышала она, имъ отдалася душой.
Но перенесть не могла, гордая, счастья избытокъ;
Милыхъ дѣтей погубивъ, съ ними погибла сама:
Родомъ и счаатьемъ она дерзнула считаться съ богиней.
Страшную кару за то боги назначили ей:
Всѣхъ поразилъ сыновей пернатой стрѣлой луконосецъ;
Дщерей Діана сама долу повергла стрѣлой,
И Амѳитріонъ, отецъ, рыдая въ отчаяніи дикомъ,
Въ грудь свою мечь погрузивъ, съ жизнью простился земной.
Лишь Ніобея одна межъ труповъ отдалась живая;
Смолкло дыханье въ груди; ужасомъ сжаты уста;
Сухи надвижныя очи; какъ мраморъ лицо побѣлѣло;
Страшное горе на немъ хладомъ нездѣшнимъ легло;
Жизнь замерла въ ней на вѣкъ........ и се—Аквилонъ быстротечный,
Мигомъ ее подхвативъ, въ море унесъ далеко;
Тамъ на пустынной скалѣ камнемъ бездушнымъ поставилъ;
Тамъ и понынѣ она статуей хладной стоитъ.
Къ небу воздѣты досель съ угрозой прекрасныя руки;
Дикій отчаянья слѣдъ въ мраморныхъ видѣнъ чертахъ...
....
Жизни остался въ ней слѣдъ: звукъ издавая звенящій,
Слезы на хладный гранитъ съ мраморныхъ капаютъ вѣкъ.

Ѳ. Аксаковъ.

Изъ древне-римской жизни.

Бой гладіаторовъ и травля звѣрей на помпейской аренѣ въ 79 году по Р. Х.

(Окончаніе).

III.

Сраженіе.

Съ проворствомъ тигра и мужествомъ льва кидаются противники другъ на друга, прикрываясь щитами, обнажая мечи, отыскивая и обращая въ свою пользу слабыя стороны противниковъ. Стонутъ щиты отъ отражаемыхъ ими ударовъ; отъ быстрыхъ движеній ногъ,—которыя, отыскивая новую позу, едва касаются при этомъ земли, а то, при отраженіи ударовъ, вязнутъ по лодыжку въ пескѣ,—пыль поднимается столбомъ.

Какъ мелькаютъ въ воздухѣ щиты! какъ сверкаетъ на солнцѣ желѣзо!

Каиксъ, съ котораго потъ льется градомъ, работаетъ изо всѣхъ силъ. Тѣснимый своимъ страшнымъ соперникомъ, онъ уже два раза перемѣнялъ позу, отскакивая отъ него и отражая его искусно-направленные удары мечомъ и щитомъ. Какая бездна ловкости, легкости и проворства!

Вдругъ Бебриксъ размахивается—и собравъ всю свою гигантскую силу, кидается на своего соперника и ударяетъ по его быстроподставленному щиту съ такою силою, что оружіе съ шумомъ разлетается по воздуху; воспользовавэтой минутой, Каиксъ вонзаетъ свой мечъ по самую рукоятку въ бокъ соперника. Густой потокъ крови течетъ изъ свѣжей раны; при видѣ ея крики: *«Euge Kaix»* и ревъ толпы доходитъ до неистовства. У бѣднаго раненаго нѣтъ ни силъ ни времени просить, помощью поднятой къ верху правой руки и разогнутаго большаго пальца, толпу о помилованіи. «Крови! крови!» слышится со всѣхъ сторонъ, и вскорѣ Каиксъ перерѣзываетъ ему горло. Еще содрогающееся тѣло полицейскіе чиновники тащутъ изъ *Porta libidinensis*, калитки мертвыхъ, въ круглый *Spoliatorium*, чтобы снять съ него оружіе.

Побѣдитель Каиксъ, увеличившій свое богатство еще однимъ новымъ лавромъ, удаляется съ мѣста битвы, сопровождаемый восторженными рукоплесканіями толпы. Между тѣмъ въ другихъ часты арены празднуются пораженія и побѣды. Споліаторіумъ уже принялъ въ себя пять труповъ; три смертельно-раненыхъ борца уведены.

— Эй, Калиста, кричатъ съ одной изъ верхнихъ скамей,—взгляни-ка туда внизъ на своего любовника Опломахуса, онъ сражается на конѣ съ моимъ меньшимъ братомъ. Объ чемъ ты хочешь биться, что Опломахусъ побѣдитъ?

— Если твои слова, ядовитая ехидна, сбудутся, то эта золотая пряжка, которую сынъ Квинквинала оставилъ у меня въ видѣ залога, будетъ твоя.

— Быть такъ, Калиста, я ставлю противъ твоей пряжки мой собственный поясъ. Твой Опломахусъ ведетъ себя храбро; какъ смѣло управляетъ своимъ конемъ! удары такъ и сыплются. Клянусь Стиксомъ, мой братъ уже получилъ нѣсколько ранъ, откуда струится кровь, и лошадь его тоже кажется выбилась изъ силъ. Слышишь какъ кричатъ: «*Euge Oplomachus*, *euge*!»

— Эй, Калиста, золотая пряжка моя, посмотри какъ тащутъ моего мертваго брата. Жаль его, онъ былъ храбрый малый; но я легко перенёсъ бы эту потерю, если бы только не пропадали за нимъ мои деньги.

Два всадника, сражаясь другъ съ другомъ, носятся по сѣверному концу арены на своихъ быстрыхъ коняхъ. Поднимая вокругъ себя столбы пыли, они повидимому играютъ смертью. Трудно рѣшить, кто изъ нихъ побѣдитъ; лошади у обоихъ превосходныя, оба словно припаяны къ нимъ; ловкость и грація, съ какою они управляютъ копьемъ и щитомъ, гибкость, съ какою отклоняются отъ ударовъ противника, —все изобличаетъ въ нихъ мастеровъ дѣла. Опущенное забрало скрываетъ ихъ званіе и происхожденіе [1]; но, глядя на нихъ, всякій готовъ принять ихъ за молодыхъ боговъ, такъ прекрасны и сильны ихъ тѣла. Затаивъ дыханіе, слѣдитъ толпа за битвой этихъ незнакомцевъ, пылкія лошади которыхъ съ широкораздутыми ноздрями, съ пѣной на мордѣ и груди, строго повинуются своимъ всадникамъ, дѣлая красивые повороты.

— Стой, Кириллусъ! раздается въ одной изъ сосѣднихъ ложъ,—остановись, сынъ мой, ты убиваешь своего брата!

Но уже поздно; пронзенный насквозь копьемъ своего противника, одинъ изъ всадниковъ падаетъ вмѣстѣ съ лошадью, окруженный высоко-поднимающейся пылью.

[1]) Публичное появленіе особъ высшаго званія и женщинъ въ качествѣ бойцовъ—одинъ изъ симптомовъ общественной деморализаціи.

Побѣдитель, привѣтствуемый громкими криками зрителей, соскакиваетъ лошади и, обнявъ еще разъ умирающаго, спѣшитъ, пользуясь сумятицей, черезъ большія ворота, къ морю. Гонимый фуріями, прибѣгаетъ онъ къ морскому берегу. Пронзительный крикъ, скачокъ въ море—и однимъ человѣкомъ меньше на свѣтѣ.

Мать, которая явилась сюда какъ бы нарочно для того, чтобы быть свидѣтельницей этой братоубійственной борьбы, вынесли замертво изъ ея ложи.

— Стой, мирмилло, мнѣ хочется поймать рыбу у тебя на шлемѣ! кричитъ съ насмѣшкою ретіарій, наметчикъ сѣтей, одному изъ мирмиллосовъ, носившихъ, какъ мы уже говорили, рыбу на шлемѣ. Но какъ щука, которая, подстерегая свою добычу въ свѣтлой водѣ, стоитъ словно приросшая къ мѣсту, и когда ты, проворно кинувшись къ ней, думаешь что уже схватилъ ее а хватаешь только пустую воду,—какъ эта щука однимъ ударомъ плавника очутилась въ сторонѣ и уже скрылась у тебя изъ глазъ,—такъ и мирмилло. Уже тяжелая сѣть ретіарія жужжитъ надъ его головою и тебѣ уже кажется, что онъ схваченъ и опутанъ ею, но не тутъ-то было: одинъ ловкій скачокъ мирмилло—и сѣть падаетъ на песокъ, откуда поднимается облако пыли.

IV.

Пауза.

Опустѣлая арена взрыта и усѣяна лужами крови съ темными краями. Калитка мертвыхъ уже приняла одиннадцать труповъ; съ видомъ усталости проходятъ побѣдители черезъ арену къ воротамъ для выхода, сопровождаемые рукоплесканіями толпы и украшенные вѣнками, а зрители, пользуясь паузой между сраженіемъ и травлей, стремятся въ питейные дома [1]) и многочисленныя лавки, чтобы набраться новыхъ силъ для зрѣлища травли. Тѣмъ временемъ арена покрывается новымъ слоемъ песку, и Сепуміусъ, извѣстный фигляръ, является на сцену, чтобы занять посѣтителей во время антракта. Объ немъ-то сказано въ надписи:

«Если ты когда либо видѣлъ какъ молодой Сепуміусъ извивается змѣей, которую онъ мастерски представляетъ, то любитель ли ты сцены или охотникъ до лошадей, но все-таки ты не могъ не отдать ему справедливости» [2]).

Съ змѣиною ловкостію выгибаетъ онъ свое тѣло на самые различные лады, то ходя на рукахъ, то кувыркаясь или проскакивая черезъ кольцо, то извиваясь между торчмя поставленными острыми кинжалами, а очарованные зрители не сводятъ съ него глазъ.

Тонкій мелкій дождь благовонной воды, изъ машинъ съ насосами, приведенныхъ въ движеніе рабами и мулами, спрыснувшій помѣщеніе для зрителей, освѣжаетъ и прохлаждаетъ воздухъ.

V.

Травля.

Раздаются звуки рога—и страстно-любящая зрѣлища толпа кидается къ своимъ мѣстамъ, толкая и опрокидывая всѣхъ встрѣчающихся. Тѣмъ временемъ солнце опустилось ниже, и отъ близко лежащаго моря вѣетъ прохладный вѣтерокъ. Слышите ли вы ревъ и ворчанье звѣрей, раздраженныхъ посредствомъ ударовъ въ мѣдные тазы?

[1]) Хозяева питейныхъ домовъ, разнощики, харчевники, предсказатели и продажныя женщины стояли во время игръ вокругъ арены.

[2]) Эта надпись и теперь еще существуетъ.

Смотрите, какъ они трутся щеками и боками объ рѣшетку звѣринца, неутомимо расхаживая взадъ и впередъ.

Еще одинъ сигналъ рога—и скрипящая на петляхъ рѣшетка извергаетъ своихъ плѣнниковъ. Помпейцы вскакиваютъ и становятся на свои сѣдалища; свергнувъ съ себя всевозможныя узы приличія, они ревутъ и бѣснуются, словно волны, разбивающіяся тамъ вдали о крутые берега утеса, словно бурно-волнуемое море. Какими рѣзкими ругательствами осыпаютъ они другъ друга!

Ни возрасту, ни полу нѣтъ пощады. Шумъ прерывается появленіемъ стаи газелей, съ которой начинается дикая травля. Бѣдныя невинныя животныя прижимаются другъ къ другу, пугливо поворачивая головы и обращая умоляющіе взоры къ жестокой толпѣ, но ихъ уже травятъ громадными собаками[1]), которыя, будучи лишены въ продолженіи двухъ дней пищи, бѣшено кидаются на нихъ и безжалостно рвутъ и терзаютъ бѣдныхъ животныхъ. Красивыми прыжками перебѣгаютъ онѣ съ одного конца ристалища на другой, поднимая вокругъ себя пыль и тщетно отыскивая выхода изъ цирка. Ихъ силы истощаются, онѣ падаютъ на колѣна, одолѣваемые смертельною тоскою.

Восторгамъ Помпейцевъ нѣтъ конца.

Тѣмъ временемъ тамъ, на другой половинѣ, уже началась борьба между человѣкомъ и звѣремъ. Косматый медвѣдь нумидійскаго происхожденія силится, вмѣстѣ съ своею самкою, разорвать наброшенный на него бестіаріемъ платокъ, сопровождая свои движенія дикимъ ревомъ; но сильно тѣснимый своимъ противникомъ, все больше и больше запутывается и уже получилъ нѣсколько ранъ, откуда ручьями течетъ кровь. Его пронзенная копьемъ подруга уже лежитъ на землѣ, корчась отъ боли; жалобные звуки несчастнаго животнаго разрываютъ сердце, но опьяненная кровью толпа, рукоплещетъ хитрости человѣка и безсилію звѣрей. Ворча и едва касаясь земли во время своихъ мощныхъ прыжковъ, бѣгаетъ молодая львица, гоня передъ собою всѣхъ звѣрей, объятыхъ дикимъ страхомъ; но увидавъ назначеннаго для нея противника, нагаго великана, она, какъ бы испугавшись человѣческаго лица, уклоняется отъ битвы. Вся публика вскрикиваетъ отъ негодованія: «Бей ее, бей! Ахъ ты, скверная кошка!»

Бестіарій, сражаясь за свою жизнь, а можетъ быть даже и за свободу, кидается на звѣря съ обнаженнымъ кинжаломъ и бой начинается.

Но что это за радостные крики, несущіеся со всѣхъ скамей? «Быкъ Юліи!» гремитъ толпа, «добро пожаловать!» Ведомый двумя мужчинами, опоясанный прекраснымъ поясомъ мозаичной работы, нетерпѣливо потрясая головою, высоко поднявъ хвостъ, раздувъ ноздри, съ золотымъ кольцомъ, продѣтымъ черезъ носовой хрящъ, вступаетъ на арену прекрасный чорный быкъ. На восторженные привѣтствія толпы онъ отвѣчаетъ глухимъ ревомъ, его блестящее черное платье свѣтится на солнцѣ, его смѣлые огненные глаза и его мощный затылокъ грозятъ всему окружающему. Сверху кричатъ:

— Выпустите кошку! и по данному знаку изъ звѣринца выскользаетъ пантера. Прекрасный дикій звѣрь извлекаетъ у еще болѣе дикаго народонаселенія крики удивленія; описывая своими сильными скачками большіе круги вокругъ арены, пантера вдругъ усматриваетъ своего могучаго чорнаго соперника. Скрежеща зубами и то съеживаясь, то вытягиваясь, она описываетъ вокругъ него все болѣе и болѣе съуживающіеся круги, выбирая, повидимому, благопріятную минуту для того, чтобъ вступить съ нимъ въ бой; но быкъ, не выпуская изъ виду своего страшнаго непріятеля, слѣдитъ, нагнувъ голову и выставивъ рога, спокойными глазами, за всѣми его движеніями.

Всѣ безъ исключенія зрители берутъ сторону быка.

«Храбрый быкъ, начинай же!» слышится со всѣхъ сторонъ.

Зарычавшая пантера дѣлаетъ смѣлый скачокъ, но быкъ схватываетъ своего противника на лету и однимъ сильнымъ толчкомъ своего гигантскаго затылка подбрасываетъ пантеру такъ высоко, что она, перекувырнувшись въ воздухѣ, падаетъ на землю, ревя отъ боли. Но храбрый побѣдитель, не теряя изъ виду своихъ выгодъ, вонзаетъ еще свой лѣвый рогъ въ животъ изнемогшаго дикаго звѣря, такъ что оттуда выступаютъ дымящіяся кишки—и застонавшая отъ боли пантера тутъ же издыхаетъ. Дрожащій отъ напряженія силъ побѣдитель награждается безчисленными вѣнками и пестрыми бантами—и утомленный борьбою, сходитъ съ арены при одобрительныхъ возгласахъ публики.

Раздаются новые звуки рога, вслѣдъ за которыми являются на сцену буйволы, львы, медвѣди, кабаны, пантеры, олени, собаки [1]). Начинается такая охота, которая могла бы удовлетворить самую необузданную фантазію. Толпа на скамьяхъ бѣснуется отъ восторга; ея ревъ заглушаетъ тотъ, что слышится тамъ, на пескѣ!

VI.
Конецъ.

Солнце опустилось въ море, толпа разошлась, въ амфитеатрѣ—глубокая тишина! Чорныя стѣны бросаютъ отъ себя длинныя тѣни, подобныя привидѣніямъ и фигурамъ гигантовъ. По корридорамъ и подъ арками снуютъ совы и ночныя птицы. Вонъ пробирается по каменнымъ скамьямъ одинокій шакалъ, привлеченный запахомъ труповъ; вотъ еще содрогающееся тѣло забытаго, медленно умирающаго животнаго; подлѣ него блеститъ вонзившійся въ песокъ кинжалъ убитаго борца; на одной лужѣ съ запекшеюся кровью вскакиваютъ пузырки газа, отравляющіе воздухъ. На оживленныхъ за нѣсколько минутъ передъ этимъ скамьяхъ царствуетъ мертвое молчаніе, быстро наступившая ночь прикрываетъ своимъ мягкимъ покровомъ ужасы этого дня и подавляетъ стоны еще борящихся со смертью людей и животныхъ.

Все тихо, блестящія звѣзды обливаютъ своимъ матовымъ свѣтомъ и добрыхъ и злыхъ.

Изъ кратера Везувія поднимаются едва замѣтныя облака дыма, но внутри горы кипитъ и варится безъ вѣдома людей огненное угощеніе, которое то поднимается до самаго жерла, то опускается опять въ чорную бездну, потому что страшные всходы еще не созрѣли. Но роковой день, когда гордая Помпея изчезнетъ съ лица земли [2]), уже не далекъ.

---

[1]) По словамъ Страбона, Симахусъ травилъ газелей шотландскими собаками.

[1]) До какихъ громадныхъ размѣровъ доходило иногда количество затравленныхъ на одной и той же травлѣ звѣрей—можно видѣть изъ того, что при освященіи Флавійскаго театра, въ царствованіе Тита, было выставлено на показъ 5,000 звѣрей и убито 9,000.

[2]) Помпея была засыпана 24 августа 79 г. по Р. Х. въ часъ по полудни, въ то время какъ жители города были на аренѣ. Этимъ то послѣднимъ обстоятельствомъ и объясняется, почему такое множестве людей могло убѣжать въ раскрытое поле за ареною и при раскопкахъ найдено такое, сравнительно, незначительное число людскихъ труповъ.

Обзоръ наводненной долины Бераума въ Богеміи.

Воскресная ночь, послѣдовавшая за первымъ днемъ Троицы, будетъ возбуждать въ пострадавшихъ странахъ самыя тяжелыя воспоминанія до тѣхъ поръ, пока тамъ будетъ жить хоть одинъ изъ современныхъ намъ людей. Въ маѣ мѣсяцѣ, когда все стояло въ цвѣту, когда прекрасная плодородная страна была осыпана всевозможными дарами природы, когда улыбающіеся всходы сулили богатую жатву, которая должна была вознаградить за неурожаи прошлыхъ лѣтъ, а одѣтые первой зеленью лѣса ласкали взоры,—вдругъ, безъ всякихъ предвѣстій, совершенно неожиданно, произошло ужасное явленіе, уничтожившее въ нѣсколько часовъ то, что было создано упорными долголѣтними трудами,—сокрушившее, словно хрупкое стекло, самыя великолѣпныя произведенія промышленности, которыя, казалось бы, должны длиться вѣчно. Сколько бѣдъ постигло тутъ въ короткое время тысячи семействъ, оставшихся безъ пріюта, потерявшихъ все свое имущество, а не то такъ и отца, кормившаго все семейство своими трудами!

«Всѣ дошедшія до сихъ поръ до меня извѣстія», пишетъ корреспондентъ газеты «*Daheim*»—даютъ только слабое понятіе о томъ, что мнѣ довелось видѣть впослѣдствіи; но и мое перо слишкомъ слабо, чтобы изобразить всѣ ужасы и бѣдствія, раскрывшіеся передъ моими взорами, когда я, вскорѣ послѣ этого несчастія, объѣхалъ одну изъ наиболѣе пострадавшихъ мѣстностей—долину Берауна, которую я такъ часто видалъ, сіявшую тою роскошью красокъ, какая свойственна ея прекраснымъ лиственнымъ лѣсамъ, съ ея промышленными мѣстечками, живописными деревнями и древними бургами, смотрѣвшимися въ мирный потокъ, черезъ который въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, можно было переходить, лѣтомъ, въ бродъ!

Источники рѣки Берауна или Миса, какъ называется она въ своемъ верхнемъ теченіи, лежатъ въ Богемскомъ лѣсу на высотѣ 1872 футовъ. Оттуда рѣка направляется по неглубокой долинѣ къ Пильзену, въ страну каменнаго угля, гдѣ она принимаетъ три главнѣйшихъ притока: Радбузу, Клабову и Шнеллу. Затѣмъ начинается ея среднее теченіе—и чѣмъ дальше слѣдимъ мы за нимъ, тѣмъ романтичнѣе становится мѣстность, тѣмъ выше горы, лѣса обширнѣе, тѣмъ труднѣе становится рѣкѣ распространиться и тѣмъ гибельнѣе должны быть ея дѣйствія, когда, увеличенная сильнымъ приливомъ, она выходитъ изъ своего нормальнаго состоянія.

Область, подвергшаяся ужасному послѣднему наводненію и проливнымъ дождямъ 25 и 26 мая, заключаетъ въ себѣ около 150 квадратныхъ миль; мнѣ привелось видѣть только восьмую часть этого пространства, но сколько горя встрѣтилъ я тутъ, изъ котораго можно заключить какіе стоны слышатся теперь на пространствѣ 150 кв. миль!

Источникъ бѣдствій для этой страны лежитъ всторонѣ, въ долинѣ раконицскаго ручья, который впадаетъ въ Бераунъ съ сѣвера и при которомъ лежитъ городокъ Раконицъ, гдѣ жителей всего нѣсколько тысячъ. Ручей не великъ и лѣтомъ часто почти совсѣмъ высыхаетъ, но какъ сильно можетъ подняться въ немъ вода и какія онъ можетъ причинить опустошенія—это обнаружилось въ субботу, наканунѣ выше упомянутаго воскресенья. Солнце склонялось уже къ западу, воздухъ былъ душный, на небѣ собиралась гроза и стояла черная стѣна, которая поднималась все выше да выше и вскорѣ закрыла солнце; раскаты грома становились все громче да громче, а ломанныя линіи сверкавшей молніи все острѣе да острѣе; стало темно, какъ ночью; тоскливо вспархивали птицы; дѣти загнали домой многочисленныхъ козъ и гусей; жители затворили окна; сердца у нихъ сильно бились, потому-что только немногимъ изъ нихъ случалось видѣть, чтобы въ 5 часовъ по полудни могло быть такъ темно. Тутъ начали падать тяжелыя капли, за которыми послѣдовали цѣлые потоки дождя, обрушившіеся на селеніе Сеноматъ, городъ Раконицъ и деревушку Шпадель, подобно шумнымъ водопадамъ, катившимся по отлогостямъ горы до самой ночи, до самаго утра. И сила этихъ водъ была такъ велика, что перемѣстила горы и утесы. Въ нѣсколько минутъ городскія улицы приняли видъ моря, черезъ пороги вода ворвалась въ дома, въ конюшни, поднялась на лѣстницы, все выше и выше. На горной сторонѣ города, именно въ предмѣстьѣ Пильзенъ, люди должны были думать только о спасеніи своей жизни, оставляя все свое имущество въ жертву освободившейся отъ оковъ стихіи. Но даже и въ самыхъ верхнихъ частяхъ жилищъ они не были безопасны, потому-что многіе дома, построенные изъ однихъ только необожженныхъ кирпичей, обрушились и похоронили жителей подъ своими развалинами. Точно такъ же и городскія стѣны, которыми еще окруженъ Раконицъ, обрушились на южной сторонѣ; мосты и мостики были сорваны, а новый водопроводъ, стоившій городу большихъ денегъ, разрушенъ. Мнѣ показывали на южномъ концѣ города мѣсто (наполненное теперь только пескомъ и иломъ), откуда разъяренная стихія снесла домикъ одного гребенщика. Полуразрушенное жилище плыло, вмѣстѣ съ своими обитателями, треща и кружась; затѣмъ распалось на двѣ половины; на одной оставался мужъ, которому удалось спастись на высокомъ деревѣ, а на другой—жена и служанка, погибшія въ волнахъ.

Только тогда можно понять какимъ образомъ могутъ случаться подобныя вещи, когда услышишь какъ маленькій раконицскій ручей, лишь въ нѣсколько дюймовъ глубины и около шести футовъ ширины, поднялся на двѣ сажени, какъ безостановочно низвергались съ горы воды. И все это произошло какъ бы сразу, въ невѣроятно короткое время.

Изъ Раконица поднявшаяся вода, почерпавшая все новыя силы изъ многочисленныхъ ущелій и боковыхъ долинъ, устремилась къ Берауну, куда впадаетъ, при мѣстечкѣ *Пюрглицъ*, раконицскій ручей. Но не въ одномъ этомъ ручьѣ поднялась вода; отъ лившагося безостановочно дождя она поднялась на цѣлые сажни и въ другихъ притокахъ Берауна. «Стѣною шла, бушуя и ярясь, вода», разсказывалъ мнѣ чешскій крестьянинъ, стоя въ опустошенномъ садикѣ съ сливными деревьями, плоды которыхъ лежали на землѣ, занесенные глинистымъ иломъ.

Что за прелесть этотъ древній Пюрглицъ, лежащій вдали отъ проѣзжихъ дорогъ, среди горъ и лѣсовъ! Съ какою радостію входилъ я бывало въ это старое гнѣздо, и какой грустный видъ представляетъ теперь эта смѣсь построекъ различныхъ эпохъ! Старыя круглыя башни, полуобрушившіяся и растрескавшіяся, убранныя зеленью кустарниковъ и маленькихъ деревьевъ, которыя пустили тамъ, въ трещинахъ, корни,—указываютъ на одиннадцатое столѣтіе, тогда какъ прекрасно сохранившіяся части зданія, выстроеннаго въ готическомъ стилѣ, свидѣтельствуютъ о времени хорошаго вкуса и составляютъ рѣзкій

контрастъ съ пошлыми, варварскими постройками, сооруженными въ началѣ нынѣшняго столѣтія.

Пюрглицъ одинъ изъ самыхъ древнихъ замковъ Богеміи. Согласно показанію Козьмы, древнѣйшаго изъ всѣхъ лѣтописцевъ († 1115), онъ былъ реставрированъ въ 1110 году. Эта крѣпость интересна и въ историческомъ отношеніи. Здѣсь жилъ штатгальтеръ Богеміи эрцгерцогъ Фердинандъ съ своею прекрасною Филиппиною Вользенъ, которая родила здѣсь, 22 ноября 1560 г., втораго сына, Карла Бургавскаго. Имя Пюрглица часто встрѣчается на страницахъ исторіи, гдѣ говорится объ немъ какъ объ охотничьемъ замкѣ и темницѣ для государственныхъ плѣнниковъ. Въ 1731 году онъ перешелъ по наслѣдству отъ Вальдштейнеровъ къ *Фюрстенбергамъ*, которымъ принадлежитъ и теперь въ качествѣ главнаго фидеикомиснаго имѣнія.

Князья Фюрстенберги понесли сильные убытки отъ наводненія, распространившагося на всѣ ихъ обширныя владѣнія. Необозримыя поля опустошены, лѣсные питомники затоплены, покрыты пескомъ и валунами, чугунноплавильные заводы остановились, многія шахты сосѣдняго рудника потонули.

Желтыя, киселеобразныя волны Берауна неслись все дальше да дальше; мостъ между Пюрглицомъ и лежащимъ насупротивъ него молотовымъ заводомъ Ростокъ былъ разрушенъ, запруда снесена; съ шумомъ и ревомъ ворвалась вода въ каналъ молотоваго завода, гдѣ она погасила огонь и обратила въ бѣгство рабочихъ. А въ низменныхъ полуразрушившихся хижинахъ, всю ночь стоявшихъ въ водѣ, какое печальное зрѣлище! Нельзя смотрѣть безъ слезъ на разоренныя хозяйства бѣднаго люда, у котораго вода унесла или испортила и то немногое, что принадлежало ему! Скотъ, котораго не успѣли выпустить изъ хлѣвовъ (такъ какъ, спасая самихъ себя, люди спѣшили на крыши и оставались тамъ, вися такъ-сказать между жизнію и смертію),—скотъ, какъ былъ привязанъ къ яслямъ, такъ и утонулъ на привязи. На цѣлые четырнадцать футовъ поднялся тутъ съуженный между горами потокъ,—и съ какимъ бѣшенствомъ, все увлекая за собою, несся онъ черезъ лѣсистыя ущелья къ Нейгютену! Съ нимъ вмѣстѣ неслись трупы лошадей, коровъ, свиней, домашній скарбъ и колоссальныя массы дровъ, которыя онъ унесъ изъ лѣсу, гдѣ они стояли саженями или же сорвалъ съ разрушенныхъ паромовъ. Тамъ и сямъ изъ волнъ выглядывали вѣтви цѣлой ели или бука, которыя онъ тоже захватилъ по дорогѣ, а въ какой-то лодкѣ безъ веселъ неслась женщина, ломая съ отчаянія руки. Да и къ чему послужило бы ей весло? Ревъ волнъ заглушалъ ея голосъ, и такъ неслась она съ быстротою поѣзда желѣзной дороги до тѣхъ поръ, пока не исчезла. Затѣмъ неслись сорванные съ цѣпей большіе паромы перевозчиковъ, а иногда и цѣлый домикъ, сундуки, столы, стулья, тяжелые шкапы, даже фортепьяно, въ знакъ того, что и дома зажиточныхъ людей тоже подверглись опустошенію.

Опять достигли мы древняго замка. Это Нишбургъ, вѣнчающій поросшій лѣсомъ утесъ изъ глинистаго сланца; насупротивъ него поднимается *Градичь* съ остатками старинныхъ доисторическихъ укрѣпленій, а внизу, въ долинѣ лежитъ тоже жестоко-пострадавшее мѣстечко Нейгюттенъ. Жители этого мѣстечка, всего 1000 человѣкъ, живутъ единственно работой на горномъ заводѣ, который приводится въ движеніе водою. Бѣдность и прежде была здѣсь велика; что же будетъ теперь, когда доменныя печи остались, а вода побѣдила огонь? Кучи рудъ затоплены, вода приподняла и унесла тяжелыя желѣзныя плиты, словно онѣ были пробковыя, машины занесло иломъ; горнозаводская контора стояла глубоко въ водѣ, а изъ лежащихъ повыше деревни прудовъ лились опустошительныя массы воды, рисовавшіяся въ видѣ стѣны. Тамъ кружились густыми стаями вороны, крича и споря о добычѣ; а когда я подошелъ ближе, мнѣ попался трупъ утонувшей лошади, омываемый волнами.

Такія же картины повторяются и дальше, въ Страдоницѣ, въ Альтъгюттенѣ, этой огромной листобойнѣ, и наконецъ въ старомъ городкѣ Бераунѣ, которому грозило съ двухъ сторонъ, потому-что Литава впадающая здѣсь въ рѣку Бераунъ бушевала почти такъ же сильно, какъ и эта послѣдняя рѣка. На этотъ разъ она принесла особенную честь своему имени, которое означаетъ «летучая», потому-что летѣла какъ бѣшеная. Въ этомъ мѣстѣ горы раздаются во всѣ стороны и окружаютъ равнину, среди которой стоитъ старый городъ съ его кирпичными стѣнами. Бераунъ имѣетъ около 400 жителей, занимающихся промышленностью и земледѣліемъ; здѣсь очень хорошо родится свекловица и устроено нѣсколько свеклосахарныхъ заводовъ; одинъ изъ нихъ, который еще строится, сильно потерпѣлъ отъ наводненія. На рынкѣ собрались граждане этого вполнѣ чешскаго города и тужили; каждый изъ нихъ расказывалъ какіе нибудь новые ужасы, а въ гостинницѣ, гдѣ я остановился на ночь, тильзенское пиво оказелось рѣшительно не по вкусу посѣтителей.—Каждый потерпѣлъ какой нибудь убытокъ. Городъ былъ превращенъ въ настоящій островъ и совершенно отрѣзанъ отъ станціи желѣзной дороги, лежащей по ту сторону Литавы. Отъ ведущаго черезъ рѣку моста не видать было и слѣда; шумя и журча бѣжала надъ нимъ вода. Плотина желѣзной дороги была взрыта, а во многихъ мѣстахъ сторожевые домики были унесены вмѣстѣ съ своими обитателями. Сообщеніе по западной желѣзной дорогѣ, само собою разумѣется, остановилось и отовсюду слышались жалобы на разстроенное состояніе, на потерю людей.

А между тѣмъ Бераунъ, откуда я уѣхалъ на другой день утромъ для того, чтобъ видѣть дальнѣйшее теченіе рѣки до впаденія ея въ Молдаву, еще не особенно пострадалъ. Особенно пострадавшія мѣста лежали еще впереди на пространствѣ нѣсколькихъ миль. Здѣсь, въ нижнемъ теченіи Берауна, гдѣ лежатъ Буднанъ, Добршиховицъ, Мокропецъ,—силурійскіе известковые угнесы, откуда добывается мраморообразный камень для строенія и превосходная известка, опять подступаютъ съ обѣихъ сторонъ къ рѣкѣ. Множество небольшихъ боковыхъ долинъ и дикихъ ущелій тянутся изъ горъ внизъ, по направленію къ Берауну. Верхнія части горъ, поднимающихся до 1200 футовъ, поросли лѣсомъ, тогда какъ склоны ихъ, лежащіе у самой рѣки, круты и голы. Мы ѣхали по правому берегу Берауна, по плоской возвышенности, черезъ безжалостно-опустошенныя поля, потому что ѣхать ниже, по долинѣ, было невозможно, такъ высоко поднялись желтыя, глинистыя волны рѣки. Такимъ образомъ достигли мы Путшника, любимой стоянки путешествующихъ для всего удовольствія пражцевъ. Все тамъ разрушено, уничтожено; станціонное зданіе полно ила, точно такъ же какъ и гостинница, откуда я любовался такъ часто картиной лежащаго насупротивъ замка Карлштейнъ, вѣнца всѣхъ чешскихъ замковъ, которому считается уже пятьсотъ лѣтъ. Тутъ лежало теперь множество труповъ, которые были принесены сюда наводненіемъ, а

въ одномъ мѣстѣ, подлѣ овина положены рядомъ, другъ подлѣ друга, старики и дѣти, мужчины и женщины—въ числѣ 27 человѣкъ. Напрасно звонилъ въ это воскресенье колоколъ маленькой церкви Палмаціуса у подножія Карлштейна,—прихожане не являлись; все убѣжало, все молилось и плакало на открытомъ воздухѣ въ горахъ.

Держась разоренной желѣзной дороги, все на правомъ же берегу Бераупа, мы достигли разрушеннаго мокропецкаго моста, который былъ построенъ только въ 1862 г. и считался верхомъ совершенства въ техническомъ отношеніи. Его основаніе было сооружено изъ тяжелыхъ гранитныхъ плитъ а надстройка изъ желѣза, и онъ стоилъ городу большихъ денегъ. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ. Что сталось съ этимъ прекраснымъ мостомъ, по которому еще такъ недавно гремѣли проносившіеся вихремъ поѣзды? Передо мною лежали одни только обломки. Одинъ столбъ совершенно изчезъ, бѣшеный потокъ унесъ тяжелыя плиты, вѣсомъ отъ 10 до 12 центнеровъ, словно это были игральныя кости; желѣзныя шины или погребены въ волнахъ, или же висятъ на пустыхъ столбахъ, какъ измятые стебли соломы.

Трудно представить себѣ, какую дикую картину запустѣнія представляетъ собою равнина Кенигъзааль. Къ сѣверу отъ этого мѣста Бераунъ впадаетъ въ Молдаву двумя рукавами, образуя такимъ образомъ дельту. Но устремившись по открытому полю, рѣка еще заранѣе соединилась съ Молдавою и образовала озеро длиною на одинъ часъ пути, похоже на бурноволнующееся море. Границами озера этого сдѣлались, съ одной стороны, горы, а съ другой запруда желѣзной дороги и пильзенскій каналъ; а изъ глинистыхъ, грязныхъ волнъ выглядывали крыши и башни городка Кенигзааля и верхушки хижинъ многочисленныхъ деревень. Здѣсь погибло по меньшей мѣрѣ пятьдесятъ тысячь человѣкъ. Здѣсь бѣшеныя волны, хищнически увлекавшія за собою все встрѣчавшееся, оставили большую часть своей добычи; здѣсь, послѣ ихъ удаленія, лежатъ теперь какъ ни попало, въ самомъ пестромъ безпорядкѣ, сотни сажень дровъ, всевозможныя хозяйственныя орудія, мертвый скотъ, человѣческіе трупы, цѣлые возы сѣна и соломы, суда, обломки мостовъ, и т. п. По озеру плаваютъ теперь піонеры пражскаго гарнизона, присланные сюда съ экстреннымъ поѣздомъ для спасенія погибающихъ.

Что претерпѣли Прага и лежащія по Эльбѣ мѣстности— бездѣлица въ сравненіи съ опустошеніями въ долинахъ Бераупа и Литавы.

Еще нельзя опредѣлить какъ велико число погибшихъ, при этой печальной катастрофѣ, людей и какъ высоко цѣнятся причиненные ею убытки. Если первые считаются сотнями, то послѣдніе простираются на милионы гульденовъ. Всѣ надежды на урожай нынѣшняго года пропали, но еще хуже, что лишенныя своего пахотнаго слоя и усѣянныя камнями поля приведены въ такое состояніе, что пройдутъ цѣлые годы прежде чѣмъ къ нимъ возвратится ихъ прежніе плодородіе.

Московская политехническая выставка,

Москва 5 *іюля.* (Спеціальныя корреспонденціи «Нивы»).

(Продолженіе).

Для ознакомленія читателей съ общимъ впечатлѣніемъ и расположеніемъ выставки, помѣщаемъ слѣдующій отрывокъ письма одного изъ нашихъ корреспондентовъ.

По пріѣздѣ въ Москву, первымъ моимъ долгомъ было отправиться на выставку. Я пробылъ тамъ съ 11 ч. утра до 8 вечера, но осмотрѣлъ, сколько-нибудь основательно, едва-ли только десятую ея часть. По этой причинѣ, да еще потому, что ваши спеціальные корреспонденты сообщатъ вамъ о ней всѣ подробности,—я ограничусь только пересказомъ того впечатлѣнія, какое производитъ выставка въ цѣломъ на всякаго обыкновеннаго посѣтителя. Самое пріятное ощущеніе рождается прежде всего оттого, что мѣсто для выставки выбрано въ саду, вокругъ Кремля и по берегу Москвы—рѣки. Городской шумъ едва долетаетъ до васъ и вы не глотаете ни пыли, ни различныхъ міазмовъ, прогуливаясь по выставкѣ безъ всякаго утомленія.

Войдя съ Воскресенской площади, я направился по главной дорожкѣ, по обѣимъ сторонамъ которой въ великолѣпныхъ клумбахъ разсажены цвѣты и разныя дорогія растенія. До 70 павильоновъ самой разнообразной величины и архитектуры построены въ трехъ кремлевскихъ садахъ. Преобладающій стиль — русскій; повсюду дерево съ изящной рѣзьбою и украшеніями. Особеннымъ изяществомъ отличаются павильоны морской, сельскохозяйственный и сельская церковь; необыкновенно типичны: туркестанскій павильонъ, построенный въ восточномъ вкусѣ, на манеръ среднеазіатскихъ *медрессе* (духовныя училища), и военный, представляющій древнерусскій теремъ, съ башенками, навѣсцами и разнообразной рѣзьбой. Обиліе отдѣловъ и выставленныхъ въ нихъ предметовъ съ перваго же шага охватываетъ посѣтителя и убѣждаетъ его, что для сколько-нибудь основательнаго осмотра потребуется не менѣе недѣли. Но такъ какъ далеко не всякій изъ пріѣзжихъ рѣшается прожить въ Москвѣ столь продолжительное время, то обыкновенно дѣлаютъ такъ, что осматриваютъ мелькомъ всѣ павильоны, останавливаясь лишь передъ самыми выдающимися предметами. Многочисленность выставленныхъ экспонентами предметовъ, ихъ необыкновенная пестрота и разнообразіе производятъ какое то одуряющее дѣйствіе на посѣтителя. Хорошо еще, если онъ спеціалистъ какой-нибудь отрасли знанія: тогда по крайней мѣрѣ онъ познакомится и даже изучитъ тотъ отдѣлъ, который составляетъ его спеціальность. Но что прикажете дѣлать человѣку, не пріурочившему себя ни къ какой изъ существующихъ спеціальностей,—человѣку, интересующемуся развитіемъ знаній вообще и съ жадностью накидывающемуся на всякое усовершенствованіе? Съ другой стороны, даже самый односторонній спеціалистъ, при видѣ такого множества выставленныхъ предметовъ, поинтересуется осмотрѣть главнѣйшіе изъ другихъ отдѣловъ,—но едва-ли осмотритъ хоть половину. Я, поэтому, предпочитаю такія выставки, на которыхъ вниманію посѣтителя предлагаются предметы одной какой-нибудь отрасли человѣческой дѣятельности, напр. выставки сельско-хозяйственныя, выставки садоводства, художественныя и т. подобныя. Въ нихъ покрайней мѣрѣ есть центръ, вокругъ котораго группируются всѣ предметы, есть опредѣленная цѣль и всѣмъ доступная система.

Какъ спеціалистъ по педагогическому отдѣлу, я сосредочилъ на немъ почти все свое вниманіе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, не желая остаться въ невѣденіи насчетъ другихъ отдѣловъ, я долженъ былъ осмотрѣть и ихъ. Отдѣлы сельскаго домоводства, туркестанскій и сельско-

хозяйственный заставили остановиться на нихъ нѣсколько больше. Первый изъ нихъ представляетъ, построенные въ натуральную величину, образцовые: сельскую школу, домъ средней руки помѣщика, сельскую больницу, сельскую аптеку и сельскій питомникъ. Церковь построена на горѣ, подлѣ кремлевской стѣны, и чрезвычайно красива. Она разбирается и можетъ быть перевозима съ мѣста на мѣсто. Построенная на выставкѣ переходитъ въ собственность села Люблина; она сдѣлана изъ брусьевъ, безъ досчатой обшивки; но красота ея нисколько не теряетъ отъ этого, хотя прочность—сомнительна. Внутри, церковь снабжена всею церковною утварью, иконами и проч. Царскія врата съ иконостасомъ и другія части храма сдѣланы въ древнерусскомъ духѣ. Зданіе образцовой сельской школы представляетъ нѣкоторыя удобства въ отношеніи гигіеническомъ—и больше ничего; сельская больница и сельская лечебница съ аптекой представлены съ большею старательностью. Въ больницѣ, выстроенной съ мезониномъ, направо отъ входа помѣщается контора и аптека, налѣво комната для больныхъ на 5 кроватей, въ 3 окна; тутъ-же, рядомъ, ванна, ватерклозетъ и кухня, а на-верху помѣщеніе для фельдшера. За то домъ землевладѣльца убранъ съ заботливостью и любовью, которымъ нельзя не позавидовать: верхній и нижній этажи убраны съ большимъ вкусомъ, хотя и не съ деревенской простотою; въ меблировкѣ комнатъ, въ столовой, чайной посудѣ и проч. все предъусмотрѣно до послѣдней мелочи. Непонятно только, какое отношеніе можетъ имѣть этотъ домъ, на постройку котораго употреблено столько средствъ,—къ самой цѣли политехнической выставки: для людей недостаточныхъ онъ не по карману, богатые-же съумѣютъ построить его и лучше, и комфортабельнѣе.

Туркестанскій отдѣлъ—изъ самыхъ интересныхъ, самыхъ самыхъ замѣчательныхъ на выставкѣ. Павильонъ его рѣзко отличается отъ другихъ своею восточною архитектурою, своимъ гигантскимъ фасадомъ, съ стрѣльчатой аркой посерединѣ, и съ башенками (минаретами) по бокамъ, расписанный по восточнымъ образцамъ. Рисунки, покрывающіе фасадъ зданія, въ высшей степени характерны и напоминаютъ мавританскій стиль; это самая тонкая, самая изящная мозаика, производящая впечатлѣніе какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ. Внутри зданія собрано множество предметовъ, знакомящихъ съ этимъ интереснымъ краемъ, выставлены цѣлыя коллекціи мѣстныхъ произведеній промышленности, карты, фотографич. снимки, образцы почвъ и минераловъ, коллекціи мѣстныхъ растеній и животныхъ, черепа человѣка и животныхъ, наконецъ, множество предметовъ, касающихся этнографіи края, начиная съ маленькихъ сартскихъ идоловъ и кончая цѣлыми группами восковыхъ фигуръ въ натуральную величину, представляющихъ собою мѣстные типы при извѣстной обстановкѣ. Группы эти образуютъ цѣлую улицу или, вѣрнѣе, среднеазіатскій базаръ, со всѣми его типическими особенностями: цирульной, чайной, лавкой готовыхъ платьевъ и проч. Совершенно случайно мнѣ привелось быть свидѣтелемъ любопытной сцены изъ восточной жизни. Обходя кругомъ туркест. павильонъ, я натолкнулся на группу ташкентцевъ, расположившихся за кустами въ самыхъ характерныхъ позахъ: это была *живая* картинка изъ жизни востока. На разостланномъ коврѣ сидѣли двое пожилыхъ, въ бѣлыхъ чалмахъ и зеленыхъ халатахъ; тутъ-же одинъ изъ ташкентцевъ на грубомъ станкѣ ткалъ бумажную матерію, а двое другихъ брили другъ другу головы. По окончаніи бритья, цирульникъ вытеръ ножъ, взялъ обѣими руками только-что выбритую имъ голову и началъ сдавливать ее со всѣхъ сторонъ, шепча при этомъ молитвы; потомъ взялъ ситцевый платокъ, служившій ему вмѣсто полотенца, обернулъ имъ ухо своего товарища и сталъ довольно сильно дергать внизъ; та-же участь постигла и другое ухо. Черезъ переводчика узналъ я, что это—весьма обыкновенный при бритьѣ восточный обычай. Въ огромномъ числѣ выставленныхъ предметовъ, вѣроятно, пройдетъ незамѣченою маленькая фигурка идола *дымчука*, родоначальника человѣка. Это, собственно говоря, двѣ фигуры, мужчины и женщины; у каждой по шести рукъ и сидятъ они въ довольно игривой позѣ. Кульджинскіе китайцы, слѣдовательно, всю силу человѣка представляютъ себѣ въ рукахъ, въ противоположность другимъ народамъ, изображающимъ родоначальника человѣка съ нѣсколькими головами, какъ умнѣйшаго изъ всѣхъ тварей. Совершенныя же научныя воззрѣнія идутъ въ разрѣзъ съ тѣми и другими, предполагая постепенное *развитіе* и *совершенствованіе* тамъ, гдѣ, по понятіямъ древнихъ, существуютъ вырожденіе, измельчаніе.

Особенною полнотою и наглядностью выставленныхъ предметовъ отличаются отдѣлы: сельскохозяйственный, лѣсной и медицинскій. Первые два представляютъ богатѣйшія собранія и по справедливости могутъ быть названы музеями сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Въ отдѣлѣ почтовомъ обращаютъ на себя вниманіе группы, изображающія почтовую гоньбу на собакахъ и на оленяхъ; въ отдѣлѣ промысловыхъ животныхъ — павильоны шелководства и пчеловодства; въ морскомъ — громадная крупповская пушка, та самая, которая, при перевозкѣ ея въ Кремль, задавила двухъ рабочихъ; въ желѣзнодорожномъ—вагонъ грязе-царицынской желѣзной дороги, для перевозки живой рыбы; въ фотографическомъ—портреты во весь ростъ; въ музыкальномъ — коллекція изъ 56 каммертоновъ, проготовленная свящ. Израилевымъ, изъ Ростова, и проч. и проч.

Выставка Морскаго министерства нисколько не уступаетъ предшествовавшей на мануфактурной выставкѣ 1870 года въ Петербургѣ.

Одно изъ видныхъ мѣстъ морскаго отдѣла занимаетъ группа, изображенная на прилагаемомъ рисункѣ, почти рядомъ съ ботикомъ Петра Великаго. Это суда бѣломорскія и частной Милютинской верфи. Искуственный ледъ этого пьедестала сдѣланъ изъ гипса на деревянномъ каркасѣ и очень красиво и близко къ натурѣ украшенъ стеклянными сосульками и листовою стеклянною слюдою.

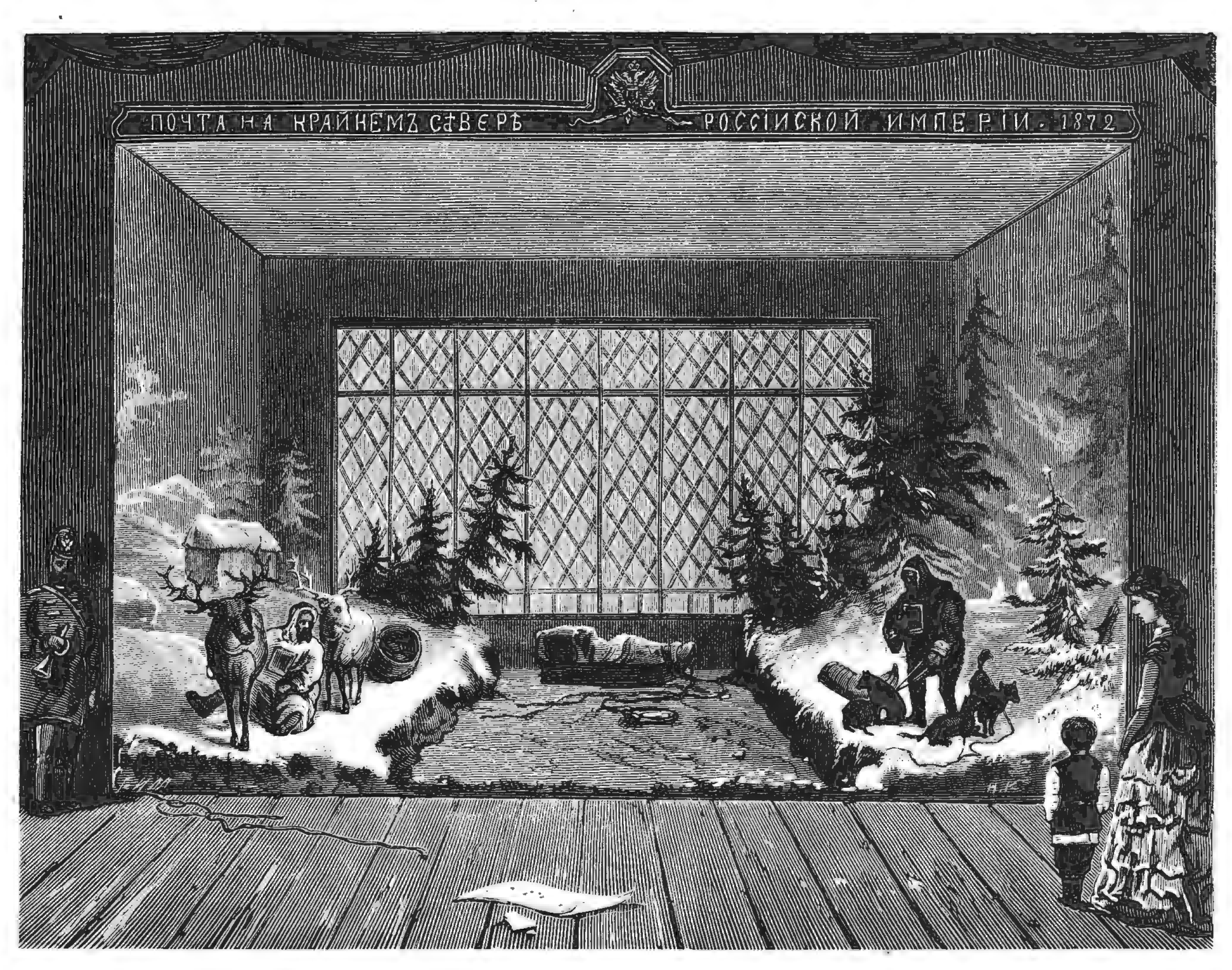
Въ новгородской губерніи, на берегу р. Шексны и Волги, въ селеніи Череповцѣ сотни здоровыхъ рабочихъ рукъ трудятся на самомъ любимомъ поприщѣ Великаго Петра надъ постройкою судовъ для морскихъ, далекихъ плаваній. Весьма немногіе русскіе знаютъ о существованіи этой прекрасной верфи, не смотря на то, что уже не одно суденышко, вышедшее изъ мастерскихъ рукъ братьевъ И. и В. Милютиныхъ, разсѣкаетъ волны морскія, подъ сѣнью русскаго торговаго дома. Эта странная, почти непонятная холодность, съ которою наши соотечественники относятся къ такому полезному дѣлу какъ торговое мореплаваніе,—послужила поводомъ остроумной идеи расположить модели судовъ, построенныхъ на верфи въ Череповцѣ на ледяныхъ глыбахъ, намекающихъ на вниманіе и сочувствіе земляковъ.

Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ суденъ, очень недавно спущенныхъ на воду, это безспорно—громадный баркъ *«Царское Село»*, предназначенный преимущественно для плаванія въ Ледовитомъ океанѣ. Этотъ прочный, легкій на ходу и красивый корабль заложенъ былъ въ 1870 году 15-го іюня въ присутствіи Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича

и спущенъ на воду 22 апрѣля 1872 года (быстрота работа по истинѣ удивительная). Не менѣе замѣчательна также: шкуна «*Великій Князь Алексѣй*», спущенная на воду въ 1869 году, уже совершившая не одно далекое плаваніе, и щегольской легкій двухмачтовый бригъ «*Шексна*», спущенный лѣтомъ въ 1870 году. Кромѣ того, на этой верфи построено множество превосходныхъ судовъ для буксирнаго и рѣчнаго плаваній, преимущественно для перевозки большихъ грузовъ;—суда эти носятъ типъ вообщее волжскихъ транспортныхъ судовъ какъ напримѣръ унжаки, марьинки, полубаржи и другія; модели ихъ занимаютъ всю середину пьедестала между

продаются марки, штемпельные конверты и проч.; здѣсь же всякій можетъ, получивъ бумагу и письменныя принадлежности, написать письмо за особой конторкой, назначенной для этой цѣли и тутъ же отправить его.

Что касается выставленныхъ предметовъ, прежде всего поражаетъ богатое собраніе почтовыхъ картъ, расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ, по царствованіямъ, начиная съ Алексѣя Михайловича, при которомъ впервые установилось почтовое дѣло, ограниченное въ то время двумя путями: отъ Москвы черезъ Тверь, Новгородъ, Псковъ на Ригу, и черезъ Можайскъ, Смоленскъ на Могилевъ. Далѣе представляется коллекціи вещей упо-



Московская политехническая выставка.

Почта на крайнемъ сѣверѣ Россіи. Рисов. Н. Каразинъ, гравир. И. Матюшинъ.

моделью «Царское Село» и возвышеніемъ глыбы, на которомъ въ самыхъ разнообразныхъ поворотахъ размѣщены бѣломорскія парусныя суда для рыбачныхъ промысловъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, кромѣ выставленныхъ имъ крестьянской избы и больницы, имѣетъ еще цѣлый павильонъ, въ которомъ расположены почтовой и телеграфный отдѣлы. Красивое зданіе павильона, съ часами и шпилемъ на башнѣ, находится на правой сторонѣ втораго Кремлевскаго сада.

Въ почтовомъ отдѣлѣ, въ особомъ его отдѣленіи, какъ бы представляющемъ собою маленькій почтамтъ, принимается отъ посѣтителей и выдается имъ корреспонденція,

требляемыхъ на задѣлку почтъ, различные штемпельные куверты и бланки, какъ русскіе, такъ и иностранные, даже посылавшіеся изъ Парижа съ аэростатами, а также и чучела почтовыхъ голубей; затѣмъ слѣдуютъ рисунки и модели почтовыхъ экипажей, нартъ, легкихъ санокъ и балоновъ, одежды почтарей и ямщиковъ, фотографіи почтовыхъ зданій, рисунки переправъ и прочихъ мѣстностей, замѣчательныхъ въ почтовомъ отношеніи. Эти послѣднія чрезвычайно интересны по своему разнообразію, въ особенности по окраинамъ и въ удаленныхъ частяхъ имперіи, гдѣ сообщенія производятся на волахъ, верблюдахъ, оленяхъ и собакахъ. Послѣдніе два способа отправленія корреспонденцій наглядно изображены двумя груп-

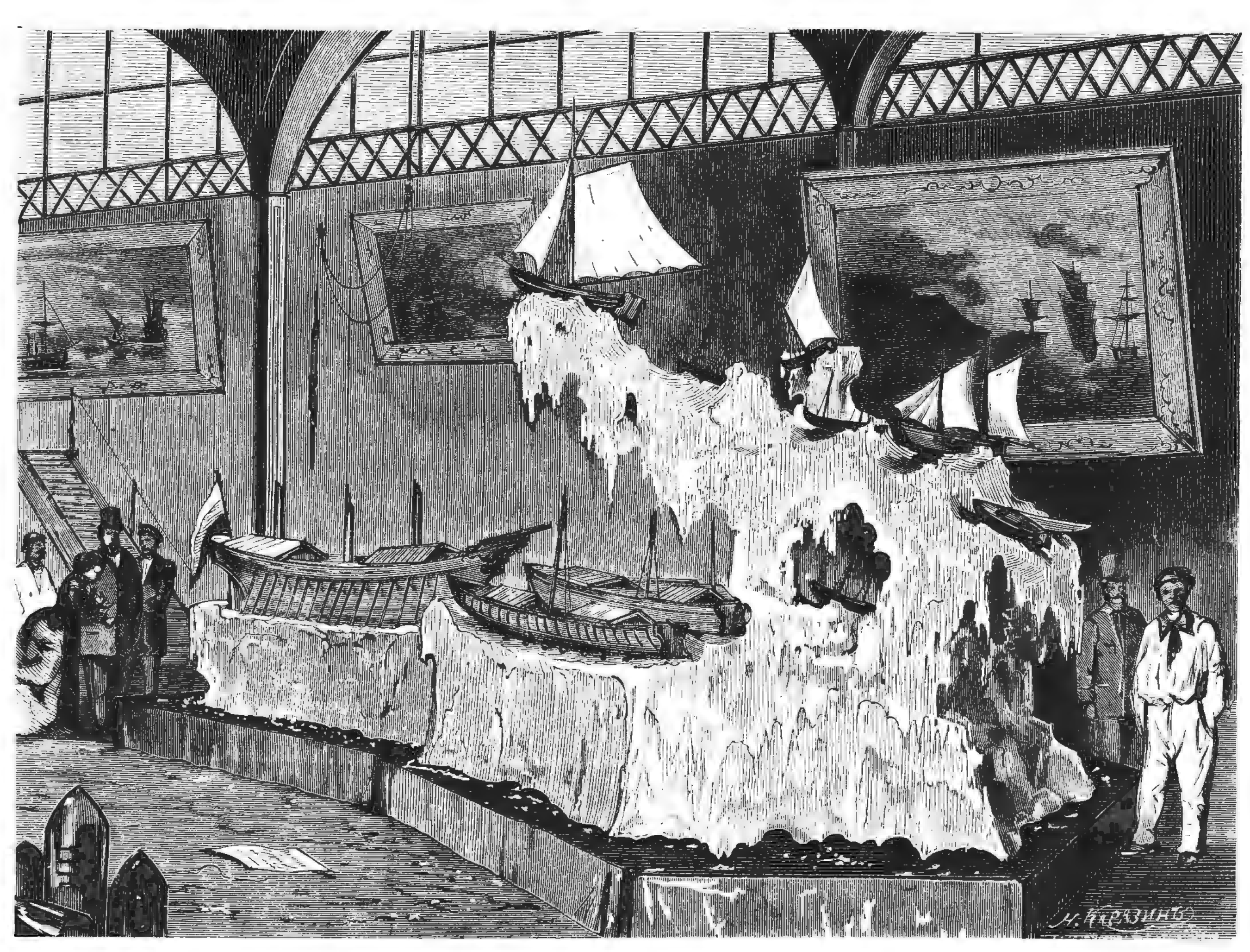
пами въ натуральную величину со соотвѣтственными декоративными обстановками: это почты въ Архангельской губерніи на оленяхъ и въ Сибири — на собакахъ, изображенныя на прилагаемомъ рисункѣ.

Налѣво вы видите снѣжную равнину Архангельской губерніи; группы елей, заиндевѣвшихъ и покрытыхъ хлопьями снѣга, окаймляютъ декорацію; вдали видны самоѣдскіе чумы, на первомъ планѣ изъ подъ толстаго слоя снѣга (конечно искуственнаго) виднѣется мохъ и оголенные камни.

Большой сѣверный олень съ вѣтвистыми рогами везетъ самоѣдскія санки, на нихъ сидитъ самъ почтарь самоѣдъ надо и духъ перевести. Вытянувъ языки, тяжело дышутъ косматыя сибирки, сгрупировавшись около саночекъ съ почтою.

Громадное оранжерейное окно, занимая всю стѣну залы обливаетъ сцену ровнымъ свѣтомъ, а окрашенныя синеватою краскою стекла этого окна придаютъ ей странный колоритъ, весьма напоминающій колоритъ воздуха далекаго сѣвера.

Въ телеграфномъ отдѣлѣ находится полное собраніе этихъ аппаратовъ, начиная отъ первоначальнаго флаговаго системы Шаппе и кончая новѣйшими усовершенствованіями электро-магнитныхъ телеграфовъ Казелли, Юза,



Московская политехническая выставка.

Милютинская частная верфь и бѣломорскія суда на ледяной глыбѣ. Рис. Н. Каразинъ, грав. И. Матюшинъ.

въ оригинальномъ костюмѣ изъ оленьихъ шкуръ и погоняетъ своего рогатаго коня; сзади идетъ другой олень съ санками, занятыми почтовою клажей.

Суровымъ, пронизывающимъ насквозь холодомъ вѣетъ отъ всей картины; превосходно сдѣланный манкенъ самоѣда и чучела оленей еще болѣе усиливаютъ иллюзію— и такъ и кажется, что вотъ-вотъ хрипло прикрикнетъ мохнатый погонщикъ, а олени нагнутъ свои рогатыя головы и на ходу захватятъ изъ подъ снѣга клочокъ сухаго, промерзлаго мха.

На противоположной сторонѣ пейзажъ еще суровѣе; тутъ уже преобладаетъ сибирскій характеръ мѣстности. Якутъ пріостановилъ всю стаю разношерстныхъ собакъ, Унстона, Сименса и Гальске. Изъ таблицы, показывающей развитіе телеграфныхъ сообщеній въ Россіи, видно, что съ 1852 года, когда у насъ считалось всего 1126 верстъ оптическаго телеграфа и 320 верстъ электрическаго при 818 проводахъ и 19 станціяхъ,—нынѣ числится 46,709 верстъ государственныхъ линій при 91,730 проводахъ и 576 станціяхъ, да желѣзнодорожныхъ линій 13,338 верстъ при 20,850 проводахъ и 844 станціяхъ.

Нельзя не порадоваться такому успѣшному развитію телеграфнаго дѣла въ странѣ, гдѣ такъ недавно еще само дѣло было вновѣ, и въ такое короткое время, какъ вышеозначенный промежутокъ.

(Продолженіе будетъ).

Внутреннее обозрѣніе.

О рельсированіи земскихъ дорогъ.—Какое важное значеніе оно имѣетъ въ экономическомъ отношеніи для народа.—Открытіе педагогическихъ курсовъ.—Пожаръ въ селѣ Павловѣ.

Земства, какъ видно, начинаютъ все болѣе и болѣе понимать свое значеніе; они все болѣе и болѣе начинаютъ давать просторъ той прогрессивно-двигающей силѣ нравственнаго и экономическаго быта нашего народа, двигателемъ котораго они являются. Его дѣятельность все шире начинаетъ охватывать всѣ фазисы народной жизни. Однимъ изъ такихъ земствъ является предъ нами Екатеринославское. Этому земству Россія много обязана за его полезную дѣятельность, въ особенности въ дѣлѣ народнаго образованія. Теперь ему принадлежитъ починъ въ рельсированіи земскихъ дорогъ, т. е., въ проведеніи земскихъ конно-желѣзныхъ дорогъ, по проекту г. Больмана. Это давно извѣстная аксіома, что пути сообщенія служатъ главнѣйшимъ средствомъ для развитія промышленности и народнаго благосостоянія. Въ настоящее время другихъ путей сообщенія кромѣ желѣзныхъ дорогъ нельзя считать хорошими. У насъ событія спѣшатъ, всесторонія требованія растутъ съ поражающей быстротой, между тѣмъ развитіе народнаго хозяйства не идетъ въ паралели. Оно тормозится отсутствіемъ *потребнаго* количества путей сообщенія; эта потребность до того велика, что существующія паровозныя силы не въ состояніи ей удовлетворить. Россія имѣетъ 82,631 версту почтовыхъ дорогъ, 7,965 в. шоссе; протяженіе транзитныхъ и проселочныхъ дорогъ даже приблизительно неизвѣстно—во всякомъ случаѣ въ сто разъ болѣе. Существованіе и содержаніе на счетъ земства этого огромнаго протяженія едва проходимыхъ грунтовыхъ дорогъ свидѣтельствуетъ о необходимости ихъ. Возможно ли мечтать о замѣнѣ хотя бы сотой доли ихъ паровозными дорогами въ болѣе или менѣе непродолжительное время, въ томъ количествѣ, которое бы соотвѣтствовало возрастающимъ потребностямъ? Стоимость паровозныхъ дорогъ и эксплуатаціи ихъ, полнѣйшая зависимость сооруженія и ремонта отъ иностранныхъ рынковъ и внѣшняго заводскаго производства,—все это дѣлаетъ осязательно понятнымъ, что быстрое распространеніе у насъ паровозныхъ дорогъ, въ мѣрѣ дѣйствительной и неотложной потребности улучшенныхъ путей сообщенія, немыслимо; а между тѣмъ крайняя потребность повсемѣстнаго улучшенія путей сообщенія оказывается огромною—и медлить нельзя; что-же можетъ земство сдѣлать для улучшенія этихъ дорогъ? „Предположивъ (говоритъ одинъ русскій публицистъ), что земство сочло бы возможнымъ превратить всѣ почтовыя дороги и часть главныхъ проселковъ въ шоссе, расчитывая цѣнность версты въ 10,000 р. и срокъ выполненія работъ 10 лѣтъ,—устройство дорогъ потребовало бы 900.000,000 руб., или въ годъ 90.000,000. Нынѣ же земство тратитъ на дороги 1.906,000 руб., или на 4,621% менѣе, чѣмъ бы нужно". Но если земство будетъ рельсировать тракты и рельсировать не на свои, а на чужіе капиталы, которые скоро появятся на это выгодное дѣло, тѣмъ болѣе, когда оно будетъ гарантировано земствомъ,—то, разумѣется, улучшеніе путей сообщенія болѣе чѣмъ возможно. Дешевыя и вполнѣ отвѣчающія требованіямъ, конно-желѣзныя дороги не послужатъ новымъ налогомъ, а напротивъ, дороги эти послужатъ пособіемъ податной реформы и средствомъ безнедоимочнаго выполненія. Для того чтобы дать понятіе, какое громадное значеніе конно-желѣзныя дороги имѣютъ въ народно-экономическомъ быту, мы приводимъ слова того же публициста: „У насъ бываетъ, что въ портахъ цѣны на хлѣбъ поднимаются до 12 и болѣе рублей, а во внутреннихъ губерніяхъ онѣ держатся по 2 руб. 70 коп. и 3 руб., напр. въ Тамбовской и Пензенской губ. въ 1867 г. и въ Оренбургской въ 1869 году. Перевозка хлѣба по желѣзнымъ дорогамъ на 3,000 верстъ можетъ сдѣлать разницу между портовою и мѣстною цѣною только на 5 руб.; слѣдовательно 4 руб. 30 к. составляютъ надбавку на дурные пути сообщенія, падающую прямымъ убыткомъ на земледѣльческое населеніе. Если допустимъ, что дурныя дороги причиняютъ разницу въ цѣнѣ четверти только на 3 рубля, то при 12.000,000 четвертей отпускаемыхъ за границу, наше сельское населеніе теряетъ 24.000,000".

Этою суммою покрываются почти всѣ на одинъ годъ расходы, опредѣленные по смѣтамъ земскихъ повинностей на трехлѣтіе съ 1872 года. Теперь возьмите пропорціональный убытокъ на всю массу отпускной привозной торговли—и вы получите громадную цифру прямаго убытка отъ недостатка улучшенныхъ путей сообщенія, который пополнилъ бы рѣшительно весь собираемый у насъ душевой налогъ. Земство это очень хорошо понимаетъ; потому оно ревностно хлопочетъ о дарованіи ему посильныхъ конно-желѣзныхъ дорогъ, для постройки которыхъ явится частная предпріимчивость.

Не менѣе вниманія заслуживаетъ и открытіе по старанію земства педагогическихъ курсовъ, которое происходило въ Петербургѣ, по словамъ „Петербургскихъ Вѣдомостей", 15-го іюня; по ихъ словамъ, сюда съѣхалось изъ всѣхъ уѣздовъ Петербургской губерніи до 80 лицъ обоего пола, занимающихся преподаваніемъ въ начальныхъ училищахъ. По обыкновенію, по отслуженіи молебствія съ довольно дружнымъ хоромъ, составленнымъ изъ учителей, и по провозглашеніи многолѣтія Государю Императору, а затѣмъ учащимъ и учащимся, учителя съ учительницами и ихъ руководителями и еще нѣсколько административныхъ лицъ, представителей земства, собрались въ одномъ изъ классовъ Андреевскаго уѣзднаго училища. Баронъ Н. Л. Корфъ обратился къ педагогамъ съ краткою рѣчью, въ которой онъ упомянулъ объ участіи петербургскаго земства въ дѣлѣ подготовленія народныхъ учителей и выразилъ надежду, что такъ какъ учителя, а равно и учительницы явились по собственному желанію, то занятіе ихъ будетъ основательно и принесетъ пользу какъ имъ самимъ, такъ и ихъ ученикамъ. И. Ф. Рашевскій, посвятившій себя въ наставники для приготовленія учителей для народныхъ школъ, произвелъ перекличку учителямъ и учительницамъ по уѣздамъ, освѣдомляясь, гдѣ каждый изъ нихъ получилъ образованіе, какою школой завѣдовалъ и занимался-ли онъ на педагогическихъ курсахъ предшествовавшихъ годовъ.

Всѣхъ лицъ, желающихъ заниматься на курсахъ нынѣшняго года, какъ упомянуто, около 80; приблизительно одна треть—женщаны, большею частью дѣвушки въ юномъ еще возрастѣ; есть впрочемъ учительницы, занимающіяся обученіемъ уже 10 и 15 лѣтъ. Первоначальное образованіе вообще домашнее, иныя кончили курсъ въ прогимназіи и другихъ женскихъ учебныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Учительницы распредѣляются преимущественно между уѣздами Петербургскимъ и Гдовскимъ, гдѣ особое вниманіе обращено на привлеченіе женщинъ изъ духовнаго званія къ преподаванію въ народныхъ школахъ. Для Петербургскаго уѣзда, гдѣ находится столица, легче было набрать народныхъ учительницъ,—и составъ ихъ такъ удаченъ, что крестьянскимъ мальчикамъ, вѣроятно, пріятно и весело заниматься подъ ихъ руководствомъ. Немало наставницъ и въ Лугскомъ уѣздѣ, гдѣ число народныхъ

школъ возросло до 80, хотя большинство съ весьма ограниченными средствами. Между учительницами барономъ Корфомъ были указаны иныя, которыхъ курсы могутъ только усовершенствовать въ ихъ дѣлѣ, такъ какъ онѣ хорошо знакомы съ пріемами преподаванія и ведутъ его въ своихъ школахъ отлично, образцово.

Составъ народныхъ учителей самый разнообразный: начиная отъ 18-ти лѣтняго возраста, тутъ есть молодые люди всякихъ лѣтъ; есть и люди солидныхъ лѣтъ, и учителя съ сѣдиною. Преобладаетъ, конечно, нѣмецкій костюмъ; но красная рубаха, шаровары, высокіе сапоги и русская поддевка встрѣчаются довольно часто. По первоначальному образованію сельскіе учителя распредѣляются на двѣ приблизительно разныя половины: одни кончили ученіе въ уѣздныхъ училищахъ, другіе проходили курсъ духовныхъ училищъ и семинарій, и лишь немногіе кончили курсъ въ учительской семинаріи. Явился и почтенный старичокъ крестьянинъ, обучавшійся, какъ онъ самъ объяснилъ, по старинному, и обучающій крестьянскихъ дѣтей въ своей школѣ уже въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, тоже по старому способу. Но лѣта, повидимому, не мѣшаютъ ему совершенствоваться.

Послѣднія извѣстія изъ провинцій ни о чемъ такъ часто не сообщаютъ, какъ о пожарахъ то и дѣло истребляющихъ цѣлыя селенія. Это повторяется изъ года въ годъ, каждое лѣто, а между тѣмъ не видно, чтобы принимались какія-либо энергическія мѣры для борьбы съ этимъ бѣдствіемъ. Къ длинному ряду пожаровъ за послѣднее время прибавился еще одинъ, превосходящій по своимъ размѣрамъ прежніе, а именно сгорѣло извѣстное своею промышленностью, село Павлово, Нижегородской губерніи, Горбатовскаго уѣзда. Газеты сообщаютъ объ этомъ пожарѣ слѣдующее: „12 іюня ночью, въ 1-мъ часу, начался пожаръ, истребившій половину Павлова. Болѣе 50 каменныхъ и 600 деревянныхъ домовъ сдѣлались жертвою пламени. Сгорѣли волостное правленіе, квартира становаго, почтовая станція, больше 500 ножевыхъ и слесарныхъ заведеній, три мыльныхъ завода, одинъ шорный, всѣ трактиры, базаръ, склады товаровъ, 100 лавокъ, 2 церкви. Убытокъ болѣе милліона. Первоначально загорѣлся постоялый дворъ, и при недостаткѣ воды и тѣсноты строеній огонь быстро распространился. 1,000 семействъ остались безъ хлѣба и безъ пристанища, потерявъ все. Горбатовскій голова Смолинъ скупилъ въ Горбатовѣ печеный хлѣбъ и отправилъ въ Павлово. Училища мужское и женское остались цѣлы".

Политическое обозрѣніе.

Тѣ раны, которыя были нанесены Франціи послѣдней франко-прусской войной, еще долго не заживутъ и нѣтъ никакой возможности ихъ залечить, пока нѣмецкія оккупаціонныя войска будутъ присутствовать на на французской территоріи. Присутствіе нѣмецкихъ войскъ во Франціи парализируетъ нравственныя и экономическія народныя силы. Тьеръ это очень хорошо понималъ и поэтому, не смотря ни на какіе происки партій, всѣми силами и средствами старался войти въ соглашеніе съ Германіей для возможно-скорѣйшей уплаты контрибуціи. Усилія Тьера увѣнчались успѣхомъ. Нѣкоторыя условія прежняго трактата были измѣнены и хотя послѣдній трактатъ не представляетъ для Франціи большихъ выгодъ и нѣкоторыя его условія довольно неясны, напр. куда будутъ выведены войска — въ провинціи, остающіяся еще занятыми нѣмецкими войсками, или же они будутъ совершенно выведены изъ Франціи; но все-же послѣднія условія даютъ Франціи возможность скорѣйшей уплаты трехмиліардной суммы остальной контрибуціи. Условія послѣдняго трактата слѣдующія: Чрезъ два мѣсяца послѣ ратификаціи договора Франціею должно быть уплачено полмилліарда, при чемъ освобождаются отъ занятія нѣмецкими войсками департаменты Марны и Верхней Марны. Вторые полмилліарда уплачиваются 1-го марта 1873 года, и затѣмъ послѣдуетъ очищеніе какой-либо части французской территоріи. Далѣе, 1-го марта 1874 года вносится милліардъ, и освобождаются департаменты Вогезскій и Арденнскій. Наконецъ послѣдніе 500 милліоновъ и проценты па проценты Франція уплачиваетъ 1-го марта 1875 года, и очищается остальная территорія—то-есть департаменты Мерты и Мезы и крѣпость Бельфоръ. Теперь самый главный вопросъ для палаты состоитъ въ въ томъ, какъ при такомъ печальномъ положеніи финансовъ добыть денегъ для скорѣйшей уплаты этого тяжкаго долга. Для этой цѣли предполагаются новые налоги, предпринимается новый заемъ. Есть слухъ, что Тьеръ намѣренъ изложить предъ палатой финансовое положеніе страны. Для того, чтобы представить странѣ этотъ своего рода манифестъ, президентъ республики воспользуется, вѣроятно, обсужденіемъ проекта новаго займа.

Вотъ результаты, къ которымъ привело введеніе послѣднихъ налоговъ во Франціи. Употребленіе кофе какао и перцу доставило въ первые четыре мѣсяца 1870 г. 8.860,000. фр., а въ 1872 г. эти продукты дали за тотъ же періодъ времени всего 1.236,000. Въ 1870 г. таможни доставили казначейству 38.441,000 фр. тогда какъ въ 1872 г. съ нихъ собрано только 36.000.000 фр. Заграничный сахаръ, съ котораго въ 1870 г. получено 13.000.000 фр., теперь принесъ всего 8.600,000 франк. Доказательствомъ тому, что такое уменьшеніе доходовъ находится въ прямой зависимости отъ возвышенія налоговъ, могутъ служить слѣдующія цифры, изъ которыхъ видно, что доходъ съ необложенныхъ новыми пошлинами товаровъ, не только не уменьшился, но еще возвысился. Хлопчатая бумага, доставлявшая въ 1870 г. 32.750,000 дохода, въ соотвѣтствующій періодъ 1872 года доставила 37.500,000 фр. Шерсть, вмѣсто прежнихъ 17.250,000 дала 25.300,000 фр.

Въ третьемъ томѣ „Парламентскаго слѣдствія о революціи 18 марта" помѣщенъ, между прочимъ, документъ объ организаціи силъ коммуны. Интересна въ этомъ отношеніи роль женщинъ и дѣтей. Обвиненныхъ въ участіи въ парижскомъ движеніи дѣтей отъ 10 до 16 лѣтъ оказывается 681. Изъ 1,850 женщинъ, судившихся въ 4-мъ военномъ судѣ, француженокъ—1,032, нѣмокъ—5, итальянокъ—2, бельгіекъ 6, испанокъ 1, швейцарокъ—1 и полекъ—4.

Луи Бланъ потребовалъ, чтобы неотлагательно назначенъ былъ день для преній объ амнистіи. Тьеръ, отвѣчая докладчику коммисіи объ амнистіи, сказалъ, что „милосердіе должно явиться, когда дѣло правосудія будетъ окончено".

Неотлагательность этихъ преній отринута собраніемъ.

1-й заемъ 1864 года. 15-й тиражъ 1-го іюля 1872 г.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ
ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА

На основаніи Высочайше утвержденнаго 1 марта 1864 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа 1-го Іюля 1872 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ.

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
91	47	500	3713	34	500	8050	14	500
142	17	500	3752	20	500	8141	43	500
315	22	500	3831	16	500	8261	19	1000
326	28	500	3890	50	500	8268	32	500
332	19	500	3901	6	500	8389	17	500
336	22	500	3916	14	500	8396	36	500
346	39	500	3920	23	500	8402	42	500
367	42	500	3932	2	500	8611	24	500
373	17	500	3934	11	500	8684	46	500
374	11	500	3980	40	500	8707	38	500
407	45	500	4073	18	500	8933	5	500
465	4	500	4127	6	500	8996	24	500
480	4	500	4304	45	500	9068	26	500
497	3	500	4437	44	500	9098	47	500
705	17	5000	4508	40	1000	9268	24	5000
729	42	500	4628	35	500	9354	18	500
742	21	500	4632	32	500	6378	41	500
748	24	500	4646	39	500	9413	44	500
755	15	500	5001	36	500	9486	3	500
759	33	500	5036	24	5000	9587	9	1000
799	10	500	5055	10	5000	9794	20	500
862	7	500	5055	41	500	9973	46	500
925	18	500	5099	50	500	10037	35	500
934	6	500	5126	13	500	10208	24	500
973	42	500	5150	12	500	10350	20	500
1042	39	500	5201	27	500	10355	50	500
1076	48	500	5327	31	5000	10440	3	500
1103	25	500	5363	4	500	10558	6	500
1199	36	500	5366	13	500	10601	48	1000
1281	5	500	5445	32	500	10609	9	1000
1310	12	500	5496	14	500	10698	33	500
1312	16	500	5511	3	500	10764	30	500
1313	13	500	5585	18	75000	10835	31	500
1430	39	500	5619	20	500	10841	9	500
1441	50	500	5671	46	500	10854	10	10000
1479	25	1000	5684	17	500	10930	1	500
1483	28	500	5752	47	500	11011	39	500
1617	35	500	5855	4	500	11043	46	500
1659	16	500	5919	18	500	11356	45	500
1680	43	500	6108	49	8000	11403	24	500
1681	36	500	6137	36	500	11407	29	500
1778	44	1000	6188	14	500	11501	14	500
1907	9	500	6236	9	500	11553	46	500
2309	39	500	6248	45	500	11626	37	8000
2360	45	500	6255	21	500	11842	25	500
2451	36	500	6408	5	500	12112	43	500
2469	34	500	6447	5	500	12116	48	500
2534	44	500	6462	16	500	12196	3	500
2536	33	500	6743	37	500	12270	36	500
2615	4	500	6792	19	1000	12332	23	1000
2656	50	1000	6857	21	500	12365	32	500
2717	50	1000	7010	41	500	12406	17	500
2728	50	500	7025	37	500	12407	1	500
2743	47	500	7046	44	500	12427	4	500
2767	1	500	7088	48	500	12431	3	500
2771	22	500	7261	30	500	12444	14	5000
2910	41	500	7269	48	500	12491	32	500
2965	25	500	7362	42	500	12519	30	500
2998	12	500	7424	10	500	12577	5	500
3090	31	500	7560	22	500	12668	40	500
3154	23	1000	7568	33	1000	12706	13	500
3190	19	500	7702	4	500	12718	9	500
3194	4	500	7747	12	500	12781	30	500
3359	21	1000	7749	34	500	12873	31	1000
3441	29	500	7813	5	500	12971	18	5000
3531	28	500	7903	14	500	12997	40	500

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
13109	29	500	15240	15	500	17492	49	500
13143	34	500	15257	2	500	17627	39	500
13211	36	500	15258	24	500	17658	16	500
13220	50	500	15320	32	500	17673	27	500
13225	5	500	15399	23	500	17753	4	500
13232	43	500	15493	32	500	17772	38	500
13238	47	500	15506	10	500	17948	11	500
13241	36	1000	15544	44	500	18083	37	10000
13319	43	500	15632	24	500	18197	46	500
13418	14	500	15650	38	500	18282	13	500
13511	12	500	15726	44	500	18294	2	500
13696	22	200000	15924	16	500	18299	13	5000
13871	14	1000	15986	13	500	18328	3	500
13975	44	500	16022	33	500	18331	46	500
14064	4	500	16059	7	500	18435	15	500
14164	15	10000	16163	24	500	18602	2	500
14184	8	500	16350	18	500	18707	40	500
14191	20	500	16393	26	500	18798	46	500
14280	3	8000	16432	19	500	17834	5	500
14340	41	500	16496	21	1000	18849	22	500
14480	13	500	16575	21	500	18863	33	500
14528	19	500	16823	6	500	18898	33	500
14536	2	500	16825	47	500	18900	35	500
14629	35	8000	16862	36	500	19029	23	500
14673	10	500	16932	32	500	19333	19	500
14827	19	500	16937	25	500	19407	44	500
14851	2	500	16942	7	500	19502	20	500
14856	27	500	16943	40	500	19570	36	1000
14956	15	500	17027	23	500	19764	49	500
14962	44	500	17135	28	500	19776	17	500
15049	7	8000	17316	6	1000	19830	30	40000
15075	1	500	17388	41	500	19862	41	500
15094	19	500	17446	29	500	19880	14	500
15234	36	500	17474	48	25000	19961	2	500

Уплата выигрышей будетъ производится исключительно въ Банкѣ, С.-Петербургѣ, съ 1-го октября 1872 г.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1864 года вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи государственнаго банка 1-го октября 1872 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

540, 593, 810, 957, 993, 1616, 2006, 2198, 2248, 2468, 2591, 2598, 3738, 4248, 4763, 5359, 5698, 6452, 6997, 7046, 7695, 7853, 7903, 8717, 9224, 9448, 9721, 10787, 10941, 11409, 11743, 12259, 13341, 13562, 14682, 14868, 15034, 15047, 15392, 15769, 15915, 15955, 15976, 17041, 17403, 17883, 18383, 18908, 18991, 19762, 19816.

Всего 51 серія, составляющія 2,550 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 120 р. за билетъ, будетъ производится съ 1-го октября 1872 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 7 Іюля 1872 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Большой Морской д. № 9.** Типогр. Э. Д. Гоппе. Вознес. пр. д. № 53.

№ 29 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 17 іюля 1872 года. **Годъ III.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗАПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ Доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и доставкой	3 » — »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи **(А. Ф. Марксъ)** въ *С.-Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Возникновеніе достопримѣчательнаго города Сѣченовки.

Очерки еврейскаго быта.

(Продолженіе).

VII.

Страшное бѣдствіе Сѣченовцевъ. — Спасенія не предвидится. — Мрачныя картины. — Всеобщее покаяніе. — Публичное покаяніе овцы. — Ея расказъ. — Интересная процессія Сѣченовцевъ къ пану Дембовскому.

Вскорѣ затѣмъ Сѣченовку постигло страшное бѣдствіе. Въ 18.. году граждане города Сѣченовки, неотстававшіе отъ другихъ городовъ въ чемъ бы то ни было, не хотѣли отстать и въ знаменитомъ религіозномъ обрядѣ Пасхи; вдругъ распространился слухъ, будто бы старшины собирались въ синагогѣ и по общему совѣту порѣшили, что на такой случай нужно раздобыться кровью маленькаго христіанскаго мальчика, совершенно маленькаго, трехдневнаго, и во чтобы то ни стало нужно украсть новорожденное дитя 50-лѣтней служанки преподобнаго патера, Маріи,—будто бы они утащили у бабы ребенка, принесли къ раввину и совершили надъ нимъ операціи кровопусканія; но къ сожалѣнію, будто бы Сѣченовскій раввинъ, по неопытности, не съумѣлъ спрятать останки своей жертвы, а преподобный патеръ, какъ блюститель за христіанскими душами, успѣлъ открыть это безчеловѣчное, звѣрское злодѣяніе. Въ пасху вечеромъ, когда Сѣченовцы праздновали свое освобожденіе отъ рабства за 3000 лѣтъ, на нихъ нагрянуло цѣлое сонмище, власть имѣющихъ, христіанъ, перевязали главныхъ представителей города Сѣченовки и заключили въ тюрьму до разслѣдованія дѣла. Какой плачъ и вопль поднялся въ городѣ Сѣченовкѣ, можетъ себѣ читатель самъ представить.

Несчастные Сѣченовцы находились въ безвыходномъ положеніи: всѣ улики были противъ нихъ. Во первыхъ, отъ того, что они жидки, они рѣшительно не могутъ отпереться; во вторыхъ, что жидки замучили Jezus'a Christus'a—тоже не подлежитъ сомнѣнію; въ третьихъ, что будто-бы евреямъ необходима на пасху христіанская кровь, это такой общеизвѣстный слухъ. То, что Марія родила, тоже не подлежитъ сомнѣнію, это подтверждаетъ самъ преподобный патеръ; что ребенокъ былъ похищенъ—это фактъ, потому что онъ не оказался на лицо; что онъ былъ похищенъ и задушенъ евреями—это вѣроятно потому что иначе кто-бы его зарылъ подъ стѣной сѣченовскаго раввина. Это еще христіанское счастіе, что въ то время, когда евреи его зарывали, проходилъ мимо экономъ Юзикъ; ему показалось подозрительнымъ, что *жидзе* такъ поздно возятся возлѣ стѣны—а когда къ нему пришла вѣсть, что у Маріи похищенъ ребенокъ, онъ сейчасъ смекнулъ въ чемъ дѣло и раскрылъ гнусное, звѣрское преступленіе, отъ котораго у всѣхъ волосы дыбомъ становятся; а то вѣдь, если бы не онъ, то это звѣрское преступленіе кануло бы въ море подобныхъ преступленій безъ всякихъ слѣдовъ. Сѣченовцы приходили въ отчаяніе; имъ

не предвидѣлось спасенія. Празднество въ воспоминаніе ихъ освобожденія отъ ига рабства было вродѣ сарказма надъ ихъ страданіями; оно еще хуже растравляло ихъ раны. Но еврей съ отчаянія никогда не приходитъ въ апатію—и чѣмъ больше его несчастіе, тѣмъ больше онъ ищетъ средствъ. для своего спасенія, тѣмъ энергичнѣе онъ борется за свое существованіе. Онъ знаетъ, что онъ имѣетъ слишкомъ сильнаго защитника, который можетъ его спасти естественнымъ и сверхъестественнымъ путемъ. Къ нему обратились Сѣченовцы. Этотъ ихъ защитникъ есть Богъ.

Въ ту самую ночь, когда ихъ постигло несчастіе, въ Сѣченовкѣ случилось необыкновенное происшествіе. Берка не могъ заснуть цѣлую ночь. Вдругъ онъ слышитъ, что кто-то подбѣжалъ къ окну и грянулся о землю. Онъ подождалъ нѣсколько минутъ, но ничего не слышно; онъ подошелъ къ окну и увидѣлъ на землѣ бѣлую растянутую фигуру съ распущенными волосами. Ужасъ овладѣвалъ имъ больше и больше, когда ему казалось, что онъ узналъ въ ней свою жену покойницу. Онъ не выдержалъ и закричалъ, что есть силы. Фигура зашевелилась, поднялась, остановилась въ какомъ-то недоумѣніи и тоже закричала. На ихъ крикъ выбѣжали сосѣди и сосѣдки и, увидѣвъ кричавшую бѣлую фигуру, тоже закричали. На этотъ крикъ выбѣжали ихъ сосѣди и тоже стали кричать. Всѣ кричали и никто не зналъ въ чемъ дѣло, отчего эти крики, эта общая суматоха. Наконецъ дѣло объяснилось: эта бѣлая фигура была дочь Берки, въ одной юбкѣ убѣжавшая изъ христіанскаго убѣжища. Она разсказала, что ночью къ ней явилась покойная мать и предложила ей одно изъ двухъ: или быть задушенной, или возвратиться въ домъ ея отца. Она, разумѣется, выбрала послѣднее, выскочила въ окно и побѣжала домой. По дорогѣ ей казалось, будто за нею гонятся—и едва она добѣжала какъ упала въ обморокъ. Она очнулась отъ какого-то ужаснаго крика, испугалась и тоже закричала.

Впрочемъ, всѣмъ имъ было не до того: горе слишкомъ тяготѣло надъ городомъ.

Въ горѣ Сѣченовцевъ приняли участіе и другіе города и, какъ только разнеслась вѣсть о постигшемъ Сѣченовцевъ несчастіи, во всѣхъ городахъ начали молиться о спасеніи несчастныхъ; возвѣстили предковъ о несчастіи ихъ потомковъ, чтобы они не дремали во время общаго горя.....

Въ первый понедѣльникъ послѣ пасхи городъ Сѣченовка представлялъ собою мрачную картину. Я привожу цѣликомъ слова лѣтописца и очевидца этого:

«Я пишу эти строки 10 лѣтъ спустя, но у меня волосы становятся дыбомъ при воспоминаніи о происходившемъ тогда. Въ воскресенье вечеромъ пріѣхалъ изъ сосѣдняго города проповѣдникъ и всѣмъ Сѣченовцамъ было возвѣщено, что на завтра постановляется общественный постъ, начиная съ трехлѣтняго возраста. Въ понедѣльникъ утромъ всѣ одѣлись какъ въ судный день, и отъ стара до млада всѣ пошли въ синагогу. Даже у имѣющаго сердце каменное — и у того оно разорвалось бы въ куски, если бы онъ увидѣлъ эти изнуренныя горемъ лица, эти истощенныя фигуры, ползущія въ однихъ чулкахъ, съ плачущими дѣтьми, въ бѣлой одеждѣ. Въ синагогѣ горѣло безчисленное множество свѣчей, съ кивота были сняты занавѣски, на всемъ лежала печать печали. Отслужили службу, составленную изъ молитвъ разныхъ временъ года и, потрубивши въ шойфоръ (рогъ) всѣ отправились на кладбище. Господи! что это была за грустная процессія. Представьте себѣ: мужчины и женщины, старики и дѣти, одѣтые въ бѣломъ и въ однихъ чулкахъ, идутъ по городу съ воплями и крикомъ; не было ни одного человѣка, который бы не плакалъ въ этотъ день. Плакали даже такіе люди, которые отъ роду не проливали ни одной слезинки; плакали такіе люди, которые не плакали при смерти ихъ родителей. Но самая ужасная картина была вечеромъ въ синагогѣ: когда всѣ, изнеможенные постомъ и плачемъ собрались на молитву, изнеможенные дѣти лежали на полу какъ мертвые, женщины рвали на себѣ волосы, мущины бились головами о стѣны, крики и вопли раздавались со всѣхъ сторонъ и слились въ какой-то душу-раздирающій гулъ, слезы лились рѣкой, — это были горячія слезы, горячежгучія слезы; это были такія слезы, которыхъ ни одна капля не пропадаетъ, — слезы, каждая капля которыхъ прожигаетъ небо и падаетъ въ потокъ слезъ всѣхъ несчастныхъ, протекающій предъ престоломъ всемогущаго Бога.

Вся эта грустная картина происходила въ полумракѣ, потому что горѣла всего двѣ свѣчи на амвонѣ; эта мрачная картина представляла темное еврейское изгнаніе, наполненное воплемъ и рыданіями, съ мерцаніемъ вдали свѣтлыхъ лучей надежды.

Служба началась. Человѣчеекое перо не въ состояніи описать, что въ это время происходило. Казалось, что земля колеблется, что слышится плачъ ангеловъ; казалось, что вся природа издаетъ ужасный вопль о страшномъ несчастіи израиля.

Каждая строфа сопровождалась всеобщимъ воплемъ. Послѣ этой молитвы проповѣдникъ подошелъ къ кивоту и отворилъ его. «Братья!» воскликнулъ онъ громовымъ голосомъ, указывая рукой на заповѣдь: «вы знаете что это такое? кто изъ евреевъ этого не знаетъ? Но знаете-ли что для еврея заповѣдь? Заповѣдь для еврея — это его душа, это его кровь, его жизнь, все его достояніе: это его упованіе, его гражданская доблесть, его честь, его слава, его родина, его надежда. У него нѣтъ родины, нѣтъ отечества—и это (заповѣдь) все, что онъ имѣетъ; это все его вѣковѣчное достояніе, оставшееся ему отъ всѣхъ историческихъ страданій и преслѣдованій. Отнимите у него этотъ свертокъ, и вы отнимете его жизнь, отнимете у него все. Никакое несчастіе для него не такъ сильно, пока остается у него этотъ свертокъ. Братья! у насъ теперь случилось несчастіе. Наши враги посягаютъ на это достояніе; намъ приписываютъ безчеловѣчный законъ употребленія человѣческой крови; объ этомъ несчастіи, братья, плачьте и рыдайте, не жалѣйте слезъ, проливайте ихъ какъ воду.»

Послышались отчаянные крики и вопли. «Не плачьте о томъ» вскликнулъ онъ еще энергичнѣе, «что ваши отцы, братья сидятъ въ темницахъ, закованные въ кандалахъ; не плачьте о томъ, что ихъ ожидаетъ позорная казнь. Нѣтъ, объ этомъ не плачьте! Это участь каждаго еврея и каждый долженъ повиноваться этому безпрекословно. Пути Господни неисповѣдимы, и если Ему такъ угодно, то вѣрно онъ лучше знаетъ, что такъ слѣдуетъ. Но плачьте о томъ, что наша честь, наша гордость и слава поруганы, нашу царственную корону топчутъ въ грязь! Вотъ о чемъ плачьте, о чемъ проливайте слезы, не жалѣйте ихъ! Слезы никогда не пропадаютъ. Талмудъ говоритъ, что всѣ ворота на небо заперты, исключая воротъ слезъ, которые всегда отперты!....»

Отчаянные вопли заглушили дальнѣйшія слова проповѣдника. Изъ женской половины [1]) вышла блѣдная фигура, закутанная въ платокъ. Она дрожала всѣмъ тѣломъ и едва держалась на ногахъ. Она молча подошла къ кивоту и съ ужаснымъ воплемъ бросилась въ середину. Все вдругъ смолкло, все какъ-будто вдругъ окаменѣло. Взоры всѣхъ, какъ-будто прикованные, остановились на полулежавшей въ кивотѣ и рыдавшей женщинѣ. Когда она поднялась, на ея главѣ уже не было чернаго платка; роскошные ея волосы распались по плечамъ до самаго пояса; ея черные глаза горѣли какимъ-то адскимъ пламенемъ; въ античныхъ, но блѣдныхъ чертахъ ея лица не было ни одной кровинки, губы и ноздри дрожали. О, Боже, что это была за картина! Все горе въ минуту было забыто—и всѣ бывшіе въ синагогѣ, съ затаеннымъ дыханіемъ, не то съ ужасомъ, не то съ восторгомъ, смотрѣли на эту величественную картину. Въ ней всѣ узнали дочь ребъ Берки. Нѣсколько минутъ она стояла неподвижно, безмолвно, потомъ, сказавши тихимъ голосомъ: «братья! я во всемъ виновата», грянулась о земь въ обморокѣ. Когда она очнулась, она расказала слѣдующее:

— Когда, расказывала она,—я еще была ребенкомъ, мнѣ слышалась со всѣхъ сторонъ, что со мною должно случиться какое-то несчастіе. Какого рода несчастіе я не знала; но оно должно было случиться, потому что моя покойная мать встрѣтила свинью. Гдѣ встрѣтила и когда встрѣтила—я не знала. Я это несчастіе всегда, какъ-то невольно, ожидала,—и когда теряла и ломала какую-нибудь дѣтскую игрушку, то мнѣ казалось, что это именно то несчастіе, которое должно со мной случиться; а когда я утѣшалась другой игрушкой, то я снова вспоминала объ ожидающемъ меня несчастіи. Моя покойная мачиха, не во гнѣвъ ей будь сказано, была женщина злая; у нея была какая-то страсть меня тиранить. Чѣмъ болѣе она меня тиранила, чѣмъ больше она убѣждалась, что отецъ меня любитъ. Я, съ своей стороны, будучи безъ матери.... Ахъ, Рабейсай (господа), вы не знаете, что значитъ быть ребенку безъ матери, что значить для ребенка не слышать ласковаго слова, не чувствовать прикосновенія ея нѣжной руки! Ахъ, Рабейсай, не дай Богъ вашимъ дѣтямъ испытывать подобное! Въ моей душѣ была всегда какая-то горечь; я злилась не отъ злости, а злилась оттого что была добрая. Я злилась потому, что мнѣ необходимо было ласковое слово, я злилась на всѣхъ и на все. Я злилась на своихъ подругъ, какъ будто онѣ были виноваты, что у нихъ есть матери, а у меня ея не было. Я злилась на своего отца, хотя онъ былъ ко мнѣ добръ. Когда онъ говорилъ ласково съ моей мачихой, мнѣ казалось, что мое сердце колетъ острымъ ножомъ; я даже злилась на себя. О, Рабейсай! вы не повѣрите, но я дѣлала иногда такія вещи, зная напередъ что меня вѣрно за это будутъ наказывать. Мнѣ нравилось себя мучить, терзать, терзать себя..... я была несчастнымъ ребенкомъ.

Она зарыдала.

— Когда я подросла, продолжала она,—когда мнѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ, мачиха перестала со мною такъ грубо обращаться; но это не дѣлало меня добрѣе, это меня еще хуже злило. Ея ласки меня какъ-будто оскорбляли. Я не понимаю почему это такъ, но это было такъ. У насъ былъ шинокъ и къ намъ ходили разные шляхтичи; они мнѣ говорили разныя пошлости, я ихъ не отталкивала. Не было у меня на умѣ ничего худаго, но мнѣ просто нравилось дразнить ихъ, потому что я ихъ ненавидѣла; мнѣ нравилось, когда мачиха меня ругала за это; мнѣ нравилось, когда на меня клеветали изъ за этого. Но клянусь святою *торой*, что я была чиста тѣломъ и душой. Разъ зашелъ экономъ Юзикъ. Когда я его въ первый разъ увидѣла, я его испугалась. Мое сердце сжалось; я почувствовала, что онъ именно и есть мое несчастіе. Рабейсай, я не знаю что со мною сдѣлалось. Я какъ будто была ужалена змѣей, я какъ будто была опутана нечистой силой. Куда я бы ни шла, что бы я ни дѣлала, я чувствовала, что возлѣ меня стоитъ діаволъ и указываетъ на лицо Юзика. Глаза Юзика были на меня устремлены. Эти взгляды прокалывали мнѣ грудь и вонзались какъ будто острымъ мечомъ мнѣ въ сердце, это было для меня мучительно сладко..... Юзикъ со мною не говорилъ и не шутилъ. Разъ онъ пришелъ когда у насъ никого дома не было, посѣтителей тоже не было, я сидѣла за прилавкомъ, онъ остановился среди комнаты и посмотрѣлъ на меня, потомъ онъ подошелъ ко мнѣ, положилъ руки мнѣ на плечи и, смотря мнѣ прямо въ глаза, тихимъ но внятнымъ голосомъ сказалъ: «Сара, я тебя люблю....» Я сидѣла неподвижно на мѣстѣ, не отвѣчала ни однимъ звукомъ, потому, что я не могла двинуться съ мѣста и поворотить языкомъ. Я не знаю, что со мною сдѣлалось, но черезъ нѣсколько минутъ безмолвія я зарыдала.... Я сама не знала, о чемъ я рыдала, но я рыдала съ наслажденіемъ и упоеніемъ. Скоро пришла мачиха, она испугалась моихъ рыданій (я очень рѣдко плакала) и все хотѣла добиться причины моихъ рыданій, но напрасно. Послѣ этого, я стала какъ-то добрѣе, сердце у меня смягчилось—даже и къ мачихѣ. Мнѣ стали противны всѣ пошлости шляхтичей, и вмѣсто злобы въ моемъ сердцѣ засѣла какая-то затаенная безотчетная грусть и печаль. Я чувствовала, что это добромъ не кончится; оно такъ и случилось. Юзикъ мнѣ началъ говорить, чтобы я выкрестилась, и онъ на мнѣ женится. Когда онъ это мнѣ сказалъ въ первый разъ, на меня напалъ ужасъ; я задрожала всѣмъ тѣломъ, потому что я почувствовала, что я это сдѣлаю. Я знала, что у меня силъ не хватитъ бороться; я знала хорошо, что я пойду.... Вы Рабейсай знаете, что я пошла.... Но странное дѣло, какъ только я переступила порогъ ксендза, у меня оборвалось что-то въ груди, все обаяніе Юзика на меня исчезло. Я почувствовала, что я его вдругъ стала ненавидѣть. Я, Рабейсай, долго думала объ этомъ, пока я догадалась, отчего это произошло. Вы знаете, что прежде всего я еврейка; вы сами евреи, вы очень хорошо знаете, что значитъ для еврея быть евреемъ. Я не говорю о религіозныхъ обязанностяхъ, я только говорю о томъ значеніи, какое еврейство имѣетъ въ отношеніи его характера. Быть евреемъ, это значитъ быть выше всего на свѣтѣ; быть евреемъ, это значитъ быть свободнымъ отъ всего на свѣтѣ, кромѣ себя.... Вы, Рабейсай, сами знаете гордость самаго послѣдняго еврея въ своемъ униженіи. Вы сами знаете свободу каждаго еврея въ своемъ угнетеніи. Вы сами знаете, что мы способны скорѣе простить тому кто насъ угнетаетъ, нежели тому кто насъ унижаетъ. Вы сами знаете, что еврею лишиться своего внутренняго человѣка—это значитъ лишиться всего, лишиться жизни. Потому, что въ жизни еврея ничего нѣтъ, *кромѣ одной точки*: «*еврея*». Кто посягаетъ на эту точку, того мы презираемъ, тому мы мстимъ, чѣмъ мы только въ состояніи. Кто посягаетъ на нашу внутреннюю точку, тому ужъ нѣтъ пощады!....

[1]) Въ еврейскихъ синагогахъ женщины сидятъ отдѣльно отъ мужчинъ, за перегородкой.

— Я же была честная еврейка какъ и теперь; я согласилась выкреститься, сама не знаю почему, потому что я не въ силахъ была отказаться. До тѣхъ поръ, пока я не переступила порогъ ксендза, я сама еще какъ-то внутренно не вѣрила, что это можетъ случиться. Я шла, сама не знаю почему; но когда я переступила порогъ ксендза, я увидѣла, что мнѣ нѣтъ возврата. Юзикъ меня унизилъ, онъ меня оплевалъ, онъ меня не любилъ. О Рабейсай, я его за это начала презирать, онъ былъ только орудіемъ моего паденія. Съ отчаянія, я перестала бороться, я готова была уступить первому человѣку, который заставилъ бы меня забыть Юзика,—и я уступила. Я сама на себя начала смотрѣть съ презрѣніемъ, я сама себѣ опротивѣла, въ моей душѣ опять явилось то влеченіе, терзать самое себя, терзать другихъ. Между тѣмъ ксендзъ началъ меня приготовлять къ католицизму. Первымъ дѣломъ, онъ началъ унижать, въ моихъ глазахъ, все еврейское и этимъ онъ хотѣлъ меня очаровать, своимъ превозносимымъ до небесъ католицизмомъ. Но въ этомъ онъ совершенно ошибался, это имѣло для меня противное дѣйствіе. Я его начала ненавидѣть отъ всей души; я думала только о своемъ позорѣ, я хотѣла имѣть вѣрное доказательство моего позора. Я заставила опозорившаго меня написать и выдать мнѣ слѣдующую записку. Вотъ она, Рабейсай. Она вынула изъ кармана записку на польскомъ языкѣ, въ которой она прочитала слѣдующее (она могла читать по польски): «Я нижеподписавшійся обязываюсь, если у моей Сары (такой-то) въ продолженіи года, отъ нижеподписаннаго срока, родится дитя, принять его сейчасъ же послѣ рожденія и заботиться о его воспитаніи, потому, что я его отецъ и проч. и проч.». Вотъ, Рабейсай, эта записка для насъ драгоцѣнна, она спасетъ всѣхъ нашихъ несчастныхъ. Вы Рабейсай не думайте, что бы согласились дать мнѣ такіе документы, при полномъ разсудкѣ; это было въ опьяненіи. И послѣ этого боясь, чтобы онъ ихъ не укралъ у меня назадъ, я ихъ зарыла въ саду.

— Но потомъ Рабейсай, къ моему ужасу я почувствовала, что я должна сдѣлаться матерью, матерью плода своего позора, это на меня навело ужасъ. Я, Рабейсай, тогда ужъ была не та, что прежде. Послѣ всего этого со мною случился переворотъ, я сдѣлалась добрѣе, религіознѣе. Я долго раздумывала какъ мнѣ въ этомъ случаѣ слѣдуетъ поступить. Наконецъ я рѣшилась скрыть слѣды этого новаго моего позора отъ всѣхъ. Скрыть это мнѣ было не очень трудно. Мы живемъ въ городѣ на сторонѣ. Меня всѣ чуждались, я не искала сама ни съ кѣмъ сближенія, моего отца никогда дома не было. Потому что, какъ вы знаете, еще до катастрофы со мной и смерти моей мачихи, онъ свой шинокъ закрылъ и сталъ торговать, мелочной торговлей по селамъ. Домой, онъ пріѣзжалъ только по субботамъ и обыкновенно время проводилъ въ синагогѣ. Насчетъ меня онъ видно былъ спокоенъ; мачиха видала меня рѣдко; она была очень больна. Я оставалась дома съ маленькими дѣтьми, а вѣдь маленькіе дѣти ничего не понимаютъ. Впрочемъ, я думаю, что въ послѣднее время отецъ понималъ, но не подавалъ виду, что онъ понимаетъ. Между тѣмъ Юзикъ меня не оставлялъ въ покоѣ. Онъ хотѣлъ свалить всю вину на жидковъ, что будто бы они меня похитили. Ко мнѣ ходила почти ежедневно Марія, къ которой я была расположена,—и молила, просила чтобы я возвратилась, даже угрожала, но я на отрѣзъ отняла у нихъ всякую надежду. Отъ проницательныхъ глазъ Маріи не укрылось мое печальное положеніе, и чѣмъ ближе оно приближалось къ развязкѣ, тѣмъ чаще она начала навѣщать меня. Она не пропускала ни одного дня не посѣтивъ меня, исключая субботнихъ дней, когда отецъ бывалъ дома. Я хотя инстинктивно чувствовала, что это не къ добру, но будучи въ такомъ положеніи, мнѣ было пріятно имѣть возлѣ себя опытную женщину. Такъ продолжалось до самаго конца. Она разъ пришла ко мнѣ вечеромъ, когда я находилась въ самомъ критическомъ положеніи; это именно было передъ моимъ побѣгомъ. Что со мною было дальше—я не помню. Когда я очнулась, я лежала въ кровати. Возлѣ меня никого не было, въ комнатѣ тускло горѣла сальная свѣча; на столѣ возлѣ кровати стояла бутылка съ вишневкой, банка съ вареньемъ. Я обвела глазами кругомъ и искала чего-то (я въ то время забыла что происходило со мною), но ничего не было; но вскорѣ я опомнилась и все поняла.....

— Я, Рабейсай, все разсказала чистосердечно. Вы, конечно, понимаете, что это былъ за найденный ребенокъ...

Она при этомъ истерически зарыдала.

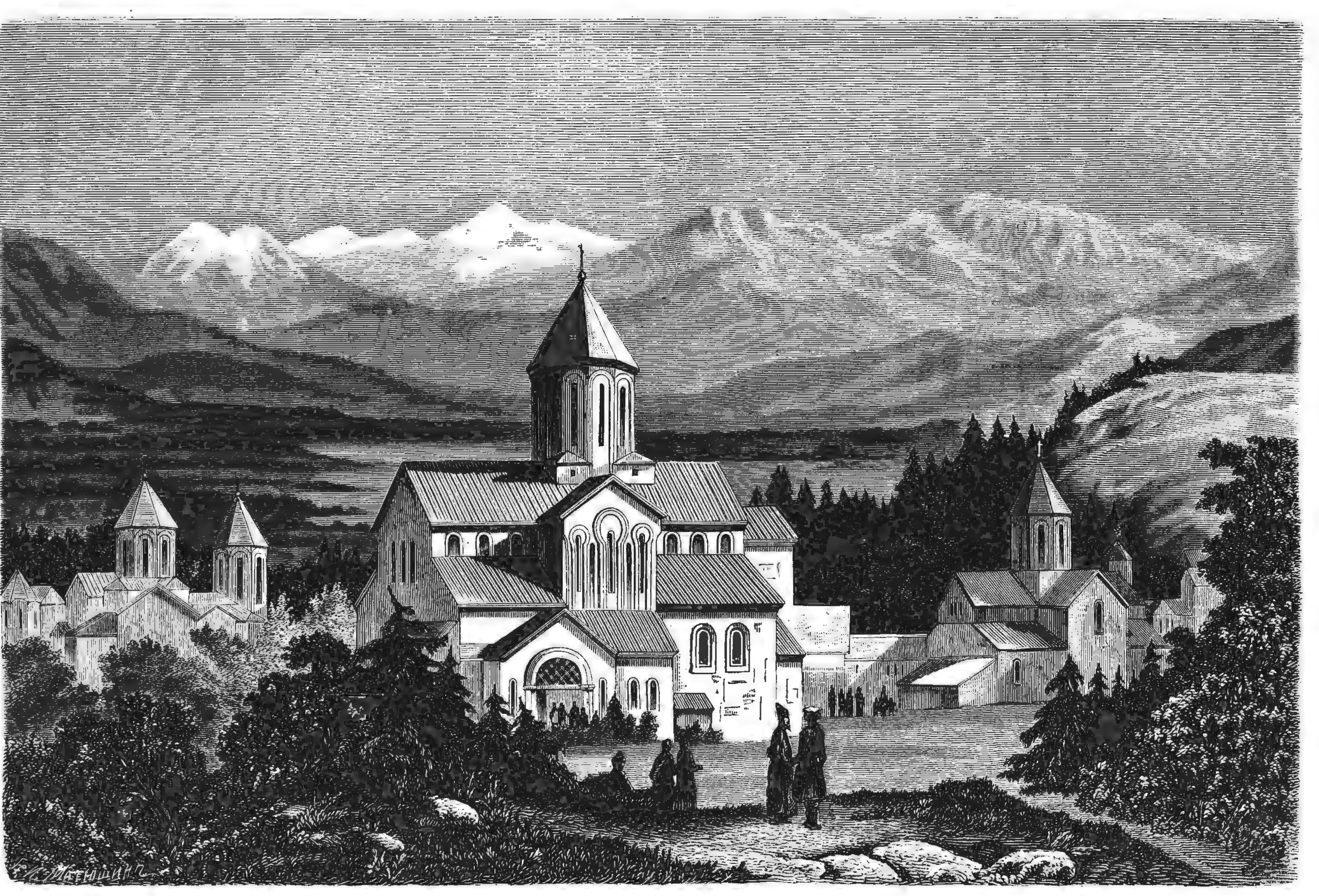
— Послѣ этого на меня напало какое-то отчаяніе, какая-то грызущая злоба. Я готова была на всякую отчаянную выходку. Мое отчаяніе дошло до того, что я плевала въ лицо отцу, котораго я любила и уважала. Я не въ состояніи объяснить, что со мною тогда происходило. Но когда отецъ напомнилъ мнѣ завѣщаніе моей матери, на меня напалъ какой-то ужасъ. Я задрожала всѣмъ тѣломъ, и не могла дослушать до конца и убѣжала въ свою комнату. Я заперлась и не пускала къ себѣ никого. Я сорвала съ себя платье, мнѣ было жарко, я не слышала, что происходило вокругъ меня—и я просидѣла въ такомъ положеніи до поздней ночи. Въ комнатѣ было темно, окна въ садъ были отперты, я сидѣла въ креслахъ неподвижно, какъ камень. О чемъ я думала, я сама не знала, я была въ какомъ то забытьи. А позапрошлую ночь вдругъ я вижу передъ собою свою мать, она была закутана въ бѣломъ саванѣ, я не замѣтила откуда она вошла, но я видѣла, что она приближается ко мнѣ. Вы знаете, что она мнѣ сказала. Я вскочила на ноги отъ ужаса, у меня волосы встали дыбомъ, я такимъ образомъ простояла нѣсколько минутъ и потомъ черезъ окно бросилась бѣжать. Что со мною дальше было въ эту ночь—вы знаете.

— Вы теперь понимаете, отчего это преступленіе открылъ Юзикъ, а не кто другой....

Она все это разсказывала отрывками, прерываемая рыданіемъ. Нельзя описать впечатлѣнія, произведеннаго на слушателей этимъ признаніемъ. Всѣ были какъ будто ошеломлены и оглушены громомъ, не смотря на то, что они видѣли тутъ насеніе своего города. Всѣ стояли неподвижно, какъ бы пригвожденные къ своимъ мѣстамъ и съ затаеннымъ дыханіемъ, у всѣхъ потоками струились слезы. Потомъ твердыми шагами взошелъ на алтарь проповѣдникъ, и взявши заповѣди въ руки, воскликнулъ: «Израиль! противъ всѣхъ бѣдствій и опасностей у тебя есть одно спасеніе—это вѣра. Вѣра твое спасеніе, твое исцѣленіе, твой жизненный элексиръ. Вѣруй, Израиль, и ничего не бойся! Вѣруй, и смотри прямо въ глаза всѣмъ опасностямъ. Вѣруй и не бойся враговъ и злыхъ людей. Вѣруй и не бойся ни огня, ни воды. Вѣруй и не бойся хищныхъ звѣрей. Вѣруй и будь спокоенъ.

Сара плакала.

— Теперь, братья, воздадимъ хвалу Господу Богу за то, что онъ насъ никогда не оставляетъ, аллелуя!



Гелатскій монастырь въ Имеретіи (Грузіи).

Рисовалъ Волковскій, грав. Матюшинъ.

Вся эта грустная картина превратилась мигомъ въ радостную. Засвѣтили множество свѣчей и началась пѣніе благодарственныхъ и хвалебныхъ гимновъ.

— Ну, братья, обратился проповѣдникъ послѣ этого,— мы здѣсь радуемся, а братья наши еще въ заключеніи; прежде чѣмъ пойдемъ домой, отправимся съ вещественнымъ доказательствомъ къ пану Дембовскому и прославимъ имя Господня. Покажемъ *имъ* какъ, мы слабые, вмѣстѣ съ тѣмъ и сильны; покажемъ *имъ*, что мы безъ пушекъ, безъ кавалеріи, безъ смертоносныхъ орудій, побѣждаемъ нашихъ враговъ; покажемъ имъ, что какія-бы ухищренія, они не направляли противъ насъ,—они насъ разрушить не могутъ, потому что мы имѣемъ предъ собою щитъ. Нашъ щитъ не желѣзо, не мѣдь и не сталь. Все это не есть истинная защита; нашъ щитъ это Господь Богъ!....

— Пойдемте-же, братья, пойдемте къ пану Дембовскому!

Дальше лѣтописецъ описываетъ эту интересную процессію. Онъ разсказываетъ, что проповѣдникъ и Сара шли впереди; позади всѣ жители Сѣченовки, мужчины въ ризахъ, со свѣчами и факелами въ рукахъ—и, не смотря на то что всѣ были изнурены постомъ, ни въ комъ не было замѣчено усталости. Они шли съ пѣніемъ, танцами и великою радостью.

(Окончаніе будетъ).

Гелатскій Монастырь.

Близь города Кутаиса (по преданію мѣсторожденія Медеи), бывшей нѣкогда столицы богатой и золотой Колхиды, вверхъ по лѣсистому ущелью рѣки Ріона, величаво представляется древняя обитель Гелати, изображенная на рисункѣ. Дорога къ ней идетъ по крутому скату мимо монастырскихъ селеній и небольшой рѣчки, называемой Красной, подъ самымъ монастыремъ.

Гелатскій монастырь расположенъ чрезвычайно живописно и болѣе другихъ сохранилъ древности Грузинской церкви. Въ него постепенно сносили изъ разоряемыхъ церквей всѣ уцѣлѣвшія сокровища. Католикосы Абхазіи, отдѣленные нѣсколько вѣковъ отъ Иверскихъ, будучи угрожаемы турками на берегу Чернаго моря, перенесли кафедру свою въ первой половинѣ XVIII столѣтія изъ Пицунды и главныя святыни свои довѣрили Гелату, который и сдѣлался ихъ постояннымъ мѣстопребываніемъ. Послѣ упраздненія католикосовъ, обитель эта продолжала быть кафедрою особаго митрополита. Послѣдній изъ нихъ 80-лѣтній старецъ Евфимій выѣхалъ въ Россію въ 1820 году, когда уже Имеретинское царство перешло въ подданство Россіи и затѣмъ Имеретинская эпархія на общихъ основаніяхъ подчинена Экзарху Грузіи, имѣющему пребываніе свое въ Тифлисѣ.

Монастырь этотъ основанъ въ VIII столѣтіи царемъ Давидомъ возобновителемъ, властителемъ Иверіи, почитаемымъ Грузинскою церковью святымъ. Въ оградѣ монастыря стоятъ одна за другою, по направленію отъ запада къ востоку, три церкви. Главная изъ нихъ въ срединѣ, соборъ Успенія Богоматери; на правой сторонѣ церковь Николая Чудотворца, а на лѣвой св. Георгія побѣдоносца гдѣ образъ Пицундской Божіей Матери.

Соборъ по своей архитектурѣ чрезвычайно величествененъ съ папертями и притворами, украшенными изваяніями и съ остроконечнымъ громаднымъ куполомъ. Камни, изъ которыхъ выстроенъ этотъ соборъ, блѣдно-зеленоватаго цвѣта; они до того велики, особенно по угламъ, что почти въ каждомъ изъ нихъ болѣе двухъ сажень длины и полторы ширины. По мѣстному преданію, краеугольные камни положены мощною рукою самого Давида возобновителя—и кто увидитъ его перстень съ мощами и ликомъ св. Георгія, хранящійся въ Гелатской ризницѣ, тотъ отчасти повѣритъ.

Внутренность собора сохранила всѣ строгіе размѣры зодчества Іустиніанова, удовлетворяющіе правильной гармоніи всѣхъ частей на подобіе Софійскаго и Печерскаго храмовъ. Форма его крестообразна. Изъ внѣшняго притвора тремя дверями входятъ подъ навѣсъ хоровъ, которые простираются на одну сажень. Все поперечное пространство въ семь сажень свободно отъ втораго яруса, что придаетъ много легкости и красоты храму. Иконостасъ низкій каменный, на верху его большое мозаичное изображеніе Богоматери, чрезвычайно хорошо сохранившееся, чистой и тонкой работы, присланное въ даръ Царю Давиду Императоромъ Алексѣемъ Комненомъ. Въ Иконостасѣ цѣлый рядъ древнихъ чудотворныхъ иконъ, которыя почитались залогомъ спасенія всей Имперіи. Изъ нихъ достопримѣчательны:

Икона Хахульской Божіей Матери, писанная по преданію Евангелистомъ Лукою. Начало ее восходитъ къ первымъ временамъ христіанства на поморіи черномъ, гдѣ проповѣдывали: Апостолъ Андрей Первозванный и Симонъ Кананитъ. Ликъ Богоматери, безъ Младенца, темнаго колорита и совершенно сходенъ съ тою иконою, которая находится въ алтарѣ придворной церкви зимняго дворца. Вся риза изъ чистаго золота, украшенная крупными перлами, лалами, бирюзой и другими драгоцѣнными камнями. Многими драгоцѣнностями украсила этотъ образъ Царица Тамара. Одинъ разъ, собираясь идти къ обѣднѣ въ Гелатскій соборъ, она приготовляла лалы къ своему головному убору (тасакрава), когда пришли ей сказать, что одна нищая проситъ милостыни у дверей ея монастырскаго терема. Царица велѣла ей подождать и когда по выходѣ изъ терема хотѣла подать ей милостыню, нищую нигдѣ не могли отыскать. Смущенная царица упрекая себя, что отказала въ лицѣ убогой женщины самому Господу, сняла съ себя то, что было замедленіемъ, царскую повязку и возложила ее на вѣнецъ Божіей Матери. Образъ этотъ въ богатомъ серебряномъ кивотѣ.

Икона Гелатской Божіей Матери, на подобіе Влахернской, не писана, но вычеканена изъ позолоченнаго серебра, принесена въ даръ царемъ Багратомъ и царицею Еленою, въ большомъ серебряномъ кивотѣ, древней весьма искусной работы.

Икона Ацкурской Богоматери, украшенная драгоцѣнностями, принесенная изъ города Ацкура царемъ Багратомъ.

На престолѣ древнее Евангеліе на Грузинскомъ языкѣ принесенное св. Георгіемъ Аѳонскимъ.

Часть черепа Побѣдоносца Георгія и мощей Ѳеодора Стратилата и Самсона Странноприимца.

Древній ковчегъ въ которомъ золотое сердце, все осыпанное драгоцѣнными камнями; въ немъ хранится часть сударя, которымъ было обвито страдальческое чело Спаси-

теля при погребеніи, обрѣтенная по словамъ Евангелія въ гробѣ по воскресеніи и сохраненная первыми провозвѣстниками христіанства.

Въ ризницѣ замѣчательны: перстень царя Давида, корона царя Баграта изъ парчи съ семью зубцами осыпанная драгоцѣнными камнями (на зубцахъ крупныя лалы, а подъ ними образъ тайной вечери) и омофоръ съ ликами святыхъ и двунадесятью праздниками вышитыми крупнымъ жемчугомъ.

Въ Гелатскомъ монастырѣ подъ спудомъ мощи самого строителя царя Давида возобновителя, признаннаго Грузинскою церковью святымъ.

Тамъ же погребенъ Великій Соломонъ Имеретинскій, а въ боковомъ придѣлѣ собора могила знаменитой царицы Тамары, оспариваемая другими монастырями; но по всей вѣроятности она погребена въ Гелатскомъ монастырѣ, потому, что умерла возлѣ Кутаиса въ своемъ замкѣ Тамаресцихе—и весьма правдоподобно, что остатки ее находятся въ родовой усыпальницѣ, въ обители созданной ея предками.

Есть легенда, что за тысячу лѣтъ вся равнина около Кутаиса была покрыта огромнымъ озеромъ, изъ котораго гора, гдѣ построенъ замокъ Тамаресцихе, выдавалась пустыннымъ островомъ. Однажды царица поѣхала туда охотиться. Она имѣла въ рукѣ отличнаго любимаго сокола, котораго пустила на голубя. Соколъ не достигъ своей добычи и, не взирая на крикъ царицы, полетѣлъ черезъ озеро и опустился на островъ, или лучше сказать на гору нынѣшняго замка; царица обѣщала тому, кто возвратитъ ей сокола, дать половину своего царства. Храбрый молодой рыцарь верхомъ бросился въ озеро, счастливо переплылъ до горы и поймалъ сокола; но на возвратномъ пути лошадь, всадникъ и соколъ были поглощены волнами. Тогда царица велѣла провести воду изъ озера въ рѣку Куру, а на горѣ выстроила свой замокъ Тамаресцихе, гдѣ въ печальномъ уединеніи окончила дни свои.

Обитель Гелатская хотя и богата церковною утварью и разными древними сокровищами, но скудна помѣщеніемъ для братіи и числомъ монашествующихъ, которыхъ въ настоящее время не болѣе семи человѣкъ.

Окрестности Гелатскаго монастыря славятся фруктами и виноградомъ, а также прекраснымъ медомъ отъ дикихъ пчелъ, бѣлымъ и твердымъ какъ леденецъ; есть и зеленоватый медъ, одаренный охмѣляющимъ свойствомъ.

Записки молодой больной.

(Поля Гейзе).

Меранъ 5-го октября 186...

Вотъ уже восемь дней, какъ я не написала ни одной строчки въ моемъ дневникѣ. Путешествіе утомило меня, и не знаю отчего вмѣсто мыслей являются слезы. Да какъ и не плакать мнѣ, когда подумаю, что созерцаю эту чудную природу только для того, чтобы сказать ей мое послѣднее прости.

Не лучше-ли будетъ, если я закрою этотъ альбомъ, оставивъ въ немъ бѣлыя нетронутыя страницы? И чѣмъ наполню я его!—Одними безполезными жалобами! Я думала найдти утѣшеніе въ томъ, что выскажу здѣсь мысли, приходившія мнѣ въ голову въ послѣднюю зиму моего существованія на землѣ. Я хотѣла оставить это на память моему брату, который теперь еще такъ молодъ, что не въ состояніи понимать, что такое жизнь и что смерть,—моему милому Эрнесту, для того чтобы онъ могъ знать свою сестру въ то время, когда близь него не будетъ никого, кто бы могъ сказать о ней хотя одно слово. Но я вижу, что это была глупость. Для чего завѣщать ему образъ бѣдной умирающей? Чтобы онъ забылъ меня, прежде чѣмъ въ памяти его напечатлѣются тѣ блѣдныя черты, которыя такъ часто пугали меня въ зеркалѣ.

Вечеръ того же дня.

Я цѣлые два часа провела у окна, откуда на далекое разстояніе видна прелестная мѣстность Этсшланда, стѣны города, аллеи тополей вдоль берега Кассера, за ними луга, орошенные множествомъ маленькихъ ручейковъ, гдѣ стада щиплютъ сочную траву, и наконецъ горы причудливою цѣпью замыкающія горизонтъ. Въ воздухѣ было такъ тихо, что я могла различить голоса гуляющихъ въ саду Вассермауера. Дѣти моего хозяина, портнаго, съ любопытствомъ столпились у моей двери, ожидая остатковъ шоколада, который я раздѣлила между ними. Съ какою радостію бросились они показывать это своей матери! Восторгъ ихъ развеселилъ меня, и я въ то же время подумала, что напрасно пугаюсь своихъ мыслей; не я ли сама порвала всѣ связи удерживавшія меня въ родительскомъ домѣ, для того чтобы насладиться жизнью и свободою? такъ должна ли я выказать себя недостойною этой свободы? Конечно она будетъ кратковременна; но это еще болѣе заставляетъ меня вкушать радость, не предаваясь отчаянію.

Хозяйка разсказывала мнѣ, что одинъ гражданинъ Мерана, полный силъ и здоровья, умеръ сегодня утромъ скоропостижно. Право, мой жребій завиднѣе его; не лучше-ли видѣть медленно-приближающуюся смерть, и всматриваясь въ нее пристально, учиться жить,—чѣмъ быть пораженнымъ ею внезапно, какъ этотъ человѣкъ? Я не знаю какъ благодарить нашего стараго доктора за то, что не скрылъ отъ меня истины. Онъ сдержалъ обѣщаніе данное имъ моей умирающей матери—быть моимъ преданнымъ другомъ. Это наполняетъ душу мою глубокимъ миромъ;—жаль только бѣднаго отца, тревожащагося обо мнѣ.

Доброй ночи, мой милый Эрнестъ! Кто-то укладываетъ теперь тебя въ постель и разсказываетъ сказки, чтобы усыпить тебя?

6-го октября.

Сегодня утромъ въ головѣ моей мелькнуло сомнѣніе, которое меня очень безпокоитъ. И какъ это раньше не пришло мнѣ на умъ? Я всегда была убѣждена въ томъ что никому не нужна дома, что каждый неблагосклонный взглядъ брошенный на меня мачихою причинялъ отцу моему живѣйшую боль, что я ничѣмъ не могла быть полезною Эрнесту, котораго она распорядилась помѣстить въ пансіонъ, конечно для того чтобы не заниматься имъ. Отецъ плакалъ провожая меня, но мой отъѣздъ облегчилъ его сердце...... Теперь я спрашиваю себя: если у меня нѣтъ никакихъ обязанностей, то позволительно ли мнѣ проводить зиму сложа руки, когда я еще способна на что нибудь? Какое я имѣю право быть счастливѣе другихъ, которымъ подобно мнѣ угрожаетъ близкая смерть, и кото-

рые до послѣдней минуты должны безъ отдыха бороться съ обстоятельствами?

8-го октября.

Сегодня возвратясь съ моей первой прогулки, усталая и измученная, какъ послѣ самой тяжелой дневной работы, я напала на отвѣтъ, котораго третьяго дня не могла дать мнѣ моя больная голова. Нѣтъ, я ни на что болѣе не годна какъ только пользоваться тѣмъ хлѣбомъ, который даютъ мнѣ изъ милости. И за что тутъ осуждать меня? развѣ только за то, что я утѣшаюсь этимъ скорѣе другихъ.

И такъ, если я никому не могу быть полезною, то никому и не въ тягость. Мое маленькое наслѣдство послѣ матери позволяетъ мнѣ жить безъ труда. Да и жить-то мнѣ не долго! Я чувствую, что силы оставляютъ меня. Зимовка моя на югѣ будетъ коротка.

Я никогда не пойду гулять въ здѣшнюю тополевую аллею; мнѣ тяжело быть вмѣстѣ съ этими разряженными больными, которые тамъ медленно прохаживаются, кашляютъ и истребляютъ виноградъ, видя въ каждой кисти его лучъ надежды. Несмотря на то, что общее несчастіе должно-бы кажется сблизить насъ, я не чувствую къ нимъ ни малѣйшей симпатіи,—и даже тѣ, которыхъ лица выражаютъ полнѣйшее отчаяніе, не привлекаютъ меня къ себѣ. Ни съ однимъ изъ нихъ я не рѣшилась бы заговорить о своей твердости, полной упованія и признательности. Они приняли бы меня за безумную.

Да не зачѣмъ и хотѣть этого; можетъ-быть я болѣе боялась бы смерти, если бы болѣе любила жизнь.

Не многіе могутъ понять то тихое и грандіозное впечатлѣніе, какое производитъ эта роскошная природа на меня—постоянную жительницу маленькаго монотоннаго и полнаго сплетень городка. Теперь такъ много путешествуютъ. Я тоже гораздо ранѣе покинула бы свою печальную резиденцію, если бы не смерть матери, заставившая меня замѣнить ее Эрнесту. Эта чудная долина кажется мнѣ раемъ, настоящимъ садомъ Божіимъ, и воздухъ который я вдыхаю въ себя—такъ чистъ и живителенъ, что сообщаетъ крылья душѣ. Жаль что силы мои такъ слабы, что я съ трудомъ могу подниматься по нашей маленькой лѣстницѣ. Впрочемъ зачѣмъ же выходить мнѣ изъ дома—изъ окна моего такой очаровательный видъ.

Хозяева мои очень бѣдны. Мужъ работаетъ цѣлыя ночи, жена обременена хлопотами съ дѣтьми, которыхъ очень много. Жилище ихъ мрачно и неудобно. Когда я въ первый разъ пришла сюда, то видъ темной аллеи, сыраго и грязнаго двора и неопрятныхъ площадокъ,—такъ поразилъ меня, что я тотчасъ же хотѣла возвратиться назадъ; но увидѣвъ мою теперешнюю комнату съ ея окномъ, я подумала что здѣсь должно пройти мое послѣднее пребываніе на землѣ. И мебель-то въ ней точь въ точь такая же какъ та что стояла въ комнатѣ моей дорогой матери; то же старое бюро съ латунными скобками и кресло нисколько не выше и не покойнѣе и не менѣе почернѣло отъ времени. Взамѣнъ двухъ дрянныхъ гравюръ, я повѣсила на стѣнѣ портреты моихъ родителей, и теперь мнѣ кажется, что я уже нѣсколько лѣтъ живу здѣсь. Отецъ прислалъ мнѣ книги, и мнѣ болѣе ничего не надобно. Вмѣстѣ съ книгами, я получила отъ него письмо,—какого и ожидала; превосходные совѣты о примиреніи съ неизбѣжнымъ, нѣсколько строчекъ отъ Эрнеста, который очень доволенъ своимъ пансіономъ и новыми товарищами, и наконецъ привѣты отъ мачихи, по крайней мѣрѣ на бумагѣ; отецъ вѣроятно написалъ ихъ отъ себя, не сказавъ ей о томъ ни слова. Я собираюсь отвѣчать имъ—и сдѣлала бы это съ большимъ удовольствіемъ, если бы была увѣрена что письма мои будутъ доставлены прямо къ отцу.

10-го.

Какіе только право есть странные люди на свѣтѣ! Я сидѣла у окна углубясь въ чтеніе и наслаждаясь воздухомъ, который здѣсь сохраняетъ свою пріятную свѣжесть еще долго послѣ того какъ солнце скроется за высокою горою Морлингеръ,—вдругъ слышу стукъ въ двери.—Войдите, сказала я съ нѣкоторымъ страхомъ, потому что здѣсь никто не посѣщаетъ меня. Дверь отворилась, и въ комнату вошла незнакомая мнѣ, маленькая и совершенно круглая дама. Отрекомендовавшись довольно ловко, она съ жаромъ высказала желаніе быть мнѣ полезною; она видѣла меня въ Вассермауерѣ, гдѣ я ни разу не была послѣ первой прогулки,—и почувствовала ко мнѣ живѣйшую симпатію: я показалась ей такою больною и одинокою въ мірѣ, что она дала себѣ слово остановить меня при первой встрѣчѣ—съ тѣмъ чтобы предложить свои услуги.

— Знаете ли, моя милая, говорила она,—мнѣ пятьдесятъ девять лѣтъ, и я всегда такая, какъ вы меня теперь видите; съ самого моего дѣтства, я никогда не была больна. Мои три сына и три дочери пользуются такимъ же завиднымъ здоровьемъ; всѣ они пристроены, сыновья женаты и дочери замужемъ,—я вполнѣ счастлива, и отъ души сочувствую тѣмъ кого судьба не надѣлила своими благами; я съ радостью готова придти къ нимъ на помощь. Это положительно моя страсть! Мой достойный мужъ всегда называлъ меня патентованною покровительницею всѣхъ несчастныхъ. Вы не найдете сидѣлки лучше меня: мнѣ ничего не значитъ провести десять ночей, не смыкая глазъ, у постели больнаго. Я также могу присутствовать при самыхъ опасныхъ операціяхъ, не выказавъ ни малѣйшей слабости: у меня крѣпкая натура, и въ жизнь мою я никогда не знавала что такое нервы. Я пріѣхала сюда съ одною изъ своихъ пріятельницъ, которая не подаетъ никакой надежды на выздоровленіе. Когда бѣдняжка умретъ, у меня будетъ болѣе свободнаго времени,—и если вамъ нужны въ чемъ нибудь помощь или совѣтъ, то обратитесь прямо ко мнѣ. Разумѣется, вы должны понять, что я не позволю вамъ предаваться уединенію, буду навѣщать васъ, я не церемонюсь съ друзьями. Вы этому не совсѣмъ-то рады, я буду немножко жестока съ вами; но это для вашей пользы, я не хуже любаго искуснаго врача понимаю нервныя болѣзни, онѣ требуютъ воздуха движенія и разсѣянія. Кстати, кто изъ докторовъ пользуетъ васъ?

— Никто! отвѣчала я,—потому что болѣзнь моя неизлѣчима.

Видя что она недовѣрчиво качаетъ головою, я достала изъ моего бюро листокъ бумаги, на которомъ мой докторъ набросалъ эскизъ моихъ легкихъ. Разсмотрѣвъ его съ видомъ эксперта, она обратилась ко мнѣ съ слѣдующими словами: «все это моя милая ничего не доказываетъ; доктора больше говорятъ чѣмъ знаютъ на дѣлѣ. Держу пари, что у васъ въ груди легкія совсѣмъ въ другомъ положеніи, чѣмъ здѣсь на бумагѣ!» И не дожидаясь отвѣта, она принялась за бѣглый очеркъ тѣхъ болѣзней, которыя вылечила сама въ досаду докторамъ. Чувствуя что скоро упаду въ обморокъ, я рѣшилась попросить ее умолкнуть. Она встала, подошла ко мнѣ съ намѣреніемъ обнять меня,

и повидимому очень оскорбилась тѣмъ, что я пожала ей кончики пальцевъ. Затѣмъ она поспѣшно вышла, обѣщая навѣстить меня въ скоромъ времени.

По уходѣ ея, я цѣлые полчаса оставалась съ закрытыми глазами, желая успокоить лихорадочное состоянiе моихъ нервовъ, возбужденное ея присутствiемъ; но благодаря оставленному ею въ комнатѣ запаху эфира, мнѣ и теперь еще видится этотъ другъ человѣчества со своимъ холодно-добродушнымъ взглядомъ и выраженiемъ самодовольства на полномъ лицѣ. Одно утѣшаетъ меня, что по крайней мѣрѣ сегодня, я избавлена отъ ея посѣщенiя.

Къ чему же служитъ участiе, заявляемое намъ нашими ближними? Сожалѣнiе тѣхъ которые насъ любятъ—тяжело и невыносимо, потому что мы сами глубоко чувствуемъ причиняемую имъ скорбь. А сожалѣнiе тѣхъ кто насъ не любитъ—не ведетъ ни къ чему. Я читала у Лессинга, что «только одинъ бѣднякъ можетъ придти на помощь бѣдняку»;—но развѣ нищiе въ состоянiи подавать милостыню другъ другу?

10-го вечеромъ.

Сегодня я сдѣлала много. Послѣ дурной ночи, впродолженiи которой мнѣ слышался медоточивый голосъ благотворительной дамы и грезился ея бѣлокурый парикъ съ двумя тощими буклями, я проснулась въ волненiи, чувствуя сильную слабость. Чтобы ободрить себя, я выпила чашку кофе, который совершенно прогналъ изъ моихъ мыслей эту сестру милосердiя. И такъ какъ погода стояла прекрасная, то я отправилась на прогулку.

Въ первый разъ я поняла, что такое солнце. Правду говорятъ, что мы, женщины сѣвера, видимъ у себя только его слабую копiю изъ позолоченной бронзы. Здѣсь же оно изъ чистаго золота и блещетъ яркими лучами, которые выше всякаго сравненiя.

Едва переводя дыханiе, я шла медленными шагами по мрачнымъ и сырымъ улицамъ, и очутилась наконецъ на небольшой площади передъ старою церковью. Площадь эта пестрѣла народомъ; окрестные крестьяне въ своихъ праздничныхъ курткахъ, убранныхъ алымъ сукномъ и въ шляпахъ съ широкими полями, украшенныхъ перьями, съѣхались сюда по случаю одного изъ своихъ многочисленныхъ праздниковъ.

Столпившись въ группы, они разговаривали между собою,—и натурально, никто не обратилъ вниманiя на молодую больную иностранку. Чтобы не попасть въ эту грубую толпу, я обошла церковь тою стороною гдѣ было кладбище. Видъ старыхъ заброшенныхъ могилъ навѣялъ на меня суровыя думы. Я пошла по маленькому переулку, исчезающему въ долинѣ, и сѣла на камнѣ находящемся на краю быстро-извивающейся тропинки, по которой взбираются на Кюхельбергъ. Видя себя близь развалинъ замка Зено, построеннаго на утесѣ, возвышающемся надъ долиною, мнѣ захотѣлось попробовать свои силы и пойдти туда. Дорога къ нимъ широкая но прескверная, и мнѣ пройдя немного пришлось остановиться и снова сѣсть. Кругомъ было тихо, слышалось только журчанiе Пассера, который протекалъ у ногъ моихъ, то катясь прозрачными голубыми волнами мимо виноградниковъ, то клокоча и клубясь бѣлою пѣною подъ сводомъ моста. Нѣсколько крестьянъ спускалось съ Кюхельберга въ своихъ тележкахъ запряженныхъ волами. Погрузясь въ свои мечты, я впала какъ бы въ забытье, изъ котораго была выведена, почувствовавъ на своей рукѣ что-то влажное;—это была морда огромной собаки, остановившейся передо мною со своимъ хозяиномъ, мужчиною большаго роста, бородатымъ и съ волосами падающими въ безпорядкѣ на лобъ и плечи; онъ опирался на что то въ родѣ аллебарды, а на головѣ имѣлъ шляпу на которой развѣвались перья и лисьи хвосты. Страхъ овладѣлъ мною, въ головѣ моей мелькнули разсказы о мертвецахъ, выходящихъ изъ развалинъ стараго замка, и я ни какъ не могла совладѣть съ собою.

Видя мой испугъ, онъ захохоталъ прибавивъ: «не бойтесь, сударыня! я ни кто иной какъ сторожъ при здѣшнихъ виноградникахъ. Я замѣтилъ васъ оттуда съ горы и пришелъ попросить крейцеръ на табакъ». Давъ ему поспѣшно зильберъ-грошъ, я встала и хотѣла уйдти, а все еще боялась его. Но видъ серебряной монеты, довольно рѣдкой въ этомъ краю, такъ расположилъ ко мнѣ сторожа, что онъ вызвался проводить меня и протянулъ мнѣ свою грубую, большую руку. Мнѣ ничего не оставалось какъ только принять эту услугу; она была для меня необходима, иначе я не дошла бы до развалинъ. Мы пошли вмѣстѣ, дорогою онъ поддерживалъ меня и скоро прiобрѣлъ мое расположенiе; мнѣ понравилось въ немъ та сдержанность, съ какою онъ дѣлалъ вопросы касающiеся меня, и дышащiе полною откровенностью разсказы о себѣ и своихъ дѣлахъ. Какая разница между имъ и вчерашнею болтуньею, такъ навязчиво предлагавшею свои услуги, и сколько природный тактъ простаго крестьянина имѣетъ преимущества предъ жеманною учтивостью большаго свѣта!

Видъ развалинъ Зено поразителенъ. Отъ замка уцѣлѣли только башня и капелла, окруженныя обломками увитыми плющемъ, на которыхъ грѣются на солнцѣ цѣлыя семейства ящерицъ. Кустарники всевозможныхъ родовъ висятъ надъ бездною, на днѣ которой Пассеръ дробится о многочисленные камни.

Проводникъ мой назвалъ мнѣ всѣ старинные замки и маленькiя деревушки Этсшталя, а также и вершины окрестныхъ горъ. Я слушала его сидя на травѣ, собака лежала подлѣ меня. Вдругъ колокола всѣхъ церквей зазвонили полдень. Онъ снялъ шляпу, вынулъ трубку изо рта, и перекрестясь началъ тихо шептать молитву. Когда колокола смолкли, онъ опять надѣлъ шляпу, пустилъ нѣсколько клубовъ табачнаго дыма, и обратясь ко мнѣ спросилъ: не чувствую ли я голода. Я должна была отвѣчать ему «да», мнѣ нужно было подкрѣпить свои силы для возвратнаго пути. Онъ быстро спустился съ горы и скрылся изъ вида.

Черезъ десять минутъ, маленькая дѣвочка принесла мнѣ чашку молока, хлѣбъ и кусокъ пирога. Сторожъ досталъ это для меня, но не могъ принести самъ, имѣя дѣла въ виноградникѣ. По уходѣ ея, я принялась за этотъ скромный полдникъ, который никогда не казался мнѣ такимъ вкуснымъ, я съѣла все и отнесла хозяевамъ совершенно пустую чашку. Насилу упросила я этихъ добрыхъ людей принять отъ меня что-нибудь. Они не брали ничего, вѣрно сторожъ запретилъ имъ. Что же касается его самого, то я не видала его болѣе, и даже не знаю его имени.

Не правда-ли, что этотъ случай походитъ на настоящее приключенiе? и не должна ли я отмѣтить сегоднишнiй день краснымъ?

12-го.

Хозяйка принесла мнѣ обѣдъ, но онъ можетъ покойно стынуть. У меня нѣтъ аппетита, сердце мое сильно бьется отъ гнѣва и нетерпѣнiя. Я чуть жива и уши мои устали отъ трехчасовой болтовни, которую можно сравнить съ шумомъ спущеннаго колеса водяной мельницы, съ тою

только разницею, что послѣднее все таки приноситъ людямъ пользу.

Въ числѣ моихъ маленькихъ вчерашнихъ удовольствій, я не послѣднимъ считала и то, что не видала патентованной покровительницы; мнѣ думается, она можетъ быть поняла, что мнѣ не нужны ея заботы. Но увы! шаги ея по лѣстницѣ—и вслѣдъ затѣмъ она предстала предо мною какъ громовая туча.

—Что я вижу? вы занимаетесь перепиской. Да вы утомляете себя, несчастная! Не я ли говорила вамъ, что для вашихъ нервовъ нужны покой и разсѣяніе?—И что же слышу, неразумное дитя?—вы ходили вчера на Кюхельбергъ! Я нарочно пришла къ вамъ, что бы запретить подобнаго рода самоубійство. Пойдемъ-те лучше со мною, я покажу вамъ что слѣдуетъ дѣлать на водахъ. Понимаю, это вамъ не нравится, и вы хотите отдѣлаться отъ меня. Но это вамъ не удастся,—такую молодую дѣвушку нельзя предоставить самой себѣ. Отдайтесь безпрекословно моимъ распоряженіямъ, и послѣ сами будете благодарить меня.

Я машинально взяла свою шляпку, намѣреваясь повиноваться ей, не смотря на дурное расположеніе духа. Она повела меня въ зимній садъ,—такъ называется часть Вассермауера, защищонная отъ вѣтра высокими монастырскими стѣнами, гдѣ зеленыя деревья смѣшиваются съ цвѣтущими кустами розъ. Дорогою она не умолкала ни на минуту. Когда мы пришли, садъ былъ полонъ, играла музыка. Всѣ здѣшніе больные чинно занимали мѣста на скамейкахъ, и казалось только ожидали моего появленія, потому что всѣ обратились ко мнѣ,—кто съ любезностью, кто съ вопросомъ, конечно изъ любопытства. Я была зла не только на свою оффиціальную притѣснительницу, но и на всѣхъ. Ни одной симпатичной личности! Ни одного теплаго слова! Я сѣла на скамеечкѣ подлѣ молодой дамы; но она, окинувъ глазами мой немодный туалетъ, отвернулась отъ меня съ видомъ презрѣнія и плотнѣе завернулась въ свой кашемировый бурнусъ. Потомъ обратясь ко мнѣ начала разсказывать какъ своей давнишней знакомой всѣ сплетни города. Я не могла смотрѣть на нее, ея умирающій взглядъ былъ для меня невыносимъ, и сердце мое разрывалось.—Эта женщина должна была покинуть мужа и дѣтей, для того чтобы искать здѣсь спокойствія и независимости, необходимыхъ для поддержанія ея здоровья. А между тѣмъ, грустныя мысли, которыя по настоящему должны бы преслѣдовать ее всюду, не мѣшаютъ ей заниматься чужими нарядами и сплетнями. Право, мы-люди, подобно автоматамъ или восковымъ фигурамъ, играемъ свою роль до тѣхъ поръ, пока не остановится двигающая насъ пружина и насъ не уложатъ въ ящикъ.

Для меня было настоящимъ избавленіемъ, когда колокольчикъ зазвонилъ къ обѣду—и моя покровительница должна была возвратится къ больнымъ. Я такъ была утомлена, что не могла ни слушать, ни говорить, и не помню какъ простилась съ нею. Отличный способъ леченія!—Я вернулась домой едва живая.

13-е.

Я выиграла большую игру, и счастлива какъ нельзя болѣе. Я твердо рѣшилась пользоваться своею свободою и продолжать начатое. Вотъ что было со мною; сегодня утромъ, вооружась книгою, я вышла въ зимній садъ, гдѣ и пробыла довольно долго, ни на кого не гляди и никому не кланяясь. Натурально, общая покровительница тоже явилась туда для обычной прогулки; но я сказала ей, что разговоры меня утомляютъ. Она покачала головою и нахмурила брови. Видно было, что это ей не понутру.—Тѣмъ лучше!

Теперь я буду поступать такъ каждый день, это вполнѣ удовлетворяетъ меня. Когда я, безмолвно углубясь у книгу, сидѣла среди этой докучливой толпы, сердце мое торжествовало побѣду;—конечно, она досталась ему цѣною нѣсколькихъ, болѣе обыкновеннаго сильныхъ біеній.—Но надо же наконецъ учиться храбрости.

15-е.

Сегодня первые часы утра я провела за перепискою, и потому пришла въ Вассермауеръ со своею книгою позже обыкновеннаго. Всѣ скамейки были заняты кромѣ одной, на которой сидѣлъ молодой человѣкъ, очень блѣдный и печальный. Онъ всякій день является сюда, поддерживаемый слугою, и сидитъ на солнышкѣ поставивъ ноги въ прекрасный ящикъ обитый мѣхомъ. Дамы сидѣвшія въ тѣни подъ деревьями и разговаривавшія между собою, конечно могли бы потѣсниться и дать мѣсто подлѣ себя моей худенькой особѣ, никогда не безпокоившей ихъ своимъ кринолиномъ; но я встрѣтила только одни холодныя физіономіи, равнодушные взгляды и презрительно-сжатыя губы. Не подавъ имъ виду, что замѣтила это, я помѣстилась на скамейкѣ, гдѣ сидѣлъ молодой человѣкъ, въ такомъ приличномъ отдаленіи, что между нимъ и мною могла усѣсться любая графиня, въ своемъ пышномъ нарядѣ,—и углубилась въ книгу. Мой неподвижный сосѣдъ по видимому углубился въ свои думы и страданія, и отъ времени и до времени изъ груди его вылетали тяжкіе вздохи. Судя по его костюму и дорожному перстню на рукѣ, онъ долженъ быть богатъ; судя же по его измѣненнымъ худобою чертамъ—у него должна быть быстро развивающаяся чахотка. Что бы разсѣять его хотя немного, я думала вступить съ нимъ въ разговоръ, и сообщить ему мысли внушенныя мнѣ чтеніемъ. Но это было бы страшнымъ неприличіемъ въ глазахъ свѣта,—и я удержалась, проклиная въ душѣ глупый этикетъ, не дающій воли нашимъ лучшимъ инстинктамъ. Между тѣмъ, желая сдѣлать какую-то отмѣтку въ своей разсчетной запискѣ, онъ уронилъ карандашъ и какъ ни пытался—не могъ поднять его. Видя его тщетныя усилія, я встала и подняла ему. Онъ поблагодарилъ меня съ видомъ удивленія, и въ то же время я услышала шопотъ сидѣвшихъ за мною дамъ. Безъ сомнѣнія маленькая услуга, оказанная мною больному, показалась имъ большою неблагопристойностью. Очень можетъ быть, что я поступила немного по мѣщански; но мнѣ все равно, я не хочу казаться не тѣмъ что я есть.

Когда я встала съ мѣста, чтобы идти домой, онъ поклонился мнѣ очень вѣжливо, и я тотчасъ же забыла всѣ насмѣшки изящныхъ дамъ; онѣ не отнимутъ у меня аппетита, не смотря на то что ожидающій меня супъ сталъ теперь блѣднѣе бѣлокурыхъ буклей моей покровительницы. Я получила письмо отъ своего доктора; онъ желаетъ знать, что я дѣлаю, что испытываю и какъ выношу здѣшній климатъ. Поздравляя меня съ мужествомъ и твердымъ самоотверженіемъ, онъ кажется не доволенъ тѣмъ, что сказалъ мнѣ правду и силится пробудить во мнѣ надежду: «Не забывайте, милая Марія» пишетъ онъ, «что природа часто производитъ такія чудеса, которыя разомъ уничтожаютъ то, чему научаютъ насъ науки и опытъ».

Но онъ очень хорошо знаетъ, что для того короткаго времени, которое мнѣ остается жить,—истина самое лучшее утѣшеніе.

(Продолженіе будетъ).

Народы России.

(Продолженіе).

IX. Калмыки Саратовской губерніи.

Время появленія калмыковъ въ саратовскомъ краѣ относится къ половинѣ XVIII вѣка т. е. къ перекочевкѣ ихъ въ астраханскія степи. Далѣе въ началѣ XVIII вѣка они весьма часто соединялись съ ногайскими татарами и производили набѣги по всему поволжью и на западъ доходили до границъ нынѣшной Харьковской губерніи. Мало по малу начали калмыки сближаться съ русскими и принимать христіанство. Правительство русское поселило этихъ новыхъ христіанъ при устьѣ р. Терешки въ нынѣшнемъ Волгскомъ уѣздѣ. Калмыцкій ханъ, извѣстный Аюка разорилъ это селеніе и увелъ крещеныхъ калмыковъ въ свои улусы. Это обстоятельство повело къ тому, что русскіе, не желая раздражать воинственнаго хана, отправляли крещеныхъ калмыковъ для водворенія на Донъ или въ Чугуевъ, гдѣ ихъ записывали въ казаки. Послѣ смерти хана Аюки, въ 1724 году, когда родной его внукъ принялъ крещеніе, обращено было особенное вниманіе на распространеніе истинъ христіанской религіи между этими номадами—и изъ принявшихъ христіанство часть поселили въ Царицынскомъ уѣздѣ въ особой колоніи, названной Калмыцкій-Буеракъ, нынѣ имѣющей семь домовъ съ жителями, состоящими изъ одинадцати мужщинъ и пятнадцати женщимъ. Обращеннымъ въ православіе калмыкамъ правительство дало земли, построило дома, дало рабочій скотъ, земледѣльческіе инструменты, сѣмена хлѣбовъ и льготу отъ податей. Но труды и жертвы правительства пропали даромъ. Не смотря на всѣ пособія и поощренія, калмыки и донынѣ имѣютъ отвращеніе отъ земледѣлія. Земли свои они отдаютъ въ наймы или оставляютъ вовсе безъ употребленія. Любимое ихъ занятіе—пастушество, отъ чего они охотно и нанимаются стеречь стада. Постройки для нихъ возведенныя и все вообще ихъ хозяйство представляетъ жалкую картину разрушенія—и на опытѣ доказываетъ, какъ трудно природнаго номада превратить въ осѣдлаго земледѣльца.

Некрещеные калмыки прикочевываютъ сюда на лѣтнее время. Нѣкоторые изъ нихъ нанимаются на лѣто въ пастухи и на работы на табачныя плантанціи у сарептсхихъ колонистовъ; другіе занимаются мелкою мѣновою торговлею съ жителями г. Царицына и колоніи Сарепты, запасаясь отъ нихъ (взамѣнъ барановъ и лошадей) нанкою, холстомъ, выдѣланными кожами, деревянными дверями для своихъ кибитокъ, деревянными, голубою краскою окрашенными сундуками, арчаками къ сѣдламъ и желѣзными къ нимъ принадлежностями, а особенно кирпичнымъ чаемъ, самымъ любимымъ продуктомъ у калмыковъ. Чай этотъ во всеобщемъ между ними употребленіи до такой степени, что и въ торговомъ получилъ названіе: «калмыцкаго».

Калмыки небольшаго роста, сутуловаты, съ широкими плечами и искривленными кнаружѣ дугообразно ногами. Волосы черные, жесткіе и недостигающіе значительной длины, заплетаютъ какъ у мущинъ, такъ и у женщинъ въ косы. Косы дѣвушекъ всегда прячутъ въ длинные чахлы, сшитые изъ синей крашенины или нанки. Глаза черные, блестящіе, глубоко сидящіе въ своихъ узкихъ впадинахъ; внѣшніе углы глазъ приподняты кверху, скулы выдавшіяся сильно, ротъ довольно большой, носъ приплюснутый, широкій; у мужчинъ борода и усы очень жидкіе и короткіе. Цвѣтъ кожи темный. У молодыхъ дѣвушекъ часто встрѣчается сильный румянецъ естественный. Тѣ-же у которыхъ его не имѣется—красятъ щеки различными румянами. Зубы ровные, бѣлые и крѣпкіе. Слухъ и въ особенности зрѣніе развиты очень сильно. Калмыки всегда въ движеніи, почему отличаются значительною динамическою силою. Съ малолѣтства находясь на конѣ, калмыки, какъ мужчины такъ и женщины, отлично ѣздятъ верхомъ. Одежда ихъ состоитъ изъ рубахи и шароваръ изъ синей нанки. Сверхъ этаго они надѣваютъ лѣтомъ нанковый кафтанъ и халатъ, а зимою полушубокъ и тулупъ и кожаные шаровары. Обувь состоитъ изъ кожаныхъ сапогъ съ высокими каблуками. Богатые носятъ обувь изъ выдѣланныхъ козьихъ шкуръ, преимущественно желтаго или краснаго цвѣта. На головѣ носится шапка опушенная бараньимъ низкимъ мѣхомъ, преимущественно изъ выпорковъ. Верхъ шапки изъ желтаго сукна четырехъ-угольной формы и съ красною кисточкою по срединѣ. Какъ мужчины, такъ и женщины носятъ кожаные ремни, украшенные наборомъ, вмѣсто поясовъ; на этихъ поясахъ виситъ кожаный кисетъ для табаку и трубки, огниво, ключъ отъ сундука и желѣзная проволочка для вычищенія трубки, которую курятъ и мужчины и женщины. У богатыхъ женскіе халаты украшены по краямъ вышивками, тесмой, а иногда и галунами. Вообще-же женскій костюмъ мало разнится отъ мужскаго.

Всѣхъ калмыковъ въ саратовской губерніи 319 душъ (160 муж. и 159 жен.), занимающихъ территорію въ 414 десятинъ. Остальные калмыки прикочевываютъ изъ астраханской губерніи на время.

Коренные номады, калмыки не любятъ жить въ домахъ, а обитаютъ постоянно въ кибиткахъ. Кибитка представляетъ войлочный шатеръ конусообразной формы. Основа его состоитъ изъ крестообразной рѣшотки, называемой *жерме*. Рѣшетка состоитъ изъ пяти или шести полотнищъ и укрѣпляется на землѣ такъ, что образуетъ круглую клѣтку съ небольшимъ въ нее входомъ. Концы рѣшетокъ туго связываютъ между собою длинными, крѣпкими, сыромятными ремнями. Верхъ кибитки составляетъ обручъ и имѣетъ отверстія, въ которыя втыкаются шесты, называемые *унинъ*; шесты эти другими, свободными концами прикрѣпляются къ круглой рѣшеткѣ, о которой мы говорили. Такимъ образомъ составляется прозрачный оставъ кибитки, который снаружи покрывается кошмами, а верхъ особымъ кускомъ войлока, называемымъ *цагрыкъ*. Цагрыкъ имѣетъ веревку и можетъ свободно открываться. Мы сказали, что круглая рѣшетка, составляющая собственно стѣны кибитки, имѣетъ узкій проходъ; въ проходъ этотъ придѣлывается деревянная дверь и закрывается еще войлочнымъ пологомъ. Изъ сказаннаго легко понять, что разобрать и собрать кибитку очень легко, что и составляетъ необходимое условіе кочевой жизни.

Внутри кибитки, прямо противу дверей ставится кровать хозяевъ. На кровати находится тюфякъ, называемый *дербюльджинъ*. Это не собственно тюфякъ, какъ мы привыкли понимать, а просто-на-просто въ нѣсколько разъ сложенная войлочная кошма. Дербюльджинъ покры-

вается одѣяломъ—*кюнжиль*. Лѣтомъ одѣяло это изъ бумажной матеріи, а зимою изъ овчинъ. Подушекъ на калмыцкой кровати всегда два сорта: одни кладутся въ головахъ—это *дербоцко*, другія въ ногахъ—*кельбоцко*. Влѣво отъ кровати находится почетное мѣсто, *большой баранъ*, гдѣ складывается лучшее имущество; тутъ находятся и голубые сундуки, покрытые коврами. На нихъ ставятся *бурханы* т. е. литыя изъ мѣди изображенія боговъ. Предъ бурханами ставится столикъ съ жертвами: водой, пшеницей и ароматными куреніями. Мѣсто по правую сторону кровати—называется *малый баранъ*; тутъ помѣщается домашняя утварь и съѣстные припасы. Посреди кибитки находится таганъ, подъ которымъ постоянно тлѣетъ кизякъ. Около тагана, валяясь по полу, грѣются почти нагіе калмычата и ветхія старухи. На таганѣ готовится и пища и чай, который разрѣзываютъ на кусочки и разваривають въ водѣ съ прибавленіемъ соли, масла и молока. Сваренный чай переливаютъ въ особую деревянную чашку—*домбо*, а изъ нея разливаютъ по малымъ чашками и пьютъ. Квашенаго хлѣба калмыки печь не умѣютъ, а пекутъ прѣсныя лепешки, т. е. чуреки; мясо ѣдятъ только тогда, когда случается падежъ скота или когда волки повредятъ какую нибудь скотину. Обыкновенная пища—это: *куртъ-хурсунъ*, твердый овечій творогъ, который остается послѣ гонки вина изъ молока; затѣмъ *ейзи*—овечій сыръ, татарскій бишлекъ, и нѣкоторыя кушанья изъ коровьяго молока: *седмыкъ*, *маханъ-седмыкъ*, *кюхорицкъ*. Калмыки употребляютъ въ пищу еще *тилимъ* (водяной орѣхъ), *бодмоницукъ* (свиной орѣхъ), *алцихно* (головатую осину), *булукъ* (спорышъ). Къ спиртнымъ напиткамъ очень склонны. Изъ овечьяго молока, посредствомъ закваски, они получаютъ *чиганъ*, а изъ коровьяго—*арьянъ*. Перегоняя эти напитки получается вино—*арка*, а перегоняя арка еще разъ, добываютъ очень крѣпкій напитокъ—*арза*.

Калмыки исповѣдуютъ ламайскую вѣру. Духовныя калмыцкія книги высоко почитаются между ними, но выше всѣхъ книга *Зодьба*; читающій ее избавляется отъ мученій на томъ свѣтѣ. Молитвенныя капища калмыковъ называются *цаца* и къ каждому торжеству дѣлаются новыя. Обыкновенныя же мѣста ихъ моленій называются *кидъ*.

У калмыковъ за самый важный грѣхъ почитается недовѣріе къ закону и хула на Бурхановъ, удержанная Бурханамъ подать и непочтеніе къ духовенству. Далѣе слѣдуетъ убійство—не только людей, но и всякаго животнаго, даже до послѣдняго насѣкомаго. Въ калмыцкой миѳологіи не послѣднее мѣсто занимаетъ судья, называемый *Ирликъ-ханъ*. Престолъ его поставленъ между небомъ и землею на срединѣ и окруженъ безчисленнымъ множествомъ черныхъ *Тенгровъ* или духовъ. Передъ Ирликъ-хана должна предстать на судъ всякая душа съ своими приставами, выключая угодниковъ, которые прямо восходятъ на небо, какъ огненный столбъ. Роль приставовъ исполняютъ черные и бѣлые Тенгры, т. е. злые и добрые духи, которыхъ имѣетъ каждое дышащее существо. У Ирлинкъ-хана находятся древнія записки — *Алганъ Голи*. Въ эти записки вносятся дѣла, содѣянныя людьми. Судья нерѣдко въ нихъ заглядываетъ, чтобы его не обманули—или стряпчіе или сами судимые. Спорныя дѣла взвѣшиваетъ онъ на вѣсахъ: въ одну чашу кладетъ грѣхи, а въ другую добрыя дѣла—и смотря потому, какая чашка перетянетъ, бываетъ и расправа. По мнѣнію калмыковъ, надо твердо имѣть въ памяти все, что было сдѣлано добраго на этомъ свѣтѣ, и смѣло предлагать это Ирликъ-хану; иначе боязливые, вмѣсто рая, попадаютъ въ муку,—потому что приставамъ иногда не придетъ на память того, что можетъ оправдать его; а Ирликъ-ханъ, по множеству дѣлъ, иногда полѣнится заглянуть на свою шнуровую книгу. Это подтверждаютъ многіе выходцы съ того свѣта. Вотъ разъ случилось какое происшествіе:

Какой-то пьяница, приговоренный къ наказанію на судѣ Ирликъ-Хана, былъ вверженъ въ одно мытарство, наполненное острымъ оружіемъ. Туда бѣднягу упрятали Яргачи (пристава или караульные при мытарствахъ) и предложили ходить по шести дорогамъ, усѣянными острыми гвоздями. Во время его мученій, молитвою одного изъ Бурхановъ болѣе восьми тысячъ мучащихся душъ были извлечены изъ глубины всѣхъ восьмнадцати мытарствъ за то, что они читали Доржо-Зудьбу. Мучащемуся пьяницѣ пришло на память, что и онъ когда-то мало того что читалъ, но даже и списалъ Доржо-Зудьбу. Пристава, услышавъ такое дѣло, донесли Ирликъ-Хану. Судья приказалъ представить къ себѣ грѣшника и спросилъ его, подлинно-ли въ жизни онъ совершилъ такую добродѣтель, что списалъ Доржо-Зудьбу. Пьяница увѣрялъ Ирликъ-Хана, сколько его силъ было; а Ирликъ-Ханъ, справясь въ Алганѣ-Голи, нашелъ слова его справедливыми и просилъ у него извиненія за претерпенныя имъ мученія: мало этого, онъ посадилъ его возлѣ себя на золотомъ престолѣ, показалъ ему многія тайны и обѣщалъ опять возвратить въ жизнь, чтобы онъ проповѣдовалъ Доржо-Зудьбу. Пьяница отказался отъ такого благодѣянія, представляя, что всякое животное, существующее въ мірѣ, будетъ стремится на его погибель.

— Въ жизнь мою, говорилъ пьяница,—я убивалъ сайгаковъ, овецъ, лошадей, рыбъ, сусликовъ, всякихъ насѣкомыхъ, всякую ползающую и пресмыкающуюся тварь.

Ирликъ-Ханъ немедленно повелѣлъ предстать передъ собою всѣмъ животнымъ, которыхъ на этомъ свѣтѣ умертвилъ нашъ пьяница и строго приказалъ имъ, чтобы они не смѣли дѣлать ему зла. Всѣ помянутыя твари вознегодовали на такое приказаніе и были очень недовольны судомъ Ирликъ-Хана, которому болѣе ничего не осталось сдѣлать, какъ прибѣгнуть къ вѣсамъ. Онъ взялъ свои вѣски, и въ одну чашку вмѣстилъ всѣхъ животныхъ, а въ другую Доржо-Зудьбу; но она перевѣсила,—и животныя, убоявшись этаго, сдѣлали поклоненіе судьѣ и просили у него прощенія. За это Ирликъ-Ханъ отослалъ ихъ на мѣсто успокоенія, а пьяницу возвратилъ на этотъ свѣтъ для прославленія Доржо-Зудьбу.

Вотъ отъ чего кажется калмыки охотнѣе ѣдятъ падаль, нежели убитую скотину, говоря, что первая зарѣзана Бурханами и слѣдовательно безгрѣшна. Вѣря въ переселеніе душъ, калмыки каждой живущей твари приписываютъ разумную душу—и каждая изъ нихъ, какъ и человѣкъ, должна во смерти явиться на судъ Ирликъ-Хана чтобы получить воздаяніе за свои дѣла. Примѣромъ для калмыковъ служитъ ихъ *Бурханъ Санти-Муни*, котораго душа обитала нѣкогда въ зайцѣ; тогда, увидѣвъ умирающаго отъ голоду человѣка, онъ предалъ ему себя на добровольную снѣдь.

За главнѣйшій рай калмыки почитаютъ какое-то суковидное мѣсто. За этимъ слѣдуетъ рай Амидабы Бурхана, обладающаго двухтысячнымъ небомъ. Самое послѣднее мѣсто находится у тридцати трехъ Тенгировъ: тамъ ожидаютъ только одной вольности. Впрочемъ у калмыковъ такое множество раевъ, что и перечесть трудно, потому что

они каждому Бурхану приписываютъ особливое небо, въ которомъ онъ водворяется съ душами праведныхъ.

Калмыки вѣруютъ, что въ красномъ гусѣ живетъ злой духъ—и потому, когда нечаянно увидятъ его, то клянутъ и отворачиваются. Красную же утку почитаютъ святою и увѣряютъ, что она есть попъ всѣхъ птицъ.

ляетъ соизволеніе Бурхановъ. Если, по его мнѣнію, предвѣщаніе о свадьбѣ будетъ дурное, то бракъ невозможенъ; тогда отцы дарятъ Гелюню столько, что онъ этими подарками можетъ перемѣнить и соизволеніе Бурхановъ изъ дурнаго на хорошее.

Получивъ отъ Гелюня доброе предзнаменованіе, роди-

Калмыки.

Рисовалъ Віола, гравировалъ Паннемакеръ.

Женитьба дѣтей у калмыковъ зависитъ единственно отъ воли родителей; но прежде сватовства они приходятъ къ своему Гелюню или главному духовному лицу, и объявляютъ имя жениха и невѣсты, годъ и число, когда они родились. Гелюнь справляется въ своемъ Сударѣ и объяв-

тели договариваются о калымѣ, т. е. выкупѣ невѣсты, при свидѣтеляхъ съ обѣихъ сторонъ. Невѣста обыкновенно должна принести въ приданое жениху новую кибитку, нѣсколько скота и т. п. Бракъ совершается во время новолунія; новобрачные приводятся Гелюномъ къ Бурхан-

ской присягѣ во взаимной вѣрности, потомъ выводятся изъ кибитки—и имъ приказываютъ смотрѣть на солнце и читать свои молитвы, при чемъ молодые кладутъ земные поклоны. По окончаніи молитвъ, Гелюнь накладывать на нихъ руки, и бракъ ихъ совершенъ.

Послѣ этой церемоніи невѣсту сажаютъ въ кибитку за занавѣсъ, а женихъ сидитъ спереди; между тѣмъ родня жениха и невѣсты беретъ сырую кожу и тянетъ ее сколько станетъ силы; если женихова родня втянетъ въ кибитку невѣстину родню, то она должна исправить свадебную попойку, и обратно. При началѣ пирушки, невѣсту вводятъ въ ея кибитку, гдѣ она и веселится съ женщинами. Молодая не имѣетъ права видѣться со свекоромъ и со старшею мужниною роднею, даже отца своего можетъ она посѣтить не прежде, какъ по прошествіи года; тогда она получаетъ отъ него назначенную ей долю.

Калмыкамъ религія воспрещаетъ многоженство, но это не такъ строго наблюдается богатыми или вліятельными людьми. Разводы тоже законъ не дозволяетъ, однако разводы между ними весьма не рѣдки, особенно у знатныхъ. Если калмыкъ имѣетъ причину быть недовольнымъ своею женою, или она сама пожелаетъ развестись съ нимъ, то ему предоставляется право раздѣть ее донага и прогнать плетью; если же онъ хочетъ разстаться съ нею честнымъ образомъ, то сзываетъ ея родственниковъ къ себѣ на пиръ, даетъ женѣ осѣдланную лошадь и столько скота, сколько хочетъ или можетъ дать, и съ этими дарами отпускаетъ ее отъ себя.

Когда калмыкъ близокъ къ смерти, то приглашаютъ Гелюня, который читаетъ надъ умирающимъ свои молитвы и дѣлаетъ ему нѣчто въ родѣ исповѣди; молитвы продолжаются до тѣхъ поръ, покуда умирающій скончается. Чтобы болѣе удостовѣриться въ смерти покойника Гелюнь ставитъ на столъ зеркало—и насыпавъ къ нему отъ трупа небольшую дорожку золою, приказываетъ душѣ усопшаго, чтобы она шла вонъ и никакихъ слѣдовъ на дорожкѣ не оставляла. Послѣ того, когда прозорливый Гелюнь увидитъ что душа слѣдовъ не оставила, онъ справляется съ своимъ сударемъ и объявляетъ куда поступить должна душа умершаго. Послѣ этого входятъ родственники усопшаго и поютъ погребальныя заупокойныя пѣсни.

Умершихъ никогда не выносятъ изъ кибитки въ двери, но поднимаютъ одно звѣно рѣшотки сзади, куда и вытаскиваютъ. Трупъ зарывается въ могилу, на которой ставится четыре шеста на всѣ страны свѣта; на шестахъ вѣшаются значки съ надписью года и числа рожденія и кончины покойнаго, а равно и пишется молитва къ Бурханамъ.

Оставшееся имѣніе дѣлятъ между собою ближайшіе родственники (какъ то: дѣти и проч.) на равныя части. Кибитку получаетъ Гелюнь, а рухлядь причетники.

Ханы и другіе знатные владѣльцы отъ похороннаго жребія освобождаются; имъ отъ вѣка опредѣлено быть сожжеными послѣ смерти, выключая головныя кости которыя съ пепломъ кладутъ въ металическій сосудъ и отсылаютъ къ Далайламѣ, гдѣ всѣ ихъ угодники опочиваютъ въ мирѣ, принявъ имя *Беглючи*. Сосудъ, наполненный ханскимъ пепломъ, должны сопровождать и богатые подарки, дабы умилостивить ихъ святыню и исходатайствовать хану вѣчное блаженство. При сей вѣрной оказіи, многіе богатые калмыки тоже посылаютъ дары своимъ угодникамъ, Далайламѣ и всему его двору, для полученія благодати какъ своей деревнѣ, такъ и спасенія душѣ отошедшаго на тотъ свѣтъ родственника. Возвращающіеся оттуда привозятъ извѣстія, гдѣ чей родственникъ на томъ свѣтѣ обрѣтается, въ какомъ раю или мукѣ, и какими средствами можно ему помочь,—потому что Далайлама, по ихъ непоколебимому убѣжденію, получаетъ чрезъ свое гаданіе самыя обстоятельнѣйшія свѣдѣнія обо всемъ, что на томъ свѣтѣ происходитъ, и даже можетъ своимъ предстательствомъ изъ беззаконника произвесть въ святые; конечно, даромъ этого сдѣлать нельзя, а надо на умилостивленіе внести порядочныя деньги.

Александръ Раевскій.

Фельетонъ.

Въ настоящую минуту Петербургъ переживаютъ saison morte.

Знаете-ли вы, читатель, что такое saison morte?

Вообразите себѣ: болото безъ лягушекъ, театръ безъ актеровъ, машину безъ механизма или городъ безъ гражданъ—и вы получите совершенно ясное и опредѣленное представленіе объ этомъ миломъ времени года.

Saison morte — олицетвореніе застоя, невозмутимой тишины и безлюдія.

Съ мая и по сентябрь—Петербургъ пустъ какъ сама торичелліева пустота, какъ выѣденное яйцо или книга одного изъ многихъ Окрейцовскихъ журналовъ.

Все и вся имѣющее хотя самые скудные рессурсы, обладающее хотя бы наимизернѣйшими и наижалчайшими фондами, — съ наступленіемъ первыхъ лѣтнихъ дней, покидаетъ душный, начинающій перестраиваться, переправляться и перемащиваться городъ, — и разбредается во все концы и страны подлуннаго міра.

Не говоря уже про Черную рѣчку, Павловскъ, Лѣсной и Кушелевку—эти излюбленные лѣтніе пріюты петербургскаго фешена и бюрократіи; — скучающіе мужи и матроны, сыны и дочери сѣвернаго вавилона цѣлыми колоніями переселяются въ классическіе: Баденъ-Баденъ, Эмсъ, Спа, Женеву, Ниццу и т. д., и т. д., до Москвы включительно;—хотя порфироносная старушка-вдовица нѣсколько ошиблась въ расчетахъ, думая политехнической выставкой привлечь къ себѣ несмѣтные легіоны публики. Радужныя предположенія, не выходя изъ области фантазій, такъ и остались предположеніями, и кромѣ экспонентовъ да газетныхъ репортеровъ отдѣлы выставки блещутъ такимъ-же многолюдствомъ,— какъ и солнечная сторона Невскаго проспекта въ самый развалъ знойнаго іюльскаго полдня.

Грустно!....

Скука и пустота, тяжелая апатія и невыносимая хандра свинцовымъ гнетомъ давящая организмъ.

Даже любвеобильная пѣвица Филлипо, три года кряду вздыхающая, поющая и жестикулирующая на амурные мотивы подъ акомпаниментъ оркестра, даже демидовская знаменитость Кадуджа и весьма прославленная дѣвица Тереза, пріѣзду которыхъ предшествовали самыя усиленныя рекламы чуть-ли на всѣхъ органовъ нашей щедрой на похвалы прессы, — не въ состояніи развлечь бѣдныхъ петербуржцевъ.

— Эти антрепенеры непремѣнно убьютъ каскадную музыку, горько плакался мнѣ на гг. Деккеръ-Шенка и

Егарева — солидный старичокъ, пламенный почитатель и поклонникъ буффонадъ Оффенбаха, Герве и Леколя;— преподнести публикѣ Терезу послѣ Ортансъ Шнейдеръ—то же что запивать ароматный Іоганнисбергеръ— отвратительной водкой. Шнейдеръ и Тереза — какова послѣдовательность—и еще смѣютъ жаловаться на дурные сборы!....

Кстати о Терезѣ и ея бенефисѣ, состоявшемся 6 іюля на сценѣ театра минеральныхъ водъ.

Самъ по себѣ спектакль прошелъ не важно и безо всякихъ овацій со стороны публики; только въ финалѣ разыгралось нѣчто неподобное, въ афишѣ не означенное.—Капитальною пьесою бенефиса шла интермедійка «Pierette» передѣленная изъ волшебной пьесы «la Chatte blanche», съ начала до конца наполненная грубыми насмѣшками и циническими выходками направленными противъ германской расы. Оркестру, исключительно составленному изъ нѣмцевъ, пьеска пришлась не по вкусу—и оскорбленные музыканты, съ замѣчательнымъ единодушіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, дружно провалили ненавистную «Pierette».

Самое немузыкальное ухо ужаснулось бы прослушавъ ту невыносимую какофонію, ту дикую дисгармонію и отчаянные диссонансы, которые оглашали вечеромъ шестаго іюля залу театра минеральныхъ водъ.—Въ концѣ концовъ, выведенная изъ себя бенефиціантка страшно вспылила, затопала ногами и выказала явное намѣреніе удалиться со сцены не докончивъ заключительной шансонетки.—Разумѣется, нѣкоторые чрезвычайно обрадовались неожиданному скандалу, давшему тему для разговоровъ на нѣсколько дней и выразили свое удовольствіе шумными аплодисментами.

Впрочемъ, матеріала для разговоровъ и пересудовъ не мало и безъ этой стычки между враждующими націями. Такъ напримѣръ, много говорятъ о шаткихъ дѣлахъ одной громадной по кредиту и оборотамъ торговой фирмы; съ замираніемъ сердца и грустно вытянувшимися физіономіями разсуждаютъ о холерѣ, оспѣ и иныхъ повальныхъ и моровыхъ болѣзняхъ и недугахъ; препираются о полезности устраиваемыхъ на петровской и адмиралтейской площадяхъ скверовъ, съ фонтанами, бесѣдками и прочими атрибутами общественныхъ гуляній; но больше всего толкуютъ о печальномъ состояніи русской журналистики, надъ которой съ недавныхъ поръ тяготѣетъ какой-то грозный безпощадный фатумъ.

Дѣйствительно, такого тяжелаго времени для литературы не запомнитъ ни одинъ старожилъ. На что ужь былъ плохъ 1866 годъ, но и онъ не можетъ идти въ сравненіе съ нынѣшнимъ 1872-мъ. Что ни недѣля — новая утрата; что ни мѣсяцъ — новая жертва „*равнодушія публики.*“

Съ легкаго почина „Московской Биржевой Газеты“ и литературнаго феникса „Дѣятельности“, ежегодно по нѣскольку разъ умирающей и возраждающейся изъ пепла,—на родную прессу нашла черная полоса. Одну за другой, съ небольшими промежутками, мы потеряли „Искру“ брошенную на произволъ судьбы и на горе подписчиковъ—эмигрировавшимъ редакторомъ Леонтьевымъ, затѣмъ прекратились: Азіатскій Вѣстникъ, Будильникъ мертворожденная „Невская Струя“ не выпустившая ни одного номера, мимолетное „Образованіе и промышленность“ и „Новое Время“ умолкнувшія вслѣдствіе какихъ-то необъяснимыхъ причинъ. Далѣе слѣдовали: „Всемірный Трудъ“ петербургскаго беллетриста, поэта, критика, фельетониста, публициста и радикала, г-на Окрейца, умудрившагося за три выпущенныя книжки получить три предостереженія и шестимѣсячную пріостановку журнала; „Голосъ“ Андрея Александровича Краевскаго безмолствовавшій въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ — и наконецъ „Новости“ г-на Шрейера отдыхавшія на лаврахъ тридцать слишкомъ дней.

Десять изданій въ шесть мѣсяцевъ; десятокъ въ полугодіе; кушъ, какъ хотите порядочный; тѣмъ болѣе что на смѣну погибшихъ бойцовъ не предвидится новыхъ органовъ — а еще напротивъ, многіе изъ существующихъ нынѣ висятъ на волоскѣ отъ смерти.

Странно!

Но что-же тормозитъ движеніе русской мысли? въ чемъ-же искать причину этого непонятнаго *равнодушія публики*?

Причина, изволите видѣть, господа, по моему мнѣнію одна, и очень, очень легко объяснимая, — это крайняя безтактность и ограниченность вожаковъ русской прессы. — Не будь этой безтактности, не существуй этой непростительной неразвитости—и дѣло бы пошло путемъ діаметрально-противуположнымъ. — Кому, скажите на милость, любопытно обременять себя чтеніемъ подобной старческой, безсмысленной болтовни какими угостили на первыхъ перахъ публику „Образованіе“ г-на Прудникова или „Азіатскій Вѣстникъ“ г-на Пашино? Въ комъ возбуждала смѣхъ беззубая сатира преобразованной „Искры“ или soi-disant сатирическаго журнала „Будильника“? для какой потѣхи издавался „Трудъ“ изрыгавшій на всѣхъ неподходившихъ подъ его узенькую псевдо-радикальную рамку бѣшеную брань, грязныя клеветы и инсинуаціи? кто могъ прочесть не заснувъ сномъ праведника на первомъ же столбцѣ первой страницы „Дѣятельность“ господина Долинскаго — или читаетъ нынѣ новости пресловутыхъ Шрейеровскихъ „Новостей“,—въ свѣжести и справедливости которыхъ на врядъ-ли твердо увѣренъ самъ г-нъ редакторъ-издатель? А между тѣмъ все это издавалось, имѣло подписчиковъ — хотя и въ болѣе чѣмъ ограниченномъ количествѣ и..... и наконецъ сошло въ царство тѣней—такъ какъ больше въ сей юдолѣ плача дѣлать ничего не оставалось.

Миръ вамъ, безвременно погибшіе органы, и миръ вашимъ неутѣшнымъ подписчикамъ!.....

Однако довольно.

Петербургъ пользуясь хорошей погодой нынѣшняго лѣта — веселится какъ можетъ и гдѣ можетъ, т. е. гдѣ и какъ позволяютъ средства. Въ Тиволи, на дачѣ Кушелева-Безбородко, даются семейные танцовальные вечера, куда съѣзжаются окрестные дачники и петербуржцы, напиться чаю подъ сѣнью гостепріимной эстрады, погулять въ рощѣ и потанцовать безъ претензій подъ звуки набольшаго оркестра. Сады Демидовъ и Крестовскій и заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ— полны постоянно. Спектакли загородныхъ, Каменноостровскаго и Красносельскаго, театровъ—посѣщаются усердно. Павловскъ тоже преполненъ публикою, не смотря на несостоявшійся пріѣздъ Іогана Штрауса. Правленіе дороги, такъ не церемонно обманутое кумиромъ обычныхъ посѣтительницъ „музыки“, взамѣнъ вѣроломнаго капельмейстера, озаботилось пригласить нѣкоторыхъ артистовъ русской оперы и два раза въ недѣлю даетъ вокально-инструментальные вечера. Участвуютъ гг. Васильевъ (басъ), Додоновъ, Радонежскій, Гордѣевъ, г-жи Меньшикова и Красовская и наконецъ неизбѣжный г-нъ Вейнбергъ, разказчикъ сценъ изъ еврейскаго быта. Большинство лавровъ достается на долю высоко-даровитаго г-на Васильева и молодаго пѣвца Гордѣева — задушевнымъ исполненіемъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ въ короткое время заслужившаго расположеніе публики. Вообще, говоря правду, павловскіе завсегдатаи немного потеряли съ отсутствіемъ Штрауса, и единственная вещь, за которую они могутъ справедливо посѣтовать на правленіе царскосельской дороги—несоразмѣрно высокая входная плата въ кон-

цертный залъ.—Рубль сер. за билетъ при увеличенномъ тарифѣ проѣзда изъ Петербурга — слишкомъ дорого — и для постоянно нуждающагося, экономнаго петербургскаго люда, не обладающаго богатствами Ротшильда или Монтефіоре—составляетъ довольно ощутительную трату.

Заговоривъ о Монтефіоре—я имъ и окончу свою лѣтопись. Надняхъ онъ пріѣхалъ въ Петербургъ — для поднесенія Государю Императору поздравленія съ исполнившимся двухсотлѣтіемъ со дня рожденія Петра Великаго.

Политическое обозрѣніе.

Въ Англіи въ палату лордовъ былъ внесенъ билль о тайной подачѣ голосовъ. Тайная подача голосовъ имѣла въ виду устранить подкупы и разныя другія ухищренія, происходящія обыкновенно при выборахъ; но большинствомъ голосовъ, 157 противъ 138, этотъ билль былъ отвергнутъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій англійской палаты общинъ происходили очень интересныя пренія по вопросу о работѣ женщинъ и дѣтей. Обсуждался проектъ новаго устава для угольныхъ копей. Въ одной изъ статей этого устава говорится, что что „ни женщины, ни дѣвочки, не должны быть занимаемы подземною работою въ копяхъ“. Вильгаузъ внесъ по этому поводу поправку, относительно того, чтобы воспрещено было занимать женщинъ и дѣвочекъ не только подземною, но и вообще какою бы то ни было работою на копяхъ. Чтобы понять эту поправку, нужно принять во вниманіе, что работницы на копяхъ работаютъ въ мужскихъ платьяхъ, напиваются въ кабакахъ вмѣстѣ съ рабочими, нерѣдко принимаютъ участіе въ дракахъ и совершенно деморализуются. Мунделла, которому принадлежитъ первая мысль о третейскихъ судахъ между рабочими и хозяевами, поддержалъ эту поправку, говоря, что работы женщинъ на копяхъ унижаютъ въ нихъ всякое человѣческое достоинство. Джакобъ Брайтъ возражалъ противъ поправки, видя въ ней посягательство на право женщинъ на трудъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ Брюсъ высказался также противъ всякаго дальнѣйшаго ограниченія хозяевъ, а Фомерджилъ доказывалъ, это положеніе работницъ на угольныхъ копяхъ вовсе не такъ дурно, какъ его представляютъ. Поправка была отвергнута даже безъ голосованія. Затѣмъ Пизъ предлагалъ, чтобы мальчики допускались къ работѣ на копяхъ не 10-ти лѣтъ, какъ это значится въ проектѣ устава, а только 12. Но и эта поправка была, послѣ продолжительныхъ преній, отвергнута большинствомъ 187 голосовъ противъ 136.

Между англійскими рукокопами происходитъ теперь сильное движеніе по поводу „Mines regulation bill“. Этотъ билль находится теперь на разсмотрѣніи парламентскаго комитета. Не смотря на то, что индивидуализмъ составляетъ отличательную черту англійской жизни, государство считаетъ себя въ нѣкоторыхъ случаяхъ обязаннымъ вмѣшиваться въ отношенія между капиталомъ и трудомъ.

Смѣсь.

По части домашняго хозяйства.

Англійскій способъ солить мясо. Вскипятить 50 фунтовъ поваренной соли, 1 ф. селитры, 8 ф. сахару и 125 ф. воды; снять пѣну, а потомъ, когда эта жидкость остынетъ, положить въ нее мясо и наложить сверху камни. Хотя селитра и дѣлаетъ мясо нѣсколько твердымъ, за то сахаръ смягчаетъ его.

Когда сухая соль придетъ въ соприкосновеніе съ мясомъ, то она извлечетъ изъ него сокъ и станетъ жидкою. Такимъ образомъ явится разсолъ, на который, вслѣдствіе этого, слѣдуетъ смотрѣть какъ на мясную жижу, заключающую въ себѣ соль. Изъ этого вытекаетъ слѣдующее: во первыхъ, надобно наблюдать, чтобы при соленіи мяса не было употреблено слишкомъ много сухой соли, потому-что въ такомъ случаѣ отъ мяса отойдетъ слишкомъ много соку и оно станетъ слишкомъ твердымъ; а во вторыхъ, для соленіи мяса подобный разсолъ гораздо лучше сухой или же распущенной въ водѣ соли. При этомъ предполагается, конечно, чтобъ разсолъ не былъ испорченъ. Для вторичнаго употребленія его не мѣшаетъ вскипятить и очистить отъ пѣны. Затѣмъ мясо натирается солью, кладется въ сосудъ такъ чтобы не было пустыхъ мѣстъ, потомъ, когда разсолъ остынетъ, его льютъ въ сосудъ, потому-что отраженіе воздуха разсоломъ главное условіе для долговременнаго сохраненія мяса. Этотъ способъ соленія сообщаетъ мясу превосходный красный цвѣтъ.

Для *копченаго мяса* употребляется слѣдующая смѣсь: 32 фунта поваренной соли и 1 фунтъ селитры. Мясо только-что убитаго животнаго берется еще теплое, натирается упомянутою выше смѣсью, обертывается травами, зашивается въ холстъ и коптится.

Сохраненіе и вареніе яицъ. Одинъ изъ лучшихъ способовъ для сохраненія яицъ состоитъ въ томъ, чтобы положить яица въ ящикъ, наполненный мелко-истолченнымъ древеснымъ углемъ, поставить его такъ, чтобы длинныя стороны его, находились въ перпендикулярномъ положеніи и держать въ сухомъ мѣстѣ, переворачивая его какъ можно чаще, по меньшей мѣрѣ черезъ каждые два дня.

Другое средство для сохраненія яицъ состоитъ въ томъ, чтобъ положить ихъ въ большой глиняный горшокъ, наполненной известковой водой. Эта вода приготовляется слѣдующимъ образомъ: налить въ негашенную известь чистой воды, дать постоять сосуду съ известью одинъ или два дня, закрывъ его крышкой, а когда масса осядетъ, слить какъ можно осторожнѣе жидкость и употреблять ее для упомянутой выше цѣли. Распущенная такимъ образомъ известь пристаетъ къ скорлупѣ яицъ, закрываетъ ея поры и способствуетъ долговременному ихъ сохраненію.

Что же касается до варенія яицъ, то ихъ можно варить болѣе или менѣе круто, соблюдая слѣдующія правила: взять воды и когда она согрѣется до 60° Р., положить туда яицы; когда по Р. будетъ 70° то яйцо *сварилось въ смятку*, т. е. бѣлокъ у него еще мягокъ. При 73° по Р. яйцо *свариваетея въ мѣшечекъ*, т. е. желтокъ у него еще мягокъ, но бѣлокъ уже твердъ; а при 76° яйцо уже совершенно круто и его можно облупить.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 14 Іюля 1872 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр. д. № 53.

№ 30 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 24 іюля 1872 года. Годъ III.

Возникновеніе достопримѣчательнаго города Сѣченовки.

Очерки еврейскаго быта.

(Окончаніе).

VIII.

Блестящее начало, но незавидный конецъ всѣхъ еврейскихъ гамановъ.—Празднованіе Сѣченовцами своего спасенія. — Преподобный патеръ въ критическомъ положеніи.—Какъ ясновельможный панъ Дембовскій распоряжается съ ясновельможной паней Дембовской.—Великодушіе проповѣдника.—Сѣченовка въ настоящее время.

Въ еврейскихъ преданіяхъ есть много такого, что будь оно извѣстно христіанамъ — плохо бы пришлось жидкамъ.

Но опять же, если начало еврейскихъ притѣсненій блестяще, то конецъ ихъ слишкомъ незавиденъ. Это показываетъ исторія. Фараонъ вздумалъ топить жидовъ. Чего кажется проще этого средства для истребленія народа? Всякій другой народъ погибъ-бы, но съ жидами было не такъ. Рѣка выростила такого жидка, который наполнилъ царскія хоромы столькими паразитами, что ихъ врядъ ли истребили бы всѣ русскія бани. Гаманъ, замѣчательный канцлеръ, для блага своего государства, вздумалъ вырѣзать всѣхъ жидковъ—что могло быть сильнѣе этой вполнѣ раціональной мѣры, согласной съ основаніемъ политической экономіи? но опять-же, вмѣсто выполненія этой мѣры, канцлеръ былъ пожалованъ въ банщики и цирюльники (по талмуду) [1]) и на его голову полилось множество лоханокъ всякой дряни.

Каждое поколѣніе имѣетъ своего гамана. Онъ только видоизмѣняется. Всѣмъ этими гаманамъ въ началѣ ихъ карьеры не мѣшало бы имѣть въ виду конецъ своего прототипа. Преподобный патеръ у Сѣченовцевъ былъ своего рода маленькимъ гаманомъ—и хотя на его голову не полились помои, тѣмъ не менѣе его постигла печальная участь. Само собою разумѣется, что обвиненіе противъ Сѣченовцевъ рушилось послѣ представленія такихъ явныхъ доказательствъ. Пану Дембовскому понравилась самая

[1]) Талмудъ разсказываетъ, что когда канцлеръ Гаманъ провалился съ своимъ государственнымъ проэктомъ и ему велѣли прокатить своего кровнаго врага на лошади, въ царской порфирѣ,—ничтожный жидокъ Мордохай, который, будучи еще прахомъ, рабомъ, не хотѣлъ кланяться этому могучему властелину, съумѣлъ ядовито отомстить и вздумалъ такую штуку: «для того, чтобы одѣть царскую порфиру, нужно быть чистымъ; поэтому, милый канцлеръ, сведи меня въ баню и обмой меня, такъ какъ жидки народъ нечистоплотный. Его сіятельство исполнилъ его желаніе. Теперь меня нужно постричь, потому что носить царскую корону неловко въ такихъ длинныхъ пейсахъ. Его сіятельство оказался также и хорошимъ цирюльникомъ. Когда онъ ему подалъ лошадь—этотъ олицетворенный ядъ посмотрѣлъ на лошадь съ ядовитой улыбкой: «лошадь ужасно высока, сказалъ онъ,—мнѣ, пожалуй, не взлѣзть на нее; намъ, жидкамъ, никогда не приходилось ѣздить на такихъ высокихъ лошадяхъ, тѣмъ болѣе, что я изнуренъ постомъ. Не угодно ли будетъ встать вамъ на четверинкахъ и я по вашей спинѣ кое-какъ вскарабкаюсь. Вотъ такъ.....у васъ мягкая спина, ваше сіятельство, не то что у насъ—кожа да кости». Когда же Гаманъ велъ за уздечку торжествующаго Мордохая мимо своего же дома, жена Гамана, воображая, что на лошади сидитъ Гаманъ, а ведетъ се Мордохай, вылила на ведущаго лохань съ разною дрянью.....

оригинальность пришедшей къ нему процессіи; онъ былъ въ восхищеніи отъ Сѣченовцевъ. Онъ сей-часъ послалъ въ городъ за начальствомъ. Служанку патера Марію съ особымъ удовольствіемъ велѣлъ высѣчь; она сей-часъ созналась во всемъ. Она разсказала, что вовсе не родила, а просто украла ребенка у Сары, по наущенію Юзика; Юзикъ сталъ оправдываться, Матія сыпала показаніе за показаніемъ и стали выясняться обстоятельства чрезвычайно непріятныя—для пани Дембовской, а слѣдовательно и для самого ясновельможнаго пана Дембовскаго. Произошла путаница такая, что казалось нетолько распутать этого гордіева узла, а и разрубить его не было ни какой возможности. Но тутъ-то и выказалось все величіе пана Дембовскаго — сдѣлалъ это онъ *со всею классической* простотой истиннаго героя.

Панъ Дембовскій велѣлъ запречь большой фургонъ, цугомъ, 3-мя парами воловъ, во всей форменной сбруѣ, велѣлъ уложить туда всѣ пожитки пана ксендза, посадить самого ксендза, посадить на козлы двухъ лакеевъ въ парадной ливреѣ и такимъ образомъ отвезти его чрезъ Сѣченовку въ ближайшій городъ. Говорятъ, что инициатива этой процессіи принадлежитъ Хацкелю.

Лѣтописецъ прибавляетъ, что, когда эта процессія проѣзжала чрезъ Сѣченовку, весь городъ отъ стара до млада бѣжалъ за нимъ и кричалъ: «святой отецъ, отпусти намъ грѣшнымъ грѣхи наши». Съ ясновельможной пани Дембовской панъ Дембовкій распорядился слѣдующимъ образомъ. Единственное счастіе ея было въ томъ, что она носила фамилію пана Дембовскаго, въ противномъ случаѣ онъ бы ее непремѣнно высѣкъ; теперь-же онъ ее только отослалъ въ ближайшій фольваркъ и запретилъ ей выѣзжать подъ какимъ бы то ни было видомъ. Лѣтописецъ разсказываетъ, что онъ ее окружилъ роскошью, но приказалъ служителямъ не выпускать ее изъ фольварка и не допускать никого къ ней. Когда у него бывали торжественные съѣзды и обѣды, онъ ей посылалъ любезнѣйшія приглашенія пожаловать; вмѣстѣ съ тѣмъ было строжайше приказано лакеямъ не выпускать ее подъ какимъ бы то ни было видомъ безъ особаго разрѣшенія.

Юзику панъ Дембовскій сказалъ, что въ его желаніи жениться нѣтъ ничего удивительнаго, и онъ не имѣетъ ни чего противъ этого; но надо было прежде спросить пана, позволитъ-ли онъ ему жениться, потому что онъ его панъ; впрочемъ такъ какъ онъ (панъ Д.) человѣкъ добрый, то исполнитъ его желаніе и женитъ его, только не на красивенькой жидовочкѣ, а на солдатскомъ ранцѣ,—и велѣлъ его сдать въ солдаты.

Таковъ былъ конецъ всѣхъ замышлявшихъ зло на Сѣченовцевъ—и хотя достовѣрно не извѣстно, что сталось съ чорной свиньей, но надо полагать, что ея конецъ былъ не лучше другихъ злоумышленниковъ. Словомъ, Сѣченовцамъ оставалось только благодарить Бога за всѣ его милости и заботы о своемъ возлюбленномъ городѣ. По освобожденіи заключенныхъ, Сѣченовцы положили отпраздновать этотъ день и постановили праздновать этотъ день потомкамъ Сѣченовцевъ въ память ихъ чудеснаго избавленія.

Лѣтописецъ много распространяется объ этомъ праздникѣ, на который съѣхались жители всѣхъ ближайшихъ городовъ. Достаточно сказать, что на этомъ праздникѣ было съѣдено шесть паръ гусей, 25 куръ, шесть барановъ, передняя часть быка, 3 пуда рыбы, и два пуда муки пошло на пряники; выпито было пять ведеръ водки.

По всему городу только и слышны были хвалебные гимны Господу Богу; танцовали, пѣли, даже устроили нѣчто въ родѣ спектакля, сюжетомъ котораго было настоящее происшествіе. Написали исторію этого происшествія подъ заглавіемъ: «Великая напасть на городъ Сѣченовку», которая должна была читаться потомствомъ въ день этого праздника.

Проповѣдникъ, предъ лицомъ Бога и всего народа, торжественно предложилъ Сарѣ свою руку и вскорѣ отпраздновалъ свою помолвку, чѣмъ хотѣлъ отчасти показать, что, по выраженію талмуда, кающіеся выше праведниковъ; тутъ всѣ увидѣли великодушіе проповѣдника, замѣчаетъ лѣтописецъ по этому поводу; впрочемъ, прибавляетъ онъ отъ себя, проповѣдникъ остался не въ убыткѣ и досталъ себѣ такую жену, какую желалъ-бы имѣть каждый благочестивый израильтянинъ.

Въ настоящее время Сѣченовцы называютъ свой городъ великимъ крахомъ (большой городъ) и когда кто нибудь при нихъ называетъ Сѣченовку маленькимъ городкомъ, то они обижаются. И въ самомъ дѣлѣ, еслибы въ настоящее время Хацкель всталъ изъ могилы и посмотрѣлъ на свой городъ—онъ его не узналъ-бы. Въ немъ теперь около 500 домовъ, три клаузы (молитвенный домъ), въ нихъ занимаются около 30 клаузниковъ; у нихъ есть порядочная талмудъ-тора [1]) и около 10 разныхъ обществъ. Они даже мечтаютъ теперь объ устройствѣ теплой миквы[2]); но по независящимъ отъ нихъ причинамъ они до сихъ поръ не могли исполнить этого предпріятія. Нынѣшній ихъ раввинъ (только раввинъ) настоящая знаменитость. Его уже разъ двадцать старались переманить въ другой городъ, но, благодаря бдительности Сѣченовцевъ, попытки эти остаются тщетными. И дѣйствительно, что это за раввинъ! Онъ въ молодости еще пріобрѣлъ себѣ извѣстность знаменитымъ процессомъ мертвеца Бендета [3]), въ которомъ онъ былъ главнымъ судьей; а мертвые всегда лучше знаютъ, кто хорошъ и кто худъ—и если мертвецъ его выбралъ въ своемъ процессѣ судьей, то зналъ что дѣлалъ. Этотъ знаменитый раввинъ получаетъ въ настоящее время четыре рубля еженедѣльно; хотя онъ иногда имѣетъ очень много хлопотъ изъ за этихъ денегъ, потому что половину этихъ денегъ онъ получаетъ отъ содержателя бани, который очень неисправный плательщикъ; тѣмъ не менѣе на это жалованье онъ можетъ уже порядочно жить, имѣя при этомъ еще и другіе доходы. На неисправность содержателя бани раввинъ уже не разъ жаловался. Однажды, напримѣръ, онъ цѣлые восемь мѣсяцевъ не давалъ денегъ, по какой-то придиркѣ къ обществу.

---

[1]) Училище даровое для бѣдныхъ дѣтей.

[2]) Эта роскошь рѣдко встрѣчается въ маленькихъ городахъ.

[3]) Процессы мертвецовъ съ живыми у живыхъ судей бываютъ очень часто. Это бываетъ слѣдующимъ образомъ: когда мертвый человѣкъ имѣетъ какую-нибудь претензію къ живому человѣку, онъ къ нему является ночью и требуетъ его въ небесный судъ. (Разумѣется, въ такомъ случаѣ живому предстоитъ умереть). Отказаться живой не можетъ, потому что мертвецъ его можетъ задушить, но иногда ему удается выпросить у мертвеца согласіе, чтобы ихъ разсудили живые судьи. Тогда по обоюдному согласію обѣ тяжущіяся стороны являются въ назначенный часъ къ судьямъ (Судъ этотъ состоитъ изъ 3-хъ членовъ). Мертвецъ обыкновенно является невидимкой и сидитъ за занавѣсой, отдѣляющей его отъ живыхъ. Онъ излагаетъ свою претензію какъ живой человѣкъ. Мертвецъ долженъ повиноваться рѣшеніямъ судей; его обыкновенно стараются оправдывать, потому что, когда онъ проигрываетъ, то удаляется съ ужаснымъ шумомъ. Бендетъ судился за какое-то любовное дѣло. Одинъ отецъ обѣщалъ выдать за него дочь, но потомъ отказался. Каждый городокъ приписываетъ своему раввину участіе въ этомъ процессѣ.

Раввинъ пожаловался обществу, что ему банщикъ денегъ не даетъ, и что ему нечѣмъ жить. Общество ему отвѣтило, что оно въ это дѣло мѣшаться не можетъ и ничего знать не хочетъ. Терпѣлъ бѣдный раввинъ, но наконецъ терпѣніе его лопнуло; онъ взошелъ на алтарь и запретилъ общественную молитву [1]. Каждый помолился самъ по себѣ и разошлись по домамъ, Раввинъ, увидѣвъ что онъ этимъ толка не добьется, заперъ баню на замокъ [2]. Баня была заперта день, два, наконецъ Сѣченовцы взволновались и заставили содержателя бани платить раввину жалованье исправно.

Канторъ теперь въ Сѣченовкѣ отдѣльный; его доходы— продажа дрожжей, т. е. дрожжи должны покупаться исключительно у него, подъ страхомъ хейрема [3] въ противномъ случаѣ. Рѣзниковъ у нихъ теперь три. Въ Сѣченовкѣ существуетъ также откупъ на субботнюю муку; этотъ доходъ идетъ на разные мелочные общественные расходы.

Что касается до матеріальнаго положенія Сѣченовцевъ, то хотя уже нѣтъ того благосостоянія, какое бывало въ то время когда городъ былъ малъ,—но все-же живутъ такъ-себѣ. Всѣ Сѣченовцы раздѣляются на два класса: на богачей, т. е. арендаторы, винокуры, содержатели питейныхъ домовъ и проч. торгующіе, и на бѣдныхъ, т. е. тѣ, которые едва зарабатываютъ кусокъ хлѣба. Они зарабатываютъ его продажей разнаго мелкаго товара въ разноску по деревнямъ, и скупаютъ разныя деревенскія произведенія отъ имени богатыхъ; напр. они скупаютъ: шерсть, ленъ, полотно—и за это пользуются незначительными вознагражденіями. Они обыкновенно отправляются въ Воскресенье и возвращаются только на Субботу. Вообще они теперь не блаженствуютъ; но кому же въ настоящее время живется хорошо? Теперь уже нѣтъ того блаженнаго времени, когда паны давали деньги за кривлянья какого-нибудь еврея, да и сами паны не особенно теперь блаженствуютъ.

На Сѣченовскомъ кладбищѣ стоитъ огромнѣйшій камень со слѣдующею надписью: «Здѣсь покоится рабъ Божій Хацкель, сынъ Давида». Вы понимаете, читатель, чей это прахъ? Это прахъ многоуважаемаго Хацкеля, оставившаго послѣ себя почтенную память. Каждый Сѣченовецъ съ благоговѣніемъ вспоминаетъ объ этомъ дѣятельномъ гражданинѣ. Когда въ городѣ случается какая нибудь бѣда, граждане идутъ на кладбище и перваго просятъ Хацкеля о заступничествѣ.

О панѣ Дембовскомъ въ памяти Сѣченовцевъ осталось какое-то смутное воспоминаніе, впрочемъ благопріятное для пана Дембовскаго; онъ слыветъ за благодѣтеля жителей Сѣченовки.

Я, читатель, кончилъ и самъ сознаю неполноту своего труда; я самъ понимаю, что такой замѣчательный городъ требуетъ гораздо большаго изученія его историческихъ памятниковъ, гораздо больше философскаго обобщенія. Я чувствую неполноту своего труда тѣмъ болѣе, что по независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я не могъ собрать всѣхъ фактовъ и всѣхъ памятниковъ, относящихся къ исторіи этого города; такихъ несобранныхъ и необобщенныхъ фактовъ осталось очень много, а частію и собранные факты не могли войдти въ этотъ очеркъ. Но меня утѣшаетъ то, что я исполнилъ свой долгъ по возможности. Можетъ быть, будущимъ историкамъ удастся исполнить эту великую задачу; можетъ быть имъ удастся для пользы науки и человѣчества нарисовать полную послѣдовательную историческую картину этого замѣчательнаго города и его жителей—и связать это историческое звѣно съ цѣпью исторіи культуры всего человѣчества; тогда и городъ Сѣченовка не будетъ больше отрѣзаннымъ ломтемъ отъ всего человѣчества.

И такъ, я разстаюсь съ достопримѣчательнымъ городомъ Сѣченовкой. Миръ тебѣ, доблестный городъ! Миръ твоимъ доблестнымъ гражданамъ, почившимъ въ бозѣ, которые принесли столько жертвъ и выдержали столько борьбы для твоего блага и процвѣтанія! Сей привѣтъ шлетъ вамъ одинъ изъ вашихъ недостойныхъ потомковъ, который преклоняется передъ вашимъ великимъ прахомъ и проситъ у васъ наитія на него вашего великаго духа для пущаго разумѣнія и прославленія вашихъ великихъ дѣяній и подвиговъ на пути развитія человѣческаго духа. О, какъ велики ваши дѣянія на этомъ пути и какъ трудно ихъ разумѣть, какъ трудно проникнуть въ ихъ смыслъ и какъ трудно ихъ уловить во всей мелочности, запутанности и разнохарактерности! Характеръ этихъ бесчисленныхъ импульсовъ человѣческаго духа до того разнороденъ, что весьма трудно уловить контуры, изъ которыхъ создается общій типъ. Но между тѣмъ, какая грандіозность, какая величественность во всѣхъ этихъ мелочахъ! Какая волшебная картина получается отъ сочетанія преломляющихся лучей свѣта въ призмѣ этой жизни! О великіе, доблестные граждане Сѣченовцы! вы настоящіе сыны вашего народа, у котораго отъ смѣшнаго до великаго одинъ шагъ, у котораго всѣ проявленія его жизни принимаютъ грандіозно-легендарный оттѣнокъ. Да, милые сѣченовцы, вашъ народъ — великій народъ, но который въ своемъ длинномъ, прискорбномъ, историческомъ пути не успѣлъ пріобрѣсть себѣ ни одной пяди земли. Какой прискорбный фактъ! великій народъ и безъ одной пяди земли! Милые сѣченовцы! великому народу необходима земля съ хорошею почвой, на которой-бы онъ могъ возращать свои національно-культурныя сѣмена; а иначе милые сѣченовцы, иначе, доблестные братья, плохо будетъ и вамъ и другимъ. Вы сѣете ваши сѣмена на воздухѣ и пожинаете воздухъ. Пусть тѣ, которые знаютъ тебя, мой милый народъ, по наслышкѣ и по сочиненіямъ нѣмецкихъ докторовъ, по чахлой еврейско-русской журналистикѣ, — пусть тѣ утверждаютъ, что у тебя все обстоитъ благополучно, что ты здоровъ тѣломъ и душой. О, мой несчастный народъ! пусть они утверждаютъ это, пусть тебя не смущаетъ такая нелѣпость; вѣдь это не разумные твои сыны, а тѣ которые не въ состояніи понять самыхъ элементарныхъ гигіеническихъ положеній, что человѣкъ который живетъ долгое время въ сыромъ подвалѣ и въ затхломъ воздухѣ—не можетъ оставаться здоровымъ. И пусть себѣ либеральничаютъ на твой счетъ разные либералы изъ любви къ искусству, но лучше бы они либеральничали о важныхъ безвредныхъ матеріяхъ, какъ напримѣръ, о положеніи женщины готентотовъ въ допотопное время и проч. Этимъ они никому вреда не могутъ принести, а

---

[1] Если кто-нибудь всходитъ на алтарь и говоритъ: я запрещаю обществу молиться, то общество не имѣетъ права совершать общественное богослуженіе и никто не имѣетъ право согнать его съ алтаря силою. Это средство очень часто употребляется тѣми, кто имѣетъ какую-нибудь претензію къ обществу; въ особенности во время наборовъ, въ молитвенныхъ домахъ, гдѣ молятся общественные дѣятели, почти по цѣлымъ недѣлямъ не совершаютъ общественнаго богослуженія.

[2] Въ городахъ это одно изъ самыхъ раціональнѣйшихъ средствъ длѣ возбужденія общества къ какой нибудь дѣятельности, или къ какому нибудь участію. Это можетъ сдѣлать или раввинъ, или общество, но не частное лицо.

[3] Проклятіе, отлученіе.

вѣдь мы живые люди—и Боже упаси, что они намъ могутъ сдѣлать! А то есть еще и такіе, у которыхъ обстоятельства плохи и они хотятъ ихъ поправить на счетъ твоихъ богатыхъ, жирныхъ, краснощокихъ сыновъ,—пусть эта братія восхищается красотою своихъ ногтей въ то время, когда ихъ грудь поражена ужасными язвами, когда чахотка заѣдаетъ всю ихъ жалкую жизнь. Кто имъ можетъ помочь, когда они не понимаютъ, что для предохраненія цѣлаго организма нужно перенести ампутацію нѣкоторыхъ его частей,—когда они предпочинаютъ тянуть нищенскаго Лазаря, вмѣсто того, чтобы говорить простымъ человѣческимъ языкомъ. Мой милый народъ! пусть ихъ! Это несчастные, которые не только тебя не любятъ, но и не способны тебя любить. Но, я, мой милый народъ, я тебя слишкомъ люблю; твои раны слишкомъ близки моему сердцу, чтобы я скрывалъ ихъ изъ пустаго тщеславія. О, мой милый народъ! если тебѣ станетъ иногда слишкомъ больно отъ прикосновенія моихъ грубыхъ рукъ къ твоимъ ранамъ—чтожь дѣлать? извини меня, мнѣ самому больно. Твои раны — мои раны; моя грудь усѣяна тѣми-же самыми ранами, что и твоя! О, мой народъ, сколько ты страдаешь отъ твоихъ язвъ и недуговъ, не дай-Богъ испытать никому этихъ страданій и мукъ, которыми наполнена вся твоя жизнь. Она вся наполнена разными тревогами и волненіями.

Что-же можетъ излечить тебя, о мой народъ! Какой бальзамъ можетъ заживить твои раны и облегчить твои страданія? Ты очень хорошо знаешь этотъ бальзамъ, хотя ты его никогда не употреблялъ; онъ тебѣ очень хорошо знакомъ, потому что ты изъ него много пострадалъ. Пострадали за него и сѣченовцы. Этотъ бальзамъ есть именно христіанская кровь, но христіанская кровь не плотская, а нравственная, животворящая кровь. Тебѣ нужна не одна капля христіанской крови, а цѣлые потоки, цѣлыя струи, которые проникнули-бы въ твою замкнутую, заплеснѣвшую жизнь и освѣжили твои онѣмѣвшіе члены, твои раны и язвы, и возстановили-бы твои богатырскія силы, которыя могли-бы принести пользу какъ тебѣ, такъ и всему человѣчеству. А вамъ, доблестные нынѣ живущіе, граждане Сѣченовки, мой привѣтъ!.. примите привѣтъ отъ вашего роднаго брата и знайте, что какъ-бы далекъ я отъ васъ ни былъ, въ какія-бы глубокія пучины житейскаго моря меня судьба ни забросила,—я всегда останусь васъ любящимъ братомъ, вашъ незабвенный образъ всегда будетъ витать передъ моими духовными очами, потому что въ вашемъ образѣ я узнаю свой ликъ, а пока я живъ—я этого никогда не забуду; ибо можетъ-ли волкъ перемѣнить свою кожу, лисица свои зубы; точно такъ же мы остаемся сами собою, какъ-бы ни старались забыть себя. И такъ, миръ вамъ, сѣченовцы, миръ вашимъ женамъ, дѣтямъ, коровамъ, козамъ, которые пасутся на тучныхъ лугахъ; миръ всему достоянію, миръ всему Израилю съ его женами, его дѣтьми, всѣми его многочисленными потомками, разбросанными по всѣмъ городамъ, по всѣмъ селамъ и проселкамъ и по всемъ четыремъ частямъ свѣта,—отъ меня раба Божьяго, который воздаетъ хвалу Господу Богу, давшему мнѣ силу и крѣпость окончить исторію достопримѣчательнаго города Сѣченовки.

Н. О. Трофимовъ.

Деревенскія похороны.

(Рисунокъ Сверчкова).

Грустная картина деревенскихъ похоронъ, прилагаемая при этомъ № «Нивы», принадлежащая карандашу одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ художниковъ, такъ сильно говоритъ сама за себя, что едва ли нуждается въ дальнѣйшихъ объясненіяхъ.

Снѣжная равнина, по которой изнуренная непосильной работой и плохими кормами лошадь съ трудомъ тащитъ убогіе дровни съ покрытымъ рогожою гробомъ; жена умершаго, которой выпала тяжелая доля самой везти свою единственную опору, надежу и кормильца семьи, туда, откуда уже никто не возвращается; молодая золовка или сноха, несущая, вслѣдъ за нею, крестъ для могилы покойника; вдали убогая деревенская церковь, «гдѣ вѣтеръ шатаетъ подбитые бурей кресты», и надъ всѣмъ этимъ холодное блѣдное зимнее небо,—кому изъ деревенскихъ жителей не знакомъ этотъ пейзажъ и у кого не сжималось и не рвалось сердце при воспоминаніи объ этой въ высшей степени грустной и безотрадной картинѣ?....

Уснулъ потрудившійся въ потѣ!
Уснулъ, поработавъ землѣ!
Лежитъ непричастный заботѣ.....

Ну, съ этимъ «потрудившимся въ потѣ» и уснувшемъ, можетъ быть преждевременно, въ цвѣтѣ лѣтъ и силъ,—все кончено; но что ожидаетъ его бѣдную семью: его стариковъ, его малолѣтнихъ дѣтей, его молодую жену?....

Старуха помретъ со кручины,
Не жить и отцу твоему;
Береза въ лѣсу безъ вершины—
Хозяйка безъ мужа въ дому....

Такъ оплакиваютъ, въ превосходной поэмѣ г. Некрасова «Морозъ, красный носъ», Прокла родные.

А дѣти?

.....Саврасушка, трогай,
Натягивай крѣпче гужи!
Служилъ ты хозяину много,
Въ послѣдній разокъ послужи!

* * *

Чу! два похоронныхъ удара!
Попы ожидаютъ—иди!.....
Убитая, скорбная пара!
Шли мать и отецъ впереди.

* * *

Ребята съ покойникомъ оба
Сидѣли, не смѣя рыдать,
И правя савраской, у гроба
Съ возжами шла бѣдная мать.

* * *

Шагала..... Глаза ея впали,
И былъ не бѣлѣй ея щекъ
Надѣтый на ней въ знакъ печали
Изъ бѣлой холстины платокъ.

* * *

За Дарьей—сосѣдей, сосѣдокъ
Плелась не густая толпа,
Толкуя, что Прокловыхъ дѣтокъ
Теперь не завидна судьба,

* *
*

Что Дарьѣ работы прибудетъ,
Что ждутъ ее черные дни,
«Жалѣть ее некому будетъ»,
Согласно рѣшили они.....

* *
*

Сюжетъ, избранный на этотъ разъ г. Сверчковымъ, не разъ уже вдохновлялъ собою нашихъ писателей и художниковъ. Послѣ поэмы г. Некрасова (этой, говоря его же словами, «подобной стону пѣснѣ») вспомнимъ еще о превосходной картинѣ г. Перова, имѣвшей необыкновенный успѣхъ, какъ на нашей, такъ и на лондонской выставкѣ 1862 года. Сюжетъ этой картины тоже деревенскія похороны. Молодая вдова сама везетъ на кладбище гробъ своего мужа, а по бокамъ идутъ двое дѣтей: дѣвочка и мальчикъ въ длинномъ волочащемся по землѣ тулупѣ отца.....

Трудно передать впечатлѣніе, которое производитъ на насъ видъ подобныхъ смертей, гдѣ, говоря словами того же поэта:

Мало словъ, а горя рѣченька,
Горя рѣченька глубокая!.....

Деревенскія похороны.

Рисунокъ Сверчкова.

Записки молодой больной.

(Поля Гейзе).

(Продолженіе).

Спустя нѣсколько дней.

Сегодня утромъ дулъ сильный, холодный вѣтеръ, и я оставалась дома, занимаясь шитьемъ,—платья мои очень нуждались въ этомъ. Послѣ полудня погода стихла, и я отправилась гулять. Такъ какъ улица Ренвеи была вся загромождена виноделами, ихъ тѣлежками и быками, то я пошла на ферму, находящуюся въ ста шагахъ отъ города, гдѣ по словамъ моей хозяйки всегда можно достать парное молоко. Не располагая идти далѣе, я вошла въ садъ, и стала отыскивать себѣ мѣсто подальше отъ публики,—правду сказать, не очень многочисленной. Знакомый мнѣ больной, сидѣвшій въ тѣни прекраснаго померанцеваго дерева, замѣтилъ это и подойдя ко мнѣ предложилъ мѣсто за своимъ столомъ. Въ первый разъ я слышала его голосъ, тонъ котораго важный и меланхолическій, мнѣ чрезвычайно понравился. Я съ благодарностью приняла не только стулъ, но и поставленную передъ нимъ чашку молока.

Мы завели разговоръ, часто прерываемый длинными паузами; онъ изнемогалъ подъ бременемъ своихъ стра-

даній. Мы говорили о вседневной жизни здѣшнихъ больн ихъ жалкихъ прогулкахъ въ зимнемъ саду. Я сказала, что это напоминаетъ мнѣ тѣ стеклянные ящики, въ которыхъ мой маленькій братъ воспитывалъ и кормилъ своихъ гусеницъ до времени превращенія ихъ въ бабочекъ.

— Вы сдѣлали очень лестное сравненіе, сказалъ онъ съ грустною улыбкою. — Не думаете ли вы, что большая часть нашихъ больныхъ собратовъ превратится современемъ въ живыхъ и игривыхъ мотыльковъ. Во всякомъ случаѣ это конечно будетъ не здѣсь на землѣ.

Чтобы разгонять эти мрачныя мысли, я стала описывать ему обычаи своего роднаго городка, надъ которымъ тяготѣетъ патріархальный и вмѣстѣ съ тѣмъ узкій и монотонный образъ жизни. Я сказала ему что, узнавъ о неизлечимости болѣзни моей, я почувствовала на душѣ такое облегченіе и какъ осужденный, въ ту минуту когда съ него снимаютъ цѣпи, сознала что такое свобода.

На другой день.

Вчера я было прервана самыми непріятнымъ образомъ на половинѣ фразы. Дверь моей комнаты отворилась, и оффиціозная сестра милосердія, дама безъ нервовъ, вошла ко мнѣ съ важнымъ и торжественнымъ видомъ, не предвѣщавшимъ ничего хорошаго. Не давъ себѣ времени перевести духъ, она усѣлась на диванѣ, и безъ всякихъ околичностей начала длинную діатрибу противъ моей неблагодарности, легкомыслія, неизвинительнаго поведеперед обществомъ Вассермаура, и моихъ неосторожныхъ и предосудительныхъ сношеній съ молодымъ человѣкомъ, котораго я совсѣмъ не знаю, и который стоя одною ногою въ гробу, можетъ для своей забавы скомпрометировать всю будущность молодой дѣвушки.

Я стояла окаменѣлая передъ этимъ потокомъ обвиненій, сердце мое билось такъ сильно, что я не могла вымолвить ни слова. Когда же она замолчала бросивъ на меня карающій взглядъ, храбрость моя возвратилась, — и поблагодаривъ ее за ея заботливость, внушенную конечно самымъ великодушнымъ намѣреніемъ, я объяснила ей, что такъ какъ совѣсть моя до сихъ поръ ни разу не упрекала меня ни въ малѣйшемъ проступкѣ, и зная, что мнѣ не долго жить, я не считаю себя обязанною обращать вниманіе на клевету и обвиненіе; и что я пріѣхала въ Меранъ единственно для того, чтобы провести остатокъ дней своихъ болѣе пріятнымъ и свойственнымъ моей натурѣ образомъ, а не для того чтобы добиваться одобренія чуждаго мнѣ общества. Выслушавъ это, она поднялась съ достоинствомъ, которое сильно противорѣчило ея широкому лицу и бѣлокурымъ буклямъ, и сказала мнѣ: «прощайте, дитя мое. Вы такъ независимы, что я считаю неблагоразуміемъ настаивать на своемъ мнѣніи. И разсердясь вышла.

Жалкій свѣтъ, полный мелочностей и ничтожества! Неужели нигдѣ не найдется уголка, въ которомъ бѣдное созданіе могло умереть покойно и такъ, какъ ему хочется; или можетъ быть я не настолько разсудительна? но чтобы быть такою, нужно время; а мнѣ нельзя терять его. Можетъ быть гораздо благоразумнѣе будетъ не возставать противъ общественнаго мнѣнія и подчиниться его требованіямъ? — Благоразумнѣе, правда; но очень грустно, и не стоитъ труда добиваться такой жалкой мудрости. И наконецъ, что же ожидаетъ меня въ будущемъ? — Меня забудутъ въ моемъ уединеніи. Тѣмъ лучше! я и не прошу ничего болѣе.

Если онъ виновенъ, то тѣмъ не менѣе достоинъ сожалѣнія. Можетъ быть его задумчивость происходитъ оттого, что ему есть въ чемъ упрекнуть себя; тогда какъ мое спокойствіе есть результатъ моей невинности. Мы шли съ нимъ разными дорогами: у меня нѣтъ ни раскаянія, ни сожалѣнія, а можетъ быть въ душѣ его таится и то и другое, — и потому смерть наша не будетъ ли нѣсколько неодинакова? Такъ зачѣмъ же ставить мнѣ въ вину то, что я размѣняюсь съ нимъ нѣсколькими словами? Люди долго путешествующіе вмѣстѣ — и соединяются часто узами неразрывной дружбы. И кто осудитъ ихъ за то, что они прежде чѣмъ сѣсть въ карету, скажутъ нѣсколько словъ другъ другу?

22-е.

Молодой больной былъ въ книжной лавкѣ, куда я зашла поискать нѣкоторыя музыкальныя тетради. Онъ спросилъ меня: «отчего я давно не была въ Вассермауерѣ, и не чувствовала ли себя это время хуже? — «Нѣтъ, отвѣчала я покраснѣвъ, но эти дни я не была расположена выходить изъ дому». Послѣ этого разговоръ перешолъ къ музыкѣ, до которой онъ страстный охотникъ.

— Былъ у меня когда-то и голосъ, прибавилъ онъ смѣясь, — но давно потухъ.

Выйдя изъ лавки, мы стали направляться въ ту сторону, гдѣ были гуляющіе. Я хотѣла проститься и идти домой; но въ то же время устыдилась своей трусости и пошла съ нимъ. Солнце сіяло во всемъ своемъ блескѣ. Было дотого жарко, что многіе сняли плащи и несли ихъ перекинутыми на рукахъ. Ничто не изобличало осени; только нѣсколько пожелтѣлыхъ листьевъ давало знать, что октябрь приходитъ къ концу. Проходя мимо скамеекъ, занятыхъ здѣшнею публикою, я радовалась, чувствуя себя такою веселою. Шутки мои смѣшили моего спутника, и это еще болѣе ободряло меня. — Добрые люди, говорила я имъ мысленно, — какое удовольствіе находите вы въ томъ, что драпируясь въ свои добродѣтели, насмѣхаетесь надъ другими. Посмотрите на меня! я счастлива, имѣя возможность освѣтить послѣднимъ лучемъ веселья это блѣдное лицо, подернутое до половины мрачною тѣнью смерти.

Мы гуляли цѣлый часъ, и я не чувствовала ни малѣйшей усталости. Сегодня я могла хорошо разсмотрѣть его наружность: черты лица его не особенно правильны и не особенно замѣчательны; но когда онъ говоритъ, въ глазахъ его есть что-то нѣжное и мечтательное, которое удивительно идетъ къ нему. Повидимому, ему не болѣе двадцати шести лѣтъ; его вѣжливыя и непринужденныя манеры показываютъ, что онъ всегда былъ въ лучшемъ обществѣ. Рядомъ съ нимъ мой мѣщанскій туалетъ и недостатокъ хорошаго тона должны были выступать еще ярче и казаться еще страннѣе. Узнавъ, въ какой гостинницѣ онъ живетъ, я нарочно просмотрѣла тамъ списокъ пріѣзжихъ иностранцевъ, надѣясь найти его имя. — По всему вѣроятію, онъ долженъ быть Моррисъ изъ Вѣны.

26-е.

Цѣлые два дня скуки..... Я была точно потерянная, занималась музыкою, чтеніемъ, и пришла къ тому заключенію, что даже самое уединеніе имѣетъ свои тяжкіе и грустные часы.

Сегодня, чувствуя себя лучше, я пошла въ Вассермауеръ — и первый кого я тамъ встрѣтила, былъ Моррисъ (это дѣйствительно его имя, при мнѣ одна особа назвала его такъ). Мы долго сидѣли съ нимъ на скамейкѣ зимняго сада, потому что холодъ не позволялъ гулять въ другомъ мѣстѣ. Разговоръ нашъ поистиннѣ былъ замѣчате-

ленъ. Въ первый разъ я поняла, что значитъ мыслить вслухъ,—идеи толпились въ моей головѣ, и я высказывала ихъ съ такимъ апломбомъ, къ какому никогда не считала себя способною. Во мнѣ какъ будто два совершенно-несходныхъ между собою существа: одно храброе и самоувѣренное, полное добрыхъ намѣреній, но рѣдко заявляющее себя; другое простое и робкое, которое остается какъ бы пораженное тупостью и молчитъ передъ другими.

Давъ полную свободу первому, я начала нападать на страхъ смерти, отпечатокъ котораго постоянно лежитъ на блѣдномъ лицѣ моего собесѣдника. Теперь я забыла, приведенныя мною тогда, казавшіяся мнѣ неопровержимыми доказательства, помню только, что текстомъ моей рѣчи были слова Гейне «Я былъ человѣкъ, — что значитъ боецъ».

— И такъ, говорила я,—если мы всѣ бойцы, и если всѣ рано или поздно должны пасть подъ своими знаменами; то почему только одни тѣ, которые по обязанности своей носятъ оружіе, должны стыдиться трусости, и почему не презираютъ тѣхъ, которые боятся смерти при другихъ условіяхъ. Не все ли равно умереть на войнѣ или на постели? Предложите солдату бѣжать наканунѣ сраженія—онъ съ презрѣніемъ отвергнетъ ваше предложеніе, и первый во главѣ своихъ храбрыхъ товарищей пойдетъ на вѣрную смерть. Скажите больному, что онъ долженъ умереть, — онъ съ воплемъ и слезами станетъ просить у смерти день, часъ, минуту отсрочки. И никто не осудитъ его за это, напротивъ, всякій пожалѣетъ его; а между тѣмъ, онъ еще болѣе трусъ и не заслуживаетъ ни какого состраданія.

Но бросивъ взглядъ на раскидывавшійся предъ моими глазами прелестный ландшафтъ, весь залитый лучами солнца, я воскликнула:—Разумѣется нельзя порицать печаль тѣхъ, которые, оставляя этотъ прекрасный міръ, не знаютъ, что найдутъ тамъ за предѣлами гроба. Но, однако, они ничего не теряютъ; радость, которую мы испытывали здѣсь на землѣ, счастіе которое вкусили хотя одинъ разъ въ жизни, всегда съ нами. Что общаго имѣетъ время съ нашею безсмертною душою? Все что она здѣсь любила, пріобрѣла или открыла, есть ея достояніе, которое всегда при ней и увеличится въ вѣчности. И наконецъ, что такое наши земныя радости? Не смѣшиваются ли онѣ всегда съ душевными тревогами и горькими обманами? И почему не покидать намъ съ улыбкою этотъ міръ, гдѣ самый блестящій свѣтъ производитъ самыя сильныя тѣни?

Я долго говорила бы на эту тему, если бы вдругъ въ головѣ моей не мелькнула мысль о томъ, какое впечатлѣніе производятъ слова мои на моего безмолвнаго слушателя.... Для меня они благотворное лекарство; но какъ должны они подѣйствовать на него, если его натура не въ состоянии выносить этого?

Онъ молчалъ минутъ съ десять; потомъ сказалъ мнѣ серіозно, но искреннимъ тономъ:

— Въ словахъ вашихъ много правды,—и то теплое упованіе, съ какимъ вы идете на встрѣчу своей судьбѣ, трогаетъ меня до глубины души, тѣмъ болѣе что сами вы возбуждаете во мнѣ живой интересъ. Но жребіи людей различны, и потому сдѣланное вами сравненіе между больнымъ и воиномъ—не вѣрно. Солдатъ, который дѣлаетъ двѣнадцать миль въ сутки и спитъ зимою въ походной палаткѣ, обладаетъ достаточнымъ запасомъ силы и крови, который поддержитъ его въ день битвы, а опасность удвоитъ въ немъ жаръ, не покидающій его даже въ минуту смерти. Раненый, услышавъ громъ пушекъ и звукъ оружія, онъ приходитъ въ изступленіе и горячка его усиливается. Не то бываетъ съ больнымъ, который разстратилъ свою жизнь на пустыя удовольствія и не исполнилъ ни одной изъ своихъ обязанностей. Смерть заставляетъ его оглянуться на свое прошедшее и пробуждаетъ въ душѣ его сознаніе неисполненнаго долга, отнимая въ то же время надежду исправленія,—и потому кажется ему новымъ преступленіемъ, болѣе тяжкимъ, чѣмъ всѣ предъидущія.— Глядя на мои измѣнившіяся черты, вы думаете, что мысль о смерти леденитъ мнѣ кровь и повергаетъ меня въ мрачное отчаяніе. Вы ошибаетесь. —Мнѣ не жаль того безполезнаго существованія, которое я влачилъ до сихъ поръ; и хотя оно не причиняетъ мнѣ угрызеній совѣсти, но и не заслуживаетъ тѣхъ стараній, которыя я употребляю для его поддержанія. Мое прошедшее дастъ мнѣ умереть покойно, оно было только призракомъ жизни. Но будущее, которое я понялъ только тогда, когда увидѣлъ, что силы приближаются къ концу, и о которомъ мечтаю теперь... Вотъ что тревожитъ меня и не даетъ мнѣ смотрѣть на смерть такими ясными глазами, какими смотрите на нее вы. Молодость моя погибла среди суетныхъ удовольствій.—Отецъ мой, дипломатъ и свѣтскій человѣкъ, не находилъ тутъ ничего худаго и не удерживалъ меня. Я понялъ жизнь только въ ту минуту, когда узналъ, что долженъ умереть,—и мнѣ захотѣлось жить, трудиться, составить себѣ карьеру, однимъ словомъ сдѣлаться человѣкомъ... Но было уже поздно.

Я хотѣла отвѣчать ему, но къ намъ подошла старуха, продавщица цвѣтовъ и стала предлагать букеты изъ розъ. Онъ купилъ одинъ и положилъ на скамейку. Въ эту минуту, одинъ изъ его знакомыхъ, проходя мимо насъ, заговорилъ съ нимъ. Моррисъ всталъ со своего мѣста, я тоже встала и пошла домой, не взявъ съ собою букета.

Теперь я раскаиваюсь. Бѣдныя розы! что сдѣлали онѣ такого, чтобы не позаботиться продлить ихъ существованіе, хотя нѣсколькими часами долѣе въ стаканѣ воды.

29-е.

Сегодня моего рожденія. Въ прежніе годы я не думала объ этой годовщинѣ, и никогда не задавала себѣ вопроса о томъ—думаютъ ли о ней другіе. Но этотъ годъ, послѣдній въ моей жизни, я намѣрена праздновать какъ только могу.

Я вышла изъ дому, не смотря на то что погода была холодная и небо покрыто тучами. На порогѣ я встрѣтила слугу Морриса.—Господинъ его, безпокоясь о томъ, что давно не видалъ меня въ Вассермауерѣ, прислалъ освѣдомиться о моемъ здоровьѣ. Я очень была рада тому, что нашелся человѣкъ думающій обо мнѣ. Послѣдній разъ я была такъ не любезна съ нимъ—и мнѣ казалось, что никто не долженъ заботиться ни о моей жизни ни о моей смерти.

Погулявъ немного, я сѣла подлѣ женщины жарившей каштаны. Холодный вѣтеръ, дувшій съ Кюхельберга, сталъ пробирать меня; я озябла, и чтобы согрѣться съѣла нѣсколько горячихъ каштановъ.

Вотъ и день рожденія! Право, это мнѣ нравится! И какъ можетъ справлять его умирающая!

Теперь я вижу, что онъ правъ. —Принять весело вызовъ на тотъ свѣтъ, не исполнивъ своихъ земныхъ обязанностей,—значитъ не имѣть сердца. Но мнѣніе его насчетъ моего положенія—не вѣрно. Развѣ у меня не было обязанностей? Мать моя до послѣдней минуты исполняла свой долгъ. И я не имѣю никакого права наслаждаться здѣсь моимъ безполезнымъ уединеніемъ, подобно ребенку бѣгающему школы.

Но вотъ письмо отъ моего отца.

Вечеръ того же дня.

Показалось солнце—и я опять отправилась въ Вассермауеръ. Моррисъ былъ уже тамъ. Не желая дать ему поводъ думать, что пришла для него, я хотѣла избѣгнуть встрѣчи съ нимъ. Но онъ замѣтилъ меня и подошолъ ко мнѣ со словами: «какъ я радъ что вижу васъ, моя дорогая фрейлейнъ. Вы должны подивиться сдѣланному вами чуду; слушая васъ послѣднiй разъ, я чувствовалъ, что слова ваши производятъ во мнѣ сильное впечатлѣнiе. Но каждый изъ насъ высказывая свое, хотя и ошибочное, мнѣнiе, старается поддержать его; то же сдѣлалъ и я. Спустя же нѣсколько часовъ, я убѣдился въ томъ, что вы говорили правду, и окончательно перешолъ на вашу сторону, поклявшись никогда не покидать того знамени, которое вы такъ мужественно несете.

— Но что скажете вы? отвѣчала я ему тихимъ голосомъ, — когда узнаете, что теперь я сама измѣнила ему?

— Это невозможно, сказалъ онъ смѣясь, и въ первый разъ я увидѣла, что онъ смѣется отъ души.—Въ такомъ случаѣ берегитесь! Я настигну бѣглеца; не для того чтобы судить его, но чтобы снова вручить ему то знамя, подъ которымъ я хочу жить и умереть.

Между нами завязался интересный споръ; каждый защищалъ то, что осуждалъ прежде. «Согласитесь же наконецъ, воскликнулъ онъ, что мой взглядъ, т. е. тотъ, который былъ прежде вашимъ, имѣетъ покрайней мѣрѣ то преимущество, что можетъ опереться на опытъ. Съ того времени какъ я усвоилъ его, я подобно вамъ примирился съ мiромъ и съ самимъ собою, а между тѣмъ положенiе мое нисколько не измѣнилось,—только тотъ сѣрый цвѣтъ, въ которомъ представлялись мнѣ всѣ предметы, уступилъ мѣсто болѣе живымъ и яркимъ краскамъ. Вы были правы говоря, что въ каждой минутѣ можетъ заключаться цѣлая жизнь. А у меня еще много такихъ минутъ!... Что я говорю? — часовъ! недѣль! можетъ мѣсяцевъ! Ахъ, я не хочу терять ихъ!»

Я сухо припомнила ему тѣ изъ его словъ, которыя сохранились въ моей памяти. Будь мы съ нимъ двѣ женщины или двое мужчинъ, мы бы протянули другъ другу руки и заключили бы такимъ образомъ союзъ братскiй дружбы. Но намъ пришлось ограничиться только взаимными обѣщанiями видѣться кажды день въ Вассермаурѣ. У насъ еще такъ много неразрѣшенныхъ вопросовъ.

3 Ноября.

Хорошiе дни рѣдки. Не смотря на наше обѣщанiе, мы видѣлись всего только два раза. Третьяго дня я напрасно искала его въ зимнемъ саду; его тамъ не было. Мимо меня прошла дама съ крѣпкими нервами, съ какою-то другою особою, которой она говорила: «бѣдный молодой человѣкъ платится теперь усталостью за продолжительныя бесѣды со своею дѣвицею». Это привело меня въ трепетъ. Я готова была остановить ее и спросить, о комъ говоритъ она. По счастiю, сегодня послѣ обѣда Моррисъ прислалъ своего слугу съ увѣдомленiемъ, что докторъ запретилъ ему выходить изъ комнаты, по случаю холоднаго вѣтра, приносящаго съ собою снѣгъ, который ночью выпалъ на горахъ. Мнѣ тоже надо беречься. Ничего нѣтъ хуже теперешней пегоды, предшественницы зимы.

5-е.

Вѣтеръ перемѣнился, теперь у насъ сирокко. Облака покрываютъ долину и рѣзкiй, но теплый дождь стучитъ окна. Тополи потеряли свои листья и не скрываютъ болѣе отъ моихъ глазъ изгибовъ вершины Менделя. Виноградники опустѣли и стада заперты въ хлѣвахъ. Все говоритъ о скорой зимѣ, и я въ свою очередь счастлива у огонька. Отецъ пишетъ мнѣ, что у нихъ глубокiй снѣгъ и сильный холодъ. Здѣсь же напротивъ, южный вѣтеръ приноситъ намъ чисто-италiянскiй зной, и подъ окномъ у меня цвѣтутъ розы, не боясь того, что снѣгъ можетъ сойдти съ горъ и покрыть все пространство вплоть до Вассермауера.

6-е.

Розы были правы. Солнце появилось сегодня во всемъ своемъ блескѣ. Природа какъ будто радуется этому и луга зеленѣютъ точно весною. Я получила записку отъ Морриса, онъ предлагаетъ мнѣ прогулку на сосѣднiя высоты. Въ десять часовъ, онъ явится ко мнѣ съ мулами. Не раздумывая много, я написала, что съ радостью принимаю его предложенiе.

Теперь я спрашиваю себя: хорошо ли это я сдѣлала?...

Вечеръ того же дня.

По счастiю приходъ хозяйки съ извѣстiемъ, что какой то господинъ ожидаетъ меня внизу и появленiе слуги Морриса, для того чтобы взять мой плащъ и дорожный мѣшокъ, положили конецъ моему раздумью; надо было торопиться. Сойдя внизъ, я нашла Морриса готовымъ посадить меня на сѣдло. Радость видѣть его веселымъ и насколько возможно здоровымъ, чудная и теплая погода, вмѣстѣ съ прiятною переспективою хорошей прогулки, разсѣяли разомъ мое дѣтское сомнѣнiе—и мы весело пустились въ путь.

Мы ѣхали не обращая никакого вниманiя на тѣхъ, кто попадался, на встрѣчу и на ихъ замѣчанiя. Проѣхавъ городскiя улицы и мостъ, мы взяли влѣво мимо виноградниковъ. Винодѣлы оканчивали свои послѣднiя работы. Вино потоками лилось въ бочки, поставленныя на тѣлежки, запряженныя бычками. Всѣ спѣшили дать намъ дорогу. Я ѣхала впереди на своемъ кроткомъ животномъ, которое проводникъ велъ подъ уздцы. Моррисъ, чтобы удобнѣе было дѣлиться впечатлѣнiями, слѣдовалъ за мною въ близскомъ разстоянiи. Слуга его замыкалъ поѣздъ.

Когда мы поднялись довольно высоко, я быстро опустила поводья и остановилась полюбоваться представившеюся глазамъ моимъ прелестною картиною: внизу подъ нами раскидывался Этсшталь; рѣка искрилась извиваясь змѣею между скалъ; горы рисовались отчетливыми линiями на горизонтѣ.... Но не мнѣ описывать то, что можетъ изобразить только одинъ живописецъ. Мы съ Моррисомъ пришли въ совершенный восторгъ и нѣсколько минутъ оставались безмолвными и неподвижными на сѣдлѣ. Нетерпѣливость животныхъ вывела насъ изъ этого экстаза. Мой мулъ, должно быть горюя о глупыхъ существахъ человѣческой породы, остающихся долгое время на такомъ пространствѣ, гдѣ нѣтъ пастбищъ, опустилъ голову и уши, и въ своей глубокой мудрости разсудилъ пуститься далѣе. Прочiе мулы послѣдовали его примѣру и бросились за нимъ. Въ полдень остановились отдохнуть въ маленькой деревенькѣ Шенна; оба мы устали и чувствовали голодъ. Пока Моррисъ разговаривалъ съ хозяиномъ, я прошла въ гостинницу. Въ комнатѣ, въ которую я вошла, у окошка обѣдали молодой крестьянинъ и крестьянка, и повидимому не обратили на меня никакого вниманiя. Чувствуя сильное изнеможенiе, я сѣла и нѣсколько времени оставалась съ полузакрытыми глазами. Наконецъ, по мѣрѣ успокоенiя, силы мои стали возвращаться, и къ приходу Морриса, я совершенно оправилась. Мы сѣли за скромный

обѣдъ. Вдругъ молодой крестьянинъ всталъ со своего мѣста и приблизился къ намъ со стаканомъ въ рукѣ.

— Ваша милость, сказалъ онъ Моррису, — конечно не найдетъ ничего дурнаго въ томъ, что я съ вашего позволенія предложу барышнѣ чокнуться со мною. Мы съ нею старые знакомые.

Онъ выпилъ и съ добродушнымъ видомъ передалъ мнѣ свой стаканъ, я взяла его со страхомъ. Этотъ пьяный человѣкъ казался мнѣ совершенно незнакомымъ.

— Да! продолжалъ онъ: — три мѣсяца тому назадъ огромная шляпа сторожа виноградниковъ и борода не такъ красили меня, какъ мой теперешній нарядъ. И если барышня сегодня не такъ боится меня, то это потому, что съ нею ея братецъ, а можетъ быть и женихъ.

— Перестань, Игнатій, останавливала его крестьянка.— Полно молоть пустяки. Барышня и не думаетъ бояться тебя, но больнымъ запрещено пить вино. Извините, сударыня, сказала она обращаясь ко мнѣ: — онъ думаетъ, что нельзя жить безъ вина. Вотъ и теперь, намъ надо торопиться въ Меранъ по случаю нашего сговора; а я никакъ не могу упросить его, вино здѣсь хорошее—и онъ готовъ остаться и пить до самаго вечера. Судите сами, какое мнѣніе будетъ имѣть о насъ старшина.

— Такъ что же, Лиза! отвѣчалъ крестьянинъ, въ которомъ я дѣйствительно узнала моего благодѣтеля сторожа. — Вѣдь и господа порядочно таки позамѣшкались. А хуже всего то, прибавилъ онъ, обращаясь опять къ Моррису,—что женщины только и хлопочутъ о томъ, чтобы взять насъ въ свои руки. Конечно, ваша барышня очень мила; если бы она согласилась, я съ удовольствіемъ помѣнялся бы съ вами. Но что дѣлать! Каждому своя ноша.

Боясь, чтобы этотъ фамиліарный тонъ не разсердилъ Морриса, я сказала сторожу: «Послушай, Игнатій! ты ошибаешься думая, что этотъ господинъ мнѣ братъ или женихъ, мы съ нимъ просто иностранцы, пріѣхавшіе сюда погулять. Точно такъ же ты не правъ, говоря, что мы всѣ любимъ командовать мужчинами. Это возможно только сильной и здоровой женщинѣ; а не бѣдной больной дѣвушкѣ, которой суждено умереть нынѣшнею весною. А потому будь благоразуменъ, ступай со своею Лизою къ священнику, и пусть никто не будетъ имѣть права сказать тебѣ, что ты далъ ей свое слово не въ полномъ разумѣ».

Обрадованная моими словами, молодая крестьянка быстро вскочила со своего мѣста и подойдя къ Игнатію проворно схватила его за руку, говоря: «Ну пойдемъ же, Игнаша! Прощайте, милая барышня, благодарю васъ за помощь! Будьте здоровы и не думайте о смерти! Я два года служила въ Меранѣ и по опыту знаю, что можно считать себя на краю могилы и все-таки выздоровѣть. Я видѣла тамъ такихъ больныхъ, которые сначала едва передвигали ноги, а потомъ безъ труда взбирались на вершину Мутта. Воздухъ Мерана такъ благотворенъ, что кажется воскреситъ мертваго. Прощайте, благородные господа! Боже мой, что я буду дѣлать съ Игнатіемъ! Онъ спитъ стоя!»

Парень дѣйствительно сильно охмѣлѣлъ и уже не сопротивлялся ей. Сцена эта произвела на меня тяжелое впечатлѣніе, котораго я никакъ не могла предвидѣть. Моррисъ казалось тоже былъ недоволенъ ею. Болтовня хозяйки еще болѣе усилила это дурное настроеніе духа—и намъ ничего не оставалось дѣлать, какъ скорѣе уйдти изъ этой душной и низкой комнаты, насквозь пропитанной запахомъ кухни. Мы тихо пошли по дорожкѣ, лежащей между красивыми фермами, и только изрѣдка перебрасывались словами. Но веселость моя не замедлила ко мнѣ возвратиться.

— Вы кажется не совсѣмъ хорошо чувствуете себя? спросила я Морриса, видя, что онъ опять погрузился въ свои думы.

— Напротивъ, мнѣ было бы очень хорошо, если бы мои мысли дали мнѣ покой, отвѣчалъ онъ.

— Но можетъ быть вамъ будетъ лучше, когда вы ихъ выскажете?

— А можетъ быть мнѣ тогда будетъ гораздо хуже, потому что онѣ такого рода, что не могутъ вамъ нравиться.

— Но откровенность ваша сама по себѣ будетъ мнѣ пріятна.

— Даже и тогда, когда я признаюсь вамъ, что боюсь потерять ваше расположеніе.

Я посмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Вотъ видите, продолжалъ онъ, — я знаю, что вы очень снисходительны ко мнѣ; но вы мало знаете меня, и все-таки знаете съ лучшей стороны, чѣмъ тѣ, которымъ извѣстна моя жизнь; а они-то и могутъ разсказать вамъ то, что приведетъ васъ въ ужасъ.

— Да хотя бы весь свѣтъ! отвѣчала я,—не думаете ли, что это можетъ нанести ударъ тѣмъ пріятнымъ отношеніямъ, которыя существуютъ между нами и которымъ такъ близокъ срокъ?

Онъ горько улыбнулся. Мы сидѣли на камнѣ покрытомъ мохомъ и плющемъ. Далѣе сквозь вѣтви каштановъ виднѣлись рѣка и горы. Поселяне гнали коровъ на водопой; дѣти шли въ школу. Моррисъ казалось ничего не видѣлъ и не слышалъ и продолжалъ взволнованнымъ голосомъ: «вы не можете представить себѣ, милая Марія, какое огромное вліяніе имѣетъ независимость на наши хорошіе и дурные поступки. Тотъ кто считаетъ себя свободнымъ отъ всѣхъ обязанностей, въ то же время думаетъ, что онъ не долженъ давать никому отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Такъ было и со мною. Зная, что могу оботись безъ помощи и покровительства другихъ, я полагалъ, что въ свою очередь, не нуждаюсь ни въ чьемъ одобреніи,—и часто говаривалъ, что я самъ значу гораздо болѣе чѣмъ моя репутація. Раскажу вамъ въ короткихъ словахъ бывшій со мною случай: я зналъ одну прелестную дѣвушку, которую любилъ первою истинною любовію; она была помолвлена за одного офицера, съ которымъ я бывалъ не совсѣмъ-то въ хорошей компаніи. Знай я тогда, что люблю ее, я постарался бы прекратить всѣ сношенія съ нею и никогда не видѣть ее. Но въ томъ-то и бѣда, что страсть эта развилась въ моемъ сердцѣ совершенно безъ моего вѣдома. Братъ ея—мой товарищъ—тоже ничего не подозрѣвалъ тутъ, и я продолжалъ посѣщать ихъ домъ. Родители ея были богаты и жили открыто; у нихъ часто бывали балы, музыкальные вечера и домашніе спектакли. Однажды братъ принялъ меня очень холодно и на другой день я получилъ записку, въ которой онъ очень вѣжливо проситъ меня не показываться болѣе въ салонѣ его родителей. Мы объяснились, и я узналъ, что женихъ сестры его требовалъ этого, потому что я человѣкъ безъ правилъ. Я счелъ себя глубоко обиженнымъ—и результатомъ была дуэль. Рана была не опасна; но холодъ зимняго утра и сознаніе горькаго обмана, бывшаго причиною этой исторіи, уложили меня на нѣсколько недѣль въ постель. Я выдержалъ жестокую горячку, отъ которой оправился; но грудь моя осталась пораженною тяжкимъ недугомъ и меня послали сюда въ Меранъ. Теперь милая Марія вамъ не трудно понять, что я не могу равнодушно видѣть васъ близь себя; ваше

полное довѣріе, самоотверженіе пугаетъ меня; и хотя я человѣкъ безъ правилъ; но всегда былъ далекъ отъ того, чтобы искать себѣ счастія насчетъ другихъ».

— Если вы думаете, что вашъ разсказъ можетъ измѣнить мое о васъ мнѣніе, то вы очень ошиблись, и не знаете меня. Я еще болѣе убѣдилась теперь, что поступила какъ слѣдуетъ, примѣнивъ къ вамъ право умирающаго говорить правду, и никогда не соглашусь прервать дорогія сердцу моему сношенія съ вами. Да и что такое дружба, если въ насъ самихъ нѣтъ твердости защищать ее отъ нападеній, которымъ она можетъ подвергнуться! Прогоните ваши грустныя мысли и будемте по прежнему добрыми пріятелями. — Не такъ ли, другъ мой?

— До самой смерти, вскричалъ онъ въ волненіи, сжавъ мою руку.

Мнѣ скоро удалось возвратить ему прежнюю веселость, и мы отправились домой.

Приближаясь къ мосту, я замѣтила, что на скамейкѣ у дороги сидитъ одинъ пріѣзжій полякъ, котораго я встрѣчала во время своихъ уединенныхъ прогулокъ, и каждый разъ его черные глаза устремлялись на меня съ такимъ выраженіемъ, что я спѣшила уйдти. По всему вѣроятію, это больной, которымъ овладѣло сильное отчаяніе; слѣды внутренней борьбы видны на его прекрасномъ и благородномъ лицѣ. Этотъ странный человѣкъ не давалъ мнѣ покоя; его чорный національный костюмъ, высокіе сапоги и мѣховая шапка съ чорными и бѣлыми перьями, пугали меня даже и во снѣ. Онъ тихо сидѣлъ на скамейкѣ и казалось не замѣчалъ меня. Такъ какъ здѣшній мостъ, не настолько широкъ, чтобы два всадника могли проѣхать рядомъ, то Моррису пришлось ѣхать впереди. Полякъ, повидимому, спалъ на своей скамейкѣ; но когда я поравнялась съ нимъ, онъ быстро вскочилъ со своего мѣста—и схвативъ за узду моего мула, разразился громкимъ смѣхомъ. Испуганное животное поднялось на дыбы, и я чуть не упала въ рѣку. Когда я опомнилась отъ испуга, его уже не было. Проводникъ мой послалъ ему въ слѣдъ нѣсколько проклятій; но я приказала молчать, мы настигали Морриса, и мнѣ не хотѣлось, чтобы онъ зналъ объ этомъ происшествіи. Я лучше сама постараюсь какъ нибудь развѣдать, не помѣшанъ ли этотъ полякъ.

8 Ноября.

Вотъ уже второй день, сильный вѣтеръ не позволяетъ намъ больнымъ выходить изъ комнаты. Право, это досадно! Я была такъ рада, что мнѣ есть о чемъ поговорить съ Моррисомъ. Послѣ того какъ мы заключили съ нимъ союзъ вѣчной дружбы, въ головѣ моей явилось такъ много новыхъ идей, а между тѣмъ я не могу ихъ сообщить ему. — Нечего дѣлать, надо вооружиться терпѣніемъ. Странно! съ тѣхъ поръ, какъ я сошлась съ человѣкомъ съ которымъ могу дѣлиться своими мыслями, уединеніе стало для меня невыносимымъ; ничто не услаждаетъ: ни книги, ни музыка. Каждый день Моррисъ присылаетъ своего слугу освѣдомиться о моемъ здоровьѣ. Наша экскурсія принесла ему много пользы. Мнѣ же напротивъ,—я до сихъ поръ еще не оправилась послѣ ея. Сегодня буду писать къ отцу и сообщу ему о Моррисѣ, это его порадуетъ.

(Продолженіе будетъ).

Депеша къ графу Бейсту.

Воспоминанія изъ недавняго прошлаго.

По поводу недавно-появившейся брошюры: «Графъ Бейстъ въ настоящемъ свѣтѣ», одна изъ нѣмецкихъ газетъ передаетъ слѣдующую исторію, сдѣлавъ при этомъ оговорку, что, не ручаясь за полную справедливость разсказа, она тѣмъ не менѣе находитъ, что извѣстное изрѣченіе: *si non e vero, e ben trovato* можетъ быть примѣнено и къ нему.

— Извѣстно, пишетъ эта газета,—что и теперь еще есть дворянскія фамиліи, которыя, не зная куда дѣвать своихъ сыновей, посвящаютъ ихъ дипломатической карьерѣ. По крайней мѣрѣ, у насъ въ Австріи въ такихъ нѣтъ недостатка. Хорошее дворянское имя, представительная наружность, ловкія манеры и сильная протекція дѣлаютъ *attachés*, а изъ *attacheés* выходятъ въ концѣ концовъ и посланники. Такимъ-то *attaché* былъ молодой баронъ фонъ-Ротентурмфельзъ. Въ Вѣнѣ онъ сталъ лишнимъ, благодаря своимъ любовнымъ приключеніямъ и долгамъ,—для Парижа—онъ оказался годенъ.

Тамъ, въ Парижѣ, наполеонисты свирѣпствовали еще во всемъ своемъ блескѣ. Объ Эмсѣ и Вильгельмсгеэ не было еще и рѣчи. Имя Біарица встрѣчалось еще въ газетахъ. Великій императоръ дозволялъ еще себѣ роскошь Шалонскаго лагеря и появлялся еще верхомъ на блестящихъ смотрахъ на Марсовомъ полѣ.

Еще опьяненный и обмороченный Парижъ плавалъ въ морѣ наслажденія. Сезонъ былъ въ полномъ разгарѣ, и прелестныя придворныя женщины представляли еще собою обворожительный кругъ планетъ вокругъ солнца, носившаго имя Евгеніи.

Въ царствованіе Людовика Наполеона полицейская часть достигла, какъ извѣстно, истинно грандіозныхъ размѣровъ. Въ этомъ отношеніи племянникъ еще перещеголялъ дядю. Его полицейскій префектъ Пьетри конечно не уступалъ хитрому Фуше. Онъ составилъ систему шпіонства, нити которой доходили до самыхъ отдаленныхъ резиденцій.

Извѣстно, что между министрами иностранныхъ дѣлъ едва ли найдется такой, который бы велъ такую живую переписку посредствомъ депешъ, какъ графъ Бейстъ. Его кабинетъ былъ настоящей фабрикой дипломатическихъ нотъ, приводившейся въ движеніе силою пара. Посланники просто осыпались ими, и по закону взаимодѣйствія должны были столь же щедро снабжать имперскаго канцлера германо-славянской Австріи отвѣтами и новыми извѣстіями.

Глупый свѣтъ называлъ всегда графа Бейста маніакомъ, который одержимъ страстью писать и силится достигнуть почета и вліянія посредствомъ писанія нотъ. — Но гдѣ доказательства тому, что благородный графъ Бейстъ былъ едва ли не разсудительнѣй всѣхъ насъ и что не одна ловкая и своевременная биржевая спекуляція основывалась на его извѣстіяхъ и дипломатическихъ дѣйствіяхъ?

Особа Людовика Наполеона, его отважная политика—все

еще продолжали оставаться полярной звѣздой европейской дипломатіи; морщины его лба и веселое расположеніе его духа все еще могли нагонять тучи и прояснять политическій горизонтъ, и именно графъ-то Бейстъ и старался поддержать это пугало и доставить ему возможно большій кредитъ. Конечно во глубинѣ его души было написано: «Мщеніе», но одно не мѣшало другому. «Мщеніе за сраженіе при Садовой»!—этотъ пароль былъ, такъ сказать, второю скрипкою, вторившею первой—дипломатическимъ интригамъ австрійскаго государственнаго канцлера.

Князь Меттернихъ, представитель Австріи при французскомъ дворѣ въ сущности вовсе не годился для бейстовой политики; онъ былъ только ничтожнымъ сыномъ великаго отца, не наслѣдовавшимъ ничего отъ его генія. На интриги онъ былъ рѣшительно неспособенъ, но годился какъ нельзя лучше для торжественныхъ выходовъ и для роли разнощика новостей. Графу Бейсту это было очень и очень на руку. Въ сущности онъ нуждался только въ эхо своихъ собственныхъ (заключавшихся въ нотахъ) дѣйствій и въ человѣкѣ, который снабжалъ бы его постоянно новостями.

Такъ же мало, какъ и самъ князь Меттернихъ, былъ способенъ къ изобрѣтенію дипломатическаго пороха и его первый *attaché*, баронъ фонъ Ротентурмфельзъ, который впрочемъ былъ усерденъ по своему. Онъ исполнялъ службу дипломатическаго подпощика, старательно снабжалъ своего принципала новостями съ иголочки и представлялъ собою очень красивую фигуру въ салонахъ. Всего больше ему везло у женщинъ, благодаря отчасти его состоянію, а отчасти его сильному стройному тѣлосложенію и пріобрѣтенной въ вѣнскихъ салонахъ снаровкѣ. Въ отношеніи побѣдъ надъ женщинами, баронъ могъ смѣло соперничествовать съ любымъ французомъ; потому-что—этого никогда не слѣдуетъ забывать—женщины смотрятъ столько же на душевныя свойства и остроуміе, сколько на мужскую силу и расположеніе къ нѣжнымъ отношеніямъ.

О князѣ Меттернихѣ всегда болтливая молва говорила, что онъ сильно отличаетъ маркизу Леруа, молодую, прекрасную вдову. У маркизы былъ блестящій салонъ, гдѣ она принимала своихъ гостей самымъ роскошнымъ образомъ. Ея домъ былъ похожъ на пчелиный улей, царицею котораго была она. Старые и молодые господа дипломатическаго, финансоваго, литературнаго, и т. п. кружковъ не переводились у ней. Большая часть ея друзей считала ее чрезвычайно богатою, тогда какъ она была только однимъ изъ самыхъ искусныхъ и получавшихъ наибольшее жалованье членовъ тайной полиціи и оказывала подъ часъ существенныя услуги императорской кликѣ. Сама она не пропускала мимо ушей сообщеній и переговоровъ дипломатическихъ свѣтилъ, сіявшихъ въ ея салонѣ, но въ этомъ же салонѣ бродили и ловкіе мушары, облеченные блестящими титулами и чинами, отъ которыхъ не укрывалось ни одной іоты изъ всего происходившаго. На ея очаровательныхъ ужинахъ обсуждались и открывались, очень часто, самыя важныя государственныя тайны, а князь Меттернихъ давно уже, какъ говорили, былъ открытою книгой для прекрасной маркизы.

Безъ всякаго предчувствія ввелъ онъ къ ней своего новаго *attaché*, и съ перваго же визита молодой баронъ изъ Штейермарка пріобрѣлъ расположеніе веселой вдовы. Вскорѣ послѣ этого Ротентурмфельзъ началъ получать особыя приглашенія отъ маркизы—и весь кружокъ зашепталъ, что господинъ посланникъ не мало сердится на перемѣну настроенія въ милой женщинѣ и на то, что она предпочла ему совершеннаго новичка въ дипломатіи.

Само собою разумѣется, что маркиза пользовалась склонностію барона и для своихъ оффиціальныхъ цѣлей. Ротентурмфельзъ расказывалъ ей по секрету ни больше ни меньше какъ все, что узнавалъ самъ. По совершенно непредвидѣннымъ образомъ молодой дипломатъ не только не ограничился однимъ поклоненіемъ маркизѣ, а сталъ еще предпочитать ей ея компаніонку Терезу, прелестную урожденку Пикардіи, и кромѣ того ринулся стремглавъ въ водоворотъ парижскихъ удовольствій, въ которыхъ принимаетъ участіе такъ-называемый полусвѣтъ. Даже *Jardin Mabile* и *Closerie de Lilas*—и тѣ понадобилось ему изучить нагляднымъ образомъ.

Но еще прежде чѣмъ маркиза вознамѣрилась отомстить барону за его невѣрность, подтвержденную найденной у ея компаніонки запиской, посланникъ рѣшилъ, что онъ отдѣлается отъ *attaché* при первомъ же случаѣ, пославъ его въ Вѣну. Въ самой серединѣ карнавала, пикантные маскарады и высокія наслажденія котораго заключали въ себѣ нѣчто чрезвычайно привлекательное для Ротентурмфельза, посланникъ нашелъ какое-то важное извѣстіе для того, чтобъ отправить своего счастливаго *attaché* и соперника съ тайною депешею въ Вѣну. Дѣло шло о сообщеніяхъ графу Бейсту насчетъ наполеоновскихъ видовъ на сѣверный Шлезвигъ, насчетъ исполненія пражскаго договора, насчетъ предполагавшагося отказа отъ заключенной съ Италіей сентябрской конвенціи, насчетъ состоянія наполеонова здоровья, и т. п. Государственному министру Руэ порядочно таки доставалось въ этой депешѣ.

Баронъ принялъ депешу и долженъ былъ ѣхать въ ту же ночь. Уѣхать не простившись съ маркизою и ея компаніонкою было выше силъ его—и онъ отправился къ нимъ.

— Какъ? вскричала хитрая дама съ притворнымъ удивленіемъ,—вырвать васъ у насъ въ самый разгаръ сезона?

Attaché пожалъ плечами.

— Дипломатическая служба прежде всего, милостивая государыня. Кромѣ того у князя есть причины не довѣрять почтѣ тѣхъ извѣстій, которыя везу я. Даже семь печатей не доставляютъ иной разъ надлежащей безопасности.

На губахъ маркизы мелькнула презрительная улыбка.

— Но вамъ рѣшительно нельзя ѣхать до утра! вскричала она.—У меня именно сегодня ночью будетъ маскарадъ для самыхъ близкихъ мнѣ друзей и знакомыхъ. Мы положительно не можемъ обойтись безъ васъ, самаго лучшаго танцора и пріятнаго собесѣдника. Вы останетесь.

— Извините, милостивая государыня, я имѣю самое рѣшительное предписаніе уѣхать въ одиннадцать часовъ ночи. Это было бы сильнымъ нарушеніемъ субординаціи, если бы князь встрѣтилъ меня здѣсь послѣ этого часу.

— Вотъ еще! да вѣдь князя-то именно здѣсь и не будетъ, потому что я не приглашала его. И такъ рѣшено, мы свидимся еще разъ!

Баронъ поклонился, поцѣловалъ у маркизы руку и ушолъ, не безъ досады, что ему не удалось видѣть прекрасную Терезу. Онъ надѣялся однакоже свидѣться съ нею послѣ. А такъ какъ уже смерклось и онъ былъ уже одѣтъ *en visite*, то ему и не нужно было дѣлать никакого особеннаго туалета. Его вещи были скоро уложены, онъ отправилъ ихъ на станцію восточной желѣзной дороги и рѣшился ѣхать рано утромъ съ первымъ же поѣздомъ.

Въ назначенное время онъ отправился въ отель маркизы, прибавивъ къ своему туалету только одну полумаску. Отель былъ уже набитъ масками всевозможныхъ родовъ. При входѣ въ домъ, лакей, который получилъ отъ него

уже не одинъ наполеондоръ, всунулъ ему въ руки записочку. Ротентурмфельзъ поспѣшно распечаталъ ее—она была отъ прекрасной Терезы, которая, увѣряя его въ самой жаркой любви, увѣдомляла его о своемъ нездоровьи и невозможности явиться въ общество. *Attaché* положилъ записку въ карманъ на груди, гдѣ онъ хранилъ и депеши посланника, и потерялся между масками. Шумная музыка раздавалась по всему залу, великолѣпный буфетъ возбуждалъ апетитъ, самыя стройныя женскія фигуры вызывали къ танцамъ и пикантнымъ разговорамъ.

Спустя нѣсколько времени баронъ почувствовалъ у себя на плечѣ легкую ручку, онъ взглянулъ вбокъ и легко узналъ по фигурѣ и по блеску темныхъ глазъ маркизу Леруа. Она взяла его подъ руку и пригласила его на ужинъ съ шампанскимъ *à deux*. Онъ не могъ противиться. Благоухающій чудными экзотическими растеніями, кабинетъ принялъ нѣжную парочку. Маркиза позвонила, слуга принесъ дичи, конфетъ и вина. Съ перваго же глотка барономъ овладѣло какое-то странное чувство, пріятный трепетъ, котораго онъ не могъ объяснить. Маркиза велѣла смѣшать вино съ какимъ-то наркотическимъ средствомъ. Ея мушары оказали ей при этомъ не малую помощь.

Прежде всего выпили за добрую дружбу. Ротентурмфельзъ увлекся до такой степени, что заключилъ обольстительную женщину въ свои объятія и покрылъ ея губы жаркими поцѣлуями. Полупьяный вышелъ онъ изъ кабинета. Танцы, жаръ въ залѣ увеличили его противуестественное состояніе до такой степени, что онъ долженъ былъ наконецъ взять подъ руку одного друга (котораго звали маркизомъ Тремулье, но который въ сущности былъ самымъ утонченнымъ мушаромъ) и удалиться въ небольшую комнату. Незамѣтнымъ образомъ другой мушаръ послѣдовалъ за ними. Ротентурмфельзъ опустился въ кресло, лепеча невнятныя слова и съ закрытыми глазами.

Въ одну минуту второй мушаръ вынулъ изъ какого-то футляра намоченную въ хлороформъ губку, которую Тремулье осторожно поднесъ къ носу пьянаго барона. Съ тяжелымъ глубокимъ вздохомъ вобралъ въ себя молодой человѣкъ роковой запахъ.

Спустя нѣсколько мунутъ онъ совершенно обезпамятѣлъ, такъ-что Тремулье смѣло запустилъ руку къ нему за пазуху и вынулъ оттуда письма. Онъ подалъ ихъ своему товарищу потащилъ Ротентумфельза на софу и заперъ за нимъ дверь. Оба мушары отправились въ другую комнату и освидѣтельствовали свою добычу. Прежде всего было прочтено уже распечатанное письмо Терезы.

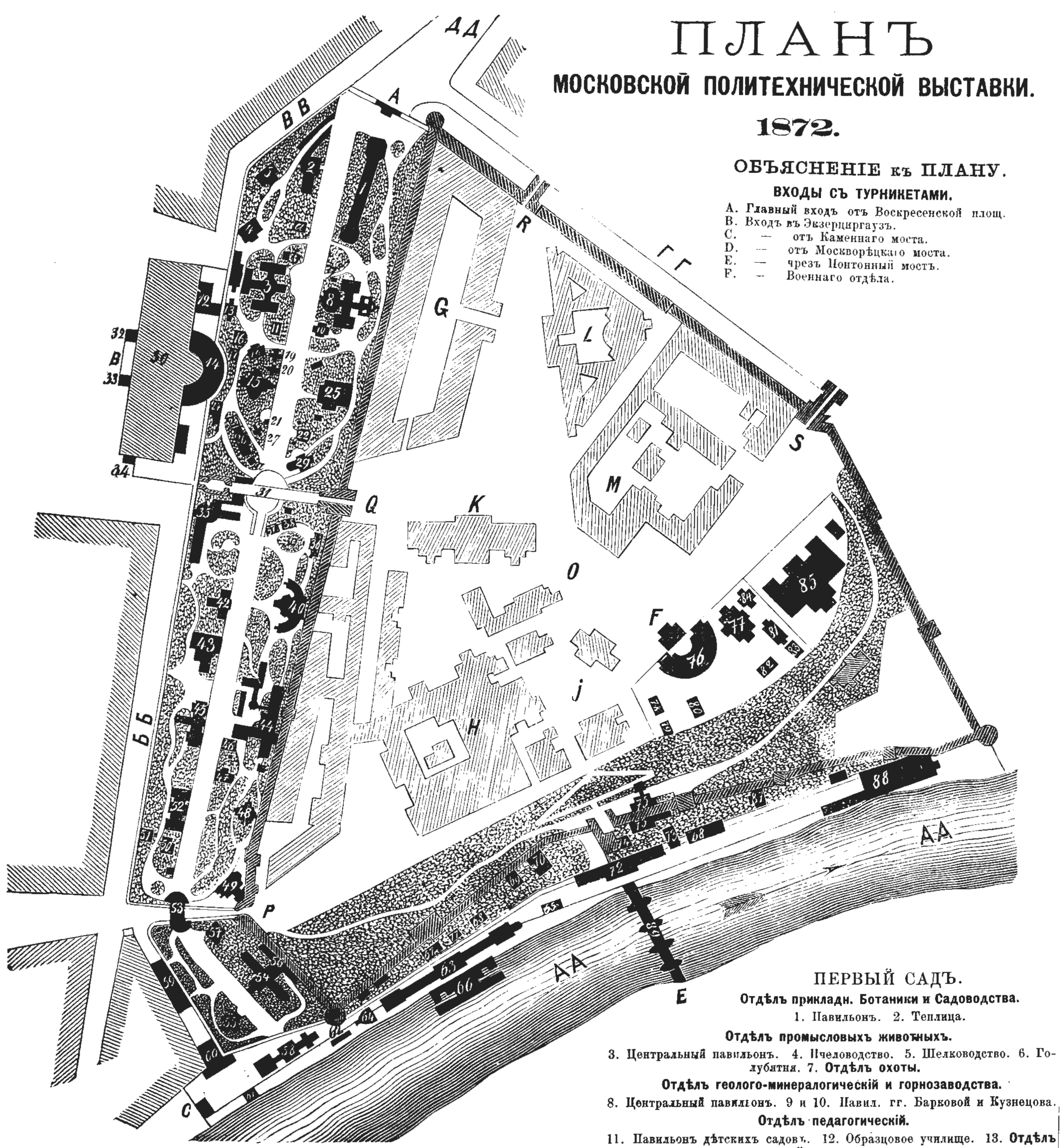
— Смотри-ка, сказалъ улыбаясь Тремулье,—прекрасная компаніонка, которая корчитъ всегда изъ себя такую благочестивую, изливается въ самыхъ жаркихъ увѣреніяхъ въ любви! Позабавимъ этимъ маркизу!

Онъ отложилъ всторону записку и распечаталъ пакетъ съ государственными депешами такъ, чтобъ какъ можно меньше повредить печать. Депеши были прочитаны

Московская политехническая выставка

Китоловное судно. Рисов. Н. Каразинъ, гравир. И. Матюшинъ.

ПЛАНЪ
МОСКОВСКОЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОЙ ВЫСТАВКИ.
1872.



ОБЪЯСНЕНІЕ къ ПЛАНУ.

ВХОДЫ СЪ ТУРНИКЕТАМИ.

A. Главный входъ отъ Воскресенской площ.
B. Входъ въ Экзерциргаузъ.
C. — отъ Каменнаго моста.
D. — отъ Москворѣцкаго моста.
E. — чрезъ Понтонный мостъ.
F. — Военнаго отдѣла.

ПЕРВЫЙ САДЪ.

Отдѣлъ прикладн. Ботаники и Садоводства.

1. Павильонъ. 2. Теплица.

Отдѣлъ промысловыхъ животныхъ.

3. Центральный павильонъ. 4. Пчеловодство. 5. Шелководство. 6. Голубятня. 7. **Отдѣлъ охоты.**

Отдѣлъ геолого-минералогическій и горнозаводства.

8. Центральный павильонъ. 9 и 10. Павил. гг. Барковой и Кузнецова.

Отдѣлъ педагогическій.

11. Павильонъ дѣтскихъ садовъ. 12. Образцовое училище. 13. **Отдѣлъ кустарной промышленности.**

Отдѣлъ техническій.

14. Технологическій павильонъ, съ центральною частью, занят. Кавказскимъ отдѣломъ. 15. Мануфактурный павил. 16. Павил. г. Овчинникова. 17. Павил. г. Чичелева. 18. Павил. гг. Воронова и Головина. 19. Павил. г. Посникова. 20. Павил. г. Эрнста и Давида. 21. Павил. г. Мавроматы. 22. г. А. Буисъ. 23. Павил. г. Теодора Гюо. 24. Павил. г. Кацараки. 25. **Отдѣлъ Туркестанскаго края.**

Отдѣлъ медицинскій.

26. Павил. г. Швабе. 27. Павил. г. Адельгейма 28. Павил. терапевтическ. 29. Бюро Техническаго отдѣла. 30. **Отдѣлъ дѣйствующихъ машинъ.** 31. **Троицкій мостъ.** 32, 33 и 34. Помѣщ. для паров. двигател. a и b. Кіоски для прод. минерал. водъ.

ВТОРОЙ САДЪ.

35. **Ресторанъ.**

Медицинскій отдѣлъ.

36. Аптека. 37. Производ. искуств. минер. водъ. 38. Теплица. 39. Садъ медицинскихъ растеній.

Отдѣлъ лѣсоводства.

40. Павильонъ. 41. Питомники.

Отдѣлъ прикладной физики.

42. Центральный павильонъ. 43. Фотографическій павильонъ. 44. **Отдѣлъ сельскохозяйственный.** 45. **Отдѣлъ почтъ и телеграфовъ.** 46. **Сельская больница.**

Отдѣлъ домоводства и сельск. постр.

47. Училище. 48. Церковь. 49. Домъ. 50. Сельская лечебница. 51. Питомникъ отдѣла попеченія о рабочихъ. 52. Типографскій и литографскій отд. 53. Мостъ между вторымъ и третьимъ садомъ. c, d, e и f. Кіоски для продажи.

ТРЕТІЙ САДЪ.

Отдѣлъ архитектурный.

54. 55 и 56. Павил. техническаго архитектурнаго отдѣла. 57. Павил. г. Короткова. 58. Отдѣлъ историческій. 59. Отдѣлъ гидравлическій. 60, 61 и 62. Паров. двигатели.

НАБЕРЕЖНАЯ МОСКВЫ РѢКИ.

Морской отдѣлъ.

63. Центральный павильонъ. 64. Носовая часть купеч. судна. 65. Средн. часть военнаго корвета. 66. Пристань. 67. Саандамскій домикъ. 68. Павильонъ. 69. Караульный домъ. 70. Контора. 71. Кіоски для прод. минерал. водъ.

Военный отдѣлъ.

72. Техническ. павил. мастерск. 73. Технич. павил. Акчуриной съ сыновьями. 74 и 75. Техническій павильонъ.

ПЛАЦЪ въ КРЕМЛѢ.

Военный отдѣлъ.

76. Историческій музей. 77. Казарма. 78. Навѣсъ. 79. Перевязочная станція. 80. Хозяйственный баракъ. 81. Зимній и лѣтній лазаретъ. 82. Операціонный баракъ. 83. Ветеринарный баракъ. 84. Пожарная станція. 85. Павил. Севастопольск. отдѣла.

НАБЕРЕЖНАЯ МОСКВЫ РѢКИ.

Желѣзно-дорожный отдѣлъ.

86, 87 и 88. Постройки желѣзно-дорожнаго отдѣла.

ОКРЕСТНОСТИ.

АА. Москва-рѣка. ББ. Моховая улица. ВВ. Проѣздъ на Воскресенскую площадь. ГГ. Красная площадь. ДД. Иверскія ворота. O. Кремль. G. Арсеналъ. H. Дворецъ. I. Соборы. K. Казарма. L. Судъ. M. Чудовъ монастырь. P. Боровицкія ворота. Q. Троицкія ворота. R. Никольскія ворота. S. Спасскія ворота.

и быстро списаны. Тутъ явилась маркиза. Она точно также прочла какъ то, такъ и другое.

— Хорошо, хорошо, прошептала она между своими бѣлыми зубками,—минута мщенія наступила!

Затѣмъ она опять положила одну бумагу въ конвертъ съ государственными депешами, который Тремулье опять запечаталъ такимъ образомъ, что даже самый опытный глазъ не могъ бы открыть, что этотъ конвертъ уже распечатывали. Другую бумагу маркиза спрятала у себя на груди. Затѣмъ оба мушары положили депеши опять въ карманъ крѣпко-спавшаго Ротентурмфельза и предоставили его судьбѣ, а сами возвратились въ залу, радуясь удавшейся штукѣ.

Начинало уже свѣтать, когда Ротентурмфельзъ проснулся отъ тяжелаго сна. Члены у него были точно налиты свинцомъ, онъ съ изумленіемъ осмотрѣлся и сталъ не безъ труда припоминать случившееся. Тутъ онъ понялъ свое положеніе и отвѣтственность за порученныя ему депеши. Онъ испугался и быстро схватился за карманъ на груди. Только ощупавъ депеши вздохнулъ онъ свободно. Отсутствія терезиной записки, онъ въ эту минуту и не замѣтилъ. Онъ всталъ и шатаясь вышелъ изъ комнаты. Всѣ гости уже разъѣхались. Показался слуга и сказалъ, что госпожа маркиза, отправляясь на покой, приказала ему кланяться. Онъ подозвалъ фіакръ и отправился на станцію желѣзной дороги.

Все время пока продолжалось путешествіе онъ не выпускалъ изъ виду ввѣренныхъ ему депешъ и по прибытіи въ Вѣну имѣлъ честь сейчасъ же вручить ихъ имперскому канцлеру,—объявленіе благоволенія и чинъ совѣтника посольства—вотъ что, по его мнѣнію, ожидало его теперь.

Конечно совершенно случайно, въ эту же самую минуту у графа Бейста былъ тотъ великій банкиръ, вмѣстѣ съ которымъ онъ, какъ говорили злые языки, спекулировалъ.

— А, колебаніе! вскричалъ забывшись графъ.

Какимъ образомъ этотъ верховный руководитель австрійско-венгерской политики могъ дойти до того недипломатическаго выраженія, это осталось загадкой для *attaché*, стоявшаго въ позѣ благоговѣйнаго ожиданія. Съ напряженнымъ любопытствомъ разорвалъ графъ конвертъ и вынулъ то, что въ немъ находилось. Съ перваго же взгляда онъ былъ пораженъ форматомъ бумаги; онъ сталъ читать—и на лицѣ его выразилось удивленіе. Смѣхъ и гнѣвъ боролись, повидимому, въ груди его.

Окончивъ чтеніе, онъ отпустилъ *attaché* безъ всякаго замѣчанія. Затѣмъ онъ подалъ банкиру листъ тонкой бумаги небольшаго формата, на какой обыкновенно пишутся письма, съ виньетками и слѣдующаго содержанія:

«Горячо любимый другъ!

«Вы жестоки, заставляя меня ждать цѣлыхъ четыре дня! Гдѣ вы были? Злой г. Тремулье насмѣшливо шепчетъ мнѣ на ухо, будто вы забавлялись въ *Closerie de Lilas*. Фи! Но я не вѣрю этому. Не можетъ быть, чтобъ человѣкъ съ вашимъ умомъ и образованіемъ..... Но вы оставляете меня наединѣ съ моею тоскою? Ахъ, другъ мой, вы свели меня съ ума! Я люблю васъ всѣми силами души моей. Нѣтъ на землѣ ни одного существа, которое любило бы такъ сильно какъ я. А вы, ужь не шутите ли вы со мною, какъ дѣлаютъ это иные знатные господа? Ужь не переходите ли и вы отъ одной женщины къ другой, по образцу тѣхъ изящныхъ парижанъ, которыхъ мы провинціалы рѣшительно не понимаемъ? Еслибъ вы поступили такимъ образомъ, вы разбили бы мнѣ сердце! Теперь я къ несчастію больна, такъ что, къ величайшему моему сожалѣнію, не могу быть въ маскарадѣ. Но завтра, послѣ завтра, я надѣюсь прижать васъ къ моему сердцу. А до тѣхъ поръ не забывайте вѣчно любящую васъ Терезу».

Прочитавъ это письмо, банкиръ захохоталъ.

— Не можете ли вы извлечь изъ этого чего нибудь для ультиматума? спросилъ иронически графъ Бейстъ.

Банкиръ все еще хохоталъ.....

Надобно предполагать—такъ заключаетъ газета, изъ который мы заимствуемъ этотъ разсказъ,—что благородный графъ сильно подозрѣвалъ князя Меттерниха въ томъ, что, увлекаясь своими частными удовольствіями, онъ, въ разсѣянности, перемѣшалъ бумаги.

Московская политехническая выставка.

(Продолженіе).

Въ послѣдній разъ мы познакомили читателей съ общимъ впечатлѣніемъ, которое производитъ политехническая выставка на поверхностнаго обозрѣвателя ея богатствъ. Теперь мы прилагаемъ подробный планъ ея расположенія и построекъ, по которому читатели могутъ составить себѣ полное понятіе объ ней во всѣхъ частностяхъ.

Отдѣлъ, на который мы нынѣ обращаемъ вниманіе читателей, расположенъ на правой сторонѣ перваго Кремлевскаго сада,—это отдѣлъ промысловыхъ животныхъ. Кромѣ особыхъ павильоновъ шелководства и пчеловодства, онъ представляетъ обширное помѣщеніе, въ которомъ расположены коллекціи безпозвоночныхъ, головы рогатаго скота англійской породы, коллекціи швейцарскихъ домашнихъ животныхъ и остатковъ свайныхъ; особенно интересны коллекціи губокъ и янтарей съ находящимися внутри ихъ насѣкомыми. Главную же часть этого павильона занимаютъ предметы, относящіеся къ двумъ обширнымъ промысламъ: китоловству и рыболовству.

Одинъ изъ самыхъ прибыльныхъ, хотя и рискованныхъ промысловъ — китоловство могло-бы быть распространено въ нашемъ береговомъ населеніи если не больше того, какъ оно распространено у другихъ народовъ, то во всякомъ случаѣ и не менѣе. Между тѣмъ, несмотря на длиннѣйшія береговыя полосы сѣверныхъ морей, которыми обладаетъ наше необъятное отечество, несмотря на сотни здоровыхъ, привычныхъ къ суровому климату и мореходному дѣлу рукъ — промыселъ этотъ стоитъ у насъ на самыхъ первыхъ ступеняхъ развитія.

Не будемъ вдаваться въ изслѣдованіе причинъ этого ненормальнаго положенія, имѣющаго результатомъ то, что наши поморцы ограничиваютъ свою дѣятельность моржевымъ и тюленьимъ промысломъ,—можемъ только смѣло сказать, что не недостатокъ личной отваги и предпріимчивости мѣшаетъ русскимъ пускаться за болѣе крупною морскою дичью. Важныя открытія и изслѣдованія въ Арктическихъ моряхъ, сдѣланные подъ русскимъ флагомъ, служатъ сильнымъ подкрѣпленіемъ этого. Значитъ ясно, что тутъ играютъ роль другія причины, другія явленія, независящія отъ личной воли нашихъ береговыхъ обитателей.

Въ послѣднее время было обращено много вниманія на

развитіе этой отрасли промышленности у насъ въ Россіи.— Даже всю прошедшую зиму, въ Петербургѣ, въ зданіи бывшаго Соленаго городка читались почти непрерывныя, народныя лекціи о китѣ и китоловствѣ, и лекціи эти посѣщались многочисленными слушателями и выслушивались несравненно съ большимъ вниманіемъ, чѣмъ лекціи другихъ предметовъ.

И на политехнической выставкѣ въ Москвѣ значительнѣйшая часть отдѣла промысловыхъ животныхъ была посвящена китоловству и другимъ сходнымъ съ этимъ промысламъ. Описанію этой именно части отдѣла и посвященъ нашъ коротенькій очеркъ.

Прямо подъ открытымъ небомъ (такъ какъ выставленные предметы не разъ побывали уже въ полярныхъ моряхъ и уже, конечно, не боятся, московскихъ непогодъ) подъ тѣнью группы елей покоятся громадныя кости гренландскаго кита, невольно своими почтенными размѣрами, останавливающими вниманіе зрителей. За этимъ скелетомъ находится другой маленькій остовъ кровожадной касатки. Два большихъ китоловныхъ бота стоятъ подъ небольшимъ угломъ другъ къ другу, по обѣимъ сторонами гренландскаго кита. Эти боты совершенно приготовлены къ погонѣ за морскимъ исполиномъ; все на нихъ прилажено въ совершенствѣ и представляетъ послѣднее слово развитія этаго промысла. Первый ботъ—большое восьмивесельное сýдно, легкое на ходу, имѣетъ на своей передней части весьма замысловатый приборъ, замѣнившій прежнюю ручную острогу; приборъ этотъ слѣдующій:

На поворачивающемся свободно во всѣ стороны, внизъ и вверхъ, штативѣ укрѣпленъ металлическій цилиндръ, обдѣланный въ деревянную массивную ложу; въ этотъ цилиндръ кладется обыкновенный зарядъ пороха — какъ для небольшаго орудія—и воспламеняется этотъ зарядъ посредствомъ затравки въ задней части цилиндра: вмѣсто ядра служитъ тяжелая острога съ расходящейся назадъ стрѣлообразною оконечностью и къ этой острогѣ привязанъ конецъ безконечной веревки, соединяющей снарядъ съ судномъ.

Подходя къ киту — человѣкъ наводитъ это орудіе куда слѣдуетъ и подноситъ фитиль къ затравкѣ. Острога вылетаетъ съ такою силою, что можетъ прорѣзать глубину воды болѣе чѣмъ на двѣсти саженъ не мѣняя своего направленія. Веревка, привязанная къ этой острогѣ, накатана на два цилиндра, расположенные тотчасъ же за снарядомъ и легко скатывается съ нихъ, не обрываясь и не задерживая полета пущенной остроги. Понятно, что никакое оружіе, пущенное непосредственно человѣческою рукою, не можетъ такъ глубоко и смертельно проникнуть въ громадное тѣло. Въ этомъ же ботѣ сложена ручная острога и другія орудія, служащія для добыванія издыхающаго животнаго и окончательной обработки трупа.

Снарядъ, расположенный на передней части другаго бота, находящагося на заднемъ планѣ нашего рисунка еще болѣе замысловатъ; онъ состоитъ изъ большаго ракетнаго станка—и сама ракета, съ разрывною гранатою на концѣ, съ хитро приспособленнымъ металическимъ приборомъ, глубоко проникающимъ въ тѣло кита, служитъ смертельною острогою.

Около этихъ судовъ всегда находится господинъ, готовый удовлетворить любопытство каждаго интересующагося этимъ дѣломъ; господинъ этотъ основательно знаетъ свое дѣло, толково и подробно разсказываетъ всѣ обстоятельства промысла, превосходно говоритъ по англійски, по нѣмецки, по голландски и по шведски, но совершенно не можетъ говорить и ничего не понимаетъ по русски.

Внутри зданія, на станкахъ развѣшаны превосходныя гравюры и литографіи, наглядно изображающія различные моменты китоловскаго промысла. Тутже посѣтитель можетъ подробно разсматривать разобранные по частямъ предметы китобойства и другіе снаряды рыбной ловли. Вся правая сторона этого отдѣленія посвѣщена рыбному промыслу на Уралѣ; здѣсь стоятъ разнообразныя модели, орудія ловли и даже образцы ловимаго: превосходнѣйшіе балыки въ металическихъ ящикахъ и боченки съ различными сортами икры.

Кругомъ по стѣнамъ и снаружи на особо устроенныхъ столбахъ, драпируясь въ красивые фестоны, развѣшаны рыболовныя сѣти, а посреди залы, убранные зеленью, сверкаютъ зеленоватые стекла акваріумовъ, въ которыхъ плаваютъ, впрочемъ, не киты съ осетрами (для нихъ акваріумы тѣсны) а обыкновенно блестящія и золотыя рыбки.

Демонстрантами въ этомъ отдѣлѣ являются уральскіе казаки въ своихъ національныхъ костюмахъ, которые охотно распространяются съ посѣтителями объ дорогомъ и близкомъ для нихъ дѣлѣ.

Внутреннее обозрѣніе.

Худыя вѣсти изъ разныхъ концовъ нашего государства. — Учительскія семинаріи. — Открытіе въ Москвѣ женскихъ курсовъ. — Обнародованіе новаго закона о политическихъ преступленіяхъ.

Въ послѣднее время со всѣхъ концовъ нашего отечества сообщаются въ газеты печальныя извѣстія. Какую газету вы ни раскроете, какую корреспонденцію ни прочитаете—вездѣ наткнетесь на холеру, оспу, пожары, засуху, неурожай, а скорѣе всего на падежъ скота, который такъ разорителенъ для нашего сельскаго люда. Не смотря на то, что главныя причины этихъ разныхъ эпидемическихъ болѣзней (какъ человѣческихъ, такъ и скотскихъ) еще пока не вполнѣ разъяснены, не смотря на трýды разныхъ ученыхъ по изслѣдованію причинъ этихъ болѣзней, которые остаются пока тщетными,—все же достовѣрно извѣстно, что гигіеническія условія играютъ большую роль въ зарожденіи эпидемическихъ болѣзней. Поэтому понятно, что больше всего страдаетъ отъ эпидеміи бѣдное, невѣжественное населеніе, которое не въ состояніи избѣгать условій, способствующихъ развитію этихъ болѣзней; а чтобы показать, насколько иногда невѣжество можетъ дѣйствовать вопреки общеизвѣстнымъ гигіеническимъ мѣрамъ, мы выписываемъ слѣдующій фактъ:

Въ „Русскія Вѣдомости“ пишутъ изъ Углицкаго уѣзда, Ярославской губерніи, что тамъ появилась на рогатомъ скотѣ чума. Болѣзнь эта обнаружилась прежде всего въ деревняхъ, принадлежащихъ къ Сигорской волости, и развилась въ такихъ страшныхъ размѣрахъ, что у крестьянъ не осталось положительно ни одной коровы. Признакомъ этой болѣзни служитъ то, что животное ходитъ тоскливо понуривъ голову, отказывается отъ пищи, а изо рта у него тянется слюна; затѣмъ животное падаетъ, и всего его раздуваетъ. Крестьяне съ начала появленія болѣзни зарывали павшихъ животныхъ въ землю вмѣстѣ съ кожею, затѣмъ стали от-

рывать кожу обратно изъ земли и продавать ее, чѣмъ способствовали еще сильнѣйшему развитію болѣзни и занесенію ея въ тѣ мѣстности, куда она еще не проникала. Мѣстные мировой посредникъ и докторъ сдѣлали распоряженіе о запрещеніи продавать кожу съ павшихъ зараженныхъ животныхъ, но крестьяне начали отрывать ихъ ночью, и по всей деревнѣ распространилось, вслѣдствіе этого, такое зловоніе, что положительно невозможно было дышать. Было также нѣсколько случаевъ заболѣванія людей отъ употребленія въ пищу молока отъ зараженной коровы: молоко это, на вкусъ совершенно горькое, возбуждаетъ сильную жажду и внутренній жаръ, при сильной головной боли. Здѣсь дѣло не обошлось безъ исполненія суевѣрныхъ обычаевъ. Незамужнія крестьянки, въ бѣлыхъ рубашкахъ и съ распущенными по плечамъ косами, ночью опахивали деревни, для предохраненія ихъ отъ заразы, окуривали дворы маленькими палочками, принесенными съ рѣки, и зарывали въ землю живыхъ кошекъ.

Этотъ не единственный въ своемъ родѣ фактъ свидѣтельствуетъ, насколько еще невѣжественно наше сельское населеніе, и насколько оно нуждается въ распространеніи грамотности, какъ самой лучшей силы парализующей невѣжество. Но для распространенія въ народѣ осмысленной грамотности нужны способные учителя, въ которыхъ у насъ чувствуется большой недостатокъ. Въ исправленіе этого недостатка предполагается устройство учительскихъ семинарій въ нѣкоторыхъ городахъ. Проэктъ этихъ семинарій еще не вполнѣ выработанъ. Въ нихъ предполагается преподавать кромѣ русскаго языка еще слѣдующіе предметы: Законъ Божій, ариѳметику, географію, педагогику, всеобщую и русскую исторію, естественную исторію, земледѣліе, черченіе и чистописаніе, а въ нѣкоторыхъ еще музыку, пѣніе, ремесла и гимнастику. Мы не можемъ не желать скорѣйшаго осуществленія этому проэкту. Желательно было-бы, чтобы въ этихъ учительскихъ семинаріяхъ обращали вниманіе на естественную исторію, на ея практическое примѣненіе въ сельской жизни и чтобы въ програму преподаваемыхъ предметовъ входили еще хотя самыя элементарныя свѣдѣнія о гигіенѣ (какъ человѣка, такъ и о домашнихъ животныхъ) и сельскомъ хозяйствѣ. Эти предметы моглибы приносить большую пользу будущимъ ученикамъ этихъ подготовляемыхъ учителей. Не менѣе вниманія заслуживаетъ открытіе въ Москвѣ, по словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", женскихъ курсовъ, по системѣ строго обдуманной и обѣщающей хорошіе плоды для серіознаго, женскаго образованія. Вотъ что пишутъ по этому поводу:

Еще въ прошломъ году въ вашей газетѣ былъ напечатанъ слухъ, что въ Москвѣ устраиваются нѣкоторыми профессорами тамошняго университета „Высшіе женскіе курсы". Въ настоящее время получено на это разрѣшаніе министерства, и курсы, какъ мы слышали, откроются съ будущаго октября. Если основныя правила этихъ курсовъ найдутъ сочувствіе, то вопросъ о женскомъ образованіи у насъ сдѣлаетъ значительный шагъ впередъ. Для успѣха этого дѣла всего важнѣе устранить диллетантизмъ въ преподаваніи и придать ему нѣкоторую систематичность и оконченность. А достигнуть этой цѣли можно только при условіи, чтобъ слушательницы были одинаково и достаточно подготовлены, чтобъ онѣ обязательно изучали извѣстный рядъ наукъ и имѣли возможность провѣрить усвоенныя ими познанія. Въ виду этого, на московскихъ курсахъ приняты въ основаніе слѣдующія правила: въ число слушательницъ приглашаются лица, окончившія курсъ въ средне-учебномъ женскомъ заведеніи или получившія дома равносильное образованіе. На курсахъ будутъ преподаваться обязательно слѣдующіе предметы: исторія русской и общей литературы, всеобщая и русская исторія, исторія цивилизаціи и исторія искусства, наконецъ, физика, въ которую будутъ входить нѣкоторые необходимые для ея поясненія отдѣлы естественныхъ наукъ. Всѣ эти предметы будутъ преподаваться въ теченіе двухъ лѣтъ, и для преподаванія назначается отъ 12 до 15 часовъ въ недѣлю. Кромѣ того, будутъ преподаваемы для желающихъ гигіена и математика. Послѣдняя не включена въ число обязательныхъ предметовъ потому, что она до извѣстной степени входитъ въ средне-учебный курсъ; изученіе же высшей математики по своей трудности не можетъ быть предметомъ обще-обязательнымъ. Въ концѣ каждаго года будетъ производиться экзаменъ изъ всего пройденнаго, и кромѣ того, слушательницы обязуются читать указанныя книги и писать сочиненія на заданныя темы. Лица, нежелающія подчиняться вышеизложеннымъ правиламъ, могутъ записаться въ число вольно-слушательницъ.

Плата, которая будетъ назначена за слушаніе лекцій, какъ мы слышали, очень умѣренная. Для обезпеченія успѣха курсовъ, преподаватели разсчитываютъ на добровольныя пожертвованія, которыми будетъ завѣдывать особый дамскій комитетъ, независимый отъ преподавателей.

Недавно обнародованъ новый законъ о судебномъ разбирательствѣ политическихъ дѣлъ. Обширность текста этого закона не позволяетъ намъ печатать его въ нашемъ обозрѣніи, тѣмъ не менѣе въ виду особой важности новаго законодательнаго акта мы кратко изложимъ сущность его. По судебнымъ уставамъ 20 Ноября, на основаніи ст. 1,030 Уст. угол. судопр. преступленія государственныя разбирались, какъ извѣстно, въ судебной палатѣ, когда преступное дѣяніе заключало въ себѣ отдѣльное злоупотребленіе одного или нѣсколькихъ лицъ, и верховнымъ уголовнымъ судомъ, вслучаѣ обнаруживанія въ разныхъ мѣстностяхъ государства общаго заговора. Дѣла по государственнымъ преступленіямъ производились общимъ порядкомъ уголовнаго судопроизводства, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ особыхъ правилъ, изложенныхъ въ статьяхъ 1032 и 1061. Новый законъ изъемлетъ изъ вѣдѣнія судебныхъ палатъ тѣ политическія преступленія, которыя влекутъ за собою лишеніе или ограниченіе правъ состоянія и относитъ ихъ къ кругу вѣдомства особаго присутствія правительствующаго сената, съ участіемъ сословныхъ представителей, причемъ по усмотрѣнію суда государственныя дѣла разсматриваются при закрытыхъ или открытыхъ дверяхъ (до объявленія судебныхъ преній прекращенными). Слѣдовательно, къ безусловно публичнымъ судебнымъ дѣйствіямъ теперь остается отнести только постановку вопросовъ, отвѣтовъ на вопросы и самый приговоръ суда, что и составляетъ существенную перемѣну въ законѣ о государственныхъ преступленіяхъ. Такъ какъ мы привыкли съ довѣріемъ относиться къ государственной власти и воспитали въ себѣ эту привычку годами, то мы вполнѣ увѣрены, что въ судѣ, избравшемъ себѣ девизомъ, что лучше оправдать виновнаго, чѣмъ осудить невиннаго,—будетъ всегда господствовать правда и милосердіе...

На разсмотрѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ поступилъ проектъ устава вновь учреждаемаго Общества попеченія о бѣдныхъ больныхъ фабричнаго, заводскаго и рабочаго населенія въ Петербургѣ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 21 Іюля 1872 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская д. № 9.** Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр. д. № 53.

№ 31 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 31 іюля 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 › — ›	Съ доставкою въ »	2 › 50 ›
Безъ доставки въ Москвѣ	4 › 50 ›	Безъ доставки въ Москвѣ	2 › 25 ›
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 › — ›	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 › — ›

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С.-Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Томительный часъ.

(Сцены холерной поры).

I.

Густыя осеннія сумерки. Около семи часовъ. Дождь. Въ городѣ Незамаевѣ темно и тихо, только въ двухъ-трехъ домикахъ свѣтится огонекъ, да кое-гдѣ горятъ лампадки. На улицахъ ни души...

Гдѣ-то у забора, въ потьмахъ, раздается плескъ. Чей-то голосъ въ высшей степени раздраженно произноситъ: «вотъ проклятая улица! О, чтобъ ты издохла, анафема!»

Большая часть благородныхъ и почтенныхъ незамаевцевъ еще почиваетъ тяжелымъ послѣобѣденнымъ сномъ; иные, впрочемъ, уже встали и стараются очнуться, поминутно произнося: «О, господи помилуй!»; другіе, увѣренные, что ихъ разбудятъ во-время, т. е. къ самому чаю, пребываютъ еще въ жаркихъ объятіяхъ «господина храповицкаго» (мѣстное названіе Морфея) и видятъ сны...

Вотъ, въ кабинетѣ, въ которомъ впрочемъ нѣтъ ни бумагъ на столѣ, ни книгъ,—въ кабинетѣ, пропитанномъ табачнымъ дымомъ, почиваетъ домовладѣлецъ и должностное мѣстное лицо, Терентій Осипычъ Половицынъ.

Онъ лежитъ на кушеткѣ; голова его скатилась съ гарусной подушки, на которой изображенъ грекъ съ розовыми щеками и длиннымъ голубымъ ружьемъ; лѣвая рука Терентія Осипыча покоится на желудкѣ его; она, не отдѣляясь отъ туловища, то подымается слегка, то опять опускается, что зависитъ отъ вдыханія и выдыханія ея хозяина; правая — на отлетѣ, причемъ пальцы сложились такъ, какъ будто-бы господинъ Половицынъ намѣревается нанести кому-то оскорбленіе дѣйствіемъ...

И видитъ онъ себя въ большой освѣщенной залѣ мѣстнаго благороднаго клуба. Всѣ на него глядятъ съ благоговѣніемъ и какою-то робостью; проходящіе кавалеры молча и низко ему кланяются, а дамы и дѣвицы, шумя длинными шелковыми шлейфами, дѣлаютъ передъ нимъ по-очереди торжественные реверансы. Терентій Осипычъ осматривается и—недоумѣваетъ: онъ сидитъ на возвышеніи, въ богатомъ бархатномъ креслѣ, подъ ногами его свѣжее алое сукно, но самъ онъ—о, ужасъ! въ старомъ ваточномъ халатѣ и туфляхъ... Вонъ и дыра на халатѣ отъ неосторожнаго куренія папироски... и на какомъ вѣдь мѣстѣ, подлая!...

— Да какъ же это такъ? спрашиваетъ самъ себя господинъ Половицынъ. —Чортъ знаетъ что такое... гм! по-домашнему совсѣмъ! А тутъ что-то такое затѣвается... Даже неприлично!...

На хорахъ музыканты настраиваютъ инструменты. Кого-то ждутъ... тамъ и сямъ шепчутся...

— Нѣтъ, уйду-ка я лучше, рѣшаетъ Терентій Осипычъ и осторожно приподнимается съ кресла.

Но движеніе его уже замѣчено.

Къ нему подлетаетъ молодой человѣкъ, Коля Одеколо-

новъ, общій любимецъ благородной части города Незамаева, и говоритъ торопливо:

— Куда вы? Что вы?... Это невозможно!

— Но, помилуйте, я... я не одѣтъ...

— Сидите, говорятъ вамъ! Такъ надо. Васъ ожидаетъ торжество. Видите—вонъ тамъ, на столѣ, лавровый вѣнокъ?... Онъ для васъ.

— Для меня? Но... по какой же причинѣ?

— Для васъ, для васъ!

— Мнѣ совѣстно, шепчетъ Терентій Осипычъ,—чѣмъ я заслужилъ?...

Онъ начинаетъ трепетать отъ наслажденія.

— Молчите, великій человѣкъ!

— Ве-ли-кій?!... но что же я такое сдѣлалъ?

— Слышите? вскрикиваетъ Коля Одеколоновъ на всю залу.—Онъ еще спрашиваетъ: что онъ такое сдѣлалъ? Ха, ха, ха!

Въ залѣ раздается общій хохотъ.

Проходитъ корова бѣлая съ желтыми пятнами и тоже лукаво смѣется...

— Откуда-же это корова? говоритъ растерявшійся господинъ Половицынъ.—Но я эту корову гдѣ-то видѣлъ... У Ивана Иваныча, впрочемъ, коричневая... Нѣтъ, пустите... Я уйду!

— Ваше желаніе не можетъ быть исполнено.

— Но я вернусь, я переодѣнусь...

— Сидите смирно!

— Какія странности! Я не могу придумать... за что—хм, лавровый вѣнокъ... Объясните, прошу васъ... немедленно! Не ошибка-ли какая нибудь?...

— Ну, хорошо, соглашается Коля, давайте сюда ваше ухо, я вамъ шепну кое-что...

— Ну-ну, только поскорѣй.

— Вы, шепчетъ ему Коля,—играя вчера у Ивана Павлыча въ преферансъ, блестящимъ образомъ прорѣзали девяткой трефъ и поэтому сдѣлали даму, но вы еще не знаете, кто эта дама... Дама эта—вдовствующая герцогиня Гренландская. Узнавъ, что вы ее спасли, она пожелала самолично быть сегодня здѣсь и видѣть васъ. Мы ее ждемъ... Этотъ вѣнокъ...

— Терентій Осипычъ! да ты встанешь или нѣтъ?

Это говоритъ другой голосъ, но тоже знакомый.

Разсказъ Коли Одеколонова перебитъ на интересномъ мѣстѣ и самъ Коля куда-то исчезъ.

— Терентій Осипычъ!!!..

— Да я радъ бы, но видишь, возражаетъ господинъ Половицынъ, узнавъ голосъ жены своей, Глафиры Давыдовны,—но видишь: не пускаютъ... нельзя...

— Нельзя! Еще что выдумалъ! Кто тебя не пускаетъ?

— Коля этотъ... ну, а я...

— Да ты проснись! Вѣдь это наконецъ неприлично. Вставай-же, пора!

— М-м-м-да, да... сейчасъ! Неприлично...

— Да ужъ самоваръ на столѣ... н-ну!

Супруга наконецъ теряетъ терпѣніе, схватытаетъ ногу мужа и обѣими руками тащитъ ее съ кушетки.

— Ай-яй! Упаду! вскрикнулъ онъ и просыпается.

— Ужасно какъ ты спишь, говоритъ Глафира Давыдовна,—тебя будить просто мука! Чай готовъ.

— И дернуло тебя! ворчитъ господинъ Половицынъ.—Только помѣшала... Такой интересный случай... Эхъ, чортъ возьми!

— Интересный? спрашиваетъ любопытная супруга,—а что такое?

— Что такое! передразниваетъ Терентій Осипычъ и произноситъ сердито скороговоркой,—а то, что меня хотѣли увѣнчать лавровымъ вѣнкомъ, а ты помѣшала!

— Почему-же я знала?... Да и самоваръ...

— Поди ты съ своимъ самоваромъ! Въ кои вѣки такой сонъ увидишь и тутъ... тьфу! даже досадно...

— Да за что тебя вѣнчать-то хотѣли?

Господинъ Половицынъ молчитъ. Правая нога его ищетъ на полу соотвѣтствующей туфли. Глафира Давыдовна чувствуетъ себя въ одно время и виноватой и невиноватой. Ей самой досадно, что такой интересный сонъ прервался.

— Вѣдь если-бы я знала, говоритъ она мягкимъ голосомъ, въ которомъ звучитъ сожалѣніе,—такъ я-бы подождала... Ну, за что-же хотѣли тебя вѣнчать?

— Да я и самъ еще не узналъ, говоритъ въ раздумьи Терентій Осипычъ и ищетъ ногой лѣвую туфлю.

— Гдѣ-же это было?

— Сама помѣшала, да еще спрашиваетъ! И вѣчно такъ, вѣчно такъ! Не жизнь, а наказаніе...

Глафира Давыдовна обидѣлась.

— Зачѣмъ ты на мнѣ женился... а?

— Не жизнь, а наказаніе...

— Зачѣмъ? Самъ вѣдь лѣзъ...

— Эдакое торжество, а она—съ самоваромъ! Ха-ха-ха!

— Самъ лѣзъ, самъ въ любви изъяснялся... Я не просила, я и не думала! Въ то время у насъ полкъ стоялъ... Слава Богу, кавалеровъ и безъ тебя было много... Мнѣ самъ полковникъ говорилъ...

— Я бы эту герцогиню Гренландскую непремѣнно увидѣлъ, еще-вотъ чуточку, немножко и... увидѣлъ-бы!

— Кого?

— Вдовствующую герцогиню Гренландскую.

— Да какая-же это герцогиня?

— А я почемъ знаю? Понимаешь-ли ты, вѣдь ее ждали... Да, да—да! Ну, вспомнилъ! я ее спасъ. Можетъ быть, она ужъ на лѣстницу всходила...

— Ну, Терентій Осипычъ, ты видно еще не очухнулся! Идемъ-ка пить чай. Прошу подняться.

— Ж-жаль, очень жаль!... Чортъ знаетъ какъ помѣшала!

Супруги, надувшись, садятся къ чайному столу.

А вотъ вамъ еще заспанное лицо и тоже недовольное. Это Татьяна Силишна, коллежская совѣтница, вдова, дама лѣтъ подъ шестьдесятъ. Она только что сама пробудилась и встала.

Замѣтимъ мимоходомъ, что незамаевцевъ можно раздѣлить на приказывающихъ себя будить въ извѣстное время и не-приказывающихъ. Къ послѣднимъ принадлежитъ Татьяна Силишна; другими словами, она, какъ и прочіе члены ея отдѣленія, всегда ложится въ одно время и всегда сама пробуждается тоже въ одно время, въ силу привычки, или «второй натуры», по мѣстному выраженію.

Принадлежность одной какой либо особы въ домѣ къ разряду «не-приказывающихъ» доставляетъ иногда нѣкотораго рода удобства прочимъ домочадцамъ. Такъ, напримѣръ, часовый маятникъ вдругъ останавливается или часовая стрѣлка падаетъ отъ старости, а какой нибудь Грушѣ или Любѣ необходимо узнать, хотя приблизительно, который часъ. Смотритъ Груша на циферблатъ и досадуетъ, но тутъ подвертывается, положимъ, Маланья, и говоритъ:

— Часы-то, барышня, еще передъ обѣдомъ остановились. Ужъ я толкала-толкала—не идутъ!

— Какая досада! Ну, какъ теперь узнаешь?...

— Да постойте? вѣдь Татьяна Силишна еще не вставала?

— Нѣтъ, спитъ еще.

— Такъ значитъ семи еще нѣтъ-съ!

— Ахъ-да! въ самомъ дѣлѣ. Что это мнѣ въ голову не пришло?...

— Ужъ какъ семи бить, такъ и встаютъ, говоритъ Маланья.

— Ну, спасибо, что напомнила.

И такъ, благодаря «второй натурѣ» Татьяны Силишны, для Маланьи и Груши все равно—ходятъ-ли въ столовой часы или нѣтъ.

Татьяну Силишну никто не будилъ, сна ея никто не прерывалъ, тѣмъ не менѣе почтенная наша дама встала въ дурномъ расположеніи духа. Она недовольна самимъ сномъ, или вѣрнѣе, тѣмъ обстоятельствомъ, что сонъ—остался сномъ, что въ дѣйствительности совсѣмъ не то...

Шестидесятилѣтнимъ особамъ такъ же тяжело разочаровываться, какъ и молодымъ.

— И вижу это я, разсказываетъ Татьяна Силишна кому нибудь изъ домочадцевъ, усаживаясь на диванъ во ожиданіи самовара,—что иду прямо въ дѣвичью, а Степанъ-то мой Петровичъ ходитъ по залѣ въ заячьемъ тулупчикѣ и трубку куритъ.

— Вошла въ дѣвичью, смотрю: всѣ дѣвки за работой. Тутъ и Агашка, и Пашка, и Варя—ну, всѣ, на лицо, какъ въ старину! Что, думаю, за чудо такое?... И Дашку вижу: сидитъ, шельма, съ обрѣзанной косой за свои амуры, и плететъ кружево... Тру глаза—нѣтъ, не сонъ! Ужъ и обрадовалась-же я, только виду-то дѣвкамъ не показала и бѣгу этакъ къ Степану Петровичу. У насъ, говорю, опять дѣвки... Вся дѣвичья полна!... А онъ-то мнѣ и отвѣчаетъ: «Какъ, говоритъ, опять? Убѣгали онѣ, что-ли?»—Не убѣгали, говорю, а освобожденіе-то? А манифестъ-то?... Смотрю—сердится мой Степанъ Петровичъ. «Какъ, говоритъ, освобожденіе? Очумѣла ты, матушка, а?»... и ножкой топнулъ. Да какъ же, говорю у насъ съ тѣхъ поръ и дѣвичья-то все пустая стояла, а тутъ вдругъ—и Агашка, и Пашка, и Варя... Смѣется Степанъ Петровичъ. «Ты это все вѣрно во снѣ видѣла, поди-ко очнись, да кваску выпей»... Я, съ радости, бѣгу въ столовую, пить до смерти хочется, хватаю графинъ, да такъ прямо изъ горлышка-то и пью. Пью-пью, а не могу напиться! Еще пуще пить захотѣлось! Я опять за графинъ—то же мученіе... А дѣвки, слышу, хихикаютъ, подлыя! Досада меня взяла... Кажется, вотъ такъ и разорвала-бы ихъ! Ну, тутъ и проснулась... О-хо-хо! вздыхаетъ она:—хоть покойника-то моего видѣла... Ну, скоро-ли самоваръ? сердито заключаетъ свой разсказъ Татьяна Силишна.

II.

Не успѣлъ Терентій Осипычъ опростать свою чашку чаю, большую бѣлую чашку, на которой съ одной стороны красовался портретъ императора Наполеона, а съ другой—была надпись золотыми буквами «Дарю вдень Андела Петру», какъ въ комнату торопливымъ шагомъ вошла Малаша, горничная Глафиры Давыдовны. Лицо ея было красновато.

— Барыня, а вѣдь у насъ въ городѣ не хорошо-съ, сказала она запыхавшимся голосомъ.

Господинъ Половицынъ, по обыкновенію, не разслышалъ и, все еще думая о герцогинѣ Гренландской, сказалъ на удачу: «все ты пустяки мелешь»; но Глафира Давыдовна, которая намѣревалась было хлебнуть, поставила блюдечко съ горячимъ чаемъ на подносъ и испуганно взглянула на дѣвушку.

— Что? что ты сказала?... Въ городѣ не хорошо... Ахъ, Боже мой, ужъ не пожаръ-ли? Поджогъ—а?

Малаша, довольная тѣмъ, что произвела своею фразою потрясающее дѣйствіе на барыню и еще тѣмъ, что она первая сообщила новость, сказала болѣе спокойнымъ тономъ:

— Холера-съ. Максима Трифоныча схватила...

— Что ты?!... Ахъ, Господи!...

— Ихній Ѳедоръ побѣжалъ къ дохтору, такъ по пути къ намъ въ куфню-съ добѣжалъ. Ужасно, говоритъ, какъ это вдругъ барина моего схватило... и дождикъ-съ большой.

— Какъ... холера? пролепеталъ Терентій Осипычъ, мѣняясь въ лицѣ.

Малаша, видя, что ея слова и на барина произвели сильное впечатлѣніе, повторила отчетливо:

— Холера-съ. Максима Трифоныча схватила.

— Н-ну?!

Дѣвушка этого «н-ну?!» никакъ не ожидала, а потому смутилась и отвѣтила:

— Больше ничего-съ.

— Ступай!

Малаша повернулась и, вполнѣ довольная устроенною ею сценою, быстро вышла изъ комнаты.

Супруги взглянули другъ другу въ глаза.

— Дождались, проговорила печальнымъ и покорнымъ голосомъ Глафира Давыдовна.—Ужъ я предчувствовала, что намъ отъ нея не уйти.

— Да, не миновала, пра-а-клятая! подбирая губы и какъ-то шипя произнесъ господинъ Половицынъ.

— Пойдетъ косить теперь, какъ косила въ Вертихвостовѣ, благо начало сдѣлано... А еще Максимъ Трифонычъ говорилъ, что у насъ холеры не будетъ! А она его перваго...

— Съ благородныхъ начала...

— Охъ, батюшки, батюшки!

Глафира Давыдовна слабо взвизгнула и зажмурилась.

— Что ты, Глаша?

И Терентій Осипычъ вскочилъ съ дивана.

— Ничего, ничего... такъ.

— Но ты такъ вскрикнула... Вотъ у меня сердце забилось! Эта дѣвчонка испугала, такъ прямо и бухнула... подлый народъ! а теперь ты пугаешь... Испугъ, говорятъ, въ холерное время тоже не хорошо дѣйствуетъ... Эдакая м-мерзость!

Онъ началъ шагать по комнатѣ.

Глафира Давыдовна смотрѣла на одну точку и, какъ говорится, ушла въ себя. Молчаніе длилось секунды три.

— У насъ дома какія капли? спросилъ Терентій Осипычъ, не останавливаясь и не глядя на жену.

— Иноземцовскія, кажется, да мятныя...

— Хм... новыя еще какія-то есть...

Вдругъ онъ остановился и нагнулъ голову.

— Забурлило сейчасъ... слышала? У тебя или у меня?

— У меня не бурлило...

— Ну, такъ это у меня! Вотъ опять... опять... Что у насъ было сегодня за обѣдомъ?...

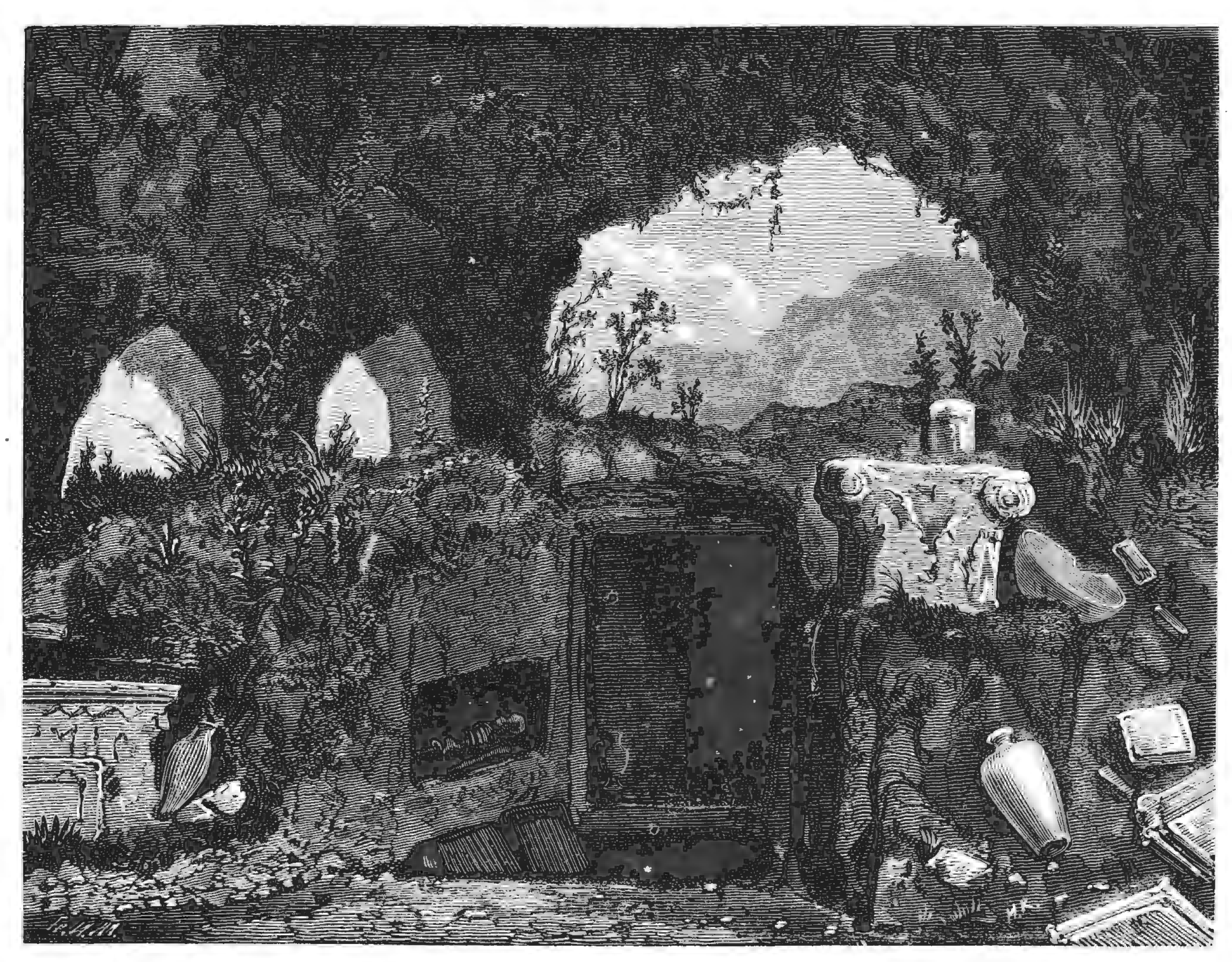
— За обѣдомъ? Да вотъ, бураки, потомъ...

— Погоди! клалъ я сметану?

— Куда?

— Ахъ, Боже мой—куда! Ну въ бураки-то... клалъ?

— Клалъ, клалъ. Я сама видѣла...
— Не м-можетъ быть!
— Ну, вотъ: не можетъ быть! Ты всегда въ этотъ борщъ кладешь сметану. И ты еще сказалъ: «какъ будто она горьковата»...
— Ну-ну, довольно... довольно! Ужь ты пойдешь расписывать! Что-жъ я потомъ ѣлъ?
— Поросенокъ былъ съ кашей и огурцами...
— Огурцами?!...
— Да, и ты два большихъ скушалъ...
— Два? Большихъ?... Я это предчувствовалъ...
— Потомъ индѣйка была, а послѣ...
— Какая-же это толстая?
— Ты не понимаешь, я забылъ... эхъ!
Тутъ онъ треснулъ по столу и сейчасъ-же вспомнилъ.
— Бумазея!
— Кажется, есть. Да на что-же?
— Набрюшникъ надо сдѣлать... немедленно! Теперь всякая минута дорога. Ты и себѣ сдѣлай...
Она встала, сдѣлала нѣсколько шаговъ и остановилась.
— Что ты? спросилъ мужъ.
— Я хотѣла... Нѣтъ, нѣтъ... послѣ!
— Зачѣмъ-же послѣ?... Что такое?
— Ты опять на меня разсердишься...



Московская политехническая выставка.

Входъ въ подземелье окрестностей Херсонеса Таврическаго. Рис. Н. Каразинъ, грав. И. Матюшинъ.

— Молчи, молчи, молчи! Меня и то ужъ тошнитъ...
Терентій Осипычъ подошелъ къ дивану и прилегъ на правый бокъ.
— Ну, вотъ! Теперь ты меня начинаешь пугать, сказала Глафира Давыдовна и оттолкнула отъ себя чашку.
— Чѣмъ-же я виноватъ?
— Ужасно ты мнительный...
— Ну-ужъ это мое дѣло... Господи! что я такое хотѣлъ спросить?
— Какое пятое было блюдо?
— Ты... уб-бить меня хочешь?!...
— Ну, послушай, Терентій Осипычъ, развѣ можно такъ?
Половицынъ замахалъ рукой и не далъ женѣ договорить.
— Ну, виноватъ! Ты мнѣ скажи, есть-ли у насъ въ домѣ матерія эта... ну, какъ ее? еще такая толстая...
— Я-а? Никогда! Ну...
Глафира Давыдовна опустила глаза и тихо сказала:
— Вѣдь это страшная зараза... Довольно, говорятъ, двухъ часовъ и... человѣка нѣтъ! *Она* съ нашего круга начала...
— Ну...
— Ну, другъ мой, на всякій случай... хоть-бы домашнее за...
— Завѣщаніе!
Подсказалъ Терентій Осипычъ и поблѣднѣлъ.
— Гдѣ капли? гдѣ у тебя капли! пробормоталъ онъ, растерявшись и почему-то вдругъ зажмурилъ глаза.
Но Глафиры Давыдовны уже не было въ комнатѣ.

(*Продолженіе будетъ*).

Московская политехническая выставка.

(Продолженіе).

Переходимъ къ отдѣлу севастопольскому.

Въ царствованіе Екатерины II сдѣланы были по ея повелѣнію розысканія для устройства порта на Черномъ морѣ. Удобнѣйшимъ для этого мѣстомъ оказалась Ахтіарская бухта близь мѣста, гдѣ находилась древняя колонія Дорійцевъ изъ Ираклiи Понтійской—Херонеосъ (названіе, впослѣдствіи перешедшее въ Херсонесъ).

Здѣсь былъ заложенъ Севастополь, и на его постройку пошло множество матеріаловъ, добытыхъ изъ развалинъ древняго города. Это послѣднее обстоятельство послужило причиною—почему первая часть зданія севастопольскаго отдѣла занята памятниками древности, главнаго города Дорійской колоніи.

Почти все, что выставлено въ этой части отдѣла, добыто трудами ученаго нашего археолога, графа А. С. Уварова.

Для насъ, русскихъ, эти почернѣвшіе обломки стараго города имѣютъ еще другое значеніе: здѣсь принялъ святое крещеніе Владиміръ равноапостольный; отсюда пришли въ Русь первые священнослужители. Въ русскихъ лѣтописяхъ Херсонесъ назывался «*Корсунь*»,—и въ то время, когда Владиміръ взялъ этотъ городъ, въ немъ давно уже господствовало христіанство, возникшее на развалинахъ древняго язычества.

Большинство христіанскихъ храмовъ (а ихъ въ то время насчитывалось до 75 церквей) были построены изъ матеріаловъ, взятыхъ отъ языческихъ храмовъ, а чаще, эти послѣдніе просто передѣлывались въ христіанскіе. Вотъ почему въ каждомъ кускѣ карниза, въ каждомъ барельефѣ, въ обломкѣ колоннъ, въ самомъ расположеніи зданій, встрѣчается поразительная смѣсь языческаго стиля и вкуса съ строгою простотою христіанства.

Московская политехническая выставка.
Могильные склепы Херсонеса, открытые въ окрест. Инкермана. Рис. Каразинъ, грав. Матюшинъ.

Московская политехническая выставка.
Храмъ древнѣйшихъ христіанъ открытый въ окрестност. Инкермана.
Рис. Н. Каразинъ, грав. П. Матюшинъ.

Это интересное отдѣленіе севастопольскаго отдѣла устроено съ необыкновеннымъ вкусомъ и поражаетъ зрителя на каждомъ шагу самыми неожиданными эффектами. Оно устроено въ видѣ огромныхъ, перепутанныхъ пещеръ и гротовъ, поросшихъ мхомъ и вьющимися, змѣевидными растеніями.

При входѣ въ нихъ такъ и обдаетъ холодомъ сѣдой древности.

Въ среднемъ, самомъ большомъ отдѣленіи, расположена большая, общая модель херсонесскихъ развалинъ, и модель эта, сдѣланная изъ гипса, даетъ полнѣйшее понятіе о характерѣ этихъ руинъ: вы видите эти прямыя, полуразрушенныя стѣны города съ остатками воротъ, съ обсыпавшимися гребнями, съ развалившимися башнями; стѣны эти большимъ четыреугольникомъ охватываютъ городъ, въ которомъ прямыя, узкія улицы, загроможденныя мусоромъ и обломками колоннъ, пересѣкаются по разнымъ направленіямъ; надъ всѣмъ этимъ, точно высокія трубы надъ пожарищемъ, торчатъ обезображенныя временемъ колонны съ отбитыми капителями. На сѣверной части возвышается, болѣе прочно сохранившійся,

христіанскій храмъ, отрытый въ 1858 году графомъ Уваровымъ.

Въ правой сторонѣ отъ входа находится большая модель одного изъ пещерныхъ храмовъ, найденнаго въ скалахъ, близъ Аккермана. Храмъ этотъ, въ видѣ большой полукруглой ниши, углубляется въ сѣрыя скалы. Изгибаясь вдоль этой ниши, идутъ, высѣченные изъ этой же скалы, сидѣнья для пресвитеровъ, посреди которыхъ возвышается епископское мѣсто. По срединѣ отдѣленія, на постаментѣ, въ видѣ каменной глыбы помѣщена пирамидальная витрина и въ ней, за стекломъ, положены разныя металлическія, мелкія вещи, найденныя при раскопкахъ, — преимущественно мѣдные кресты, напоминающіе наши народныя издѣлія этого же рода.

Все лѣвое отдѣленіе (изображенное на нашемъ рисункѣ) представляетъ собою гору, чрезвычайно натурально устроенную, заросшую кустарникомъ и травами; сквозь зелень пробиваются и торчатъ самыя причудливыя верхушки скалъ и разсыпаны бѣлѣющіеся во мракѣ, гипсовые и каменные обломки. Изъ подъ нависшей арки, на заднемъ планѣ, виднѣется далекій морской берегъ и голубое небо. Здѣсь на поверхности расположена надгробная плита древнихъ скифовъ, первыхъ обитателей полуострова; а въ сторонѣ, подъ стекломъ, положено нѣсколько золотыхъ вещей, присланныхъ изъ петербургскаго эрмитажа (всѣ эти вещи тоже были найдены въ могилахъ скифовъ). Посреди всего отдѣленія, ведетъ куда-то внизъ, въ мрачное подземелье, небольшой спускъ въ нѣсколько ступеней. Съ боковой стороны этого спуска выдолблена полка, на которой лежатъ человѣческія кости. Тутъ-же приставлены къ стѣнѣ двѣ плиты, которыми задѣлывались подобныя могилы. Въ глубинѣ этой подземной пещеры, вырубленной въ видѣ четвероугольнаго помѣщенія, въ стѣнахъ устроены подобныя же могилы, и слабый, красноватый свѣтъ отъ двухъ древнихъ лампочекъ, скользя по оголеннымъ, потемнѣлымъ черепамъ, слабо освѣщаетъ это унылое подземелье.

До такой степени близко къ натурѣ устроенъ этотъ могильный склепъ, такъ непривѣтливо обдаетъ зрителей густой мракъ, съ красноватыми, мигающими точками лампъ, что мы были сами свидѣтелями, какъ далеко не всѣ (особенно дамы) рѣшались спускаться внизъ, чтобы поближе взглянуть на эти печальные останки.

Ограничиваемся этимъ бѣглымъ очеркомъ археологическаго отдѣленія севастопольскаго отдѣла, потому что подробное описаніе всѣхъ многочисленныхъ памятниковъ древняго Херсонеса заняло бы слишкомъ много мѣста, утомило бы читателя не-спеціалиста и вообще получило бы характеръ спеціальной ученой статьи солиднаго размѣра; но для желающихъ позволимъ себѣ порекомендовать прекрасную книгу г-на Мансветова, изданную севастопольскимъ отдѣломъ «*Историческое описаніе древняго Херсонеса и открытыхъ въ немъ памятниковъ*».

(Продолженіе будетъ).

Записки молодой больной.

(Поля Гейзе).

(Продолженіе).

11 Ноября.

Наконецъ, наступила тихая южная зима. Вчера я гуляла съ Моррисомъ, съ десяти часовъ утра вплоть до заката солнца. Мы оба были веселы и условились никогда не говорить о нашихъ страданіяхъ. Онъ, кажется, думаетъ, что я поправляюсь; но онъ ошибается, я нисколько не чувствую себя лучше. Развѣ только то, что я стала теперь веселѣе; но въ моей болѣзни веселость вѣрный признакъ близкой кончины. Правда, теперь я дышу свободнѣе, покойнѣе сплю и аппетитъ у меня лучше; но это еще болѣе доказываетъ, что болѣзнь уже сдѣлала свое дѣло. Что если я сыграю шутку со своимъ старымъ докторомъ, и умру до весны.

14 Ноября.

Я вся въ волненіи, и едва могу держать перо! Неужели этотъ безумемецъ дѣйствительно говорилъ со мною такимъ языкомъ и пронизывалъ меня насквозь своими страшными взглядыми!

Не надѣясь найдти Морриса въ Вассермауерѣ, я машинально направила шаги свои къ мосту. Не знаю о чемъ я думала, только вдругъ полякъ выросъ предо мною точно изъ подъ земли и схватилъ меня за руку; я такъ испугалась, что даже не могла вскрикнуть, и только смотрѣла на него. Онъ тоже смутился и не зналъ что дѣлать; потомъ на какомъ-то ломанномъ нѣмецкомъ языкѣ, перемѣшанномъ съ французскими фразами, сталъ извиняться въ своемъ непростительномъ поведеніи нѣсколько дней тому назадъ, объясняя, что онъ былъ тогда въ припадкѣ ревности и не могъ совладѣть съ собою; но что теперь онъ готовъ отрубить себѣ руку, схватившую за узду моего мула. Пока онъ говорилъ, я тщетно старалась придти въ себя. Посмотрѣла кругомъ — никого! Наконецъ гордость моя и храбрость взяли верхъ, и выхвативъ руку, я спросила его: кто далъ ему право говорить такъ съ незнакомою ему особою. Онъ молчалъ, находясь въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи; потомъ снова заговорилъ. Но что говорилъ онъ? я забыла, или лучше сказать: хочу забыть; я слушала его такъ какъ бы слова эти относились не ко мнѣ; только угрозы противъ Морриса привели меня въ страхъ за моего друга. Не знаю, что отвѣчала я; но слова мои подѣйствовали; онъ снялъ шапку, сказавъ мнѣ съ кротостью: «Простите меня; я, право, потерялъ голову». И низко поклонясь, пошолъ по топинкѣ и скрылся за ивами, сквозь вѣтви которыхъ мнѣ долго еще видна была его мрачная фигура.

Теперь мнѣ жаль его, не смотря на то, что онъ оскорбилъ меня. Возможно ли, чтобы умирающій смотрѣлъ на умирающую иначе чѣмъ съ грустію и упованіемъ.

Онъ непремѣнно помѣшанъ! Не знаю, говорить ли объ Моррису? Да, надо будетъ сказать; этотъ несчастный пожалуй опять встрѣтится со мною, и тогда Богъ знаетъ, буду ли я въ состояніи справиться съ нимъ.

Спустя нѣсколько дней

Опасенія мои были напрасны, и нѣтъ никакой надобности говорить Моррису. Бѣдный полякъ не попадется болѣе мнѣ на дорогѣ. Сегодня утромъ хозяйка разсказывала, что какой-то молодой человѣкъ найденъ ночью мертвымъ отъ удара. По описанію, это должно быть онъ.

Теперь я упрекаю себя въ томъ, что такъ сурово говорила съ нимъ; но тогда у меня кромѣ слова не было никакого оружія. И притомъ, я навѣрное не знала, помѣшанъ ли онъ.

23-е.

Сегодня у меня былъ посѣтитель, котораго никакъ не ожидала. Здѣшній бургомистръ принесъ мнѣ письмо отъ одного умершаго здѣсь господина и завѣщаніе, которымъ онъ дѣлаетъ меня наслѣдницей всего своего имѣнія. Я совершенно остолбенѣла. Взглянула на письмо — адресъ написанъ по французски, незнакомымъ мнѣ почеркомъ. Это привело меня еще въ большій ужасъ. Бургомистръ, конечно, по своему растолковалъ себѣ мое смущеніе, — и предполагая, что между мною и покойнымъ существовали какія нибудь интимныя отношенія, боялся, повидимому, раздирающей душу сцены.

— Желаете прочесть это письмо теперь? или прочтете его послѣ? спросилъ онъ меня. Я сорвала печать. Сердце мое готово было выпрыгнуть; но я старалась по возможности казаться покойною. Письмо заключало въ себѣ тѣ же самыя выраженія, которыя я слышала изъ устъ несчастнаго поляка. Кажется, самая мысль о близкой смерти не въ силахъ была укротить эти порывы бѣшеной страсти. Я не могла разобрать этихъ строкъ, написанныхъ дрожащею рукою.

Когда я окончила чтеніе, бургомистръ обратился ко мнѣ съ видомъ полнаго расположенія.

— Обстоятельство это мнѣ еще менѣе понятно чѣмъ вамъ, сказала я ему.

Онъ оставилъ мнѣ копію съ завѣщанія, для того чтобы я прочла ее прежде чѣмъ рѣшусь на что нибудь.

— Если вы совершеннолѣтняя, прибавилъ онъ, — и не имѣете надобности ни въ чьемъ согласіи, то совѣтую вамъ подумать хорошенько и не отказываться опрометчиво отъ такого подарка. Я зайду къ вамъ черезъ нѣсколько дней.

— Нечего и думать, наслѣдство это должно принадлежать бѣднымъ города Мерана.

Отъ этихъ листовъ вѣетъ горячкою. Я не могу оставаться съ ними въ одной комнатѣ, уйду куда нибудь.

25 Ноября.

Все кончено! Послѣдній ударъ поразилъ дерево до самаго корня—и не нужно урагана, чтобы вырвать его изъ земли; ребенокъ можетъ повалить его. И кто бы подумалъ, что горе придетъ ко мнѣ именно съ той стороны, откуда я ждала себѣ помощи и поддержки!

Наконецъ, я встрѣтила Морриса. Они слышалъ про завѣщаніе и не сомнѣвался въ моемъ отказѣ. Мнѣ необходимо было разсказать ему все. Я старалась представить ему, насколько я была равнодушна къ несчастному поляку. Настаивала на томъ ужасѣ, который вселялъ въ меня этотъ человѣкъ, лишенный разума и, конечно, не понимающій того, что можетъ произойдти отъ его словъ и поступковъ. Ничто не помогло!

— Вы заблуждаетесь, Марія, сказалъ мнѣ Моррисъ, — онъ такой же помѣшанный какъ и я, съ тою только разницею, что находясь близь васъ я не вселяю въ васъ никакого страха; но за то онъ счастливѣе меня, его сердце свободно теперь отъ того, что давитъ меня какъ камень.

— Я васъ не понимаю! сказала я ему. Дѣйствительно, я не могла понять ничего.

— Въ такомъ случаѣ лучше молчать, разговоръ нашъ не поведетъ ни къ чему.

Подумавъ съ минуту, онъ прибавилъ: «впрочемъ, къ чему же поведетъ и молчаніе? вы пожалуй вообразите еще что нибудь худшее. Кажется вамъ не жалокъ тотъ несчастный, который на краю могилы видитъ счастіе и не можетъ обладать имъ, потому что уже поздно. По вашему онъ не заслуживаетъ сожалѣнія и тогда, когда изъ груди его вылетаетъ вопль гнѣва и отчаянія, потому что прежде чѣмъ умереть, ему хотѣлось бы прижать къ груди свою невѣсту и напечатлѣть на устахъ ея послѣдній поцѣлуй; а это ему невозможно. Вотъ что было съ бѣднымъ молодымъ человѣкомъ, который теперь мирно спитъ въ гробу. —И это правда....

Онъ остановился и посмотрѣлъ на меня. Кругомъ было пусто; онъ схватилъ меня за руку, сказавъ: «вы дрожите также и предо мною! Вы вѣрно забыли, что я говорилъ вамъ!»

Я не могла произнести ни слова, и видѣла только, что отъ меня уходитъ мое послѣднее счастіе, что я должна отказаться отъ этихъ откровенныхъ разговоровъ, этихъ дружескихъ отношеній, къ которымъ такъ скоро привыкла и возвратиться снова въ уединеніе. «Я чувствую себя не совсѣмъ-то хорошо, сказала я Моррису, —и потому пойду домой. Оставайтесь здѣсь и наслаждайтесь этимъ прекраснымъ солнцемъ, отъ котораго у меня болитъ голова. Если къ вечеру мнѣ будетъ лучше, я напишу вамъ»

Я пожала ему въ послѣдній разъ руку и взглядомъ умоляла его не говорить ни слова. —Мы разстались.

Теперь посмотримъ, въ силахъ ли я писать къ нему.

Вечеръ того же дня.

Я послала къ нему письмо, и чувствую себя лучше, разумѣется физически, душа же болитъ по прежнему. Вотъ что я писала ему.

«Любезный другъ!

Позвольте сказать вамъ «прости» въ этой жизни и «до свиданія» въ будущей. Послѣднія слова ваши сразили и уничтожили меня. Дорого дала бы я, чтобы намъ до конца остаться такими искренними друзьями, какими были до сихъ поръ; но если это невозможно, то благодарю васъ за то, что вы когда-то говорили мнѣ объ этомъ. Можетъ быть вамъ тяжело разстаться со мною; —переносите это съ кротостью и постарайтесь снова пріобрѣсти тотъ душевный покой, съ какимъ мы смотрѣли съ вами на прошеедшее и будущее.

Конечно, мы еще не разъ встрѣтимся съ вами; будемъ же вести себя такъ, какъ бы мы не принадлежали этому міру. Мнѣ нѣтъ надобности говорить вамъ, что моя дружба всюду будетъ слѣдовать за вами; возвратите мнѣ вашу, и минута забвенія померкнетъ.

Прощайте, любезный другъ; не отвѣчайте на это письмо, и я буду видѣть, что вы поняли его такъ, какъ диктовало мнѣ сердце.»

10 Ноября.

Мнѣ жаль теперь холодной зимы моей родины; здѣшнее солнце жжетъ меня. Сегодня я была неожиданно обрадована, увидя кровли и улицы покрытыя снѣгомъ; но это было не долго, снѣгъ сошолъ и опять стало сухо, какъ прежде.

Отецъ въ письмѣ своемъ одобряетъ отказъ мой отъ наслѣдства оставленнаго полякомъ. Я тотчасъ же увѣдомила бургомистра—и въ отвѣтъ на это получила письмо, въ которомъ онъ благодаритъ меня отъ лица всѣхъ бѣдныхъ города Мерана. Слава Богу, дѣло это теперь совершенно окончено.

Я мало пишу это время. Дни мои идутъ скучно и однообразно, какъ жолтые осенніе листье падающіе одинъ за другимъ съ дерева.

11 Декабря.

Сегодня утромъ въ девять часовъ я отправилась къ раз-

валинамъ Зено, по той же самой тропинкѣ,—но увы! не съ тѣмъ же сердцемъ. Когда я проходила мимо дверей его дома, онъ стоялъ на порогѣ, видѣлъ меня и оставался неподвижнымъ какъ статуя. Я не смѣла поднять глазъ; но кинувъ косвенный взглядъ въ его сторону, я замѣтила, что онъ блѣднѣе и серіознѣе обыкновеннаго. Онъ не поклонился и отошолъ въ амбразуру двери, какъ бы боясь испугать меня. Я продолжала свой путь съ поникшею головою.

Гора показалась мнѣ сегодня еще суровѣе, чѣмъ въ первый разъ.—Можетъ быть отъ того, что я ослабѣла; но всетаки я была гораздо веселѣе.

На зло всѣмъ усиліямъ, я не могу взять верхъ надъ собою. Это не сожалѣніе о немъ и утратѣ тѣхъ задушевныхъ разговоровъ, которые такъ дороги мнѣ. Нѣтъ это сознаніе неисполненнаго долга.

Но что же дѣлать мнѣ? Нельзя въ виду смерти питаться безумною надеждою жизни!

16 декабря.

Утомительный, но пріятный день! Я укладывала сегодня приготовленные мною моимъ роднымъ маленькіе рождественскіе подарки, которые, по совѣту портнаго, отнесла на почту. Появясь въ первый разъ послѣ двадцати дней въ Вассермауерѣ, я встрѣтила тамъ Морриса; онъ поклонился мнѣ и внимательно посмотрѣлъ на меня, очевидно желая узнать, здорова ли я; но не сказалъ ни слова. Онъ исполняетъ мою просьбу. Теперь я представляю себѣ, что между мною и имъ ничего не было; онъ сталъ для меня героемъ интересующаго меня романа, къ которому я чувствую болѣе чѣмъ обыкновенную симпатію.

Вечеръ на Рождество.

Что это значитъ? Съ часъ тому назадъ, мнѣ принесли великолѣпную рождественскую елку, убранную апельсинами, гранатами, разными гостинцами и множествомъ свѣчей. Какой-то незнакомый слуга принесъ ее хозяйкѣ для передачи мнѣ, но не сказалъ отъ кого. Я зажгла всѣ свѣчи—и кажется напрасно ломаю голову, придумывая кто сдѣлалъ мнѣ такой пріятный сюрпризъ. Никто не обращается ко мнѣ, даже съ малѣйшимъ вопросомъ; такъ кто же станетъ думать о томъ, чтобы доставить мнѣ удовольствіе?

Неужели это онъ? Но вѣдь это противъ условія! Если не позволяютъ говорить, то тѣмъ болѣе дѣлать подарки. Эта мысль мучитъ меня; тутъ есть что-то такое, чему не должно быть, и въ чемъ придется горько раскаяваться.

Письма отъ моихъ родныхъ приходятъ поздно. Нужно погасить свѣчи, вѣтви загораются. Я зажгу свою маленькую лампочку.

Послѣдняя свѣча потухла на моемъ послѣднемъ рождественскомъ деревѣ. Колокола звонятъ. Я пишу при свѣтѣ луны.

28 декабря.

Я получила программу концерта, который дается сегодня въ почтовомъ залѣ какимъ-то пріѣзжимъ артистомъ. Онъ играетъ на гитарѣ, и я непремѣнно буду; это одинъ изъ моихъ любимыхъ инструментовъ, и притомъ я теперь не бѣгаю тѣхъ удовольствій, которыя могутъ хотя нѣсколько разсѣять мои грустныя мысли. Когда я пришла туда, концертъ уже начался; всѣ мѣста были заняты; оставалось только три кресла въ первомъ ряду около артиста,—оставленныя, повидимому, для почетныхъ посѣтителей. Чтобы имѣть возможность слѣдить за игрою и не утратить ни одного изъ звуковъ инструмента, имѣющаго свойство сдержанности, я сѣла на одно изъ этихъ креселъ. Сначала я почувствовала нѣкоторую дурноту; въ залѣ было жарко и душно отъ натопленной печи и множества публики, къ тому-же она была низка. Но это скоро прошло, талантъ артиста приковалъ мое вниманіе. Вдругъ двери отворились и вошелъ Моррисъ. Видя что зала полна, онъ остановился на порогѣ, не рѣшаясь идти далѣе; но кто-то указалъ ему на свободное близь меня мѣсто. Онъ пробрался сквозь толпу, и слегка поклонясь мнѣ, сѣлъ рядомъ со мною.

Мною овладѣла какая-то нервная дрожь, и я боялась, чтобы Моррисъ не замѣтилъ этого; но онъ казался сосредоточеннымъ въ самомъ себѣ и дѣлалъ видъ, что слушаетъ музыку съ большимъ вниманіемъ. Я тоже скоро оправилась отъ своего волненія, и предалась сладостнымъ мечтамъ, навѣяннымъ на меня звуками гитары. Мысли мои унеслись въ какой-то заоблачный міръ, гдѣ душа моя вмѣстѣ съ душею Морриса, свободныя отъ того, что мучило и разлучало ихъ здѣсь, на землѣ, сливались въ одну чудную небесную гармонію.

Громкія рукоплесканія и браво насилу вывели меня изъ этого экстаза. Но вотъ музыкантъ оставилъ гитару и заигралъ на какомъ-то новомъ инструментѣ, похожемъ на деревянную гармонику тирольскихъ крестьянъ, который и назвалъ Кикилири. Крикливые звуки этого кикилири до того рѣзки и непріятны, что я не могла выносить ихъ, и непремѣнно ушла бы, если бы не боялась помѣшать игрѣ. Зная нервную раздражительность Морриса, я взглянула на него; онъ сидѣлъ съ закрытыми глазами, склонивъ голову на правую руку, какъ бы стараясь не слышать этихъ раздирающихъ душу звуковъ. Вдругъ губы его поблѣднѣли, полуоткрытые глаза остановились и голова скатилась на спинку креселъ, съ нимъ сдѣлался обморокъ. Всѣ видѣли это, но никто не поспѣшилъ къ нему на помощь. Кажется, всѣ ждали, что я брошусь помогать ему и доставлю имъ возможность потѣшиться надо мною. Я поняла это и почувствовала себя глубоко оскорбленною. Но вмѣстѣ съ сознаніемъ горькой обиды, ко мнѣ вернулось и присутствіе духа. Я обратилась къ музыканту съ просьбою прекратить игру и подошла къ Моррису, спрыснула ему лицо о-де-колономъ, который всегда ношу съ собою; только одинъ артистъ пришелъ помочь мнѣ, всѣ же прочіе поднялись со своихъ мѣстъ единственно для того, чтобы лучше видѣть. Мы вывели съ нимъ Морриса изъ залы; свѣжій воздухъ привелъ его въ чувство. Спускаясь съ лѣстницы, онъ оперся на мою руку, удерживая въ то же время вырывавшійся изъ груди его тяжкій вздохъ, и тихо пошелъ къ подъѣзду; я проводила его глазами и пошла своею дорогою.

Я вернулась домой совершенно разстроенная. Ночью мнѣ было душно и жарко какъ въ проклятой залѣ—и сквозь сонъ слышался адскій кикилири.

11 января.

У меня сдѣлался гриппъ—и цѣлыя двѣ недѣли я не принималась ни за книги, ни за перо, ни за фортепіано. Діэта и сонъ избавили меня отъ этой болѣзни. Сегодня хочу сдѣлать первую прогулку; погода очень хороша, не смотря на то что холодно. Все это время я не имѣла никакихъ извѣстій о Моррисѣ. Что съ нимъ? Право, не знаю кого спросить объ этомъ.

После полудня.

Я встрѣтила его доктора и рѣшилась остановить его. Почему бы, думала я, мнѣ не спросить его о Моррисѣ? Вѣдь всѣ видѣли, что во время обморока въ концертѣ, я при-

нимала въ немъ самое живое участіе и даже проводила его домой. Такъ что же удивительнаго, если я желаю знать въ какомъ состояніи находится его здоровье?

Докторъ сказалъ мнѣ, что Моррисъ съ самаго того вечера болѣнъ сильною нервною горячкою. Онъ былъ очень серіозенъ. Я хотѣла поговорить съ нимъ и узнать, не опасается ли онъ за жизнь больнаго. Но къ нему подошелъ одинъ изъ его паціентовъ, и мнѣ пришлось отложить свои вопросы.

И такъ, предчувствія и болѣзненныя грезы не обманули меня! Онъ боленъ, можетъ быть умираетъ, а я не съ нимъ. Господи, что это! Мнѣ и въ голову не приходило, что я переживу его!

Съ какою грустію сидѣла я на солнышкѣ! Рѣка катила передо мною свои волны, быстро отрывая отъ утесовъ зацѣпившіяся бревна и унося ихъ далеко за собою. Я долго и пристально смотрѣла на нихъ. Не такъ-ли бываетъ и съ нами? Что наше счастіе? Случай разобьетъ его въ дребезги; а волна жизни унесетъ насъ по своей прихоти.

Тише! Тише, бѣдное сердце! Твои бурные порывы убьютъ меня.

12 вечеромъ.

Цѣль моя достигнута! Я одержала побѣду—и радость, которую я испытываю, стоитъ борьбы, выдержанной мною сегодня. Я была у Морриса, пойду къ нему завтра, послѣ завтра, однимъ словомъ каждый день, пока продолжится его болѣзнь. Вотъ какъ это случилось:

Утромъ я послала хозяйку освѣдомиться о томъ, какъ провелъ онъ сегоднишнюю ночь. Возвратясь, она донесла мнѣ, что къ ней вышла какая-то полная, бѣлокурая, среднихъ лѣтъ дама, которая, узнавъ что она прислана мною, сказала сердитымъ голосомъ: «Все такъ же». А между тѣмъ изъ сосѣдней комнаты слышался несвязный бредъ больнаго.

Извѣстіе это поразило меня еще болѣе. Я знала мнѣніе Морриса насчетъ филантропическихъ наклонностей благотворительной дамы; онъ самъ разсказывалъ мнѣ, что стоило ему отдѣлаться отъ нея. И теперь она сидитъ у его постели и стережетъ его горячечный бредъ. Нѣтъ, я этого не вынесу!

Я мигомъ собралась и отправилась къ нему, имѣя въ душѣ твердое намѣреніе отбросить въ сторону все, кромѣ заботы о его здоровьѣ и спокойствіи.

Было еще довольно рано, когда я постучалась въ двери его квартиры. Услышавъ голосъ дамы съ крѣпкими нервами, крикнувшей мнѣ: «войдите!», я невольно оробѣла; но не надолго. Очутившись съ нею лицомъ къ лицу и встрѣтивъ ея холодный и неблагосклонный взглядъ, я скоро пришла въ себя и довольно покойно сказала ей, что не удовлетворясь доставленными мнѣ сегодня моею хозяйкою свѣдѣніями, я сама пришла навѣстить г. Морриса и желаю его видѣть. Въ это время больной произнесъ мое имя. «Слышите-ли! сказала я ей,—онъ зоветъ меня. Я пойду къ нему, онъ не въ бреду.»

— Г. Моррисъ не можетъ теперь принять никого, сказала она мнѣ,—тѣмъ болѣе васъ. Посѣщеніе ваше неприлично.

— Только не у постели умирающаго друга, отвѣчала я, и услышавъ что онъ снова назвалъ меня: «Марія», я отворила дверь и вошла къ нему въ кабинетъ. Здѣсь было довольно темно; маленькое окно, выходящее на улицу, до половины было задернуто занавѣскою. Но этотъ полумракъ не мѣшалъ мнѣ разглядѣть блѣдное и исхудалое лицо Морриса, озаренное радостію при видѣ меня. Онъ пожалъ мнѣ руку и сдѣлалъ нѣсколько усилій приподнять голову съ подушки. «Вы пришли, Марія, сказалъ онъ тихимъ голосомъ.—О! какъ мнѣ легко теперь! Вы не уйдете отъ меня?... Я не могу выносить... Мнѣ такъ мало остается времени... Эта дама... Вы знаете... Каждое ея слово мнѣ острый ножъ... Ея присутствіе давитъ меня какъ гора... Но у меня не достаетъ духа сказать ей. Я намекалъ ей объ этомъ, говоря, что хочу остаться одинъ. Больные не должны имѣть своей воли—сказала она. О Марія! не покидайте меня! Останьтесь со мною! Я хочу видѣть и слышать только васъ одну. Исполните мою просьбу, и я обѣщаю вамъ не говорить ничего такого, что можетъ огорчить васъ.»

Съ растерзаннымъ сердцемъ, едва удерживая слезы, я нѣжно пожала ему руку, сказавъ, что исполню его желаніе и буду съ нимъ. Онъ тихо закрылъ глаза, и казалось заснулъ, не выпуская моей руки. Выраженіе лица его было покойно. Я хотѣла тихонько освободить свою руку; но онъ очнулся и посмотрѣлъ на меня такими умоляющими глазами, что я не рѣшилась сдѣлать этого. Наконецъ, сонъ овладѣлъ имъ—и я вышла въ другую комнату.

Благотворительная дама сидѣла на канапе и вязала. Не желая терять времени, я приступила къ дѣлу и очень вѣжливо объявила ей, что больной, считая себя глубоко обязаннымъ, боится утруждать ее болѣе хлопотами и заботами о немъ и проситъ оставить его,—и что я, съ помощію слуги, буду ходить за нимъ.

— Кто? вы, моя милая?.. спросила она съ удивленіемъ и грознымъ тономъ.

— Конечно я, отвѣчала я ей, стараясь казаться какъ можно покойнѣе,—здѣсь въ городѣ я короче всѣхъ знакома съ г. Моррисомъ; стало-быть, это моя прямая обязанность. У васъ же и безъ того много другихъ больныхъ, которые болѣе его имѣютъ нужду въ вашихъ попеченіяхъ и болѣе близки вашему сердцу чѣмъ онъ.

Она глядѣла на меня пристально и кажется не вѣрила своимъ ушамъ.

— Возможно-ли! вскричала она наконецъ, — неужели вы не хотите понять, что ваша теперешняя выходка нанесетъ послѣдній ударъ вашей и безъ того уже пошатнувшейся репутаціи. Подумайте хорошенько, вѣдь вы не такая старуха какъ я, и не можете ставить себя выше того, что говорятъ про васъ! Мнѣ кажется, моя милая, за вами самими нуженъ еще надзоръ.

Я сказала ей, что я очень хорошо знаю что дѣлаю и какую отвѣтственность беру на себя; но все-таки остаюсь здѣсь и прошу ее не безпокоиться на счетъ моей репутаціи; я давно уже считаю себя отчужденною отъ міра и не желаю имѣть надъ собою другаго судьи, кромѣ Бога.

Она встала со своего мѣста и взяла шляпу, говоря: «я вижу, что мнѣ нѣтъ никакой надобности оставаться съ молодою особою, которой нравственныя начала такъ рѣзко противорѣчатъ моимъ правиламъ, и которая не нуждается въ томъ, чтобы мое присутствіе придало хотя нѣкоторую законность тѣмъ отношеніямъ, которыя мнѣ самой кажутся предосудительными.

Мы молча размѣнялись поклонами, и она ушла. Проводивъ ее, я почувствовала, что съ плечъ моихъ свалилась тяжелая ноша и я теперь свободна. Я отворила балконъ, чтобы прогнать неразлучный съ нею запахъ эфира. Потомъ принялась разсматривать убранство комнаты: дорогая мебель, бюро, книги и наконецъ балконъ, откуда, спустясь съ нѣсколькихъ ступенекъ, можно очутиться въ прекрасномъ саду. Какой комфортъ, какая обстановка, въ срав-

ненiи съ моею бѣдною комнаткою! Желая узнать спитъ-ли еще мой больной, я слегка полуотворила дверь и заглянула въ кабинетъ. «Марія!» сказалъ онъ, примѣтивъ мою голову между дверьми,—я все слышалъ; вы мой ангелъ хранитель; вамъ обязанъ я первою минутою спокойствія, котораго не имѣлъ въ теченіи двухъ недѣль.»

— Спите! сказала я ему.—Вамъ вредно говорить. Успокойтесь! и пошли вамъ Богъ пріятный сонъ.

Онъ склонилъ голову и глаза его снова закрылись.

Послѣ обѣда пришелъ докторъ и отъ души хохоталъ, слушая какъ я здѣсь водворилась. Не знаю, говорилъ-ли ему обо мнѣ Моррисъ. Не думаю. Только докторъ былъ очень доволенъ, узнавъ что больной спалъ цѣлые три часа,—и пульсъ его показался ему лучше чѣмъ въ предъидущіе дни. Я сдѣлала ему нѣсколько вопросовъ о ходѣ болѣзни. «Опасность еще не миновалась», сказалъ онъ, покачавъ головою.

Въ семь часовъ я возвратилась домой. Слуга его остался сидѣть ночь у его постели. Когда я уходила, Моррисъ спалъ и даже не почувствовалъ, что я коснулась его руки. Мнѣ тоже надо лечь, чтобы завтра проснуться пораньше и явиться на свой постъ. Давно я не была такъ покойна какъ сегодняшній вечеръ. Только бы ничего не случилось съ нами!

13-е.

Онъ проснулся ночью и тотчасъ сталъ звать меня. Слуга насилу увѣрилъ его, что я приду утромъ. Я нашла его въ какомъ-то возбужденномъ состояніи—и не малаго труда стоило мнѣ убѣдить его въ томъ, что мнѣ надо чередоваться со слугою. «А если я умру ночью?» сказалъ онъ мнѣ.

— Если вы будете умирать, то за мною придутъ, и я мигомъ буду здѣсь.

Я должна была ему дать въ томъ мою руку. Онъ страшно худъ и ничего не ѣстъ.

Я все болѣе и болѣе утверждаюсь въ томъ мнѣніи, что присутствіе мое приноситъ ему пользу. Сегодня послѣ полудня ему было лучше. Я сидѣла въ другой комнатѣ и читала, прислушиваясь къ его тихому дыханію. Двери были нарочно отворены, для того чтобы онъ могъ видѣть меня оттуда. Я входила къ нему только тогда, когда нужно было подать питье. «Она просто волшебница, сказалъ онъ однажды доктору,—и превращаетъ мнѣ смерть въ веселый праздникъ. Приказывайте только—я съ радостью приму все изъ рукъ этого ангела».

19-е.

Вчера я была не въ состояніи писать; день былъ очень дуренъ. Моррисъ все въ одномъ положеніи; но для меня мало утѣшенія видѣть, что ему не дѣлается хуже. Погода стоитъ холодная: вода въ саду замерзла, а между тѣмъ въ воздухѣ ни пушинки снѣга. Это меня очень огорчаетъ; я увѣрена, что пока будетъ продолжаться холодное время, больной мой не оправится.

Сегодня онъ въ безпамятствѣ и не узнаетъ меня. Въ бреду своемъ онъ говорилъ о какой-то неизвѣстной мнѣ странѣ и людяхъ. Какъ мало мы знаемъ другъ друга, и несмотря на это какъ коротко сошлись между собою!—намъ извѣстны наши нравственныя стороны, а это главное.

19-е пять часовъ утра.

Я возвратилась домой проведя цѣлыя сутки безъ сна, и теперь еще не могу рѣшиться лечь спать; мнѣ нужно собраться съ мыслями и писать.

Какъ слѣпой, пораженный въ минуту разрѣшенія яркимъ лучемъ солнца, я испытываю какую-то жгучую радость, смѣшанную съ болью и сознаніемъ собственнаго счастія. Но лучше я разскажу все подробно.

Послѣдніе три дня Моррисъ былъ очень труденъ. Тоска моя возростала съ каждымъ часомъ болѣе и болѣе. Вечеромъ пріѣхалъ докторъ, и чтобы успокоить себя, я обратилась къ нему съ распросами.

— Нужно ускорить кризисъ, сказалъ онъ мнѣ,—а то я не ручаюсь за его жизнь.

Моррисъ лежалъ въ безпамятствѣ; холодные души и чуть теплыя ванны совершенно ослабили его; онъ не могъ говорить, а только стоналъ, пока укладывали его въ постель; докторъ пришелъ ко мнѣ.

— Эту ночь я буду сидѣть надъ нимъ, присутствіе мое здѣсь необходимо, сказалъ онъ.—Возвратитесь къ себѣ домой и успокойтесь; день былъ для васъ слишкомъ тяжелъ.

Я сказала ему, что предпочитаю остаться здѣсь у больного. Видя мою твердую рѣшимость, онъ не настаивалъ болѣе. Я должна сдержать обѣщаніе данное Моррису—быть съ нимъ въ ту минуту когда угрожаетъ ему смерть.

Я усѣлась въ креслѣ передъ бюро и для вида взяла книгу; читать я не могла, и только прислушивалась къ тому, что дѣлается въ кабинетѣ, гдѣ докторъ, сидя у постели Морриса, самъ перемѣнялъ ему холодные компрессы, давая отъ времени до времени тихимъ голосомъ нѣкоторыя приказанія слугѣ.

Отрывистый бредъ и стоны больнаго разрывали мнѣ душу; «Господи! думала я,—это его голосъ, можетъ быть даже послѣднія слова; а я не могу понять ихъ! Онъ самъ теперь не въ состояніи понять себя! Какое грустное прощаніе!....»

Я не стану болѣе описывать этихъ страшныхъ минутъ. Воспоминаніе о нихъ приводитъ меня въ трепетъ. Часы на башнѣ пробили одиннадцать. Глубокая тишина царствовала въ кабинетѣ. Удерживая дыханіе, я съ безпокойствомъ спрашивала себя, что это значитъ. Хотѣла встать и пойдти къ дверямъ, но ноги мои были точно парализованныя, и я не могла двинуться съ мѣста. Можетъ быть у меня не хватило силъ принудить себя идти на встрѣчу ужасной дѣйствительности. Странное дѣло! Я, никогда не робѣвшая предъ смертью, теперь боялась ея какъ ребенокъ тьмы.

Не знаю, сколько времени пробыла я въ такомъ состояніи. Наконецъ, дверь кабинета отворилась и докторъ тихо вошелъ ко мнѣ со словами: «Онъ спасенъ»!

Силы мои измѣнили мнѣ и я залилась слезами.—Вы плачете, сказалъ онъ, сѣвъ подлѣ меня,—и не вѣрите мнѣ. Слова мои кажутся вамъ горькою ироніею,—вы считали его безнадежнымъ еще до начала кризиса; а кризисъ-то и спасъ его. Природа съиграла съ нимъ смѣлую шутку, и вышла побѣдительницею. Въ моей медицинской практикѣ это не первый случай: борьба между нервною и сангвиническою системами сосредоточиваетъ вмѣстѣ всѣ жизненныя силы, и проясняетъ старый недугъ, охватившій повидимому весь организмъ. Если это не возобновится, то другъ нашъ скоро поправится—и въ мартѣ я пошлю его въ Венецію, гдѣ теплый климатъ окончательно излечитъ его грудь. Не будучи пророкомъ, скажу вамъ, что если съ нимъ не случится ничего особеннаго, то чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ будетъ такъ бодръ и здоровъ какъ не былъ прежде.

Стукъ въ кабинетѣ вызвалъ его туда. Оставшись одна,

я старалась оправиться отъ того смущенія, въ которое привели меня слова его. Къ стыду моему, я должна признаться что была болѣе изумлена чѣмъ обрадована. И такъ, онъ переживетъ меня, говорила я себѣ; а я думала, что скоро сама послѣдую за нимъ въ могилу! Но это продолжалось не долго. Мысль что онъ будетъ жить и имѣть возможность осуществить свои планы и стремленія—наполнила сердце мое радостью и я благодарила Бога, возвратившаго его къ жизни и счастію.

Докторъ опять пришелъ ко мнѣ и на этотъ разъ посовѣтовалъ лечь спать. «Въ кабинетѣ, сказалъ онъ,—всѣ спятъ: и баринъ, и слуга; не худо-бы и вамъ послѣдовать ихъ примѣру и лечь здѣсь на канапе. Я же велѣлъ подать себѣ чаю и проведу остатокъ ночи за чтеніемъ. Вамъ нельзя и подумать о возвращеніи домой ранѣе утра, теперешній ночной холодъ можетъ причинить вамъ столько же вреда, сколько принесло пользы пребываніе въ Меранѣ.

— Пользы? спросила я съ удивленіемъ.—Вы думаете, что я убаюкиваю себя подобными мечтами! Нѣтъ, я очень хорошо понимаю свою болѣзнь и знаю, что единственная польза, на которую я могу расчитывать заключается въ томъ, что жизнь моя можетъ продлиться нѣсколькими днями или недѣлями долѣе.

Онъ засмѣялся, сказавъ:—Извините меня, я совершенно другаго мнѣнія.

— Вотъ вамъ заключеніе одного изъ вашихъ собратьевъ, человѣка очень свѣдущаго въ наукѣ, сказала я вынувъ изъ бьюара (который былъ со мною, потому что я хотѣла заняться корреспонденціею) рисунокъ моихъ легкихъ.

Разсмотрѣвъ его внимательно, онъ сказалъ:—я былъ бы вамъ очень благодаренъ, если бы вы позволили мнѣ разъяснить себѣ это обстоятельство.

Я согласилась. Освидѣтельствовавъ меня, онъ сѣлъ на свое мѣсто и принялся тихонько допивать свой чай. Когда же я спросила его: какого онъ мнѣнія насчетъ вѣрности рисунка, онъ отвѣчалъ, что не знаетъ что и думать;—если до отъѣзда сюда мои легкія были въ такомъ состояніи, въ какомъ они представлены на бумагѣ, то здѣшній климатъ совершилъ чудо; «и это нисколько не удивляетъ меня, прибавилъ онъ,—я видѣлъ не одинъ такой случай. Но вотъ что странно—это быстрота съ какою совершилось исцѣленіе. Вашъ докторъ должно быть принадлежитъ къ старой школѣ и не имѣетъ понятія о томъ дѣйствіи, которое производитъ на насъ потрясеніе. Вы считаете себя неизлечимою, хорошо. Мы поговоримъ съ вами объ этомъ въ будущемъ году. Если вы проведете лѣто на родинѣ, то конечно зимою опять вернетесь къ намъ, это вамъ необходимо.

Между имъ и мною завязался горячій споръ, я съ жаромъ защищала своего стараго доктора. Не странно-ли въ самомъ дѣлѣ? больная нападаетъ на врача говорящаго ей о выздоровленім. Но Богъ знаетъ что принесетъ оно мнѣ; можетъ быть новое рабство послѣ кратковременной свободы, исчезнувшей какъ сонъ.

Я написала при немъ письмо къ моему доктору, въ которомъ просила его придти ко мнѣ на помощь и защитить меня отъ ярко-блеснувшими предъ моими глазами луча надежды.

Когда начало разсвѣтать, я пошла домой. Слуга Морриса проснулся, но самъ онъ спалъ еще. Докторъ вышелъ со мною. Дорогою я опустила письмо свое на почту, просила его не говорить объ этомъ никому, пока не получу отвѣта, даже Моррису. Онъ обѣщалъ смѣясь и проводилъ меня до самыхъ дверей. Поднимаясь на лѣстницу, я чувствовала сильную слабость. Вѣрно мнѣ не долго уже ходить по ней.

Тѣнь лежитъ еще на горахъ; небо покрыто тучами и снѣгъ начинаетъ падать на землю небольшими хлопьями. Въ комнаткѣ моей очень тепло; маленькая печка отлично исполнила свое дѣло. Ахъ, еслибы я могла теперь заснуть! Уже и такъ много мнѣ, бѣдному инвалиду, различныхъ потрясеній!

20-е.

Вчера я оставалась цѣлый день дома. Я очень опрометчиво обѣщала доктору не выходить безъ его позволенія. Онъ требовалъ во имя науки, чтобы я вполнѣ вѣрила его діагностикѣ. «Притомъ же, прибавилъ онъ,—это будетъ лучше для нашего друга.»

Онъ приходилъ ко мнѣ сегодня утромъ, и слава Богу принесъ добрыя вѣсти. Моррису нуженъ теперь только покой и продолжительный сонъ.

Дождь и снѣгъ дѣлаютъ мою тюрьму довольно сносною; и къ тому же я сама не имѣю ни малѣйшаго желанія видѣть кого бы то ни было, пока не получу отвѣта на мое письмо. Въ настоящее время я не знаю, какую роль должна я играть передъ людьми: взять ли мнѣ подобно страннику въ руки свой дорожный посохъ и отправиться въ дальній путь или остаться и жить съ ними? Мнѣ кажется, что на меня всѣ смотрятъ какъ на бродягу, паспортъ котораго въ неисправности, и который самъ не въ состояніи дать вѣрныхъ показаній: откуда онъ и куда идетъ. Это мучитъ меня; а между тѣмъ мнѣ приходится ждать цѣлую недѣлю и оставаться въ неизвѣстности.

Сегодня надо было бы писать къ отцу, а я не могу взяться за перо. Хуже всего то, что чувства мои въ какомъ, то разладѣ. Когда я принимаюсь увѣрять себя въ томъ, что я должна непремѣнно умереть, кровь, моя какъ бы насмѣхаясь надо мною, начинаетъ быстро течь въ моихъ жилахъ. Мнѣ, твердо вѣрившей въ неизбѣжную смерть, снова дается жизнь; но для меня это только перемѣна физическихъ страданій на продолжительный плѣнъ, и я не могу смотрѣть на нее какъ на благодать дарованную мнѣ свыше.

Все еще нѣтъ писемъ, и все то же мрачное небо и холодная погода. Нужно написать здѣсь про сдѣланную мною страшную глупость; я купила себѣ шелковое платье; матерія очень хороша; не знаю, буду ли я носить его. Когда я высказала свои опасенія старой торговкѣ, она поглядѣла на меня изумленными глазами и никакъ не хотѣла вѣрить что я скоро умру.

1 февраля.

Вчера я получила отвѣтъ. Въ первую минуту я не могла ничего прочесть, буквы плясали передо мною. Прочитавъ же его, я была точно помѣшанная, и не знаю какое чувство овладѣло мною — испугъ или радость? Мой старый докторъ исполнилъ свой долгъ, прибѣгнувъ ко лжи какъ къ единственному средству моего спасенія; онъ очень хорошо видѣлъ, что одна только мысль избавить отца моего отъ зрѣлища быстро-развивающейся болѣзни и неминуемой смерти—можетъ заставить меня ѣхать въ Меранъ, а это по его мнѣнію было необходимо для востановленія моего здоровья. Какъ ловко и осторожно этотъ достойный человѣкъ велъ свое дѣло!

А между тѣмъ мысли мои теряются въ темной и безотрадной будущности, сквозь мракъ которой представляются мнѣ мой отецъ и братъ. Нѣтъ, привлекательнѣе было для меня то убѣжище, гдѣ у входа стоитъ на стражѣ ангелъ смерти.

(Окончаніе будетъ).

Русская фауна.

(Продолженіе).

II. Якъ или длинношерстый быкъ (Poëphagus gruniens).

(по Брему).

Между различными родами быка—якъ или длинношерстый быкъ, населяющій вершины Гималайскихъ горъ и всѣ возвышенности Средней Азіи, безспорно одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ.

Якъ—красивый быкъ отъ 5 до 7 футовъ длины, съ хвостомъ въ $1^1/_2$ фута, не считая длинныхъ волосъ, покрывающихъ его. По наружности онъ занимаетъ приблизительно середину между зубромъ, буйволомъ и обыкновеннымъ быкомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ кажется какъ будто посредствующимъ звеномъ между быкомъ, лошадью и бараномъ. Онъ напоминаетъ лошадь своими красивыми круглыми сильными формами, тонкими и крѣпкими членами, длиннымъ хвостомъ, гривой, гордой походкой, способомъ ставить ноги и наконецъ своей осанкой на бѣгу. На козловъ и барановъ похожъ по своей длинной шерсти. Роскошные шелковистые волосы висятъ съ обоихъ боковъ почти до земли и въ высшей степени красятъ его. Собственно говоря, у яка только голова бычачья; остальное тѣло представляетъ какъ будто смѣсь формъ нѣсколькихъ животныхъ. Лобъ у него низкій и мало выпуклый, голова короче, чѣмъ у большинства быковъ; морда нѣсколько приподнята; большія узкія ноздри отстоятъ далеко другъ отъ друга и лежатъ почти поперечно; губы толстыя и висячія, глаза полные и живые, уши овальныя, лицеобразныя; рога сидятъ выше, чѣмъ у большинства быковъ, почти одинаковой длины съ головой, тонки и остры. У быка они отъ основанія поднимаются полумѣсяцемъ къ наружи, впередъ и вверхъ, а концами снова обращены внутрь и назадъ. У коровы идутъ тоже полумѣсяцемъ къ наружи и вверхъ и концами снова обращены внутрь и назадъ. Подгрудка, который такъ рѣзко выраженъ у другихъ быковъ, у яка нѣтъ признака. Спина почти прямая, загривокъ приподнятъ. Ноги имѣютъ широкія копыта и большіе ложные когти; онѣ кажутся короткими, но на самомъ дѣлѣ только толсты и сильны. Шерсть почти вездѣ длинная, густая и грубая; только морда, нижняя часть ногъ и небольшое пространство на груди представляютъ исключеніе. На темени волоса грубы, косматы и спутаны, на лбу сбиты въ хохолъ, на плечахъ и загривкѣ образуютъ тоже волосяной хохолъ, который въ видѣ гривы идетъ по хребту шеи. Бока, бедра и верхняя часть ногъ покрыты длинными, жесткими, косматыми волосами, которые иногда почти касаются земли. На нижней части шеи они образуютъ продолженіе гривы, на хвостѣ удлинняются до 2 — 3 футовъ; здѣсь они, кромѣ того, замѣчательно тонки и почти шелковисты. Общій цвѣтъ яка черный; но часто хохолъ на лбу, грива и хвостъ, а иногда даже лобъ и маковка бываютъ совершенно бѣлые; рѣдкость — найти бѣлые волоса и на другихъ частяхъ тѣла.

Якъ обязанъ своимъ латинскимъ названіемъ странному голосу, который не похожъ ни на мычаніе быковъ, ни на блеяніе овецъ, ни на ржаніе лошадей; его можно сравнить только съ хрюканьемъ свиньи, хотя звуки яка нѣсколько глуше и однообразнѣе послѣдняго. Быкъ реветъ гораздо рѣже, чѣмъ корова или теленокъ.

«Сравнительно съ кругомъ распространенія другихъ крупныхъ млекопитающихъ», говоритъ *Шлагинтвейтъ*, якъ ограничивается весьма тѣсными предѣлами. Болѣе чѣмъ другія животныя онъ зависитъ отъ климата; ему необходимы мѣста, гдѣ бы сухость соединялась съ умѣреннымъ жаромъ. Самыя высшія точки, гдѣ въ чрезвычайныхъ случаяхъ удавалось его встрѣтить, можно опредѣлить въ 19,700 — 19,800 англійскихъ футовъ. На такихъ высотахъ конечно не встрѣчается уже никакой растительности; онѣ лежатъ на тысячу футовъ выше снѣговой линіи тѣхъ мѣстъ».

Дикій якъ водится еще въ довольно большой части Средней Азіи и всего многочисленнѣе на возвышенностяхъ Монголіи, Тибета и Туркестана. Собственно на Гималаѣ, котораго климатъ находится въ такой зависимости отъ дождливаго времени Индіи, якъ не попадается въ дикомъ состояніи; на сѣверѣ Китая онъ тоже рѣдокъ. Ниже 8,000 фут. надъ моремъ онъ, повидимому, не можетъ жить; даже домашній показываетъ ясно, какъ ему тягостна степень тепла, превышающая обыкновенную температуру горъ. Такое свойство длинношерстаго быка не можетъ не удивлять, до такой степени оно противорѣчитъ общему характеру всѣхъ быковъ. Нужно вспомнить еще, что на тѣхъ высотахъ давленіе воздуха въ половину меньше, чѣмъ на берегу моря. При такихъ условіяхъ можетъ чувствовать себя хорошо птица, но едва ли какое млекопитающее.

Движенія яка имѣютъ въ себѣ что-то мужественное и стремительное. Его походка довольно легка, а галопъ очень быстръ, хотя и кажется тяжелымъ. Чувства, повидимому, хорошо развиты; покрайней мѣрѣ своимъ постояннымъ бѣгствомъ якъ доказываетъ, что уже издали замѣчаетъ врага. Онъ принадлежитъ къ самымъ боязливымъ животнымъ и обнаруживаетъ такой страхъ при приближеніи путешественника, какъ будто бы жилъ подъ постоянными преслѣдованіями человѣка.

Надъ размноженіемъ дикаго яка нѣтъ еще наблюденій. Знаютъ только, что течка начинается весною и что корова телится однимъ теленкомъ, который съ самаго рожденія также подвиженъ и безпокоенъ, какъ и его мать; тотчасъ же послѣ появленія на свѣтъ, онъ вслѣдъ за нею отправляется по самымъ невѣрнымъ тропинкамъ, на самыя страшныя вершины горъ.

За якомъ дѣятельно охотятся для добыванія его красивыхъ волосъ и обыкновенно на старый ладъ, т. е. съ собаками и стрѣлами. Охота сопряжена съ опасностями; промахъ можетъ стоить жизни стрѣлку, уже на томъ основаніи, что якъ лазитъ по горамъ гораздо лучше и вѣрнѣе человѣка и двигается слишкомъ быстро, чтобы послѣдній могъ убѣжать отъ него. Подобно всѣмъ свободнымъ быкамъ, якъ силенъ и свирѣпъ, и дерется съ отчаяннымъ мужествомъ, когда его вызываютъ на бой. Повидимому, взрослаго яка нѣтъ возможности укротить; телята, напротивъ того, становятся очень смирными. *Уарренъ Гастингсъ* привезъ въ Англію теленка, рожденнаго отъ дикихъ родителей. Тамъ современемъ пробовали случить его съ домашней коровой; но онъ обнаружилъ къ ней такое же положительное отвращеніе, какъ и зубръ въ подобныхъ же обстоятельствахъ. Въ Индіи, напротивъ того,

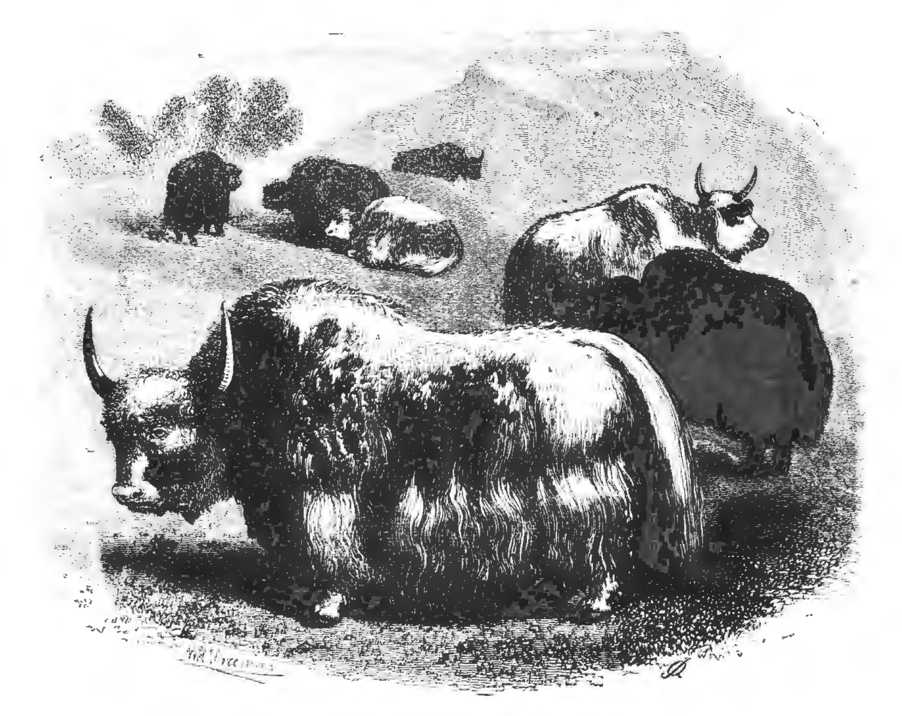
якъ уже съ давнихъ поръ скрещивается съ другими видами быковъ для облагороженія породы.

Во всѣхъ странахъ, гдѣ живетъ дикій якъ, встрѣчается и домашній — чрезвычайно полезное и важное животное. Домашній якъ обыкновенно не отличается отъ дикаго ни по формѣ тѣла, ни по распредѣленію шерсти. Совершенно черные яки большая рѣдкость; даже самые близкіе къ дикимъ имѣютъ уже бѣлыя мѣста на тѣлѣ; кромѣ того, попадаются бурые, рыжіе и пестрые. Существуетъ нѣсколько породъ домашняго яка, происшедшихъ вѣроятно отъ скрещиванія съ другими видами быковъ. Тамъ и сямъ можно встрѣтить домашнихъ яковъ, перешедшихъ вновь въ дикое состояніе и получившихъ снова первоначальное окрашиваніе шерсти. Вблизи священной горы *Богдо* на Алтаѣ калмыки выпускали цѣлыя стада, до которыхъ не смѣлъ дотронуться никто кромѣ жрецовъ. Эти быки, совершенно одичавшіе, населяютъ теперь весь Алтай. *Радде* видѣлъ на югѣ Яблоноваго хребта полудикія стада, о которыхъ никто не заботился даже въ самыя снѣжныя зимы и которыя сами доставали себѣ кормъ, разгребая снѣгъ. Хлѣвовъ вообще не устраиваютъ и для домашнихъ яковъ.

Яка держатъ всего чаще въ *Ладакѣ*, *Тибетѣ*, на сѣверѣ *Китая*, въ Монголіи, и другихъ странахъ Средней Азіи. Домашнія стада процвѣтаютъ только въ холодныхъ высокихъ горныхъ мѣстностяхъ, а въ жаркихъ обыкновенно гибнутъ. Суровый холодъ переносится ими съ величайшимъ равнодушіемъ. Въ дни, когда температура была не выше нѣсколькихъ градусовъ надъ точкой замерзанія, пишетъ *Шлагинтвейтъ*, случалось не рѣдко, что выпряженные яки отправлялись купаться въ сосѣдній ручей, и это имъ нисколько не вредило. Когда англичанинъ *Муркрофтъ* вошелъ на *Нитипасъ*, его нагруженные яки, сильно пострадавшіе отъ жару во время пути, услыхавъ шумъ водопада, пустились бѣжать къ водѣ съ такой неудержимой быстротою, что двое упали съ крутаго обрыва и разбились въ дребезги на днѣ пропасти. Уже небольшой жаръ утомителенъ для этихъ животныхъ—и если у нихъ нѣтъ воды, гдѣ бы можно было освѣжаться по цѣлымъ часамъ, они всѣми силами отыскиваютъ хоть тѣнь, чтобъ укрыться отъ горячаго солнца.

Для жителей Тибета якъ одно изъ самыхъ важныхъ домашнихъ животныхъ. Онъ служитъ имъ для переноски тяжестей и для ѣзды верхомъ; нужно замѣтить однакоже, что онъ не слишкомъ-то податливъ и что управлять имъ довольно трудно. Съ знакомыми людьми онъ обходится довольно дружелюбно; позволяетъ себя трогать и чистить и до нѣкоторой степени слушается кольца, продѣтаго черезъ его носъ и привязаннаго къ уздечкѣ. Но относительно чужихъ эти своеобразныя верховыя животныя ведутъ себя менѣе любезно. По словамъ путешественниковъ, якъ начинаетъ сильно безпокоиться при приближеніи чужаго человѣка, опускаетъ голову къ землѣ и вообще держится такъ, какъ будто хочетъ вызвать на бой противника. Иногда, вдругъ находитъ на него приступъ бѣшеной злобы; онъ вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, поднимаетъ хвостъ кверху, бьетъ имъ по воздуху и смотритъ грозными, озлобленными глазами на своего поработителя. Нѣкоторая степень свирѣпости остается въ немъ всегда.

Якъ безъ труда носитъ 1 — $2^1/_2$ центнеровъ клади и, нужно замѣтить, по самымъ труднымъ тропинкамъ и снѣжнымъ полямъ. Съ его помощью можно перевозить тяжести черезъ горы въ 10 и 16,000 футовъ.



Якъ или длинношерстый быкъ.

Молоко и мясо яка очень вкусны. Изъ шкуръ выдѣлываютъ кожи, или разрѣзываютъ ихъ на ремни, изъ волосъ вьютъ веревки. Но самое цѣнное въ животномъ— это его хвостъ. *Никола де-Конти* говоритъ, что тонкіе волосы хвостовъ продаются на вѣсъ серебра, потому что изъ нихъ дѣлаются опахала для боговъ и королей. Ихъ оправляютъ также серебромъ и золотомъ и украшаютъ ими сбрую лошадей и слоновъ. Всадники носятъ ихъ на копьяхъ, какъ знакъ высокаго сана. Китайцы красятъ бѣлые волоса въ ярко-красный цвѣтъ и носятъ ихъ въ видѣ кистей на лѣтнихъ шляпахъ. *Белонъ* говоритъ, что хвостъ яка стоитъ 4 — 5 червонцевъ и что богатыя украшенія изъ волосъ его на сѣдлахъ турокъ и персіянъ не мало способствуютъ ихъ дороговизнѣ. На всемъ востокѣ эти хвосты служатъ опахалами и притомъ съ древнѣйшихъ временъ. Ими ведутъ очень дѣятельный и прибыльный торгъ. Цѣна назначается смотря по красотѣ и длинѣ волосъ; чѣмъ они длиннѣе, тоньше и глянцовитѣе, тѣмъ дороже. Черные хвосты дешевле бѣлыхъ.

Яки, привезенные въ Европу, жили до сихъ поръ въ зоологическихъ садахъ лучше, чѣмъ можно было ждать отъ ихъ любви къ холоднымъ странамъ. Въ парижскомъ Jardin des Plantes уже нѣсколько лѣтъ живутъ домашніе яки въ самомъ лучшемъ здоровьѣ. Въ Амстердамѣ, Франкфуртѣ, Мюнхенѣ, Штудгартѣ, Гамбургѣ и другихъ мѣстахъ—они тоже никогда не болѣли.

(Продолженіе будетъ).

Фельетонъ.

Отчего я, довольный вселенной, недоволенъ самимъ собой?—Слово о преуспѣяніи между людьми.—Слово о бѣдной цензурѣ.—Моя встрѣча съ г. О..., его счастіе.—Гражданскій подвигъ г. Б... достойный подражанія.

Сударыня, я доволенъ всей вселенной и городомъ С.-Петербургомъ въ особенности, гдѣ изволитъ проживать безчисленное множество великихъ людей, откуда волны прогресса своимъ быстрымъ теченіемъ наводняютъ всю Россію; еще болѣе,—я даже доволенъ теперешней Петербургской погодой. Наконецъ-то природа взялась за умъ и поняла, что намъ петербуржцамъ необходимо по примѣру всѣхъ европейскихъ цивилизованныхъ странъ обзавестись порядочной весной, порядочнымъ лѣтомъ, чтобы наши враги не говорили, будто-бъ наше небо совершенно не походитъ на небо цивилизованныхъ странъ, будто-бы оно скорѣе похоже на небо, изображонное въ картинахъ нѣкоторыхъ художниковъ на послѣдней академической выставкѣ, чѣмъ на настоящее небо,—что будто-бы порядочные люди не станутъ жить подъ такимъ небомъ, будто-бы наша весна скорѣе походитъ на осень; будто-бы наши консерваторы, наши либералы совершенно не походятъ на порядочныхъ консерваторовъ и либераловъ цивилизованныхъ странъ; будто наши учоные совершенно не похожи на учоныхъ; будто наша погода также постоянна, какъ убѣжденія нашихъ публицистовъ;—и еще Богъ вѣсть, что наши враги про насъ не говорили. Но теперь мы, граждане города С.-Петербурга, мы прямо можемъ смотрѣть нашимъ супостатамъ въ глаза.... Наше лѣто.... О! наше лѣто!... Кто первый осмѣлится бросить камень въ наше лѣто? Кто осмѣлится упрекать нашихъ публицистовъ за шаткость убѣжденій, когда у насъ такая отличная погода? Теперь не требуется ни какихъ убѣжденій: погода хороша—это ясно.... И къ чему убѣжденія?...

И такъ, сударыня, я доволенъ даже петербургской погодой. А ужъ какъ я доволенъ перербургскими публицистами и литераторами—объ этомъ и говорить нечего. Но не доволенъ я только самимъ собой, т. е. собственно говоря, не всею своей особой (кто самимъ собою не доволенъ?), а недоволенъ я нѣкоторыми частями самаго себя. Я никогда не воображалъ, чтобъ лишнихъ фунта два-три мяса могли принести человѣку столько вреда. Еще ни одинъ изъ безчисленнаго множества моихъ друзей столько вреда не принесъ мнѣ, сколько принесло мое сердце и мой мозгъ. И чего бы, кажется, не далъ я тому оператору, который взялся бы совершить надо-мной эту операцію и вынуть этотъ лишній для меня грузъ!.. Развѣ большая часть людей на свѣтѣ не проживаетъ свой вѣкъ безъ сердца и мозга? да еще какъ живутъ, живутъ припѣваючи!.... А то помилуйте, живешь межь людьми, слѣдовательно самое лучшее не отставать отъ людей, жить ихъ жизнью... А тутъ, здравствуйте! „А мы-то на что?" А мнѣ до васъ какое дѣло? Развѣ людямъ есть до меня какое нибудь дѣло, когда я поступаю вашимъ внушеніямъ, а не по людски? Но, сударыня, вы хотите знать что значитъ жить по людски? Въ такомъ случаѣ совѣтую вамъ обратить побольше вниманія на домашнихъ животныхъ и вы тогда увидите, что человѣкъ старается болѣе походить на какое бы то ни было животное, чѣмъ на самаго себя. Если захотите быть самимъ собой—этого достаточно, чтобы люди васъ отъ души возненавидѣли и мстили вамъ со всей людской злобой, на которую не способенъ ни одинъ звѣрь. Люди могутъ простить вамъ Богъ вѣсть какое причиненное имъ зло; но они никогда незабудутъ, если вы будете уважать ихъ человѣческое достоинство, когда вы ихъ не будете унижать своей лестью, своимъ лакействомъ передъ ними.. Лакейство въ жизни, лакейство въ мысли. Лакейство—это людское счастіе, это ихъ идеалъ, это ихъ мечты, это ихъ воздухъ, которымъ они дышутъ. Сударыня, дайте имъ этотъ воздухъ, эту радость—они васъ будутъ уважать. Чѣмъ больше вы ихъ будете унижать, чѣмъ больше вы будете надругаться надъ ними, тѣмъ больше они будутъ васъ уважать. Ихъ самолюбіе до того мелко, что для того чтобъ унизить себя въ ихъ глазахъ—достаточно относиться къ нимъ съ уваженіемъ...

И въ самомъ дѣлѣ, сударыня, вы ни чѣмъ въ жизни такъ не будете преуспѣвать, какъ дурача и унижая людей; дурачить людей вы можете самымъ простымъ средствомъ: ложью и лестью. Будете вы льстить настолько, что сдѣлаетесь приторнымъ, будете настолько лгать, что сдѣлается тошно—это не бѣда: у людей славное воображеніе—и обыкновенно, когда видишь на сценѣ ловко разыгрываемый фарсъ, иногда хохочешь отъ души, какъ будто-бъ дѣйствіе происходило въ дѣйствительности. Знаетъ человѣкъ самъ очень хорошо что онъ набитый дуракъ, но начните толковать, что онъ не дуракъ, а великій мудрецъ,—онъ васъ станетъ слушать: это будетъ щекотать его самолюбіе, что есть люди глупѣе и пошлѣе его, что они льстятъ такому дураку какъ онъ. Вы хотите процвѣтать между людьми, порите имъ побольше чепухи и повѣрьте вашъ голосъ не останется вопіющимъ въ пустынѣ. Въ первый, во второй разъ вамъ не повѣрятъ, но въ третій повѣрятъ. Чѣмъ наглѣе, чѣмъ чепуховатѣе (если только такъ можно выразиться) будетъ ваша ложь, тѣмъ больше поклонниковъ она будетъ имѣть. Будьте вы величайшимъ дуракомъ и объявите, но громко и безъ всякой робости и замѣшательства, что вы не дуракъ а величайшій мыслитель; и вамъ повѣрятъ, что вы не дуракъ а величайшій мыслитель.

Обладайте вы самымъ заскорузлымъ ростовщичьимъ сердцемъ,глухимъ ко всѣмъ человѣческимъ страданіямъ, (заскорузлымъ до того, что еслибъ пятью копѣйками вы могли спасти отъ погибели все человѣчество, и все-таки вы ихъ не дадите, хотя они даже лишнія у васъ)—и объявите, что вы въ своей груди носите вселенскую скорбь,—повѣрьте, что вамъ повѣрятъ. Васъ окружатъ ореоломъ и, если вамъ кто-нибудь осмѣлится сказать, что вы лжете, что въ вашей груди нѣтъ ни какой скорби,—того будутъ презирать, а васъ произведутъ въ мученики. Будьте вы самымъ безсовѣстнѣйшимъ эксплоататоромъ,—эксплоататоромъ до того, что базарный кулакъ могъ-бы считаться передъ вами идеаломъ честности,—повѣрьте, что вамъ повѣрятъ. Ахъ, сударыня, кому и чему у насъ на Руси не вѣрятъ?!

Существуетъ у насъ на Руси нѣкій радикальный журналъ (у насъ водятся всякія диковинки, на которыя мы ужасные охотники); радикальный журналъ самъ по себѣ, въ настоящее время, ужасно худосоченъ—и существуетъ сей радикальный журналъ по сю пору только потому, что якобы его предки Римъ спасли. Сей знаменитый гусь, происходящій отъ такихъ знаменитыхъ предковъ, которые спасли Римъ,—въ настоящее время, даже при нашемъ умѣренномъ климатѣ, опустилъ крылья (слишкомъ ожирѣлъ и отупѣлъ) и только сопитъ. Дѣло значитъ дрянь. Подзываетъ сей знаменитый гусь нѣкую мокрую курицу.

— Ну что, ничтожная курица, тебѣ холодно?

— Точно такъ, ваше высокородіе.

— А хочешь погрѣться?

— Охотно, ваше высокородіе.

— Ну, подсунь свою голову подъ мое крыло. Только

за это ты должна принять одно условіе: ты всегда должна гоготать по гусиному.

— Но вѣдь я курица! Кухарка, вся лакейская знаютъ меня за курицу.

— Ты вѣдь знаешь, что разсужденій не люблю, тѣмъ болѣе куриныхъ; я самъ не разсуждаю а только гогочу.

— Но какимъ же образомъ я узнаю, когда нужно гоготать, если моя голова будетъ закрыта?

— Это ты услышишь. Когда я закричу: гогого... ты тоже закричишь: го-го-го... Ты понимаешь, моя милая, что я уже старый гусь. Мнѣ себя иногда утруждать не хочется—или просто на нѣкоторыя вещи не по моему достоинству гоготать. Въ такихъ случаяхъ я тебя толкну и ты загогочешь. Наконецъ, моя милая, я чувствую, что я старѣю, что меня силы покидаютъ; а такъ какъ у насъ, высокородныхъ гусей, есть привычка стоять на одной ногѣ, то можетъ случиться несчастіе, когда я засну, я могу упасть... Что же касается до крика го, го, го!.., то это самый односложный крикъ, такъ что имъ не затруднится даже курица; мы сами произносимъ этотъ крикъ безъ всякой умственной рефлексіи. Вѣдь мы такъ иногда только, для потѣхи ребятишекъ, гогочемъ.

Мокрой курицей условія были приняты и поднялся ужасный крикъ: „го, го, го....!! Го, го, го!!! на насъ инсинуируютъ, насъ заѣсть хотятъ!" Проходятъ люди и слышатъ, что не одинъ гусь гогочетъ, а слышатся два голоса,—и рѣшаютъ, что должно быть кто нибудь инсинуируетъ. Тутъ не является вопросъ: кто инсинуируетъ, гдѣ инсинуируютъ и развѣ можно на гусей инсинуировать, и развѣ гусь можетъ быть вреденъ? если гусь вреденъ, то только тѣмъ, что можетъ запугать нѣкоторыхъ ребятишекъ.

— Го, го, го!..

Что такое?

— Цензура, цензура, цензура! О, еслибъ не цензура мы-бы, мы-бы...

О, бѣдная цензура! что за напраслины на тебя возводятъ! Довольно съ тебя нареканій, но когда бездарность, безталантливость взваливаютъ свое безсиліе на тебя, это меня ужасно оскорбляетъ. И чтожъ, сударыня, вѣдь вѣрятъ, что дѣйствительно въ этой ужасной бездарности во всемъ виновата цензура. Что истинный талантъ находитъ себѣ просторъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ наша исторія, наша литература. Что нѣкоторые таланты изъ всего думаютъ извлечь пользу—объ этомъ свидѣтельствуетъ мой другъ г. О...., съ которымъ я недавно встрѣтился въ Почтамтской улицѣ (почта—это любимое мѣсто его пребыванія; онъ тамъ ожидаетъ подписчиковъ); какъ только онъ меня увидѣлъ, онъ бросился ко мнѣ на шею и завопилъ: «о мой другъ, я счастливъ, мы всѣ счастливы, г. Б... счастливъ, онъ купилъ домъ».

— Что такое? что случилось? спросилъ я его, высвободившись изъ его крѣпкихъ объятій.

— Я получилъ третье предостереженье и прекращенъ на 6 мѣсяцевъ.

— Но все-же я не понимаю причины твоей радости. Для меня гораздо было бы понятнѣе, еслибъ ты заплакалъ.

— И неужели ты не понимаешь! — закричалъ мой другъ, замахавши руками,—ха, ха, ха!.. А еще литераторъ и ничего не смыслитъ. А вотъ погоди, мой другъ. Я тебѣ разскажу. Какъ тебѣ извѣстно, моя библіотека была при послѣднемъ издыханіи. Одному Богу извѣстно, какъ трудно мнѣ было держаться при менѣе чѣмъ сотнѣ подписчиковъ. но тутъ къ счастію я сошелся съ докторомъ Х...., журнальчикъ котораго тоже находился при послѣднемъ издыханіи. Это, какъ говоритъ турецкая пословица, два мертвеца пошли танцовать. И начали мы вдвоемъ выкидывать разныя, давно отошедшія къ праотцамъ штуки. Знаешь, публика любитъ куріозы, ну и собралась толпа зѣвакъ посмотрѣть, какъ-то пара мертвецовъ будетъ отплясывать,—и взялись мы прыгать, какъ въ пляскѣ св. Витта. Но на такія неестественныя эволюціи не хватило у насъ силы. Давай-молъ, говорю я, выкинемъ такую штуку, чтобы намъ перекувырнуться головами внизъ, а ногами вверхъ. Ну, братецъ ты мой, и начали мы выкидывать такія штуки, которыя можно видѣть за три копейки въ каждомъ акробатическомъ балаганѣ... Насъ разумѣется предостерегли. Эй, дескать, молодцы, будьте осторожнѣе! Но мы не послушались, давай пуще и наконецъ мы достигли нашей цѣли, насъ остановили.

Теперь наше изданіе пріостановлено на 6 мѣсяцевъ, значитъ какъ разъ къ новой подпискѣ мы опять процвѣтемъ; съ нашими подписчиками мы какъ нибудь сладимъ..... Да тутъ, батюшка мой, такая подписка пойдетъ, что... Да тутъ чему же и радоваться, какъ не этому? Теперь у меня только и дѣла, что наслаждаться природой, устраивать литературные вечера (у моего друга по субботамъ всегда открытые литературные вечера) и толковать о человѣчествѣ, его счастіи и бесѣдовать съ моимъ великимъ другомъ Б.... О, мой другъ, еслибъ ты зналъ, что за человѣкъ г. Б...! Это человѣкъ, предъ которымъ я за версту съ благоговѣніемъ снимаю шапку. Б..... это живая половина Писарева; теперь я не только передъ нимъ буду снимать шапку, но даже передъ его домомъ, которымъ онъ недавно обзавелся.

Да, кстати сударыня, о домѣ г-на Б.... Домъ Б.... составляетъ новую эру въ нашей литературѣ и общественной жизни. Это показываетъ насколько здоровыя соціальныя начала успѣли проникнуть въ наше общество, такъ какъ по носящимся слухамъ г-нъ Б...., пріобрѣтшій себѣ домъ изъ литературныхъ трудовъ, не намѣренъ пользоваться его доходами какъ прочіе домовладѣльцы, а намѣренъ осуществить свои соціальныя теоріи, за которыя онъ такъ горячо ратуетъ, на практикѣ — и хочетъ предложить всѣмъ своимъ бывшимъ сотрудникамъ пользоваться всѣми выгодами и доходами, пропорціонально ихъ трудамъ. Такой подвигъ достоинъ подражанія и если вы, сударыня, встрѣтите гдѣ либо сотрудника г. Б...., у котораго нѣтъ квартиры, то вы можете ему передать эту радостную вѣсть и чтобъ онъ ѣхалъ прямо съ своимъ скарбомъ въ домъ г. Б.... и что онъ найдетъ тамъ для себя отдѣланную квартиру. Не вѣрить этимъ слухамъ нѣтъ никакого основанія, потому что иначе....

L'homme qui rit.

Желѣзнодорожные порядки.

Помѣщаемъ описаніе слѣдующаго случая, который чрезвычайно характеристично рисуетъ порядки нашихъ желѣзныхъ дорогъ.

„Возвращаясь изъ Москвы, въ четвергъ 13 іюля, и желая отправиться съ курьерскимъ поѣздомъ, отходящимъ въ 7 часовъ 15 минутъ (по Московскому времени 7 часовъ 45 минутъ) я прибылъ на станцію за девять минутъ до звонка къ рѣшеткѣ кассы. Но касса была уже закрыта и мнѣ указали на выставленное объявленіе, подтверждавшее, что касса эта закрывается за *десять* минутъ

до отхода поѣзда. Просьбы ни къ чему не повели. Предлагаютъ ему обратиться къ начальнику станціи. Носильщикъ бросаетъ подъ ноги, среди воксала весь багажъ, такъ какъ нести дальше ему не позволяютъ. Что дѣлать? Кое-какъ беру — въ одну руку сакъ-вояжъ, въ другую—чемоданъ, бѣгу на платформу, отыскиваю начальника станціи, нахожу помощника его въ лицѣ очень молодаго человѣка, который въ концѣ концовъ все-таки отклоняетъ мою просьбу дать мнѣ мѣсто въ отходящемъ поѣздѣ. Между тѣмъ ѣхать необходимо, дѣла зовутъ неотложно въ Петербургъ. Я намѣреваюсь пройди въ дверцу загородки къ вагонамъ, гдѣ есть мѣста еще десяткамъ человѣкъ, и держу на готовѣ деньги въ рукѣ, чтобы впослѣдствіи уплатить кондуктору съ полученіемъ печатной квитанціи, какъ это предписано въ желѣзно-дорожныхъ правилахъ; но жандармъ не пускаетъ меня. Вся эта сцена происходитъ противъ одного изъ вагоновъ перваго класса и многіе изъ господъ пассажировъ кричатъ раздосадованному этой неслыханно глупой придиркой путнику: «да прыгайте же черезъ барьеръ. Но когда обѣ руки заняты поклажей, не такъ-то легко прыгать черезъ такія загородки, которыя воздвигаются на нашихъ дебаркадерахъ. Это очень хорошо видѣли и пассажиры, нѣкоторые изъ нихъ вышли изъ вагона на выручку, взяли вещи и перенесли ихъ въ вагонъ. Затѣмъ и самъ я благополучно перебрался чрезъ запретный рубежъ и такимъ образомъ, наконецъ, все еще за 4 минуты до отхода поѣзда, *благодаря любезному вмѣшательству спутниковъ*, очутился въ вагонѣ, гдѣ едва половина мѣстъ была занята.

Такимъ-то образомъ служащіе на желѣзной дорогѣ третируютъ ѣдущую публику, какъ будто публика и платимые ею рубли существуютъ единственно для служащихъ, а не эти послѣдніе для публики. А какъ вамъ нравится то обстоятельство, что помощн. нач. *Московской* желѣзнодорожной станціи не вѣдаетъ даже, что плата за проѣздъ можетъ быть произведена и впослѣдствіи во время самаго переѣзда и что съ этою цѣлью Главнымъ Обществомъ учреждены печатные бланки для квитанцій? Далѣе, что за странность закрывать кассу за 10 минутъ до отхода поѣзда? Желали бы мы посмотрѣть на такого сорта служащихъ при такихъ распоряженіяхъ—ну, хоть бы въ воскресенье на Парижско-Версальской желѣзной дорогѣ, гдѣ черезъ каждые 10 минутъ отходитъ новый поѣздъ и около 400,000 человѣкъ отправляются въ теченіе дня—вѣжливо, безъ скандаловъ, несчастій и т. п.

Едва отъѣхали съ четверть часа пути, вошолъ оберъ-кондукторъ повѣрять билеты, подходитъ между прочимъ и ко мнѣ.

— Позвольте вашъ билетъ?

— У меня нѣтъ билета.

— Куда вы изволите ѣхать?

— Въ Петербургъ.

— Это будетъ вамъ стоить 22 рубля.

— Вотъ вамъ 22 рубля.

Какъ проста и разумна эта короткая процедура съ простымъ кондукторомъ въ сравненіи съ просвѣщеннымъ дѣлопроизводствомъ на Московской станціи!

А. Марксъ.

Смѣсь.

Новое изобрѣтеніе.

Между прочими заграничными произведеніями на Московской политехнической выставкѣ, въ техническомъ отдѣлѣ, выставленъ шкафъ краснаго дерева подъ фирмою: Рейнскія соединенныя фабрики жидкаго стекла. Съ перваго взгляда шкафъ этотъ не представляетъ ничего особеннаго, въ немъ помѣщаются стклянки съ жидкимъ стекломъ, образцы мытой и немытой шерсти и проч., и мы убѣждены въ томъ, что тысячи посѣтителей выставки проходятъ мимо этого шкафа, отнюдь не подозрѣвая, какое важное новое изобрѣтеніе скрывается въ его неприглядныхъ стѣнкахъ.

Дѣло идетъ о *новомъ мылѣ*, представляющемъ столько выгодъ, что оно по крайней мѣрѣ распространится повсемѣстно, если не совсѣмъ вытѣснитъ нынѣшнее общеупотребительное. Случайно познакомились мы съ самимъ экспонентомъ, г-номъ ванъ-Барле, которому и обязаны подробнѣйшими свѣдѣніями объ этомъ новомъ изобрѣтеніи. Трудно дать названіе этому продукту, который отнюдь не есть мыло въ обыкновенномъ смыслѣ; слѣдовало бы назвать его *мыломъ изъ жидкаго стекла*. Это бѣлое, пріятно пахнущее, мягкое мыло, котораго требуется около $^2/_3$ количества обыкновеннаго мыла и которое притомъ вдвое дешевле, не только лучше и въ 8 разъ скорѣе но еще и нисколько не повреждая ткани моетъ все что угодно: шелкъ, атласъ, кружева, полотно, бумажныя ткани, батистъ и т. п. даже нѣжнѣйшей анилиновой окраски, которая до сихъ поръ не выдерживала никакой стирки—и все это въ невѣроятно короткое время. Изобрѣтеніе это сдѣлано на слѣдующихъ основаніяхъ: мыло должно извлекать изъ бѣлья жирныя вещества (существенныя составныя части грязи на бѣльѣ суть жиръ и жирный потъ); между тѣмъ нынѣшнее мыло само главнымъ образомъ состоитъ изъ жира. Можно ли извлекать жиръ жиромъ? Это безсмыслица—и если было возможно до сихъ поръ, то единственно благодаря процессу усиленной стирки (тренія) и образованію пѣны. Надо было найдти эквивалентъ мыла, состоящій не изъ жира, но вытягивающій, поглощающій въ себя жирныя вещества. Этимъ-то свойствомъ и обладаетъ новоизобрѣтенное (состоящее изъ жидкаго стекла, кремневой кислоты и проч.) мыло. Нѣтъ такой грязи, которую бы въ нѣсколько минутъ не уничтожило до чиста это мыло. Процессъ мытья чрезвычайно простъ. На пудъ бѣлья берется 1—$1^1/_2$ фунта этого состава и растворяется въ котлѣ съ кипяткомъ. Затѣмъ въ котелъ кладется бѣлье и переворачивается палкой. Можно поставить котелъ и на огонь на короткое время, постоянно перемѣшивая бѣлье палкой. Затѣмъ берется другой сосудъ съ горячей но уже чистой водой, въ которой бѣлье штуку за штукой выполаскиваютъ, развѣшиваютъ для просушки—и дѣло съ концомъ. Бѣлье получаетъ ослѣпительную бѣлизну и сохраняетъ ее въ теченіи долгихъ мѣсяцевъ, не пахнетъ противнымъ мыломъ, а напротивъ пріобрѣтаетъ весьма пріятный запахъ. Въ томъ что мыло это нисколько не повреждаетъ ткани, легко убѣдиться, положивъ въ крѣпкій его растворъ на нѣсколько часовъ или даже на цѣлый день кусочекъ тонкаго полотна или батиста; по вынутіи его обратно, легко видѣть, что волокна ткани нисколько не повреждены.

Въ Германіи, именно въ южной, составъ этотъ получилъ уже право гражданства въ каждой семьѣ. Фабрика въ Вормсѣ на Рейнѣ не наготовится его, такъ силенъ спросъ. Теперь г-нъ ванъ-Барле основалъ фабрики въ Вѣнѣ и Берлинѣ, таковыя же предполагаются въ Парижѣ и Лондонѣ. Парижъ, гдѣ новое изобрѣтеніе далеко еще не всѣмъ извѣстно, потребляетъ уже до 40,000 килограм. этого мыла въ мѣсяцъ, Лондонъ—еще болѣе.

Изобрѣтеніе это настолько важно, что мы съ особеннымъ удовольствіемъ спѣшимъ заявить о немъ прежде всѣхъ русскихъ журналовъ, такъ какъ весьма недалеко время, когда оно будетъ распространено во всѣхъ слояхъ общества—немнѣе керосина. Лѣтъ двадцать тому назадъ кто слыхалъ о керосинѣ? — а нынѣ находимъ его во всякомъ домѣ. Такъ будетъ и съ новымъ изобрѣтеніемъ. Мы упомянемъ объ одномъ только случаѣ его примѣненія, для того чтобы представить его выгоды въ настоящемъ свѣтѣ. Знаменитый царь-литейщиковъ Круппъ въ Эссенѣ, дающій занятіе на своемъ заводѣ 10,000 человѣкъ, каждый мѣсяцъ потребляетъ на чистку машинъ на 800 рублей бумазеи или чистыхъ льняныхъ тряпокъ, которыя онъ до сихъ поръ бросалъ, когда они загрязнивались по невозможности вымыть ихъ до чиста, и покупалъ ежемѣсячно на 800 рублей новый запасъ. Теперь Круппъ ежемѣсячно посылаетъ цѣлый вагонъ тряпокъ мыть этимъ мыломъ, и такимъ образомъ ежемѣсячно сберегаетъ 800 р.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОПЕЧАТКА.

Покорнѣйше просимъ читателей исправить слѣдующую ошибку: Въ первомъ ...

Дозволено цензурою 28 Іюля 1872 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр. д. № 53.

№ 32 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 7 августа 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 » — »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (**А. Ф. Марксъ**) въ *С.-Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Томительный часъ.

(Сцены холерной поры).

(Продолженіе).

III.

Мы, читатель, теперь въ приличной гостиной съ мягкою мебелью въ бѣлыхъ чехлахъ. На переддиванномъ столѣ горитъ подъ абажуромъ эффектная лампа.

Иванъ Львовичъ Подпояскинъ, видный мужчина, съ прелестными бакенбардами, въ домашнемъ пиджакѣ, но въ туфляхъ съ каблуками, сидитъ, развалившись, въ креслахъ. Передъ нимъ стоитъ молодая женщина, нѣсколько полная, но довольно миловидная. Въ рукѣ ея дымится тоненькая папироска.

Это жена Ивана Львовича—Евгенія Николавна.

— Ахъ, Жанъ, Жанъ, говоритъ она,—какъ это непріятно!

— Ну, разумѣется, пріятности тутъ мало, съ легкимъ раздраженіемъ въ голосѣ произноситъ Жанъ.

— Я, право боюсь... Вѣдь ты знаешь, какой у насъ городъ: грязный, вонючій... Ну, долго-ли тутъ эпидеміи разыграться?... А она ужъ явилась...

— Н-да, явилась...

— И что скверно-то: первый холерный случай не въ народѣ, а среди насъ... Неужели Максимъ Трифонычъ... умеръ?...

— Ахъ, Женя! Я гоню эти мысли прочь, а ты какъ нарочно... Что тебѣ за охота?...

И Иванъ Львовичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Что же мнѣ дѣлать, когда я не могу? меня это ужасно безпокоитъ... Наконецъ, я еще жить хочу! Нѣтъ, надо вонъ изъ этого города—прочь, прочь!

Подпояскинъ молчалъ и кусалъ губы.

— Да, прочь отсюда, прочь!

— Смѣшная ты! Ну, куда-же прочь? Холера по всей Россіи гуляетъ... Вездѣ скверно.

— Ну, нѣтъ, не вездѣ-съ.

— Нѣтъ, вездѣ-съ...

— Ну, хорошо, хорошо! Послушай, Жанъ, надо непремѣнно узнать, что теперь съ Максимомъ Трифонычемъ, иначе я истомлюсь и не буду совсѣмъ спать.

— Я-то тутъ что? Ну, пошли...

— Да не идутъ... боятся.

— Это еще почему?

— Говорятъ, заразиться можно... Развѣ ты не знаешь, какая нынче прислуга? Не заставишь. Чуть что—«пожалуйте паспортъ!» Сходи ты.

Послѣднія два слова Евгенія Николавна проговорила такъ хладнокровно и покойно, что очевидно было, что она этой маленькой фразой дѣлала смѣлый и разсчитанный ходъ въ словесной борьбѣ съ своимъ мужемъ.

— Я? воскликнулъ Иванъ Львовичъ, не понявшій хода.—Слуга покорный! Во-первыхъ, мерзѣйшая погода, во-вторыхъ...

— А во-вторыхъ, быстро перебила его жена и глаза ея сверкнули, — ты меня не любишь! Не хочешь успокоить

меня, слабую женщину... Тебѣ, я знаю, все равно! Я надоѣла...

— Ну, поѣхала!

— И-да съ, продолжала Евгенія Николавна, покачивая головой и особенно медленно,—если-бы тутъ, вотъ гдѣ я стою, стояла другая особа съ болѣе свѣтлыми волосами... похудощавѣе—ну, другое дѣло! Отчего-же просьбы не исполнить?... Даже... пріятно, очень пріятно!

Иванъ Львовичъ нахмурилъ брови.

— Что ты мелешь вздоръ?... произнесъ онъ довольно сдержанно и провелъ рукой по волосамъ.

— Какъ это вздоръ?...

Госпожа Подпояскина повернулась на каблучкахъ и молча подошла сначала къ окну, потомъ къ зеркалу.

— Я буду набитая дура, думала она, глядясь въ зеркало,—если не воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы уѣхать въ Петербургъ. Я молода, я еще жить хочу... Рано здѣсь хоронить себя заживо! А тамъ... Боже мой, тамъ свѣтъ... жизнь! Клубы, театры, знакомства, маскарады...

— Иванъ Львовичъ!

— Что-съ?

— Я не желаю васъ стѣснять, но... не стѣсняйте и вы меня. Я вамъ рѣшительно объявляю, что не могу въ виду холеры оставаться въ этомъ городѣ. Чѣмъ я хуже Варвары Михайловны? Она мнѣ уже писала изъ Петербурга... Она ужъ тамъ. Какъ только холера начала въ Вертихвостовѣ затрогивать благородныхъ, она на другой день уѣхала въ Петербургъ.

— Такъ вы въ Петербургъ желаете?...

— Да-съ, и завтра-же...

— Все это прекрасно, но вѣдь я здѣсь служу... Вы, кажется, совсѣмъ выпустили изъ виду это обстоятельство?

Иванъ Львовичъ поднялся съ кресла.

Супруги на два шага подошли другъ къ другу.

— Нисколько. Я могу одна ѣхать...

— А ребенокъ?

— И его беру съ собой. Тетка давно звала меня вмѣстѣ съ Мишей... Я у ней и остановлюсь.

— Очень мило, очень мило!

— Ахъ, Жанъ! Возьми и ты отпускъ... уѣдемъ!

— Я не могу ѣхать.

— Такъ я одна поѣду.

— Я тебя одну не пущу.

— Не пустишь?

— Нѣтъ.

— Какъ это современно!... мило!

Подпояскинъ повернулся и пошелъ.

— Но какое ты имѣешь право?...

Отвѣта не послѣдовало.

— Что-жъ это такое? Оставаться въ зараженномъ городѣ?... А! ты хочешь видѣть, какъ я буду умирать въ судорогахъ... хочешь? хочешь? Отвѣчай!...

Она подбѣжала къ дивану и упала на него. Кринолинъ нѣсколько приподнялся и обнаружилъ довольно высоко кругленькую ножку обтянутую въ бѣлоснѣжный чулокъ.

Иванъ Львовичъ повернулся и бросилъ взглядъ на диванъ. Прежде всего въ глаза ему бросилось бѣлое пятно... Онъ сдѣлалъ два шага къ дивану, не спуская глазъ съ этого продолговатаго бѣлаго пятна. Легкая нервическая дрожь пробѣжала у него по спинѣ, скользнула по груди и онъ тихо подошелъ къ женѣ.

Евгенія Николавна лежала, закрывъ глаза руками.

— Женя! тихо и ласково произнесъ Жанъ.

Отвѣта не было.

Онъ постоялъ, погладилъ нѣсколько разъ лѣвую бакенбарду и осторожно опустился на незанятый краюшекъ дивана, опустился какъ-то бокомъ; правой рукѣ его некуда было дѣться, потому-что онъ правымъ бокомъ сидѣлъ вплотную къ женѣ... Подержавъ съ пол-секунды руку на воздухѣ, Иванъ Львовичъ довольно рѣшительно обхватилъ ею станъ Евгеніи Николавны.

Со стороны Евгеніи Николавны не послѣдовало никакого движенія, но она въ щелку между пальцами наблюдала однимъ глазомъ за выраженіемъ лица мужа.

Онъ близко наклонился къ ней и произнесъ нѣжно:

— Женя... милая... успокойся!... Можно отнять твои ручки отъ глазъ... можно?

Такъ какъ наблюдать однимъ глазомъ больше было уже нечего, такъ по крайней мѣрѣ рѣшила Евгенія Николавна, то она сама быстро отбросила руки отъ лица и не открывая глазъ, слабо произнесла:

— Ахъ, оставьте меня...

— Ну, Женя... ну, полно! Послушай...

— Нечего мнѣ васъ слушать.

— Да открой глазки... посмотри на меня!

— Извольте вашу руку взять прочь!

— Куда-же я ее прочь возьму?...

И Иванъ Львовичъ еще крѣпче обнялъ жену.

Евгенія Николавна открыла глаза и приподнялась.

— Пустите! Это что еще такое?...

— Нѣтъ, я тебя не пущу... Ты хочешь уйти въ спальню и запереться! Я знаю... У, какая ты злая!... Я хочу, чтобы ты меня выслушала... Во-первыхъ, я согласенъ самъ сходить и узнать о положеніи Максима Трифоныча, чтобъ тебя успокоить...

Господинъ Подпояскинъ пріостановился, перевелъ духъ, такъ какъ сидѣлъ согнувшись, а сердце его билось не совсѣмъ обыкновенно...

— Благодарю васъ, сказала Евгенія Николавна, стараясь смотрѣть куда-то въ сторону и закусывая губы.

— А во вторыхъ, продолжалъ онъ,—я нахожу твои опасенія дѣйствительно заслуживающими вниманія... Да, если эпидемія здѣсь разыграется—то есть, виноватъ! начнетъ принимать ужасающіе размѣры—я согласенъ на выѣздъ... даже въ Петербургъ! Разумѣется, не завтра... Вѣдь можетъ быть, что случай съ Максимомъ Трифонычемъ такъ и останется единственнымъ, и съ нашей стороны было-бы неблагоразумно... Ну, однимъ словомъ: даю тебѣ слово, что если холера станетъ усиливаться—мы уѣзжаемъ отсюда!

— А будетъ-ли она усиливаться? невольно мелькнуло въ головѣ госпожи Подпояскиной, и она ласково, хотя и исподлобья, взглянула на мужа.

— Ну, что? Что-жъ ты молчишь?... Все еще сердишь-Взгляни-ка, взгляни прямо!

Евгенія Николавна прищурила глаза.

— А вотъ я тебя пощекочу!

Иванъ Львовичъ заигралъ въ воздухѣ пальцами и сейчасъ-же получилъ легкій ударъ по рукѣ. Жена хихикнула.

— Ну, вотъ, давно-бы такъ! весело воскликнулъ онъ, быстро поцѣловалъ Женю и вскочилъ съ дивана.

— Ты и теперь будешь говорить, что я не люблю тебя?...

— Нѣтъ, нѣтъ... извини меня! заговорила наконецъ Евгенія Николавна и встала.—Я вижу, ты меня любишь...

— Ну, такъ, Женя, будь-же спокойна, а я сейчасъ пойду...

Часы пробили девять разъ.

— Нѣтъ-ужь, не ходи... не надо!... Такая погода... Мнѣ тебя жаль! Можно потерпѣть до завтра, да и наконецъ Коля Одеколоновъ навѣрно еще сегодня завернетъ къ намъ и все разскажетъ.

— И отлично! Онъ теперь по всему городу носится съ этой холерой... Еще-бы! такая интересная новость.

— Вотъ увидишь—онъ явится.

— Вполнѣ увѣренъ.

Иванъ Львовичъ повернулся на одномъ каблукѣ и подскочилъ къ женѣ, протянувъ къ ней обѣ руки.

— А за то-съ, что вы меня не пустили, пожалѣли—позвольте поцѣловать вашу лапку!

Лапка была милостиво протянута.

Наступило краткое, но пріятное молчаніе. Жанъ доставалъ изъ портсигара папироску, а Евгенія Николавна, проходя мимо зеркала, взглянула па себя и улыбнулась.

— Жанъ, сказала она,—у тебя кажется въ кабинетѣ сегодня холодновато—да?...

— Даже холодно!

— Ну-съ, такъ я не позволяю сегодня вамъ тамъ спать...

Иванъ Львовичъ не ожидалъ такого запрещенія, каждое слово котораго было сказано отчетливо и громко, а потому, вдругъ заторопившись, закурилъ папироску съ другаго конца...

IV.

«Собственные» кучера въ городѣ Незамаевѣ ругались—и было отчего: дождь лилъ, а тутъ приказываютъ *закладать* экипажъ, потому что господамъ, какъ передавали лакеи и горничныя возницамъ, безпремѣнно надо ѣхать.

— Что-жъ ты, Никифоръ! говоритъ звонко бойкая, молоденькая горничная.—Тебѣ говорятъ али нѣтъ?

— Слышалъ, хладнокровно отвѣчаетъ кучеръ Никифоръ.

Не хочется ему, шибко не хочется разставаться съ теплой кухней. Онъ сидитъ неподвижно.

— Приказано коляску—слышишь?

— А ты еще разъ скажи.

— И верхъ велѣно поднять. Что-жъ ты?

— Я-то? Я ничего.

— Ну, ладно! Все барынѣ разскажу.

— Знаемъ.

— Да иди-же!

— Куда? спрашиваетъ Никифоръ, притворяясь что не понимаетъ.

— Дур-р-акъ!

— Отъ дуры слышу.

— Ну, мнѣ все равно, вскрикиваетъ дѣвушка, махнувъ обѣими руками,—дѣло свое сдѣлала, сказала.—Прощайте!

Она хлопаетъ дверью и убѣгаетъ.

— Наше вамъ почтеніе! летитъ ей вслѣдъ.

Никифоръ немедленно встаетъ; ему никакъ не хотѣлось встать при горничной, сдѣлать такъ какъ она хочетъ,—однимъ словомъ, онъ считалъ обиднымъ для себя послушаться сразу приказанія, передаваемаго черезъ такую-же слугу, какъ и онъ.

— Ну, чего ты ломался-то? спрашиваетъ кухарка.

— Гдѣ тутъ фонарь-то? сердито говеритъ Никифоръ, не обращая вниманія на слова кухарки.

— Ослѣпъ! Вонъ фонарь.

— Анафемская жисть, ворчитъ онъ, зажигая огарокъ,—черти, право, черти!

— То-то, тебѣ бы все вверхъ брюхомъ лежать, замѣчаетъ судомойка.—Чудесное дѣло!

Никифоръ даже не взглядываетъ на нее, и только въ дверяхъ съ зажженнымъ фонаремъ въ рукѣ, произноситъ громко:

— Лѣшій-бы всѣхъ васъ задавилъ!

Господа сердятся, что экипажъ долго не подается.

Наконецъ, онъ поданъ.

Извѣстіе о первомъ холерномъ случаѣ, о неопредѣленно-заболѣвшемъ Максимѣ Трифонычѣ, благодаря прислугѣ и разнощику вѣстей—Колѣ Одеколонову, быстро облетѣло весь городъ и встревожило въ особенности Незамаевскихъ дамъ.

Онѣ струсили, впали въ уныніе и ощутили сейчасъ-же потребность навѣстить другъ друга, поговорить объ угрожающей опасности, о мѣрахъ противъ заболѣванія и вообще развлечься отъ разныхъ мыслей.

Разумѣется, тѣ дамы, которыя не имѣли собственныхъ экипажей и лошадей, оставались дома и писали другъ къ другу записочки, въ которыхъ или просто извѣщали о несчастьи, постигшемъ «нашъ» городъ, или спрашивали совѣтовъ, какъ вести себя во время эпидеміи и нѣтъ-ли какихъ нибудь домашнихъ средствъ противъ холеры, которыя всегда были-бы подъ рукой.

Положеніе Максима Трифоныча интересовало всѣхъ. Что онъ? Что съ нимъ? тамъ и сямъ раздавались вопросы, но никто не рѣшился прямо отправиться въ домъ, въ которомъ началась холера. Что она заразительна—въ этомъ никто не сомнѣвался.

Коля Одеколоновъ, прославившійся въ незамаевской дамской средѣ своею чрезвычайною услужливостью, любезностью, облетѣлъ почти всѣхъ дамъ—и каждой въ отдѣльности обѣщалъ обо всемъ разузнать, все передать, что касалось хода болѣзни уважаемаго и милаго Максима Трифоныча.

Дамы обладающія экипажемъ—поѣхали и разъѣхались

Анисья Потаповна поѣхала къ Аглаѣ Петровнѣ, но не застала ее дома, потому что Аглая Петровна только что уѣхала къ Зинаидѣ Васильевнѣ, которой тоже уже слѣдъ простылъ, такъ какъ она отправилась къ Ольгѣ Яковлевнѣ, дальней родственницѣ Максима Трифоныча; но Ольга Яковлевна, славящаяся въ Незамаевѣ вообще своею смѣлостью и почти мужской отвагой (она была въ Севастополѣ во время осады), сидѣла въ это время у постели своего родственника. Зинаида Васильевна не рѣшилась ѣхать туда.

Только Дуклидѣ Львовнѣ (имянины въ мартѣ мѣсяцѣ) посчастливилось: она застала дома пріятельницу свою, Марью Никитишну Ублюдкову.

— Ахъ, милочка! Ахъ, Дуклида Львовна! распѣвала госпожа Ублюдкова, искренно обрадованная визитомъ своей пріятельницы.—Ну, что?... Вѣдь посѣтила *она* и нашъ городъ! Я, знаете, какъ только узнала, что Максимъ Трифонычъ сдѣлался первой жертвой, такъ у меня сердце упало... ну, вотъ просто упало! Побѣжала къ мужу въ кабинетъ, а онъ спитъ... Вообразите, эдакое время, а онъ—спитъ! Ну, растолкала его. И онъ тоже испугался!... Велѣла на всякій случай заварить мяту. Ну, что-же, что съ Максимомъ Трифонычемъ? Вѣдь я тутъ одна, ничего не слышу, ничего не знаю!...

— Да неизвѣстно еще. Оба наши доктора у него те-

перь... Коля Одеколоновъ обѣщался все разсказать или прислать записку. Вѣдь я къ вамъ на минутку, душечка, что-бы, знаете, разсѣяться только...

Дуклида Львовна вздыхаетъ.

— А гдѣ же вашъ мужъ? спрашиваетъ она.

— А онъ пошелъ къ Ивану Павлычу. Нѣтъ, посидите у меня. Хотите, вмѣстѣ мяты выпьемъ?

— Пожалуй, я мяты выпью.

— Ну, вотъ и прекрасно! Все-таки, знаете, надо *ее* предупреждать... Ахъ, какъ страшно, страшно!

Марья Никитишна вскакиваетъ съ дивана.

— Я—сейчасъ! Я только распоряжусь насчетъ мяты...

Она убѣгаетъ. Дуклида Львовна смотритъ ей вслѣдъ и говоритъ про себя: «Я васъ насквозь вижу, Марья Никитишна! Втайнѣ-то вы рады холерѣ... да-съ! Авось, думаете, вдругъ я вдовой сдѣлаюсь—тогда какъ слѣдуетъ заживу съ милымъ Сергѣемъ Иванычемъ... Да, холера эта можетъ многихъ опечалить, но многихъ и осчастливить!

— Марья Никитишна! обращается гостья къ входящей хозяйкѣ:—а вѣдь намъ придется пересмотрѣть нашъ траурный гардеробъ и, пожалуй, прикупить что нибудь заранѣе, потому что купцы потомъ заломятъ цѣны...

— Непремѣнно, душечка, непремѣнно! А знаете-ли что я вамъ скажу, но... подъ секретомъ?...

— Вы можете надѣяться на мою скромность!

Дуклида Львовна горячо пожимаетъ руку Марьи Никитишны.

— О, я вполнѣ увѣрена, что это останется между нами! Я знаю, съ кѣмъ сижу и кому говорю.

— Что-же такое? Говорите, говорите...

— Конечно, это пустяки, говоритъ улыбаясь и какъ-бы конфузясь Марья Никитишна,—но я... вотъ, видите-ли, передъ самымъ вашимъ пріѣздомъ, напала на мысль сдѣлать совершенно оригинальный траурный тюникъ и ужъ кое-что сдѣлала. Великолѣпный выйдетъ! И вѣдь такого тюника ни у кого больше не будетъ... Только у васъ, да у меня!

— Душечка, покажите!

— Да вѣдь онъ еще не вполнѣ... Пріѣзжайте завтра!

— Ахъ—нѣтъ! сегодня, сегодня! Да вы разскажите прежде, я все пойму и какъ пріѣду домой... Душечка!

Дуклида Львовна внезапно цалуетъ Марью Никитишну.

— Хорошо, хорошо! Но вы представьте себѣ, какъ мы поразимъ этимъ тюникомъ Аглаю Петровну!

— А Зинаиду-то Васильевну?

— Ну, и ее тоже. Онѣ просто взбѣсятся!...

— Тѣмъ болѣе къ намъ такъ идетъ черный цвѣтъ.

— Да, да! Помните, когда хоронили въ прошломъ году Матрену Ивановну и у насъ еще стоялъ полкъ, а мы обѣ были въ черныхъ платьяхъ съ хвостами?... Помните? Офицеры тогда говорили намъ: «Боже мой, какъ вы сегодня интересны!»

— Къ вамъ даже больше идетъ, чѣмъ ко мнѣ! съ жаромъ замѣчаетъ Дуклида Львовна, а про себя говоритъ:—какъ-бы не такъ! Къ вамъ только одно пестрое и къ лицу!...

— Нѣтъ къ вамъ больше—вы блондинка! съ такимъ-же жаромъ произноситъ Марья Никитишна, а про себя думаетъ:—ну, нѣтъ-съ! Къ вамъ пестрое идетъ, но только не черное... Ужъ извините-съ!...

— Положимъ, я блондинка, но къ вамъ какъ-то особенно... особенно къ лицу черное!

— Можетъ быть, не спорю... но, когда вы, Дуклида Львовна, одѣваетесь въ черное, тогда... тогда въ васъ что-то такое замѣтить можно царственное... Да, именно царственное!

— Конечно, постороннему это легче видѣть, сама какъ-то за собой не замѣчаешь; но ужъ если во мнѣ находите нѣчто царственное, то позвольте мнѣ въ такомъ случаѣ сказать, что вы въ черномъ просто... непостижимы!

— А вы царственны!

— А вы непостижимы!

— Нѣтъ, къ вамъ, право, больше идетъ!

— А къ вамъ еще больше!

— Какой у насъ интересный споръ!

Обѣ дамы смѣются, но это у нихъ выходитъ очень натурально.

— Ахъ, душечка! Однако вѣдь половина десятаго! восклицаетъ Дуклида Львовна.—Ради Бога, покажите тюникъ!

— Пойдемте въ спальню.

Марья Никитишна встаетъ.

— Что-то теперь Максимъ Трифонычъ... Какъ вы думаете?

— Охъ, ужъ не говорите!... Страшно..

— У меня до сихъ поръ сердце не на мѣстѣ...

— Боже мой, сколько, сколько непріятностей въ жизни!

Обѣ пріятельницы скрываются въ спальнѣ.

(Продолженіе будетъ).

Мученичество св. Севастіана.

(Съ картины Гвидо Рени).

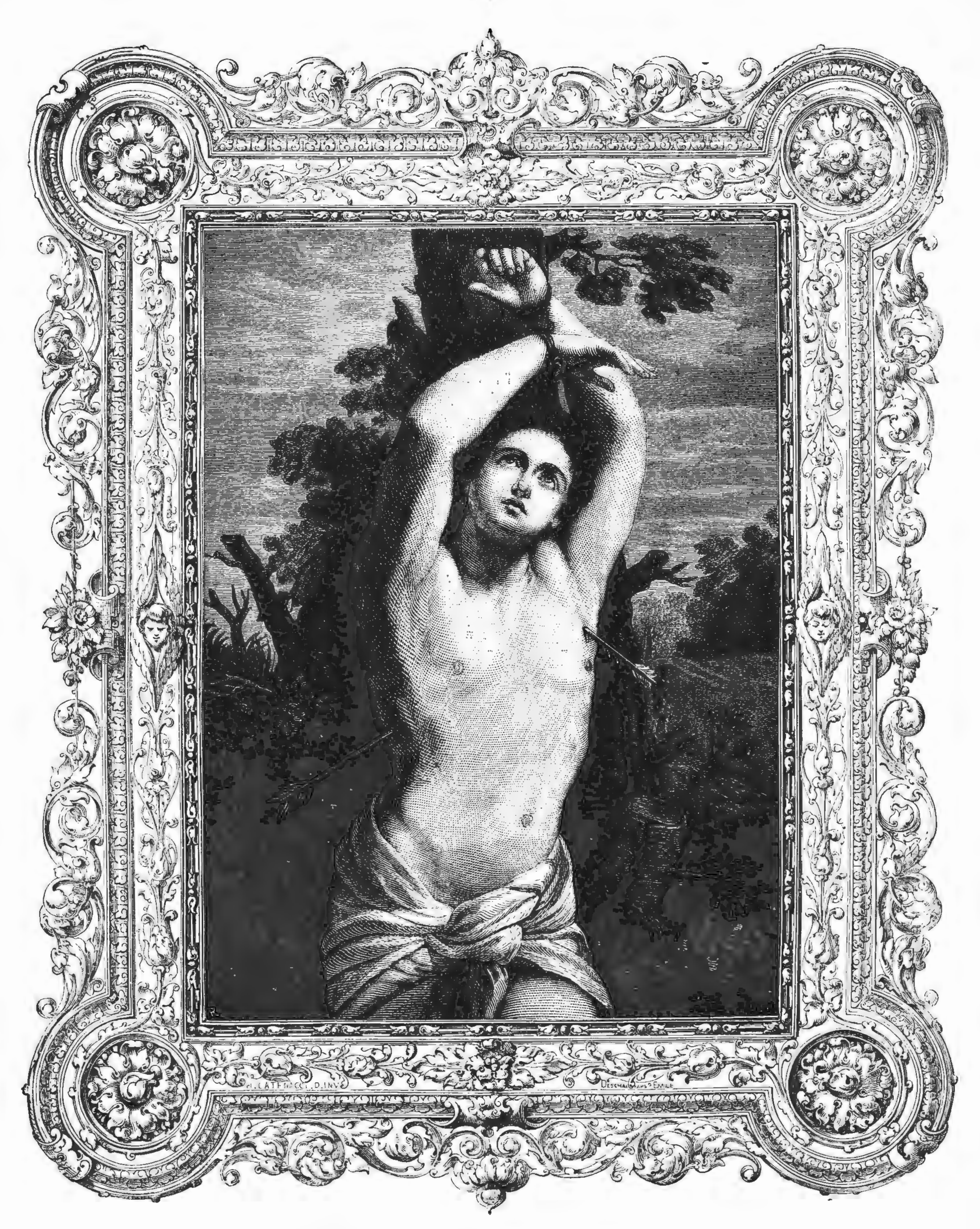
Гвидо Рени, одинъ изъ славнѣйшихъ представителей Болонской школы живописи, родился 1575 года въ Болоньѣ. Первоначальное художественное образованіе получилъ отъ Діонисія Кальверта, потомъ учился у Людовика Караччи, а въ 1596 году отправился въ Римъ, гдѣ пріобрѣлъ покровительство папы Павла V и герцога тосканскаго. Кардиналъ Боргезе заказалъ ему для церкви Деллатре-фонтане, впослѣдствіи столь знаменитое, распятіе св. Петра (нынѣ въ Ватиканѣ) и Аврору на плафонъ въ палаццо Роспильози. По заказу же кардинала Пьетро Альдебрандини, украсилъ онъ своими произведеніями капеллу Санъ-Сакраменто при Равенскомъ соборѣ. Для самого папы Павла V, Рени расписывалъ капеллы на Монте-Кавалло и въ Санъ-Маріа Маджіоре. Многіе кардиналы (въ томъ числѣ и Мазарини), а также итальянскіе и иностранные вельможи, заваливали его заказами; такъ, въ Болоньѣ онъ написалъ Петра и Павла, для дома Цампіери, и избіеніе младенцевъ, для доминикаскаго монастыря. Гвидо посѣтилъ и Неаполь, но прожилъ тамъ весьма короткое время; раздраженный тамошними художниками, онъ возвратился на родину, гдѣ и умеръ въ 1642 году.

Не смотря на громадныя суммы, платимыя ему за картины, Рени постоянно нуждался: всѣ его доходы поглощала игра—главная его страсть, которой онъ предавался до самозабвенія.

Въ созданіяхъ своихъ, Гвидо Рени проявлялъ рѣдкую

легкость изобрѣтенія,—но мало глубины; тонкое чувство красоты въ формѣ и въ постановкѣ фигуръ, — но мало вѣрности природѣ; онъ мастерски владѣлъ кистью, но ему

Впрочемъ, произведенія его запечатлѣны чрезвычайно разнообразнымъ характеромъ, по времени ихъ появленія.



Мученичество св. Севастіана. (Съ картины Гвидо Рени).

Рисовалъ Руссо, гравировалъ Жоннаръ.

недоставало правдивости и изящества въ выборѣ отдѣльныхъ красокъ.

Въ первомъ періодѣ его творчества — они поражаютъ величіемъ мощныхъ образовъ, при необыкновдной сдер-

жанности въ расположеніи фигуръ и темнотѣ тѣней, что сближаетъ Рени со школой тогдашнихъ натуралистовъ, особенно съ Караваджіо. Сюда относятся кромѣ ватиканскаго Петра: мадонна *дель-піэта*, распятіе Спасителя, избіеніе младенцевъ (что въ болонской пинакотекѣ), Павелъ и Антоній въ берлинскомъ музеумѣ.

Впослѣдствіи, творчество Рени принимаетъ характеръ болѣе простаго натурализма. Онъ сообщаетъ своимъ картинамъ яркій, но теплый, тѣлесный колоритъ и старательно оканчиваетъ ихъ. Произведенія этого періода принадлежатъ къ лучшимъ созданіямъ Гвидо Рени. Сюда причисляются: неоконченная картина «Рождество Христово» въ церкви Санъ-Мартино и вышеупомянутый плафонъ въ казино Роспиліози.

Еще позднѣе, художникъ писалъ тѣло въ холодномъ тонѣ, а тѣни дѣлалъ сѣроватыми; вмѣстѣ съ тѣмъ, у него появилась изысканность въ постановкѣ фигуръ и какъ бы умышленное выказываніе техническихъ смѣлостей. Подъ конецъ своего художническаго поприща, онъ переходитъ даже къ серебристымъ тонамъ, которые иногда производятъ величайшій эффектъ, а иногда поражаютъ характеромъ ничтожности.

Прилагаемая картина «мученичество св. Севастіана» находится въ Генуѣ, въ палаццо Бриньоле.

Записки молодой больной.

(Поля Гейзе).

(Окончаніе).

3-е.

Сейчасъ ушелъ отъ меня докторъ и унесъ съ собою для изученія письмо моего стараго друга; онъ показался ему замѣчательнымъ психологомъ. Не хочетъ-ли онъ показать письмо это Моррису?

Съ нѣкотораго времени, этотъ докторъ начинаетъ казаться мнѣ очень загадочнымъ,—напримѣръ: онъ ничего не говоритъ мнѣ про своего больнаго; а между тѣмъ, я знаю, что онъ поправляется и уже выходитъ на балконъ. Когда я стала просить его позволить мнѣ прогуляться, онъ сказалъ: «Нѣтъ, погодите еще, вамъ надо остерегаться разговоровъ, могущихъ взволновать васъ.» Съ кѣмъ же это я буду такъ разговаривать?

Странно, что Морисъ обо мнѣ ничего не спрашиваетъ. Конечно, онъ понимаетъ, что теперь все перемѣнилось для насъ—и мы оба должны жить; но, съ точки зрѣнія нашей дружбы... такъ что-же! кризисъ, которому онъ обязанъ своимъ выздоровленіемъ, измѣнилъ его совершенно, а пароксизмъ горячки вывѣялъ изъ сердца его воспоминаніе о другѣ прежнихъ, горькихъ дней.

5-е.

Письмо отца привело меня въ слезы, оно наполнено поздравленіями. Ахъ! я была счастлива прежде, когда всѣ жалѣли меня! Но теперь, когда этотъ міръ сталъ снова принадлежать мнѣ,—я несчастна.

Эти зимніе дни, съ ихъ жгучимъ, точно весеннимъ солнцемъ, дѣлаютъ меня какимъ-то жалкимъ существомъ,—духъ и тѣло отказываются служить мнѣ.

8-е.

Не многимъ изъ насъ назначенъ такой счастливый жребій какъ Моррису, послѣ вынесеннаго имъ жестокаго испытанія. Сердце содрогается при мысли о томъ, что ждетъ насъ въ будущемъ. Не успѣло пройти двухъ недѣль какъ я сидѣла у его постели—и что произошло съ тѣхъ поръ! Услышавъ мое имя, онъ можетъ быть даже не повернетъ головы и не постарается припомнить себѣ забытую встрѣчу. Я же въ свою очередь, послѣ многихъ лѣтъ разлуки, скажу о немъ при случаѣ, какъ старуха, которой только что сообщили интересную вѣсть о другѣ ея, давно минувшей юности—я знала его, онъ достоинъ этого, у него рѣдкій умъ и благородное сердце.

12-е.

Сегодня послѣ полудня было очень жарко. Не располагая идти на Кюхельбергъ, потому что по дорогѣ туда очень мало тѣни, я пошла въ Вассермауеръ, приготовивъ заранѣе отвѣты на вопросы, съ которыми гуляющіе могли отнестись ко мнѣ, любопытствуя узнать, какое впечатлѣніе произвело на меня извѣстіе о моемъ скоромъ выздоровленіи. Но на этотъ разъ ихъ было очень немного. Вдругъ на одной изъ скамеекъ я увидѣла даму съ крѣпкими нервами и рядомъ съ нею... кого-же? — Морриса; онъ очень любезно разговаривалъ съ нею и слушалъ ее, весело улыбаясь. Сердце мое не выдержало: мнѣ нечего дѣлать здѣсь, подумала я. Уйду отсюда и никогда не приду болѣе. Я не хочу ни видѣть ихъ, ни слышать, ни размѣниваться съ ними поклонами и привѣтствіями.

Я перешла мостъ и пошла по шоссе, идущему мимо маленькихъ деревушекъ, черезъ долину Эстшъ, вплоть до Боцена. Почему не отправиться мнѣ въ Боценъ? думала я: откуда можно будетъ выслать хозяевамъ деньги за квартиру и попросить ихъ перевезти мои вещи. Тамъ найду я карету или постъ-шезъ, и уѣду къ отцу. Мнѣ не съ кѣмъ прощаться въ Меранѣ: кто будетъ заботиться о моемъ отъѣздѣ?—его не замѣтитъ даже и тотъ, кого я когда-то называла своимъ другомъ. Онъ весело разговариваетъ съ благотворительною дамою и съ улыбкою выноситъ ея свинцовый взглядъ и монотонный голосъ, похожій на стукъ заступа о замерзлую глину.

Въ восторгѣ отъ этого намѣренія, я шла скорымъ шагомъ. Меня утѣшала мысль, что я укроюсь въ родительскомъ домѣ—этой старой клѣткѣ, въ которую добровольно возвращаются комнатныя птицы, не имѣющія силъ лѣтать на волѣ.

На закатѣ солнца, я была въ какой-то деревнѣ, названіе которой мнѣ неизвѣстно,—и не останавливаясь тамъ ни на минуту, продолжала свой путь, тѣмъ же шагомъ, завернувшись въ свой плащъ, потому что вечерній холодъ сталъ таки порядочно пробирать меня. Пройдя такимъ образомъ цѣлый часъ, я почувствовала усталость и голодъ. Кругомъ не видно было никакого жилья и ни кто не шелъ по дорогѣ. Отчаяніе овладѣло мною — и героиня, имѣвшая въ душѣ такое рѣшительное намѣреніе, плакала, сидя на камнѣ, какъ бѣдное, покинутое дитя. Нѣтъ, легче умереть, чѣмъ жить!

Не знаю что было бы со мною, если бы случай, или лучше сказать, благое провидѣніе не сжалилось надо мною и не пришло ко мнѣ на помощь. Я услышала стукъ колесъ и хлопанье бича—и вскорѣ мой старый знакомецъ, Игнатій, показался на дорогѣ. Увидѣвъ меня, онъ остановился и

предложилъ мнѣ мѣсто въ своей таратайкѣ. Я съ благодарностью приняла это предложеніе, и мы поѣхали въ Меранъ. Онъ только что заключилъ выгодную сдѣлку и потому былъ пьянъ. Вино развязало ему языкъ, и онъ всю дорогу разсказывалъ мнѣ, какъ счастливо живетъ со своею Лизою; она хотя и бранится съ нимъ, но и онъ не уступаетъ ей;—а все-таки хозяйство лучше вести двоимъ чѣмъ одному: чего не въ силахъ сдѣлать одинъ, то сдѣлаетъ другой, а четыре глаза видятъ лучше двухъ. Наконецъ онъ спросилъ меня про господина, котораго видѣлъ со мною въ Шоннѣ. Я сказала ему, что теперь онъ слава Богу здоровъ. Услышавъ это, онъ затянулъ какую-то тирольскую пѣсню, хлопнулъ бичемъ и поглядѣлъ на меня такъ лукаво, что мнѣ стало неловко.

Хозяева мои вытаращили глаза, узнавъ что я такъ далеко ходила. Я сказала имъ, что уѣзжаю на будущей недѣли. Теперь тепло, снѣгъ сошелъ съ Бреннера и скоро настанетъ весна. Надо воспользоваться этимъ временемъ и переправиться черезъ горы. Завтра пойду въ Вассермауеръ и прощусь съ нѣкоторыми знакомыми, которымъ скажу, что, чувствуя себя гораздо лучше, я намѣрена возвратиться на родину.

На другой день... Весна кругомъ.

Можно ли описывать то, чего не въ силахъ понимать и чувствовать? Проснувшись утромъ, я никакъ не могла предвидѣть того, что принесетъ мнѣ сегодняшній день. Не будь этого, я можетъ быть опять убѣжала бы куда нибудь. Вчера я писала, что тяжело жить на свѣтѣ; но еще тяжелѣе для бѣдной, измученной души—испытывать счастіе и бояться, чтобы оно снова не ушло отъ нея. Но, благодаря Бога, истинное счастіе рѣдко приходится испытывать одному; оно дѣлится между двумя любящими существами.—Эти чудныя фіалки знаютъ, какая чудная весна настала для меня теперь.

Когда я проснулась, было довольно поздно. Причесываясь передъ зеркаломъ, я увидѣла, что моя свѣжесть снова вернулась ко мнѣ и новое платье было какъ нельзя болѣе кстати. Давно уже я не занималась собою; но если мнѣ суждено жить, то я должна быть снова женщиною. Когда я заплетала косы, мнѣ показалось, что на видъ я гораздо моложе чѣмъ думала, и въ головѣ моей мелькнулъ образъ молодаго поляка. Я невольно спросила себя: чѣмъ могла я плѣнить его? Конечно, это дѣло вкуса; но мнѣ теперь совѣстно за мой прежній туалетъ, и я не пойду въ Вассермауеръ не перемѣнивъ лентъ на моей шляпкѣ. Пока я занималась этимъ, Моррисъ вошелъ ко мнѣ, кажется не постучавъ даже въ двери.

Я совсѣмъ растерялась, но онъ повидимому не замѣчалъ этого и былъ смущенъ еще болѣе чѣмъ я. Онъ подошелъ къ окну, полюбовался видомъ, посмотрѣлъ на бюро, и наконецъ, обратясь ко мнѣ, сталъ извиняться въ томъ, что отправляясь завтра въ Венецію, онъ рѣшился придти проститься со мною. Я сѣла на канапе, предложивъ ему сдѣлать то же самое. Я была въ шляпкѣ, но онъ кажется не обращалъ на это никакого вниманія и былъ занятъ исключительно тѣмъ, что было у него на сердцѣ.

— Что думали вы обо мнѣ, Марія, говорилъ онъ,—когда я, послѣ той ночи, когда вы съ докторомъ бодрствовали у моей постели, ни однимъ знакомъ не заявилъ вамъ о томъ, что я живъ. Вы конечно считали меня низкимъ и неблагодарнымъ человѣкомъ. Но это неправда!—Все бывшее со мною во время болѣзни—представлялось мнѣ потомъ бредомъ горячки. Иногда казалось мнѣ, что вы на яву подходили къ моей постели, поправляли подушки, подавали питье, припоминалась даже сцена съ благотворительною дамою; но все это было такъ смутно, такъ неясно, что я опять приходилъ къ тому заключенію, что это были безумныя грезы. Письмо ваше, въ которомъ вы даете мнѣ форменную отставку, еще болѣе утверждало меня въ этомъ мнѣніи. Правда, хозяйка ваша каждое утро являлась отъ вашего имени освѣдомиться о моемъ здоровьѣ. Но и другіе знакомые дѣлали то же самое и присылали ко мнѣ своихъ слугъ. А потому я смотрѣлъ на это какъ на свѣтскую учтивость. Не смѣя и думать о сближеніи съ вами, я не рѣшался даже писать къ вамъ и проститься съ вами хотя письменно. Каково же было мое удивленіе, когда, встрѣтясь вчера съ извѣстною вамъ дамою, я узналъ отъ нея, что вы дѣйствительно были моею избавительницею и неутомимо ходили за мною во время опасности; ваше великодушное сердце, забывъ то, что было причиною нашей разлуки,—пришло ко мнѣ на помощь. Я не могу выразить вамъ моей благодарности; мнѣ стыдно за себя, когда подумаю, какъ много я виноватъ передъ вами. Я приходилъ къ вамъ вчера, но васъ не было дома;—и вѣрно ни кто не сказалъ вамъ, что я два раза стучался въ двери; или можетъ быть вы не желаете видѣть меня, и простирали свое участіе только къ умирающему? Неужели-же теперь, когда я остался жить, одно необдуманное слово должно отдалить меня отъ васъ навсегда? Я уѣду завтра—и то неудовольствіе, которое причиняетъ вамъ мое присутствіе, исчезнетъ вмѣстѣ со мною.

Не знаю, что отвѣчала я, не помню даже какъ это случилось, но рука моя снова очутилась въ его рукѣ и онъ снова назвалъ меня: «Марія»! Это было для меня какою-то чудною, неземною музыкою. Мнѣ казалось, что я умерла и ожила въ вѣчности для счастія и блаженства.

— Пойдемъ, сказалъ онъ мнѣ,—ты совсѣмъ готова, будемъ дѣлать визиты какъ женихъ и невѣста.

Онъ взялъ меня за руку и мы пошли. Въ мастерской портнаго, хозяинъ и два работника смотрѣли на насъ съ полнымъ изумленіемъ; а достойная жена его, держа въ рукахъ котелъ, который сбиралась поставить на огонь, принялась восхвалять меня такъ усердно, что не смотря на слезы, я не могла удержаться отъ смѣха. Потомъ мы заходили въ лавки, гдѣ Моррисъ накупилъ мнѣ тьму различныхъ бездѣлокъ, приказывая отнести ихъ въ квартиру его невѣсты, въ домѣ портнаго, въ третьемъ этажѣ. Въ Вассермауерѣ, какъ водится, мы нашли все здѣшнее общество; такъ же какъ и всегда играла музыка, но на этотъ разъ она была мнѣ очень пріятна. Глаза всѣхъ устремлены были на насъ—и всѣ, наперерывъ, старались осыпать насъ поздравленіями; это меня очень забавляло. Даже дама съ крѣпкими нервами—и та расчувствовалась, когда Моррисъ цѣлуя руку сказалъ ей, что къ ней только одной я ревновала его. За это она меня поцѣловала въ лобъ, сказавъ, что ревность свойственна тѣмъ, у кого слабы нервы,—и потому извинительна. И всѣ въ одинъ голосъ говорили, что это для нихъ не новость. Моррисъ отвѣчалъ имъ, что на этотъ разъ они знали болѣе чѣмъ онъ самъ. Наконецъ, когда маленькая торговка стала предлагать намъ букеты фіалокъ, онъ высыпалъ ей на руку весь свой кошелекъ. Солнце и трубы славили весну и даже самое кладбище покрыто было зеленью и цвѣтами—какъ будто смерть не существовала болѣе для тѣхъ, кто воскресъ для новой, счастливой жизни.

Мы обѣдали вмѣстѣ и разстались на закатѣ солнца.

— Дитя мое, сказалъ мнѣ Моррисъ:—нашъ тиранъ док-

торъ разлучаетъ насъ до будущей весны; — онъ находитъ вреднымъ для выздоравливающаго быть глазъ на глазъ съ тѣми, кого онъ страстно любитъ. Какъ я ни заговаривалъ съ нимъ, онъ ни разу не сказалъ мнѣ, что ты такъ усердно ходила за мною во время болѣзни. Но ты будешь писать ко мнѣ, и мы всегда будемъ вмѣстѣ. Какъ счастливъ буду я, когда получу твое первое письмо, которое будетъ говорить мнѣ о свиданіи, а не о разлукѣ! не о смерти—а о жизни!

На порогѣ моей квартиры, мы въ послѣдній разъ пожали другъ другу руки и разстались счастливые и довольные. Пусть люди разлучаютъ насъ на время,—Тотъ, Кто далъ намъ наше счастіе, сохранитъ его въ будущемъ и соединитъ насъ на вѣки. Не даромъ же Онъ возвратилъ насъ къ жизни!

Дневникъ мой оконченъ, и я посылаю его къ тебѣ, мой возлюбленный. Можетъ быть ты перелистуешь его, думая обо мнѣ. У меня нѣтъ ничего, что бы не принадлежало тебѣ, и на страницахъ его ты увидишь какъ въ зеркалѣ—себя и меня. Я прилагаю тутъ же стихи, прочтенные мною вчера и одну изъ данныхъ мнѣ тобою фіалокъ. Когда онѣ зацвѣтутъ снова, мы увидимся съ тобою. Самъ Богъ хочетъ этого и будетъ хотѣть.

Воспоминанія о Слѣпцовѣ и Пассекѣ.

(Военные разсказы).

К. Бѣлевича.

I. Набѣгъ.

Въ 1849 году начальникъ Владикавказскаго военнаго округа, генералъ-маіоръ Ильинскій, представилъ главнокомандующему на Кавказѣ, князю Воронцову, проэктъ покоренія галашевскихъ обществъ, принадлежащихъ къ карабулакскому племени и живущихъ въ горахъ по рѣкѣ Ассѣ, между Нестеровскимъ и Бумутскимъ ущельями.

Трудно-доступное убѣжище хищныхъ карабулаковъ, куда, изъ ближайшихъ покорныхъ и непокорныхъ намъ обществъ, постоянно стекались всѣ бѣглые абреки, — имѣетъ видъ дугообразной полосы, изъ второстепенныхъ кряжей горъ и глубокихъ между ними тѣснинъ. Эта горная полоса, отъ верховьевъ рѣки Сунжи, близь Владикавказа, до черты Малой-Чечни — р. Фортанги, — тянется на 80 верстъ, тѣснясь на юго-востокѣ къ главному хребту и ограничиваясь съ сѣверо-запада высокимъ лѣснымъ хребтомъ. Хребетъ этотъ — предѣлъ верхнесунженской линіи — прорѣзывается двумя выше названными параллельными ущельями; изъ воротъ Нестеровскаго съ шумомъ вырывается на широкую сунженскую долину быстрая Асса. Надо всей этой громадою лѣсныхъ кряжей возвышается, за предѣлы облаковъ, главный хребетъ Кавказа; среди его зубчатыхъ скалъ и снѣжныхъ вершинъ — въ перспективѣ бѣлый, величавый Казбекъ выше всѣхъ царствуетъ.

Несмотря на близость нашихъ поселеній, въ этомъ дикомъ уголкѣ Кавказа русское оружіе до 49 года еще не пролагало себѣ дороги изъ Бумутскаго ущелья въ Нестеровское. Первое изъ нихъ примѣчательно въ исторіи кавказскихъ войнъ и жизни Шамиля. Послѣ паденія Ахульго, въ 1839 г., онъ съ 14-ю мирюдами нашелъ убѣжище въ аулахъ Бумутскаго общества; казалось, все для него было потеряно; но онъ, съ увлекающимъ жаромъ, началъ и здѣсь проповѣдывать казаватъ и правила шаріата. Но нѣкоторые горцы, недовольные строгостями послѣдняго, взбунтовались противъ вводителя новаго ученія, воспрещавшаго даже куреніе табаку. Главные зачинщики подверглись жестокому наказанію; между ними были два брата Хозрои: одинъ былъ обезглавленъ, другой ослѣпленъ. Слѣпецъ, горя мщеніемъ, забрался однажды ночью съ кинжаломъ въ саклю Шамиля и нанесъ ему нѣсколько ранъ. Мстительный Хозрой погибъ мученической смертью, а чудное избавленіе отъ нея Шамиля—суевѣріе горцевъ приписало святости имама.

Вскорѣ послѣ того, въ 40-мъ году, вся Чечня, состоявшая подъ управленіемъ генерала Пулло, прислала къ Шамилю депутатовъ, съ просьбою—стать во главѣ чеченскаго народа, для защиты его отъ невѣрныхъ. Честолюбивый имамъ только этого и желалъ; онъ обязалъ чеченцевъ клятвою дѣйствовать совокупно съ дагестанскими народами противъ общаго врага.

Съ тѣхъ поръ до паденія власти Шамиля протекло 19 лѣтъ, и только въ теченіе этого времени лѣсистая плоскость Чечни была нами до предгорій отъ непокорныхъ очищена, а ихъ аулы уничтожены въ прахъ. На мѣстахъ ихъ теперь растетъ высокій бурьянъ, и вблизи безмолвствуютъ обширныя кладбища, съ безчисленнымъ множествомъ шестовъ и прикрѣпленныхъ къ нимъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ на могилахъ убитыхъ джигитовъ. Но куда исчезло отсюда, повидимому, густое населеніе самаго воинственнаго племени на Кавказѣ? Пала ли большая половина его съ оружіемъ въ рукахъ, или она, во время безпримѣрно-упорной борьбы, переселилась въ другія мѣста? На первую половину послѣдняго вопроса можно отвѣчать положительно, потому что съ 40-хъ годовъ въ Чечнѣ, въ особенности въ Малой, ежегодно разыгрывались кровавыя драмы, давшія обильный сборъ человѣческихъ костей.

Въ началѣ тѣхъ же годовъ, отрядъ нашъ, изъ 8-ми баталіоновъ, тщетно покушался проникнуть въ горы черезъ Бумутское ущелье; мы же прошли черезъ него съ 3-мя баталіонами и 8-ю сотнями казаковъ. Вотъ какъ это было.

Генералъ-маіоръ Ильинскій, получивъ разрѣшеніе совершить экспедицію въ дикія мѣста карабулаковъ, 20-го ноября 1849 года прошелъ, съ двухтысячнымъ отрядомъ, черезъ лѣсъ Нестеровскаго ущелья и занялъ позицію близь ручья, впадающаго въ Ассу. Въ то же самое время, 3 баталіона Тенгинскаго пѣхотнаго полка были собраны въ Михайловской станицѣ, на сунженской линіи. Мы знали, что были собраны для ночнаго набѣга; мы ждали его каждый часъ. Поговаривали, что полковникъ Слѣпцовъ поведетъ насъ на Валерикъ. — Напомню здѣсь, въ краткихъ чертахъ, о личности Слѣпцова *) тѣмъ, для кого память о немъ дорога, и тѣмъ, кому объ этой доблестной русской личности было извѣстно мало. Онъ былъ начальникъ Верхне-сунженской линіи и еще молодой человѣкъ; но рядъ бле-

*) Слѣпцовъ происходилъ изъ дворянъ Саратовской губерніи, началъ службу унтеръ-офицеромъ въ лейбъ-гвардіи Литовскомъ полку въ 1834 году; убитъ въ дѣлѣ съ горцами въ 1851 году, въ чинѣ генералъ маіора, 36 лѣтъ отъ роду.

стящихъ военныхъ его подвиговъ, неутомимая энергія, рѣдкая неустрашимость въ минуту опасности, рѣдкая душевная доброта и безкорыстіе древняго философа поставили его высоко во мнѣніи покойнаго князя Воронцова, умѣвшаго цѣнить заслуги и личныя достоинства, и сдѣлали имя его, какъ и имя павшаго въ бою генерала Пассека, популярнымъ въ кавказской арміи.

Вечеромъ, 22-го ноября, мы получили приказаніе немедленно выступить въ ст. Ассискую, находящуюся въ 7 верстахъ отъ Михайловской. Уже ночью мы пришли туда и расположились на станичной площади. Во время раздачи солдатамъ порцій спирту, вдругъ получилъ я отъ своего баталіоннаго командира приказаніе явиться къ Слѣпцову, для нахожденія при немъ за адъютанта во время набѣга. Молча поклонился я баталіонному командиру и тотчасъ поѣхалъ явиться къ своему новому, на короткое время, начальнику. Онъ принялъ меня въ квартирѣ съ обычной своей ласковостію, и съ участіемъ замѣтилъ, что я легко одѣтъ и могу озябнуть. Спустя нѣсколько минутъ, мы сѣли на коней и поѣхали къ переправѣ черезъ Ассу, черезъ которую части войскъ переходили въ бродъ. Наконецъ, небольшой нашъ отрядъ вытянулся на правомъ берегу рѣки и двинулся по дорогѣ на укр. Ачхой. Мы шли форсированнымъ маршемъ, впереди кавалерія—по три въ рядъ, за нею горныя орудія и пѣхота. Въ головѣ всѣхъ ѣхалъ Слѣпцовъ и тихо разговаривалъ съ лазутчикомъ.

Тускло свѣтила намъ луна сквозь прозрачный паръ по всей долинѣ. Впереди насъ, какъ черезъ флеръ, уже чернѣли широкой полосой лѣса Малой Чечни; направо зіяли гигантскія ворота Бумута, до нихъ было 12 верстъ. Вдругъ голова колонны круто повернула къ нимъ; длинная колонна завилась по дорогѣ, и какъ змѣя тихо ползла къ дремавшимъ въ покоѣ великанамъ. Что-то торжественное было въ этомъ секретномъ, ночномъ движеніи: не слышно было ни одного въ полголоса слова, только лошади по временамъ фыркали, да мерзлая земля глухо стонала.

Во второмъ часу ночи мы вступили въ Бумутскія ворота и расположились въ котловинѣ, усѣянной копнами непріятельскаго сѣна. Направо и налѣво возвышались почти отвѣсныя горы, поросшія частымъ лѣсомъ; впереди былъ оврагъ, въ который вела тропинка и на днѣ котораго шумѣла Фортанга; за оврагомъ находилась высокая природная терраса поперегъ, и защищала входъ въ другую котловину. Кавалерія припустила лошадей къ сѣну. Спустя нѣсколько минутъ, пришла пѣхота и легла у оврага. Слѣпцовъ отдалъ приказаніе, чтобы люди не разговаривали и не курили трубокъ; самъ же завернулся въ шинель и легъ на развороченную копну сѣна. Такъ прошелъ часъ. Наконецъ, пѣхота двинулась и исчезла въ оврагѣ. Спустя еще часъ, двинулась и кавалерія, и, поднявшись изъ оврага на крутую террасу, вступила въ другую котловину, гдѣ тихо лежала пѣхота.

Было около 4 часовъ утра; отрядъ построился. На востокъ отъ ущелья уже слышенъ былъ лай собакъ въ аулахъ; но путь предстоялъ намъ въ противоположную сторону. Шепотомъ скомандовали кавалеріи, и она, по два въ рядъ, первая закарабкалась по тропинкѣ, на высокій и чрезвычайно крутой отрѣзъ праваго лѣснаго кряжа. Тропа шла извилинами; едва мы поднялись по ней съ версту, какъ валежникъ и срубленыя толстыя деревья преградили путь. Въ головѣ казаки спѣшились и стали руками расчищать дорогу. Слѣпцовъ приказалъ привесть саперъ. Я отправился за ними обратно, съ трудомъ пробиваясь между рядами конныхъ, которые буквально тѣснились на узкой тропинкѣ. Прибѣжали саперы; но кавалерія, безъ помощи ихъ, уже успѣла выбраться изъ заваловъ и, миновавъ наибольшую крутизну, пошла рысью между рѣдѣвшимъ лѣсомъ. Начало свѣтать. Но вотъ она снова спѣшилась и снова стала расчищать на пути завалы. Едва показался я на глаза Слѣпцову, какъ онъ опять послалъ меня назадъ, съ приказаніемъ къ начальнику пѣхоты, полковнику Веревкину — поспѣшить на присоединеніе. Время было дорого. Я поскакалъ съ горы, не обращая вниманія на крутизну и валежникъ. Спустя полчаса, приказаніе было передано,—быстрый мой кабардинецъ, какъ на крыльяхъ, несъ меня снова вверхъ и, наконецъ, вынесъ на узкій гребень горы.

Направо, съ сѣверной стороны, тянулось глубокое дефиле съ частымъ лѣсомъ, на лѣво такое же другое. За послѣднимъ, на южной сторонѣ, красиво рисовались, непрерывной и высокой грядою, вертикальные утесы снѣжнаго хребта. Изъ опушки лѣса, съ правой стороны, уже пощелкивали непріятельскіе выстрѣлы и раздавался пронзительный крикъ «гя—у—у—ръ!» Лошадь шарахнулась въ сторону и вмигъ примчала меня къ кавалеріи, которая стояла въ четверти версты, вытянувшись фронтомъ къ южному дефиле. Когда я подъѣхалъ къ Слѣпцову, онъ задумавшись стоялъ надъ обрывомъ: внизу, на днѣ глубокой и живописной котловины, окаймленной висящими чинарами по бокамъ, былъ опрятный аулъ Хандылбасъ, раздѣленный ручьемъ на двѣ половины. Горцы, какъ муравьи, высыпали и суетились съ длинными винтовками въ рукахъ; но крутизна спуска не позволяла конницѣ добраться къ нимъ. Среди глубокаго молчанія, взоры всѣхъ на нѣсколько минутъ были прикованы къ чудной картинѣ горной природы, еще новой для глазъ русскихъ. Наконецъ, Слѣпцовъ прервалъ молчаніе, обратившись ко мнѣ съ вопросомъ: «Скоро-ли будетъ пѣхота?» Я отвѣчалъ, что не ранѣе какъ черезъ часъ. — «Если такъ, сказалъ онъ,—то зададимъ прежде арштинцамъ, а то упустимъ здѣсь и тамъ.» Глаза его зажглись огнемъ, и мужественныя черты лица вдругъ приняли грозное выраженіе. Въ желтой черкескѣ своей онъ былъ теперь похожъ на горца.

До прибытія пѣхоты онъ распорядился оставить 2 сотни на горѣ, для наблюденія за Хандылбасомъ, а съ остальной кавалеріей устремился въ сѣверное дефиле, къ аулу Аршты, бывшему у опушки лѣса. Горцы уходили въ чащу, гоня скотину и унося пожитки. Мулла, въ бѣлой чалмѣ, послѣднимъ оставилъ порогъ родной сакли. Мы обскакали съ двухъ сторонъ аулъ и отбили часть рогатаго скота. Вмигъ двѣ сотни спѣшились и заняли опушку лѣса. Завязалась перестрѣлка; въ это время толпы горцевъ показались на высотахъ, съ сѣверной стороны, гдѣ лѣпились ихъ хутора. Огонь все болѣе усиливался, ракеты шипящими змѣями понеслись вверхъ, на гору; аулъ запылалъ и черный дымъ пожара, соединившись съ порохомъ, затмилъ первые лучи восходящаго солнышка. Слѣпцовъ сошелъ съ лошади и отправился въ цѣпь; я послѣдовалъ за нимъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него былъ убитъ урядникъ и ранены два казака. Я съ досадою подумалъ: «какая надобность быть ему въ цѣпи? ужь не ищетъ-ли онъ смерти?» Въ это время онъ послалъ меня съ приказаніемъ, чтобы пѣхота, уже спускавшаяся съ горы, поспѣшила смѣнить казаковъ въ лѣсу; наконецъ, она, послѣ долгаго ожиданія, пришла. Шумъ и пальба еще болѣе усилились; подожженный со всѣхъ концовъ аулъ еще сильнѣе запылалъ, и дымъ скрылъ отъ нашихъ взоровъ на высотахъ непріятеля.

Покончивъ съ главнымъ притономъ разбойничьяго населенія, отрядъ нашъ снова началъ движеніе впередъ, къ Нестеровскому ущелью, — вопреки ожиданіямъ горцевъ, часть которыхъ, до этого, бросилась въ бумутскій лѣсъ, полагая, что мы будемъ возвращаться по прежней дорогѣ. Хотя на канунѣ набѣга, только Слѣпцовъ и Веревкинъ знали объ избранномъ пути для вторженія въ горы,—но нѣсколько человѣкъ мирныхъ горцевъ, имѣвшихъ тамъ родственниковъ, желая спасти ихъ отъ разоренія, невидимо слѣдили за нашимъ ночнымъ движеніемъ и, пробравшись въ горы кратчайшей дорогой, дали знать о немъ арштинцамъ. Послѣдніе, не ожидая, чтобы мы рѣшились придти къ нимъ черезъ Бумутское ущелье, оставили его безъ вниманія, а можетъ быть и не успѣли занять; но они ожидали насъ на другой дорогѣ, по которой Слѣпцовъ ходилъ къ нимъ къ 1847 году и не достигъ цѣли. Теперь они вторично ошиблись въ разсчетѣ: мы пошли по сѣверному дефиле, на западъ. Налѣво отъ насъ былъ глубокій оврагъ, направо высокій хребетъ, по крутому склону котораго пролегала узкая дорога. Прошедши по ней верстъ 14, мы встрѣтили часть галашевскаго отряда, шедшаго къ намъ на встрѣчу съ позиціи на лѣвомъ берегу Ассы, гдѣ производилась просѣка въ лѣсу.

Пѣшіе и конные горцы слѣдовали параллельно за нашимъ движеньемъ, по гребню сѣвернаго хребта, откуда стрѣляли по колоннѣ внизъ; но по причинѣ значительной высоты, на которой они находились, не могли нанести намъ особеннаго вреда. Мы отвѣчали имъ ракетами, которыя заставляли толпы ихъ разбѣгаться въ стороны. Вечеромъ, мы перевалили черезъ сѣверный галашевскій хребетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ, загибаясь подъ прямымъ угломъ на югъ, образуетъ Нестеровское ущелье. Перестрѣлка, стоившая намъ 18 человѣкъ убитыми и ранеными, кончилась. Мы спустились съ крутой горы въ ущелье и перешли Ассу въ бродъ. Наступила темная ночь; но зарево горѣвшаго непріятельскаго сѣна, зажженнаго нами по дорогѣ отъ Аршовъ до Ассы, освѣщало намъ въ темнотѣ остальный, непройденный путь. Наконецъ мы поднялись на гору и въ 10 часовъ вечера пришли на позицію галашевскаго отряда.—Послѣ слишкомъ суточнаго движенія, въ продолженіе котораго мы сдѣлали 80 верстъ, сильная усталость повергла насъ всѣхъ на открытомъ бивуакѣ. Всѣ впечатлѣнія дня исчезли передъ потребностью покоя, и мы на первую ночь зимней экспедиціи, продолжавшейся по 20-е декабря, сладко вкусили его на снѣгу, у потухавшихъ костровъ.

II. Сухарная экспедиція.

Послѣ того какъ главнокомандующему кавказской арміей, графу Воронцову, стоило стольких мужественныхъ усилій и трудовъ перейти изъ Сѣвернаго Дагестана, съ главнымъ чеченскимъ отрядомъ, черезъ лѣсистый хребетъ Азаль, отдѣляющій Андію отъ Ичкеріи,—войска наши, совершивъ переходъ въ одиннадцать верстъ, при сильныхъ натискахъ горцевъ со всѣхъ сторонъ, вышли, наконецъ, на открытую плоскую возвышенность, гдѣ, на берегу р. Аксая, находился главный предметъ экспедиціи—аулъ Дарго. Достигнувъ этой цѣли, главный отрядъ очутился тогда въ самомъ центрѣ наиболѣе воинственныхъ племенъ: въ тылу у него, отъ востока, были общества Андіи, на югѣ—общества Аргунскаго ущелья, впереди, на западѣ,—Ичкерія, на сѣверѣ—Большая Чечня.

При приближеніи незванныхъ гостей, никогда еще незаходившихъ такъ далеко въ горы, Шамиль приказалъ зажечь свою бѣдную резиденцію, изъ которой онъ, въ продолженіе уже нѣсколькихъ лѣтъ, безопасно извнѣ развивалъ свою власть въ горахъ Восточнаго Кавказа.

Зарево пожара, вечеромъ 6 іюня, освѣщало приближеніе къ Дарго головныхъ колоннъ, съ пѣснями и громкимъ «ура»! Но это шествіе храбрыхъ войскъ въ сущности было скорѣе печальнымъ, нежели торжественнымъ, по причинѣ значительнаго числа убитыхъ и раненныхъ въ жаркомъ дѣлѣ того дня, которые везлись на вьюкахъ.

Между тѣмъ какъ отрядъ нашъ на пепелищѣ Дарго стоялъ лагеремъ, опустошая окрестности, засѣянныя пшеницею и кукурузою, замѣняя ими фуражъ и отчасти провіантъ, а горцы устроивали въ лѣсахъ Ичкеріи завалы и въ то же время вели безпрестанную перестрѣлку съ фуражировочными колоннами,—недостатокъ провіанта сдѣлался въ отрядѣ ощутительнымъ. Вслѣдствіе этого, главнокомандующій отдалъ приказаніе генералъ-лейтенанту Клюки-фонъ-Клюгенау выступить изъ лагеря въ 3 часа по полудни 10 іюня, съ 6-ю баталіонами и одной ротою пѣхоты, 4-мя горными орудіями, съ частію линейныхъ казаковъ и милиціи, по прежнему пути, въ Андію для принятія тамъ во временномъ укрѣпленіи, построенномъ близъ аула Гагатль, пришедшаго изъ кр. Темиръ-Ханъ-Шуры транспорта съ сухарями. Въ посланной колоннѣ, отъ благополучнаго возвращенія которой зависѣлъ успѣшный исходъ похода, и движеніе которой въ Андію названо солдатами «Сухарной экспедиціей», авангардъ, изъ одного баталіона Кабардинскаго егерскаго полка, одной роты саперъ, одной—стрѣлковъ и милиціи, при 2 горныхъ орудіяхъ,—былъ подъ начальствомъ храбраго генералъ-маіора Пассека. Въ главныхъ силахъ шелъ 1-й баталіонъ Люблинскаго егерскаго полка, имѣя въ головѣ линейныхъ казаковъ. Аріергардъ, подъ начальствомъ генералъ маіора Викторова, состоялъ изъ 3-го баталіона Навагинскаго пѣхотнаго полка, 2-хъ ротъ Апшеронскаго, одной роты саперъ и одной—стрѣлковъ, при 2-хъ горныхъ орудіяхъ. Въ правой цѣпи былъ сводный баталіонъ изъ ротъ Литовскаго и Замосцкаго егерскихъ полковъ, въ лѣвой—3 роты Куринскаго егерскаго полка.

Достигнувъ мѣста, гдѣ дорога пролегала черезъ лѣсъ то подымаясь, то опускаясь по узкому гребню горы, имѣя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не болѣе одной сажени въ ширину,—въ колоннѣ увидѣли, что она, 6-го іюня очищенная отъ заваловъ при движеніи всего отряда, была загромождена новыми, которые невозможно было обойти, по причинѣ глубокихъ съ обѣихъ сторонъ обрывовъ, поросшихъ густымъ лѣсомъ. Несмотря на это, храбрые кабардинцы смѣло пошли на завалы и быстро брали ихъ одинъ за другимъ. Слѣдуя такимъ образомъ, авангардъ, безъ особенно-большой потери достигъ глубокой сѣдловины въ хребтѣ. Спускъ и подъемъ здѣсь были такъ круты, что надобно было цѣпляться руками за вѣтви кустовъ, чтобы спуститься въ оврагъ и выйти изъ него.

Горцы, оцѣнивъ выгоду такой мѣстности для нападенія, съумѣли воспользоваться ею: толпы ихъ, засѣвъ за деревьями и на деревьяхъ, по обѣимъ сторонамъ спуска и подъема, производили по колоннѣ убійственный ружейный огонь. Нѣсколько разъ они, съ гикомъ, бросались въ шашки; но встрѣчая штыки, не могли воспрепятствовать солдатамъ неустрашимо переходить черезъ овраги, по трупамъ своихъ товарищей. Но при переходѣ аріергарда произошло замѣшательство, повлекшее за собой безпорядокъ, вслѣдствіе затруднительнаго спуска орудій, подъ которы-

ми лошади были перебиты. Безпорядокъ еще болѣе увеличился, когда былъ убитъ генералъ Викторовъ. Прорвавъ цѣпь и ряды колонны, горцы съ ожесточеніемъ бросились въ шашки на хвостъ аріергарда. Въ нѣсколько минутъ онъ былъ отрѣзанъ, артиллеристы изрублены; этой же участи подверглась и рота Кавказскаго стрѣлковаго баталіона, прикрывавшая горные единороги, которые горцы столкнули съ кручи въ оврагъ.

Начальникъ колонны, узнавъ о бѣдственномъ положеніи аріергарда, приказалъ своему адъютанту, капитану Ключарову, обратно спуститься съ одною ротою навагинцевъ въ оврагъ, для поданія помощи слабой горсти, погибавшей въ отчаянномъ сопротивленіи подъ шашками непріятеля. Ключаровъ, самъ здѣсь раненный, сдѣлалъ все что только могъ,—и хотя непріятель былъ отброшенъ, но орудія, по неимѣнію лошадей, не могли быть подняты.

Послѣ бѣдственнаго перехода черезъ оврагъ, утомленная колонна почти безпрепятственно прошла, подъ начавшимся дождемъ, остальную часть лѣса—и въ 11 часовъ ночи вышла на поляну Андіи, гдѣ застала прибывшій изъ Темиръ-Ханъ-Шуры транспортъ съ сухарями.

Расположеніе колонны у Гагатля и распредѣленіе частей ея для обратнаго движенія къ Дарго было поручено Пассеку. Остальная часть ночи была употреблена на раздачу людямъ сухарей и соблюденіе мѣръ осторожности противъ нечаяннаго нападенія непріятеля, бодрствовавшаго всю ночь и нарушавшаго стукомъ топоровъ въ лѣсу глубокую тишину бивуака: горцы устроивали новые завалы.

На другой день, утромъ въ 6 часовъ, начальникъ колонны приказалъ пустить три сигнальныя ракеты и сдѣлать столько же выстрѣловъ изъ орудія. Тщетно прождавъ на нихъ до 10 часовъ утра отвѣта изъ Дарго, колонна двинулась *) туда обратно.

Авангардъ, изъ 2-хъ баталіоновъ люблинцевъ и навагинцевъ, 2-хъ ротъ саперъ и 2-хъ горныхъ орудій попрежнему состоялъ подъ начальствомъ Пассека; аріергардъ былъ ввѣренъ командиру 1-го баталіона Кабардинскаго полка, полковнику Ранжевскому. Онъ былъ составленъ изъ 2-хъ ротъ апшеронцевъ и баталіона кабардинцевъ въ хвостѣ; въ головѣ шли казаки и милиція; между кавалеріей былъ помѣщенъ вьючный транспортъ съ сухарями и порціонный скотъ. Правую цѣпь держали 3 роты куринцевъ, въ лѣвой шелъ сводный баталіонъ изъ литовцевъ и замосцевъ; стрѣлки были размѣщены въ цѣпи.

Достигнувъ опушки лѣса, люблинцы отважно, безъ выстрѣла, бросились на рядъ вновь воздвигнутыхъ по дорогѣ заваловъ и, несмотря на сильный бѣглый огонь засѣвшаго въ нихъ непріятеля, быстро погнали его изъ завала въ завалъ, перепрыгивая вслѣдъ за нимъ черезъ бревна. Но въ одномъ мѣстѣ, гдѣ дорога съуживалась, егеря, слишкомъ увлекшись въ жаркомъ преслѣдованіи бѣжавшаго непріятеля, оторвались отъ остальной части авангарда и открыли саперъ, очищавшихъ дорогу отъ заваловъ, по бокамъ которыхъ еще находились въ засадѣ горцы. Видя одних работавшихъ саперъ, они бросились на нихъ въ шашки. Въ это время, къ мѣсту свалки подходилъ Пассекъ съ горными орудіями и, въ головѣ ихъ, съ двумя навагинскими ротами. Неожиданно встрѣченные залпами изъ заваловъ, поперегъ дороги, и бѣглымъ огнемъ съ боковъ, навагинцы заколебались и остановились на одномъ мѣстѣ безъ движенія. Напрасно барабаны били наступленіе—они все не двигались впередъ. Тогда Пассекъ, заступивъ мѣсто убитаго баталіоннаго командира, подполковника Сервирога, хотѣлъ самъ вести людей на завалы; но едва онъ, съ шашкою въ рукѣ, выступилъ впередъ съ словами: «Ура! за мной!» какъ, пораженный нѣсколькими пулями, былъ убитъ на повалъ.

Въ такомъ положеніи былъ авангардъ, когда прискакалъ къ нему начальникъ всей колонны, съ линейными казаками и окружавшими его офицерами.

Навагинцы, лишившись почти всѣхъ своихъ офицеровъ, столпились вокругъ орудій и защищали ихъ штыками отъ нападавшаго непріятеля. Генералъ лично принялъ надъ ними команду. Но въ то самое время, когда, по его распоряженію, одна рота, обошедъ первый завалъ ударила на второй, а другая стремительно атаковала первый съ фронта, и непріятель уже сталъ очищать дорогу, подошла милиція. Приведенная въ ужасъ упорнымъ боемъ, посреди грудъ мертвыхъ тѣлъ, она опрометью бросилась бѣжать черезъ едва очищенные отъ непріятеля завалы. Примѣру ея послѣдовали вожатые вьюковъ и порціоннаго скота. И вся эта нестройная толпа, гонимая паническимъ страхомъ и поражаемая выстрѣлами горцевъ, число которыхъ, при видѣ легкой добычи, все возрастало,—трупами своими запрудила дорогу. Тщетно начальникъ приказывалъ солдатамъ штыками остановить милицію и вожатыхъ, побросавшихъ вьюкъ и скотъ, который съ ревомъ разбѣгался по лѣсу..... Въ минуты этой страшной сумятицы и бѣгства милиціи, которую не могли остановить ни штыки, ни выстрѣлы непріятеля, самъ начальникъ колонны только какимъ-то чудомъ былъ пощаженъ смертію. Всѣ его адъютанты—Ключаровъ, Савичъ, Роневскій и генеральнаго штаба капитанъ Корсаковъ—были убиты подлѣ него.

Но въ то время когда горцы грозили конечнымъ истребленіемъ серединѣ колонны, вдругъ 2 роты люблинскаго полка, посланныя назадъ изъ головы авангарда, неожиданно появились въ тылу заваловъ. Стремительно, съ крикомъ «ура», бросились онѣ въ штыки на непріятеля и отбросили его въ лѣсъ. Тогда, по разставленіи цѣпи по сторонамъ дороги, генералъ Клюки-фонъ-Клюгенау приказалъ люблинцамъ охранять орудія, а навагинцамъ занять завалы и держаться въ нихъ до прибытія свѣжаго секурса; самъ же съ линейными казаками поскакалъ къ головѣ колонны, едва пробиваясь сквозь толпу бѣжавшей безъ оглядки милиціи. При выѣздѣ изъ лѣса на поляну, онъ засталъ высланный секурсъ изъ лагеря у Дарго, состоявшій изъ всей грузинской милиціи и 2-го баталіона кабардинскаго полка.

Занявъ 2-мя ротами люблинцевъ и милиціей опушку лѣса и выходъ изъ него дороги, начальникъ колонны приказалъ командиру кабардинскаго баталіона, маіору Тиммерману, идти въ лѣсъ, и поручилъ попеченію его орудія и судьбу оставшейся тамъ колонны, которая, потерявъ своего храбраго аріергарднаго начальника, полковника Ранжевскаго,—убитаго,—выдерживала въ то время сильнѣйшія нападенія горцевъ. Когда храбрые кабардинцы исчезали въ сумракѣ дождливаго вечера и чащѣ лѣса, оттуда кучками выходили остатки частей, составлявшихъ «сухарную колонну», которая въ несчастные, кровавые два дня, вслѣдствіе непредвидѣнныхъ затрудненій и случайностей, лишилась убитыми: 2 генераловъ, 3 штабъ-и 37

*) Передъ обратнымъ движеніемъ колонны, генералъ Пассекъ подавалъ мнѣніе, какъ говорили впослѣдствіи, идти не по дорогѣ, а прямо черезъ лѣсъ, влѣво; но, будто бы, начальникъ колонны, опасаясь за транспортъ, не согласился съ мнѣніемъ Пассека, основаннымъ на предположеніи, что лѣсъ былъ свободенъ отъ заваловъ.

оберъ-офицеровъ и множества нижнихъ чиновъ. Но чувствительнѣйшая потеря заключалась въ ранней смерти генерала Пассека*), сдѣлавшагося жертвою крайнихъ обстоятельствъ... Тѣло этого храбраго генерала осталось на мѣстѣ боя, между грудами другихъ тѣлъ; но имя его, въ короткое время прогремѣвшее по всей кавказской арміи, будетъ долго жить въ рядахъ ея, какъ неразлучное съ ея подвигами.

Бывшій начальникъ настоящаго Ичкеринскаго округа, полковникъ Головачевъ, объѣзжая въ 1864 году этотъ округъ, увидѣлъ множество человѣческихъ костей, бѣлѣвшихъ по сторонамъ узкой дороги въ лѣсу; на вопросъ его: чьи это кости?—окружавшіе его почетные чеченцы скромно отвѣчали, что они не знаютъ. Это были кости павшихъ въ двухдневномъ кровопролитномъ бою съ горцами, въ 1845 году. По распоряженію начальника округа, онѣ были собраны и, перевезенныя на арбахъ въ Ведено, зарыты на кладбищѣ укрѣпленія, гдѣ была послѣдняя резиденція Шамиля.

Миръ праху вашему, кости храбрыхъ, долго остававшіяся безъ отданія вамъ послѣдняго долга!.. но исторія покоренія русскому владычеству богатаго края не преминетъ воздвигнуть на своихъ страницахъ вѣчный памятникъ тѣмъ, коимъ вы принадлежали,—въ воздаяніе за ихъ труды и мужество, запечатлѣнные ихъ смертію.

Московская политехническая выставка.

(Продолженіе).

Однимъ изъ самыхъ существенныхъ условій, необходимыхъ для развитія общественной жизни человѣка, являются безспорно пути сообщенія—и еще съ самыхъ раннихъ, доисторическихъ временъ, человѣчество безостановочно борется съ природою, прокладывая себѣ пути чрезъ горы и долы, черезъ топи и водныя массы. Безчисленныя ступени, по которымъ шло усовершенствованіе путей сообщенія,—начиная отъ патріархальнаго путешествія верхомъ съ звѣриной шкурой за плечами, съ каменнымъ топоромъ въ рукѣ, которымъ прорубалъ себѣ первобытный дикарь дорогу сквозь непроходимую лѣсную чащу, до локомотива съ длинною цѣпью вагоновъ, — могутъ служить мѣриломъ возростанія прогресса.

Въ этой непрерывной борьбѣ не всегда человѣкъ бралъ верхъ надъ своею могучей противницей; случалось, что природа ставила предъ нимъ такія колоссальныя преграды, что отъ одного ихъ вида опускались привыкшія къ труду руки, остывала самая горячая энергія. Тогда приходилось человѣку раскинуть умомъ, пошевелить мозгами и попытать взять хитростью тамъ, гдѣ не беретъ прямая сила.

Въ данную минуту, когда паръ оказалъ человѣку такую громадную услугу, дѣло проложенія путей быстро зашагало впередъ. Съ этимъ могучимъ союзникомъ человѣкъ одолѣлъ время, одолѣлъ разстояніе, но не одолѣлъ другаго, не менѣе важнаго противника—дороговизну постройки постоянныхъ желѣзныхъ дорогъ. Конечно, въ тѣхъ случаяхъ, когда потребность въ данномъ пути постоянная,—сумма непрерывно накопляющагося барыша покроетъ колоссальныя затраты; но часто случается, что время пользованія какимъ-либо путемъ—ограничено, и ограничено весьма небольшимъ числомъ лѣтъ, а иногда даже и мѣсяцевъ;—тогда поневолѣ придется остановиться и пренебречь тѣмъ барышомъ, который былъ бы принесенъ вывозомъ продукта съ мѣста его происхожденія, или же производства, на мѣсто потребленія.

Наше необъятное отечество богато, напримѣръ, громадными лѣсами, раскинувшимися на сотни и даже тысячи верстъ; положимъ даже, что эти непроходимыя чащи пересѣчетъ двойная линія рельсовъ. Эта линія будетъ бойко работать и вывозить лѣсной строевой матеріалъ въ мѣстности, лишенныя этого предмета; но пройдетъ нѣсколько времени, пока по обѣимъ сторонамъ пути не вырубятъ всего матеріала, и дорога оказалась безполезна—на данномъ мѣстѣ;—надо ее перенести въ другое мѣсто, еще не пострадавшее отъ топора и пилы, а какъ перенесешь эти крутыя насыпи, эти громадные мосты и тунели? Вотъ подобные-то случаи и заставили человѣка изыскивать способы примѣнить паръ, какъ двигатель, къ другимъ, болѣе легкимъ переноснымъ путямъ, которые можно было бы, безъ большихъ затратъ капитала и времени, прокладывать тамъ, гдѣ они нужны въ данную минуту, и убирать ихъ, коль скоро эта надобность миновала.

Къ этой послѣдней группѣ переносныхъ желѣзныхъ дорогъ относятся, главнымъ образомъ, всѣ роды такъ-называемыхъ висячихъ дорогъ, которыя уже не разъ съ успѣхомъ примѣнялись къ горному и лѣсному промысламъ.

Пути эти, по размѣрамъ своей дѣятельности, надо поставить между обыкновеннымъ рельсовымъ путемъ и перевозкой на лошадяхъ, т. е., ихъ должно устраивать тамъ, гдѣ работы предполагается слишкомъ много чтобы осилить ее лошадинымъ трудомъ и мало для того чтобы устраивать хотя самый дешевѣйшій изъ рельсовыхъ путей. Пути эти по своему значенію, такъ сказать, «промежуточные пути.»

Не станемъ вдаваться въ изложеніе всѣхъ системъ висячихъ желѣзныхъ дорогъ,—это былъ бы слишкомъ растянутый и сухой перечень, какъ по своему размѣру такъ и по содержанію—не совсѣмъ удобный для нашего журнала; ограничимся только бѣглымъ обзоромъ наиболѣе удовлетворяющей всѣмъ требованіямъ, системы г. Таля, изображенной на приложенномъ рисункѣ.

Главное основаніе всѣхъ висячихъ путей есть то, что колеса вагоновъ движутся по натянутымъ канатамъ. Затѣмъ, условія, которымъ должны удовлетворять висячіе пути, прекрасно и основательно изложены въ брошюрѣ г. Христіана Таля, изданной по поводу московской политехнической выставки, на которую изобрѣтатель представилъ свою превосходно-сдѣланную модель, выставленную въ Горно-заводскомъ отдѣлѣ. Модель эта исполнена необыкновенно отчетливо и по ней воспроизведенъ нашъ рисунокъ, дающій наглядное понятіе объ этой оригинально-остроумной дорогѣ.

Г. Таль раздѣлилъ эти условія на 12-ть параграфовъ.

---

*) Пассекъ происходилъ изъ дворянъ малороссійскихъ губерній, получилъ отличное образованіе, сначала въ Московскомъ университетѣ и потомъ спеціальное въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія; по любви къ военнымъ наукамъ, слушалъ курсъ въ Императорской военной академіи, откуда въ 1838 году былъ переведенъ въ генеральный штабъ, въ чинѣ капитана; убитъ на 37 году отъ роду.

Мы позволимъ себѣ привести ихъ въ этой статьѣ въ томъ видѣ, какъ они редактированы самимъ авторомъ брошюры.

а) *Путь долженъ быть неподвижный*, т. е. грузы должны двигаться по немъ, а не быть перевозимы движеніемъ всего пути. *Грузы должны перевозиться при разстояніяхъ болѣе версты локомотивомъ* и они не должны быть передвигаемы третьимъ, безконечнымъ канатомъ, съ помощью постоянной машины *). Это можно допустить только при крутыхъ подъемахъ, или на короткихъ заводскихъ или рудничныхъ путяхъ, въ послѣднемъ случаѣ, лучше тягою лошадей.

б) *Онъ (т. е. путь) долженъ имѣть способность быть продолженнымъ на далекія, произвольныя разстоянія*, какъ обыкновенный путь.

точной солидности. Нижняя часть поѣзда должна быть на высотѣ не менѣе $1^1/_2$ аршинъ надъ землею.

и) Поѣздъ долженъ имѣть способность преодолѣвать уклоны большіе чѣмъ на обыкновенныхъ желѣзныхъ дорогахъ и идти по кривымъ съ малыми радіусами. Устройство переходовъ черезъ рѣки и ущелья должно быть по возможности дешево, солидно и просто.

і) На устройство пути и послѣ—должно употреблять какъ можно меньшее число рабочихъ, и путь долженъ быть сравнительно скорѣе устроенъ чѣмъ рельсовый.

к) Вслѣдствіе растяженія проволочнаго каната отъ употребленія, и измѣненія длины отъ измѣненія температуры, должно быть удобно натягиваніе отпусканіе и перемѣна путепроводныхъ канатовъ.

Московская политехническая выставка.

Модель проволочной желѣзной дороги. системы Таля. Отдѣлъ горнозаводства. Рис. Н. Каразинъ, грав. И. Матюшинъ.

в) Должно удобно укладывать два пути рядомъ съ переходами съ одного пути на другой, у станцій и развѣтвленій.

г) Путь долженъ быть двойной. Вслучаѣ разрыва одного каната, должна быть устранена опасность паденія поѣзда и груза.

д) Путь долженъ состоять изъ отдѣльныхъ частей, легко перемѣняемыхъ.

е) Во время устройства пути должно подвозить по немъ съ помощью висячаго локомотива все что нужно для продолженія работы, а также и увозить составныя части при разборкѣ дороги.

ж) На пути не должно быть вращающихся колесъ какъ у Годжсона и надзоръ за путемъ долженъ быть удобенъ.

з) Подвижной составъ долженъ быть легокъ при доста-

*) Въ другихъ системахъ, напр. г. Мосолова, поѣздъ двигается именно посредствомъ такого безконечнаго каната.

л) Весь путь съ подвижнымъ составомъ долженъ дешево стоить, быть простъ и однообразенъ въ отдѣльныхъ частяхъ и вполнѣ быть удобнымъ къ скорой замѣнѣ и исправленію поврежденныхъ частей.

м) Желательно, чтобы путь имѣлъ возможность, по крайней мѣрѣ въ прямыхъ направленіяхъ, нѣсколько качаться, для того, чтобы идущій по немъ поѣздъ, повинуясь боковому вѣтру, не напиралъ на одинъ канатъ преимущественно.

Главнѣйшее неудобство существующихъ системъ — это то, что (какъ напр. у г. Мосолова) поѣздъ передвигается по канатнымъ рельсамъ не самъ по себѣ, а его перетаскиваетъ третій подвижной безконечный канатъ, огибающій горизонтальныя колеса; и понятно, что на значительномъ разстояніи канатъ этотъ пріобрѣтаетъ значительную тяжесть, на которую расходуется сила двигателя; кромѣ того, этотъ излишекъ тяжести не можетъ (особенно при колебаніи) не влiять вредно на козлы и подпоры висячаго

пути, тѣмъ болѣе, что эти подпоры не могутъ быть черезъ-чуръ фундаментальны, ибо тогда нарушилось бы главнѣйшее условіе—удобство переноски.

Система Таля состоитъ изъ слѣдующихъ частей:—рядъ козелъ, расположенныхъ по линіи пути на данномъ разстояніи одинъ отъ другаго (по мнѣнію изобрѣтателя, разстояніе это не должно превышать 16 сажень для того, чтобы, въ случаѣ паденія однихъ стоекъ, висячіе рельсы, канаты все-таки не касались бы земли). Высота этихъ стоекъ, понятно, зависитъ отъ неровности мѣстности—и вершины ихъ должны по возможности подходить къ общей, горизонтальной линіи. На этихъ стойкахъ укрѣплены желѣзные якоря, на которыхъ и укрѣпляются прочно проволочные канаты.

Подъ этими висячими рельсами катится локомотивъ, колеса котораго вращаются съ помощью на-искось кверху дѣйствующихъ цилиндровъ.

Къ локомотиву прицѣпляются висячіе вагоны, приспособленные для возки длинныхъ бревенъ, или ящики съ рудою и минеральнымъ товаромъ, или же вагоны для пассажировъ.

На станціяхъ, висячій путь долженъ переходить въ обыкновенный рельсовый—и висячіе вагоны, спущенные на рамы колесами, могутъ продолжать дальнѣйшее странствованіе, сойдя съ висячей дороги на обыкновенную.

Быстрота движенія по этимъ оригинальнымъ дорогамъ (по мнѣнію г. Таля) для грузовъ отъ 10 — 15 верстъ, для пассажировъ же до 25 верстъ въ часъ. — Скорость весьма удовлетворительная.

Понятное дѣло, что съ дальнѣйшимъ усовершенствованіемъ вообще желѣзнодорожнаго дѣла, какъ сама форма локомотива и вагоновъ, такъ и детали ихъ устройства, будутъ мало по малу приближаться къ идеальному типу; поэтому на вагоны, предложенные г. Талемъ для своихъ висячихъ дорогъ, нельзя смотрѣть какъ на нѣчто оконченное.

Стоимость этихъ путей весьма ограничена. Вотъ вычисленія изобрѣтателя:

Для извѣстной мѣстности на Уралѣ, нынѣ совершенно глухой (мѣстность эта знакома г. изобрѣтателю), для вывозки лѣснаго матеріала въ годъ 1.440,000—2.400,000 пудовъ—переносный висячій путь, предполагая даже выписку канатовъ изъ за границы, стоилъ бы слѣдующее:

Путь	50,675 руб.
Подвижной составъ .	19,300 »
Эксплуатація . . .	14,496 »
Итого .	84,471 руб.

Такъ какъ весь участокъ равенъ 20-ти верстамъ, то одна верста обошлась бы въ 2,283 р. съ копейками; подвижной составъ 815 р.

Значитъ главнѣйшее, даже основное условіе,—дешевизна,—почти достигнуто.

Большая толпа посѣтителей всегда окружаетъ эту интересную модель—и въ извѣстное время по висячимъ рельсамъ пускается даже маленькій паровозъ, съ прицѣпленными къ нему вагонами. Модель эта состоитъ изъ разводнаго прибора, подъ которымъ поѣзда переходятъ съ одной линіи на другую, и двухъ довольно длинныхъ вѣтвей.

По всему можно предполагать, что переноснымъ висячимъ дорогамъ предстоитъ довольно блестящая будущность,—и принимая во вниманіе множество мѣстностей нашего государства, бѣдныхъ населеніемъ и богатыхъ лѣсами, можно разсчитывать, что нигдѣ не найдутъ себѣ висячія дороги такого обширнаго примѣненія, какъ у насъ.

На различныхъ горныхъ заводахъ во Франціи, Германіи, Англіи и Австріи, уже давно примѣнены висячіе канатные пути, но всѣ они съ безконечнымъ канатомъ и съ постояннымъ двигателемъ.

(Продолженіе будетъ).

Внутреннее обозрѣніе.

Потребность въ дешовомъ и выгодномъ кредитѣ становится у насъ все болѣе ощутительною. Для удовлетворенія этой потребности, возникаютъ особыя кредитныя учрежденія въ тѣхъ именно мѣстностяхъ, которыя заявили въ нихъ нужду. Такъ, съ одной стороны, мы видимъ устраивающіяся въ разныхъ частяхъ нашего отечества ссудо-сберегательныя товарищества, съ другой—разные городскіе и сословные банки, имѣющіе цѣлью удовлетворять болѣе крупнымъ требованіямъ въ кредитѣ. Ссудо-сберегательныя товарищества являются наиболѣе юными изъ нашихъ кредитныхъ учрежденій и, какъ все молодое, заставляютъ возлагать на нихъ самыя свѣтлыя надежды. Неоцѣнимое преимущество ихъ передъ остальными кредитными учрежденіями заключается въ томъ, что они основываются на началахъ взаимной помощи и удовлетворяютъ потребности въ кредитѣ самыхъ мелкихъ собственниковъ. Этой цѣли отчасти достигаютъ и нѣкоторые изъ нашихъ городскихъ банковъ, которые, получая отъ своихъ операцій довольно значительные барыши, имѣютъ возможность употреблять ихъ на нужды общественныя. Такимъ образомъ, при успѣшномъ ходѣ дѣлъ, городской банкъ можетъ удовлетворять слѣдующимъ тремъ цѣлямъ: а) лицамъ нуждающимся въ дешовомъ кредитѣ—онъ выдаетъ ссуды на условіяхъ, выгодныхъ какъ для заемщика, такъ и для учрежденія, выдающаго ссуду; б) вкладчики, снабдившіе банкъ своими капиталами, пользуются удобствомъ помѣщенія ихъ на довольно выгодныхъ условіяхъ; наконецъ в) получаемые банкомъ барыши попадаютъ не въ карманы частныхъ лицъ, обогащающихся на кредитѣ, а идутъ на общественныя нужды города: на устройство богадѣльни, пріюта, школъ и проч. Насколько наши города нуждаются въ кредитѣ—видно изъ того, что во многихъ изъ нихъ, лишенныхъ всякихъ кредитныхъ учрежденій, какая-нибудь сотня рублей, обращающаяся на процентахъ, составляетъ истинный кладъ, и на нее накидываются со всѣхъ сторонъ, предлагая баснословные проценты. Тридцать, сорокъ и даже пятьдесятъ процентовъ никого тамъ не удивляютъ, и никто не откажется заплатить ихъ—лишь бы только достать нужную сумму. Кромѣ условленныхъ процентовъ, съ заемщика берутся еще разные подарки, въ видѣ товаровъ изъ его лавки, если онъ купецъ, или работою, если онъ крестьянинъ. Такимъ образомъ, обладая нѣсколькими сотнями рублей, можно жить въ какомъ-нибудь уѣздномъ городишкѣ какъ-говорится припѣваючи, ни въ чемъ не нуждаясь и ни въ комъ не заискивая, окруженному даже извѣстнымъ почетомъ, хотя и съ значительною долею зависти. Правда, рискъ отъ подобнаго помѣщенія капитала для владѣльца весьма и весьма значителенъ; но за то проценты, въ какіе-нибудь 3—4 года, съ избыткомъ возвращаютъ ему ссуду. Въ послѣдніе годы потребность въ кредитѣ въ такихъ мѣстностяхъ

еще болѣе усилилась вслѣдствіе того, что многіе, увлеченные вѣроятностью выигрыша, бросились скупать билеты двухъ внутреннихъ съ выигрышами займовъ и такимъ образомъ уменьшили количество вращающихся въ народѣ капиталовъ, тѣмъ самымъ увеличивъ ихъ цѣнность.

До какой степени можетъ быть благотворна дѣятельность городскаго банка — примѣромъ можетъ служить Скопинскій (Рязанской губ.) банкъ. Основанный на небольшія, сравнительно, средства, пожертвованныя гражданиномъ г. Скопина Рыковымъ, банкъ этотъ въ какіе-нибудь 6 лѣтъ расширилъ свою дѣятельность до того, что оборотъ его за послѣдній отчетный годъ (1871 г.) достигъ весьма внушительной суммы—$32^3/_4$ мильоновъ, что составляетъ болѣе $^1/_{10}$ части оборота всѣхъ городскихъ банковъ, вмѣстѣ взятыхъ! Основной капиталъ его—съ 10 тысячъ возросъ до 400 тыс. руб. Затѣмъ, вкладовъ въ одинъ Скопинскій банкъ поступило болѣе 2 мильоновъ рублей, такъ-что къ концу отчетнаго года было въ банкѣ около 8 мильоновъ руб. вкладовъ, т. е. немного менѣе *третьей* части общей суммы вкладовъ всѣхъ городскихъ банковъ Россіи. Наконецъ, наибольшую прибыль отъ своихъ операцій получаетъ все тотъ-же Скопинскій банкъ (750 тыс. руб. въ годъ). Изъ всего этого слѣдуетъ, что учрежденіе это ведется съ успѣхомъ, которому могутъ позавидовать рѣшительно всѣ наши городскіе банки. Обиліе его вкладовъ показываетъ довѣріе къ нему со стороны капиталистовъ и публики; обширные обороты,—что операціями его пользуется значительное число заемщиковъ; высокія прибыли,—что дѣло ведется разсчетливо; наконецъ, открытіе а счетъ этихъ прибылей разныхъ благотворительныхъ учрежденій,—что банкъ умѣетъ пользоваться своими барышами, употребляя ихъ на общественныя нужды.

Если мы обратимся теперь къ дѣятельности другихъ нашихъ городскихъ банковъ, то увидимъ, что нѣкоторые изъ нихъ подаютъ надежду современемъ сдѣлаться соперниками Скопинскому банку, таковы: Харьковскій, Казанскій, Рязанскій и другіе банки. Изъ 180 городскихъ общественныхъ банковъ, о дѣйствіяхъ которыхъ находимъ подробныя свѣдѣнія въ „Правит. Вѣстникѣ", упомянутыя кредитныя учрежденія выдаются какъ своими оборотами, такъ и получаемыми ими барышами. Обороты напр. Харьковскаго банка въ 1871 году равнялись слишкомъ 30 мильонамъ рублей; Казанскаго—11 мильонамъ. Прибылей Харьковскій банкъ въ томъ же году получилъ около 400 тыс., Казанскій немного болѣе 250 тыс., и т. далѣе. Всѣхъ городскихъ банковъ въ 1871 году было 222; оборотъ 180 изъ нихъ равнялся 304 мильоновъ; собственныхъ капиталовъ эти банки имѣли слишкомъ 9 мильоновъ; вкладовъ на 29 мильоновъ рублей. 160 банковъ имѣли возможность изъ полученныхъ прибылей отчислить болѣе или менѣе значительныя суммы въ городской доходъ и на дѣла благотворительности; сумма всѣхъ этихъ отчисленій доходитъ до 830 тыс. руб. въ годъ. Всѣ эти цифры показываютъ, что банковое дѣло въ нашихъ провинціяхъ мало по малу развивается, чему въ значительной степени способствуетъ замѣтное оживленіе нашей промышленности и торговли. Наоборотъ, развитіе торговли и промышленности частію объусловливается развитіемъ въ сторонѣ банковаго дѣла. Въ одномъ 1871 году 18-ю городскими общественными банками учтено было векселей на 85 слишкомъ мильоновъ рублей.

Политическое обозрѣніе.

Въ жизни каждаго народа какъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка бываютъ критическія обстоятельства, имѣющія вліяніе какъ на матеріальную такъ и на нравственную жизнь. Какъ бы блестяща ни была исторія какого либо народа, все-же она имѣетъ свои печальныя страницы. Но именно въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ выясняется настоящій характеръ какъ отдѣльнаго человѣка такъ и цѣлаго народа: всѣ его индивидуальныя особенности, вся его нравственная сила и энергія, съ которой онъ борется, чтобы выйти изъ этихъ критическихъ обстоятельствъ. И чѣмъ хуже обстоятельства народа въ данное время, тѣмъ больше онъ заслуживаетъ нашего уваженія, если онъ успѣваетъ изъ нихъ вывернуться и стать на ту высоту, на которой онъ стоялъ прежде. Положеніе французскаго народа въ послѣдней франко-прусской войнѣ было дѣйствительно ужасно, но тѣмъ болѣе поразительна энергія и сила этого народа, съ которой онъ взбирается на свою прежнюю высоту; съ какою тщательностью онъ старается поправить свое ужасное прошлое, приведшее его къ такому ужасному положенію, вслѣдствіе наполеоновскаго режима! Уроки, заимствованные этимъ народомъ изъ своего недавняго прошлаго, не мѣшало бы имѣть въ виду и другимъ народамъ. И въ самомъ дѣлѣ, кто изъ европейскихъ народовъ, исключая англичанъ, послѣ такой разорительной войны, не потерялъ-бы своего кредита, своихъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ и своей энергіи!!... Во Франціи идутъ разсужденія о новомъ займѣ. Вся пресса смотритъ на него съ сильнымъ недовѣріемъ. Но не успѣли объявить подписки, а она уже дошла до 41 миліарда. Значитъ, Франція не совсѣмъ еще уничтожена. Значитъ, она еще не потеряла внутреннія силы, когда она имѣетъ такое огромное довѣріе. Значитъ, она можетъ выпрямить свои окоченѣвшіе члены.

Кстати, интересныя данныя сообщаетъ газета «Evenement» относительно долговъ Франціи передъ заключеніемъ новаго займа: „Долги сдѣланные различными французскими правительствами до послѣдней войны, простирались до цифры 7,660 милл., займы 1870, 1871 г.—3,090 милл.; вознагражденіе, которое слѣдуетъ уплатить обществу восточныхъ желѣзныхъ дорогъ 325 милл.; долгъ французскому банку 1,550 милл.; долгъ городу Парижу 200 милл., неутвержденный долгъ—705 милл.; содержаніе нѣмецкихъ войскъ, вознагражденіе занятымъ департаментамъ, расходы по выпуску займа и т. д. 2,450 милл.,—итого 15,980 милліоновъ. Послѣ заключенія новаго займа долгъ Франціи будетъ простираться до 19,480 милліоновъ франковъ.

Въ Испаніи, гдѣ теперь розыгрывается траги-комедія донъ-карлистами, этими донкихотствующими чернецами, желающими возстановить средневѣковыя традиціи подъ бѣлымъ знаменемъ Донъ-Карлоса, недавно чуть не разыгралась настоящая трагедія, которая могла бы плохо окончиться для Испанцевъ. Въ короля Амедея съ супругой было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ неизвѣстными злоумышленниками. Король и королева остались невредимы. Изъ разслѣдованія дѣла оказывается, что республиканская партія тутъ не замѣшана. Впрочемъ, ее въ этомъ никто и не подозрѣвалъ, такъ какъ извѣстно, что она настолько цѣнитъ народное благо, чтобы не напасть на человѣка, всѣми силами его охраняющаго.

Въ Соединенныхъ Штатахъ предстоятъ президент-

скіе выборы въ этомъ году. Пока существуютъ два кандидата: Горасъ Грили и генералъ Грантъ. Оба они уніонисты, оба поборники гражданской и политической равноправности, оба они приверженцы системы протекціонизма,—но расходятся они въ томъ, что Горасъ Грили желаетъ покончить съ вопросами, возбужденными гражданской войной и найти средства для окончательнаго примиренія съ Югомъ: онъ желаетъ возстановить дѣйствіе акта habeas corpus во всей странѣ, прекратить военное положеніе, продолжающееся въ нѣкоторыхъ штатахъ еще до сихъ поръ, возвращенія гражданскихъ правъ всѣмъ безъ исключенія прежнимъ инсургентамъ, уничтоженія присяги (test oath) и всѣхъ исключительныхъ законовъ, порожденныхъ войною, и наконецъ, общей амнистіи. Грантъ, являясь представителемъ консервативныхъ республиканцевъ, утверждаетъ, что не пришло еще время возвратить Югу общія права, что тамъ еще кроется духъ возстанія, который ждетъ только ухода войскъ Сѣвера, чтобы возстаніе тамъ вспыхнуло съ новой силой.

„Pall-Mall Gazette“ сообщаетъ, что въ Нью-Йоркѣ получены извѣстія о звѣрскихъ поступкахъ, совершенныхъ въ Техасѣ индѣйцами.

Одинъ изъ миссіонеровъ, находившихся въ настоящее время въ Персіи, пишетъ, что въ Тегеранѣ число умершихъ отъ голода и произведенныхъ имъ болѣзней простирается въ настоящее время до 106,000 человѣкъ. Это произошло вслѣдствіе стеченія въ столицу Персіи громаднаго количества народа изъ мѣстностей, наиболѣе пострадавшихъ отъ бѣдствія. По приблизительному исчисленію, отъ нынѣшняго голода погибло во всей Персіи до 3,000,000 человѣкъ.

Смѣсь.

Какъ думалъ Петръ Великій насчетъ свободы книгопечатанія. Петръ Великій поручилъ монаху Гавріилу перевести пуфендорфовскую «Исторію государствъ» съ латинскаго на русскій языкъ. Когда этотъ послѣдній принесъ ему свою работу, Петръ замѣтилъ сразу, что онъ выпустилъ нѣсколько мѣстъ, которыя показались ему оскорбительными для русскихъ. Поэтому онъ возвратилъ ему переводъ съ слѣдующими словами: «И ты называешь это переводомъ?—Вотъ тебѣ твой переводъ, поди и переведи въ точности, какъ тамъ написано. Я хочу напечатать это не для униженія моихъ подданныхъ, а для ихъ усовершенствованія. Они должны узнать, какими они были—чѣмъ я сдѣлаю ихъ и къ чему они должны стремиться».

Рогатая змѣя. Бондонкскій князь-регентъ на островѣ Явѣ, Раденъ Адипатія Вира Ната Козоэна, владѣетъ чудовищной змѣей, пользующейся большимъ почетомъ у туземцевъ, которые глядятъ на нее какъ на святую. Эта змѣя—тридцати слишкомъ футовъ длины и на головѣ у нея два большіе золотые рога, украшенные на верху двумя большими бриліантами. Она называется «*Goestih* Могамедъ». У ней приподняли на головѣ кожу, надрѣзали и вставили туда золотую дощечку съ рогами, а потомъ опять зашили кожу. Такимъ образомъ теперь, когда кожа давно уже зажила, эти рога кажутся природными, а не искусственными. Кто украсилъ такимъ образомъ эту змѣю—неизвѣстно. Она была такою не только въ правленіе теперешняго регента, которому теперь пятьдесятъ шесть лѣтъ, но и въ правленіе его отца и даже дѣда, а въ фамильной хроникѣ нѣтъ ничего насчетъ этого. Вѣрно только то, что эта змѣя находится у этой фамиліи слишкомъ уже сто лѣтъ. Она держится, большею частію, въ старомъ чуланѣ для риса, но гуляетъ на свободѣ и по окрестностямъ и никому еще не сдѣлала зла по собственному побужденію, только бы не останавливали ее во время прогулки, иначе она ударяетъ заднею частью и легко опрокидываетъ того, кто мѣшаетъ ей. Иногда она гуляетъ и охотится нѣсколько дней кряду, потомъ возвращается, плотно наѣвшись, свертывается кольцомъ и лежитъ до тѣхъ поръ пока не переваритъ съѣденнаго. Въ періоды сбрасыванія кожи, о которыхъ извѣстно всякому, отъ нея держатся какъ можно дальше, потому что она бываетъ въ это время очень зла. Верховный жрецъ Раденъ Пангъгоэльве, также какъ и регентъ, пріучили ее къ повиновенію, и коль скоро кто нибудь изъ нихъ позоветъ ее, она сейчасъ же идетъ и свертывается кольцомъ, во всю свою громадную величину на покрытомъ зеленою скатертью столѣ, засвидѣтельствовавъ сперва свое почтеніе князю-регенту. Когда же она идетъ или лучше сказать ползетъ въ свой тихій уголъ, то это дѣлается съ гордымъ сознаніемъ чувства собственнаго достоинства, не рѣдко по тѣламъ не успѣвшихъ сойти съ дороги индѣйцевъ, которыхъ она чуть не задавляетъ своей тяжестью, но умышленно она никому не дѣлаетъ зла. Нерѣдко она является на балахъ, во время ужина, такъ какъ она большая лакомка и безъ церемоній съѣдаетъ то, что ей предлагаютъ. Ее натираютъ для здоровья каждую недѣлю кокосовымъ масломъ, и она не выноситъ никакого стѣсненія своей свободы, которою она никогда не злоупотребляетъ.

О полетѣ птицъ. Слѣдующія свѣдѣнія касательно птичьяго полета чрезвычайно интересны. Когда Александръ Гумбольдтъ поднимался на Чимборазо, онъ замѣтилъ на высотѣ около 40,000 футовъ кондора, казавшагося небольшой точкой, который, спускаясь все съ возрастающею скоростію, кинулся на добычу. Что касается до быстроты различныхъ птицъ, то сдѣланныя на этотъ счетъ наблюденія привели къ слѣдующимъ результатамъ: Ястреба и многія другія птицы пролетаютъ около 30 миль въ часъ; гага, которая тяжелѣе ихъ, около 18 миль въ часъ, обыкновенная ворона 5 миль, обыкновенная ласточка 18. Соколъ короля Генриха IV, улетѣвшій однажды изъ Фонтенебло, былъ пойманъ черезъ 24 часа на островѣ Мальтѣ, лежащемъ на разстояніи 306 миль оттуда. Въ Германіи находится около 380 различныхъ породъ птицъ; число всѣхъ существующихъ на землѣ породъ птицъ простирается, сколько извѣстно, до 7000.

Приготовленіе бульона безъ помощи огня. Положить въ стеклянное или фаянсовое блюдо полфунта хорошей нежирной, мелко изрубленной говядины или курятины, налить туда чашку хорошо вскипяченной, но вполнѣ остывшей воды, взять на кончикъ ножа хорошей поваренной соли и сдѣлавъ эту смѣсь, вливъ въ нее отъ 4 до 6 капель чистой соляной кислоты *(Acidum muriaticum depur)*, смѣшать хорошенько все это стеклянной или фарфоровой ложкой, (а за неимѣніемъ такихъ ложекъ, стеклянной палочкой которую можно достать у любаго стекольщика) и дать постоять впродолженіи одного часу на неостывшей печкѣ. Затѣмъ процѣдить эту жидкость сквозь сито, ополоснуть ее чашкой *холодной, мягкой* воды, выжать слегка мясо стеклянной ложкой, и вы получите свѣтлый блѣдно-красноватый бульонъ, заключающій въ себѣ въ жидкомъ состояніи всѣ питательныя мясныя вещества (безъ примѣси студенистыхъ веществъ), отдѣляющіяся при кипяченіи вмѣстѣ съ мясомъ, которыя не только переходятъ въ кровь но перевариваются самымъ слабымъ желудкомъ. Мы не разъ приготовляли по этому рецепту и можемъ рекомендовать его всѣмъ домохозяйкамъ, въ особенности для роженицъ, больныхъ и выздоравливающихъ.

Почтовый ящикъ.

Анониму, приславшему намъ стихосложеніе:

По «Нивѣ» прохожу я узкою межой,
Гдѣ нѣтъ тенденція и мысли никакой и т. д.,

подписанное: **Что въ имени тебѣ моемъ?**

— Хотя намъ и дѣйствительно никакого дѣла нѣтъ до вашего имени, тѣмъ не менѣе намъ кажется, что вы таите его съ излишнею авторской стыдливостью. Всякій воленъ заявить, что онъ вынесъ изъ чтенія той или другой книги; а выноситъ каждый ровно столько, сколько въ силахъ уразумѣть—стыдиться тутъ нечего. Вотъ напр. на „Дневникѣ лишняго человѣка“ (см. сочиненія И. С. Тургенева) прямо такъ и значится: *сiю рукопись читалъ и содержанiе онной нѣ одобрилъ. Пѣтръ Зудотѣшинъ.*

Въ Евпаторію, въ домъ Мардехая С—ча, студенту Давиду С—чу.

Присланная вами замѣтка о евреяхъ и караимахъ не будетъ напечатана, такъ какъ въ очеркахъ „Возникновеніе замѣчательнаго города Сѣченовки“ взглядъ редакціи на темныя стороны еврейскаго быта выраженъ съ достаточною полнотою,—что же касается караимовъ, то авторъ статьи, помѣщенной въ № 21 „Нивы“, г-нъ Т.... приметъ на себя трудъ отстоять изложенныя въ ней воззрѣнія, если вамъ угодно будетъ начать полемику въ какомъ нибудь другомъ журналѣ, такъ какъ обиліе матеріаловъ и постоянное наше стремленіе разнообразить содержаніе „Нивы“ не позволяютъ намъ отводить мѣсто преніямъ о томъ, что уже высказано категорично.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 4 августа 1872 г. **Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская д. № 9.** Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр. д. № 53.

№ 33 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 14 августа 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 » — »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

I.

— Не хочу утруждать васъ больше; я самъ найду, что мнѣ нужно.

Жена кистера взглянула съ нѣкоторымъ удивленіемъ сперва на господина, а потомъ на связку большихъ ключей, висѣвшую на двери, которую она только что отворила.

— Ну да, сказалъ иностранецъ,—вамъ нечего безпокоиться на этотъ счетъ; я не долго останусь, вотъ вамъ за труды.

Онъ всунулъ ей въ руку монетку и обернулся къ двери.

— Господинъ пасторъ запретилъ, сказала женщина.

— Онъ ничего не скажетъ противъ этого, возразилъ чужестранецъ.—Я напишу ему нѣсколько словъ.

Онъ взялъ портфель и написалъ нѣсколько строкъ. Отдавая затѣмъ листокъ, онъ увидалъ, что на оборотѣ его былъ нарисованъ эскизъ, который онъ набросалъ сегодня послѣ обѣда, въ то время, какъ его повозка стояла передъ деревенскимъ шинкомъ.

На его серіозномъ лицѣ мелькнула улыбка.

— Не совсѣмъ-то ладно, пробормоталъ онъ,—и восемь лошадиныхъ ногъ, когда довольно-бы и одной. А потомъ тутъ — что это за маранье! Ну, да ничего, сказалъ онъ громко, кладя портфель опять въ карманъ, — я напишу потомъ изъ П. Пожалуйста, скажите ему это; прощайте, моя милая.

Жена кистера не посмѣла возражать и обернулась, чтобы идти. Чужестранецъ смотрѣлъ нѣсколько минутъ вслѣдъ ей.

— Странно, бормоталъ онъ,—словно я совершилъ святотатство, когда назвалъ себя въ этомъ мѣстѣ по имени! Не было ли для меня облегченіемъ уже то, что эта женщина не знала меня прежде? Въ какой опалѣ держатъ всѣхъ насъ эти темныя чувства, въ которыхъ мы постыдились бы признаться передъ другими! Конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, если эти ощущенія овладѣли мною здѣсь съ такою, почти неодолимою силою;—здѣсь, гдѣ слѣдовало бы стоять моему домашнему очагу; здѣсь, гдѣ стояла моя колыбель и куда я однакоже не смѣлъ возвратиться до тѣхъ поръ, пока не сошелъ въ могилу тотъ, кому я обязанъ жизнью.

Онъ неслышными шагами вошелъ въ церковь и, остановившись въ этомъ небольшомъ помѣщеніи, сталъ осматриваться кругомъ. Сквозь круглыя, охваченныя свинцомъ стекла высокихъ окошекъ, уже низко спустившееся солнце бросало какой-то странный свѣтъ, который становился то сильнѣе, то слабѣе, смотря потому поднималъ или опускалъ теплый вѣтеръ вѣтви вѣковыхъ сосенъ, тамъ, на церковной стѣнѣ. И точно такъ же, то темнѣе, то свѣтлѣе, но все болѣе или менѣе въ неясномъ свѣтѣ, проносились въ душѣ чужестранца воспоминанія его молодыхъ годовъ, когда онъ, стоя неподвижно, переносилъ свои взоры на толстыя, выбѣленныя известкой стѣны, на нѣсколько темныхъ кар-

тинъ, висѣвшихъ кругомъ безъ всякой симметріи и слишкомъ высоко, на небольшіе дубовые хоры, почернѣвшіе отъ времени, на алтарь съ двумя большими мѣдными канделябрами и кафедру съ налоемъ, накрытымъ разорваннымъ покровомъ. — Все было по прежнему; онъ припомнилъ даже дырочки на покровѣ, только всё казалось еще меньше, еще бѣднѣе, еще безвкуснѣе, чѣмъ представлялось въ воспоминаніи. А между тѣмъ это было еще при благопріятномъ освѣщеніи—что же это должно быть при яркомъ дневномъ свѣтѣ! А его жалкое, печальное дѣтство, чѣмъ представлялось оно ему, когда онъ гасилъ волшебный свѣтъ воспоминанія, когда онъ видѣлъ его такимъ, какимъ оно было въ дѣйствительности, какимъ его сдѣлалъ ему, такъ рано лишенному материнской любви, холодный фанатикъ-отецъ!

Странникъ очнулся отъ своихъ грезъ, когда среди глубокой тишины, царствовавшей въ церкви, раздался какой-то рѣзкій звукъ, какъ будто бы что-то разрывалось. Это были готовившіеся бить часы. Онъ провелъ рукою по лбу, машинально сосчиталъ удары и прислушивался къ дребезжащимъ отголоскамъ до тѣхъ поръ, пока они совсѣмъ замерли.—«Семь часовъ, сказалъ онъ,—пора мнѣ опять въ дорогу.»

Онъ обогнулъ скамьи, миновалъ придѣлъ направо отъ кафедры и наконецъ достигъ большой желѣзной двери крипты. Эта дверь была заперта, но направо и налѣво отъ нея тянулись по стѣнѣ надгробныя плиты раммипскихъ пасторовъ, проповѣдовавшихъ тамъ, вверху на каѳедрѣ истины евангелія надъ гробами своихъ предшественниковъ, къ которымъ должны были присоединиться впослѣдствіи и они. Онъ подошелъ къ послѣдней плитѣ и прочиталъ надпись, говорившую, что здѣсь покоится въ Богѣ докторъ теологіи Готтгольдъ Эфраимъ Веберъ, поступившій въ 1805 году насторомъ въ церковь св. Маріи въ Рамминѣ, родившійся 3-го августа 1780 г., умершій 15-го іюля 1833 г.

— Готтгольдъ Эфраимъ Веберъ, пробормоталъ странникъ,—такъ называюсь и я, да къ тому же я и докторъ теологіи. А что я не захотѣлъ остаться чѣмъ предназначалъ мнѣ быть отецъ, что я захотѣлъ быть и сдѣлаться тѣмъ, за чѣмъ, по собственному моему сознанію и убѣжденію, я былъ рожденъ на свѣтъ матерью—это разлучило его, который покоится здѣсь, внизу, и меня. Нѣтъ, нѣтъ, не это, по крайней мѣрѣ не этотъ моментъ. Я никогда не соглашался съ тобою насчетъ смысла того, что написано здѣсь: «Блаженны умершіе о Господѣ». Мы никогда ни въ чемъ не сходились, мы были разлучены за долго до того, какъ разстались. Ну чтожъ, отецъ, помиримся же хоть теперь! Вѣдь я желалъ тебѣ отъ всего сердца того блаженства, въ которое ты вѣришь,—и если я говорю: «Блаженны—мертвые», то конечно ты пользуешься всѣмъ тѣмъ блаженствомъ, въ которое я вѣрю».

Готтгольдъ сдѣлалъ движеніе вродѣ того, которое дѣлаютъ, подавая кому нибудь руку. «Помиримся», сказалъ онъ еще разъ.

Птичка, забравшаяся на минуту водну изъ оконныхъ отдушинъ, зачирикала такъ громко, что эти милые, веселые звуки, разнеслись по всей церкви.

— Я буду считать это отвѣтомъ, сказалъ Готтгольдъ.

Онъ вышелъ изъ церкви такъ же неслышно, какъ и вошелъ, — и дошелъ по проложенной черезъ кладбище тропинкѣ до большаго желѣзнаго креста, на которомъ была начертана та же самая надпись: «блаженны умершіе о Господѣ»; отсюда отдѣлялась другая тропинка, поуже, ведшая до стѣны. Въ этой болѣе древней части кладбища едва ли что измѣнилось; онъ помнитъ еще каждую насыпь, каждый крестъ, каждый камень и каждую надпись;—тутъ-то и было то, чего онъ искалъ, — могила, съ низенькой, деревянной рѣшеткой, съ чахлой плакучей ивой, съ криво стоящимъ крестомъ,—въ такомъ же запущеніи, какъ и всегда, или пожалуй еще въ большемъ,—могила его матери.

Онъ такъ рано потерялъ ее, когда ему было всего четыре, или пять лѣтъ. Онъ сохранилъ о ней едва одну тѣнь воспоминанія; онъ никогда не видалъ ея изображенія. Его отецъ упомянулъ объ ней всего одинъ разъ, когда, разсердившись, онъ сказалъ ему: «ты такой же, какъ и твоя мать». Тѣмъ не менѣе, и можетъ быть даже именно потому-то его фантазія и занималась такъ много его покойною матерью, которая должна была быть такою, что онъ любилъ бы ее, а она его,—такъ, какъ онъ любилъ теперь ея обожаемую тѣнь,—любилъ до такой степени, что эта тѣнь приняла наконецъ почти что обликъ. Прелестный, мечтательный обликъ, который явился вдругъ, безъ зова и недоступный зову,—и изчезъ, когда ему такъ хотѣлось, чтобы онъ пробылъ съ нимъ подольше.

Онъ сорвалъ съ ивы нѣсколько листьевъ, но сейчасъ-же высыпалъ ихъ на могилу.

— Это лишнее между мною и тобою, сказалъ онъ,—мы понимаемъ другъ друга безъ знаковъ, и пусть это такъ и остается какъ есть, пусть рушится тихо, постепенно, какъ требуетъ этого властитель—время. И еслибъ даже я воздвигъ тутъ тебѣ великолѣпный памятникъ, сооруженный руками самого Торвальдсена,—для кого я дѣлаю все это? Не для тебя—обращаютъ ли въ Нирванѣ какое бы то ни было вниманіе на эти земныя игрушки!—Не для меня—я никогда уже не буду стоять на этомъ мѣстѣ. А для другихъ, камень былъ бы только камнемъ. Нѣтъ, такъ лучше, это согласуется и съ мѣстомъ.

Онъ поднялъ взоры и съ чувствомъ художника смотрѣлъ на могилы съ высокою травою, колыхавшеюся отъ теплаго вечерняго вѣтра, которую заходящее солнце обливало мѣстами красноватымъ цвѣтомъ,—на маленькую старую церковь съ неуклюжею четыреугольною башнею, озаренною пурпуровымъ цвѣтомъ, въ то время, какъ главная масса давно уже лежала въ тѣни.

— Съ мѣстомъ и со временемъ, сказалъ Готтгольдъ,—вотъ вышла бы чудная картина! но я не стану рисовать ее. Она нарисовалась въ моей душѣ и тутъ я на вѣки удержу ее.

Онъ закрылъ на минуту глаза; когда же опять раскрылъ ихъ, то не смотрѣлъ уже вверхъ, а, заложивъ руки за спину, пошелъ медленными шагами по узенькой тропинкѣ къ выходу. Вдругъ онъ остановился; руки невольно протянулись впередъ, къ двумъ небольшимъ могилкамъ, лежавшимъ какъ разъ у тропинки, бросившимся ему въ глаза своими надписями: «Цецилія Брандовъ», «Каролина Брандовъ». Тутъ-же были означены дни рожденія и смерти покоившихся здѣсь дѣтей.

Странный трепетъ овладѣлъ имъ. — Онъ думалъ, что это прошло и изгладилось изъ его жизни, и что онъ можетъ съѣздить къ своему умирающему отцу (поѣздка, имѣвшая въ результатѣ только поклоненіе гробамъ родителей),—не будучи потревоженъ близостью возлюбленной своей юности. Да, выйдя давеча изъ церкви, онъ взглянулъ съ высокаго мѣста на разстилавшійся вдали далицкій паркъ, изъ-за темныхъ деревьевъ котораго сверкалъ бѣлый фронтонъ господскаго дома,—и прошедшее сказа-

лось для него нѣмо. Теперь оно ворвалось въ него, словно рѣка, у которой отперли шлюзы. Ея дѣти, — а вѣдь сама она была тогда еще полуребенкомъ! Ея дѣти? одна, старшая, называлась ея именемъ, — именемъ, которое съ тѣхъ поръ сохранило для него навсегда значеніе какого-то особеннаго, таинственнаго, святаго звука, такъ что онъ не могъ ни слышать, ни читать, безъ какого-то благочестиваго трепета словъ: «Цецилія!»—Ея дѣти! странно!.. непостижимо странно! такъ же непостижимо, какъ смерть, которой они такъ рано подверглись! И она преклоняла колѣна и плакала у этихъ могилъ, а подлѣ нея стоялъ ея мужъ, фамилія котораго вѣдь также написана здѣсь золотыми письменами, а имя перешло даже къ младшему ребенку. Конечно и онъ также плакалъ о своихъ дѣтяхъ! Трудно представить себѣ суровое лицо Карла Брандова въ слезахъ.

И въ то время какъ въ фантазіи Готтгольда встало, съ почти осязаемою ясностію, лицо его врага (единственнаго, котораго онъ когда либо имѣлъ), — глубокій рубецъ, начинавшійся у него подъ волосами и тянувшійся черезъ правый високъ, мимо уха, по всей щекѣ, вплоть до темной бороды (рубецъ, благодаря которому жена кистера, вспомнивъ изрѣченіе, что людей отмѣченныхъ слѣдуетъ остерегаться, такъ неохотно пускала въ церковь виднаго иностранца безъ проводника), — этотъ рубецъ весь передернуло и онъ загорѣлся. Ужь не пойдетъ-ли опять изъ раны кровь?—изъ раны, которая нанесена ему рукою этого человѣка, когда они оба сидѣли еще на школьной скамьѣ. Неужели это могло бы считаться чудомъ въ эту минуту, когда сердце сжимается такъ судорожно, какъ будто-бы хочетъ сказать: «рана, которую нанесли *мнѣ*, двумя годами моложе и гораздо свѣжѣе и глубже, и ты видишь теперь, что она не зажила, какъ ты это думалъ, и что она никогда не заживетъ.

— Никогда, сказалъ Готтгольдъ,—никогда; ну, такъ я покрайней мѣрѣ не стану ее трогать. — А прелестные дѣти, за которыми покрайней мѣрѣ нѣтъ никакой вины, если вообще тутъ можетъ быть рѣчь о винѣ... какъ хотѣлось бы мнѣ, чтобъ я могъ вызвать ихъ къ жизни для тебя, бѣдная Цецилія! и пусть небо сохранитъ тебѣ тѣхъ, которыхъ оно, конечно, подарило тебѣ послѣ этихъ!

Одѣтая въ черное, фигура въ низкой широкополой шляпѣ и бѣломъ галстукѣ приближалась со стороны господскаго дома къ кладбищу. Безъ сомнѣнія, это былъ преемникъ его отца, новый пасторъ, возвратившійся, какъ показывала жена кистера, съ ревизовки своей школы еще раньше этого, и шедшій теперь отыскивать чужестранца, который сперва спросилъ объ немъ а потомъ велѣлъ отперетъ церковь. Готтгольдъ, находившійся теперь въ сильно возбужденномъ настроеніи, желалъ бы избѣжать этой встрѣчи; но пасторъ, повидимому, уже увидалъ его, потому что ускорилъ шаги и протянулъ, когда Готтгольдъ пошелъ къ нему навстрѣчу, еще на значительномъ разстояніи, обѣ руки, вскричавъ: «Неужели намъ суждено свидѣться при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ?»

Готтгольдъ взглянулъ на стоявшаго передъ нимъ человѣка, который жалъ и давилъ ему руки, удивляясь безбородому, одутлому, бѣлому лицу и голубымъ, какъ вода, глазамъ, судорожно мигавшимъ, но отъ умиленія-ли, или отъ того, что вечернѣе солнце сіяло прямо въ нихъ — Готтгольдъ не могъ рѣшить.

— Да неужели же ты не узнаешь меня братецъ? спросилъ пасторъ,—или тебѣ не называли моего имени? Августъ Земмель.

— Прозванный Клоссомъ *), сказалъ Готтгольдъ, невольно улыбаясь.—Извини пожалуйста; мнѣ въ самомъ дѣлѣ не называли тебя по фамиліи, а потомъ, я всегда видѣлъ тебя въ послѣднее время не иначе, какъ въ колетѣ и ботфортахъ, въ шапкѣ на бекрень и съ лицомъ, ушедшимъ вплоть до самыхъ глазъ въ густую, взъерошенную бороду;—маска была, нечего сказать, превосходная!

Пасторъ Земмель выпустилъ Готтгольдову руку и сдѣлалъ быстрый поворотъ, вслѣдствіе котораго онъ очутился въ тѣни.

— Маска, сказалъ онъ съ выраженіемъ благочестія въ глазахъ,—ну да! и, какъ я думаю теперь, истинно суетная, чтобъ не сказать грѣховная. Я часто бранилъ тебя тогда за то, что ты не хотѣлъ вступить въ наше общество, хотя временами ты и не брезгалъ напив.... — веселиться съ нами; теперь я завидую тебѣ въ томъ, что ты владѣлъ такъ рано силой отреченія, которой недоставало мнѣ.

— За то ты сдѣлался изъ Савла Павломъ, возразилъ улыбаясь Готтгольдъ,—а день моей поѣздки въ Дамаскъ заставляетъ еще ждать себя.

— Да, да, сказалъ пасторъ.—Кто могъ бы вообразить себѣ это? Самый прилежный изъ всѣхъ насъ еще въ школѣ, самый прилежный въ университетѣ; ставившійся всегда въ примѣръ учителями и профессорами; приготовлявшій еще на четвертомъ семестрѣ всѣхъ насъ, стариковъ, къ пр...—экзамену, выдерживавшій блестящимъ образомъ свои собственные экзамены, и все это...

— За Гекубу! Нѣтъ, любезный Земмель, ты не долженъ бранить моего искусства, если даже я, съ чѣмъ я охотно соглашаюсь, и теперь еще не больше какъ плохой художникъ: сдать богословскій экзаменъ легче, чѣмъ написать хорошую картину — я говорю по собственному опыту; а потомъ, еслибъ я остался богословомъ, кто знаетъ, не досталось ли бы отцовское мѣсто—не тебѣ, а сыну? Это тоже надо принять къ свѣдѣнію.

— Это была бы чрезвычайно опасная конкурренція, сказалъ господинъ Земмель, — не смотря конечно на то, что, съ другой стороны, отечественные пророки не такъ-то уважаются, такъ, что я—признаюсь откровенно—когда я выступилъ здѣсь въ качествѣ кандидата,—я, выѣхавъ изъ Галле, былъ сперва четыре года домашнимъ учителемъ у графа Церпекова, въ нижней Помераніи, а потомъ здѣсь, въ Нейенъ-кирхенѣ, намѣстникомъ моего старика, который сталъ очень дряхлъ, такъ что я положительно было разсчитывалъ — но тутъ онъ опять оправился, а такъ какъ это мнѣ было не на руку—что, бишь я хотѣлъ сказать? да — когда я за четыре недѣли передъ этимъ искалъ мѣста и думалъ выиграть, представляя себя въ качествѣ школьнаго и университетскаго друга сына моего предшественника, то эта рекомендація не вездѣ имѣла успѣхъ. Такъ напр. у господина Отто фонъ Плюппенъ въ Плюппенгофѣ.

Готтгольдъ не могъ удержаться отъ улыбки. Охотно вѣрю, сказалъ онъ,—я таки часто мылилъ ему его глупую голову, когда мы были въ учебномъ заведеніи въ П.

— Ты знаешь, я былъ уже въ первомъ классѣ, когда вы были еще во второмъ, продолжалъ тономъ извиненія пасторъ—и совсѣмъ забылъ, что вы знакомы другъ съ другомъ; когда я, наученный, само собою разумѣется, опытомъ съ Плюппеномъ, упоминалъ о тебѣ уже осторожнѣе,

*) Игра словъ: *Semmel*—значитъ въ переводѣ—булка, а *Closz*—глыба, комъ, клецка.

то встрѣчалъ какую-то... какъ бы это сказать?.. сказать враждебность было бы не по христіански, но...

— Оставимъ этотъ предметъ, сказалъ Готтгольдъ съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

— Конечно, конечно, возразилъ пасторъ,—хотя тебѣ и пріятно будетъ слышать, что я пользовался именно этими случаями, чтобы говорить о твоемъ великодушномъ пожертвованіи въ пользу бѣдныхъ нашего прихода съ тою благодарностью, съ какою...

— Но къ чему это, когда я именно просилъ не называть меня по имени?

— Потому что въ писаніи сказано: не держи свѣтильника подъ студомъ, и потому что только такимъ образомъ былъ я въ состояніи заставить молчать злаго Леймонда, который не переставалъ нападать на тебя.

— Злаго Леймонда? спросилъ Готтгольдъ.

— Ну да, такъ какъ всѣ знали, что еще за семь лѣтъ передъ этимъ ты получилъ, вслѣдствіе смерти твоего дяди, большое состояніе, и не смотря на то, твой отецъ...

— Великій Боже! что могъ я тутъ сдѣлать, вскричалъ Готтгольдъ,—когда мой отецъ упорно отвергалъ всякое предложеніе съ моей стороны?—право, я не въ состояніи распространяться объ этомъ дѣлѣ. Кромѣ того мнѣ давно уже пора ѣхать, если только я желаю попасть во время въ П. Вѣдь господинъ Вольнофъ устроилъ все касательно наслѣдства моего отца? Къ сожалѣнію, я не могъ этого сдѣлать самъ, такъ какъ я заболѣлъ, какъ ты узнаешь отъ него, во время моего слишкомъ быстраго путешествія и пролежалъ нѣсколько недѣль въ Миланѣ. Но я писалъ ему оттуда, чтобы онъ исполнялъ всевозможныя желанія преемника моего отца.

— Не зная еще, кто былъ этимъ преемникомъ! вскричалъ господинъ Земмель,—да, таковы всѣ вы художники! ну, мои притязанія были самыя умѣренныя. Въ библіотекѣ твоего отца дѣйствительно было нѣсколько драгоцѣнныхъ богословскихъ сочиненій, которыя мнѣ очень хотѣлось имѣть, а такъ какъ ты позволилъ покупщику назначать свои собственныя цѣны...

— Да вѣдь мы уже порѣшили на этотъ счетъ, любезный Земмель; будетъ, ни шагу дальше.

— Только до твоего экипажа, онъ давеча стоялъ у шинка совсѣмъ запряженный.

— Ни одного шагу, сдѣлай одолженіе.

Они стояли у кладбищенской калитки, которая вела на улицу; пасторъ повидимому никакъ не могъ выпустить готтгольдовой руки.

— Для твоего успокоенія и къ чести нашихъ старыхъ школьныхъ товарищей, я считаю нужнымъ присовокупить къ предшествовавшему разговору еще вотъ что: не думай, чтобы всѣ они оказались виновными въ такомъ жестокосердіи,—какъ я, не будучи самъ жестокосердымъ, смѣю назвать это. Есть между ними такіе, которые говорили о тебѣ съ большими похвалами; но никто не превозносилъ тебя больше Карла Брандова.

— Брандова! Карла Брандова! вскричалъ Готтгольдъ;—конечно...

— Безъ сомнѣнія, это его обязанность стараться загладить свой проступокъ противъ тебя, совершенный имъ по юношеской опромечтивости, и не скрывать истины дѣла; онъ, предпочтительно передъ всѣми другими, признаетъ, что демонъ любостяжанія послѣдній изъ тѣхъ, которые могли бы завладѣть тобою, и что если твой отецъ умеръ въ такой же бѣдности, какъ и жилъ, то безъ сомнѣнія...

— Прощай, сказалъ Готтгольдъ, протягивая пастору руку черезъ низенькую калитку.

— Боже благослови и защити тебя! сказаль пасторъ,—и если у тебя, во время твоего пребыванія здѣсь, найдется лишній часокъ для твоего друга, то...

Готтгольдъ не сказалъ ни слова больше. Онъ выдернулъ у пастора руку почти съ невѣжливою торопливостью и, надвинувъ низко на лицо шляпу, пошелъ быстрыми шагами по деревенской улицѣ. Господинъ Земмель смотрѣлъ ему вслѣдъ и по его одутлому лицу пробѣжала презрительная улыбка.

— Сумазбродъ, сказалъ онъ,—пагубное счастіе, выпавшее ему на долю, совсѣмъ, какъ кажется, свернуло ему голову. Нужды нѣтъ! Богатыхъ людей надобно держаться. Карлъ Брандовъ хитрецъ. Не даромъ онъ съ той минуты, какъ услыхалъ, что тотъ возвратился,—запѣлъ другимъ тономъ и не нахвалится имъ, тогда какъ прежде называлъ его болотнымъ воробьемъ. Можетъ быть онъ думаетъ поживиться около него—ну, и нуждается же онъ въ этомъ, нечего сказать; Плюппенъ говоритъ, что онъ держится на ниточкѣ. Завтра послѣ обѣда онъ будетъ и въ Плюппенгофѣ; тамъ-то я могу произвести фуроръ своими новостями!

II.

Длинная деревенская улица была пуста. Лишь изрѣдка, на порогѣ низкихъ, покрытыхъ соломою хижинъ показывалась старушка или два-три полунагихъ ребенка, рѣзвившихся за ветхими терновыми заборами въ запущенныхъ садикахъ; всѣ прочіе жители деревни были въ полѣ, гдѣ начали сегодня жать рожь.

Деревенская улица была пуста—и ласточкамъ было раздолье. Вверхъ и внизъ, быстрыми какъ стрѣла вереницами летали онѣ, то у самой земли, то поднимаясь вверхъ прелестными дугами, прямо, зигзагомъ, чирикая, щебеча, безъ устали работая своими длинными крыльями.

Готтгольдъ остановился, сдвинулъ со лба шляпу, которую онъ надвинулъ было на лицо, и задумчиво смотрѣлъ на хорошенькихъ птичекъ, которыхъ онъ такъ любилъ всегда, съ самаго дѣтства. И въ то время, какъ онъ стоялъ и смотрѣлъ такимъ образомъ, гнѣвное расположеніе духа, вызванное въ немъ разговоромъ съ пасторомъ, уступило мало по малу мѣсто какой-то странной грусти.

— Что щебетала ласточка, что щебетала ласточка? бормоталъ онъ.—Да, да, эта пѣсенка и теперь еще звучитъ въ деревнѣ, какъ звучала когда-то:

На прощаньицѣ, на прощаньицѣ,
Закрома добромъ ломилися;
Какъ вернулась я, какъ вернулась я,
Опустѣли всѣ *).

Мнѣ казалось, что я понимаю это, но я читалъ это только глазами, а не сердцемъ,—сердцемъ одинокаго человѣка, который возвращается черезъ десять лѣтъ въ священныя мѣста своей молодости, для того чтобы найти то, что я нашелъ здѣсь: скорбное воспоминаніе о томъ, «что было когда-то моимъ».

Вверхъ и внизъ летали ласточки у самой земли, высокою дугою тамъ надъ нагруженнымъ снопами возомъ,—направлявшимся изъ переулка въ главную улицу и исчезавшимъ въ воротахъ житницы.

---

*) Als ich Abschied nahm, als ich Abschied nahm,
Waren Kisten und Kasten schwer
Als ich wiederkam, als ich wiederkam,
War alles leer.

— Какъ бишь это? сказалъ Готтгольдъ:

Знать и ласточка прилетитъ назадъ,
И амбаръ зерномъ насыплется;
Лишь сердечушко опустѣлое.
Не наполнится *).

Онъ провелъ рукою по глазамъ, чтобы вытереть слезы, висѣвшія у него на рѣсницахъ, въ то время какъ грустная улыбка мелькала у него на устахъ.

— Вотъ было бы прекрасное зрѣлище для моихъ римскихъ друзей, еслибъ они увидали, какъ я тутъ стою и плачу, какъ школьникъ; и что сказала бы ты, Юлія? Тоже самое, что ты говорила, когда я перевелъ тебѣ эту пѣсню: «Это пустяки, милый другъ! Какъ можетъ быть пусто сердце? Мое сердце никогда не было пусто, съ тѣхъ поръ какъ я знаю, что оно у меня есть; а теперь оно полно любовью къ тебѣ, также какъ твое любовью ко мнѣ, ты, нѣмецкій мечтатель! — И ты сглаживала у меня со лба волосы и цѣловала меня, какъ только ты можешь цѣловать. А все-таки, все-таки — если я любилъ тебя, Юлія, то это былъ только слабый отблескъ той любви, которую я питалъ прежде, — подобно тому, какъ этотъ блѣдный востокъ загорѣлся недавно еще разъ розовымъ свѣтомъ отъ отраженія вечерней зари, погасавшей на западѣ. Я могъ разлучиться съ тобою, и мое сердце не содрогалось, какъ давеча, когда я прочелъ на надгробной плитѣ ребенка ея имя, — ея, которая умерла для меня.

Онъ простеръ руку съ выраженіемъ благословенія.

— Пойте же и впередъ, милыя ласточки, эти сладкія, грустныя пѣсни! Улетайте и возвращайтесь опять и приносите весну въ пустыя поля и въ опустѣлыя человѣческія сердца — и да защититъ васъ небо, дорогія родныя поля и возлюбленное родное село! Не смотря ни на что, вы будете для меня также святы, какъ и воспоминанія моей юности.

Московская политехническая выставка.

Модель подземныхъ рудничныхъ работъ. Рис. Н. Каразинъ, грав. И. Матюшинъ.

У деревенскаго шинка стоялъ запряженный экипажъ. Кучеръ только разнуздалъ лошадей, чтобъ имъ было удобнѣе ѣсть нарѣзанный кубиками хлѣбъ. Тутъ онъ отодвинулъ подвижныя ясли, далъ лошадямъ хлѣбнуть еще по глотку изъ полуопорожненнаго ведра и стоялъ, въ то время какъ подошелъ Готтгольдъ, уже съ поводомъ въ рукѣ, у шлагбаума, который онъ отперъ, дружески ухмыляясь.

Это еще въ первый разъ былъ онъ такъ любезенъ въ отношеніи своего пассажира. Они переѣхали черезъ весь островъ — Готтгольдъ, углубившись въ мрачныя мысли и отнюдь не недовольный молчаливостью этого человѣка, который цѣлые часы сидѣлъ передъ нимъ неподвижный, небрежно наклонивъ впередъ свои широкія плечи, закрытыя коричневымъ полотнянымъ кафтаномъ съ бѣлыми швами, и куря свою коротенькую трубку, которой Готтгольдъ не хотѣлъ лишать его, какъ ни безпокоилъ его по временамъ сладкій запахъ роднаго злака.

Поэтому-то онъ нѣсколько удивился, когда широкоплечій кучеръ, въ то время какъ они, только что оставивъ за собою деревню, медленно ѣхали между пашнями, по узенькой проселочной дорожкѣ къ большой дорогѣ, — вдругъ обернулся и, показавъ еще разъ свои бѣлыя зубы, сказалъ на своемъ нижне-нѣмецкомъ нарѣчіи:

— Неужели вы не узнаете меня, господинъ Готтгольдъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Готтгольдъ, глядя съ улыбкою на улыбающееся лицо кучера, — за то вы, какъ кажется, хорошо знаете меня.

*) Wohl die Schwalbe kehrt, wohl die Schwalbe kehrt
Und der leere Kasten schwoll,
Ist das Herz geleert, ist das Herz geleert,
Wird's nie mehr voll.

— Ужь я всю дорогу думалъ о томъ, вы ли это, или нѣтъ, сказалъ этотъ человѣкъ, — то казалось мнѣ что это вы, а то опять нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы могли бы спросить.

— Да, это правда, но мнѣ не пришло этого въ голову; это было бы конечно всего проще. Ну, теперь этого не нужно; я узнаю васъ по этому, сказалъ кучеръ, проводя у себя на лицѣ кнутовищемъ линію готтгольдова рубца, — и могъ-бы узнать васъ по этому еще утромъ, потому что такія вещи не всякій день встрѣчаются; но вѣдь этому не мало-таки прошло времени, ну да и на войнѣ тоже это часто случается, а вы, съ вашей длинной бородой и смуглотой смотрите точь въ точь такъ, какъ будто-бы вы пріѣхали изъ Испаніи, гдѣ конечно опять война; но когда вы давича велѣли остановится въ Рамминѣ и пошли безъ всякихъ разспросовъ къ пасторскому дому, я сію же минуту сказалъ себѣ: «смотри-ко, да вѣдь это онъ».

— А вы—ты Іохенъ Пребровъ! вскричалъ Готтгольдъ, радушно протягивая руку Іохену, который полуобернувшись на своемъ сидѣньѣ, такъ же радушно ударилъ по ней своею широкою рукою.

— Конечно! сказалъ Іохенъ,—и вы въ самомъ дѣлѣ не узнавали меня?

— Какъ могло придти тебѣ это въ голову? сказалъ Готтгольдъ,—ты сталъ такъ великъ и силенъ, хотя конечно ты сдержалъ въ этомъ отношеніи только то, что обѣщалъ еще мальчикомъ.

— Да, ужъ это такъ водится съ людьми, возразилъ Іохенъ,—и мой фельдфебель въ Берлинѣ постоянно говорилъ, что я не обиженъ природою.

Іохенъ Пребровъ обернулся опять къ лошадямъ. Онъ удостовѣрился въ тождествѣ своего величаваго сѣдока съ стройнымъ товарищемъ своей юности, надъ чѣмъ ломалъ себѣ голову всю дорогу, и былъ пока вполнѣ доволенъ полученнымъ результатомъ. И Готтгольдъ молчалъ, его особенно тронуло то, что онъ могъ ѣхать почти цѣлый день съ добрымъ Іохеномъ какъ съ чужимъ человѣкомъ.

(Продолженіе будетъ).

Московская политехническая выставка.

(Продолженіе).

Въ своей постоянной погонѣ за средствами къ жизни, человѣкъ пытается пробраться всюду, преодолѣвая и устраняя всѣ препятствія, которыя ему ставитъ на каждомъ шагу природа.

Поверхность земли, безконечная, разнообразная, далеко еще неизслѣдованная, представляющая собою обширное поле для самой разнохарактерной дѣятельности, не удовлетворяетъ корыстолюбіе и любознательность человѣка.

Онъ хочетъ пробраться въ глубь земли, въ эти мрачныя, неизвѣданныя, полныя таинственности бездны, и сверлитъ желѣзомъ нашу планету во всѣхъ пунктахъ земнаго шара, добывая и вытаскивая на свѣтъ Божій все, что до сихъ поръ было спрятано отъ взора вѣковыми геологическими переворотами.

Первобытные рудники, въ которыхъ рылся первобытный дикарь, добывая себѣ мѣдь для своихъ топоровъ и копій, мало чѣмъ отличались отъ норъ и подземныхъ ходовъ землероющихъ животныхъ. Часто обваливались эти дѣтскія работы и давили собою смѣлаго работника. Послѣднему пришлось раскинуть умомъ и отыскивать средства къ устраненію этихъ несчастій.

Кромѣ того, безплодные поиски въ безплодной почвѣ, безприбыльно убивая время работника, научили его заранѣе до начала работъ отличать ненадежную почву отъ той, въ которой можно разсчитывать добыть себѣ полезные металлы.

Эти ряды первобытныхъ опытовъ послужили началомъ великой науки о составѣ нашего земнаго шара—геологіи—и дали обильные матеріалы для другихъ отраслей естествознанія.

Въ настоящее время рудокопъ смѣло спускается въ самые сокровенныя бездны. По возможности все предусмотрѣно и предупреждено. Смѣта работъ и общая физіономія плана будущаго рудника опредѣляется тотчасъ же по первымъ изслѣдованіямъ и розысканіямъ, за долго еще до начала работъ,—и только подробности хитрыхъ развѣтвленій всей подземной системы разрабатываются уже сообразно тому, что человѣкъ нашелъ спустившись на данную глубину.

Вотъ общій типъ подземныхъ работъ, дающій понятіе о всѣхъ варіаціяхъ, безконечныхъ по своему разнообразію, въ каждомъ отдѣльно-взятомъ рудникѣ представляющихъ новыя и новыя осложненія.

Начинаются работы главною вертикальною шахтою. Это просторный колодезь неопредѣленной глубины, обыкновенно четыреугольный и настолько просторный, чтобы въ немъ можно было безъ затрудненія устраивать спуски и подъемы рабочихъ и тѣлежекъ съ добытымъ матеріаломъ, помѣстить водокачальные приборы,—и со всѣмъ этимъ, чтобы грузы, проходя шахтою не закупоривали бы ея, т. е., чтобы они двигались совершенно свободно съ большими промежутками одни отъ другихъ—и атмосферный воздухъ могъ бы достигать не только до наибольшей глубины колодца, но съ помощью особо устроенныхъ вентиляторовъ, проникать, непрерывно обмѣниваясь, въ самые дальные изгибы и отростки подземныхъ ходовъ.

Изъ этой-то главной шахты и идутъ боковые ходы (штольни), то паралельные поверхности земли, то наискось направляющіяся по ходу рудной жилы. Послѣдній видъ штоленъ встрѣчается въ большемъ числѣ случаевъ.

Понятное дѣло, что только въ совершенно каменистомъ грунтѣ эти ходы могутъ держаться сами собою. Тамъ они образуютъ сводчатыя трубы, которыя хотя и даютъ трещины, но трещины эти безопасны и только въ исключичительныхъ случаяхъ, напр. при дурно разсчитанномъ взрывѣ по близости, могутъ грозить обваломъ. Въ прочихъ же грунтахъ—употребляются разнообразныя скрѣпленія и одежды стѣнъ.

Эти скрѣпленія дѣлаютъ или деревянныя, т. е. вставляютъ на извѣстныхъ разстояніяхъ (зависящихъ отъ степени плотности даннаго грунта) брусчатыя рамы и бока обшиваютъ горбылями или досками; иногда же, если грунтъ совершенно рыхлъ (напримѣръ, песокъ), то эти предохранительныя рамы становятся одна подлѣ другой по мѣрѣ движенія работы; часто употребляютъ камень и кирпичъ, для одежды стѣнъ штолень и дѣланія сводовъ. Послѣднія работы медленны и употребляются только въ крайнихъ случаяхъ.

Когда подобный боковой ходъ, преслѣдуя отростокъ рудной жилы, совершенно опустошитъ этотъ отростокъ, то его закладываютъ, для того чтобы не усложнять лаби-

ринта подземныхъ работъ безполезною уже вѣтвію.—Это обыкновенно дѣлается такимъ образомъ:—ходъ заваливаютъ пустою породою, т. е. матеріаломъ не служащимъ цѣлью работъ,—и по временамъ выкладываютъ поперечные брусья, дабы увеличить связность закладки. Когда дойдутъ, такимъ образомъ, до начала упраздненнаго хода, то закладываютъ прочный сводъ, если ходъ выходитъ въ потолокъ другой штольни; или же воздвигаютъ прочную стѣнку съ наружными контро-форсами, если ходъ оканчивается въ вертикальной плоскости.

Главная шахта прерывается площадками въ видѣ досчатаго рамообразнаго помоста, иногда съ предохранительными перилами,—площадки эти устраиваются на уровнѣ боковыхъ ходовъ.—Площадки эти соединены одна съ другою лѣстницами, которыя вообще играютъ большую роль въ подземномъ хозяйствѣ.

Всѣ подъемы дѣлаются посредствомъ ворота, это самый употребительный по своей простотѣ типъ подземныхъ машинъ—иногда воротъ этотъ приводится въ движеніе просто человѣческими руками, въ другихъ случаяхъ лошадьми; а иногда, особенно въ большихъ рудникахъ, паровыми машинами, установленными надъ главнымъ жерломъ колодца.

При поворотахъ штоленъ устанавливаются вентиляторы, которые безпрерывно вращаясь производятъ тягу воздуха.

Случается, что кромѣ главнаго вертикальнаго колодца приходится рыть другія вертикальныя же шахты въ боковыхъ галлереяхъ; эти шахты, обыкновенно небольшихъ размѣровъ и неимѣющія непосредственнаго соединенія съ атмосфернымъ воздухомъ, называются: гезенками.

Если рабочіе, роясь подъ землею, сталкиваются на своемъ пути съ новымъ непріятелемъ—водою, а это случается весьма часто, то пускаются въ ходъ различные водоотливные насосы и воду задерживаютъ особо устроенными томпонами, которые какъ гигантскія пробки закупориваютъ отверстіе водяной жилы, давая время рабочимъ справиться съ этимъ препятствіемъ.

Кипитъ работа въ подземномъ мракѣ, сотни рабочихъ мелькаютъ въ темнотѣ красными точками своихъ фонариковъ. Кстати объ этихъ фонарикахъ:

Подъ землею, въ боковыхъ, опустѣлыхъ шахтахъ, гдѣ воздухъ долго не возобновляется, скопляются газы, имѣющіе весьма непріятное для рабочихъ свойство—взрываться отъ непосредственнаго соприкосновенія съ пламенемъ. Подобные взрывы гибельны для подземныхъ сооруженій, обваливая начатыя работы, и для жизни самыхъ рудокоповъ.

Наука дала средство человѣку и пользоваться огнемъ для освѣщенія подземныхъ работъ и не бояться взрывовъ.

Если вы возьмете металлическую частую сѣтку и будете держать ее надъ пламенемъ газоваго рожка, то вы увидите, что пламя положительно не будетъ проходить насквозь черезъ сѣтку, какъ бы вы близко ни подносили ея къ отверстію рожка. Наоборотъ, если вы къ незажженному рожку поднесете эту сѣтку и открывъ рожокъ дадите газу пройти сквозь сѣтку и зажжете его съ наружной стороны сѣтки, то увидите, что пламя не соприкоснется съ рожкомъ и будетъ горѣть на противуположной сторонѣ сѣтки. Этотъ опытъ убѣждаетъ, что пламя не проходитъ сквозь сѣть достаточной плотности,—и фонарь окруженный подобной сѣткой, пропуская достаточно свѣта, совершенно безопасенъ въ самыхъ запустѣлыхъ шахтахъ, наполненныхъ воспламеняющимся газомъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда кирка, лопата, ломъ и другіе инструменты, которыми работаютъ рудокопы, не могутъ справиться съ твердымъ, каменистымъ грунтомъ—пускаютъ въ ходъ разрушительную силу пороха.—Въ данномъ пунктѣ сверлятъ, коломъ закладываютъ туда зарядъ—и сообщаютъ ему огонь или посредствомъ протянутаго фитиля и нитокъ пропитанныхъ пороховою мякотью, такъ называемаго, стопика, или же посредствомъ гальванической проволоки, соединяющей зарядъ съ батареею.

Взрывы, обыкновенно, дѣлаются во время обѣда, когда рабочіе всѣ оставляютъ свои преисподнія мастерскія и выползаютъ на свѣтъ Божій. Послѣ уже идутъ на мѣсто взрыва и провѣряютъ насколько порохъ удовлетворилъ ихъ ожиданіямъ.

Жизнь рудокопа, полная опасностей и тяжелыхъ трудовъ, не лишена и своего рода прелестей; понятно что это только тогда когда работа эта добровольна а не носитъ на себѣ карательный характеръ, какъ въ тѣхъ рудникахъ, гдѣ работаютъ каторжные. Въ праздничные дни, когда рудокопу отдается на руки его заработокъ, достигающій иногда довольно значительныхъ размѣровъ,—онъ сбрасываетъ съ себя свою засаленную кожаную куртку, снимаетъ фартукъ, моется, причесывается и одѣтый щеголемъ является на поверхность земли прокучивать то, что пріобрѣтено подъ землею.

Знаменитый путешественникъ по южной Америкѣ—Чуди—въ своемъ превосходномъ полномъ живѣйшаго интереса сочиненіи—даетъ намъ яркія бытовыя картины жизни въ перуанскихъ рудникахъ, превосходящихъ всѣ остальные въ мірѣ, какъ своими размѣрами, такъ и числомъ рудниковъ.

Рисунокъ нашъ изображаетъ снимокъ съ прекрасной схематической модели разрѣза типичнаго рудника, выставленной въ горно-заводскомъ отдѣлѣ московской политехнической выставки. На этомъ рисункѣ вы видите и главную шахту съ длинными лѣстницами, и боковыя штольни съ всевозможными родами скрѣпленій, и заложенные, заброшенные ходы, и щелки, и даже внизу нѣсколько подземныхъ ящиковъ и рудовозныхъ тележекъ.

Модель эта, останавливая на выставкѣ общее вниманіе, даетъ довольно полное понятіе о ходѣ подземныхъ работъ.

(Продолженіе будетъ).

Томительный часъ.

(Сцены холерной поры).

(Продолженіе).

V.

Въ господской кухнѣ собралось много народу. Кухарка, какъ хозяйка, лежала на теплой плитѣ, подстеливъ подъ себя большой старый клѣтчатый платокъ. Двѣ дѣвушки, одна горничная, другая прачка, сидѣли у стола, на которомъ горѣла сальная свѣча. Поодаль, на табуреткѣ помѣщался сосѣдній «камардинъ», съ прыщеватымъ лицомъ, въ пиджакѣ и съ розовымъ атласнымъ галстучкомъ въ видѣ летящей бабочки. Онъ курилъ сигару и качалъ лѣвой ногой, которая была закинута на правую. Какая-то женщина, въ мужскихъ сапогахъ, стояла около плиты, упираясь въ нее и вытянувъ ноги впередъ. У печ-

ки, на чугунчикѣ сидѣлъ «кавалеръ», въ солдатской шинели, въ накидку, и въ резиновыхъ калошахъ на босу-ногу. У двери, прислонясь къ косяку, стоялъ мужикъ въ тулупѣ и шапкѣ. Въ рукѣ у него была суковатая палка. Это былъ или дворникъ, или сторожъ, зашедшій въ кухню «малость покурить».

— Вотъ такъ ужинъ у насъ сегодня будетъ! весело горила горничная.—Все, значитъ, со стола намъ, потому господа испужались нонче ужинать... И не смѣй, говоритъ, накрывать! Чтобы я, говоритъ, этого самаго запаху кушаньевъ не слыхала!

— Пугаетъ ихъ эта халера, замѣтила женщина въ сапогахъ,—ну, вотъ они и зачали себя соблюдать.

— О-о, подлые! произнесла кухарка на-распѣвъ и сбросила на полъ пару рыжихъ таракановъ.

— На кого ты это, Филипьевна? спросилъ кавалеръ.

— Рыжіе. На самый лобъ набѣжали, сказала Филипьевна, зѣвнула и вздохнула потомъ на всю кухню.

— Макароновъ этихъ и котлетъ осталось довольно, опять заговорила горничная.—Давай, что-ли?

Кухарка повернулась на животъ и сказала:

— Да рано еще. Небось и десяти нѣтъ.

Сосѣдній «камардинъ», не торопясь, вытянулъ изъ жилетнаго кармана серебряные глухіе часы, нажалъ пружинку, взглянулъ и сообщилъ, что теперь только всего тридцать три минуты десятаго.

— Да что я по часамъ что-ли ѣмъ?

— Ну, подожди... Ишь загорѣлось! откликнулась Филипьевна.—А какъ приказъ-то вдругъ другой выдетъ? Это они съ испугу... ну, а до одиннадцати-то часовъ, смотри, еще передумаютъ! Что я тогда подамъ? Скажутъ: обрадовались—нажрались!...

— Да какъ ваши-то касательно ѣды, то есть примѣрно пищи, пристрастны? спросилъ «камардинъ».

— Походя ѣдятъ. Да чтожъ имъ...

— Ну, барыня-то еще не такъ, замѣтила горничная,—а вотъ баринъ, какъ китъ-рыба, все ѣстъ, все ѣстъ! Только удивительно, что онъ поджарый такой!

— А потому, какъ онъ изъ военныхъ, состоялъ въ пѣхотѣ, такъ это бываетъ, пояснилъ кавалеръ.

— Ну, ужъ я вашихъ военныхъ дѣлъ не знаю. А любопытно, я вамъ скажу, какъ это онъ все можетъ ѣсть. Это лѣтомъ поймаетъ муху и сейчасъ говоритъ барынѣ: «хочешь, душенька, я эту муху съѣмъ? На пари, говоритъ, согласна?» Барыня вонъ изъ комнаты. Ходитъ, ходитъ это по комнатамъ, соскучится и сейчасъ къ барынѣ: «Желаю что нибудь принять въ пищу», или скажетъ: «пойдемъ, душенька, принимать пищу»! Никогда, чтобы тамъ «обѣдать» или «закусить», а всегда—принимать... Такой смѣшной!...

— И что это за жизнь ихъ за чудесная! воскликнула прачка.—Захотятъ, примѣрно, апельсина или тамъ икры свѣжей—сейчасъ готово! Садись и ѣшь.

— Умирать не надо, сказалъ кавалеръ.

— То-то вотъ они холеры этой боятся, замѣтила Филипьевна, переворачиваясь опять на спину,—вонъ и ужинать раздумали... Страхъ-то что значитъ!

— Страхъ—первое дѣло; потому ей, подлой, все равно: что благородный, что изъ нашего брата—сейчасъ это скрючитъ, начнетъ по суставамъ трещать судорогу и—аминь.

— Болѣсть строгая, сказалъ дворникъ и сплюнулъ.

— У насъ это однажды, въ полку, была съ ней баталія, продолжалъ кавалеръ,—ну, и обидѣла-же насъ она!

— Баталія, говорите? спросилъ лакей.

— Два мѣсяца возились съ ней, а баталія собственно потому, что насчетъ продовольствія пошли строгости.

— Побѣдили?

— Ушла.

— И всегда уйдетъ, замѣтилъ дворникъ,—потому она въ разныхъ видахъ. Вонъ у насъ, на деревнѣ, нынѣшнимъ лѣтомъ, бабы опахивали... этого она не любитъ.

— Хе... опахивали! усмѣхнулся лакей.—Одно невѣжество.

— Да нешто ты видѣлъ?

— Я такой, можно сказать, глупости и видѣть не желаю, а вотъ читалъ-такъ-читалъ, и мнѣ это достаточно извѣстно.

— Онъ у насъ ученый, отозвалась кухарка.

— Хоша я не ученый, а понятія имѣю настоящія и слова знаю. Теперь позвольте васъ спросить (онъ всталъ и приблизился къ дворнику),—какъ вы понимаете слово: эпидемія? Или: симптомы, напримѣръ, и правила хигіены?

Дворникъ потупился, но отвѣтилъ:

— Первое-то это, гепитимья, это вотъ что ежели когда священникъ на духу, то есть коли ты шибко согрѣшилъ, ну, и накладываетъ на тебя поклоны. Это намъ извѣстно.

— Такъ, такъ, произнесла женщина въ сапогахъ и вздохнула.

— Попали пальцемъ въ небо! Не гепитимья, а э-пи-де-мія-съ! Потому это слово означаетъ холеру... хе-хе-хе!

Лакей посмотрѣлъ на дѣвушекъ и поправилъ галстукъ. Мужикъ растерялся и громко высморкался.

— Мы съ бариномъ постоянно читаемъ газеты. Вотъ тоже еще слова—радикалъ, либералъ, тунель, коммуна, Рошфоръ...

— Да будетъ тебѣ! не вытерпѣла кухарка.

— И сколько это болѣзней въ жизни—ахъ! воскликнула прачка и робко взглянула на ученаго собесѣдника.

— И имя-то всякой дадено свое, замѣтила женщина въ сапогахъ.

— А что собственно такое холера, если вамъ угодно, продолжалъ лакей, играя часовой цѣпочкой,—такъ я вамъ скажу.

— Ахъ, будьте такъ добры! не безъ кокетства сказала горничная.

Кромѣ пристыженнаго дворника, всѣ остановили глаза свои на молодомъ лакеѣ, который, закинувъ голову, спокойно произнесъ:

— Это есть—газъ.

Воцарилось молчаніе.

— Такъ какъ же это, любопытно мнѣ спросить, заговорилъ онъ,—газъ опахиваютъ? Газъ все равно что дымъ; ну, и никакъ невозможно это произвести, даже смѣху достойно.

— Эхъ-вы-ы...

Тутъ дворникъ прибавилъ словцо не совсѣмъ приличное для печати, поправилъ на головѣ шапку и вышелъ вонъ.

— Необразованность!

Лакей пожалъ плечами и снова сѣлъ на табуретку.

— А какого онъ цвѣта, этотъ газъ? спросила горничная.

— Не могу вамъ сказать, потому не видѣлъ, но полагаю, что зеленоватый; впрочемъ, ежели касательно симптомовъ этихъ, то многіе даже заграничные доктора несогласны супротивъ этого пункта. Очень затруднительно опредѣлить.

— И газъ этотъ вездѣ можетъ быть?

— Вездѣ-съ. Главная причина—легкость.

— А вонъ, Егоръ-то Митричъ, купецъ, заговорила женщина въ сапогахъ,—нисколько этому не вѣритъ. Какъ ему это сказали, что Максимъ Трифонычъ заболѣлъ самой холерой, такъ онъ даже сказалъ: ко мнѣ не придетъ, такъ какъ я въ вѣрѣ твердъ. Обѣщалъ завтра молебенъ на дому отслужить.

— Все это очень хорошо, а касательно нечистотъ и зловонія вы какъ разсуждаете? Вы думаете, это пустяки? Газъ и зловоніе—одно и то же. Упускать никакъ нельзя. Вотъ хоть теперь помойная яма—оставлять ее въ свинствѣ, позвольте спросить?

— Н-ну, разговоръ! замѣтила кухарка.

— Да болѣсть-то, по вашему, изъ помойной ямы?

— А вы думали изъ кармана?

— Да вѣдь помойныя-то ямы нешто новость? Умъ-то, видно, за разумъ у людей и вправду заходитъ. Нѣтъ, вотъ, Егоръ Митричъ, да и другіе говорили, что холеру-то къ нимъ съ ярманки завезли. Вотъ что! А онъ—на-тко поди: изъ ямы, да еще газъ какой-то выдумалъ зеленый.

— Съ вами говорить—все одно что въ потолокъ плевать.

— Ну, и разговоръ весь.

— Лучшаго не желаю.

— А плеваться—нѣтъ ужъ, извини, другъ любезный!

— Послѣднее дѣло, сказала Филипьевна.

— Да вы съ чего-же это взяли, что я хочу плеваться?

— Не позволю, продолжала женщина въ сапогахъ,—не какая нибудь. Эдакъ всякій начнетъ плеваться—много чести! Да!

— Иванъ Мартынычъ, обратилась горничная къ лакею, желая замять непріятный разговоръ,—не угодно-ли вамъ въ рамсъ поиграть, втроемъ?

— Въ рамсъ? Ахъ-нѣтъ, ужъ поздно! Мнѣ надо спѣшить по дѣламъ. И то засидѣлся.

Онъ всталъ, раскланялся и вышелъ.

— Ваня, заходи! пустила ему вслѣдъ кухарка и опять повернулась на животъ.

— Ужинать-бы, сказала горничная и зѣвнула.

— А вотъ сейчасъ встану, погоди маленечко.

Гдѣ-то по-верху залился колокольчикъ.

— Зовутъ!

И дѣвушка съ досадой встала, потянулась и побѣжала.

— Ученый какой выискался! заговорила опять женщина въ сапогахъ.—Плеваться! Сперва найди на какую плевать, да и плюйся. Много васъ, эдакихъ-то... тьфу! Выдумали эту халеру... газъ! да и хвастаютъ... Оглашенные!

Кавалеръ посмотрѣлъ на женщину въ сапогахъ, хотѣлъ что-то сказать, но не сказалъ и только махнулъ рукой.

— Поди, померъ теперь, чай, Максимъ-то Трифонычъ, сказала кухарка,—али еще живъ?

— Ежели захватили, такъ ничего... уйдетъ, замѣтилъ кавалеръ.—Первое дѣло—захватывать. Я вотъ разъ ловко захватилъ.

— Ну? холера тоже была?

— Она самая. Лѣтомъ дѣло было. Тошнить это вдругъ стало, ну, и животъ тоже подвело... Я сейчасъ, на лѣвокругомъ, стаканъ водки, да въ водку-то стрючковаго перцу... Какъ рукой сняло!

— Ай-не врешь?

— Чего врать? Живой здѣсь сижу-то... Робѣть только не надо.

Онъ поднялся, съ чувствомъ и слегка ударилъ кухарку по плечу.

— Оставь, сказала Филипьевна.

— Да ужъ уважьте—поднесите.

— Такъ для тебя и припасла!

— Ну, такъ намъ по домамъ!

— Да ужъ сиди! Вотъ ужинать станемъ—дамъ.

— Мнѣ собственно только рюмку, потому какъ въ нашъ городъ нынче холера на ревизію пожаловала. Проздравить надо!

— Балагуръ!

— Эхъ, Филипьевна! И люблю же я тебя!

Кавалеръ сталъ въ позу и запѣлъ басомъ:

Бой горѣлъ! Ирой Полтавы
Самъ и пу-у-ушку заря-жалъ!
И вдругъ аддна злодѣйка пу-у-ля—

Въ это время по лѣстницѣ, ведущей изъ господскихъ комнатъ въ кухню, зашумѣли чьи-то торопливые шаги...

VI.

Татьяна Силишна, какъ мы видѣли, была не въ духѣ.

Увидѣть «своихъ» дѣвокъ снова за работой, слышать ихъ злостное хихиканье, потомъ проснуться и сознавать, что ничего этого въ дѣйствительности уже нѣтъ и никогда не будетъ—какъ хотите, а для почтенной дамы было тяжело.

Самоваръ былъ поданъ. При видѣ мѣди хорошо вычищенной, любимой своей чашки, полной сахарницы и свѣжаго домашняго хлѣба—мрачныя мысли ея начали разсѣяваться.

Чай разливала Катенька, какъ всѣ ее называли, родная внучка Татьяны Силишны, недурненькая брюнетка, лѣтъ 19-ти.

Между ними помѣщался на стулѣ молодой человѣкъ съ свѣтлымъ пушкомъ на верхней губѣ, съ румянцемъ во всю щеку и нѣсколько подвитый. На немъ былъ новенькій вицмундиръ.

Онъ бросалъ на Катеньку нѣжные быстрые взгляды и потомъ сейчасъ опускалъ глаза, проводя кончикомъ языка по верхней губѣ. Катенька старалась не смотрѣть на него прямо, но очень хорошо видѣла его лицо на блестящей выпуклости самовара и видѣла, какъ онъ облизывался.

Оба они были уже три мѣсяца между собою «въ романѣ».

Всѣ молчали и прихлебывали чай. Какъ долго продолжалось-бы молчаніе—неизвѣстно, если-бы въ комнату не вошла пожилая женщина въ темномъ платкѣ, въ чепчикѣ и съ ридикюлемъ на лѣвой рукѣ. Татьяна Силишна, увидя ее, произнесла весело:

— Вотъ и Аглаида Тихоновна! Ну-ко, садись.

Аглаида Тихоновна поймала руку Татьяны Силишны, приложилась къ ней, поклонилась потомъ молодымъ людямъ, сѣла и вдругъ закачала головой.

— Что ты это—а? Что ты головой-то закачала?

Гостья взглянула на Татьяну Силишну и проговорила:

— Холера у насъ въ городѣ, матушка, холера...

Катенька съ безпокойствомъ поглядѣла на Аглаиду Тихоновну, потомъ перевела глаза уже не на самоваръ, а прямо на молодаго человѣка, который наморщилъ брови и спросилъ:

— Холера-съ? Что-же это я не слыхалъ-съ?

— Холера, холера! самая настоящая! живо заговорила

Аглаида Тихоновна.—Только сейчасъ узнала... Господи, страсти какія! Знаете Максима Трифоныча? Ну-ну, вотъ съ него-то и началось! Два дохтура у него... Такъ, говорятъ, разомъ! Болтали, что будто ее съ ярманки завезли... Ну, и пошла она!

— Пошла? спросила Катенька тихо.

— Какже! говорятъ, ужъ десять человѣкъ... пять умерло, да еще вонъ у лавочника свояченица—и ту тоже...

Аглаида Тихоновна все это наврала. Она никогда не могла удержаться, чтобы не прибавить чего нибудь къ разсказу, который бы удалось услышать. Она ужасно любила поражать и запугивать непріятными новостями. Сообщить о болѣзни одного Максима Трифоныча, передать слухъ, что холерой заболѣло одно только лицо—было-бы не такъ эффектно, не такъ страшно, а вотъ напустить холеру на цѣлый десятокъ, да прибавить, что свояченицѣ лавочника тоже худо—ну, вотъ это другое дѣло: и поразительно и страшно!

Въ городѣ Незамаевѣ всѣ знали, разумѣется, Аглаиду Тихоновну и знали, что она любитъ привирать, но—странное дѣло! ей все-таки каждый разъ вѣрили, и только потомъ, когда ложь обнаруживалась, нѣкоторые говорили: «ну-ужъ вы, Аглаида Тихоновна, тогда хватили! Помилуйте, дѣло совсѣмъ не такъ было»... На это она отвѣчала такъ: «Да вѣдь извѣстно... что-жъ... слухи... молва такая была. За что куплю, за то и продаю. Не взыщите!...»

Въ прошломъ году, напримѣръ, она увѣрила чуть-ли не весь Незамаевъ, что племянница ея умерла оттого, что изъ горла у ней вышелъ «червякъ жизни». Одни мужчины не повѣрили, другіе подумали и рѣшили—«а чортъ его знаетъ? можетъ быть во мнѣ и есть червякъ жизни!» За то всѣ дамы безъ исключенія стали бояться, какъ-бы изъ нихъ вдругъ не вышелъ этотъ важный червякъ... Двое мѣстныхъ докторовъ доказывали дамамъ, что въ человѣкѣ не существуетъ никакого «червяка жизни», но доказательства ихъ только благосклонно выслушивались: незамаевскія дамы продолжали вѣрить Аглаидѣ Петровнѣ, ссылаясь на то, что сами доктора медики не разъ говорили, что медицинская наука находится еще въ періодѣ младенчества.

— Десять человѣкъ... пять ужъ умерло! пролепеталъ молодой человѣкъ,—и Максимъ Трифонычъ!... Да когда-же?...

— Да вотъ, вотъ—сейчасъ! Вѣдь *она* живо, ахъ, какъ живо дѣйствуетъ! Два часа—и конецъ... Не вѣрите мнѣ, такъ ступайте къ Максиму Трифонычу... сами увидите! Кто говоритъ, что его ужъ нѣтъ; а кто увѣряетъ, что еще живъ, но лежитъ синій-пресиній... Не знаешь, кому и вѣрить!

— Да вы сами-то не были тамъ? спросила Катенька.

— И что вы! Какъ можно! Она—зараза, прилипчива... Акромя дохтуровъ да этой безстрашной Ольги Яковлевны туда и носу-то никто не смѣетъ показать! Слышала я, что для обкуриванія ихняго дома изъ лавки потребовали пять бутылокъ уксусу... Не вѣрьте—мнѣ все равно!

Катенька замолкла, а молодой человѣкъ задумался.

Аглаида Тихоновна, увидѣвъ, что новость, которую она сообщила, произвела надлежащее впечатлѣніе, осталась этимъ очень довольна, однако спокойный видъ и молчаливость Татьяны Силишны задѣли ее за живое.

— Не вѣрите вы мнѣ, обратилась она къ хозяйкѣ,—ужъ я вижу, вижу! Ну, да утро вечера мудренѣе... Вотъ увидите!

— Отчего-же не вѣрить? Я вполнѣ тебѣ вѣрю, сказала Татьяна Силишна съ невозмутимымъ спокойствіемъ и прибавила:—Что-же ты, Катя, не нальешь ей чаю? Налей.

— Позвольте, позвольте чашечку! А я было, признаться, подумала, что вы...

— Что я испугаюсь, вотъ какъ они? перебила Татьяна Силишна.—Нѣтъ, матушка моя, ничто меня не можетъ теперь испугать. Ты думаешь, что сказала мнѣ новость? Ничуть. Я знала, что холера не минуетъ нашего города. Чѣмъ онъ лучше другихъ? Святые что-ли здѣсь живутъ?.. По всему государству нынче пошла эта болѣзнь... Гнѣвъ это Божій, сударыня моя, гнѣвъ! Больно ужъ грѣховъ много стало... Вотъ оно, очищеніе-то, идетъ и идетъ! Преклониться надо...

— Правда, матушка, правда... ахъ! простонала Аглаида Тихоновна и стала лить чай на блюдочко.—Охъ, преклониться...

— А другіе не такъ думаютъ, обкуривать хотятъ уксусомъ! Хе-хе-хе... Обкуривайте, обкуривайте! Да не то еще будетъ, подождите! Чума явится, моръ придетъ людской и звѣриной... Уксусу-то не забудьте!...

— Ну, что вы это... Ахъ, Боже мой!...

— Ничего, ничего... обкуривайте, обкуривайте!

Маленькіе глаза Татьяны Силишны заблестѣли, щеки ея раскраснѣлись и голосъ какъ-то особенно дребезжалъ.

— Вездѣ развратъ, вездѣ неуваженіе... Все хотятъ по новому. Что въ мысляхъ-то у каждаго? О чемъ думаютъ?.. Какъ-бы ограбить кого да попировать! У иныхъ-то молоко на губахъ не обсохло, а какъ вознеслись?... Своимъ умомъ, молъ, хотимъ... какже! Вы-де старыя крысы, а мы молодыя; вы намъ слово, а мы вамъ—три! Ххе-хе...

Тутъ взоръ ея скользнулъ по лицу внучки, по завитымъ волосамъ гостя и остановился снова на Аглаидѣ Тихоновнѣ, которая съ раскрытымъ ртомъ глядѣла на старую барыню.

— Струсили теперь, поджали хвостъ... да! За уксусомъ въ лавку... Да нѣтъ! не уйдете. Что, небось, весь городъ гостья-то нежданная смутила?... Куда и гордость дѣвалась! Что, не правду я говорю? Нѣтъ въ душѣ свѣта, темно, темно въ ней, и боится она, страшно вдругъ-то предстать, ахъ, страшно! Ну, обкуривайте уксусомъ, обкуривайте!...

Аглаида Тихоновна не вытерпѣла: она поймала руку Татьяны Силишны, поцѣловала ее и заговорила:

— Успокойтесь, матушка моя, успокойтесь, благодѣтельница вы моя! Заволновались вы... отдохните! чаекъ-то простылъ...

Не любила она, когда кто нибудь при ней начиналъ разсуждать о душѣ, о загробной жизни, о возмездіи за грѣхи и т. п. предметахъ. Припоминалась тутъ ей одна раскрашенная картинка, на которой были изображены желтой и красной краской мученія грѣшниковъ. Такъ и мелькали передъ нею люди, повѣшенные за языкъ, за ребра и руки... И особенно ей было не по нутру повѣшеніе за языкъ. «Нашли, проклятые, за что вѣшать, шептала она,—о, чтобъ васъ!...»

— Успокойтесь, матушка! повторила Аглаида Тихоновна.

— Да я ничего... Я такъ... къ слову только, сказала Татьяна Силишна и отодвинула чашку.

— Налить? спросила Катенька.

— Не надо. Ты думаешь, что я твоей холеры испугалась? обратилась она опять къ гостьѣ.—Ты думаешь, я

дорожу жизнью? Да хоть сейчасъ она приди—я готова и все у меня готово: бѣлое платье сшито, чепчикъ тоже... Кому страшно, а мнѣ—нѣтъ... И всегда человѣкъ долбыть готовымъ!

— Что говорить, что говорить! Такъ, матушка, такъ!

— И смерть-то ко мнѣ тихо подойдетъ... да-а. Почувствую я ее, лягу, сама глаза закрою и руки сложу...

Аглаида Тихоновна наскоро допила свою чашку и встала.

— Куда бѣжишь-то?

— Обѣщалась тутъ... къ Аграфенѣ Даниловнѣ...

— Поди, поди, попугай ее холерой! Не держу.

Гостья раскланялась и ушла. Молодой чиновникъ всталъ и началъ прохаживаться по комнатѣ. Катенька принялась мыть ложки, задумчиво глядя на розовый цвѣтокъ, нарисованный на подносѣ. Татьяна Силишна медленно вытянула изъ кармана табакерку, медленно понюхала и проговорила спокойнымъ голосомъ:

— Господинъ Кисточкинъ!

Молодой человѣкъ остановился и произнесъ:

— Я-съ?

— Который у насъ теперь часъ?

— Половина девятаго-съ.

— Такъ не пора-ли вамъ домой?

— Очень хорошо-съ, но..... я послѣ чаю еще не остылъ-съ...

— Остывайте, остывайте, не безъ ехидства въ голосѣ заговорила Татьяна Силишна.—Въ городѣ теперь холера... Не остывши выходить опасно; простудиться можно... Такъ, такъ!

Она поднялась съ дивана.

— Умирать-то не хочется, потому на умѣ совсѣмъ не то...

— Помилуйте, Татьяна Силишна, зачѣмъ же умирать?

— Ну, конечно.... Притомъ-же такая драгоцѣнная жизнь...

— Всякому-съ своя жизнь...

— Знаю, знаю, перебила старуха,—ну, а я все-таки съ вами прощаюсь. Можете кланяться вашей маменькѣ.

И она, кивнувъ головой, вышла въ смежную комнату.

Кисточкинъ подошелъ на цыпочкахъ къ Катинькѣ и сказалъ шопотомъ, поглядывая на дверь:

— Вотъ и у насъ холера... Страшно вамъ?

— Еще-бы не страшно, также тихо отвѣтила дѣвушка.

— Всѣ наши планы могутъ въ разстройство придти...

— Какая гадость!

— Вѣдь если она пойдетъ косить... ахъ, скверно! Ужъ я не знаю, что и дѣлать теперь!

— Не поживши, да вдругъ умереть, произнесла Катенька почти громко и закрыла лицо руками. — Это ужасно!

— Теперь о свадьбѣ и думать нельзя... Что-бы поскорѣе... невозможно! Да и бабушка говорила, помните, что отдастъ васъ за меня тогда, какъ я буду на штатномъ мѣстѣ... Чортъ-ли мнѣ въ немъ, когда я, можетъ быть, завтра протяну ноги!

— Не поживши и... умереть! повторила дѣвушка и вдругъ обхватила руками шею молодаго человѣка.

Кисточкинъ вспыхнулъ и растерялся. Руки его невольно сжали станъ Катеньки и онъ крѣпко поцаловалъ ее въ губы.

Послѣ поцѣлуя оба отскочили другъ отъ друга.

— Остыли? послышался изъ другой комнаты голосъ бабушки.

— Совершенно-съ, громко отвѣтилъ чиновникъ, схватилъ фуражку и, подъ вліяніемъ горячаго поцалуя, весело прибавилъ:—Татьянѣ Силишнѣ мое почтеніе!

Онъ кинулся въ прихожую. Катенька со свѣчой за нимъ.

Опять шопотъ... Затѣмъ громкій вопросъ:

— Такъ—да?

— Да, да...

И Катенька захлопнула за нимъ дверь.

Очутившись на улицѣ, господинъ Кисточкинъ воскликнулъ: «Она—моя!» и попалъ обѣими ногами въ лужу.

— Что это у васъ щечки-то какъ разгорѣлись—а? Съ испугу?... обратилась бабушка къ внучкѣ, когда та вошла къ ней въ комнату.

— Съ какого испугу? спросила Катенька, совсѣмъ забывъ о холерѣ.

— Ну, съ какого... ну—да болѣзнь эта... какъ ее?...

— Ахъ, вы насчетъ холеры?

— Да, да... Забираетъ страхъ-то? Ну, покури уксусомъ...

— Забираетъ. Покурить можно...

— И прекрасно. А то вѣдь вамъ нынче и бояться нечего...

Дѣвушка молчала и, казалось, не слушала старушки.

— И вертитъ-же она, ахъ, какъ вертитъ! продолжала Татьяна Силишна.—Любопытно смотрѣть. Другой-то забылъ какъ креститься, а въ гордости своей, въ самонадѣянности, говоритъ: «я, молъ, на той недѣлѣ то-то сдѣлаю; я, молъ, завтра непремѣнно у васъ буду; я вотъ въ будущемъ году...» Не хвались, другъ любезный! Вечеркомъ, въ тотъ-же день, кладутъ его на столъ... Лежитъ себѣ смирнехонько—и ужъ не вымолвить ему никакого дерзкаго слова! Что?... Куда всѣ обѣщанія-то дѣлись?... Гдѣ гордость?... Дунуло на него—фу-у!—и нѣтъ ничего...

Катеньки давно уже не было въ комнатѣ, а Татьяна Силишна все говорила, все говорила, то поглаживая табакерку, то нюхая, то раскладывая гранпасьянсъ. Наконецъ, она встала и, увѣрившись, что въ домѣ всѣ уже спятъ и все тихо, достала изъ столика ключъ, взяла свѣчку и подошла къ небольшой двери съ висячимъ замкомъ. Отворивъ дверь, Татьяна Силишна очутилась въ просторномъ чуланѣ, загроможденномъ всякою всячиной; по стѣнамъ висѣли пучки какихъ-то сухихъ травъ и пустыя птичьи клѣтки. На срединѣ чулана, на трехъ стульяхъ, поставленныхъ въ рядъ, стояло что-то длинное, покрытое до полу широкимъ холстомъ.

Она поставила свѣчку на деревянный ящикъ, стоящій за стульями, стащила обѣими руками холстъ и выпрямилась...

Передъ нею стоялъ ея собственный гробъ.

Гробъ этотъ былъ заказанъ ею лѣтъ пять тому назадъ. Крестъ изъ широкихъ серебряныхъ позументовъ блестѣлъ на крышкѣ; на черномъ съ синимъ отливомъ бархатѣ не было ни пылинки... Въ головахъ и ногахъ тихо покачивались пышныя сверкающія серебромъ кисти...

Татьяна Силишна любовалась своимъ «послѣднимъ домомъ»; то она отступала отъ него на шагъ, причемъ наклоняла голову и вправо и влѣво, то опять приближалась и беззвучно шевелила губами.

Наконецъ, она бережно и крехтя сняла крышку, прислонила ее къ стѣнѣ, подошла къ гробу и наклонилась надъ нимъ. Осмотрѣвъ зоркимъ взглядомъ всю внутренность его, она погладила рукой дно, похлопала по подушкѣ, поправила ее, хотя подушка и такъ хорошо лежала,—и снова выпрямилась.

Лицо ея выражало полное удовольствіе...

Закрыла она наконецъ гробъ крышкой, но холстомъ все еще не покрывала его и задумчиво глядѣла на крестъ.

Жаль-ли было ей уйти, или вся прошлая жизнь вставала передъ ней со всѣми своими радостями, печалями; вспомнила-ли она ощущенія первой любви... тѣнистый садъ... чей-то страстный голосъ... потомъ первые мѣсяцы счастья, крикъ перваго ребенка?.. Показалось-ли ей все это чѣмъ-то чужимъ, даже страннымъ, будто необыкновеннымъ?...

Ничего нельзя было прочесть на лицѣ Татьяны Силишны, но она стояла неподвижно и о чемъ-то думала.

Гдѣ-то въ углу что-то слабо треснуло. Она вздрогнула, слегка тряхнула головой, не торопясь покрыла гробъ и, взявъ свѣчку, тихо, медленно вышла изъ чулана.

Татьяна Силишна была увѣрена, что кромѣ двухъ-трехъ лицъ, особенно близкихъ ей, никто въ городѣ не зналъ о существованіи этого гроба,—и ошибалась: весь Незамаевъ давно проникъ въ эту тайну, однако никто не подавалъ виду, что знаетъ о заготовленномъ заранѣе гробѣ, потому что всѣ какъ-то трусили говорить о такомъ непріятномъ предметѣ; а многіе, уважавшіе и прежде Татьяну Силишну,—узнавъ, что стоитъ у ней въ чуланѣ, стали ее еще болѣе уважать.

Проходя мимо комнаты Катеньки и, увидѣвъ, что та спитъ съ полуоткрытымъ ртомъ, разметавшись, съ раскраснѣвшимися щеками, Татьяна Силишна остановилась, качнула головой и тихо произнесла:

— Обкуривайте... уксусомъ... да, да! Обкуривайте...

(Окончаніе будетъ)

Береги! тянутъ!

(Охота на вальдшнеповъ).

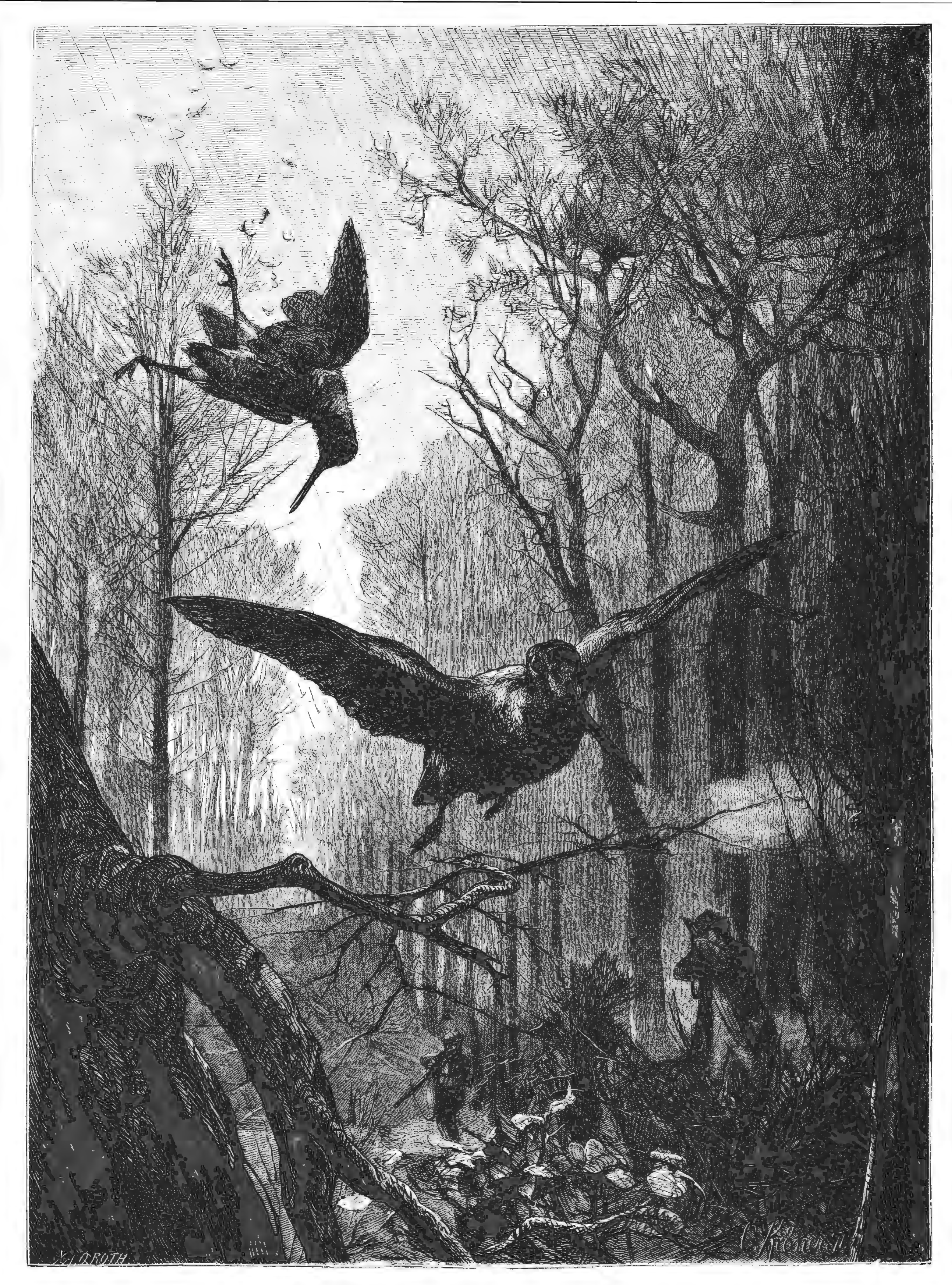
Вальдшнепъ, эта лѣсная и перелетная птица, безспорно самая лестная добыча изъ такъ называемой мелкой дичи. Съ какою радостію встрѣчаютъ эту птицу, открывающую послѣ однообразія зимы рядъ весеннихъ охотъ! Несказанно-сладкое чувство овладѣваетъ охотникомъ при первомъ кликѣ пѣвчаго дрозда, качающагося на вѣткѣ подъ весенній шумъ обновляющейся природы, въ родимомъ лѣсу, или при радостно-милыхъ крикахъ журавлиной стаи тамъ, въ далекой синевѣ,—такъ какъ съ первыми звуками этихъ вѣстниковъ весны смѣшивается воспоминаніе о романтической прелести охоты за вальдшнепами.

Но оставимъ этотъ поэтически-одушевленный тонъ и перейдемъ къ трезвому тону науки. Вальдшнепъ, вмѣстѣ съ нашими перелетными птицами вообще, является не только при противномъ направленію его стаи вѣтрѣ или въ бурю,—какъ полагаютъ до сихъ поръ естествоиспытатели; нѣтъ, его переселенія совершаются преимущественно при всякомъ сильномъ и тепломъ весеннемъ вѣтрѣ (не говоря уже о безвѣтренной дождливой погодѣ). Если-бы принятое до сихъ поръ мнѣніе, что перелетная птица можетъ переселяться только при противуположномъ ея полету вѣтрѣ, потому-что сопровождающее ее стремленіе воздуха входитъ между перьями и вслѣдствіе этого гнететъ ихъ внизъ, тогда какъ противуположная ей волна воздуха поднимаетъ и поддерживаетъ ихъ,—еслибы это мнѣніе было справедливо, то охотникъ напрасно поджидалъ-бы прибытія своихъ возлюбленныхъ вальдшнеповъ въ такія весны, когда господствуютъ почти исключительно югозападные вѣтры съ дождями, которые, какъ дознано, именно и тянутъ птицу къ переселенію.

Прибытіе вальдшнеповъ начинается, большею частію, въ бурные дни послѣдней половины марта, когда у насъ господствуютъ обыкновенно южныя и югозападныя стремленія воздуха и бури весенняго равноденствія. Именно при такихъ-то вѣтрахъ и случалось мнѣ не разъ видѣть днемъ, какъ летѣла къ намъ, высоко подъ облаками, наша милая птица,—доказательство, замѣчу мимоходомъ, что вальдшнепъ переселяется и днемъ. Онъ пользуется, какъ всѣ перелетныя птицы, такими стремленіями воздуха, которые, въ полномъ смыслѣ слова, несутъ его дальше,—останавливается, при сильномъ вѣтрѣ, въ сторонѣ, противъ него и измѣняетъ позу, смотря по надобности, словомъ: лавируетъ въ такихъ случаяхъ, словно парусное судно.

Хриплая пѣсенка первой возвращающейся домой горихвостки, долетѣвъ до слуха охотника, удостовѣряетъ его въ важномъ событіи, на которое указывали ему, но сомнительно, клики трясогузокъ: *вальдшнепы прилетѣли!* Пробудившаяся страсть къ охотѣ увлекаетъ стрѣлка вмѣстѣ съ вѣрнымъ Бруно въ лѣсъ. Прибывъ туда, мы, зная тонкій слухъ вальдшнепа, обыскиваемъ неслышнымъ обходомъ первую подходящую чащу «подъ вѣтромъ» (защищенную отъ вѣтра). Спустя двѣ-три минуты, Бруно, поднявъ кверху носъ, «потянулъ» къ ольховымъ кустамъ, лежащимъ у груды стараго валежника, начинаетъ вбирать въ себя воздухъ; онъ дѣлаетъ шагъ впередъ—и въ то же самое мгновеніе раздается возбуждающій трескъ, передать который рѣшительно невозможно—это вспархиванье «поднятаго» въ просвѣтѣ у тропинки вальдшнепа. Словно тѣнь исчезъ онъ между деревьями. Обращенный къ намъ взоръ Бруно и выразительныя движенія его хвоста говорятъ мнѣ слѣдующее: «долгоносый» не долго тамъ продержится, но при господствующемъ теперь вѣтрѣ скоро опять спустится,—я уже чую его, смотрите же!» Сказано-сдѣлано. Собака, слѣдуя указанію своего инстинкта, осторожно подвигается впередъ и, остановившись на мѣстѣ, оборачивается ко мнѣ своей выразительной головою. Но едва я сдѣлалъ покушеніе подойти къ ближайшему просвѣту, чтобы завладѣть скрывшимся туда вальдшнепомъ, какъ тотъ же самый таинственный звукъ, тотъ же размахъ крыльевъ объявляетъ мнѣ, что птица ускользнула отъ отъ меня—и Бруно приходится искать дальше. Послѣдовавшее за тѣмъ опущеніе хвоста у собаки говоритъ, что вспугнутая птица—настоящая лѣсная вѣдьма, до которой трудно или даже и вовсе невозможно добраться при хрустящемъ валежникѣ. Хотя рѣдкое чутье собаки въ третій разъ приводитъ насъ къ вальдшнепу, хотя она изо всѣхъ силъ старается помочь намъ овладѣть скрывающейся въ сосѣдній просвѣтъ птицей, кружа около нея или стараясь пресѣчь ей дорогу,— и хотя валежникъ не издаетъ на этотъ разъ никакого звука, но колдунья уже внѣ нашихъ выстрѣловъ, а неоднократные опыты приказываютъ намъ прекратить преслѣдованіе столько уже разъ вспугнутой птицы, которая сдѣлалась вслѣдствіе этого необыкновенно робка.

Воспоминаніе объ удачныхъ охотахъ ведетъ насъ въ другое мѣсто: я очень хорошо помню эту многообѣщающую болотистую просѣку, покрытую ольховымъ валежни-



Охота на вальдшнеповъ. Рисовалъ съ натуры К. Кренеръ, гравир. О. Ротъ.

комъ и терновыми кустами, считавшуюся съ незапамятныхъ временъ настоящимъ эльдорадомъ вальдшнеповъ. И посмотрите! и Бруно тоже припоминаетъ этотъ потаенный лѣсной уголокъ, потому что чѣмъ ближе къ этому мѣсту, тѣмъ его розыски дѣлаются осторожнѣе,—телеграфическіе знаки, съ которыми онъ обращается назадъ ко мнѣ, все многочисленнѣе и живѣе,—пока наконецъ его морда принимаетъ то важное выраженіе, которымъ, вмѣстѣ съ едва замѣтнымъ виляніемъ хвоста, почуявъ дичь собака объявляетъ о присутствіи этой дичи въ томъ или другомъ мѣстѣ. Едва успѣли мы перебраться черезъ первую свободную лужу, Бруно остановился, какъ вкопаный, передъ терновымъ кустарникомъ. Затаивъ дыханіе, подкрадываемся мы къ собакѣ и, слѣдуя направленію ея носа, осматриваемъ чащу. Дѣйствительно! множество птичьяго помету указываетъ на присутствіе птицы. При этомъ видѣ страсть къ изслѣдованію беретъ у насъ верхъ надъ страстью къ охотѣ, и, осторожно пробираясь между кустами, мы открываемъ сумрачное пространство, гдѣ нашимъ взорамъ представляется совершенно особенная картина-*genre*, изображающая домашнюю жизнь нашего пернатаго кочевника—вальдшнепа,—картина, которой за недостаткомъ наблюдательности и охоты къ изслѣдованіямъ, не видалъ еще ни одинъ изъ нашихъ немвродовъ. На измѣнчивомъ фонѣ лѣсной зелени рисуется фигура вальдшнепа (почти такого же неопредѣленнаго цвѣта, какъ и окружающая его зелень), который съ поднявшимися дыбомъ перьями и приподнятымъ вверхъ хвостомъ обернулся къ собакѣ, шипя на подобіе гусей. Но при видѣ живыхъ статуй, стоящихъ передъ кустарникомъ, тотчасъ же успокоивается и довѣрчиво принимается опять за прерванное важное дѣло питанія. Подобно старухѣ, ковыляющей при помощи палки, движется эта птица, съ выгнутою спиною, взадъ и впередъ, колеблющимися шагами, поминутно ставя къ землѣ въ отвѣсномъ направленіи свой длинный мягкій клювъ, завершающійся на концѣ болѣе твердомъ бугоркомъ, и въ высшей степени забавно кивая по временамъ своею головою. Вдругъ верхняя челюсть принимаетъ видъ клещей и щипчикообразный клювъ начинаетъ переворачивать съ удивительною ловкостію листъ за листомъ, усердно отыскивая червячковъ и всевозможныхъ насѣкомыхъ. Вотъ этотъ дѣятельный клювъ исчезаетъ до самаго корня въ мягкой землѣ и сильные его мускулы видимо работаютъ подъ нею, выгоняя оттуда дождевыхъ червяковъ, которые потомъ, коль скоро большіе черные глаза, расположенные сейчасъ же за органомъ слуха, завидятъ ихъ, схватываются съ быстротою молнію когтями. Этотъ непрерывный процессъ переворачиванія и сверленія не разъ уже подвергался нашимъ наблюденіямъ, точно такъ же какъ и поразительная пищеварительная сила вальдшнепа, вслѣдствіе которой становище, въ особенности если на него опускалось на разсвѣтѣ много куликовъ, бываетъ покрыто такимъ множествомъ помета, что кажется издали какъ бы обрызганнымъ бѣлой краской. Въ этой же быстрой пищеварительной силѣ надобно искать и причины, почему всегда прозрачныя внутренности, которыя нужно только отдѣлить отъ задней кишки, но не чистить, считаются такимъ лакомымъ кусочкомъ. Удовлетворивъ наконецъ свой любознательности, я съ пробудившейся страстью охотника вспугиваю птицу; она поднимается выше, я стрѣляю въ нее, а вѣрный Бруно приноситъ мнѣ изъ чащи эту первую весеннюю добычу.

У умирающей въ нашихъ рукахъ птицы клювъ въ предсмертной борьбѣ сильно загибается вверхъ, что ясно показываетъ какъ велика должна быть сила и подвижность его мускуловъ.

Изъ этого описанія можно видѣть, что охота доставляетъ не рѣдко средство подмѣтить не одну черту изъ жизни животныхъ, если только страсть къ охотѣ соединяется у охотника съ страстью къ наблюденіямъ и изслѣдованіямъ. Такимъ образомъ, людямъ хорошо знающимъ лѣсную часть, въ кругъ занятій которою входитъ также и охота, давно бы слѣдовало разъяснить намъ еще столь мало извѣстную для насъ семейную жизнь нашихъ лѣсныхъ звѣрей и птицъ. Переходя къ вальдшнепу, предмету нашей статьи, замѣтимъ, что онъ кормитъ птенцовъ совершенно иначе, чѣмъ другіе «выводковыя птицы» меньшихъ размѣровъ. Подобно отчасти аисту и цаплѣ, вальдшнепъ приноситъ своимъ птенцамъ кормъ, состоящій сначала изъ мелкихъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, а потомъ изъ червяковъ, при чемъ въ первое время онъ кормитъ покрытыхъ нѣжнымъ пушкомъ малютокъ изъ клюва. Точно такъ же, лѣсничіе могли бы уже давно замѣтить, какимъ образомъ заботливые родители-вальдшнепы умѣютъ укрывать своихъ птенцовъ отъ грозящей имъ опасности. Маленькихъ птенчиковъ вальдшнепъ, точно такъ же какъ и дикая утка, уноситъ по воздуху въ клювѣ; но птенчиковъ побольше, которые неспособны еще летать, онъ стискиваетъ между ногами и поднимается съ ними выше. Эти молодыя созданьица, будучи взяты въ неволю, не принимаютъ пищи, сколько бы ее передъ ними ни сыпали. Они умираютъ съ голоду, какъ я убѣдился въ нынѣшнемъ году. Только всовывая имъ въ ротъ муравьиныя личинки и насѣкомыхъ, удалось мнѣ продлить ихъ жизнь на нѣсколько времени, такъ что наконецъ я долженъ былъ возвратить все болѣе и болѣе слабѣющихъ птицъ ихъ родинѣ—лѣсу и ихъ настоящимъ кормильцамъ.

Но возвратимся къ прерванному нами описанію охоты. Тѣмъ временемъ лѣсъ при постепенно успокоивающемся воздухѣ совершенно утихъ; пошелъ легкій дождь и приближающійся вечеръ напоминаетъ намъ о вальдшнепахъ, ради которыхъ мы поднимаемся еще выше изъ долины. Здѣсь старый лѣсъ смѣняется другимъ, помоложе, и здѣсь находится извѣстное мѣсто, куда опускаются прилетающія стаи вальдшнеповъ, лежащее передъ нами какъ на ладони, когда мы расположилися насупротивъ стараго лѣса, за густыми кустарниками молодаго паросника.

Сумерки наступили. Вечерній концертъ лѣсныхъ пѣвцовъ становится живѣе и пламеннѣе. Выразительное аллегро пѣвчаго дрозда смѣняется грустно-мелодическимъ анданте чернаго и мрачнымъ ларго желтоносаго рябинника, пока наконецъ эти громкіе, повторяемые эхомъ звуки замолкаютъ и наступившая тишина нарушается только пѣніемъ реполова, самой ранней и самой поздней лѣсной пѣвчей птицы. Вдругъ быстрое хорошо-знакомое намъ движеніе со стороны Бруно, указывающее на приближаніе ожидаемой съ такимъ нетерпѣніемъ дичи, пробуждаетъ насъ отъ нашей задумчивости. До слуха нашего долетаетъ какъ бы цмоканье погоньщика лошадей, сопровождаемое хриплымъ отрывистымъ карканьемъ. «Пст!... Пст!... Кр! Кр!» Это хорошо знакомое охотнику токованье вальдшнеповъ, которые, слѣдуя весною властительному влеченію любви, перелетаютъ изъ одного мѣста въ другое, отыскивая себѣ подругу. Въ одно мгновеніе ока являются передъ нами два самца съ взъерошенными перьями, которые, какъ-то особенно шатаясь на лету и не переставая токовать, преслѣдуютъ открытую ими лѣсную нимфу и, разгорячив-

шись, какъ разъ передъ нами начинаютъ надѣлять другъ друга ударами клюва и ногъ. Вдругъ этотъ любовный споръ покрывается громомъ моего выстрѣла, одинъ изъ сражающихся падаетъ и, принесенный Бруно, переходитъ въ яхташъ къ остальной добычѣ.

Наступаетъ ночь и крикъ сыча напоминаетъ намъ о возвращеніи домой.

Дома въ кругу тѣснящихся съ любопытствомъ домочадцевъ, снаряжаемъ мы убитыхъ для ихъ послѣдняго путешествія по почтѣ, чтобы доставить нашимъ далекимъ друзьямъ желанное жаркое, при чемъ мы не забудемъ послать имъ также и лакомый кусочекъ—внутренности вальдшнеповъ намазанныя на куски поджаренной булки.

Гораздо оживленнѣе и привлекательнѣе осенняя охота по кустамъ «на высыпки»; въ это время дичь бываетъ гораздо пахучѣе и жирнѣе. Тутъ она летаетъ скорѣе чѣмъ весною и безъ токованья, единственно изъ-за пищи, которую она ищетъ преимущественно на окраинахъ лѣсовъ, на лугахъ и въ поляхъ. Для своего становища птица наша избираетъ въ особенности опушки лѣсовъ, съ полянами мелкаго паросника, и долины, орошаемыя рѣчкой и опушенные кустарникомъ—и тутъ опытный охотникъ ищетъ ее въ это время.

Вообще-же осеннія охоты за вальдшнепами далеко уже не представляютъ такой романтической прелести, какъ весеннія. Въ свѣтлые дни такъ называемаго «бабьяго лѣта» начинаютъ уже появляться лисицы, а предстоящія зимнія охоты, при видѣ обнаженныхъ лѣсовъ, такъ сильно занимаютъ фантазію охотника, что отлетающіе вальдшнепы не могутъ уже произвести на него того волшебнаго дѣйствія, какое производили они при своемъ появленіи весною,

«Когда чрезъ долы, чрезъ моря
Журавль летитъ домой».

Внутреннее обозрѣніе.

Открытіе женскаго курса при медико-хирургической академіи для образованія ученыхъ акушерокъ.—Реформа еврейскаго раввината.—Нижегородскіе пожары.—Сильное наводненіе на Амурѣ.

Мы въ свое время сообщили нашимъ читателямъ объ открытіи въ Москвѣ женскихъ курсовъ; теперь мы можемъ сообщить не менѣе радостную вѣсть, касающуюся женскаго образованія, а именно—объ открытіи въ Петербургѣ женскаго курса при Императорской медико-хирургической академіи для образованія ученыхъ акушерокъ. Мы не намѣрены выписывать полную программу этого курса, но считаемъ долгомъ дать краткій перечень главныхъ правилъ этого курса. Особый женскій, 4-хъ годичный, курсъ при академіи будетъ состоять подъ непосредственнымъ надзоромъ начальства медико-хирургической академіи; для ближайшаго же надзора за учащимися назначается почетная инспектриса. Всѣми учебными пособіями, равно какъ и преподавателями, по особому распоряженію начальства, женскій курсъ пользуется академическими. Въ слушательницы допускаются женщины — не моложе 20-ти лѣтъ, окончившія образованіе въ институтахъ, женскихъ гимназіяхъ и ровныхъ имъ средне-учебныхъ заведеніяхъ и получившія дипломы на званіе домашнихъ учительницъ,—при чемъ онѣ подвергаются повѣрочному экзамену, по правиламъ, установленнымъ для студентовъ медико-хирургической академіи; ежегодно допускаютъ къ пріему не свыше 70-ти слушательницъ. Выпускной экзаменъ производится по особой программѣ, примѣняемой къ испытанію, установленному на званіе лекаря, съ тѣмъ различіемъ, что изъ предметовъ, не входящихъ въ полномъ объемѣ въ кругъ будущей дѣятельности слушательницъ,—какъ-то: изъ теоретической и оперативной хирургіи и ученія о нервныхъ и глазныхъ болѣзняхъ,—онѣ испытываются лишь въ примѣненіи къ ихъ дѣятельности; изъ судебной же медицины и медицинской полиціи, ученія о эпизоотіяхъ и ветеринарной полиціи не испытываются вовсе; взамѣнъ того—изъ акушерства, женскихъ и дѣтскихъ (преимущественно грудныхъ дѣтей) болѣзней подвергаются болѣе спеціальному испытанію, чѣмъ на степень лекаря. При обширности нашей территоріи, при осязательномъ недостаткѣ у насъ медицинскихъ пособій, нельзя не видѣть въ основаніи женскихъ курсовъ одну изъ разумнѣйшихъ мѣръ нашего правительства. Эта мѣра принесетъ осязаемую пользу народному здравію,—тѣмъ болѣе, что женщина въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ не замѣнима мужчиною для своего пола; ужь не говоря о томъ, что эта мѣра даетъ женщинамъ право фактически пользоваться своими познаніями и приносить пользу внѣ семейнаго очага,—но она еще можетъ сберечь много мужскихъ силъ для сферъ, пока недоступныхъ женщинѣ. Кромѣ того, характеръ женщины, самъ по себѣ, какъ будто болѣе присобленъ къ роли медика, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова: нѣжность характера, такъ-называемая женственность, какъ будто болѣе способна облегчать страданія ближняго. Мы искренно привѣтствуемъ эту разумную, вполнѣ раціональную мѣру, и отъ души желаемъ, чтобы женскіе курсы принесли ту пользу, которой мы справедливо ожидаемъ отъ нихъ.

Не менѣе вниманія заслуживаетъ слѣдующее извѣстіе, сообщаемое газетами. По разсмотрѣніи въ государственномъ совѣтѣ переданнаго изъ комитета министровъ представленія министра внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ мѣстнаго управленія по дѣламъ вѣры евреевъ,—дѣло это, согласно Высочайше утвержденному постановленію государственнаго совѣта, препровождено было, какъ извѣстно, въ министерство народнаго просвѣщенія для разсмотрѣнія и соображенія съ производящимся въ немъ дѣломъ о пересмотрѣ законоположеній, касающихся образованія евреевъ. Нынѣ министерство народнаго просвѣщенія признало, между прочимъ, необходимымъ произвести реформу учрежденнаго въ сороковыхъ годахъ у евреевъ раввината. Кто хорошо знакомъ съ положеніемъ дѣлъ въ сѣверо-западномъ краѣ и знаетъ, сколько существеннаго заключается для него въ такъ-называемомъ еврейскомъ вопросѣ, (для него это не „еврейскій" вопросъ,—а вопросъ: „быть или не быть?"), и если ему болѣе или менѣе знакома та роль, которую раввинатъ играетъ въ еврейской жизни,—тотъ пойметъ, на сколько раввинатъ нуждается въ реформѣ. Но желательно было-бы, чтобы въ настоящее время министерство избѣгнуло ошибокъ сороковыхъ годовъ; желательно было-бы, чтобы въ комиссіи, которая навѣрно будетъ назначена по этому вопросу, занимались люди, хорошо знакомые съ жизнью евреевъ и ея потребностями, которые относились-бы безпристрастно къ еврейскому вопросу, не зараженные ложнымъ еврейскимъ патріотизмомъ, понимающіе истинныя требованія времени, знающіе нужды народа и страны, гдѣ евреи больше всего скоплены,—тогда эта реформа могла бы принести пользу, какъ евреямъ, такъ и нашимъ сѣверо-западнымъ окраинамъ, которымъ

не слишкомъ-то здоровится при настоящемъ положеніи дѣлъ.

Нынѣшнее лѣто изобилуетъ пожарами, маленькими и большими; но всѣ эти пожары теряютъ свою громадность передъ нижегородскимъ, случившимся во время начала ярмарки. Вотъ что пишутъ въ „Вечерней газетѣ“ по поводу этого громаднаго несчастія. «Пишу вамъ подъ впечатлѣніемъ той страшной катастрофы, которую мы пережили на этихъ дняхъ; я говорю о ужасныхъ пожарахъ, бывшихъ здѣсь 25 и 26 іюля. Первый изъ этихъ пожаровъ начался въ 12 часовъ. дня. Огонь показался на одной изъ баржъ съ мочальнымъ товаромъ, стоящимъ на лѣвой сторонѣ Оки, близь разводнаго моста. Въ одно мгновеніе пламя охватило всю эту баржу, а за тѣмъ съ быстротою молніи распространилось и на сосѣднія баржи, нагруженныя разными товарами, какъ-то: рогожами, тряпкою, москотельными веществами, хлѣбомъ, частію мануфактурными и другими. Спустя не долго времени, подулъ вѣтръ и пламя хлынуло на берегъ, на которомъ загорѣлись сначала дрова, потомъ каменный большой домъ Вешнякова и примыкающій къ нему корпусъ каменныхъ лавокъ съ каменными и стекляными товарами. Въ это время, кажется, всѣ думали, что неустоять всей сибирской пристани, потому что напротивъ горѣвшихъ корпусовъ много было навалено продажнаго лѣса, рядомъ съ которымъ идутъ по всей пристани деревянные домики и большой складъ товаровъ; но, благодаря Бога, огонь не распространился впередъ и былъ задержанъ самопроизвольно внутри горѣвшихъ корпусовъ. Смятеніе и страхъ были ужасные: горитъ на водѣ, горитъ на берегу и все это въ виду всѣхъ и каждаго; но помощь со стороны пожарной команды была весьма и весьма недостаточная, потому что составъ и силы ея далеко не соотвѣтствовали пожару. Что же касается до уничтоженія пожара на водѣ, то тутъ пожарная команда нисколько не помогла. Сгорѣло до 30 баржъ съ разными товарами.“

„Теперь поведу рѣчь о второмъ пожарѣ, бывшемъ 26 іюля. Этотъ пожаръ вспыхнулъ въ 11—12 часовъ дня на сибирской пристани, на мочальномъ складѣ. Огонь быстро охватилъ всѣ товары, которые лежали вблизи, и такъ какъ вѣтеръ дулъ по направленію къ противуположному берегу Волги, то пламя мгновенно перекинуло на близь-стоящія на рѣкѣ баржи, и въ одно и то же время сдѣлалось два сильно-угрожающихъ пожара: пожаръ на сушѣ угрожалъ всей сибирской пристани съ ея товарными складами, пожаръ баржъ угрожалъ всему торговому флоту. Грустно было смотрѣть какъ одна по одной баржи, нагруженныя большею частію цѣнными товарами, дѣлались жертвою пламени. Нѣсколько баржъ спасены пароходами, которые ихъ увезли въ болѣе безопасное мѣсто. При этомъ не могу не упомянуть о слѣдующемъ замѣчательномъ случаѣ: Пароходъ отвелъ одну баржу вверхъ по рѣкѣ и поставилъ ее на довольно значительномъ разстояніи отъ горѣвшихъ баржъ, разсчитывая, что она будетъ спасена; между тѣмъ вышло не такъ: вѣтеръ занесъ на эту баржу искры и она досталась въ жертву пламени. Во время втораго пожара сгорѣло на водѣ до 20 баржъ, а на берегу чуть не весь складъ мѣстныхъ издѣлій. Убытокъ отъ обоихъ пожаровъ громадный и едвали его можно покрыть 5-ю мильонами. Оба эти пожара показали: 1) плохой и малочисленный составъ пожарной команды; 2) недостатокъ хорошей водяной пожарной команды, что такъ необходимо при многочисленномъ стеченіи здѣсь на пристаняхъ разныхъ судовъ, и 3) неимѣніе желѣзныхъ баржъ взамѣнъ многихъ деревянныхъ.

По оффиціальнымъ извѣстіямъ, убытокъ отъ этого пожара простирается до $1^1/_2$ милліона.

На Амурѣ недавно было сильное, невиданное дотолѣ, наводненіе, причинившее много вреда нашимъ станицамъ. Въ „Биржев. В.“ сообщаютъ, что изъ 29 станицъ 1-го полка казачьей бригады—9 станицъ совершенно уничтожено водою, а въ 8-ми станицахъ двѣ трети домовъ снесено; 8 станицъ осталось неповрежденными, а 4 пострадали только до нѣкоторой степени; пострадали также сильно четыре крестьянскія селенія, расположенныя по Амуру. Запасы въ магазинахъ: Албазинскомъ, Чернявскомъ, Кушарскомъ—уничтожены. Пострадавшимъ необходимо выдать сѣмена на посѣвы и продовольствовать ихъ до будущаго урожая, ибо средства къ пропитанію уничтожены. Наводненіе залило также и городъ Благовѣщенскъ.

Смѣсь.

Удивительное дѣйствіе молніи. Изъ Крейцберга (въ Силезіи) пишутъ: «Во время бури, разразившейся 26-го іюня надъ здѣшней деревней Краскау, молнія ударила въ мельницу и обнаружила свою разрушительную силу совершенно особеннымъ образомъ. Она прошла черезъ русскую дымовую трубу, увлекла за собою всю сажу, выбросила ее черезъ печку въ первую комнату, разбила въ дребезги окна, пробила въ стѣнахъ и потолкѣ дыры, величиною въ тарелку, прошла черезъ одну изъ нихъ въ смежную комнату, разбила и тутъ также окна и пробила дыры, пролетѣла надъ колыбелью, находившеюся дюймовъ на 8 отъ стѣны, гдѣ спалъ ребенокъ, оставшійся безъ всякаго поврежденія, и прошла какъ разъ надъ колыбелью черезъ стѣну, въ третью комнату. Здѣсь сидѣли вокругъ стола мельникъ, его жена, два работника и работница и обѣдали. Пораженные яркимъ сіяніемъ, они всѣ попадали со стульевъ и опомнились только по прошествіи довольно долгаго времени. Тѣмъ временемъ молнія и тутъ тоже разбила окна, пробуравила дыры, разбила кафлю въ печкѣ и вылетѣла въ другую трубу, потому что ея путь по направленію вверхъ обозначался легкими поврежденіями въ печи. При медицинскомъ изслѣдованіи, которое послѣдовало вскорѣ послѣ этого, оказалось, что каждое изъ упомянутыхъ выше лицъ было задѣто молніею: у одного была оцарапана рука, у другаго спина, у третьяго грудь, у четвертаго рука и нога на другой сторонѣ, а у пятаго обнаружилась совершенно особенная обжога, представлявшая что-то въ родѣ тополеваго ствола, съ поднимающимися вверхъ вѣтвями. Ни одно изъ этихъ лицъ не потерпѣло однакоже значительнаго поврежденія.

Локомотивъ, топящійся соломою. Въ Одессѣ, нѣкто Шмидтъ, построилъ локомотивъ, топящійся одною соломою, которая предварительно прессуется. Тамошняя фабрика купила у господина Шмидта его секретъ и хочетъ просить привиллегіи на подобные локомотивы въ Англіи, Германіи и Россіи.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 11 августа 1872 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр. д. № 53.

№ 34 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 21 августа 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 » — »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (**А. Ф. Марксъ**) въ *С.-Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

III.

Іохенъ Пребровъ—работникъ долланскаго кузнеца! И вспомнились ему тѣ прекрасные дни, когда онъ пріѣзжалъ изъ П., вмѣстѣ съ Куртомъ Венгофомъ, на вакаціи которыя само собою разумѣется надобно было проводить въ Долланѣ;—и вотъ тамъ въ степи, гдѣ дорога въ Долланъ отдѣляется отъ большой дороги, стоитъ въ ожиданіи ихъ Іохенъ Пребровъ и машетъ шапкою,—Іохенъ, который очень хорошо зналъ, что съ ихъ пріѣздомъ наступаетъ и его доброе время, время рыбной и птичьей ловли подъ надзоромъ стараго кузнеца Бослафа и тысячи сумасбродныхъ проказъ, на водѣ и сушѣ, уже безо всякаго надзора, но отвѣтственность за которыя передъ добросердечнымъ отцомъ—отвѣтственность нисколько не тяжелую—бралъ на себя всегда Куртъ.

— И молодой баринъ тоже умеръ, сказалъ Іохенъ Пребровъ, полуобернувшусь на своемъ сидѣньи въ знакъ того, что, покончивъ съ главнымъ дѣломъ, онъ готовъ перейти къ подробностямъ.

Готтгольдъ кивнулъ головою.

— Переѣзжалъ черезъ Шпре, продолжалъ Іохенъ,—и утонулъ, а могъ плыть па парусахъ какъ настоящій матросъ и плавать какъ щука, вотъ что интересно; впрочемъ онъ самъ говорилъ мнѣ, что онъ когда нибудь такъ кончитъ. И Іохенъ набилъ еще разъ трубку.

— Когда онъ говорилъ тебѣ это?

— Вѣдь онъ пріѣзжалъ изъ Г. къ своей сестрѣ на ея свадьбу, а потомъ ему нужно было ѣхать въ Берлинъ и показать—выучилъ ли онъ свое право; ну а вотъ въ этомъ-то отношеніи онъ былъ, какъ кажется, куда слабъ, потому-что, правду сказать, никогда не любилъ учиться. Такъ вотъ стало быть онъ говорилъ мнѣ это, когда мы возвращались изъ П., гдѣ было вѣнчанье и я везъ свадебную карету, потому-что старый Христіанъ заболѣлъ и я долженъ былъ ѣхать вмѣсто него; а потомъ понеслись во весь опоръ въ Долланъ. Тамъ былъ большой завтракъ и, нашъ молодой баринъ былъ порядочно-таки хмѣленъ, когда онъ пришелъ ко мнѣ въ конюшню и бросился на солому и началъ плакать такъ, что жалко было на него и смотрѣть-то. — Что съ вами молодой баринъ? сказалъ я.

— Ахъ, Іохенъ, сказалъ онъ,—я погибъ, чисто погибъ. Я просилъ отца, чтобы онъ позволилъ мнѣ быть сельскимъ хозяиномъ, потому-что изъ меня никогда не выйдетъ крючкотворца; но вѣдь онъ говоритъ: «у насъ нѣтъ ничего, ровно ничего», и онъ не можетъ даже расплатиться за приданое сестры. — Ну, молодой баринъ, сказалъ я, — это еще не такъ худо; у васъ теперь богатый зять, который можетъ дать вамъ денегъ. — Но молодой баринъ вскочилъ, сталъ передо мною, схватилъ меня за грудь и началъ трясти такъ, что мною

стало страшно, а самъ кричитъ: «если ты скажешь еще одно слово объ...—это было крѣпкое словцо, если оно говорится о зятѣ, въ особенности со стороны нашего молодаго господина, который былъ всегда такъ добръ и ласковъ; но вѣдь я уже говорилъ, — онъ много выпилъ, потому что онъ хотѣлъ, чтобъ я опрокинулъ ихъ, когда буду везти сюда, въ Доланъ,—тамъ на пустоши, знаете, господинъ Готтгольдъ, недоѣзжая до кузницы, когда будешь на горѣ, а налѣво за тобою будетъ болото? Ну, тамъ можно такъ отлично выпрокинуть, что пожалуй и не поднимутся; но слыханное-ли это дѣло, выпрокинуть дочь своего господина въ день ея свадьбы? да еслибъ я и хотѣлъ этого, не я везъ ихъ, потому что господинъ Брандовъ велѣлъ пріѣхать своему собственному экипажу четверней—и Генрихъ Шеель, который и тогда уже былъ у него кучеромъ, да и теперь остается тѣмъ же, ужь конечно не выпрокинулъ бы ихъ, потому что Генрихъ Шеель умѣетъ-таки ѣздить и въ экипажѣ и верхомъ, этого нельзя отнять отъ него.

Іохенъ Пребровъ махнулъ кнутомъ, и лошади, которыя до сихъ поръ ѣхали шагомъ по узенькой проселочной дорогѣ съ выбоинами, теперь весело побѣжали рысью, по болѣе широкой и гладкой большой дорогѣ.

Въ незначительномъ разстояніи, налѣво, лежалъ Далицъ, великолѣпное родовое имѣніе древней благородной фамиліи, изъ которой происходила съ материнской стороны Цецилія, теперь давно уже во владѣніи мѣщанъ Брандовыхъ и наслѣдіе Карла Брандова.

Дорога, какъ помнилъ Готтгольдъ, шла какъ разъ мимо двора, а потомъ, на еще большее разстояніе, вдоль стѣны парка. Его сердце начало сильно биться; его взоры боязливо неслись къ дому, бѣлый фасадъ котораго уже выступалъ отчасти между второстепенными постройками. Ѣхать такъ близко мимо ея жилища; пропустить единственный случай, который, по всѣмъ вѣроятіямъ, никогда уже не представится; никогда, никогда не свидѣться съ нею! А впрочемъ и видѣть ее женою Карла Брандова—нѣтъ, лучше не видать, гораздо лучше!

И Готтгольдъ откинулся въ уголъ, низко надвинувъ на лицо широкія поля своей шляпы; онъ охотнѣе приказалъ бы Іохену воротиться. Тѣмъ временемъ Іохенъ ѣхалъ мелкой рысцой—и такимъ образомъ это вѣдь скоро кончится. Но въ ту минуту, какъ они проѣзжали мимо дворовыхъ воротъ, изъ нихъ выѣхала, тоже рысью, пустая телѣга изъ подъ сноповъ, такъ что одни лошади почти столкнулись съ другими. Іохенъ ругался и работникъ ругался—и всякій, кто только былъ на дворѣ, тоже ругался; Готтгольдъ не могъ понять на кого, на своего-ли собственнаго работника, или на чужаго кучера — вѣроятно на обоихъ; но по крайней мѣрѣ это не былъ звонкій голосъ Карла Брандова—и высокій, толстый человѣкъ въ сапогахъ съ отворотами, который подходилъ теперь тяжелыми шагами къ воротамъ, былъ конечно не стройный гибкій Карлъ Брандовъ.

Но тутъ Іохенъ выбрался на свободу и, съ трудомъ обуздывая напуганныхъ лошадей, ѣхалъ галопомъ вдоль низенькой стѣны парка, черезъ которую открывался тамъ и сямъ между деревьями и кустарниками видъ на аллеи, а съ одного мѣста на большую, прекрасную поляну, на заднемъ планѣ которой виднѣлся боковой фасадъ господскаго дома. На полянѣ стояли еще качели, на которыхъ какая-то женщина, повидимому нянька, осторожно качала двухъ меньшихъ дѣвочекъ, между тѣмъ какъ съ полдюжины другихъ дѣтей, различныхъ возрастовъ, рѣзвились около нихъ. Ихъ свѣжіе голоса весело звучали въ тишинѣ вечера, и высокая статная дама прохаживалась между играющими въ сопровожденіи маленькаго господина одѣтаго въ черное, вѣроятно домашняго учителя мальчиковъ.

Всего лишь нѣсколько секундъ виднѣлась эта картина, но зоркій глазъ Готтгольда схватилъ ее до малѣйшихъ подробностей—и такою рисовалась она еще въ душѣ его, когда экипажъ опять уже ѣхалъ рысью по открытой большой дорогѣ. Напрасно, стало-быть, сжималось давеча его сердце, — она не жила здѣсь, не жила уже здѣсь. Гдѣ же она живетъ теперь? Онъ столько лѣтъ не слыхалъ ни слова о родинѣ—не умерла-ли и она также? Да, для него она и въ самомъ дѣлѣ умерла, а все-таки, все-таки...

— Прегрубый малый этотъ Редебасъ, сказалъ Іохенъ, взявъ въ лѣвую руку возжи,—но свое дѣло онъ разумѣетъ, ужь онъ съумѣетъ справиться съ этимъ.

— Такъ стало-быть Далицъ не принадлежитъ больше господамъ Брандовъ? спросилъ Готтгольдъ.

— Э, возразилъ Іохенъ,—да неужели же вы ничего не слыхали тамъ — и онъ указалъ кнутовищемъ куда-то въ сумракъ—о томъ, что тутъ у насъ происходило?

— Ничего, ровно ничего, любезный Іохенъ,—да и отъ кого бы я могъ слышать это?

— Конечно, сказалъ Іохенъ,—письмо не всякому дается, мнѣ напр. оно не далось, да и тамъ гдѣ вы были—тамъ нѣтъ ни почты, ни прочихъ удобствъ. Мой фельдфебель былъ и въ Испаніи въ тысяча восемьсотъ девятомъ году, и...

— Но вѣдь я былъ вовсе не въ Испаніи, сказалъ Готтгольдъ,—я былъ въ Италіи.

Для Іохена это возраженіе было и неожиданно и не совсѣмъ пріятно; онъ цѣлые часы ломалъ себѣ голову надъ тѣмъ, сынъ ли раминскаго пастора его пассажиръ или нѣтъ, и рѣшилъ у себя въ умѣ, что если это онъ, то безъ всякаго сомнѣнія ѣдетъ прямо изъ Испаніи; — такъ какъ онъ слышалъ, что Готтгольдъ «вышелъ изъ священниковъ» и живетъ въ чужой странѣ, а Испанія была единственная чужая страна, о которой онъ когда-либо слыхалъ. Такимъ образомъ, пуская изъ своей коротенькой трубочки огромныя облака дыма, онъ погрузился въ глубокую задумчивость; Готтгольдъ—какъ ни тяжело было ему это — долженъ былъ два раза повторить свой вопросъ.

— Да гдѣ-же ему жить какъ не въ Долланѣ? сказалъ наконецъ Іохенъ, — онъ пересѣлъ съ лошади на осла; да это иначе и не можетъ быть, когда господа намѣрены сидѣть постоянно такъ высоко...

— А-а—его жена?

Надобно же было наконецъ спросить о ней; но губы Готтгольда дрожали, когда онъ дѣлалъ этотъ вопросъ.

— Наша бѣдная барышня? сказалъ Іохенъ;—да, ей и во снѣ не снилось, когда я везъ ее утромъ четверкой въ Н. къ вѣнцу, чтобы все это великолѣпіе такъ скоро кончилось. Да, она теперь опять на прежнемъ мѣстѣ, а нашъ старый баринъ и молодой баринъ умерли, да и оба ея первые малютки тоже умерли, и теперь у ней всего только одинъ ребенокъ.

И такъ она жила, опять жила въ Доланѣ, миломъ Доланѣ, Доланѣ опоясанномъ лѣсами, окруженномъ говоромъ моря, гдѣ онъ прожилъ блаженнѣйшіе и несчастнѣйшіе часы своей юности, въ этомъ счастливомъ и вмѣстѣ несчастномъ мѣстѣ, куда такъ часто, такъ часто переносили его опять сновидѣнія, въ печали и радости, такъ что

онъ просыпался съ улыбкою на устахъ, а часто—увы!— и со слезами. Онъ видѣлъ стройную фигуру, мелькающую въ сумракѣ вечера въ саду, между кустарниками, въ то время какъ онъ съ сильно-бьющимся сердцемъ стоялъ тамъ на верху, у окна маленькой комнатки въ мезонинѣ, и заставлялъ Курта твердить глаголы на *„mi“* до тѣхъ поръ, пока наконецъ этотъ послѣднiй бросалъ книгу на столъ и объяснялъ, что онъ никогда не пойметъ этой дряни и имъ лучше идти въ садъ къ Цециліи. Готтгольдъ провелъ рукою по лбу и глазамъ. Неужели онъ произнесъ вслухъ возлюбленное имя? Или Іохенъ, принявшись опять съ свойственнымъ ему однообразіемъ за прерванный разсказъ, назвалъ ее по имени? И Іохенъ тоже не зналъ хорошенько, какъ все происходило,—потому что былъ еще въ Берлинѣ, въ гвардіи, когда господинъ Венгофъ умеръ и молодой Брандовъ, владѣлецъ имѣнія Далицъ, вступилъ также и во владѣніе Долланомъ; а потомъ, когда Іохенъ выслужилъ свой срокъ, то, такъ какъ для кузницы достаточно было его отца и старшаго брата, онъ нанялся въ работники къ трактирщику Петерсу и выѣзжалъ изъ Альтефера тогда только, когда нужно было возить путешественниковъ по острову, а это случалось не часто. Да и тутъ еще ни разу не случилось такъ, чтобъ ему пришлось ѣхать близь Доллана, или даже въ Долланъ; потому что зачѣмъ же чужестранцамъ уклоняться такъ далеко отъ большой дороги! И такимъ образомъ, онъ самъ не видалъ еще послѣ этого кузницы—и еслибъ его братъ не побывалъ разъ или два въ Альтеферѣ, онъ ровно ничего не зналъ бы о томъ, что дѣлается теперь въ Долланѣ. Конечно, если поразсудить хорошенько, то и его братъ почти не сказалъ ему ничего такого, чего бы онъ не зналъ уже отъ другихъ;—такъ какъ вѣдь господинъ Брандовъ извѣстенъ тѣмъ, что у него самыя лучшія лошади во всемъ Рюгенѣ и во всей новой Помераніи, и онъ пріѣзжаетъ каждый годъ осенью на скачки въ Штр., и господамъ дворянамъ куда тяжело тягаться съ г. Брандовомъ, даромъ что онъ бюргеръ. И на нынѣшнихъ господскихъ скачкахъ онъ конечно получитъ призъ, потому что Генрихъ объѣздилъ ему такую лошадь, какой еще никогда не бывало. И вѣдь это сущая правда, что Генрихъ больше смыслитъ въ этомъ дѣлѣ, чѣмъ всѣ англійскіе тренеры вмѣстѣ, которые стоятъ такъ дорого господамъ,—тогда какъ другіе конечно думаютъ, что тутъ что нибудь да есть—и Генрихъ, пустивъ въ ходъ свои косые глаза, можетъ подѣйствовать на лошадей такъ или такъ, какъ ему угодно. А что такія вещи водятся—это знаетъ и онъ, какъ сынъ кузнеца; но большая разница въ томъ: честныя-ли это штуки, въ родѣ напр. тѣхъ, которыя разумѣлъ его отецъ, или же тутъ помогаетъ *другой*, котораго онъ не назоветъ по имени. Потому что съ *этимъ*-то ужь не спрячешься, онъ требуетъ слишкомъ дорогой платы за свою подводу. Господинъ Брандовъ уже поплатился за это отличнымъ имѣніемъ, а иные говорятъ, что и Долланъ пойдетъ туда-же. Вѣритъ ли чему нибудь подобному господинъ Готтгольдъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Готтгольдъ съ жаромъ, выпрямившись въ своемъ углу.

Іохену пришлось набить снова трубку, чтобы обдумать спокойно этотъ отвѣтъ, котораго онъ ни какъ не ждалъ. Готтгольдъ не мѣшалъ ему въ этихъ размышленіяхъ; тихо погрузившись въ самого себя, сидѣлъ онъ, мечтая о томъ что было и о томъ что могло бы быть и чему не суждено было сбыться. Не суждено было сбыться?—но не потому, чтобы этого хотѣла судьба, а потому что люди пожелали этой судьбы, потому что они приготовили ее себѣ,—потому что въ своихъ мечтахъ, которыя возрастаютъ до дѣйствительности, въ своихъ желаніяхъ которыя становятся дѣйствіями, они сами себѣ судьба! Не возвратилась ли она съ желаніемъ быть госпожою тамъ, гдѣ такъ долго властвовали ея предки съ материнской стороны,—еще въ тотъ вечеръ, когда они ѣздили изъ Доллана въ Далицъ, отецъ и она и Куртъ и онъ? Какъ тихо ходила она по великолѣпнымъ комнатамъ, задумчиво глядя своими большими блестящими глазами на темныя картины по стѣнамъ, съ полинялыми шелковыми обоями, и на различные завитки на карнизѣ камина, казавшіеся непривычному глазу чудомъ великолѣпія. Какъ тихо проводила она въ спальняхъ рукою по камчатнымъ занавѣсямъ! Какъ прижимала она въ теплицахъ пылающее лицо къ пышнымъ цвѣточнымъ кустамъ, какъ будто-бы хотѣла упиться ихъ чуднымъ благоуханіемъ! Съ какимъ благоговѣніемъ слушала она косаго Генриха, когда онъ описывалъ преимущества кровныхъ лошадей, легкіе недоуздки которыхъ звенѣли, ударяясь о мраморныя ясли,—и какая жалость что молодой баринъ теряетъ въ сельско-хозяйственной академіи свое время, которое онъ могъ бы употребить здѣсь много лучше! И съ какимъ негодованіемъ взглянула она на друга,— онъ думалъ что онъ значилъ для нея такъ много,—когда онъ съ насмѣшкою ревности замѣтилъ, что Карлъ Брандовъ могъ вернуться раньше, такъ какъ онъ вѣроятно былъ такъ же прилеженъ и въ академіи, какъ прежде въ училищѣ! Затѣмъ она опять надменно дразнила на большой полянѣ обоихъ друзей; но когда она сѣла потомъ на большія деревянныя качели — гдѣ сидѣли давеча дѣти — подперевъ свою прекрасную голову одною рукою, въ то время какъ другая небрежно играла красными бантами бѣлаго платья, и Готтгольдъ подошелъ, чтобы привести качели въ движеніе — она вскочила и сказала со смѣхомъ, что такая несвѣдущая дѣвушка не должна утруждать такого высокоученаго господина. Онъ не зналъ, какая горькая правда скрывалась за этимъ смѣхомъ,—иначе, когда на слѣдующее утро онъ ранымъ-рано долженъ былъ опять приняться съ Куртомъ за отбываніе барщины на поприщѣ учености, онъ едва-ли просунулъ бы въ щель подъ дверью ея комнаты листокъ, гдѣ онъ написалъ вольный переводъ одной анакреоновской оды:

«Скажи, жеребенокъ ѳракійскій, зачѣмъ ты,
Испуганно глядя большими глазами,
Бѣжишь отъ меня, и жестокъ и насмѣшливъ:
Чего-молъ ты хочешь, глупецъ, отъ меня?

* * *

Такъ знай-же, красавецъ, я скоро тебѣ
На гордую шею накину арканъ.
Ты пойманъ,—и вотъ, натянувъ крѣпко вожжи,
Я стану гонять по аренѣ тебя.

* * *

Теперь ты не сходишь съ зеленыхъ луговъ,
И любо тебѣ тамъ скакать и рѣзвиться;
Но знай—настоящій твой всадникъ идетъ ужь,
Онъ скоро придетъ, жеребенокъ ѳракійскій. *)

* * *

*) Приводимъ для желающихъ эти стихи къ подлиннику:
Thrakisch Füllen, sag, warum nur,
Scheu aus grossem Auge blickend,
Fliehst Du grausam mich, und höhnest:
Gar nichts gilt er mir, der Thor!

* * *

Настоящій всадникъ! конечно? не прошло еще и двухъ мѣсяцевъ, какъ онъ пришелъ, настоящій-то всадникъ!

Темный лѣтній вечеръ, какъ и нынѣшній. Мужчины, женщины, мальчики и дѣвушки—всѣ еще на дворѣ, въ полѣ, потому что это была суббота, какъ и сегодня, и надобно было убрать, если только возможно, большой участокъ пшеницы, скосить, связать въ снопы и сложить въ копны. Вотъ эти люди расположились отдохнуть съ полчасика и подождать, пока только что взошедшій полный мѣсяцъ высвободится изъ-за темныхъ массъ паровъ,—и они будутъ въ состояніи опять приняться за прерванную работу. И Куртъ и онъ усердно помогали, даже Цецилія связала, смѣясь, два-три снопа, а потомъ они подносили работникамъ пиво, которое дядя Бославъ цѣдилъ изъ большой бочки. Вотъ-то было ликованіе! пѣли пѣсни, парни и дѣвушки балагурили; но вотъ все утихло—и господинъ Венгофъ сказалъ, что по его мнѣнію имъ пора бы опять за работу, а то, пожалуй, они всѣ заснутъ и тогда посмотрѣлъ бы онъ, кто будетъ въ состояніи поставить ихъ опять на ноги. Но дядя Бослафъ сказалъ, что надобно подождать еще десять минутъ, тогда мѣсяцъ выяснится, а дядя Бослафъ долженъ былъ знать это. И все тише и тише становилось въ кружку, такъ что куропаткѣ показалось, будто все прошло—и она начала громко скликать свое разсѣявшееся повсюду семейство;—такъ тихо что Готтгольду казалось, что онъ слышитъ біеніе своего сердца, въ то время какъ его взоры были какъ бы прикованы къ милому образу дѣвушки, которая сидѣла на снопу, какъ разъ передъ нимъ, такъ что онъ могъ бы коснуться рукою ея свѣтлой одежды, и смотрѣла на мѣсяцъ, при блѣдномъ свѣтѣ котораго ея лицо казалось какъ-то странно блѣдно. Только ея темные глаза сверкали временами—и тогда юноша содрогался, словно его коснулся лучь изъ міра духовъ. Да, изъ міра духовъ, гдѣ онъ носился съ своей возлюбленной, высоко надъ всѣми земными стремленіями,—такъ высоко, какъ только можетъ небесно-чистая фантазія унести юношу, сердце котораго полно великой святой любви. О, Боже! какъ безгранично любилъ онъ ее, какъ эта любовь охватила все существо его, какъ всѣ его чувства, мысли, желанія слились съ этой любовью, питались этой любовью! какъ каждая капля крови, протекавшая чрезъ его трепетавшее сердце, горѣла этою любовію! какъ каждое дыханіе, вылетавшее изъ его стѣсненной груди на горячія уста, выражало все одно только: я люблю тебя, я люблю тебя!

И въ эту минуту, когда небеса раскрывались передъ его восхищенными взорами и онъ созерцалъ жилища блаженныхъ духовъ,—въ эту самую минуту суждено было послѣдовать удару, разгромившему на вѣчные времена ворота къ эдему его юности и разрушившему его вѣру въ святыню, живущую въ груди человѣка.—«Кто-то ѣдетъ сюда верхомъ», сказалъ старый Бослафъ, подходя къ группѣ и указывая на лѣсъ. Никто ничего не слыхалъ, но это ничего не значило, потому что вѣдь старикъ могъ слышать какъ ростетъ трава. И она вскочила и сдѣлала нѣсколько шаговъ, а потомъ остановилась, прислушиваясь,—и Готтгольдъ видѣлъ, какъ она прижала обѣ руки къ сердцу. Его собственное сердце замерло.

Онъ и Куртъ не были въ теченіи этихъ послѣднихъ недѣль — до счастливо выдержаннаго теперь экзамена—въ Долланѣ. Онъ не зналъ ничего изъ того, что происходило здѣсь въ это время,—слышалъ только мимоходомъ отъ Курта, что Карлъ Брандовъ возвратился; но теперь онъ зналъ: лошадь, стукъ копытъ которой онъ теперь разслыхалъ, несла Карла Брандова,—несла его не въ первый разъ цѣлую милю, изъ Далица галопомъ сюда. Теперь онъ зналъ, что значило измѣнившееся выраженіе ея лица, которое такъ поразило его сегодня—мечтательная нѣжность, внезапно смѣнившаяся страннымъ оживленіемъ; онъ зналъ все, все,—и что его храмъ разрушенъ и святилище осквернено. И онъ стоялъ не будучи въ состояніи пошевелиться, въ сторонѣ, тогда какъ другіе окружили соскочившаго съ лошади всадника, стройнаго всадника, который теперь отдѣлился отъ группы—и не одинъ! Онъ, обвивъ ее рукою и съ шопотомъ склонившись къ ней,—она, прильнувъ къ нему,—такъ прошли они подлѣ самаго него, не обращая на него вниманія, выдѣляясь до малѣйшихъ подробностей на свѣтломъ мѣсячномъ небѣ; а потомъ онъ уже ничего не видалъ, ничего не слыхалъ—и впослѣдствіи помнилъ только, что онъ лежалъ далеко отъ этого мѣста у темной опушки лѣса въ глухомъ, ужасномъ отчаяніи, а потомъ вскочилъ и простонавъ раза два, на подобіе измученнаго звѣря, пошелъ колеблющимися шагами по тихому душному лѣсу, словно въ страшномъ снѣ, пока не вышелъ изъ лѣсу на берегъ моря, которое величаво-безконечно простиралось передъ нимъ въ лунную ночь. Тутъ онъ опять бросился на песокъ, но теперь у него нашлись слезы—горячія слезы, которыя однако же текли все тише и тише, словно плесканье волнъ было колыбельной пѣсенкой для бѣднаго содрогающагося сердца. Наконецъ онъ сталъ на колѣни, и широко раскрывъ руки, обратился съ длинной горячей молитвой, которой вторило шумящее море, къ той всеобщей матери, которая никогда не оставляетъ своихъ дѣтей, точно такъ же какъ она постоянно любитъ ихъ безграничною любовію. Потомъ онъ вдругъ увидалъ подлѣ себя Бослафа—онъ не слыхалъ, какъ тотъ шелъ, да старикъ и не говорилъ съ нимъ — и такимъ образомъ они шли молча другъ подлѣ друга, вправо отъ берега, пока недошли до одинокаго домика старика между дюнами. И тутъ старикъ приготовилъ ему безъискуственное ложе, старательно, молча, и молча же погладилъ его рукою по влажной головѣ, когда онъ легъ, для того чтобъ отдохнуть немного, и смотрѣлъ на сіяніе мѣсяца, падавшее черезъ низенькое окошечко на стѣну, на ружья и чучелы птицъ, на сѣти и удилища—до тѣхъ поръ, пока шорохъ вершинъ на береговой возвышенности и шорохъ морскихъ волнъ не погрузили его въ сонъ.

Готтгольдъ очнулся отъ своихъ грезъ. Экипажъ стоялъ. Лошади фыркали на лѣсъ, черезъ который проходила въ этомъ мѣстѣ дорога. Было почти совершенно темно; лишь тамъ и сямъ между густыми вѣтвями буковъ дрожалъ лучъ только что взошедшаго мѣсяца.

— Ну, что бы это такое сталось съ этими проклятыми клячами? сказалъ Іохенъ.

Вправо отъ дороги слышался шумъ и трескъ, приближавшійся съ удивительною быстротою; изъ кустовъ вылетѣла, какъ бы увлеченная порывомъ вихря, темная, крѣпко замкнутая и въ то же время двигающаяся въ самой себѣ масса, прошумѣла въ паросникѣ на той сторонѣ и,

---

Wisse denn! Ich werde bald Dir
Um den stolzen Hals die Schlinge
Werfen und mit straffem Zügel
Tummeln auf der Rennbahn Dich.

* * *

Jetzt noch auf den Wiesen weilst Du,
Leichten Sprunges fröhlich scherzend;
Doch der rechte Ritter kommt Dir,
Kommt Dir bald, mein thrakisch Füllen!

* * *

едва показавшись, исчезла, въ то время какъ обезумѣвшія отъ страха лошади поднялись на дыбы, а потомъ бросились въ сторону, такъ что оба человѣка, выскочившіе изъ экипажа, едва могли совладѣть съ ними.

— Проклятыя лошади! сказалъ Іохенъ,—и тутъ-то именно это и случилось уже со мною однажды. Вотъ, куда слѣдовало бы заглянуть князю; но это увеличивается съ каждымъ годомъ—и еслибы старый Бослафъ не разчищалъ тутъ немножко временами, то здѣсь и проходу бы не было. Слышите?

Налѣво въ лѣсу, куда убѣжало стадо, раздался уже на порядочномъ разстояніи выстрѣлъ изъ ружья.

— Это былъ онъ, сказалъ Іохенъ тихимъ голосомъ,—стоитъ ему свиснуть—и они сами бѣгутъ къ нему прямо на выстрѣлъ. Да, да, господинъ Готтгольдъ, вы думали давеча, что ничего подобнаго нѣтъ; но. ужь стараго-то Бослафа вы конечно исключите. Онъ знаетъ не одинъ фокусъ, какого не съумѣетъ сдѣлать ни одна христіанская душа.

— Такъ значитъ старикъ живъ еще? спросилъ Готтгольдъ, въ то время какъ они продолжали ѣхать по лѣсу, осторожно посматривая по сторонамъ.

— Да отчегожь бы ему и не жить! возразилъ Іохенъ,—онъ, говорятъ иные, можетъ жить сколько ему угодно. Ну, я этому не вѣрю, когда нибудь придетъ конецъ и ему, хотя я и не желалъ бы быть при этомъ; но я знаю также и то, что иные люди, знавшіе его пятдесятъ лѣтъ тому назадъ, говорятъ, что онъ былъ тогда точь въ точь такой же какъ и теперь.

— И онъ все еще живетъ въ домикѣ на морскомъ берегу?

— Гдѣ же бы ему жить иначе? сказалъ Іохенъ.

Они выѣхали изъ лѣсу на прекрасное шоссе, обсаженное тополями, предвѣщавшее усталому путешественнику близость княжеской резиденціи. Она отстояла еще на часъ пути, но дорога слегка понижалась—и лошади, хорошо зная, что онѣ приближаются къ концу своихъ трудовъ и яслямъ, собрали послѣднія силы и бѣжали рысью. На черновато-синемъ небѣ плылъ ярко-блестящій серпъ молодаго мѣсяца; мерцающій тамъ и сямъ на темномъ ландшафтѣ красноватый огонекъ обозначалъ мѣста усадьбы или одинокой крестьянской хижины. И вотъ со стороны холма, куда стала подниматься опять дорога, ландшафтъ принялъ болѣе свѣтлыя краски. Между темною зеленью кустарниковъ и деревьевъ забѣлѣли великолѣпные дома; лошадиныя копыты, ударяясь о мостовую, стучали, и нѣсколько минутъ спустя экипажъ остановился передъ «Фюрстенгофомъ», общежительный хозяинъ котораго принялъ поздняго гостя съ сердечностью сѣверянина.

III.

Готтгольдъ думалъ, что онъ пріѣдетъ въ П. въ самую пору; теперь было около десяти часовъ,—по настоящему слишкомъ поздно для того, чтобъ сдѣлать Вольнофу визитъ, насчетъ котораго онъ предупредилъ его письмомъ. А между тѣмъ этотъ господинъ ждетъ можетъ быть его, несмотря на поздній часъ, и то, о чемъ ему нужно говоричь съ нимъ, могло быть рѣшено въ нѣсколько минутъ. Да и второстепенная цѣль его поѣздки была бы достигнута; онъ могъ бы выѣхать завтра рано, а онъ желалъ-бы отправиться въ путь еще сегодня ночью.

Онъ горѣлъ какъ въ огнѣ. Приключенія послѣднихъ часовъ, а больше всего: встрѣча съ товарищемъ его юности, вѣсти сообщенныя этимъ послѣднимъ—все это взволновало его до глубины души. Въ то время, какъ онъ спускался по тихой улицѣ черезъ паркъ къ жилищу своего корреспондента,—онъ, тяжело вздыхая, раза два останавливался подъ темными деревьями и дѣлалъ движеніе какъ бы для того, чтобъ отогнать отъ себя рой воспоминаній, толпившихся вокругъ него.

Князь Миланъ Обреновичъ Сербскій.
Рисов. К. Волковскій, грав. И. Матюшинъ.

— Слава Богу, что ты по крайней мѣрѣ безопасенъ теперь отъ встрѣчи съ какимъ нибудь старымъ знакомымъ, говорилъ онъ самому себѣ, звоня у дверей самаго великолѣпнаго дома на базарной площади.

— Господинъ Вольнофъ дома, сказала молодая, хорошенькая служанка,—и...

— Убѣдительнѣйше проситъ васъ пожаловать, перервалъ господинъ Вольнофъ, который въ ту же самую минуту вышелъ изъ конторы и протянулъ позднему гостю свою широкую сильную руку.—Я очень радъ, что наконецъ могу познакомиться съ вами лично, хотя мнѣ и душевно жаль, что это дѣлается по такому печальному поводу. Ужинали-ли вы? Нѣтъ? Вотъ и прекрасно—и я тоже не ужиналъ. Вы конечно должны удовольствоваться однимъ мною, по крайней мѣрѣ на этотъ разъ; моя жена сегодня на большомъ вечерѣ. Она не хотѣла ѣхать туда, потому-что горитъ желаніемъ возобновить знакомство или лучше сказать свести знакомство съ вами, такъ какъ вы едва-ли помните ее. Вотъ она и обѣщала возвратиться къ

десяти часамъ, но я знаю, какъ держатся подобныя объщанія; передъ нами еще цѣлый часъ времени.

Готтгольдъ просилъ извинить его за поздній визитъ, но онъ думалъ, что лучше придти поздно, чѣмъ вовсе не приходить, тѣмъ болѣе что онъ намѣревается, если только можно, уѣхать завтра утромъ.

— Я думаю, вы пробудете у насъ еще немножко, возразилъ господинъ Вольнофъ, — между тѣмъ время—деньги, какъ говорятъ англичане; а потому-то мы и посвятимъ дѣламъ то время, которое необходимо Христинѣ для приготовленія ужина. У меня все готово.

Господинъ Вольнофъ повелъ Готтгольда въ маленькую приватную контору и, посадивъ его на кушетку, сѣлъ подлѣ него въ обтянутое кожей кресло за круглый столъ, гдѣ были разложены въ величайшемъ порядкѣ различныя бумаги и горѣла лампа.

— Вотъ дѣла, относящіеся къ имуществу, оставшемуся послѣ вашего покойнаго отца, продолжалъ онъ.—Право, мнѣ было очень легко исполнить приказъ, который вы прислали мнѣ изъ Милана, и оправдать ваше столь лестное для меня довѣріе. Наличныхъ денегъ нашлось всего только въ количествѣ нѣсколькихъ талеровъ, а что касается до движимаго имѣнія и прочаго домашняго скарба, то у ѳиванскихъ пустынниковъ было немногимъ меньше противъ того, чѣмъ довольствовался въ послѣдніе годы вашъ отецъ. Единственная дѣйствительно цѣнная вещь изъ оставленнаго имъ имущества была библіотека, и тутъ-то я позволилъ себѣ уклониться нѣсколько отъ вашего порученія. Вы приказали, чтобы вся выручка была роздана бѣднымъ нашего прихода, а вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы преемникъ вашего покойнаго отца назначалъ свою собственную цѣну для тѣхъ книгъ, которыя ему понравятся, предполагая, безъ сомнѣнія, что этотъ господинъ воспользуется этимъ снисхожденіемъ съ необходимой умѣренностью. Но съ господиномъ Земмелемъ нечего было объ этомъ и думать. Онъ словно забрался въ тростникъ и хотѣлъ срѣзать не только лучшіе, но всѣ вообще стволы, и если можно, даромъ. Словомъ: соединить оба ваши намѣренія было невозможно—и такъ какъ я конечно совершенно вѣрно рѣшилъ, что бѣдные дороже для васъ, чѣмъ господинъ пасторъ, хотя онъ страшно шумѣлъ о тѣсной дружбѣ, которая будто бы существовала между вами въ университетѣ и, помнится, даже въ школѣ,—то я, за исключеніемъ нѣсколькихъ менѣе значительныхъ вещей, которыя мнѣ пришлось уступить ему, предложилъ все прочее одной почтенной антикварской фирмѣ, съ которой, поторговавшись нѣсколько времени, я и сошелся. Мы добыли, какъ я вамъ писалъ, славный кушъ денегъ, и если вы такъ же довольны мною, какъ рамминскіе бѣдные, то мнѣ нечего стыдиться насчетъ исполненія присланнаго мнѣ указа.

Въ темныхъ глазахъ господина Вольнофа сверкнула улыбка, когда Готтгольдъ съ благодарностью протянулъ ему черезъ столъ руку.

— Повторяю вамъ, это было вовсе не трудно, сказалъ онъ,—и я желалъ бы сдѣлать во сто разъ больше для человѣка, которому я такъ глубоко обязанъ.

— Которому вы такъ глубоко обязаны? мнѣ?

— Да вамъ. Если бы вы, за пять лѣтъ передъ этимъ, когда вы вступили во владѣніе вашимъ наслѣдствомъ, взяли у меня десять тысячъ талеровъ, на которые я производилъ торговые обороты, какъ я настоятельно совѣтывалъ вамъ,—я, можетъ быть, не былъ бы теперь въ такомъ пріятномъ положеніи, чтобы возвратить вамъ эти деньги съ величайшею благодарностію.

— Ради Бога! вскричалъ Готтгольдъ, удерживая руку господина Вольнофа, протянувшуюся къ пакету, связанному резинчатой лентой.

— Я отложилъ эту сумму на всякій случай, возразилъ господинъ Вольнофъ,—наличными деньгами и облигаціями по нынѣшнему курсу.

— Но я такъ же мало желаю взять ихъ теперь какъ и тогда.

— Ну, сказалъ господинъ Вольнофъ,—я не могу уже теперь также ограниченно уговаривать васъ взять ихъ, какъ за пять лѣтъ передъ этимъ. Теперь—смѣло говорю это — ваши деньги въ чрезвычайно благонадежныхъ рукахъ и я могу дать вамъ самые большіе проценты; но тогда, когда я долженъ былъ начинать здѣсь свое дѣло при удивительно сложившихся обстоятельствахъ и мнѣ каждую минуту, вслѣдствіе несостоятельности моихъ товарищей по торговлѣ — я разумѣю здѣшнихъ землевладѣльцевъ — грозилъ каждую минуту кризисъ, я исполнялъ только свою обязанность, совѣтуя вамъ отдать ваши деньги, если не въ болѣе чистыя, то въ болѣе вѣрныя руки. Ну, вы не хотѣли объ этомъ и слышать, хотѣли, чтобъ я удержалъ ихъ у себя, и даже, я думаю, я могъ бы имѣть ихъ и безъ процентовъ.

— Вы согласитесь со мною, господинъ Вольнофъ, что я дѣйствовалъ совершенно согласно съ намѣреніями дяди.

— Не знаю, возразилъ купецъ. — Вашъ дядя оставлялъ мнѣ эти деньги, имѣя въ виду дѣйствительную пользу. Выгоды, доставленныя торговлѣ въ Штетинѣ тѣми новыми связями, которыя я заключилъ и смѣю сказать создалъ здѣсь, были такъ значительны, что далеко перевѣшивали рискъ все же не болѣе какъ только возможнаго урона. Но, предоставляя вамъ въ духовномъ завѣщаніи полное право распоряжаться наслѣдствомъ какъ угодно, вашъ дядя призналъ тѣмъ самымъ, что художникъ имѣетъ и долженъ имѣть другіе интересы, чѣмъ купецъ.

— Ну да, интересы своего искусства, возразилъ Готтгольдъ съ жаромъ,—я никогда не имѣлъ и не буду имѣть другихъ. Въ виду этого-то, и только одного этого, я, оправившись отъ перваго изумленія, и обрадовался богатому наслѣдству, доставшемуся мнѣ такъ неожиданно.

— Знаю, возразилъ господинъ Вольнофъ,—субсидія, которую я уже три года, выдаю на вашъ счотъ молодому Брюкбергу въ Штр., доказываетъ это, и онъ не останется единственнымъ вашимъ пансіонеромъ.

— Онъ не столько выигрывалъ, какъ я, отъ того, что помощь пришла къ нему во время, возразилъ Готтгольдъ.

— И ко мнѣ также она пришла какъ нельзя больше кстати. Уже два года посвящалъ я въ Мюнхенѣ каждый часъ, каждую минуту, остававшуюся мнѣ отъ тѣхъ занятій которыми я снискивалъ себѣ пропитаніе, искусству,—возлюбленному искусству, которое такъ безконечно недоступно начинающему,—въ особенности тому, кому приходится начинать въ двадцать одинъ годъ. Мои силы готовы были оставить меня, послѣднія звѣзды надежды закатились, ничто не удерживало меня въ жизни, кромѣ чего-то въ родѣ сопротивленія той судьбѣ, которой я, по моему мнѣнію, не заслуживалъ, и стыда умереть глупцомъ въ глазахъ того, кто вызвалъ меня къ жизни. Тутъ — какъ живо помню я этотъ часъ! Я былъ передъ вечеромъ въ мастерской одного знаменитаго живописца, куда доставилъ мнѣ доступъ одинъ знакомый, и возвратившись на

свой чердакъ—съ душою, готовою разорваться отъ страшнаго гнета того впечатлѣнія, которое произвели на меня геніальнѣйшія созданія, и все-таки въ смертельномъ изнеможеніи, потомучто я рѣшилъ, за два дня передъ этимъ, не давать больше уроковъ и умереть съ голоду и былъ близокъ къ тому, чтобъ умереть съ голоду. Я сталъ къ своему станку, но краски сливались между собою. Палитра выпала у меня изъ рукъ; я подошолъ колеблющимися шагами къ столу, чтобъ налить себѣ стаканъ воды, — и на этомъ столѣ лежало письмо, извѣщавшее меня о томъ, что одинъ родственникъ, котораго я никогда не видалъ и который тоже никогда не видалъ меня, сдѣлалъ меня своимъ наслѣдникомъ и что я владѣлецъ состоянія, которое по предварительной оцѣнкѣ простирается больше чѣмъ на сто тысячъ талеровъ. Что можетъ быть естественнѣе того, что я далъ себѣ въ эту чудную минуту такую клятву: это будетъ принадлежать искусству, а тебѣ самому только какъ художнику!

— Нѣтъ ничего естественнѣе и проще, сказалъ господинъ Вольнофъ, — но что вы сдержали клятву, а я знаю, что вы сдержали ее,—вотъ что (ужь таковы мы, дѣти Адама) не совсѣмъ такъ естественно и вовсе не такъ просто. Теперь, такъ какъ мы покончили съ дѣлами, поболтаемъ-те ка еще за стаканомъ вина, если только вы не имѣете ничего противъ этого.

(Продолженіе будетъ).

Князь Миланъ Обреновичъ Сербскій.

Въ четвергъ, 10 августа, въ столицѣ Сербіи, Бѣлградѣ происходило празднованіе событія, близко касающагося всего славянскаго міра. Послѣдняя мужская отрасль рода Обреновичей, молодой князь Миланъ достигъ совершеннолѣтія и принялъ правленіе княжествомъ Сербіи. Всеобщая радость и одушевленіе, съ которыми весь сербскій народъ встрѣтилъ это торжество, великолѣпныя приготовленія къ празднованію—ясно показали, какую искреннюю любовь питаетъ населеніе къ фимиліи, которая съ небольшими перерывами правила имъ съ 1831 года, т. е. съ тѣхъ поръ какъ страна получила всѣми признанную самостоятельность.

Сербія имѣетъ весьма древнюю исторію и въ XIV столѣтіи была нѣкоторое время даже Имперіею. Долго сопротивляясь турецкимъ вторженіямъ, при султанѣ Баязетѣ I она подпала наконецъ подъ власть турокъ и оставалась чѣмъ-то вродѣ турецкой провинціи, пока необузданное своеволіе янычаровъ и жестокость турецкихъ правителей не пробудили въ 1801 г. войны за освобожденіе, которая съ болѣе или менѣе продолжительными промежутками тянулась до 1831 года. Въ этой борьбѣ преимущественно выдаются всѣ эпохи: первая съ 1804 г. до лѣта 1814 г., когда Георгій Петровичъ Кара, Черный (прозванный такъ въ народѣ за отце-убійство), принялъ предводительство и воевалъ съ поперемѣннымъ успѣхомъ до своего паденія,— и вторая съ 1815 до 1831 года, въ которую дѣло освобожденія продолжалъ и довелъ до конца Милошъ Обреновичъ.

Въ 1815 году этотъ послѣдній, будучи простымъ поселяниномъ Рудниковскаго округа, призвалъ своихъ соотчичей къ возстанію противъ турокъ. Далеко не оправясь еще отъ тяжкой борьбы подъ начальствомъ Кара-Георгія, низложенная и побѣжденная страна единодушно отозвалась на призывъ, не разсчитывая на постороннюю помощь и полагаясь лишь на правоту своего дѣла да на доблестнаго вождя. Война длилась 16 лѣтъ, пока Порта въ 1831 году принуждена была признать предводителя возстанія, Милоша Обреновича наслѣдственнымъ княземъ Сербіи. За этимъ актомъ послѣдовалъ гатти-шерифъ 1833 года, которымъ утверждалась независимость Сербіи отъ турецкаго владычества.

Милошъ принялъ въ свое управленіе опустошенную, одичалую, обѣднѣвшую страну, въ которой вовсе не было школъ и весьма мало грамотныхъ. Даже духовенство не могло похвалиться образованностью. Страна нуждалась въ самыхъ основаніяхъ цивилизаціи; только одинъ князь Милошъ понималъ эти нужды и желѣзною волею насадилъ сѣмена того, что считалъ добромъ. Самъ оставаясь неграмотнымъ до конца дней своихъ, Милошъ понялъ однако, что «знаніе—сила» и что будущность Сербіи не въ одной храбрости ея гражданъ, но преимущественно въ развитіи духовныхъ силъ народа. Прежде всего обезпечилъ онъ личность и собственность, далъ странѣ гражданскій кодексъ, основалъ суды первой инстанціи и апелляціонные, учредилъ политическую администрацію, народныя школы, а въ Бѣлградѣ лицей, посылалъ молодыхъ людей заграницу для образованія, пригласилъ саксонскаго горнаго инженера барона Гердера для геогностическаго изслѣдованія страны и многихъ людей науки, которымъ поручилъ значительныя должности въ Сербіи.

Къ сожалѣнію, это блестящее правленіе не долго длилось. Возбужденная въ 1838 году Ѳомою Васичемъ Перишичемъ революція, низложила князя и принудила его удалиться въ изгнаніе. Онъ покинулъ Сербію добровольно съ сознаніемъ того, что она находится на хорошей дорогѣ, и пророчески прозрѣвъ, что рано или поздно сербы возвратятся къ нему и кости его успокоятся въ родной землѣ.

Впродолженіе слѣдующихъ правленій, при старшемъ сынѣ князя Милоша, Миланѣ I, при князѣ Михаилѣ, правившемъ лишь 2 года, и при Александрѣ Карагеоргіевичѣ, сынѣ Георгія Чернаго, правившемъ 16 лѣтъ, возникли раздоры партій, задерживавшіе развитіе страны. Слабый Карагеоргіевичъ заботился лишь о наполненіи своей казны. Недовольство росло въ странѣ, пока наконецъ скупчина св. Андрея вынудила у него отреченіе—и народъ вызвалъ своего стараго князя Милоша. Восьмидесятилѣтнимъ старцемъ вернулся онъ, но силы его не были сломлены и обнаружились тотчасъ же во всемъ управленіи. Порядокъ водворился вновь, несогласія партій замолкли и предводители ихъ стушевались. Къ сожалѣнію, правленіе его вскорѣ пресѣкла кончина. Наслѣдникомъ его былъ князь Михаилъ М. Обреновичъ, высокообразованный, горячій патріотъ и государственный человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова. Онъ чрезвычайно много сдѣлалъ для внутренняго развитія Сербіи; въ теченіи семилѣтняго его правленія почти дня не проходило, чтобъ онъ не подвинулъ чѣмъ нибудь законодательства, администраціи, народнаго просвѣщенія или промышленности. Во внѣшней политикѣ онъ былъ уступчивъ и твердъ когда нужно, но то и другое вмѣру, чѣмъ и выигрывалъ гораздо болѣе чѣмъ бы это было возможно при отвагѣ и увлеченіяхъ. Но этимъ самымъ онъ погубилъ себя въ глазахъ той партіи, головы кото-

рой были наполнены фантастическими планами великаго Сербскаго государства, которая хотѣла разрѣшить восточный вопросъ силою и которой князь Михаилъ сталъ поперекъ дороги. 29-го мая 1868 года палъ онъ отъ руки убійцъ, намѣревавшихся увлечь страну на этотъ гибельный путь. Но плану этому не суждено было исполниться. Мужественные и рѣшительные люди захватили бразды правленія, подавили заготовленную революцію, созвали національную скупчину, провозгласили княземъ послѣдняго несовершеннолѣтняго наслѣдника Обреновичей, Милана, и учредили регентство до его совершеннолѣтія.

Нельзя отвергать, что эти временные правители вели дѣло регентство достойнымъ и либеральнымъ образомъ, съ твердостью и не повинуясь личнымъ выгодамъ, имѣя въ виду единственно благо управляемой страны. Духовное, матеріальное и военное развитіе страны шли рука объ руку; образцовой порядокъ царствовалъ въ администраціи и финансахъ. Изъ деспотически управляемой страны, Сербія стала конституціоннымъ государствомъ, принявъ по предложенію скупчины новое устройство зиждущееся на широкихъ демократическихъ началахъ, на вѣрность которымъ каждый новый князь долженъ присягать при вступленіи своемъ на престолъ. Въ правленіе регентства между прочимъ уничтожена цензура и введена полная свобода печати.

Въ прошлый четвергъ регентство передало власть въ руки князя Милана. Молодой князь справедливо благодарилъ въ своей прокламаціи народъ за выказанную имъ преданность, а регентство—за цвѣтущее состояніе, въ которомъ находится государство. И дѣйствительно, нынѣ страну прорѣзываютъ хорошіе пути сообщенія, торговля процвѣтаетъ и общее благосостояніе возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Въ Сербіи есть одно высшее учебное заведеніе съ тремя факультетами, прекраснымъ физическимъ кабинетомъ, лабораторіей и богатымъ естественноисторическимъ музеумомъ, есть военная академія и техническія заведенія для приготовленія оружія, амуниціи и прочихъ военныхъ матеріаловъ. Съ другой стороны, въ государствѣ вовсе нѣтъ долговъ, дворянства и крупнаго землевладѣнія.

Молодой князь получилъ европейское образованіе, слыветъ весьма умнымъ человѣкомъ и подаетъ большія надежды остаться вѣрнымъ преданіямъ умѣренной и разумной политики Обреновичей.

Прилагая портретъ юнаго правителя Сербіи, мы не замедлимъ сообщить нашимъ читателямъ подробности торжества вступленія на престолъ, какъ только они будутъ получены нами отъ нашего корреспондента.

Томительный часъ.

(Сцены холерной поры).

(Окончаніе).

VII.

У Ивана Павлыча, мѣстнаго общественнаго дѣятеля, человѣка семейнаго, гостепріимнаго, собралось уже довольно большое общество. Играли на трехъ столахъ; составлялся и четвертый, но разстроился, потому что оба доктора—Алексѣй Иванычъ Фалопьевъ и Иванъ Алексѣевичъ Вароліевъ—неожиданно были позваны къ заболѣвшему Максиму Трифонычу.

Въ обществѣ произошло смятеніе. Всѣ ждали, что Максимъ Трифонычъ скоро пріѣдетъ, и вдругъ онъ—боленъ... чѣмъ? Неизвѣстно!

— Неужели... холера? пробормоталъ Алексѣй Иванычъ и бросилъ на столъ только что вынутую имъ девятку трефъ.

— Очень вѣроятно, замѣтилъ Иванъ Алексѣевичъ и также бросилъ на столъ даму бубенъ.

— Ѣдемъ! сказали они оба.

— И я съ вами! воскликнулъ третій партнеръ, Коля Одеколоновъ. Взглянули на часы—было безъ четверти девять.

Уѣхали. Коля Одеколоновъ не поѣхалъ, однако, прямо къ Максиму Трифонычу, а возымѣлъ намѣреніе облетѣть сперва по возможности всѣхъ своихъ знакомыхъ и оповѣстить ихъ о начавшейся въ городѣ холерѣ. Онъ былъ увѣренъ почему-то, что Максимъ Трифонычъ заболѣлъ именно холерой.

Четвертый партнеръ, отставной капитанъ, Василидъ Памфалонычъ, мужчина приземистый, вѣчно красный, бросилъ пиковаго туза и проговорилъ: «ну, по крайней мѣрѣ сдавать не пришлось...» Онъ сейчасъ-же отправился въ столовую, гдѣ была уже поставлена закуска, выпилъ и закусилъ.

Игра шла своимъ чередомъ. На одномъ столѣ игралъ самъ хозяинъ; партію его составляли: господинъ Ублюдковъ, мужъ уже знакомой намъ дамы, Марьи Никитишны, выдумавшей удивительный траурный тюникъ,—потомъ какой-то мѣстный тузъ-купецъ и «батюшка». На второмъ столѣ была дамская партія.

Играли въ ералашъ четыре дамы: дама съ длиннымъ носомъ, дама съ короткимъ носомъ, дама съ усами и дама такъ себѣ обыкновенная. Рядомъ, въ гостиной, на третьемъ столѣ играли въ стуколку. Тутъ были и дамы и кавалеры.

Всѣ старались играть весело, шутить, но тѣмъ не менѣе на всѣхъ лицахъ было замѣтно безпокойство.

Тузъ-купецъ мало-по-малу впадалъ въ уныніе, и когда къ нему пришло девять безъ козырей, то онъ даже какъ-то презрительно, какимъ-то недовольнымъ голосомъ сказалъ:

— Ну, девять безъ козырей!

Господинъ Ублюдковъ какъ-то очень удачно «прорѣзалъ», но даже и не похвалилъ себя.

Во время тасовки картъ и сдачи заговаривали о холерѣ, ободряли другъ друга и припоминали самыя дѣйствительныя средства противъ этой опасной болѣзни.

— Главное дѣло—не бояться, говорилъ Иванъ Павлычъ,—вести себя совершенно спокойно!... и чувствовалъ онъ, какъ холодъ пробѣгалъ у него по спинѣ при мысли, что онъ ѣлъ сегодня за обѣдомъ гуся, а гусь, чортъ его побери, былъ жирный!

— Именно—не бояться! восклицалъ господинъ Ублюдковъ.

— Да это еще... гм! басилъ купецъ:—можетъ быть у Максима...

— Я купилъ-съ, а вы что? перебивалъ его «батюшка».

— Прохожу-съ.

— А я держу, объявлялъ Иванъ Павлычъ и прибавлялъ:—а вотъ, говорятъ, набрюшники хорошо...

— Да, очень хорошо. Я купилъ.

— И хорошо сдѣлали. Вещь необходимая!

— Позвольте... я не набрюшникъ купилъ, а къ трефамъ...

— Ваши, ваши! Пасую.

При слѣдующей сдачѣ разговоръ опять коснулся спасительнаго дѣйствія набрюшника.

— Странная у меня сегодня какая-то отрыжка, говорила дама съ длиннымъ носомъ, сдавая карты, — я даже не могу понять...

— Да вы припомните, что кушали?

— Да ничего особеннаго... Чей ходъ?

— Мой, Степанида Васильевна.

— Фу, Боже мой—опять!

— Отрыжка?

— Нѣтъ, не отрыжка... Опять себѣ ничего не сдала!

Всякій старался не думать о холерѣ и—думалъ о ней; впрочемъ, въ гостиной «стучали» довольно весело, даже слышался смѣхъ и отрывочныя фразы въ родѣ слѣдующихъ:

— Ахъ, mesdames! Вѣдь *она* собственно нападаетъ на простой неродъ... Будьте покойны! Сойэ транкиль!

— При хорошей обстановкѣ заболѣть нельзя. Жамэ!..

— А Максимъ-то Трифонычъ?... Вуаля!

— Ну, это... надо быть вообще умѣреннымъ, осторожнымъ—вотъ что главное!

— Носить набрюшникъ!

— Фи! что за выраженія! Кэль мо!...

— Ахъ, Basile, какъ вы это при дѣвицахъ всегда бухнете!

— Другаго слова нѣтъ-съ...

— Какъ нѣтъ? Ну, вотъ... ну, развѣ нельзя—«навантръ»?

— Господа! Предлагаю исключить первое слово изъ разговорнаго языка и замѣнить его выраженіемъ, такъ удачно придуманнымъ Надеждой Павловной.

— Очень хорошо! Навантръ! Согласны! Манификъ!

— Я—славянофилъ и поэтому—протестую!

Иванъ Павлычъ сыгралъ удачно трудную какую-то игру, увлекся, забылъ о холерѣ и сказалъ весело:

— Не закусить-ли—а?

Онъ уже вставалъ съ кресла, чтобы идти въ столовую во главѣ своихъ партнеровъ, но вдругъ лицо его приняло печальное выраженіе и онъ снова тяжело опустился въ кресло.

— Нѣтъ ужъ... лучше такъ, замѣтилъ тузъ-купецъ,— воздержаться слѣдуетъ, не обременять себя...

Господину Ублюдкову очень хотѣлось пропустить «маленькую» анисовки или полынной, да закусить потомъ балыкомъ, сардинкой, но онъ только вздохнулъ и сталъ тасовать карты.

«Батюшка» всталъ и крякнулъ.

— А вы... рѣшаетесь?... спросилъ Иванъ Павлычъ.

— Да идемте вмѣстѣ? А? Хе-хе-хе!

— Развѣ ужъ малость самую—э? проговорилъ купецъ и прищурилъ правый глазъ.

— Эхъ, господа! съ благословеніемъ все можно...

— Да тамъ есть и желудочная...

— И желудочная? Скажите! Ну, такъ нечего и думать.

Всѣ встали, но теперь уже во главѣ шествія въ столовую шелъ не Иванъ Павлычъ, какъ это бывало всегда, а «батюшка».

— Семи смертей не бывать, началъ купецъ...

— А одной не миновать! подхватилъ господинъ Ублюдковъ.

Отрядъ для занятія закуски храбро вступилъ въ столовую.

Круглый столъ былъ уставленъ всякой всячиной: жирный балыкъ манилъ къ себѣ; черная блестящая икра, казалось, шептала: «Ты только отвѣдай меня—останешься доволенъ. Я чудесная!»; сардинки имѣли такой соблазнительный, самоувѣренный видъ, говорившій: «нѣтъ, вы насъ не забудете! Мы навѣрно будемъ на вилкѣ...»,—что господинъ Ублюдковъ не вытерпѣлъ, и глядя на нихъ, воскликнулъ: «Ахъ, ты рыбка, рыбка!» Большой слоеный пирогъ съ капустой и яицами горделиво молчалъ въ сознаніи своихъ достоинствъ. Было много чего и другаго, соблазнительнаго, преисполненнаго искушеніемъ...

У круглаго стола стоялъ маленькій квадратный столъ. По серединѣ его помѣщались двѣ бутылки тенерифа и какая-то еще «францвейнъ»; онѣ были окружены шестью графинчиками; въ одномъ была бѣлая жидкость, въ другомъ—зеленая, въ третьемъ—красная, въ четвертомъ—желтая и т. д.

Зоркій глазъ хозяина сейчасъ-же замѣтилъ, что зеленой и красной жидкости значительно убавилось и что чья-то рука произвела разрушеніе въ коробкѣ сардинокъ и съ одного боку въ икрѣ.

— А! да и Василидъ Пamфалонычъ тутъ! воскликнулъ купецъ, придвигаясь къ квадратному столику.

— Здраствуйте! грянулъ капитанъ и поднялся съ дивана.

Онъ, совершивъ рекогносцировку, результатомъ которой было вышеописанное разрушеніе, усѣлся на диванѣ, чтобы имѣть постоянно въ виду непріятельскую позицію.

— Закусить—вотъ это дѣло! Пожалуйте, пожалуйте! говорилъ капитанъ и взялъ даже Ивана Павлыча подъ руку.

— Эге! Василидъ Памфалонычъ, да вы ужъ, кажется, здѣсь тово?...

— А что-жъ мнѣ прикажете дѣлать? Партія моя разстроилась, ну такъ я и нашелъ себѣ другую... хе-хе!

— Вотъ и видно, что военный человѣкъ: ничего не боится!

— Да чего-жъ мнѣ бояться?

— Да вѣдь холера въ городѣ...

— Какъ она смѣла? Я ей еще покажу!

Онъ быстро обернулся лицомъ къ квадратному столику, налилъ полную рюмку «красной» и выпилъ единымъ духомъ.

— Нѣтъ, вотъ она вамъ покажетъ, если вы будете что нибудь не въ мѣру... Эй, капитанъ, берегитесь!

— Не на того *она* напала! Да что-жъ вы, господа, а? Выпили, а не закусываете?...

— Да все жирное такое, замѣтилъ купецъ.

— Такъ и ѣсть нельзя? Полноте, Пуплій Силычъ!

— Страшновато...

— Па-а-звольте! заговорилъ Василидъ Памфалонычъ:— вы мнѣ только скажите: чего, напримѣръ, нельзя? Извольте сказать!

— Да вотъ хоть-бы балыкъ...

— Балыкъ? Прелестно! Такъ нельзя!

Онъ хватилъ на вилку кусокъ балыка и проглотилъ.

— Нельзя?... Я ей покажу, какъ нельзя!

— Капитанъ, перестань! сказалъ Иванъ Павлычъ.— Вѣдь ты рискуешь... Ну, какъ же это можно!...

— Безстрашный! произнесъ купецъ.

Но капитанъ расходился.

— Икры нельзя? Сардинки нельзя—а?

И то, и другое немедленно попало въ ротъ Василида Памфалоныча.

— Видѣли?

Пуплій Силычъ не выдержалъ.

— А-а—чортъ ее побери! воскликнулъ онъ и навалилъ на кусокъ бѣлаго хлѣба икры, балыка и пару сардинокъ.

— А-а чортъ побери! произнесли вслѣдъ за нимъ Иванъ Павлычъ и господинъ Ублюдковъ.

— Гдѣ-же «батюшка»?

— Тутъ! откликнулся «батюшка».

— А! вонъ вы гдѣ...

«Батюшка» давно уже сидѣлъ въ сторонкѣ и уписывалъ изрядный кусокъ пирога съ капустой и яицами.

— Ну, вотъ—люблю! Ай, молодцы! возрадовался Василидъ Памфалонычъ и хватилъ въ два пріема стаканъ «францвейна».

— Я ей покажу! Мы ей покажемъ! хрипѣлъ онъ, дѣлаясь изъ краснаго какимъ-то пунцовымъ съ синимъ отливомъ.—Какъ она осмѣлилась? Насъ трогать? Максима Трифоныча?... Нѣтъ, ты у меня подожди! Я тебя.....

Но тутъ господинъ Ублюдковъ безъ церемоніи прикрылъ своей рукой ротъ капитана.

— Сссс! тамъ вѣдь дамы...

Василидъ Памфалонычъ отвелъ руку Ублюдкова и крикнулъ:

— За здоровье Максима Трифоныча!

— Боже мой! спохватился вдругъ Иванъ Павлычъ.— Что мы дѣлаемъ?!...

— Эпидемія... а мы... да я еще гуся сегодня! Уйдемте!

Пуплій Силычъ уронилъ кусокъ пирога...

— Чего нельзя? приставалъ капитанъ къ «батюшкѣ».— Этого? Сейчасъ! Я ей покажу, подлой!...

— Уйдемте! стоналъ Иванъ Павлычъ.

Часы въ столовой стали бить десять.

— Глаголъ временъ! металла звонъ! запѣлъ капитанъ басомъ, уже очутившись на диванѣ,—твой страшный гласъ меня смущаетъ!...

Въ это самое время громко зазвенѣлъ другой металлъ— въ прихожей, и почти сейчасъ-же раздался раскатистый смѣхъ Коли Одеколонова.

Всѣ, кромѣ капитана, ринулись изъ столовой въ залу, гдѣ уже оба доктора и Коля были окружены дамами и кавалерами. Коля хохоталъ и ничего не могъ выговорить.

— Да что-же, господа! раздавались голоса.—Да что-же такое съ Максимомъ Трифонычемъ?

— Постойте, постойте!.. Шумъ какой!.. Ну, какъ же мнѣ говорить? сказалъ наконецъ густымъ басомъ Иванъ Алексѣевичъ Вароліевъ.

Мгновенно воцарилось молчаніе.

— Ну-съ, объявляю вамъ, что съ Максимомъ Трифонычемъ никакой холеры не было... Онъ просто... Ну, господа, да съ кѣмъ-же не случается? Онъ соблазнился только что сдѣланными наливками... ну, выпилъ... А смѣшивать разные напитки—всегда скверно. Вотъ и все.

Предоставляемъ читателю вообразить себѣ, что послѣдовало за симъ краткимъ и яснымъ объясненіемъ.

Общество вздохнуло свободно и заликовало.

Капитанъ еще разъ, въ столовой, произнесъ слабымъ голосомъ: «Я ей покажу!» и заснулъ.

VIII.

Утромъ на другой день въ средѣ Незамаевцевъ пошли различные толки и разговоры. Кто радовался, кто сердился, иные даже плевали...

У madame Подпояскиной сдѣлался мигрень.

Дуклида Львовна и Марья Никитишна рѣшили хранить втайнѣ, «никому, никому не разсказывать о новомъ траурномъ тюникѣ и... ждать терпѣливо случая...»

Кисточкинъ чуть не плакалъ, а Катенька не выходила даже обѣдать...

Татьяна Силишна говорила Аглаидѣ Тихоновнѣ:

— Погоди, придетъ *она* еще... Не уйдете! Запасайтесь уксусомъ, запасайтесь! И моръ будетъ, и чума будетъ, и язвы всякія!...

— И отчего это у меня голова такъ сегодня болитъ? пожимая плечами, спрашивалъ Василидъ Памфалонычъ у своей квартирной хозяйки.

— Не хлеснули-ли вчера гдѣ? сказала хозяйка.

— Хлестнули?... Хм!.. очень можетъ быть...

В. Щ.

Неизвѣстныя подробности объ извѣстномъ предметѣ.

У насъ теперь пора раковъ, совпадающая, какъ извѣстно, съ тѣми мѣсяцами, въ названіи которыхъ нѣтъ буквы *р*; поэтому мы надѣемся, что нѣкоторыя открытія на счотъ жизни раковъ прочтутся не безъ интереса нашими читателями. А что мы дѣйствительно въ состояніи сообщить имъ подобныя открытія — въ этомъ читатель можетъ убѣдиться уже изъ приложенныхъ къ этой статьѣ рисунковъ.

Именно на счетъ раковъ - то человѣческое знаніе и было до сихъ поръ чрезвычайно несостоятельно. На нѣкоторые вопросы объ этомъ животномъ даже естествоиспытатели не могутъ дать яснаго отвѣта. Многое изъ того, что кажется намъ въ этомъ отношеніи истиною, ничто иное какъ фантазія, сага, миѳъ, назовите это какъ хотите,—и нынѣшнему естествознанію приходится исправлять не мало ошибокъ въ воззрѣніяхъ прежнихъ столѣтій и тысячелѣтій касательно этого предмета.

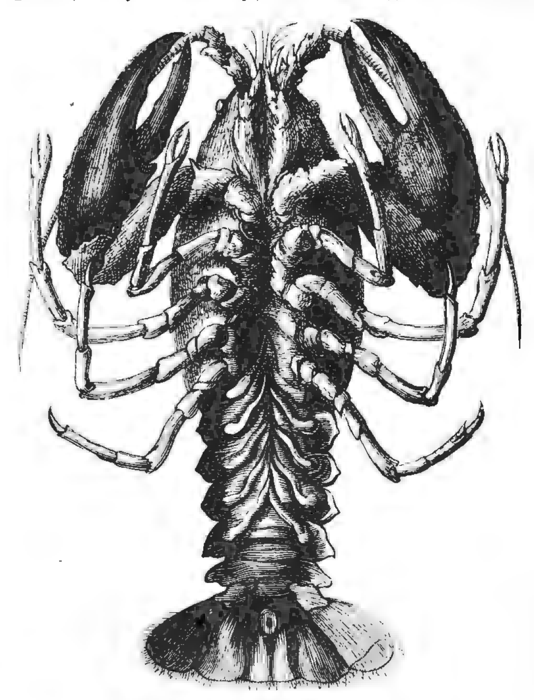
Поэтому взглянемъ поближе на рака. Гдѣ бы вы ни жили, вы вездѣ можете достать себѣ живой экземпляръ, потому что раки водятся какъ во всей Европѣ, такъ и повсемѣстно въ Россіи. Въ каждомъ тинистомъ рву и рѣчонкѣ, такъ же какъ въ прудахъ и на берегахъ большихъ рѣкъ, они водятся во множествѣ—и умное деревенское юношество умѣетъ ловить ихъ какимъ нибудь прикормомъ или запросто руками въ норахъ. Отвратительное, коричневое, щиплющееся животное, пока оно еще не сварено въ водѣ, ракъ является передъ нами на тарелкѣ такимъ апетитно-краснымъ и благоухающимъ, что мы можемъ разсматривать его со всевозможнымъ спокойствіемъ. Четыре членосоставныхъ пары ногъ выступаютъ у него изъ груди, а пятою,только нѣсколько иначе сформированною парою считаютъ обыкновенно клешни. Спереди тѣло завершается острою головою съ двумя высоко лежащими подвижными глазами, острыми органами для ѣды и двумя

изящными сильными щупальцами. Сзади тѣло заканчивается хвостомъ, первые четыре кольца котораго снабжены еще такъ-называемыми ложными ногами. Всѣ эти части одѣты твердою какъ камень, темною, оливко-коричневой скорлупой,которая придаетъраку истинно-рыцарскій видъ. И дѣйствительно, онъ средневѣковый рыцарь бездны! Потому-что туда внизъ попадаютъ къ ракамъ не только всѣ живыя существа, улитки, червяки и личинки, которыя имъ по силамъ, имъ достается въ добычу не только всякая падаль, несущаяся по водѣ, но они нападаютъ даже другъ на друга! Ухватившись одинъ за другаго своими клешнями, они вырываютъ изъ тѣла куски мяса или убиваютъ и пожираютъ другъ друга, сильнѣйшіе слабѣйшихъ. Въ этой борьбѣ между собою они и выростаютъ, потому что она начинантся съ дѣтства.

Выползши изъ яйца, крошечное созданьице съѣдаетъ въ видѣ первой пищи собственную яичную скорлупу, подобно тому какъ дѣлаютъ это, какъ извѣстно, выползающія гусеницы бабочекъ,—а потомъ начинаютъ искать другой пищи и тутъ-то менѣе сильные рачата схватываются и пожираются сильнѣйшими братьями. За то остающіеся представляютъ собою сильное, благонадежное поколѣніе раковъ. Если эта братская борьба составляла до сихъ поръ мало-извѣстную черту ихъ жизни, то исторія возрастанія отдѣльныхъ особей была еще менѣе извѣстна. *Какимъ образомъ ростетъ ракъ?* Это чрезвычайно странная исторія жизни, которую можно прослѣдить до малѣйшихъ подробностей въ акваріумахъ. Прежде всего начальная исторія говоритъ о нѣжнѣйшей материнской любви этихъ, впослѣдствіи времени столь буйныхъ, латниковъ. Если женскіе экземпляры и не такъ апетитны на видъ, какъ мужскіе,потому-что ихъ клешни игрудные ящики малы,— и только хвостъ (который въ отличіе отъ мужскаго между прочимъ зазубренъ) устроенъ нѣсколько глубже, для того чтобъ онъ могъ вмѣщать яица, — за то природа, какъ бы для того чтобъ почтить родоначальницъ, отличаетъ ихъ, во время кладки яицъ, особеннымъ украшеніемъ. Именно въ декабрѣ и январѣ у нихъ образуется на груди между двумя первыми парами ногъ бѣлое пятно, а потомъ еще по такому же продолговатому пятну на каждомъ изъ двухъ крайнихъ хвостовыхъ валикахъ. Вслѣдъ за этимъ рачиха начинаетъ класть яица и тутъ-то надобно удивляться ея материнскимъ попеченіямъ. Она поступаетъ не такъ, какъ многіе краббы и омары, которые кладутъ яица въ подходящее мѣсто и затѣмъ оставляютъ ихъ, — нѣтъ, она не можетъ разстаться съ дорогой ношей и постоянно таскаетъ съ собою всѣ свои яица. Но чтобы дѣлать *это, не теряя ихъ*, она прибѣгаетъ къ совершенно особенному средству. Она ложится на спину и пригибаетъ свой хвостъ къ груди на подобіе гнѣзда, потомъ выпускаетъ въ это углубленіе клейкій, совершенно наполняющій его сокъ, которымъ превосходно приклеиваются многочисленныя яички, величиною въ дробину, къ мнимымъ ногамъ хвостовыхъ колецъ. И тутъ онѣ держатся до тѣхъ поръ, пока молодые отрасли не проснутся, мѣсяцевъ черезъ шесть, въ маѣ, іюнѣ или іюлѣ, къ жизни. Но до тѣхъ поръ—какіе непрерывные материнскіе труды! Она постоянно хлопочетъ о томъ, чтобы яица не лежали слишкомъ тѣсно; она то и дѣло старается привести къ нимъ необходимый для ихъ развитія воздухъ посредствомъ ударовъ въ воду. При этихъ-то попеченіяхъ и при увеличивающейся годичной теплотѣ эластическія яички ростутъ до тѣхъ поръ, пока ихъ нѣжныя скорлупки лопнутъ и безчисленное множество крошечныхъ рачатъ начнетъ жить и копошиться —къ величайшей радости матери. И теперь еще она удерживаетъ при себѣ свое потомство, которое остается на материнскомъ лонѣ еще впродолженіи десяти дней, будучи привязано къ нему, особенными нитями; каждый дѣтенышъ, отдѣлившійся раньше этого срока, обыкновенно погибаетъ. Они дѣлаются свободными не прежде, какъ послѣ перваго скидыванія съ себя кожи; хотя недѣли съ три они и возвращаются еще разъ къ мѣсту своего дѣтства, но потомъ они совершенно забываютъ о своей родительницѣ, они пускаются странствовать — они стали самостоятельными!

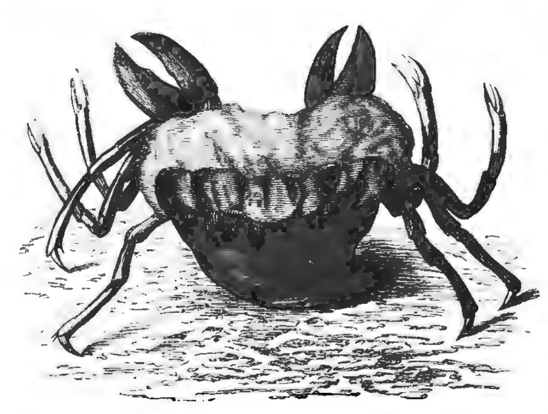
Конечно самостоятельными, не будучи еще оконченными, потому-что большими героями въ латахъ дѣлаетъ ихъ только судьба и всемогущее время. Но странно: если они не являются на свѣтъ оконченными и взрослыми, какъ Минерва изъ головы Юпитера,—какимъ же образомъ они могутъ рости? Развѣ каменный панцырь, который они носятъ съ дѣтства, раздается по мѣрѣ того какъ они выростаютъ! Ну, если онъ не захочетъ раздаться, то долженъ разорваться,—такъ опредѣлила судьба. И дѣйствительно, онъ разрывается и отдѣляется въ надлежащее время, а въ нѣкоторые періоды жизни еще разъ отдѣляется, сбрасывается и постоянно замѣняется новымъ вооруженіемъ, которое не долго заставляетъ ждать себя. Матеріалъ для этого новаго вооруженія уже собранъ — во внутренности самаго рака. Вотъ назначеніе раковыхъ жерновокъ или раковыхъ глазковъ, этихъ твердыхъ чечевицеобразныхъ маленькихъ тѣлъ, которыя, какъ извѣстно всякому, находятся у рака въ области желудка и въ нужное время служатъ природѣ матеріаломъ для образованія панцыря. Но какъ страненъ видъ рака, когда онъ освободится отъ своего стараго твердаго платья! Прежде всего онъ выпускаетъ изъ-подъ панцыря слизистый сокъ, для того чтобъ онъ отдѣлился отъ тѣла, а потомъ легче свалился. За тѣмъ ракъ ложится на спину и работаетъ, качаетъ то головою, то спиною—до тѣхъ поръ пока прежде всего не приподнимется и не сдвинется панцырь на хвостѣ; за тѣмъ, благодаря всевозможнымъ усиліямъ съ его стороны, сбрасываются черезъ голову панцыри на туловищѣ и головѣ. Въ десять минутъ все готово! Въ отношеніи členосоставныхъ клешней дѣло, повидимому, труднѣе, но передняя оконечность клешней трескается во всю длину и изъ этой трещины выползаетъ мягкое мясо. Бѣдное, обнажившееся животное дѣлается теперь безоружно противъ нападеній своихъ еще вооруженныхъ братьевъ и другихъ враговъ; но оно знало объ этомъ заранѣе, и поэтому забивается, во время смѣны панцыря, въ береговыя ямы или въ глубокій илъ. Но ему не зачѣмъ долго скрываться тамъ, потому-что быстрота, съ какою оно одѣвается вновь, изумительна. Вообще въ два дня панцырь не только вполнѣ возстановляется, но и твердѣетъ, и даже клешни дѣлаются черезъ двѣнадцать часовъ такъ тверды, что щиплятъ очень ощутительно. Какая сила возобновленія! Но она-то и господствуетъ въ жизни раковъ, — у нихъ даже выростаютъ утраченные члены; не пройдетъ и полугода, какъ внѣшніе члены, оторванные въ борьбѣ между собою, большею частію уже замѣнены новыми. Процессъ скидыванія кожи и вооруженія кажется страненъ, но онъ существуетъ не у однихъ раковъ. Змѣя сбрасываетъ съ себя кожу и молодѣетъ; гусеницы также сбрасываютъ съ себя кожу и становятся всякій разъ послѣ этого все прекраснѣе и больше; въ цѣломъ царствѣ насѣкомыхъ повторяется нѣчто подобное и даже въ линяніи птицъ и млекопитающихъ встрѣчаемъ отдаленное указаніе на этотъ процесъ. Вез-

дѣ—этотъ фениксъ будущаго, который природа не перестаетъ обновлять внутри и убирать снаружи. Но ни одно насѣкомое не мѣняетъ такъ часто своей одежды, какъ ракъ, — уже потому, что ни одно насѣкомое не живетъ такъ долго, какъ ракъ, жизнь котораго продолжается до двадцати лѣтъ. Въ первый годъ своей жизни ракъ скидываетъ кожу не одинъ разъ, —ибо только - что появившійся на свѣтъ раченокъ растетъ съ удивительною быстротою, и такимъ образомъ становится понятно, что въ первые сто дней—іюль, августъ и сентябрь—онъ долженъ пять разъ перемѣнить свои маленькія латы; а если мы станемъ считать до слѣдующаго іюля, то раку уже въ первый годъ жизни приходится переодѣваться восемь разъ. Но въ позднюю осень и зимою онъ забивается въ береговыя ямы и впадаетъ тамъ въ зимнее онѣмѣніе, пока весна не вызоветъ его къ новой жизни и новому возрастанію. Во второй годъ жизни панцырь перемѣняется пять разъ и животное бываетъ уже въ это время величиною въ палецъ; въ третій годъ панцырь перемѣняется только два раза, въ іюлѣ и сентябрѣ. Съ этихъ поръ животныя бываютъ уже вполнѣ взрослыми, и сколько бы имъ ни суждено было жить, они (по крайней мѣрѣ самки) мѣняютъ панцырь только по одному разу въ годъ, такъ какъ ихъ яйца, которыя они должны носить полгода, отошли бы вмѣстѣ съ панцыремъ. Самецъ, у котораго нѣтъ подобнаго препятствія, мѣняетъ панцырь два раза въ годъ.

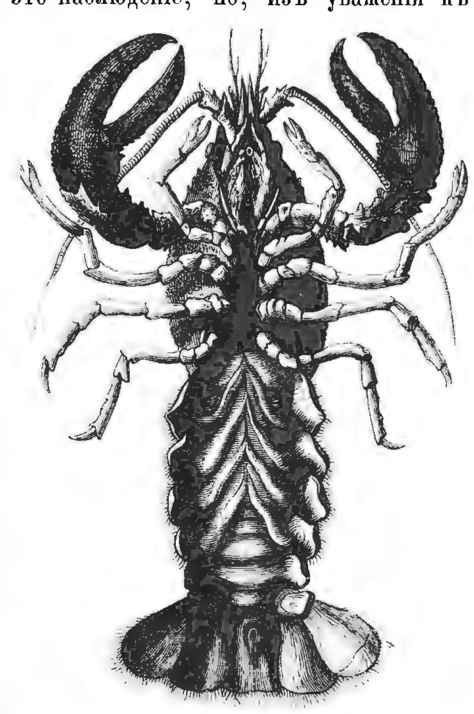


Обыкновенный рѣчной ракъ. Самецъ

Но довольно о скидываніи кожи. Намъ остается оправдать рака отъ несправедливыхъ людскихъ наговоровъ: что будто бы онъ идетъ назадъ, въ то время какъ весь свѣтъ идетъ впередъ. И дѣйствительно, это сущая клевета. На дѣлѣ ракъ ходитъ впередъ, точно такъ же какъ и всѣ другія созданія на землѣ,—развѣ что нѣсколько качается на ходу, направо и налѣво, потому-что организація его восьми ногъ побуждаетъ его къ этому. Это фактъ, въ которомъ можно легко убѣдиться, и не одинъ изъ насъ дѣлалъ это наблюденіе; но, изъ уваженія къ старинному народному повѣрью, полагаютъ, что въ обыкновенныхъ случаяхъ, въ особенности же находясь на илистомъ днѣ, ракъ поступаетъ иначе. Но дѣло въ томъ что иначе-то ракъ никогда и нигдѣ не ходитъ. Если, такимъ образомъ, ракъ не ходитъ вспять, то надобно сказать правду — плаваетъ онъ вспять, и вотъ на этомъ-то и основывается упомянутое выше заблужденіе. Именно, спасаясь бѣгствомъ, ракъ плыветъ по водѣ, при чемъ его хвостъ, которымъ онъ, загибая его назадъ, колотитъ себя въ грудь, служитъ ему превосходнымъ весломъ.

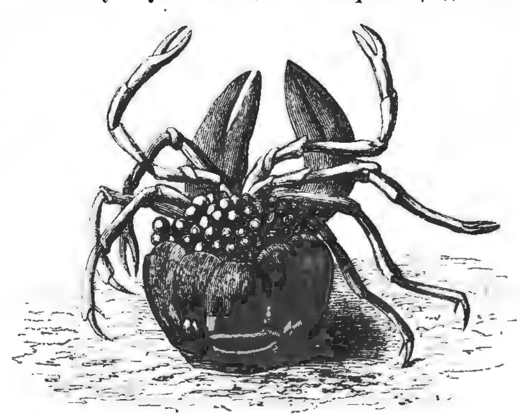


Рачиха, приготовляющая гнѣздо.



Обыкновенный рѣчной ракъ. Самка.

Да, ракъ умнѣе, чѣмъ его считаютъ, да и природою онъ одаренъ гораздо щедрѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Онъ можетъ дышать, какъ самыя лучшія рыбы съ превосходно устроенными жабрами. Точно также хорошо видитъ онъ своими большими, твердыми, выступающими впередъ глазами. У него, какъ извѣстно, есть и слуховой снарядъ, находящійся у основанія щупальцевъ, и онъ какъ нельзя лучше слышитъ имъ все, что можетъ испугать или привлечь его во глубинѣ—въ то время какъ кончики его великолѣпныхъ щупальцевъ помогаютъ даже глазу и уху и представляютъ чувство осязанія. Правда, органы обонянія и вкуса у него еще не открыты, да онъ и дѣйствительно не разборчивъ въ пищѣ; но удивительно, что у него открыли недавно аппаратъ для издаванія звуковъ, который хотя и не показываетъ въ немъ музыканта, но все-таки въ нѣмомъ подводномъ мірѣ, между безгласными личинками и рыбами, даетъ ему возможность выражать свои чувства и можетъ быть даже объясняться съ своими братьями и соперниками.

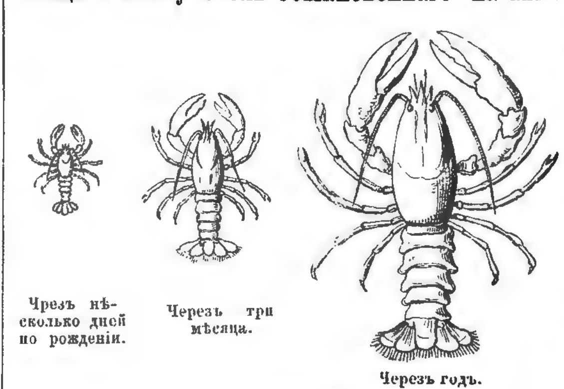


Рачиха, мечущая икру.

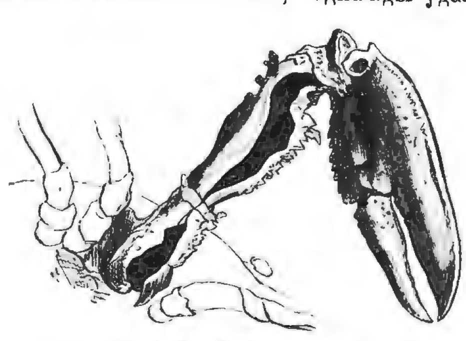
Классъ ракообразныхъ чрезвычайно обширенъ и бо-

гатъ разнообразіемъ. Достаточно напомнить, что представителями его считаются и такія низшія паразитныя формы, гдѣ только одни самцы снабжены плавательными ногами, щупальцами и органами чувствъ, тогда какъ самки лишены всего этого и тѣло ихъ состоитъ часто изъ почти безжизненной массы. Въ этомъ же классѣ встрѣчается диморфизмъ, такъ напримѣръ въ родѣ *Tanais* есть диморфный видъ, въ которомъ самцы являются въ двухъ различныхъ формахъ, никогда не переходящихъ одна въ другую. Сюда же относятся обыкновенные длиннохвостые раки, креветки (palaemon), омары, и наконецъ высшія ракообразныя, короткохвостые краббы. Во многихъ видахъ клешни съ обѣихъ сторонъ бываютъ не одинаковой величины, и эта разница значительнѣе у самцовъ, чѣмъ у самокъ. Что выигрывается животными отъ этого неравенства клешней—неизвѣстно. Иногда клешни бываютъ такъ велики и длинны, что положительно не могутъ служить орудіями для поднесенія пищи ко рту; такъ напримѣръ, у самцовъ нѣкоторыхъ прѣсноводныхъ креветокъ правая нога положительно длиннѣе всего тѣла. По показаніямъ Мильнь Эдвардса, въ родѣ Gelasimus самецъ и самка живутъ въ одной и той же норѣ, входное отверстіе которой самецъ запираетъ одной изъ своихъ клешней, развитою непомѣрно и такимъ образомъ служащею защитой. Неизвѣстно, сражаются ли самцы между собою изъ за самокъ, но это вѣроятно, потому что въ большинствѣ животныхъ большой ростъ самца пріобрѣтается путемъ побѣдъ въ течсніи многихъ поколѣній болѣе сильныхъ недѣлимыхъ надъ болѣе слабыми. Клешни многихъ ракообразныхъ представляютъ орудія, хорошо приспособленныя къ боямъ. Такъ, однажды удалось наблюдать бой между краббами Portunus puber и Carcinus maenas; въ очень короткое время послѣдній былъ опрокинутъ на спину и затѣмъ ему вырваны одна за другой всѣ ноги. Когда Фрицъ Мюллеръ сажалъ нѣсколько самцовъ бразильскаго вида Gelasimus вмѣстѣ, они уродовали и убивали другъ друга. Г. Бэтъ посадилъ большаго самца Carcinus maenas въ кадку съ водой, гдѣ жила самка, спарившаяся съ самцомъ меньшаго роста; послѣдній былъ вскорѣ лишенъ владѣнія, но побѣда была безкровная. Тотъ же натуралистъ рознялъ разъ самца и самку столь обыкновеннаго на англійскихъ берегахъ морскаго омара, которые сидѣли въ неволѣ въ одномъ и томъ же сосудѣ, вмѣстѣ со многими особями того же вида, — и пустилъ къ товарищамъ одну самку, разведенную съ мужемъ. Нѣсколько времени спустя послѣдній былъ снова впущенъ въ сосудъ, и, поплававъ нѣкоторое время, бросился въ толпу и тотчасъ же добылъ себѣ безъ всякаго боя свою супругу. Это фактъ показываетъ, что между плосконогими, хотя они стоятъ и на низкой степени, самцы и самки узнаютъ другъ друга и способны ко взаимной привязанности.

Прикрѣпленіе рачатъ.



Рачата.



Клешня во время линьки.

Умственныя способности ракообразныхъ вѣроятно выше, чѣмъ думаютъ. Кто пробовалъ ловить береговыхъ раковъ, водящихся въ такомъ огромномъ количествѣ на берегахъ тропическихъ странъ,—конечно замѣтилъ, какъ они лукавы и проворны. На коралловыхъ островахъ, живетъ одинъ большой краббъ (Birgos latro), который дѣлаетъ себѣ на днѣ глубокихъ ямъ мягкую постель изъ волоконъ, содранныхъ съ кокосовыхъ орѣховъ. Питается онъ опавшими плодами того же растенія, сдирая скорлупу волокно за волокномъ, — и при этомъ начинаетъ всегда съ того конца орѣха, гдѣ находятся три похожія на глазъ вдавленія; затѣмъ онъ проламываетъ одно изъ этихъ углубленій, работая своими тяжелыми передними клешнями, какъ молоткомъ, переворачивается и достаетъ бѣлковыя зерна болѣе тонкими задними клешнями. Но эти акты вѣроятно инстинктивнаго характера, потому что они совершаются одинаково хорошо молодыми и старыми животными. Однако слѣдующій случай едва ли можно объяснить съ той же точки зрѣнія: Гарднеръ подкараулилъ разъ, какъ береговой краббъ Gelasimus строилъ себѣ нору; Гарднеръ бросилъ туда нѣсколько раковинъ,—одна попала внутрь норы, а три другія—остались въ нѣсколькихъ дюймахъ отъ отверстія. Минутъ черезъ пять краббъ вытащилъ попавшую внутрь раковину и отнесъ ее на разстояніе одного фута; затѣмъ, увидѣвъ вблизи три другія раковины и очевидно думая, что и онѣ могутъ скатиться въ нору, отнесъ и ихъ на то мѣсто, куда положилъ первую раковину.

Линяющій ракъ.

Оторванная и вновь выросшая клешня.

Внутреннее обозрѣніе.

Открытіе статистическаго конгресса въ С.-Петербургѣ. — Эпидемія пожаровъ: пожары въ Нижнемъ-Новгородѣ, Динабургѣ, Тирасполѣ и въ другихъ городахъ.

10-го августа, въ 11-ть часовъ утра, въ залѣ с.-петербургскаго дворянства, совершилось торжественное открытіе международнаго статистическаго конгресса. На нынѣшній съѣздъ прибыло довольно много иностранцевъ изъ разныхъ государствъ Европы и Америки. Въ числѣ прибывшихъ встрѣчается не мало именъ, составившихъ себѣ громкую и почетную извѣстность въ наукѣ, а также въ литературѣ; достаточно упомянуть о такихъ ученыхъ, какъ Кетле (бельгіецъ), Морисъ Блокъ (французъ), Энгель (пруссакъ), Фарръ (англичанинъ) и другіе, чтобы дать понятіе о составѣ конгресса. Статистическій конгрессъ собирается уже въ восьмой разъ, въ разныхъ столицахъ Европы, по очереди. Цѣлью его является разработка вопросовъ, касающихся статистики во всѣхъ ея отрасляхъ, начиная отъ статистики человѣка по отношенію къ его физическому развитію и совершенствованію и кончая такими сложными операціями, какъ статистика торговой и промышленной дѣятельности и финансовая статистика. Само собою понятно, что конгрессъ, какъ временное собраніе не можетъ имѣть цѣлію всестороннюю, научную обработку относящихся къ статистикѣ вопросовъ: его дѣло заключается только въ обмѣнѣ мыслей между съѣхавшимися учеными, да во взаимномъ ихъ соглашеніи насчетъ тѣхъ пріемовъ, которые скорѣе и вѣрнѣе приведутъ къ разрѣшенію поставленныхъ наукою задачъ. Въ этомъ и заключается значеніе подобнаго рода съѣздовъ. Дальнѣйшая-же ученая разработка вопросовъ подлежитъ уже самостоятельной дѣятельности членовъ, своими открытіями двигающихъ науку впередъ. При этихъ международныхъ собраніяхъ существуетъ такой порядокъ, что, еще за-долго до открытія съѣзда, въ той странѣ, въ которой предположено собраться конгрессу, учреждается особая организаціонная коммиссія, которая занимается устройствомъ дѣла, приготовляетъ доклады по различнымъ научнымъ вопросамъ, для представленія ихъ собранію, озабочивается пріисканіемъ удобнаго мѣста для засѣданій и распредѣляетъ занятія по извѣстной программѣ. Въ нынѣшній разъ, всѣ эти хлопоты выпали на долю русскихъ ученыхъ статистиковъ, которые приготовили къ открытію съѣзда не мало докладовъ первостепенной важности, какъ-то: докладъ по почтовой статистикѣ, еще весьма мало разработанной не только у насъ, но и на западѣ; докладъ профессора петербургскаго университета Э. Врэдена по статистикѣ данныхъ, относящихся къ физическому развитію человѣка; докладъ г. Кауфмана о денежномъ обращеніи въ Россіи, и нѣкоторые другіе. Для удобнѣйшаго разсмотрѣнія докладовъ, собраніе изъ среды своей образовало нѣсколько бюро или отдѣленій, съ нѣсколькими предсѣдателями, вице-предсѣдателями и секретарями въ каждомъ. Русскихъ между ними 15-ть, въ томъ числѣ извѣстные наши ученые: гг. Семеновъ, Вернадскій, Бушенъ, Ламанскій, Вешняковъ, Тернеръ и другіе. Послѣ рѣчи почетнаго предсѣдателя съѣзда, Великаго Князя Константина Николаевича, сказанной имъ при открытіи конгресса, произнесены были рѣчи нѣкоторыми изъ членовъ о значеніи статистическихъ конгрессовъ и о будущности статистики, какъ одной изъ точныхъ наукъ, выводами которой пользуются многія науки для подкрѣпленія своихъ собственныхъ. Въ тотъ-же день, почетному предсѣдателю съѣзда были представлены иностранные депутаты; затѣмъ, вечеромъ члены конгресса отправились на пароходѣ въ ботаническій садъ и на острова, а потомъ во дворецъ Великой Княгини Елены Павловны. Отчетъ о наиболѣе интересныхъ преніяхъ конгресса сооообщимъ въ свое время.

Пожарная хроника за послѣдніе двѣ недѣли обогатилась нѣсколькими случаями грандіозныхъ размѣровъ. Первымъ долженъ быть поставленъ ужасный пожаръ въ Нижнемъ Новгородѣ, продолжавшійся слишкомъ два дня, 25-го и 26-го іюля. Загорѣлось на подчалкѣ, стоявшемъ близь моста на рѣкѣ Окѣ и нагруженномъ мочалой, откуда огонь быстро перешелъ на цѣлую линію судовъ, расположившихся тѣсной массой до самаго берега. Обхвативъ весь этотъ рядъ, огонь потомъ былъ переброшенъ на груды товаровъ, въ огромномъ количествѣ лежавшихъ на берегу, и коснулся каменныхъ корпусовъ съ хрустальнымъ товаромъ. Цѣлыя сутки тушили этотъ пожаръ; пожарная команда, солдаты, народъ разъѣзжали на лодкахъ и заливали пламя, нашедшее для себя обильную поживу въ массѣ легко воспламеняющихся лѣсныхъ продуктовъ. На помощь нижегородцамъ была прислана пожарная команда изъ Москвы по желѣзной дорогѣ. На другой день, когда еще не былъ совершенно потушенъ первый пожаръ, внезапно загорѣлась мочала на Сибирской пристани, близь чайныхъ балагановъ. Черезъ нѣсколько минутъ, какъ передаетъ корреспондентъ „Пет. Вѣд.", отъ неимовѣрно сильнаго жара, вспыхнули деревянныя конторы и нѣкоторыя суда, стоявшія у берега, и пожаръ принялъ страшные размѣры. Сгорѣвшихъ въ оба пожара судовъ насчитываютъ до 120; убытка понесено: по однимъ извѣстіямъ, до 4-хъ милліоновъ рублей, по другимъ — свыше 5 милл., а по третьимъ — только до мильона. Сгорѣло, говорятъ, нѣсколько человѣкъ; но сколько именно — опредѣлить невозможно. Причиною обоихъ пожаровъ считаютъ безпечность русскаго человѣка: утверждаютъ, что первый пожаръ произошелъ отъ самовара, а второй отъ трубки! Распространенію огня не мало способствовалъ недостатокъ пожарныхъ инструментовъ и другихъ приспособленій, а въ особенности тѣснота расположенія судовъ, вслѣдствіе чего огню открывалась прямая дорога до самаго берега. На Нижегородскихъ пожарахъ было много подвиговъ истиннаго самоотверженія и благодѣтельной помощи: въ этомъ отношеніи много сдѣлали пароходы частныхъ лицъ и общества «Дружина», выводившія пылающія суда на свободу и спасавшіе судорабочихъ.

Сильные пожары были еще въ городахъ Динабургѣ и Тирасполѣ. Въ первомъ, сгорѣлъ цѣлый кварталъ, изъ 20 домовъ и 4 амбаровъ со льномъ, причемъ убытку понесено на 800 тыс. рублей. На помощь были призваны пожарные волонтеры изъ Риги. Пожаръ въ Тирасполѣ (херсонск. губ.) истребилъ до основанія 5 кварталовъ, въ которыхъ было до 290 жилыхъ помѣщеній; погорѣвшіе не успѣли спасти своего имущества, и до 200 семействъ остались рѣшительно безо всего. Довольно значительные пожары были также въ г. Клину (моск. губ.) и въ нѣкоторыхъ городахъ Воронежской и Владимірской губерній.

Изъ г. Шемахи отъ 20-го іюля въ газету „Кавказъ" пишутъ: Сегодня, въ 4 часа 25 минутъ по полудни, было здѣсь кратковременное, но довольно сильное землетрясеніе. Разрушеній почти не причинено, но жители были очень напуганы и ждали повторенія ударовъ. Землетрясеніе дѣйствительно повторилось, но удары были такъ слабы, что жители мало по малу успокоились.

Политическое обозрѣніе.

Общее вниманіе сосредоточивается теперь на свиданіи трехъ императоровъ: германскаго, русскаго и австрійскаго, которое назначено въ Берлинѣ и состоится въ первыхъ числахъ сентября по заграничному счету. Большинство газетъ видитъ въ берлинскомъ свиданіи залогъ для болѣе прочной и вѣрной политической дружбы между тремя сосѣдними государствами. По мнѣнію англійской газеты „Times“, внутреннее развитіе германской имиріи за послѣднее время такъ подвинулось впередъ, что возвращеніе назадъ рѣшительно невозможно. Дѣйствительно, помимо военной славы германскій народъ, въ послѣдніе 6—7 лѣтъ, завоевалъ себѣ нѣчто большее, чему могутъ позавидовать и многія другія страны. Къ чести его должно сказать, что ослѣпленіе военными успѣхами не заглушило въ немъ человѣколюбія, законности и свободы. Доказательствомъ можетъ служить полемика (споръ), возбужденная въ германской печати по случаю празднованія годовщины битвы при Седанѣ. Нѣкоторые изъ органовъ печати, соглашаясь съ тѣмъ, что великія историческія событія должны быть чествуемы каждою націею, не рѣшаются, однако, отнести къ числу ихъ седанскую битву, на томъ основаніи, что событіе это имѣетъ не столько народный, сколько военный характеръ; что если уже выбирать какой-нибудь день для обще-народнаго торжества, то лучше остановиться на 18-мъ декабря—годовщинѣ провозглашенія Германской имперіи, какъ послѣднемъ, завершающемъ подвигѣ, имѣющемъ при томъ значеніе для цѣлаго народа. Въ этотъ день нѣмцы пожали плоды своей цивилизаціи, которая привели ихъ къ объединенію, т. е. къ политическому и умственному могуществу.

Недавно послѣдовало закрытіе англійскихъ палатъ, которое продолжится до половины октября. Наступившее было по этому случаю политическое затишье нарушилось вдругъ страшными безпорядками въ ирландскомъ городѣ Бельфастѣ. Дѣло въ томъ, что въ Ирландіи населеніе состоитъ изъ католиковъ и протестантовъ, которые съ давнихъ поръ находятся между собой въ непріязненныхъ отношеніяхъ. Католики затѣяли къ 15-му августа различныя религіозныя и политическія процессіи. Началось съ драки, которая потомъ перешла въ настоящее сраженіе. Полиція, вооруженная огнестрѣльнымъ оружіемъ, только разъярила толпу. Призвано было нѣсколько полковъ для усмиренія народа; но онъ лѣзъ на штыки и умиралъ подъ пулями. Много домовъ разрушено до основанія, въ томъ числѣ одна казарма; много раненыхъ и убитыхъ. Волненіе до сихъ поръ еще не улеглось, и городу угрожаетъ новое побоище. Болѣе благонамѣренные изъ протестантовъ, предвидя столкновеніе 15-го августа, вывѣсили манифестъ, въ которомъ убѣждали своихъ собратій не дѣлать никакихъ насилій; но ничто не помогло, и политическія страсти разыгрались самымъ бурнымъ образомъ.

Французское національное собраніе распущено, и депутаты его разъѣхались по разнымъ мѣстамъ Франціи для отдыха отъ тяжелой и продолжительной сессіи. Съ своей стороны, и министры получили отпускъ—впредь до созванія національнаго собранія. Президентъ республики, г. Тьеръ, переѣхалъ на-время въ Трувиль, гдѣ занимается пробою артиллерійскихъ орудій новѣйшихъ системъ и отдыхаетъ отъ тяжелыхъ трудовъ. Во время одной изъ его прогулокъ, случилось происшествіе, надѣлавшее много шума между французами. Героями его являются нѣсколько молодыхъ людей, которые позволили себѣ, катаясь на лодкѣ послѣ сытнаго завтрака и обильныхъ возліяній, разные оскорбительные для президента республики крики. Дѣло, конечно, не имѣло серьезныхъ послѣдствій. Еще происшествіе случилось съ французскимъ посланникомъ въ Константинополѣ. Представитель Франціи, маркизъ Вогэ, пожелалъ пользоваться правомъ сидѣть при султанѣ, наравнѣ съ посланниками англійскимъ и русскимъ, о чемъ и заявилъ лично властителю Турціи. Султанъ пригласилъ его сѣсть, но по окончаніи аудіенціи тотчасъ-же послалъ въ Парижъ телеграмму объ отозваніи маркиза Вогэ изъ Константинополя и о назначеніи на его мѣсто другаго лица. Изъ Парижа на это послѣдовалъ отказъ; но дѣло, кажется, кончится благополучно, и настоящему миру въ Европѣ съ этой стороны не угрожаетъ никакая опасность.

Нельзя сказать того-же о маленькомъ королевствѣ Португаліи, гдѣ въ послѣднее время стало что-то неспокойно. Заразившись отъ своихъ сосѣдей—испанцевъ—духомъ борьбы и недовольства, португальцы вдругъ почувствовали потребность заявить свои тайныя стремленія и составили нѣчто въ родѣ заговора, цѣлью котораго выставляютъ ниспроверженіе монархіи и основаніе на мѣсто ея федеративной республики, изъ Испаніи и Португаліи. Правительство принимаетъ всѣ мѣры предосторожности и на всякій случай стягиваетъ войска къ Лиссабону.

Послѣднія телеграммы изъ Берлина принесли слѣдующее извѣстіе: О предстоящихъ празднествахъ здѣсь, по случаю свиданія императоровъ, сообщаютъ, что главныя изъ нихъ будутъ происходить 26 августа (7 сентября). Утромъ этого дня назначенъ большой парадъ войскъ, а послѣ полудня парадный обѣдъ въ замкѣ. Вечеромъ будетъ происходить парадный спектакль въ оперѣ и большая вечерняя заря, при освѣщеніи факелами на назначенномъ для того мѣстѣ, между императорскимъ дворцомъ и замкомъ. Въ тотъ-же вечеръ предполагается большая иллюминація въ городѣ, для чего городской совѣтъ потребовалъ у городскихъ депутатовъ назначенія суммы на расходы по иллюминаціи городской ратуши.

Князь Бисмаркъ возвратится сюда 1 сентября. Болѣзнь ноги помѣшала императору Вильгельму совершить поѣздку въ Ишль.

Смѣсь.

Ремесленники животнаго міра. Какихъ ремеслъ не встрѣтишь у животныхъ! Начнемъ хоть бы съ пчелъ. Пчелы не только кондиторы, но вмѣстѣ съ этимъ и геометры, потому что ихъ ячейки построены при самой незначительной затратѣ матеріала и доставляютъ какъ нельзя болѣе достаточное помѣщеніе на самомъ незначительномъ пространствѣ. Муравьиный левъ (*myrmeleon formicarius*) тоже принадлежитъ къ этому цѣху: кругообразная воронка, въ которую онъ ловитъ муравьевъ (*formica*) и которую онъ строитъ такъ правильно, какъ бы по масштабу, служитъ доказательствомъ его искуства въ межеваніи. Кротъ метеорологъ; птица сорокопутъ (*lanius*) ариѳметикъ; то же самое можно сказать и о воронахъ, дикихъ индѣйскихъ пѣтухахъ и другихъ птицахъ. Электрическій скатъ (*raja torpedo*), электрическій угорь (*gymnotus electricus*)—физики. Аргонавтъ (молюскъ)—мореходецъ; у него есть парусъ, весло и якорь и онъ дѣлаетъ эволюціи. Всѣ породы птицъ музыканты. Бобръ архитекторъ, плотникъ и пильщикъ, онъ срубаетъ деревья и строитъ плотины и дома. Сурокъ — гражданскій инженеръ, онъ строитъ не только жилища, но устроиваетъ водопроводы и дренажи, чтобъ тамъ не было мокроты. Остъ-индскіе муравьи—садовники; они

разводятъ грибы для прокормленія своихъ дѣтенышей. Осы—бумажные фабриканты, а гусеницы — шелкопрядильщицы. Птица-ткачикъ (*ploceus*) ткачиха, она тчетъ себѣ гнѣзда. Бѣлка — паромщикъ; она переплываетъ рѣки на кусочкѣ древесной коры, употребляя свой широкій хвостъ вмѣсто весла. Собаки, волки, лисицы, шакалы и многіе другіе звѣри — охотники. Муравьи держатъ у себя поденьщиковъ, а обезьяны — канатные танцовщицы.

Высшее учебное заведеніе. «*University College*» въ Лондонѣ, высшее учебное заведеніе, основанное и содержащееся свободно-мыслящими людьми, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ институтовъ Англіи. Лондонскій корреспондентъ «*N. fr. Presse*» выражается объ этомъ слѣдующимъ образомъ: «Это заведеніе, колющее глаза всѣмъ обскурантамъ, основывается на принципѣ полнаго удаленія всего того, что имѣетъ связь съ церковью и религіей. Свободная наука—путеводная звѣзда этого заведенія, и подобно тому какъ профессора этого «*College*» и соединенныхъ съ нимъ приготовительныхъ школъ не задерживаются никакими преградами, такъ и въ студенты этого учебнаго заведенія принимаются люди всевозможныхъ вѣроисповѣданій и частей свѣта. Англичане, нѣмцы, французы, индѣйцы, японцы, и т. д.; протестанты, католики, евреи, магометане, почитатели Брамы, буддисты, огнепоклонники,—словомъ всѣ націи, всѣ страны, всѣ религіозныя формы имѣютъ въ немъ своихъ представителей, изучающихъ науку совмѣстно, подъ руководствомъ людей, отказавшихся отъ всякихъ предразсудковъ. Отрадно встрѣчать, при ежегодной раздачѣ наградъ, между бѣлолицыми европейцами темноцвѣтныхъ уроженцевъ другихъ частей свѣта, получающихъ одобреніе за свои труды, при чемъ рукоплесканія, съ какими встрѣчаютъ обыкновенно отличившагося воспитанника, бываютъ вдвое сильнѣе, если этотъ отличившійся принадлежитъ къ числу нашихъ темноцвѣтныхъ братьевъ.

Охота за страусами происходитъ по удостовѣренію одного англичанина слѣдующимъ образомъ: Дождавшись самой лучшей поры страусовыхъ перьевъ, когда (при не вполнѣ еще отвердѣвшемъ стволѣ) бородка бываетъ самаго нѣжнаго цвѣта, охотникъ высматриваетъ самыхъ красивыхъ взрослыхъ самцовъ въ семействѣ страусовъ, заключающемъ въ себѣ обыкновенно отъ шести до восьми головъ. Эту благородную дичь онъ начинаетъ преслѣдовать рысью, безостановочно, но такъ, чтобы не пугать вдругъ птицы, слѣдовательно почтительно, какъ Аполлонъ свою Дафну. Прогонявшись за нею такимъ образомъ миль десять, всадникъ останавливается, сходитъ съ лошади и пускаетъ ее на траву. Страусъ тоже перестаетъ бѣжать и останавливается отдохнуть, точь въ точь лѣсничій, спрашивающій у своего начальника: «господинъ форстмейстеръ, прикажете идти?» Минутъ черезъ двадцать охотникъ опять садится на лошадь и преслѣдуетъ страуса уже галопомъ. А такъ какъ кратковременный отдыхъ не только не освѣжилъ птицы, а скорѣе сдѣлалъ ее вялою и разбитою, она очень скоро убавляетъ прыти и онъ настигаетъ ее. Въ ту же минуту онъ ударяетъ ее по головѣ шамбокомъ, толстою плетью изъ кожи бегемота — и такимъ образомъ сразу убиваетъ ее. Нѣкоторые охотники убиваютъ такимъ образомъ отъ 50 — 80 страусовъ въ теченіи одной охоты—знатная добыча, если принять въ соображеніе, что каждый отдѣльный страусъ цѣнится талеровъ во 100. Бѣлыя перья съ крыльевъ, которыхъ идетъ до 80 на фунтъ, самая драгоцѣнная часть: они покупаются по 200 талеровъ за фунтъ; чорныя и сѣрыя перья дешевле, а всего дешевле мелкія перья, которыя все-таки стоятъ около 14-ти талеровъ. Чтобы пополнить подобныя опустошенія, для разведенія этихъ драгоцѣнныхъ птицъ и для искуственнаго вывода маленькихъ страусовъ, устроили недавно такъ называемые страусовые дворы (*ostrich farms*).

Различныя средства отъ обжоги: Очень хорошее средство отъ обжоги доставляетъ намъ обыкновенное бѣлое мыло. Его скоблятъ, и дѣлаютъ изъ него при помощи воды что-то въ родѣ мази, потомъ намазываютъ ножемъ на тонкое полотно и прикладываютъ къ обожженному мѣсту. Боль скоро утихаетъ и обжога быстро заживаетъ, даже и въ такомъ случаѣ, если верхняя кожица слѣзла.—Если на обожженномъ мѣстѣ уже образовались пузыри, то, приступая къ перевязкѣ, ихъ нужно проколоть.

Такъ же хорошо дѣйствуетъ противъ обжоги и древесный уголь. На обожженное мѣсто кладется холодный уголь, отчего боль тотчасъ же утихаетъ, а черезъ часъ заживаетъ и обжога.

Такъ же скоро унимаютъ боль и раздавленные алойные листы, приложенные къ обожженному мѣсту. Въ прежнее время это растеніе встрѣчалось почти во всѣхъ домахъ, гдѣ его держали именно для этой цѣли.

Кромѣ этихъ средствъ, мы рекомендуемъ еще слѣдующее: намазать обожженное мѣсто масломъ, и потомъ натереть ее мелко истолченной поваренной солью. Отъ этого боль утихнетъ черезъ 5, много черезъ 10 минутъ.—Если подъ рукою есть вата, то можно положить ее на обожженное мѣсто и боль тотчасъ же облегчится.—Если обожженъ конецъ пальца, то боль дѣлается меньше,—стоитъ только всунуть его въ ухо.

«Въ прошломъ году, пишетъ одинъ нѣмецкій офицеръ, — я сильно обжогъ себѣ при взрывѣ пороховницы руку. Обожженное мѣсто было чрезвычайно красно и сильно болѣло. Перепытавъ различныя средства, я послѣдовалъ совѣту одного моего знакомаго и приложилъ къ обожжанному мѣсту кусокъ липовой коры (не много побольше самой раны), отдѣливъ отъ него предварительно грубыя и жесткія части, смочивъ его водою и поколотивъ деревяннымъ молоткомъ. До тѣхъ поръ я, какъ уже было сказано мною, сильно страдалъ; но когда, приложивъ кору, я перевязалъ руку холстомъ, боль тотчасъ же утихла, а вскорѣ послѣ этого исчезла и краснота. Недавно одинъ изъ моихъ солдатъ обжогъ себѣ кипяткомъ руку, я посовѣтывалъ ему сдѣлать то же самое—и онъ, къ моему удовольствію, очень скоро выздоровѣлъ.

Кромѣ упомянутыхъ нами, есть еще много другихъ средствъ отъ обжоги, но мы перечислили только тѣ, которые у всякаго подъ рукою и легко примѣнимы.

Почтовый ящикъ.

Н. В—у. въ Астр—нь. Вы просите насъ высказать съ полною откровенностью мнѣніе о присланныхъ вами стихотвореніяхъ, а также отвѣта на вопросы: есть ли у васъ какіе нибудь задатки литературнаго таланта, стоитъ ли продолжать въ этомъ родѣ или обратиться къ прозѣ, и вообще читаются ли въ наше время стихи. Не знаемъ какъ кому, а намъ приходится еженедѣльно прочитывать десятка два стихотвореній, присылаемыхъ со всѣхъ концовъ изъ самыхъ далекихъ угловъ Россіи; не будь наше отечество такъ велико и многолюдно, легко могло бы показаться что мы перенеслись въ какую-то Аркадію, гдѣ всякій спѣшитъ заявить, что и онъ въ ней родился. Но, увы! изобиліе это лишь кажущееся. Большую часть присылаемыхъ рукописей можно распредѣлить слѣдующимъ образомъ:

1) Писанія, авторы которыхъ положительно безграмотны, такъ что въ нихъ не только искры творчества, но и смысла не добьешься.

2) Сочиненія самоучекъ, которые, не потрудясь узнать хоть бы что такое стихъ, размѣръ, стопа, цезура и проч., полагаютъ, что все дѣло заключается въ начертаніи коротенькихъ строчекъ съ риѳмою на концѣ. Этимъ господамъ мы совѣтуемъ обзавестись хоть самымъ краткимъ гимназическимъ руководствомъ теоріи поэзіи.

3) Вирши, сочиненныя по всѣмъ правиламъ, но преисполненные какоѳоніи, бѣдныхъ риѳмъ и лишенные малѣйшаго проблеска неподдѣльнаго чувства, увлеченія, словомъ того, что называется вдохновеніемъ.

Васъ конечно нельзя отнести ни къ одному изъ этихъ трехъ разрядовъ. Стихи ваши плавны и звучны, риѳмы богаты, вы даже ими щеголяете, каждое стихотвореніе проникнуто задушевностью, мѣстами паѳосомъ... Чего же нехватаетъ? Того что составляетъ суть литературнаго дарованія—оригинальности, своеобразности, самобытности. Ваши стихотворенія отзываются то тѣмъ то другимъ изъ нашихъ поэтовъ, особенно Некрасова напоминаютъ они даже размѣромъ и манерою. Это болѣе или менѣе удачныя подражанія, какъ почти у всѣхъ начинающихъ; испытайте себя—если далѣе этого не пойдетъ, продолжать въ этомъ родѣ не стоитъ. Но отчаяваться не слѣдуетъ—стихъ у васъ, повторяемъ, выработанъ; талантъ же, если онъ есть, только зрѣетъ съ годами и рано или поздно выскажется самъ собою. А до тѣхъ поръ, вы не разъ поблагодарите насъ за то, что присланныя вами стихотворенія не будутъ напечатаны.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 18 августа 1872 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр. д. № 53.

№ 35 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 28 августа 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 » — »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С.-Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

Господинъ Вольнофъ отворилъ дверь въ большую комнату, полустоловую полу-жилое помѣщеніе, и пригласилъ своего гостя къ столу, покрытому бѣлоснѣжною скатертью и уставленному всевозможными закусками въ дорогой фаянсовой посудѣ и нѣсколькими бутылками вина. Садясь на свое мѣсто, Готтгольдъ устремилъ взоры на нѣсколько картинъ различной величины, писанныхъ масляными красками, развѣшанныхъ по стѣнамъ съ большимъ вкусомъ.

— Извините любопытство живописца, сказалъ онъ.

— Я мало или даже и вовсе не понимаю вашего прекраснаго искуства, возразилъ господинъ Вольнофъ, запуская салфетку подъ полный побородокъ,—но моя жена—большая любительница и, какъ она имѣетъ иногда слабость воображать себѣ, знатокъ. Доставьте ей удовольствіе показать вамъ свои сокровища. Не думаю чтобъ эта маленькая коллекція особенно понравилась вамъ, исключая развѣ одну картину, которую и я также считаю образцовымъ произведеніемъ и которой удивлялись всѣ, кто только видѣлъ ее.

Готтгольдъ охотно подошолъ бы ближе къ картинамъ, изъ которыхъ одна, висѣвшая нѣсколько дальше, по какому-то странному случаю какъ будто была знакома ему; но господинъ Вольнофъ уже наполнилъ зеленые стаканы благоухающимъ ренвейномъ, и дюжая пожилая женщина шумно вошла въ комнату, неся въ красныхъ какъ огонь рукахъ дымящееся блюдо съ только-что изжареной рыбой.

— Стина говоритъ, что вы всегда особенно любили камбалу, сказалъ господинъ Вольнофъ, — и непремѣнно хотѣла сама подать вамъ ваше любимое блюдо.

Готтгольдъ взглянулъ на дюжую женщину и тотчасъ же узналъ добрую Стину Лахмундъ, которая, во время его дѣтства, завѣдывала почти одна всѣмъ домашнимъ хозяйствомъ въ Долланѣ, вмѣсто болѣзненной хозяйки, а послѣ смерти этой послѣдней уже совершенно одна, и въ своемъ, подъ часъ далеко нелегкомъ положеніи, умно и весело справлялась со всѣми, а въ особенности съ мальчиками.

Онъ подалъ старой пріятельницѣ руку, по которой она, поставивъ блюдо на столъ и вытеревъ безъ всякой нужды свои красные руки о фартукъ, крѣпко хлопнула.

— Я знала, что вы меня узнаете, сказала она, и при этихъ словахъ ея толстое лицо засіяло радостію.—Но, Господи Боже мой, какъ вы перемѣнились! какой вы стали красавецъ! Я никогда не узнала бы васъ!

— Такъ стало быть я былъ тогда страшно дуренъ собою, Стина? спросилъ Готтгольдъ улыбаясь.

— Ну, какъ вамъ это сказать, сказала Стина съ важнымъ видомъ, устремляя на него пытливый взглядъ,—чу-

десные голубые глаза были у васъ и тогда, но они казались такъ велики и смотрѣли такъ печально, что жалко было смотрѣть. А потомъ худенькое личико, разсѣченное отсюда досюда — какой ужасъ! И это такому доброму мальчику! это было просто подло...

— Все это давно забыто, сказалъ Готтгольдъ.

— И заросло большой бородой, дополнила Стина.

— Скажи-ка лучше Линѣ, чтобъ принесла намъ того, что за красной печатью, сказалъ господинъ Вольнофъ, которому показалось, что его гость желалъ бы прервать эту сцену признанія.—Вы должны простить, продолжалъ онъ, когда Стина, пожавъ еще разъ Готтгольду руку, вышла и вмѣсто нея явилась для прислуги хорошенькая молодая служанка, которая, тихо войдя въ комнату, шла по направленію къ Готтгольду,—вы должны простить мнѣ, что я не избавилъ васъ отъ этой сцены. Добрая женщина такъ радовалась вашему пріѣзду—а кто возвращается на родину, тотъ долженъ приготовиться къ тому чтобы встрѣчать на каждомъ шагу старинныя знакомыя лица.

— Я убѣдился въ этомъ сегодня, возразилъ Готтгольдъ,—и ваша супруга, говорили вы...

— Гордится тѣмъ, что знала васъ, когда вы были не знаменитымъ живописцемъ, а робкимъ мальчикомъ лѣтъ тринадцати, который упорно отказывался принимать участіе въ танцахъ въ одномъ танцклассѣ, собранномъ съ величайшимъ трудомъ здѣшними почетными маменьками,—а потомъ однакоже согласился, узнавъ, что никто не хочетъ танцовать съ маленькой Оттиліей Блауштейнъ.

— И она—фрейлейнъ Оттилія...

— Уже шесть лѣтъ какъ она—моя жена, сказалъ господинъ Вольнофъ.—Вы смотрите на меня съ скрытымъ удивленіемъ; вы быстро разочли, что вашей бывшей маленькой дамочкѣ немногимъ больше двадцати пяти лѣтъ, а мнѣ вы даете—и совершенно вѣрно—слишкомъ пятьдесятъ—скажемъ пятьдесятъ шесть. Но мы евреи...

— Вы еврей? спросилъ Готтгольдъ.

— Чистѣйшей расы, возразилъ господинъ Вольнофъ,—развѣ вы не замѣтили этого, когда я давеча заперъ такъ поспѣшно ваши деньги опять въ шкафъ? — Чистѣйшей польской расы, хотя въ угодность женѣ—которая, по ея словамъ, не мало пострадала вслѣдствіе своего вѣроисповѣданія—а также и изъ практическихъ видовъ, нисколько не затруднился перейти изъ одной положительной религіи, къ которой я былъ совершенно равнодушенъ, въ другую, къ которой я былъ ровно столько же равнодушенъ. Но что я хотѣлъ сказать: мы, евреи, или мы, воспитанные на еврейскій манеръ, также мало романичны въ отношеніи брака, какъ и въ другихъ вещахъ,—но держимся закона; я разумѣю подъ этимъ законъ природы, въ которомъ нѣтъ ничего романтическаго, но много здраваго и вслѣдствіе этого логическаго.

— И вы хотите этимъ сказать, что значительная разница въ лѣтахъ супруговъ—одинъ изъ этихъ законовъ природы, которыхъ слѣдуетъ строго держаться?

— Вовсе нѣтъ, а только то что при извѣстныхъ условіяхъ она не составляетъ препятствія.

— Конечно нѣтъ, но...

— Позвольте мнѣ разъяснить мое мнѣніе статистическими данными. Я происхожу изъ долговѣчной фамиліи. Моему дѣду было должно-быть—самъ онъ не могъ опредѣлить съ точностію ни времени ни мѣста своего рожденія—слишкомъ сто лѣтъ, когда онъ умеръ, правда уже слѣпой и разбитый параличомъ, но сохранивъ почти вполнѣ свои умственныя силы. Мой отецъ жилъ девяносто лѣтъ. Я, которому уже не нужно было такъ много трудиться, могъ жениться за шесть лѣтъ передъ этимъ, на пятидесятомъ году, и такимъ образомъ имѣю надежду вырастить и поставить на ноги моихъ трехъ малютокъ, да и другихъ также, если только небо пошлетъ намъ ихъ,—предполагая, что я доживу до восьмидесяти лѣтъ, на что со стороны отца я, какъ вы согласитесь со мною, имѣю самыя основательныя права.

Господинъ Вольнофъ спокойно уперся своими широкими плечами о спинку своего кресла и погладилъ себя обоими руками по широкому лбу и густымъ чорнымъ волосамъ, въ которыхъ Готтгольдъ не могъ замѣтить ни малѣйшей сѣдой полоски. — И такъ, сказалъ онъ,—если только я хорошо понимаю васъ, вы держитесь того мнѣнія, что бракъ прежде всего долженъ имѣть въ виду благо дѣтей, причемъ дѣло идетъ только еще о томъ, чтобы обращать вниманіе на примѣты того времени, въ которое и для котораго родятся дѣти.

— Непремѣнно, возразилъ господинъ Вольнофъ, — прежде всего, и я хотѣлъ бы почти сказать: прежде и послѣ всего.

— А супруги?

— Должны и будутъ находить въ любви къ своимъ дѣтямъ, въ радостномъ чувствѣ при видѣ новаго, юнаго міра, рожденнаго ими,—свое удовольствіе, достаточное вознагражденіе за потерянныя иллюзіи и награду за заботы, за лишенія, которыя необходимо вытекаютъ для нихъ изъ этой любви.

— А ихъ любовь, ихъ собственная любовь? любовь которая соединила ихъ, которая, изъ безчисленнаго множества возможностей заставила ихъ сдѣлать этотъ выборъ, именно этотъ выборъ? любовь, которая должна все рости и рости, пока не озаритъ всякую мысль, не возвыситъ всякое чувство, не согрѣетъ всякую каплю крови—вы хотите исключить ее изъ брака? или выдавать въ родѣ чего-то такого, что можетъ въ немъ быть, а можетъ и не быть. Никогда! Любовь вездѣ, кромѣ ада, сказалъ Вольфрамъ фонъ Эшенбахъ. Я не знаю, правъ ли онъ,—но что я знаю, это то, что бракъ, гдѣ нѣтъ любви... что я говорю? нѣтъ такой любви, какъ я понимаю ее,—въ моихъ глазахъ адъ.

Готтгольдъ говорилъ со страстью, которая, какъ онъ ни старался подавить ее, не укрылась отъ чуткаго уха его хозяина.

— Оставимъ эту тему, сказалъ онъ ласково,—и поищемъ другой, на счетъ которой мы конечно легче сойдемся.

— Нѣтъ, останемся при этой, сказалъ Готтгольдъ,—для меня очень важно слышать о такомъ важномъ предметѣ мнѣніе человѣка, рѣшенія и характеръ котораго я ставлю такъ высоко, — говорите же все, потому что я убѣжденъ, что вы еще очень много можете сказать мнѣ на этотъ счетъ.

— Конечно, возразилъ господинъ Вольнофъ, съ нѣкоторымъ колебаніемъ, — очень много, но мало такого, что понравилась бы вамъ теперь, при вашемъ настоящемъ взглядѣ на бракъ. Я говорю, при вашемъ настоящемъ взглядѣ—и прошу не перетолковывать этого въ дурную сторону, потому что вы, который выросли въ романтическихъ традиціяхъ и, какъ художникъ, особенно еще можетъ-быть склонны къ идеализаціи человѣческихъ отношеній, едва ли можете отказаться отъ принятаго вами убѣжденія иначе, какъ на основаніи своего собственнаго

опыта. Но нужды нѣтъ! Я слишкомъ мало былъ бы убѣжденъ въ вѣрности моего собственнаго мнѣнія или слишкомъ мало уважалъ бы своего противника, еслибъ оставилъ вашу послѣднюю теорему безъ возраженія. Вы говорили, что бракъ безъ той любви, которую вы такъ краснорѣчиво описывали,—адъ; а я утверждаю, что именно эта-то любовь, или скорѣе неосуществленная мечта этой любви превращаетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ много браковъ въ адъ.

— Неосуществленная, сказалъ Готтгольдъ; — о, да, вотъ это-то и есть несчастіе.

— Неизбѣжное, или по крайней мѣрѣ такое, котораго не избѣжишь въ безчисленномъ множествѣ случаевъ. Вы должны согласиться со мною, что большая часть браковъ должны начаться этой, смотря по натурѣ и степени образованія мечтателей, болѣе или менѣе блестящей мечтой, чтобы вообще начаться. Такъ мало людей, которые не требуютъ еще особеннаго награжденія за то, что они дѣлаютъ, вмѣняемое имъ въ обязанность природою и обществомъ. Вглядитесь хорошенько—и вы увидите, что въ бракѣ дѣло идетъ совсѣмъ о другой цѣли чѣмъ объ осуществленіи вашихъ мечтаній, и эта цѣль тѣмъ легче достигается, чѣмъ меньше вы мечтаете. Такимъ образомъ, большая часть людей сначала конечно протираетъ себѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ глаза, но потомъ не видитъ въ этомъ ничего особенно трагическаго и принимаетъ дѣло какъ оно есть; и это браки, которые я—при всемъ должномъ уваженіи къ человѣчеству, въ сущности состоящему изъ заурядныхъ людей, — называю заурядными браками и которые въ Германіи, въ Англіи, въ Америкѣ, а также во Франціи, Италіи, во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ, гдѣ мнѣ только случалось бывать, я видѣлъ похожими другъ на друга, какъ одно яйцо на другое. Вездѣ распоряжается тутъ сухая, но очень здоровая проза; много скромнаго спокойнаго счастья, а также, разумѣется, и много, очень много горя; но никакого такого, которымъ не сопровождалась бы жизнь человѣка — я разумѣю слабое, легко повреждающееся и подверженное смерти созданіе—и очень мало такого, которое вытекало бы изъ брака. По этому горю не видать и конца тамъ, гдѣ люди желаютъ, во что бы то ни стало, осуществитъ или даже превратить въ еще болѣе блестящую дѣйствительность мечту, грезившуюся имъ въ качествѣ влюбленныхъ. Сколько разрывающихъ сердце битвъ, сколько тщетной борьбы, сколько потраченной и, Боже мой, сколько необходимой для болѣе важныхъ цѣлей силы, сколько безумной и безполезной жестокости къ самимъ себѣ и другимъ! Вы видите, я говорю только о людяхъ, которые серіозно смотрятъ на жизнь; я не говорю о пошлости тупоумія, которая не способна ни къ какимъ нравственнымъ идеямъ, ни о еще большей, если только это возможно, пошлости легкомыслія, которая даетъ щелчки всякому нравоученію.

— Знаю, возразилъ Готтольдъ, — но почему серіозные честные люди, если они сознаютъ свое заблужденіе, не стараются исправить, пока еще не поздно, ошибку, вкравшуюся въ ихъ жизненный счетъ?

— Какимъ образомъ?

— Возвративъ другъ другу свободу.

— Свободу? Какую свободу? Свободу опять какъ можно скорѣе сдѣлать новый выборъ, если только этотъ выборъ, какъ это бываетъ въ большей части случаевъ, не сдѣланъ уже заранѣе;—новый выборъ, который, какъ надобно предполагать, будетъ не умнѣе и не осмотрительнѣе перваго. Помните, мы говоримъ о серіозныхъ, честныхъ людяхъ! Ну, они и при первомъ выборѣ дѣйствовали честно и серіозно и впали въ заблужденіе, не смотря на всю серіозность, не смотря на всю честность, когда они къ тому же еще могли выбирать спокойно и безпристрастно; неужели же они во второй разъ, подъ гнетомъ созданнаго самими ими горя, ослѣпленные преступною страстью... Видите ли, если новый прикащикъ начнетъ съ того что надѣлаетъ ошибокъ въ первомъ же счетѣ, который я заставлю его сдѣлать,—я, можетъ быть, не прогоню его за это, но я никогда уже не довѣрю ему какой нибудь важной задачи безъ контроля. А потомъ—пока еще не поздно—говорите вы? Когда бываетъ еще не поздно? Можетъ быть никогда, если два человѣка, принадлежавшіе другъ другу тѣломъ и душою, — потому-что серіозные, честные люди отдаются и душою,—можетъ быть никогда, и ужъ навѣрное никогда, коль скоро — и тутъ я возвращаюсь къ тому съ чего началъ, къ Омегѣ брака, тогда какъ это его Альфа — коль скоро союзъ, который этимъ именно и освящается, былъ благословленъ дѣтьми. Вѣрьте мнѣ, я не мало наблюдалъ въ этомъ отношеніи: разрывъ, который раздѣляетъ супруговъ, онъ проходитъ, всегда проходитъ и черезъ сердца дѣтей; раньше или позже онъ болѣзненно отзовется въ нихъ, они никогда не оправятся отъ него, предполагая что у нихъ—что конечно не всегда бываетъ—есть сердце.

— А не разорвется ли сердце ребенка, вскричалъ Готтгольдъ съ болѣзненнымъ волненіемъ,—не будетъ ли оно исходить кровью при мысли объ его родителяхъ, которые жили для взаимной муки, которые истощили свои силы въ этой мукѣ?

— Они никогда не истощили бы ихъ, если бы смотрѣли на этотъ предметъ съ моей точки зрѣнія, если бы они постоянно говорили себѣ, если бы они постоянно носили въ своихъ сердцахъ: ради нашего ребенка мы не должны унывать, мы должны перенести это, должны жить, должны свято сохранять главную книгу нашей жизни и, если въ нее дѣйствительно вкралась ошибка, считать и считать, пока не найдемъ ее. Кто въ цѣломъ свѣтѣ станетъ стоять за результатъ, какъ не тотъ, кто завелъ эту книгу! А потомъ, бываетъ и такое банкротство, изъ котораго несчастливецъ выходитъ бѣднымъ, можетъ быть даже нищимъ, не имѣя для прикрытія своей наготы ничего, кромѣ сознанія: ты исполнилъ свой долгъ, свою обязанность. Горе тому, кто не можетъ думать этого о своихъ родителяхъ; благо тому, кто можетъ это думать и говорить и проливать горестныя и вмѣстѣ съ тѣмъ сладостныя слезы на могилахъ своихъ родителей и съ миромъ идти дальше.

Голова Готтгольда покоилась на подпиравшей ее рукѣ. «Помиримся» сказалъ онъ тѣни своего отца, и изъ его глазъ полились на могилу его матери горестныя и вмѣстѣ съ тѣмъ сладостныя слезы. Уменьшилась ли бы ихъ сладость, еслибъ мать оставила отца, котораго она не могла сдѣлать счастливымъ и который не могъ сдѣлать ее счастливой,—еслибъ она искала и можетъ быть нашла счастье въ объятіяхъ другаго?

Темные глаза господина Вольнофа были устремлены съ выраженіемъ полу-состраданія, полу-строгости на благородныя, омраченныя печалью и сомнѣніемъ черты его гостя. Не сказалъ ли уже онъ слишкомъ много или сказалъ еще не довольно? слѣдовало ли ему молчать или разсказывать дальше молодому человѣку, который былъ такъ по-

хожъ на свою мать и въ которомъ однакоже было такъ много отцовскаго, исторію его родителей?

Тутъ раздался звонокъ, и въ ту же самую минуту послышался въ сѣняхъ голосъ его жены. Она была такая женщина, которая могла, въ случаѣ еслибы разговоръ принялъ слишкомъ серіозный и, можетъ быть даже, слишкомъ затруднительный оборотъ, скоро навести опять мужчинъ на другія, болѣе веселыя мысли.

(Продолженіе будетъ).

Странствующіе польскіе сплавщики.

Если тоска по родинѣ, неодолимо влекущая насъ въ страну, гдѣ мы въ первые увидали свѣтъ, гдѣ разцвѣтали наши первыя чувства, гдѣ мы учились жить,—знакома и намъ, подвижнымъ дѣтямъ новѣйшей культуры, одержимымъ страстью къ путешествіямъ; то неодолимое влеченіе къ мѣсту своего рожденія, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, въ протыхъ людяхъ, которыхъ ждетъ на родинѣ самое жалкое существованіе, тогда какъ на чужбинѣ они могли бы вести сравнительно привольную жизнь, становится тѣмъ понятнѣе для насъ. Что заставляетъ напр. польскихъ сплавщиковъ, изображенныхъ на прилагаемомъ при этомъ рисункѣ, такъ неудержимо стремиться домой?

Объ образѣ жизни и промыслѣ этихъ сплавщиковъ—называемыхъ у нѣмцевъ *флиссаками*—мы уже говорили въ одномъ изъ № «Нивы» за 1870 годъ; теперь только повторимъ, что сплавщики или флисы—полудикій народъ изъ русской Польши, сплавляющій на утлыхъ плотахъ и челнахъ изъ мѣстностей, облегающихъ верховья Вислы и Буга, лѣсъ, поташъ, желѣзо, кость и пшеницу-сандомирку въ Пруссію до самаго Данцига. Въ Данцигѣ они появляются каждый годъ въ числѣ 10,000—20,000 человѣкъ, разбиваютъ свои лагери по обоимъ берегамъ Вислы и кочуютъ день и ночь подъ открытымъ небомъ возлѣ громадныхъ, горообразныхъ кучь пшеницы, а къ концу лѣта, распродавъ свои плоты и челны на дрова, возвращаются во свояси. Никакія выгодныя предложенія со стороны мѣстныхъ жителей не въ состояніи удержать флиса въ городѣ, коль скоро онъ покончилъ свою лѣтнюю работу. Что же влечетъ его домой?

Дома, на родинѣ, онъ ведетъ самое жалкое существованіе. Представьте себѣ яму, вырытую въ землѣ въ дикомъ и негостепріимномъ мѣстѣ, надъ которой поднимается дугообразно что-то вродѣ печи съ крышей изъ глины и соломы,—и вы будете имѣть понятіе о жилищѣ флиса и его семейства. Въ этихъ-то жалкихъ ямахъ проводятъ эти полудикія существа всю зиму, а отчасти и лѣто,—потому что многія женщины, а мѣстами и мужчины, остаются дома и лѣтомъ. Спятъ они на гнилой соломѣ, населенной множествомъ насѣкомыхъ; небольшое отверстіе, едва достойное названія двери, ведетъ въ ихъ хижину; рѣдко встрѣтите вы что-то въ родѣ окна или дымовой трубы—дымъ долженъ выходить въ дверь—а когда пойдетъ проливной дождь или сильный градъ, жалкое зданіе рушится, и жители должны спасаться бѣгствомъ и ожидать болѣе благопріятной погоды, которая позволила бы имъ построить себѣ новое жилище.

Вотъ къ этой-то печальной цѣли стремятся странствующіе сплавщики, изображенные на нашемъ рисункѣ въ минуту ихъ отдыха. Одни изъ нихъ, подъ вліяніемъ таинственнаго стремленія къ роднымъ мѣстамъ, весело играютъ на скрипкѣ и распѣваютъ пѣсни, а другіе молятся передъ крестомъ.—Да, человѣкъ западной германо-романской рассы никогда не пойметъ, что для славянина не *ubi bene ibi patria* (гдѣ хорошо, тамъ и отечество), а совершенно наоборотъ, *ubi patria, ibi bene*, гдѣ родина, тамъ и хорошо, какъ бы эта родина ни была бѣдна. Таковы были славяне во все времена своей исторіи. Западные народы тѣснимые азіатскими варварами, переселялись; славяне отъ нихъ *отсиживались* дома, предпочитая иго, мученія и самую смерть.

Партія вчетверомъ.

Повѣсть Эрнста Экштейна.

— Вы стали говорить, съ нѣкоторыхъ поръ, удивительно дико, милый Отто. Если вы хотите, чтобъ я понимала васъ, выражайтесь яснѣе.

— Но милая кузина...

— «Онъ», кто этотъ «онъ»?

— Имя тутъ ровно ничего не значитъ. Я хотѣлъ только дать вамъ понятіе о дѣлѣ вообще, для того чтобъ просить васъ утѣшить мою мать...

— И это вы называете «дать понятіе о дѣлѣ?» Вы неподражаемы, Отто! Но шутки въ сторону. Вы знаете, что я вамъ другъ. Ваше волненіе удивляетъ меня. Что вы затѣваете? Бросьте эту таинственность и разскажите хорошенько. Пока мы тутъ, въ нишѣ, еще одни; но угрожающая фигура профессора уже мелькаетъ вдали. Такъ скорѣе же, пока еще не поздно. Если только я могу помочь вамъ, располагайте мною.

— Помочь? Нѣтъ, вы слишкомъ добры, милая Луиза. Я прошу васъ только, въ случаѣ какого нибудь несчастія со мною, утѣшить мою мать въ потерѣ ея единственнаго сына.

— Въ своемъ ли вы умѣ?

— Къ сожалѣнію, да. Неужели вы сомнѣваетесь, что пущенная изъ пистолета пуля можетъ согнать со свѣту самаго здороваго человѣка?

— Вы хотите стрѣляться?

— Да, кузина.

— Но, ради Бога, за что?

— Одинъ изъ насъ долженъ очистить мѣсто: онъ или я! Неужели вы думаете, что мужественный и честный человѣкъ можетъ смотрѣть спокойно на то, какъ какой нибудь безстыдный интриганъ отнимаетъ у него его невѣсту? Я другаго мнѣнія. Тутъ рѣшитъ судьба!

— Вы были помолвлены? Въ первый разъ слышу объ этомъ! Отто, у васъ замѣчательно скрытный характеръ. А можно ли спросить, какъ зовутъ эту дѣвушку?...

— Пока она невѣста другаго, я никогда не произнесу ея имени.

Странствующіе польскіе сплавщики. Гравировалъ О. Роттъ.

— Отто, мнѣ кажется, вы видите это дѣло въ ложномъ свѣтѣ.

— Какъ это, кузина?

— Подумайте: дѣвушка, которая измѣнила вамъ, которая предпочла вашего соперника!

— А, понимаю! Жаль только, что на дѣлѣ-то это выходитъ совершенно иначе, чѣмъ вы воображаете. Еслибъ она могла приводить въ исполненіе свои намѣренія, то никогда бы этотъ презрѣнный не восторжествовалъ надо мною! Ее въ полномъ смыслѣ слова принудили. Неужели вамъ нужно объяснять, какими средствами можетъ располагать тиранка-мать, когда она захочетъ сбыть съ рукъ свою дочь?

Луиза покраснѣла.

— Она такъ же несчастна, какъ и я, продолжалъ молодой офицеръ,—но, какъ женщина, она должна молчать и терпѣть. Я же, какъ мужчина, съумѣю дѣйствовать.

— А кто женихъ?

— Отвѣчайте мнѣ на мой вопросъ. Обѣщаете ли вы утѣшить мою добрую мать, когда меня не станетъ?

— Отто, въ не понимаете того, что вы говорите. Подумайте о послѣдствіяхъ, умоляю васъ!

— Я все обдумалъ кузина.

— Невозможно, иначе вы оставили бы эти сумасбродныя мысли. Вы намѣреваетесь совершить тяжкое преступленіе...

Отто пожалъ плечами.

— Вамъ угодно называть такъ это, кузина.

— Нѣтъ, это вѣрно и справедливо. Ваше намѣреніе преступно уже потому только, что оно безцѣльно...

— Безцѣльно?...

— Ну да, милый Отто. Станемъ смотрѣть безъ всякой сантиментальности, съ одной только практической точки зрѣнія. Если вы будете убиты...

— Тогда однимъ несчастнымъ существованіемъ будетъ меньше на свѣтѣ.

— Прекрасно сказано, только не особенно логично. Мнѣ кажется, влюбленные должны стараться скорѣе о томъ, чтобы *жить* подлѣ обожаемой особы, чѣмъ умереть вдали отъ нея.

— Но если первое невозможно?

— Кто говоритъ это? Такъ говоритъ малодушіе!

— Мы все перепробовали, дорогая Луиза...

— Кто знаетъ? Но оставимъ этотъ пунктъ. И такъ, если вы будете убиты, то приготовите вашимъ роднымъ, а въ особенности вашей возлюбленной, безконечное горе и не достигнете желанной цѣли. Въ состояніи ли вашъ растерявшійся умъ понять эту простую истину?

— Не спорю съ вами.

— Но съ этимъ первымъ пунктомъ вы согласны? Обратимся ко второму. Предположимъ, что вы убьете вашего соперника: что изъ этого выйдетъ?

Глаза Отто загорѣлись почти страшнымъ огнемъ. На устахъ его заиграла презрительная улыбка.

— Что изъ этого выйдетъ? повторилъ онъ медленно, дѣлая удареніе на каждомъ слогѣ.—Ваши вопросы забавны, милая кузина! Если я убью его, то его преступная наглость будетъ наказана, какъ она того заслуживаетъ; а возлюбленная...

— Никогда не будетъ вашею женою.

— Нужно будетъ только выждать.

— Отто, не обманывайте самого себя. Если вы до сихъ поръ не успѣли достигнуть того, чего вы такъ пламенно желаете, — какимъ образомъ можете вы надѣяться послѣ такой кровавой катастрофы...

— О, я возьмусь тогда за другія струны. Если эта деспотическая старуха станетъ настаивать на своемъ отказѣ, я забуду всякое уваженіе къ ней. Я твердо рѣшился увезти, въ случаѣ нужды, мою невѣсту...

— Это звучитъ довольно романически, но я сомнѣваюсь, чтобы малютка согласилась на это. Нисколько не отрицая ея духовныхъ и моральныхъ совершенствъ, я тѣмъ не менѣе осмѣливаюсь утверждать, что у прекрасной незнакомки не хватитъ энергіи для такого рѣшительнаго шага. Если материнскій авторитетъ былъ въ состояніи навязать ей немилаго жениха, то покорное дитя позволитъ и впослѣдствіи управлять и располагать собою. Въ одинъ день нельзя эманципироваться.

Отто тупо и пристально смотрѣлъ вдаль.

— Но если... если я ошибаюсь въ этомъ, продолжала молодая женщина,—то... то увезите дѣвушку сейчасъ же. Вы отвратите такою поспѣшностью богопротивное кровопролитіе...

— Вотъ такъ идея! Но прежде чѣмъ представится случай къ ея осуществленію, ужасное дѣло будетъ, можетъ быть, уже совершено! Вѣдь свадьба то назначена всего черезъ нѣсколько недѣль, кузина.

— Довольно времени для того, чтобъ завоевать царство. Послушайте, Отто, я желаю вамъ добра. Обѣщайте мнѣ ждать терпѣливо и покорно, покрайней мѣрѣ хоть одну недѣлю....

— Зачѣмъ?

— Изъ любви ко мнѣ! Конечно,тѣмъ временемъ, вамъ придетъ на умъ какая нибудь мысль. Подарите меня вашимъ полнымъ довѣріемъ.

— Ахъ! чего бы я не сдѣлалъ, еслибъ только зналъ...

— Во всякомъ случаѣ, вы ничего не теряете, если мы обсудимъ основательно это дѣло. Какъ вы думаете?

— Конечно ничего не теряю, но...

— Знаете ли что? Приходите ко мнѣ завтра отъ четырехъ до пяти часовъ пополудни: мы посмотримъ тогда, что дѣлать. Но до тѣхъ поръ обѣщайте мнѣ не дѣлать ни одного опрометчиваго шага. Согласны?

— Хорошо, я буду на мѣстѣ ровно въ половинѣ пятаго. Теперь же не хочу больше надоѣдать вамъ, кузина. *A propos*, вы танцуете?

— Нѣтъ, Отто!

— Иначе я позволилъ бы себѣ...

— Вы слишкомъ добры, кузенъ. Ступайте лучше къ молодымъ дѣвушкамъ и забудьте свои фантазіи. Желаю вамъ веселиться, милый Отто.

Офицеръ всталъ и съ рыцарской вѣжливостію поцѣловалъ руку своей пріятельницы. Затѣмъ онъ изчезъ въ толпѣ бродившихъ взадъ и впередъ гостей.

Въ ту же самую минуту появилась «угрожающоя фигура профессора». Это былъ почтенный старикъ; за нимъ шелъ молодой мужчина, лѣтъ тридцати.

— Позвольте, милостивая государыня, представить вамъ сына одного изъ самыхъ дорогихъ для меня друзей. Докторъ Леопольдъ Винтеръ, изъ В..., госпожа фонъ Устендорфъ...

Луиза вздрогнула незамѣтнымъ образомъ и измѣнилась въ лицѣ. И молодой человѣкъ былъ повидимому чрезвычайно изумленъ.

— Возможно ли? спросилъ онъ раскланиваясь,—фрейлейнъ Луиза фонъ Гергардтъ...

— А, вы знакомы между собою?

— Мы земляки, господинъ профессоръ, возразилъ Леопольдъ. — Когда вы говорили мнѣ о прелестной госпожѣ фонъ Устендорфъ, я и не подозрѣвалъ…

— Скажите пожалуйста! Вотъ такъ приключеніе! И такъ, вы знакомы другъ съ другомъ! Ну, въ такомъ случаѣ, у васъ есть о чемъ поговорить: о добромъ старомъ времени, о добрыхъ пріятеляхъ и пріятельницахъ, о свадьбахъ и смертныхъ случаяхъ, какіе ведетъ за собою жизнь. Не хочу мѣшать вамъ, милостивая государыня….

— Но, господинъ профессоръ, вы вовсе не мѣшаете, пожалуйста…

— Знаю, знаю. Буду имѣть честь послѣ. Мое нижайшее почтеніе.

И дружески кивнувъ головою, онъ ушелъ изъ ниши, предоставляя молодымъ людямъ мѣняться своими воспоминаніями.

Леопольдъ первый прервалъ молчаніе.

— Фрейлейнъ.. милостивая государыня, хотѣлъ я сказать. Боже, какъ это странно звучитъ!..

Луиза улыбнулась.

— Знать молодую особу только дѣвицею Гергардъ, а потомъ встрѣтить ее безъ всякаго предваренія, совершенно неожиданно, госпожею фонъ Устендорфъ. Сознайтесь сами, милостивая государыня…

— Ну, это въ порядкѣ вещей, господинъ… докторъ. Вы не имѣли еще этого титула, когда я видѣла васъ въ послѣдній разъ.

— Сколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ маскарадѣ у маленькой Генріэты?

— Да лѣтъ шесть, семь, никакъ не меньше.

— Вы знаете, что Генріэта вышла, тѣмъ временемъ, замужъ?

— Я такъ и думала. Она была помолвлена. Мы уже давно перестали переписываться.

— Такъ все проходитъ подъ луною. Она считалась тогда самымъ лучшимъ вашимъ другомъ.

— Вонъ изъ глазъ, вонъ изъ сердца. Виновата она. Счастлива ли она съ своимъ Рейнгольдомъ?

— Съ Рейнгольдомъ?! Бѣдняка Рейнгольда очень скоро выбросили за бортъ. Она вышла замужъ за богатаго берлинскаго банкира, а Рейнгольдъ уѣхалъ въ отчаяніи въ Америку.

— Глупецъ!

— Странно, странно, что вы могли потерять изъ виду задушевнаго друга вашей молодости.

— Но откуда вы знаете, что…

— Моя сестра извѣщаетъ меня, временами, обо всемъ что тамъ дѣлается.

— Скажите пожалуйста! Чрезвычайно лестно, что при такихъ условіяхъ имя Устендорфъ до такой степени чуждо вамъ…

— Это нѣчто другое, милостивая государыня.

— Какъ такъ?

— Это было… это произошло… она не упоминала обо немъ по моему собственному желанію.

— Еще лучше! Знаете ли вы, многоуважаемый господинъ докторъ, что вы очень-очень нелюбезны?

— Вы понимаете меня не такъ, какъ слѣдуетъ…

— Нѣтъ, нѣтъ, я всегда чувствовала, что въ отношеніи меня вы… какъ бы это сказать принимали всегда какой-то особенный тонъ. Вы… простите меня, что я говорю объ этихъ давно-прошедшихъ вещахъ.

— Милостивая государыня, право, я не знаю… Вы совершенно не понимаете меня…

— Я только шучу…

— Совершенно справедливо, вы только шутите, но въ основаніи вашей шутки лежитъ что-то далеко не шуточное. Признаюсь вамъ, что я не разъ приходилъ въ затрудненіе, стараясь объяснить себѣ ваши слова и поступки. Выходитъ стало быть, что это отчуждающее впечатлѣніе основывалось на чувствѣ взаимности?

— Можетъ быть.

— Что касается до меня, то если, временами… можетъ быть вовсе не желая того… я казался рѣзокъ или насмѣшливъ—то это происходило отъ того только… отъ того только, что я былъ убѣжденъ, что внушаю вамъ сильное отвращеніе…

Лицо Луизы покрылось яркой краской.

— Вы ошибались, возразила она съ искуственнымъ спокойствіемъ.—Я видѣла, что вы могли быть очень любезны, если только хотѣли; я видѣла всѣ ваши превосходныя свойства… Но…

Она остановилась.

— Пожалуйста, продолжайте. Но?…

— Но меня оскорбляло, что вы умышленно отказывались отъ этихъ преимуществъ, коль скоро приближались ко мнѣ.

— Милостивая государыня, сказалъ Леопольдъ твердымъ голосомъ,—могу ли я быть откровеннымъ?

— Почему же нѣтъ? Я люблю откровенность и въ бездѣлицахъ и въ важныхъ дѣлахъ. Говорите!

— Вы замужемъ, я помолвленъ—излишняя осторожность была бы просто смѣшна. Я говорилъ вамъ, что моя сестра не говорила мнѣ о васъ и вашей судьбѣ по моему собственному желанію…

— Я находила, что именно это-то и нелестно…

— Но вы не знаете моихъ причинъ.

— Мнѣ было бы очень любопытно узнать.

— Я любилъ васъ…

Луиза засмѣялась.

— Вы точь въ точь такой же какъ и прежде. Мнѣ кажется вы уже объяснились на этотъ счетъ Генріетѣ; это была шутка, которая въ то время чрезвычайно оскорбила меня.

— Но, увѣряю васъ, милостивая государыня…

— Знаю… Генріэта въ тотъ вечеръ такъ долго насмѣхалась надо мною, что я, сильно разсердившись, ушла отъ нее. Мы не говорили другъ съ другомъ въ теченіи двухъ недѣль. Эта дружеская ссора была вашимъ дѣломъ, господинъ докторъ.

— Такъ стало быть эта змѣя солгала! Что сказала она вамъ?

— Боже мой! вы хотите, чтобъ я помнила это еще и теперь. Вы требуете невозможнаго.

— Припомните, сдѣлайте одолженіе.

— Не все ли равно?..

— О, для меня далеко не все равно, что вы можете принимать меня за низкаго человѣка, за что-то вродѣ мефистофиля. Что сказала она?

— Ну, она пришла ко мнѣ и стала поздравлять меня съ остроумнымъ обожателемъ. Я не понимала ее. «Луизхенъ» шептала она, «милая дитя, онъ признался мнѣ во всемъ: онъ обожаетъ тебя и скоро воспоетъ тебя во всевозможныхъ журналахъ и газетахъ подъ именемъ Хлои». И при этомъ она смѣялась такъ необузданно, что у меня выступили съ досады слезы на глазахъ.

Леопольдъ задумчиво смотрѣлъ вдаль.

— Это было или неслыханное коварство или же безпри-

мѣрная неловкость. Я сдѣлалъ ее своей повѣренной. Я просилъ ее помочь мнѣ. Безсовѣстная!

— Станемъ-те говорить о чемъ нибудь другомъ.

— Зачѣмъ же, милостивая государыня? Мнѣ очень важно убѣдить васъ.

— Но я прошу васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ; теперь, когда мы именно объ этомъ заговорили, надобно снять эту тяжесть съ души. Клянусь всемогущимъ Богомъ, милостивая государыня, я былъ несказанно влюбленъ въ васъ...

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Далеко, далеко больше, чѣмъ теперь въ мою невѣсту.

— Вы наивны. Бѣдная дѣвушка!

— Я констатирую только явный фактъ.

— Явный? Ужь не хотите ли вы польстить мнѣ? Увѣряю васъ заранѣе, что я чрезвычайно невоспріимчива...

— У меня были совершенно другія намѣренія. Я не желаю проводить параллели. Луиза фонъ Гергардтъ, которую я зналъ когда-то, слишкомъ отлична отъ моей бѣлокурой, тихой Эмми... Нѣтъ я не обманывалъ себя на этотъ счетъ. Но въ тридцать лѣтъ любятъ разумнѣе чѣмъ въ двадцать.

— Разумнѣе? Конечно, это было очень неблагоразумно находить упомянутую выше Луизу достойною любви.

— Вы большая мастерица перетолковывать въ дурную сторону самыя невинныя рѣчи. Я хотѣлъ сказать, что въ тридцать лѣтъ сердце неспособно уже къ той пылкой, самоотверженной, чрезмѣрной любви, которая освѣтила—или опалила—первую весну нашей молодости.

— Что вы разумѣете подъ словами: пылкая, самоотверженная, чрезмѣрная любовь? Если вы дѣйствительно любите вашу Эмми, то эти три эпитета и теперь еще могутъ найти такое же примѣненіе, какъ...

— Какъ прежде, хотите вы сказать? Но вотъ съ этимъ-то я и не согласенъ. Повторяю вамъ, человѣкъ моихъ лѣтъ уже покончилъ съ сладкими иллюзіями первой молодости. Теперь кровь течетъ у меня въ жилахъ такъ спокойно, такъ холодно... да, такъ холодно, что я могу говорить о дняхъ моей первой любви, какъ о какомъ нибудь невозвратимомъ историческомъ фактѣ... И слава Богу, что это такъ!

Луиза взглянула задумчиво на блестящую суматоху зала. Ея рука играла машинально вѣеромъ.

— И такъ, вы помолвлены? спросила она послѣ минутнаго молчанія.—Не будетъ ли нескромностью съ моей стороны, если я освѣдомлюсь о личности будущей госпожи докторши?

— Вовсе нѣтъ. Моя невѣста—единственная дочь вдовствующей надворной совѣтницы Фабриціусъ, бѣлокурая, розовая и стройная дѣвушка восьмнадцати лѣтъ. Она въ состояніи написать сноснымъ образомъ французское письмо и чрезвычайно кротка и скромна...

— Чего же вамъ еще? Поздравляю васъ отъ всего сердца, господинъ докторъ...

— Покорно благодарю. Вы незнакомы съ этимъ семействомъ?

— Къ сожалѣнію...

— Въ противномъ случаѣ я попросилъ бы у васъ кой какихъ подробностей. Все что я знаю—это только то, что Эмми—милая, любезная дѣвушка, а мама Фабриціусъ—дама, которая... ну, у которой очень много талантовъ для тещи.

— И вы такъ мало заботитесь объ обстановкѣ семейства, которое такъ близко вамъ?

— Что прикажете дѣлать, милостивая государыня? сегодня ровно три недѣли, какъ я въѣхалъ въ этотъ городъ, и девять дней съ тѣхъ поръ, какъ я помолвленъ....

— Возможно ли? Ваше счастье такъ молодо?

— Ни на одинъ часъ не старше. Въ тридцать лѣтъ у человѣка нѣтъ ни времени ни охоты тянуть любовный романъ. Я увидалъ Эмми въ одномъ небольшомъ частномъ кружкѣ, она понравилась мнѣ; съ своей стороны и я, повидимому, былъ непротивенъ ей, вотъ я и подумалъ...

— Ну, нечего сказать, вотъ такъ легкомысліе!

— Милостивая государыня, въ подобныхъ вещахъ я могу полагаться на свою проницательность. Удивительная кротость, которою дышетъ все существо Эмми, плѣнила меня. Я сказалъ самому себѣ: это невинное дитя создано для тебя, она не станетъ ни тиранствовать, ни лгать,—а ты долженъ же рано или поздно положить конецъ своей цыганской жизни...

— Право, вы чрезвычайно быстро рѣшились.

— Мнѣ надоѣло вѣчное кочеванье изъ одного мѣста въ другое; я знаю полъ-Европы и добрую часть Азіи и Африки...

— Мнѣ кажется, вы землевладѣлецъ?

— Ну да; но до сихъ поръ я столько же заботился объ управленіи моими помѣстьями, какъ эскимосъ объ эстетикѣ. Съ тѣхъ поръ.. какъ я оставилъ.. отечество и все, что было дорого мнѣ, я безъ отдыха бродилъ по свѣту, нося въ сердцѣ изображеніе холоднаго, насмѣшливаго, ахъ! и все-таки небесно-прекраснаго лица... и это видѣніе, преслѣдовавшее меня отъ Рима до Каиро, отъ Петербурга до Нижняго-Новгорода, отъ Таго до Эфрата, эта сладко-мучительная мечта — были вы, фрейлейнъ Луиза, милостивая государыня, хотѣлъ я сказать.

— Вы доходили до Эфрата? прошептала Луиза въ пріятномъ смущеніи.

— До Эфрата и дальше. О, когда ищешь покоя, то путешествуешь быстро! Слава Богу! Дѣтская тоска улеглась съ лѣтами... Я сталъ разсудителенъ. Я забылъ возлюбленнаго демона, спугнувшаго меня отсюда. Я выучился понимать жизнь и въ счастливыя минуты смѣялся надъ моими собственными фантазіями.

— Эфратъ... красивая рѣка?

— Трудно рѣшить. Когда я бродилъ по его берегамъ, я обращалъ очень мало вниманія на ландшафты. Вѣдь это было только черезъ полгода послѣ того маскарада. Рана была еще слишкомъ свѣжа, милостивая государыня.

— Вы говорите, какъ будто бы я Богъ знаетъ какъ провинилась передъ вами. И такъ, Эмми Фабриціусъ называется вашей невѣстой. Почему ее нѣтъ здѣсь?

— Мама не потерпѣла бы этого, не въ обиду ей будь сказано. Малютка занята съ утра и до ночи изготовленіемъ своего приданаго. Шесть или семь швей окружаютъ ее съ ранняго утра и до поздней ночи. Спать ложатся не прежде какъ въ полночь...

— Развѣ день свадьбы такъ близокъ?

— Должно быть черезъ четыре, пять недѣль. Это дѣло мама Фабриціусъ. Я предоставилъ это на ея волю.

— Такъ стало-быть вашу невѣсту нельзя уже видѣть до свадьбы?

— Трудно.

— Жаль!

— Вы интересуетесь ею?

— Чрезвычайно.

— Гм! Знаете ли что, милостивая государыня?

— Ну?

— Поѣзжайте со мною завтра утромъ въ замокъ. Такъ называетъ мама Фабриціусъ свою скромную дачу...

— Что вы говорите!...

— Неужели мое предложеніе кажется вамъ такъ странно?

— Странно? Да, въ величайшей степени.

— Но, милостивая государыня, вѣдь мы уже не дѣти. Въ случаѣ нужды мы возьмемъ съ собой какую нибудь другую даму.

— Я не нуждаюсь въ этомъ.. только...

— Такъ скажите же: да. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, первое, о которомъ я когда либо просилъ васъ.

— Но что подумаютъ дамы въ замкѣ, когда совершенно незнакомая...

— Незнакомая? Я представлю васъ, какъ подругу моей молодости, какъ кузину, какъ сестру, если хотите. Мама Фабриціусъ приметъ васъ съ распростертыми объятіями. Малюткѣ вы дадите нѣсколько совѣтовъ касательно ея подвѣнечнаго платья и дружескій союзъ будетъ заключенъ на вѣки - вѣчные.

— Чрезвычайно эксцентричная идея..

— Но оригинальная. Скажите: да!

— Да же, когда такъ. Вы видите, что не смотря на свои двадцать восемь лѣтъ, я готова еще на сумазбродныя выходки.

— Рѣшено. Завтра въ половинѣ десятаго я заѣзжаю за вами въ своей одноколкѣ. *Nota bene*... Извините меня, ради Бога, за мое безпримѣрное невѣжество. Я не проронилъ еще ни одного слова по поводу вашего супруга. Я сочту за счастье познакомиться съ нимъ.

Луиза помедлила съ минуту отвѣтомъ.

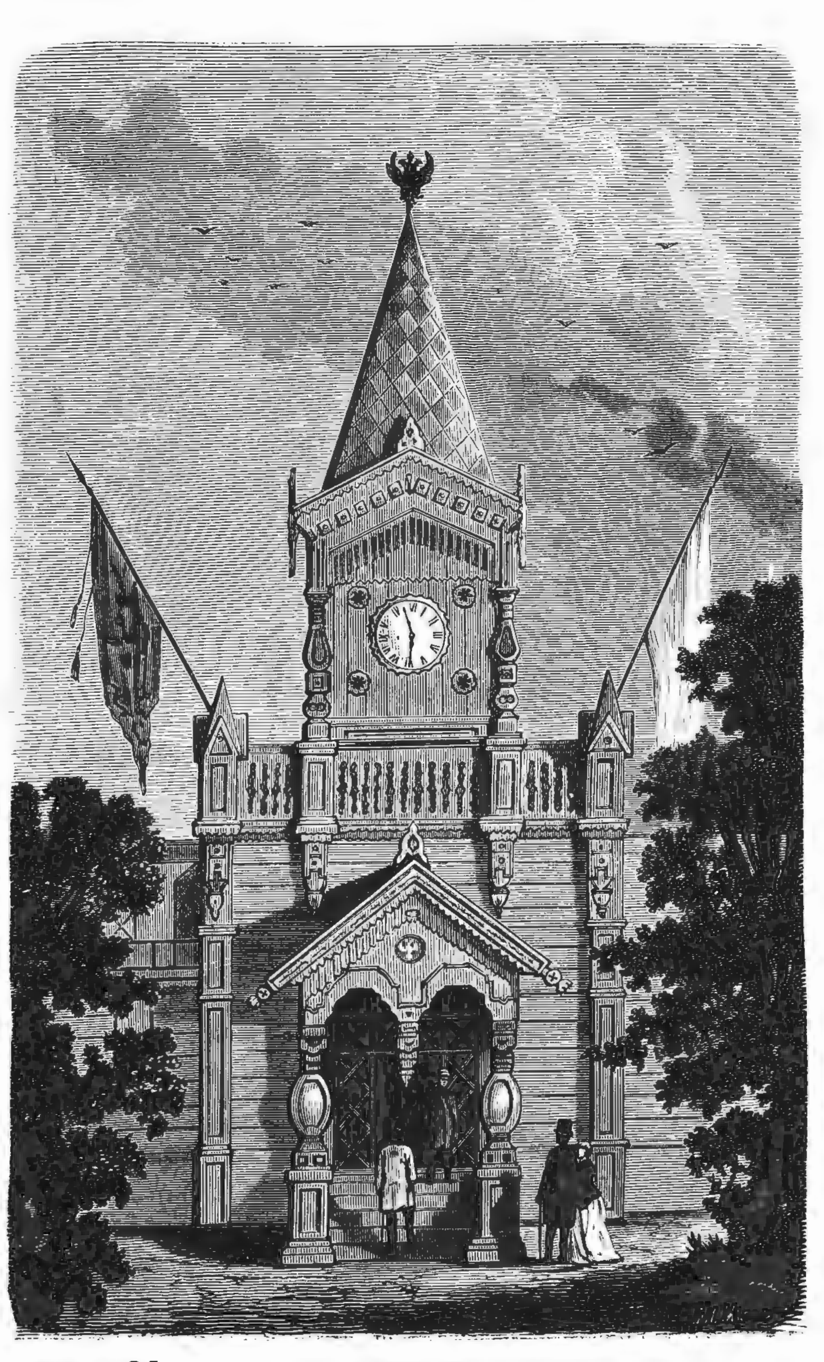
— Господинъ фонъ Устенъдорфъ умеръ, сказала она торжественно.

— Умеръ. Вы вдова?

— Мой мужъ убитъ въ сраженіи при Садовѣ.

Въ эту минуту въ нишу вошелъ профессоръ. Разговоръ, очень естественно, принялъ другое направленіе. Леопольдъ молчалъ какъ будто бы его тутъ не было. Когда черезъ нѣсколько минутъ былъ поданъ сигналъ для полонеза, онъ такъ же молча раскланялся и поспѣшилъ въ танцовальную залу смотрѣть на тянувшіяся колоннами пары. Какъ странно было у него на душѣ! Тщетно силился онъ обратить свое вниманіе на тотъ или другой пунктъ; тщетно убѣждалъ онъ себя, что чрезвычайно интересно изучать въ незнакомомъ городѣ физіономіи дамъ. Онъ то и дѣло ловилъ себя на ложныхъ путяхъ, куда заводила его необузданно блуждавшая мечта,—и, самъ не зная какимъ образомъ случилось это, очутился у изящнаго мраморнаго камина, насупротивъ той оконной ниши, гдѣ Луиза вела живой разговоръ съ профессоромъ и двумя другими господами.

Какъ хороша была она! Какъ чудно обрамливали темнорусые волосы ея прекрасное лицо! А эти глаза, эти выразительные, сводящіе съ ума, глаза! Да, это былъ тотъ же нѣжный, мечтательный взоръ, который растерзалъ ему когда-то сердце. Чары не изчезли—напротивъ того, ему казалось, какъ будто бы роза только что теперь вполнѣ развернулась, какъ будто бы душа только что теперь довершила созданіе своей прелестной оболочки. Таившіяся во глубинѣ души его воспоминанія, любовь, страсть, проснулись. Все, что онъ когда либо чувствовалъ въ отношеніи Луизы, вспыхнуло яркимъ огнемъ, словно пламя которое только дремлетъ подъ пепломъ... И она была теперь свободнѣе чѣмъ когда либо, свободна не только отъ всѣхъ внѣшнихъ узъ, но и отъ оковъ обмана! Она знала теперь то, что онъ прежде скрывалъ отъ нея; она понимала то, что оказалось ей когда-то необъяснимымъ! О Луиза, Луиза, и судьба разлучаетъ насъ во второй разъ!



Московская политехническая выставка.

Порталъ почтоваго отдѣла. Рис. Н. Каразинъ, грав. И. Матюшинъ.

Онъ не могъ больше выносить вида любимаго существа. Ему нужно было воздуха, бури. Пролепетавъ нѣсколько словъ, онъ простился съ хозяйкой дома и бросился вонъ. Была морозная мартовская ночь, торопливо бѣжалъ онъ по пустыннымъ улицамъ, не зная куда и за чѣмъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что его кто-то сильно схватилъ за лѣвую руку.

(Продолженіе будетъ).

Московская политехническая выставка.

(Продолженіе).

Прилагая рисунокъ фронтона и портала въ павильонѣ почтоваго отдѣла, описаніе котораго было уже дано въ № 28 «Нивы», мы перейдемъ теперь къ другому—одному изъ интереснѣйшихъ отдѣловъ выставки: это павильонъ произведеній туркестанскаго края, привлекающій вниманіе посѣтителей какъ особенностями архитектурнаго стиля и украшеній, такъ и богатствомъ содержимаго, которымъ знакомитъ съ недавно-покоренною русскому владычеству страной. Возникновеніемъ этого отдѣла на текущей выставкѣ мы одолжены туркестанской секціи общества любителей естествознанія.

Фронтонъ павильона есть ничто иное какъ копія (хотя немного измѣненная) одной изъ древнихъ построекъ, сохранившихся особенно удачно въ Самаркандѣ: это медрессе (духовное училище) Ширдаръ. Видъ самаго павильона таковъ, какъ будто онъ построенъ изъ глазурованныхъ кирпичей и мозаики, съ остроконечной аркой въ фронтонѣ и двумя минаретами по бокамъ; разноцвѣтные кирпичи образуютъ своимъ сочетаніемъ затѣйливые рисунки въ восточномъ вкусѣ.

Прежде чѣмъ войдти въ главную залу, кинемъ взглядъ на входное пространство, оставленное открытымъ сверху и по восточному обычаю обращенное въ садъ, вокругъ котораго расположены входы въ различныя отдѣленія этого павильона,—и на этнографическое помѣщеніе, съ перваго взгляда поражающее декоративностью своей обстановки. Въ различныхъ нишахъ видимъ мы здѣсь лавки базарной площади, булочную, цирульню, харчевню и т. п., обставленныя манекенами, напоминающими московскую этнографическую выставку 1867 года. Въ цирульнѣ брѣютъ голову разодѣтому какъ на праздникъ мусульманину, чайная (чайхана) наполнена охотниками до чаепитія, а въ третьей иллюзія достигаетъ высшей степени, такъ какъ тамъ сидитъ уже не манекенъ, а живой вышивальщикъ, тутъ же на мѣстѣ работающій свои ковры. Очень хороша также группа перекочевывающаго киргиза верхомъ на быкѣ съ шествующимъ за нимъ верблюдомъ, который, навьюченъ полнымъ домохозяйствомъ степняка: юртою, котломъ, тaганомъ и проч. Женщины и дѣвушки, закутанныя въ халаты, съ закрытыми лицами, дуваны (нищенствующій орденъ) и водоносъ дополняютъ картину азіатскаго базара. На галерейкѣ вокругъ него расположены модели сартовыхъ жилищъ, совсѣмъ устройствомъ и убранствомъ комнатъ, садовыя палатки богачей между сартами, наконецъ цѣлая юрта, въ которой поставлены 8 манекеновъ—отъ работника до нагаго ребенка, роющагося на землѣ у котелка. Такимъ образомъ зритель чувствуетъ себя какъ бы перенесеннымъ въ Туркестанъ и пріобрѣтаетъ возможно полное и самое наглядное понятіе о житьѣ-бытьѣ нашихъ новыхъ соотечественниковъ.

Въ географическомъ отдѣленіи посѣтителя останавливаетъ громадная карта туркестанскаго края съ дополняющими ее меньшими, фотографіи, модели построекъ и интересное собраніе древнихъ монетъ.

Одна изъ стѣнъ естественно-историческаго отдѣленія, правая отъ входа, заставлена образцами туземныхъ высушенныхъ растеній. Особенно замѣчательны дикорастущіе на всемъ пространствѣ степей виды изъ семейства ferulaceae до 2-хъ аршинъ вышиною; между ними находится *Scorodosma foetidum*, доставляющая тотъ зловонный аптечный препаратъ, ассафетиду, что до сихъ поръ получался лишь изъ Персіи чрезвычайно дорогою цѣною. Эти же ferulaceae доставляютъ *Gummi ammoniacum* и *Galbani*. Въ ботанической секціи находится также богатый гербарій, собранный въ теченіи трехъ лѣтъ госпожею Федченко при туркестанской экспедиціи Московскаго Общества любителей естествознанія. Изъ живыхъ растеній замѣчателенъ сумбулъ, доставляющій корень мускусоваго запаха. Зоологическая секція выставила различные препараты въ спирту, чучела тигра, дикобраза и прочихъ млекопитающихъ, фазана, степной куропатки (бульдурукъ), голубей, грифа до 1½ сажени въ распростертыхъ крыльяхъ, ящерицъ, змѣй, рыбъ и черепахи *Homopus Horsfieldii*. Отдѣлъ этотъ даетъ возможность ознакомиться не только съ фауной, но и съ тѣми снарядами, которыми пользуются туземные охотники для ловли, ястребиной и соколиной охоты и стрѣльбы звѣрей, ружья, силки, сѣти, удочки и проч. Антропологическая секція представляетъ собраніе череповъ, очевидно весьма различныхъ типовъ, таджиковъ, узбековъ, киргизъ и сартовъ; между черепами встрѣчается одинъ принадлежащій чрезвычайно интелигентной расѣ съ замѣчательнымъ развитіемъ мозга. Въ минералогическомъ отдѣленіи выставлены образцы рудъ, мѣди, желѣза, свинцу, графита, бирюзы, каменной соли изъ различныхъ мѣстностей. Изъ татариновскихъ каменноугольныхъ копей доставлена великолѣпная коллекція ископаемыхъ отпечатковъ тайнобрачныхъ растеній, а изъ копальскаго уѣзда торфъ. Что касается сельскохозяйственнаго отдѣленія, то въ немъ находятся образцы почвъ, засушенные экземпляры и зерна воздѣлываемыхъ растеній, земледѣльческія орудія: туземный плугъ (омачь), мотыга (кетмень), серпъ (уракъ), вилы двухъ сортовъ и проч. Самую характерную особенность земледѣлія въ туркестанскомъ краѣ составляетъ орошеніе. Для успѣшнаго произростанія туземныя растенія требуютъ не одинаковаго количества воды и орошаются различно: посѣвы однихъ, какъ напр. риса, совершенно затопляются водою и рисовое поле почти до самой жатвы бываетъ ею покрыто; на посѣвы люцерны вода напускается три-четыре раза въ лѣто, на нѣсколько часовъ, причемъ вся площадь поля наводняется и затѣмъ спускаютъ воду съ поля; наконецъ для дынь и арбузовъ воду распредѣляютъ по полю, напуская ее въ канавки, проведенныя между посѣянными рядами растеній, причемъ вода инфильтрируется рыхлой почвой. Система, которой держится мѣстное полеводство,—трехпольная съ паровымъ полемъ (шидгаръ). При продолжительности лѣта тамъ возможны и получаются урожаи вторыхъ посѣвовъ въ озимомъ полѣ. По уборкѣ озимыхъ хлѣбовъ немедленно приступаютъ къ обработкѣ этого поля подъ вторые посѣвы и засѣваютъ въ то же

лѣто или машъ (phaseolus torulosus), или тарыкъ (panicum mil.), а отчасти морковь, рѣже кунжутъ, макъ и чечевицу. Урожай вторыхъ посѣвовъ получаютъ осенью того же года. Кромѣ хлопка выставлены образцы пшеницы, риса, ячменя, гороха, сорго, сафлора, льна, табаку, послѣднiй съ плантацiй Кузнѣева въ Вѣрномъ и Первушина въ Ташкентѣ. Величайшая же будущность ожидаетъ хлопчатобумажныя плантацiи. Лучшаго достоинства хлопокъ впрочемъ не туземный, а выращивается изъ американскихъ сѣмянъ па плантацiи г. Раевскаго. Къ сожалѣнiю, сѣмена вырождаются уже на второй годъ. Шерсти также предстоитъ въ Туркестанѣ обильное производство, такъ какъ въ жвачныхъ здѣсь нѣтъ недостатка, только киргизская овца даетъ грубую шерсть не дороже 2 рублей за пудъ. Замѣчательнѣе козiй пухъ, верблюжья шерсть и конскiй волосъ. Изъ шкуръ звѣриныхъ есть тигровыя, рысьи, волчьи, лисьи, куньи, дикихъ кошекъ и проч. Огромное значенiе туркестанскому краю обѣщаетъ шелкъ. На выставкѣ собрано все, чѣмъ располагаетъ страна въ этомъ отношенiи. Яички, гусеницы, бабочки, коконы и получаемый отъ нихъ шелкъ изъ разныхъ мѣстностей Ташкента, Самарканда, Ходжента и Кокана; а также огромный выборъ шелковыхъ матерiй азiатскаго вкуса, весьма тонкихъ и стоющихъ отъ 60 коп. до рубля аршинъ. Возлѣ павильона въ особомъ помѣщенiи работаютъ туземцы, въ живописныхъ восточныхъ костюмахъ, прядутъ шелкъ и ткутъ матерiи на азiатскихъ, почти примитивныхъ станкахъ. Въ Туркестанѣ есть и русскiя шелкопрядильни гг. Гурда, Арзамасова и Первушина, издѣлiя которыхъ цѣнятся вдвое дороже азiатскихъ, такъ какъ туземцы прядутъ крайне небрежно и нитка у нихъ толста и неровна. Шелководство распространено въ малыхъ размѣрахъ, въ видѣ кустарной промышленности, по всему Туркестану и такимъ образомъ подготовляетъ почву обширнымъ производствамъ, когда явятся рацiональные хозяева капиталисты. Нельзя не обратить вниманiя на нефтяные источники, которые въ этомъ краю не менѣе знаменитыхъ Пенсильванскихъ. Въ техническомъ же отдѣлѣ интересны издѣлiя изъ камышу, глины и металловъ. Камышъ идетъ на крыши, заборы, юрты, мѣшки, плетенки, чубуки и проч. Отсутствiе лѣсовъ поставило глину въ Туркестанѣ на степень главнаго строительнаго матерiала. Деревянныхъ построекъ тамъ совсѣмъ нѣтъ; большею частью онѣ изъ сырцеваго, рѣдко изъ обожженнаго кирпича. Металлическiя издѣлiя является въ видѣ мелкихъподѣлокъ изъ желѣза, мѣди, латуни, олова, золота и серебра.

Военное отдѣленiе Туркестанскаго отдѣла даетъ понятiе о житьѣ-бытьѣ русскаго солдата въ краѣ, гдѣ мундиръ замѣняется широкой бѣлой рубахой, ранецъ холщевымъ мѣшкомъ и т. д., что понятно при 45°-ной жарѣ.

(Продолженiе будетъ).

Неблагодарный трудъ.

или

Чѣмъ вѣрнѣе портретъ, тѣмъ хуже расплата.

(Снимокъ съ картины Эдуарда Жирардэ).

Прилагаемая картинка одного извѣстныхъ представителей французской школы, какъ всякое истинно-художественное произведенiе, затрогиваетъ настолько общечеловѣческую сторону жизни, что перерядите этихъ мальчугановъ съ престарѣлымъ педагогомъ въ любой изъ нацiональныхъ костюмовъ—и они станутъ по желанiю вашему, русскими, французами, нѣмцами, греками, евреями, чѣмъ угодно. Золотое дѣтство и сребрекудрая старость, два крайнiе полюса жизни, сходятся не только тѣмъ, что дряхлые старики возвращаются къ младенчеству, но и въ томъ отношенiи, что эти два возраста запечатлѣны нѣкоторымъ безразличiемъ относительно народностей: округлая неопредѣленность чертъ, мягкость и свѣжесть кожи, наивно-любопытное выраженiе глазъ, отличающiя первую раннюю пору жизни, такъ же мало говорятъ о нацiональности, какъ и рѣзкiя морщины съ потухшимъ взглядомъ—слѣды долговременныхъ заботъ, разочарованiй, бѣдствiй, болѣзни и печали, общихъ роду людскому въ сей юдоли. Только въ зрѣломъ возрастѣ, въ полной порѣ развитiя физическихъ иправственныхъ силъ и чуткой всесторонней воспрiимчивости къ мѣстнымъ условiямъ, можно безошибочно опредѣлить нацiональность даннаго субъекта. Дѣтство же и старость въ этомъ отношенiи подаютъ другъ другу руку, такъ какъ первое не успѣло еще прiобрѣсть, а вторая почти утрачиваетъ отличительныя черты своей народности. Но за то въ отношенiяхъ между собою обѣ стороны выказываютъ почти непрерывный антагонизмъ. Брюзгливую старость тревожитъ задорное шумливое непосѣдство молодаго роя, она зорко сторожитъ и ворчливо сдерживаетъ его шаловливые порывы своей холодѣющей рукой; молодежь инстинктуивно чуетъ, что придетъ пора отроиться отъ роднаго улья, и тайкомъ подтруниваетъ надъ осторожной своей руководительницей... Одинъ изъ такихъ моментовъ изображенъ талантливою кистью Э. Жирардэ. Передъ нами сельская школа со всею своей небогатою обстановкой. Одинъ изъ мальчугановъ, самоучкой навострившiйся схватывать характеристическiе контуры видимыхъ предметовъ, воспользовался той минутой, когда учитель что-то объяснялъ или спрашивалъ урокъ на той половинѣ класса, и задумалъ потѣшить своихъ товарищей образчикомъ портретной живописи. Сосѣдъ его съ нескрываемымъ удовольствiемъ и видимой симпатiей слѣдитъ за тѣмъ, какъ на аспидной доскѣ появляется знакомая ермолка, а подъ нею носъ, осѣдланный пушечно-колесными очками, и наконецъ вся фигура стараго ментора... Но, бѣда у насъ не за горами, а за плечами; наставникъ, почуявъ что-то неладное въ тѣсной группѣ у праваго стола, неслышно подкрался, заглянулъ черезъ плечо артиста—и различныя впечатлѣнiя этого казуса отражаются на лицахъ всѣхъ прочихъ учениковъ, которые знаютъ что въ такихъ случаяхъ сходство портрета съ оригиналомъ рѣдко награждается по достоинству.

Сидящiй напротивъ юнаго художника первый замѣтилъ приближенiе грозы—и онѣмѣвъ отъ ужаса, таращитъ глазенки пригибаясь къ столу; на лѣвомъ планѣ картины двое учениковъ также робко оглядываются, шепотомъ переговариваясь между собою и ожидая далеко не золотаго дождя, который посыплется на повинную голову...

Судебная хроника.

Дѣятельность мироваго суда въ Петербургѣ за послѣднее трехлѣтіе. — Дѣло о поединкѣ г. Утина съ г. Жоховымъ. — Дѣло объ оскорбленіи дѣйствіемъ служащаго лица во время отправленія имъ служебныхъ обязанностей.—Два дѣла о покушеніи на убійство.

С.-Петербургскій столичный мировой съѣздъ опубликовалъ недавно отчетъ о дѣятельности мировыхъ судовъ въ Петербургѣ за послѣдніе три года, 1869, 1870 и 1871. Отчетъ этотъ представляетъ не мало интересныхъ данныхъ, съ которыми считаемъ нелишнимъ познакомить нашихъ читателей. Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе постепенное *уменьшеніе* дѣлъ, разбиравшихся за отчетные годы въ камерахъ столичныхъ мировыхъ судей. Всѣхъ дѣлъ за 3 означенные года было 236,174; среднимъ числомъ, по 78,724 дѣла на годъ. Изъ этого общаго числа, на 1869 годъ приходится 84,003 дѣла, на 1870—76,517, а на 1871—75,654 дѣла. Значитъ, сумма всѣхъ дѣлъ съ 1869 года уменьшилось слишкомъ на 8 тысячъ, т. е. болѣе чѣмъ на 10 процентовъ. Столь замѣтное уменьшеніе количества дѣлъ можетъ быть объяснено болѣе близкимъ знакомствомъ столичнаго населенія съ характеромъ новаго суда, и во всякомъ случаѣ представляетъ явленіе довольно утѣшительное. Къ сожалѣнію, ближайшее разсмотрѣніе дѣла нѣсколько охлаждаетъ это впечатлѣніе, такъ-какъ уменьшеніе произошло преимущественно въ суммѣ гражданскихъ дѣлъ; число же дѣлъ уголовныхъ, если и уменьшилось, то въ гораздо меньшей степени. Иначе впрочемъ и не могло быть, потому-что общественные недостатки и дурныя склонности исправляются не годами, а по крайней мѣрѣ десятилѣтіями. Къ тому-же, значительная часть петербургскаго населенія и теперь продолжаетъ жить въ условіяхъ, прямо благопріятствующихъ развитію въ ней дурныхъ склонностей; измѣните эти условія къ лучшему—измѣнятся и цифры правонарушеній, а слѣдовательно и число уголовныхъ дѣлъ, которыми до сихъ поръ завалены камеры мировыхъ судей. Другое характеристическое явленіе, передаваемое отчетомъ,—то, что число дѣлъ, оканчиваемыхъ въ мировыхъ судахъ миромъ, годъ отъ году становится менѣе. Съ одной стороны, фактъ этотъ показываетъ какъ будто недостатокъ примирительнаго вліянія судьи въ разбираемыхъ имъ дѣлахъ; съ другой же точки зрѣнія, онъ показываетъ, что съ теченіемъ времени число неправильныхъ жалобъ или такихъ, въ которыхъ тяжущіеся могутъ придти къ соглашенію, не прибѣгая къ посредничеству суда, постепенно уменьшается. Съ своей стороны, мы желали бы присоединиться скорѣе къ этому послѣднему мнѣнію, нежели къ предъидущему. Дѣла распредѣлялись по участкамъ крайне неравномѣрно; среднимъ числомъ, на каждый участокъ приходилось по 2,624 дѣла въ годъ. Принимая число присутственныхъ дней въ году за 200, получимъ по 13 слишкомъ дѣлъ на день у одного судьи. Для провинціальныхъ мировыхъ судей. подобное число покажется просто невѣроятнымъ; но цифры говорятъ краснорѣчивѣе всякихъ голословныхъ выводовъ. Въ столичномъ мировомъ съѣздѣ, за отчетный періодъ, разсмотрѣно 15,463 дѣла, т. е., среднимъ числомъ, по 5,154 дѣла на годъ. Судебными приставами, за три года, исполнено 56,192 рѣшенія мировыхъ судей и съѣзда, всего на сумму 1,206,723 рубля, и кромѣ того, охранено имущество на сумму 63,827,749 рублей. Надо замѣтить при этомъ, что весьма значительное число дѣлъ исполнено судебными приставами *безплатно*, по взысканіямъ не свыше 5 рублей, возбуждаемымъ преимущественно людьми изъ недостаточныхъ классовъ столичнаго населенія. Въ числѣ недостатковъ столичнаго мироваго суда, отчетъ указываетъ на неудовлетворительность помѣщенія камеръ мировыхъ судей, на недостаточность получаемаго сими послѣдними содержанія (4,500 р.), на недостатки канцелярскаго дѣлопроизводства у мировыхъ судей, на уменьшеніе размѣровъ его и проч.

Въ свое время мы сообщили читателямъ о послѣдствіяхъ дуэли между двумя русскими литераторами: помощникомъ присяжнаго повѣреннаго Евг. Утинымъ и бывшимъ оберъ-секретаремъ Сената Алекс. Жоховымъ. Читатели вѣроятно помнятъ, что на поединкѣ этомъ Жоховъ получилъ смертельную рану въ лобъ, отъ которой черезъ нѣсколько дней и скончался. Затѣмъ, противъ г. Утина и четырехъ секундантовъ возбуждено было судебное преслѣдованіе. Дѣло это разбиралось 16 августа въ третьемъ отдѣленіи спб. окружнаго суда, безъ присяжныхъ засѣдателей, и выяснилось слѣдующимъ образомъ: между Утинымъ и Жоховымъ, еще задолго до ссоры, послужившей поводомъ къ дуэли, были отношенія довольно натянутыя; окончательный же разрывъ между ними послѣдовалъ ввиду слуховъ объ участіи Жохова въ исходѣ дѣла государственнаго преступника Гончарова. Въ частномъ разговорѣ съ Утинымъ, принявшимъ на себя защиту Гончарова, Жоховъ совѣтовалъ придать этому дѣлу характеръ болѣе серіозный; Утинъ же рѣшительно былъ противъ такого способа защиты, находя его пагубнымъ для подсудимаго. Къ этому разногласію примѣшались слухи о томъ, что Жоховъ, состоя въ близкихъ отношеніяхъ къ женѣ Гончарова, предлагалъ подобный способъ защиты съ намѣреніемъ будто-бы повредить ея мужу, чтобы потомъ жениться на ней. Когда эти слухи дошли до ушей Жохова, онъ обратился къ г. Утину съ требованіемъ опровергнуть ихъ самымъ категорическимъ образомъ. Въ отвѣтъ на это, г. Утинъ соглашался дать письменное удостовѣреніе, что онъ, съ своей стороны, не придаетъ этимъ слухамъ никакого значенія; но отказался засвидѣтельствовать, что онъ *ничего* не говорилъ объ участіи въ дѣлѣ Гончарова—его жены и Жохова. Тогда Жоховъ сдѣлалъ Утину вызовъ, и дуэль, несмотря на всѣ старанія друзей покойнаго и секундантовъ, все таки состоялась. Окружной судъ, разобравъ дѣло, призналъ Утина виновнымъ въ томъ, что, по вызову Жохова, онъ вышелъ съ нимъ на поединокъ, и въ нанесеніи ему смертельной раны, отъ которой тотъ и умеръ; а гг. Неклюдова, Буренина, Ватсона и де-Роберти, бывшихъ секундатами при этой дуэли, невиновными въ непринятіи всѣхъ мѣръ къ отклоненію поединка. Вслѣдствіе этого, постановилъ: подсудимаго Утина заключить въ крѣпость на 2 года, но ввиду особыхъ уважительныхъ причинъ, не приводя этого приговора въ исполненіе, ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ, чрезъ министра юстиціи, о смягченіи слѣдующаго ему по закону наказанія до заключенія его въ крѣпость на 5 мѣсяцевъ.

Весьма интересное дѣло, по словамъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, слушалось въ 1-мъ отдѣленіи того-же суда, въ понедѣльникъ, 14 августа. Коллежскій секретарь Постниковъ, служившій въ министерствѣ юстиціи, судился за то, что 28 апрѣля 1872 года, съ цѣлію нанести оскорбленіе, ударилъ по лицу старшаго помощника столоначальника законодательнаго отдѣленія, г. Чуговеля, которому былъ подчиненъ по службѣ. На судѣ подсудимый объяснилъ, что ближайшей причиной его проступка было то, что г. Чуговель притѣснялъ его, убавлялъ жалованье и, наконецъ, лишилъ его награды, которую получили сослуживцы его къ Пасхѣ текущаго года. Подобныя притѣсненія, по сло-

вами подсудимаго, чувствительно отозвались на немъ и его семействѣ, состоящемъ изъ жены и четверыхъ дѣтей. А такъ какъ виновникомъ своего стѣсненнаго положенія онъ считалъ Чуговеля, то въ сильномъ раздраженіи противъ него ударилъ его по лицу. Свидѣтельскія показанія обнаружили, что подсудимый прежде занимался довольно усердно; но въ послѣднее время сталъ пить, а потому посѣщалъ службу крайне неакуратно, за что и былъ лишенъ награды. Присяжные признали Постникова виновнымъ, но заслуживающимъ полнаго снисхожденія, а судъ постановилъ: „лишивъ подсудимаго всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Архангельскую губернію, съ воспрещеніемъ отлучки изъ мѣста, назначеннаго для жительства, въ теченіе двухъ лѣтъ. По вступленіи приговора въ законную силу, представить оный на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества чрезъ г. министра юстиціи“.

Неблагодарный трудъ или Чѣмъ вѣрнѣе портретъ, тѣмъ хуже расплата.

(Снимокъ съ картины Эдуарда Жирардэ).

Газета „Русскій Міръ" сообщаетъ два любопытныхъ дѣла разбиравшіеся въ засѣданіи с.-петербургскаго окружнаго суда въ г. Лугѣ. Оба они касаются случаевъ, довольно рѣдкихъ въ нашемъ крестьянскомъ быту, именно покушенія отца на убійство своего взрослаго сына. Въ первомъ случаѣ, подсудимымъ является 65-лѣтній старикъ, нанесшій своему сыну много тяжелыхъ и опасныхъ ранъ топоромъ въ то время, когда тотъ входилъ поздно вечеромъ въ избу. Въ представленныхъ на судѣ объясненіяхъ подсудимый заявилъ, что съ сыномъ онъ живетъ не въ ладахъ, терпитъ отъ него брань и даже побои; что сынъ, не соглашаясь на раздѣлъ имущества, о которомъ онъ просилъ его, грозилъ убить его топоромъ, лежавшимъ подъ лавкой. Изъ предосторожности, отецъ взялъ топоръ въ руки, но въ это время сынъ и невѣстка стали вырывать его и, въ борьбѣ, сынъ, вѣроятно и поранилъ себя. Показанія сына и выставленныхъ имъ свидѣтелей были другаго рода и показывали прямой умыселъ со стороны старика убить своего сына. Присяжные признали подсудимаго невиновнымъ. Въ другомъ случаѣ подобнаго же рода судился 90-лѣтній старикъ за то, что нанесъ своему сыну, во время его сна, нѣсколько тяжелыхъ ранъ по головѣ, шеѣ и рукѣ. Подсудимый въ взводимомъ на него преступленіи сознался, объяснивъ, что побудительной причиной къ убійству сына было дурное его съ отцомъ обращеніе. Свидѣтельскими показаніями, однако, выяснено, что старикъ хотѣлъ убить сына для того, чтобы завладѣть его имуществомъ, такъ-какъ у его сына дѣтей не было. Присяжные, признавая старика виновнымъ въ покушеніи на умышленное убійство роднаго сына, объявили подсудимаго заслуживающимъ снисхожденія; вслѣдствіе чего, судомъ постановлено: подсудимаго, лишивъ всѣхъ правъ состоянія и, какъ имѣющаго болѣе 70 лѣтъ, взамѣнъ каторжныхъ работъ, сослать на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири

Политическое обозрѣніе.

Извѣстный французскій ученый, Литтрэ, напечаталъ недавно въ журналѣ «Philosophie positive» статью, въ которой обозрѣваетъ настоящее положеніе Франціи и указываетъ путь, которому она должна слѣдовать въ будущемъ. Такъ-какъ статья эта въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ представляетъ довольно вѣрную оцѣнку событій, испытываемыхъ теперь Франціею, то мы считаемъ небезполезнымъ познакомить съ нею читателей. Прежде всего авторъ старается установить правильный взглядъ на нынѣшнее положеніе вещей въ своемъ отечествѣ: обращаясь къ прошедшему, онъ находитъ, что настоящій порядокъ является естественнымъ слѣдствіемъ предъидущихъ событій. Провозглашенная національнымъ собраніемъ, республика не могла превратиться въ монархію вслѣдствіе разлада въ партіи монархистовъ, которые не могли согласиться насчетъ выбора лица, коему можно было бы вручить управленіе страною на правахъ конституціоннаго государя. Между тѣмъ, большинство палаты и до сихъ поръ еще состоитъ изъ сторонниковъ монархическаго правленія. Это послѣднее обстоятельство не показываетъ, однако, чтобы возвращеніе къ прежнему было возможно и желательно. Совершенно напротивъ: страна склоняется въ пользу этого временнаго порядка и, очевидно, желаетъ сдѣлать его постояннымъ. Доказательствомъ служатъ дополнительные выборы въ палату, давшіе ей почти исключительно однихъ сторонниковъ республики, выборы членовъ въ генеральные совѣты, представившіе тотъ-же результатъ, и, наконецъ, общественное мнѣніе страны, въ большинствѣ случаевъ выказывающее свое сочувствіе настоящему правительству. Но упроченіе настоящаго порядка будетъ зависѣть единственно отъ партіи республиканской, если она постарается соблюдать строгій порядокъ, будетъ стоять на почвѣ закона и, поддерживая правительство, не станетъ раздражать противную сторону крайними выходками. Такимъ образомъ, для этой партіи представляется теперь прекрасный случай доказать свою жизненную силу и свой политическій тактъ. Обращаясь затѣмъ къ внутреннему положенію страны, авторъ находитъ, что хотя уровень ея просвѣщенія стоитъ довольно низко и большинство не желаетъ пользоваться своими политическими правами,—но, несмотря на это, народъ какъ-бы инстинктивно чувствуетъ, чего ему надо, и чрезъ своихъ представителей въ генеральныхъ и городскихъ совѣтахъ дѣйствуетъ въ направленіи благопріятномъ для будущаго развитія Франціи. Авторъ, потому, высказывается за всенародное голосованіе, за выборъ исполнительной власти національнымъ собраніемъ, а не всеобщимъ голосованіемъ, какъ это видимъ въ Америкѣ, и противъ учрежденія верхней палаты, для чего въ странѣ, по мнѣнію Литтрэ, нѣтъ необходимыхъ условій. Что касается до совершеннаго упадка и предстоящаго разложенія Франціи, о которыхъ такъ много прокричали, то авторъ рѣшительно не согласенъ съ этимъ мнѣніемъ. Хотя, послѣ нанесенныхъ Франціи ударовъ, она дѣйствительно потеряла значеніе великой державы, но внутренняя жизнь ея за это время не только не ослабѣла, но еще какъ бы окрѣпла, въ доказательство чего приводитъ замѣтное развитіе ея промышленности, торговли, ея финансовыя средства и проч. Въ этомъ мѣстѣ почтенный философъ, по нашему мнѣнію, недостаточно безпристрастно относится къ своей родинѣ, которая, при всемъ своемъ богатствѣ, не скоро еще оправится отъ постигшихъ ее несчастій.

Въ небольшомъ княжествѣ Сербіи происходило недавно большое торжество по поводу совершеннолѣтія молодаго князя Милана и коронованія его на престолъ сербскаго княжества. Событіе это, само по себѣ незначительное, надѣлало, однако, не мало шума вслѣдствіе безтактности австрійскаго правительства, воспротивившагося желанію нѣкоторыхъ изъ своихъ славянскихъ подданныхъ ѣхать на упомянутое торжество въ Бѣлградъ, столицу Сербіи. Австрійско-венгерское министерство, которымъ орудуютъ теперь графы Ауэрспергъ и Андраши, отказало славянамъ въ выдачѣ паспортовъ для путешествія въ Бѣлградъ, каковая мѣра сильно взволновала національное чувство славянъ и заставила ихъ съ особенною теплотою отнестись къ сербскимъ празднествамъ, въ которыхъ они видятъ нѣчто такое, что не можетъ быть чуждо общеславянскому духу.

Въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, какъ уже извѣстно читателямъ, ведется дѣятельная борьба по поводу избранія новаго президента. Старымъ президентомъ, генераломъ Грантомъ, теперь довольны далеко не всѣ. На мѣсто его прочатъ человѣка, довольно извѣстнаго въ странѣ, публициста Гораса Грили. Будущему президенту великой республики 51 годъ; отецъ его былъ простымъ фермеромъ (арендаторомъ небольшаго участка земли) въ штатѣ Нью-Гемширъ. Первоначальное образованіе свое маленькій Грили получилъ дома, перечитывая книги изъ библіотеки своего отца; потомъ поступилъ наборщикомъ въ типо-

графію одной американской гасеты. Въ 1841 году, онъ сталъ самъ издавать газету, которая очень понравилась американцамъ, и нажилъ на этомъ занятіи громадное состояніе. Впрочемъ, это послѣднее обстоятельство не мѣшаетъ ему жить весьма просто. Большинство американскихъ газетъ поддерживаютъ Грили въ избирательной борьбѣ и много распространяются объ его достоинствахъ. Въ случаѣ неизбранія Грили въ президенты, у республиканцевъ имѣется другой кандидатъ на президентское кресло, именно Фредерикъ Дугласъ, мулатъ по происхожденію. Это то-же довольно популярная въ Штатахъ личность. Онъ родился отъ рабыни-негритянки, провелъ дѣтство въ неволѣ, откуда потомъ бѣжалъ и поселился въ сѣверныхъ штатахъ. Теперь онъ извѣстенъ какъ писатель и публицистъ, посвятившій свою жизнь дѣлу освобожденія негровъ.

Японія рѣшительно становится на сторону цивилизованныхъ странъ. Нынѣшній микадо (свѣтскій императоръ), кромѣ многочисленныхъ реформъ въ различныхъ частяхъ управленія, предпринимаетъ еще реформу религіозную, именно —издалъ указъ, запрещающій поклоненіе идоламъ, которые будутъ сжигаться. Наконецъ, микадо самъ намѣревается предпринять путешествіе въ Европу,—событіе, подобнаго которому еще не было до сихъ поръ.

Смѣсь.

Новый русскій мониторъ.

15 августа, состоялось торжество спуска монитора «Петръ Великій» на Галерномъ Островкѣ (у Стараго Калинкинскаго моста). Мониторъ принадлежитъ къ бруствернымъ двухъ-башеннымъ постройкамъ; вооруженіе его будутъ составлять четыре 11-ти дюймовыхъ нарѣзныхъ орудія. Къ постройкѣ судна было приступлено 20-го мая 1869 г., строитель его—корабельный инженеръ полковникъ Окуневъ. Общая стоимость корпуса монитора, до спуска на воду, простирается до 1,156,692 р. Постройка корпуса монитора изъ русскаго желѣза и нашей-же сосны производилась на Галерномъ островкѣ казенными средствами, а паровой механизмъ—на заводѣ Берда. Ко времени спуска собралась многочисленная публика, въ числѣ которой было не мало дамъ и членовъ международнаго статистическаго конгресса.

Мониторъ этотъ замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что построенъ въ Россіи, русскими людьми и изъ русскихъ же матеріаловъ.

Статистика американскихъ желѣзныхъ дорогъ Касательно статистики американскихъ желѣзныхъ дорогъ «Poors Railroad Manual» сообщаетъ слѣдущее: Въ 1841 г. сѣверная Америка имѣла уже на 3535 англійскихъ миль желѣзныхъ дорогъ. До 1848 г. ежегодное приращеніе къ нимъ простиралось, среднимъ числомъ, до 300 миль, отъ 1848 до 1855 г.—до 1700 миль, отъ 1855 до 1857 г. до 2400 миль, а потомъ вплоть до 1861 г. число вновь строившихся дорогъ постепенно уменьшалось. Съ этого времени и до окончанія междусобной войны въ 1865 это число стало опять постепенно увеличиваться, а затѣмъ въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ развилась такая дѣятельность, что ежегодное приращеніе къ нимъ, простиравшееся въ 1865 до 3000 миль, увеличилось въ 1871 г. до 6000 миль. Въ началѣ 1871 г. сѣверная Америка имѣли на 53,399 англійскихъ миль желѣзныхъ дорогъ, на которыхъ двигалось слишкомъ 10,000 локомотивовъ и около 214,000 вагоновъ всевозможныхъ родовъ.

Человѣческіе волосы на головѣ. Къ числу старыхъ нелѣпыхъ предразсудковъ, отъ которыхъ страдаетъ здоровье, принадлежитъ между прочимъ, обычай стричь какъ можно короче волосы, какъ лѣтомъ такъ и зимою. Иные брѣютъ себѣ голову до-гола, словно жниво, и увѣряютъ, что «это здорово». Какое заблужденіе! Не говоря уже о томъ, что волосы служатъ украшеніемъ человѣку, надобно имѣть еще въ виду, что мудрая природа не дѣлаетъ ничего безъ цѣли, а цѣль волосъ слѣдующая: защищать отъ вредныхъ вліяній погоды черепъ, подъ которымъ лежитъ мозгъ съ тончайшимъ нервнымъ сплетеніемъ, уши и затылокъ. Очень часто причинами болѣзни слуха и наступающей совершенной глухоты бываетъ то, что ушная раковина не прикрыта отъ холоднаго вѣтра и сырости, а самое лучшее прикрытіе—волосы. Еще опаснѣе сильная простуда затылка, поэтому-то въ холодное время года волосы должны быть покрайне мѣрѣ такъ длинны, чтобы доходить до воротника и галстука. Впрочемъ лѣтомъ волосы служатъ защитою отъ солнечныхъ лучей.

Какъ глубоко проникли мы до сихъ поръ въ землю? Этотъ вопросъ не лишенъ интереса — а потому мы и разскажемъ вкратцѣ о предпринятомъ недавно сверленіи земли, посредствомъ котораго мы дѣйствительно проникли въ землю такъ глубоко, какъ никогда еще не удавалось проникать человѣку. Это сверленіе было предпринято по близости деревни Шпаренбергъ, лежащей въ пяти или шести миляхъ отъ Берлина въ потсдамскомъ округѣ. Небольшой холмъ изъ гипса, поднимавшійся надъ маркскою дилювіальною равниною, обратилъ на себя вниманіе прусскаго горнаго вѣдомства, наведя его на мысль, что въ этихъ странахъ находятся, можетъ быть, пласты каменной соли. Поэтому-то въ 1867 г. и приступили къ сверленію скважины, имѣвшей до 15½ рейнскихъ футовъ въ поперечникѣ. Эта скважина сверлилась въ гипсовомъ утесѣ, гдѣ дѣйствительно нашли, на глубинѣ 278½ фут., самый чистый слой каменной соли. Работы продолжались такимъ образомъ до 1869 г., когда достигли до глубины 950 футовъ, а поперечникъ буровой скважины заключалъ въ себѣ, послѣ того какъ ее обложили желѣзными трубами, 12½ дюймовъ. Съ 1869 сверленіе производилось помощію пара и такимъ образомъ, при почти безпрерывной работѣ, продолжавшейся вплоть до прошлаго года, достигли до глубины 4052 футовъ, считая отъ поверхности земли, — самая большая глубина, какой мы когда либо достигали. Когда, по достиженіи этой глубины, остановили работы: такъ какъ механическіе затрудненія сдѣлались слишкомъ велики, то буравъ все еще стоялъ въ твердомъ пласту каменной соли, такъ—что толщина всего прохваченнаго буравомъ пласта каменной соли заключаетъ въ себѣ 3774 фута. При этомъ сверленіе еще разъ удостовѣрилось въ томъ, что теплота земли увеличивается, среднимъ числомъ, на 1 градусъ по Цельсіусу на каждые 90—95 футовъ глубины. Нельзя не пожалѣть что это сверленіе, посредствомъ котораго мы конечно, пришли бы къ чрезвычайно интереснымъ результатамъ, не могло быть ведено дальше вслѣдствіе сильныхъ затрудненій и издержекъ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ИЗДАНІЯ А. Ф. МАРКСА

С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 9.

ВЫШЛИ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

Съ 6-ю художественно-выполненными рисунками, исполненными лучшимъ русскимъ граверомъ. **Цѣна 1 руб. 50 коп.** съ перес. **2 руб.**

Авторъ этой повѣсти получилъ **1000 руб. преміи**, предложенной редакціей журнала **«Нива»** въ первый годъ ея изданія русскимъ писателямъ за лучшую историческую повѣсть изъ русской жизни. Въ то время повѣсть эта была напечатана въ журналѣ безъ гравюръ; но тотъ громадный успѣхъ, которымъ пользовалась она въ кругу читателей **«Нивы»** и многочисленныя заявленія не только со стороны подписчиковъ, но и вообще со стороны читающаго общества побудили издателя предпринять иллюстрированное изданіе ея отдѣльной книгой. Украшенная 6-ю великолѣпными, художественно-выполненными рисунками, книга эта является въ настоящее время въ высшей степени интересной не только со стороны литературной, но и со стороны художественной.

„Очерки, Повѣсти и Разсказы“. Соч. Всев. **Крестовскаго**, автора «Петербургскихъ Трущобъ» 2-е изданіе. **Цѣна 1 руб. 25 коп.**, съ перес. **1 руб. 75 коп.**

„Семья Вольнодумцевъ“. Историческая повѣсть времени Екатерины Великой. **П. Петрова** и **В. Клюшникова.** Цѣна **1 руб.**, съ перес. **1 руб. 50 коп.**

„Кумысъ“ его физіологическія и терапевтическія дѣйствія. Д-ра **Штальберга.** Цѣна **60 коп.** съ перес. **75 коп.**

Статистическая Таблица. Государства и владѣнія во всѣхъ частяхъ свѣта, съ 17-го нѣмецкаго изданія **О. Гюбнера.** Цѣна **30 коп.**, съ перес. **40 коп.** Рекомендованная Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія.

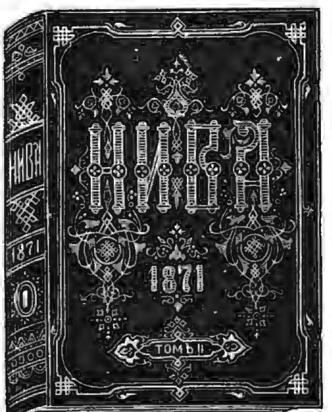
КЛИШЕ (галванопластическіе).

Изъ всѣхъ гравюръ, помѣщенныхъ въ журналѣ „Нива“ за 1870, 1871 и 1872 г. можно заказывать клише въ Конторѣ Редакціи журнала „Нива“. Цѣна клише за дюймъ **30 коп.** При заказѣ болѣе чѣмъ на 100 руб. дѣлается уступка.

Съ 6-ю художественно-выполненными рисунками. Цѣна **1 руб.**, съ пересылкою **1 руб. 50 коп.**

Всякій любитель чтенія историческихъ русскихъ повѣстей, получитъ въ этой книгѣ кромѣ интереснаго чтенія—великолѣпно выполненныя картины **Петровскаго времени.**

Нива 1870 г. Полный комплектъ **Нивы 1870 г.** въ 832 стран., печатанныхъ на лучшей бумагѣ, содержитъ въ себѣ **140** рисун., 10 большихъ повѣстей и около 300 статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, искусствъ, и можетъ служить **роскошнымъ альбомомъ.** Цѣна такому комплекту—брошюрованному **4 руб.**, съ перес. **5 руб.**, въ простомъ переплетѣ **4 руб. 50 коп.**, съ перес **5 руб. 50 коп.**, въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ **5 руб. 50 коп.**, съ перес. **6 руб. 50 коп.**



НИВА 1871 ГОДЪ.

Полное годовое изданіе **НИВЫ 1871 г.** заключаетъ въ себѣ, какъ со стороны литературной, такъ и со стороны художественной, всѣ достоинства изданія 1870 г.: около **180 картинъ, 18 разсказовъ и повѣстей.** Цѣна этихъ повѣстей и разсказовъ помѣщонныхъ въ **НИВѢ за годъ** составляетъ около **40 руб.**, еслибъ они были изданы отдѣльными книгами. Читатель найдетъ здѣсь ясное и отчетливое изображеніе главныхъ, выдающихся событій, какъ въ жизни Россіи, такъ и въ жизни иностранныхъ державъ. Такимъ образомъ изданіе 1871 г., при самой доступной цѣнѣ, представляетъ собою прекрасный художественно отдѣланный сборникъ самыхъ разнородныхъ свѣдѣній и даетъ отвѣты на всѣ необходимыя требованія читающаго общества.—**ЦѢНА** та же: брошюров. 4 р., съ перес. 5 р. въ шагрен- переплетѣ съ золотыми тисненіями 5 р 50 к., съ перес. 6 р. 50 к.

Дозволено цензурою 25 августа 1872 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр., д. № 53.

№ 36 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 4 сентября 1872 года. **Годъ III.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	2 » 50 »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 » — »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С.-Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

— Тысячу тысячъ извиненій, вскричала госпожа Вольнофъ еще на порогѣ.

— Итого милліонъ, сказалъ ея мужъ, который всталъ въ одно время съ Готтгольдомъ, чтобы идти къ ней на встрѣчу.

— Не придирайся къ каждому слову, злой человѣкъ.

— Но и пропускать все...

— И не прерывай меня безпрестанно, не оставляй втунѣ такихъ прекрасныхъ рѣчей какъ мои, а для нашего милаго гостя я придумала самыя прекрасныя.

— Не начинаются ли онѣ съ «добраго вечера»?

— Ну да! добрый вечеръ и душевно рады вамъ, сказала госпожа Вольнофъ, протягивая Готтгольду обѣ полныя маленькія ручки, и глядя на него съ живымъ любопытствомъ. — Боже, какъ вы выросли и какъ вы похорошѣли!

Готтгольдъ не могъ возвратить ей этого комлимента. Конечно Оттилія Блауштейнъ, какъ показалось ему, много развилась съ тѣхъ поръ какъ онъ не видалъ ее, но не стала отъ этого ни выше, ни красивѣе. Между тѣмъ ея полное и отчасти красноватое лицо сіяло добросердечіемъ и жизнію, — и такимъ образомъ ему было нисколько не тяжело отвѣтить на радушное привѣтствіе своей бывшей знакомой такъ же радушно. Она попросила мужчинъ сѣсть на прежнія мѣста; она, съ ихъ позволенія, сядетъ подлѣ нихъ и попроситъ одну рюмку вина — ей пришлось такъ много говорить сегодня вечеромъ, что она захотѣла пить. Потомъ она тотчас же опять вскочила и спросила у своего мужа на ухо, полушепотомъ: показывалъ ли ужь онъ ему? а господинъ Вольнофъ, улыбаясь и встряхнувъ своею величавою головою, отвѣчалъ на этотъ таинственный вопросъ: — я не хотѣлъ портить тебѣ удовольствія.

— Ахъ, ты добренькій! вскричала она, цѣлуя своего мужа въ лобъ и, обращаясь къ Готтгольду, прибавила. — Пойдемъ-же, я должна доказать вамъ, что маленькая еврейка, которой вы доставили возможность посѣщать танцклассы, не забыла этого. Вотъ видите ли, это я купила на память объ васъ — и купила бы и въ такомъ случаѣ еслибъ это было такъ же ничтожно, какъ это драгоцѣнно, — и заплатила бы такъ же дорого, какъ дешево досталась мнѣ это сокровище. Она схватила подсвѣчникъ и повела Готтгольда къ ландшафту, бросившемуся ему въ глаза еще давеча. Готтгольдъ вздрогнулъ и только съ трудомъ могъ подавить крикъ испуга.

— Это Долланъ, неправда ли? сказала Оттилія.

Готтгольдъ ничего не отвѣчалъ; онъ взялъ у ней изъ рукъ подсвѣчникъ и освѣтилъ картину, висѣвшую довольно высоко, — это была она, картина, въ которую онъ вписалъ тогда свою любовь и свое горе, — картина о которой онъ расказывалъ давеча господину Вольнофу, что онъ

стоялъ у своего станка въ тотъ вечеръ, въ который произошелъ такой удивительный поворотъ въ его жизни. Онъ, въ доказательство самому себѣ, что онъ навсегда покончилъ съ прошедшимъ и долженъ начать теперь новую фазу жизни и стремленій,—подарилъ эскизъ и не уничтожилъ картину, а совершенно прозаически отдалъ ее на какую-то выставку, откуда она перешла на другую, а потомъ на третью и четвертую—и наконецъ продана такъ, что онъ не зналъ куда, кому,—такъ, что онъ и знать этого не хотѣлъ. А между тѣмъ онъ все-таки, во все это время, не могъ отдѣлаться отъ воспоминанія объ этой картинѣ. Онъ могъ бы опять написать ее на память. И тутъ-то суждено было ему найти ее опять—и теперь, когда его душа была такъ полна волшебнаго благоуханія, приносимаго ему изъ тѣхъ дней всѣмъ что онъ видѣлъ, всѣмъ что онъ слышалъ, какъ въ тѣ времена каждое дуновеніе касавшееся его лба, его щекъ, вѣяло благоуханіемъ елей и моря и любви.

— А какимъ образомъ она попалась мнѣ, сказала госпожа Вольнофъ,—и какъ вообще я узнала, что она ваша.. потому что, вы знаете, мы, женщины, не смотримъ на значки, или покрайней мѣрѣ я не смотрѣла тогда на нихъ... Но вѣдь бываетъ же такое счастье! это я говорила и Цециліи Брандовъ, съ которой я—тому назадъ лѣтъ шесть и только что выйдя замужъ—была въ Зюнденѣ на шерстяной ярмаркѣ. Ну, разумѣется, тамъ были только мужчины, а мы, дамы, поѣхали съ ними для выставки; и тутъ-то я встрѣтилась съ нею. Мы не могли наговориться, какъ двѣ пріятельницы, которыя не видались со времени выхода изъ пансіона; вы помните, можетъ быть, что я была потомъ съ Цециліей въ Зюнденѣ, въ одномъ и томъ же пансіонѣ,—или по крайней мѣрѣ *я* не могла наговориться, потому что я нашла Цецилію чрезвычайно молчаливой — она, кажется, лишилась тогда недавно своего втораго ребенка. Потомъ мы потеряли другъ друга въ толпѣ, пока наконецъ я нашла ее въ одной изъ отдаленныхъ комнатъ, совершенно одну передъ этой картиной, въ слезахъ, которыя она старалась скрыть, когда я пришла.—Боже мой, сказала я,—это...—Да, отвѣчала она,—и это его работы.—Чьей? Словомъ: она тотчасъ же назвала имя и не дала сбить себя съ толку, когда я сказала ей, что подпись «Г. В.» можетъ принадлежать Богъ знаетъ кому. Вы видите, я тогда еще очень мало смыслила въ живописи,—теперь, когда я... но ваша рука дрожитъ, вы не можете уже держать подсвѣчника.

— Отдайте мнѣ эту картину, сказалъ Готтгольдъ, а потомъ, замѣтивъ, что оба супруга глядятъ на него съ удивленіемъ, прибавилъ спокойнымъ тономъ, неся подсвѣчникъ на столъ:—эта картина дѣйствительно не стоитъ того, чтобъ висѣть вмѣстѣ съ остальными вашими картинами, изъ которыхъ нѣкоторыя просто превосходны. Это ученическая работа и кромѣ того написано съ наброcаннаго на скорую руку эскиза, по памяти. Я обѣщаю вамъ за это другую, лучше, которую, если вамъ угодно, я сниму на мѣстѣ.

— О, это было бы отлично, это было бы превосходно! вскричала госпожа Вольнофъ.—Я ловлю васъ на словѣ: другую, не лучше этой—лучше сдѣлать невозможно, но снятую на мѣстѣ, собственно для меня, самымъ знаменитымъ живописцомъ нашего времени,—вотъ торжество, котораго хватитъ для меня на всю остальную жизнь. По рукамъ!—И она протянула Готтгольду обѣ руки.

— Стало быть, сказалъ г. Вольнофъ,—торгъ заключенъ и мы закрѣпимъ его по доброму старому обычаю рюмкой вина. Вы видите, господинъ Готтгольдъ Веберъ, что женская мудрость превосходитъ поповское лукавство. Я долго могъ бы проповѣдывать, чтобъ убѣдить васъ остаться здѣсь; но является женщина — и пугливая птица поймана. Ну, очень радъ, душевно радъ этому.

— А какъ обрадуется Цецилія! вскричала госпожа Вольнофъ.—Моя бѣдная Цецилія! Право, маленькое и къ тому же еще такое пріятное развлеченіе будетъ очень полезно для нея!

Готтгольдъ измѣнился въ лицѣ. Въ сущности ему и на умъ не приходило, когда онъ давалъ свое опрометчивое обѣщаніе, что онъ доставляетъ себѣ такимъ образомъ удобный предлогъ повидаться съ Цециліей.

— Мнѣ кажется, что мы можемъ избавить нашего друга отъ этого путешествія, сказалъ господинъ Вольнофъ,— а ты удовольствуешься и простой копіей.

— Ты вѣдь слышалъ: тутъ рѣчь идетъ не о копіи, вскричала Оттилія,— а о новой, совершенно новой картинѣ. Но ты ничего не понимаешь въ этомъ, добрый Эмиль, или—онъ не хочетъ понимать этого.

— Я хочу только не удалять нашего друга такъ скоро, но удержать его у насъ и для насъ.

— Не скрытничай, Эмиль, не скрытничай! сказала госпожа Вольнофъ, грозя пальцемъ.—Дѣло собственно въ томъ, господинъ Веберъ, что онъ не терпитъ Брандовыхъ—Богъ знаетъ за что. То есть и я тоже терпѣть не могу его и не имѣю на это никакой причины, потому что въ танцклассахъ онъ всегда только ухаживалъ за мною съ свойственнымъ ему коварствомъ. Но для меня дѣло тутъ не въ немъ, а въ его божественной женѣ.

— А такъ какъ мужъ и жена составляютъ одно...

— Если бы всѣ смотрѣли на это, какъ ты милый Эмиль—и я, то конечно... но нѣтъ правила безъ исключенія; а бракъ Брандовыхъ такой плохой и несчастный бракъ, что право я не вижу почему бы...

— Къ чему такъ много говорить объ этомъ, сказалъ господинъ Вольнофъ,—тѣмъ болѣе, что эта тема едва ли можетъ интересовать нашего гостя.

— Не можетъ интересовать! вскричала Оттилія, всплеснувши руками.—Не можетъ интересовать! Пожалуйста, господинъ Готтгольдъ—извините, никакъ не могу отстать отъ старой привычки—но скажите же этому человѣку, который находитъ гетевы *Wahlverwandshaften* нелѣпыми...

— Извини, безнравственными, говорилъ я.

— Нѣтъ, нелѣпыми — не дальше какъ третьяго дня вечеромъ, когда мы разговаривали у конректора и ты высказалъ неслыханное мнѣніе, что Гёте поступилъ вѣроломно—да, ты именно сказалъ вѣроломно—выставивъ Миттлера, единственное лицо во всемъ романѣ, который говоритъ сколько нибудь правды о бракѣ, полудуракомъ.

— Но что же такое ты хочешь сказать своими *Wahlvershaften*? вскричалъ Вольнофъ почти съ досадою.

— Онъ не вѣритъ въ духовное сродство, сказала Оттилія, торжествуя,—и утверждаетъ, что оно, подобно привидѣніямъ, существуетъ только въ головахъ дураковъ. Но дѣло въ томъ, что онъ только такъ говоритъ, а втайнѣ вѣритъ ему больше чѣмъ кто либо—и теперь пугается, какъ ребенокъ привидѣній, при одной мысли, что вы ѣдете въ Долланъ и увидитесь съ подругой вашей молодости.

— Вотъ ты какъ поговариваешь! сказалъ господинъ Вольнофъ, скрывая свое тягостное смущеніе подъ принужденной улыбкой.

— Боже мой, да мы въ нашемъ собраніи весь вечеръ

ни о чемъ другомъ не говорили! вскричала Оттилія.—Надобно вамъ сказать, господинъ Готтгольдъ, кромѣ меня тамъ были еще три изъ нашего танцкласса — всѣ три теперь замужемъ—Паулина Эллисъ—ну да вы можетъ быть не интересуетесь ею—Луиза Пальмъ—съ темными глазами, мы прозвали ее цыганочкой—и Гермина Зандбергъ—знаете, такая красивая дѣвушка, жаль только, что она нѣсколько коситъ и шепелявитъ. Мы вѣдь въ самомъ дѣлѣ знали все, все до малѣйшихъ подробностей, и прежде всего на счетъ вашей дуэли съ Карломъ Брандовымъ.

— При которой, сколько мнѣ помнится, не присутствовала ни одна изъ упомянутыхъ выше дамъ, сказалъ Готтгольдъ.

— Очень хорошо! вскричалъ Вольнофъ.

— Вовсе не хорошо, сказала Оттилія, надувъ губы,— очень не хорошо и не благовидно со стороны господина Готтгольда, что онъ насмѣхается надъ вѣрной дружбой, которую питаютъ къ нему столько лѣтъ.

— И не думаю, возразилъ Готтгольдъ.—Напротивъ того, мнѣ чрезвычайно лестно, что мое бѣдное *я* могло дать хоть бы только на нѣсколько минутъ — содержаніе для разговора такимъ прекраснымъ женщинамъ.

— Посмѣйтесь еще.

— Увѣряю васъ еще разъ, что я говорю безъ всякой ироніи.

— Хотите дать мнѣ доказательство?

— Конечно, если это въ моей власти.

— Ну такъ раскажите мнѣ, сказала Оттилія, сильно краснѣя,—какимъ образомъ происходила эта дуэль—потому-что, сказать правду, одна говорила что это было такъ-то, а другая—такъ-то,—и въ заключеніе мы нашли, что всѣ мы ничего не знаемъ объ этомъ. Разскажете?

— Очень охотно, сказалъ Готтгольдъ.

Онъ очень хорошо затѣтилъ неоднократныя попытки господина Вольнофа дать другой оборотъ разговору и пришелъ къ заключенію, что ихъ прежній разговоръ вовсе не былъ такъ безцѣленъ со стороны его хозяина, какъ казалась ему вначалѣ. Ужь не разсказала ли госпожа Вольнофъ своему мужу какого нибудь романа въ ея вкусѣ, въ которомъ заставила его играть Богъ знаетъ какую глупую роль. Надобно было попытаться положить конецъ подобнымъ разговорамъ—и ему показалось, что онъ лучше всего успѣетъ въ этомъ, исполнивъ сію же минуту желаніе госпожи Вольнофъ и расказавъ это происшествіе какъ можно безпристрастнѣе, какъ будто бы оно случилось съ кѣмъ нибудь другимъ.

Эти мысли мелькали у него въ умѣ, въ то время какъ онъ медленно подносилъ къ губамъ стаканъ. Онъ сталъ понемногу прихлебывать изъ него и, обратившись къ госпожѣ Вольнофъ, сказалъ съ улыбкою:

— Съ какимъ удовольствіемъ, милостивая государыня, началъ бы я мою исторію словами шиллерова Энея: «О, царица, ты боль несказанную вызвала въ старой ранѣ моей»;—но это не кстати, право не кстати, милостивая государыня. Конечно, при сильномъ измѣненіи погоды я ощущаю что-то въ своей ранѣ, но это вовсе не та несказанная боль и во всякомъ случаѣ я ровно ничего не чувствую въ эту минуту кромѣ глубокой истины стариннаго изрѣченія: молодые собственно тѣмъ и молоды, что строятъ разныя проказы, иногда очень глупыя. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, и моя ссора съ Карломъ Брандовымъ, которая возникла однакоже не въ танцклассѣ, какъ вы, милостивая государыня, полагаете,—но только получила тамъ огласку, такъ какъ она еще задолго до этого тлѣла подъ пепломъ, а разъ даже грозила вспыхнуть яркимъ пламенемъ. Но первый поводъ къ ней былъ слѣдующій. У насъ во второмъ классѣ существовалъ старый и все еще свято сохранявшійся обычай—предоставлять открытое пространство между первой скамейкой и кафедрою «старикамъ», тогда какъ «новичкамъ» запрещено было ходить туда подъ страхомъ тяжкаго наказанія. Ну, а Карлъ Брандовъ, хотя и принадлежалъ къ старымъ и даже очень старымъ воспитанникамъ, потому-что уже три года былъ во второмъ классѣ, но только постоянно сидѣлъ на одной изъ заднихъ скамеекъ, не смотря на то, что ему, сколько мнѣ помнится, минуло уже восьмнадцать лѣтъ. Я принадлежалъ къ молодымъ и даже очень молодымъ; такъ какъ я, четырнадцатилѣтній мальчикъ, только-что поступилъ, въ день св. Михаила, во второй классъ къ немалой досадѣ моего отца, который готовилъ меня самъ, безъ посторонной помощи, и ждалъ, что меня сразу примутъ въ первый—и не безъ основанія, потому-что, когда по обычаю надобно было, по истеченіи первой недѣли, опредѣлить послѣдовательность учениковъ на основаніи особаго рода работъ, называвшихся у насъ *Extemporalia* (статьи написанныя безъ приготовленія), то мои оказались совершенно безукоризненными и я былъ возведенъ съ нѣкоторою торжественностью въ заслуженное мною званіе *Primus omnium*. И не смѣть ходить послѣ этого въ мѣсто передъ скамейкой! Я съ первой же минуты считалъ за стыдъ это запрещеніе, а теперь объявилъ это во всеуслышаніе, прибавляя, что я не стану больше покоряться ему, а требую напротивъ того уничтоженія этого грубаго закона — и притомъ не только для меня, но и для всѣхъ новичковъ, въ качествѣ ихъ передоваго бойца.

Формулируя такимъ образомъ свое требованіе, я слѣдовалъ только прирожденному мнѣ чувству справедливости, безъ всякихъ мыслей; но оказалось, что я не могъ бы лучше дѣйствовать, еслибъ я былъ самымъ ловкимъ демагогическимъ агитаторомъ. Дѣйствуя одинъ, я не имѣлъ никакихъ шансовъ провести свое смѣлое нововведеніе; но теперь мое дѣло сдѣлалось дѣломъ всѣхъ, то есть всѣхъ новичковъ,—и случаю было угодно, чтобы насъ было ровно столько же, сколько стариковъ. И въ отношеніи тѣлесной силы, которую мальчики этого возраста такъ хорошо умѣютъ опредѣлять, мы очень хорошо могли бы помѣряться съ ними; а чего недоставало—то могло бы быть замѣнено энтузіамомъ, сопровождающимъ защиту праваго дѣла, который я не переставалъ раздувать,—еслибы только не было Карла Брандова. Кто могъ бы противостоять этому восьмнадцатилѣтнему, стройному какъ сосна и полному силы герою! Онъ свирѣпствовалъ бы между нами, какъ Ахиллъ между троянцами, и равнина— уютное мѣстечко въ еловой рощицѣ за училищемъ—усѣялась бы трупами его повергнутыхъ на землю враговъ. Между нами было условлено, что кто во время борьбы коснется спиной земли, тотъ будетъ считаться побѣжденнымъ и долженъ отказаться отъ дальнѣйшаго участья въ битвѣ,—она должна была, какъ рѣшили, происходить на этомъ лугу, передъ глазами шести достойныхъ уваженія учениковъ перваго класса, которые съ достойною всякой признательности готовностью приняли на себя должность третейскихъ судей.

А между тѣмъ отступленіе было уже невозможно, еслибъ даже, чего по истинѣ не было, мы и думали о чемъ нибудь подобномъ. Наступило время—это было въ воскресенье послѣ обѣда—когда намъ удалось освободиться изъ-

подъ надзора учителей, и я не думаю, чтобъ у воиновъ, готовящихся взять приступомъ извергающую гибель и смерть батарею, могло быть на душѣ серіознѣе чѣмъ у насъ, и смѣло могу сказать—въ особенности у меня. Я затѣялъ ссору—я вовлекъ въ нее всѣхъ этихъ благородныхъ молодыхъ людей: я чувствовалъ, что отвѣтственность за исходъ въ случаѣ пораженія—стыдъ казавшійся мнѣ каждую минуту все болѣе и болѣе вѣроятнымъ — лежитъ на мнѣ. Что я рѣшился, что касается до меня самого, сдѣлать все возможное и привести въ напряженіе всѣ свои нервы — это само собою разумѣется. Я надѣялся и молилъ боговъ, чтобъ они послали мнѣ Карла Брандова,— потому-что противники должны были выбираться по жребію, и только тотъ, кто побѣдитъ своею соперника, могъ выбирать между тѣми, кто побѣдилъ своихъ соперниковъ, пока не будетъ рѣшено все. Я не помню, не увлекались ли первоклассники, начертавшіе этотъ премудрый законъ, подражаніемъ Вальтеръ Скотту; знаю только, что впослѣдствіи я никогда не могъ читать описанія асбійскаго турнира въ Айвенго, не вспомнивъ объ этомъ лѣтнемъ послѣ-обѣденномъ времени и о тѣнистомъ мѣстѣ въ лѣсу и о пылавшихъ мужествомъ и военнымъ рвеніемъ лицахъ мальчиковъ.

И какъ въ асбійскомъ турнирѣ совершенно непредвидѣнный случай въ образѣ чернаго рыцаря, *noir fainéant*, заставляетъ выиграть дѣло, которое иначе было бы безвозвратно потеряно,—такъ и здѣсь.

Между новичками былъ шестнадцатилѣтній мальчикъ, съ открытымъ, честнымъ лицомъ, которое могло бы быть прекраснымъ, еслибъ только въ немъ было нѣсколько больше жизни, а большіе голубые прямодушные глаза смотрѣли бы не такъ мечтательно. Онъ былъ не высокаго роста, но силенъ,—и мы разсчитывали бы отчасти на него, еслибъ только его безпечность не перевѣшивала окончательно, въ глазахъ нашихъ, той силы, которою онъ могъ владѣть; потому-что онъ не далъ еще ни одного образца этой силы— и на наши настоятельные вопросы, какъ велика она должна быть по его мнѣнію, только молча пожималъ широкими плечами.

— Куртъ Венгофъ! вскричала при этомъ госпожа Вольнофъ.

— Да, Куртъ Венгофъ, мой милый бѣдный Куртъ, продолжалъ Готтгольдъ, голосъ котораго задрожалъ при воспоминаніи о возлюбленномъ другѣ юности.—Я какъ будто бы теперь вижу, какъ онъ стоялъ тамъ съ вялымъ видомъ, словно дѣло уже не касалось его, послѣ того какъ онъ бросилъ своего противника наземь, точно вязальщикъ—снопъ. И я также одолѣлъ своего и, тяжело дыша, распрямлялъ свои члены, когда Карлъ Брандовъ, который тѣмъ временемъ справился съ двумя или тремя, устремился прямо на меня. «Теперь-то», сказалъ я, «ты заставишь его повозиться.» Я не думалъ о побѣдѣ. Но въ ту-же самую минуту я увидѣлъ передъ собою Курта; въ слѣдующую они схватились другъ съ другомъ—и Карлъ Брандовъ почувствовалъ сразу, что онъ имѣетъ дѣло съ соперникомъ, который не уступаетъ ему въ силѣ и мужествѣ, а въ отношеніи хладнокровія и настойчивости, какъ показали послѣдствія, далеко превосходитъ его. Это было чудесное зрѣлище—смотрѣть какъ борятся эти два молодые атлета,—зрѣлище, которымъ всѣ мы наслаждались: судьи, побѣдители, побѣжденные, бойцы.

Всѣ по безмолвному соглашенію образовали вокругъ ихъ большой кругъ и сопровождали каждую фазу борьбы, смотря по тому къ какой кто принадлежалъ сторонѣ, страхомъ и надеждою и громкими восклицаніями, которые превратились для моей партіи въ далеко разнесшіеся крики восторга, когда Куртъ Венгофъ поднялъ вверхъ своею противника, силы котораго совершенно истощились, и швырнулъ его на дернъ со всего маху, такъ что бѣднякъ растянулся тамъ во всю длину, не будучи въ состояніи пошевелиться, въ полуобморокѣ.

Битва была рѣшена, говорили мудрые судьи, и она дѣйствительно была рѣшена; кто осмѣлился бы помѣряться съ побѣдителемъ Карла Брандова! Что касается до меня, я съ восторгомъ обнялъ добраго Курта, поклялся ему въ вѣчной дружбѣ и обратился къ Карлу Брандову, который тѣмъ временемъ поднялся съ земли, и протянулъ ему, какъ вождь одной партіи вождю другой, руку, выражая желаніе чтобы за честнымъ боемъ послѣдовалъ честный миръ и надежду на это. Онъ взялъ мою руку и, помнится, даже засмѣялся и сказалъ, что онъ былъ бы глупцомъ, еслибъ сталъ сердиться на то, чего уже не перемѣнишь.

— Это онъ, какъ живой, вскричала пылко госпожа Вольнофъ,—ласковый и обязательный съ виду, коварный и жестокій въ сущности.

— Вы видите, моя жена уже взяла вашу сторону, сказалъ господинъ Вольнофъ.

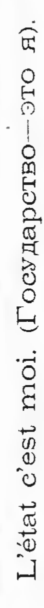
— Уже?! вскричала госпожа Вольнофъ.—Э, да я никогда иначе не думала и не чувствовала; я всегда была противъ него и дѣйствительно имѣю причины на это. Желала бы я знать, чтобы было со мною въ танцклассахъ, если бы вы не вступились тогда за меня. Я никогда не забуду вамъ этого и это было тѣмъ благороднѣе съ вашей стороны, что я не имѣла никакого значенія для васъ и вы мечтали о прекрасной Циціліи, за что я тоже никогда не осуждала васъ.

— Боюсь, не напрасно ли сталъ бы я противорѣчить вамъ.

— Совершенно напрасно! Я какъ будто бы теперь вижу, какъ вы, сидя подлѣ меня, вдругъ вскочили со стула, блѣднѣя отъ гнѣва и дрожа всѣми членами, когда Карлъ Брандовъ поцѣловалъ Цецилію, а она залилась слезами.

— Да какже мнѣ было не разсердиться? вскричалъ Готгольдъ. — Мы, молодые люди, согласились, чтобы въ играхъ въ фанты, послѣ урока, предписавшіеся поцалуи ограничивались поцѣлуями руки. Всѣ обязались исполнять это, и Карлъ Брандовъ тоже, и до тѣхъ же поръ договоръ ненарушимо сохранялся. Я былъ въ своемъ правѣ, когда не захотѣлъ терпѣть и оставлять безнаказаннымъ это дерзкое нарушеніе договора,—вдвойнѣ въ своемъ правѣ, такъ какъ я уже съ годъ бывалъ такъ часто съ Куртомъ въ Долланѣ и такъ подружился съ братомъ и сестрой; кромѣ того Куртъ, какъ вы должны помнить, не захотѣлъ по свойственной ему лѣности принимать участіе въ танцклассахъ, и такимъ образомъ я смотрѣлъ на себя, какъ на вполнѣ аккредитованнаго защитника своей пріятельницы. Въ то время Куртъ, котораго я насилу перетащилъ въ первый классъ, приготовляя его къ экзамену, былъ на худомъ счету у учителей; явное нарушеніе мира могло навлечь ему изгнаніе, и наконецъ, признаюсь откровенно: я думалъ что Карлъ Брандовъ, дѣлая это, имѣлъ въ виду меня, что онъ хотѣлъ оскорбить меня своего дерзостію, вызвать меня, чтобъ я поднялъ перчатку и рѣшилъ за Курта, какъ онъ заступилъ въ тотъ день меня. Это все юношеское сумазбродство, дорогіе мои друзья; я и теперь еще краснѣю, когда подумаю объ этомъ, потому-то и раскажу какъ можно короче то, что мнѣ еще остается сказать.

(Продолженіе будетъ).



L'état c'est moi. (Государство—это я).

L'ÉTAT C'EST MOI.

(Историческій очеркъ).

За нѣсколько дней до смерти, Людовикъ XIII пожелалъ видѣть своего старшаго сына, *дофина*. Умирающій король никогда еще не былъ такъ нѣженъ въ отношеніи принца,—но, чувствуя приближеніе смерти, онъ сталъ особенно мягкосердеченъ даже съ такими людьми, къ которымъ онъ никогда не показывалъ большей любви. И хотя дофинъ и пользовался знаками его расположенія—король даже игралъ съ нимъ—но Людовикъ XIII томился скукой, ему нужно было, чтобы подлѣ него постоянно были люди, которые развлекали бы его, поэтому-то онъ и не могъ быть пріятнымъ товарищемъ для дѣтей. И такъ, король приказалъ привести къ своей постели дофина. Маленькій принцъ—замѣтимъ мимоходомъ, прелестнѣйшее дитя, какое когда либо существовало—былъ одѣтъ чрезвычайно великолѣпно. Блѣдный король смотрѣлъ на цвѣтущаго здоровьемъ сына, а этотъ послѣдній устремилъ боязливый взоръ на отца, который былъ худъ какъ скелетъ... Послѣ взаимнаго осмотра, продолжавшагося нѣсколько минутъ, король спросилъ у дофина: «какъ тебя зовутъ, дитя мое?»

— Людовикъ четырнадцатый, отвѣчалъ принцъ.

— Нѣтъ еще, сынъ мой, отвѣчалъ король съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ,—но, прибавилъ онъ мягче,—дай Богъ, чтобъ это поскорѣе случилось.

Кардиналъ Мазарини, когда ему передали это выраженіе дофина, сказалъ: «Это дитя родилось съ инстинктомъ самодержавія».

Маленькій принцъ провелъ очень безпокойную юность. Нахмуривъ брови, смотрѣлъ онъ на мятежи фрондеровъ, на баррикады. Онъ лежалъ въ постели, когда парижскій народъ ворвался въ Пале-Рояль и хотѣлъ во что бы то ни стало знать, въ городѣ ли еще король—такъ какъ разнесся слухъ, что Мазарини и королева намѣреваются увезти короля изъ Парижа.

Но этотъ сонъ былъ притворный. Маленькій король очень хорошо зналъ, что онъ долженъ бѣжать; но такъ какъ парижскихъ гражданъ надо было обмануть, то онъ и легъ въ постель и притворился будто спитъ такъ сладко, какъ обыкновенно спятъ дѣти его возраста,—и когда королева впустила народъ въ спальню, къ кровати принца и короля, отдернула занавѣси и указала на ребенка, спавшаго повидимому крѣпкимъ сномъ, то самые отчаянные крикуны были до такой степени поражены трогательною невинностью спавшаго ребенка, что упали на колѣна и стали просить о сохраненіи этого очаровательно-прекраснаго мальчика, спавшаго въ шумѣ мятежа.

Когда комната опустѣла, дофинъ открылъ глаза.

— Они ушли, сынъ мой, сказала королева,—ты можешь встать.

— Выѣдемъ ли мы теперь изъ этого отвратительнаго города?

— Намъ нельзя ѣхать.

— Почему?

— Народъ удерживаетъ насъ.

— Зачѣмъ же бываютъ королями? спросилъ четырнадцатилѣтній мальчикъ.

— О, сынъ мой, мы должны примаравливаться къ другимъ!

— Къ кому?

— Къ народу, къ парламенту.

— Зачѣмъ не стрѣляютъ въ нихъ? спросилъ Людовикъ.

Анна австрійская съ удивленіемъ взглянула на мальчика; она сама очень охотно приказала бы стрѣлять, но парижане, въ союзѣ съ фрондерами и *Monsieur*, были слишкомъ могущественны; она однако сказала: «Надо выждать, сынъ мой».

— Хорошо, хорошо, возразилъ дофинъ,—я это запомню. Народъ и парламентъ удерживаютъ насъ. Я это запомню.

И онъ дѣйствительно запомнилъ. Хотя при объявленіи его совершеннолѣтія онъ и былъ чрезвычайно ласковъ и обѣщалъ явившись въ парламентѣ, что «со временемъ, когда онъ приметъ правленіе въ свои руки, то будетъ править по законамъ государства»,—но когда ему казалось, что на него не обращаютъ вниманія, онъ смотрѣлъ почти грозно на членовъ парламента и при этомъ такъ высоко поднималъ голову, глядѣлъ такъ гордо и истинно по королевски, что каждому казалось будто онъ видитъ передъ собою властелина, играющаго уже цѣлые годы чрезвычайно важную роль въ мірѣ и въ государственной жизни; никто не заподозрилъ бы въ королѣ четырнадцатилѣтняго мальчика.

Людовикъ никогда не переставалъ ненавидѣть парламентъ. Не послѣдовательно ли это было, что подобная корпорація должна была колоть глаза тому, на котораго уже смотрѣли какъ на всемогущаго властелина, чья воля уже и теперь не знала себѣ узды? Ему, передъ кѣмъ все добровольно преклонялось,—осмѣливалось противиться общество людей, состоявшихъ почти на половину изъ повѣренныхъ въ дѣлахъ и такъ-называемымъ *avocats en parlement*, личностей, которыхъ дворъ называлъ обыкновенно «писцами». Это общество имѣло большую силу, оно могло составлять законы, отвергать то что рѣшили король и его министры, оно было государствомъ въ государствѣ. Еще болѣе: король помнилъ, да и кардиналъ усердно напоминалъ ему о томъ, какъ суровъ былъ парламентъ къ его матери, какъ онъ соединился съ фрондою, съ врагами двора, которые все еще не перестали дѣйствовать, вели войну и совершенно открыто приняли сторону врага правительства, возмутителя и интриганта кардинала *Реца*.

Парламентъ шелъ съ этимъ человѣкомъ рука объ руку, онъ надругался надъ главою правительства, кардиналомъ *Мазарини*, вынудилъ его выѣхать изъ Франціи; король не любилъ Мазарини, но онъ уважалъ въ немъ права правительства, представителемъ котораго былъ кардиналъ; онъ видѣлъ въ Мазарини своего воспитателя и отъ всего сердца ненавидѣлъ парламентъ, представлявшій одну часть государства. Король не хотѣлъ двоевластія; онъ хотѣлъ, чтобъ онъ одинъ правилъ, распоряжался, исправлялъ, чтобъ ему одному повиновались, его одного просили и ему одному поклонялись. Онъ выжидалъ только благопріятной минуты, чтобы поднести уже зазнавшемуся парламенту такую пилюлю, отъ которой бы онъ подавился. Онъ закусилъ себѣ отъ гнѣва губы, когда до него дошло извѣстіе о бѣгствѣ господина коадьютора, кардинала Реца,—потому что онъ заключилъ Реца въ винсенскій замокъ, но этотъ послѣдній убѣжалъ изъ него съ помощію своего друга и длинной веревки, по которой спустился изъ бойницы. Онъ издалъ повелѣніе: схватить въ высшей сте-

пени опаснаго и могущественнаго коадъютора, гдѣ бы его ни нашли, и обѣщалъ не оказывать ни малѣйшей пощады кардиналу, когда этотъ послѣднiй будетъ выданъ ему. Всѣ удивлялись. Король еще не принялъ на себя *одного* управленiя государствомъ, а уже дѣйствовалъ. Лица у Мазарини и Анны австрiйской вытянулись.

Парламентъ тоже началъ предчувствовать что - то недоброе. Король смотрѣлъ зорко. Отъ него не ушло, что представители народа чрезвычайно присмирѣли, съ тѣхъ поръ какъ находились при послѣднемъ издыханiи; онъ зналъ, что смѣлость все рѣшаетъ и что именно французовъ-то и надобно хватать сразу. Король превосходно воспользовался домашними уроками Мазарини. Онъ началъ протягивать свои щупальцы.

Первымъ призомъ было то, что онъ перевелъ парламентъ изъ Парижа въ Понтуазъ. Члены парламента очень громко роптали, но повиновались. Король смѣялся втихомолку. Хотя парламентъ и достигъ своей цѣли—удалилъ кардинала, но что это значило?

«Отдохните, господинъ кардиналъ», сказалъ молодой король при отъѣздѣ Мазарини, «мы даемъ вамъ отпускъ».

Впрочемъ кардиналъ могъ бы остаться, потому-что король приказалъ въ это время объявить въ парламентѣ государственными измѣнниками принца Конде, приверженца парламента, и всѣхъ его сообщниковъ. Парламентъ спокойно внесъ въ протоколъ этотъ указъ. Это былъ второй призъ.

Въ третьихъ, случилось слѣдующее. Когда президентъ Несмондъ отправился въ Компьенъ, чтобы доложить королю о рѣшенiи парламента касательно изгнанiя Мазарини, молодой человѣкъ не далъ сказать о Мазарини ни одного слова, но вырвалъ у него изъ рукъ бумагу, по которой Несмондъ хотѣлъ читать это рѣшенiе. Парламентская депутацiя пошла спокойно домой.

Теперь оставалось еще показать, что ядра или кинжалы, баррикады и бросанiе каменьевъ такъ же мало страшны, какъ и парламентскiя рѣчи. Король сдѣлалъ четвертый опытъ.

Высочайшее соизволенiе на изгнанiе Мазарини образовало что-то въ родѣ связи между дворомъ и парламентомъ, а слѣдовательно и народомъ. Въ силу этого соглашенiя король долженъ былъ торжественно вступить въ Парижъ въ сопровожденiи своего двора. Было положено, чтобы во время этого вступленiя король, предшествуемый своими тѣлохранителями, швейцарскимъ полкомъ, и окруженный *всею* своею армiею, ѣхалъ верхомъ подлѣ кареты королевы. Но Людовикъ не согласился на это.

— Я вступлю въ городъ съ *однимъ* гвардейскимъ полкомъ и буду ѣхать верхомъ во главѣ его, рѣшилъ юный монархъ и исполнилъ это рѣшенiе.

21 октября онъ дѣйствительно вступилъ во главѣ своего гвардейскаго полка. Онъ ѣхалъ на разстоянiи двадцати шаговъ впереди его; десять тысячъ факеловъ свѣтили ему; изъ всѣхъ оконъ и съ крышъ развѣвались флаги и знамена; слишкомъ триста тысячъ человѣкъ окружали поѣздъ (не больше какъ изъ пяти тысячъ человѣкъ), слѣдовавшiй за королевою и ея придворнымъ штатомъ; никто не сказалъ худого слова, всѣ удивлялись мужеству короля, все кричало: «виватъ!» Когда онъ совершилъ это вступленiе въ свою столицу, гдѣ въ это время находился Рецъ въ качествѣ повидимому примирившагося врага (которому король простилъ, какъ казалось, его интриги)—друзья кардинала предостерегали этого послѣдняго насчетъ самовластiя короля.

— Пустяки, сказалъ Рецъ, — онъ ничего не смѣетъ со мною сдѣлать. У моего корабля два весла: одно—мой кардинальскiй скипетръ, а другое—парижскiй посохъ.

Черезъ недѣлю онъ отправился въ Лувръ. Онъ встрѣтился съ королемъ, который былъ очень ласковъ и повелъ его въ одну комнату. Но изъ этой комнаты Рецъ отправился въ качествѣ арестанта, въ экипажѣ, который отвезъ его въ Винсеннъ Скипертъ и посохъ не помогали.

Всѣ приверженцы бывшей фронды пришли въ ужасъ, въ особенности же дрожалъ парламентъ; молодой король дѣйствовалъ *самовластно*, Мазарини былъ въ изгнанiи. Конде и Рецъ, вожди и защитники парламента, были—одинъ въ изгнанiи, другой въ темницѣ, а парламентъ совершенно притихъ.

Король потиралъ себѣ руки: единственная власть, которая могла противиться ему, готова была рушиться.

Тѣмъ временемъ случилось многое. Кардиналъ Рецъ, приверженецъ парламента, не возвращался. Въ то время какъ онъ находился въ Винсеннѣ, его приверженцы избрали его въ парижскiе архiепископы—изъ этого можно видѣть какимъ опаснымъ врагомъ былъ Рецъ, — но король смѣялся надъ его могуществовомъ. Онъ держалъ избраннаго архiепископа взаперти, пока—какъ мы уже говорили—Рецъ не убѣжалъ.

Но и тутъ король уже не боялся его, и чтобы вполнѣ убѣдиться въ его безстрашiи изумленные парламентъ и Парижъ узнали, что господинъ кардиналъ Мазарини возвращается въ Парижъ. Молодой король до такой степени наслаждался пораженiемъ своего противника, что встрѣтилъ ненавистнаго парламенту Мазарини за три мили отъ Парижа, въ Доммартенѣ, гдѣ кардиналъ сѣлъ въ экипажъ короля. Въ Луврѣ король устроилъ большое торжество, а вечеромъ, въ насмѣшку надъ парламентомъ, былъ пущенъ передъ дворцомъ большой фейерверкъ, народъ ликовалъ, парламентъ скрипѣлъ зубами, а король и Мазарини остались побѣдителями.

Наступилъ 1655 г. Король опять сдѣлалъ одинъ шагъ впередъ. Онъ принималъ, какъ разсказывали участiе, въ походѣ. Онъ, не смыкая глазъ, выжидалъ случая сорвать спѣлый плодъ, то есть парализированный навсегда парламентъ. Этотъ случай скоро представился.

Людовику было счастье во всемъ, какъ въ хорошемъ, такъ и въ дурномъ. Его замыслы почти всегда удавались. Въ виду осложненiя военныхъ дѣлъ надобно было добыть денегъ. Для этой цѣли была введена гербовая бумага (*papier et parchemin marqué*) и 17 эдиктовъ короля уже были внесены въ протоколы. Это значитъ слѣдующее: по закону парламентъ имѣлъ право и былъ обязанъ разсматривать каждый эдиктъ короля, обсуждать его и по принятiи его вносить акты въ протоколы съ замѣчанiемъ: *Lisez-Publiez-Régistrez (enregistrement)*. Это только и давало подобнымъ эдиктамъ законную дѣйствительность. Нечего и говорить о томъ какъ думалъ объ этомъ Людовикъ. Онъ созвалъ въ Луврѣ *lit de Justice* куда былъ призванъ и парламентъ; эдикты о гербовой бумагѣ и, кромѣ того 40 должностей королевскихъ секретарей съ 1000 ливровъ содержанiя были предложены на разсмотрѣнiе парламента.

Молодой король явился въ полномъ нарядѣ; точно также и члены парламента были въ парадныхъ мундирахъ (*en robes rouges*). Король занялъ мѣсто на тронѣ подъ балдахиномъ; началось чтенiе, и члены парламента терпѣливо слушали. Въ заключенiе нѣкоторые изъ членовъ хотѣли сдѣлать кой-какiя заявленiя, но король предупре-

дилъ ихъ, выразивъ *желаніе* чтобы эти эдикты сейчасъ же вступили въ силу, то есть: король не желалъ никакого *enregistrement*. Обнаруживъ это скромное желаніе, низвергнувшее въ какія нибудь десять минутъ законъ, существовавшій въ теченіи цѣлаго столѣтія, онъ, вѣжливо поклонившись, вышелъ изъ залы.

Парламентъ не помнилъ себя отъ изумленія. Всѣмъ членамъ показалось, что они видятъ это во снѣ—наконецъ президентъ Несмондъ пришелъ къ результату, что этого не должно допускать. Парламентъ почувствовалъ въ себѣ смѣлость, которую онъ совершенно потерялъ въ присутствіи короля; нѣсколько добрыхъ провинціальныхъ дворянъ, нѣсколько адвокатовъ примкнули къ Несмонду—и такимъ образомъ бранелюбивое настроеніе духа значительно увеличилось—и рѣшеніе: подвергнуть изслѣдованію эдиктъ юнаго короля и вслучаѣ если этотъ эдиктъ будетъ принятъ, внести его въ протоколъ — стало выражаться все громче и тверже.

Мысль смѣлая въ отношеніи такого короля, какимъ былъ молодой деспотъ; но до дѣла было еще далеко. Тѣмъ не менѣе въ Парижѣ объ этомъ рѣшеніи шли сильные толки. Всѣ ждали съ любопытствомъ, чѣмъ это кончится, и это любопытство повело вездѣ къ разсужденіямъ о намѣреніяхъ—вслѣдствіе чего эти намѣренія дошли и до свѣдѣнія короля.

Вечеромъ 8 апрѣля король былъ занятъ въ своемъ кабинетѣ разсмотрѣніемъ программы для предполагавшейся *Partie de chasse*. Эта охота должна была происходить 10 апрѣля въ фонтенблоскомъ лѣсу и обѣщала много удовольствія.

Въ то время какъ король — это было въ венсенскомъ замкѣ, гдѣ жилъ Людовикъ послѣ удаленія Реца — былъ еще занятъ чтеніемъ, вошелъ господинъ де Сантъ-Эньянъ.

— Это будетъ чрезвычайно хорошо, сказалъ король,—прочти программу.

Сантъ-Эньянъ взялъ бумагу, прочелъ и подалъ опять королю.—Да, да, сказалъ онъ,—надобно искать пріятныхъ минутъ, непріятныя придутъ сами собою.

— Непріятныя минуты? Кто готовитъ ихъ мнѣ?

Сантъ-Эньянъ конечно дѣйствовалъ по тайному порученію кардинала, когда онъ отвѣтилъ безъ дальнѣйшихъ околичностей: «Парламентъ».

— Ха! ха! ха! засмѣялся король, послѣ чего Сантъ-Эньянъ приступилъ къ извѣстіемъ изъ Парижа.

Людовикъ спокойно слушалъ его, лицо не измѣнилось, онъ пошелъ къ двери и свиснулъ въ серебрянный свистокъ, висѣвшій у него на шеѣ, послѣ чего вошелъ камердинеръ Лапортъ.

— Лапортъ, сказалъ король,—пришли мнѣ господина де-Бёврона.

Бёвронъ былъ дежурный каммергеръ. Когда онъ вошелъ, король уже написалъ коротенькое письмо, это было такъ называемое *lettre de cachet*.

Это было повелѣніе: созвать въ Луврѣ къ 10 апрѣля парламентъ.

— Но, ваше величество, сказалъ Сантъ-Эньянъ,—прекрасная *Partie de chasse* назначена десятаго же, она пропадаетъ.

— Не безпокойся, Сантъ-Эньянъ, возразилъ король,—этотъ визитъ къ моему парламенту не мѣшаетъ охотѣ, я ужь это улажу.

Онъ отпустилъ де-Сантъ-Эньяна, который вскорѣ сообщилъ объ этомъ всѣмъ.

10 апрѣля въ Луврѣ происходило сильное движеніе, собралось много народу, потому-что всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали этого чрезвычайно важнаго событія. Члены парламента пріѣхали въ парадныхъ мундирахъ и вошли во дворецъ. Всѣ были чрезвычайно серіозны; многіе повидимому рѣшились на самыя крайнія средства, и духовные лица, адвокаты метали изъ глазъ молніи гнѣва, потому-что предчувствовали, что имъ предстоитъ сильная борьба. Въ залѣ уже собрались судебные пристава (huissiers), писцы, актуаріусы (greffiers)—глухой говоръ носился по всему помѣщенію. На верху въ ложѣ надъ дверью отдернули украдкой занавѣси; тамъ сидѣли: кардиналъ Мазарини и королева, а также Берни, секретарь кардинала; но вскорѣ они опять задернули ихъ.

Тѣмъ временемъ зала наполнилась членами парламента.—Но въ собраніи, какъ разсказываетъ господинъ де Монгладъ, было какъ-то особенно душно; говорили вполголоса. Передъ балдахиномъ расположились Несмондъ, президентъ, Лонгъпёль, помощникъ президента, господа де Савансъ и Палуа, епископъ ренскій, адвокаты *le Nain*, *Quelain*, Битольтъ, аббаты *Levin* и Бризаръ вмѣстѣ съ версальскими купцами и нѣсколькими кавалерами короля. Прокураторъ Ленс, толстый человѣкъ съ краснымъ лицомъ, глава слабой оппозиціи, бросалъ ядовитые взгляды по направленію къ столу, за которымъ сидѣли два писца. Въ отдаленіи сидѣлъ, скорчившись на стулѣ, господинъ де Брильякъ. Брильякъ былъ добрый толстый дворянинъ, кавалеръ короля, землевладѣлецъ изъ Франшъ-Конте съ большимъ состояніемъ и веселымъ характеромъ. Онъ никогда не показывался въ собраніи безъ своей бархатной мантіи, украшенной орденомъ Святаго Духа.

На стѣнныхъ часахъ пробило десять часовъ. «Король идетъ», пронеслось по залѣ. Всѣ встали. Мертвая тишина господствовала въ собраніи, никто не смѣлъ шепнуть словечка, дыханіе молодаго деспота въ юношескомъ образѣ вѣяло надъ присутствущими. Тихо отдернулись занавѣси ложи. Всѣ устремили взоры на дверь, черезъ которую депутація отправилась встрѣчать короля. Существовалъ обычай, чтобы депутація всякій разъ вводила короля въ залу. Эти депутаты чрезвычайно удивились, не видя нигдѣ ни экипажа, ни свиты.

Какъ бы то ни было, но все же это торжественная минута, когда король входитъ въ залу. Тутъ вдругъ въ концѣ галлереи показалась группа людей, а впереди ея король.

На немъ было красное полукафтанье, сѣрая шляпа съ перомъ, охотничій плащъ, перчатки съ отворотами и — сапоги! — высокіе сапоги. Съ хлыстомъ въ рукѣ — вотъ какъ приблизился онъ къ депутатамъ;—конечно не такъ—не въ этомъ костюмѣ, въ сапогахъ, съ хлыстомъ въ рукѣ, войдетъ онъ въ парламентъ? Нѣтъ, слегка поклонившись, спѣшитъ онъ мимо депутаціи — звеня шпорами входитъ въ залу;—онѣмѣвъ отъ изумленія, смотрятъ на него униженные до глубины души депутаты, но этого недовольно—вмѣстѣ съ нимъ въ залу входитъ и его наглая свита. Не прошло нѣсколькихъ минутъ какъ всѣ они уже на мѣстѣ.

Подъ трономъ, коверъ котораго попирается охотничьими сапогами Людовика, стоитъ король. По правую руку его Міоссенсъ, по лѣвую Сантъ-Эньянъ, а передъ нимъ прекрасный гордый рыцарь Гизъ. Канцлеръ Сегье стоитъ съ озабоченной миной за Людовикомъ. Орлеанъ и Граммонъ облокотились на окно. Всѣ бросаютъ презрительные взгляды на собраніе, которое сохраняетъ глубокое молчаніе.

— Господа, начинаетъ король, не предлагая, по обы-

чаю, президенту сѣсть,—всякому извѣстно, что парламентскія собранія—причина всевозможныхъ безпорядковъ. Я долженъ былъ предупредить это. Новая бѣда грозитъ эдикту, который я недавно предложилъ вамъ. Я приказываю вамъ исполнить эти предписанія. Вы можете записывать мои рѣчи, но я запрещаю вамъ разсуждать объ нихъ. Вы должны исполнять мои приказанія. Вамъ, господинъ президентъ, я запрещаю сзывать когда либо опять собраніе помимо моего желанія. Вы никогда уже не будете назначать ихъ; это право принадлежитъ мнѣ, и если это дѣло пойдетъ не такъ, то я приведу его въ порядокъ.

При этихъ словахъ онъ такъ махнулъ хлыстомъ, что въ воздухъ засвистѣло.

Ужасъ парализировалъ языки членовъ парламента. Даже придворные взорогнули отъ страха, а въ ложѣ кардиналъ и королева съ трудомъ переводили духъ, — такое давящее впечатлѣніе произвело на всѣхъ это насиліе. Уполномоченные стиснули зубы; не у одного старика заблистало на рѣсницахъ что-то въ родѣ слезы; епископъ реннскій едва держался на своемъ креслѣ; другіе бросали взоры ненависти и съ трудомъ сдерживаемаго бѣшенства на юношу подъ балдахиномъ и, скрежеща зубами, складывали руки въ кулаки; но парламентъ былъ сломленъ еще прежде чѣмъ король сдѣлалъ этотъ шагъ, уничтожившій право многихъ столѣтій. Новое, можетъ быть, для двора юнаго деспота болѣе великое и блестящее время наступило, — время, уничтожавшее каждое движеніе свободы, даже законной, поднимавшее *одного* на мѣсто *всѣхъ*, кто осмѣливался еще выражать свои мнѣнія.

Что оказалось невозможнымъ для таланта, для знатнаго сана, то сдѣлала сельская простота Брильяка. Онъ воспользовался минутою испуга и, выступивъ впередъ, сдѣлалъ неловкій поклонъ и сказалъ Людовику добросердечнымъ тономъ сельскаго дворянства:

Бурята.

— Ваше величество, это тяжело, что вы сказали. Будьте милостивы, подумайте, что мы представляемъ часть государства.

Дальше добрый дворянинъ не могъ сказать ни одного слова. Король выпрямился еще больше; его прекрасное лицо приняло выраженіе гнѣва и презрѣнія, почти совершенно исказившаго его привлекательныя черты.

— Что, что? г. Брильякъ?! вскричалъ онъ:—Государство? — Что такое государство? Кто составляетъ государство? Государство — это я (L'etat cet moi).

Онъ граціознымъ и повелительнымъ движеніемъ руки указалъ на свою грудь. Брильякъ опустилъ голову, болѣзненно улыбаясь и точно такъ же приложивъ руку къ сердцу. Такимъ образомъ стояли они нѣсколько секундъ другъ противъ друга; онъ былъ прекрасенъ и вмѣстѣ съ тѣмъ почти страшенъ, этотъ семнадцатилѣтній король, этотъ тиранъ съ лицомъ Париса, — наружность котораго еще болѣе выигравшая отъ простого, но тѣмъ не менѣе великолѣпнаго платья, составляла блестящую противуположность наружности толстаго Брильяка, вызывавшаго сожалѣніе своими болтающимися вокругъ ногъ чулками и панталонами и гладкими волосами.

Этими словами король обрисовалъ свой будущій образъ властвованія, *онъ* составлялъ государство, *онъ одинъ*.

Всякая другая воля, всякая другая сила уже не существовали. Къ ужасу всего міра, онъ держалъ свое слово съ страшною совѣстливостью, привелъ его въ исполненіе желѣзною рукою и съ мѣднымъ лбомъ.

Въ парламентскомъ засѣданіи отъ 10 апрѣля ничего уже не было сказано. Людовикъ вышелъ изъ залы, въ сопровожденіи кавалеровъ. Съ этой минуты парламента уже не было. Парижъ оставался спокоенъ; этому властелину, сопровождавшему свои рѣчи взмахами кнута, никто не дерзалъ противиться; парламентъ умеръ — а съ нимъ и

фронда. Въ концѣ концовъ Людовикъ дѣйствительно угостилъ ихъ кнутомъ. Мазарини ликовалъ.

— Въ этомъ юношѣ скрывается четыре короля и одинъ честный человѣкъ, сказалъ онъ господину Берни.

Господинъ кардиналъ имѣлъ престранныя понятія о короляхъ.

Всѣ позднѣйшія собранія, дозволенныя парламенту королемъ, были чистою комедіею. Хотя парламенты и дѣлали потомъ попытки въ отношеніи Людовика, хотя они и боролись, но тщетно.

Только сто тридцать четыре года спустя одинъ парламентъ отмстилъ за своихъ предшественниковъ, но вмѣстѣ съ этимъ онъ залилъ государство слезами и кровью. Это былъ... *конвентъ*.

Народы Россіи.

х. Бурята.

Къ С. В. отъ Иркутска встрѣчаются на протяженіи 240 верстъ степи и горы, составляющія верховья рѣки Лены,—той самой Лены, которая беретъ начало изъ бурятскихъ озеръ и болотъ незамѣтною рѣкою, повыше села Качуги, судоходной только до половины іюня, а потомъ быстрой и широкой, бурной и каменистой, протянувшейся болѣе чѣмъ на 3000 верстъ.—Представьте себѣ картину: въ степи, по правую сторону встрѣчаются русскія избы и огороды, поля и сады, по лѣвую—неисчислимые стада барановъ, коровъ и въ особенности лошадей, потомъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ тракта видны инородческія юрты,—похожія—однѣ на ульи изъ обложенныхъ лошадиными шкурами, наземомъ, а гдѣ и древесною корою конусовъ, составленныхъ изъ кольевъ,—другія—на неправильные четвероугольники и восьмиугольники, издали похожіе скорѣй на камни или на глыбы земли, чѣмъ на жилые дома, потому что тѣ и другіе безъ оконъ и трубъ. Только по постоянно дымящимся верхушкахъ и бокамъ этого зданія вы поймете, что тутъ живутъ люди; на боку иной находится щель въ стѣнѣ, завѣшанная войлокомъ или лошадиною шкурою, представляющая собою дверь; иная же глыба не имѣетъ сообщенія внаружу, а черезъ подземный ходъ или коридоръ, обложенный землею, соединяется съ другою глыбою, —это инородческій гаремъ. Вы не думайте, чтобы онъ не имѣлъ совершенно свѣта; но онъ такъ обнесенъ землянымъ же заборомъ, что снаружи думаешь, будто это одно зданіе.

Войдите въ юрту—и передъ глазами вашими новая картина: по срединѣ площадки ея на широкомъ камнѣ, или просто на землѣ, постоянно тлѣющій огонь, зимою и лѣтомъ,—зимою для теплоты, лѣтомъ отъ комаровъ и другихъ насѣкомыхъ. Кругомъ огня полунагіе бурята, остатки громаднаго народа, наводнившаго когда-то своимъ нашествіемъ весь востокъ и западъ Россіи; — тутъ мужья и жены, ребята, собаченки и ягнята, все вмѣстѣ!..

Бурята, народъ слившійся изъ манчжуровъ и тунгусовъ; они большею частію еще кочующіе, частію же становятся осѣдлыми. Живетъ простой народъ или дикарь нечистоплотно; у него, какъ у китайцевъ и евреевъ, грязь и вонь—необходимые элементы. Князцы, или высшее, грамотное между бурятами сословіе, придерживаются строгому буддизму, состоящему въ поклоненіи природѣ, солнцу, великому духу, вѣтрамъ и проч. Между ними попадаются уже люди немного поотесаннѣе массы. Изъ нихъ нѣкоторые посылали своихъ сыновей въ иркутскую гимназію и даже въ казанскій университетъ. Церковная служба простонародія искажена расколомъ и превратилась въ совершенное идолопоклонничество, и называясь шаманствомъ, состоитъ въ пляскѣ вокругъ огня съ бубнами, въ перескакиваніи черезъ поставленные вверхъ остріемъ ножи, крикъ, звонъ въ колокольцы и коверканіи себя, до того, что наконецъ шаманъ падаетъ на землю и въ потѣ лица засыпаетъ; тутъ-то къ нему подходятъ вѣрующіе въ его фокусы и разспрашиваютъ его о будущности своей, а онъ, будто черезъ сонъ, обманываетъ, конечно поддѣлываясь подъ желанія спрашивающаго.

Окруженные русскими поселянами и исподоволь побуждаемые къ исповѣданію христіанской вѣры, бурята въ небольшомъ числѣ перекрещены; за то, зайдите въ лѣсъ, и вы непремѣнно встрѣтите въ сторонѣ отъ проселочной дороги кусты, увѣшанные лентами и побрякушками,—это того же самаго христіанина—бурята—путевая молельня.

Свадьбы и др. церемоніаловъ и празднествъ бурятъ я не видѣлъ, но случай привелъ мнѣ видѣть похороны одного изъ важныхъ лицъ бурятскаго происхожденія.

Я былъ знакомъ съ Дорджіемъ Банзаровичемъ Б...вымъ. Онъ кончилъ курсъ въ Казанскомъ университетѣ кандидатомъ правъ или по восточному факультету и служилъ въ Иркутскѣ чиновникомъ особыхъ порученій. Какъ образованнаго человѣка, его многіе изъ товарищей и даже изъ начальниковъ уважали за его умъ. Онъ происходилъ изъ бурятскихъ князцевъ, т. е. изъ дома старѣйшины, когда-то владѣтельнаго дома. Задачею его было: склонять собратьевъ своихъ, бурятъ, къ принятію христіанской вѣры—и вообще къ ознакомленію ихъ съ жизнію европейскою; но это, какъ многіе полагали, его мучило и было одною изъ причинъ, что онъ сталъ пить темную чару. Онъ и самъ не перемѣнилъ своихъ религіозныхъ убѣжденій—и жилъ на двѣ половины. Незнакомыхъ ему людей и по дѣламъ службы онъ принималъ въ домѣ на улицу, устройство котораго было совершенно европейское; но какъ скоро онъ оставался одинъ, или съ людьми, которымъ онъ довѣрялся, — онъ удалялся съ ними въ свою юрту, поставленную имъ во дворѣ его дома, и здѣсь то его окружала жизнь уже вполнѣ азіатская. Юрта была обтянута лошадиными шкурами и раздѣлялась на двѣ половины; въ первой онъ принималъ, во второй жили его домочадцы. Слухи ходили, что онъ, еще студентомъ, былъ влюбленъ въ какую-то красавицу, русскую дворянку, чуть ли не дочь генерала, соглашавшуюся выйдти за него за мужъ, не смотря на его монгольское безобразіе и происхожденіе; но родители ея требовали, чтобы онъ перешелъ въ христіанство.—Это несогласіе ея родителей заставило его отдаться вину—и онъ, по окончаніи курса, уѣхалъ въ свои степи, гдѣ обзавелся нѣсколькими женами, но постоянно скучалъ по первой своей привязанности, о которой вспоминалъ только въ разговорѣ съ нѣкоторыми изъ прежнихъ товарищей по университету; въ эти откровенныя минуты онъ начиналъ говорить стихами на манчжурскомъ діалектѣ, въ которыхъ любилъ воспѣвать свою родину и ея прежнюю раздольную жизнь. Нерѣдко мы заговаривались съ нимъ до полуночи, и онъ, если бы оста-

вался живъ, непремѣнно передалъ бы много новаго или недошедшаго до насъ, собираемаго имъ изъ преданій неизвѣстныхъ намъ манчжурскихъ ученыхъ людей и источниковъ, скрываемыхъ послѣдними отъ насъ. Но онъ, къ сожалѣнію, умеръ 30-ти съ небольшимъ лѣтъ и унесъ съ собою въ могилу множество записокъ и замѣтокъ о малознакомомъ намъ народѣ и краѣ.

Когда дали знать бурятскому первосвященнику, или хàмба-лàма, то онъ прибылъ съ нѣсколькими младшими духовными лицами съ острова Ольхона на Байкальскомъ озерѣ,—гдѣ ихъ главная пагода или молельня и его постоянное мѣстопребываніе. Онъ осмотрѣлъ умершаго, спросилъ: въ какомъ положеніи застали покойника когда тотъ умеръ,—и когда ему доложили, что покойникъ скоропостижно скончался и лежалъ скорчившись на лѣвомъ боку, то хàмба-лàма велѣлъ вынуть тѣло умершаго изъ гроба, раздѣть его до нага и положить какъ его нашли послѣ кончины, вмѣсто гроба, на прямую доску, обмыть и чисто вытереть какимъ-то жирнымъ благоуханіемъ. Затѣмъ сложили посреди двора огромный костеръ, на которомъ сожгли его юрту, платье, бумаги и все ему дорогое; этотъ огонь поддерживали во время трехдневнаго содержанія тѣла умершаго на дворѣ, потому что оно уже сильно предавалось тлѣнію отъ лѣтнихъ жаровъ. Въ день похоронъ, тѣло было въ томъ же положеніи, обернутое въ простыню, поставлено на катафалкъ, вокругъ котораго стояли куренія и свѣчи, а на полу сидѣли священники, читая молитвы на манжурскомъ языкѣ, тогда какъ самъ хàмба-лàма выходилъ каждые полчаса изъ походной молельни и благословлялъ покойника. Потомъ, около нашей вечерни, понесли на доскѣ, подъ серебрянымъ одѣяломъ на недальнее овсяное поле. Черезъ четверть часа, на нѣкоторомъ возвышеніи была вырыта могила, въ которую и опустили тѣло, посыпавъ его прежде пепломъ отъ сгорѣвшаго его имущества, зарыли, сравняли, утоптали мѣсто, и посѣяли снова овесъ, такъ что черезъ двѣ недѣли отъ взошедшаго овса неизвѣстно было, гдѣ оно зарыто.

Надъ умершими буддистами весма рѣдко становятся памятники, а могилы ихъ укращаются вехами или шестами съ клочками соломы; чаще же всего замѣтны въ степи маленькіе курганы, которые большею частію видны по бокамъ большой дороги. У военныхъ начальниковъ кладется въ могилу голова ихъ любимой лошади, которую тутъ же съѣдаютъ сырою на поминкахъ; также опускаются въ могилу всѣ его оружія. Все зарывается очень глубоко, такъ что пахарь не узнаетъ на другой годъ мѣсто, гдѣ въ нынѣшнемъ году схоронено тѣло.

Одежда буддистскаго первосвященника много похожа на нашу бѣлую архирейскую, только на головѣ его бываетъ митра о двухъ острыхъ оконечностяхъ, въ родѣ ушей, а не закругленная, какъ наши митры.

Если вы по обязанности службы должны разъѣзжать по отдаленнымъ улусамъ бурятъ, то вы встрѣтите вполнѣ азіатскій пріемъ. Улусный князецъ, одѣтый въ красный шелковый халатъ—радушно васъ встрѣчаетъ, сажаетъ передъ огнемъ въ переднемъ углу своего дворца, состоящаго большею частію изъ одной комнаты и различаемаго отъ другихъ домовъ только тѣмъ, что онъ окруженъ службами, гаремами и конюшнями, съ открытыми загородками. Это его дворецъ или пріемная, гостинная; самъ же онъ живетъ въ юртѣ, на дворѣ. Вамъ прислуживаютъ его сыновья. Черезъ переводчика изъ казаковъ, взятыхъ у бурятъ же, вы объясняете князцу, за чѣмъ вы командированы,—и онъ только поведетъ бровью, какъ все является. По самому разговору съ князцомъ, вы можете многое понять, потому что, если дѣло важно, то онъ поминутно встаетъ и кланяется вамъ. Изъ разговоровъ инородцевъ между собою, вы поймете половину предстоящаго вамъ хода дѣйствія, потому что многія мысли выражаются на ихъ дикой физіономіи.—Хотя у князцовъ и отнято право судить своихъ подчиненныхъ на смерть, но они по старой привычкѣ умѣютъ такъ управлять своимъ народомъ, что имъ достаточно одного косаго взгляда чтобы видѣть полное исполненіе ихъ воли.

Нравственная сторона человѣка въ бурятѣ начинаетъ портиться по мѣрѣ приближенія его къ городамъ. Чѣмъ ближе онъ сходится съ нашимъ родичемъ, тѣмъ болѣе становится, если не всегда негодяемъ, то часто плутомъ и лѣнтяемъ. Его уже болѣе интересуетъ почтовый разгонъ, за который онъ, безъ особеннаго труда, получаетъ хорошее воздаяніе отъ казны и на водку отъ проѣзжающихъ, тогда какъ онъ прежде, каждый свободный отъ домашнихъ занятій день, отправлялся въ лѣсъ за бѣлкою или лисицею, или на озеро или рѣку за уловомъ рыбы.

Казачье войско изъ бурятъ лучше, чѣмъ бы можно было его предполагать въ такое короткое время съ его образованія. Какъ у дикаго народа, привыкшаго искони вѣка къ обращенію съ лошадьми, между нимъ много прекрасныхъ наѣздниковъ. Производство же въ чины и отдача служащему нѣкотораго предпочтенія, а въ особенности костюмъ военнаго—интересуютъ болѣе всякій неразвитый, чѣмъ цивилизованный народъ; а потому они охотно идутъ въ военную службу, тѣмъ болѣе что изъ нихъ заслуживающіе отличія были уже тогда производимы въ званіе заурядъ-хорунжихъ и выше, и это ихъ сильно пріохочивало къ службѣ.

Богатство инородца большею частію въ скотоводствѣ и рѣдкій родъ монгольскаго князца знаетъ настоящее число имѣющагося у него скота. Долго монголъ былъ увѣренъ въ томъ, что его не обкрадутъ, такъ что онъ за своими лошадьми, овцами, верблюдами и коровами мало присматривалъ, пока его не проучили наши родичи поселенцы: ему почти не надо было другихъ сторожей за своимъ стадомъ, какъ самцовъ его стада и собакъ. Случай привелъ мнѣ видѣть у нихъ и множество другихъ богатствъ, какъ-то: золотыя и серебряныя бляхи въ косахъ женщинъ, божковъ изъ чистаго золота, конечно грубо отдѣланныхъ, но доказывающихъ, что бурятамъ извѣстны многіе источники дорогихъ металловъ, неизвѣстныхъ еще нашимъ горнымъ инженерамъ.

Бурятъ называютъ также и братскими, вѣроятно потому, что богатство и имущество ихъ, хотя бы и не большое, они считаютъ общимъ достояніемъ.

Вызовъ на бой.

Свѣжее, росистое утро чуть заглядываетъ на поляну чернолѣсья, обдавая листву отдѣльныхъ деревъ и цѣлыя купы ихъ холодными, сѣроватосумеречными, предразсвѣтными тонами. Кругомъ тихо, не шелохнется листокъ

и самый посвистъ пташекъ только усугубляетъ тишь лѣса; далеко-далеко гдѣ-то стучитъ дятелъ и тишина словно ростетъ и охватываетъ всю окрестность отъ этихъ деревянныхъ звуковъ птицы-ремесленника, въ потѣ труда озабоченно снискивающей хлѣбъ свой; налѣтитъ порывомъ вѣтерокъ, прошумитъ въ верхушкахъ—и опять затишье. Но, чу!... что это?... Зычный ревъ прорѣзалъ сонный воздухъ—и гнѣвный, напряженный звукъ его еще дрожитъ въ ушахъ изумленнаго путника, знающаго, что въ этомъ краю не водится свирѣпыхъ хищниковъ. Въ отвѣтъ первому издали доносится менѣе громкій, но не менѣе тревожный, отзывный ревъ, который все близится въ трескѣ хрустящихъ вѣтокъ сухаго хворосту и валежника. А первый возмутитель тишины разражается новымъ ожесточеннѣйшимъ взрывомъ перекатистаго рева... это чужакъ-олень, нарушающій спокойствіе законнаго обладателя стада самокъ и вызывающій его на бой... Счастливый семьянинъ спѣшитъ вступиться за неприкосновенность своихъ пенатовъ и дать отпоръ дерзкому искателю приключеній. Вотъ, оба соперника завидѣли другъ друга еще издали. Въ горделивой позѣ стоитъ отчаянный авантюристъ и какъ труба гремитъ его вызовъ, потрясая воздухъ задорнымъ рыкомъ,—между тѣмъ какъ степенный давнишній поселенецъ этого края, какъ бы въ сознаніи своей правоты, не спѣша но твердо подходитъ къ врагу. Мгновеніе—и вотъ, наклонивъ головы, они ринулись другъ на друга, сцѣпились вѣтвистыми рогами—и каждый норовитъ поразить противника острымъ переднимъ отросткомъ.

Храбрость и отчаянные бои оленей, говоритъ Дарвинъ, часто служили предметомъ описаній. Ихъ скелеты находили въ разныхъ частяхъ свѣта, съ рогами переплетенными между собой и показывающими, какимъ жалкимъ образомъ погибли побѣдитель и побѣжденный. Но большею частію этого не случается; одинъ изъ соперниковъ обыкновенно принужденъ уступить и повернуть тылъ, причемъ побѣдитель старается вонзить переднія вѣтви своихъ роговъ въ побѣжденнаго соперника. Отсюда кажется, что верхнія вѣтви преимущественно употребляются для отраженія ударовъ.

Часто случается, пишетъ Бонеръ въ своемъ превосходномъ описаніи нравовъ оленя въ Германіи,—что въ то время, какъ олень защищаетъ свои права противъ одного непрошеннаго гостя, другой врывается въ святилище его гарема и уноситъ трофей за трофеемъ. Какъ видно, лукавство и хитрость не у однихъ людей торжествуютъ подъ часъ надъ открытымъ мужествомъ и силою.

Фельетонъ.

Изъ пустого въ порожнее.

Безпримѣрный грабежъ.—Письмо г. Минаева.—Rira bien qui rira le dernier.

Сударыня! Я могу вамъ разсказать исторію одного дерзкаго злоумышленія, исторію одного ужаснаго грабежа, замѣчательнаго по своей безпримѣрности до сихъ поръ во всей подлунной. Оригинальность его состоитъ въ томъ, что во всѣхъ грабежахъ сильные похищаютъ у слабыхъ, въ этомъ же случаѣ повидимому сильный міра сего сдѣлался жертвой слабаго; во всѣхъ грабежахъ цѣлью преступленія бываетъ какая нибудь цѣнная вещь, а въ этомъ случаѣ цѣлью грабежа былъ предметъ невѣсомый, непредставляющій ходячей цѣнности на денежномъ рынкѣ. Между тѣмъ несчастная жертва судя по жалобамъ лишилась всего, всей своей силы, всего своего могущества. Да сударыня, это дѣйствительно оригинальный грабежъ, и что всего поразительнѣй—такъ это то, что вашъ покорнѣйшій слуга былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этой уголовщинѣ, т. е. самимъ грабителемъ. Побудительную причину къ такому страшному преступленію съ точки зрѣнія пострадавшаго, а также мою собственную точку зрѣнія на это происшествіе я не замедлю изложить вамъ; теперь же пока скажу, что я имѣлъ нѣкоторое основаніе надѣяться, что злодѣяніе мое пройдетъ незамѣченнымъ и будетъ навѣки скрыто отъ взоровъ любопытныхъ, подобно нѣкоторымъ апокриѳическимъ книгамъ въ тайникахъ ватиканской библіотеки. Но судите о моемъ ужасѣ—самомъ ужасномъ изъ всѣхъ ужасовъ—ужасѣ выслѣженнаго и разоблаченнаго преступника, когда я прочелъ въ газетахъ слѣдующее письмо:

„М. г. Позвольте мнѣ чрезъ посредство вашей газеты заявить о новомъ фазисѣ нашихъ литературныхъ нравовъ, дошедшихъ въ послѣднее время до „кунавинской“ разнузданности и безнаказаннаго своеволія. Подъ лозунгомъ „сарынь на кичку!“, наши газетные матадоры давно уже, какъ извѣстно, занимаются въ журналистикѣ срываніемъ псевдонимныхъ масокъ, нарушая этимъ всякую литературную благопристойность. Но до сихъ поръ только раскрывали чужіе псевдонимы—теперь же начинаютъ подвизаться въ печати подъ чужими псевдонимами. Вотъ и доказательство. Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, я, время отъ времени, помѣщалъ и помѣщаю въ журналѣ „Дѣло“ разныя статьи за подписью „L'homme qui rit“. Такъ какъ этого псевдонима я никому не дарилъ и не отдавалъ въ аренду, то не мало удивился, когда нечаянно узналъ, что въ какой-то газетѣ „Нива“ явился мой двойникъ (по истинѣ „смѣющійся человѣкъ!“), скрывающій свою литературную безыменность подъ моею постоянною подписью. Считаю необходимымъ заявить объ этомъ уже потому, что мнѣ вовсе нелестно и нежелательно, чтобъ меня смѣшивали съ неизвѣстнымъ псевдонимопохитителемъ, подвизающимся въ „Нивѣ“. Какъ подъ чужимъ векселемъ, такъ и подъ чужою статьей никому не можетъ быть пріятно неожиданно увидѣть подпись своего имени.

„Примите увѣреніе и пр.

«Дмитрій Минаевъ».

Сознаюсь, я былъ огорошенъ этой внезапностью и только машинально повторялъ: „кунавинская разнузданность!“ Сарынь на кичку!“ „матадоры!“ „маски!“ „аренда!“ „вексель!“ „псевдонимопохититель!“ Боже мой, сколько глубины и краснорѣчія напустилъ человѣкъ! что за монументальный стиль во вкусѣ нашего коммерческаго вѣка! Какимъ неразсчетливымъ пигмеемъ оказываюсь я, несоразмѣривъ силъ и выступивъ на борьбу съ великаномъ!... Я погибъ, погибъ безвозвратно!... Я никакъ не думалъ, чтобы злой рокъ натолкнулъ меня какъ разъ на самого г. Минаева, который стяжалъ себѣ громадную извѣстность именно „кунавинскою“ разнузданностью своихъ обличительныхъ стишковъ, не говоря уже о смѣломъ реформаторствѣ въ области переводовъ изъ Байрона, гдѣ напримѣръ *нимфа Эгерія* выходитъ изъ подъ волшебнаго пера г. Минаева *прелестнымъ уголкомъ земли* и т. п. Согласитесь, что я дол-

Вызовъ на бой. Съ картины Крегера. Рисовалъ авторъ, гравир. О. Ротъ.

женъ былъ струхнуть не на шутку передъ такимъ *всемогущимъ* противникомъ. Я стоялъ съ письмомъ въ рукѣ и оглушенный испански-нижегородскимъ мотивомъ, ежеминутно ожидалъ появленія алгвазилей, которые должны арестовать меня. Но алгвазили не приходили, настроеніе мое проходило—а вмѣстѣ съ тѣмъ и глаза, которые такъ велики у страха, приглядѣлись къ безмолвнымъ и несмотря на то громозвучнымъ строкамъ, и вниманіе сосредоточилось преимущественно на тѣхъ фразахъ, которыя я могъ бы отнести къ себѣ лично, а не къ моему поступку: вѣдь всетаки интересно знать, какъ думаетъ именитая извѣстность о скрывающейся подъ ея постоянною подписью неизвѣстной безыменности. „Я не мало удивился, когда *нечаянно узналъ*"—о, какое уязвленіе! вы не читаете моихъ статей? даже не просматриваете? Впрочемъ, да падетъ сія стрѣла обратно на вашу голову—я не для васъ и пишу. Далѣе: нечаянно узналъ, что въ *какой-то* газетѣ „Нива"—еще стрѣла! примите же и ее обратно, г. Минаевъ: она язвитъ не „Ниву", а васъ какъ хроникера, которому не дѣлаетъ чести, что онъ не знаетъ журнала ежегодно втеченіи трехъ лѣтъ имѣвшаго и имѣющаго до десятка тысячъ подписчиковъ. Но такъ какъ я не охотникъ оттачивать чужія стрѣлы, то не хотите ли полюбоваться образчикомъ моего оружія? Зачѣмъ это вы погрѣшили противъ истины, г. Минаевъ, принявъ такой тонъ, какъ будто не знаете „Ниву", которую сами же почтили эпиграммами, напечатанными въ послѣднемъ собраніи вашихъ сочиненій? или, вы можетъ быть пишете эпиграммы на то, о чемъ не имѣете никакого понятія? Ну, такъ выпутывайтесь изъ этой двойной сѣти какъ знаете; я надѣюсь, что вы по крайней мѣрѣ отдадите справедливость ея прозрачной тонинѣ, если не ловкости наметчика. Теперь будьте такъ добры, объясните намъ, что значитъ громкая фраза *о литературной безыменности, скрывающейся подъ вашей постоянной подписью.* Во первыхъ, вы не знаете, кто скрывается подъ псевдонимомъ l'homme qui rit въ журналѣ „Нива", какъ и я не зналъ, кто скрывался подъ таковымъ же въ журналѣ „Дѣло" до вашего обязательнаго саморазоблаченія—(о матадоры!); во вторыхъ, какимъ образомъ пріобрѣлъ бы я эту *извѣстность*, прикрываясь *вашимъ псевдонимомъ*? Вѣдь мои лавры приписывались бы вамъ, даже если это было въ самомъ дѣлѣ возможно; а вотъ этого-то именно я и не считаю возможнымъ по многимъ соображеніямъ.

Насколько псевдонимъ есть собственность (даже въ серіозныхъ статьяхъ), насколько извѣстное лицо фактически узакониваетъ свой псевдонимъ, подписывая его какъ свое имя—это вопросъ юридическій и я объ этомъ не говорю; я только говорю о нравственной сторонѣ этого вопроса. Кто болѣе или менѣе знакомъ съ положеніемъ нашей журналистики, тотъ, конечно, очень хорошо знаетъ, что у насъ каждая редакція къ сожалѣнію составляетъ особый замкнутый мірокъ—съ своими постоянными сотрудниками—и очень рѣдко случается, чтобы одинъ литераторъ сотрудничалъ въ двухъ изданіяхъ, даже журналахъ одного направленія и въ статьяхъ самаго невиннаго свойства, а тѣмъ болѣе въ журналахъ противоположныхъ направленій—и для того, чтобы предположить, что сотрудникъ „Дѣла" будетъ работать въ „Нивѣ", а сотрудникъ „Нивы" будетъ работать въ журналѣ „Дѣло", нужно быть совершенно незнакомымъ съ нравами нашей журналистики. Слѣдовательно, каждое изданіе уже санкціонируетъ своихъ сотрудниковъ. Кромѣ того, должно обладать достаточной долей тупоумія, чтобы не различить, что статьи подъ псевдонимомъ L'homme qui rit въ журналѣ „Нива" и статьи подъ тѣмъ же псевдонимомъ въ журналѣ „Дѣло", написаны не разными лицами. Наконецъ, сами вы, г. Минаевъ, принимая псевдонимъ «l'homme qui rit», точно ли были увѣрены, что не похищаете чужаго псевдонима — хоть бы изъ той-же Нивы или другихъ журналовъ, которыхъ вы дѣйствительно не читаете и не знаете? Посмотрите, какую массу невыгодныхъ предположеній можетъ повести за собою отступленіе отъ истины—хотя бы въ такомъ дѣлѣ какъ читаніе или нечитаніе журнала въ которомъ я посильно участвую. Что же касается до меня, если я и заимствовалъ откуда нибудь мой псевдонимъ, то конечно изъ журналовъ pour rire, коли не у самого Гюго, который сколько мнѣ извѣстно не закрѣплялъ за вами, господинъ Минаевъ, права исключительной собственности на заглавіе всемірнаго достоянія—романа l'homme qui rit. Но такъ какъ я отнюдь не предвидѣлъ и вовсе не желаю, чтобы этотъ псевдонимъ подобно красному флагу матодара возбуждалъ ярость въ комъ бы то ни было, то подписываюсь отнынѣ и впредь

L'homme qui rit — le dernier.

Внутреннее обозрѣніе.

На прошедшей недѣлѣ опубликовано Положеніе о городскихъ училищахъ, учреждаемыхъ взамѣнъ нынѣ существующихъ уѣздныхъ. Реформа эта заканчиваетъ собою рядъ мѣръ, принятыхъ въ послѣдніе годы министерствомъ народнаго просвѣщенія по преобразованію нашихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній и въ нѣкоторыхъ пунктахъ, какъ читатели сейчасъ увидятъ, представляетъ шагъ впередъ по пути улучшеній. Взамѣнъ нынѣ существующихъ 402 уѣздныхъ училищъ, министерство предполагаетъ открывать постепенно такъ-называемыя городскія училища, одноклассныя, двухклассныя, трехклассныя или четырехклассныя,—смотря по мѣстнымъ условіямъ. Открытіе такихъ училищъ, съ разрѣшенія министерства, предоставляется также земству, городскимъ обществамъ, сословіямъ и частнымъ лицамъ—на ихъ собственный счетъ, и въ такомъ случаѣ училища, если того пожелаютъ учредители, могутъ имѣть 5 и даже 6 классовъ. Курсъ во всѣхъ городскихъ училищахъ, изъ скольких бы классовъ они ни состояли, продолжается *шесть* лѣтъ; впрочемъ, для способнѣйшихъ изъ учениковъ срокъ пребыванія въ училищѣ можетъ быть сокращенъ (пунктъ 12). Пріемъ въ городскія училища производится одинъ разъ въ году и открытъ для дѣтей не моложе семи лѣтъ, всѣхъ званій и вѣроисповѣданій, безъ всякаго пріемнаго испытанія. Курсъ городскихъ училищъ составляютъ слѣдующіе предметы: а) законъ Божій, б) чтеніе и письмо, в) русскій языкъ и церковно-славянское чтеніе съ переводомъ на русскій языкъ, г) ариѳметика, д) практическая геометрія, е) географія и исторія отечества, съ необходимыми свѣдѣніями изъ всеобщей исторіи и географіи, ж) свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, з) черченіе и рисованіе, и) пѣніе, і) гимнастика и, наконецъ по желанію, к) ремесла. Кромѣ того, съ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, въ высшихъ классахъ городскихъ училищъ могутъ быть преподаваемы и предметы дополнительные. Окончившіе съ успѣхомъ курсъ городскаго училища, если они не старше 13-ти лѣтъ, принимаются безъ всякаго испытанія въ первый классъ гимназій и реальныхъ училищъ. При поступленіи на гражданскую службу, они, если имѣютъ на то право, пользуются предпочтеніемъ передъ тѣми, кото-

рые не обучались въ городскихъ училищахъ или высшихъ, сравнительно съ этими послѣдними, учебныхъ заведеніяхъ; а при производствѣ въ первый классный чинъ, не подвергаются никакому испытанію. Тѣ изъ учениковъ городскихъ училищъ, которые, по окончаніи курса въ этихъ заведеніяхъ, пожелаютъ сдѣлаться учителями въ городскихъ училищахъ, оставляются не болѣе какъ на годъ при училищѣ, для практическихъ занятій въ немъ подъ руководствомъ учителя, а потомъ, если имѣютъ не менѣе 16-ти лѣтъ, поступаютъ въ первый классъ учительскаго института, по окончаніи курса въ которомъ занимаютъ мѣсто учителя въ городскомъ училищѣ.

Для приготовленія учителей въ городскія училища, учреждается 7 учительскихъ институтовъ. Эти заведенія принимаютъ по экзамену молодыхъ людей разнаго званія, не моложе 16-ти лѣтъ, безъ всякихъ физическихъ недостатковъ, и будутъ давать спеціальное педагогическое образованіе. Учителями въ городскихъ училищахъ могутъ быть только лица, съ успѣхомъ окончившіе курсъ въ этихъ учительскихъ институтахъ, или такіе, которые выдержали соотвѣтствующій экзаменъ (§ 20). Каждому учителю въ городскомъ училищѣ поручается одинъ классъ, въ которомъ онъ преподаетъ *всѣ* предметы, за исключеніемъ: закона Божія, пѣнія и гимнастики (§ 17). Слѣдовательно, штатныхъ учителей въ городскомъ училищѣ полагается столько, сколько имѣется въ немъ классовъ, не считая помощниковъ, которые выбираются изъ лицъ имѣющихъ одинаковыя съ учителями права и наравнѣ съ ними участвующихъ въ педагогическихъ совѣтахъ училища. Содержаніе учителей городскихъ училищъ будетъ большее противъ содержанія нынѣшнихъ уѣздныхъ учителей, такъ-что напримѣръ учитель однокл챊асснаго городскаго училища будетъ получать около 600 рублей, при готовой квартирѣ. Впрочемъ, въ увеличеніи жалованья, какъ слышно, будутъ придерживаться порядка, существующаго въ нашихъ гимназіяхъ, т. е. жалованье будетъ возрастать по пятилѣтіямъ, прослуженнымъ учителемъ.

Новое положеніе о городскихъ училищахъ отличается отъ стараго въ слѣдующихъ существенныхъ чертахъ. Во 1-хъ, открытіе училищъ и число классовъ въ нихъ поставлено въ зависимости отъ мѣстныхъ условій, между которыми запросъ населенія, вѣроятно, будетъ играть не послѣднюю роль. Во 2-хъ, открытіе городскихъ училищъ предоставляется не одной только казнѣ, какъ это было до сихъ поръ, но также земству, сословіямъ и частнымъ лицамъ. Назначеніе учителей въ училища, открываемыя не на казенный счетъ, предоставляется самимъ учредителямъ, но въ такомъ случаѣ училища эти «подчиняются общимъ узаконеніямъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ»; если же учредители пожелаютъ, чтобы учителя назначались правительствомъ, то открытыя ими училища уравниваются въ правахъ съ казенными. Въ 3-хъ, курсъ предметовъ, преподаваемыхъ въ городскихъ училищахъ, измѣненъ въ томъ направленіи, что наибольшее вниманіе обращается на реальные предметы, имѣющіе практическое приложеніе, а именно: на русскій языкъ, ариѳметику съ исторіей и чистописаніе съ рисованіемъ; кромѣ того, въ курсъ городскихъ училищъ введено преподаваніе естествовѣдѣнія и обученіе ремесламъ, чего въ нынѣшнихъ уѣздныхъ училищахъ, какъ извѣстно, вовсе не преподается. Въ 4-хъ, учителями въ городскихъ училищахъ будутъ лица, получившія спеціальное педагогическое образованіе въ учительскихъ институтахъ, значитъ, такія, уровень знанія которыхъ будетъ значительно выше чѣмъ у нынѣшнихъ уѣздныхъ учителей; притомъ, учителя, окончившіе курсъ въ учит. институтахъ, и практически будутъ лучше подготовлены къ своему дѣлу, занимаясь съ учениками еще задолго до своего поступленія на мѣсто городскаго учителя. Въ 5-хъ, учителя въ городскихъ училищахъ будутъ не предметные, какъ это видимъ теперь повсюду, а классные, т. е. на каждый классъ получается по одному учителю. Объ успѣхѣ этого нововведенія на практикѣ—теперь трудно что-нибудь сказать, хотя въ теоріи можно съ нимъ и не соглашаться. Затрудненія, по нашему мнѣнію, могутъ представиться съ той стороны, что, желая установить единство въ преподаваніи по классамъ, мы рискуемъ внести разладъ въ преподаваніе по предметамъ, особенно въ училищахъ трехклассныхъ и четырехклассныхъ, гдѣ на одинъ предметъ, напр. ариѳметику, будетъ цѣлыхъ четыре учителя,—и ученикъ, переходя изъ класса въ классъ, будетъ чувствительно испытывать на себѣ перемѣну преподавателя. Конечно, соглашеніе въ пріемахъ и способахъ преподаванія возможно и при нѣсколькихъ учителяхъ на одинъ предметъ; но оно во всякомъ случаѣ затруднительнѣе чѣмъ тогда, когда предметъ ввѣряется одному преподавателю, который такимъ образомъ несетъ на себѣ *всю* нравственную отвѣтственность за его преподаваніе. Въ 6-хъ, новое положеніе о городскихъ училищахъ прекрасно концентрируетъ курсъ этихъ училищъ, такъ-что напр. въ одноклассномъ училищѣ проходятся тѣ-же предметы, какъ и въ четырехклассномъ, а потому и курсъ каждаго училища представляетъ нѣчто законченное. Имѣя ввиду, что населеніе многихъ изъ нашихъ мелкихъ городовъ довольствуется теперь только обученіемъ грамотѣ въ уѣздныхъ училищахъ и даже въ однихъ только приходскихъ классахъ, можно пожелать, чтобы курсъ одноклассныхъ и двухклассныхъ училищъ былъ сокращенъ до 3-хъ и 4-хъ лѣтъ. Тогда можно будетъ надѣяться, что большинство изъ поступившихъ въ училище пройдетъ весь курсъ его, а не удовольствуется только двумя годами, какъ это сплошь да рядомъ встрѣчается въ современныхъ намъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Наиболѣе выдающимся событіемъ прошедшей недѣли было путешествіе Государя Императора по Землѣ войска донскаго. Приводимъ по офиціальному тексту слѣдующую многознаменательную рѣчь Его Величества, произнесенную къ войсковому кругу:

„Давно желалъ Я посѣтить Землю войска донскаго, и благодарю Бога, что Онъ изволилъ Мнѣ исполнить Мое желаніе. При этомъ, не могу не припомнить Мое первое посѣщеніе донскаго края въ 1837 году, вмѣстѣ съ покойнымъ Государемъ Родителемъ Моимъ. Живо сохранились въ памяти моей слова Его, обращенныя къ представителямъ войска донскаго, въ этомъ самомъ войсковомъ кругу. Изъявивъ имъ Свою благодарность за вѣрную, усердную и храбрую ихъ службу, Онъ указывая на меня, сказалъ: „лучшаго доказательства Моего уваженія къ доблестямъ войска донскаго Я не могъ вамъ дать, какъ назначивъ Сына, Моего Наслѣдника, вашимъ атаманомъ. Увѣренъ, что вы будете служить и Сыну Моему столь же вѣрно, какъ вы служили предкамъ Моимъ и Мнѣ“. И Я по совѣсти могу сказать вамъ, что вы вполнѣ оправдали на дѣлѣ надежды Его.

«То же уваженіе къ доблестямъ войска донскаго хотѣлъ и Я вамъ доказать назначеніемъ, на другой же день восшествія Моего на прародительскій престолъ, старшаго Сына Моего, Николая Александровича, вашимъ Атаманомъ, а вслѣдъ за кончиною Его, теперешняго Моего Наслѣдника, Александра Александровича. Пріемъ вами сдѣланный Имъ обоимъ, и Ихъ, и Меня порадовалъ и глубоко тронулъ. Но онъ Меня не удивилъ, потому-что Я хорошо помню, какъ вы Меня приняли въ 1850 году, въ качествѣ вашего атамана, когда, возвращаясь съ Кавказа, Я, по пору-

ченію покойнаго Государя, благодарилъ васъ Его Именемъ за вашу молодецкую службу. Вполнѣ увѣренъ, что вы такъ же вѣрно, усердно и храбро будете служить Сыну Моему, какъ вы служите Мнѣ.

«Выражая вамъ еще разъ Мое Царское спасибо, Мнѣ остается желать чтобы войско донское, сохраняя доблести своего вѣковаго казачества, развивалось и въ гражданскомъ быту, согласно даннымъ Мною указаніямъ. Призываю на нихъ благословленіе Божіе къ вашему благу и преуспѣянію.»

Вотъ текстъ другой рѣчи:

«Послѣ всего того, что вы отъ Меня слышали вчера въ вашемъ войсковомъ кругу, Мнѣ остается только одно добавить: Мое искреннее спасибо за вашъ радушный пріемъ, который оставитъ Мнѣ навсегда самое пріятное воспоминаніе. Дай Богъ, чтобы не нужно было проливать вашу дорогую кровь, и въ настоящую минуту, Я никакой опасности для насъ не предвижу. Для большаго еще обезпеченія мира, Я рѣшился предпринять поѣздку за-границу, и надѣюсь, что она не останется безъ результата для насъ. Но еслибъ нужно было, то Я увѣренъ, что войско донское отозвется на Мой призывъ съ прежнею готовностію и единодушіемъ для защиты отчизны».

Библіографія.

Общественныя и законодательныя погрѣшности. Практическія замѣтки изъ дѣятельности Петербургской судебной практики. сост. В. Н. Никитинымъ.

Введеніе новаго суда и первые его шаги, какъ извѣстно, встрѣтили у насъ съ одной стороны безусловныхъ хвалителей, а съ другой — ожесточенныхъ порицателей. Первые, исходя изъ того убѣжденія, что новый судъ и по своему духу, и по своей внутренней организаціи, и, наконецъ, по отношенію, въ которое онъ поставленъ къ обществу, стоитъ неизмѣримо выше стараго суда, до такой степени ревниво оберегали его отъ всякихъ нападокъ, что закрывали глаза даже передъ очевидными промахами его представителей, и передъ многими дѣйствительно неясными мѣстами новаго законодательства. На это были, конечно, свои причины, изъ которыхъ главная та, что сторонникамъ новаго суда хотѣлось, чтобы населеніе сейчасъ-же получило къ нему полное довѣріе и на дѣлѣ узнало бы разницу между новыми и старыми порядками судопроизводства. Но такая искуственная мѣра могла имѣть мѣсто и какой-нибудь успѣхъ лишь на первыхъ порахъ, пока жизнь не стала слишкомъ уже рѣзко указывать на многія общественныя и законодательныя погрѣшности. Тогда уже не предстояло никакой надобности скрывать эти недостатки, и само правительство придаетъ имъ теперь надлежащее значеніе. Книжка г. Никитина, заглавіе которой мы выписали, указываетъ на цѣлый рядъ именно такихъ погрѣшностей. Заявляя свое полное сочувствіе новому суду, авторъ говоритъ, что вотъ это-то чувство и заставляетъ его желать, чтобы новый судъ и въ дѣйствительности былъ такимъ, какимъ его хотѣлъ сдѣлать законодатель, т. е. скорымъ и милостивымъ. А такъ-какъ достиженіе этого возможно только тогда, когда будутъ исподоволь исправлены его недостатки, то г. Никитинъ и собралъ ихъ въ свою книжку съ цѣлію обратить на этотъ предметъ вниманіе какъ общества, такъ и правительства.

Самую интересную часть труда г. Никитина составляютъ его замѣтки о русскомъ судѣ присяжныхъ. Здѣсь авторъ даетъ много указаній и наблюденій, вынесенныхъ имъ изъ личнаго знакомства съ дѣломъ въ засѣданіяхъ петербургскаго окружнаго суда, гдѣ онъ состоялъ присяжнымъ засѣдателемъ. Сводя его наблюденія къ извѣстнымъ выводамъ, можно заключить, что наше общество, преимущественно же менѣе образованные слои его, на первыхъ порахъ сильно тяготились своею ролью въ судѣ присяжныхъ, причиною чего были отчасти матеріальные интересы присяжныхъ засѣдателей, которые, являясь въ судъ, должны были оставлять ихъ на произволъ судьбы, частію привычная апатія (равнодушіе) къ дѣламъ общественнымъ, но главнымъ образомъ—незнаніе законовъ и чрезъ это—непониманіе того высокаго призванія, которое выпало на ихъ долю. Но все бы это куда ни шло, если бы присяжнымъ засѣдателямъ не приходилось дѣйствовать иногда при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, отъ нихъ совершенно независящихъ. Обстоятельства эти: съ одной стороны—неудовлетворительность и даже небрежность предварительныхъ слѣдствій, вслѣдствіе чего присяжнымъ, при разрѣшеніи вопроса о виновности подсудимаго, очень часто приходится становиться въ тупикъ; а съ другой—односторонняя, вычурно произносимыя рѣчи нѣкоторыхъ обвинителей и защитниковъ, которые иногда безъ нужды растягиваютъ ихъ, наполняютъ ихъ разными иностранными или мудреными словами, факты представляютъ односторонне и съ большими натяжками. Отъ всего этого, участь подсудимыхъ иногда зависитъ не столько отъ фактическихъ данныхъ, говоритъ авторъ, «сколько отъ взглядовъ на предметъ и умственнаго кругозора самихъ засѣдателей, а также отъ впечатлѣнія, какое произведутъ на нихъ самъ обвиняемый, свидѣтели и обвиняемыя и защитительныя рѣчи». Затѣмъ, авторъ указываетъ на нѣкоторые мелкіе недостатки, отъ которыхъ тѣмъ не менѣе страдаетъ интересъ правосудія, а именно: на означеніе въ спискѣ присяжныхъ засѣдателей ихъ чиновъ, на неудовлетворительное состояніе канцелярій окружныхъ судовъ, на отсутствіе на судѣ, въ числѣ публики, простолюдиновъ, которые, видя всю процедуру суда, могли бы научиться судить и держать себя въ судебномъ засѣданіи, на фраппирующую обстановку суда, на мотивы, которые употребляются обвинителемъ и защитникомъ при отводѣ присяжныхъ засѣдателей, на частое приведеніе ихъ къ присягѣ, на отсутствіе въ совѣщательной комнатѣ судебныхъ уставовъ и другихъ необходимыхъ книгъ и проч., и проч. Въ замѣткахъ своихъ по уголовному судопроизводству, г. Никитинъ поднимаетъ нѣсколько вопросовъ, имѣющихъ весьма важное для правосудія значеніе, а именно: о преслѣдованіи пьянства, о свидѣтельскихъ показаніяхъ прислуги по уголовному преступленію ея господина и проч.; по гражданскому судопроизводству авторъ разбираетъ такъ же нѣсколько статей, на которыя судьями или вовсе не обращается вниманія, или обращается вниманіе не въ должной степени; такъ напр. является статья 130 уст. гр. судопроизводства, дающая право, при постановленіи рѣшенія, руководствоваться общеизвѣстными обычаями. Въ книгѣ указываются также недостатки по охранительному судопроизводству, нѣкоторыя неточности и противорѣчія въ статьяхъ X тома, значеніе словесныхъ договоровъ, на несостоятельность законовъ о прислугѣ и проч., и проч. Вообще, новая книжка г. Никитина, по нашему мнѣнію, представляетъ богатое собраніе погрѣшностей какъ въ нашемъ общественномъ быту, такъ и въ современномъ судопроизводствѣ, и можетъ заинтересовать не только людей отправляющихъ обязанности правосудія, но и всѣхъ читателей безъ исключенія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 1 сентября 1872 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр. д. № 53.

№ 37 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 11 сентября 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 › — ›	Съ доставкою въ »	3 › — ›
Безъ доставки въ Москвѣ	4 › 50 ›	Безъ доставки въ Москвѣ	2 › 25 ›
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 › — ›	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 › — ›

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С.-Петербургѣ* на углу В. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

Приготовленія къ дуэли — потому-что для гордыхъ первокласниковъ это, само собою разумѣется, должно было быть настоящею дуэлью, продолжалъ Готтгольдъ,— дѣлались со всевозможною таинственностью. Одни только участники, то есть пауканты и секунданты—извините за классическія выраженія—знали о назначенномъ для нея мѣстѣ да времени. Достать оружіе было намъ легко, потому-что, не смотря на строжайшее запрещеніе, у насъ существовало около полдюжины паръ эспадроновъ. Одна изъ нихъ принадлежала Карлу Брандову, и его друзья разсказывали чудеса о его ловкости; но и Куртъ также былъ счастливымъ владѣльцемъ двухъ добрыхъ клинковъ, страшнымъ шумомъ которыхъ мы часто нарушали въ Долланѣ тишину лѣса. У меня былъ острый глазъ и, не смотря на мои пятнадцать лѣтъ, твердая рука, и Карлъ Брандовъ должно быть не мало удивился, найдя, въ рѣшительную минуту, презираемаго соперника такъ хорошо вооруженнымъ. Покрайней мѣрѣ онъ съ каждою минутою дѣлался все безпокойнѣе и пылче и далъ мнѣ такимъ образомъ, не смотря на то, что онъ дѣйствительно былъ сильнѣе меня, возможность не только отражать его удары, но даже перейдти къ нападенію и дать ему въ плечо ударъ квартою, такъ что изъ рукава у него показалась кровь. Секунданты закричали «стой!» Я тотчасъ-же опустилъ мой шлегеръ, но онъ, взбѣшенный случившимся съ нимъ несчастіемъ, не слыхалъ этого крика, не видалъ моего движенія, точно такъ же какъ я не видалъ и не слыхалъ ничего изъ того, что происходило со мной въ слѣдующіе четыре недѣли.

— Онъ вѣдь, говорятъ, ударилъ два раза, сказала госпожа Вольнофъ, — въ послѣдній разъ, когда вы уже лежали на землѣ?

— Я не вѣрю этому, я никогда не повѣрю этому, возразилъ Готтгольдъ; — да и наши секунданты вѣроятно растерялись и не могли потомъ сказать навѣрное, какъ происходило это дѣло. Но теперь, милостивая государыня и любезный господинъ Вольнофъ, я начинаю бояться, не истощилъ ли я вашего терпѣнія, и думаю проститься съ вами. Боже мой! Уже двѣнадцать часовъ! Это непростительно!

— Я готова бы слушать всю ночь, сказала госпожа Вольнофъ, съ глубокимъ вздохомъ, тоже вставая, но медленно, со стула.—Ахъ молодость, молодость! все же таки хоть разъ въ жизни, а человѣкъ бываетъ молодъ.

— И слава Богу, сказалъ весело Готтгольдъ, — иначе ему пришлось бы дѣлать свои глупости по два раза.

— Кто настолько старъ, что безопасенъ отъ глупостей? сказалъ господинъ Вольнофъ, съ серіозной улыбкой.

— Ты! вскричала госпожа Вольнофъ, обнимая своего мужа. — Ты слишкомъ старъ и слишкомъ золъ!

Вѣдь надобно чтобъ человѣкъ былъ не только молодъ, но также и добръ, какъ нашъ другъ, чтобы получить такое плохое вознагражденіе за свою доброту. Воображаю, что у васъ было на сердцѣ, когда Цецилія выходила замужъ за этого Брандова! Это нѣжное, милое, семнадцатилѣтнее созданіе такому человѣку! Ахъ, вотъ при видѣ-то подобныхъ вещей и утрачивается, говорятъ, навсегда вѣра въ людей.

— Эта вѣра вообще вещь довольно рѣдкая, какъ у Израиля, такъ и гдѣ бы то ни было, сказалъ господинъ Вольнофъ.

— Поѣдете ли вы?...

— Сію минуту, милостивая государыня.

— Ахъ, Боже мой, опять тѣ же шутки! Я хотѣла сказать: въ самомъ ли дѣлѣ поѣдете вы въ Долланъ?

— Теперь ужь мнѣ нельзя не ѣхать, даже и въ такомъ случаѣ, еслибъ у меня не было картины, которую я долженъ написать.

— Зачѣмъ?

— Чтобъ возвратить себѣ вѣру въ человѣчество, по крайней мѣрѣ въ ту часть его, которая всего важнѣе для меня, въ самаго себя, возразилъ Готтгольдъ съ улыбкой, иронія которой не скрылась отъ господина Вольнофа.

— Я чрезвычайно недоволенъ тобою, сказалъ этотъ послѣдній, возвратившись въ комнату послѣ того, какъ проводилъ Готтгольда до входа въ домъ.

— Мною?

— Что долженъ думать обо мнѣ этотъ человѣкъ! За какого навязчиваго и неловкаго знакомаго долженъ онъ считать меня! Это истинное счастье, что я не пошелъ дальше!

— Но что же я такое сдѣлала?

— Зачѣмъ не разсказала мнѣ эту знаменитую исторію молодости, изъ которой однакоже ясно видно, что онъ любилъ, да вѣроятно и теперь еще любитъ твою пріятельницу Цецилію, какъ ты называешь ее, хотя я никогда еще не видалъ ничего такого, что свидѣтельствовало бы объ этой дружбѣ?

— Ты въ самомъ дѣлѣ думаешь это? вскричала госпожа Вольнофъ, вскакивая и обнимая своего супруга; — ты въ самомъ дѣлѣ думаешь это? Онъ тебѣ это сказалъ?

Господинъ Вольнофъ долженъ былъ, не смотря на всю свою досаду, улыбнуться.

— Меня-то, конечно, онъ выберетъ въ повѣренные тогда только, когда не найдетъ никого другаго,—въ особенности теперь, когда я, глупый малый, цѣлый часъ толокъ подлѣ него воду въ ступѣ.

— Воду въ ступѣ? право, я не понимаю тебя, Эмиль.

— Не понимаешь меня? Боже праведный! Какъ трудно даются женщинамъ такія дѣла, которыя однакоже имъ угодно называть своими! Не понимаешь меня? Ну такъ могу увѣрить тебя, что этотъ сумасбродъ вполнѣ понялъ тебя и завтра чуть-свѣтъ будетъ на дорогѣ въ Долланъ.

— Ну, въ этомъ я не вижу никакого особеннаго несчастія, сказала госпожа Вольнофъ. — Почему бы имъ не увидаться опять, послѣ столькихъ лѣтъ, еслибъ даже они и дѣйствительно любили другъ друга? Я отъ души желаю этого бѣдной Цециліи; она такъ сильно нуждается въ утѣшеніи.

— Такъ же какъ ея достойный супругъ въ деньгахъ! послѣзавтра послѣдній срокъ его векселю въ пять тысячъ талеровъ, который ассигнованъ на меня. Можетъ быть, онъ поможетъ обоимъ, вѣдь онъ человѣкъ со средствами.

— Ахъ, Эмиль, ты несносенъ съ своею вѣчной прозой.

— Я никогда не обѣщалъ тебѣ, что ты будешь имѣть во мнѣ поэта.

— Это извѣстно небу.

— Мнѣ хотѣлось бы лучше, чтобъ это было извѣстно тебѣ.

— Эмиль!

— Извини пожалуйста! Право, я такъ раздраженъ, что становлюсь золъ. Но такъ бываетъ всегда, когда мы вмѣшиваемся въ дѣла постороннихъ людей. Оставимъ же глупцовъ дѣлать что имъ угодно, а прежде всего пойдемъ спать!

V.

Когда Готтгольдъ послѣ мучительной безпокойной ночи проснулся вдругъ отъ своего тяжелаго утренняго сна, солнце уже около часу свѣтило въ его комнату черезъ бѣлыя тюлевыя занавѣси. «Слава Богу,» сказалъ онъ громко,—утро пришло, а утро конечно все исправило.»

Въ скоромъ времени онъ стоялъ у открытаго окна, уже совершенно одѣтый. Какъ знакомо было ему это зрѣлище! Круглая площадь, обрамленная миловидными бѣлыми домами, окруженными зелеными садами, съ поросшей травой мостовой и маленькимъ обелискомъ въ серединѣ; вотъ и величественное зданіе училища, изъ открытыхъ оконъ котораго такъ явственно донеслось до него, среди глубокой тишины воскреснаго утра, пѣніе мальчиковъ, что ему показалось, будто онъ узнаетъ слова гимна; направо, проглядывала между домами и возвышалась надъ ихъ крышами темная зелень исполинскихъ деревьевъ княжескаго парка; налѣво, между двумя другими домами, частица голубаго моря и маленькаго, освѣщеннаго въ эту минуту солнцемъ, островка, лежащаго впереди большаго острова. Въ томъ видѣ, какъ она представилась ему теперь, онъ видалъ ее несчетное число разъ—эту прелестную картину, когда онъ, окончивъ, тамъ въ училищѣ, утреннюю молитву, стоялъ съ Куртомъ у окна и его взоры неслись въ ту сторону, гдѣ лежалъ возлюбленный Долланъ;—въ такомъ видѣ какъ теперь, она выманивала его изъ тѣсныхъ стѣнъ комнаты на освѣщенныя солнцемъ поля, въ тѣнистые лѣса, къ голубому морю. Эти свѣтлыя мѣста, эти тѣни, эта синева — они зажгли въ мальчикѣ сладостную страсть копировать, воспроизводить то, что представлялось съ поразительною ясностью его молодому чувству, что такъ таинственно волновало его душу. Они были первыми его учителями въ дивномъ языкѣ линій и цвѣтовъ; и какъ бѣгло выучился онъ говорить на этомъ языкѣ!—имъ обязанъ онъ былъ тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ и до чего могъ достигнуть. И не ощутилъ ли онъ еще вчера вечеромъ, когда онъ шелъ черезъ родныя поля, какъ ни мрачно было у него при этомъ на душѣ,—не ощутилъ ли онъ, какъ будто бы всѣ его труды и работы тамъ, въ прекрасной Италіи, были болѣе или менѣе напрасны,—какъ будто-бы тамъ онъ писалъ только помощію глаза и руки, но не сердца, и говорилъ не безъ затрудненія на прекрасномъ, благозвучномъ, но все-таки чуждомъ языкѣ, а не на миломъ родномъ языкѣ,—и что тутъ, только тутъ на родинѣ, подъ роднымъ небомъ можетъ онъ сдѣлаться истиннымъ, настоящимъ художникомъ, который выражаетъ не то, что также хорошо и даже лучше могъ бы выразить и другой, но то, что можетъ выразить только онъ, ибо то что онъ выражаетъ—есть онъ самъ.

Но можетъ ли родина еще считать его въ числѣ своихъ дѣтей послѣ того, что произошло,—послѣ того, что онъ испыталъ и перенесъ здѣсь? Почему же нѣтъ, если онъ станетъ смотрѣть на нее такими глазами, какими онъ

старается смотрѣть на весь свѣтъ,—если онъ не захочетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ тѣмъ, чѣмъ онъ считалъ себя въ счастливыя минуты своей жизни: истиннымъ, живущимъ только для своихъ идеаловъ художникомъ, за которымъ лежитъ словно несуществующее то, что связываетъ другихъ, и котораго (какъ бы тамъ ни было худо) Богъ все-таки надѣлилъ даромъ выражать то, что его мучитъ. Да, его искуство, строгое, благосклонное искуство, оно было его путеводною звѣздою во время неурядицы его молодыхъ лѣтъ, его талисманомъ во время горестей и бѣдствій его жизни въ Мюнхенѣ, его прибѣжищемъ всегда и вездѣ,—и оно и впередъ должно быть и будетъ для него тѣмъ же и не измѣнитъ ему, если онъ самъ будетъ ему вѣренъ, будетъ всегда высоко и свято чтить его, какъ своего защитника, какъ обожаемое божество!

Пѣніе мальчиковъ тамъ въ училищѣ замолкло. Готтгольдъ провелъ рукою по усталымъ глазамъ и обернулся спиною къ окну, когда въ дверь громко постучались.

— Какъ, это ты Іохенъ?!

— Да, господинъ Готтгольдъ, это я, возразилъ Іохенъ Пребровъ, поставивъ подносъ съ кофеемъ, который онъ несъ въ рукахъ такъ осторожно, словно это мыльный пузырь; который долженъ лопнуть при малѣйшемъ прикосновеніи.—Классъ Классенъ изъ Нейенъкирхена, или, какъ его зовутъ здѣсь, Луи, былъ въ погребѣ, когда вы давеча позвонили,—и я подумалъ, что кофей не покажется вамъ хуже, если будетъ поданъ мною.

— Конечно нѣтъ; благодарю тебя.

— А потомъ я хотѣлъ спросить, когда закладывать лошадей.

— Я еще денекъ, другой останусь здѣсь, возразилъ Готтгольдъ.

На широкомъ лицѣ Іохена показалась было при этихъ словахъ улыбка, которая однако тотчасъ же изчезла, когда Готтголядъ сказалъ: «Стало быть тебѣ придется ѣхать одному, старый другъ.

— И я не прочь бы остаться здѣсь денька на два.

— И не можешь, если я не удержу за собою экипажа. Ну такъ я удерживаю его, и что гораздо дороже для меня—тебя, и мы сейчасъ же отправимся въ Долланъ, куда конечно и тебя тоже тянетъ. Или ты думаешь, что лошадей нельзя такъ долго оставлять однихъ?

Іохенъ былъ совершенно спокоенъ на этотъ счетъ. Его добрый другъ Классъ Классенъ, котораго здѣсь по какому-то странному случаю звали Луи, охотно приметъ на себя верховный надзоръ насъ лошадьми и ужь позаботится объ томъ, чтобъ онѣ ни въ чемъ не терпѣли недостатка; но зачѣмъ господину Готтгольду идти пѣшкомъ, когда у нихъ были подъ руками экипажъ и лошади?

— Но мнѣ хотѣлось бы идти пѣшкомъ, сказалъ Готтгольдъ.

— Что для одного сова, то для другаго соловей, сказалъ Іохенъ, почесывая ногтями въ своихъ густыхъ волосахъ.—Но тутъ есть закрючка: вы найдете гнѣздо пустымъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— Они проѣхали здѣсь еще за часъ передъ этимъ, баринъ и барыня, возразилъ Іохенъ.—Я сидѣлъ въ комнатѣ для пріѣзжихъ въ то самое время, какъ они остановились у воротъ.

Готтгольдъ пристально смотрѣлъ на Іохена. Она была здѣсь вблизи его, подъ окномъ у котораго онъ стоялъ въ это самое время,—и онъ могъ бы видѣть это милое лицо, какъ видѣлъ его Іохенъ, который такъ спокойно говорилъ объ этомъ, какъ будто бы это была такая вещь которую вы можете встрѣтить каждый день!

— И ты говорилъ съ нею, Іохенъ? спросилъ онъ наконецъ нерѣшительно.

— Барыня оставалась въ экипажѣ, сказалъ Іохенъ,—но онъ вошелъ, чтобъ выпить немножко рому, а такъ какъ въ комнатѣ никого не было кромѣ меня, а я только что досталъ себѣ рому изъ шкапу, то я и помогъ ему въ этомъ; тутъ онъ и спросилъ откуда я, а я сказалъ ему, что я здѣсь съ однимъ господиномъ, что мы сегодня же поѣдемъ дальше, коль скоро этотъ господинъ встанетъ; тутъ онъ спросилъ: знаю ли я этого господина; но я, само собою разумѣется не зналъ его; потому-что, подумалъ я, между этими двумя дружба была всегда куда не велика, и чѣмъ меньше кто имѣетъ дѣла съ господиномъ Брандовомъ, тѣмъ лучше. Не правъ ли былъ я? Ну, онъ повѣрилъ свои часы и сказалъ, что ѣдетъ въ Плюгенъгофъ и останется тамъ до завтрашняго вечера, а потомъ онъ выпилъ свой ромъ, за который онъ заплатитъ, когда будетъ опять проѣзжать здѣсь, да и былъ таковъ; а ужь что за чудная пара гнѣдыхъ была у него, вотъ это такъ лошади, въ особенности коренная! И вы тоже порадовались бы глядя на нихъ, потому-что въ лошадяхъ-то вы знаете толкъ, это я замѣтилъ вчера.

Готтгольдъ продолжалъ смотрѣть въ землю. Она даже не узнаетъ, что онъ былъ тутъ!

Ахъ, еслибъ это было такъ! Вѣдь у него не было даже и мысли стать у ней на дорогѣ—и теперь дорога была открыта, совершенно открыта; онъ могъ безпрепятственно, безъ страха исполнить планъ, который онъ задумалъ вчера, возвращаясь отъ Вольнофа ночью черезъ паркъ въ гостинницу.

Часъ спустя они шли въ Долланъ, сперва по большой дорогѣ, а потомъ по проселочнымъ тропинкамъ, которыя Готтгольдъ еще помнилъ до малѣйшихъ подробностей.

Погрузившись въ мечты о тѣхъ дняхъ, которые уже прошли и никогда не могутъ возвратиться, шелъ онъ впередъ, въ то время какъ высоко вверху неумолкая пѣли жаворонки, на осѣненныхъ воскресною тишиною поляхъ прогуливались синечорные грачи, надъ болотами порхали пестрыя сороки, а тамъ вдали у лѣсной опушки орелъ описывалъ свои величественные круги. Іохенъ, который во что бы то ни стало хотѣлъ нести, кромѣ своего собственнаго маленькаго свертка, завязаннаго въ пестрый бумажный платокъ, еще Готтгольдову дорожную сумку и ящикъ съ красками, и который шелъ большею частію нѣсколько позади, ни сколько не мѣшалъ своему молчаливому спутнику излишнею говорливостью. У Іохена были свои собственныя думы, которыя конечно останавливались не въ прошедшемъ, а въ будущемъ,—думы, которыя ему очень хотѣлось бы высказать, только онъ не зналъ, какъ завести разговоръ. Но уголъ лѣса, гдѣ онъ долженъ былъ разстаться на сегодня съ Готтгольдомъ, сталъ все больше приближаться, а если только ему желательно было услышать мнѣніе Готтгольда, то теперь настала пора. Поэтому-то, собравшись съ духомъ,—онъ, помощію двухъ-трехъ большихъ шаговъ, догналъ своего товарища, потомъ минуты двѣ-три шелъ молча подлѣ него—и самъ не мало испугался, когда вдругъ дѣйствительно произнесъ громко вопросъ, который онъ разъ сто пробовалъ произнесть тихонько. «Что вы думаете о женитьбѣ, господинъ Готтгольдъ?»

Готтгольдъ остановился и съ удивленіемъ взглянулъ на добраго Іохена, который тоже остановился и широкое ли-

цо котораго съ широкораскрытыми глазами и полуоткрытымъ ртомъ имѣло такое странное выраженіе, что онъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Какъ пришло тебѣ это на умъ?

— А потому именно, что я думаю жениться.

— Въ такомъ случаѣ ты долженъ лучше моего знать, что надобно думать объ этомъ, потому-что я не думаю жениться.

Іохенъ закрылъ ротъ и въ горлѣ у него послышались какіе-то звуки, словно онъ давился слишкомъ большимъ кускомъ; тутъ уже Готтгольдъ не могъ выдержать и засмѣялся.

— Эй, Іохенъ, вскричалъ онъ,—зачѣмъ такая скрытность въ отношеніи стараго друга! Я съ удовольствіемъ дамъ тебѣ самый лучшій совѣтъ и, если можно и ты дорожишь этимъ, мое благословеніе; но напередъ я долженъ знать, о чемъ собственно идетъ дѣло. И такъ, ты хочешь жениться?

— Да, господинъ Готтгольдъ, сказалъ Іохенъ, снимая шапку и стирая съ своего лба свѣтлая капли пота, — я-то собственно не хочу, но она говоритъ, что всегда желала меня.

— Это уже кое-что; а кто она?

— Стина Лахмундъ.

— Но, Іохенъ, да вѣдь она по меньшей мѣрѣ пятнадцатью годами старше тебя!

— Это не ея вина.

— Конечно нѣтъ.

— А потомъ женщина она, нечего сказать, здоровенная, всѣмъ взяла—и ростомъ и дородствомъ, развѣ только что немножко тяжела на ногу, для того-что слишкомъ ужь полна; но она думаетъ, что это пройдетъ, когда у ней будетъ больше дѣла, чѣмъ теперь у Вольнофа, гдѣ жизнь слишкомъ ужь покойна.

— Ну, если она сама думаетъ это...

— Да, а потомъ она умѣетъ беречь денежку про черный день и скопила себѣ у Вольнофа порядочный-такіе капиталецъ, а ея старики въ Тиссовѣ—помните ли, господинъ Готтгольдъ, какъ мы ѣздили туда однажды въ лодкѣ съ молодымъ бариномъ, а море-то было такое бурное? мы взмокли какъ кошки и старый Лахмундъ удивлялся какъ мы не утопли.

— Потомъ онъ сдѣлалъ намъ добраго грогу, сказалъ Готтгольдъ.

— И нашъ молодой баринъ хлебнулъ немножко черезъчуръ и выкидывалъ такія уморительныя штуки въ длинной курткѣ старика—славное это было времячко, господинъ Готтгольдъ!

Іохенъ потерялъ нить разговора, Готтгольдъ подсказалъ ему и онъ сталъ опять разсказывать, какъ старые Лахмунды, очень зажиточные по своему люди, занимавшіеся въ большой рыбачьей деревнѣ обработкой земли и державшіе что-то въ родѣ трактира, рѣшились наконецъ передать скипетръ правленія, который они такъ долго и упрямо держали въ своихъ рукахъ, своей единственной дочери,—а сами удалиться на покой и получать пенсію, съ условіемъ чтобы дочь сейчасъ же вышла замужъ за хорошаго человѣка.

Такъ расказывала Стина Лахмундъ, которой Іохенъ дѣлалъ визитъ въ кухнѣ въ то самое время, какъ Готтгольдъ у господъ, при чемъ она спросила у Іохена: хочетъ ли онъ быть этимъ человѣкомъ.

— Потому-что, видите ли, господинъ Готтгольдъ, продолжалъ Іохенъ,—она не возьметъ перваго встрѣчнаго, а меня она знаетъ, такъ сказать, съ самаго младенчества—и знаетъ, что я человѣкъ степенный, трезвый, который хорошъ и около лошадей да и въ хлѣбопашествѣ тоже смыслитъ, да пожалуй и съ лодкой справится если только вѣтеръ не особенно силенъ.

— Въ такомъ случаѣ все въ порядкѣ, сказалъ Готтгольдъ; — но главное: дѣйствительно ли ты ее любишь.

— Да, объ этомъ-то теперь и идетъ рѣчь, сказалъ Іохенъ задумчиво,—и она сама спрашивала у меня объ этомъ вчера вечеромъ, а что я могъ сказать ей на это?

— Правду, Іохенъ, только правду!

— И сказалъ, господинъ Готгольдъ, и сказалъ. — До сихъ поръ нѣтъ, говорю,—и это разсмѣшило ее, и она сказала что это все ничего, что все придетъ само собою если жена и мужъ люди разсудительные. Нужно было только спросить васъ; вы рѣшите это какъ нельзя лучше.

— Я?

— Да; на ваше рѣшеніе можно положиться; вы были всегда такимъ отличнымъ человѣкомъ, и... и...

— И?

— И еслибъ наша барыня вышла за васъ, то ея участь были бы куда лучше теперешней; что и говорить! я, господинъ Готтгольдъ, видѣлъ ее сегодня въ окошко, такъ только съ боку, когда она сидѣла одна тамъ, въ экипажѣ-то; но это-то я долженъ сказать: особенно счастливаго вида у насъ не было; а Стина думаетъ, что-у нея и причинъ-то для счастья не больно много. Какъ вы думаете, господинъ Готтгольдъ?

— Не знаю, но я надѣюсь, возразилъ Готтгольдъ,— люди говорятъ такъ много... но поговоримъ о твоихъ дѣлахъ.

— Да, что вы скажете мнѣ теперь?

— Что тутъ много толковать! Если у тебя хватаетъ духу на это, женись на Стинѣ, которая, какъ бы то ни было, славная, честная дѣвушка,—и обращайся съ ней какъ слѣдуетъ и будьте оба счастливы и довольны, какъ вы того заслуживаете.

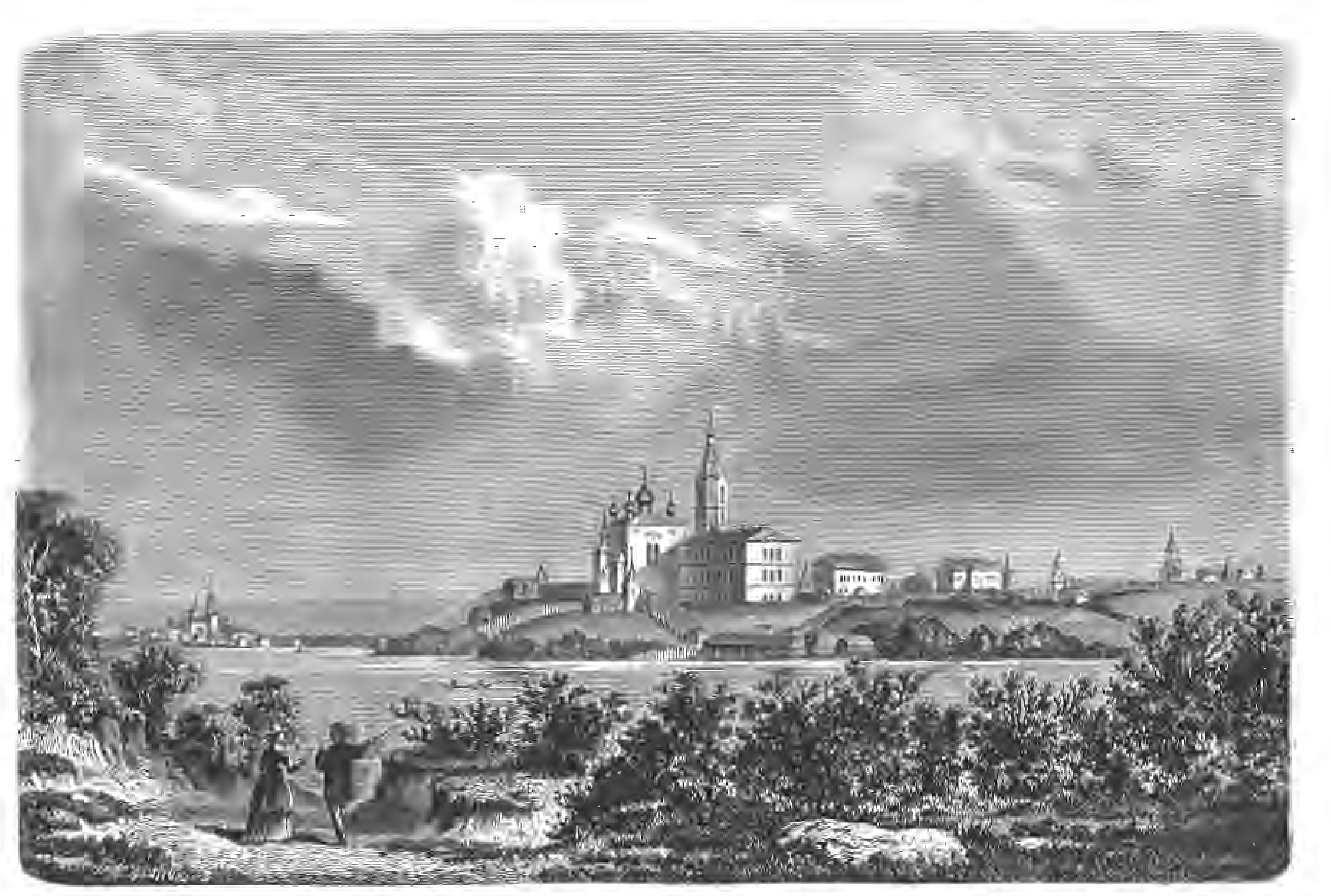
Они, чтобы спокойные вести этотъ важный разговоръ, расположились у опушки лѣса въ тѣни. Тутъ Готтгольдъ вдругъ вскочилъ, схватилъ дорожную сумку и ящикъ съ красками, которые Іохенъ положилъ подлѣ себя на траву, сильно пожалъ жесткую смуглую руку своего товарища и пошелъ, не оглядываясь, въ лѣсъ.

Іохенъ посмотрѣлъ ему вслѣдъ, взялъ свой маленькій узелъ съ палкой на плечо и направился вверхъ къ идущей въ гору пустоши, на самомъ высокомъ краю которой виднѣлась крыша отцовской кузницы.

(Продолженіе будетъ).

Монастырь во имя св. Тихона въ Новгородской губерніи.

Женская обитель, изображенная на прилагаемомъ рисункѣ, находится въ четырехъ верстахъ отъ города Валдая, къ уѣзду котораго причисляется и село Короцкое, родина святителя Тихона. Расположенное на высокой кручѣ Короцкова озера, насупротивъ зеленыхъ пажитей луговаго берега, село это еще издали представляетъ чрезвычайно живописную картину разбросанныхъ тамъ и сямъ сельскихъ домиковъ; въ немъ двѣ церкви: одна каменная



Монастырь св. Тихона въ Новгородской губерніи. Рис. съ натуры Волковскій, грав. П. Матюшинъ.

во имя Покрова пресвятыя Богородицы построена въ 1823 году, съ тремя престолами, древней чудотворной иконой Покрова пресвятыя Богородицы и другою, почитаемой явленной иконою св. Великомученицы Параскевы; вторая церковь—деревянная, маленькая и ветхая, близь которой покоятся предки и родитель св. Тихона, приходскій дьячокъ Савва Кириловъ Соколовъ, — въ этой же церкви крещонъ и св. Тихонъ, получившій въ св. Крещеніи и носившій въ свѣтскомъ званіи имя Тимофея, въ эту церковь ходилъ онъ пѣть и читать въ юности своей и положилъ начало подвига благоугожденія Богу. Въ трудахъ, бѣдности и скорби провелъ онъ юношескіе годы, еще въ дѣтствѣ лишившись отца, единственной опоры многочисленнаго семейства. Домашній бытъ и житейская обстановка нашего сельскаго причта извѣстны всякому: ежедневная нужда и забота о насущномъ хлѣбѣ, при недостаткѣ воспитанія и знанія какого нибудь полезнаго ремесла, ставили въ то время нисшихъ членовъ духовнаго сословія чуть ли не ниже крестьянъ, насчетъ которыхъ они существовали, часто подвергаясь глубокому униженію. Съ величайшимъ трудомъ удалось Тимофею попасть въ Новгородскую семинарію, при которой онъ, по окончаніи курса, оставленъ преподавателемъ—сначала греческаго языка, а потомъ словесности и философіи. Принявъ монашество и имя Тихона, онъ былъ сдѣланъ въ 1757 году архимандритомъ Тверскаго Желтикова монастыря и вскорѣ въ томъ же званіи переведенъ въ Отрочь монастырь. Въ 1761 году Тихонъ избранъ былъ по жребію епископомъ Карельскимъ и Ладожскимъ и жилъ тогда въ Новгородѣ, а въ 1763 переведенъ въ Воронежскую эпархію по назначенію императрицы Екатерины. Скончался въ 1783 и погребенъ былъ въ Задонскомъ монастырѣ, гдѣ жилъ послѣдніе годы жизни на покоѣ. Добродѣтельная жизнь его не переставала храниться въ благоговѣйной памяти какъ его Новгородскихъ родичей такъ и на Дону, а признательное потомство и церковь причли его къ лику святыхъ, прославившихъ наше отечество.

Въ 1864 году августа 22 воспослѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на учрежденіе женской обители во имя св. Тихона, которая и основана усердными жертвователями, вскорѣ по открытіи нетлѣнныхъ мощей угодника Божія. Здѣсь, близь Валдая, на мѣстѣ нынѣшней и въ древности была обитель, именовавшаяся Покровскою и разоренная шведами въ началѣ XVII вѣка. Изъ остатковъ ея воздвигнутъ нынѣ большой каменный корпусъ въ 3 этажа съ церковью о пяти главахъ въ самомъ зданіи. Вокругъ монастыря ограда съ башнями. Въ общинѣ находится болѣе тридцати сестеръ. Окрестности этой обители, какъ могутъ судить читатели по прилагаемому рисунку, чрезвычайно живописны и въ высокой степени способны питать созерцательное настроеніе, котораго ищутъ удалившіеся отъ міра сего.

Партія вчетверомъ.

Повѣсть Эрнста Экштейна.

(Продолженіе).

— Эй! вскричалъ онъ насмѣшливымъ тономъ, оттолкнувъ отъ себя нападающаго.—Берегитесь, пріятель, чтобъ я не переломалъ вамъ ребра. Чего вамъ отъ меня надо, чортъ бы васъ побралъ!

— Я уже три раза просилъ васъ выслушать меня, возразилъ дрожащій голосъ.—Вы должны объясниться со мною и притомъ сію же минуту.

— Кто вы такой? спросилъ Леопольдъ какъ можно хладнокровнѣе.

— Мое имя: Отто фонъ Ферзенъ.

— Не имѣю чести знать.

— Я поручикъ ...каго пѣхотнаго полка.

— Офицеръ долженъ отличаться хорошими манерами.

— Это зависитъ отъ того, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Угодно вамъ остановиться?

— Слишкомъ прохладно, господинъ поручикъ. Если вамъ угодно сказать мнѣ что нибудь, потрудитесь идти рядомъ.

— Вы должны стрѣляться со мною!

— Стрѣляться? Съ вами?

— Да, и притомъ на разстояніи пяти шаговъ. Я убью васъ.

— Вы, очевидно, принимаете меня за другаго, господинъ офицеръ. Кромѣ того, осмѣлюсь замѣтить вамъ, что вы непростительнымъ образомъ нарушаете всѣ правила. Неужели вы не знаете, что переговоры въ такихъ случаяхъ всегда ведутся третьимъ лицомъ?

— Я не нуждаюсь въ вашихъ наставленіяхъ. Спрашиваю васъ, угодно ли вамъ стрѣляться со мною?

— А если я скажу нѣтъ?

— Въ такомъ случаѣ я сію же минуту пущу вамъ пулю въ лобъ.

— А если вы промахнетесь?

— Милостивый государь, не доводите меня до крайности.

— Что вы называете крайностью?

Офицеръ вынулъ изъ подъ плаща револьверъ. Леопольдъ сію же минуту вырвалъ у него изъ рукъ убійственное оружіе, преспокойно положилъ его въ карманъ своего пальто и сказалъ:

— Извольте благодарить меня, милостивый государь. Я предохраняю васъ отъ глупости и преступленія.

— Отдайте мнѣ револьверъ, прошепталъ поручикъ.

— Боже избави! Впрочемъ мнѣ надоѣлъ этотъ разговоръ. Покойной ночи, господинъ поручикъ. Завтра утромъ вы можете прислать ко мнѣ вашихъ секундантовъ, чтобы уладить это дѣло. Вотъ моя карточка.

— Вы, стало быть, отказываете мнѣ въ объясненіи?

Леопольдъ остановился на минуту. Свѣтъ газоваго фонаря падалъ на блѣдное, разстроенное лицо молодаго человѣка и придавалъ ему выраженіе такого горя, которое должно было возбудить живѣйшее состраданіе.

— Господинъ поручикъ, сказалъ Леопольдъ кроткимъ тономъ,—по совѣсти, я не могу отказать вамъ въ объясненіи. Только умоляю васъ разскажите мнѣ безъ всякой запальчивости, что собственно вызвало ваше негодованіе. Честное слово, я не помню, чтобъ я когда либо имѣлъ отношенія къ вамъ!

— Вы нанесли мнѣ величайшее оскорбленіе, какое только можетъ поразить человѣка и кромѣ того разстроили счастье всей моей жизни. Довольно вамъ этого?

— Сдѣлайте одолженіе, взгляните на мою карточку. Я увѣренъ, что тутъ какое нибудь недоумѣніе.

— О, я знаю это ненавистное имя, при которомъ вся кровь у меня въ жилахъ кипитъ отъ бѣшенства.

— По крайней мѣрѣ вы откровенны. Но въ то же время позвольте мнѣ усомниться насчетъ состоянія вашего разсудка. Я не помню, чтобъ оскорбилъ васъ въ какомъ бы то ни было отношеніи.

— Вы жалкій интриганъ!

— Прежде чѣмъ я позволю вамъ оскорблять себя, сдѣлайте одолженіе, разскажите мнѣ сущность дѣла. Тогда только буду я въ состояніи рѣшить, съ кѣмъ я имѣю дѣло: съ душевно-больнымъ или съ бреттёромъ по профессіи.

— Милостивый государь...

— Успокойтесь хоть сколько нибудь. Вашъ голосъ дрожитъ, какъ у осужденнаго. Охотно прощаю вамъ неделикатность вашихъ поступковъ, если только вы объясните мнѣ совершенно объективнымъ образомъ, чѣмъ я могъ заслужить ихъ.

— Уѣзжайте сегодня же изъ города, чтобъ никогда уже не возвращаться сюда, и я беру назадъ все, что только могло оскорбить васъ.

— Этого нельзя сдѣлать, любезный другъ.

— Почему же нельзя? Это должно быть сдѣлано.

— Странная идея! Мое присутствіе стѣсняетъ васъ? Не понимаю. Городъ, по моему мнѣнію, такъ великъ, что можетъ вмѣстить даже двухъ смертельныхъ враговъ.

— Онъ слишкомъ малъ для двухъ соперниковъ: одинъ изъ насъ долженъ очистить мѣсто.

— Мы соперники? Скажите пожалуйста! а я-то и не подозрѣвалъ этого. А въ чемъ мы соперничаемъ, смѣю спросить?

— Милостивый государь! Неужели вы дѣйствительно не знаете?...

— Честное слово, я знаю только то, что страшно холодно. Пойдемъ-же выпить по чашкѣ кофе.

Молодой офицеръ стоялъ какъ остолбенѣлый. Совершенно безсознательно пошелъ онъ вслѣдъ за разсудительнымъ человѣкомъ въ ближайшую кофейную, гдѣ разговоръ продолжался значительно тише.

— Боже, какой у васъ видъ! сказалъ Леопольдъ тономъ искренняго участія.

Офицеръ повидимому все еще не могъ побѣдить своего отвращенія. Леопольдъ улыбнулся.

— Поговоримъ же разсудительнымъ образомъ объ этомъ дѣлѣ, господинъ поручикъ. Когда я посмотрю какъ вы блѣдны и унылы, какъ будто бы у васъ смерть въ сердцѣ, то право мнѣ отъ всей души жаль васъ. Такъ молоды и уже такъ несчастны! Выпейте-ка добрый глотокъ этого коньяку.... Такъ.... Теперь скажите мнѣ въ чемъ мы соперничаемъ. Я напрасно стараюсь рѣшить эту загадку.

— Я вижу, что вы дѣйствительно не знаете, какъ жестоко вы оскорбили меня въ моихъ правахъ. Но все равно. Я все таки настаиваю на моемъ требованіи. Или вы уѣзжайте не дальше какъ завтра же утромъ и никогда не возвращайтесь сюда, или мы стрѣляемся.

— Выпейте-ка еще коньяку, господинъ поручикъ. И такъ я долженъ уѣхать? Но что если я вамъ скажу, что я хочу тутъ въ скоромъ времени жениться?

Офицеръ поблѣднѣлъ еще больше.

— Да вѣдь въ этомъ-то и дѣло, лепеталъ онъ,—вы не женитесь, по крайней мѣрѣ не женитесь на моей Эмми....

— Вотъ оно что! Гмъ, гмъ! Вы любите эту дѣвушку?

— Больше собственной жизни, прошепталъ бѣдный поручикъ слабымъ голосомъ.

— И Эмми знаетъ это?

— Она отвѣчаетъ моей любви.

— Скажите пожалуйста! она никогда не говорила мнѣ объ этомъ. Есть ли у васъ доказательства?

— О, множество. Взгляните сюда, пожалуйста!

Онъ вынулъ фотографическую карточку. Леопольдъ узналъ прекрасно схваченныя черты своей невѣсты. На оборотѣ было написано изящнымъ почеркомъ: «Моему обожаемому Отто вмѣсто съ тысячью поцѣлуевъ. Эмми».

— Гмъ! пробормоталъ Леопольдъ задумчиво.—Все какъ слѣдуетъ. Только малютка никогда не говорила мнѣ объ этомъ, хоть бы словечко проронила...

— Она такъ робка.

— Да, да, что правда, то правда,—очень робка, очень робка... Кстати, что я хотѣлъ было сказать?.. Странно!.. И старуха никогда не говорила о васъ...

— О, безсовѣстная тиранка! Она одна виновата въ этомъ несчастіи. Вы богаты, а у меня только жалованье. Вы можетъ-быть мастеръ ухаживать за будущей тещей,—я—нѣтъ! Изъ этого-то все и вышло. Съ сердцемъ бѣдной дѣвушки при этомъ не совѣтовались!

Леопольдъ подперъ горячій лобъ правою рукою. Онъ не отвѣчалъ. Поручикъ пилъ медленными глотками дымящійся кофе.

Наконецъ Леопольдъ заговорилъ.

— И такъ, вы искренно любите эту молодую дѣвушку?

— Какъ самого себя.

— И вы обѣщаетесь осчастливить это милое дитя, если я, по зрѣломъ разсужденіи...

— Какъ? вскричалъ молодой человѣкъ такъ громко, что самъ испугался своей пылкости.—Хорошо ли я понялъ?...

— Позвольте мнѣ кончить. Видите ли, любезный поручикъ, самая глупая штука, какая только можетъ случиться съ человѣкомъ,—это жениться на женщинѣ, сердце которой принадлежитъ другому.

— Клянусь честью, пролепеталъ взволнованный юноша,—это неопровержимая истина.

— Слушайте дальше... Пріятно ли вамъ будетъ, если я вамъ тутъ же на мѣстѣ уступлю свой оффиціальный титулъ жениха?

— О, безумное великодушіе! вскричалъ Отто внѣ себя.—Вы честный человѣкъ, вы рыцарь въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова! О Боже, я не понимаю, что я говорю... Неужели вы говорите серіозно или только смѣетесь надо мною?

Онъ задыхался.

— Выпейте-ка еще коньяку, сказалъ Леопольдъ.—Я говорю совершенно серіозно. Эмми принадлежитъ вамъ. Я вовсе не способенъ шутить подобными дѣлами.

— Но надворная совѣтница...

— Теща?

— Она не согласится на нашъ договоръ.

— Предоставте устроить это мнѣ.

— О, какъ мнѣ благодарить васъ, мой благородный другъ! Такая жертва!... Ахъ я лучше всѣхъ понимаю, что вы теряете въ Эмми! Ваше благородство трогаетъ меня до слезъ!

— Успокойтесь, господинъ лейтенантъ, я дѣйствую только по разсудку. Выслушайте теперь, что я предложу вамъ.

— Я весь превратился въ слухъ. О Боже, я все еще не могу понять! тьфу, пропасть! о, чортъ возьми! Не примите въ дурную сторону, что я употребляю такія сильныя

выраженія, но я долженъ высказать что у меня на сердцѣ, иначе я задохнусь.

— Не стѣсняйтесь, пожалуйста.

— Ну, чтоже?

— Будьте завтра утромъ, часовъ въ одиннадцать, подъ большой липой въ Грубенгайнѣ, недалеко отъ дачи. Все остальное предоставьте судьбѣ или, лучше сказать, мнѣ.

— Я буду на мѣстѣ.

— А теперь, покойной вамъ ночи.

— Прощайте, мой дорогой другъ, мой спаситель.

— Кстати, вотъ вашъ револьверъ.

— Вы видите меня глубоко-глубоко пристыженнымъ. Смѣю ли я просить васъ удержать у себя это оружіе на память объ этомъ вечерѣ?

— Хорошо. Я принимаю. А теперь спите спокойно, желаю вамъ увидѣть во снѣ вашу Эмми.

Молодые люди разстались. Отто пошелъ налѣво, Леопольдъ направо. Отто грезилась Эмми—а Леопольдъ не смыкалъ глазъ въ теченіи цѣлой ночи.

На слѣдующее утро, въ назначенный часъ къ воротамъ подъѣхала одноколка. Великолѣпное, безоблачное мартовское утро обѣщало благопріятную погоду. Леопольдъ подалъ руку прелестной молодой женщинѣ и повелъ ее къ экипажу.

— Вы будете сами править лошадью? спросила удивленная Луиза, увидавъ изящный тильбюри.

Леопольдъ отвѣчалъ утвердительно.

Госпожа фонъ Устендорфъ слегка покраснѣла. Тѣмъ не менѣе она чрезвычайно любезно начала удивляться блестящей вороной лошади, рывшей отъ нетерпѣнія землю, и поднялась легко и эластично въ привлекательный экипажъ. Леопольдъ схватилъ возжи, и горячая лошадь стрѣлою понеслась по улицамъ.

Черезъ пять минутъ они были уже въ полѣ. Луиза раскрыла подбитый розовою тафтою зонтикъ и стала похожа на мадонну, освѣщаемую потухающимъ вечернимъ сіяніемъ. Леопольдъ пустилъ бѣжать лошадь легкою рысью и повѣсилъ возжи на назначенный для этой цѣли желѣзный прутъ.

— Чудное утро, сказала Луиза.

— Самое лучшее въ моей жизни, возразилъ Леопольдъ.

— Посмотрите на эти восхитительно зеленѣющія поля...

— И на восхитительную краску на щекахъ моей спутницы.

— Любезный докторъ, сдѣлайте одолженіе...

— Извините меня, милостивая государыня,—я забылъ, что вы меня слушаете. Я только думалъ вслухъ.

— Думайте о чемъ нибудь лучшемъ. Какъ чудесно рисуется тамъ, на голубомъ небѣ, эта древняя крѣпость! Неужели вы совершенно нечувствительны къ прелестямъ пейзажа?

— Эта крѣпость... да, дѣйствительно, очень живописна. Она чрезвычайно напоминаетъ мнѣ объ нашемъ Вембургѣ въ Д... Помните ли вы еще, милостивая государыня, какъ графъ заперъ насъ тогда въ монастырской церкви?

— Я не припомню...

— Это было по случаю той знаменитой прогулки за городъ, во время которой Генріэта обручилась съ своимъ, такъ безсовѣстно покинутымъ впослѣдствіи, Рейнгольдомъ. Вы, милостивая государыня, и я... и... кто былъ третьимъ членомъ этого союза? кажется, моя сестра или какая нибудь другая молодая дѣвушка изъ нашихъ знакомыхъ?

— Это была ваша сестра. Мы бродили внутри древней церкви, графъ заперъ дверь — и мы должны были почти два часа стучаться и кричать чтобъ насъ выпустили.

— О, я былъ тогда такъ счастливъ! Я готовъ былъ кинуться къ вашимъ ногамъ и поклоняться вамъ.

— Мы разговаривали о совершенно пустыхъ вещахъ, сколько мнѣ помнится.

— Ахъ, Луиза, я не помнилъ что говорилъ. Я видѣлъ только ваши прелестные темные глаза—и мнѣ чудилось, что вотъ уже цѣлый часъ, какъ вы ко мнѣ не совсѣмъ равнодушны. Но потомъ наступило горькое, горькое разочарованіе. Вы впродолженіи цѣлаго дня не подарили меня уже ни однимъ взглядомъ. Вы шутили такъ весело, такъ рѣзко съ несносными дѣвушками, съ господиномъ фонъ Зербингенъ, и не обращали ни малѣйшаго вниманія на мое настроеніе—мнѣ хотѣлось умереть.

— Господинъ фонъ Зербингенъ никогда не былъ мнѣ симпатиченъ—напротивъ того...

— Какъ? а всѣ думали однакоже...

Молодая женщина взглянула въ бокъ, чтобъ скрыть сильную краску.

— Наружность обманчива, возразила она уклончиво.

— Но я не понимаю...

— Вы плохой психологъ, господинъ докторъ. Теперь мы можемъ говорить откровенно... Я оказывала предпочтеніе господину фонъ Зербингенъ изъ каприза, изъ досады... чтобы показать вамъ, что нисколько не дорожу вашимъ поклоненіемъ...

— Но, ради Бога, милостивая государыня, что же такое я сдѣлалъ, что сталъ до такой степени непріятенъ для васъ? Или я былъ когда нибудь недостаточно вѣжливъ съ вами? Только впослѣдствіи, когда я убѣдился, что всѣ мои домогательства тщетны, когда Генріэта увѣрила меня, что я въ высшей степени противенъ вамъ...

— Какъ? Она это сказала? Презрѣнная лгунья!

— Луиза! Возможно-ли? Она обманула насъ обоихъ? Я не былъ ненавистенъ вамъ? вы не гнушались мною?

— Я уже сказала вамъ вчера, что вы ошибались. Напротивъ того...

— Напротивъ того?.. о, скажите еще разъ!.. Напротивъ того... Вы чувствовали нѣкоторое расположеніе ко мнѣ?

— Я была расположена къ вамъ сначала такъ, что не осмѣлилась бы даже признаться. Только послѣ, когда я узнала...

— О, безсовѣстная обманщица! Она отняла у меня счастье моей молодости! Чудная, божественная Луиза, зачѣмъ долженъ я былъ потерять тебя, еще не обладая тобою!

— Ради Бога, какой языкъ! Это ли настроеніе жениха, ѣдущаго къ своей невѣстѣ? Я почти раскаяваюсь, что приняла ваше приглашеніе.

— Луиза, Луиза, я люблю тебя больше жизни!

— Опомнитесь! Вы хотите, чтобъ я вышла?

— Останьтесь. Позвольте мнѣ смотрѣть въ ваши милые непостижимые глаза.

— Смотрите въ глаза вашей Эмми.

— Выслушайте меня, милостивая государыня. Судьба не хотѣла, чтобы вы были моею. Я долженъ былъ покориться тому, чего нельзя измѣнить. Вы сдѣлались госпожею Устендорфъ; я отправился странствовать, чтобы успокоить свое сердце. Горе моей первой молодости забы-

то. Я сталъ равнодушенъ къ жизни. Я давно уже примирился съ судьбою...

— Вы ѣдете къ своей невѣстѣ.

— Не перерывайте меня, пожалуйста. И такъ, я примирился съ судьбою. Одно только страстное желаніе шевелится еще въ душѣ моей: исполните ли вы это желаніе, Луиза?

— Говорите.

— Я желалъ бы заглянуть къ вамъ въ душу... Любили ли... любили ли вы своего мужа?

— Что за вопросъ...

— Вы не хотите отвѣчать?

— Я уважала его... я... я была расположена къ нему отъ всего сердца...

— *Любили ли* вы его?

— Что вы называете любить? Я любила его, какъ... какъ вы любите свою Эмми.

— О, въ такомъ случаѣ я счастливѣйшій человѣкъ во всемъ свѣтѣ! Дальше! Еслибъ я преодолѣлъ свою робость, еслибъ я сталъ искать руки вашей въ одно время съ нимъ...

— Довольно, докторъ...

— Кого предпочли бы вы: меня или его? Отвѣчайте.

— Такъ ли слѣдуетъ говорить съ женщиной, которую... которую...

— Отвѣчайте мнѣ.

— Нѣтъ.

— Умоляю васъ всѣми тѣми слезами, которыя я пролилъ о васъ,—всѣмъ тѣмъ блаженствомъ, которое погибло для меня! Кого вы выбрали бы?...

— Я уже говорила вамъ, что я не любила господина фонъ Устендорфа тою страстью, которую, какъ кажется, вы имѣете въ виду.

— О Луиза, Луиза, вы дѣлаете меня счастливѣйшимъ изъ смертныхъ! Вы могли бы любить меня? О, скажите: да. Дайте мнѣ вашу милую, дорогую руку. Хотите ли вы быть моею?

— Вы не въ своемъ умѣ, докторъ.

— Луиза, моя единственно-обожаемая невѣста!

Онъ обвилъ руками ея шею. Она сильно покраснѣла и начала горько плакать.

— Этого я не заслужила отъ васъ! рыдала она.—Если вы хотѣли отомстить за себя, вы достигли своей цѣли. Ваша насмѣшка огорчаетъ меня больше, чѣмъ я могу выразить!

Она закрыла лицо обѣими руками.

— Но, Луиза, звѣзда моей жизни, выслушай же меня! Неужели ты оттолкнешь меня отъ себя въ другой разъ? Я люблю тебя, одну тебя. Смутный бредъ, во время котораго мнѣ грезилась Эмми, конченъ.

— Что это значитъ? пролепетала она, все еще плача.—Отвезите меня домой.

— Никогда! Я не отпущу тебя отъ себя, моя возлюбленная! Я удержу тебя на вѣки! Осуши слезы, мой ангелъ. Со вчерашняго вечера Эмми—невѣста другаго. Она никогда не любила меня. Она такъ же счастлива, какъ и я! А теперь скажи мнѣ безъ всякихъ опасеній: хочешь ли исправить ты то, что мы упустили семь лѣтъ тому назадъ? хочешь ли ты быть моей милой, нѣжной, маленькой женой?

Экипажъ свернулъ въ лѣсокъ. Умная лошадь бѣжала ровной рысью по большой дорогѣ. Направо и налѣво поднимались темныя, таинственныя сосны. Горячая голова Луизы молча опустилась на грудь снова обрѣтеннаго друга ея молодости.

(Окончаніе будетъ).

Термиты или бѣлые муравьи.

Ни одинъ классъ животныхъ не причиняетъ человѣку болѣе значительнаго и болѣе продолжительнаго вреда, чѣмъ насѣкомыя. Только пчелы, шелковичные черви и кошениль приносятъ ему непосредственную пользу и разводятся имъ; большинство же другихъ насѣкомыхъ мучитъ его, кусаетъ до крови его и его скотъ, разоряетъ его поля и луга, лѣса и жилища. Такъ-называемый властелинъ созданія является тѣмъ безсильнѣе противъ этого дѣятельнаго и прожорливаго міра животныхъ, чѣмъ мельче и неуловимѣе его особи и чѣмъ въ большомъ количествѣ выступаютъ онѣ.

Не опасности плаванія въ маленькихъ челнахъ, не дикіе индѣйцы и змѣи, крокодилы и ягуары дѣлаютъ теперь страшнымъ путешествіе по Ориноко, а *москиты*, пишетъ А. Гумбольдтъ. Многія страны въ южной Америкѣ, именно тѣ, которые лежатъ по берегамъ рѣкъ, по милости этихъ комаровъ положительно неудобны для житья.

Какъ мучительны эти «бѣсовы трубачи» для людей, такъ мучительны и вредны для скота оводы и слѣпни. Извѣстный путешественникъ по Африкѣ *Брусе* разсказываетъ, что во многихъ мѣстностяхъ Абиссиніи жители, по причинѣ особаго рода мухи, извѣстной подъ именемъ *Тсалтсалія*, принуждены, въ дождливое время, переселяться съ своими стадами въ другія мѣста,—потому - что коль скоро эта муха появится и начнетъ жужжать, то всѣ пастбища пустѣютъ и одичавшій скотъ бѣгаетъ кругомъ до тѣхъ поръ, пока не упадетъ мертвымъ отъ усталости, испуга и голода. Будучи не наше больше мясной мухи, Тсальтсаліе или *Цимбъ*, какъ называютъ эту муху арабы, убиваетъ своимъ ядомъ овецъ и рогатый скотъ, лошадей и верблюдовъ,—и путешествующіе по этимъ малонаселеннымъ странамъ лишаются очень часто по милости ея всѣхъ своихъ верховыхъ и вьючныхъ животныхъ, а цѣлыя племена—всего своего скота.

Какія опустошенія причиняетъ *перелетная саранча*—извѣстно изъ библіи.

«Идетъ на мою землю могущественный народъ, которому нѣтъ числа; клыки у него какъ у льва, а коренные зубы какъ у львицы», сказано тамъ, и всѣ позднѣйшія описанія согласуются съ этою картиною. Насчетъ саранчи, обрушившейся въ 1747 г. на Трансильванію, откуда она въ 1748 и въ 1749 г. распространилась по всей Германіи, въ составленномъ по императорскому повелѣнію протоколѣ находится между прочимъ слѣдующее: «Въ августѣ она вышла изъ Молдавіи и Валахіи черезъ узкій горный проходъ въ видѣ отдѣльныхъ отрядовъ. Одинъ изъ роевъ тянулся впродолженіи четырехъ часовъ, имѣлъ нѣсколько сотъ сажень въ ширину и еще больше въ вышину. Животныя летѣли такъ близко другъ отъ друга, что за двѣсти шаговъ не видать были ни солнца, ни людей. Въ нихъ стрѣляли изъ пушекъ; но они раздѣлялись только на такое протяженіе, до котораго достигало дѣй-

ствіе пороха, а потомъ опять тотчасъ же соединялись». Необыкновенно сильное размноженіе этихъ животныхъ можно видѣть уже изъ того, что въ одномъ силезскомъ городѣ Дроссенѣ собрано и уничтожено слишкомъ тринадцать шеффелей яицъ (около 16 милліоновъ).

И Америка, въ особенности южная, не избавлена отъ этого бича. «Къ вечеру» расказываетъ *Темпль* въ своемъ путешествіи по Перу, «въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ насъ равнина представляла собою необыкновенное зрѣлище: вмѣсто зеленой травы и древесныхъ листьевъ всевозможныхъ оттѣнковъ, мы увидали какую-то однообразную красновато - коричневую массу,—такъ что нѣкоторые изъ насъ подумали, что это степь озаренная солнечнымъ сіяніемъ; въ сущности же это была—саранча. Она въ буквальномъ смыслѣ слова покрывала землю, деревья и кустарники такъ далеко, какъ только можно было обнять взоромъ.

Вѣтви деревьевъ гнулись подъ нею, какъ при сильномъ снѣгѣ, или когда онѣ обременены плодами. Мы выбрались изъ занимаемаго его пространства не прежде какъ черезъ часъ, хотя и ѣхали съ обычною намъ скоростію.

Куда вторгнется саранча, тамъ она съѣдаетъ до самаго корня всю зелень, всѣ посѣвы, всякій стебелекъ. «Впереди нея всеистребляющій огонь», говоритъ пророкъ Іоиль, «а позади нея пылающее пламя; земля, лежащая передъ нею, подобна райскому саду, а за нею — опустошенной пустынѣ».

Муравьи, которые въ нашихъ странахъ приносятъ больше пользы своими куколками (называемыми совершенно не вѣрно муравьиными яицами) и уничтоженіемъ вредныхъ лѣсныхъ насѣкомыхъ, чѣмъ вредятъ свою страстью къ овощамъ и другимъ сластямъ,—причиняютъ страшныя опустошенія въ тропическихъ странахъ.

Въ великолѣпныхъ лѣсахъ Суматры они покрываютъ всѣ тропинки, всѣ кустарники, всѣ листья; гигантскія, твердыя какъ желѣзо, тисовыя деревья выгрызаются ими до такой степени, что превращаются въ пыльныя муміи, а проникнувъ въ людскія жилища они рѣдко оставляютъ послѣ себя что либо другое, кромѣ мусора и праха.

Anomma arcens, особый родъ странствующихъ муравьевъ водящихся, по описанію *Севеджа*, на пальмовомъ мысу въ западной Африкѣ, не имѣютъ постоянныхъ жилищъ, а живутъ подъ корнями деревьевъ и кустарниковъ и ночью или въ пасмурные дни выходятъ на добычу. Они питаются мясомъ и умерщвляютъ вслѣдствіе своей многочисленности даже самыхъ большихъ звѣрей, направляя свои приступы преимущественно на глаза своихъ жертвъ. Когда они заберутся ночью въ дома, то крысы и мыши, тараканы и ящерицы, и т. п. бѣгутъ; даже люди спасаются отъ нихъ подъ открытое небо. Если ихъ убѣжище бываетъ въ дождливую погоду наводнено, то они собираются въ круглую кучу, помѣщая дѣтенышей и слабыхъ въ середину, и несутся по водѣ до тѣхъ поръ, пока ихъ не принесетъ куда нибудь на землю. Встрѣтивши, во время своихъ хищническихъ набѣговъ, ручей или не очень широкій потокъ, они, какъ говорятъ, крѣпко держась другъ за друга, образуютъ надъ ними что-то въ родѣ живаго моста.

Одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ по Амазонской рѣкѣ. *Г. В. Батсъ* былъ разбужденъ однажды ночью своимъ служителемъ, который объявилъ ему, что крысы грызутъ корзины съ мукою. При ближайшемъ изслѣдованіи онъ нашелъ колонну изъ нѣсколькихъ тысячь *Зауба*, такъ называемыхъ походныхъ муравьевъ (*Oeconoma* или *Atta cephalotes*). Корзины съ мукою стояли на столѣ и были всѣ какъ есть покрыты муравьями; причиною шума было грызеніе ими сухихъ листьевъ, которыми была обложена корзина снутри. Каждый изъ уходившихъ былъ нагруженъ крупинкою, которая была иногда больше его самого. Попытка убить непрошенныхъ гостей, колотя по корзинамъ деревянными башмаками, оказалась тщетною, потому - что непосредственно появлявшіяся новыя толпы тотчасъ же замѣняли тѣ, которыя были уничтожены. Въ слѣдующія ночи, когда они опять показались, на дорогѣ по которой ихъ ожидали, зажгли порохъ, что конечно мало по малу устрашило ихъ, потому - что наконецъ они уже не показывались.

Зауба ходитъ широкими рядами вокругъ предмѣстій и снимаетъ, въ ущербъ бразиліянцамъ, всѣ листья съ фруктовыхъ деревьевъ. Она покрываетъ листьями свои подземныя жилища, для того чтобъ защитить свое потомство отъ вторженія дождя. Въ нѣкоторыхъ странахъ она бываетъ такъ многочисленна, что земледѣліе и разведеніе деревьевъ становится вслѣдствіе этого совершенно невозможно. Когда *Батсъ* спросилъ въ Байяо, при рѣкѣ Текантинсъ, у одного туземца, почему ихъ плантаціи такъ необработаны, то получилъ въ отвѣтъ, что напрасно было бы обработывать землю, потому-что зауба сію же минуту съѣстъ все, что ни посадятъ. Поэтому - то, вмѣсто того чтобъ разводить кофейное дерево, мужчины занимаются рыболовствомъ.

Подземныя жилища этихъ замѣчательныхъ муравьевъ, гнѣзда которыхъ имѣютъ иногда до сорока локтей въ окружности, но рѣдко больше двухъ футовъ вышины, очень пространны. Во ботаническомъ саду въ Пара, въ одинъ изъ такихъ муравейниковъ вдунули посредствомъ раздувальнаго мѣха сѣрные пары—и на разстояніи семидесяти локтей оттуда дымъ выходилъ еще изъ поверхности земли. Въ тамошней мѣльницѣ муравьи подкопали плотину одного большаго резервуара и вода ушла изъ него прежде, чѣмъ замѣтили это поврежденіе; даже подъ русломъ рѣки Параибы, которое почти также широко, какъ русло Темзы въ Лондонѣ, зауба прорыла туннель изъ Ріо-Жанейро.

Огненные муравьи, уязвленіе которыхъ бразиліянцы сравниваютъ съ уколомъ раскаленной иголки — отсюда и названіе *Formigo de foco*—не разъ уже являлись въ такомъ страшномъ количествѣ, что выгоняли туземцевъ изъ жилищъ. Они подкапываютъ землю и оспариваютъ у людей всякую пищу. Все съѣстное приходится вѣшать въ корзинахъ, намазавъ веревки копайскимъ бальзамомъ; веревки коекъ, ножки стульевъ и столовъ, скамейки, и т. п., тоже должны быть намазаны бальзамомъ; это единственное средство помѣшать муравьямъ взлѣсть на нихъ.

Термиты нѣсколько похожи видомъ и образомъ жизни на муравьевъ и называются *бѣлыми муравьями*—единственно за бѣловато - желтую окраску своихъ личинокъ. Они самые злые разорители, и такъ какъ прежде муравьевъ не отличали отъ термитовъ, то много вреда, приписываемаго первымъ, должно быть отнесено на счетъ послѣднихъ.

Если естествоиспытатели и путешественники, писавшіе объ этихъ маленькихъ, боящихся свѣта созданьицахъ, и противорѣчатъ другъ другъ насчетъ подробностей, то всѣ они сходятся въ томъ, что термиты принадлежатъ къ ужасамъ тропическихъ странъ, повергающимъ въ изумленіе всякаго путешественника. Они проникаютъ изъ своихъ гнѣздъ черезъ подземный ходъ въ людскія жилища и

разрушаютъ тамъ, незамѣтно для хозяевъ, домашнюю утварь и балки.

Тщетно силится человѣкъ, вотъ уже цѣлыя столѣтія, уничтожить этихъ истребителей его добра; дымъ, огонь, горячая вода, ѣдкій щелокъ, и т. п., все рушится передъ живучестью и многочисленностью этихъ животныхъ. Ихъ преслѣдуютъ пауки и муравьи, скорпіоны и ящерицы, кроты и муравьѣды; а когда мужскіе и женскіе осѣдлые жители муравейника, получивъ крылья, вылетаютъ справлять свои свадьбы,—то для совъ, летучихъ мышей, и т. п. настаетъ пора пировъ. Изъ миріадъ вылетѣвшихъ термитовъ только незначительное, сравнительно, число избѣгаетъ погибели, устремляющейся на нихъ со всѣхъ сторонъ; но эти немногіе становятся королями и королевами, основателями новыхъ термитаріевъ, родоначальниками потомства, тоже считающагося миріадами.

Термиты водятся въ тропическихъ странахъ стараго и новаго свѣта, а около 1790 года были занесены и въ нѣкоторыя страны южной Европы. Объ причиняемыхъ ими опустошеніяхъ можно бы написать цѣлую книгу; мы ограничимся только нѣсколькими примѣрами ихъ злодѣяній. Эти злодѣянія, какъ объявилъ *«Morning-Herald»* въ декабрѣ 1814, достигли однажды такой степени, что великолѣпная резиденція калькутскаго генералъ-губернатора грозила обрушиться вслѣдствіе причиненнаго термитами опустошенія. Даже на великобританскомъ кораблѣ Албіонѣ злые гости взяли такую силу, что по взвращеніи домой его принуждены были разобрать на части.

Что термитовая кислота разъѣдаетъ даже металлъ—это было констатировано голландскимъ начальствомъ на молукскомъ островѣ Тернатѣ. Тамъ портились не разъ металлическія колокола, желѣзные товары и пушки, что приписано тамошними чиновниками уничтоженію этихъ предметовъ термитами. Это заявленіе показалось такъ невѣроятнымъ, что не могло не возбудить подозрѣнія въ обманѣ, почему и было наряжено строгое слѣдствіе.

При этомъ оказалось, что по всѣмъ вѣроятностямъ не всѣ упомянутыя выше донесенія были ложны, такъ какъ каналы выставленныхъ на валахъ пушекъ были изборождены термитами и такимъ образомъ быстро разрушены ржавчиною. Несомнѣнно то, что сильно дѣйствующая термитовая кислота не мало способствовала этому, такъ какъ, по показаніямъ *Шовалона* и *Твайта (Thwaite)* она портитъ даже металлъ, а по наблюденіямъ *Бобъ-Моро* оставляетъ слѣды даже на стеклѣ, которыхъ нельзя уничтожить даже *Acidum nitricum*.

И на Иль-де-Франсѣ, одинъ чиновникъ, какъ разсказываетъ въ своемъ сочиненіи путешественникъ *Бори де-С. Винцентъ*, старался оправдать значительный недочетъ дровъ въ королевскихъ магазинахъ, приписывая его опустошеніямъ термитовъ. Его не отрѣшили за это отъ должности, но весельчакъ - министръ прислалъ ему ящикъ съ пилами и приказаніемъ отпилить зубы термитамъ, такъ какъ правительство не намѣрено выносились впередъ подобныхъ опустошеній.

Г. Смитменъ *(Smeathman)* пишетъ въ своемъ подробномъ сочиненіи объ африканскихъ термитахъ, что причиняемыя ими разрушенія такъ значительны, что кажутся невѣроятными тому, кто не видалъ ихъ самъ. По его показанію, термиты прокладываютъ себѣ подземную дорогу подъ фундаментами домовъ и проникаютъ черезъ полъ въ столбы боковыхъ стѣнъ, просверливаютъ ихъ по направленію волоконъ дерева и дѣлаютъ въ нихъ сбоку углубленія и отверстія. Оттуда они переходятъ въ поперечныя балки и принимаются за крышу, составляющую ихъ любимое кушанье. Они уничтожаютъ тамъ пальмовые листья и вѣтви, а также вьющіяся растенія, которыми привязаны стропила,—и доводятъ зданіе до такого состоянія, что оно грозитъ обрушиться. Въ ящикѣ, окружавшемъ составленный Смитменомъ микроскопъ, они уничтожили все, кромѣ стекла и металла. Въ бочкѣ съ старой мадерой они просверлили дыры и вино вытекло, а одинъ магазинъ въ Тобаго они такъ обработали, что все, что осталось отъ зданія и отъ того что оно заключало внутри, вѣсило, по показаніямъ Смитмена, не больше двадцати фунтовъ. Они выдалбливаютъ столы и все что лежитъ на нихъ, напр. книги, снутри, оставляя поверхность неповрежденною,—такъ искусно, что все кажется цѣлымъ и нетронутымъ, въ то время какъ при ближайшемъ осмотрѣ оказываются на лицо только обѣ картонныя покрышки, сдерживаемые нѣсколькими нетронутыми колоннами.

У *Эскайрака де Лотюра*, путешествовавшаго по Африкѣ, *Арда* или *Ардте* (т. е. земляные работники), какъ называютъ въ Суданѣ термитовъ, уничтожили на половину въ одну ночь переплетенный въ папку атласъ и футляръ подзорной трубки. Уничтоженіе атласа онъ замѣтилъ тогда только, когда взялъ его для справокъ. Арда, чтобы добраться до него, просверлили полъ комнаты и скамью. Снаружи не было замѣтно никакого поврежденія, животныя пробрались въ атласъ снизу и разрушили почти всю покрышку и ближайшіе листки.

Бѣлыхъ муравьевъ, какъ разсказываетъ *Денгамъ* въ описаніи своего путешествія по сѣверной и средней Африки, такъ же много въ Кукѣ во внутренней Африкѣ, какъ песку на морскомъ берегу. Во время одной трехъ-дневной остановки они совершенно уничтожили цыновки и коверъ, на которомъ спалъ Денгамъ. Одинъ арабъ заснулъ въ Бурну на термитскомъ гнѣздѣ и утромъ проснулся совершенно голый, потому-что термиты уничтожили весь его костюмъ.

Подобна же судьба постигла и французскаго путешественники по Африкѣ Г. Гекара. Когда онъ въ одно прекрасное утро проснулся по близости Сенъ - Лониса, то все его платье было издырявлено, какъ сито, въ буквальномъ смыслѣ слова; даже въ его коробочки термиты съумѣли пробраться и уничтожали всѣхъ бабочекъ.

По словамъ *А. Гумбольдта* термиты уничтожили въ Мексикѣ почти всѣ историческіе документы да и вообще въ Америкѣ, тамъ гдѣ водятся термиты, рѣдко найдешь такія книги, которымъ было бы больше пятидесяти лѣтъ. Въ Ріо-Жанейро спутники доктора *Поля* лишились, благодаря термитамъ, всего своего бѣлья, и въ то же самое время эти животныя наполовину уничтожили въ тамошней таможнѣ 50 ящиковъ индѣйской нанки. Они опустошаютъ иногда во внутренности страны цѣлыя плантаціи и, поселившись тамъ, дѣлаютъ ихъ неудобными для дальнѣйшей обработки. Въ Прадо, въ Бразиліи, такъ называемые *Купимъ* разрушили, какъ пишетъ *Фельднеръ*, въ 1813 г. церковь и, какъ расказываетъ въ своемъ путешествіи по Парагваю докторъ *Ренгеръ*, случается не рѣдко, что въ домахъ, гдѣ на этихъ животныхъ не обращаютъ вниманія, обрушившіяся балки и крыши убиваютъ или тяжело ранятъ людей.

Въ Европѣ термиты впервые появились въ концѣ прошлаго столѣтія въ Тосканѣ, а вскорѣ потомъ въ Шёнбруннѣ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западной и южной Франціи. Въ шёнбрунскихъ теплицахъ эти непріятные гости погибли отъ зимняго холода, не причинивъ значительнаго

вреда, но въ Провансѣ и департаментѣ Нижней Шаранты, такъ же какъ и въ нѣкоторыхъ странахъ Италіи и Испаніи они, напротивъ того, утвердились. По всѣмъ вѣроятіямъ, термиты завелись въ Рошфорѣ и его морскихъ заведеніяхъ еще въ 1780 г., но обратили на себя вниманіе публики и начальства только въ 1794 г. Одно зданіе въ королевской улицѣ, которое долго стояло пустымъ, было почти вполнѣ уничтожено ими, а оттуда они быстро распространились и въ сосѣднихъ домахъ и встревожили такимъ образомъ всю страну. Затѣмъ они, мало по малу перешли и въ прочіе города и мѣстечки департамента нижней Шаранты, а въ послѣдніе сорокъ лѣтъ вредили и деревьямъ близь лежащихъ полей.

Бобъ-Моро, старый флотскій врачъ, осматривалъ въ 1797 г. опустошенія, причиненные упомянутыми выше термитами *(Termes lucifugus)* и написалъ объ этомъ предметѣ сочиненіе, въ 1843 г. Любимыя кушанья термитовъ, какъ говоритъ онъ,—деревья, употреблявшееся въ дѣла дерево, посѣвы и фрукты. На животныя вещества нападаютъ они въ Рошфорѣ рѣдко, на шерсть никогда; но они истачиваютъ иногда кожу на башмакахъ, въ особенности же нитки, которыми они сшиты. Во второмъ этажѣ одного дома стоялъ ящикъ, въ которомъ хранились свѣчи, и термиты успѣли пробраться къ нему изъ сада. Въ Шарантѣ они уничтожили всю стоявшую еще на корню пшеницу и, съѣвши корни, напали и на стебли. Въ деревьяхъ съ твердою сердцевиною они съѣдаютъ сперва кору и такъ же легко справляются съ здоровыми деревьями, какъ и съ больными. Отъ деревьевъ они переходятъ и къ ихъ плодамъ, яблокамъ, грушамъ, каштанамъ. Къ хранившимся на столахъ фруктамъ они пробирались сквозь столовыя доски и постоянно находили точку соприкосновенія между столомъ и плодомъ.

Опустошенія, причиненныя термитами въ департаментѣ нижней Шаранты, такъ значительны, что нѣсколько разъ обращали на себя вниманіе начальства. Въ Шарантѣ, Сенъ-Савинѣ, Субизѣ, Сенъ-Низерѣ, Портъ-де-Баркѣ они уничтожали, точно такъ же какъ и въ Рошфорѣ, запасы муки въ общественныхъ и частныхъ магазинахъ. Въ Субизѣ они завелись въ зданіяхъ таможни, тогда какъ лежащія по близости гауптвахта свободна отъ нихъ. Въ городѣ Сирэ они давно уже живутъ только на одной сторонѣ, тогда какъ другая пощажена ими. Въ Субизѣ выстроеныя на холмѣ зданія свободны отъ термитовъ, только стоящая какъ разъ въ серединѣ улицы пекарня занята ими. Въ Фуррасѣ они показались въ 1818 г., вскорѣ послѣ жатвы, въ одномъ амбарѣ и уничтожили часть жита. Неоднократно уничтожали они всѣ запасы, необходимые для снаряженія корабля, архивы и акты присутственныхъ мѣстъ, такъ-что флотскіе архивы, гдѣ должны были сохраняться акты, пришлось замѣнить каменными, потому-что они въ конецъ источили ихъ. Въ гостинницѣ *Grace de-Dieu* завтракавшіе посѣтители провалились вмѣстѣ съ поломъ въ погребъ. Въ Рошелѣ разрушено зданіе префектуры, въ Сенъ-Жоржѣ домъ священника и крыша церкви, въ Рошфорѣ шлюзъ канала; даже дубовая колода наковальни, усердно служившая своему хозяину - кузнецу, вдругъ однажды во время работы обрушилась, съѣденная термитами.

Но если термиты обезславили себя своими опустошеніями, за то они славятся своимъ *зодчествомъ* и *организаціей своей коммуны*.

Постройки нѣкоторыхъ термитовъ, имѣющія отъ 10 до 16 футовъ вышины и отъ 50 до 60 фут. въ окружности, поражаютъ не только своей вышиною и камнеобразною твердостію, но и замысловатостью своего внутренняго устройства, представляющаго собою что-то въ родѣ лабиринта. Эти постройки имѣютъ форму сахарной головы или стога сѣна—и путешественники, которые видятъ ихъ въ первый разъ издали, принимаютъ ихъ обыкновенно за жилища туземцевъ.

Еслибъ человѣкъ строилъ въ такой же пропорціи, какъ африканскіе воинственные термиты *(Termes bellicosus)*, то его дома были бы покрайней мѣрѣ въ пять разъ выше пирамидъ въ Джизе, пототому что постройки этихъ энтомологическихъ архитекторовъ въ пять сотъ разъ больше ихъ самихъ.

Матеріаломъ для этихъ построекъ служитъ глина, которую они собираютъ по зернышкамъ и такъ крѣпко склеиваютъ вмѣстѣ своей слюной, что по постройкамъ термитовъ можетъ пройти даже буйволъ, не провалившись.

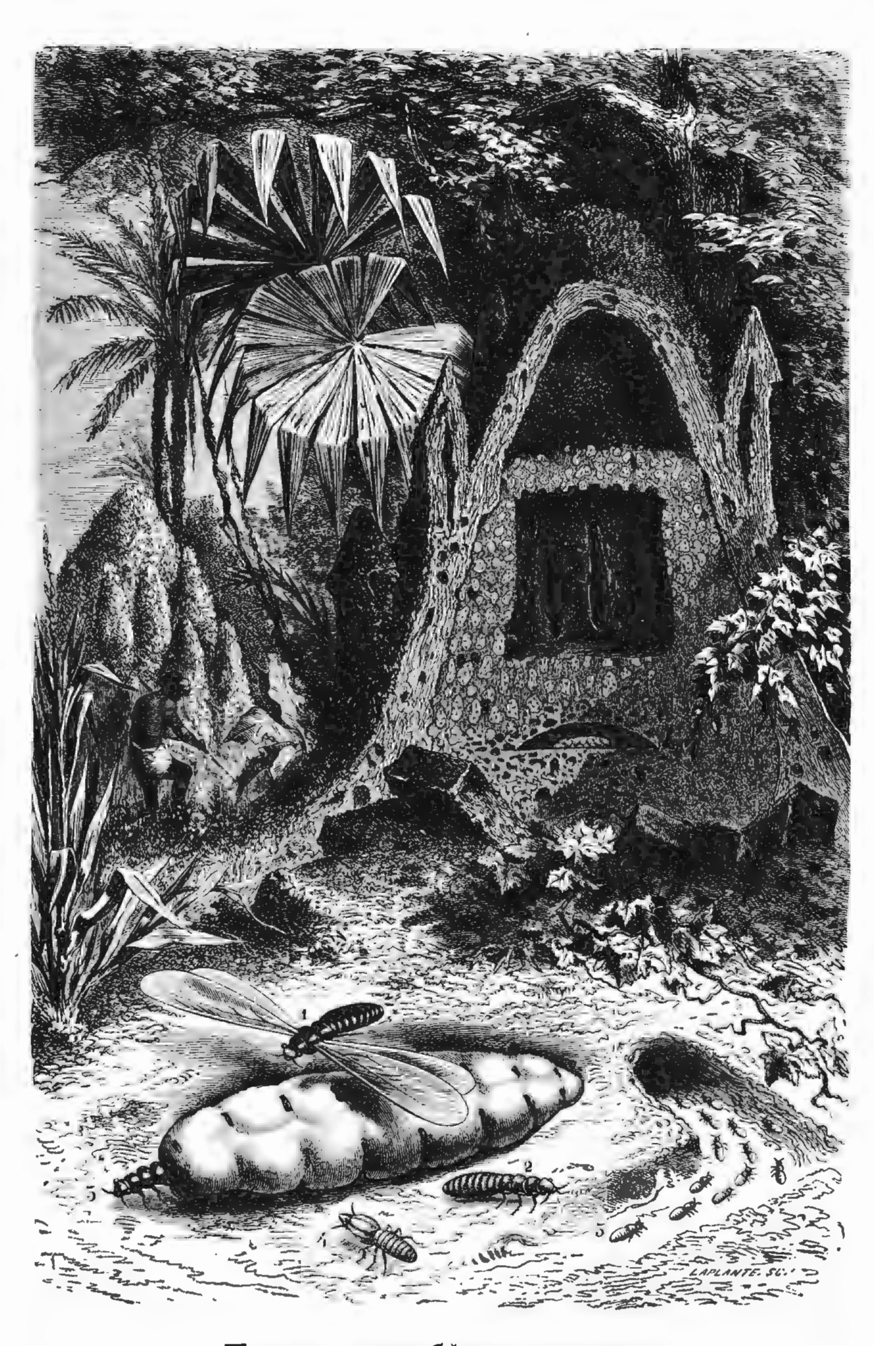
(Окончаніе будетъ).

Внутреннее обозрѣніе.

Въ „С.-Петербург. Вѣдом.“, со словъ оффиціальныхъ вѣдомостей горнаго ученаго комитета, сообщаютъ интересныя свѣдѣнія о горнозаводской производительности Россіи за 1870 годъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ отчетномъ году у насъ дѣйствовало: 1,126 золотыхъ пріисковъ, 26 серебро-свинцовыхъ рудниковъ, 6 платиновыхъ, 71 мѣдный, 1,183 желѣзныхъ, 6 цинковыхъ, 1 кобальтовый, 1 оловянный, 193 каменноугольныя копи, 2 разработки калчедана, 9 хромистаго желѣзняка, 4 каменной соли; 772 нефтяныхъ источника. По заводскому производству въ 1870 году дѣйствовали: 2 монетныхъ двора, 2 золото-сплавочныхъ лабораторіи и 433 завода, изъ которыхъ 213 желѣзо-дѣлательныхъ и стальныхъ, 164 чугунно-плавильныхъ, 38 мѣдно-плавильныхъ, 10 серебро-плавильныхъ, 1 кобальтовый и 1 оловянный. Выплавлено: желѣза 15.217.908 пудовъ, стали 536.086 пуд., мѣди 308,440 пудовъ, листовой мѣди 29.642 п., свинца 100,653, желѣзныхъ издѣлій приготовлено 958.634 пуда, издѣлій изъ другихъ металловъ 53.885 п., монеты на 33.535.643 рубля. Промыто шлиховаго золота 2,156 п. 23 ф. Соли выварено 12.164.892 пуда. Сравнительно съ 1869 годомъ, добыча золота увеличилась на 147 пудовъ 37 фунтовъ; выплавка серебра увеличилось на 98 пудовъ 46 ф., выплавка свинца—на 35.561 пудъ; выплавка мѣди на 48.637 пудовъ; выплавка чугуна на 1.855.461 пуда, т. е. на 9% и т. д. Добыча каменнаго угля увеличилась въ особенности, а именно на 6,531,901 пудъ., или на 18%, преимущественно отъ развитія производства въ подмосковномъ бассейнѣ. Чеканка монеты увеличилась на 4,887,887 р. отъ большаго поступленія на монетный дворъ частнаго золота. Уменьшеніе произошло въ добычѣ платины и поваренной соли; послѣдней въ 1870 г. добыто слишкомъ на 9 мильоновъ пудовъ менѣе противъ 1869 г.—преимущественно отъ бездѣйствія куяльницкихъ промысловъ. Добычи графита въ 1880 г. вовсе не было.—На рудникахъ и заводахъ работало 153,197 человѣкъ, на золотыхъ промыслахъ 69.186 чел. и на соляныхъ промыслахъ около 40,000 человѣкъ; всего, свыше 263,000 чел.; механическую силу доставляли 482 паровыхъ машины и 2,223 водяныхъ колеса и турбины, что равняется 56.255 лошадиныхъ силъ.

Насколько успѣли мы въ развитіи нашего горнозаводскаго производства, особенно по сравненіи съ предшествующими годами, за неимѣніемъ оффиціальныхъ свѣдѣній по этой части,—судить трудно. Извѣстно только, что едва-ли какая-нибудь отрасль производства представляетъ въ настоящее время болѣе странныхъ, даже поразительныхъ фактовъ, чѣмъ наше горное дѣло. Когда-нибудь мы представимъ читателямъ осязательныя доказательства справедливости нами высказаннаго, для чего воспользуемся отчасти оффиціальными свѣдѣніями изъ отчета В. П. Безобразова, нѣсколько лѣтъ назадъ, по порученію министерства финансовъ, объѣздившаго главнѣйшіе изъ уральскихъ горныхъ заводовъ.

Съ юга доходятъ несовсѣмъ благопріятныя вѣсти объ урожаѣ. Нѣкоторые изъ тамошнихъ хозяевъ, при всемъ желаніи ввести у себя раціональное хозяйство, по многимъ причинамъ сдѣлать этого не могутъ: главное препятствіе къ тому заключается въ скотскихъ падежахъ, отчего развитіе скотоводства дѣлается рѣшительно невозможнымъ. Безъ скотоводства-же какъ извѣстно невозможно и полевое хозяйство. Урожаи плохи даже въ такихъ богатыхъ мѣстностяхъ, какъ Земля войска донскаго. Во многихъ губерніяхъ поднимается рѣчь о введеніи страхованія скота; нѣкоторыя изъ земскихъ собраній вошли даже съ ходатайствомъ о введеніи повсемѣстнаго и обязательнаго страхованія, находя такую мѣру наиболѣе цѣлесообразною. Въ этомъ-же смыслѣ высказалась и коммисія при второй выставкѣ рогатаго скота, въ Москвѣ. Выслушавъ докладъ извѣстнаго профессора Равича о мѣрахъ къ прекращенію заразы скота отъ чумы, коммисія согласилась съ ученымъ докладчикомъ, что мѣры эти должны быть двоякаго рода: а) мѣры противъ гуртовъ, прогоняемыхъ по извѣстной мѣстности, съ цѣлью отдѣлить ихъ отъ мѣстнаго скота, и б) мѣры врачебно-полицейскаго характера, какъ средства для воспрепятствованія распространенію заразы по окрестностямъ. Профессоръ, между прочимъ, совѣтуетъ вознаграждать потери владѣльцевъ зачумленаго скота, убитаго по распоряженію врачебно-полицейскаго надзора, но источниковъ для покрытія этого расхода не указываетъ. Точно финансовая сторона не должна входить въ предметъ обсужденія при подобныхъ случаяхъ! Въ концѣ концовъ, коммисія, подобно многимъ, признала крайнюю потребность въ введеніи обязательнаго страхованія. Нѣтъ спора, страхованіе вознаградитъ потери хозяевъ, да и то не въ должной степени, но все-таки оно безсильно противъ самаго зла, отъ котораго гибнутъ милліоны головъ скота въ разныхъ губерніяхъ нашихъ, а оставшіяся въ живыхъ ничѣмъ не гарантируются. Немудрено послѣ того, что развитіе скотоводства у насъ не только не увеличивается, но даже еще какъ-будто падаетъ; урожаи же замѣтно уменьшаются. Многіе близорукіе хозяева видятъ въ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ вліяніе однихъ только климатическихъ условій и сваливаютъ свою вину то на безснѣжную зиму, то на дождливое лѣто или на сухую весну, то на градъ, то на червя, то, наконецъ, на сильные и постоянные вѣтры въ одномъ направленіи. Между тѣмъ, если разобрать хорошенько, то *главнѣйшею* причиной частыхъ неурожаевъ бываетъ поразительное *истощеніе почвы*, да отчасти дурная ея обработка. Мы по опыту знаемъ, что, при изобильномъ удобреніи и хорошей обработкѣ, въ значительной степени уменьшается вліяніе и малоснѣжной зимы и дождливаго лѣта, сухой весны и даже града, потому-что на хорошихъ всходахъ градъ, идущій обыкновенно полосою и большею частію не густо, причиняетъ хозяину гораздо менѣе вреда чѣмъ на всходахъ рѣдкихъ, слабыхъ и съ мелкими колосьями. Тоже самое имѣетъ мѣсто и при сильныхъ вѣтрахъ, отъ которыхъ хлѣбъ ложится, колосья перепутываются и сборъ становится затруднительнымъ. Весь вопросъ нашего хозяйства сводится, слѣдовательно, къ этимъ двумъ пунктамъ: къ развитію, или по крайней мѣрѣ поддержанію, скотоводства и къ раціональному удобренію почвы и тщательной ея обработкѣ.



Термиты или бѣлые муравьи.

Политическое обозрѣніе.

Свиданіе трехъ императоровъ, о которомъ мы говорили въ прошедшемъ нашемъ обозрѣніи, совершилось съ большою торжественностью и было ознаменовано цѣлымъ рядомъ празднествъ. Первымъ прибылъ въ Берлинъ императоръ Всероссійскій; на станціи желѣзной дороги его ожидали императоръ Германскій, со всѣми находящимися въ Берлинѣ принцами, и почетный караулъ. По отданіи визита членамъ прусской императорской фамиліи, Его Величество изволилъ отправиться въ помѣщеніи русскаго посольства, гдѣ для этого случая были приготовлены покои. Съ прибытіемъ въ Берлинъ императора австрійскаго, начались обмѣны визитовъ между коронованными особами и членами императорскихъ фамилій—съ одной стороны, и между представителями дипломатіи—съ другой; за визитами слѣдовали: большой парадъ войскъ, спектакль въ оперномъ театрѣ, большая вечерняя заря, въ которой участвовали болѣе 1,200 полковыхъ музыкантовъ, маневры, концертъ, прогулка въ зоологическій садъ и наконецъ придворная охота. Во время одного изъ этихъ празднествъ, именно большой вечерней зари, случилось несчастіе: отъ сильной давки и энергическаго напора полиціи пострадали нѣсколько десятковъ человѣкъ, въ томъ числѣ нѣкоторые поплатились даже жизнью. Во все время пребыванія императоровъ въ Берлинѣ, значитъ, въ продолженіе 6 дней, между княземъ Бисмаркомъ, графомъ Андраши и княземъ Горчаковымъ происходили конфиденціальныя (тайныя) совѣщанія, объ исходѣ которыхъ до сихъ поръ ничего неизвѣстно. Большинство газетъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и неоффиціальныхъ, въ одинъ голосъ завѣряютъ, что берлинское свиданіе какъ нельзя лучше оправдало возлагаемыя на него ожиданія и что миръ въ Европѣ послѣ этого событія можно считать закрѣпленнымъ надолго. Любопытно прослѣдить настроеніе общественнаго мнѣнія разныхъ государствъ Европы по поводу берлинскаго свиданія. Франція, напримѣръ, не на шутку встревожилась этимъ событіемъ, и печать ея ударилась во всевозможныя предположенія, подчасъ весьма воинственнаго характера. Англійская печать, напротивъ того, относится къ берлинскому свиданію довольно спокойно, не предвидя отъ него никакихъ столкновеній въ будущемъ. Австрійскія нѣмецкія газеты отзываются о свиданіи съ большимъ одушевленіемъ и увѣряютъ, что цѣлью его было „закрѣпленіе государственной власти, сохраненіе мира и упроченье настоящаго порядка вещей".

Франціи, впрочемъ, нечего опасаться берлинскаго свиданія, если только она ограничится тою ролью, которая выпала теперь ей, и устройствомъ своихъ внутреннихъ дѣлъ. Дѣла эти, къ счастію, принимаютъ довольно благополучный исходъ. Объ этомъ можно судить по результатамъ дѣятельности генеральныхъ совѣтовъ. Большинство ихъ высказалось совершенно откровенно за поддержаніе республики и выказало полное довѣріе правительству Тьера; большинство этихъ совѣтовъ выразило такъ же свое полное сочувствіе принципу обязательнаго обученія. Нѣкоторые изъ нихъ, отвергшіе это начало въ прошедшемъ году, теперь приняли его значительнымъ большинствомъ голосовъ. Другимъ хорошимъ признакомъ служитъ то, какъ французы отнеслись къ замышлявшемуся празднованію 4-го сентября, т. е. дню провозглашенія во Франціи республики. Надо припомнить, что день этотъ почти совпадаетъ съ днемъ Седанской битвы, т. е. съ окончательнымъ пораженіемъ французовъ. Нѣкоторые изъ безтактныхъ французовъ пожелали отпраздновать день 4-го сентября во что бы то ни стало. Предвидя это, правительство предписало префектамъ всѣми, зависящими отъ нихъ, средствами, позаботиться помѣшать осуществленію этихъ намѣреній. Мѣра эта оказалось, однако, излишнею, такъ-какъ французы, даже самые рьяные изъ нихъ, отказались отъ предполагавшагося торжества. Интересно въ этомъ случаѣ объясненіе, какое они даютъ своему рѣшенію: Франція, говорятъ они, пережила столько непріятныхъ событій до и послѣ 4-го сентября, что праздновать этотъ день должно быть тяжело всякому, искренно-любящему свою родину. Такимъ образомъ, столкновеній между властью и народомъ на этомъ пунктѣ не произошло. Къ сожалѣнію, безъ нихъ не обошлось по другому поводу въ нѣкоторыхъ изъ большикъ городовъ Франціи. Такъ, въ Нарбоннѣ, 23 августа, между жителями этого города и солдатами одного батальона происходило сильное побоище. Подобныя же стычки были и въ другихъ городахъ. Дѣло дошло до того, что правительство намѣревается объявить въ департаментѣ Ода военное положеніе. Въ Ліонѣ происходили волненія между жителями по поводу того, что мѣстная власть пожелала возвратить духовенству школы, отнятыя у него въ послѣднее время; распоряженіе это сильно не понравилось населенію, которое не питаетъ, какъ извѣстно, особенной пріязни къ отцамъ іезуитамъ.

Читатели вѣроятно помнятъ, что для разрѣшенія спора между Англіей и Сѣверо-Американскими соединенными штатами, по поводу требованія сими послѣдними вознагражденія за убытки, понесенные Штатами въ междоусобную войну,—назначенъ былъ въ городѣ Женевѣ третейскій судъ. Теперь мы можемъ сообщить, что судъ этотъ присудилъ Англію уплатить Соединеннымъ Штатамъ 15,500,000 долларовъ золотомъ (болѣе 20,000,000 р. сер.). Англіи, конечно, не можетъ понравиться такое рѣшеніе, хотя ей не особенно тяжело будетъ выполнить эту уплату—при ея возрастающемъ богатствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, доходы этой страны возрастаютъ не по днямъ, а по часамъ, доказательствомъ чему служатъ слѣдующія цифры: за первую половину текущаго года поступило государственныхъ доходовъ почти на 9 милліоновъ рублей *болѣе* чѣмъ за полугодіе 1871 г., такъ-что если увеличеніе будетъ продолжаться въ томъ же размѣрѣ, то къ новому году получится дохода на 24 милліона рублей *болѣе* чѣмъ предполагалось по смѣтѣ. И все это достигнуто не возвышеніемъ налоговъ, а возрастаніемъ богатства и производительныхъ силъ страны!

Библіографія.

Обученіе грамотѣ по звуковому способу, въ связи съ предметными уроками и первоначальными упражненіями въ родномъ языкѣ. Составилъ Н. Ѳ. Бунаковъ. Авторъ задался мыслію—соединить обученіе грамотѣ съ наглядными бесѣдами о различныхъ предметахъ, чтобы тѣмъ самымъ придать ученію больше жизни и научить дѣтей излагать свои мысли и наблюденія въ плавной, послѣдовательной рѣчи. Для этого, свой курсъ онъ дѣлитъ на четыре части или ступени: *въ первой* онъ старается пріучить ухо ребенка къ слышимымъ имъ звукамъ, къ отдѣленію одного звука отъ другаго и къ письму элементовъ

буквъ; на *второй*—начинается собственно чтеніе, т. е. учитель знакомитъ дѣтей съ начертаніемъ основныхъ гласныхъ буквъ (печатнымъ и письменнымъ) и нѣкоторыхъ изъ согласныхъ,—но не отдѣльно, а въ словахъ, произношеніе которыхъ уже извѣстно ученикамъ изъ упражненій первой ступени; дѣти читаютъ первую книжку для чтенія, предметные уроки при этомъ не прекращаются; на *третьей* ступени продолжается знакомство дѣтей съ предметами и ихъ названіями, причемъ усвоиваются не только звуки, до сихъ поръ имъ незнакомые, но и начертаніе ихъ (въ концѣ этого ряда упражненій дѣти знаютъ 22 буквы и могутъ читать *вторую* книжку для чтенія, составленную авторомъ же, въ которой собраны подходящія слова и предложенія); наконецъ, на *четвертой* ступени дѣти освоиваются уже со *всѣми* звуками и буквами, читаютъ любую книжку и могутъ написать какую угодно фразу. По словомъ г. Бунакова, на все это потребуется не болѣе 3½ мѣсяцевъ. Первоначальныя упражненія ведутся въ такомъ порядкѣ: сначала учитель показываетъ дѣтямъ предметъ, который онъ хочетъ съ ними разсматривать, и ведетъ бесѣду о немъ, заставляя потомъ передать ее въ связномъ разсказѣ; затѣмъ, начинается разговоръ о *названіи* этого предмета, т. е. о словѣ, которое разлагается дѣтьми на звуки, причемъ дѣлается различіе (по слуху) между трудными (согласными) и легкими (гласными) звуками. Когда дѣти окончательно уже усвоили данные звуки, учитель заставляетъ дѣтей подбирать слова съ знакомыми звуками. Упражненія заканчиваются письмомъ элементовъ буквъ.

Мысль—обученіе грамотѣ соединить съ предметными уроками—не можетъ считаться новою. Помнится, еще въ 1870 году, въ собраніи членовъ Педагогическаго Общества, г. Столпянскій, разъясняя сущность своего метода обученія грамотѣ, указывалъ на необходимость начинать разговоръ съ предмета, чтобы завлечь этимъ вниманіе дѣтей. Но у г. Столпянскаго подобный пріемъ является только *средствомъ* заохотить дѣтей къ ученію; тогда-какъ г. Бунаковъ видитъ въ немъ, кромѣ того, *и цѣль*, къ которой долженъ стремиться учитель при первоначальномъ обученіи. Спрашивается: въ чемъ же состоитъ эта самостоятельная цѣль предметныхъ уроковъ при обученіи грамотѣ? Въ томъ, говоритъ г. Бунаковъ, что дѣти, обучаемыя такимъ способомъ, въ то же время *развиваются*, пріучаются наблюдать, изслѣдовать и передавать свои мысли въ плавномъ разсказѣ. Вполнѣ соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, мы, однакоже, не можемъ не высказать нѣкотораго опасенія насчетъ того, чтобы соединеніе грамоты съ предметными уроками какъ-нибудь не помѣшало одно другому. Надо помнить, что какъ у первоначальнаго обученія грамотѣ, такъ и у первоначальныхъ предметныхъ уроковъ есть свои особыя цѣли и требованія. Первое напримѣръ требуетъ, чтобы знакомство дитяти съ звуками и ихъ начертаніемъ шло отъ легчайшаго къ труднѣйшему; то-же самое, конечно, имѣютъ ввиду и предметные уроки. Но вѣдь можетъ случиться, что *названіе* предмета, съ котораго начинаютъ предметные уроки, по составнымъ своимъ звукамъ не подойдетъ къ началу обученія грамотѣ, и наоборотъ. Самъ авторъ, начиная свой первый урокъ съ бесѣды объ осѣ, удовлетворяетъ только требованію звуковаго способа обученія грамотѣ, отступая въ то же время отъ основной мысли предметныхъ уроковъ, потому-что нельзя же назвать осу предметомъ ближайшимъ и наиболѣе знакомымъ дитяти! Предметы для остальныхъ бесѣдъ: песокъ, колосъ, сорока, и т. далѣе, также показываютъ, что авторъ въ своемъ выборѣ руководствовался не столько требованіями, положенными въ основаніе предметныхъ уроковъ, сколько требованіями звуковаго способа. Съ другой стороны, въ погонѣ за предметами, не выходящими изъ круга знакомыхъ дѣтямъ, составитель сдѣлалъ нѣкоторые промахи въ распредѣленіи звуковаго матеріала по различнымъ ступенямъ и урокамъ. Такъ напр., для четвертаго уже урока, когда дѣти знакомы всего только съ семью звуками, онъ даетъ слова, въ которыхъ двѣ согласныя стоятъ рядомъ («пчела»), да еще такія какъ *п* и *ч*; шипящіе звуки *ш* и *щ* авторъ почему-то передаетъ позже носоваго *н*, гортаннаго *г* и даже губнаго *б*!—Такіе промахи насъ, впрочемъ, нисколько не удивляютъ, потому-что совмѣстить обѣ цѣли—обученіе грамотѣ съ предметными уроками — чрезвычайно затруднительно, и это не можетъ помѣшать намъ отнестись съ похвалою къ дѣйствительнымъ достоинствамъ книжки: ея прекрасной цѣли и довольно удачному для перваго опыта выполненію. Основываясь на этомъ, мы можемъ рекомендовать книжку г. Бунакова всѣмъ учителямъ начальныхъ школъ, какъ образчикъ новаго метода обученія грамотѣ.

Въ сборникѣ газеты «Гражданинъ», между прочими статьями, встрѣчаемъ небольшую замѣтку изъ Бугульминскаго уѣзда Самарской губерніи, о положеніи тамошняго сельскаго духовенства. Корреспондентъ беретъ за норму приходъ среднихъ размѣровъ и представляетъ матеріальное обезпеченіе причта въ слѣдующихъ цифрахъ:

	въ годъ.
Священникъ получаетъ жалованья	176 р. 40 к.
30 десятинъ церковной земли приносятъ дохода .	30 » — »
За вѣнчаніе браковъ получено	64 » — »
— похороны.	17 » — »
— исповѣдь и проч.	30 » — »
— крещеніе младенцевъ	10 » 40 »
— молебны въ большіе праздники	151 » 64 »
— заказные молебны и обѣдни	12 » 20 »
Разныхъ доходовъ, какъ-то: за выправку метрическихъ свидѣтельствъ, свѣдѣній на браки и проч.	81 » 70 »
А всего, въ 1871 году получено . .	573 » 34 »
Хлѣбнаго сбора съ прихожанъ получено на . . .	75 » — »
А всего. .	648 р. 34 к.

Изъ этого числа священнику отходитъ $^7/_{10}$ всей суммы, т. е. 454 р. 34 к., а псаломщику $^3/_{10}$, т. е. 194 р. На каждую ревизскую душу приходится расхода на причтъ 92 коп. Но эти цифры не должны обольщать насъ ввиду громадныхъ сборовъ съ духовенства на семинарію, духовное училище, духовную кассу, благочинному и т. далѣе, составляющихъ иногда болѣе 30 рублей на приходъ.

Смѣсь.

Сумазбродства моды. Недавно на одномъ женскомъ митингѣ въ Америкѣ было высказано дѣвицею Швартенбахъ довольно строгое, но не совсѣмъ несправедливое сужденіе касательно нынѣшнихъ модъ, которое мы считаемъ нелишнимъ передать нашимъ читателямъ. Предлагая присутствовавшимъ на митингѣ дамамъ противудѣйствовать соединенными силами безумію моды, дѣвица Швартенбахъ мотивировала свое предложеніе слѣдующимъ образомъ. «По моему мнѣнію, сказала она, это совершенно невѣрный взглядъ, когда дѣвицы думаютъ, что бросающаяся въ глаза и роскошная одежда придаетъ носящимъ въ глазахъ мужчинъ больше прелести, чѣмъ простой и исполненный вкуса костюмъ. Такимъ образомъ ихъ расточительность и безвкусіе не только не приносятъ имъ пользы въ этомъ отношеніи, но даже вредятъ. Нашъ полъ и безъ того уже подозрѣваютъ въ томъ, что у него нѣтъ разсудка и онъ постоянно празденъ.—Ни въ одномъ сумашедшемъ домѣ не найдется достойной соперницы этимъ каррикатурамъ женственности, которые воображаютъ, будто онѣ становятся удивительно интересны, когда, пренебрегая насмѣшками проходящихъ, онѣ, съ искуственно втянутымъ животомъ и устроивъ у себя лазади возвышеніе въ родѣ того какъ у страуса, ходятъ на ходулеобразныхъ каблукахъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, словно у нихъ страшные спазмы, да еще выставляя какъ-то впередъ, какъ кенгуру, руки, словно онѣ каждую минуту боятся шлепнуться на-земь и разбить себѣ носъ. Третьимъ сортомъ женскаго безобразія назову я это множество спускающихся другъ на друга лоскутьевъ, придающихъ женщинамъ видъ громадныхъ, странствующихъ, головою внизъ, капустныхъ кочней. Что собственно составляетъ у нихъ платье не рѣшитъ ни одинъ человѣкъ, потому-что онѣ носятъ только части платья, расположенныя слоями, спорящія другъ съ другомъ относительно безобразія формы, и если возможно, то разныхъ цвѣтовъ, такъ-что идалъ костюма состоитъ, повидимому, въ возможно большемъ количествѣ нагроможденыхъ другъ на другѣ лоскутьевъ. Въ виду подобныхъ явленій я стыжусь своего пола. Точно будто все занятіе и назначеніе женщины состоитъ въ томъ, чтобы, употребивъ для своего украшенія цѣлую лавочку самыхъ безвкусныхъ тряпокъ и разныхъ дрянныхъ бездѣлушекъ, выставлять себя наконецъ для возбужденія насмѣшекъ и порочныхъ страстей».

2-й заемъ 1866 года. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 13-й тиражъ 1-го іюля 1872 г.

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА

На основаніи Высочайше утвержденнаго 14 февраля 1866 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа 1-го Сентября 1872 года Правленіемъ Банка въ присутствіи членовъ совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ.

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
15	9	500	4582	7	500	8304	16	500
19	35	500	4595	48	8000	8445	2	500
230	4	500	4603	32	500	8598	28	500
279	48	500	4616	48	500	8703	34	500
313	28	500	4790	45	500	8815	41	500
323	1	500	4795	34	500	8908	32	500
494	12	500	4818	2	500	8941	38	500
559	40	1000	4888	32	500	8980	42	500
576	31	5000	4918	44	500	9010	30	500
641	11	500	4982	11	500	9033	48	500
667	26	500	4995	14	500	9052	17	500
670	8	500	5044	40	500	9166	36	500
705	18	500	5102	20	500	9305	16	500
721	1	500	5140	36	500	9339	43	1000
731	29	500	5233	19	500	9441	45	500
799	25	500	5257	7	500	9497	49	500
974	48	500	5266	18	500	9498	29	500
1029	22	500	5267	25	500	9514	42	500
1079	47	500	5355	31	500	9580	6	25000
1227	24	500	5396	43	500	9632	18	1000
1249	33	500	5399	3	500	9688	40	500
1252	35	500	5464	20	500	9707	33	500
1306	42	500	5679	38	500	9831	34	500
1693	24	500	5715	8	500	9877	34	500
1800	38	500	5782	18	500	9922	16	500
1814	24	500	5832	20	500	10159	44	500
1852	23	500	5836	19	1000	10308	25	500
1873	25	1000	5996	22	500	10565	22	500
1891	16	500	6041	42	500	10627	1	1000
1953	33	500	6101	19	500	10632	42	500
1983	36	5000	6112	27	500	10886	37	500
2018	49	500	6168	37	500	10890	30	500
2048	12	500	6172	20	500	10910	48	500
2181	6	500	6242	18	1000	10932	15	500
2321	28	500	6391	20	500	10943	12	500
2412	4	75000	6393	30	500	10943	48	1000
2449	35	5000	6451	7	500	10949	7	500
2476	14	500	6451	37	500	11216	36	500
2477	8	5000	6632	13	500	11268	1	500
2521	24	500	6639	45	500	11279	7	500
2656	8	500	6668	23	500	11351	44	500
2657	49	500	6673	10	500	11376	43	500
2695	26	500	6760	28	500	11589	33	500
2727	6	500	6904	40	500	11608	22	500
2739	31	500	6906	35	500	11650	5	500
2741	44	500	6908	41	500	11692	15	500
2760	6	500	6954	50	500	11775	23	500
2790	20	500	6984	24	500	11858	46	500
2791	33	500	7337	9	1000	11927	47	500
2862	40	500	7345	16	500	11954	4	500
2887	16	500	7359	27	500	11998	46	5000
2923	36	500	7382	26	500	12079	43	500
3172	12	500	7385	19	500	12080	17	500
3256	19	500	7493	18	500	12094	3	500
3413	21	500	7624	44	40000	12174	38	500
3464	34	500	7649	21	500	12271	37	500
3541	38	200000	7729	50	500	12283	26	500
3547	19	500	7786	5	500	12330	43	500
3730	26	500	7830	40	500	12332	49	500
3822	43	1000	7865	38	500	12362	2	1000
3908	42	500	7876	2	500	12438	26	500
4020	32	500	7903	13	10000	12475	40	1000
4239	49	500	8052	26	500	12551	34	8000
4286	45	1000	8054	6	500	12583	18	1000
4409	10	500	8150	1	10000	12633	33	500
4462	28	500	8174	42	500	12650	35	1000

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрыша.
12683	3	500	14864	42	500	17404	40	500
12686	20	8000	14959	5	500	17538	27	500
12761	31	500	15044	7	500	17569	24	1000
12800	13	500	15172	3	500	17597	12	10000
12833	36	500	15226	27	500	17640	2	500
12920	9	500	15570	4	500	17912	45	500
12946	36	500	15585	17	500	17939	27	500
12951	4	500	15644	30	500	17949	35	5000
13104	25	500	15686	3	500	17999	22	500
13142	4	500	15753	10	1000	18101	33	500
13072	25	500	15944	33	500	18131	22	500
13136	23	500	15999	4	1000	18174	29	500
13146	28	500	16027	11	500	18227	8	500
13167	44	5000	16077	12	500	18256	5	500
13219	4	500	16094	28	500	18681	3	500
13290	21	500	16266	44	500	18687	47	500
13375	26	500	16362	39	500	18699	37	500
13441	35	500	16453	42	500	18705	10	500
13613	4	500	16513	11	500	18705	14	500
13670	4	500	16527	41	500	18716	30	500
13676	27	500	16640	2	1000	18729	40	500
13677	2	500	16664	39	500	18976	16	8000
13681	29	500	16729	43	500	19048	3	500
13687	15	500	16738	4	500	19226	29	500
13776	35	500	16854	43	500	19238	11	500
14069	14	500	16864	27	500	19577	19	500
14157	9	500	16885	41	500	19583	32	1000
14465	28	500	16891	23	8000	19601	41	500
14470	32	500	16926	17	500	19658	16	500
14482	6	500	17044	35	500	19852	20	500
14532	32	500	17120	43	500	19892	10	5000
14662	10	500	17150	24	500	19964	9	500
14763	44	500	17278	3	500	19966	30	500
14840	7	500	17287	49	500	19967	17	500

Уплата выигрышей будетъ производится исключительно въ Банкѣ, С.-Петербургѣ, съ 1-го декабря 1872 г.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 года вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ правленіи государственнаго банка 1-го сентября 1872 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

110, 771, 1532, 1919, 2070, 2336, 3237, 3843, 3864, 4802, 4805, 5021, 5123, 5277, 5535, 5630, 6019, 6743, 7426, 7516, 7794, 8173, 8426, 8834, 8487, 9173, 9944, 10069, 10420, 10646, 10745, 11881, 12474, 13498, 13690, 14516, 14580, 14749, 15644, 15849, 16494, 16607, 17561, 17615, 18108, 18893, 19085, 19866.

Всего 48 серій, составляющихъ 2,400 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 120 р. за билетъ, будетъ производится съ 1-го декабря 1872 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 8 сентября 1872 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр. д. № 53.

№ 38 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 18 сентября 1872 года. **Годъ III.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 › — ›	Съ доставкою въ »	3 › — ›
Безъ доставки въ Москвѣ	4 › 50 ›	Безъ доставки въ Москвѣ	2 › 25 ›
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 › — ›	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 › — ›

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С.-Петербургѣ* на углу В. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

VI.

Быстрымъ шагомъ, не останавливаясь, словно ему нельзя было терять ни одной минуты, шелъ Готтгольдъ по лѣсу. Но это злыя, мучительно-печальныя мысли гнали его такимъ образомъ и такъ же упорно преслѣдовали его какъ и рой комаровъ, который вступилъ вмѣстѣ съ нимъ въ лѣсъ—и то подымаясь, то опускаясь, то отставая, то опережая, кружился вокругъ его головы.

— И слышать это вездѣ и отъ всѣхъ, бормоталъ онъ,—словно я долженъ отвѣчать за это, словно меня упрекаютъ въ томъ, что она несчастлива! Но кто же счастливъ? Развѣ непогрѣшимые люди, которые могутъ прочесть наизусть сначала до конца, и наоборотъ, съ конца до начала свою нравственную таблицу умноженія, какъ этотъ Вольнофъ, мудрый и самодовольный фарисей, или какъ этотъ добрый Іохенъ, которому пятнадцать лишнихъ годовъ его Стины ровно ничего не значатъ, лишь бы было ему гарантировали приличное содержаніе?

— Но и я—счасливъ ли я? счастливы ли тысячи другихъ, виноватыхъ развѣ только въ томъ, что они люди съ сердцемъ, которое чувствуетъ и сочувствуетъ, страдаетъ и сострадаетъ. Будь проклято сочувствіе и состраданіе! Они дѣлаютъ насъ тѣми жалкими существами, какими мы бываемъ. Что шумите вы, величавые буки осыпающіе цѣлыя столѣтія, въ осеннее время, лѣсную почву сухими листьями, для того чтобъ явиться весною во всемъ блескѣ молодой зелени? что журчишь ты, маленькій ручеекъ,—ты, который такъже неутомимо несешь теперь свою коричневосвѣтлую воду въ море, какъ и тогда, когда я, веселый мальчикъ, игралъ на твоемъ берегу, и перескочить на другой берегъ казалось мнѣ дѣломъ достойнымъ героя? Ахъ! въ этомъ журчаніи я слышу ту же самую пѣсню, которую пѣла вчера ласточка, пѣсню о вѣчной юности природы, всегда одинаково-полной силъ, всегда одинаково прелестной,—и о преходящности, хилости человѣка который, волнуясь страхомъ и надеждою, влачитъ жалкое никогда не удовлетворяющее его существованіе, и все таки всего счастливѣе въ то время пока его сердце еще можетъ бояться и надѣяться,—это сердце, которое, опустѣвъ однажды, никогда уже не наполняется, а если и наполняется и поднимается, то наполняется и презрѣніемъ, поднимается и отъ негодованія, что могло быть такъ глупо, чтобы трепетать до такой степени отъ страха и надежды. Ну, я уже не надѣюсь; поэтому-то мнѣ уже нечего бояться, даже и того взгляда, который ожидаетъ меня тамъ.

Отъ болѣе широкой, совершенно запущенной дороги, слѣдовавшей до сихъ поръ теченію лѣснаго ручья и точно такъ же, какъ и онъ, повернувшей направо черезъ лѣсъ къ морю, отдѣлялась на лѣво тропинка, которая вела въ гору, сначала между могучими, огромными стволами, но

вскорѣ пошла черезъ все болѣе и болѣе понижавшійся паросникъ. Затѣмъ деревья и кустарники смѣнились верескомъ и дрокомъ, покрывавшими хребетъ горы вплоть до самой высокой вершины, гдѣ люди древнихъ временъ построили своимъ князьямъ гигантскій памятникъ изъ громадныхъ каменныхъ глыбъ, теперь покрытыхъ густымъ слоемъ моха, толщиною въ дюймъ, и отчасти глубоко ушедшихъ въ землю. Это было то мѣсто, откуда Готтгольдъ снялъ тогда невѣрною рукою тотъ эскизъ, которымъ онъ воспользовался потомъ для картины, въ комнатѣ госпожи Вольнофъ.

И вотъ онъ опять стоитъ тутъ черезъ десять лѣтъ—въ тѣни одной глыбы, которая доставляетъ ему защиту отъ жаркихъ лучей солнца,—и передъ нимъ лежитъ ландшафтъ, на дивную красоту котораго мальчикъ никогда не могъ наглядѣться вдоволь.—Ахъ, время не изгладило ни одной прелестной черты въ этой картинѣ и даже случилось такъ, что онъ увидалъ ее въ такую пору, которая какъ бы нарочно была выбрана для того, чтобъ показать ему рай его юности во всемъ его очарованіи.

Полдень! Вершины буковъ тонутъ въ сверкающемъ солнечномъ сіяніи; отсюда его взоры опускаются на изумрудные луга и золотыя нивы—луга и поля Доллана, которой словно тихій, сіяющій эдемъ лежалъ между тѣнистыми, увѣнчанными лѣсомъ холмами, окружавшими его со всѣхъ сторонъ. А посреди луговъ и полей, между темной зеленью садовыхъ деревьевъ виднѣлись покрытыя соломою службы и черепичная кровля длиннаго низенькаго господскаго дома, на красномъ фронтонѣ котораго онъ явственно отличаетъ маленькое окошечко той комнатки, которую онъ, всякій разъ какъ бывалъ въ Долланѣ, занималъ вмѣстѣ съ Куртомъ. Какіе воспоминанія вызвало въ немъ это окошечко! И съ какимъ усиліемъ онъ оторвалъ оттуда взоры, чтобы взглянуть направо, гдѣ разступались холмы, на голубое море съ блестѣвшимъ вдали, словно звѣзда, бѣлымъ парусомъ; или налѣво на заросшую верескомъ пустошь, на одинокую кузницу подъ вѣковымъ дубомъ, единственное дерево въ этой лишенной тѣни пустынѣ.

Полдень! не шелохнется въ блестящемъ эфирѣ, неподвижны ослѣпительно-бѣлыя облака на ярко голубомъ небесномъ сводѣ; неподвижны вершины деревьевъ, неподвижны цвѣтущіе кустарники, да, неподвижны даже стебельки травъ. Ни малѣйшаго звука среди безконечной тишины; даже цикада, жужжавшая до сихъ поръ между могильными плитами гунновъ, умолкла, испуганная можетъ быть, коричневой змѣей, которая, поднявъ шею и устремивъ круглые блестящіе глаза на Готтгольда, неподвижно лежала въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него на одной изъ каменныхъ глыбъ, спрятавъ остальную часть чешуйчатаго тѣла въ густомъ верескѣ. Онъ сначала не замѣтилъ ее и смотрѣлъ на нее теперь съ нѣкоторымъ трепетомъ. Словно оцѣпенѣніе, въ которое погрузилась природа, осуществилось; словно оно приняло видъ духа одиночества тамъ, въ господскомъ домѣ съ заглохнувшимъ садомъ. Что, если запущеніе въ этой удаленной отъ всякаго сношенія съ людьми долинѣ взглянетъ на тебя такими же холодными глазами! если ты напрягая, среди этой глубокой тишины, свой слухъ, чтобы услышать милый человѣческій голосъ, не услышишь ничего кромѣ кипящей въ вискахъ крови и робкаго тяжелаго біенія твоего сердца.

Прочь, демонъ, прочь!

Онъ поднялъ палку; змѣя изчезла; онъ могъ, когда взошелъ на утесъ, гдѣ она лежала, видѣть еще колыхающіеся цвѣты вереска, по густымъ сплетшимся стеблямъ котораго она проскользнула.

Или это было только игрою его фантазіи—и цвѣты кивали головкою отъ легкаго вѣтерка, который игралъ теперь въ жаркомъ воздухѣ и становился все сильнѣе и сильнѣе, такъ что вокругъ него поднялся шопотъ и ропотъ, доносившейся до него изъ колыхавшагося за нимъ лѣса, то изъ шумѣвшихъ у ногъ его вершинъ, и замѣнившійся наконецъ прохладнымъ вѣтромъ съ моря, зашумѣвшимъ надъ утомленною зноемъ землею?

Очарованіе было нарушено; Готтгольдъ взглянулъ опять на ландшафтъ, но уже глазомъ художника, который ищетъ схватить лучшую сторону своего предмета.

— Я выбралъ тогда утреннее освѣщеніе, если только можно упоминать о подобномъ выборѣ; это была ошибка съ моей стороны—и я долженъ былъ отыскивать для своей картины искуственные воздушные эффекты. Солнце должно стоять не очень высоко надъ пустошью, напр. тамъ надъ кузницею оно будетъ часовъ въ шесть, до восьми я могу имѣть все что мнѣ нужно. Это выдетъ такая картина, которая можетъ удовлетворить не одну словоохотливую госпожу Вольнофъ.

VII.

Готтгольдь собралъ наскоро свои вещи; но тутъ пришло ему на умъ, что онъ могъ бы оставить здѣсь пока ящикъ съ красками. Такимъ образомъ, онъ поставилъ его подлѣ утеса, на которомъ лежала змѣя, въ глубокой тѣни,—и спустился съ холма на лѣсную дорогу въ длинное ущелье; тамъ журчалъ бѣжавшій въ море ручей, при устьѣ котораго въ маленькой бухтѣ между двумя крутыми береговыми утесами стоялъ одинокій домикъ кузена Бослафа. Въ то время называли его въ Долланѣ приморскимъ домомъ, да и не въ одномъ только Долланѣ; онъ былъ извѣстенъ подъ этимъ именемъ у всѣхъ, въ особенности же у моряковъ, для которыхъ онъ былъ отрадною примѣтою на опасномъ берегу—и днемъ и, еще болѣе, ночью, когда свѣтъ изъ бослафова окна, достигая черезъ водяную пустыню, среди зіяющей кругомъ ночи, къ безпомощнымъ, напоминалъ имъ объ осторожности. Свѣтъ простирался очень далеко, благодаря большому, глубоко-вогнутому оловянному блюду, которое старикъ укрѣпилъ позади свѣтильника, и которое не уступало въ отношеніи блеска полированному серебру. Вотъ уже семьдесятъ лѣтъ какъ горѣлъ этотъ свѣтильникъ на пользу морякамъ и рыбакамъ и въ честь добраго человѣка, зажигавшаго его ночь-за-ночь не вслѣдствіе чьего либо приказанія, а единственно по побужденію своего собственнаго благороднаго сердца.

Семьдесятъ лѣтъ—и скорѣе больше, чѣмъ меньше! никто не считалъ этихъ годовъ. Съ тѣхъ поръ, какъ самые старые изъ жившихъ теперь людей могли припомнить, кузенъ Бослафъ жилъ въ приморскомъ домѣ—чтожь тутъ удивительнаго, что онъ былъ полумиѳическимъ лицомъ для болѣе молодыхъ и совершенно молодыхъ людей! Вѣдь онъ чуть не казался такимъ даже своимъ родственникамъ въ Долланѣ, съ которыми онъ жилъ, съ которыми провелъ по крайней мѣрѣ столько часовъ, въ страданіяхъ и радостяхъ которыхъ онъ принималъ участіе свойственнымъ ему тихимъ образомъ, и изъ которыхъ по крайней мѣрѣ хоть куртовъ отецъ былъ знакомъ съ его исторіей и разсказывалъ ее однажды; Готтгольдъ ужь не помнилъ по какому поводу—и мальчикамъ ли, или (что правдоподобнѣе) нѣсколькимъ друзьямъ за бутылкою вина предавалъ онъ ее, а мальчики только украдкою, забившись въ уголъ, слушали ее.

Готтгольду давно уже не приходила на умъ эта исторія, случившаяся въ то время, когда многіе здѣшніе буки, величественная вершина которыхъ раскидывается теперь надъ головою путника въ видѣ свода, еще не существовали. Но тутъ онъ вспомнилъ ее до малѣйшихъ подробностей, насчетъ которыхъ онъ уже не могъ рѣшить: слышалъ ли онъ ихъ тогда или придумалъ впослѣдствіи самъ, или узналъ объ нихъ только теперь изъ шума сѣдыхъ лѣсныхъ великановъ и изъ журчанія источника сопровождавшаго избранную имъ тропинку.

«Во времена Шведовъ», такъ начинались тогда всѣ старыя исторіи, «жили на островѣ два двоюродныхъ брата Венгофа, Адольфъ и Богиславъ, оба одинаково молодые, одинаково красивые и сильные, и одинаково влюбленные въ прелестную молодую дѣвицу, которую отецъ хотѣлъ отдать только тому кто богатъ,—по той простой причинѣ, что, за исключеніемъ своего стариннаго дворянства, онъ владѣлъ однимъ только большимъ имѣніемъ Далицъ, на которомъ было больше долговъ чѣмъ полагали даже братья. Ну, а оба кузена хотя и не принадлежали къ дворянству, но все же происходили изъ очень хорошей старинной фамиліи—и владѣлецъ Далица не могъ бы сдѣлать ни одного возраженія ни противъ одного изъ однихъ, кромѣ того, которое онъ употребилъ и, къ сожалѣнію, могъ употребить противъ обоихъ: именно, что они были, если возможно, еще бѣднѣе его самого. И дѣйствительно, у нихъ только и было всего, что по доброму ружью у каждаго, вмѣстѣ съ другими принадлежностями охоты, да еще по парѣ добрыхъ охотничьихъ сапоговъ на толстыхъ подошвахъ, въ которыхъ они переходили то тутъ, то тамъ, черезъ пороги своихъ многочисленныхъ друзей на островѣ, вездѣ въ качествѣ желанныхъ товарищей по охотѣ, по игрѣ и по пирушкамъ. Подобно тому какъ оба они были одинаково высокаго роста и почти съ одинаковыми чертами лица, они были сходны между собою и въ отношеніи всего другаго, или по крайней мѣрѣ такъ сходны что гостепріимные, веселые землевладѣльцы съ такимъ же удовольствіемъ встрѣчали одного, какъ и другаго, а еще лучше обоихъ вмѣстѣ, что впрочемъ почти всегда и случалось. Оба кузена питали другъ къ другу такую горячую любовь, какая не всегда существуетъ между братьями; а что касается до ихъ страсти къ прекрасной Ульрикѣ Далицъ, то ихъ надежды на нее были такъ ничтожны, что не стоило труда разъединяться изъ-за этого.

Тутъ случилось нѣчто такое, что разомъ измѣнило ихъ положеніе, или по крайней мѣрѣ положеніе одного изъ нихъ.

Въ Швеціи умеръ одинъ очень богатый и очень странный дядя ихъ; онъ кромѣ своихъ шведскихъ помѣстій, могъ еще завѣщать и помѣстье на островѣ, именно прекрасный Долланъ, къ которому принадлежали тогда всѣ окрестные лѣса до самаго моря, а по другую сторону обширная пустошь и лежащая за нею земля вплоть до горныхъ укрѣпленій. Это помѣстье предоставлялъ онъ обоимъ кузенамъ или скорѣе одному изъ нихъ, потому-что, какъ довольно странно говорила духовная, «оно должно достаться тому, котораго присяжные, избранные, въ количествѣ шести человѣкъ, изъ ихъ собственныхъ товарищей, признаютъ «лучшимъ человѣкомъ». Всѣ смѣялись, когда это удивительное условіе стало извѣстно; смѣялись и кузены, но вскорѣ они стали чрезвычайно серіозны, когда разсудили, что дѣло идетъ не только о Долланѣ, но и объ Ульрикѣ, которую отецъ съ радостію отдалъ бы за владѣльца Доллана.

Вотъ тутъ-то и случилась престранная вещь: оба кузена, которые до сихъ поръ были неразлучны, начали идти каждый своею дорогою,—а тамъ, гдѣ не могли избѣжать другъ друга, смотрѣли одинъ на другаго такими серіозными, испытующими, почти враждебными глазами, которые повидимому говорили: ну, конечно, лучшій человѣкъ—я.

Во глубинѣ своего сердца каждый долженъ былъ сознаться, и каждый сознавался, что этотъ вопросъ, по меньшей мѣрѣ, очень спорный: такъ думали и говорили и шестеро судей, которые были избраны обоими братьями и приговору которыхъ они обѣщались безпрекословно повиноваться. Но эти шестеро судей были безукоризненные молодые люди, которые взялись за свою нелегкую задачу чрезвычайно серіозно, даже торжественно, и вели длинные чрезвычайно длинные переговоры, во время которыхъ выпивалось страшное количество добраго стараго краснаго вина и выкуривалось невѣроятное число трубокъ, пока наконецъ они не пришли къ слѣдующему результату, который былъ признанъ всѣми разумнымъ и вполнѣ соотвѣтствующимъ сущности дѣла.

Лучшимъ человѣкомъ изъ двухъ кузеновъ будетъ признанъ судьями и всѣми вообще тотъ, кто лучше разрѣшитъ тѣ шесть задачъ, которыя будутъ заданы ими.

Конечно, добрые кузены очутились бы въ плохомъ положеніи, еслибъ ихъ судьи черпали свою мудрость изъ какой нибудь философской или иной ученой книги; но ни одному изъ нихъ и на умъ этого не пришло. Лучшимъ человѣкомъ по ихъ усмотрѣнію будетъ тотъ, кто, во первыхъ, будетъ въ состояніи проѣхаться передъ судьями, черезъ двое сутокъ, на трехълѣтнемъ еще необъѣзженомъ жеребенкѣ четырьмя главными способами ѣзды: шагомъ, рысью, галопомъ и во весь опоръ; во вторыхъ, проѣдетъ долланскую пустошь отъ господскаго дома и до старой кузни на четверкѣ молодыхъ пылкихъ лошадей галопомъ и по назначенной линіи; въ третьихъ проплыветъ одну нѣмецкую милю, начиная отъ твердой земли и до одного изъ лежащихъ на якорѣ кораблей; въ четвертыхъ, выпьетъ отъ солнечнаго заката до солнечнаго восхода—дѣло было въ іюнѣ и ночи были коротки—дюжину бутылокъ краснаго вина, и въ пятыхъ: будетъ играть въ это самое время въ бостонъ съ тремя изъ судей, не сдѣлавъ ни одной грубой ошибки. Но если судьи—какъ почти всѣ ожидали—и тутъ еще не придутъ ни къ какому рѣшенію, то кузены должны будутъ сдѣлать, каждый на разстояніи двадцати пяти шаговъ, двѣнадцать выстрѣловъ изъ ружья въ цѣль, и кто прострѣлитъ больше колецъ, тотъ долженъ быть лучшимъ человѣкомъ и владѣльцемъ Доллана.

Но шестое испытаніе было назначено только по необходимости—и судьи неохотно рѣшились на него, такъ какъ не было ни одного ребенка, который бы не зналъ, что Богиславъ былъ не только лучшимъ стрѣлкомъ изъ двухъ, но самымъ лучшимъ на всемъ островѣ; но вѣдь надобно же было придти къ какому нибудь рѣшенію, а такъ какъ Адольфъ, надѣясь можетъ быть на то, что онъ выиграетъ призъ еще до этого, ничего не возражалъ противъ задачи № 6, то все было въ порядкѣ и состязаніе должно было начаться.

Оно началось и произошло согласно со всеобщими ожиданіями. Оба молодые неврода ѣздили на лошадяхъ, управляли экипажами, переплывали мили, пили по двѣнадцати бутылокъ вина и играли въ бостонъ такъ мастерски и безукоризненно, что самые пытливые глаза не могли найти никакого различія въ качествѣ всего дѣлаемаго ими

и судьи, скрѣпя сердце, должны были приступить къ послѣднему испытанію, въ результатѣ котораго не было уже ничего сомнительнаго.

И тяжело, страшно-тяжело было, конечно, на душѣ у бѣднаго Адольфа, когда онъ въ роковой день вышелъ на площадь. Онъ былъ въ большомъ унынiи и тайныя увѣщанія тѣхъ изъ судей, которые особенно благоволили къ нему, не повели ни къ чему: «Теперь вѣдь все тщетно», говорилъ онъ.

Но замѣчательно, что и Богиславъ былъ, повидимому, взволнованъ не только не меньше, но даже больше своего двоюроднаго брата. Онъ былъ блѣденъ, его большіе голубые глаза словно потухли и глубоко впали, — и особенно расположенные къ нему друзья замѣтили къ своему ужасу, что когда кузены пожали, какъ и всегда передъ началомъ состязанія, другъ другу руку, его рука—эта прежде столь сильная смуглая рука—дрожала, словно рука боязливой дѣвушки.

Кузены, которые должны были стрѣлять по очереди, бросили жребій; Адольфу достался первый выстрѣлъ. Онъ долго цѣлился, раза два останавливался и все-таки попалъ только въ предпослѣднее кольцо.

— Я зналъ это заранѣе, сказалъ онъ и провелъ у себя по глазамъ, и желалъ бы больше всего заткнуть себѣ уши, но все какъ то невольно прислушивался—и глубоко вздохнулъ, когда вмѣсто «центра», котораго онъ ожидалъ, былъ указанъ нумеръ послѣдняго кольца въ кружкѣ и одинъ изъ судей громко провозгласилъ этотъ нумеръ.

Возможно ли? ну, въ такомъ случаѣ есть еще надежда. Адольфъ собралъ всѣ свои силы; онъ стрѣлялъ все лучше и лучше—въ третье, четвертое, шестое, девятое и десятое, а потомъ опять въ шестое и въ десятое кольцо; а Богиславъ постоянно отставалъ отъ него на одно кольцо, ни больше ни меньше—постоянно на одно кольцо.

— Онъ играетъ съ нимъ, какъ кошка съ мышью, говорили между собою судьи послѣ первыхъ трехъ выстрѣловъ.

Но Богиславъ становился все блѣднѣе и блѣднѣе, а его рука съ каждымъ разомъ дрожала сильнѣе и успокоивалась только въ ту минуту, когда онъ дѣлалъ выстрѣлъ; но у него было постоянно однимъ кольцомъ меньше, чѣмъ у Адольфа, и наконецъ дошла очередь до послѣдняго выстрѣла, для Адольфа—самаго плохаго изъ всѣхъ. Въ своемъ страшномъ волненіи онъ раскололъ только ободокъ круга; если Богислафъ попадетъ теперь въ центръ, то все таки побѣда будетъ за нимъ: успѣхъ послѣдняго состязанія, богатое наслѣдство, прекрасная невѣста—все, все зависѣло отъ одного выстрѣла.

И блѣдный какъ смерть выступилъ впередъ Богиславъ, но его рука уже не дрожала; не колеблясь, словно рука и ружье составляли одно, цѣлился онъ, ни на одинъ волосокъ не измѣнялось положеніе блестящаго ствола, и вдругъ грянулъ выстрѣлъ. «Она тамъ», сказали судьи.

Указчики выступили впередъ, принялись искать; пуля не отыскивалась. Судьи подошли къ нимъ, принялись искать; пуля не отыскивалась. Неслыханное, почти невѣроятное сбылось—Богиславъ не попалъ даже въ кругъ.

Судьи съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга, и щадя бѣднаго Богислава, едва рѣшились высказать то, чего нельзя же было не сказать. Тутъ Богиславъ подошелъ къ своему двоюродному брату, который стоялъ съ потупленными глазами, словно стыдясь своей побѣды, и очевидно хотѣлъ сказать ему что-то, но слова такъ и замерли на его блѣдныхъ, дрожавшихъ губахъ. Тѣмъ не менѣе, это не могло быть проклятіемъ, потому-что онъ, рыдая, бросился Адольфу на шею, прижалъ его къ своей груди, потомъ вырвался отъ него и, не произнося ни одного слова, скрылся изъ виду.

Онъ продолжалъ пропадать. Многіе полагали, что онъ лишилъ себя жизни; другіе говорили, что онъ зарылся тамъ на сѣверѣ въ Норвегіи въ ледъ и снѣгъ, чтобы травить медвѣдей и волковъ,—и, можетъ быть, были правы.

Во всякомъ случаѣ, онъ не умеръ, но черезъ нѣсколько лѣтъ вдругъ явился въ имѣніи одного изъ своихъ друзей, который тоже принадлежалъ къ числу судей, и тутъ встрѣтился съ своимъ кузеномъ Адольфомъ и его молодой женой, Ульрикой—совершенно случайно, потому-что они ничего не слыхали о его возвращеніи,—и молодая женщина такъ испугалась, что упала въ обморокъ и насилу пришла въ себя. Она принадлежала къ тѣмъ именно, которые считали Богислава умершимъ, и не разъ спорила объ этомъ съ мужемъ, который утверждалъ противное. Поговаривали, что это не единственный спорный пунктъ между супругами, и дѣйствительно было не мало причинъ, вслѣдствіе которыхъ супружеское счастье молодой четы было не такъ полно, какъ слѣдовало бы. Хотя расточительнаго владѣльца Далица (который продалъ свое имѣніе господину Брандову—прадѣду Карла Брандова—и жилъ потомъ нѣсколько лѣтъ въ свое удовольствіе насчетъ кармана своего зятя), теперь уже не было въ живыхъ, но дочь наслѣдовала расточительныя склонности отца, Адольфъ былъ очень плохой хозяинъ.

Это послѣднее свойство не помѣшало ему конечно сдѣлать то, что предписывала ему уже одна только благодарность; и такимъ образомъ онъ—не смотря на возраженія своей супруги—пригласилъ бѣднаго Богислава посѣщать его въ Долланѣ и какъ можно больше оставаться у него. Богиславъ сначала противился, и не безъ основанія. Теперь открылось, что происходило во время состязанія въ стрѣльбѣ: теперь уже знали, что Ульрика дала знать Богиславу, вечеромъ наканунѣ, черезъ свою кузину и задушевную пріятельницу Эмму Далицъ, жившую у богатыхъ родственниковъ въ качествѣ бѣдной сироты,—что хотя бы весь свѣтъ призналъ его за лучшаго человѣка, но она никогда не пойдетъ за него замужъ, а выдетъ за одного только Адольфа, котораго она всегда любила и будетъ любить. Тутъ Богиславъ, такъ какъ у него уже не оставалось надежды получить возлюбленную, великодушно уступилъ своему кузену состояніе, которое не имѣло уже для него никакой прелести.

И такъ, Богиславъ долго сопротивлялся приглашенію своего счастливаго кузена, но потомъ все же явился—не больше какъ дней на восемь. Изъ этихъ восьми дней вышло восемь недѣль, изъ недѣлей мѣсяцы, изъ мѣсяцевъ годы, которыхъ набралось такъ много, что вотъ уже четвертое поколѣніе знало стараго Богислава Венгофа, или какъ его вообще называли, кузена Бослафа, владѣльцемъ долланскаго приморскаго дома. Потому-что туда-то онъ переселился послѣ первыхъ восьми дней, купивъ его за незначительную цѣну у правительства (выстроившаго его первоначально для караульни) вмѣстѣ съ небольшимъ количествомъ пахатной и луговой земли; но если такимъ образомъ приморскій домъ не принадлежалъ въ сущности Доллану, а былъ независимымъ владѣніемъ кузена Богислава, то тѣмъ болѣе принадлежалъ кузенъ Богиславъ Доллану, такъ что эта принадлежность образовала въ умахъ людей всевозможныя суевѣрныя представленія, въ которыхъ старикъ являлся то добрымъ, то злымъ духомъ Доллана, а въ

Аттака собакъ подъ Ургутомъ. Рис. Н. Каразинъ, грав. И. Матюшинъ.

особенности фамилiи Венгофъ. Ахъ, онъ не могъ—если только онъ былъ добрымъ духомъ—воспрепятствовать паденiю этого дома и тому, что уже сынъ Адольфа и Ульрики, въ которомъ было много далицскихъ свойствъ, долженъ былъ продать въ концѣ прошлаго столѣтiя Долланъ монастырю св. Юргена и еще считалъ за счастье, что оставался арендаторомъ тамъ, гдѣ былъ до сихъ поръ господиномъ; кузенъ Бослафъ не могъ помѣшать этому, а также и ничему тому, что случалось съ тѣхъ поръ вплоть до сегодняшняго дня!

— Скажите пожалуйста! сказалъ про себя Готтгольдъ,—какъ можно однакоже отуманить себѣ здоровый мозгъ шумомъ лѣса, журчанiемъ источника и старыми исторiями! это, должно быть, змѣя околдовала меня своими холодными сверкающими глазами — и эти чары еще длятся. Ну, ея царство кончилось. Тамъ между вѣтвями, блеститъ море, мое возлюбленное, чудное море. Его свѣжее дыханiе прохладитъ мой горячiй лобъ. А онъ, этотъ старикъ, который живетъ тамъ,—который понялъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ суровое слово «отреченiе»,—который отказался отъ власти, богатства и благосклонности женщинъ, чтобы не погубить самого себя, чтобы остаться самимъ собою,—все же таки онъ былъ лучшимъ и мудрѣйшимъ человѣкомъ.

Продолжая по прежнему идти вдоль ручья, который, теперь, помѣрѣ приближенiя къ своему устью, нетерпѣливѣе и отважнѣе прежняго бѣжалъ внизъ, образуя, мѣстами небольшiе каскады, съ плескомъ и журчанiемъ низвергавшiеся съ поросшаго гигантскими кустами папоротниковъ и роскошнѣйшею травою ущелья,—Готтгольдъ достигъ черезъ нѣсколько минутъ берега. По правую руку, почти на самой оконечности мыса, который, будучи покрытъ, какъ и весь прочiй берегъ, большими и маленькими камнями, выходилъ шаговъ на двѣсти въ море,—стоялъ домъ кузена Бослафа. Съ высокаго шеста на конькѣ крыши развѣвался старый флагъ, который Готтгольдъ очень хорошо помнилъ. Онъ былъ первоначально шведскiй, но, благодаря вѣтру и непогодѣ, съ теченiемъ времени, до такой степени слинялъ и потребовалъ столько заплатокъ, что власти не могли уже оскорбляться этимъ напоминанiемъ чуждаго владычества, если только вообще онѣ заботились о томъ, что дѣлаетъ Бослафъ. Но вотъ этого-то именно они никогда и не дѣлали, и такимъ образомъ старое знамя весело развѣвалось, шумѣло и трещало на свѣжемъ вѣтрѣ, который все усиливался, въ то время какъ Готтгольдъ стоялъ передъ низенькимъ, выстроеннымъ вчернѣ, отчасти изъ неотесанныхъ валуновъ, строенiемъ, единственная дверь котораго была устроена съ береговой стороны. Эта дверь была заперта; въ оба маленькiя окна съ желѣзными рѣшетками, направо и налѣво, посредствомъ которыхъ освѣщались кухня и кладовая,—онъ не могъ заглянуть, такъ какъ они были расположены выше человѣческаго роста, почти подъ крышею; а два другiя окна побольше этихъ, на лицевой сторонѣ, обращенной къ морю, были закрыты крѣпкими желѣзными ставнями. Кузена Бослафа очевидно не было дома.

— Конечно, сказалъ Готтгольдъ, — если по прошествiи десяти лѣтъ, вы не находите уже въ его старомъ домѣ того, кого вы оставили восмидесятилѣтнимъ старикомъ, то тутъ нечему еще удивляться.

А между тѣмъ онъ не допускалъ и мысли, чтобы старикъ умеръ. Онъ только что такъ много думалъ объ немъ; онъ такъ ясно видѣлъ его своими глазами: высокая, тонкая фигура, идущая большими, ровными шагами, такая же какою она представлялась тогда его тѣлеснымъ глазамъ. Нѣтъ, нѣтъ, этотъ старикъ изъ породы гигантовъ—онъ конечно пережилъ это непродолжительное время. А потомъ, домъ и окрестность—маленькiй переднiй дворикъ, обнесенный циклопической стѣною, крошечный, обнесенный заборомъ изъ раковинъ садикъ—не имѣли того вида какъ будто бы они давно уже были предоставлены самимъ себѣ. Все было въ прекрасномъ состоянiи и содержалось въ такой же чистотѣ какъ и при старикѣ; маленькiй мостъ во внутренней бухтѣ, у котораго онъ привязывалъ свою лодку, былъ должно-быть даже недавно поправленъ, какъ Готтгольдъ могъ видѣть это по свѣжимъ, тщательно вставленнымъ кускамъ дерева. Но лодки не было; безъ сомнѣнiя, кузенъ Бослафъ отправился въ ней куда нибудь. Конечно это было не въ его привычкахъ, но вѣдь образъ жизни старика могъ въ послѣднiе годы измѣниться.

День далеко уже подвинулся впередъ; дорога черезъ ущелье къ приморскому дому заняла больше времени, чѣмъ предполагалъ Готтгольдъ. Онъ думалъ подождать еще съ часъ кузена Бослафа, а потомъ возвратиться къ могилѣ гунновъ, писать картину вплоть до солнечнаго заката, прiютиться на ночь въ кузницѣ, а завтра рано опять отъискивать стараго друга и конечно съ большимъ успѣхомъ. Потомъ онъ могъ пробыть до полудня въ городѣ—и простившись съ Вольнофами, безъ отлагательства ѣхать съ Iохеномъ дальше. Онъ располагалъ вчера окончить картину въ городѣ, но завтра вечеромъ, какъ разсказывалъ Iохенъ, *они* возвратятся изъ Плюгенъгофа опять черезъ это мѣсто, и онъ не хотѣлъ вызывать во второй разъ случая, который сохранилъ его сегодня утромъ отъ встрѣчи съ Карломъ Брандовомъ.

Молодой человѣкъ расположился на береговомъ возвышенiи въ тѣни буковъ, которые шли здѣсь вплоть до крутаго обрыва. Привыкнувъ, еще со времени своихъ первыхъ артистическихъ поѣздокъ, довольствоваться полдня, а иногда и цѣлый день, кускомъ хлѣба да глоткомъ изъ своей походной фляжки, онъ не ощущалъ и теперь голода, но чувствовалъ себя утомленнымъ какъ будто бы послѣ долгой ходьбы. И вотъ, когда онъ лежалъ тутъ такимъ образомъ и въ головахъ у него шумѣли буки, а разбивавшiеся о каменистый берегъ волны пѣли подъ нимъ свою монотонную пѣсню, его утомленные отъ долгаго пристальнаго созерцанiя безконечной пустыни глаза мало по малу закрылись.

(Продолженiе будетъ).

Аттака собакъ подъ Ургутомъ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ Туркестанца).

Никакая европейская война не представляетъ собою такого разнообразнаго выбора эффектнѣйшихъ эпизодовъ, какъ тѣ войны, которыя ведутся на окраинахъ цивилизованнаго мiра, съ почти полудикимъ непрiятелемъ.

Грандiозные ужасы первой,—эти колосальныя побоища, гдѣ въ нѣсколько часовъ погибаютъ десятки тысячь человѣкъ, имѣютъ дѣйствiе притупляющее самые неподатливые нервы (слишкомъ много крови, чтобы нельзя

было наконецъ къ ней привыкнуть) и наблюдатель, пораженный съ самаго начала, постепенно приходитъ въ себя и равнодушно относится къ адскому грому чудовищныхъ орудій, хладнокровно отмѣчая, въ своихъ памятныхъ листкахъ, жертвы происходящей передъ его глазами катастрофы.

Во второмъ случаѣ, на сцену выступаютъ уже не стотысячныя массы, а отдѣльные, единоличные актеры; вы можете слѣдить за рядомъ личныхъ подвиговъ, разнообразіе которыхъ разростается совмѣстно съ разнообразіемъ характера исполнителей. Живой интересъ растетъ съ каждою минутою боя: комизмъ положеній потрясающимъ образомъ смѣшивается съ мрачной трагедіей смерти. Крайнее неравенство силъ, разнообразіе введеннаго въ дѣло оружія, пестрота и разнохарактерность костюмовъ и типовъ; наконецъ, религіозная ненависть, борьба за свои семьи и свободу, всѣ ужасы и безвыходность могущаго случиться плѣна,—разжигаютъ личныя страсти до невѣроятныхъ предѣловъ, и передъ вашими глазами развертывается картина такой оригинально-ужасной борьбы, что вы какъ очарованные не можете оторвать своихъ глазъ отъ страшной арены—и понимаете, что должны были испытывать древніе римляне въ своемъ колизеѣ.

Такимъ характеромъ отличаются войны французовъ въ Алжирѣ, войны которыя велись американцами съ ордами краснокожихъ, и, наконецъ, войны которыя ведутъ наши боевые туркестанскіе баталіоны въ самой глубинѣ центральной Азіи.

Оторванные отъ своихъ семей, отъ своихъ деревень, отъ всего, что только хотя чѣмъ нибудь можетъ напоминать далекую родину, наши солдаты, безъ малѣйшаго ропота, идутъ черезъ безконечныя степи, черезъ мертвые, сыпучіе пески, черезъ горы упирающіяся въ небо своими снѣжными вершинами,—и забираются все дальше и дальше на югъ («все на полдень» какъ выражаются они сами) въ самое сердце неизвѣданной, враждебной Азіи.

Много бѣдъ, много тяжелыхъ нуждъ терпитъ нашъ солдатъ въ этихъ геройскихъ походахъ,—походахъ, съ которыми могутъ только сравняться походы Анибала, походы Александра Македонскаго.

Въ памяти полудикихъ народовъ центральной Азіи, переходя изъ рода въ родъ, разростаясь до сказочныхъ, баснословныхъ размѣровъ, хранятся еще намеки на грандіозныя, завоевательныя попытки Македонскаго героя; его называютъ въ легендахъ и пѣсняхъ кочевниковъ «Улькунъ Искандеръ»—и свято чтитъ суевѣрный дикарь память этаго гиганта, приходившаго съ юга. Теперь видятъ новыхъ пришельцевъ, съ противуположной стороны,—пришельцевъ, передъ горстью которыхъ бѣгутъ несмѣтныя полчища, падаютъ одно за другимъ сильныя, до сихъ поръ считавшіеся непобѣдимыми ханства. И вотъ, народная фантазія слагаетъ новую легенду..... Она говоритъ, что эти группы людей въ бѣлыхъ рубашкахъ, съ страшными дальнобьющими ружьями, суть передовые отряды того же самаго великаго Искандера, который не умеръ, а весь этотъ длинный рядъ вѣковъ употребилъ на то, чтобы обойти всю землю и зайти со стороны, противуположной его прежнимъ походамъ,—съ сѣвера.

Тяжела походная жизнь русскаго солдата въ этой дикой сторонѣ; только закаленная, гибкая натура славянской расы можетъ бороться со всѣми препятствіями, которыя ставитъ на каждомъ шагу суровая природа, не скупящаяся разсѣявать повсюду всякія невзгоды. Особенно тяжело было прежде, когда наши завоеванія не получили еще серіознаго политическаго значенія. Теперь уже многое не то. Въ главныхъ пунктахъ, въ путевыхъ узлахъ, словно изъ земли выросли города, поднялись крѣпости, прокладываются новые, удобные пути; во-время снабжаются войска и хлѣбомъ и одеждою,—и солдатъ, сдѣлавшій трудный пятидесятиверстный переходъ, разсчитываетъ попасть на все готовое, и вдосталь отдохнуть отъ трудовъ..... Но давно-ли было, когда отряды наши шли ощупью, сами не зная куда, сами не зная кого имъ прійдется встрѣтить, съ кѣмъ драться и, частенько, сами не зная—зачѣмъ?

Да, то было другое время! трудное, «горевое», какъ выражаются солдаты, вспоминая о недавнихъ походахъ; но это время имѣло и свою увлекательную сторону, это время создало особый, оригинальный типъ русскаго солдата, типъ Черняевскаго туркестанца.

Вымираютъ старые солдаты—то въ гошпиталяхъ, отъ мѣстныхъ, губительныхъ горячекъ, то въ бою, всегда первые подставляя свою безшабашную голову; немногіе уходятъ назадъ въ забытую родину, дослуживъ таки свою долгую, срочную службу,—и рѣдѣютъ ряды степныхъ ветерановъ. Но старый закалъ, этотъ своеобразный боевой духъ заразительно дѣйствуетъ на массу, и долго еще сохранится этотъ особый колоритъ,—развѣ совсѣмъ затихнутъ походы, совсѣмъ прекратятся наши азіатскія войны; а это возможно развѣ только тогда, когда вся Азія обратится въ Тулу или Калугу,—то есть никогда или, по крайней мѣрѣ, въ весьма отдаленномъ будущемъ.

Средне-азіатскія войны выработали особый типъ нашихъ солдатъ, выработали совершенно особую, оригинальную тактику, къ которой совсѣмъ непримѣнимы сложныя хитросплетенія военной науки европейскихъ армій. Да и какъ же могло быть иначе? Отряды въ три или четыре роты (около четырехъсотъ солдатъ) считаются здѣть сильными арміями—и этимъ крохотнымъ горстямъ приходится сталкиваться съ непріятелемъ считающимъ въ своихъ рядахъ десятки тысячъ и даже сотни; подобное неравенство силъ не предвидѣла ни одна военная наука. И только безумная отвага, превосходное оружіе, а главное, таинственное обаяніе непобѣдимости «бѣлыхъ рубахъ» позволяетъ намъ съ успѣхомъ выдерживать эту неравную борьбу.

«Впередъ и постоянно впередъ»—вотъ единственный фундаментъ туркестанской тактики. Отступленіе, нерѣшительность не могутъ имѣть тутъ мѣсто. Иначе, малѣйшее колебаніе можетъ разрушить, или хотя поколебать это таинственное обаяніе,—и тогда, масса, сломивъ главную преграду, раздавитъ эту горсть храбрецовъ, и не помогутъ ей ни винтовки «минье», ни даже вновь присланныя картечницы.

Знойный, удушливый день; солнце поднялось надъ самой головой и палитъ все живое своими отвѣсными лучами. По степной, широко раскатанной дорогѣ клубится густая пыль; въ этихъ облакахъ, медленно, разгоняемыхъ лѣнивымъ вѣтромъ, сверкаютъ по временамъ блестящія тѣни, мелькаютъ красныя тряпки значковъ, бѣлѣютъ холщевыя рубахи: это идетъ отрядъ. Не такой отрядъ, который тянется на нѣсколько верстъ, занимая дорогу своими обозами, пушками, массами конницы и пѣхоты;—нѣтъ: онъ весь какъ на ладони, тутъ все: и арьергардъ и авангардъ и обозы.......

На маленькой азіатской лошадкѣ, лѣниво согнувшись

на казачьемъ сѣдлѣ, плетется шажкомъ командиръ... Онъ въ шелковой бѣлой рубахѣ, на которой пристегнуты погоны, обозначающіе рангъ офицера; на головѣ у него широкая, русская фуражка, вся бѣлая съ большимъ холщевымъ назатыльникомъ, спускающимся назадъ въ полъспины; красныя кожаныя шаровары и высокіе походные сапоги завершаютъ оригинальный костюмъ,—далекій отъ установленныхъ, совершенно не практичныхъ форменныхъ костюмовъ, но за то не сочиненный фантазіей одного какого либо лица, а выработанный цѣлымъ рядомъ опытовъ и совершенно удовлетворяющій всѣмъ климатическимъ условіямъ. Съ боку у него виситъ не та неуклюжая, на весь околодокъ гремящая, совершенно никуда не годная сабля въ металическихъ ножнахъ, которою вооружены чуть ли не всѣ европейскія арміи,—а легкая, острая какъ бритва, азіатская шашка, кокетливо, не стѣсняя движенія, перекинуая черезъ плечо на тонкомъ ремешкѣ. За плечами у офицера двухстволка (не для боя, а такъ, при случаѣ стрѣльнуть по фазану или какой нибудь мѣстной дичи, которая и пополнитъ на привалѣ незатѣйливый ужинъ туркестанскаго офицера).

Нѣсколько туземныхъ джигитовъ, въ оборванныхъ красныхъ халатахъ, въ широкихъ чалмахъ или остроконечныхъ хивинскихъ шапкахъ, сопровождаютъ командира: это и лазутчики, и «проводники», все что хотите. Это волонтеры, цѣль которыхъ война, не разбирая за что и съ кѣмъ. Совершенно добровольно пристраиваются они къ нашимъ отрядамъ и довольствуются только возможностью пограбить втихомолку послѣ удачнаго дѣла.

Согнувшись, закинувъ за плечи штуцера, навьюченные словно верблюды, бредутъ поднимая пыль линейные солдаты. Притомились они; липкій потъ грязными ручьями струится по загорѣлымъ лицамъ, пересохли губы и потрескались, пытливо смотрятъ глаза изъ подъ бѣлыхъ козырковъ шапокъ—они видятъ далеко на горизонтѣ синѣющія вершины холмовъ—у этихъ холмовъ вода, тамъ ночлегъ и отдыхъ; но эту воду, этотъ отдыхъ надо прежде взять съ боя. Недаромъ на горизонтѣ тоже разгуливаютъ по необъятной степи легкія облака пыли. То не вѣтеръ крутитъ, поднимая пески съ обгорѣлой степи; то тысячи невидимыхъ пока за далью конскихъ ногъ переносятся съ мѣста на мѣсто, горячась подъ своими разнообразными всадниками.

Врагъ близко. Его чуютъ наши туземные волонтеры и суетятся, безпрерывно приподнимаясь на высокихъ стременахъ, силясь разглядѣть что нибудь за этою пылью; его чуютъ и наши бывалые степные ветераны, осматривая на ходу замки своихъ винтовокъ.

Киргизы, при вьючныхъ верблюдахъ, дикими криками и ударами ногаекъ сгоняютъ растянувшихся по дорогѣ верблюдовъ,—а то неравно отхватятъ лихіе наѣздники, которые все ближе и ближе стягиваются къ нашему отряду, замыкая свой волнующійся, живой кругъ. Окружить маленькій русскій отрядъ и налетать на него со всѣхъ сторонъ—вотъ единственная тактика азіатовъ.

— Теперича гранатою бы въ нихъ!... говоритъ одинъ солдатъ другому, закусывая туземною лепешкою, которую раздобылъ изъ своего мѣшка-магазина.

— Далеко; погоди, ближе подойдутъ, отвѣчаетъ другой.

— Чего далеко? ежели по той кучѣ — такъ въ самый разъ.....

Раздается собачій лай и злое, разнохарактерное тявканье.... Это ротныя собаки, которыя все время носились по степи, вылавливая сусликовъ и другую степную живность; а теперь, почуявши близость ненавистнаго врага, собрались всѣ къ своимъ хозяевамъ и злобно рычатъ, вглядываясь въ далекія массы вражескихъ джигитовъ.

На досугахъ, во время мирныхъ стоянокъ, солдаты, лишенные общества, въ которомъ они могли бы найти хоть какое либо развлеченіе,—находятъ себѣ другого рода забавы..... Они заботливо выкармливаютъ всѣхъ щенятъ и усердно занимаются ихъ дрессировкою. Едва только какая нибудь косматая Жучка или Діанка принесетъ многочисленноо потомство, какъ уже всѣхъ щенятъ разобрали по рукамъ; начинается самое заботливое ухаживаніе, а потомъ, когда малолѣтки станутъ прочно на своихъ косматыхъ ножкахъ, они поступаютъ въ солдатскую науку.. «Потому, хозяинъ служитъ—и ты служи» говоритъ усатый ветеранъ, весь увѣшанный георгіевскими петличками, сосредоточенно устанавливая лохматаго «Шарика» на заднія лапки.

Въ число этихъ разнообразныхъ штукъ «солдатской науки» входитъ обязательнымъ образомъ.... бросаться на всѣхъ, кто только подходитъ къ отряду въ азіатскомъ костюмѣ.

Большаго труда стоитъ потомъ удержать этихъ понятливыхъ псовъ отъ самой яростной аттаки на ненавистные халаты—и наши милиціонеры-туземцы только тогда могутъ быть покойны, когда собаки успѣютъ привыкнуть и приглядѣтся къ ихъ лицамъ и поймутъ, что это союзники, а не враги, и что ихъ рвать не слѣдуетъ.

Откормленныя до сыта, выросшія въ холѣ и нѣгѣ, эти собаки достигаютъ иногда значительныхъ размѣровъ и значительной силы—и съ помощью своей природной отваги, пренебрегая сабельными ударами и уколами пикъ, онѣ яростно нападаютъ на чужихъ всадниковъ и частенько стаскиваютъ съ сѣдла, уцѣпившись зубами за широкія полы халата.

Горе упавшему, горе тому кого собьетъ перепуганная лошадь—его заживо, буквально, разорвутъ озлившіяся, науськанныя собаки.

Туркестанскій солдатъ въ своихъ Жучкахъ, Валеткахъ, Куцыхъ и Діанкахъ имѣетъ самыхъ надежныхъ союзниковъ, въ преданности которыхъ онъ можетъ быть совершенно слѣпо увѣренъ.

Роль, которую играютъ собаки при отрядахъ, весьма серіозна—и пренебрегать услугами этого животнаго въ военномъ дѣлѣ никогда не слѣдуетъ.

Особенно эта услуга важна въ аванпостной, сторожевой службѣ.

Утомленный громаднымъ переходомъ,—такимъ, для котораго какому нибудь гвардейскому батальону понадобилось бы четыре дня, не менѣе,—невольно дремлетъ, облокотившійся на ружье часовой; но не дремлетъ за него косматый Шарикъ, и свернувшись клубочкомъ у ногъ своего хозяина, чутко поводитъ своими короткими ушами. Покойно могутъ спать солдаты, какъ бы ни былъ близокъ врагъ, зная, что ихъ многочисленные псы подымутъ оглушительную тревогу при малѣйшемъ его приближеніи.

Въ одномъ изъ горныхъ нашихъ походовъ, вой собакъ предупредилъ отрядъ почти за часъ до появленія непріятельскихъ всадниковъ. А сколько лазутчиковъ, сколько одинокихъ джигитовъ, подползавшихъ къ сонному отряду, были буквально пойманы нашими собаками.

Не даромъ обходятся псамъ ихъ геройскіе, боевые подвиги; въ пестрыхъ стаяхъ ротныхъ собакъ вы всегда найдете болѣе трети калѣкъ—то трехногихъ, то съ обруб-

леннымъ ухомъ, то покрытыхъ полу-зажившими широкими рубцами;—и какъ заботливо ухаживаютъ солдаты за ранеными псами! они не дѣлаютъ разницы между заботой о псѣ и человѣкѣ и ровно относятся и къ тому и другому.

На мой вопросъ, послѣ ургутскаго дѣла: — А убитыхъ сколько?—одинъ изъ унтеръ-офицеровъ мнѣ отвѣчалъ совершенно серiозно:

— Пятеро, ваше благородiе, Данило Максимовъ, Никита Ершовъ, Павелъ Ивановъ, «Волчекъ» и «Куцый». Да, Волчекъ и Куцый, сосчитаны были тоже въ числѣ павшихъ героевъ.

Рисунокъ нашъ изображаетъ одну изъ характернѣйшихъ сценъ подобной собачьей аттаки въ одномъ изъ сраженiй «бухарскаго похода» въ 1868 году—именно эпизодъ передъ штурмомъ горнаго селенiя «Ургутъ».

Еще съ вечера, отрядъ нашъ, состоявшiй изъ шести ротъ пѣхоты, сотни казаковъ и двухъ пушекъ, остановился на ночлегъ въ виду Ургута, до котораго оставалось не болѣе пяти верстъ. Передъ нашими глазами высоко поднимались темныя, горныя громады—и только скалистыя вершины ихъ были залиты краснымъ свѣтомъ заходившаго солнца. Не то туманъ, не то облака ползли по горамъ, спускаясь все ниже и ниже; въ этихъ дымчатыхъ полосахъ виднѣлись темныя пятна—это были сады, окружающiе горное селенiе; кое гдѣ искрилися яркiя точки разложеныхъ огней и глухо доносился гулъ вѣтра, прорывавшагося въ горномъ ущельѣ—при входѣ въ которое и расположенъ былъ Ургутъ, — это сторожевое гнѣздо непокорныхъ горцевъ.

Всю ночь велись длинные переговоры; прiѣзжали изъ Ургута какiе-то странные всадники, быстро уѣзжали, возвращались снова, и снова начинались безконечныя трактованiя. Впослѣдствiи мы узнали, что все это было только военной хитростью—непрiятелю надо было выиграть время, такъ какъ мы нагрянули совершенно врасплохъ, и они боялись, что мы начнемъ дѣло тотчасъ же, не откладывая атаки до слѣдующаго утра.

Всю ночь, между тѣмъ, въ тѣсныхъ улицахъ селенiя воздвигались барикады, заваливались дороги и рылись оборонительныя канавы.

Утромъ на разсвѣтѣ, отрядъ нашъ, совершенно отдохнувшiй и плотно закусившiй жирныхъ мясныхъ щей, тронулся къ горамъ. Не доходя версты до садовъ, мы стали чтобы еще разъ попытаться склонитъ ургутцевъ къ покорности. Но теперь тонъ уже перемѣнился, и намъ отвѣчали самыми оскорбительными насмѣшками. Намъ говорили: «Къ нашему городу подходилъ Тамерланъ (такъ написано въ нашихъ книгахъ) и ушелъ ни съ чѣмъ. На насъ шолъ Эмиръ Бухарскiй и осрамилъ только свою бороду—положите и вы грязь на свою голову;—но у Эмира было войско: сколько глазъ ни видѣлъ съ высоты нашихъ горъ все это было покрыто его сорбазами; его зеленыя палатки тянулись вдоль, вплоть до самаго неба. А вы съ чѣмъ пришли, гдѣ ваше войско? Это чтоль?» и они презрительно поглядывали на нашъ крошечный отрядъ, на наши единственныя двѣ пушки, и даже сплевывали въ сторону, чтобы выказать намъ своей полнѣйшее презрѣнiе.

Дѣлать было нечего, пришлось атаковать страшный Ургутъ и показать горцамъ, что иногда горсть бѣлыхъ рубахъ значитъ больше чѣмъ несмѣтныя полчища красныхъ куртокъ.

Къ вечеру Ургутъ палъ. Онъ былъ разграбленъ до тла и пылалъ, поднимая высокiе столбы чернаго дыма. Но эта адская аттака и намъ обошлась не дешево. Свирѣпо дрались ургутцы, шагъ за шагомъ защищая каждый кустъ своихъ родныхъ садовъ, каждую саклю своего селенiя. Хвастливыя власти, ведшiя съ нами переговоры, бѣжали прежде всѣхъ—и настоящими защитниками оказались не воины, а жители вольнаго селенiя.

Покуда велись утреннiе переговоры, нетерпѣливые ургутскiе наѣздники все ближе и ближе подскакивали къ нашимъ ротамъ и задирали нашихъ солдатъ, спокойно дожидающихся сигнала аттаки, то вызывающимъ гиканьемъ, то задорною бранью, а то подчасъ и маленькой, уныло гудящею пулькою, выпущенною изъ дула фитильнаго мултука (родъ ружья) съ подсошкою.

Ободренные безнаказанностью, джиты все ближе и ближе подскакивали, и наконецъ появились уже не болѣе какъ во ста шагахъ передъ нашимъ фронтомъ. Тогда выведенные изъ терпѣнiя солдаты пустили на нихъ своихъ псовъ, давно уже рвавшихся отъ нетерпѣнiя,—и началась отчаянная травля. Ближайшiе смѣльчаки разомъ поплатились за свою отвагу, и непрiятельская кавалерiя должна была отступить передъ своими четвероногими противниками. Еслибы боевые подвиги собакъ записывались въ военныя лѣтописи человѣчества, то 12 мая 1868 года заняло бы одну изъ блестящихъ страницъ военной исторiи.

Н. Каразинъ.

Партiя вчетверомъ.

Повѣсть Эрнста Экштейна.

(Окончанiе).

Тѣмъ временемъ поручикъ съ лихорадочнымъ нетерпѣнiемъ дожидался своего новаго друга у большой липы. Онъ былъ на мѣстѣ еще въ десять часовъ. Сто разъ прошелся онъ взадъ и впередъ по маленькой просѣкѣ, поглядывая направо и налѣво, какъ человѣкъ который не знаетъ, съ которой стороны придетъ къ нему рѣшенiе судьбы. Отъ времени до времени онъ останавливался и прислушивался. Все тихо. «Конечно,» сказалъ онъ самому себѣ, «я пришелъ почти часомъ раньше! Но все равно! Еслибъ онъ зналъ какая тоска палитъ меня, еслибъ онъ имѣлъ понятiе о томъ, что такое истинная, пламенная любовь, онъ давно уже прилетѣлъ бы сюда на крыльяхъ бури—не заботясь о буквальномъ исполненiи нашего условiя. Нѣтъ, онъ никогда не любилъ Эмми!.. Или ужь не раскаявается ли онъ во вчерашнемъ обѣщанiи? Га, безумная мысль! Неужели злодѣй вознесъ меня на вершину счастья для того только, чтобъ повергнуть меня потомъ въ бездну несчастiя? Глупость! Я неблагодаренъ! У него великое, благородное сердце! Кто знаетъ, можетъ быть его великодушiе сопряжено съ тайною борьбою, которая тѣмъ убiйственнѣе, что онъ мастерски умѣетъ маскировать ее! Потерять Эмми — что можетъ сравниться съ этимъ несчастiемъ? Но нѣтъ. Онъ былъ такъ спокоенъ, такъ веселъ... Сердце у него тутъ ни при чемъ...

Онъ вынулъ часы.

— Четверть одинадцатаго! пробормоталъ онъ. — Еще три четверти, если только онъ акуратенъ.

Тутъ до его слуха донесся стукъ колесъ. Онъ бросился

къ большой дорогѣ. Къ своему неописанному удивленію, онъ увидалъ своего вчерашняго доброжелательнаго друга рядомъ съ Луизой, его милой кузиной. Но что удивило его еще больше, чѣмъ это *tête-à-tête* въ одноколкѣ, — это то необъяснимое для него обстоятельство, что экипажъ поворилъ въ эту самую минуту назадъ, чтобы ѣхать въ городъ.

Проницательный читатель конечно съумѣетъ объяснить себѣ этотъ фактъ лучше нашего героя. Когда первое упоеніе обоихъ любящихся прошло, разсудокъ вступилъ въ свои права. Леопольдъ готовъ былъ ѣхать цѣлую вѣчность, но онъ вспомнилъ объ условіи съ поручикомъ. Съ своей стороны и Луиза догадалась, что мнимая поѣздка на дачу была только военная хитрость; при такихъ обстоятельствахъ она не могла сопровождать своего жениха, еслибъ даже этотъ послѣдній, какъ онъ шутя увѣрялъ ее, сталъ говорить съ своей бывшей тещей о совершенно постороннихъ дѣлахъ. О родственныхъ отношеніяхъ Луизы къ молодому буяну, которому онъ назначилъ свиданіе подъ липою, Леопольдъ не имѣлъ и понятія; иначе, при его пристрастіи къ пикантнымъ положеніямъ, онъ начертилъ бы можетъ быть еще другой планъ битвы. Но при настоящемъ положеніи дѣлъ ему не оставалось ничего больше, какъ исполнить желаніе своей прекрасной невѣсты и ѣхать назадъ.

Поручикъ, фигура котораго скрывалась за чащей кустарниковъ почти въ человѣческій ростъ вышиною, росшихъ у шоссе, не былъ замѣченъ ни Леопольдомъ, ни Луизою. Его проницательной взоръ открылъ ихъ однакоже, какъ мы уже говорили. Пылая страстнымъ желаніемъ рѣшить эту загадку тутъ же на мѣстѣ, онъ быстро вышелъ изъ кустовъ, приставилъ обѣ руки ко рту въ видѣ рупора и закричалъ уѣзжающимъ во все горло:

— Кузина! Кузина! Эй, вы! Докторъ! Это я! Кузина!

Леопольдъ и его спутница обернулись съ выраженіемъ величайшаго удивленія.

— Ахъ, Боже мой, да вѣдь это кузенъ Отто! сказала молодая женщина, слегка покраснѣвъ.

— Твой кузенъ, душа моя? это тотъ самый сумасшедшій офицеръ, который вчера хотѣлъ, во чтобы то ни стало, стрѣляться со мною!

Поручикъ кивнулъ головою и закричалъ еще громче и неистовѣе.

— Назадъ! гремѣло по тихому сосновому лѣсу.

Леопольдъ сразу увидалъ положеніе дѣлъ въ новомъ свѣтѣ. Отважная мысль въ одну минуту созрѣла въ умѣ его. Если Луиза — кузина поручика, то ея присутствіе въ замкѣ имѣло извѣстную опредѣленность. Кромѣ того, какъ человѣкъ опытный, онъ вѣрилъ въ свой тактъ и ловкость и надѣялся обойти со славою всѣ утесы этого затруднительнаго положенія. Его моральное превосходство, краснорѣчіе совершившихся фактовъ, стыдъ, неожиданность и надежда найти, несмотря на эту неожиданную путаницу, удовлетворительное (по крайней мѣрѣ хоть сравнительно) разрѣшеніе, — противъ такихъ вещей не могла бы устоять даже женщина съ характеромъ надворной совѣтницы. Мысль представить въ одно время свою невѣсту и жениха Эмми — заключала въ себѣ для него что-то столь привлекательное, что онъ рѣшился употребить всевозможныя средства для того, чтобъ склонить Луизу на это дѣло.

Прежде всего онъ обратился къ Отто и къ сильно разгорѣвшейся Луизѣ съ слѣдующей рѣчью.

— Господинъ поручикъ, честь имѣю представить вамъ мою невѣсту, Луизу фонъ Устендорфъ, урожденную фонъ Гергардтъ. Луиза, позволь мнѣ познакомить тебя съ счастливымъ женихомъ Эмми.

Послѣдовали вопросы и объясненія, которые мы считаемъ излишнимъ передавать нашимъ читателямъ. Луиза стала упрекать своего кузена, что, не смотря на свое обѣщаніе, онъ приступилъ къ исполненію своего безбожнаго намѣренія въ тотъ же самый вечеръ. Отто оправдывался прекраснымъ результатомъ своей глупости и въ самыхъ жаркихъ выраженіяхъ говорилъ о своихъ дружескихъ чувствахъ къ бывшему жениху Эмми, который сталъ для него теперь вдвойнѣ дорогъ. Влюбленные поздравляли себя на всевозможные лады и наконецъ перешли къ неизбѣжному: — что теперь дѣлать?

Леопольдъ, съ свойственнымъ ему даромъ слова, сію же минуту развилъ задуманный имъ планъ и такъ успѣшно отразилъ возраженія Луизы, что она наконецъ согласилась на все, — съ тѣмъ условіемъ, чтобы вся отвѣтственность за это дѣло пала на голову ея возлюбленнаго. Отто съ самаго начала пришолъ въ восторгъ отъ проекта Леопольда и такимъ образомъ стали приготовляться къ атакѣ. Поручикъ помѣстился на запяткахъ, докторъ насупротивъ него; Луиза покачала еще разъ своею прекрасною головою, какъ бы сомнѣваясь въ успѣхѣ, — и экипажъ понесся къ недалеко лежащей дачѣ.

— Съ вами ли фотографическая карточка? спросилъ Леопольдъ, выскакивая изъ экипажа и бросая возжи прибѣжавшимъ крестьянскимъ парнямъ.

— Портретъ Эмми?

— Тотъ, на которомъ такая трогательная надпись?

— Разумѣется, докторъ.

— Одолжите ли вы его мнѣ на нѣсколько минутъ?

— Съ удовольствіемъ.

— Ну, такъ къ дѣлу!

Надворная совѣтница не мало удивилась, когда горничная доложила ей о пріѣздѣ трехъ гостей. Ея удивленіе перешло въ остолбенѣніе, когда она увидала поручика, котораго она именнымъ указомъ запретила пускать къ себѣ съ мѣсяцъ тому назадъ.

— Я привезъ къ вамъ, многоуважаемая госпожа совѣтница, своихъ родственниковъ, сказалъ Леопольдъ съ вѣжливымъ поклономъ.

— Чрезвычайно пріятно, господинъ зять... Сдѣлайте одолженіе, садитесь.

Луиза и ея кузенъ послѣдовали этому приглашенію съ инстинктивною готовностію, хотя при нѣкоторомъ дарѣ наблюденія легко было замѣтить, что у нихъ не совсѣмъ покойно на душѣ. Сердце поручика билось, забывъ всякую субординацію, о блестящія пуговицы его мундира, а молодая женщина не знала куда ей дѣвать глаза.

— А Эмми? спросилъ Леопольдъ.

Отто вздрогнулъ.

— О, Эмми очень занята, возразила улыбаясь надворная совѣтница.

— Да, да, надъ приданымъ! Но все равно, любезнѣйшая госпожа совѣтница, нѣсколько минутъ не Богъ знаетъ что! нельзя ли позвать ее сюда?...

Совѣтница позвонила.

— Аннета, сказала она въ носъ, — скажи барышнѣ, чтобъ она сошла на минутку въ въ гостиную.

— Тѣмъ временемъ позвольте мнѣ представить вамъ моихъ родственниковъ формальнымъ образомъ. Госпожа фонъ Устендорфъ...

Луиза поклонилась.

— Господинъ поручикъ фонъ... фонъ... *Parbleu*, лю-

безный Отто, я никакъ не могу запомнить твоей фамиліи...

— Я уже имѣла честь видѣть господина поручика, сказала надворная совѣтница съ ледяной холодностію.

— *Ah, tant mieux, tant mieux...*

Въ эту минуту дверь растворилась. На порогѣ появилась Эмми. На ней было хорошенькое, сѣрое домашнее платье. Ея щеки были блѣдны. Прекрасные, голубые, темные глаза дышали грустью.

Увидавъ поручика, она вздрогнула. Да и Отто вздрогнулъ такъ, что у него затряслась сабля.

Леопольдъ кинулся на встрѣчу испуганной дѣвушкѣ и почтительно поцѣловалъ ей руку. Затѣмъ онъ сталъ на серединѣ гостиной и вынулъ изъ кармана извѣстную фотографическую карточку. Громко и внятно прочелъ онъ слѣдующее:

— Моему обожаемому Отто вмѣстѣ съ тысячью поцѣлуевъ.

— Что это значитъ? прошептала, нахмуривъ брови, совѣтница.

— Это значитъ, что Эмми обожаетъ Отто, а цѣлуетъ его тысячу разъ. Мнѣ кажется, это ясно.

— Я не понимаю.... Въ своемъ ли вы умѣ, господинъ зять?

— Меня зовутъ Леопольдъ. Отто, обожаемый, сидитъ въ креслѣ и трепещетъ.

— Ради всѣхъ святыхъ...

— Выслушайте меня, добрѣйшая госпожа. Ваша милая, маленькая Эмми—чудесная дѣвушка: такихъ прелестныхъ, такихъ совершенныхъ невѣстъ всего, можетъ быть, только двѣ во всей Германіи... но съ моей точки зрѣнія, у ней одинъ непростительный недостатокъ...

— Господинъ докторъ!

— Непростительный недостатокъ, говорю я. Ея сердце принадлежитъ другому!

— Кто сказалъ вамъ это? Шутка.. шалость...

Теперь очередь говорить дошла до поручика.

— О, милостивая государыня, заговорилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ,—не осуждайте на вѣчное несчастіе два молодыхъ сердца. Эмми любитъ меня такъ же, какъ я ее—пылко, на вѣки—и лишь дѣтское благоговѣніе передъ приговоромъ любимой матери могло побудить ее на такой шагъ.

— Къ чему эти церемоніи? вскричалъ Леопольдъ. — Зачѣмъ терять время? Вы понимаете, госпожа совѣтница, что при подобномъ положеніи дѣлъ, я долженъ отказаться отъ всѣхъ моихъ правъ. Истинный, настоящій женихъ Эмми передъ вами.—Эмми, подойдите ближе!—Сюда, любезный поручикъ!—Госпожа надворная совѣтница съ удовольствіемъ соглашается на вашъ союзъ. Подайте другъ другу руки!

Эмми рыдала отъ изумленія и блаженства. Робко протянула она свои розовыя пальчики.

— Назадъ! закричала раздраженная мама съ угрожающимъ тѣлодвиженіемъ.—Рукою моей дочери могу располагать только я!

— Добрѣйшая госпожа совѣтница! Покоритесь велѣнію судьбы! поддѣлывался Леопольдъ, становясь между раздраженной матерью и любящимися.—Подумайте о послѣдствіяхъ! Оставленная невѣста, оставленная за три недѣли до свадьбы! Что скажутъ люди! Свѣтъ не знаетъ моихъ побудительныхъ причинъ. Пойдутъ страшныя сплетни! А приданое-то? Неужели вы хотите, чтобы всѣ эти труды пропали даромъ?.... Ахъ, вы, можетъ быть, возразите мнѣ, что найдется другой женихъ? Ждите, что горе научитъ нашу Эмми уму - разуму: она скорѣе умретъ, чѣмъ согласится во второй разъ отдать свою руку тому, кто избранъ не ея сердцемъ. Да и чѣмъ, въ сущности, не женихъ этотъ добрый юноша? Онъ любитъ вашу Эмми до сумасшествія, онъ храбръ, честенъ, у него приличное жалованье—и онъ чувствуетъ къ вамъ, милостивая государыня, такое уваженіе, которое въ виду вашего образа дѣйствій рѣшительно непонятно. Вы найдете въ Отто такого зятя, который будетъ носить васъ на рукахъ. Всѣ непріятности, всѣ бѣды и напасти кончатся какъ бы по манію волшебнаго жезла—стоитъ только сказать вамъ: да. Ни одного упрека не проронитъ онъ. Можетъ ли женщина съ вашимъ умомъ, съ вашимъ сердцемъ, съ вашимъ благородствомъ характера, отказать въ своемъ согласіи тамъ, гдѣ дѣло идетъ о счастьи двухъ невинныхъ молодыхъ людей, о чести дома, о правосудіи!

Совѣтница была разбита. Она задумчиво опустила подбородокъ на грудь, и наконецъ рѣшила, что нечего дѣлать, приходится, какъ говорятъ французы, *faire bonne mine à mauvais jeu*. Широкая улыбка освѣтила ея круглое, какъ мѣсяцъ, лицо, ея рѣзкія, несимпатичныя черты.

— Такъ это правда, дѣти, что вы такъ любите другъ друга? проговорила она въ носъ съ притворнымъ благоволеніемъ.

— До сумасшествія! вскричалъ поручикъ.

— Да, мамаша! сказала Эмми.

— И ты желаешь выйти замужъ за этого молодаго господина?

— Если ты позволишь, милая мама, робко прошептала Эмми.

— Ну такъ Богъ съ вами, вѣнчайтесь когда хотите.— Я вижу, что противъ юношескихъ интригъ ничего не подѣлаешь!

— Госпожа совѣтница! началъ Леопольдъ торжественнымъ тономъ.

— Что такое, милостивый государь? спросила задѣтая за живое совѣтница.

— Я надѣюсь, что мы останемся друзьями. Я нѣсколько сродни вашему семейству. Хотя господинъ поручикъ и госпожа фонъ Устендорфъ не состоятъ еще со мною въ родствѣ или свойствѣ, но я надѣюсь скоро отстранить это неудобство.

— Право, милостивый государь, я не понимаю васъ.

— Такъ позвольте же мнѣ представить вамъ мою невѣсту. Моя Луиза—двоюродная сестра вашему зятю.

Молодая женщина граціозно поклонилась изумленной совѣтницѣ и стала просить у нея извиненія, что осмѣлилась быть неприглашенной свидѣтельницей этой домашней сцены. Старая дама подозрительно кивнула большими крыльями своего чепчика, какъ будто бы въ одну минуту прозрѣла.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло-то? глухо пробормотала она.—Скажите пожалуйста! А мнѣ то и во снѣ этого не снилось.

— Милостивая государыня, возразилъ Леопольдъ,—мы поймали разомъ двѣ жемчужины. Вы все узнаете, все до послѣдней іоты, и со свойственной вамъ проницательностію рѣшите, что иначе это не могло и быть. Съ вашего позволенія мы останемся завтракать. Кстати же, моя Луиза страстно желаетъ познакомиться съ вами.

— Дорогая матушка! прошепталъ Отто.

— Благородная, глубокая натура! заговорилъ напыщеннымъ тономъ Леопольдомъ.—Я ничего другаго и не

ждалъ! Надворная совѣтница Фабриціусъ не можетъ ненавидѣть тамъ, гдѣ все любитъ!

Онъ съ театральной напыщенностію поднесъ руку бывшей тещи къ своимъ губамъ.

— А вы, фрейлейнъ Эмми, сказалъ онъ послѣ минутнаго молчанія,—хотя я и не имѣю уже права на ваши благосклонные взоры—но все-таки взгляните на меня хоть разокъ.... Такъ! Не правда ли, мы остаемся въ хорошихъ отношеніяхъ?

Кроткое бѣлокурое дитя кивнуло головою. Луиза подошла къ ней и съ безмолвною нѣжностію прижала ее къ своей высокоподнимающейся груди.

Экзаменъ жениха и невѣсты у Вендовъ.

Тамъ, гдѣ тихій Шпре бѣжитъ по песчанымъ равнинамъ прусскаго нижняго Лаузица и, раздѣляясь на множество рукавовъ, образуетъ знаменитый Шпревальдъ,—живетъ народецъ славянскаго происхожденія, маленькій островокъ среди обширнаго моря германскихъ народностей, остатокъ древнихъ Вендовъ или Сорбовъ, поселившихся въ Германіи во время переселенія народовъ.

Какими ихъ описываютъ историки, такими остались они и до сихъ поръ: «средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, съ сильными мускулами,—гладкими, большею частію свѣтлыми волосами, широкими скулами, плоскимъ носомъ и не столь бѣлой кожей, какъ у германцевъ». Въ такой же удивительной степени сохранились они и относительно языка и обычаевъ. Будучи чрезвычайно трудолюбивы, такъ что достоинство не только мужчинъ, но даже и женщинъ опредѣляется у нихъ по степени ихъ рабочей силы,—они, какъ и всѣ славяне вообще, отличаются гостепріимствомъ и неуваженіемъ къ нѣмецкимъ властямъ и кромѣ того необыкновенно набожны; покрайней мѣрѣ, что касается до исполненія церковныхъ обрядовъ, то трудно найти другое племя, которое превзошло бы ихъ въ этомъ отношеніи.

Какое умилительное зрѣлище представляютъ они собою, когда одѣвшись въ бѣлое съ чернымъ—какъ это бываетъ по большимъ праздникамъ — они собираются въ своихъ церквахъ, гдѣ не остается обыкновенно ни одного пустаго мѣста, и съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія прислушиваются къ словамъ своихъ священниковъ.

Въ обыкновенные дни, они, въ особенности женщины, одѣваются въ разноцвѣтныя платья; пестрые платки всевозможныхъ цвѣтовъ, желтаго съ краснымъ и зеленымъ, повязываются какъ-то особенно, но очень красиво, вокругъ головы и закрываютъ волоса. Французскія моды имъ неизвѣстны; они остались вѣрны унаслѣдованному отъ предковъ костюму и прадѣдовскимъ обычаямъ.

Средоточіемъ нижнелаузинскимъ вендамъ служитъ городъ Коттбусъ, который они называютъ «*mjesto*» (мѣсто), т. е. городомъ. Всѣ другіе менѣе значительныя города вокругъ него, какъ-то: Пейтцъ, Форстъ, Шпрембергъ, имѣютъ свои особенныя имена; одинъ только Коттбусъ называется городомъ. Сюда многіе изъ нихъ ходятъ по воскресеньямъ въ церковь, а еще больше по четвергамъ на рынокъ. Стоя на площадяхъ или на углахъ улицъ, они продаютъ масло или яица; на скотныхъ рынкахъ торгуютъ скотомъ или, сидя на своихъ тѣлегахъ, житомъ. На вырученныя деньги они покупаютъ себѣ нужную одежду и домашнюю утварь, а также и водку, которую они называетъ *palenz* (горѣлка) и, къ сожалѣнію, очень любятъ.

Браки они заключаютъ преимущественно между собою и только въ рѣдкихъ случаяхъ входятъ въ связи съ нѣмцами. При этомъ они избираютъ предметъ своихъ исканій обыкновенно по близости, всего лучше въ своей собственной деревнѣ. Ко всему чуждому и далекому они питаютъ недолимый ужасъ. Въ случаѣ если невѣстѣ приходится удалиться вслѣдъ за своимъ избранникомъ, хотя бы только на нѣсколько часовъ разстоянія, она падаетъ духомъ и нуждается въ утѣшеніи. Тогда во время вѣнчанія она проливаетъ обильныя слезы и не рѣдко ее поддерживаетъ только одна мысль, что вся вообще земля—Божья. Съ такимъ-то упорствомъ держатся они за свою родную землю, а все-таки жизнь и надъ ними взяла свое и въ новѣйшее время не мало Вендовъ выселились за море, въ чуждыя, далекія страны.

Починъ въ дѣлѣ сватовства можетъ принадлежать столько же невѣстѣ, какъ и жениху. Гдѣ есть дѣвушка - невѣста, которая пріобрѣла себѣ трудами рукъ своихъ небольшой капиталецъ, или которая должна вступить или уже и вступила во владѣніе своимъ собственнымъ хозяйствомъ,—тамъ эта дѣвушка выбираетъ между сыновьями страны, такъ же какъ юноша между дочерьми этой страны, и, открывъ подходящаго подъ ея условія человѣка, отправляетъ къ нему, не возбуждая этимъ ни малѣйшаго соблазна, посланнаго, чтобъ предложить ему себя. Этимъ посланнымъ обыкновенно бываетъ старая тетка, такъ называемая *Schotta*, большая говорунья и очень опытная въ подобныхъ дѣлахъ. Ей извѣстно все, что ищущая супружества дѣвушка можетъ предложить своему будущему мужу,—и она исполняетъ свое порученіе, стараясь выставить въ самомъ блестящимъ свѣтѣ всѣ выгоды предполагаемаго союза. О романической любви и поэтическихъ чувствахъ при подобныхъ сговорахъ большею частію нѣтъ и помину. Браки заключаются большею частію по матеріальнымъ причинамъ. При этомъ строго наблюдается различіе состоянія. Между четыремя степенями крестьянскаго сословія: собственно крестьяниномъ владѣющимъ цѣлой гуфой или хоть только полугуфой земли, коссэтомъ *(cossäth)*, бобылемъ и поденщикомъ—непроходимая пропасть, и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ дочь крестьянина подаетъ руку бобылю, или, наоборотъ, крестьянинъ—дочери бобыля.

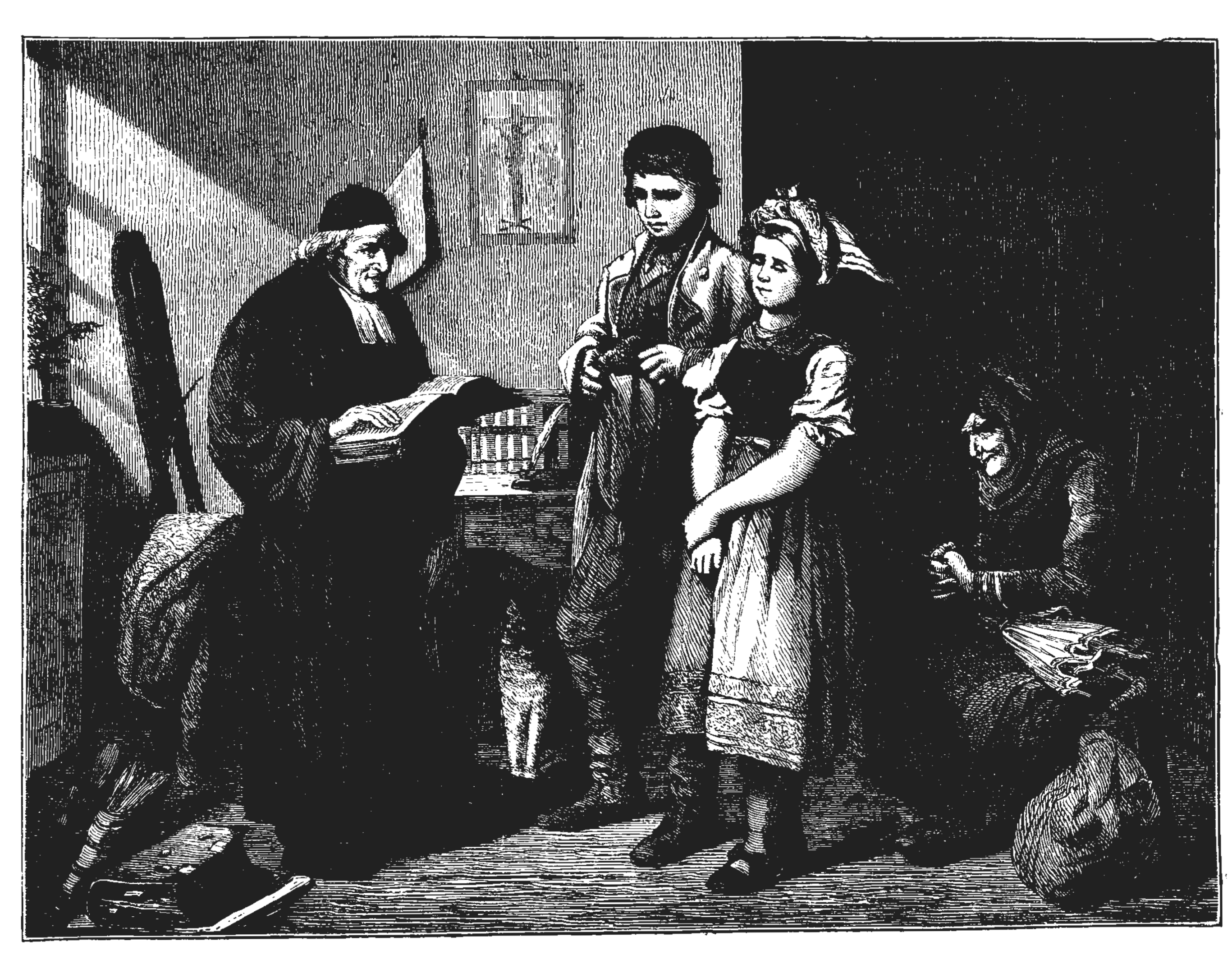
Коль скоро сговоръ заключонъ, дѣло идетъ, обыкновенно, чрезвычайно быстро. Просятъ оглашенія въ церкви, которое и исполняется въ три слѣдующія другъ за другомъ воскресенья, а за тѣмъ слѣдуетъ — не свадьба, но по старинному обычаю сначала *экзаменъ жениха и невѣсты*, а тамъ уже свадьба.

Этотъ экзаменъ сдается женихомъ и невѣстою въ домѣ священника, и только въ одномъ случаѣ женихъ освобождается отъ него, именно, если онъ былъ солдатомъ. Откуда идетъ это исключеніе—неизвѣстно; можетъ быть оно основывается на томъ, что школьныя познанія солдатъ повѣряются военными властями при вступленіи ихъ въ полки,—а цѣль экзамена передъ свадьбою заключается именно въ подобной же повѣркѣ научныхъ и религіозныхъ свѣдѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти экзамены имѣютъ еще и другое важное значеніе. Они представляютъ священнику гораздо болѣе удобный случай чѣмъ при вѣнчаніи—объяс-

дить жениху и невѣстѣ обязанности супружества и сообщить имъ много такихъ истинъ, которыя, будучи высказаны въ присутствіи брачныхъ свидѣтелей, всенародно, могли бы смутить и раздражить ихъ.

Что это за великолѣпная пара, которая отправляется сегодня, въ сопровожденіи матери невѣсты, для сдачи экзамена въ городъ, въ домъ священника! Впереди идетъ *майка*, невѣста, восьмнадцатилѣтняя дѣвушка, сильная и высокая. Она идетъ важно, съ нѣкоторой самоувѣренностью. Она считалась въ дѣтствѣ одною изъ лучшихъ ученицъ въ школѣ и извѣстна священнику еще со времени приготовленія ея къ конфирмаціи. Она происходитъ изъ уважаемаго и довольно зажиточнаго крестьянскаго семейства; она была любимицей деревенскаго юношества, его *канторкой* (уставщицей) въ тѣхъ духовныхъ пѣсняхъ, которыя поются ежегодно во время поста и пасхи по воскресеньямъ, когда взрослыя дѣвушки проходятъ въ полночь по деревнѣ, распѣвая церковные гимны. Такимъ-то образомъ развернулся этотъ роскошный цвѣтокъ, которому суждено теперь украшать своею прелестью жизненный садъ одинокаго холостяка.

Этотъ холостякъ, честный крестьянскій сынъ, по имени Гансъ, старше невѣсты не больше какъ лѣтъ на восемь. Она взяла его довольно неохотно,—не потому, что на его имѣніи, вслѣдствіе страсти къ пьянству его покойнаго отца, нѣсколько долгу (ея приданное покроетъ этотъ долгъ), а отъ того что у него есть одинъ важный недостатокъ относительно наружности. Онъ, видите ли, нѣсколько толстоватъ, а это большая рѣдкость между большею частію сухими и худощавыми фигурами Вендовъ,—вслѣдствіе чего онъ и служитъ очень часто предметомъ шутокъ для другихъ молодыхъ обитательницъ деревни. Но обстоятельства бываютъ нерѣдко могущественнѣе человѣка. Ея женихъ—сынъ сосѣда, ихъ поля смежны, ея мать желаетъ этого союза; поэтому то она и отвѣчала на его предложеніе согласіемъ и готовится теперь принять на себя вмѣстѣ съ нимъ ярмо супружества.



Экзаменъ жениха и невѣсты у Вендовъ

И Гансъ, женихъ, тоже не очень весело смотритъ. Ученіе было всегда его слабою стороною, а священикъ—строгій старый господинъ. Поэтому-то маленькое путешествіе порядочно-таки тяжело для него, онъ то и дѣло снимаетъ мѣховую шапку и проводитъ по лбу платкомъ, словно стирая съ него потъ.

Всѣхъ спокойнѣе повидимому мать невѣсты, здоровая шестидесятилѣтняя старуха. Главная ея задача относительно предстоящей свадьбы исполнена. Празднованіе настоящей вендской свадьбы длится обыкновенно три дня—и происходитъ въ первые два дня въ домѣ родителей невѣсты, а на третій день въ домѣ молодыхъ. Гостей приходится угощать не мало: не только родственниковъ со стороны жениха и невѣсты, но еще и молодыхъ дѣвушекъ и парней, служащихъ молодымъ почетною свитою. Потому-что это жалкая свадьба, если впереди свадебнаго общества не ѣдетъ по крайней мѣрѣ шести всадниковъ на гордыхъ ко-

няхъ съ *дружкою* во главѣ, украшеннымъ бѣлымъ шарфомъ на груди и почетною саблею съ боку, и женихомъ въ серединѣ, сидящимъ на чорной лошади, съ открытою головою, зеленымъ вѣнкомъ на макушкѣ и такою же лентою, прикрѣпленною къ волосамъ сургучомъ; за тѣмъ слѣдуетъ тѣлега, на которой сидитъ невѣста въ сопровожденіи отца или опекуна, одѣтая въ чорное платье и закутанная покрываломъ, подъ которымъ скрывается пестрая трехъугольная шапочка съ брачнымъ вѣнкомъ;—и напослѣдокъ, три или четыре экипажа биткомъ набитые веселыми свадебными гостями, старыми и молодыми, того и другаго пола.

Для всего этого мать невѣсты должна была сдѣлать нужныя приготовленія; но теперь все уже кончено, гости приглашены, назначенъ и дружка, который служитъ въ уланахъ,—и вотъ она бодро шагаетъ вслѣдъ за молодой парочкой, неся въ правой рукѣ холстяной мѣшечекъ, а въ немъ жирную старую курицу, которая должна быть по обычаю отдана священнику въ вознагражденіе за экзаменъ.—Разговариваютъ дорогою мало; только женихъ, молча выслушавшій объясненія десяти заповѣдей, спросилъ, что слѣдуетъ дальше за словами: «быть цѣломудреннымъ и воздержнымъ въ словахъ и дѣлахъ,» а невѣста съ готовностію отвѣчала ему: «должно любить и почитать своего супруга».

Такимъ образомъ достигаютъ они до крыльца пасторскаго дома, осѣненнаго наметомъ изъ акацій. Опустившись на скамьи, она приводятъ въ порядокъ свои отчасти разстроенные дорогою туалеты. Затѣмъ входятъ въ сѣни, и съ трепетомъ сердца стучатся пальцами въ дверь комнаты. Произнеся привѣтствіе: *Pomogaj Bohg wam, knes farar!* (Помогай вамъ Богъ, господинъ священникъ,) они входятъ другъ за другомъ. *Bohg zeckujscho, witajscho k' nam!* (Дай вамъ Богъ того же, милости просимъ), отвѣчаетъ имъ священникъ и, угадавъ съ разу ихъ намѣренія, надѣваетъ на себя свою форменную одежду, въ то время какъ жена священника предлагаетъ стулъ невѣстиной матери. Молодые люди становятся подлѣ матери.

Экзаменъ начинается. Прежде всего молодые люди должны читать, для чего священникъ подаетъ имъ по очереди свою библію, сперва жениху, а потомъ невѣстѣ. На этотъ разъ имъ приходится читать объ особенно важномъ предметѣ, именно 7 главу 1-го посланія къ коринфянамъ, превосходное зеркало для супруговъ и тѣхъ, которымъ предстоитъ сдѣлаться ими. Читая, Гансъ безпрестанно запинается и дѣлаетъ не мало ошибокъ, но коль скоро очередь доходитъ до майки, невыгодное впечатлѣніе произведенное на священника изчезаетъ; твердою рукою беретъ она библію и бѣгло и безъ малѣйшей запинки читаетъ заданныя ей строки. Слѣдуетъ нѣсколько вопросовъ касательно прочитаннаго, затѣмъ нѣсколько вопросовъ изъ катехизиса,—въ томъ числѣ и тотъ, на счетъ котораго Гансъ справлялся дорогою, и наконецъ повтореніе нѣсколькихъ библейскихъ изрѣченій и церковныхъ гимновъ, которымъ они еще дѣтьми учились въ школѣ и во время приготовленія къ конфирмаціи. Нерѣдко Гансъ смущается и устремляетъ на свою суженую просящіе о помощи взоры.

Наконецъ все преодолѣно. Обратившись къ Гансу, съ легкимъ порицаніемъ и съ серіозными увѣщаніями читать прилежнѣе Слово Божіе, а къ майкѣ съ ласковымъ одобреніемъ за выказанныя его познанія, священникъ кончаетъ собственно испытаніе. Теперь слѣдуютъ постановленія относительно вѣнчанія. Но прежде чѣмъ отпустить отъ себя молодую пару, старый священникъ, прочитавъ изрѣченіе 37 псалма: «будь благочестивъ и соблюдай правду, потому-что это приведетъ наконецъ тебя къ благоденствію,» обращается въ заключеніе къ невѣстѣ съ словами полными любви, ободренія и утѣшенія. Онъ говоритъ ей о ея покойномъ отцѣ. Онъ знаетъ, какія тяжелыя испытанія ждутъ ее впереди, какими опастностями угрожаютъ ей совмѣстная жизнь съ сварливой тещей, склонность жениха къ пьянству и многія другія обстоятельства; но онъ знаетъ также и ея благочестіе, ея вѣру и кротость,—и потому обѣщаетъ и ей тоже благоденствіе, можетъ быть не раньше какъ послѣ бури и борьбы, послѣ сердечной муки и слезъ, — можетъ быть послѣ многихъ годовъ тяжкихъ испытаній и горькихъ страданій, но все же благоденствіе и миръ. Какъ-то сбудутся его обѣщанія?

Внутреннее обозрѣніе.

Положеніе нашего сельскаго духовенства и его отношенія къ приходу ни въ какомъ случаѣ не могутъ назваться нормальными. Необезпеченное матеріяльно, поставленное въ полную зависимость отъ прихода, который вправѣ дать священнику хорошее содержаніе или отказать ему въ этомъ,—зависимое нетолько отъ своего непосредственнаго (епархіальнаго) начальства, но и отъ многихъ другихъ правительственныхъ лицъ и учрежденій,—живущее среди народа невѣжественнаго и полнаго всякихъ предразсудковъ, въ вѣчной борьбѣ съ нуждою и общественными бѣдствіями,—оно способно внушить полнѣйшее участіе къ своему положенію и заставить умолкнуть тѣ упреки, которые сыпятся на него за отступленіе отъ идеала христіанской жизни. Нѣтъ ничего легче, какъ откапывать чужія слабости и недостатки, частные случаи возводить въ общее повсемѣстное явленіе, набрасываться на нихъ со всѣмъ пыломъ возмущенной души и, не отыскивая причинъ обличаемаго зла, рубить направо и налѣво. Съ такимъ пріемомъ приходится встрѣчаться довольно часто—и во всякомъ случаѣ гораздо чаще, нежели съ спокойнымъ, безпристрастнымъ и дѣльнымъ обсужденіемъ тѣхъ условій, въ которыхъ проводитъ свою жизнь наше сельское духовенство. Въ чемъ-же заключаются упреки, дѣлаемые сельскому духовенству какъ въ обществѣ, такъ и въ печати? Упреки эти сводятся главнымъ образомъ къ слѣдующимъ тремъ: а) наше сельское духовенство, говорятъ, не можетъ стать на высоту своего призванія, братается съ народомъ, потакаетъ ему, подаетъ дурной примѣръ; б) оно слишкомъ равнодушно къ высшимъ интересамъ народа, т. е. къ его просвѣщенію; и в) оно отягощаетъ прихожанъ многими поборами, употребляя для этого несовсѣмъ благовидныя средства. Разберемъ каждое изъ этихъ обвиненій по одиночкѣ, стараясь не ограничиваться одними только голословными выводами.

Что во многихъ глухихъ мѣстностяхъ нашего отечества дѣйствительно встрѣчаются духовные пастыри, не понимающіе своего высокаго призванія и вконецъ опустившіеся,—противъ этого спорить трудно. Охотно вѣримъ, что напримѣръ въ какомъ нибудь глухомъ селѣ священникъ отказался хоронить умершую женщину, пока ему не уплатятъ требуемой имъ суммы, и не хоронилъ ее до тѣхъ поръ, покуда родственники покойницы не догадались принести ее къ батюшкѣ на-домъ;—что въ другомъ такомъ же селѣ священникъ не допу-

стилъ одного крестьянина до причастія за то, что тотъ отказался помочь батюшкѣ въ перевозкѣ купленнаго имъ лѣса;—что въ одномъ изъ селъ Лохвицкаго уѣзда Полтавской губерніи дьяконъ убѣждалъ народъ не лечиться отъ холеры, такъ какъ это—смертный грѣхъ;—что въ Касимовскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи, отецъ Г—скій, во время обхода села съ молебнами на Святой недѣлѣ, въ ризѣ и съ крестомъ, втерся въ середину хоровода, а потомъ снялъ облаченіе и отдалъ его пьяному солдату, который, нимало не смущаясь, облачился въ ризы и съ крестомъ въ рукахъ отправился прямо въ церковь, вмѣстѣ съ такъ-называемыми „богоносцами"…. Все это случаи весьма возможные, и каждый можетъ припомнить ихъ нѣсколько. Но что-же это указываетъ? Не указываютъ ли такіе случаи на истинную причину подобныхъ грустныхъ фактовъ изъ быта нашего сельскаго духовенства,—причину, которая кроется въ неблагопріятныхъ условіяхъ семейной жизни, да въ подавляющемъ вліяніи бурсы? Тяжелая семейная обстановка кладетъ первыя основы будущаго характера.

Нѣтъ ничего мудренаго, что въ сынѣ сельскаго священника или причетника такъ рано сказываются недостатки и слабости его родителей, когда едва только онъ научился читать, какъ они уже посылаютъ его „славить христа" или же берутъ съ собою во время обхода прихожанъ съ молебнами или за поборами, причемъ на долю его также выпадаетъ нѣсколько копѣекъ. Ребенокъ, съ малыхъ лѣтъ уже, пріучается къ попрошайничеству, привыкаетъ смотрѣть на отправленіе церковной службы какъ на ремесло, прибыльность котораго зависитъ отъ большой или меньшей степени назойливости. Съ поступленіемъ въ семинарію начинается для мальчика новая жизнь, полная тревогъ и надеждъ—поскорѣе окончить курсъ и занять мѣсто подоходнѣе. Какъ ни измѣнились къ лучшему наши духовныя семинаріи и училища за послѣднее десятилѣтіе, но общій характеръ ихъ остается тотъ-же самый. Вотъ почему, чуть не каждый день приходится слышать, что изъ четвертаго класса такой-то семинаріи вышли для поступленія въ свѣтскія учебныя заведенія 26 человѣкъ, а изъ окончившихъ курсъ другой—*ни одинъ* изъ воспитанниковъ не изъявилъ желанія поступить въ духовныя академіи, для продолженія своего спеціально-духовнаго образованія; въ числѣ 60 человѣкъ, экзаменовавшихся для поступленія въ московскій университетъ, семинаристовъ было 45, и т. д. Итакъ, вотъ тѣ условія, при совмѣстномъ дѣйствіи которыхъ складывается личность сельскаго священника. Измѣните ихъ—измѣнится и самая дѣятельность его—какъ пастыря и какъ почти единственнаго въ селѣ просвѣщеннаго человѣка.

Но для полнаго успѣха дѣла—одного истиннаго и свободнаго просвѣщенія еще недостаточно: необходимо, чтобы, рядомъ съ умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ, личность сельскаго священника была поставлена въ болѣе независимое положеніе отъ прихода и въ матеріальномъ отношеніи. Можно сказать напередъ, что покуда будутъ держаться всѣ виды существующихъ нынѣ поборовъ, до тѣхъ поръ будутъ встрѣчаться случаи вымогательства и ремесленное отношеніе къ дѣлу—съ одной стороны, и случаи грубаго отказа и самаго безобразнаго пониманія церковныхъ обрядовъ—съ другой. Священникъ въ своемъ существованіи долженъ быть обезпеченъ не какими-то случайными подаяніями и вымогательствомъ со стороны самого пастыря, а доходами постоянными, въ строго-опредѣленныхъ размѣрахъ и при аккуратномъ полученіи. Заставлять священника объѣзжать своихъ прихожанъ за полученіемъ поборовъ, входить въ препирательства и споры чуть не въ каждой избѣ, торговаться съ каждымъ, имѣющимъ нужду въ имѣніи той или другой церковной требы,—не значитъ-ли это способствовать униженію священническаго сана, не значитъ-ли это ставить его въ такое положеніе, при которомъ не можетъ быть и рѣчи о достоинствѣ и высотѣ его призванія?

Немало выигрываетъ личность сельскаго священника и отъ того, какъ относятся къ нему лица изъ болѣе образованныхъ классовъ, а также правительственныя лица и учрежденія. Кто подолгу живалъ въ деревнѣ, тому очень хорошо извѣстно, что далеко не всегда и не у всѣхъ изъ привилегированнаго сословія личность сельскаго священника пользуется необходимой поддержкой; о сочувствіи и общемъ интересѣ между мѣстными помѣщиками и приходскимъ священникомъ приходится слышать довольно рѣдко. По большей же части бываетъ такъ, что если священникъ ведетъ дружбу съ нѣкоторыми изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, то не иначе какъ изъ своихъ личныхъ выгодъ; тѣ-же пользуются имъ какъ своимъ адептомъ, подчасъ заставляя разыгрывать такую роль, для которой онъ вовсе не созданъ. Случается встрѣчать неуваженіе со стороны разныхъ уѣздныхъ властей. Судебные слѣдователи, напримѣръ, пользуются правомъ вызывать сельскихъ священниковъ для привода допрашиваемыхъ ими людей къ присягѣ. Вызвавъ священника за 12 верстъ и назначивъ ему не только день, но даже часъ прибытія, слѣдователь заставляетъ себя ждать цѣлый день,—и когда священникъ, потерявъ надежду на пріѣздъ слѣдователя, рѣшается возвратиться домой, то со стороны сего послѣдняго встрѣчаетъ заявленіе, что, молъ, «было-бы вамъ писано... а тамъ вы за себя отвѣчаете». Продежуривъ понапрасну въ незнакомомъ селѣ цѣлыя сутки, священникъ только на другой день получаетъ возможность привести къ присягѣ *). А между тѣмъ, цѣлый день для него потерянъ, тогда-какъ въ одномъ селѣ его ждутъ похороны, въ другомъ крестины и т. д.

Второй упрекъ, дѣлаемый нашему сельскому духовенству, произносится обыкновенно людьми малознакомыми съ бытомъ и занятіями этого сословія. Самое правительство, поручивъ образованіе народа людямъ свѣтскимъ, признало его несовмѣстнымъ съ духовными обязанностями священника и оставило за нимъ преподаваніе одного только Закона Божія. Намъ скажутъ, пожалуй, что во многихъ сельскихъ школахъ священники даже и для этого предмета не находятъ времени и посѣщаютъ школу очень рѣдко. Совершенно справедливо. Но что сказать, напримѣръ, о распоряженіи епархіальнаго начальства одной изъ южныхъ губерній нашихъ, когда оно, провѣдавъ о томъ, что земство, за преподаваніе Закона Божія въ сельскихъ школахъ, назначило священникамъ по 60 руб. въ годъ каждому,—запретило имъ брать эту сумму, обязавъ ихъ преподавать въ школахъ безвозмездно? Послѣдствіемъ этого распоряженія было то, что многіе изъ священниковъ стали посѣщать школу не болѣе двухъ разъ въ годъ!... Говоря вообще, лучшимъ средствомъ для привлеченія священниковъ въ школу было бы введеніе между ними свободной конкуренціи, вслѣдствіе чего въ школу могъ бы быть приглашенъ и священникъ другаго села, если по усердію, познаніямъ и умѣнію преподавать свой предметъ онъ будетъ имѣть преимущество передъ священникомъ того села, гдѣ находится школа.

Наконецъ, третье обвиненіе противъ нашего сельскаго духовенства, ввиду приведенныхъ выше соображеній, падаетъ само собою. Обвиненіе это, заключая въ себѣ много справедливаго по отношенію къ единичнымъ случаямъ, не можетъ однако быть общимъ, по-

*) См. газету «Современность», № 63 за нынѣшній годъ.

всемѣстнымъ явленіемъ. Дѣйствительно, во многихъ приходахъ крестьяне тяготятся поборами причта и вообще любятъ тѣхъ изъ духовенства, которые менѣе требовательны и почаще говорятъ проповѣди. Хотя въ произносимыхъ священниками проповѣдяхъ простые люди едва-ли понимаютъ хоть половину, но въ данномъ случаѣ имъ нравится участіе, съ которымъ священникъ обращается къ ихъ положенію, желаніе вывести изъ него ихъ путемъ доброй и хорошей жизни. Кромѣ ничтожнаго содержанія причта, немалымъ побужденіемъ увеличивать поборы служатъ еще значительные сборы съ духовенства въ пользу благочиннаго, разныхъ духовно-учебныхъ заведеній, консисторіи и проч. Съ какого-нибудь бѣднаго прихода, доставляющаго своему причту не болѣе 200 р. с. въ годъ, требуютъ вдругъ до 30 р. всякихъ сборовъ! Натурально, чтотъ расходъ причтъ возмѣщаетъ на поборахъ съ прихожанъ, какъ единственномъ источникѣ, изъ котораго онъ получаетъ поддержку для собственнаго существованія.

Противъ этого пункта можно было бы еще выставить и организацію духовной части въ уѣздѣ, какъ несоотвѣтствующую требованіямъ вѣка и условіямъ жизни сельскаго духовенства, но мы откладываемъ это до другаго раза. Теперь-же, сводя высказанныя въ настоящей статьѣ соображенія, приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

а) что условія быта нашего сельскаго духовенства требуютъ измѣненія и улучшенія;

б) что требованіе прежде всего должно коснуться нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеній.

в) параллельно съ этимъ, должна быть обезпечена для духовенства независимость отъ прихода въ матерьяльномъ отношеніи; и

г) должна быть расширена дѣятельность благочинническихъ совѣтовъ и епархіальныхъ съѣздовъ духовенства.

Политическое обозрѣніе.

Испаніи угрожаютъ новыя бѣдствія. Еще не успѣло прекратиться карлистское возстаніе, какъ предстоитъ испытать другое—возстаніе альфонсистовъ, т. е. приверженцевъ принца Альфонса, сына изгнанной королевы Изабеллы. Во многихъ провинціяхъ идетъ дѣятельная вербовка лицъ, которыя, при случаѣ, могли бы постоять за принца Альфонса и способствовать низверженію нынѣшняго короля Амедея вмѣстѣ съ либеральнымъ министерствомъ Зорильи. Планъ альфонсистовъ, говорятъ, состоитъ въ слѣдующемъ: сначала они постараются захватить главу настоящаго министерства и, слѣдовательно, главнаго руководителя всѣми дѣйствіями правительства, извѣстнаго Зорилью, и двухъ его самыхъ усердныхъ помощниковъ; за тѣмъ, они овладѣютъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и оттуда объявятъ во всѣ концы Испаніи, что принцъ Альфонсъ вступилъ на престолъ на мѣсто бѣжавшаго короля Амедея. Планъ этотъ едва-ли удастся, такъ-какъ правительство бдительно слѣдитъ за всѣмъ, что вокругъ него происходитъ. Чтобы какъ-нибудь уронить министерство и повредить ему въ глазахъ короля и народа, альфонсисты и вообще всѣ противныя либераламъ партіи не брезгаютъ никакими средствами: то они осаждаютъ королеву множествомъ безыменныхъ писемъ, въ которыхъ стараются подѣйствовать на ея религіозныя чувства, отъ которыхъ будто-бы зависитъ спасеніе отечества,—то подкупаютъ уличныхъ мальчишекъ, чтобы они оскорбляли свистомъ и крикомъ королевскую чету во время проѣзда ея по улицамъ Мадрида, а потомъ являются во дворецъ съ изъявленіемъ сожалѣнія по поводу случившагося и съ намѣреніемъ въ удобную минуту шепнуть королю о „недостойномъ образѣ дѣйствій либеральнаго министерства“. Король, однако, не поддается этому наушничеству и намѣренъ быть послѣдовательнымъ до конца, опираясь на возобновленные Кортесы (собраніе представителей страны). Выборы въ Кортесы, только недавно окончившіеся, дали рѣшительный перевѣсъ либераламъ: изъ 400 безъ малаго депутатовъ, около 300 принадлежатъ къ партіи крайнихъ либераловъ (радикаловъ), 76 къ партіи умѣренныхъ и только 23 къ партіи монархистовъ, въ томъ числѣ 14 альфонсистовъ. Главные вожди консерваторовъ не попали въ палату. Передъ открытіемъ Кортесовъ, король, по обычаю, произнесъ къ собранію рѣчь, въ которой высказавъ, что уваженіе, питаемое его правительствомъ къ папской власти, не помѣшаетъ ему въ дѣйствіяхъ своихъ сообразоваться съ потребностями времени и съ волею народа, которая для него священна. Послѣ подавленія возстанія на островѣ Кубѣ, король обѣщалъ ввести тамъ преобразованія въ либеральномъ духѣ. Во внутреннемъ управленіи страною обѣщаются также важныя преобразованія и объявляется о введеніи всеобщей военной повинности, о преобразованіи флота и проч. Поговариваютъ, что, опираясь на нынѣшнюю палату представителей, правительство намѣрено провести и такія смѣлыя для Испаніи мѣры, какъ отдѣленіе церкви отъ государства, учрежденіе суда присяжныхъ и проч. Финансовое положеніе страны должно обратить на себя не менѣе серіозное вниманіе правительства, для чего имъ приступлено къ заключенію новаго займа и къ нѣкоторымъ финансовымъ операціямъ по погашенію прежнихъ.

6-го сентября по нашему стилю скончался Шведскій король Карлъ XV, на 47 году отъ рожденія. Покойный король былъ извѣстенъ какъ писатель, въ особенности по вопросамъ, касающимся преобразованій военной части, и какъ поэтъ. Статьи его печатались въ шведскихъ газетахъ. Страна обязана ему преобразованіемъ прежней конституціи (законовъ о представительномъ правленіи), по которой депутаты въ шведскій Сеймъ выбирались по сословіямъ, тогда-какъ по новой конституціи они избираются всенародно, безъ различія сословій. Финляндія своей нынѣшней системой представительства напоминаетъ прежнюю шведскую. Покойному королю наслѣдуетъ братъ его, Оскаръ, герцогъ Остроготскій, такъ-какъ у Карла XV сыновей не было. Смертные останки короля Карла XV прибыли въ Стокгольмъ въ 3 часа 45 мин. вечера. Народъ осыпалъ останки цвѣтами, летѣвшими въ видѣ дождя. Бывшіе адъютанты покойнаго короля снесли его останки во дворецъ. Тысячи народа въ слезахъ присутствовали при томъ. Войска, король Оскаръ II и братъ его, герцогъ далекарлійскій, сопровождали смертные останки.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Дозволено цензурою 15 сентября 1872 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**. Вознес. пр. д. № 53.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

№ 39 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 25 сентября 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	3 » — »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 » — »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С.-Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

VIII.

Часа два спустя, Карлъ Брандовъ и Генрихъ Шеель ѣхали черезъ пустошь отъ кузницы въ Долланъ, по той же самой дорогѣ, по которой они двигались не больше какъ минутъ десять тому назадъ въ противуположномъ направленіи. Они ѣхали быстрой рысью, слуга шаговъ на двадцать-пять позади своего господина, но не изъ почтенія къ нему и ужь конечно не потому, чтобы лошадь подъ нимъ была хуже. Напротивъ того, это была удивительная гнѣдая лошадь чистой крови, стоившая гораздо дороже полукровной рыжей лошади его господина,—такая лошадь, что какой-нибудь встрѣчный подивился бы: какъ можно ѣздить на такомъ благородномъ животномъ въ такомъ обыкновенномъ случаѣ. Но Генрихъ Шеель былъ не изъ обыкновенныхъ всадниковъ; онъ слѣдилъ за каждымъ движеніемъ животнаго по шероховатой землѣ, словно дрессировалъ его въ укатанномъ манежѣ, и не прощалъ ему ни малѣйшей шалости; а въ этомъ-то именно оно и провинилось за нѣсколько минутъ передъ этимъ, вслѣдствіе чего его и слѣдовало наказать,—и вотъ причина почему онъ нѣсколько отсталъ.

Вдругъ Карлъ Брандовъ осадилъ лошадь и взглянувъ черезъ плечо сказалъ: «въ самомъ ли дѣлѣ ты увѣренъ, что видѣлъ его?»

— Вѣдь я говорилъ вамъ, что былъ отъ него всего шагахъ во ста, угрюмо возразилъ Генрихъ Шеель,—и что у меня было довольно времени для того, чтобъ разсмотрѣть его; я думаю, онъ около часу стоялъ тамъ наверху какъ вкопаный.

— Но отъ чего этотъ плутъ Іохенъ и теперь еще утверждаетъ, что не знаетъ, гдѣ онъ остался?

— Можетъ быть онъ въ самомъ дѣлѣ не знаетъ этого?

— Пустяки!

Они проѣхали небольшое разстояніе молча, другъ подлѣ друга, господинъ—мрачно смотря впередъ, а слуга — взглядывая повременамъ украдкою на господина своими косыми глазами. Тутъ онъ подогналъ свою лошадь еще ближе къ нему и сказалъ:

— Почему-бы ему знать это? вѣдь я не знаю же, почему вы гоняетесь за нимъ, какъ кошка за мышью?

— Вотъ еще!

— И почему вы воротились такъ рано изъ Плюггенгофа и чуть не загнали обѣихъ лошадокъ, и дали мнѣ луидоръ, когда я сказалъ вамъ, что видѣлъ его.

— Я дамъ тебѣ еще шесть, если ты мнѣ скажешь, гдѣ я найду его! вскричалъ Карлъ Брандовъ, живо повернувшись на сѣдлѣ.

— Гдѣ вамъ найти его? Ну, это довольно просто; тамъ, въ приморскомъ домѣ!

— Куда я не могу идти за нимъ.

— Потому-что старикъ пуститъ вамъ пулю въ лобъ. Шесть луидоровъ! Знаете ли что, баринъ?—мнѣ кажется, что эти шесть луидоровъ не такъ-то скоро пожалуютъ ко мнѣ. Но я вамъ скажу и безъ денегъ, гдѣ вы найдете его, если вы только позволите мнѣ переѣхать черезъ болото вотъ на этомъ гнѣдомъ.

— Ты съума сошелъ?

— Это будетъ гораздо скорѣе, чѣмъ подниматься на гору. Идетъ что ли?

Лежавшая передъ ними дорога поднималась довольно круто на пригорокъ, который, въ качествѣ отрасли лежавшихъ по лѣвую руку горныхъ укрѣпленій, шелъ далеко въ пустошь. Направо отъ пригорка тянулось обширное болото черезъ пустошь вплоть до лѣсу, гдѣ посредствомъ того ручья, по теченію котораго шелъ Готтгольдъ сегодня въ полдень, оно изливалось въ море. Вершина этого пригорка безъ сомнѣнія опустилась когда-то въ болото, потому-что длинные земляные валы обрывались съ этой стороны въ видѣ утеса, который въ моментъ погруженія могъ быть довольно крутъ, но съ котораго бѣжавшая съ холмовъ вода смыла съ теченіемъ времени такъ много, что образовался неправильный спускъ—и старая ухабистая дорога обрывалась на самомъ краю, въ то время какъ покрывавшіе спускъ большіе камни дѣлали проѣздъ, по немъ невозможнымъ, по крайней мѣрѣ для экипажей, хотя всадники и пѣшеходы и успѣвали пробраться черезъ нихъ. Конечно, положеніе дѣлъ было не такъ плохо въ то время, какъ Богиславъ и Адольфъ Венгофъ должны были скакать тутъ галопомъ въ экипажахъ, потому-что теперь развѣ только сумасшедшій рѣшился бы проѣхать это мѣсто въ экипажѣ иначе какъ шагомъ; такъ что Іохенъ Пребровъ былъ совершенно правъ, говоря, что ему—да и всякому другому—очень было бы легко исполнить безумное порученіе Курта и свалить въ день свадьбы молодую парочку со спуска въ болото.

Всадники остановили лошадей; Карлъ Брандовъ устремилъ взоры на холмъ и на болото.

— Ты съума сошелъ, сказалъ онъ еще разъ.

— Сошелъ или нѣтъ, вскричалъ съ нетерпѣніемъ Генрихъ Шеель,—но это должно исполниться. Я былъ сегодня утромъ въ Зальховѣ, чтобъ пораспросить немножко мастера Томсона. Этотъ малый всегда все знаетъ; они нарочно изъ-за гнѣдаго приказали отвести подъ господскія скачки участокъ болотистой земли, потому-что они думаютъ, что вамъ придется такимъ образомъ дѣлать большіе крюки. Ну, баринъ, если вы до такой степени облегчаете Бесси побѣду, то графу Грибену и другимъ господамъ это будетъ очень и очень на руку, да пожалуй и мнѣ тоже.

— Тебѣ это будетъ такъ же непріятно, какъ и мнѣ, сказалъ Брандовъ; а потомъ пробормоталъ сквозь зубы:—ну, да въ сущности теперь это все равно.

— Можно? сказалъ Генрихъ Шеель, очень хорошо замѣтившій нерѣшительность своего господина.

— Пожалуй.

На безобразномъ лицѣ Генриха Шееля сверкнулъ лучъ радости. Онъ повернулъ налѣво гнѣдаго, который давно уже грызъ отъ нетерпѣнія удила и проскакалъ галопомъ у самаго края болота шаговъ сто, потомъ остановился и закричалъ своему господину.

— Ловко?

— Да!

— Маршъ!

Гнѣдой сдѣлалъ сильный скачокъ и полетѣлъ по болотистой почвѣ. То тутъ, то тамъ слышались удары его легкихъ копытъ; то тутъ, то тамъ изъ подъ тонкаго слоя болотной травы брызгала вверхъ вода, но бѣшеное темпо не уменьшалось, а напротивъ того становилось повидимому все быстрѣе и быстрѣе, какъ будто бы благородное животное знало, что дѣло идетъ объ его жизни и жизни его всадника. То что считалось почти невозможнымъ — исполнилось, гнѣдой проѣхалъ болото и проѣхалъ бы и всякое другое.

— Нечего больше сомнѣваться, бормоталъ Брандовъ,— я могу держать какое угодно пари! И уступить это животное Плюггену! за какія нибудь жалкіе пять тысячь талеровъ! чтобъ я былъ такимъ глупцомъ! Конечно, онъ говорилъ это въ шутку; но деньги все таки должны быть на лицо, хотя бы мнѣ пришлось для этого украсть, хотя бы мнѣ пришлось совершить убійство. Эй!

Онъ не спускалъ глазъ съ гнѣдаго, въ то время какъ ѣхалъ галопомъ по пригорку, не обращая вниманія на дорогу, пока его рыжій, привыкшій ѣхать по этому мѣсту шагомъ, вдругъ отскочилъ отъ обрыва, такъ что изъ подъ копытъ у него посыпались хрящъ и рухлякъ.

— Эй! вскричалъ еще разъ Брандовъ останавливая испуганное животное,—я чуть было не убилъ самого себя!

Онъ осторожно спустился по другой сторонѣ пригорка и подскакалъ къ Генриху, который галопировалъ взадъ и впередъ на краю болота, стараясь успокоить тяжело-дышащую лошадь.

— Что скажете, баринъ?

— Что ты—безподобный малый; ну, твое желаніе исполнилось, скажи же мнѣ за это, гдѣ по твоему мнѣнію, я найду его?

— На могилѣ гунновъ, сказалъ Генрихъ,—я былъ тамъ наверху послѣ того какъ онъ ушелъ оттуда, и нашелъ что-то въ родѣ ящика. Тамъ былъ и ключикъ; онъ пишетъ этимъ свои картины, какъ я легко понялъ. Ящикъ былъ бережно поставленъ въ тѣни; но въ шесть часовъ солнце будетъ тамъ, гдѣ сегодня въ полдень была тѣнь, и, сколько могу судить, онъ возвратится туда около этого времени.

— Шесть часовъ, сказалъ Брандовъ, смотря на свои часы.

— Въ такомъ случаѣ, ступайте туда и зовите его къ себѣ. Мнѣ надобно отвести гнѣдаго домой. Сказать ли барынѣ, что у насъ сегодня же вечеромъ будетъ гость?

— Пока я самъ еще не знаю этого.

— Она конечно очень обрадуется.

— Убирайся, ступай домой и держи языкъ на привязи.

По безобразно-странному лицу Генриха пробѣжала отвратительная улыбка, онъ бросилъ язвительный взоръ на своего господина, но не возражалъ ничего, а обернулся къ гнѣдому и поѣхалъ медленнымъ галопомъ.

— Я очень хорошо могъ бы разсказать ему все, разговаривалъ самъ съ собою Карлъ Брандовъ, направляя лошадь черезъ пустошь въ лѣсъ,—мнѣ кажется, этотъ проклятый малый видитъ меня насквозь. Все равно, надобно же имѣть кого нибудь, на кого бы можно было положиться, и, наконецъ, на этотъ разъ мнѣ безъ него и не справиться. Я очень неохотно навязываю себѣ на шею этого глупца, но вѣдь это шансъ—и я былъ бы дуракъ, еслибъ въ моемъ положеніи вздумалъ еще чиниться.

Карлъ Брандовъ, ѣхавшій шагомъ по кочковатой лѣсной дорогѣ, опустилъ повода и вынулъ изъ кармана письмо, которое ждало его дома, когда онъ возвратился туда за полчаса передъ этимъ.

«Многоуважаемый и дорогой другъ! Спѣшу сообщить вамъ, что вчера попечительный совѣтъ (какъ я предвидѣлъ и предсказывалъ вамъ) рѣшилъ единодушно: не допускать ни въ какомъ случаѣ отсрочки, но требовать отъ васъ исполненія обѣщанія, даннаго вами изустно и письменно, и взыскать разомъ, въ день срока, десять тысячь. Мнѣ очень прискорбно, что я долженъ писать вамъ это послѣ тѣхъ признаній, которыя вы сдѣлали мнѣ; но я вполнѣ увѣренъ, что вы, по свойственной вамъ впечатлительности, считаете ваше положеніе отчаяннѣе, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ. Во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется гораздо лучше предупредить васъ, чтобы вы могли воспользоваться тѣми восмью днями, которые еще остаются вамъ, для открытія новыхъ источниковъ, если старые дѣйствительно вполнѣ истощились.

Я пріѣду къ вамъ пятнадцатаго числа, такъ какъ я и безъ того долженъ быть въ это время въ вашихъ мѣстахъ,—и могу, если хотите, взять съ собою деньги и избавить васъ отъ поѣздки сюда. Можетъ быть со мною поѣдетъ жена, которая чрезвычайно рада посмотрѣть на Долланъ, о романтическомъ положеніи котораго она такъ много слышала отъ меня, и повидаться съ своими пріятельницами—госпожею Волланъ въ Прорѣ и вашею супругою. Какого вамъ еще сильнѣйшаго доказательства въ моемъ убѣжденіи, что вы такой человѣкъ, который съумѣетъ отдѣлить вѣстника отъ вѣсти, и что я остаюсь, какъ и всегда, искренно преданнымъ вамъ и вашей милой супругѣ.

Бернгардомъ Селльенъ.

P. S. Сейчасъ узналъ я нѣчто, что чрезвычайно заинтересовало меня, а можетъ быть заинтересуетъ и васъ. Готтгольдъ Веберъ, превосходный пейзажистъ, съ которымъ вы, какъ вы случайно разсказывали мнѣ потомъ, были такъ дружны еще въ школѣ, проѣхалъ сегодня черезъ Зундинъ по дорогѣ въ Прору и думаетъ пробыть тамъ и въ окрестностяхъ нѣсколько времени. Безъ всякаго сомнѣнія, вы навѣстите его, или можетъ быть онъ навѣститъ васъ. Онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, съ которыми пріятно встрѣтиться, хотя бы для этого и пришлось сдѣлать нѣсколько крюку».

Карлъ Брандовъ презрительно засмѣялся, кладя письмо опять въ карманъ и подбирая опять поводья.

— Мнѣ кажется, самъ чортъ вмѣшался въ это дѣло. Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ, что этотъ человѣкъ будетъ здѣсь, меня преслѣдуетъ мысль, что онъ, именно онъ, можетъ спасти меня. Почему? вѣроятно потому, что только глупецъ рѣшится на это, а онъ самый величайшій изъ всѣхъ, какихъ я когда либо зналъ. И въ то время, какъ я проѣхалъ сегодня утромъ у него подъ носомъ, всѣ то и дѣло что наводили меня на слѣдъ, который онъ такъ старательно скрываетъ отъ меня. Отъ этого-то, видно, Іохенъ и не рѣшался говорить со мною утромъ о своемъ пассажирѣ, да и теперь не хотѣлъ сказать гдѣ онъ; но—онъ принадлежитъ къ тѣмъ людямъ, для которыхъ съ удовольствіемъ можно сдѣлать нѣсколько крюку. И какой это будетъ пріятный сюрпризъ для нея, когда я приведу его къ ней!

И всадникъ еще разъ разсмѣялся, но этотъ смѣхъ звучалъ еще горче чѣмъ въ первый разъ—и онъ перервалъ его еще скорѣе, закусивъ нижнюю губу и хлеснувъ бинемъ по двумъ или тремъ слишкомъ выдавшимся на дорогу вѣткамъ.

— Какъ она поблѣднѣла, когда попъ выболталъ эту новость. Разумѣется, она старалась не подать и виду, что это производитъ на нее такое впечатлѣніе; объ этомъ нечего и говорить! Жаль только, что послѣ того, какъ вы пользовались изо дня-въ-день, въ теченіи девяти или десяти лѣтъ, удовольствіемъ совмѣстной жизни, отъ васъ ничего не скроется. Она не вѣритъ уже въ мою любезность, да и я тоже нѣтъ. А какъ смотрѣла она, когда я, вскорѣ послѣ этого, уѣхалъ!—словно она знала, о чемъ идетъ дѣло; но я такъ часто сердилъ ее этимъ человѣкомъ, что теперь я могу имъ и порадовать ее. Но конечно, прежде чѣмъ схватить моего мосьё, надобно поймать его. Ну, это мы скоро увидимъ!

И Карлъ Брандовъ соскочилъ съ сѣдла, привязалъ лошадь къ суку дерева и началъ подниматься по узенькой тропинкѣ черезъ лѣсъ къ могилѣ гунновъ.

IX.

Готтгольдъ работалъ на верху уже съ полчаса, съ жаромъ пейзажиста, спѣшащаго воспользоваться даннымъ моментомъ, который уже не повторится. Если небо, земля и море и будутъ красоваться опять завтра, при закатѣ солнца, этими свѣтлыми мѣстами; если тѣни съ холмовъ и упадутъ опять на долину, на ущелья;—онъ уже не будетъ на этомъ мѣстѣ, чтобы наверстать позабытое, чтобы докончить начатое.

Такимъ образомъ сидѣлъ онъ на низенькой плитѣ могилы гунновъ, съ мольбертомъ на колѣняхъ, впивая пылкимъ взоромъ художника красоту мѣста и времени, творя трудолюбивою рукою художника снимокъ съ этой красоты. И краски на палитрѣ смѣшивались сами собою, и каждая черта кисти на маленькомъ полотнѣ приближала копію къ оригиналу съ такою скоростью, которымъ самъ художникъ не могъ нарадоваться и надивиться. Такъ скоро никогда еще не шла у него работа, такъ дружески никогда еще не сходилось намѣреніе съ исполненіемъ, такъ сильно никогда не счастливило его высокое ощущеніе своей силы.

— И неужели же мечта, что я тутъ только могу быть тѣмъ, чѣмъ мнѣ назначено быть,—больше чѣмъ мечта? говорилъ онъ самъ себѣ,—и неужели же глубокомысленная мудрость миѳа объ Антеѣ подтвердится и на мнѣ? Ну конечно, всѣ мы дѣти земли; наша мать не виновата, если мы, оторвавшись отъ нея, стремимся къ далекимъ солнцамъ, отъ страшнаго жара которыхъ быстро таютъ у насъ восковыя крылья. Я былъ тамъ, въ Италіи, подобнымъ Икаромъ.

— Да, да, вскричалъ онъ громко,—Римъ, Неаполь, Сиракузы, вы, эдемы художниковъ,—что значитъ этотъ клочекъ земли въ сравненіи съ вами! а между тѣмъ для меня онъ больше, несравненно больше, чѣмъ вы; онъ—моя родина.

— Въ которой старый другъ отъ всей души привѣтствуетъ тебя, сказалъ звонкій голосъ позади него.

Готтгольдъ съ испугомъ обернулся.

— Карлъ Брандовъ!

Онъ стоялъ тамъ—стройная гибкая фигура, прислонившаяся къ глыбѣ, на которой лежала утромъ змѣя,—и его круглые жесткіе глаза напомнили Готтгольду о неподвижныхъ змѣиныхъ глазахъ.

— Конечно, это я, сказалъ Карлъ Брандовъ, подходя ближе съ улыбкой, которой слѣдовало быть дружеской, но которая была такъ же холодна, какъ и протянутая Готтгольду рука, куда онъ, колеблясь, положилъ свою руку.

— Какъ ты нашелъ меня? спросилъ Готтгольдъ.

— Я—старый охотникъ, возразилъ Брандовъ, показы-

вая свои бѣлые зубы.—Отъ меня не такъ-то легко скрыться, да еще въ моемъ собственномъ округѣ. Но я не хочу хвастать. Дѣло въ сущности очень просто. Я зналъ еще недѣли за двѣ, что ты будешь здѣсь; потомъ я услыхалъ у Плюггена въ Плюггенгофѣ—Отто Плюггена, *соломеннаго* Плюггена какъ называютъ его, если помнишь, для отличія отъ его меньшаго брата, *сѣннаго* Плюггена, которому достался Гранзевицъ,—я услыхалъ, говорю отъ нашего новаго пастора, что ты былъ вчера въ Рамминѣ и отправился въ Прору. Разумѣется, Плюггенъ, по моей просьбѣ, тотчасъ же послалъ туда экипажъ, чтобъ пригласить тебя въ Плюггенъгофъ; тебя тамъ ужь не было, ты отправился сегодня же утромъ съ Іохеномъ Пребровымъ пѣшкомъ въ Долланъ. Само собою разумѣется, что послѣ этого я не могъ уже оставаться ни на одну минуту въ Плюггенъгофѣ, несмотря на то, что мы только-что сѣли за столъ, чтобъ встрѣтить тебя съ полными стаканами въ рукахъ. Я чуть не загналъ обоихъ моихъ лошадей и напугалъ до полусмерти мою бѣдную жену, чтобы встрѣтить тебя хоть дорогою, въ случаѣ еслибъ ты оказался такъ жестокъ, что не захотѣлъ бы ждать нашего возвращенія. Пріѣзжаемъ, спрашиваемъ о тебѣ, еще не выходя изъ экипажа: никого не было! Моя жена и я смотримъ съ испугомъ другъ на друга. «Тамъ на могилѣ гунновъ есть кто-то!» говоритъ Генрихъ Шеель, мой фактотумъ, подходя къ экипажу: «онъ тамъ съ самаго утра». «Тутъ нѣтъ ничего невозможнаго, говоритъ моя жена;—онъ узналъ, что насъ нѣтъ дома, и по свойственному ему трудолюбію, пользуется этимъ временемъ. Это было его любимое мѣсто». Я не говорю ровно ничего, но бѣгу къ подзорной трубѣ въ комнатѣ на мезонинѣ—и вижу то, что Генрихъ, несмотря на свои косые глаза, видѣлъ безъ подзорной трубы; бѣгу опять внизъ, вскакиваю на лошадь—и нахожу того, кого искалъ. Это дивно-хорошо, что ты написалъ тутъ! право, великолѣпно! но теперь, смѣю просить, нельзя ли упаковать всю эту исторію? Это не уйдетъ и завтра, а на сегодня право довольно и передовольно. Съ двѣнадцати часовъ и до сихъ поръ—это можетъ выдержать только художникъ!

Карлъ Брандовъ перебросилъ уже себѣ черезъ плечо дорожную сумку Готтгольда, куда этотъ послѣдній уложилъ тѣмъ временемъ свои вещи.

— Постой на минуту! сказалъ Готтгольдъ.

— Ты не можешь довѣрить мнѣ своихъ сокровищъ?

— Совсѣмъ не то.

— Что же такое?

Готтгольдъ медлилъ; но ему нѣкогда было долго соображать.

— Вотъ что, сказалъ онъ.—Я не могу принять твоего приглашенія, какъ ни дружественно оно сдѣлано и какъ ни честны при этомъ, какъ я желаю думать, твои намѣренія.

— Но, ради Бога, почему же не можешь?

— Потому-что я оскорбилъ бы этимъ себя и въ нѣкоторомъ смыслѣ и тебя. Себя—потому-что я не могу быть въ Долланѣ, въ вашемъ домѣ, не дѣлаясь на каждомъ шагу, каждую минуту, добычей самыхъ горькихъ воспоминаній; а кто не избавляетъ себя, если только можетъ, отъ подобнаго испытанія! Тебя—потому-что надобно тебѣ сказать, Брандовъ, я всегда считалъ тебя своимъ врагомъ и никогда не смотрѣлъ на тебя съ пріязнью вплоть до сегодняшняго дня, вплоть до этого часу. Кто станетъ приглашать въ свой домъ человѣка, который, какъ ему извѣстно, смотритъ на него безъ всякой пріязни!

— Возможно ли? вскричалъ Брандовъ. — Такъ стало быть этотъ дуралей Плюггенъ и попъ были правы, когда говорили: «онъ не пойдетъ!» «Онъ пойдетъ!» сказалъ я: «и хотя бы для того только, чтобы доказать вамъ, что онъ остался тѣмъ же великодушнымъ человѣкомъ, какимъ онъ всегда былъ!»—Нѣтъ Готтгольдъ, ты оправдаешь мои слова, хотя бы изъ-за однихъ этихъ глупцовъ и имъ подобныхъ, которые воспользуются этимъ удобнымъ случаемъ, чтобы посмѣяться надъ Карломъ Брандовомъ, который всегда такъ важничаетъ, а потомъ остается съ носомъ. Нѣтъ, тутъ, къ сожалѣнію, есть вотъ что: я ужь не то, чѣмъ былъ; я бѣднякъ, я принужденъ былъ выучиться скромности;—но на этотъ разъ я не хочу быть скромнымъ, на этотъ разъ я не хочу. И такъ, твою руку, старый дружище! такъ! рѣшено! Я зналъ тебя лучше, чѣмъ ты самого себя.

Они начали всходить на холмъ: Брандовъ (который, не смотря ни на какія возраженія, продолжалъ нести готтгольдовы вещи)—не переставая говорить свойственнымъ ему смѣшнымъ и иногда опрометчивымъ образомъ; Готтгольдъ—молча и тщетно усиливаясь освободиться отъ оцѣпенѣнія, туманившаго ему мозгъ и сжимавшаго сердце. Онъ хотѣлъ быть правдивымъ, вполнѣ правдивымъ; онъ не исполнилъ этого. Онъ не сказалъ послѣдняго, потому-что не могъ сказать этого, такъ-какъ онъ показался бы глупцомъ, фатомъ, еслибъ сказалъ это, и грубымъ человѣкомъ, еслибъ не сказалъ, а сказалъ бы только: не хочу. Но развѣ это было не лучше, чѣмъ свидѣться съ нею?

Готтгольдъ остановился; онъ сорвалъ съ себя сюртукъ и жилетъ, какъ будто бы они душили его.

— Здѣсь въ лѣсу страшно душно, сказалъ Карлъ Брандовъ.—Было бы гораздо ближе, еслибъ мы спустились по другой сторонѣ, а потомъ пошли полемъ; но намъ надобно было сдѣлать крюкъ, хотя бы только для моего рыжаго. Вотъ онъ, этотъ плутъ, стоитъ и бьетъ отъ нетерпѣнія копытами. Ну, теперь *en avant!*

Брандовъ взялъ поводья, Готтгольдъ схватилъ часть своихъ вещей; такимъ образомъ они быстро шли лѣсомъ по тропинкѣ, которая вскорѣ вывела ихъ въ поле. Въ незначительномъ отдаленіи, отдѣленная только двумятремя лугами, да великолѣпною полосою ржи, лежала усадьба, частью уже въ тѣни, падавшей въ долину съ холма по лѣвую сторону пустоши, въ то время какъ вершины болѣе высокихъ садовыхъ деревьевъ и могучихъ тополей, окаймлявшихъ остальныя три стороны двора, горѣли, облитыя вечернимъ сіяніемъ. Окошечко маленькой комнаты на мезонинѣ сверкало и блестѣло. Готтгольдъ не могъ свести съ него глазъ; онъ ждалъ каждую минуту, что оно отворится—и она покажется въ рамѣ и погрозитъ ему бѣлою ручкою: ни шагу дальше, ради Бога ни шагу дальше! А потомъ у него опять становилось на душѣ, какъ тогда, когда онъ въ какой нибудь блаженный субботній вечеръ или чудное воскресенье выходилъ съ Куртомъ, а она, завидя ихъ возвращеніе, въ нетерпѣніи бѣжала къ нимъ на встрѣчу. Его волненіе возрастало съ каждымъ шагомъ; онъ почти не слыхалъ того, что говорилъ его спутникъ.

Но и Карлъ Брандовъ говорилъ въ эту минуту только для того, чтобъ скрыть отъ своего гостя тягостную свою заботу. Не лучше-ли было бы предувѣдомить ее о своемъ намѣреніи, рискуя вызвать противорѣчіе съ ея стороны, или, что еще хуже, обрадовать ее этимъ? Хоть бы по крайней мѣрѣ онъ воспользовался послѣднимъ случаемъ

и приготовилъ ее къ этому посѣщенію посредствомъ Генриха, вмѣсто того чтобъ запретить Генриху говорить ей объ этомъ? Или онъ, умный человѣкъ, поступая, какъ это уже часто случалось, по своему, ошибся въ разсчетѣ? Но что же можетъ случиться если онъ внезапно выступитъ передъ нею вмѣстѣ съ нимъ? Неужели она уличитъ его во лжи при гостѣ? скажетъ, что она ничего не знала и ея мужъ солгалъ? Отъ нея вѣдь это станется; но горе ей, если она сдѣлаетъ это!

— Вотъ мы и пришли! сказалъ Карлъ Брандовъ, подойдя къ аллеѣ старыхъ липъ, передъ крыльцомъ долланскаго дома.—Пожалуйте, дорогой гость, еще разъ пожалуйте!

Онъ сказалъ это очень громко, полуобратившись къ открытой двери, и закричалъ со всею силою своего звонкаго голоса: «Генрихъ! Фрицъ!—гдѣ вы пропадаете!»

Но въ домѣ ничто не шевельнулось, а на дворѣ никто не показывался.

— Это всегда такъ по воскресеньямъ, сказалъ Брандовъ.—Всѣ разбѣгутся, въ особенности же, если господина нѣтъ дома. Рика! Генрихъ! Фрицъ!

Полувзрослый малый, въ грязномъ красномъ камзолѣ и въ сапогахъ съ отворотами, выбѣжалъ на дворъ, и въ ту же самую минуту вышла изъ дому молоденькая служанка. Брандовъ встрѣтилъ обоихъ бранью. Служанка дерзко отвѣчала, что она была при барынѣ, которая никакъ не можетъ успокоить ребенка, онъ все еще плачетъ у ней на рукахъ; а малый пробормоталъ, взявъ лошадь за уздцы, что онъ вмѣстѣ съ Генрихомъ былъ при гнѣдомъ, который заболѣлъ рѣзью въ кишкахъ.

— О, чортъ возьми! вскричалъ Брандовъ:—проклятый Генрихъ, этого только не доставало! Я долженъ оставить тебя на минуту, или не пойдешь ли ты со мною?

Брандовъ, не дождавшись готтгольдова отвѣта, пустился бѣжать по двору. Ему нужно было узнать, что такое сдѣлалось съ гнѣдымъ. Да и у Цециліи есть дѣло въ дѣтской, она конечно, не скоро выйдетъ.

— Что такое съ ребенкомъ? спросилъ Готтгольдъ.

— Она упала въ ту самую минуту какъ барыня вернулась домой и какъ кажется сломала себѣ ручонку, отвѣчала дѣвушка, съ любопытствомъ осмотрѣвъ чужестранца своими сладострастными сѣрыми глазами, и бросилась въ домъ.

(Продолженіе будетъ).

Провъ Михайловичъ Садовскій.
Рис. Волковскій, грав. И. Матюшинъ.

Провъ Михайловичъ Садовскій.

Біографическій очеркъ.

Кому не извѣстенъ тотъ фактъ, что драматическая и оперная сцены Москвы и Петербурга находятся между собою въ обратномъ отношеніи? Сѣверная Пальмира, преизобилующая персоналомъ италіанской и русской оперы, который представляетъ въ постоянномъ наличномъ составѣ своемъ десятки рѣдкихъ голосовъ и талантовъ, одинъ другаго крупнѣе,—крайнѣ бѣдна драматическими артистами. Москва, гдѣ опера лишь періодически возникаетъ и вновь исчезаетъ, давно уже воспитала въ себѣ цѣлую школу комиковъ и служитъ какъ бы разсадникомъ талантовъ, серіозно и строго относящихся къ своему искусству. Еще весьма недавно, въ то время, какъ Петербургъ едва могъ указать двухъ-трехъ истинныхъ актеровъ, считая въ томъ числѣ гг. Самойлова и Васильева II,—въ Москвѣ сіяла цѣлая плеяда такихъ именъ какъ Щепкинъ, Васильевъ, Полтавцевъ, Шумскій, Самаринъ, Никифоровъ, Живокини и, наконецъ, незабвенный Садовскій. На нашихъ глазахъ, въ теченіи какихъ нибудь лѣтъ десяти, сошли со сцены и удалились на вѣчный покой первые трое изъ названныхъ дѣятелей московской школы; но преданія ихъ живутъ и доселѣ на подмосткахъ Малаго театра, и многообѣщающіе молодые артисты, какъ напр. гг. Вильде, Музиль и др. успѣшно идутъ по слѣдамъ ихъ. Едва-ли въ такой же степени замѣнима послѣдняя утрата, которая постигла московскую сцену въ лицѣ Прова Михайловича Садовскаго, скончавшагося 15 Іюля нынѣшняго года.

Но прежде чѣмъ говорить о значеніи этого артиста-художника, имя котораго займетъ почетное мѣсто въ исторіи русскаго театра, мы приведемъ здѣсь краткій очеркъ жизни Садовскаго до той поры, когда всѣми признанный талантъ его, проявившись въ полномъ блескѣ,

послужилъ истолкователемъ цѣлаго ряда замѣчательнѣйшихъ произведеній новѣйшей драматургіи.

Провъ Михайловичъ родился 11 октября 1818 года въ городѣ Ливнахъ, Орловской губерніи, гдѣ въ то время находился по дѣламъ отецъ его, рязанскій уроженецъ, служившій по откупамъ. До девяти лѣтъ ребенокъ жилъ съ отцомъ и матерью, а по смерти отца остался у матери и дяди (роднаго ея брата), актера-пѣвца провинціальныхъ театровъ. Григорій Васильевичъ Садовскій выпросилъ маленькаго племянника у сестры на свое попеченіе и взялъ его съ собою въ Тулу. Здѣсь начинается раннее знакомство будущаго артиста съ предстоящимъ ему поприщемъ. Проживая у дяди, сиротка переписывалъ его роли и каждый день посѣщалъ неказистый провинціальный театръ. Впослѣдствіи, вступивъ на сцену, онъ принялъ самое имя своего перваго наставника, перемѣнивъ отцовскую фамилію: *Ермолаевъ* на дядину: *Садовскій*.

Лишившись вскорѣ и этого покровителя, Провъ Михайловичъ нашелъ замѣну его въ родномъ братѣ умершаго, Дмитріѣ Васильевичѣ, извѣстномъ комическомъ актерѣ Оренбургскаго театра. Подъ его-то руководствомъ состоялся дебютъ четырнадцатилѣтняго юноши, на Тульской сценѣ, въ піэсѣ *П. Н. Арапова* «Ватель или потомокъ великаго человѣка». Отсюда начинается артистическая карьера молодаго Садовскаго, въ самомъ началѣ и еще долгое время спустя наряду съ первыми лаврами вплетавшая въ вѣнокъ его немало и терній. Послѣ удачнаго дебюта, начинающій актеръ съигралъ въ тотъ годъ болѣе двадцати ролей, за что и получилъ отъ директора Тульскаго театра Турчанинова—цѣлковый. Разочаровавшись въ Тулѣ, Садовскій отправился сначала съ дядей въ Калугу, а потомъ одинъ—въ Рязань. Здѣсь онъ присталъ къ труппѣ Шилкина и Вертовскаго, съ которыми и переѣхалъ въ Елецъ, но тамъ пришлось чуть не съ голоду умирать, питаясь чорнымъ хлѣбомъ и проживая въ какомъ-то чуланѣ. Изъ этого положенія, Садовскаго снова выручилъ дядя, увезшій его въ Воронежъ, гдѣ молодой актеръ пробылъ цѣлый годъ на ничтожномъ жалованьѣ, а затѣмъ скитался вмѣстѣ съ дядей то въ Тамбовъ къ Пивато, то въ Липецкъ, то въ Казань, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ и крайней нуждѣ—этой губительницѣ юныхъ талантовъ въ самомъ зародышѣ. Въ Казани прожилъ онъ полтора года въ весьма незавидномъ положеніи. Случайно, вмѣстѣ съ одной актрисой, ѣхавшей повидаться съ родными въ Москвѣ, Садовскій попалъ наконецъ въ первопрестольную столицу, гдѣ и пробылъ около двухъ мѣсяцевъ, постоянно посѣщая театръ. Столичная сцена была ему какъ бы откровеніемъ на трудномъ пути развитія. Запасшись здѣсь новыми впечатлѣніями, Садовскій снова объѣхалъ Тулу, Воронежъ и наконецъ Рязань, въ которой, навѣстивъ родныхъ, онъ поступилъ къ содержателю театра Азбукину. Здѣсь опасная болѣзнь заставила его истратиться вконецъ, такъ что для поправленія своихъ денежныхъ дѣлъ онъ, тотчасъ по выздоровленіи, долженъ былъ ѣхать въ Зарайскъ, а потомъ въ Тулу. На этотъ разъ пребываніе въ томъ городѣ, гдѣ состоялся первый дебютъ Садовскаго, оказалось гораздо сноснѣе. Судьба, до сихъ поръ щедрая на одни невзгоды, впервые улыбнулась ему послѣ цѣлаго ряда неудачъ; онъ сталъ первымъ лицомъ при театрѣ, а съѣздивъ въ Калугу, вернулся почти режиссеромъ. Но тутъ его ждалъ окончательный переворотъ. 15 марта 1838 года Садовскій переселился въ Москву, гдѣ вскорѣ былъ принятъ на сцену Императорскаго театра съ жалованьемъ на первый разъ 800 руб. ассигнаціями. Москва, гордившаяся уже своимъ Мочаловымъ и Щепкинымъ, не скоро оцѣнила талантъ молодаго комика; но начальство, въ свою очередь, обратило вниманіе на добросовѣстное исполненіе имъ своихъ ролей, и черезъ пять лѣтъ Садовскій получилъ первый бенефисъ. Съ этихъ поръ положеніе его было упрочено и началась для него новая эпоха, а вскорѣ затѣмъ и самъ онъ составилъ эпоху въ лѣтописяхъ московскаго театра, при которомъ оставался до кончины.

Дѣятельность Садовскаго въ Москвѣ распадается на три періода. Во время его поступленія, русская сцена была крайне бѣдна оригинальными русскими комедіями—и Недоросль и Бригадиръ, Горе отъ ума почти на половину урѣзанное, Ревизоръ—вотъ почти всѣ художественныя комедіи, на которыхъ могъ сколько нибудь развернуться въ то время истинный талантъ. Репертуаръ былъ заваленъ переводными мелодрамами французской и нѣмецкой школы съ трескучими эффектами, весьма нерѣдко и съ бенгальскимъ огнемъ,—какъ напримѣръ въ пресловутой «Жизни игрока». Даже первый литографированный портретъ (во весь ростъ) Прова Михайловича представляетъ его во французскомъ костюмѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, въ роли ламповщика, въ драмѣ «Великій Актеръ». Но могучему таланту, извѣдавшему во время артистическихъ разъѣздовъ свою родину вдоль и поперекъ, тѣсно было въ этихъ чуждыхъ рамкахъ; — и вотъ какъ бы на выручку ему является новый драматургъ съ своей чисто-русскою новинкою изъ купеческаго быта: «Свои люди сочтемся», рѣзко отдѣляющій своимъ появленіемъ второй періодъ дѣятельности талантливаго актера. Съ тѣхъ поръ эти два имени стали неразлучными: Островскій, какъ творецъ новаго репертуара, окончательно завладѣвшаго сценою Малаго театра въ теченіи пятидесятыхъ годовъ; Садовскій, какъ его истолкователь, чуть не вновь создавшій на подмосткахъ то, что было задумано въ кабинетѣ писателя. И какъ бы отголоскомъ этого обоюднаго значенія, самая трогательная дружба соединяла драматурга и актера въ продолженіи ихъ совмѣстной дѣятельности.

Излишне было бы распространяться здѣсь о громадности и разнообразіи таланта Прова Михайловича. Онъ извѣстенъ по всей Россіи, по крайней мѣрѣ въ главнѣйшихъ пунктахъ, посѣщенныхъ великимъ артистомъ уже въ апогеѣ своей славы во время артистическихъ путешествій. Онъ игралъ и въ Петербургѣ, и въ Нижнемъ-Новгородѣ, и въ Харьковѣ, и во многихъ другихъ городахъ. Позволимъ себѣ напомнить читателямъ, что имъ съ одинаковою добросовѣстностью и глубокою прочувствованностью созданы роли прикащика «Подхалюзина», Осипа и городничаго въ «Ревизорѣ», Скалозуба и Фамусова въ «Горе отъ ума», и цѣлый рядъ блестящихъ ролей: Любима Торцова, кучера Толстогораздова, Брускова, Дикаго, Краснова и т. д. «Сватьба Кречинскаго» всѣмъ успѣхомъ своимъ одолжена геніально созданной роли Расплюева. А какъ типичны и жизненны выходили у него пожилые чиновники, майоры, старые бояре и многое множество характерныхъ комическихъ лицъ изъ новѣйшаго репертуара цѣлой фаланги писателей, пошедшихъ по слѣдамъ Островскаго!

Въ началѣ и въ теченіи шестидесятыхъ годовъ для московскаго театра опять настала иная пора. Какъ бы реакціей послѣ наплыва оригинально-русскихъ комедій, изъ которыхъ многія въ послѣднее время этого періода нерѣдко представляли весьма посредственныя, дюжинныя самодѣлки, — репертуаръ начинаетъ оживляться комедіями Шекспира, Мольера и другихъ классиковъ. Публика нѣко-

торое время съ недовѣріемъ смотритъ на эту небывальщину, но скоро въ восторгѣ признаетъ совершившійся фактъ. То что не снилось, не грезилось Петербургу, въ Москвѣ творится на яву. Какъ на подборъ составленная московская труппа дѣлаетъ невозможное возможнымъ—и публика восхищается тѣмъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ могло бы вызвать лишь насмѣшливую улыбку. Припомните Садовскаго въ «Продѣлкахъ Скапена», «Докторѣ поневолѣ», «Укрощеніи строптивой» и проч., и проч.! Съ тою же поразительною жизненностью, съ тѣмъ олимпическимъ спокойствіемъ, которымъ отличалась игра его въ національномъ репертуарѣ, воспроизводилъ передъ нами Садовскій людей давно минувшихъ вѣковъ—и очарованнымъ зрителямъ казалось, что они вновь переживаютъ эти минувшія вѣка. Классическій репертуаръ былъ упроченъ на московской почвѣ.

Таковы двѣ громадныя заслуги покойнаго на поприщѣ русской сцены.

Въ послѣднее время Садовскій дважды посѣтилъ Петербургъ: лѣтомъ 1870 года, во время мануфактурной выставки, и въ лѣто 1871, при чемъ отличительныя черты игры его: простота, натура, спокойствіе, благородство и своеобразный юморъ возбуждали живѣйшій восторгъ и конечно надолго останутся въ памяти петербуржцевъ. Имя же честнаго труженика и славнаго русскаго артиста безсмертно въ исторіи русскаго драмматическаго искусства.

Погребеніе его происходило въ Москвѣ, во вторникъ 18 іюля, на Пятницкомъ кладбищѣ. Смерть его, какъ пишутъ въ «Московскихъ Вѣдом.», поразила всѣхъ своею неожиданностью, хотя уже около двухъ мѣсяцевъ онъ былъ боленъ довольно тяжко; о смерти Садовскаго никто не зналъ, и наканунѣ похоронъ онъ еще числился больнымъ на афишѣ! Распорядители похронъ покойнаго не потрудились даже извѣстить редакціи газетъ о его кончинѣ. Нѣкоторые присоединились къ погребальному шествію по дорогѣ, случайно узнавъ, что хоронятъ Садовскаго. Вотъ причина, почему на похороны Садовскаго собралось, сравнительно, небольшое число почитателей его таланта. Товарищи покойнаго по театру, артисты народнаго театра, нѣсколько литераторовъ проводили тѣло покойнаго до его послѣдняго жилища. Гробъ Садовскаго, украшенный цвѣтами и вѣнками отъ его сотоварищей и артистовъ народнаго театра, былъ несенъ на рукахъ отъ дачи покойнаго на Башиловкѣ до церкви Благовѣщенія, что на Тверской-Ямской, гдѣ происходило отпѣваніе, а оттуда до кладбища. Въ церкви, мѣсто, гдѣ стоялъ гробъ, было уставлено цвѣтами и тропическими растеніями — приношенія артистическаго кружка. Предъ опущеніемъ въ могилу, на гробъ былъ положенъ вѣнокъ отъ артистическаго кружка. Бывшій старшина кружка М. С. Мостовскій, произнесъ на могилѣ покойнаго прочувствованную рѣчь, гдѣ указалъ на заслуги Садовскаго для русскаго театра. Когда горсти земли стали опускаться на крышку гроба, многіе плакали.

Лондонскіе воры.

Лондонское народонаселеніе, простиравшееся въ 1870 году до 3 милліон. человѣкъ, далеко оставляетъ за собою народонаселеніе всѣхъ прочихъ европейскихъ столицъ. Скученное на пространствѣ, которое, считая отъ Черингъ-Кросса (Charing Cross) заключаетъ въ себѣ около трехъ нѣмецкихъ миль въ радіусѣ, оно равняется народонаселенію цѣлой Голландіи и немногимъ чѣмъ уступаетъ народонаселенію Португаліи. Въ послѣдніе 20 лѣтъ лондонское народонаселеніе достигло цыфры, равняющейся числу жителей королевства греческаго, включая сюда же и разбойниковъ. Правда, разбойники не занимаются такъ открыто своимъ ремесломъ на улицахъ и въ окрестностяхъ Лондона, какъ на классической почвѣ Греціи; но еще не такъ-то давно на лондонскихъ улицахъ было такъ же не безопасно, какъ теперь въ горахъ Греціи, а *Highwaymen*, «рыцари большихъ дорогъ», пользовались въ старой Англіи такимъ же почетомъ какимъ пользуются теперь ихъ сотоварищи въ Аркадіи.

Гигантскій городъ притягиваетъ къ себѣ всѣ нечистые элементы на подобіе магнита. Между его милліонами живетъ какъ бы особенный народъ, объявившій войну закону и пользующійся всякимъ благопріятнымъ случаемъ для того, чтобъ повредить гражданскому обществу и выместить на немъ свое зло. Въ 1868 году воровъ, пристанодержателей, бродягъ и другой подозрительной сволочи различнаго рода считалось до 115,646 человѣкъ,—количество, достаточное для населенія какого нибудь германскаго герцогства и еще съ избыткомъ. Однихъ тѣхъ, которые занимаются кражей какъ ремесломъ, насчитываютъ до 22,950 человѣкъ. А лицомъ къ лицу съ этимъ войскомъ мошенниковъ стоитъ полицейская рать, простиравшаяся въ 1870 г., до 8876 человѣкъ, — именно: 24 главныхъ надзирателя, 255 надзирателей, 945 унтеръ-офицеровъ и 1752 полицейскихъ солдатъ, что составляетъ по одному констеблю на 401 жителя. Въ Берлинѣ къ 1-му сентября 1871 г. считалось на службѣ всего 580 охранителей, такъ что на 751 человѣка здѣсь приходится только по одному охранителю. Но этотъ разчетъ не совсѣмъ вѣренъ; къ берлинскимъ охранителямъ слѣдуетъ причислить еще ночныхъ сторожей, обязанность которыхъ отправляется въ Лондонѣ полицейскими. Не смотря на все это, лондонская полиція обходится народонаселенію, сравнительно, очень недорого. Такъ напримѣръ, въ томъ же Берлинѣ жители платятъ на содержаніе полиціи по 2 талера съ души, тогда какъ въ Лондонѣ они платятъ почти вдвое меньше, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что лондонская полиція превосходно обезпечиваетъ безопасность города, тогда какъ въ Берлинѣ само правительство должно было сознаться, что эта безопасность все болѣе и болѣе уменьшается.

До 1823 г. Лондонъ представлялъ собою превосходный *pendant* къ многочисленнымъ германскимъ государствамъ и швейцарскимъ кантонамъ. Каждый лондонскій кварталъ былъ самодержавенъ и обладалъ своей собственной полиціей—и эта полновластность охранялась такъ же ревниво, какъ и въ маленькихъ германскихъ государствахъ и швейцарскихъ кантонахъ. Полиція одного квартала всячески остерегалась преступить за границу другаго. Это былъ золотой вѣкъ для всѣхъ мошенниковъ, умѣвшихъ владѣть отмычкой и ломомъ. Прекращеніемъ этого жалкаго состоянія Лондонъ обязанъ сэру Роберту Пилю. Сначала на новую полицію смотрѣли со всѣхъ сторонъ съ недовѣріемъ и ненавистью, но она съумѣла вынудить себѣ уваженіе даже у самыхъ ожесточенныхъ противниковъ.

Вся лондонская полиція управляется теперь изъ глав-

ной квартиры въ *Scotland Yard*, которая сносится по телеграфу со всѣми безъ исключенія караульнями громаднаго города, такъ что, въ случаѣ нужды, наличный составъ ея, находящійся въ томъ или другомъ мѣстѣ, можетъ быть увеличенъ въ какое угодно время. Главная задача ея—предотвращать своею бдительностью преступленія, а слѣдовательно безопасность мирныхъ жителей отъ мошенниковъ, которые не хотятъ работать. Охраненіе безопасности государства: конфискацію газетъ, надзоръ за политическими сходками, и т. п. лондонская полиція не беретъ на себя; она позволяетъ каждому говорить и писать что ему угодно, и въ этомъ отношеніи существенно разнится отъ полиціи другихъ государствъ.

Главная сила лондонской полиціи назначается для улицъ; все подлежащее надзору протяженіе заключаетъ въ себѣ 6708 англійскихъ или 1448 нѣмецкихъ миль длины—то есть столько же, сколько дорога отъ Лондона черезъ океанъ и Нью-Іоркъ въ Санъ-Франциско. Это протяженіе раздѣляется на 921 денныхъ и 2126 ночныхъ рунда, такъ что дозорная стража дѣлаетъ, среднимъ числомъ, днемъ $7^1/_2$, а ночью 2 англ. мили или около $1^1/_2$ и $^1/_2$ нѣмецкихъ миль. Согласно съ этимъ, днемъ бываетъ на ногахъ только третья часть полицейскихъ, а ночью отъ 10-ти часовъ вечера до 6 часовъ утра вдвое больше. Но и днемъ служба на лондонскихъ улицахъ — вещь не легкая, такъ какъ полицайскій долженъ заботиться также и о порядкѣ сообщеній; это можно видѣть уже изъ того, что по одному лондонскому мосту проходитъ ежедневно до 60,000 пѣшихъ и проѣзжаетъ до 25,000 экипажей. Омнибусовъ и дрожекъ, которые тоже подлежатъ его надзору, насчитывается до 7000. Наконецъ, лондонскіе констебли обязаны также ловить собакъ, у которыхъ нѣтъ хозяевъ (около 1400 штукъ въ мѣсяцъ), и подбирать пьяныхъ, которыхъ въ 1868 году было представлено не меньше 19,632 человѣкъ (въ томъ числѣ 9415 женщинъ). Больше всего бываетъ пьяныхъ на улицахъ между 7 и 10 часами вечера; въ это же время больше всего бываетъ тамъ и полицейскихъ, потому что долголѣтніе опыты доказали, что число преступниковъ состоитъ въ тѣсной связи съ числомъ пьяныхъ,—такъ какъ все, что производитъ на улицахъ стеченіе народа, привлекаетъ мошенниковъ и воровъ сотнями. Метода уличныхъ воровъ очень проста. Коль скоро любопытный, у котораго *mobsman* (мелкій воришка) чуетъ хорошую добычу, подойдетъ къ толпѣ на улицѣ, двое мошенниковъ начинаютъ тѣснить его спереди, а двое другихъ сзади. Если избранная жертва держитъ руки въ карманахъ, то ударъ по головѣ надвигаетъ ему на глаза шляпу, а когда онъ подниметъ руку, чтобы открыть себѣ глаза, одинъ изъ мошенниковъ давитъ его рукой въ грудь, въ то время какъ другой съ удивительною скоростію очищаетъ карманы, прибирая къ рукамъ все, что въ нихъ находится.

Эти мошенники посѣщаютъ аккуратно всякое сколько нибудь значительное общественное собраніе, для того чтобы ловить тамъ въ мутной водѣ рыбу,—особенно: интересныя судебныя разбирательства, а также проповѣди любимыхъ священниковъ. Одинъ такой случай доставляетъ имъ обыкновенно не менѣе 40 кошельковъ и столько же часовъ. Точно такъ же аккуратно посѣщаютъ они и оперу, а также и народныя собранія въ Экстеръ-Голлѣ *(Exeter Hall)*. Ни одно миссіонерское собраніе, ни одна сколько нибудь замѣчательная проповѣдь, ни одна церковь, посѣщаемая фешенебельнымъ свѣтомъ, не бываетъ забыта ими,—и мошенникъ является и здѣсь въ видѣ образованнаго человѣка, одѣтаго по послѣдней модѣ, такъ что его принимаютъ за щеголя изъ высшаго класса, и онъ можетъ безъ всякой опасности смѣшаться съ обществомъ. Тутъ ужъ мошенникъ долженъ разсчитывать, большею частію, на свою собственную ловкость; но если онъ ищетъ особенно богатыхъ результатовъ, то приглашаетъ помощника. Опасность быть открытымъ значительна, и поэтому-то часы, кошелекъ, драгоцѣнность или брошка, которые одинъ беретъ отважной рукой, должны въ ту же минуту перейти въ руки другаго и, если возможно, совсѣмъ исчезнуть со сцены. Но коль скоро какое нибудь ужасное извѣстіе привело въ волненіе собравшихся, мошенникъ можетъ стричь своихъ овецъ, т. е. красть, не возбуждая подозрѣнія, и прятать свою добычу въ безопасное мѣсто. Чтобы приготовить себѣ подобный праздникъ, мошенники пускаютъ иногда слухъ о пожарѣ.

Особенно удобную арену для воровъ представляютъ собою вокзалы желѣзныхъ дорогъ. Коль скоро легкомысленный пассажиръ вышелъ изъ залы, гдѣ онъ дожидался поѣзда, чтобъ справиться насчетъ него или за какимъ нибудь другимъ дѣломъ, его дорожнаго мѣшка, оставленнаго имъ въ залѣ, какъ не бывало.

Воры въ Лондонѣ формальнымъ образомъ воспитываются. Начиная съ пятаго или шестаго года, ребенка учатъ красть, а потомъ посылаютъ на улицу, чтобы примѣнить къ дѣлу то, чему онъ научился. Изъ этихъ мальчиковъ выходятъ въ короткое время настоящіе мастера своего дѣла, не имѣющіе себѣ подобныхъ въ отношеніи остроты зрѣнія, тонкости слуха, легкости прикосновенія и почти неслышной походки. Такой маленькій негодяй притворяется на улицѣ вполнѣ равнодушнымъ, тогда какъ отъ его бдительныхъ глазъ не уходитъ ничто; въ то время какъ онъ по видимому направляется въ одно мѣсто, вдругъ совершенно неожиданно видишь его въ другомъ. А не то онъ играетъ повидимому самымъ невиннымъ образомъ съ своими сверстниками, но при этомъ всѣ его мысли устремлены на проходящихъ, для того чтобъ выслѣдить, у кого можно бы было стянуть шелковый карманный платокъ.

Не смотря на эту отмѣнную ловкость, *mobsman* считается только третьеклассным преступникомъ; онъ никогда не осмѣлится втереться въ общество *rampsmen* или *drummers* (барабанщиковъ). *Rampsman*—это отважный воръ, врывающійся ночью въ дома и грабящій силою. Презрѣніе, съ какимъ онъ смотритъ на всевозможныя опасности, и ловкость, къ какою онъ приступаетъ къ своей работѣ, заставляютъ его смотрѣть съ пренебреженіемъ на своихъ собратій, которые прибѣгаютъ больше къ хитрости и обману и не такъ смѣло приступаютъ къ дѣлу. Онъ избѣгаетъ знакомства съ ними,—потому что его *отвага*, его познанія въ изготовленіи и починкѣ орудій и ловкость, съ какою онъ владѣетъ ими, его чувство и гордость, съ какою онъ смотритъ на свое ремесло, ставятъ его во главѣ всѣхъ прочихъ классовъ преступниковъ—и эти послѣдніе безпрекословно признаютъ за нимъ первенство на которое онъ претендуетъ, — потому-что хитрость, проницательность, хладнокровіе и отвага такъ же уважаются въ этихъ кружкахъ, какъ и на полѣ сраженія. Да, кража съ взломомъ не только промыселъ, но и что-то въ родѣ игры, доставляющей тому, кто совершаетъ ее, умственное наслажденіе. Не нужда гонитъ героевъ этого разряда; но прелесть, какою сопровождается всякое приключеніе, заставляетъ ихъ часто браться за новое дѣло, когда они могли бы еще пользоваться результатами послѣдняго. Радостное чувство, овладѣвающее человѣкомъ при видѣ хорошо удав-

шагося дѣла, вызываетъ ихъ на другое. Но это требуетъ долгихъ приготовленій. Прежде всего нужно выслѣдить случай, и узнать съ точностію: какимъ образомъ запираются тѣ помѣщенія, которыя намѣреваются посѣтить. Вмѣстѣ съ этимъ нужно также узнать какъ можно вѣрнѣе, не будетъ ли какой помѣхи. Чтобы познакомиться съ домашними порядками, завязываются знакомства съ прислугою и работниками. У одного недавно пойманнаго вора найденъ подробный планъ сраженія, обстоятельный списокъ домовъ, сулившихъ болѣе или менѣе значительную добычу. Дома уже посѣщенные были совѣстливо вычеркнуты. Воры этого разряда живутъ обыкновенно на большую ногу; они держатъ даже лошадей и экипажи и не дорожатъ деньгами, согласно пословицѣ: какъ пришло, такъ и ушло.

Особенное отдѣленіе этого класса составляютъ такъ называемые *window-fishers* (удильщики въ окнахъ). Если они обстоятельно изслѣдовали днемъ то мѣсто, гдѣ лежатъ или висятъ за окномъ часы, цѣпи и прочія драгоцѣнности, то ночью они просверливаютъ въ ставнѣ дыру и вытаскиваютъ оттуда добычу помощью просовочныхъ петель.

Rampsman грабитъ или опьяняя или приводя ужасъ свою жертву. Онъ дѣйствуетъ обыкновенно въ соединеніи съ какой нибудь женщиной, хотя никогда не показывается вмѣстѣ съ нею до начала дѣла. Если дѣло идетъ о жертвѣ низшаго класса, то ее заманиваютъ въ какой нибудь шинокъ и, чтобъ совершитъ грабежъ безъ всякой помѣхи, подливаютъ въ вино какое нибудь наркотическое средство. Но если намѣреваются общипать человѣка высшаго класса, то дѣйствуютъ такъ хитро, что одураченная жертва прозрѣваетъ только въ послѣднюю минуту, когда уже поздно. До тѣхъ поръ у ней не бываетъ ни малѣйшаго подозрѣнія, чтобы люди съ которыми она имѣетъ дѣло не были людьми достойными полнѣйшаго уваженія. Обыкновенно дѣло ведется такимъ образомъ, что при наступленіи катастрофы все говоритъ противъ жертвы, которая, для избѣжанія гласности, охотно платитъ налагаемую на нее пеню. Затѣмъ глаза обманутаго раскрываются вполнѣ, но когда онъ разъяснитъ себѣ ходъ дѣла—бываетъ уже поздно. Сдѣланныя въ полицію заявленія не ведутъ ни къ чему, потому-что милая парочка давно уже улетѣла.

Къ четвертому разряду тѣхъ, которые промышляютъ кражею, принадлежитъ «*sneaksman*» (подлаза), или обыкновенный воръ, который крадетъ въ кухняхъ серебряныя вилки, ложки и все что ему попадется подъ руку. Онъ въ связи съ посредниками прислуги, совершающей кражу въ домахъ и магазинахъ, и съ помощниками ссудчиковъ подъ залоги и жидовъ. Затѣмъ онъ промышляетъ въ особенности росписками заемныхъ банковъ, составляющими значительную часть имущества какого нибудь бѣдняка, и доходитъ до такой низости, что обворовываетъ даже своихъ собственныхъ сподвижниковъ. Своею численностью этотъ классъ воровъ превосходитъ всѣ прочіе, но онъ же и самый презрѣнный изъ всѣхъ, такъ какъ для того чтобъ заниматься этимъ промысломъ не нужно ни мужества, ни особеннаго ума или искусства. Ни одинъ изъ гордыхъ «рампсменовъ», даже ни одинъ изъ мобсменовъ не согласится имѣть дѣла съ ворами этого разряда.

Столь же важный разрядъ въ лондонскомъ мірѣ преступниковъ представляютъ собою укрыватели и продавцы украденныхъ вещей. У этихъ господъ искусный воръ, когда его выпустятъ изъ тюрьмы, легко можетъ получить въ займы нѣсколько десятковъ фунтовъ стерлинговъ, чтобы стать, какъ говорится, на ноги. Вообще воры трудятся не столько для себя, сколько для укрывателей; этимъ послѣднимъ всегда достается львиная часть. Такимъ образомъ осудили недавно одного мошенника, который нажилъ себѣ своею преступною промышленностью 15,000 фунт. ст. Его «торговый домъ» находился въ сношеніяхъ съ Франціей, Испаніей, Германіей и Америкой и получилъ оттуда краденыя вещи, точно такъ же какъ и посылалъ ихъ туда.

Ночные рыцари дубравъ, благодаря которымъ большія дороги въ окрестностяхъ Лондона были вплоть до нашего столѣтія не безопасны,—вымерли. Гаунсловскій лѣсъ (бывшій любимымъ мѣстопребываніемъ этихъ рыцарей ночи), къ которому, лѣтъ за 50 передъ этимъ, путешествовавшій верхомъ или въ почтовыхъ и другихъ экипажахъ приближались со страхомъ и трепетомъ — теперь одна изъ самыхъ веселыхъ мѣстностей въ окрестностяхъ гигантскаго города. Упомянутые выше рыцари не нападаютъ уже больше на почтовые экипажи, потому что эти послѣдніе должны были уступить мѣсто желѣзнымъ дорогамъ. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, это повело только къ перемѣнѣ сцены и тактики,—потому что первые классы спѣшныхъ поѣздовъ такъ же не безопасны какъ прежде почтовые экипажи. Лондонская полиція хорошо знаетъ это по тѣмъ шестидесяти мошенникамъ, которые не только путешествуютъ по англійскимъ желѣзнымъ дорогамъ, но посѣщаютъ и континентъ.

Являясь въ самой изящной одеждѣ, подобный мошенникъ осматриваетъ, прежде всего, поѣздъ готовый отправиться, чтобы найти какое нибудь купе, гдѣ сидѣлъ бы одинъ только пассажиръ. Коль скоро онъ помѣстился подлѣ него, то сію же минуту является третій, судя по наружности иностранецъ. Когда поѣздъ придетъ въ движеніе, этотъ третій достаетъ колоду картъ и предлагаетъ второму сыграть для препровожденія времени. Само собою разумѣется, что этотъ послѣдній сначала отвергаетъ это предложеніе, но потомъ соглашается, и такимъ образомъ червонцы начинаютъ переходитъ то на ту, то на другую сторону. Чтобы заохотить курочку, которую сбираются общипать, одинъ изъ мошенниковъ играетъ худо,—такъ что проигрываетъ. Если избранная жертва не въ состояніи противиться этому искушенію, она пропала. Хотя эта уловка чрезвычайно проста, но тѣмъ не менѣе находятся такіе глупцы и ослѣпленные, которые поддаются ей. Обкраденный пассажиръ терпѣливо переноситъ свою потерю; частію стыдясь своей собственной глупости, частію же потому, что судъ откажетъ ему въ искѣ, такъ какъ имъ самимъ руководило корыстолюбіе, вслѣдствіе чего онъ и дался въ руки мошенникамъ.

Если распредѣленіе труда, изобрѣтенное въ Англіи, приводится тамъ въ исполненіе больше чѣмъ гдѣ либо, то и англійскіе мошенники стараются извлечь изъ этого учрежденія всевозможную пользу. Каждый принадлежитъ, какъ показано выше, къ отдѣльному цеху, и занимается особенной отраслью громадной промышленности. Согласно съ этимъ, принципъ распредѣленія труда былъ принятъ и полиціей. Уличная полиція имѣетъ дѣло только съ уличными ворами. Въ 1842 г. организованъ особый классъ должностныхъ лицъ, которому принадлежало, въ 1869 г., 180 человѣкъ сыщиковъ (*detectives*). На долю этихъ людей выпало выслѣживать самыхъ ловкихъ преступниковъ, самыхъ отважныхъ воровъ, убійцъ, фальшивыхъ монетчиковъ, укрывателей, и т. п. Объ ихъ усердіи и искусствѣ авторы уголовныхъ романовъ не могутъ наговориться;

какъ бы ни былъ хитеръ преступникъ, но онъ находитъ себѣ ровню въ своемъ сыщикѣ.

Въ 1868 г. въ Лондонѣ было арестовано 9799 человѣкъ только за нарушеніе правъ собственности, изъ которыхъ 6145 были приговорены къ наказанію, какъ уличные преступники. Уличный воръ долженъ, среднимъ числомъ, украсть въ день столько, сколько могутъ стоить шесть шелковыхъ платковъ, если онъ хочетъ заработать себѣ кусокъ «насущнаго хлѣба». Статистика показываетъ, что онъ можетъ совершить 300—400 подобныхъ преступленій, прежде чѣмъ подвергнется наказанію. Съ тѣхъ поръ какъ висѣлища и ссылка отмѣнены, воръ платится за свое преступленіе потерею свободы; но содержаніе въ смирительныхъ домахъ такъ превосходно, что самое наказаніе потеряло всю свою ужасающую силу. Что касается до «системы молчанія», то мошенники успѣваютъ справляться, въ извѣстной степени, и съ нею. Сидя порознь, въ отдѣльныхъ кельяхъ, они сносятся между собою, не произнося ни одного слова, а, встрѣтившись другъ съ другомъ, объясняются глазами. Есть преступники до такой степени искусные, что, смотря въ лицо надзирателю, объясняются между тѣмъ съ товарищемъ, такъ что надзиратель и не подозрѣваетъ этого.

Термиты или бѣлые муравьи.

(Продолженіе).

Какъ пчелы и муравьи, такъ и *термиты* или *бѣлые муравьи* распадаются на различныя сословія или касты, представители которыхъ изображены подъ цифрами на рисункѣ въ № 37, стр. 589.

Въ полномъ термитаріи (представленномъ въ разрѣзѣ на заднемъ планѣ рисунка) должны быть: король (1.) и королева (3.), такъ называемые *imago* или вполнѣ развитыя насѣкомыя съ ихъ личинками и куколками, и безполые работники (2) и солдаты (4) съ ихъ личинками. Фигура 5 на рисункѣ изображаетъ молодыхъ термитовъ.

Термиты—маленькія насѣкомыя, похожія на муравьевъ, которыя, однакоже, принадлежатъ не къ перепончатокрылымъ *(hymenoptera)*, какъ эти послѣдніе, а къ сѣтчатокрылымъ *(neuroptera)*. Свои длинныя слабыя крылья они получаютъ только въ послѣдній періодъ своего развитія, и поэтому-то *imago* встрѣчаются въ термитаріи только въ извѣстное время. Послѣ того какъ *imago*, воспользовавшись этими крыльями, улетятъ изъ термитарія и совокупятся, они утрачиваютъ ихъ и дѣлаются добычей безчисленныхъ враговъ, поджидающихъ этого благопріятнаго момента. Остающіеся самцы и самки *imago* дѣлаются основателями новыхъ общинъ термитовъ и получаютъ на этомъ основаніи названіе короля и королевы. Безполые работники и солдаты—всегда безъ крыльевъ и различаются между собою только формой и вооруженіемъ головы. Эта часть тѣла у работниковъ гладкая и круглая, а ротъ устроенъ для сооруженія необходимыхъ для термитарія построекъ; у солдатъ голова очень широка и снабжена всевозможными орудіями для нападенія и для защиты, роговыми выдающимися челюстями, имѣющими форму пики и трезубца, серпами, саблями и пилами. Работники и солдаты слѣпы, но благодаря замѣчательной силѣ осязанія, превосходно исполняютъ свою задачу; одни строятъ, дѣлаютъ крытые ходы, вскармливаютъ молодое поколѣніе, пекутся о королѣ и королевѣ, родоначальникахъ всей колоніи, и обезпечиваютъ выходъ для самцовъ и самокъ, когда, получивъ крылья, они вылетаютъ роями для совокупленія; другіе защищаютъ общину отъ враждебныхъ пришельцевъ и называются вслѣдствіе этого солдатами.

Какое назначеніе имѣютъ тѣ остроголовые экземпляры, которые найдены въ отдѣльныхъ гнѣздахъ вмѣстѣ съ обыкновеннымъ работниками и солдатами,—это еще не разъяснено. Докторъ *Гагенъ*, посвятившій въ своемъ превосходномъ сочиненіи: *Linnea entomologica,* термитамъ 10 и 12 томы, считаетъ ихъ, основываясь на неправильности ихъ формы, особымъ сословіемъ и даетъ имъ названіе *Nasuti*, по русски долгоносые или остроносые.

Такъ же мало какъ эти долгоносые извѣстна и задача короля. Согласно со всѣми до сихъ поръ наблюденіями, самецъ у насѣкомыхъ умираетъ вскорѣ послѣ того, какъ онъ совокупится и исполнитъ такимъ образомъ цѣль своей жизни. У термитовъ же король—какъ недавно подтвердили фактически *Батесъ* и *Леспесъ* — встрѣчается въ кельѣ королевы и по совершенномъ совокупленіи. А такъ какъ королева, какъ можно заключить изъ ея роста, живетъ отъ двухъ до трехъ лѣтъ, то и ея партнеръ долженъ, приблизительно, достигать того же возраста; но подобная долговѣчность была бы еще болѣе поразительной аномаліей. Можетъ быть будущееe разъяснитъ и эту тайну термитарія.

Когда королева оплодотворена, то задняя часть тѣла раздувается у ней въ видѣ мѣшка и достигаетъ подъ конецъ такого объема, который въ двѣ тысячи разъ больше прежняго. *Смитсменъ* (*Smeathmann)* неоднократно наблюдавшій надъ этимъ, видѣлъ какъ она метала по 60 яицъ въ одну минуту, что составляетъ около 80,000 въ день. *Бобъ Моро* пишетъ въ своей монографіи, что въ 1843 г., въ концѣ мая, попадавшіяся ему личинки были такъ малы, что онъ думалъ, будто они только что вышли. Въ концѣ сентября онъ замѣтилъ личинки такихъ же крошечныхъ размѣровъ, а потомъ въ концѣ октября, незадолго до переселенія, такъ что выходитъ, что королева несетъ яица по меньшей мѣрѣ годъ. Ея потомство, по анатомическимъ изслѣдованіямъ *Гагена*, простирается до нѣсколькихъ милліоновъ. Преемникъ Смитсмена, миссіонеръ *Севеджъ* нашелъ въ западной Африкѣ, между прочимъ, одну королеву въ $^{2}/_{3}$ дюйма длины; онъ видѣлъ какъ холмъ увеличивался пять лѣтъ кряду, а такъ какъ королева всегда бываетъ соотвѣтствующей величины, то онъ и заключилъ, что она живетъ столько же лѣтъ. Двѣ королевы въ одной кельѣ встрѣчаются только въ видѣ исключенія, но не иначе какъ отдѣленныя другъ отъ друга перегородкой. Берлинскій профессоръ *Петерсъ* встрѣтилъ даже однажды во время своего пребыванія въ Мозамбикѣ двухъ королевъ различныхъ родовъ въ одномъ зданіи. Но всего поразительнѣе въ этомъ отношеніи разсказъ Батса о термитахъ на Амазонской рѣкѣ. Онъ говоритъ между прочимъ слѣдующее:

«Окрестность Сантарема состоитъ изъ песчаной почвы, покрытой только немногими отдѣльными деревьями, а въ дождливое время изобилующей травою и низменными кустарниками. Равнина въ нѣсколько квадратныхъ миль за городомъ—совершенно невоздѣлана и усѣяна во всевозможныхъ направленіяхъ термитскими холмами. При поверх-

ностномъ разсмотрѣніи кажется, какъ будто бы они принадлежатъ только двумъ почти одинаково часто встрѣчающимся видамъ: одни представляютъ собою низкій круглый конусъ или продолговатую кучу въ 18 дюймовъ вышины, зернистаго состава и чорнаго цвѣта, очень рѣзко отдѣляющагося отъ свѣтлаго цвѣта песка, на которомъ они стоятъ; другіе достигаютъ до 5 и 6 футовъ вышины, при поперечникѣ отъ 2 до 3 футовъ, имѣютъ неправильную кубическую форму, одинаковый цвѣтъ съ песчаною почвою и большое сходство съ песчанниковыми формаціями. Первые суть произведенія одного только рода термитовъ, которые работаютъ надъ подобнымъ зданіемъ въ несмѣтномъ количествѣ,—и заключаютъ въ себѣ только по *одной* оплодотворенной самкѣ, такъ называемой королевѣ, вмѣстѣ съ однимъ взрослымъ самцомъ. Большіе холмы, напротивъ того, произведенія нѣсколькихъ различныхъ родовъ, которые живутъ въ различныхъ частяхъ зданія и строятъ свои кельи изъ различнаго матеріала. Эти-то гнѣзда термитовъ составляютъ общее владѣніе нѣсколькихъ колоній различныхъ термитовъ, — вродѣ того, какъ одна и та же песчаная отмель служитъ пріютомъ всевозможнымъ муравьямъ и разнымъ другимъ перепончатокрылымъ. Эти холмы безъ сомнѣнія очень стары и растутъ очень медленно. Одинъ изъ живущихъ въ нихъ видовъ термитовъ не ограничивается увеличиваніемъ колоніи одной только парой. Однажды я нашелъ въ каморкахъ слишкомъ пятьдесятъ самцовъ и самокъ, почти въ одинаковомъ количествѣ».

Король и королева находятся постоянно въ заключеніи въ своихъ кельяхъ, построенныхъ въ серединѣ холма изъ каменной массы. Это доказывается ведущими къ этому склепу отверстіями, которыя такъ малы, что черезъ нихъ могутъ проскальзывать только приносящіе пищу работники.

«Невозможно», пишетъ *Батсъ* въ своемъ путешествіи по Амазонской рѣкѣ», различить личинки различныхъ кастъ, пока онѣ еще очень молоды; но на дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія легко узнать, какіе изъ нихъ будутъ самцами и самками, какіе работниками и солдатами. Работники всегда имѣютъ одну и ту же форму, солдаты обнаруживаютъ при дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія большую голову и выдающіяся челюсти, хотя и не такъ сильно развитыя какъ въ возмужаломъ возрастѣ. Самцы и самки узнаются по начаткамъ крыльевъ и глазъ, которые послѣ трехъ скидываній кожи становятся еще явственнѣе.

Такъ какъ до сихъ поръ было принято, что работники и солдаты—задержанные въ своемъ развитіи, посредствомъ уменьшеннаго питанія, самцы и самки,—то открытіе, что различныя касты отличаются другъ отъ друга съ самой первой ступени развитія тѣмъ важнѣе, что—вмѣсто случая—въ основаніи безплодности этихъ кастъ лежитъ скорѣе предназначеніе.

Возрастаніе молодаго семейства совершается мѣсяцевъ въ двадцать и затѣмъ наступаетъ величайшее событіе въ жизни термитовъ,—именно моментъ, когда самцы и самки получаютъ крылья и вылетаютъ изъ термитарія.

«Невозможно», говоритъ Батсъ, «наблюдать за термитаріемъ въ то время, какъ происходитъ этотъ вылетъ. Работники обнаруживаютъ величайшую дѣятельность, словно они знаютъ, что существованіе ихъ рода зависитъ отъ счастливаго выселенія и совокупленія ихъ братьевъ и сестеръ. Они разчищаютъ дорогу для ихъ большихъ, но слабыхъ тѣлъ, и прокусываютъ дыры въ наружныхъ стѣнахъ, для того чтобъ они могли вылетѣть. Выступленіе совершается не въ одинъ день, но продолжается до тѣхъ поръ, пока всѣ самцы и самки выскользнутъ изъ своихъ личинокъ и улетятъ. Оно происходитъ въ сырой тихій вечеръ или при облачномъ утреннемъ небѣ. Рои привлекаются свѣтомъ въ дома и миріадами летаютъ въ комнатахъ, наполняя при этомъ воздухъ громкимъ жужжаніемъ, и падаютъ иногда въ такомъ количествѣ, что тушатъ лампы.

Какъ термиты невѣрно называются бѣлыми муравьями, также несправедливо называются они и термитами. Имя это латинскаго происхожденія и получило начало около втораго столѣтія по Р. Х. Но подъ именемъ *Termes*, которое по мнѣнію Фоссіуса происходитъ отъ греческаго „*Terma*“ (конецъ), разумѣли древоточца (*lymexylon*), а отнюдь не такъ называемаго бѣлаго муравья. Англичанинъ *Чарльтонъ* называлъ этимъ именемъ такъ-называемаго точильщика-часовщика (*atropos pulsatoris*): слѣдуя ему, *Линней* далъ этому роду насѣкомаго названіе *Termes*, а потомъ прибавилъ къ нему, въ качествѣ другаго вида, индѣйскаго термита, который впрочемъ былъ извѣстенъ ему только въ состояніи личинки и то изъ неудовлетворительнаго изображенія. До *Линнея* термиты никогда не носили этого названія и часто смѣшивались (какъ въ древности, такъ и впослѣдствіи) съ настоящими муравьями. Мало по малу, благодаря тому вниманію, которое обратили на себя эти замѣчательныя созданія, было собрано 84 живыхъ и 14 окаменѣлыхъ видовъ. Первые, вмѣстѣ съ ограненными главными глазами, имѣютъ еще и второстепенные глаза меньшаго размѣра (*calotermes*) или не имѣютъ (*termopsis*); у вторыхъ второстепенныхъ глазъ не бываетъ (*hodotermes*), или же они оказываются на лицо (*termes*). У послѣдняго рода съ 60 видами работники и солдаты всѣ безъ исключенія слѣпы; у предпослѣдняго съ 13 видами они имѣютъ глаза. У перваго рода съ 20 видами и у втораго только съ однимъ живымъ и однимъ окаменѣлымъ видами—прежнія ступени развитія еще мало извѣстны. Термиты и моль—первыя насѣкомыя, населявшія первобытныя папоротниковыя лѣса, и встрѣчаются еще въ угольный и тріасовый періоды.

(Окончаніе будетъ).

Борьба серны и карагужа.

Не хотите ли прокатиться со мною въ одну изъ пустынь Швейцаріи? Кусочекъ сала и хлѣба—вотъ все, что я могу предложить вамъ въ добавленіе къ крессу, который вы нарвете сами у прозрачнаго источника. Очень можетъ быть, что вмѣсто гостинницы мы должны будемъ удовольствоваться дымной хижиной, гдѣ какой нибудь альпійскій житель украдкою гонитъ вино изъ корней горечавки и всевозможныхъ ягодъ. Это альпійскій пастухъ, которому старость не позволяетъ ужь ходить за стадами. И вотъ, когда зацвѣтутъ алпійскія розы, въ немъ пробуждается неодолимое стремленіе въ горы, онъ достаетъ себѣ изъ чердака кирку и скребокъ, поднимается вверхъ и ростъ коренья, изъ которыхъ онъ варитъ осенью свой жизненный элексиръ.

Что за укромное мѣстечко представляетъ собою хижина этого винокура! Въ тѣни развѣсистаго бука струится ис-

точникъ, свѣтлая вода падаетъ каплями изъ сдѣланной изъ березоваго лыка трубки для утоленія жаждущаго. Золотыя струи свѣта дрожатъ на огромномъ стволѣ ели, растянувшейся на краю ручейка наподобіе падшаго великана. Мы отдыхаемъ на поросшемъ мохомъ стволѣ; раздается трескъ сосновыхъ иголъ, мы оглядываемся и видимъ стараго винокура, который остановился и смотритъ на насъ. Затѣмъ онъ садится, и разговоръ завязывается.

Этотъ человѣкъ побродилъ-таки на своемъ вѣку. Охота на чужой землѣ полудозволена въ Альпахъ—и о Вастлѣ спорили между собою самыя хорошенькія дѣвушки. Оленей, косуль и сернъ Богъ создалъ для всѣхъ, какъ воду; кто стрѣляетъ ихъ, тотъ пользуется прирожденнымъ ему правомъ, котораго не можетъ дать ему ни король, ни императоръ. Такъ думалъ и Вастль. Сначала онъ охотился только для карманныхъ денегъ, которыя онъ спускалъ въ гостинницѣ, а потомъ любовь къ охотѣ обратилась у него въ страсть. Удержите ласточку, когда она сбирается летѣть осенью въ другіе края! удержите альпійскаго охотника, когда зелень окрашивается въ коричневый цвѣтъ и настаетъ пора охоты! Но онъ знаетъ, какъ можетъ кончиться это опасное удовольствіе—смирительнымъ домомъ или смертью!

Оно *можетъ* такъ кончиться. Но, не смотря на всѣ опасности и всевозможныя приключенія, Вастль дожилъ до старости. Теперь силы отказываются служить ему, а онъ не можетъ уже пасти стадъ и варитъ горечавный спиртъ. Но этого спирта вовсе не нужно для того, чтобъ развязать ему языкъ; онъ и безъ того охотно разсказываетъ свои похожденія. Лучше, далеко лучше насъ, домосѣдовъ, съумѣлъ онъ изучить возвышенную природу Альповъ; онъ принадлежитъ ей, какъ она ему, и соединяется съ нею въ одну картину.

Подобно огненному шару исчезаетъ на западѣ пылающее солнце; еще на ледяныхъ зубцахъ высокихъ альповъ горятъ зажженные имъ маяки, вспыхивающіе на подобіе расплавленнаго металла. Но тамъ внизу уже наступили сумерки—и на боковой тропинкѣ, отдѣляющейся отъ большой дороги, сидитъ Вастль. У ногъ его лежитъ дикій козелъ, онъ уже вскрылъ его, выбросилъ внутренности, съѣвши напередъ кусочекъ сырой печонки для предохраненія себя отъ головокруженія. Переднія ноги животнаго связаны съ задними такъ, что онъ легко и скоро можетъ повѣсить его себѣ на шею, за спину. Вастль не великъ ростомъ, но коренастаго тѣлосложенія, съ широкой выпуклой грудью; зеленая шапочка съ перомъ отъ тетерева, надѣтая на бекрень, отѣняетъ зоркіе сѣрые глаза и согнутый носъ. Это черты хищнаго животнаго, хотя бы и благородной породы, напоминающіе можетъ-быть альпійскаго орла.

Сверстники Вастля утверждали, что Вастль недоступенъ пулямъ и что въ случаѣ нужды онъ можетъ исчезнуть въ скалѣ. Это время уже прошло, но въ сокрушенномъ тѣлѣ живетъ прежній духъ,—и вамъ стоитъ только напомнить Вастлю о его похожденіяхъ, какъ онъ въ ту же минуту оживится и разскажетъ вамъ о жизни животныхъ тамъ высоко, на границахъ вѣчнаго снѣга,—столько, сколько вы никогда не прочтете въ книгахъ.

Съ тихимъ журчаніемъ падаетъ вода изъ сдѣланной изъ березоваго лыка трубки на красноватый желтоголовникъ и вторитъ разсказу стараго охотника. «Когда разсвѣтетъ, разсказываетъ онъ,—серна выходитъ на пастбище, медленно пощипывая траву на отвѣсахъ горъ; она карабкается и удивительно счастливо перепрыгиваетъ черезъ покрытые глыбами льда глетчеры, а потомъ отдыхаетъ на мягкомъ ложѣ, на границѣ вѣчнаго снѣга. Почти никогда не спускается она въ глубокія обитаемыя людьми долины; только при перемѣнѣ погоды спускается она ниже обыкновеннаго—и потому-то мы считаемъ ее предсказательницей погоды. Въ іюнѣ серна отдѣляется отъ стада и производитъ на свѣтъ дѣтеныша, который на другой же день послѣ рожденія такъ же проворно бѣгаетъ по скаламъ, какъ и его родители. Но тутъ, кромѣ ружья, сернамъ угрожаетъ еще другая опасность. Дѣтеныши ягнятника бородастаго и алпійскаго орла подросли и требуютъ больше пищи—и орлы начинаютъ преслѣдовать молодыхъ сернъ предпочтительно передъ всѣми другими. Благодаря удивительному устройству своего глаза, орлы замѣчаютъ мельчайшую добычу съ величайшихъ воздушныхъ высотъ. Этому превосходному зрѣнію помогаютъ еще не менѣе превосходно устроенные члены: могучія крылья и острыя когти, дѣлающіе это животное настоящимъ разбойникомъ. Высоко въ воздухѣ кружитъ онъ, представляясь зоркому глазу въ видѣ небольшой точки. Видно, какъ онъ кружитъ и поворачивается, какъ онъ несется противъ вѣтра, какъ онъ опускается или поднимается. Но вотъ его удивительно острый глазъ замѣтилъ серну, пасущуяся на краю утеса. Съ удивительною быстротою, при явственно слышномъ шумѣ крыльевъ, низвергается эта огромная птица на свою живую добычу. При нападеніи орелъ развиваетъ всю свою силу и обнаруживаетъ необыкновенное оживленіе, которое можетъ перейти въ настоящее бѣшенство. Нерѣдко орлиная пара охотится вмѣстѣ—и притомъ такъ, что одинъ супругъ летитъ низко и выгоняетъ изъ кустарниковъ и изъ-за деревьевъ дичину, а другой, высока кружа въ воздухѣ, низвергается на нее въ ту же минуту, какъ она покажется. Я видѣлъ какъ карагужи сражались съ сернами съ такимъ ожесточеніемъ, съ какимъ могутъ только бороться вода и огонь. При нападеніи орелъ никогда или по крайней мѣрѣ очень рѣдко отступаетъ отъ принятаго однажды намѣренія: что онъ рѣшилъ, того онъ держится съ величайшимъ упорствомъ. Онъ, который нападаетъ на людей, старается пустивъ въ дѣло клювъ, когти и крылья, оттѣснить сернъ на край пропасти и сбросить ихъ туда, чтобы онѣ тамъ разбились. Но самецъ показываетъ ему свои острые рога и ищетъ спасенія въ быстромъ бѣгствѣ, тогда какъ самка и дѣтенышъ, которыхъ онъ защищалъ по рыцарски, уже убѣжали. Пронзительно вскрикнувъ, несется потерпѣвшій неудачу орелъ назадъ въ гнѣздо.

Не всегда удается сернамъ уйти отъ непріятеля, который имѣетъ надъ ними преимущество свободнаго движенія тамъ, гдѣ стезя круто поднимается вверхъ, пересѣкаемая оврагами, по которымъ шумно бѣгутъ горные ручьи, или опять спускается внизъ въ пустынную, окруженную крутыми горными стѣнами долину, почва которой покрыта плитами и глыбами сѣрой извести. Здѣсь природа такъ бы оцѣпенѣла; правда, тамъ и сямъ поднимается голова черной змѣи или движется отвратительная саламандра, но за исключеніемъ ихъ ни одно живое существо не оживляетъ этого ужаснаго мѣста. Не мало удивился я, увидавъ въ этой пустынѣ трехъ вспугнутыхъ мною орловъ. Сбросивъ съ высокаго утеса серну, они разрывали ее своими крючковатыми носами; только звукъ сдѣланнаго мною выстрѣла заставилъ ихъ подняться на воздухъ, откуда они наблюдали, какъ я уносилъ добычу. Такъ борятся орлы и серны въ Альпахъ. Доброе это было времячко! теперь не то, и я—варю горечавный спиртъ.

Борьба серны и карагужа. Рис. на деревѣ К. Кренеръ, грав. О. Ротъ.

Судебная хроника.

Извлеченіе изъ отчета совѣта присяжныхъ повѣренныхъ С-Петербургской судебной палаты.—Дѣло Гусева съ Нимандеромъ въ Саратовскомъ мировомъ съѣздѣ.—Дѣло объ убійствѣ въ Москвѣ пятилѣтняго мальчика.

Съ введеніемъ новаго суда, у насъ возникъ цѣлый классъ людей, спеціально занимающихся хожденіемъ по дѣламъ и защитою ихъ въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ. Ходатаи эти дѣлятся на два разряда: на оффиціальныхъ, которые называются присяжными повѣренными и составляютъ изъ себя цѣлую корпорацію, и на частныхъ, принимающихъ на себя защиту дѣлъ въ качествѣ повѣренныхъ истца или отвѣтчика—по взаимному съ ними соглашенію. Для поступленія въ составъ присяжныхъ повѣренныхъ требуется: высшее юридическое образованіе, безукоризненное прошлое и извѣстная практическая подготовка. Поэтому, корпорація присяжныхъ адвокатовъ составляется изъ лицъ, спеціально приготовляющихъ себя къ адвокатской дѣятельности и представляющихъ всѣ условія для успѣшнаго веденія дѣлъ въ разныхъ судебныхъ установленіяхъ. Нельзя сказать того-же о цѣломъ легіонѣ частныхъ ходатаевъ, расплодившихся въ послѣднее время съ необычайною быстротой. Къ числу ихъ принадлежатъ чиновники прежнихъ судовъ и канцелярій, отставные офицеры, писаря, мѣщане, купцы, дворяне и проч. и проч. Большинство этихъ частныхъ ходатаевъ не получили не только спеціальнаго юридическаго, но даже сколько-нибудь сноснаго общаго образованія; сноровка, ловкость и знаніе нѣсколькихъ десятковъ статей закона, обнаруживаемыя многими изъ нихъ, пріобрѣтены ими на адвокатской практикѣ; крючкотворство же и пролазничество составляетъ ихъ отличительную способность, которою они пользуются при веденіи всевозможныхъ, иногда весьма запутанныхъ, дѣлъ. До какой степени изворотливости доходятъ эти частные ходатаи,—доказательствомъ можетъ служить цѣлый рядъ примѣровъ, выставленныхъ г. Никитинымъ въ извѣстной его книжкѣ: „Общественныя и законодательныя погрѣшности“. Частные ходатаи берутся за дѣла мелкія, которыми пренебрегаютъ присяжные адвокаты; поэтому, имъ приходится имѣть дѣло преимущественно съ людьми бѣдными, у которыхъ каждый рубль въ счету. Этихъ бѣдныхъ тяжущихся частные ходатаи имѣютъ ввиду въ своей практикѣ; отъ нихъ-то они преимущественно и наживаютъ; ихъ-то они, иногда самымъ безсовѣстнымъ образомъ, и обманываютъ. Чтобы какъ-нибудь уменьшить зло, происходящее для тяжущихся отъ частныхъ ходатаевъ, судомъ принимались разныя мѣры; но всѣ онѣ не привели къ благопріятному результату, да, вѣроятно, не приведутъ и на будущее время, покуда присяжные повѣренные и ихъ помощники не снизойдутъ къ бѣдному люду и не перестанутъ брезгать «грошовыми дѣлами». Корпорація петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ организовалась уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и заключаетъ въ своемъ составѣ лучшихъ изъ нашихъ адвокатовъ и даже ученыхъ юристовъ, каковы: гг. Арсеньевъ, Герардъ, Спасовичъ, Языковъ и другіе. Къ 30 апрѣля нын. года, въ округѣ петербургской судебной палаты состояло 112 присяжныхъ повѣренныхъ, изъ которыхъ 109 имѣютъ жительство въ С.-Петербургѣ, 2 во Псковѣ и 1 въ Великихъ Лукахъ (Псковской губ.). Лица, желающія вступить въ число петербургскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, кромѣ удовлетворенія вышеозначеннымъ условіямъ, должны еще выдержать „испытаніе въ знаніи существенныхъ основаній права и судопроизводства“. Въ случаѣ невыдержанія экзамена, желающіе черезъ нѣкоторое время могутъ быть допущены ко вторичному испытанію, пока, наконецъ, знанія ихъ не будутъ признаны достаточными. Впродолженіе истекшаго года, на разсмотрѣніе совѣта присяжныхъ повѣренныхъ поступило 46 дѣлъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ его членовъ; изъ этого числа довольно значительная часть прекращена или оставлена безъ послѣдствій—по разнымъ причинамъ. Корпорація присяжныхъ повѣренныхъ будетъ пополняться изъ такъ-называемыхъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые (т. е. помощники), состоя при своихъ патронахъ, пользуются отъ нихъ болѣе мелкими и менѣе сложными дѣлами, на которыхъ и практикуются. Все высказанное сейчасъ о нашихъ столичныхъ ходатаяхъ, въ одинаковой степени относится и къ провинціальнымъ. Разница только въ томъ, что въ провинціи не только оффиціальныхъ, но даже и частныхъ адвокатовъ чрезвычайно мало. Вслѣдствіе этого, многіе изъ подсудимыхъ въ провинціальныхъ окружныхъ судахъ остаются вовсе безъ защитниковъ или же пользуются защитою лица, назначеннаго по принужденію; а въ мировыхъ судебныхъ мѣстахъ защитниками выступаютъ лица, принявшія эту обязанность тутъ-же, во время засѣданія, и потому мало познакомившіяся съ дѣломъ,—защитники не по ремеслу, а по любви къ искусству, какъ простые любители. Впрочемъ, въ послѣднее время, въ большихъ городахъ число частныхъ ходатаевъ стало увеличиваться не по днямъ, но по часамъ, хотя въ *качествѣ* своемъ они едва-ли чѣмъ отличаются отъ своихъ собратій въ столицахъ.

Саратовскій съѣздъ мировыхъ судей, въ первыхъ числахъ августа нын. года, разсматривалъ довольно интересное дѣло, живо занимавшее мѣстную публику. Потомственный почетный гражданинъ и человѣкъ весьма состоятельный, П. П. Гусевъ, принесъ мировому судьѣ 5 участка саратовскаго мироваго округа жалобу на члена Саратовскаго окружнаго суда, надворнаго совѣтника П. К. Нимандера, обвиняя его въ самоуправствѣ надъ нимъ, Гусевымъ, и надъ его имуществомъ. Въ 1846 году, Гусевъ, проживая въ г. Вяткѣ, познакомился съ финскимъ семействомъ Карла Нимандера и впослѣдствіи женился на одной изъ дочерей его, Софьѣ Карловнѣ. По вступленіи въ бракъ, Гусевъ принялъ къ себѣ все семейство Нимандеровъ, которыхъ содержалъ и воспитывалъ на собственный счетъ. По просьбѣ жены, Гусевъ купилъ для нея имѣніе въ Финляндіи, стоившее 120 т. р., а потомъ и самъ переписался въ финляндскіе купцы; ей-же онъ подарилъ и домъ въ гор. Слободскомъ (Вятск. губ.), стоющій болѣе 100 т. р.; дѣтямъ онъ такъ же отдѣлилъ каждому по 10 т. р. Получивъ это, жена Гусева вмѣстѣ съ младшимъ шуриномъ его, П. К. Нимандеромъ, пріѣхавъ въ Москву въ 1865 году, обратились къ генералъ-губернатору съ просьбой объ учрежденіи надъ Гусевымъ и его имуществомъ опеки—вслѣдствіе будто-бы разстройства его умственныхъ способностей. Но генералъ-губернаторъ, по наведеніи справокъ, въ просьбѣ этой отказалъ. При всемъ томъ, въ слѣдующемъ году, Нимандеръ вмѣстѣ съ женою Гусева успѣли убѣдить самого Гусева подписать бумагу объ учрежденіи опеки надъ нимъ и его имуществомъ, объясняя дѣло такъ, что если онъ не согласится на учрежденіе опеки со стороны его, П. К. Нимандера, черезъ Гельсингфорскій ратгаузскій судъ, то будетъ назначена опека изъ другихъ лицъ, болѣе для него стѣснительная. Въ августѣ мѣсяцѣ

1866 года, явился къ Гусеву Нимандеръ, объявилъ о своемъ утвержденіи въ качествѣ опекуна надъ имуществомъ и личностью Гусева и тотъ часъ-же принялъ имѣніе въ свои руки; Гусева-же, отобравъ отъ него документы, помѣстилъ въ отдѣльномъ флигелѣ, подъ присмотромъ надежныхъ лицъ. Затѣмъ, Гусева перевозили сначала въ Ярославль, потомъ въ Псковъ и наконецъ въ Саратовъ—по перемѣнѣ мѣста службы Нимандера. Всѣ эти подробности изложены были въ жалобѣ, поданной въ судъ повѣреннымъ Гусева. Мировой судья, разсмотрѣвъ дѣло, опредѣлилъ: не признавая Нимандера виновнымъ въ самоуправствѣ, отобрать отъ него документы Гусева и возвратить ихъ по принадлежности; кромѣ того, освободить Гусева отъ личнаго за нимъ надзора. Обѣ стороны принесли на это постановленіе жалобы въ мировой съѣздъ. Гусевъ обвинялъ Нимандера въ самоуправствѣ, противузаконномъ лишеніи свободы, истязаніи и присвоеніи чужаго имущества; а Нимандеръ просилъ, отмѣнивъ приговоръ мироваго судьи, оставить все по прежнему. Мировой съѣздъ, разсмотрѣвъ дѣло и выслушавъ заявленія повѣренныхъ обѣихъ сторонъ, постановилъ: отмѣнить приговоръ мироваго судьи и признать дѣло это, по свойству заключающихся въ немъ обвиненій, себѣ неподсуднымъ, а потому рѣшилъ передать его судебному слѣдователю, для преслѣдованія Нимандера уголовнымъ порядкомъ.

Въ послѣднихъ числахъ августа, въ московскомъ окружномъ судѣ разбиралось замѣчательное дѣло объ убійствѣ. Обстоятельства его, по словамъ газеты „Новости", заключаются въ слѣдующемъ: 12-го іюня 1869 года, въ Москвѣ, на Тверской улицѣ, въ густой толпѣ народа, ожидавшей проѣзда Государя Императора изъ Москвы въ село Ильинское, стоялъ пятилѣтній мальчикъ Денисовъ. Въ толпѣ же находился совершенно неизвѣстный Денисову крестьянинъ Маюновъ. Внезапно въ народѣ послышались крики: „зарѣзали!" и произошла страшная суматоха. Всѣ бросились къ тому мѣсту, откуда раздались крики, и увидали несчастнаго мальчика, всего въ крови, проткнутаго кухоннымъ ножемъ на-сквозь; тутъ-же стоялъ Маюновъ, съ ножемъ въ рукѣ, и вовсе не думалъ скрываться. Мальчикъ умеръ на рукахъ у полицейскаго. Убійца отдалъ ножъ и немедленно былъ представленъ въ часть. Сначала онъ показалъ, что мальчикъ самъ наткнулся на ножъ; потомъ,—что онъ получилъ толчокъ сзади и наткнулся на мальчика; затѣмъ, преступникъ говорилъ, что ему на комъ-нибудь хотѣлось „сорвать зло", такъ-какъ у него не хватило 125 руб. на открытіе питейнаго заведенія. На судѣ-же онъ объяснялъ свой поступокъ тѣмъ, что былъ пьянъ. Между тѣмъ свидѣтели и полиція этого въ немъ не замѣтили; только глаза у него были какіе-то помѣшанные. Въ тюрьмѣ Маюновъ обращалъ на себя вниманіе своею беззаботностью и равнодушіемъ ко всему, что вокругъ него происходило. Въ показаніяхъ врачей, насчетъ состоянія умственныхъ способностей подсудимаго, произошло разногласіе: одни изъ нихъ утверждали, что онъ страдаетъ припадками остраго помѣшательства (Mania transitoria), другіе—что онъ совершенно здоровъ. Присяжные признали, что Маюновъ совершилъ преступленіе въ припадкѣ умоизступленія; а потому, по освобожденіи отъ стражи, онъ былъ помѣщенъ въ больницу для бдительнаго надъ нимъ надзора.

Пребываніе Его Величества Государя Императора въ Берлинѣ.

23-го августа, въ полночь, Императорскій экстренный поѣздъ перешелъ прусско-русскую границу между Вержболовымъ и Эйдкуненомъ. На другой день, около 8-ми часовъ утра, на станціи Накель, Его Величество былъ встрѣченъ лицами прусской службы, назначеными состоять при Его Особѣ, а именно: генераломъ отъ инфантеріи Гебеномъ и флигель-адъютантомъ графомъ Лендорфомъ; свиты императора германскаго генералъ-маіоръ Вердеръ сопровождалъ Государя изъ Россіи, гдѣ онъ, какъ извѣстно, состоитъ военнымъ агентомъ. Государь, а также оба Великіе Князья, надѣли, съ минуты въѣзда въ прусскіе предѣлы, форменные сюртуки генераловъ прусской службы. На маленькой станціи Мюнхебергъ, около часа пополудни, былъ приготовленъ завтракъ отъ прусскаго двора, а въ 2 часа 20 минутъ Императорскій поѣздъ пришелъ въ Берлинъ. Такъ-называемый кюстринскій путевой дворъ (Küstriner Bahnhof), роскошное, новое, весьма большихъ размѣровъ зданіе было разукрашено флагами, цвѣтами и гирляндами. При появленіи поѣзда, послышались нѣмецкія командныя слова, и вслѣдъ за ними, подъ стеклянными сводами вокзала, раздались торжественно звуки, дорогіе каждому русскому, національнаго гимна «Боже, Царя храни». Государь и Великіе Князья, въ парадной обще-генеральской прусской формѣ, при выходѣ изъ вагона, были встрѣчены императоромъ Вильгельмомъ, наслѣднымъ принцемъ и прочими принцами королевслаго дома, въ русскихъ генеральскихъ мундирахъ. Дружественно поцѣловались три раза родственные монархи, при громкихъ крикахъ «ура», пошли по фронту почетнаго караула, выставленнаго отъ 4-го гвардейскаго пѣхотнаго полка. Кромѣ иностранныхъ принцевъ, Государя встрѣтилъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій, прибывшій незадолго передъ тѣмъ въ Берлинъ. Съ Государемъ Императоромъ прибыли: генералъ-фельдмаршалъ графъ Бергъ, военный министръ генералъ-адъютантъ Милютинъ, завѣдывающій Императорскою главною квартирою, генералъ-адъютантъ графъ Шуваловъ 1-й, Свиты Его Величества генералъ-майры: Рылѣевъ, Воейковъ, Салтыковъ, флигель-адъютантъ графъ Адлербергъ, адъютантъ Государя Наслѣдника, поручикъ графъ Олсуфьевъ, лейбъ-медики Карель и Гиршъ. Въ Берлинѣ присоединились къ свитѣ Государя: генералъ-адъютанты: графъ Голенищевъ-Кутузовъ, графъ Шуваловъ 2-й, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Гершельманъ и контръ-адмиралъ Бокъ, флигель-адъютанты: баронъ Зеделеръ, князь Мещерскій, графъ Голенищевъ-Кутузовъ, графъ Бергъ и князь Долгоруковъ, адъютантъ Великаго Князя Владиміра Александровича, штабсъ-ротмистръ Скарятинъ, состоящій при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ Старшемъ генералъ-маіоръ Галлъ и адъютантъ Его Высочества полковникъ Струковъ. Представителями русской дипломатіи были: государственный канцлеръ князь Горчаковъ, русскій посолъ въ Берлинѣ Убри, генералъ-адъютантъ князь Орловъ, тайные совѣтники: Жомини и Гамбургеръ, камергеръ баронъ Кредиксъ, секретарь посольства Коцебу и камеръ-юнкеры: Араповъ, князь Урусовъ и графъ Бенкендорфъ.

Сѣвъ въ парадную коляску, запряженную цугомъ четверкою вороныхъ лошадей, оба Императора поѣхали въ королевскій дворецъ къ императрицѣ Августѣ. Берлинъ какъ бы преобразился: довольно однообразныя и обыкновенно мало оживленныя улицы буквально кипѣли народомъ. Окна во всѣхъ домахъ снизу до верху, были наполненны любопытными; флаги, гирлянды, ковры, украшали почти всякое строеніе; женщины дружно махали платками и зонтиками, безчисленное множество дѣтей неистово кричали «ура» и «hoch», и даже флегматическіе бюргеры, чинно стоявшіе густою массою вдоль тротуаровъ, вскидывали свои шапки и не жалѣли привѣтствій проѣзжавшимъ мимо нихъ двумъ могущественнѣйшимъ въ мірѣ монархамъ. Тѣмъ временемъ принцы, а также русская и прусская свиты, собрались у воротъ русскаго посольства, на главной улицѣ, называемой «Подъ Липами» (Unter den Linden), гдѣ былъ приготовленъ второй почетный караулъ отъ гвардейскаго гренадерскаго Императора Александра 1-го полка, коего Государь состоитъ шефомъ. Вскорѣ показался Императорскій экипажъ, и снова раздались могучіе аккорды русскаго національнаго гимна. Оба Императора прошли пѣшкомъ по рядамъ и, остановившись на лѣвомъ флангѣ караула, императоръ германскій представилъ по одиночкѣ Императору Русскому офицеровъ Его полка. Въ эту минуту толпа, кричавшая «ура», смолкла, и слышны были лишь звуки гимна, плавно возносившіеся къ небу сквозь прозрачную лазурь чистаго лѣтняго воздуха.

Милостиво поклонившись народу и пропустивъ цермоніальнымъ маршемъ караулъ, Императоры вошли въ домъ русскаго посольства, гдѣ Царь и Великіе Князья остановились на жительство. Вскорѣ послѣ этого императрица Августа, съ принцессами прусскаго королевскаго дома, пожаловали къ Государю. Въ 6 часовъ у императора-короля былъ семейный обѣдъ, на которомъ присутствововаль Государь и три Великихъ Князя. Густая толпа народа до поздней ночи стояла передъ домомъ посольства и съ любопытствомъ слѣдила за подъѣзжавшими экипажами.

25-го августа Берлинъ ожидалъ пріѣзда другаго вѣнчаннаго гостя—Франца-Іосифа, императора австрійскаго. Въ 6 часовъ вечера прибылъ австрійскій императоръ и былъ встрѣченъ императоромъ Вильгельмомъ съ тѣми же почестями, съ коими былъ встрѣченъ Императоръ Всероссійскій. Заѣхавъ къ императрицѣ-королевѣ, переодѣвшись въ русскій генеральскій мундиръ, императоръ Францъ-Іосифъ поѣхалъ къ Государю. Царь, въ общемъ генеральскомъ австрійскомъ мундирѣ и Великіе Князья въ своихъ шефскихъ австрійскихъ мундирахъ, окруженные своею свитою, встрѣтили его на верху лѣстницы дома русскаго посольства. Протянувъ другъ другу руку, оба императора три раза поцѣловались и пошли во внутренніе покои. Послѣ интимнаго разговора, продолжавшагося около четверти часа, Государь представивъ императору Францу Свою свиту, проводилъ его почти до низу лѣстницы. Вслѣдъ за симъ, переодѣвшись въ мундиръ Своего уланскаго австрійскаго полка, Государь Императоръ, въ сопровожденіи Великихъ Князей и Своей свиты, отдалъ визитъ австрійскому императору, остановившемуся въ Старомъ королевскомъ дворцѣ. Императоръ германскій, императрица, принцы и принцессы прусскаго дома, а также наслѣдные принцы: саксонскій и баденскій, великій герцогъ саксенъ-веймарскій и прочіе германскіе принцы—одновременно прибыли въ замокъ. Торжественнымъ выходомъ между двухъ рядовъ придворныхъ и военныхъ пошли коронованныя особы къ столу. Императрица Августа шла подъ руку между двумя Императорами-гостями.

27-го числа начался рядъ торжествъ и увеселеній, которыми императоръ германскій желалъ почтить своихъ Августѣйшихъ Гостей. Первымъ такимъ торжествомъ былъ смотръ прусскому гвадейскому корпусу, происходившій въ 10 часовъ утра у воротъ Берлина, на Темпельгофскомъ плацу (Tempelhofer-Platz). Двѣ пѣхотныя дивизіи, пѣшая и конная артиллерія, два стрѣлковыхъ баталіона, саперный учебный и обозный баталіоны и кадетскій корпусъ, были выстроены въ двѣ линіи. Императоръ Вильгельмъ, прибывшій на плацъ нѣсколько ранѣе своихъ гостей, обнаживъ шпагу, принялъ лично командованіе войсками. Императрица и принцессы, въ щегольскихъ открытыхъ экипажахъ, также ожидали у въѣзда на плацъ пріѣзда Императоровъ-гостей. Ровно въ 10 часовъ въ открытой коляскѣ прибыли: Императоръ Александръ Николаевичъ и императоръ Францъ-Іосифъ; немедля сѣвъ верхомъ, поскакали Они на встрѣчу императору Вильгельму, скомандовавшему войскамъ на караулъ. Отсалютовавъ шпагою, императоръ Вилгельмъ подалъ каждому изъ своихъ вѣнчанныхъ гостей строевой рапортъ. При звукахъ австрійскаго и русскаго національныхъ гимновъ, поочередно играемыхъ полковыми музыкантами, при громкихъ крикахъ «ура», три Императора шагомъ объѣхали фронтъ. Во время объѣзда, Императоръ Александръ и императоръ Францъ-Іосифъ поочередно становились на флангъ своихъ шефскихъ полковъ и салютовали шпагою императору германскому. Всѣ три Императора были одѣты совершенно одинаково, въ прусскихъ генеральскихъ мундирахъ. За Императорами, вдоль по фронту, ѣхали императрица и принцессы, а за ними весьма многочисленная и разнообразная свита. Кромѣ прусскихъ, русскихъ и австрійскихъ офицеровъ, почти всѣ европейскія арміи имѣли здѣсь своихъ представителей: рядомъ съ французскимъ кирасиромъ виднѣлись ярко-красные англійскіе мундиры, скромные костюмы американскихъ и швейцарскихъ офицеровъ тускло смотрѣли посреди облитыхъ золотомъ и серебромъ шведскихъ и итальянскихъ мундировъ. Бельгія, Баварія, Данія, и Испанія также имѣли своихъ представителей. По окончаніи объѣзда начался церемоніальный маршъ: стройно, щегольски проходили мимо трехъ Императоровъ прусскіе полки. Во главѣ ихъ прошли знаменитости послѣдней войны: фельдмаршалъ графъ Мольтке и военный министръ фонъ-Роонъ. Позади императора виднѣлась фигура князя Бисмарка въ его историческомъ кирасирскомъ мундирѣ; рядомъ съ нимъ, на красивомъ сѣромъ конѣ, въ щегольскомъ гусарскомъ костюмѣ, гарцовалъ австрійскій первый министръ графъ Андраши. Даже 90-ти-лѣтній старикъ, герой многихъ кампаній, фельдмаршалъ Врангель, не могъ отказать себѣ, не смотря на преклонность лѣтъ, въ удовольствіи присутствовать при этомъ знаменательномъ въ нашу эпоху торжествѣ. По окончаніи смотра, три Императора вмѣстѣ въ одной коляскѣ вернулись въ Берлинъ, при шумныхъ возгласахъ густой толпы, окаймлявшей весь путь ихъ. Въ 4 часа въ старомъ Королевскомъ Замкѣ данъ былъ торжественный обѣдъ, на который, кромѣ придворныхъ и военныхъ прусскихъ чиновъ, министровъ и другихъ лицъ, были приглашены русская и астрійская свиты, а также всѣ въ Берлинѣ находившіеся иностранные офицеры. Во время обѣда императоръ германскій привѣтствовалъ краткою рѣчью своихъ вѣнчанныхъ гостей, и при звукахъ національныхъ гимновъ, пилъ за ихъ здоровье. Оба Императора отвѣчали такимъ же привѣтствіемъ и пожеланіями объ упроченіи связывающей ихъ дружбы и твердаго мира. Послѣ обѣда Высочайшія Особы присутствовали на торжественномъ спектаклѣ въ зданіи королевскихъ оперъ. При появленіи Императоровъ, зала огласилась криками «ура», и при громкихъ рукоплесканіяхъ музыка проиграла русскій и австрійскій гимны. Спектакль состоялъ изъ балета «Margano». Въ заключеніе дня, на плацу передъ королевскимъ замкомъ, при факельномъ освѣщеніи, музыками гвардейскихъ полковъ была исполнена такъ-называемая «заря» Ей предшествовали нѣсколько прекрасно исполненныхъ музыкальныхъ нумеровъ, между которыми въ особенности обратилъ на себя вниманіе маршъ изъ «Тангейзера». Стеченіе публики, жаждавшей взглянуть на эту по истинѣ волшебную картину, было столь велико, что, какъ слышно, нѣсколько любопытныхъ поплатились жизнью, а нѣкоторые увѣчьями.

На другой день, въ воскресенье, въ маленькой церкви посольства Государь отслушалъ литургію. Около часу пожаловала къ Государю императрица Августа, въ сопровожденіи наслѣднаго принца прусскаго и вмѣстѣ съ Его Величествомъ поѣхала осматривать вновь отдѣланный берлинскій зоологическій садъ. Оттуда по желѣзной дорогѣ Августѣйшія Особы отправились въ Потсдамъ. Большой тѣнитый паркъ потсдамскаго дворца доставилъ Ихъ Величествамъ пріятную, прохладную прогулку. Въ небольшомъ загородномъ дворцѣ Бабельсбергъ былъ приготовленъ семейный обѣдъ, послѣ котораго Высочайшія Особы прибыли на вечеръ къ наслѣдному принцу въ такъ-называемый новый потсдамскій дворецъ. Иностранныя свиты, весь дипломатическій корпусъ, министры и придворные чины были приглашены туда къ этому же времени. Тихая, теплая, звѣздная ночь благопріятствовала прекрасной иллюминаціи широко разстилающейся впереди дворца террасы: деревья, клумбы, дорожки были окаймлены разноцвѣтными фонарями, изящные огненые фантаны и павильоны придавали саду видъ волшебнаго дворца «изъ тысячи одной ночи».

Утра 28-го и 29-го числа были посвящены маневрамъ въ окрестностяхъ сосѣдней съ Берлиномъ крѣпости Шпандау. Въ первый день происходилъ подъ начальствомъ принца Августа Виртембергскаго корпусный маневръ, противъ мнимаго непріятеля. Второй день былъ двухсторонніе маневры. Отрядами командовали начальники гвардейскихъ дивизій, генералъ-лейтенанты Папе и Будрицкій. Императоры слѣдили за ходомъ маневровъ, перенося съ одного пункта на другой, по мѣрѣ того какъ противные отряды сходились все ближе и ближе. Весьма спокойно, почти даже медленно, съ большою осторожностію, двигались наступавшія войска: пѣхота наступала преимущественно густою цѣпью, имѣя резервы построенные въ узкихъ четырехъ-рядныхъ ротныхъ колоннахъ; аттакъ густыми массами, хотя бы однимъ сомкнутымъ баталіономъ, не производилось; даже сильно укрѣпленныя артиллеріею возвышенныя и лѣсистыя мѣстности штурмовались, послѣ долгой перестрѣлки, въ разсыпномъ строѣ. Наоборотъ, кавалерія ходила въ аттаку большими массами, въ развернутомъ фронтѣ; причемъ во все время движенія, даже передъ самымъ моментомъ аттаки, саженъ на сто впереди полка, постоянно разъѣзжала рѣдкая цѣпь наѣздниковъ.

Вечеромъ, 28-го числа, принцъ Фридрихъ-Карлъ угощалъ въ своемъ дворцѣ высокихъ посѣтителей Берлина концертомъ, во время котораго были исполнены прекраснымъ оркестромъ извѣстнѣйшія мѣста изъ лучшихъ сочиненій современныхъ композиторовъ.

Послѣдній день маневровъ, 29-го августа, былъ законченъ концертомъ при дворѣ императора Вильгельма: въ немъ принимали участіе, между прочими артистами, извѣстная талантливая пѣвица Арто и теноръ Ниманъ.

30-го августа, въ день тезоименитства Государя Императора, домъ русскаго посольства съ ранняго утра началъ наполняться высокими посѣтителями, пріѣзжавшими поздравлять Царя; оба императора, императрица Августа, принцессы и принцы взошли вмѣстѣ съ Русскимъ Императоромъ въ православную церковь и отслушали божественную литургію. Казалось что три Монарха, съѣхавшіеся для упроченія мира, въ послѣдній день своего пребыванія вмѣстѣ, ставъ предъ лицемъ Всевышняго, какъ бы желали освятить свои благія намѣренія и тѣмъ доказать народамъ всю искренность своихъ пожеланій.

Въ тотъ же день, въ 6 часовъ вечера, императоръ австрійскій покинулъ Берлинъ, а на другое утро, т. е. 31-го августа и нашъ Государь, сопровождаемый до г. Диршау императоромъ Вильгельмомъ, предпринялъ, въ 7 часовъ утра, Свое обратное путешествіе въ Россію.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 22 сентября 1872 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**. Вознес. пр. д. № 53.

№ 40 — 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 2 октября 1872 года. — **Годъ III.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	3 » — »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногородныхъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 » — »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднымъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С.-Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

X.

Готтгольдъ пошелъ за нею черезъ сѣни въ комнату по лѣвую руку, и охотно пошелъ бы въ сосѣднюю комнату, откуда, въ то время какъ дѣвушка отворяла и затворяла дверь, слышался плачъ ребенка и голосъ женщины, уговаривавшей его. Это былъ *ея* голосъ—нѣсколько ниже и мягче прежняго, какъ ему показалось, но за плачемъ ребенка онъ разслышалъ только нѣсколько звуковъ.

— Бѣдное дитя, пробормоталъ онъ,—бѣдное дитя, еслибъ я могъ помочь ей!

Его рука протянулась къ ручкѣ двери, но тотчасъ же опять опустилась. Если дѣвушка сказала ей, что онъ тутъ, то конечно она выйдетъ на минуту; во всякомъ случаѣ, Карлъ долженъ скоро возвратиться.

Онъ сталъ у открытаго окна и смотрѣлъ черезъ пустой дворъ на строеніе, куда пошелъ Брандовъ. Какъ онъ могъ такъ долго оставаться! Онъ опять повернулся лицомъ въ комнату, гдѣ уже становилось темно, и его взоры машинально устремились на картины и мебель, изъ которыхъ нѣкоторыя показались ему знакомы, въ то время какъ онъ внимательно прислушивался къ тому, что дѣлается въ сосѣдней комнатѣ. Но тамъ теперь все утихло, и среди этой тишины старые шварцвальдскіе часы стучали такъ внятно—сначала онъ не слыхалъ ихъ,—вечерній вѣтерокъ шелестилъ въ листьяхъ старыхъ липъ росшихъ у окна, а потомъ Веберъ опять не слыхалъ ничего, кромѣ кипѣнія своей собственной крови въ вискахъ.

Не случилось ли какого несчастія? неужели дитя...онъ долженъ узнать объ этомъ навѣрное.

Но онъ не успѣлъ еще сдѣлать шага, какъ дверь отворилась и вышла Цецилія. Дѣвушка ничего не сказала ей о чужестранцѣ; она вошла, чтобы взять кусочекъ полотна въ рабочей корзинѣ, стоявшей на одномъ изъ оконъ. Тѣнь отъ большаго трюмо падала на Готтгольда. Цецилія не видала его; устремивъ взоры на свѣтившееся окно, она подошла къ нему очень близко, какъ вдругъ остановилась и испуганно подняла обѣ руки по направленію къ темной фигурѣ. Вечерній свѣтъ падалъ на ея блѣдное лицо съ большими темными глазами, глядѣвшими на него съ неподвижностію стекла.

— Это я, Цецилія.

— Готтгольдъ!

Онъ не сознавалъ, что онъ раскрылъ объятія, и минуту спустя не могъ уже сказать: дѣйствительно ли прижималъ онъ ее къ своей груди. Придя въ себя, онъ увидалъ, что стоитъ подлѣ нея у кроватки ребенка.

— Гретхенъ играла съ дѣвушкой, не задолго передъ тѣмъ какъ мы возвратились — и упала подвернувъ подъ себя руку. Я думала, что она только ушиблась; но становилось все хуже да хуже, она не можетъ уже пошевелить

рукой и плачетъ при малѣйшемъ прикосновеніи,—мнѣ кажется, она сломила ее здѣсь на сгибѣ.

Готтгольдъ нагнулся надъ ребенкомъ, который смотрѣлъ на него большими, но не испуганными глазами. Ему казалась, что онъ видитъ передъ собою глаза Цециліи.

— Ты не новый ли докторъ? сказало дитя.

— Нѣтъ, Гретхенъ, я не докторъ, но если мамѣ угодно, дай мнѣ взглянуть на твою руку,

— Она такъ болитъ, сказала Гретхенъ.

— Это скоро пройдетъ.

Готтгольдъ взялъ маленькую ручку и приподнялъ ее у плечнаго сустава и у локтя — дитя спокойно допустило это; тутъ онъ осторожно провелъ пальцами по нижней части руки вплоть до сустава у пальцевъ и согнулъ немного ручной суставъ—дитя тихонько застонало. Готтгольдъ положилъ ручку на покрывало и выпрямился.

— Мнѣ кажется, я положительно могу сказать, что рука не сломана,—это не больше какъ сильное раздраженіе сухихъ жилъ. Я бы желалъ сдѣлать простую перевязку, которая уйметъ у Гретхенъ боль, такъ какъ она не допуститъ ее шевелить суставомъ. Этого будетъ достаточно, пока пріѣдетъ докторъ. Можно?

Онъ говорилъ тихо, но дитя услыхало.

— Позволь ему, мама, сказало оно:—я полюбила новаго доктора гораздо больше стараго.

По блѣднымъ щекамъ Цециліи покатились двѣ крупныя слезы, и Готтольдъ тоже почувствовалъ у себя въ глазахъ жаръ. Онъ спросилъ, нѣтъ ли какого нибудь бинта и разсказалъ какой именно ему нужно; бинтъ нашелся тутъ же. Въ то время какъ Цецилія свертывала его, Готтгольдъ сказалъ:

— Хорошо что, участь живописи, я очень прилежно ходилъ на лекціи анатоміи и медицины, отчасти въ интересахъ моего искусства, а такъ же изъ любви къ самому дѣлу. Благодаря моимъ небольшимъ свѣдѣніямъ по этой части, я уже раза два помогъ тамъ, гдѣ не было подъ рукою никакой другой помощи, да еще въ одномъ случаѣ дѣло было нѣсколько хуже теперешняго. Еще разъ повторяю: тутъ нѣтъ и слѣда дѣйствительной опасности—и я, если нужно, не колеблясь принимаю на себя отвѣтственность.

— Я вѣрю вамъ вполнѣ.

Губы Готтгольда дрогнули. Она съ самой первой минуты и до послѣдной называла его «ты»; онъ иначе не называлъ ее наяву и во снѣ втеченіи этихъ десяти лѣтъ!

Перевязка была сдѣлана съ такимъ совершенствомъ, какого только могъ желать Готтгольдъ. Гретхенъ, уставъ отъ плача и не чувствуя теперь боли, склонила голову на сторону и повидимому дремала. Готтгольдъ возвратился въ прежнюю комнату—и въ то время какъ онъ искалъ тутъ въ потемкахъ своей шляпы, имъ овладѣло чрезвычайно странное чувство.

Онъ въ сущности помнилъ, что сбирался къ Брандову расказать ему о состояніи ребенка; но ему казалось, какъ будто бы онъ задумалъ сдѣлать этимъ что-то безполезное и даже неловкое,—какъ будто бы Карлу Брандову такъ же мало дѣла до ребенка, какъ ему самому до лошади Карла Брандова,—какъ будто бы рѣшать насчетъ ребенка могутъ только онъ да Цецилія — и словно все это такъ и было всегда, а не въ теченіи какой нибудь четверти часа, и иначе не могло и быть.

Погрузившись въ эти странныя мысли, онъ стоялъ безъ всякаго движенія—и тогда только пришелъ въ себя, когда Цецилія вошла быстро и тихо и, протянувъ къ нему обѣ руки, быстро и тихо сказала ему:

— Благодарю тебя, Готтгольдъ! и...я замѣтила, что это оскорбило тебя; дѣвушка смотрѣла на насъ такъ странно, она все пересказываетъ, и теперь тоже перескажетъ, но если ужь ты здѣсь, то я хоть одинъ разъ—въ послѣдній разъ—хочу поговорить съ тобою по старому.

— Оно похоже на то, Цецилія, какъ будто бы ты не желала, что я пришелъ сюда?

Она отняла наконецъ у него руки, которыя онъ до сихъ поръ удерживалъ, и бросившись къ окну на стулъ, подперла голову рукою. Онъ подошелъ къ ней.

— Ты не желала, чтобы я пришелъ сюда?

— Нѣтъ, нѣтъ! пробормотала она, — я очень, очень желала увидѣться съ тобою цѣлые годы—всегда; но тебѣ не слѣдовало приходить сюда, да, не слѣдовало.

— Въ такомъ случаѣ я уйду, Цецилія.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала она, быстро поднимая голову,—я понимаю подъ этимъ совсѣмъ не то; вѣдь ты тутъ—этого уже не перемѣнить. Ты можешь остаться—ты долженъ остаться—пока...

Она внезапно умолкла; Готтгольдъ, слѣдившій за направленіемъ ея взгляда, увидалъ въ окно на заднемъ планѣ двора Карла Брандова, который разговаривалъ съ Генрихомъ Шеелемъ и теперь шелъ быстрыми шагами къ дому.

— Онъ уже возвратился, сказала она, — объ чемъ ты хочешь говоритъ съ нимъ?

— Я не понимаю тебя, Цецилія!

— Онъ ненавидитъ тебя.

— Въ такомъ случаѣ, я не знаю, зачѣмъ онъ отъискалъ меня и такъ убѣдительно приглашалъ меня въ свой домъ, куда я, по истинѣ никогда не желалъ входить.

— Онъ отыскалъ тебя—приглашалъ тебя—это невозможно!

— Въ такомъ случаѣ, онъ меня... въ такомъ случаѣ, онъ насъ... но это не менѣе не возможно.

Онъ пристально глядѣлъ на нее.

— Невозможно! сказала она,—невозможно.

Дикая, невеселая улыбка пробѣжала по ея блѣдному лицу.

— Въ такомъ случаѣ, пусть такъ и остается какъ было, сказала она,—въ такомъ случаѣ, все въ порядкѣ.

— Эй! закричалъ Карлъ Брандовъ, который увидалъ ихъ въ окошко и еще болѣе ускорилъ шаги, не переставая дѣлать имъ знаки рукою.

Онъ скоро вошелъ въ комнату, крича еще въ дверяхъ:

— Ну, такъ мы, стало быть, уже увидались съ нимъ! Вотъ что называется пріятный сюрпризъ, а? ну, а мнѣ-то что за это? Да, безъ хитрости не обойдется! ни слова не сказалъ женѣ, которая стала бы, хотя и съ самыми добрыми намѣреніями, возражать мнѣ, ссылаясь на старую вражду и другія давно забытыя ребячества; а другу сказалъ: она какъ на угольяхъ, пока я не приведу его къ ней. Вотъ какъ надо ловить птицу!

И онъ расхохотался.

— Ты разбудишь, Гретхенъ, сказала Цецилія.

— Да, что такое съ нею? спросилъ Брандовъ, понижая голосъ.—Вѣроятно ничего, такъ же и съ рыжимъ... куда же ты, Цецилія?

Она встала и ушла въ дѣтскую, затворивъ за собою дверь. Готтгольдъ разсказалъ Карлу, въ какомъ состояніи онъ нашелъ ребенка и каковъ онъ теперь.

— Ну такъ мы сейчасъ же пошлемъ за докторомъ, сказалъ Брандовъ.

— Я не считаю этого безусловно нужнымъ, возразилъ

Готтгольдъ, — но если ты хоть сколько нибудь безпокоишься...

— Я безпокоюсь? Избави Боже! это было бы въ первый разъ въ жизни. Я вполнѣ предоставляю это женѣ, которая, когда дѣло идетъ о ребенкѣ... ахъ, да вотъ и ты! Готтгольдъ говоритъ, что намъ не нужно посылать за Лаутербахомъ,—да это и едва ли бы къ чему повело, такъ какъ по воскресеньямъ его невозможно отыскать. Кромѣ того, завтра утромъ мнѣ приходится туда ѣхать, и я привезу его тогда съ собою. Какъ ты думаешь?

— Не хочешь ли ты еще разъ взглянуть на Гретхенъ? сказала Цецилія.

Она, не глядя на своего супруга, обратилась съ этими словами къ Готтгольду, который пошелъ за ней и не затворилъ за собою двери, въ ожиданіи, что Брандовъ пойдетъ съ ними; но Брандовъ остановился на половинѣ дороги. Закусивъ нижнюю губу, смотрѣлъ онъ на нихъ въ открытыя двери, въ то время какъ они нагнулись съ обѣихъ сторонъ стоявшей на просторѣ кроватки къ ребенку, такъ что въ полумракѣ ихъ лица какъ будто бы соприкасались между собою. Не шепчутъ ли они: «онъ обманулъ насъ», или что нибудь подобное? Нѣтъ, это Рика что-то сказала.—Эта дѣвка не пропуститъ ничего и передастъ мнѣ. Пока все сошло лучше, нежели я могъ вообразить.

И онъ медленно пошелъ въ спальню, остановившись какъ-то невольно съ минуту на порогѣ, который онъ давно не переступалъ, а потомъ вздрогнувъ отъ какого-то синеватаго свѣта, наполнившаго внезапно почти темную комнату. Но это было ничто иное какъ первая молнія грозы, собиравшейся впродолженіи жаркаго дня. Вдали слышались раскаты грома, садовыя деревья качались, и отдѣльныя тяжелыя капли дождя стучали въ оконныя стекла.

Сильная буря давно уже утихла и ночь далеко уже подвинулись впередъ, когда Готтгольдъ, тихо ступая и старательно заслоняя свѣтъ рукою, шелъ по обширному помѣщенію одноэтажнаго дома, наполненному всевозможными вещами, въ комнату на мезонинѣ, которая была отведена ему для спальни. Брандовъ, съ которымъ онъ такъ долго сидѣлъ за бутылкою вина въ комнатѣ направо отъ сѣней, бывшей издавна комнатой хозяина дома,—хотѣлъ провожать его, но тотъ отклонилъ это; онъ зналъ эту дорогу споконъ вѣка, а четыре мужскихъ сапога дѣлаютъ больше шума чѣмъ два,—на верху же, онъ помнитъ, шаги раздаются ночью страшно громко. «Ну, такъ иди же одинъ —ты, заботящійся обо всѣхъ», сказалъ Брандовъ, улыбаясь, «и, слышишь, не вздумай засыпать съ мыслью, что ты завтра уѣдешь; разъ навсегда: этого не будетъ. Я передамъ это рѣшеніе Іохену Преброву, когда буду завтра утромъ проѣзжать мимо кузни; этотъ малый можетъ присѣсть на козлы къ моему Фрицу, а твои вещи я привезу тебѣ изъ Фюрстенъ-гофа съ собою. Прежде восьми дней ты отъ меня не выѣдешь—и еслибъ это зависѣло отъ меня, ты остался бы здѣсь навсегда. Но ты этого не сдѣлаешь. Для такого свѣтскаго человѣка, какъ ты, подобная жизнь невыносима. Ну, сегодня я наговорилъ тебѣ больше, чѣмъ слѣдовало бы; но, въ виду человѣка твоего закала, больно вспоминать, чѣмъ мы пожалуй могли бы быть другъ для друга и чѣмъ наконецъ все-таки сдѣлались. Покойной ночи, старый дружище, желаю тебѣ пріятныхъ сновидѣній!

И вотъ, Готтгольдъ въ старой милой комнаткѣ на мезонинѣ, у открытаго окна. Но съ какой жадностью ни впивалъ онъ въ себя сырой, прохладный ночной воздухъ, проходившій сквозь деревья, съ которыхъ падали еще внизъ дождевыя капли,—а на сердцѣ, которое тяжело и глухо билось въ его задыхавшейся груди, не становилось легче, какъ у спящаго, которому грозитъ мучительный сонъ. И не было ли все это мучительнымъ сномъ, что онъ въ Долланѣ, стоитъ въ комнатѣ на мезонинѣ и пристально смотритъ на слабый свѣтъ, падавшій изъ окна комнаты, прямо подъ нимъ, на темные кустарники?—изъ окна той комнаты, гдѣ она спала когда-то дѣвицей и гдѣ бодрствуетъ теперь у кроватки своего ребенка, своего и Карлова?

Готтгольдъ опустился у окна на кресло и сжалъ горячій лобъ руками.

Порывъ вѣтра, пронесшійся между шумѣвшими деревьями, пробудилъ его отъ горестныхъ думъ. Онъ всталъ дрожа, всѣми членами, какъ въ лихорадкѣ. Онъ заперъ окно и бросился въ темнотѣ—свѣча, которую онъ принесъ давно уже потухла—на постель. Это была та самая, на которой онъ такъ часто спалъ мальчикомъ и юношей, и стояла все еще на томъ же мѣстѣ. Тутъ онъ сталъ опять думать объ этомъ и о томъ, какъ онъ лежалъ здѣсь въ послѣдній разъ—за десять лѣтъ передъ этимъ, рано утромъ послѣ той ночи, первую половину которой онъ провелъ въ приморскомъ домѣ у кузена Бослафа,—а часа два спустя, когда тамъ внизу она проснулась, хотѣлъ сойти и проститься съ нею—навсегда; да, и тогда тоже металась его горячая голова на подушкѣ и онъ не могъ найти себѣ покоя.

— Послѣ такого долгаго странствованія по свѣту попасть на то же мѣсто, въ ту же тѣсную комнату, такимъ же какимъ я былъ и тогда! Нѣтъ! не такимъ! бѣднѣе, далеко бѣднѣе!

Какъ прощался я, какъ прощался я,
Чудно полонъ былъ для меня весь свѣтъ!
Какъ вернулся я, какъ вернулся я,
Опустѣло все!

— Опустѣло, все опустѣло!... бормоталъ онъ, словно читая горѣвшими отъ безсонницы глазами эти безутѣшныя слова на бѣлой стѣнѣ противъ него, на гладкой пустотѣ которой темнота ночи начинала смѣняться сѣроватымъ свѣтомъ наступавшаго утра.

XI.

Для мирнаго Доллана наступилъ рядъ мирныхъ дней,—и каждому изъ этихъ дней слѣдовало быть послѣднимъ, который проведетъ Готтгольдъ въ помѣстьѣ, но постоянно являлось что нибудь такое, вслѣдствіе чего этотъ послѣдній день обращался въ предпослѣдній. То это былъ начатый эскизъ, который непремѣнно надо было кончить; то Гретхенъ плакала такъ сильно, что дядя Готтгольдъ хочетъ ѣхать завтра, въ день ея рожденія; въ четвергъ будутъ жать рожь, у рабочихъ будетъ маленькій праздникъ,—они придумываютъ разныя невинныя потѣхи и просили Готтгольда черезъ стараго управляющаго Мэллера помочь имъ въ этомъ; въ пятницу попечительный совѣтъ пришлетъ въ Долланъ молодаго архитектора съ планомъ для новаго дома, и Брандову крайне желательно выслушать на этотъ счетъ мнѣніе Готтгольда; завтра объ отъѣздѣ нечего и думать, потому-что Брандовъ уѣдетъ на цѣлый день по дѣламъ, а послѣ завтра обѣщался заѣхать асессоръ Селльенъ съ женою, хотѣли пріѣхать Отто и Густавъ фонъ Плюггены, г. Редебасъ изъ Далица и еще кой-кто изъ сосѣдей; соберется маленькое общество. Брандовъ всѣмъ писалъ и говорилъ, что у него будетъ Готтгольдъ, всѣ этому были такъ рады, словомъ—раньше понедѣльника объ отъѣздѣ не можетъ быть и рѣчи, а въ понедѣльникъ мы увидимъ.

Это было въ субботу по полудни; Брандовъ ѣздилъ еще

въ понедѣльникъ, а нынче сказалъ Готтгольду, что онъ не ранѣе вечера возвратится домой. Конечно, отозвать владѣльца отъ его хозяйства въ такой день могло только крайне нужное дѣло. Брандовъ чрезвычайно отсталъ перевозкою ржи. Къ этому еще присоединилось то, что онъ не держалъ смотрителя и не разъ жаловался Готтгольду на стараго безтолковаго управляющаго Меллера, на котораго онъ никакъ не могъ положиться; слѣдовательно, множество людей, работающихъ въ полѣ и въ житницахъ будутъ предоставлены самимъ себѣ. Готтгольдъ предложилъ, если ужь Брандову непремѣнно нужно ѣхать, взять присмотръ на себя; но Брандовъ, хотя и зналъ, что Готтгольду дѣйствительно знакомо это дѣло, а рабочіе очень его любили и охотно повиновались бы ему,—все таки самымъ рѣшительнымъ образомъ отказался отъ этого.

— Довольно и того, что мнѣ приходится сдѣлать невѣжливость, оставивъ тебя одного на цѣлый день; но больше этого отъ меня не жди. Пока есть малѣйшая возможность, ты знаешь, я не имѣю обыкновенія безпокоить друзей.

Съ этими словами онъ уѣхалъ, а Готгольдъ забралъ все что ему нужно было для живописи, для того чтобъ имѣть предлогъ оставить домъ подобно ему, и бродилъ въ лѣсу и на берегу — безцѣльно, тревожно, то тѣхъ поръ пока не вспомнилъ о слышанномъ отъ стараго рыбака Карла Петерса изъ Ралова, что кузенъ Бослафъ, ѣздившій въ Зундинъ, возвратится сегодня вечеромъ домой. Карлъ Петерсъ долженъ былъ знать это, потому что старикъ ввѣрилъ ему ключъ отъ приморскаго дома, для того чтобъ онъ зажигалъ по вечерамъ фонарь и сторожилъ ночью; да и спутникомъ кузена Бослафа былъ никто иной какъ сынъ Карла же Петерса. Вслѣдствіе этого Готтгольдъ дошелъ до приморскаго дома и сѣлъ на береговой возвышенности въ тѣни бука, чтобы выждать его; но море шумѣло у берега такъ грустно - однообразно, свѣтлое солнечное время ползло такъ медленно,—и если онъ желаетъ сказать ей, что, вмѣсто понедѣльника, рѣшилъ уѣхать изъ Доллана завтра же, то теперь самая пора.

— Барыня съ Гретхенъ въ саду, сказала хорошенькая Рика,—вы вѣдь знаете ея мѣсто.

Готтгольдъ спокойно взглянулъ на служанку, которая быстро отвернулась отъ него. Послѣднее замѣчаніе было по меньшей мѣрѣ излишне, потому-что садъ вовсе не такъ великъ, чтобы въ немъ трудно было найти кого нужно; но Рика сказала это такимъ тономъ, который непріятно коснулся Готтгольдова слуха. Ему не разъ приходило на умъ, что сѣрые сладострастные глаза этой дѣвушки съ пытливымъ выраженіемъ переносились съ него на Цецилію, съ Цециліи на него, и что она раза два быстро входила въ комнату или просто подходила къ нимъ, и всякій разъ съ вопросомъ: не звали ли ее. Онъ вспомнилъ при этомъ отзывъ, который сдѣлала о ней Цецилія въ первый вечеръ:—она все пересказываетъ,—да пересказывать - то нечего.

Ну, ея удовольствіе кончится завтра вечеромъ, думалъ онъ теперь, медленно идя по аллеѣ изъ шпалерника къ маленькому тоже обнесенному шпалерникомъ цвѣтнику, гдѣ въ этотъ часъ обыкновенно сидѣла Цецилія съ ребенкомъ на колѣняхъ.

Грехтенъ, какъ только завидѣла его, сейчасъ же побѣжала къ нему на встрѣчу.

— Гдѣ ты былъ, дядя Готтгольдъ? Что ты мнѣ принесъ?

Онъ обыкновенно приносилъ ребенку, возвращаясь послѣ скитанья по окрестностямъ, какой нибудь рѣдкій цвѣтокъ, маленькій голышъ странной формы, или какую нибудь другую рѣдкость; сегодня онъ въ первый разъ не подумалъ объ ней. Гретхенъ приняла это очень дурно. «Я уже не люблю тебя», сказала она, возвращаясь бѣгомъ къ матери, «и мама вовсе не станетъ любить тебя!» вскричала она, сидя на колѣняхъ у матери и поднимая головку.

Готтгольдъ, поклонившись Цециліи, сѣлъ нѣсколько поодаль отъ нея на вторую скамью, какъ это онъ всегда дѣлывалъ, когда она не предлагала ему сѣсть подлѣ себя. Она и сегодня не сдѣлала этого,—а молча и почти не поднимая глазъ съ работы, подала ему руку. Это произвело на него болѣзненное впечатлѣніе; но тихонько наблюдая ее, онъ замѣтилъ, что ея вѣки какъ будто бы покраснѣли. Уже не хотѣла ли она скрыть отъ него слѣды только-что пролитыхъ слезъ? скрыть то, что она могла еще плакать? что неподвижный потухшій взоръ, которымъ она, минуя его, глядѣла повидимому на ребенка, игравшаго во глубинѣ цвѣтника,—былъ не единственнымъ выраженіемъ, къ которому способны эти когда-то такъ прелестно оживленные глаза?

— Я не могу больше выносить этого, сказалъ себѣ молодой человѣкъ.

Онъ всталъ и подошелъ къ Цециліи, которая подобрала при этомъ свое платье, не смотря на то что и безъ того было довольно мѣста на большой скамьѣ.

— Цецилія, сказалъ онъ,—я почти обѣщалъ остаться до понедѣльника; но я разсудилъ, что Селльены, если они пріѣдутъ завтра, останутся здѣсь на ночь, а можетъ быть также и еще кто нибудь изъ вашихъ гостей,—а ты такъ стѣснена насчетъ помѣщенія.

— Ты хочешь уѣхать! прервала его Цецилія; — зачѣмъ не сказать этого прямо?

Когда Готтгольдъ началъ говорить, она подняла глаза съ работы и взглянула на него быстрымъ, скорбнымъ взоромъ, который пронзилъ ему сердце; но когда она заговорила, то ея голосъ былъ совершенно спокоенъ, только нѣсколько глухъ; она даже улыбнулась, принимаясь опять за работу.

— Когда ты думаешь ѣхать? прибавила она послѣ нѣкотораго молчанія, такъ какъ Готтгольдъ, не будучи въ состояніи отвѣчать, все еще молчалъ.

— Я думаю, завтра утромъ, возразилъ Готттольдъ, и ему показалось, какъ будто бы это говорилъ не онъ, а кто-то другой.—Карлъ говорилъ мнѣ, что онъ завтра утромъ пришлетъ сюда экипажъ.

— Завтра утромъ!

Она опять опустила работу на колѣна и закрыла на минуту лобъ и глаза лѣвой рукой, между тѣмъ какъ пальцы правой, лежавшей на колѣняхъ вмѣстѣ съ работою, раза два слегка вздрогнули; потомъ лѣвая рука тяжело опустилась—и Цецилія, сдвинувъ брови, неподвижно глядя впередъ, проговорила тѣмъ же самымъ глухимъ тономъ:—Какую бы я могла имѣть причину удерживать тебя?

— Можетъ быть ту, что тебѣ пріятно видѣть меня здѣсь, возразилъ Готтгольдъ.

Онъ думалъ, что она она не слыхала этого, но она слышала; она молчала до тѣхъ поръ пока не увѣрилась, что можетъ продолжать разговоръ, не заплакавъ. Она не хотѣла плакать, ей не слѣдовало плакать, и она опять овладѣла собою.

— Ты знаешь это, сказала она, — но это не причина удерживать тебя. Я очень хорошо чувствую, какъ невесела здѣсь жизнь,—какъ однообразна, какъ скучна она для всѣхъ, кто не привыкъ къ ней; а такъ легко, въ нѣсколь-

ко дней, къ ней не привыкаютъ—для этого надобно годы, длинные годы. Поэтому я не приглашаю никого—я не могу представить себѣ, чтобы кто либо охотно ѣхалъ сюда; вслѣдствіе этого я и не удерживаю никого—я очень хорошо могу представить себѣ, что ему пріятно уѣхать. Почему же стала бы я обращаться съ тобой иначе, чѣмъ съ другими?

— Разумѣется незачѣмъ, если я не значу для тебя больше другихъ.

— Больше? Что это значитъ? Ты думаешь, потому-что мы рано познакомились, потому-что были друзьями, когда оба еще были молоды? Но что это значитъ! это такая юношеская дружба! И развѣ мы остаемся тѣми же, что и были? Ты еще можетъ быть, въ главномъ по крайней мѣрѣ; но я, — конечно, нѣтъ. Я такъ же мало похожа на прежнюю Цецилію, какъ дѣйствительность на наши иллюзіи. Да еслибъ и такъ— я замужемъ; женщинѣ не нужно друга. У ней нѣтъ друга, если она любитъ своего мужа; а если она его не любитъ…

— Возьмемъ этотъ послѣдній случай, сказалъ Готтгольдъ, когда Цецилія внезапно замолчала.

— Этотъ случай не такъ простъ, какъ кажется, возразила Цецилія, разсматривая стежку на своей работѣ,— тутъ можетъ быть очень много случаевъ. Такъ напримѣръ, очень можетъ быть, что онъ, несмотря на это, любитъ ее—къ вѣрной любви даже и не особенно благородная женщина рѣдко остается нечувствительною и неблагодарною; но представимъ себѣ, что онъ не любитъ ее, что онъ разлюбилъ ее, никогда не любилъ ее — вопросъ въ томъ: какого рода эта женщина. Можетъ быть она не горда и не стыдится признаваться въ своемъ несчастіи другу, который можетъ сдѣлаться потомъ ея любовникомъ; или она горда и въ такомъ случаѣ она —я не знаю, что она сдѣлаетъ, но скорѣе она спрячется въ глубь земли, чѣмъ пойдетъ и скажетъ кому бы то ни было: я несчастлива!

— А если этого не нужно, если ея несчастіе написано у ней на лбу, если оно выглядываетъ изъ ея глазъ, если оно звучитъ въ каждомъ тонѣ ея голоса?

По прекрасному лицу Цециліи мелькнула какъ бы тѣнь облака; но она съ особенной тщательностью разглаживала шовъ на своей работѣ, возражая безстрастнымъ, почти равнодушнымъ голосомъ:

— Кто можетъ сказать это? Кто такъ проницателенъ, что могъ бы читать мысли человѣка у него на лбу и никогда не обманываться, никогда не дѣлать лицо другаго человѣка зеркаломъ своего собственнаго тщеславія? Но что это у насъ за гадкій разговоръ! Лучше скажи мнѣ, куда ты ѣдешь отсюда и гдѣ ты думаешь жить. Вѣдь ты не поѣдешь опять въ Италію? Мнѣ кажется, ты недавно говорилъ это.

— Благодарю тебя за твое участіе, возразилъ Готтгольдъ съ дрожащими губами; — но я еще ни на что не рѣшился. Когда я уѣзжалъ изъ Рима, у меня, конечно, было желаніе пожить, по крайней мѣрѣ хоть нѣкоторое время, на сѣверѣ и попытать, не могу ли я поселиться опять на родинѣ; опытъ не удался, и мнѣ кажется, уже не удастся.

Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой.

Рис. П. Кремеръ.

— Это значило бы, по моему мнѣнію, рѣшать подобный вопросъ нѣсколько скоро, сказала Цецилія,—но этотъ вопросъ, конечно, важенъ только для насъ обыкновенныхъ людей; у васъ же, счастливыхъ художниковъ, родина въ концѣ концовъ—въ вашемъ искусствѣ, а его вы носите съ собой всюду, куда ни отправитесь.

— И все таки я убѣжденъ, что истинное искусство доступно для насъ только на родинѣ, возразилъ Готтгольдъ.

— То есть?

— То есть, что художникъ только у себя на родинѣ можетъ достигнуть той высоты искусства, на какую даютъ ему право его способности. Я заключаю это изъ исторіи всѣхъ искусствъ, — процвѣтавшихъ только въ такомъ случаѣ, если художники могли свободно развивать и развивали свой талантъ на тѣхъ матеріалахъ, что давала имъ та страна, гражданами которой они были, и то время, въ которое они жили (потому-что въ этомъ смы-

слѣ и время—родина художника),—я говорю: когда они имѣли счастье, а также конечно и силу, развивать свой талантъ на родной почвѣ и на родныхъ матеріалахъ. Я заключаю это изъ моихъ собственныхъ наблюденій, которыя показали мнѣ, что всѣ начинавшіе неумѣньемъ найти сюжета на родинѣ въ данномъ мѣстѣ и въ данное время — не были истинными художниками, но или дилетантами и простыми поклонниками искусства — или запросто шарлатанами, которые своими искусственными, лишенными истинной жизни, а слѣдовательно и истиннаго достоинства произведеніями, обманывали только толпу, только чернь интеллигенціи, къ числу которой въ сущности они принадлежали сами.

Готтгольдъ заговорилъ объ этой темѣ, которая въ эту минуту была далека отъ него,—только для того чтобъ успокоить свое собственное волненіе, по крайней мѣрѣ скрыть его передъ блѣдной серіозной женщиной, бывшей подлѣ него,—а потомъ, увлеченный этимъ предметомъ, говорилъ уже съ нѣкоторымъ одушевленіемъ и наконецъ съ такою свободою духа, къ которой онъ за минуту передъ этимъ не считалъ бы себя способнымъ. Такимъ образомъ и Цецилія слушала его сначала разсѣянно, потомъ все внимательнѣе, и въ ея темныхъ глазахъ засвѣтился даже лучъ прежняго огня, когда она спросила:

— А примѣняя это къ тебѣ?

— Въ примѣненіи ко мнѣ, главнымъ несчастіемъ для меня было то, что я, вслѣдствіе несчастнаго раздора съ моимъ отцомъ и другаго печальнаго воспоминанія, о которомъ теперь не стоитъ распространяться... я говорю: это было несчастіе для меня, что я нѣкоторымъ образомъ былъ изгнанъ изъ моей родины въ такую минуту, когда я всего меньше могъ обойтись безъ нея,—безъ цвѣтовъ, которые я отыскивалъ на лугахъ ребенкомъ,—безъ деревьевъ, подъ которыми игралъ отрокъ, любуясь какъ прокрадывались черезъ ихъ вершины солнечные лучи или прислушиваясь къ шуму дождя,—безъ неба, которое то улыбается такой блаженной улыбкой, а то такъ несказанно-мрачно, такъ безконечно-грустно,—безъ моря, по гладкой, освѣщенной вечернимъ сіяніемъ поверхности или по бурно-чорнымъ волнамъ котораго неслась фантазія юноши въ безоблачныя страны блаженныхъ духовъ или въ мрачное туманное царство битвъ, борьбы и ранней геройской смерти, куда стремилась его мечты. Все это—я разумѣю и дѣйствительность и мечты—могъ бы я написать на веселіе и радость другимъ людямъ, въ душѣ которыхъ я пробудилъ бы своими картинами воспоминаніе о ихъ собственномъ дѣтствѣ, отрочествѣ и юношествѣ. Что я писалъ—то вышло не изъ моей души; я не писалъ, не могъ писать этого всею моею душою—даже въ самомъ лучшемъ случаѣ это не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ звонкой гремушкой.

— Зачѣмъ же вы, художники, такъ стремитесь въ далекія страны? спросила Цецилія.

Она опять вполнѣ казалась тою любознательной дѣвушкой, въ темныхъ, блестящихъ глазахъ которой не переставалъ отражаться неугомонный огонь ея духа, а съ губъ слетали то серебристый смѣхъ, то разумное слово.

— Мнѣ кажется, что это стремленіе довольно часто слѣпо и неразумно, возразилъ Готтгольдъ,—во всякомъ случаѣ я всегда совѣтывалъ бы молодому художнику не ѣздить въ Римъ до тѣхъ поръ пока онъ не будетъ твердо стоять на ногахъ, иначе онъ будетъ тамъ игрушкою тучъ и вѣтровъ. Гёте давно уже написалъ свои страницы о германской манерѣ въ искусствѣ и давно уже владѣлъ въ совершенствѣ этою манерою и искусствомъ, когда онъ отправился въ Италію; такимъ образомъ, онъ могъ подъ кедрами сада виллы Боргезе спокойно продолжать созданіе своего Фауста—и возвратиться съ умомъ обогащеннымъ сокровищами его наблюденій надъ страною и людьми и тѣмъ что дѣлалось ими въ теченіи столѣтій подъ этимъ прекраснымъ небомъ,—а все-таки остаться во глубинѣ своей художественной души тѣмъ же, что и былъ. Видишь, Цецилія, въ республикѣ искусствъ то же, что и въ государствѣ. Какой гражданинъ въ состояніи обнимать взоромъ великія отношенія государства, не изощривъ сперва этого взора на болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ общинной жизни? кто въ состояніи сдѣлать что нибудь дѣльное для общины, не научившись сперва управлять своимъ домомъ? кто въ состояніи управлять своимъ домомъ, управлять своимъ семействомъ и руководить его, не умѣя управлять самимъ собою и руководить самого себя?

Въ то время какъ Готтгольдъ говорилъ такимъ образомъ, къ нимъ подошла Гретхенъ. Цецилія взяла ее къ себѣ на колѣни, и дитя сидѣло тамъ смирно, словно понимая, что ему не слѣдомало говорить теперь. Когда Готтгольдъ замолчалъ, она сказала: «Мама, знаешь ли, я хочу, чтобъ у меня папой былъ дядя Готтгольдъ».

Лицо Цециліи вспыхнуло какъ огонь; она сдѣлала сильное движеніе, чтобы спустить Гретхенъ съ колѣнъ, но отъ ребенка не такъ-то легко было отдѣлаться. Она обвила свою здоровую правую ручку вокругъ шеи матери и сказала, ласкаясь: «не правда ли мама, у него такіе голубые глаза, онъ всегда такъ добръ къ тебѣ, а папа часто такой гадкій, не правда ли, мама?

Цецилія быстро встала вмѣстѣ съ ребенкомъ и сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ будто бы хотѣла убѣжать изъ этого мѣста. Но ея колѣни дрожали, она не могла идти дальше и должна была спустить на-земь Гретхенъ, которая, испугавшись порывистыхъ движеній матери, съ плачемъ убѣжала и черезъ минуту забыла свое горе, занявшись парой пестрыхъ бабочекъ, порхавшихъ передъ нею на грядѣ. Цецилія стояла, отвернувшись отъ Готтгольда.

— Цецилія! сказалъ Готтгольдъ.

Онъ подошелъ къ ней, онъ хотѣлъ схватить ея опущенную руку. Она обернулась—и онъ увидѣлъ передъ собою оцѣпенѣлое лицо Медузы.

— Цецилія! вскричалъ Готтгольдъ, протягивая къ ней еще разъ руки.

Она не отступила, она не двигалась, только ея оцѣпенѣлое лицо, ея полуоткрытыя губы судорожно дергались, а потомъ она заговорила, медленно роняя слова, словно послѣднія капли крови изъ смертельной раны.

— Я не нуждаюсь въ твоемъ состраданіи... слышишь? Я не давала тебѣ права сострадать, — ни тебѣ, ни кому другому; что же ты мучишь меня?

— Я не буду больше мучить тебя, Цецилія; я сказалъ тебѣ, что уѣзжаю.

— Зачѣмъ же ты не уѣзжаешь? зачѣмъ говоришь ты со мною о подобныхъ вещахъ? со мною! Ты хочешь свести съ ума—а я не хочу быть съумашедшей.

— Это безуміе, Цецилія! вскричалъ страстно Готтгольдъ.—Если ты его не любишь—а ты его не любишь, не можешь его любить!—никакой божескій, а слѣдовательно и человѣческій законъ не принуждаетъ тебя оставаться, исходить кровью и гибнуть въ несказанныхъ страданіяхъ. И какъ ты его, такъ и онъ не любитъ тебя.

— Онъ сказалъ тебѣ это?

— Нужно ли это?

— Поклянись честью, Готтгольдъ, что онъ сказалъ тебѣ это?

— Нѣтъ, но...

— А если онъ все-таки любитъ меня, и... если я люблю его? Какъ ты можешь рѣшаться говорить со мною такъ, какъ говорилъ сейчасъ! Какъ ты можешь рѣшаться уличать меня теперь во лжи своимъ молчаніемъ, унижать меня передъ самой собою! Это ли твоя хваленая дружба?

Готтгольдъ опустилъ голову и отвернулся. Гретхенъ подошла къ нему.

— Куда ты, дядя Готтгольдъ?

Онъ поднялъ ребенка, поцѣловалъ его, опустилъ его опять на-земь и ушелъ.

— О чемъ плачетъ дядя Готтгольдъ, мама? спросила Гретхенъ, хватая мать за платье.—Папа не можетъ плакать, неправда ли, мама?

Цецилія не отвѣчала; неподвижные, лишенные слезъ глаза остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ Готтгольдъ исчезъ въ кустарникахъ.

— Навсегда, пробормотала она,—навсегда!

(Продолженіе будетъ).

Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой.

Предлагая поклонникамъ многосторонняго дарованія А. К. Толстаго, портретъ этого автора, мы считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о его жизни и литературной дѣятельности.

Графъ А. К. Толстой родился въ Петербургѣ въ 1817 году. Дѣтство свое онъ провелъ въ отцовскомъ имѣньи въ Малороссіи и, кончивъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, получилъ мѣсто при русскомъ посольствѣ при франкфуртскомъ союзномъ сеймѣ. Отказавшись отъ дипломатическаго поприща, для того чтобъ имѣть возможность вполнѣ отдаться своему поэтическому призванію, онъ жилъ частію въ своихъ имѣніяхъ, частію же путешествовалъ по Германіи, Франціи и Италіи. Поступивъ во время крымской компаніи въ военную службу, онъ былъ сдѣланъ полковникомъ, а потомъ флигель-адъютантомъ Е. В. Государя Императора, а по заключеніи мира вышелъ въ отставку. Въ 1857 г. онъ получилъ при дворѣ должность егермейстера, которую занимаетъ и до сихъ поръ.

Первыми поэтическими опытами А. К. Толстаго были стихотворенія, появлявшіяся отдѣльно въ различныхъ журналахъ, которыя потомъ вошли въ собраніе его стихотвореній, изданное въ 1867 г. Въ 1860 г. онъ написалъ историческій романъ: «Князь Серебряный», имѣвшій громадный успѣхъ и напечатанный сначала въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а потомъ появившійся въ отдѣльномъ изданіи. Размѣры нашей статьи не позволяютъ намъ вдаться въ подробный разборъ этого замѣчательнаго произведенія, которое въ свое время читалось на расхватъ всею Россіею. Еще большей успѣхъ имѣла знаменитая трагедія А. К. Толстаго: «Смерть Іоанна Грознаго», возбудившая восторгъ даже въ Германіи, гдѣ она была играна впервые. Постановка на петербургскомъ театрѣ стоила, говорятъ, 30,000 р. с. Вслѣдъ за этимъ появились другія двѣ трагедіи: «Царь Ѳедоръ Іоанновичъ» и «Борисъ Годуновъ», которыя отличаются тѣми же достоинствами, какъ и первая. Между мелкими произведеніями графа А. К. Толстаго замѣчательны его баллады и притчи. Кто не помнитъ его великолѣпной баллады «Грѣшница», въ которой не знаешь чему болѣе удивляться: необыкновенной роскоши красокъ, живости и вѣрности изображенія, или глубинѣ основной мысли? Баллада начинается чрезвычайно картиннымъ описаніемъ пира. Гости бесѣдуютъ о различныхъ предметахъ: о ненавистномъ игѣ Рима, о Пилатѣ, о мирѣ и войнѣ, а больше всего о появившемся въ ихъ странѣ необыкновенномъ мужѣ, который, пламенѣя любовью къ ближнимъ, учитъ платитъ добромъ за зло, возвращаетъ слѣпымъ зрѣніе, слабымъ крѣпость...

Ему признаніе не надо,
Сердецъ мышленье отперто,
Его пытующаго взгляда
Еще не выдержалъ никто.
Цѣля недугъ, врачуя муку,
Вездѣ спасителемъ онъ былъ,
И всѣмъ простеръ благую руку
И никого не осудилъ...

Въ числѣ прочихъ гостей находится молодая грѣшница, которая, почувствовавъ въ этихъ разговорахъ какъ бы укоръ для себя, предлагаетъ держать закладъ, что она не смутится передъ тѣмъ, кого они зовутъ учителемъ. Пиръ продолжается по прежнему...

И вотъ къ толпѣ, шумящей праздно,
Подходитъ мужъ благообразный:
Его чудесныя черты,
Осанка, поступь и движенья
Полны огня и вдохновенья;
Его величественный видъ
Неотразимой дышетъ властью,
Къ земнымъ утѣхамъ нѣтъ участья
И взоръ въ грядущее глядитъ.
То мужъ на смертныхъ непохожій,
Печать избранника на немъ,
Онъ свѣтелъ какъ архангелъ Божій...

Смущенная его величіемъ, грѣшница сначала было потупила взоръ, но потомъ, вспомнивъ свой дерзкій вызовъ, подаетъ ему «шипящій фіялъ» говоря, что ея ученье вѣрнѣе и надежнѣе его. Но то былъ не самъ учитель, а его любимый ученикъ, Іоаннъ изъ Галилеи—

Небрежно немощнымъ обидамъ
Внималъ онъ дѣвы молодой,
И вслѣдъ за нимъ съ спокойнымъ видомъ
Подходитъ къ храминѣ *другой*:
Въ его смиренномъ выраженьѣ
Восторга нѣтъ, нѣтъ вдохновенья,
Но мысль глубокая легла
На очеркъ дивнаго чела.
То не пророка взглядъ орлиный,
Не прелесть ангельской красы—
Дѣлятся на двѣ половины
Его волнистые власы;
....
Ложась вкругъ устъ его прекрасныхъ,
Слегка раздвоена брада,—
Такихъ очей благихъ и ясныхъ
Никто не видѣлъ никогда.
....
И онъ въ молчаніи глубокомъ
Обвелъ сидящихъ тихимъ окомъ;
И въ домъ веселья не входя,
На дерзкой дѣвѣ самохвальной

Остановилъ свой взоръ печальный:
И былъ тотъ взоръ, какъ взоръ денницы,
И все открылося ему,
И въ сердцѣ сумрачномъ блудницы
Онъ разогналъ ночную тьму,
И все, что было тамъ таимо,
Въ грѣхѣ что было свершено,
Въ ея глазахъ неумолимо
До глубины озарено.
Внезапно стала ей понятна
Неправда жизни святотатной,
Вся ложь ея порочныхъ дѣлъ—
И ужасъ ею овладѣлъ;
Уже на грани сокрушенья
Она постигла въ изумленьи,
Какъ много благъ, какъ много силъ
Господь ей щедро подарилъ,
И какъ она восходъ свой ясный
Грѣхомъ мрачила ежечасно.
И въ первый разъ гнушаясь зла,
Она въ томъ взорѣ благодатномъ
И кару днямъ своимъ развратнымъ
И милосердіе прочла;
И чуя новое начало,
Еще страшась земныхъ препонъ,
Она, колебляся, стояла.....
И вдругъ, въ тиши раздался звонъ
Изъ рукъ упавшаго фіяла,
Стѣсненной груди слышенъ стонъ,
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста—
И пала ницъ она, рыдая,
Передъ святынею Христа.

А напр. эта прелестная притча, насквозь проникнутая русскимъ духомъ, какъ относительно содержанія, такъ и относительно формы:

«У приказныхъ воротъ собирался народъ
Густо;
Говоритъ въ простотѣ, что въ его животѣ
Пусто.
Дурачье! сказалъ дьякъ, изъ васъ долженъ быть всякъ
Въ тѣлѣ.
Еще въ думѣ вчера мы съ трудомъ осетра
Съѣли!

* * *

На базаръ мужикъ везъ черезъ рѣку обозъ
Пакли;
Мужичекъ-то, вишь, простъ; знай везетъ черезъ мостъ,—
Такъ ли?
Вишь, дуракъ! сказалъ дьякъ, тебѣ мостъ чай пустякъ?
Дудки!
Ты-бъ его поберегъ; вѣдь плыли жь поперегъ
Утки!

* * *

Какъ у Васьки Волчка воръ стянулъ гусачка,
Вишь ты!
Въ полотенцо свернулъ, да поймалъ караулъ,
Ништо!
Дьякъ сказалъ: дурачье! полотенце-то чье?
Васьки?
Стало Васька и тать! Стало Васькѣ и дать
Таску!

* * *

Пришолъ къ дьяку больной, говоритъ: ой, ой, ой,
Дьяче!
Очень больно нутру, а ужь вотъ поутру
Паче.
И не лечь, и не сѣсть, и не можно мнѣ съѣсть
Столько!
Вишь дуракъ, сказалъ дьякъ, ну не ѣшь натощакъ—
Только!

* * *

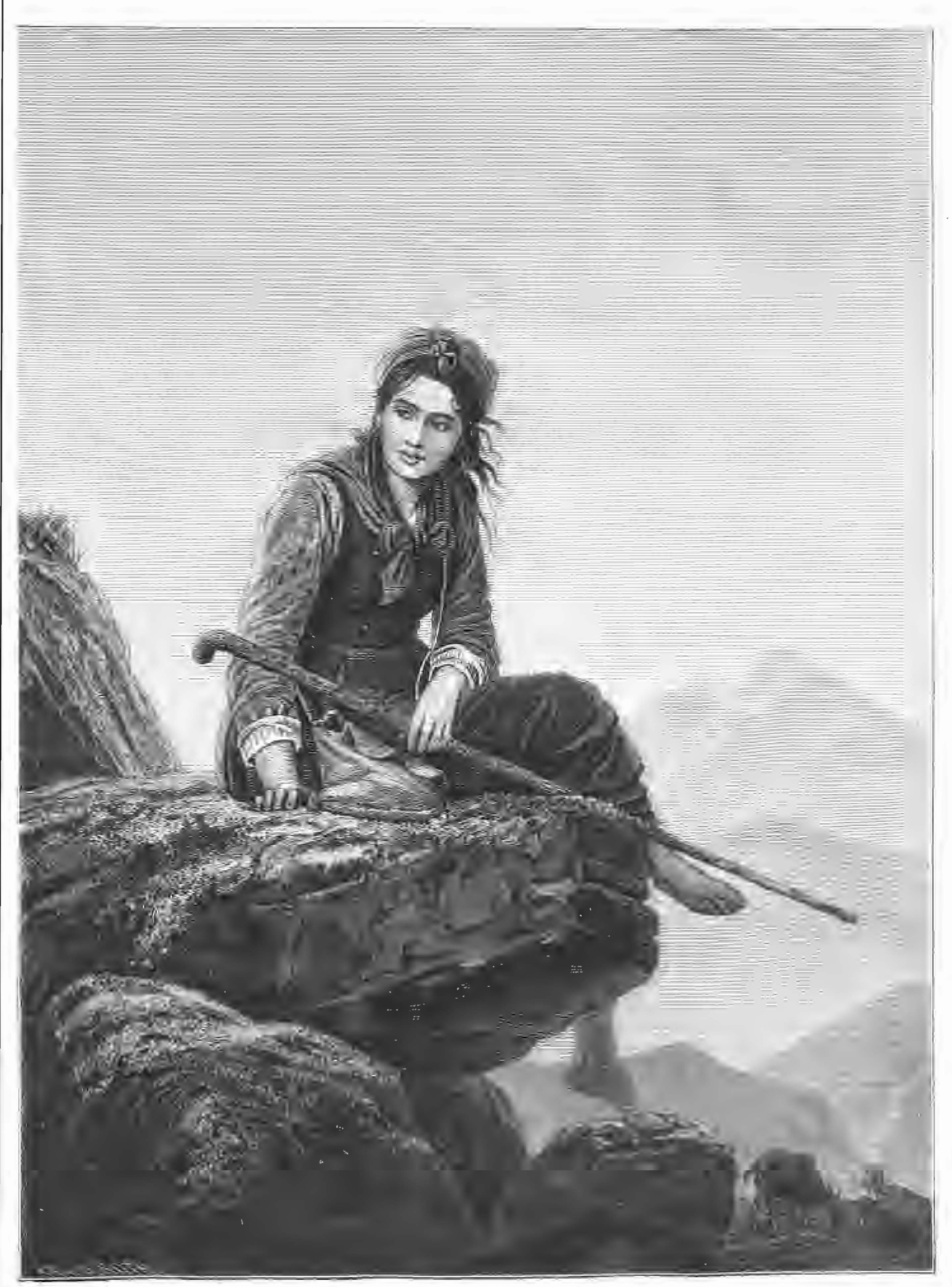
Пришолъ къ дьяку истецъ, говоритъ: ты отецъ
Бѣдныхъ!
Кабы ты мнѣ помогъ—видишь денегъ мѣшокъ
Мѣдныхъ—
Я бъ-те всыпалъ, ей-ей, въ шапку десять рублей,
Шутка!
— Сыпь сейчасъ! сказалъ дьякъ, подставляя колпакъ,
Нутка!

Трагедіи А. К. Толстаго «Смерть Іоанна Грознаго», «Борисъ Годуновъ», его большая драматическая поэма «Донъ Жуанъ» и нѣкоторыя другія произведенія—переведены на нѣмецкій языкъ г-жею Павловой; а первая изъ этихъ трагедій, представленная на придворномъ веймарскомъ театрѣ, имѣла большой успѣхъ. Съ своей стороны А. К. Толстой питаетъ, какъ покрайней мѣрѣ можно заключить по его переводамъ, особенное сочувствіе къ германской литературѣ и между прочимъ перевелъ «Коринѳскую невѣсту», «Бога и Баядеру» Гёте и многія другія произведенія германскихъ поэтовъ, а также нѣсколько стихотвореній изъ Шенье.

Термиты или бѣлые муравьи.

(Окончаніе).

Что не всѣ термиты строятъ такія большія и крѣпкія жилища, какъ такъ-называемые воинственные *(termes bellicosus)* въ Африкѣ— объ этомъ было уже говорено; точно такъ же и матеріалъ и форма гнѣздъ, а также и ихъ внутреннее устройство бываютъ различны. *Гольбери* упоминаетъ о цилиндрическихъ гнѣздахъ, вышиною отъ трехъ до четырехъ футовъ, съ коническою крышею, выступающею кругомъ на нѣсколько дюймовъ, которыя попадались ему въ Африкѣ, — и конечно «гробообразныя» гнѣзда термитовъ, о которыхъ говоритъ *Лихтенштейнъ*, тѣ же самыя. Другой видъ южно-африканскихъ термитовъ обращаетъ на себя вниманіе, — какъ расказываетъ *Фритшъ*,—странными трубами изъ глины, похожими на дымовыя трубы, которыя стоятъ группами другъ подлѣ друга и достигаютъ до 2 футовъ вышины при поперечникѣ отъ 3 до 4 дюймовъ. Въ пустой внутренности этихъ трубъ, служащихъ повидимому отдушинами для подземныхъ построекъ, термиты разгуливаютъ вверхъ и внизъ.



Пастушка на Гарцѣ. Снимокъ съ картины Мейера (бременскаго), Грав. О. Ротъ.

Поднимаясь мало по малу надъ землею, подобная группа, при неравныхъ и сливающихся между собою трубахъ, достигаетъ иногда до 10 футовъ вышины. Иногда зданіе представляетъ собою закругленный сверху конусъ, иногда оно завершается шпицемъ; временами принимаетъ видъ сторожевой башни на широкомъ основаніи съ большими отдѣльными отверстіями въ родѣ дверей и оконъ.—*Бургмейстеръ* сравниваетъ гнѣзда, которыя онъ встрѣчалъ во время своего путешествія изъ Ріо-Жанейро въ Лагоа-Санто, съ гигантскими картофелинами, тогда какъ *Лейхардтъ* видѣлъ въ Австраліи острые конусы отъ 3 до 5 фут. вышины, которые стояли порознь или рядами другъ подлѣ друга. Нѣкоторые виды не сооружаютъ холмообразныхъ построекъ, но за то тѣмъ глубже проникаютъ въ землю; въ Луизіанѣ при закладкѣ одного колодезя наткнулись на разстояніи 45 футовъ отъ земной поверхности на трубы термитовъ. Другіе строятъ гнѣзда, достигающія иногда величины бочки, на деревьяхъ.

Не всѣ термитскія постройки заключаютъ въ себѣ королеву и ея партнера. Многія изъ нихъ недавно выстроены—и въ ихъ корридорахъ и комнатахъ оказывается только множество работниковъ, перетаскивающихъ сюда яица изъ стараго переполненнаго жильцами термитарія, а при нихъ небольшой отрядъ солдатъ, очевидно собравшихся здѣсь для ихъ защиты. И шарообразныя гнѣзда на деревьяхъ не имѣютъ, по изслѣдованіямъ *Батса*, королевы, а потому этотъ естествоиспытатель и полагаетъ, что они устраиваются съ какой нибудь особенной цѣлью и у термитовъ кромѣ нихъ есть еще земляныя гнѣзда, во внутренности которыхъ живетъ королева.

Сношенія между гнѣздомъ-метрополіей и гнѣздомъ-колоніей производятся посредствомъ покрытыхъ дорогъ, надъ которыми работники трудятся изо всѣхъ своихъ силъ. Никогда не выходятъ они при этомъ на свѣтъ, и если ихъ подкопная работа встрѣтитъ препятствіе въ какомъ либо обломкѣ скалы или какомъ иномъ твердомъ предметѣ, то они выводятъ дугообразный ходъ, который примыкаетъ съ точностію къ различнымъ разсѣлинамъ земной поверхности въ занимаемой ими мѣстности. Въ такихъ случаяхъ они устроиваютъ однакоже (если только это можно) другой паралельный этому ходъ, въ которомъ они, когда имъ грозитъ какая нибудь опасность, ищутъ спасенія.

Покрытыя дороги термиты строятъ, по мнѣнію *Севеджа*, не столько потому, что они боятся свѣта (такъ какъ работники и солдаты слѣпы), сколько для защиты себя отъ многочисленныхъ непріятелей. *Леспесъ* посадилъ нѣсколько термитовъ въ стеклянный сосудъ и часто видѣлъ, что они выводили свои ходы на стеклѣ, не бѣгая даже отъ солнечнаго свѣта. Они выводятъ ихъ, какъ увѣряетъ *Бобъ-Моро* и другіе наблюдатели, вездѣ: въ камняхъ, стѣнахъ, деревѣ и растеніяхъ. Перепендикулярный разрѣзъ этихъ ходовъ—цилиндрическій, однакожь обращенная къ стѣнѣ сторона нѣсколько тоньше, и даже не рѣдко роль внутренней стороны играетъ стѣна. Ходы внутри всегда очень гладки и такъ просторны, что работники и солдаты свободно двигаются въ нихъ. При постройкѣ, первые изъ нихъ приносятъ по временамъ круглыя шарики, смачиваютъ ихъ своей слюной и прикрѣпляютъ ихъ такъ, что внутри образуется ровная поверхность, а болѣе шероховатая поверхность хода остается наружи. Большею частію они конечно выводятъ ходы вдоль стѣнъ, но если имъ приходится сдѣлать такимъ образомъ слишкомъ много крюку, то они строятъ даже мосты и арки, свободно раскидывающіеся на воздухѣ. Если колоніи термитовъ что нибудь помѣшаетъ, то работники поспѣшно изчезаютъ черезъ безконечно развѣтвляющіяся галлереи, которыми снабженъ термитарій, и появляются солдаты.

«Я часто любовался» разсказываетъ *Батсъ,* «тѣмъ браколюбіемъ, которое овладѣвало ими, когда я дѣлалъ дыру въ одномъ изъ ихъ крытыхъ ходовъ и въ брешѣ появлялось множество этихъ крошекъ, для того чтобы прикрыть отступленіе работниковъ. Края надлома бывали въ такихъ случаяхъ унизаны вооруженными головами—и мужественные ратники нападали съ яростію на всякій вторгавшійся предметъ; а когда ихъ передніе ряды уничтожались, то мѣсто ихъ тотчасъ же занимали другіе. Когда челюсти ихъ врѣзывались въ мясо, то ничто уже не могло обратить ихъ въ бѣгство. Можно бы сказать, что этотъ инстинктъ скорѣе ведетъ ихъ къ погибели, чѣмъ къ защитѣ себя, когда на колонію нападутъ извѣстные враги термитовъ, муравьѣды; но на длинныхъ червеобразныхъ языкахъ этихъ животныхъ повисаютъ только солдаты, тогда какъ работники, отъ которыхъ непосредственно зависитъ преуспѣяніе молодаго поколѣнія, остаются невредимы. Опуская палецъ въ кучу термитовъ, я всегда находилъ, что къ нему приставали только солдаты. Такимъ образомъ, эта воинственная каста служитъ для защиты своего рода, жертвуя собою для его блага».

Впрочемъ, не всѣ виды муравьевъ бываютъ такъ настойчивы. Многіе, какъ замѣтилъ *Севеджъ*, устремляются въ другое мѣсто сейчасъ же послѣ укушенія. Этотъ процессъ они повторяютъ нѣсколько разъ кряду. И здѣсь такъ же оказывается, что каждый видъ имѣетъ свои особенности и что многія противорѣчія въ біологіи этихъ замѣчательныхъ животныхъ основываются на различіи видовъ.

Какъ саранча, такъ и нѣкоторые народы употребляютъ термитовъ въ пищу, а иногда даже эти животныя считаются лакомымъ кусочкомъ; именно королева, какъ оказывается изъ писемъ Броутона *(Brougton)* о магаратахъ, надѣленная особенно питательными веществами, считается необыкновнпно вкусною. Въ нѣкоторыхъ округахъ Явы термитовъ продаютъ на рынкѣ подъ именемъ «Ларона» и кормятъ ими домашнюю птицу. Въ Африкѣ, по словамъ Смитмена, калебасы собираютъ ихъ огромными массами, поджариваютъ на огнѣ въ жаровнѣ для кофея и ѣдятъ цѣлыми пригоршнями. Готтентоты варятъ ихъ, какъ разсказываетъ *Смитменъ* въ своемъ путешествіи по мысу Добрый-Надежды, или ѣдятъ ихъ сырыми и полнѣютъ отъ этого. Тоже самое разсказываютъ *Батсъ* и *Валласъ* насчетъ термитовъ въ американскихъ странахъ. Индѣецъ, отправляющійся на добычу, разсказываетъ этотъ послѣдній,—соскребаетъ съ гнѣзда землю и втыкаетъ туда длинный стебелекъ травы. Когда онъ выдергнетъ его оттуда, то на немъ оказывается отъ 10 до 12 термитовъ, и онъ повторяетъ этотъ маневръ, до тѣхъ поръ, пока не наѣстся. Ихъ ѣдятъ живыхъ или поджареныхъ, только не брюхо, а голову и части тѣла, заключающія въ себѣ значительное число мускуловъ.

Сравнительно съ тѣмъ громаднымъ вредомъ, который причиняютъ людямъ термиты, эта временная польза конечно не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, — но и эти страшныя и ненавистныя насѣкомыя имѣютъ свое достоинство и роль ихъ въ тропическомъ мірѣ незамѣнима, такъ какъ если причиняемыя ими опустошенія и гибельны въ частности, то въ цѣломъ составляютъ истинное благодѣяніе природы, — ибо, подобно тому какъ могильяки и навозные жуки, устраняя мертвыхъ животныхъ

и ихъ изверженія, уничтожаютъ убійственные газы, такъ и муравьи съ термитами устраняютъ гніющія растенія своей родины, поверженные стволы, тлѣющее дерево и коренья, и т. п.—и подобно сильфамъ и могилякамъ способствуютъ обмѣну веществъ, безъ котораго высшимъ классамъ животныхъ, вмѣстѣ съ такъ-называемымъ царемъ созданія, скоро пришлось бы трепетать за свою жизнь.

Людовикъ XVI и революція.

Людовикъ XVI, вступивъ на престолъ (10 мая 1774 года), получилъ въ наслѣдство отъ своихъ предшественниковъ: совершенно разстроенные финансы; народъ, обремененный непомѣрными налогами; государство, гдѣ земледѣліе, ремесла и торговля находились при послѣднемъ издыханіи, а легкомысліе и безнравственность распространились во всѣхъ классахъ общества; уваженіе къ трону исчезло, законы отвергались самими властями, основанія всякаго нравственнаго и гражданскаго порядка оспаривались и подвергались осмѣянію. Тутъ и болѣе сильный правитель, чѣмъ Людовикъ XVI, не могъ бы удержаться на прежнемъ тронѣ, потому что, не смотря на внутреннюю порчу, подрывавшую всѣ основы государственной жизни, въ народѣ началъ возникать новый духъ, грозно шумѣвшій вокругъ дряхлыхъ столповъ этого трона. *L'esprit des lois* Монтескье уже разбудило мысль, а энциклопедисты и экономисты подвергли своему анализу правительство, законы, злоупотребленія. Вольтеръ язвительно насмѣялся надъ тираніею, Жанъ-Жакъ Руссо восторженно провозглашалъ права народа, а тутъ сѣверо-американская война за освобожденіе вызвала къ себѣ симпатіи,—и идеи свободы и равенства, такъ краснорѣчиво и открыто провозглашенныя и осуществленныя на дѣлѣ по ту сторону океана, воспламенили сердца французовъ.

Людовикъ XVI, Августъ, третій сынъ дофина Людовика и Маріи Жозефы, принцессы саксонской, родился 23 августа 1754 г., получилъ титулъ герцога Берійскаго и сталъ, вслѣдствіи смерти своихъ старшихъ братьевъ и отца, дофиномъ. Онъ обладалъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, превосходнымъ сердцемъ, здравымъ разсудкомъ, но не былъ энергиченъ и не могъ настойчиво вести никакого дѣла. Герцогъ Вогюйонъ воспиталъ его въ правилахъ честности и благочестія, науки же были оставлены совершенно въ сторонѣ. Больше всего молодой принцъ выказывалъ наклонности къ механическимъ занятіямъ, а также очень любилъ охоту. Хотя и воспитанный среди развращеннаго двора, онъ сохранялъ, однакоже, простые, чистые нравы, выказывалъ чувство справедливости, сознаніе долга и ненавидѣлъ роскошь. 10 мая 1770 года вступилъ въ бракъ съ Маріею-Антуанетой, дочерью императрицы австрійской Маріи-Терезіи. При томъ незначительномъ довѣріи, какое онъ имѣлъ къ самому себѣ, перспектива трона внушала ему сильную робость. Когда 10 мая 1774 года, онъ получилъ извѣстіе о смерти своего дѣда, то воскликнулъ со слезами: «О, Боже мой, какое несчастіе для меня!»

Вступивъ на престолъ, Людовикъ XVI выбралъ въ первые министры *Морепа*, 73 лѣтняго старика, впавшаго въ немилость при Людовикѣ XV за свою оппозицію королевскимъ любовницамъ. Морепа съ своей стороны, поручилъ (въ 1776 г.) завѣдыванье дѣлами *Тюрго*, выказавшему въ предшествовавшее царствованіе свою честность и даровитость въ качествѣ интенданта одной провинціи, и *Малербу*, въ которомъ свободный умъ соединялся съ прекраснѣйшею душею. Они настаивали на совершенномъ преобразованіи государственнаго управленія, на бережливости въ государственномъ хозяйствѣ—и Тюрго предложилъ обширный рядъ полезныхъ реформъ, а именно: распространеніе поземельной подати на дворянство и духовенство, допущеніе лицъ средняго класса къ высшимъ административнымъ и судебнымъ должностямъ, устраненіе чиновничьяго произвола, отмѣну крестьянской барщины, уничтоженіе цеховъ и внутреннихъ заставъ затруднявшихъ торговлю, уменьшеніе числа монастырей, умноженіе школъ и улучшеніе быта сельскихъ священниковъ, отмѣну тайныхъ приказовъ *(lettr de cachet)*, свободу печати, и пр. Но эти реформы возбудили противъ него такое неудовольствіе въ дворянствѣ и духовенствѣ, что Людовикъ XVI, говорившій, что онъ и Тюрго единственные люди желавшіе добра народу, тѣмъ не менѣе уступилъ голосу недовольныхъ и далъ отставку Тюрго и Малербу. Не лучше этого удалось повести дѣло и женевскому банкиру *Неккеру*, когда онъ взялся (въ 1777 г.) за управленіе дѣлами послѣ преемника Тюрго *Клюньи*. Уменьшеніемъ расходовъ Неккеръ поправилъ финансы и далъ провинціямъ нѣкоторую возможность участвовать въ администраціи; но эти мѣры до такой степени возставили противъ него придворныхъ, что спустя нѣкоторое время послѣ обнародованія знаменитаго отчета *(comptes rendus)*, внезапно открывшаго Франціи ея государственныя дѣла, онъ былъ вынужденъ удалиться изъ министерства (въ 1781 г.). Вскорѣ послѣ удаленія Неккера умеръ Морепа, и съ этого времени начинается гибельное вліяніе королевы и окружающихъ ее придворныхъ на ходъ государственныхъ дѣлъ. Въ 1783 году генеральнымъ контролеромъ финансовъ былъ назначенъ ловкій но честолюбивый и далеко непопулярный *Калоннъ*, занимавшій до тѣхъ поръ должность интенданта. Онъ отступилъ отъ неккеровой системы бережливости и замѣнилъ ее величайшею расточительностію. Въ Версалѣ давались самые блистательные праздники и громко провозглашались необыкновенныя дарованія Калонна. Но вскорѣ у него недостало средствъ и, чтобы прикрыть все болѣе и болѣе возрастающій дефицитъ посредствомъ привлеченія на свою сторону привилегированныхъ классовъ, онъ нашелся вынужденнымъ предложить средство, которое, въ виду настоящаго положенія правительства, было далеко не безопасно—именно: *собраніе нотаблей* (именитыхъ людей) и сознаться передъ этимъ собраніемъ, состоявшимся 22 февраля 1787 г., въ первый разъ послѣ 1624 г., что займы увеличились въ нѣсколько лѣтъ до милліарда шестисотъ сорока шести милліоновъ и что только распространеніе поземельной повинности на всѣхъ безъ исключенія и новый штемпельный налогъ могутъ покрыть ежегодный дефицитъ въ 140 милліоновъ. Это произвело такую бурю, что Калоннъ долженъ былъ подать въ отставку и на его мѣсто былъ избранъ популярный, но неспособный санскій архіепископъ графъ *Ломени де Бріенъ*. Одобривъ нѣкоторыя изъ предложенныхъ новымъ министромъ мѣръ, собраніе разошлось; а когда Бріенъ, лишенный помощи со стороны нотаблей, прибѣгнулъ къ на-

логамъ и потребовалъ занесеніе въ парламентскіе регистры двухъ новыхъ эдиктовъ о штемпельномъ и поземельномъ налогѣ, то парламентъ отказался, указывая на расточительность двора и королевы, и въ первый еще разъ заговорилъ о собраніи генеральныхъ штатовъ. Король, прибѣгнувъ къ обыкновенному принудительному способу—тронному засѣданію *(lit de justice)*, заставилъ такимъ образомъ внести эдикты въ парламентскіе регистры и изгналъ мятежный парламентъ въ Труа, но тѣмъ не менѣе далъ вскорѣ послѣ этого парламенту обѣщаніе созвать до истеченія пяти лѣтъ генеральные штаты, если только онъ согласится въ этотъ промежутокъ времени на значительный заемъ,—и подъ этимъ условіемъ вызвалъ его изъ Труа. Не смотря на это, парламентъ отказалъ въ своемъ согласіи на заемъ, и герцогъ Орлеанскій, личный врагъ двора, протестовалъ противъ вынужденнаго внесенія въ регистры эдикта. Король сослалъ принца, арестовалъ нѣсколько членовъ парламента и издалъ эдиктъ отъ 8 мая 1788 г., въ силу котораго всѣ парламенты распускались, а на мѣсто ихъ учреждалось верховное судище *(cour plénière)*, состоявшее изъ принцевъ, перовъ, знатныхъ придворныхъ чиновниковъ и высшаго судейскаго дворянства. Этотъ деспотизмъ взволновалъ всю страну, а эдиктъ отъ 16 августа, на основаніи котораго государственное казначейство должно было пріостановить всѣ платежи наличными деньгами, еще болѣе увеличилъ бурю. Уголовный судъ *(le Châtelet)* протестовалъ, провинціи возстали, и верховное судилище не могло ни состояться, ни дѣйствовать. Въ Дофине, Бретани, Провансѣ, во Фландріи, въ Лангедокѣ, въ Беарнѣ вспыхнули бунты. Въ парламентахъ и на улицахъ всѣ требовали созванія генеральныхъ штатовъ. Тутъ король, обѣщавшій 18 декабря 1787 г. созвать ихъ до истеченія пяти лѣтъ, нашелся вынужденнымъ назначить днемъ открытія ихъ 1 мая 1789 г., дать отставку Бріену и замѣнить его популярнымъ *Неккеромъ*. Успокоивъ общее волненіе освобожденіемъ арестованныхъ парламентскихъ членовъ и отмѣною постановленій противъ парламента, новый министръ принялъ всѣ необходимыя мѣры для избранія депутатовъ и созванія штатовъ. Тогда-то вскорѣ обнаружилось, что каждое изъ привилегированныхъ сословій требовало созванія генеральныхъ штатовъ изъ личныхъ видовъ. Парламентъ надѣялся управлять ими какъ въ 1614 г., дворянство питало надежду возвратить свое утраченное вліяніе. Потому-то магистратура и предложила за образецъ генеральные штаты 1614 г.; потому-то дворянство и не соглашалось на двойное представительство третьяго сословія, уже допущенное въ провинціальныхъ собраніяхъ,—и раздоръ вспыхнулъ между дворянствомъ и третьимъ сословіемъ. Но Неккеръ настоялъ, чтобъ число представителей третьяго сословія равнялось числу представителей духовенства и дворянства,—и хотѣлъ, чтобы голоса подавались не по сословіямъ, а поголовно: этого же взгляда держались и даровитѣйшіе поборники народа въ безконечномъ числѣ парламентовъ. Изъ послѣднихъ всѣхъ болѣе впечатлѣнія произвела брошюра аббата *Сіеса*: «Что такое среднее сословіе?» Урожденный графъ и вмѣстѣ духовное лицо, онъ говорилъ какъ противъ дворянъ, такъ и противъ духовенства,—и выставилъ то главное положеніе революціи, что средній классъ есть сама нація—народъ во всей полнотѣ его власти. Королевскимъ объявленіемъ отъ 27 ноября было постановлено, что число депутатовъ въ генеральныхъ штатахъ будетъ доходить по крайней мѣрѣ до тысячи, и депутаты третьяго сословія будутъ равняться числомъ соединеннымъ депутатамъ духовенства и дворянства. Окружныя собранія были созваны для выборовъ, волненіе было всеобщее. Парламентъ имѣлъ мало вліянія на выборы, а дворъ никакого. Дворянство выбрало нѣсколькихъ популярныхъ депутатовъ, но большею частью людей преданныхъ интересамъ своего сословія. Духовенство выбрало епископовъ и аббатовъ, горячо стоявшихъ за привилегіи, и священниковъ, сочувствовавшихъ народному дѣлу, которое было ихъ собственнымъ дѣломъ. Наконецъ третье сословіе выбрало людей просвѣщенныхъ, твердыхъ и единодушныхъ въ своихъ цѣляхъ. Всѣхъ наличныхъ членовъ было 1,113, въ томъ числѣ 270 депутатовъ дворянства, 291 депутатъ духовенства и 578 депутатовъ третьяго сословія. 5 мая 1789 года генеральные штаты, созванные въ залѣ маленькихъ праздниковъ *(salle de menus)*, были открыты рѣчью короля, принятою съ кликами одобренія. Но съ первыхъ же засѣданій третье сословіе вступило въ борьбу съ обоими высшими сословіями и правительствомъ по поводу повѣрки полномочій, потому-что тѣ требовали отдѣльной повѣрки полномочій, а гражданство отстаивало, напротивъ того, общую повѣрку огуломъ. Такъ какъ слѣдствіемъ такой мѣры были бы общія совѣщанія и поголовная подача голосовъ, — при чемъ дворянство и духовенство (между которыми многіе раздѣляли воззрѣнія третьяго сословія, а иныхъ не было на лицо) составляли бы меньшинство,—то этотъ споръ настойчиво продолжался нѣсколько недѣль, пока наконецъ третье сословіе (избравшее президентомъ проникнутаго энтузіазмомъ и духомъ свободы, парижскаго депутата-астронома *Бальи*, но руководимое высшими талантами такихъ людей какъ *Сіесъ*, авторъ упомянутой выше брошюры и *Мирабо*, который, принадлежа дворянству по рожденію, разсорился съ нимъ и былъ выбранъ депутатомъ третьяго сословія) не одержало верху. Когда переговоры, длившіеся до 27 мая, были прерваны дворянствомъ, высказавшимся за отдѣльную повѣрку голосовъ, то общины, рѣшившись провозгласить себя національнымъ собраніемъ, на слѣдующій же день пригласили духовенство присоединиться къ нимъ. Постановивъ, что дворянство и духовенство приглашаются въ залу собранія генеральныхъ штатовъ для присутствія при повѣркѣ полномочій, которая будетъ произведена *какъ въ присутствіи, такъ и въ отсутствіи ихъ*,—они, по окончаніи повѣрки организовались, 27 іюня, по предложенію Сіеса въ *національное собраніе*, чѣмъ фактически и начинается революція.

Первымъ постановленіемъ *національнаго собранія* было присвоеніе себѣ верховноой власти. Затѣмъ оно объявило всѣ налоги незаконными, но подало голосъ въ пользу временнаго взиманія ихъ за весь періодъ своего существованія и въ пользу прекращенія ихъ коль скоро оно будетъ распущено, успокоило капиталистовъ, обезпечивъ государственный долгъ, и позаботилось о народѣ, назначивъ комитетъ народнаго продовольствія. Въ началѣ собраніе заботилось больше объ устройствѣ представительнаго правленія; а государственное хозяйство было на заднемъ планѣ. Тѣмъ временемъ эти происшествія встревожили дворъ и внушили ему мысль предложить отъ себя народу конституцію, измѣнивъ проэктъ Неккера и безъ того уже недостаточный. Съ этой цѣлью на 23-е число назначено были *королевское засѣданіе*, а между тѣмъ, для приготовленія къ нему, была заперта зала собранія. И когда Бальи, увѣдомленный объ этомъ очень поздно, явился со всѣми депутатами, ихъ не впустили,—вслѣдствіе чего они отправились, въ сопровожденіи огромной толпы, въ пустую

залу зданія назначеннаго для игры въ мячъ *(Jeu de paume)*, и тамъ, поднявъ руки, торжественно поклялись не расходиться до тѣхъ поръ, пока сами не дадутъ новой конституціи государству. Въ слѣдующее засѣданіе, происходившее въ церкви св. Людовика (такъ какъ принцы удержали для себя залу Jeu de paume, чтобъ не пускать въ нее депутатовъ), къ гражданству примкнула большая часть духовенства со многими архіепископами во главѣ. 13 іюля было королевское засѣданіе. Король явился во всемъ блескѣ своего могущества, но, противъ обыкновенія, встрѣченъ былъ глубокимъ молчаніемъ. Въ своей рѣчи онъ осуждалъ раздоры сословій, отмѣнилъ всѣ постановленія національнаго собранія, признавая его представительствомъ одного третьяго сословія, предписалъ раздѣленіе сословій, указалъ какія реформы нужно было произвесть и въ какихъ границахъ, повелѣлъ генеральнымъ штатамъ принять ихъ именно въ этомъ видѣ, угрожая распустить собраніе и принять на одного себя преобразованіе государства, если встрѣтитъ съ ихъ стороны малѣйшее сопротивленіе, и въ заключеніе приказалъ депутатамъ разойтись. Духовенство и дворянство повиновалось, но депутаты tiers-etat молча остались на своихъ мѣстахъ; а когда церемоніймейстеръ напомнилъ имъ о повелѣніи короля, Мирабо отвѣчалъ ему громовымъ голосомъ: «подите и скажите вашему господину, что мы здѣсь по волѣ народа—и разойдемся только, когда насъ разгонятъ штыками», собраніе же провозгласило неприкосновенность своихъ членовъ. Когда въ слѣдующее засѣданіе часть духовенства, а нѣсколько дней спустя часть дворянства (въ томъ числѣ и герцогъ орлеанскій) присоединилась къ гражданству, король нашелся вынужденнымъ пригласить и остальное дворянство и духовенство сдѣлать тоже самое (27 іюня). Въ то время какъ собраніе приготовляло нетерпѣливо-ожидаемую конституцію, король, по совѣту двора, велѣлъ собрать вокругъ столицы 30,000 войска и выслалъ Неккера за границу. Волненіе, произведенное въ Парижѣ этими враждебными мѣрами, еще болѣе усилилось наступившею въ это время дороговизною. Еще 12 іюля, на другой день послѣ изгнанія Неккера, народъ ворвался въ темницы, гдѣ были заключены гренадеры французской гвардіи за то, что отказались стрѣлять въ народъ, больше 10,000 человѣкъ шло съ тріумфомъ за обвитыми крепомъ бюстами Неккера и герцога Орлеанскаго (о которомъ тоже разнесся слухъ, что онъ высланъ) по городу, до площади Людовика XV. Когда же тутъ напали на нихъ драгуны князя Ламбека, французская гвардія перешла на сторону народа и крикъ: «къ оружію!» раздался по всему городу. Отправленная къ королю національнымъ собраніемъ депутація, представлявшая ему о необходимости удалить войска и поручить охрану города городской милиціи, вернулась съ отвѣтомъ мало удовлетворительнымъ. Тогда собраніе утвердило, большинствомъ голосовъ, отвѣтственность министровъ и всѣхъ *какого бы званія и сословія они ни были*, поставило государственный долгъ подъ охрану французской честности и подтвердило всѣ свои предшествовавшія постановленія. 23 іюля возстаніе приняло въ Парижѣ правильный характеръ. Народъ съ утра собрался къ ратушѣ; ударили въ набатъ и вслѣдъ за тѣмъ во

Французская революція. 26 декабря 1792 года. Рис. Дела Шарлери, грав. Мейеръ-Гейне.

всѣхъ церквахъ, по улицамъ раздался барабанный бой и сзывалъ гражданъ. Организовалась военная сила подъ именемъ волонтеровъ Пале-Рояля, Тюльери, Базоши, Аркебюза. Собрались округи и каждый изъ нихъ избралъ по двѣсти человѣкъ для своей защиты. Требовали оружія—и городской голова *Флессель* обѣщалъ дать его. Но такъ такъ оружіе не являлось, а крики и угрозы все увеличивались, то организовавшійся въ ратушѣ комитетъ для принятія мѣръ, требуемыхъ общественною безопасностью, приказалъ выковать 50,000 пикъ. Въ одну минуту Парижъ превратился въ большую мастерскую и 50,000 пикъ были готовы не далѣе, какъ на слѣдующее утро; народъ проникъ въ домъ инвалидовъ, и, найдя тамъ въ подвалахъ 20,000 ружей, забралъ ихъ, захватилъ сабли, шпаги, пушки, и съ торжествомъ унесъ все это. Пушки были поставлены при входѣ въ предмѣстья, въ Тюльери, на набережныхъ, мостахъ, для защиты столицы отъ вторженія войскъ, котораго ожидали съ часу на часъ. 14 іюля была взята и разрушена Бастилія, служившая крѣпостью и вмѣстѣ съ тѣмъ государственною тюрьмою, причемъ былъ убитъ комендантъ *Делоне* съ нѣсколькими солдатами и инвалидами, а также *Флессель*, обвиненный въ стачкѣ съ Делоне. Король, испуганный всѣми этими происшествіями отправился 13 іюля въ національное собраніе, ввѣрилъ себя его защитѣ, удалилъ войска изъ Парижа и Версаля, призвалъ опять Неккера, который былъ однакоже вскорѣ оттѣсненъ на задній планъ законодателемъ массъ Мирабо и герцогомъ Орлеанскимъ,—и утвердилъ назначеніе Бальи въ мэры, а *Лафайета* въ начальники милиціи. Они были обязаны этой честью: Бальи—своему долгому и трудному предсѣдательствованію въ собраніи, а Лафайетъ своимъ доблестнымъ и патріотическимъ дѣйствіямъ. Другъ Вашингтона и одинъ изъ главныхъ героевъ сѣверо-американской войны, Лафайетъ первый подалъ мысль, по возвращеніи на родину, о созваніи генеральныхъ штатовъ, присоединился съ меньшинствомъ дворянства къ національному собранію и былъ съ той поры самымъ ревностнымъ защитникомъ революціи. 17 іюля оба новые начальника города встрѣтили короля во главѣ муниципалитета и парижской гвардіи.

(Продолженіе будетъ).

Политическое обозрѣніе.

Въ настоящій разъ, за неимѣніемъ особенно выдающихся событій, остановимся на арестѣ извѣстнаго французскаго писателя и редактора газеты „XIX Siècle", Эдмона Абу, надѣлавшемъ много шуму въ европейской печати. Поводомъ къ аресту послужили статьи его, печатавшіяся сначала въ газетѣ «Soir», а потомъ въ его собственномъ изданіи, полныя горячаго патріотизма и ненависти къ Германіи. Нѣмецкимъ властямъ города Страсбурга пришлись эти статьи сильно не по душѣ, и нѣмцы рѣшились заарестовать ихъ автора. Но такъ какъ для такого поступка требуется обвиненіе самаго тяжелаго свойства, то страсбургскія власти обвинили Абу въ преступленіи противъ верховной власти и открыли въ статьяхъ попытку возстановить населеніе Эльзаса противъ нынѣшняго его правительства. Когда слухъ объ арестѣ Абу разнесся по Франціи, вся французская печать ударила въ набатъ и съ замѣчательнымъ единодушіемъ возстала противъ этого поступка германскихъ властей. Къ голосу печати и общественнаго мнѣнія присоединился, какъ кажется, и голосъ французскаго правительства. Эдмонъ Абу былъ вскорѣ освобожденъ и напечаталъ въ своей газетѣ статью, въ которой благодаритъ президента республики, министра иностранныхъ дѣлъ и французскаго консула въ Страсбургѣ за ихъ участіе въ его дѣлѣ. Онъ видитъ въ арестѣ писателя посягательство на свободу мнѣній и нарушеніе международнаго права.

Если судить по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ различными французскими газетами, то положеніе вещей въ завоеванныхъ нѣмцами провинціяхъ не можетъ быть утѣшительно для нихъ. Довольно значительная часть населенія этихъ провинцій выразила желаніе остаться въ подданствѣ Франціи: изъ одного города Метца выселились болѣе 10,000 человѣкъ и ежедневно по нѣскольку десятковъ семействъ переходитъ во французское подданство. Съ другой стороны, и Франціи нечего радоваться, особенно въ виду убытковъ понесенныхъ ею въ послѣднюю войну. Франція въ эту войну лишилась 12 городовъ, изъ которыхъ три—крѣпости 1-го разряда, 1750 общинъ, съ населеніемъ въ 1,600,000; это составляетъ почти *двадцатую часть* всего населенія Франціи. Она потеряла до 14,900 квадратныхъ миль пространства, три большихъ арсенала, одинъ пороховой заводъ и нѣсколько сотъ пороховыхъ магазиновъ, 11 крѣпостей. Кромѣ того: 111 судебныхъ мѣстъ, страсбургскій университетъ, съ пятью факультетами, одну школу для приготовленія аптекарей, 3 лицея, 15 коллегій, 4 учительскихъ института и около 30 ученыхъ обществъ. Въ финансовомъ и политико-экономическомъ отношеніяхъ утрачено: около 870,000 десятинъ лѣса, 370 киллометровъ желѣзныхъ дорогъ, около 26,000,000 рублей поземельныхъ налоговъ, болѣе чѣмъ на 19,000,000 рублей остальныхъ податей, 3 отдѣленія банка, 1 монетный дворъ, болѣе 1200 различныхъ фабрикъ и заводовъ, въ томъ числѣ: 160 бумагопрядиленъ и 315 суконныхъ фабрикъ, 105 фарфоровыхъ заводовъ и 20 стеклянныхъ и пр. Кромѣ того, Франція внесла денежнаго вознагражденія 5 милліардовъ да содержаніе нѣмецкихъ войскъ стоитъ ей болѣе 500,000,000 франковъ; всего Франція понесла до 6 милліардовъ франк. (1800,000,000 рублей).

Въ пятницу, 8-го сентября, въ г. Кельнѣ происходило предварительное собраніе такъ-называемыхъ старо-католиковъ, т. е. тѣхъ изъ католическаго духовенства, которые отвергли провозглашенный папою догматъ о непогрѣшимости. На этомъ съѣздѣ присутствовали и представители другихъ церквей; отъ Россіи былъ посланъ ректоръ петербургской духовной академіи Янышевъ.

Чтобы правильно оцѣнить это событіе, необходимо бросить взглядъ на прошедшее. Нынѣшнее движеніе въ средѣ католическаго духовенства явилось послѣ провозглашенія такъ-называемымъ вселенскимъ соборомъ 1870 г. догмата о папской непогрѣшимости. Однимъ изъ первымъ бойцовъ противъ этого догмата былъ извѣстный богословъ и профессоръ мюнхенскаго университета, Деллингеръ который за свое несогласіе съ рѣшеніемъ собора былъ, въ числѣ многихъ другихъ, отлученъ отъ римской церкви. Примѣру его послѣдовали многіе ученые богословы разныхъ странъ и многіе изъ католическаго духовенства, такъ что въ скоромъ времени образовалась цѣлая партія людей, объявившихъ открытую войну римскому престолу. Чтобы завязать тѣсныя сношенія между противниками новаго ученія папы, партія эта положила собираться, покрайней мѣрѣ одинъ разъ въ году, для принятія мѣръ къ распространенію здравыхъ идей въ католическомъ мірѣ. На первыхъ порахъ она собралась въ Мюнхенѣ; въ настоящемъ же году мѣстомъ

съѣзда выбранъ былъ гор. Кельнъ. Если въ прошедшемъ году дѣятельность этой партіи ограничивалась только тѣмъ, что не признавала папской непогрѣшимости, со всѣми другими рѣшеніями римскаго собора 1870 г., то въ настоящемъ — замѣтно уже движеніе впередъ: партія Деллингера—и ему подобныхъ намѣрена создать новую религіозную секту, цѣль которой — возвращеніе нынѣшней католической церкви къ образцу древне-христіанской, и старается заручиться покровительствомъ государства. Теперь они возстаютъ уже не противъ одного только догмата, но противъ всей системы папства. Для этого конгрессомъ избранъ постоянный комитетъ, который начнетъ дѣйствовать въ пользу новой секты. Но прежде всего необходимо заручиться покровительствомъ государства и признаніемъ съ его стороны законности существованія новой секты. Въ видахъ этого, конгрессомъ приняты слѣдующія рѣшенія: 1) чтобъ какъ за священниками, такъ и за епископами, избранными старо-католиками, признано было право исполнять всѣ обряды и полная независимость отъ римской церкви; 2) чтобы за старо-католиками сохранены были разныя церковныя имущества, школы и капиталы; 3) чтобъ какъ всѣ духовныя лица старо-католиковъ, такъ и сами старо-католики, пользовались, наравнѣ со всѣми другими, защитою закона. На кельнскомъ съѣздѣ зашла рѣчь и о соединеніи церквей, для осуществленія чего избрана была особая комиссія, изъ десяти членовъ, подъ предсѣдательствомъ Деллингера. О дальнѣйшемъ движеніи этого вопроса сообщимъ въ свое время.

Въ восточной церкви такъ же не обходится безъ споровъ и раскола, Въ послѣднее время произошло довольно серіозное столкновеніе между греческою и болгарскою церквами. Извѣстно, что болгары испоконъ-вѣку враждуютъ съ греками, которыхъ они считаютъ самымъ хитрымъ народомъ во всемъ свѣтѣ. Они давно уже мечтаютъ о томъ, чтобы освободиться отъ подчиненія константинопольскому патріаршеству, и дѣлали въ этомъ направленіи неоднократныя попытки. Такъ какъ греческая церковь на отчужденіе болгаръ не соглашалась, то болгары обратились къ турецкому правительству, въ подданствѣ котораго они состоятъ, съ просьбою объ учрежденіи своего собственнаго экзархата. Турецкое правительство согласилось на это; тогда константинопольскій патріархъ разослалъ ко всѣмъ другимъ патріархамъ, въ томъ числѣ и въ нашъ синодъ, нѣчто въ родѣ воззванія, приглашая созвать вселенскій соборъ для разрѣшенія возникшей распри. Дѣло, однако, кончится миромъ, такъ-какъ далеко не всѣ согласны со взглядомъ константинопольскаго патріарха.

Библіографія.

«Вѣстникъ Европы», сентябрская книжка за нын. годъ. Въ числѣ статей, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ, обращаютъ на себя особенное вниманіе: 1) историческая статья извѣстнаго нашего ученаго, Н. И. Костомарова, «Кто виноватъ въ смутномъ времени», какъ возраженіе на статью другаго ученаго, г. Забѣлина, въ «Русскомъ Архивѣ», 1872 г. кн. 2—5, и 2) записки русскаго патріота и писателя двадцатыхъ годовъ, Сергѣя Никол. Глинки. Г. Костомарова, какъ онъ самъ говоритъ, нѣсколько разъ пытались уличить «въ коварномъ замыслѣ унижать или сводить съ пьедестала знаменитыхъ лицъ отечественной исторіи.» Поводомъ къ такому обвиненію, въ глазахъ его противниковъ, служили статьи, напечатанныя имъ за послѣдніе 5—6 лѣтъ въ различныхъ журналахъ и преимущественно въ «Вѣстникѣ Европы.» Г. Забѣлинъ въ означенной статьѣ возстаетъ на защиту извѣстныхъ въ исторіи смутнаго времени Минина и Пожарскаго и проводитъ ту мысль, что смуту на Руси производили не поляки и не разбойничьи шайки изъ буйной вольницы, а само боярство вмѣстѣ съ служилымъ сословіемъ вообще. По его словамъ, смутное время на Руси не было временемъ революціи или какого нибудь броженія общественныхъ и политическихъ силъ; оно было только «всестороннимъ банкротствомъ правительства, банкротствомъ его нравственной силы.» Народъ пересталъ вѣрить тогдашнему правительству и поднялся для возстановленія правды на Руси, попранной служилыми людьми. Выразителями этого желанія земщины явились召Мининъ и Пожарскій; поляки же только воспользовались случаемъ—половить рыбу въ мутной водѣ. Г. Костомаровъ находитъ такое мнѣніе нѣсколько натянутымъ и, съ своей стороны, представляетъ не мало фактическихъ указаній на то, что такого раздвоенія служилаго и неслужилаго сословія, какое представляетъ г. Забѣлинъ, на Руси въ то время не существовало; сословіе служилое и боярство, когда-то имѣвшія власть надъ княземъ, а слѣдовательно и надъ страною, впослѣдствіи ее утратили, сдѣлавшись полными «холопами государевыми.» Народъ же или земщина, тотъ самый «сирота—народъ», о которомъ говоритъ г. Забѣлинъ, въ смутныя времена, почуявъ волю и увлекшись казацкимъ духомъ, былъ главнѣйшею стихіей тогдашней смуты.» Впрочемъ, если ужъ обвинять кого въ смутѣ, говоритъ г. Костомаровъ, то прежде всего людей родовитыхъ и служилыхъ, вмѣстѣ съ верховнымъ правительствомъ, обвинять за то, что «они своимъ неумѣлымъ управленіемъ ставили народъ въ такое положеніе, что онъ получилъ наклонность производить смуты.»

Записки С. Н. Глинки касаются событій за 1825—1829 годы. Этотъ замѣчательный для того времени человѣкъ извѣстенъ былъ «чрезвычайнымъ своимъ просвѣщеніемъ» и неподкупною честностью. Изъ множества его «чернильныхъ грѣховъ», какъ онъ выражается, изъ которыхъ болѣе 130 статей помѣщены были имъ въ разныхъ журналахъ того времени, заслуживаетъ упоминанія его «Русская Исторія», которую онъ представилъ Карамзину для просмотра. Глинка началъ службу адъютантомъ у бывшаго въ то время московскимъ генералъ-губернаторомъ князя Юр. Вл. Долгорукова; былъ въ итальянскомъ походѣ 1799 года, въ который вызвался добровольно; въ 1806 г. служилъ бригадъ-майоромъ въ земскихъ войскахъ; въ 1812 году, онъ первый записался въ ратники московскаго ополченія; наконецъ, служилъ цензоромъ въ Москвѣ. Въ бытность его въ московскомъ ополченіи, онъ получилъ триста тысячъ рублей на расходы по ополченію, но вся эта сумма была имъ возвращена казнѣ, за исключеніемъ 15 р., истраченныхъ на шапку крестьянину, отдавшему трехъ сыновей своихъ въ ополченіе. Честность его убѣжденій видна и въ отвѣтѣ на предложеніе гр. Милорадовича касательно предполагаемой неблагонамѣренности Греча и Булгарина, и во многомъ другомъ. За «чрезвычайное просвѣщеніе», ему предложено было совѣтомъ московскаго университета мѣсто «оберъ-корректора университетской типографіи»; а за услуги и любовь къ отечеству, на алтарь котораго онъ возложилъ не мало жертвъ, онъ однажды получилъ отъ графа Милорадовича даровую подорожную до Москвы и заслужилъ чинъ майора, въ которомъ состоялъ 27 лѣтъ, т. е. все время до самой смерти своей. При всемъ томъ, этотъ «труженикъ чернильный» не только не роопталъ, но еще подтрунивалъ надъ своими неудачами въ жизни и на службѣ, для которой у него недоставало только одного таланта—«исканія».

«Русская Старина», сентябрь 1862 г. Изъ выдающихся статей этой книжки заслуживаютъ быть упомянутыми: «Воспоминанія доктора И. И. Европеуса о графѣ Аракчеевѣ», да еще два повелѣнія императора Александра I-го — одно объ обращеніи съ крестьянами, а другое—объ обращеніи съ солдатами. Въ своихъ воспоминаніяхъ о гр. Аракчеевѣ, авторъ отчасти дополняетъ, частію же приводитъ новыя черты характера этого человѣка. Личность графа выставляется намъ такою, какою представляютъ ее и многіе другіе современники: мелочною, педантически-точною, требовательною, придирчивою, пропитанною до мозга костей формализмомъ, деспотичною и жестокою къ низшимъ себя, трусливою и раболѣпною къ высшимъ. По словамъ

г. Европеуса, который нѣкоторое время состоялъ у графа домашнимъ врачемъ, характеръ Аракчеева былъ «непостояненъ, зависѣлъ отъ его занятій, окружающихъ его людей и другихъ обстоятельствъ, которыя вліяли на расположеніе его духа». Онъ страдалъ разстройствомъ всей нервной системы, застоемъ печени и пороками сердца; ночи проводилъ иногда безъ сна, въ тоскѣ и безпокойствѣ. Къ поселянамъ, по увѣренію автора, былъ снисходителенъ, къ подчиненнымъ незлопамятенъ. Впрочемъ, объ этихъ качествахъ у другихъ, столь-же близко знавшихъ графа, находимъ отзывы иного рода. Для характеристики того времени, приведемъ слѣдующій эпизодъ, передаваемый докторомъ Европеусомъ. Во время бунта военныхъ поселянъ, графъ Аракчеевъ находился въ подаренномъ ему селѣ Грузинѣ, Новгородской губерніи, но узнавъ, что нѣсколько троекъ назначены для поимки его, ускакалъ въ Тихвинъ, а по усмиреніи мятежа прибылъ въ Новгородъ. «Поговаривали, будто-бы губернаторъ А. У. Денферъ, узнавъ о пріѣздѣ въ Новгородъ графа, послалъ къ нему полиціймейстера съ просьбою о выѣздѣ изъ города, такъ-какъ присутствіе его сіятельства могло быть опаснымъ для жителей, безъ того уже боявшихся нападенія со стороны поселянъ. Можете себѣ представить гнѣвъ и злость графа, которому, несмотря на то, что онъ уже не былъ въ силѣ, все еще по старой привычкѣ кланялись и раболѣпствовали. Графъ отправилъ тотчасъ эстафету въ Петербургъ; ему разрѣшено было остаться въ Новгородѣ, а губернатору выставили его опрометчивость на видъ». О томъ, какъ графъ Аракчеевъ встрѣтилъ извѣстіе объ убіеніи «25-ти лѣтняго друга своего», извѣстной Настасьи Федоровны, г. Европеусъ разсказываетъ слѣдующее. Въ этотъ день графа въ Грузинѣ не было; когда онъ возвращался домой, то не доѣзжая нѣсколько верстъ, ему объявили о случившемся. Графъ остолбенѣлъ; но черезъ нѣсколько минутъ началъ рыдать, рвать на себѣ волосы, бросился безъ фуражки изъ кареты, такъ-что бывшій при немъ главный докторъ военныхъ поселянъ, вмѣстѣ съ лакеемъ, насилу могли его удержать. Что было потомъ въ Грузинѣ—г. Европеусъ не знаетъ.

Смѣсь.

Пастушка на Гарцѣ. (См. стр. 633).

Кто, читая описанія Гарца съ его благоухающими сосновыми лѣсами, его круглымъ Блоксбергомъ, его мѣдью и свинцомъ, его серебромъ и желѣзомъ, не представлялъ себѣ, вмѣстѣ съ этимъ, и его жителей: рудокопа, роющагося въ нѣдрахъ земли, чорнаго угольщика въ зеленомъ лѣсу и бравого охотника, гоняющагося за своею добычею? Собственно-земледѣлецъ не живетъ на Гарцѣ, его нивы лежатъ ниже; горы же, за исключеніемъ небольшихъ полосъ, не воздѣлываются. Но такъ какъ не только открытыя долины и плоскія возвышенности покрыты богатою растительностью, но даже почти всѣ лѣса перемежаются лугами, то весь Гарцъ представляется чѣмъ-то въ родѣ огромнаго пастбища. Пастушескій бытъ играетъ тамъ почти такую же роль, какъ и въ Альпахъ, хотя онъ и не обращаетъ на себя такого вниманія. На Гарцѣ преобладаетъ рогатый скотъ—и кто изъ путешествующихъ тамъ иностранцевъ не слыхалъ мелодическаго звона колокольчиковъ, которымъ сопровождается появленіе гарцскихъ стадъ, не видалъ своеобразныхъ гарцскихъ пастуховъ и не ѣлъ вкуснаго масла и пахучаго сыра?

Домашній скотъ на Гарцѣ состоитъ преимущественно изъ коровъ и козъ, тогда какъ лошади овцы и свиньи разводятся тамъ въ такомъ незначительномъ количествѣ, что объ этомъ почти не стоитъ и говорить. Даже въ самыхъ бѣдныхъ хозяйствахъ вы найдете одну или двѣ «козочки». Точно такъ же вы встрѣтите нерѣдко въ долинахъ многочисленныя стада этихъ рѣзвыхъ созданій, а не то онѣ живописно располагаются на какомъ ни, будь утесѣ или склонѣ горы. Въ лѣса ихъ запрещено пускать. вслѣдствіе чего имъ и приходится кормиться на отвѣсахъ скалъ Тамъ на Блоксбергѣ, гдѣ лежатъ громадные обломки скалъ, (откуда идетъ даже самое названіе горы) (*) гдѣ въ Валпургіеву ночь собираются, по преданію, вѣдьмы, гдѣ процвѣтаетъ алпійская флора, гдѣ внезапно поднявшійся туманъ вызываетъ чудныя воздушныя явленія, брокенское привидѣніе, гдѣ въ весенніе мѣсяцы токуютъ тетерева,—тамъ пасутся еще и козы. Что за дикая мѣстность, но за то что и за прелестная дѣвушка эта пастушка, которая сидитъ, задумавшись на громадной гранитной глыбѣ. Спросите ее и вы можетъ быть услышите тѣ же самыя тихія и нѣжныя жалобы, что слышалъ Гейне:

„Здѣсь же холодъ и безлюдье,
Нѣтъ скучнѣе стороны—
А зимой подъ этимъ снѣгомъ
Мы совсѣмъ схоронены.

* * *

Ну, а я-то боязлива
И страшуся, какъ дитя,
Духовъ злыхъ, что ночью бродятъ
Шутки скверныя шутя.

* * *

Вдругъ малютка замолчала,
Будто собственныхъ рѣчей
Испугавшись, и закрыла
Глазки ручкою своей.

* * *

Ели шепчутся сильнѣе,
Прялка быстрая жужжитъ
И, подъ звонъ отцовскій лютни
Пѣсня старая звучитъ;

* * *

„Не страшись могучей власти
Духовъ злыхъ, ребенокъ мой,
Духи добрые на стражѣ
Днемъ и ночью надъ тобой.

Объ чемъ бы она думала? О дикомъ ли охотникѣ, который, какъ говоритъ легенда бродитъ въ здѣшнихъ горахъ или о добромъ Букѣ изъ Гальберштадта? Мерещутся ли ей вѣдьмы Валпургіевой ночи или идолъ Кродо, которому когда-то поклонялись тамъ, гдѣ на вершинѣ горы стоитъ теперь гостинница, или же король Бодо, разъѣзжавшій здѣсь на своемъ конѣ, какъ показываютъ это еще и теперь слѣды на траповыхъ горныхъ породахъ?

Такъ на розахъ милыхъ губокъ
Сказки чудныя цвѣтутъ,
И сіянье голубое
Звѣзды глазокъ въ лепетъ льютъ.

* * *

Руки свѣтлыми кудрями
Обвиваетъ мнѣ она,
И мои цѣлуетъ пальцы
И даетъ мнѣ имена

Нѣтъ, вѣрнѣе всего, эта прелестная малютка мечтаетъ о прекрасной принцессѣ Ильзѣ, которая бродитъ здѣсь на Ильзенштейнѣ и ищетъ своего вѣрнаго рыцаря Рольфа, погубленнаго злымъ Тротомъ,—тѣмъ болѣе что она сама живое подобіе Ильзы, только безъ порпуровой одежды. Кто знаетъ не мечтаетъ ли, не ждетъ ли и не надѣется ли и она такъ, какъ мечтала ждала и надѣялась сказочная принцесса: тотъ, кто съумѣетъ связать *настоящій* букетъ изъ благоухающихъ гарцскихъ цвѣтовъ и положитъ его перваго мая въ полночь на Ильзенштейнъ, тотъ освободитъ Ильзу и получитъ несмѣтное богатство.

Такъ мечтаетъ молодая дѣвушка—и молодой пастухъ или рудокопъ, который принесетъ ей сюда наверхъ букетъ изъ брокенскаго моху, вереску и алпійскихъ анемоновъ, лишь бы она сочла этотъ букетъ *настоящимъ*, не получитъ ли въ лицѣ прекрасной пастушки, сокровище, больше этого царство.

(*) Block—по нѣмецки глыба, чурбанъ, Berg—гора.

Почтовый ящикъ.

Отвѣтъ нѣкоторымъ изъ нашихъ подписчиковъ.

Журналъ «Сіяніе» опровергаетъ наше заявленіе, что это изданіе слабое *подражаніе* нашему,—заявленіе, сдѣланное нами еще въ началѣ появленія этого изданія, слѣдовательно, много тому назадъ,—хотя стоитъ только взглянуть на первый попавшійся подъ руку № обоихъ изданій, чтобы увидать что планъ, форматъ, даже цѣна—все это снято съ нашего. Теперь «Сіяніе» идетъ дальше. Въ № 33 «Нивы» мы начали переводить романъ Шпильгагена «Про что щебетала ласточка». Два или три № спустъ «Сіяніе» тоже начало переводить этотъ романъ. Но этимъ *подражаніе* не ограничивается. Къ удивленію нашему, даже переводъ—и тотъ слабое *подражаніе* нашему. Конечно своя рука владыка,—подражаніе дозволяется, а на основаніи извѣстной статьи Свода Законовъ можно даже взять двѣ трети *дословнаго* чужаго перевода; тѣмъ болѣе можно взять чужой переводъ и измѣнить его до извѣстной степени, какъ съ помощію оригинала, такъ даже и безъ этого оригинала; но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ опровергать съ такимъ жаромъ обвиненіе въ подражаніи?

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Дозволено цензурою 29 сентября 1872 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**. Вознес. пр. д. № 53.

№ 41 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 9 октября 1872 года. Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.		ЗА ПОЛГОДА.	
Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.	Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »	Съ доставкою въ »	3 » — »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »	Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногороднихъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »	**Для иногороднихъ:** съ пересылкой и упаковкой	3 » — »

(Отдѣльные нумера продаются по 15 коп., съ пересылкою иногороднимъ по 25 коп. каждый нумеръ).

Объявленія принимаются по 15 к. за полустолбцовую строку петита. Особыя приложенія къ номеру по 5 р. за каждую тысячу.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи (А. Ф. Марксъ) въ *С.-Петербургѣ* на углу Б. Морской и Невскаго пр., д. Росмана. № 9—13

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1872 году №№ „Нивы“.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

XII.

Подойдя къ деревянной, рѣшетчатой, осѣнненной полузасохшею липой калиткѣ, которая вела съ этой стороны черезъ колючій заборъ изъ сада, Готтгольдъ остановился и устремилъ робкій взоръ черезъ освѣщенныя солнцемъ поля на лѣсъ. Ему было бы теперь невыносимо встрѣтиться съ кѣмъ бы то ни было, можетъ быть остановиться и отвѣчать на привѣтствіе и вопросъ. Но онъ никого не видалъ; всѣ были на большой полосѣ ржи, откуда уже цѣлый день возили снопы; дорога къ близлежащему лѣсу была свободна.

Солнце страшно палило и раскаленный воздухъ дрожалъ надъ пшеницею, начинавшею уже бурѣть; крупные колосья не шевелило ни малѣйшее дуновеніе; громко стрекотали безчисленные кузнечики по обѣимъ сторонамъ узенькой тропинки, которая вела черезъ поле; большая стая полевыхъ голубей кружилась не очень высоко надъ землею, а когда они въ быстромъ какъ молнія поворотѣ бросались внизъ, то это подвижное облачко, освѣщенное лучемъ опускающагося по направленію къ деревнѣ солнца, сверкало на безоблачно-голубомъ небѣ, словно стальной щитъ.

Готтгольдъ, привыкшій жить вмѣстѣ съ природою, видѣлъ все это—и даже электрическое напряженіе атмосферы отозвалось въ немъ, но только въ согласіи съ тѣми конвульсіями, которыя сжимали его сердце. Горячія слезы въ отуманенныхъ глазахъ, выжатыя у него давеча горемъ, теперь осушилъ уже стыдъ—стыдъ неумѣнья владѣть собою, вызвавшаго эту сцену, въ которой, послѣ весьма долгихъ мучительныхъ дней, онъ все-таки разыгралъ въ концѣ концовъ недостойную роль *третьяго* и только узналъ, что она все еще любитъ этого человѣка, и все ея несчастіе состоитъ въ сознаніи, что этотъ человѣкъ не любитъ ее такъ, какъ она любитъ его, какъ она желала бы быть любимой. «Поклянись честью, Готтгольдъ, сказалъ онъ тебѣ это?» Какимъ отчаяннымъ тономъ воскликнула она эти слова!.. какъ страхъ услышать «да» исказилъ ея прекрасное лицо! «Это ли твоя хваленая дружба?» Да, конечно, что ей въ его дружбѣ, надоѣвшей ей еще задолго до этого, и теперь точно такъ же надоѣвшей ей, съ тою лишь разницею, что теперь онъ уже не могъ укрываться подъ маскою этой дружбы и не имѣлъ даже жалкаго утѣшенія, въ возможности уйти незамѣченнымъ, оставленнымъ безъ вниманія, какъ въ ту приснопамятную ночь.

Здѣсь у опушки лѣса, въ темнотѣ ночи, подъ старымъ букомъ лежалъ онъ, обрывая мохъ и проклиная свѣтъ, потому что увидалъ при блѣдномъ сіяніи мѣсяца двухъ любящихся! Теперь солнце ярко свѣтило на ложе скорби, какъ будто-бы хотѣло показать ему, сколько ребячества было тогда въ его страданіяхъ и что ему слѣдовало бы по-

беречь свое отчаяніе вотъ до этого времени! Вѣдь она была счастлива! Готтгольдъ хотѣлъ засмѣяться, но у него вырвался только стонъ, вылетѣвшій изъ его измученной груди, — глухой, болѣзненный стонъ, какъ у раненаго звѣря. Такъ онъ стоналъ, когда въ ту ночь, этой же тропинкой, онъ шелъ по душному лѣсу и деревья при сумрачномъ сіяніи мѣсяца кружились вокругъ него, словно издѣвающіяся привидѣнія. Теперь, облитые солнечнымъ сіяніемъ, они стояли съ спокойствіемъ мѣди, и какъ будто бы говорили ему: что намъ за дѣло до твоего горя, которое ты самъ себѣ создалъ, глупецъ!

И что мнѣ за дѣло до твоихъ бѣдствій! говорило море, которое теперь, когда онъ вышелъ изъ лѣсу на береговое возвышеніе, лежало передъ нимъ безъ движенія, словно оцѣпенѣвшее въ своемъ недосягаемомъ величіи. Такимъ онъ видѣлъ его когда-то послѣ полудня надъ утесами Анакапри—и оно дало ему мотивъ для одной изъ лучшихъ его картинъ; но теперь онъ подумалъ объ этомъ только мелькомъ, какъ въ горячей головѣ изнемогающаго отъ солнца путника пролетаетъ на пыльной дорогѣ воспоминаніе о прохладной лѣсной тѣни и журчащемъ ручьѣ, у котораго онъ недавно сидѣлъ.

Подъ нимъ въ маленькой, съ трудомъ выкопанной на каменистомъ берегу бухтѣ, стояли принадлежавшія помѣстью лодки. Онъ въ эти дни нѣсколько разъ катался въ той изъ нихъ что поменьше, вдоль берега, и носилъ въ карманѣ ключъ къ цѣпи, посредствомъ которой она прикрѣплялась на колъ.

Шире и шире становилась тѣнь, падавшая съ берега на море, когда онъ, разсѣкая мощными ударами весла воду, началъ грести прямо къ большой бухтѣ, на самомъ крайнемъ южномъ концѣ которой стоялъ приморскій домъ, ярко освѣщенный въ эту минуту солнцемъ. Но это была не береговая тѣнь, а чорная стѣна тучъ, равномѣрной ширины вдоль всего берега, которая медленно поднималась, и острый верхній край которой пылалъ и сіялъ какимъ-то страшнымъ огнемъ. То была ужасная гроза, собиравшаяся со стороны земли. Еслибъ она разразилась, Готтгольдъ отдохнулъ бы въ борьбѣ стихій отъ томительнаго гнёта грозы собравшейся въ его душѣ! Тутъ на чорной облачной стѣнѣ сверкнулъ пламенный лучъ, еще, и еще... Съ страшною быстротою все растетъ эта чорная стѣна, гася всякій встрѣчающійся на пути ея свѣтъ на небѣ и на берегу и на морѣ, надъ которымъ свиститъ и бушуетъ теперь вѣтеръ, бороздя гладкую до тѣхъ поръ, какъ стекло, поверхность и взрывая пѣнящіяся волны.

Волны и вѣтеръ подхватили маленькую лодку Готтгольда и гнали ее передъ собою, какъ игрушку, по направленію къ морю, — даже и теперь, когда, сознавъ опасность, Готтгольдъ старался держаться берега. Послѣ нѣсколькихъ ударовъ весла, онъ понялъ, что единственная его надежда — на быстротечность этой грозы: авось она также скоро пройдетъ, какъ и пришла.

Но казалось, демоны мрака подслушали его дерзкія слова и не хотѣли уступить своей жертвы. Все шире ложилась мрачная тѣнь на шумящее море; только на самомъ концѣ горизонта свѣтлѣла еще пара бѣлыхъ парусовъ, но теперь и они изчезли во мракѣ; все выше и выше становились пѣнившіяся волны и все быстрѣе уносилась лодка отъ земли, бѣлый мѣловой берегъ которой съ вѣнчавшимъ его темнымъ лѣсомъ слился, даже для зоркаго глаза Готтгольда, въ одну сѣрую полосу. Не оставалось больше никакого сомнѣнія, что его занесетъ въ открытое море, если только волна не опрокинетъ лодки, — что могло случиться каждую минуту—и только чудомъ не случилось до сихъ поръ.

Готтгольдъ хладнокровно дѣлалъ все что могъ, для своего спасенія; онъ старательно наблюдалъ за каждой приближавшейся къ нему волной и, уклоняясь отъ нея помощью того или другаго весла, а иногда и обоихъ вмѣстѣ, держалъ качающуюся лодку бокомъ къ вѣтру. Если она повернется, все будетъ зависѣть отъ того—погрузится ли она въ воду или останется на поверхности; въ послѣднемъ случаѣ его положеніе было еще не совсѣмъ отчаянное; онъ могъ бы держаться пожалуй цѣлые часы, и когда вѣтеръ перемѣнится, его или принесетъ къ берегу или спасетъ какой нибудь мимо-плывущій корабль; но если лодка погрузится въ воду, онъ по всѣмъ вѣроятіямъ погибъ. Онъ теперь ни на минуту не могъ выпустить весла, и освободиться отъ своей одежды; а плыть долго въ полномъ костюмѣ при такомъ состояніи моря онъ, хотя и былъ превосходнымъ пловцомъ, не могъ надѣяться, тѣмъ болѣе что онъ уже началъ замѣчать въ себѣ постепенный упадокъ силъ, какъ старательно онъ ни берегъ ихъ.

Сначала понемногу, а теперь все быстрѣе, да быстрѣе. Сначала онъ легко исполнялъ самыя сложныя эволюціи, а теперь онѣ становились все тяжелѣе и тяжелѣе для его окоченѣлыхъ пальцевъ, для его ослабѣвшихъ рукъ. Все тѣснѣе и тѣснѣе становилось у него въ груди, все глуше и глуше билось его сердце, все тяжелѣе и тяжелѣе дышалъ онъ, въ горлѣ у него пересохло, въ вискахъ стучало; будь что будетъ, но онъ долженъ отдохнуть на минуту, убрать весла и предоставить лодкѣ нестись.

Въ ту же минуту маленькое суденышко начало черпать воду; Готтгольдъ предвидѣлъ это. «Это не можетъ долго длиться», сказалъ онъ самъ себѣ: «что изъ этого? Еслибъ ты могъ жить для нея, это стоило бы труда, но теперь—для кого ты умрешь кромѣ самого себя? Она конечно подумаетъ: онъ искалъ смерти и могъ бы избавить меня отъ этого. Съ моей стороны очень не любезно нестись къ землѣ въ видѣ непрошенаго трупа, —очень нелюбезно и очень глупо; но, заключая сдѣлку, надобно предвидѣть и это. Да и наконецъ дороже, чѣмъ жизнію, за глупость заплатить нельзя».

Все больше путались мысли въ отуманенномъ мозгу, въ то время какъ онъ, изнемогая отъ усталости, сидѣлъ нагнувшись впередъ, не сводя глазъ съ веселъ, машинально стиснутыхъ окоченѣвшими пальцами, и съ качающагося борта лодки, который теперь рѣзко отдѣлялся отъ сѣро-чорнаго неба и находился на одинъ футъ ниже бѣлопѣнящагося гребня мимо-катившихся волнъ. А потомъ онъ смотрѣлъ на все это, какъ на исчезающій задній планъ картины, отъ котораго ярко отдѣлялось *ея* лицо, но не съ болѣзненно содрогающимся ртомъ и глазами медузы, а преображенное прелестною плутовскою улыбкой, какимъ оно рисовалось въ его воспоминаніи, вынесенномъ изъ чудныхъ дней молодости, и какимъ онъ увидалъ его опять давеча, на минуту.

И вдругъ имъ овладѣла безконечная грусть, что онъ долженъ разстаться съ жизнію, не любивши, не бывъ любимымъ ею, —съ жизнію, которая даже въ томъ случаѣ, еслибъ онъ только продолжалъ любить ее, было бы несказаннымъ счастьемъ, —съ жизнію, которая не принадлежала ему, которою онъ, такъ или иначе, былъ обязанъ ей, —за которую онъ, ради нея, былъ долженъ бороться до послѣдняго дыханія.

И оцѣпенѣлые пальцы еще крѣпче легли вокругъ рукоятки весла, и ослабѣвшія руки двигались и отражали, сильно напирая, ударъ высоко вздымавшихся волнъ; уто-

мленные глаза отыскивали опять спасенія за пѣнившимися волнами, и изъ сжатой груди вылетѣлъ радостный крикъ, когда словно привлеченный невѣдомыми чарами изъ водяныхъ паровъ, которыми была наполнена атмосфера, вынырнулъ парусъ. Минуту спустя подлетѣло большое судно, съ такъ глубоко-уходившимъ въ воду бакбордомъ, что Готтгольдъ видѣлъ весь поднимавшійся изъ воды киль съ носа до кормы, а надъ высоко-выступающей подвѣтренной стороной только голову штурмана съ бѣлыми какъ снѣгъ, развѣвающимися отъ вѣтра волосами, и верхнюю часть тѣла молодаго человѣка на бугшпритѣ, который держалъ въ поднятыхъ рукахъ свернутую веревку. И вотъ эта развившаяся, какъ змѣя, веревка летитъ прямо къ нему на бортъ. Онъ схватилъ ее, обвилъ вокругъ крюка. Послѣдовалъ сильный толчокъ; наполнившаяся почти до самаго края лодка качается и тонетъ подъ его ногами, но его руки уже лежатъ на борту большаго судна; двѣ сильныя руки схватываютъ его за плеча—и минуту спустя онъ шатаясь падаетъ къ ногамъ стараго Бослафа, который, протягивая ему лѣвую руку, правою сильно поворачиваетъ руль.

XIII.

Море еще не улеглось послѣ бури; но передъ закатомъ, солнце опять уже озаряло темныя волны тамъ и сямъ дрожащими лучами. Теперь въ темной синевѣ неба загорѣлись мало по малу звѣзды. Готтгольдъ глядѣлъ на нихъ, и потомъ снова обратилъ глаза на тихое лицо старика, подлѣ котораго онъ сидѣлъ подъ защитой толстыхъ стѣнъ приморскаго дома. Возлѣ нихъ мерцалъ черезъ окно свѣтъ фонаря, который, съ тѣхъ самыхъ поръ какъ кузенъ Бослафъ жилъ въ этомъ домѣ, горѣлъ тамъ каждую Божію ночь; будетъ горѣть и послѣ, когда смерть закроетъ ему глаза. Для этого самаго онъ и совершилъ путешествіе въ Зюндинъ—первое съ тѣхъ поръ какъ, шестьдесятъ пять лѣтъ тому назадъ, онъ возвратился изъ Швеціи, да ужь конечно и послѣднее. Ему таки надо было преодолѣть себя, чтобъ отказаться за столько дней отъ своихъ отшельническихъ привычекъ и снова вмѣшаться въ людскую толпу. Но такъ было нужно;—ему не слѣдовало раздумывать объ томъ: легко ли ему это будетъ или трудно. И вотъ онъ пустился въ путь съ молодымъ Карломъ Петерсомъ, сыномъ своего стараго друга,—и въ Зюндинѣ, шесть дней кряду, каждое утро являлся къ господину президенту, и каждый разъ ему отказывали, потому-что господинъ президентъ, какъ говорилъ камердинеръ, очень занятъ; а напослѣдокъ этотъ камердинеръ сказалъ ему грубымъ тономъ, чтобы онъ больше и не смѣлъ приходить. Но въ эту самую минуту президентъ вышелъ изъ кабинета и, увидавъ старика, ласково спросилъ его: кто онъ такой и что ему нужно. Тутъ кузенъ Бослафъ разсказалъ обходительному сановнику, что зовутъ его Бослафъ Венгофъ и что онъ былъ другомъ Мальте фонъ Криссовица, вонъ и портретъ его виситъ на стѣнѣ, вѣдь онъ, кажись, приходится прадѣдомъ президенту,—а потомъ разсказалъ свою просьбу. Дѣйствительно, покойный Мальте фонъ Криссовицъ былъ однимъ изъ шести молодыхъ господъ, что были судьями въ состязаніи между Богиславомъ и Адольфомъ Венгофами,—и президентъ слышалъ еще въ молодости эту знаменитую исторію отъ своего отца, а отецъ слышалъ ее отъ дѣда, а дѣду-то разсказывалъ ее прадѣдъ. Ему казалось просто сказкой, что герой этой исторіи еще живъ,—что это тотъ самый старикъ, который сидитъ съ нимъ рядомъ на диванѣ; онъ позвалъ свою жену и дочь, представилъ ихъ ему и уговаривалъ его остаться обѣдать. Всѣ были такіе добрые и ласковые, а—что главнѣе всего—на прощаньи президентъ далъ ему свое графское слово, что то доброе дѣло, объ которомъ старикъ просилъ его, станетъ съ этихъ поръ его собственнымъ дѣломъ.

— На этихъ же дняхъ, сказалъ дядя Бослафъ,—здѣсь передъ домомъ, на высокомъ фундаментѣ изъ прибрежныхъ камней, будетъ устроенъ маякъ, и свѣтъ его будетъ хватать еще на милю дальше, чѣмъ свѣтъ моей лампы. Карлъ Петерсъ назначенъ смотрителемъ и будетъ жить со мной въ приморскомъ домѣ, который теперь уже будетъ служить караульней, а послѣ моей смерти перейдетъ въ собственность правительства. Теперь съ моихъ плечь спала великая забота. Мнѣ ужь не нужно больше, когда я утромъ гашу лампу, говорить: «будешь ли ты въ силахъ сегодня вечеромъ опять ее зажечь?»

Старикъ замолчалъ; громче трещало знамя на konькѣ береговаго дома; громче журчали волны между прибрежными каменьями. Готтгольдъ съ благоговѣйнымъ почтеніемъ смотрѣлъ на высокую фигуру девяностолѣтняго старика съ бѣлыми какъ серебро волосами, въ груди котораго сердце все еще такъ горячо билось для людей—для бѣдныхъ мореходцевъ и рыбаковъ, которыхъ онъ никогда даже не видалъ, про которыхъ онъ только и зналъ, что они плывутъ тамъ, въ темную ночь, невидимые даже для его зоркаго глаза,—и пока видятъ свѣтъ, держатся дальше отъ опаснаго берега, какъ ихъ учили тому ихъ отцы и дѣды. И этотъ старикъ, жившій только для другихъ, чья жизнь была посвящена любви къ людямъ, отъ которыхъ онъ не требовалъ и не ждалъ ни взаимной любви, ни благодарности,—сегодня рисковалъ своею жизнію, чтобы спасти его, а онъ едва ли и желалъ-то этого; вѣдь жизнь его была такъ безотрадна—онъ любилъ и не былъ любимъ. Что сказалъ бы про это старикъ? Да и понялъ ли бы еще онъ, при безграничности своей самоотверженной любви, такую своенравную и эгоистическую страсть?

— Это было моей единственной заботой, началъ опять дядя Бослафъ,—правительство сняло ее съ меня; есть у меня еще другая, но эту-то ужь никто не можетъ снять съ меня.

— Вы говорите объ ней—объ Цециліи? спросилъ Готтгольдъ съ бьющимся сердцемъ.

— Да, отвѣчалъ старикъ,—объ ней, объ Ульриковой правнучкѣ, которая во всемъ такъ похожа на свою прабабушку, только еще несчастнѣе ея. Будь моя воля, не вышла бы она замужъ за этого человѣка, но вѣдь они въ грошъ не ставили моихъ совѣтовъ.

Со старикомъ вдругъ сдѣлалась какая-то странная, ужасная перемѣна. Высокая его фигура опустилась, словно вся сила покинула его; низкій и еще за нѣсколько минутъ передъ этимъ такой сильный голосъ дрожалъ, когда послѣ короткой паузы, которую Готтгольдъ не смѣлъ прервать, старикъ продолжалъ:

— Всегда они такъ поступали. Такъ они потеряли и свои земли одну за другой, и лѣса потеряли одинъ за другимъ, и стали арендаторами тамъ, гдѣ были прежде господами,—такъ и погибли всѣ, одинъ за другимъ. И все это случилось на моихъ глазахъ, все я долженъ былъ перенести—и всегда думалъ: «ну, хуже этого, кажется, ужь не можетъ быть,»—а самое-то худшее было еще впереди. Всѣ они были пустыя, вѣтреныя головы, но дурныхъ людей между ними не было ни одного; да и въ концѣ концовъ, все это были люди, которые, въ случаѣ нужды, могли заработывать столько, чтобы жить честнымъ трудомъ. Теперь же, теперь даже старое имя угаснетъ со мною; только и осталось, что одна безпомощная женщина, промѣнявшая свое имя на человѣка, который ничто иное какъ негодяй,

какими были всѣ его предки; этотъ негодяй опозоритъ вмѣстѣ съ собой и ее—ее и меня!

Послѣднія слова старика едва можно было разобрать; онъ закрылъ свое морщинистое лицо старыми жилистыми руками. Готтгольдъ положилъ ему на колѣно руку.

— За чѣмъ вы такъ говорите, кузенъ Бослафъ? сказалъ онъ,—какъ можете вы обвинять себя въ несчастіи, котораго вы не въ силахъ были предотвратить? напротивъ, вы всегда были добрымъ духомъ ихъ дома!

— Добрымъ духомъ ихъ дома—Господи Боже мой!

Старикъ вскочилъ съ мѣста и быстрыми шагами пошелъ къ берегу. Тамъ онъ остановился, обратившись лицомъ къ морю; его бѣлые волосы развѣвались по вѣтру; онъ протянулъ руки къ темному морю и опять опустилъ ихъ, бормоча какія-то безсвязныя слова. Готтгольдъ подошелъ къ нему; впалъ старикъ въ ребячество или сошелъ съ ума?

— Что съ вами, кузенъ Бослафъ? спросилъ онъ.

— Кузенъ Бослафъ! вскричалъ старикъ,—ну да, кузенъ Бослафъ! такъ и онъ называлъ меня, и она, а съ ними и всѣ, а послѣ нихъ мои дѣти и дѣти моихъ дѣтей!

— Кузенъ Бослафъ!

— И другаго-то имени нѣтъ мнѣ, какъ кузенъ Бослафъ! ну да такъ и надобно, и такъ будетъ написано и на моей могильной плитѣ. Я поклялся, что никто въ мірѣ не узнаетъ этого; но я не въ силахъ больше терпѣть. Если мы совершили преступленіе передъ человѣчествомъ, то хоть одинъ человѣкъ долженъ узнать объ немъ, для того чтобы простить намъ нашъ грѣхъ отъ имени человѣчества. Я всегда любилъ тебя, сегодня я спасъ тебѣ жизнь, такъ будь же ты этимъ человѣкомъ.

Онъ опять привелъ Готтгольда къ скамейкѣ.

— Ты конечно слыхалъ о томъ дѣлѣ, которое вышло у меня съ моимъ двоюроднымъ братомъ Адольфомъ изъ-за Доллана.

— Да, отвѣчалъ Готтгольдъ,—еще недавно, когда я шелъ сюда къ вамъ, мнѣ живо вспомнилось все это—и я преклонялся въ глубинѣ души передъ тѣмъ рѣдкимъ великодушіемъ, съ какимъ вы уступили это богатое имѣніе и любимую дѣвушку вашему двоюродному брату, когда узнали, что она его любитъ. Эта фонъ Далицъ, пріятельница Ульрики, передала вамъ это вечеромъ, наканунѣ рѣшительнаго дня; вѣдь такъ все это было?

— Да, отвѣчалъ кузенъ Бослафъ,—только передача-то была невѣрная; та, которая принесла мнѣ эту вѣсть, солгала,—какъ она писала мнѣ въ Швецію года черезъ два послѣ того, на своемъ смертномъ одрѣ,—солгала изъ любви ко мнѣ, надѣясь этимъ средствомъ привлечь меня къ себѣ. Несчастная покаялась въ этомъ же и Ульрикѣ, которая, такъ же какъ и я, повѣрила ея лжи, что я будто бы насмѣхался надъ нею и скорѣе соглашусь жениться на какой нибудь лапландкѣ, чѣмъ на ней. Ну, на лапландкѣ-то я не женился; но несчастная Ульрика вышла замужъ за Адольфа, и когда я вернулся назадъ, она была жена Адольфа и мать двухъ мальчиковъ. Третій ребенокъ—тоже мальчикъ—родился у нея черезъ годъ послѣ моего возвращенія. Оба старшіе умерли въ цвѣтущихъ лѣтахъ; третій остался живъ, и этотъ третій мальчикъ былъ—мой сынъ!

— Бѣдный, бѣдный человѣкъ! прошепталъ Готтгольдъ.

— Да, правда, бѣдный человѣкъ! сказалъ старикъ,—кто же бѣднѣе того человѣка, который не смѣетъ радоваться на своего ребенка, не смѣетъ назвать передъ цѣлымъ свѣтомъ своимъ то, что однакоже его, если только мы можемъ что либо на свѣтѣ считать своимъ. Я не смѣлъ дѣлать этого. Ульрика была страшно горда; она скорѣе умерла бы, чѣмъ вынесла тотъ позоръ, какимъ сопровождается нарушеніе брака. Я тоже былъ малодушенъ, малодушенъ изъ любви къ ней и къ нему—моему бѣдному, доброму, довѣрчивому Адольфу; вѣдь я съ дѣтства любилъ его, какъ брата, и онъ вполнѣ довѣрялъ мнѣ и готовъ бы былъ спорить съ цѣлымъ свѣтомъ, что я лучшій, вѣрнѣйшій другъ его. Такъ прошло два ужасныхъ года; Ульрика изнемогала въ жестокой борьбѣ между долгомъ и любовью, въ которой она не смѣла признаться,—и умерла. Держа въ своихъ рукахъ ея холодѣющую руку, я долженъ былъ дать ей клятву, что сохраню нашу тайну. Вотъ такъ-то я сдѣлался, и такъ навсегда и остался для своего ребенка и для своихъ внучатъ кузеномъ Бослафомъ. Они смотрѣли на меня немножко лучше, чѣмъ на стараго слугу, которому не хотятъ отказать, хотя онъ и бываетъ подъ часъ въ тягость; они заставляли меня разсказывать разные разности, когда бывали въ духѣ; когда у нихъ кто родился, то на крестинахъ стараго кузена Бослафа сажали за столъ, на нижнемъ концѣ; а когда везли кого нибудь изъ нихъ въ Рамминъ на кладбище, то ему позволялось ѣхать въ послѣдней каретѣ, въ случаѣ если въ ней оказывалось лишнее мѣсто. Я вынесъ все это: всѣ эти безчисленныя оскорбленія и огорченія. Я думалъ, что мое самоотверженіе и любовь къ другимъ могутъ искупить то, въ чемъ я провинился когда-то передъ своею плотью и кровью; но проклятіе все еще лежитъ на мнѣ: «Я никогда не видалъ, чтобъ праведный былъ покинутъ, или чтобъ сѣмя его питалось подаяніемъ.» Я не былъ праведнымъ, сѣмя мое будетъ питаться подаяніемъ; я столько жилъ, что мнѣ придется увидать и это.

— Никогда! вскричалъ Готтгольдъ, вскакивая съ своего мѣста,—никогда!

— Что ты хочешь дѣлать? спросилъ старикъ,—дать ему денегъ? Скажи, куда дѣвается вода, которую ты льешь между пальцами? Тоже самое и деньги въ рукахъ игрока. Я разъ принесъ ему вечеромъ деньги, скопленныя мной въ теченіи шестидесяти лѣтъ; это была не пустячная сумма, она состояла изъ арендной платы за два моихъ луга и пашни, съ процентами и процентами на проценты; на другое утро изъ всего этого у него не осталось ни гроша. Ты говорилъ мнѣ давеча, что ты сталъ богатымъ человѣкомъ; можетъ-быть ты можешь дать ему еще больше. Чтожь, онъ возьметъ столько, сколько можетъ взять,—а когда ужь больше нечего будетъ брать, онъ укажетъ тебѣ на дверь и откажетъ отъ дому, какъ онъ сдѣлалъ со мной. Онъ очень хорошо зналъ, что я не пойду на него жаловаться, что я даже и не могу на него жаловаться; вѣдь не дѣлать же мнѣ было письменнаго документа, что я подарилъ то, что у меня было, своей правнучкѣ!

— А что же Цецилія?

— Она настоящее дитя своей прабабки; она такъ горда, что не выкажетъ своего горя, а будетъ только потихоньку плакать. Знаю эти слезы издавна; они придаютъ глазамъ, которые проливаютъ ихъ по ночамъ на одинокую подушку, тотъ пристальный, полный страха взглядъ, какимъ она смотрѣла на меня, когда я послѣ этого встрѣчался съ нею—впрочемъ это случалось не часто.—Да куда же ты такъ спѣшишь?

Готтгольдъ вскочилъ съ мѣста.

— Я ужь такъ давно, такъ давно ушелъ отъ нихъ.

— А она ждетъ тебя, Готтгольдъ?

Старикъ положилъ ему руку на плечо; Готтгольдъ чувствовалъ, что онъ не спускалъ съ него своего проницательнаго взора.

— Нѣтъ, сказалъ онъ,—не думаю.

Портретъ Елены Фурманъ. (съ оригинала Рубенса въ Императорскомъ Эрмитажѣ).
Рисовалъ де-ла Шарлери, гравировалъ Паннемакеръ. (см. стр. 656).

— Оно и лучше, возразилъ старикъ.—Довольно и одному человѣку пережить то, что пережилъ я. Когда же я опять тебя увижу?

— Я хотѣлъ ѣхать завтра рано утромъ; потомъ я еще заѣду сюда изъ Проры.

— Ну, хорошо; она и безъ того уже такъ несчастна; чѣмъ скорѣе ты уѣдешь, тѣмъ лучше.

XIV.

— Чѣмъ скорѣе я уѣду, тѣмъ лучше! повторилъ Готтгольдъ, идя по темному лѣсу. — Для кого? для меня? Моя судьба рѣшена. Для нея?—что для нея въ томъ, останусь я или уѣду?—Для него?—если ему нуженъ не я, а только мои деньги, то зачѣмъ же онъ давно не сказалъ этого? Я ихъ часто ему предлагалъ—можетъ быть не довольно ясно; у меня не доставало духу высказываться еще яснѣе—мнѣ казалось, что я этимъ какъ будто покупаю у мужа позволеніе оставаться въ сосѣдствѣ съ его женою. Отчего онъ не хотѣлъ взять у меня? Можетъ быть онъ не довѣряетъ моей искренности? Или онъ слишкомъ гордъ для того, чтобъ взять деньги отъ меня, именно отъ меня? А между тѣмъ—кто же дастъ ему охотнѣе моего? Вѣдь это единственное, что я могъ для нея сдѣлать. Можетъ быть только этого и не достаетъ для ихъ полнаго счастья; можетъ быть его любовь—такого сорта, который цвѣтетъ подъ лучами благосостоянія и чахнетъ въ туманѣ неудачъ и заботъ. Нельзя ли снова оживить эту увядающую любовь? Это возвратитъ румянецъ на ея щеки—и она опять будетъ смѣяться тѣмъ счастливымъ смѣхомъ, какимъ смѣялась въ прежнее время.

— Однако не блестящую же роль играю я въ этой семейной драмѣ! но гдѣ же и когда роль третьяго лица бывала блестяща и благородна? Бѣдный, бѣдный старикъ, что онъ долженъ былъ выстрадать! какъ онъ долженъ страдать теперь! Но онъ страдаетъ не невинно. Только ложь есть грѣхъ, правда—никогда! Этотъ бракъ Адольфа Венгофа съ Ульрикой фонъ-Далицъ—какъ произошелъ отъ лжи, такъ ложью и остался. Вѣдь она любила другаго! и вотъ является этотъ другой; она видитъ, что онъ все еще любитъ ее, какъ любилъ всегда; въ минуту упоенія, послѣ такой долгой муки, она предается любимому человѣку; она становится его женой передъ своей совѣстью, ей слѣдовало бы сдѣлаться тѣмъ же и передъ людьми. Двойная, тройная, тысячекратная ложь въ томъ, что она не сдѣлала этого,—что одна эта минута, если бы даже она никогда и не повторилась, не заставила ее разорвать со старою жизнію и начать новую! Эта ложь преждевременно свела ее въ могилу, эту прекрасную, гордую женщину! а онъ... онъ, тщетно старался въ это безконечное время искупить свое преступленіе—преступленіе противъ правды, которую онъ выгналъ у себя изъ дому и впустилъ вмѣсто нея ложь! О, божественный геній человѣчества, живущій въ свѣтѣ правды, сохрани меня отъ грѣха, самаго тяжелаго изъ всѣхъ грѣховъ—отъ лжи!

Въ просѣкѣ, пересѣкающей тропинку недалеко отъ опушки лѣса, вдругъ показалась темная фигура, въ которой Готтгольдъ, подойдя поближе, узналъ стараго управляющаго Мэллера; тотъ въ свою очередь поднялъ руки, крича:

— Слава тебѣ, Господи, такъ вы тутъ! Ну, сударь, задали же вы намъ страху!

— Я задалъ страху? кому это? чѣмъ?

— Вы! а то ктожь еще? Кому? да всѣмъ намъ, а больше всѣхъ нашей госпожѣ, она просто съ ума сходитъ! А чѣмъ! вотъ тебѣ разъ, хорошъ вопросъ! Я думаю нечего объ этомъ и спрашивать тому, кто въ эдакую страшную грозу, которая въ добавокъ идетъ къ морю, ѣдетъ въ какой-то лодчонкѣ, величиною съ орѣховую скорлупку, Богъ знаетъ въ какую даль въ море,—а старый дуралей Христіанъ глядитъ на это и думаетъ: «ну, любопытно же какъ-то онъ вернется назадъ», а самому, видно, вовсе не любопытно, потому-что онъ пошелъ себѣ преспокойно въ лѣсъ, переждалъ тамъ грозу и вотъ только полчаса назадъ прислалъ своего мальчика сказать, что лодки-то что-то не видать,—чего добраго не случилось ли какого несчастія съ господиномъ?—Господи, вотъ бѣда-то! Ну, и напугалась же, должно быть, наша госпожа! Вѣдь сейчасъ же прибѣжала и разослала насъ на поиски. Съ нашей госпожей нечего шутить, когда она разгорячится, какъ она ни добра вообще! И на насъ-то на всѣхъ напалъ страхъ; двое пошли въ Ралловъ узнать не занесло ли васъ туда, еще двое побѣжали въ Нейгофъ, а я шелъ было къ береговому дому, да хотѣлъ поговорить съ старымъ господиномъ, который конечно вернулся сегодня домой, что намъ дѣлать. Госпожа сама хотѣла сюда идти, да я ее не пустилъ.

— Гдѣ же она теперь?

— Да она должно быть еще тутъ на полѣ, отвѣчалъ Мэллеръ, указывая влѣво,—я сейчасъ оттуда.

— А давно ушли другіе?

— Вмѣстѣ со мной; пожалуй я еще могу вернуть ихъ.

Съ этими словами Мэллеръ вошелъ въ лѣсъ, громко кличa по именамъ разбѣжавшихся слугъ, между тѣмъ какъ Готтгольдъ быстро пошелъ по тропинкѣ, которая черезъ нѣсколько минутъ привела его къ опушкѣ лѣса, гдѣ въ открытомъ поле стоялъ старый букъ. Изъ-за большихъ темныхъ облаковъ, мѣсяцъ бросалъ на поле тусклый, неровный свѣтъ. Это была полоса ржи, съ которой сегодня свозили снопы. Нагруженная повозка только-что тронулась съ мѣста, двѣ другія еще нагружали; но, какъ показалось Готтгольду, работа шла довольно вяло, онъ слышалъ голоса работниковъ, объ чемъ-то оживленно говорившихъ между собой, и видѣлъ какъ они собирались маленькими группами тамъ и сямъ между копнами, которыхъ тянулись еще нѣсколько рядовъ у опушки лѣса. Готтгольду была очень непріятна мысль, что такую спѣшную работу прервали изъ-за него, или хоть только исполняли не такъ усердно. Онъ поспѣшилъ къ работникамъ. Цециліи онъ не видалъ, хотя могъ довольно ясно разсмотрѣть всю сцену; вѣрно она уже вернулась домой.

Но когда онъ приблизился къ буку, то со скамейки, окружавшей могучій стволъ, поднялась чья-то бѣлая фигура, сидѣвшая тамъ съ закрытымъ руками лицомъ, и испугавшаяся въ эту минуту быстро приближающихся шаговъ.

— Ради Бога, Мэллеръ, вы ужь вернулись? Что онъ?

— Это я самъ, Цецилія... милая, возлюбленная Цецилія!..

— Готтгольдъ!

Она бросилась къ нему на грудь, онъ держалъ въ своихъ объятіяхъ ея мягкій молодой станъ, ближе и ближе прижимавшійся къ нему; ея нѣжныя губы дрожали на его губахъ въ долгомъ, трепещущемъ страстью поцѣлуѣ.

— Это вы? неожиданно послышался какъ разъ подлѣ нихъ голосъ Карла Брандова.

Онъ точно выросъ изъ-подъ земли. Конечно за копнами не видно было какъ онъ подходилъ къ нимъ, тѣмъ болѣе что послѣдняя изъ нихъ стояла возлѣ самаго бука, подъ спускающимися внизъ вѣтвями. Но и подходящему могло быть видно въ этой темнотѣ только свѣтлое платье Цециліи. Тѣмъ не менѣе Готтгольду слышалось въ гром-

комъ смѣхѣ этого человѣка что-то странное, а въ его звонкомъ голосѣ—неслыханныя до сихъ поръ, отвратительно - крикливыя ноты, когда, размахивая, по своему обыкновенію, во всѣ стороны хлыстомъ, онъ кричалъ: «Я все слышалъ; вѣдь я всегда говорилъ, я всегда говорилъ: стоитъ мнѣ только повернуться спиной, какъ сейчасъ же случится что нибудь такое, чего иначе ни какъ бы не случилось. Ужъ я - то не допустилъ бы тебя бѣгать, такимъ образомъ, тѣмъ болѣе что я началъ уже перевозку ржи въ житницу. Вотъ штука-то будетъ, если опять пойдетъ дождь, а вѣдь похоже на это, да и завтра тоже должно быть будетъ дождь. Тогда вмѣсто житницы отправляй все это прямо на тотъ дворъ, гдѣ мы собираемъ удобреніе. Раньше недѣли сюда никто не поѣдетъ, а тогда все ужь погніетъ.

— Ну нѣтъ баринъ, это вовсе еще не такъ худо, сказалъ Мэллеръ. — У насъ и безъ того ужь нѣтъ мѣста въ житницѣ; мы сложимъ тутъ скирдъ и все пойдетъ какъ нельзя лучше.

— Разумѣется, ты всегда все знаешь лучше меня!

— Я хотѣлъ было класть его передъ житницей, но Генрихъ Шеель не хотѣлъ объ этомъ и слышать и сказалъ, что вы сами…

— Такъ, опять я!.. какихъ бы тамъ глупостей ни натворили, а виноватъ я, скоты вы этакіе!

Готтгольду не въ первый разъ приходилось слышать, какъ Карлъ Брандовъ бранится съ своими рабочими, но никогда еще поводъ къ брани не былъ такъ ничтоженъ, а вина не лежала такъ очевидно на его сторонѣ. Готтгольдъ самъ слышалъ, что, выѣзжая сегодня утромъ, онъ наказывалъ Генриху Шеелю, чтобы начинали возить со стороны лѣса. Не пьянъ ли онъ? Или ужь не видѣлъ ли онъ больше, чѣмъ хотѣлъ показать? Не вздумалъ ли онъ вымѣщать свой ревнивый гнѣвъ на невинныхъ людяхъ? Или, можетъ быть, это только прологъ, репетиція предстоящаго впереди объясненія, помощію которой онъ пытается усвоить себѣ тонъ обиженнаго и оскорбленнаго?

Готтгольда пугало не это объясненіе, а мысль, что оно можетъ произойти въ присутствіи Цециліи. Ему хотѣлось, чтобы любимая женщина была теперь далеко, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствовалъ, необходимость напередъ услышать отъ нея хоть одно слово, что все это не пустой сонъ а дѣйствительность,—что въ этотъ поцѣлуѣ, который еще горитъ на его губахъ, она отдала себя ему,—что онъ имѣетъ право дѣйствовать и рѣшать за нее.

Но желаніе вызвать Брандова на объясненіе дѣлало его робкимъ и неловкимъ. Если она сама, подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ, будетъ избѣгать его,—ему не удастся исполнить своего намѣренія. Брандовъ шелъ между ними, онъ долженъ былъ самъ разсказать свое приключеніе; Брандовъ бранилъ кузена Бослафа, стараго чорта, отъ котораго и въ водѣ-то не спрячешься: нѣтъ никакого сомнѣнія, что и всю эту сцену-то, вмѣстѣ съ бурей и со всѣмъ прочимъ, онъ самъ же и устроилъ, чтобы ему было что спасать. При другихъ обстоятельствахъ Готтгольдъ не оставилъ бы безъ возраженія подобныхъ насмѣшекъ Брандова, сопровождаемыхъ къ тому же презрительнымъ смѣхомъ; но теперь Брандовъ могъ говорить все, что ему угодно и какъ угодно. Тутъ Брандовъ ударилъ его по плечу и воскликнулъ: «ужъ ты не сердись, Готтгольдъ, а только терпѣть не могу стараго проныру и имѣю на то свои причины. Или ты господинъ въ своемъ домѣ, или нѣтъ. Дѣлить свою власть съ человѣкомъ, который всюду суетъ свой носъ и конечно всегда все знаетъ лучше тебя,—это нейдетъ, для меня покрайней мѣрѣ нейдетъ. Какъ это мы въ школѣ учили? «одинъ будь властелиномъ»! Ты пожалуй помнишь еще греческій текстъ; я же, грѣшный человѣкъ, радъ, что хоть по нѣмецки-то это запомнилъ.

Они подошли къ дому. Готтгольдъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ Брандова; онъ держалъ его въ дверяхъ, разсуждая о какомъ-то сельско-хозяйственномъ предметѣ. Цецилія, между тѣмъ, вошла въ домъ. Подошелъ Генрихъ Шеель съ жалобой на управляющаго, что тотъ опять велѣлъ сегодня запречь каретную лошадь въ рабочую повозку; Брандовъ взбѣсился. Готтгольдъ пробормоталъ, что ему надо переодѣться, и проскользнулъ въ домъ. Но въ общей комнатѣ онъ нашелъ только хорошенькую Рику; она накрывала ужинать, и какъ ему показалось, насмѣшливо поглядывала на него, въ то время какъ онъ перелистовывалъ газеты, лежавшія на столѣ, передъ диваномъ. Дѣвушка вышла, но тотчасъ же опять вернулась какъ будто бы убирать въ шкафу; ей очевидно хотѣлось остаться въ комнатѣ. Наконецъ Готтгольдъ въ самомъ дѣлѣ пошелъ къ себѣ комнату, чтобы перемѣнить платье, только коекакъ просохшее въ приморскомъ домѣ. Но его дрожавшія руки почти отказывались служить ему. Была ли то лихорадочная дрожь нетерпѣнія передъ рѣшительнымъ шагомъ, или онъ въ самомъ дѣлѣ болѣнъ отъ непомѣрнаго напряженія силъ во время бури? «Только бы не заболѣть теперь», бормоталъ онъ: «только бы не теперь, когда я не принадлежу больше себѣ, когда вся моя жизнь, каждое дыханіе, каждая капля крови принадлежитъ ей»!

Тутъ до него долетѣлъ снизу голосъ Брандова, онъ съ сердцемъ громко кричалъ на кого-то. Не на Цецилію ли? можетъ быть гнѣвъ, съ трудомъ сдерживаемый до сихъ поръ, разразился? Неужели эта драма разыграется передъ людьми?

Въ одно мгновеніе Готтгольдъ выбѣжалъ изъ своей комнаты и спустился по длинной темной лѣстнипѣ внизъ. Но къ счастью, страхъ его оказался неосновательнымъ. Цецилія прислала сказать, что она очень устала и не выйдетъ къ ужину. Брандовъ сердился зачѣмъ въ такомъ случаѣ не накрыли столъ въ его комнатѣ, гдѣ ему никто не мѣшаетъ и онъ никого не безпокоитъ. Неужели Рика никогда не поумнѣетъ? Рика нагло отвѣчала, что умнѣть надобно не ей а другимъ, и какъ тутъ прикажете знать что дѣлать, когда сейчасъ приказываютъ дѣлать одно, а черезъ минуту другое. Брандовъ велѣлъ ей замолчать. Дѣвушка презрительно засмѣялась: разумѣется, всего спокойнѣе зажать людямъ ротъ; да вѣдь и это не на долго. И стоитъ только ей захотѣть говорить, такъ ужь она заговоритъ, и тогда другимъ придется худо.

— Уберешься ли ты вонъ?! неистово закричалъ Брандовъ.

Дѣвушка отвѣчала но это еще болѣе дерзкимъ смѣхомъ и пошла къ двери, которую съ шумомъ захлопнула за собой.

— Вотъ что выходитъ, когда бываешь съ ними слишкомъ добръ! вскричалъ Брандовъ, залпомъ выпивая стаканъ вина, который онъ нашелъ себѣ твердой рукой.

Онъ при этомъ украдкой взглянулъ на Готтгольда, смотрѣвшаго ему въ лицо. Что бы значила эта сцена? Что такое могла бы сказать эта дѣвушка, еслибы захотѣла? Не имѣла ли она на своего господина правъ, которыхъ тотъ не могъ не признавать? Не попалось ли ему тутъ въ руки неожиданное оружіе, которое можетъ быть ему полезнымъ въ настоящее время? Конечно это неблагородное оружіе; но можетъ быть оно не слишкомъ неблагородно въ борьбѣ съ этимъ человѣкомъ, который, будучи му-

жемъ такой женщины, не пренебрегъ и прислужницей?

Тѣмъ не менѣе, Готтгольдъ далъ себѣ слово не начинать самому битвы; онъ хотѣлъ сколько возможно отдалить ее до тѣхъ поръ, пока не уговорится съ Цециліей о томъ какъ поступать дальше. И это повидимому было возможно; къ тому же Готтгольдъ скоро сталъ даже сомнѣваться, чтобъ у Брандова могло быть что нибудь кромѣ одного темнаго подозрѣнія, котораго онъ не могъ или не смѣлъ высказать. Можетъ быть онъ теперь пилъ для храбрости, наливая себѣ стаканъ за стаканомъ и принося изъ сосѣдней съ его спальней комнаты бутылку за бутылкой; можетъ быть онъ хотѣлъ дать хоть какой нибудь исходъ своей безсильной злобѣ, накинувшись теперь на кузена Бослафа, стараго проныру, который своимъ вѣчнымъ вмѣшательствомъ отравлялъ ему всю жизнь, пока наконецъ онъ совсѣмъ не отказалъ ему отъ дому,—а потомъ опять принявшись говорить о своихъ жалкихъ, какъ онъ выразился обстоятельствахъ, въ которыхъ впрочемъ онъ гораздо меньше виноватъ, чѣмъ другіе люди.

— Правда, вскликнулъ онъ,—въ своихъ путешествіяхъ я истратилъ больше, чѣмъ какой нибудь портной или сапожникъ, да и послѣ этого я точно такъ же былъ не въ состояніи отказаться отъ привычекъ порядочнаго человѣка; но главная причина моего сквернаго положенія—это все-таки моя женитьба. Пожалуйста не смотри на меня такими удивленными глазами,—я очень хорошо понимаю, что тебѣ иначе нельзя; какъ старый партизанъ Венгофовъ ты можешь возражать мнѣ что тебѣ угодно — это тебѣ, милый другъ, ничуть не поможетъ! знаю я отличнѣйшимъ образомъ, какъ было все дѣло! Я ничего не говорю о благородномъ Куртѣ—два - три университетскихъ долга, что я долженъ былъ заплатить за него, въ сущности бездѣлица; но старичина, замѣчу мимоходомъ, вовсе не былъ такъ старъ еще, чортъ возьми, чтобъ не находить удовольствія въ хорошихъ вещахъ этого міра,—старичина былъ бѣдовый тестюшка. Я не говорю о томъ, что я сдѣлалъ на свой счетъ приданое — Богъ мой, въ такое время рады снять съ неба звѣзды, чтобы рарядить въ нихъ возлюбленную!—мнѣ право не жаль было денегъ на нѣсколько блестящихъ бездѣлушекъ и тому подобную дрянь, еслибы этимъ все и кончилось, Но вышло-то не такъ. Въ два года, которые еще послѣ этого прожилъ мой милый тестюшка, я передавалъ ему до десяти тысячъ талеровъ наличными деньгами, да покрайней мѣрѣ столько же уплатилъ за него, послѣ его смерти, долгу. Это, *mon cher*, порядочный кушъ, особенно для того, у кого у самого нѣтъ ничего лишняго; такъ вотъ мой прекрасный Далицъ и пошелъ къ чорту, и я еще былъ радъ-радёхонекъ, что могъ пристроиться хоть здѣсь, въ Долланѣ; а въ одинъ прекрасный день и Долланъ пойдетъ туда же. Нынче безъ своего собственнаго состоянія не удержишь самой лучшей аренды, а достопочтенные господа С. Юргенскаго попечительнаго совѣта ставятъ мнѣ такія же закрючки, какъ и моему покойному тестю, а вѣдь и онъ-то не могъ справиться съ нимъ. Но къ чему это говорю я подобные пустяки такому благоразумному господину, какъ ты! Все равно, помочь мнѣ ты не можешь; да еслибы даже ты и могъ помочь, такъ не у добрыхъ друзей слѣдуетъ намъ искать себѣ помощи, а скорѣе у добрыхъ враговъ.

Брандовъ громко засмѣялся и, вскочивъ со стула, началъ быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ и вдругъ остановился передъ шкафомъ съ оружіемъ, сорвалъ съ гвоздя пистолетъ и съ взведеннымъ куркомъ, повернувшись на каблукахъ къ Готтгольду, вскликнулъ:

— Къ несчастію, слишкомъ часто добрые друзья то же самое что добрые враги, такъ что и не отличить ихъ другъ отъ друга. Какъ ты думаешь?

— Бываетъ, спокойно отвѣчалъ Готтгольдъ,—но ты лучше бы повѣсилъ пистолетъ назадъ въ шкафъ; твоя рука сегодня не совсѣмъ тверда для такихъ игрушекъ, пожалуй еще случится какое нибудь несчастіе.

Готтгольдъ рѣшился ни въ какомъ случаѣ не начинать сегодня объясненія съ полупьянымъ человѣкомъ, не уступать его угрозамъ (если только это была съ его стороны угроза) и не позволять вырывать у себя тѣхъ денегъ, которыми приходилось ему поплатиться, чтобы выкупить безнаказанность всего остальнаго.

Отъ Брандова не скрылось выраженіе спокойной рѣшимости на лицѣ его гостя; онъ опустилъ поднятое оружіе, положилъ его въ сторону, подошелъ къ столу и, бросившись на стулъ, сказалъ:

— Ты правъ! Дѣйствительно, могло бы случиться несчастіе, но ни одна душа не пожалѣла бы объ этомъ; да, наконецъ, если бы я и пустилъ себѣ пулю въ лобъ, это было бы какъ нельзя послѣдовательнѣе. Ты счастливецъ! Ты съ ранней молодости долженъ былъ работать и много учился; вдругъ тебѣ еще точно съ неба сваливается огромное состояніе, чисто лишнее! Я же...я никогда не работалъ, никогда не учился и теряю состояніе; а безъ него я—ничтожество, больше чѣмъ ничтожество: посмѣшище для всѣхъ кто меня зналъ, воронье пугало для разноцвѣтныхъ пташекъ, для всѣхъ съ кѣмъ былъ до сихъ поръ на равной ногѣ, если только не выше,—и всѣ-то они оставятъ теперь несчастную общипанную ворону на произволъ судьбы. О, чортъ возьми!

Онъ такъ ударилъ по столу стаканомъ, что разбилъ его.

— Э, дѣло не стоитъ того, чтобъ выходить изъ себя! Долженъ же быть всему конецъ, и какъ бы тамъ надъ мной ни издѣвались, никто не можетъ сказать, чтобъ я не насладился жизнію. Всю свою жизнь я пилъ самыя лучшія вина, ѣздилъ на самыхъ быстрыхъ рысакахъ и цѣловалъ самыхъ хорошенькихъ женщинъ. Вѣдь и ты, Готтгольдъ, знатокъ въ этомъ; навѣрное, ты дѣлалъ то же самое, конечно по своему, потихоньку! Да, ты веегда былъ, у, какая тонкая штука! такъ что я еще въ школѣ питалъ чертовское уваженіе къ твоей ловкости. Э, не бѣда, и я тоже не совсѣмъ дуракъ, а умные люди, какъ ты да я, всегда съумѣютъ поладить; только отъявленные дураки вцѣпляются другъ другу въ волосы—дураки, глупые мальчишки, какими мы были тогда! Помнишь? Терцъ, квартъ, квартъ, терцъ! ха, ха! ха! Теперь съ нами такой штуки уже не можетъ случиться. Чокнемся-ка, старый товарищъ! чокнемся за доброе товарищество.

Онъ протянулъ ему полный стаканъ.

— Мой стаканъ пустъ, сказалъ Готтгольдъ,—да и бутылка также. Пора спать, мы уже вдоволь пили.

Онъ вышелъ изъ комнаты, прежде чѣмъ Брандовъ успѣлъ возразить ему.

Когда дверь затворилась за нимъ, Брандовъ сдѣлалъ прыжокъ, словно дикій звѣрь, бросающійся за своей добычей, остановился посреди комнаты и, оскаливъ свои бѣлые зубы и грозя въ дверь, сказалъ:

— Негодяй проклятый! Крови, крови твоей хочу, я по каплѣ выжму ее изъ тебя. Но прежде мнѣ нужны твои деньги.

Поднятыя руки опустились; онъ, шатаясь, дошелъ до стола и сѣлъ у него, подперевъ обѣими руками свою пылающую голову; онъ кусалъ себѣ губы до того, что изъ нихъ выступала кровь, придумывалъ преступленіе за преступленіемъ, одно ужаснѣе другаго, но ни одно изъ нихъ

не вело къ цѣли. Вдругъ онъ выпрямился, изъ груди у него вырвался хриплый смѣхъ. Хорошо же! она сама должна потребовать ихъ отъ него, и *то* послужитъ средствомъ принудить ее къ этому. Мщеніе, полное мщеніе! И притомъ ни малѣйшей опасности! только бы эта дѣвка не разболтала! она ужь не разъ грозила этимъ, а сегодня была наглѣе чѣмъ когда нибудь; но вѣдь завтра должно все кончиться,—а ночью мало ли что можно устроить!

Въ эту ночь,—Готтгольдъ не помнилъ времени и лежалъ одѣтый, съ бьющимися висками, безъ сна и въ то же самое время какъ бы въ странномъ снѣ, низвергнувшемъ его съ высоты неземнаго блаженства въ бездну безъисходной тоски и горя,—въ эту ночь Готтгольду послышался, вмѣстѣ съ шумомъ деревьевъ у его окна и стукомъ дождя въ стекла, звукъ, который вдругъ заставилъ его подняться на постели и, сдерживая дыханіе вслушиваться въ ночную тишину. То былъ какъ будто женскій крикъ; онъ могъ выходить только изъ комнаты подъ нимъ, гдѣ спала Цецилія—одна съ ребенкомъ. Одинъ прыжокъ—и онъ былъ уже у окна. Вѣтеръ и дождь били ему въ лицо; но всетаки, не смотря на вѣтеръ и дождь, онъ услыхалъ голосъ Карла Брандова, раздававшійся то громче, то тише, какъ бываетъ это у человѣка, увлеченнаго страстью и въ то же время усиливающагося сдержать себя. Въ промежуткахъ ему казалось, что онъ раза два слышалъ ея голосъ; но можетъ быть это только его разгоряченная до безумія фантазія наполняла паузы, въ продолженіе которыхъ не было слышно ненавистнаго голоса. Супружеская сцена въ спальнѣ жены! она не можетъ, не смѣетъ запереть своей двери; она должна выслушивать безумныя рѣчи бѣшенаго, пьянаго человѣка—и не можетъ отвѣчать ему ничѣмъ кромѣ слезъ.

— Переносить все это, и только безпомощно ломать себѣ руки! Это хуже смерти! бормоталъ Готтгольдъ.—Зачѣмъ я не заговорилъ? Теперь ужь все могло бы быть кончено! Развѣ молчать тамъ гдѣ нужно говорить—не значитъ лгать? и не есть ли это самая ужасная, самая отвратительная ложь? Неужели же здѣсь всѣ должны лгать, злые и добрые? Завтра утромъ! О, хоть бы поскорѣе наступило это утро, если только возможно утро послѣ такой ночи!

Почти безъ памяти, рыдая, бросился онъ на кровать и уткнулъ голову въ подушки, не помня себя. Вдругъ онъ опять вскочилъ. Что это? словно слышатся чьи-то шаги, словно кто-то осторожно потихоньку крадется на верхъ? Не къ нему ли? Можетъ быть съ орудіемъ убійства въ рукахъ? Все равно!—и слава Богу!

Готтгольдъ подскочилъ къ двери и распахнулъ ее. Все было тихо, тихо и темно. Лѣстница шла внизу какъ разъ въ серединѣ между обоими фронтонами; слышанные имъ осторожные шаги направились безъ сомнѣнія не въ его сторону, а въ другую, гдѣ противъ его комнаты находились двѣ другія, поменьше; одна изъ нихъ, по лѣвую руку, стояла пустая, а другая была отведена для хорошенькой Рики. Вдругъ изъ этой послѣдней комнаты мелькнулъ, сквозь дверную щель, слабый свѣтъ, и тотчасъ же опять погасъ; потомъ въ тишинѣ раздался смѣхъ, и такъ же быстро смолкъ, словно кто-то быстро зажалъ рукою смѣющійся ротъ.

Готтгольдъ заперъ дверь; онъ уже не хотѣлъ больше ни видѣть ни слышать.

(Продолженіе будетъ).

Людовикъ XVI и революція.

(Продолженіе).

Отъ площади Людовика XVI до ратуши, король проѣхалъ среди тройныхъ или четверныхъ рядовъ національной гвардіи. Лица были еще нѣсколько мрачны. Но когда Людовикъ XVI, выйдя изъ кареты, принялъ отъ Бальи трехцвѣтную кокарду *) и одинъ, безъ стражи, окруженный толпою, съ довѣріемъ вступилъ въ ратушу, то со всѣхъ сторонъ раздались шумныя рукоплесканія и крики: «Да здравствуетъ король!» Примиреніе было, повидимому, полное! Враждебные революціи министры и всѣ составители неудавшихся противуреволюціонныхъ замысловъ: графъ д'Артуа (впослѣдствіи Карлъ X), принцъ Конде, принцъ Конти, семейство Полиньякъ и другіе ненавидимые за аристократизмъ дворяне, оставили свое отечество и положили начало обильной послѣдствіями *эмиграціи*.

Событія 12, 13 и 14 іюля **) имѣли громадный результатъ. Парижское движеніе сообщилось провинціямъ; повсюду народъ, подражая столицѣ, организовалъ изъ себя муниципальную власть и національную гвардію. Такимъ образомъ правительственная власть и сила совсѣмъ передвинулись съ мѣста. Повиновались только новымъ правителямъ; на прежнихъ смотрѣли съ недовѣріемъ. Въ городахъ народъ возставалъ противъ нихъ и противъ привилегированныхъ сословій. Въ деревняхъ крестьяне жгли замки и документы своихъ владѣльцевъ. Чтобы возстановить спокойствіе въ провинціяхъ, національное собраніе обратилось къ народу съ прокламаціями успокоительнаго свойства, а между тѣмъ дѣятельно занималось составленіемъ новой конституціи; 4 августа, оно по предложенію *Виконта де Ноайля*, зятя Лафайета, отмѣнило всѣ *средневѣковыя феодальныя права* и *привилегіи*, а потомъ *провозгласило*, по примѣру сѣверо-американскихъ штатовъ, *права человѣка*. Людовикъ XVI получилъ при этомъ титулъ *Возстановителя французской свободы (Restaurateur de la Liberté française)*. Тѣмъ временемъ въ самомъ національномъ собраніи не обходилось безъ партій—и при вопросѣ о составленіи конституціи, каждая политическая доктрина образовала отдѣльную партію. Привилегированные классы, дворянство, и духовенство все еще стояли за интересы двора и, за исключеніемъ нѣсколькихъ дней, когда и ими овладѣвало общее увлеченіе, систематически противодѣйствовали почти всѣмъ реформамъ; предводителями этой партіи были аббатъ *Мори* и *Казалесъ*. Одинъ изъ нихъ былъ какъ-бы представите-

*) Когда 12 іюля въ Парижѣ узнали объ опалѣ Неккера и изгнаніи его, то одинъ изъ народныхъ ораторовъ Камиллъ Дюмулень, объясняя въ Пале-Роялѣ (жилище герцога Орлеанскаго) собравшейся толпѣ опасность, какой угрожаетъ народу сосредоточеніе вокругъ столицы иноземныхъ войскъ, предложилъ, для распознанія своихъ и для взаимной защиты, особыя кокарды. Толпа выбрала кокарды зеленаго цвѣта, какъ цвѣта надежды. Но какъ *зеленый цвѣтъ* былъ цвѣтомъ ненавистнаго д'Артуа, то приняли цвѣта города Парижа: *синій и красный*, а потомъ, по предложенію Лафайета, присоединили къ нимъ *бѣлый*, цвѣтъ Бурбоновъ, въ знакъ союза короля съ націей. Такимъ образомъ произошло многознаменательное *трехцвѣтное знамя*.

**) Въ статью *Людовикъ XVI и революція*, помѣщенную въ предшествовавшемъ № «Нивы», вкрались, по недосмотру слѣдующія три ошибки: во второмъ столбцѣ 636 стр. вмѣсто 27 іюня, слѣдуетъ читать: 17 іюня; въ первомъ столбцѣ слѣдующей стр.—вмѣсто 13 іюля—23 іюня, а въ слѣдующемъ столбцѣ вмѣсто 23 іюля—13 іюля.

лемъ духовенства, другой—дворянства. Умѣренная партія или партія такъ-называемыхъ *конституціонеровъ* желала ограниченія королевской власти по образцу англійской конституціи. Къ этой партіи, кромѣ Неккера и его министерства, принадлежали *Мунье*, *Лалли-Толендаль* и *Клермонъ-Тоннеръ*, меньшинство дворянства и часть епископовъ. Остальная часть собранія состояла изъ *народной партіи* подъ управленіемъ *Сіеса* и *Мирабо*; особую фракцію этой партіи составляли приверженцы республиканской формы правленія, подъ предводительствомъ *Петіона*, *Бюзо* и *Робеспьера*. Чтобы вывести народъ изъ того бѣдственнаго состоянія, въ какомъ онъ находился, собраніе постановило *равномѣрное распредѣленіе налоговъ на всѣ вообще классы*, *уничтоженіе привилегій* и *отмѣну церковныхъ десятинъ*, простиравшихся отъ 60 до 80 милліоновъ ежегодно. Тѣмъ временемъ въ собраніи, не перестававшемъ трудиться надъ составленіемъ конституціи, происходили самыя оживленныя пренія. Партія Неккера требовала, кромѣ палаты представителей, сената, члены котораго назначались бы королемъ, по указанію народа; большинство дворянъ желало аристократическаго собранія, члены котораго избирались бы дворянствомъ; а большая часть духовенства и общинъ стояла за нераздѣльность собранія. 12 сентября было положено имѣть одну палату, которая должна была возобновляться каждые два года. Точно такъ же и вопросъ о королевскомъ *veto* вызвалъ самые живые споры. Вмѣсто предложеннаго въ началѣ и поддержаннаго Мирабо *безусловнаго veto*, королю едва дано было *veto отсрочивающее*, которое могло только задержать на двѣ сессіи принятый палатою законъ. Но самая конституція объявлена дѣйствительною и безъ королевскаго утвержденія. Уступая совѣтамъ министерства, король самъ отвергъ первое *veto* и согласился на послѣднее. Тѣмъ временемъ желавшій возвратить свою прежнюю власть дворъ опять успѣлъ овладѣть умомъ короля. Подъ предлогомъ обороны отъ парижскихъ волненій, онъ созвалъ въ Версаль войска, удвоилъ караулы, призвалъ драгуновъ и фландрскій полкъ. На одномъ праздникѣ, данномъ во дворцѣ для офицеровъ фландрскаго полка, во время обѣда съ восторгомъ пили за здоровье королевской фамиліи, надѣли бѣлыя кокарды, а трехъцвѣтныя топтали ногами. Если уже одинъ слухъ о появленіи въ Пале-Роялѣ и Елисейскихъ поляхъ иностранныхъ мундировъ и объ этой пирушкѣ взволновалъ Парижъ, то полнѣйшій недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, въ особенности же въ мукѣ, подалъ сигналъ къ бунту. 5 октября буйная толпа, состоявшая преимущественно изъ женщинъ, направилась къ ратушѣ, выломала двери, овладѣла оружіемъ—и подъ предводительствомъ Мальяра, одного изъ участниковъ во взятіи Бастиліи, двинулась на Версаль. Народъ, французскіе гвардейцы и національная гвардія, которую Лафайетъ тщетно старался удержать, послѣдовали за ними. На первый разъ женщины ограничились тѣмъ, что выбрали изъ среды себя депутацію, въ количествѣ 12 человѣкъ, и изложили свои жалобы королю и собранію. Но на слѣдующій день между парижанами и тѣлохранителями завязалась драка,—послѣ чего король, склонившись на убѣжденія Лафайета, уступилъ желанію народа и отправился въ Парижъ въ сопровожденіи 100 членовъ національнаго собранія, національной гвардіи и несмѣтной толпы народа,—и поселился въ Тюльери. Радикальная фракція національной партіи одержала, благодаря этому событію, полнѣйшую побѣду; а депутаты умѣренной партіи оставили, напротивъ того, въ значительномъ количествѣ, поле битвы, гдѣ уже имъ нечего было надѣяться на лавры. Лалли-Толендаль удалился въ Англію, а Мунье уѣхалъ въ свою родную провинцію Дофине, для того, чтобъ возстановить ее противъ національнаго собранія. 21 октября былъ провозглашенъ «военный законъ», по которому муниципалитетъ получилъ право дѣйствовать силою для разсѣянія сборищъ, предварительно возвѣстивъ гражданъ, чтобы они расходились. Чтобы ослабить могущество провинцій и избѣжать такимъ образомъ междоусобной войны, собраніе отмѣнило прежнее дѣленіе королевства на провинціи, а вмѣстѣ съ этимъ и парламенты,—и раздѣлило Францію на 83 департамента, почти равныхъ по пространству и населенію; департаменты раздѣлились на округи, а округи на кантоны. Провинціи Лангедокъ и Бретань протестовали противъ новаго дѣленія королевства, а парламенты Меца, Руана, Бордо и Тулузы возстали противъ мѣръ парламента, упразднившаго вокаціонныя палаты (chambres des vocations), уничтожившаго сословія, и отмѣнившаго остатки сословнаго управленія въ провинціяхъ. Самыми ожесточенными врагами этихъ реформъ были дворяне и епископы, вліявшіе въ особенности на провинціи. Враждебное настроеніе духовенства еще болѣе увеличилось, когда декретомъ отъ 2 ноября церковныя имущества, въ нѣсколько милліоновъ ливровъ, были объявлены національными, а декретомъ отъ 3 ноября упразднены духовные ордена. Чтобъ облегчить крайне затруднительную продажу этихъ имуществъ—національное собраніе выпустило 400 милліоновъ ассигнацій, т. е. векселей на тотъ капиталъ, который будетъ вырученъ съ продажи этихъ имуществъ. Національное собраніе начало производить свои засѣданія въ королевскомъ манежѣ, окруженномъ обширными галлереями для зрителей. Мало по малу эти галлереи начали оказывать все болѣе и болѣе значительное вліяніе на совѣщанія; за ними стояли революціонные *клубы*, получившіе отъ монастырей, въ которыхъ они собирались, названіе *якобинскаго* и *кордельерскаго* *). Въ іюлѣ 1790 г. былъ изданъ законъ, по которому всѣ клирики должны были присягнуть новому порядку, названному *гражданскимъ устройствомъ духовенства (constitution civile du clergé)*, вслѣдствіе чего все духовенство раздѣлилось на два лагеря: *присяжныхъ* и *не присяжныхъ священниковъ*. 14 іюля (въ годовщину штурма Бастиліи) былъ устроенъ на парижскомъ Марсовомъ полѣ великолѣпный праздникъ братства, гдѣ Лафайетъ именемъ національной гвардіи, президентъ — именемъ національнаго собранія, и наконецъ, самъ король присягнули конституціи. 500 тысячь присутствовавшаго тутъ народа торжественно подняли руку и повторили гражданскую присягу—и даже королева, увлеченная общимъ одушевленіемъ, приподняла дофина и объявила, что она раздѣляетъ общую радость. То были лучшіе дни революціи. Но воодушевленіе миновало, и положеніе короля становилось все затруднительнѣе. Неккеръ, неспособный направлять движеніе, покинулъ Францію и удалился въ Швейцарію; а склонившійся въ пользу двора Мирабо, который подъ конецъ всею своею силою противился дальнѣйшимъ ограниченіямъ королевской власти, умеръ (2 апрѣля 1790 г.). Слабый, безхарактерный король потерялъ въ немъ умнѣйшаго и разсудительнѣйшаго совѣтника, и потому отнынѣ судьба его быстро приближалась къ развязкѣ. Дворянство массами уѣзжало изъ королевства съ надеждою вновь возвратиться въ него, замѣшавъ въ свое дѣло Европу, или же удалялось въ провинціи съ тѣмъ, чтобы возстановить ихъ про-

*) Кордельеръ (Cordelier), собственно *веревочникъ*, отъ веревки, какою обыкновенно опоясывались францисканцы.

тивъ революціи. 30 сентября учредительное собраніе разошлось и уступило мѣсто другому собранію, которое должно было дополнить государственное устройство составленіемъ новаго законодательства, а потому и приняло названіе *законодательнаго (assemblée nationale législative)*.

Новое собраніе состояло изъ чисто-демократическихъ элементовъ, такъ какъ бывшее учредительное собраніе само лишило своихъ членовъ права на поступленіе въ это собраніе, рѣшивъ, что они не могутъ быть снова избираемы. *Правая* сторона, состоявшая изъ приверженцевъ конституціонной монархіи, *фельяновъ**): *Воблана*, *Беньо*, *Дюма*, и др., дня ото дня слабѣла, между тѣмъ, какъ *лѣвая*, избранная республиканцами, постоянно усиливалась. Эта послѣдняя партія состояла изъ *жирондистовъ*, *умѣренныхъ республиканцевъ*, и такъ-называемой *горы (le Montagne)*, *радикаловъ*, помѣщавшихся на верхнихъ мѣстахъ. Во главѣ жирондистовъ стояли самые блестящіе ораторы Жиронды (отсюда и названіе жирондисты): *Верньо*, *Жансоне* и провансалецъ *Иснаръ*; главнымъ вождемъ ея былъ *Бриссо*, а *Кондорсе* игралъ роль Сіеса. Къ радикальной партіи принадлежали *Шабо*, *Базиръ* и *Мерленъ;* собственно же вождями ея были *Робеспьеръ*, владычествовавшіе: въ якобинскомъ клубѣ, *Дантонъ*, *Дюмуленъ* и *Фабръ д'Эглантинъ*—въ кордельрскомъ и пивоваръ *Сантеръ*—въ предмѣстьяхъ. Хорошее впечатлѣніе, которое произвелъ король своею рѣчью, появившись въ первый разъ въ собраніи, было вскорѣ уничтожено реакціонными стремленіями Фёльяновъ и происками аристократической партіи. Все болѣе и болѣе увеличивающаяся эмиграція, протестъ братьевъ короля противъ признанія Людовикомъ XVI конституціи, угрожающее положеніе иностранныхъ державъ и роялистскія возстанія въ *Кальвадосѣ*, *Вандеѣ*, и т. д. увеличили раздраженіе. 9 декабря собраніе объявило государственными измѣнниками всѣхъ собравшихся за границею французовъ, если они не разъѣдутся къ 1 январю 1792, а 19 ноября было сдѣлано подобное же рѣшеніе и насчетъ отказывающихся отъ присяги священниковъ. Королевское *veto* противъ этихъ двухъ декретовъ возбудило новое волненіе между жирондистами и якобинцами. Сопротивленіе короля приписывали тайнымъ надеждамъ двора на помощь иностранныхъ державъ и на побѣды эмигрантовъ, противъ которыхъ была направлена вся ярость народныхъ представителей. Когда нѣмецкіе дворы оставили безъ послѣдствій жалобы министерства, состоявшаго изъ жирондистовъ *Ролана*, *Дюмурье*, *Клевера* и *Серана* на вооруженія эмигрантовъ, а Пруссія и Австрія стали въ угрожающее положеніе, имъ обѣимъ была объявлена война,—и король, хотя со слезами на глазахъ, долженъ былъ дать на это свое согласіе (20 апрѣля 1792). Чтобы предохранить столицу и національное собраніе отъ всякаго нападенія, рѣшено было призвать изъ южныхъ областей 20,000 національнаго войска. Но король отказалъ въ своемъ утвержденіи и этому рѣшенію, а 13 іюля далъ отставку жирондистскому министерству и выбралъ новыхъ министровъ между фельянами. Все это произвело такое волненіе въ народѣ, что республиканцамъ, раздраженнымъ отмѣненіемъ декретовъ и удаленіемъ жирондистскихъ министровъ, не трудно было возбудить возстаніе. 20 іюня, въ годовщину знаменитой клятвы въ *Jeu de paume*, страшная, вооруженная пиками чернь предмѣстьевъ двинулась сначала въ національное собраніе, потомъ въ королевскій дворецъ, чтобы принудить короля утвердить декреты. Но Людовикъ XVI остался непреклоненъ. *(Продолженіе будетъ).*

*) Рядомъ съ клубами *якобинцевъ* и *кордельеровъ*, явился клубъ *фельяновъ*, собиравшійся въ монастырѣ этого ордена, стремившійся основать конституціонную монархію и противодѣйствовавшій усиленію черни, но онъ имѣлъ мало значенія и вскорѣ совсѣмъ закрылся.

Труженики нашего времени.

(I. на локомотивѣ).

Станція желѣзной дороги въ Г. очень растянута въ длину; не было мѣста сдѣлать ее шире, вслѣдствіе чего и должны были довольствоваться двумя или тремя рядами рельсъ, положенными другъ возлѣ друга. Поэтому-то при распредѣленіи поѣздовъ на этой станціи и требуется особенная осторожность и вниманіе, тѣмъ болѣе что приливъ пассажировъ и товаровъ на эту станцію чрезвычайно значителенъ. Можно себѣ представить, какъ тяжела и непріятна служба на этой станціи.

Это было вечеромъ, ...августа 186... года.

Смотритель станціи, котораго мы назовемъ Лембахомъ, сердито ходитъ взадъ и впередъ по платформѣ; за нимъ нѣсколько подаль слѣдуетъ одинъ изъ его подчиненныхъ.

— Чортъ возьми, ворчитъ онъ,—ни днемъ ни ночью нѣтъ покою! Теперь посылай господину Вернеру въ С. пятдесятъ товарныхъ! Стой здѣсь, когда всѣ спятъ, собирай вагоны, толкуй людямъ, что имъ нужно дѣлать, чтобъ не случилось какого несчастія на этой жалкой..... Онъ топнулъ ногою.

— Пусть бы другой кто вынесъ это! продолжалъ онъ послѣ непродолжительнаго молчанія. — Я вовсе не желаю упасть на рельсы и сломать себѣ ноги. Передайте господину директору Вольфу, что его требованія не могутъ быть исполнены сегодня вечеромъ, да скорѣе, Мейеръ. Ну, что еще?

— Господинъ смотритель, возразилъ подчиненный,— это рѣшительно невозможно. Директоръ, получивъ депешу, тотчасъ же позвалъ меня и далъ мнѣ приказаніе. Пусть, говоритъ, Лембахъ лѣзетъ на стѣну, а это должно быть сдѣлано. Его дѣло не разсуждать, а повиноваться.

Лембахъ не возразилъ ни слова, онъ пробормоталъ только нѣсколько ругательствъ и вдругъ напустился на своего подчиненнаго: «ну, чтожь вы тутъ торчите? Вы вѣдь знаете, что нужно дѣлать. Соберите всѣ какіе есть товарные вагоны; мнѣ все равно, будутъ ли они взяты съ готовыхъ уже поѣздовъ или нѣтъ. Я самъ скажу кондуктору при локомотивѣ, чтобъ онъ былъ на готовѣ.

Смотритель и его подчиненный разошлись въ разныя стороны. Мейеръ шелъ спотыкаясь, черезъ рельсы и отмѣчалъ пустые вагоны, стоявшія вблизи; потомъ посмотрѣлъ въ свою книгу, какіе еще надо было привезти сюда, и затѣмъ отправился въ локомотивный сарай, гдѣ Гутманъ, кондукторъ при локомотивѣ, приготовился уже къ выѣзду. Смотритель былъ уже тамъ.

— Ну? спросилъ послѣдній.

— Половина-то, пожалуй, найдется здѣсь; остальные намъ придется взять изъ другаго мѣста.

— Ну, теперь пойдетъ такой свистъ и шумъ, что никто по сосѣдству и глазъ не сомкнетъ; подумаютъ пожалуй, что мы отправляемъ три армейскихъ корпуса, а между

тѣмъ дѣло идетъ о доставкѣ господину Вернеру въ С. пятидесяти жалкихъ тачекъ съ углемъ; пусть Богъ его... Онъ не договорилъ.

Лембахъ былъ правъ, не мало понадобилось времени и труда, чтобы привести въ порядокъ требуемое число вагоновъ; наконецъ все было готово, и утирая съ лица потъ, онъ далъ Гуттману знакъ къ отъѣзду. Затѣмъ онъ возвратился на станцію, въ то время какъ поѣздъ довольно быстро тронулся съ мѣста, обозначая свой путь столбами дыма. Мейеръ опять отправился за своимъ начальникомъ. Имъ приходилось еще ждать прибытія курьерскаго поѣзда изъ Б.

— Боже мой! воскликнулъ вдругъ Лембахъ.

— Что такое, господинъ смотритель? спросилъ съ испугомъ Мейеръ.

— Который теперь часъ?

Оба остановились и взглянули на часы. Луна взошла и при ея свѣтѣ можно было хорошо разглядѣть стрѣлку.

— Половина одиннадцатаго!

— Боже мой! Вотъ не позаботься самъ, такъ... Развѣ вы забыли о курьерскомъ поѣздѣ изъ Б.? Онъ выходитъ изъ С. въ тридцать двѣ минуты и...

Онъ смѣрялъ глазами разстояніе между ними и уѣхавшимъ локомотивомъ. Вдали поднимался бѣлый дымъ локомотива; не было уже ни малѣйшей возможности вернуть его.

— Чортъ возьми! Чтожъ вы тутъ стоите? бѣгите, бѣгите какъ можно скорѣе! Надо тотчасъ же телеграфировать въ С. или выйдетъ такое столкновеніе, какого не случалось и въ Сѣверной Америкѣ.

Они побѣжали со всѣхъ ногъ черезъ всѣ рельсы къ воксалу. Разстояніе было довольно велико, но страхъ и волненіе придали имъ крылья, такъ-что когда они вошли въ телеграфное бюро, стрѣлка на большихъ часахъ показывала ровно тридцать шесть минутъ одиннадцатаго.

Аппаратъ началъ работать не далѣе какъчере зъ пять секундъ.

Лембахъ вытеръ платкомъ лобъ; его спутникъ нѣсколько разъ глубоко вздохнулъ.

С. ближайшая станція отъ Б.

Курьерскій поѣздъ стоитъ здѣсь всего одну минуту; онъ только что пришелъ. Собственно въ С. никто не ѣздитъ, поэтому-то никто здѣсь и не выходитъ. Обмѣниваются только ящиками съ письмами.

Передъ открытой дверью телеграфной комнаты стоитъ дежурный чиновникъ, чтобы взглянуть на отъѣзжавшій поѣздъ и подышать свѣжимъ ночнымъ воздухомъ.

Кондукторъ при локомотивѣ, человѣкъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, нагнулся надъ своимъ «Циклопомъ», великолѣпной машиной съ двойнымъ дѣйствіемъ,—и ждалъ сигнала, чтобъ привести ее въ движеніе.

Освѣщенные станціонные часы показывали безъ двадцати осьми минутъ одиннадцать. Сигнальный свистокъ раздался; «Циклопъ» тотчасъ же заглушилъ его своимъ сильнымъ свистомъ и колеса начали вертѣться.

— Счастливаго пути, господинъ Гартманъ! закричалъ шутя телеграфистъ кондуктору, который въ знакъ привѣтствія махалъ рукой; въ эту минуту аппаратъ взвизгнулъ и чиновникъ поспѣшилъ къ своему посту. Онъ прочелъ первую букву *к*, вторую—*у*, первое слово: «курьерскій поѣздъ...»

— Боже мой, что это значитъ? думаетъ онъ съ изумленіемъ, и читаетъ дальше; наконецъ вся депеша разобрана: «ждать пока не пройдетъ экстренный товарный поѣздъ. Станціонному смотрителю въ С. смотритель Лембахъ».

Смертельно-испуганный молодой человѣкъ бросается къ смотрителю, который уже подошелъ къ своему дому, кричитъ ему еще издали содержаніе депеши и подаетъ бумагу.

Красный фонарь на послѣднемъ вагонѣ курьерскаго поѣзда только что исчезъ за поворотомъ.

— Поздно! произнесъ поблѣднѣвъ смотритель.

— Поздно? повторилъ за нимъ телеграфистъ.—Вы ужь не можете помочь?

Съ шумомъ летитъ «Циклопъ» на встрѣчу своей судьбѣ. Разстояніе отъ С. до Б. не велико, но дорога дѣлаетъ нѣсколько изгибовъ.

Гартманъ держится рукою въ коловоротъ и всматривается въ темноту. Богъ знаетъ, о чемъ онъ думаетъ: можетъ быть о женѣ и ребенкѣ, которые его ждутъ, о своемъ миломъ домѣ, о сладкомъ отдыхѣ въ кругу любимыхъ людей, послѣ окончанія тяжелой службы.

Какъ много зависитъ отъ этого человѣка, получающаго такое скудное жалованье! какая тяжелая отвѣтственность лежитъ на немъ! Объ этомъ не разъ и не мало говорили, но жалованье остается то же, что и прежде.

Деревья и кусты мелькаютъ, съ шумомъ проходитъ машина мимо сторожевыхъ будокъ, все впередъ и впередъ съ неистовой быстротой.

Гартманъ взглядываетъ на дорогу, она въ этомъ мѣстѣ дѣлаетъ изгибъ. Онъ смущается, беретъ за руку своего кочегара и говоритъ: «видишь?».

Мудрено было не видать. Имъ на встрѣчу шло пятьдесятъ вагоновъ. У Гартмана кровь застыла въ жилахъ, но только на минуту. Что ему дѣлать? Но долго разсуждать некогда. Всѣ тысячи параграфовъ устава, изданнаго для подобныхъ случаевъ, проходятъ у него въ головѣ, онъ отбрасываетъ ихъ всѣ. Не потребовать ли ему затормозить поѣздъ? Этимъ онъ не остановитъ столкновенія. онъ высовывается впередъ, чтобы измѣрить разстояніе между двумя поѣздами. Сильный порывъ вѣтра срываетъ съ него шляпу, но онъ не обращаетъ на это вниманія.

— Пустые вагоны! проговорилъ онъ.

Кочегаръ всталъ около него.

— Куда ты?

Тотъ показалъ внизъ.

— Ты хочешь выскочить? Съ ума ты сошелъ? Сильнымъ толчкомъ онъ отбрасываетъ его въ сторону.

— Еще угольевъ! приказываетъ Гартманъ. Кочегаръ хотя и не догадывается о намѣреніяхъ своего начальника, но повинуется.

Все это произошло менѣе, чѣмъ въ четыре секунды.

— Съ Богомъ! говоритъ кондукторъ, заставляя «Циклопа» свистѣть для предостереженія. Въ то же самое время онъ даетъ полный ходъ поѣзду и усиливаетъ давленіе пара. Стрѣлка манометра повышается на двѣ атмосферы. Онъ снова высовывается. Съ встрѣтившагося поѣзда отдѣляются темныя, большія фигуры.

— Они выскакиваютъ, говоритъ онъ самому себѣ и прекращаетъ свистъ. Обѣими руками обхватываетъ коловоротъ.

— Держись крѣпче, предостерегаетъ онъ кочегара.

Только сто шаговъ отдѣляютъ ихъ отъ товарнаго поѣзда.

Какія чувства волновали въ это время Гартмана? Это былъ герой—онъ жертвовалъ собою, нарушая букву устава; не говоря уже о томъ, что въ случаѣ невѣрнаго расчета онъ первый погибъ бы страшною смертью.

Проходитъ секунда — локомотивы сталкиваются; но

«Циклопъ» только на мгновеніе вздрогнулъ. Послышался глухой трескъ. Маленькій рабочій локомотивъ былъ сброшенъ съ рельсовъ—и страшно изувѣченый покатился съ полотна глубоко врѣзавшись въ песокъ. Желѣзные и деревянные обломки разлетѣлись во всѣ стороны, словно разорвавшаяся бомба—это товарные вагоны; всѣ до одного были уничтожены; но курьерскій поѣздъ спасенъ.

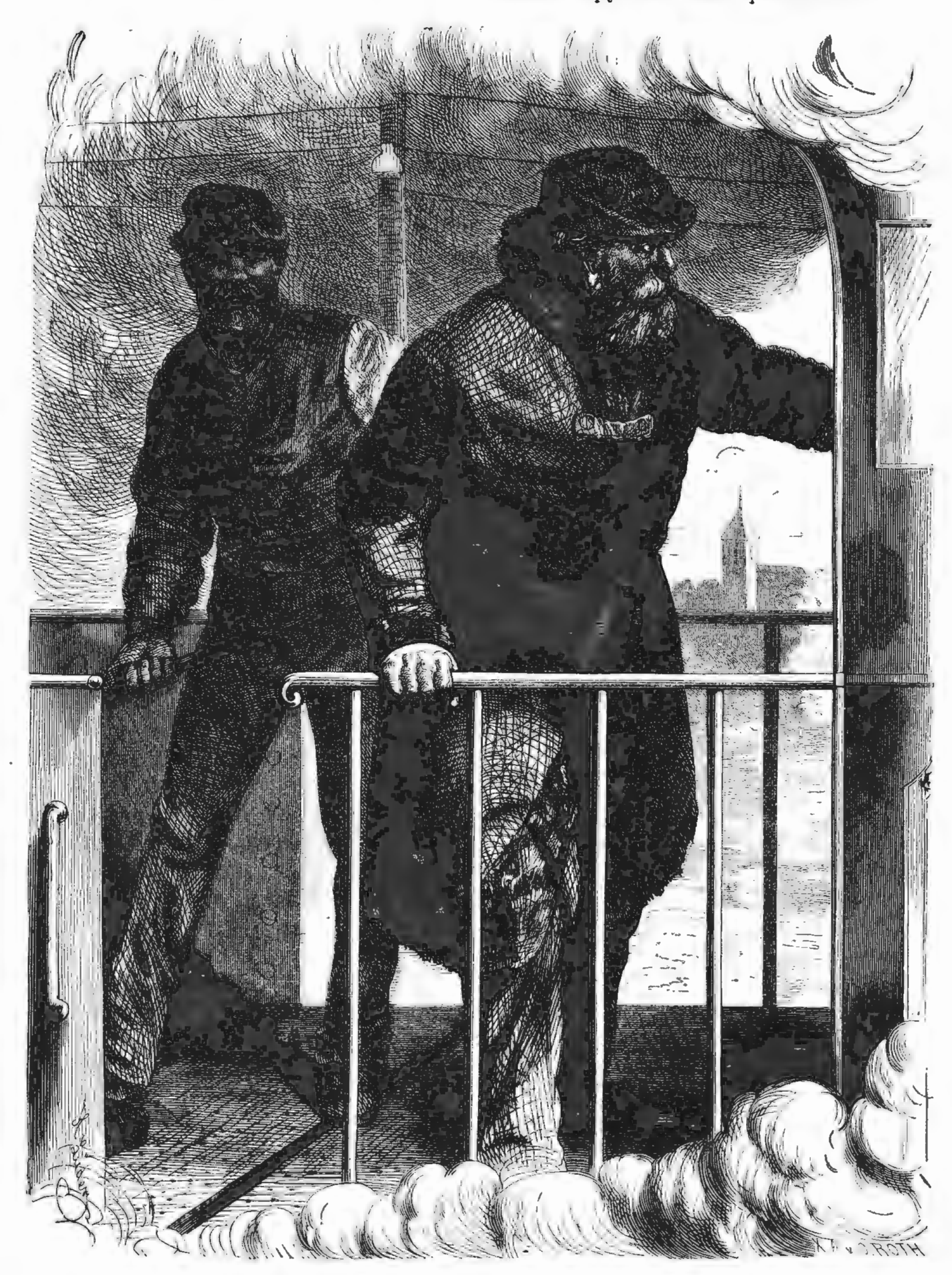
мѣ послышались поспѣшные шаги. Лембахъ обернулся.

— Директоръ Вольфъ! воскликнулъ онъ невольно, отдавая честь своему начальнику.

— Онъ самый, отвѣчалъ тотъ холоднымъ, строгимъ тономъ.—Посланы ли пятьдесятъ товарныхъ вагоновъ?

— Да, но...

— Что *но*? Неужели вы осмѣлились прямо или косвенно нарушить мои приказанія?



Труженики нашего времени. I. машинистъ. Рис. Людерсъ, грав. О. Ротъ.

Смотритель и его спутникъ, выйдя изъ конторы телеграфа, отправились на конецъ платформы наблюдать что дѣлается на желѣзной дорогѣ. Они не простояли и минуты, какъ телеграфъ началъ дѣйствовать.

— Поѣздъ ушелъ, пробормоталъ Лембахъ. — Спаси ихъ, Господи!... Онъ уже и не думалъ ругаться.

Они напрягали слухъ и зрѣніе, чтобы лучше видѣть и слышать что происходитъ въ темнотѣ. Издали глухо доносился до нихъ гулъ курьерскаго поѣзда. На платфор-

— Курьерскій поѣздъ нельзя было задержать, онъ идетъ теперь изъ С. и...

Директоръ понялъ; онъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, и сначала не могъ произнести ни слова, но вскорѣ оправился и накинулся на смотрителя.

Вольфъ стиснулъ зубы и сжалъ кулаки отъ сильнаго волненія; онъ не могъ стоять спокойно и топалъ ногами.

Они услышали свистъ «Циклопа».

— Идетъ!

Однако они не были въ состояніи расслышать шумъ отъ столкновенія двухъ локомотивовъ, имъ казалось только какъ будто бы поѣздъ идетъ скорѣе. Это продолжалось около минуты. Затѣмъ движеніе вагоновъ стало какъ будто бы нормальное.

— Ну? спросилъ Вольфъ.

Смотритель старался объяснить себѣ въ чемъ дѣло.

— Они въѣзжаютъ на станцію! воскликнулъ онъ вдругъ.

— Слава Богу! На этотъ разъ мы еще счастливо отдѣлались. Какъ это могло случиться?

Платформа наполнилась ожидающими—и вскорѣ, какъ это бываетъ, всѣ узнали, что что-то случилось.

Еще двѣ минуты—и «Циклопъ» медленно подъѣхалъ къ вокзалу. Гартманъ видитъ директора и Лембаха и кланяется. Первый не отвѣчаетъ на поклонъ, онъ видитъ, что «пуфферъ» и передняя стѣна машины сдавлены.

Поѣздъ останавливается.

— Гартманъ, Гартманъ! реветъ Вольфъ.

Пассажиры окружаютъ начальника и подчиненнаго, слушаютъ съ удивленіемъ, какъ кондукторъ спокойно и ясно даетъ свои объясненія.

— Проклятый человѣкъ! кричитъ директоръ, выслушавъ его разсказъ до конца. — Вы будете уволены, тотъ часъ же увольнены. Какъ смѣли вы дѣйствовать противъ устава? Но погодите! васъ будутъ судить; вы заплатите за всѣ убытки или же будете сидѣть въ смирительномъ домѣ, пока не умрете. Вы...

Ему не позволили продолжать; буря негодованія поднялась между пассажирами—и директоръ долженъ былъ прибѣгнуть къ защитѣ бывшей тутъ полиціи.

На курьерскомъ поѣздѣ ѣхало нѣсколько богатыхъ землевладѣльцевъ и фабрикантовъ; они тотчасъ же сдѣлали складчину, результатомъ которой была сумма въ нѣсколько тысячъ талеровъ. Одинъ господинъ уговорилъ отказывавшагося сначала Гартмана принять эти деньги и предложилъ ему выгодное мѣсто въ своемъ помѣстьѣ, если дирекція дѣйствительно откажетъ ему за то, что онъ уничтожилъ пятьдесятъ вагоновъ для спасенія ста человѣкъ.

Гартману дѣйствительно отказали отъ мѣста; но на судѣ ничего не могли привести противъ него.

Господинъ, предложившій Гартману поступить къ нему на службу, сдержалъ слово; онъ никогда не раскаявался въ своемъ выборѣ, также какъ и прежній кондукторъ въ перемѣнѣ мѣста.

Ушкуйники *).

I.

Что за дикія пустыни!...
Что за темныя лѣса!...
Опрокинулись надъ ними
Голубыя небеса.
Глушь, безлюдье, бездорожье!...
Оглашаютъ эту дичь
Только громы Божьей бури
Да залетной птицы кличъ.
Не услышишь человѣка!
Въ чащѣ темной, вѣковой,
Странникъ сѣвера—сохатый
Пробирается порой,
Вѣтви ельника ломая,
Въ тотъ невѣдомый просторъ,
Гдѣ надъ гладью океана
Поднялись уступы горъ....
Тутъ медвѣдь по лѣсу бродитъ
И реветъ онъ, и ворчитъ
Словно царь свои владѣнья
Неотступно сторожитъ....
Тамъ вдали—рога мелькаютъ,
И на мигъ бросая тѣнь,
Мчится бѣшено, стрѣлою,
Въ даль туманную олень.
Дальше — тундры моховыя
Неподвижныя легли....
Глушь.... безлюдье... бездорожье...
Царство смерти.... край земли!...

II.

Широка среди пустыни
Свѣтловодная Двина,
Катитъ пѣнистыя волны
Въ море Бѣлое она.
На привольи зеленѣютъ
Заливные острова,
Какъ нѣжна на этихъ гладяхъ
Луговая мурава!
Чайки бѣлыя мелькаютъ
Точно искры надъ рѣкой....
Журавли, чернѣя высью,
Словно плачутся порой.
Малой точкой въ синемъ небѣ
Кречетъ взвился и виситъ....
Вся-то глушь, подъ яркимъ солнцемъ
Озаренная, горитъ....
По заводьямъ стонутъ утки....
Гулъ рѣчной и гулъ лѣсной
Низью стелется повсюду.
Надъ красавицей Двиной
Чей-то ропотъ.... чьи-то слезы....
Ближе.... Ближе и звончѣй —
Какъ дитя на грудь родную
Въ волны падаетъ ручей!...
Глушь.... безлюдье.... бездорожье....
Говоръ волнъ и птичій кличъ....
И далеко залегаетъ
Неизвѣданная дичь....

III.

То не говоръ ли потока?
То не вѣтеръ ли шумитъ?
Нѣтъ! какъ будто издалека
Пѣсня звонкая гремитъ....
Пѣсня громкая, лихая —
Вся-то—удаль, сила, гнѣвъ
И далеко, несмолкая,
Вольный носится напѣвъ.
Ближе.... ближе.... Надъ волнами
Ладьи быстрыя скользятъ....
Весла искрятся.... На солнцѣ
Флаги бѣлые блестятъ.
Ближе.... ближе.... Кто отважный
Въ глушь пустынную проникъ?
Чей надъ этими лѣсами

*) Новгородцы—колонизаторы сѣвера.

Въ вышину несется крикъ?
Дѣти-ль чуди бѣлоглазой,
Иль варяговъ злая рать
Мчится въ дальнія поселки
Грабить, жечь да убивать?...
Нѣтъ, то Руси вольной рѣчи....
Нѣтъ, то пѣснь ея сыновъ —
Точно вьется надъ пустыней
Стая громкая орловъ.
Это—Новгорода дѣти,
Дѣти славы вечевой,
Ищутъ доли, да богатства
Ищутъ битвы роковой....
Оживляются пустыни,
Встрепенулся темный боръ
Гдѣ бродилъ одинъ сохатый —
Тамъ звенитъ уже топоръ....
Глушь... безлюдье... бездорожье—
Царство смерти... край земли—
Этимъ сѣятелямъ жизни
Тучной почвою легли.
И бредетъ ушкуйникъ смѣлый
По трущобамъ вѣковымъ,
Какъ грибы растутъ поселки
Новгородскіе за нимъ.
И отъ края и до края
Надъ пустынею глухой
Все звенитъ, неумолкая,
Пѣсня руси молодой

В. Н. Д.

Внутреннее обозрѣніе.

Вопросъ о введеніи обязательнаго обученія поднимался во многихъ нашихъ земскихъ собраніяхъ и былъ встрѣченъ ими далеко не одинаково. Одни находятъ такую мѣру преждевременною; другія,—что введеніе ея на практикѣ встрѣтитъ важныя препятствія; третьи, безусловно соглашаясь съ полезностью этой мѣры, создаютъ предположенія о томъ, откуда добыть средства для введенія обязательнаго обученія. По нашему мнѣнію, эти послѣднія изъ нашихъ земскихъ собраній оказываются практичнѣе другихъ. Дѣйствительно, если посмотрѣть на дѣло поближе, то самымъ существеннымъ препятствіемъ ко введенію у насъ обязательнаго обученія является недостатокъ земскихъ средствъ, большая часть которыхъ во многихъ уѣздныхъ смѣтахъ идетъ на обязательные для земства расходы. Изобрѣтать новые налоги, которые главнымъ образомъ должны лечь на землю,—значитъ еще болѣе отягощать населеніе, и безъ того уже черезъ мѣру обремененное разными сборами. О наложеніи новыхъ *прямыхъ* налоговъ, слѣдовательно, и толковать нечего. Но нельзя ли въ такомъ случаѣ увеличить косвенные налоги для того, чтобы сумму, которая получится отъ увеличенія этихъ налоговъ, употребить на введеніе всеобщаго обязательнаго обученія? Къ этому вопросу пришла, между прочими, и владимірская земская комиссія, назначенная губернскимъ собраніемъ для изысканія мѣръ ко введенію въ губерніи обязательнаго обученія. По разсчетамъ этой коммиссіи, для 150,000 дѣтей учебнаго возраста по губерніи потребуется не менѣе 1,200 народныхъ школъ, для которыхъ необходимо будетъ выстроить никакъ не менѣе 1,000 новыхъ зданій. На постройку этихъ училищъ потребуется до 2,000,000 рубл. серебр., а ежегодное содержаніе 1,200 училищъ обойдется въ 600,000 руб. (считая по 500 руб. на училище). Не желая обременять земство новымъ значительнымъ налогомъ, коммиссія обратилась отъ прямыхъ налоговъ къ косвеннымъ. Для этого она предлагаетъ Владимірскому земству ходатайствовать у правительства объ увеличеніи акциза съ каждаго градуса вина на *одну* копѣйку, съ тѣмъ, чтобы излишекъ, который отъ этого получится, въ размѣрѣ 400,000 руб. ежегодно, удѣлять въ пользу земства Владимірской губерніи—на постепенное введеніе обязательнаго обученія. Тогда земству этой губерніи можно было бы на эту сумму открывать ежегодно по 50 школъ въ теченіи 25 лѣтъ. Корреспондентъ „Пет. Вѣд.", сообщающій объ этомъ рѣшеніи коммиссіи, справедливо замѣчаетъ, что едва ли это ходатайство будетъ уважено, такъ какъ винокуренная промышленность и безъ того уже стѣснена, да къ тому же увеличеніе питейнаго акциза въ одной только Владимірской губерніи встрѣтило бы серіозныя препятствія и съ другихъ сторонъ. Совсѣмъ иное дѣло, говоритъ этотъ корреспондентъ, если бы проектируемая владимірскою коммиссіею мѣра была распространена на двѣ губерніи, и правительство рѣшилось бы уступить земству часть питейныхъ сборовъ на повсемѣстное введеніе обязательнаго обученія.

Другое немаловажное препятствіе къ введенію у насъ обязательности обученія заключается въ *недостаткѣ учителей*. Если бы даже нашлись у земства всѣ средства для постройки необходимаго числа училищныхъ зданій, если бы земство нашло возможнымъ снабдить ихъ самоновѣйшими школьными и учебными пособіями, даже выписывая ихъ изъ чужихъ земель,—все-таки дѣло не пойдетъ, потому-что сколько-нибудь удовлетворительныхъ учителей не хватитъ для замѣщенія даже *третьей* части имѣющихъ открыться школъ. Существующія учительскія семинаріи, числомъ около 20, не въ состояніи, конечно, удовлетворить запросу въ учащихъ силахъ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ этихъ учрежденій едва только организовались и не успѣли еще выпустить ни одного учителя. Устраиваемые нѣкоторыми педагогическіе курсы, если и могутъ помочь здѣсь, то въ самой незначительной степени, такъ-какъ изъ числа посѣщающихъ ихъ едва-ли половина только воспользуется совѣтами и указаніями руководителей курсовъ, чтобы потомъ приложить ихъ въ своихъ школахъ. Притомъ большинство нынѣшнихъ сельскихъ учителей, необезпеченное матерьяльно и отягощенное трудомъ, смотритъ на свое занятіе какъ на временное, которое принято ими лишь въ ожиданіи болѣе выгоднаго и менѣе тягостнаго. И дѣйствительно, одни изъ нихъ поступаютъ въ писаря, на службу земству или городскому обществу, другіе—на желѣзную дорогу, третьи—въ причетники и т. д. Земству стоитъ иногда большихъ усилій удержать способныхъ учителей на школьной службѣ. Всѣ эти соображенія сводятъ вопросъ къ тому, что обязательное обученіе, если и можетъ быть теперь введено, то постепенно, по мѣрѣ выпуска изъ учительскихъ семинарій хорошо-приготовленныхъ учителей и по мѣрѣ возрастанія довѣрія къ школѣ со стороны простаго народа. На первыхъ порахъ достаточно провозгласить начало обязательности обученія въ тѣхъ силахъ, гдѣ имѣются уже школы, и, слѣдовательно: гдѣ существуетъ полная возможность выполнять этотъ принципъ на дѣлѣ. Затѣмъ, по мѣрѣ распространенія школъ въ уѣздѣ, будетъ распространяться и самый принципъ обязательности обученія дѣтей. Прак-

тика показываетъ, что только такимъ порядкомъ и можно ввести эту мѣру. Въ нашихъ южныхъ губерніяхъ напримѣръ, между тамошними колонистами давно уже введена обязательность обученія; колонисты-менониты, вслѣдствіе этого, давно уже освоились съ необходимостью расхода на школу и отправки въ нее своихъ дѣтей. Извѣстный педагогъ, баронъ Н. Корфъ, объѣхавшій школы, устроенныя Бердянскимъ земствомъ, напечаталъ въ газетѣ «Недѣля» статью, въ которой въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ распространяется о дѣятельности мѣстной управы по народному образованію. Оказывается, что земство Бердянскаго уѣзда (Таврической губерніи) расходуетъ на начальное народное образованіе столько, сколько не расходуетъ даже нашъ просвѣщенный Петербургъ, а именно 31,000 р. въ годъ. Въ эту сумму не входитъ расходъ на школы города Бердянска, а также суммы, ассигнуемыя земствомъ на среднія учебныя заведенія, напримѣръ, на открытіе въ г. Бердянскѣ гимназіи, на которую земство даетъ отъ себя 25,000 р., да еще городъ своихъ 25,000 р. Сельскіе учителя въ этомъ уѣздѣ получаютъ по 300 р. въ годъ жалованья, при готовой квартирѣ въ школьномъ зданіи; независимо отъ жалованья, земство выдаетъ учителямъ денежныя награды въ 50 и 75 р. Особенность училищнаго дѣла въ Бердянскомъ уѣздѣ представляетъ то, что во многихъ многолюдныхъ селахъ земство открыло не по одной, но по нѣскольку школъ. Но важнѣе всего въ этомъ дѣлѣ то, что все это устроено и поддерживается земствомъ, состоящимъ почти изъ однихъ только крестьянъ, колонистовъ-менонистовъ. Не малымъ, конечно двигателемъ здѣсь является замѣтное благосостояніе жителей какъ самаго города Бердянска, такъ и его уѣзда.

О введеніи обязательнаго обученія шла рѣчь и въ одномъ изъ земскихъ собраній московской губерніи—Серпуховскомъ. Поводомъ къ этому послужилъ отчетъ предсѣдателя училищнаго совѣта земскому собранію. Для приведнія 80 школъ уѣзда въ лучшее состояніе, отчетъ предлагаетъ собранію: въ 1-хъ, ходатайствовать о введеніи въ Серпуховскомъ уѣздѣ обязательнаго обученія; во 2-хъ, учредить ежегодные съѣзды учителей; въ 3-хъ, увеличить имъ содержаніе; въ 4-хъ отпускатъ пособія тѣмъ обществамъ, которыя пожелали бы строить училища по одобреннымъ управою, вмѣстѣ съ училищнымъ совѣтомъ, планамъ, и въ 5-хъ, чтобы привлечь народъ въ воскресную въ г. Серпуховѣ школу — ходатайствовать передъ правительствомъ о воспрещеніи въ питейныхъ заведеніяхъ торговать въ воскресные и праздничные дни. На 80 училищъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ приходится всего 3,000 учащихся, что составляетъ среднимъ числомъ по 37 человѣкъ на школѣ, въ дѣйствительности же, всѣхъ дѣтей учебнаго возраста считается 7,000; слѣдовательно, около 4,000 дѣтей вовсе не посѣщаютъ школы. Если сохранить настоящее число училищъ въ уѣздѣ, то при введеніи обязательнаго обученія на каждую школу среднимъ числомъ придется по 86 учащихся; такое число учениковъ потребуетъ имѣть при каждой школѣ еще особаго помощника учителя. Чтобы подвинуть родителей отдавать своихъ дѣтей въ училища, отчетъ предлагаетъ земскому собранію повторить свое ходатайство передъ правительствомъ о томъ, чтобы дѣти моложе 14 лѣтъ на фабрики не принимались.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій петербургскаго комитета грамотности шла рѣчь объ устройствѣ въ Петербургѣ народныхъ читалень на подобіе той, которая открыта въ Москвѣ. Члены комитета, гг. Петрушевскій и Д. Стасовъ, побывавъ въ Москвѣ и познакомившись на мѣстѣ съ устройствомъ московской читальни, вошли въ совѣтъ комитета съ запиской объ устройствѣ такого-же дѣла въ Петербургѣ. Комитетомъ эта мысль была принята весьма сочувственно; составленъ былъ проектъ устава народныхъ читалень въ нашей сѣверной столицѣ; особая комиссія занялась составленіемъ для нихъ каталога; наконецъ, сдѣланъ приблизительный разсчетъ расходовъ какъ единовременныхъ, такъ и постоянныхъ. Содержаніе первой народной читальни, корую предполагаютъ открыть въ мѣстности, населенной преимущественно рабочимъ классомъ, потребуетъ единовременнаго расхода въ 1,200 р., да текущихъ—на наемъ помѣщенія, отопленія и проч. 2,700 р.; всего около 4,000 р. Предполагаемый доходъ не превышаетъ 400 р. Средства для устройства напр. читалень даетъ комитетъ грамотности, нѣкоторые члены котораго и предложили выдавать 1% изъ своего ежегодныхъ доходовъ.

На прошлой недѣлѣ скончался въ Москвѣ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ и уважаемыхъ русскихъ писателей, Владиміръ Ивановичъ Даль. Датчанинъ по происхожденію и лютеранинъ по вѣроисповѣданію, онъ получилъ воспитаніе, выросъ, сотарѣлся и умеръ въ Россіи, которую любилъ какъ свою семидесятилѣтняя жизнь его полна всяческими превратностями и крайне разнообразна родину. Сначала онъ учился въ морскомъ корпусѣ, и служилъ въ черноморскомъ флотѣ; затѣмъ, поступилъ въ дерптскій университетъ на медицинскій факультетъ и, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, занялъ мѣсто ординатора при петербургскомъ военно-сухопутномъ госпиталѣ: потомъ перешелъ въ гражданскую службу. Во время своей долголѣтней и разнообразной служебной дѣятельности, покойный имѣлъ возможность многое узнать и даже изучить, въ особенности что касается народной жизни и жизни русскаго солдата. Въ литературѣ В. И. Даль сталъ извѣстенъ своими разсказами, подписанными псевдонимомъ „Казака Луганскаго“. Но важнѣйшая заслуга его, какъ писателя-этнографа, заключается въ двухъ замѣчательныхъ изданіяхъ—въ сборникѣ пословицъ русскаго народа и въ его „толковомъ словарѣ живаго великорусскаго языкo“. Послѣднее время онъ проживалъ въ Москвѣ, въ собственномъ своемъ домѣ, въ который заглядывали лишь самые близкіе друзья покойнаго. На похоронахъ В. И. Даля, которыя происходили по православному обряду, такъ-какъ въ послѣднее время покойный принялъ православіе, присутствовало лишь нѣсколько дамъ, родственницъ покойнаго.

Смѣсь.

Портретъ Елены Фурманъ
съ оригинала Рубенса въ Императорскомъ Эрмитажѣ.

Въ нѣсколькихъ нумерахъ «Нивы» за текущій годъ, мы, передавая нѣкоторыя черты изъ жизни великаго фламандскаго художника, упоминали и о супругѣ его, Еленѣ Брандтъ или Фурманъ, дѣлившей съ нимъ славу, богатство и блескъ антверпенскаго вельможи. Прилагая нынѣ портретъ этой замѣчательной красавицы, писанный безсмертною кистью ея мужа, мы позволимъ себѣ напомнить читателямъ, что драгоцѣнный оригиналъ этого произведенія находится въ Императорскомъ Эрмитажѣ, гдѣ всякій петербуржецъ можетъ провѣрить, насколько художественно передаетъ превосходная гравюра Паннемакера черты подруги Рубенса, составлявшей въ теченіе всей многодѣятельной и блестящей карьеры, счастье, а вмѣстѣ съ тѣмъ, если вѣрить указаніямъ нѣкоторыхъ современниковъ, и несчастье великаго основателя Антверпенской школы.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 6 октября 1872 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-Петербургѣ, Больш. Морская д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**. Вознес. пр. д. № 53.

№ 42 — 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 16 октября 1872 года. — Годъ III.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

ЗА ГОДЪ.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	4 р. — к.
Съ доставкою въ »	5 » — »
Безъ доставки въ Москвѣ	4 » 50 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	5 » — »

ЗА ПОЛГОДА.

Безъ доставки въ С.-Петербургѣ	2 р. — к.
Съ доставкою въ »	3 » — »
Безъ доставки въ Москвѣ	2 » 25 »
Для иногородныхъ: съ пересылкой и упаковкой	3 » — »

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

XV.

За темной, дождливой ночью наступило сѣрое, пасмурное утро. Собираясь по временамъ мрачными тучами, безконечныя массы тумана, тянувшіяся со стороны моря, поднимались такъ высоко, что доходили почти до верхушекъ тополей, то наклонявшихся отъ рѣзкаго вѣтра къ промокшимъ соломеннымъ крышамъ амбаровъ, то снова гордо выпрямлявшихся, или сердито встряхивавшихъ вѣтвями.

Готтгольдъ стоялъ у окна въ общей комнатѣ и мрачно смотрѣлъ на эту грустную картину. Только къ утру, почти противъ воли, онъ заснулъ на часокъ; но мысль о предстоящемъ угнетала его душу тяжелѣе физической усталости. Какъ ни ужасна была ночь, но все-таки по временамъ утѣшительно мелькали во мракѣ звѣзды надежды; теперь же ему думалось, что сумрачный день насталъ только для того, чтобы сказать ему: «это пустое безобразное существованіе называется жизнію, вотъ она дѣйствительность; что мнѣ за дѣло до твоихъ грезъ!» Сойдя внизъ, онъ чуть не

съ ужасомъ смотрѣлъ на приготовленія, какія дѣлались для гостей въ большой, обыкновенно почти не обитаемой залѣ, выходящей въ садъ,—и слышалъ, какъ съ другаго конца длинной галлереи доносился изъ кухни звонъ кострюль и громкіе разговоры прислуги; работникъ выдвигалъ изъ сарая экипажъ, который долженъ былъ привезти гостей изъ Проры. Все это шло своимъ чередомъ, какъ будто сегодня такой же день что вчера, завтра все будетъ какъ сегодня, ничего не случилось и ничего не можетъ случиться такого, что помолодило бы этотъ старый свѣтъ и сдѣлало бы его такимъ же раемъ, какъ въ первые дни его созданія. Но что же это такое! вѣдь это не сонъ; вѣдь это было на самомъ дѣлѣ; не можетъ же оно разсѣяться, какъ туманъ! надо чтобы оно приняло образъ, вышло изъ хаоса, хотя бы даже помощію жаркой борьбы—все равно, лишь бы не пропало!

Это томительное бездѣятельное ожиданіе было ужасно. Она должна была знать, что онъ стоялъ тутъ уже полчаса и ждалъ ее, ждалъ ея слова, одного только взгляда, который сказалъ бы ему: я принадлежу тебѣ, такъ же какъ ты мнѣ; вѣрь въ меня, какъ я въ тебя. Отъ чего она не шла? Минута была самая удобная, какой, можетъ быть, не выдастся въ цѣлый день: Брандовъ только передъ этимъ прошелъ черезъ дворъ къ конюшнямъ, какъ онъ дѣлалъ каждое утро; утренній завтракъ стоялъ на столѣ; обыкновенно въ это время они проводили съ полчаса вдвоемъ безъ помѣхи—а сегодня, сегодня она оставляетъ его одного!

Имъ овладѣло невыразимое нетерпѣніе; онъ сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, каждую минуту обращая глаза на дверь, черезъ которую сегодня ночью входилъ и выходилъ другой, тогда какъ для него она была заперта; онъ напряженно прислушивался къ каждому звуку. Но ничего не было слышно,—ничего, кромѣ соннаго жужжанія мухи; даже стѣнные часы въ старинномъ высокомъ деревянномъ футлярѣ сегодня не шли, стрѣлка остановилась ночью.

Онъ прижалъ руки къ своимъ бьющимся вискамъ; ему казалось, что онъ сойдетъ съ ума, если еще продлится эта мука. Потомъ ему пришла мысль, ужаснѣе всѣхъ прежнихъ. Можетъ быть она боится его? Можетъ быть стыдъ удерживаетъ ее отъ встрѣчи съ человѣкомъ, на груди котораго билось вчера ея сердце, чей поцѣлуй она приняла и возвратила? Нѣтъ, нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! Что бы ни удаляло ее отъ него, только не это, никакъ не это! Думать такъ—значитъ оскорблять ее, гордую женщину! Она способна скорѣе умереть, чѣмъ согласиться на безчестную жизнь. Можетъ быть она больна при смерти, безъ помощи, одна...

Въ эту минуту послышался голосокъ Гретхенъ: «мама, я хочу съ тобой, возьми меня съ собой къ дядѣ Готтгольду, я хочу поздороваться съ дядей Готтгольдомъ», а потомъ тихій, уговаривающій голосъ Цециліи; дверь отворилась—и она вошла.

Готтгольдъ бросился къ ней, но успѣлъ сдѣлать только нѣсколько шаговъ. Она подняла обѣ руки съ выраженіемъ трогательной мольбы, и та же трогательная мольба выражалась въ ея большихъ, полныхъ слезъ глазахъ и въ каждой чертѣ прелестнаго, покрытаго смертельной блѣдностью лица. Съ этимъ молящимъ жестомъ она подошла къ нему и наконецъ дрожащими губами, едва слышно, проговорила:

— Простишь ли ты меня, Готтгольдъ?

У него не было силъ отвѣчать; этотъ жестъ, это выраженіе, эти слова—все это говорило ему, что, такъ или иначе, для него все погибло.

Ему стало страшно больно, а потомъ сердце его закипѣло отъ гнѣва; онъ захохоталъ.

— Такъ вотъ твое мужество, вотъ все на что у тебя достало силы!

Руки ея опустились. вѣки сомкнулись, по всему лицу прошла судорожная дрожь, она трепетала всѣмъ тѣломъ.

— Нѣтъ, Готтгольдъ, не все. Но благодарю тебя за то, что ты такъ сердишься; иначе я не могла бы этого сдѣлать. Нѣтъ, не смотри на меня такъ! Лучше смѣйся, какъ ты сейчасъ смѣялся! Что же дѣлать человѣку какъ не смѣяться, когда любящая его, какъ онъ полагаетъ, женщина приходитъ и говоритъ...

— Не нужно, вскричалъ Готтгольдъ, — зачѣмъ говорить? это непостижимо, но понятно и безъ словъ.

Онъ пошелъ къ двери.

— Готтгольдъ!

Въ голосѣ ея слышалось отчаяніе; молодой человѣкъ оставилъ ручку двери.

— Цецилія, можетъ ли это быть? Я испугалъ тебя своей горячностью, этого никогда больше не будетъ. Скажи мнѣ только одно слово; скажи, что любишь меня, и я перенесу все остальное;—все остальное для меня ничего не значитъ; все это придетъ само собою; но отпустить меня такъ—нѣтъ, ты не сдѣлаешь этого!

Напрасно искалъ онъ въ ея лицѣ отвѣта. Всѣ ея черты словно застыли въ какой-то странной, ужасной улыбкѣ.

— Нѣтъ, сказала она,—такъ не отпущу; не отпущу до тѣхъ поръ, пока ты не дашь мнѣ обѣщанія, что спасешь моего мужа, котораго я люблю его и уважаю и съ которымъ я не могу и не хочу разстаться.

Она выговаривала слова медленно, беззвучно, какъ выученный наизустъ урокъ. и вдругъ остановилась, какъ спутавшаяся школьница.

— Что значитъ эта комедія?

Въ эту минуту отворилась дверь изъ спальни, показалась кудрявая головка заглядывающей Гретхенъ, а потомъ и сама она прыгнула къ матери. Цецилія прижала ребенка къ себѣ; вмѣсто прежней блѣдности ея лицо покрылось яркимъ лихорадочнымъ румянцемъ, и она торопливо продолжала: «онъ банкротъ, если только ты не спасешь его. Дѣло въ... въ...

Она выпустила Гретхенъ, и схватилась руками за лобъ.

— Мама! Мама! закричала Гретхенъ и принялась громко плакать, когда Готтгильдъ повелъ шатающуюся Цецилію къ ближайшему стулу.

— Что такое съ моей женой? спросилъ Брандовъ.

Готтгольдъ не слыхалъ, какъ тотъ вошелъ. Цецилія при первомъ звукѣ его голоса высвободилась изъ рукъ Готтгольда и стояла теперь между нимъ и своимъ мужемъ, безъ опоры, прижавъ къ себѣ ребенка, блѣдная какъ смерть; но лицо ея выражало страшную рѣшимость, а въ тихомъ голосѣ слышалась твердость, когда, поднявъ глаза на мужа, она сказала:

— Онъ знаетъ и сдѣлаетъ все.

Она обратилась къ Готтгольду.

— Неправда ли, Готтгольдъ, ради нашей старой дружбы, ты это сдѣлаешь?.. Прощай, Готтгольдъ; мы больше не увидимся.

Она протянула ему холодную, какъ ледъ, руку, взяла на руки Гретхенъ и не оборачиваясь вышла изъ комнаты; а Гретхенъ, протянувъ черезъ ея плечо свои ручонки Готтгольду, кричала: «принеси мнѣ сегодня что нибудь хорошенькое, дядя Готтгольдъ! Слышишь, дядя?»

XVI.

— Какъ это женщины изъ всего дѣлаютъ трагедію! воскликнулъ Брандовъ. — Да это просто мука! сама вызвалась, а теперь—впрочемъ развѣ отъ нихъ можно требовать послѣдовательности?

— А чего ты требуешь отъ меня? спросилъ Готтгольдъ.

Онъ сѣлъ къ столу, а Брандовъ между тѣмъ безпокойно ходилъ по комнатѣ взадъ и впередъ, хватаясь то за то, то за другое дѣло.

— Требуешь! какъ ты странно выражаешься! требуешь! еслибы мнѣ было что отъ тебя требовать, я бы такъ долго не молчалъ; но мнѣ кажется, моя жена все тебѣ сказала, или она…

— Она все сказала, кромѣ суммы какую тебѣ нужно!

— Кромѣ суммы! отлично, превосходно! совершенно по женски! Кромѣ суммы! Разумѣется, стоитъ ли придавать значеніе такимъ второстепеннымъ вещамъ!

Брандовъ попробовалъ засмѣяться, но смѣхъ вышелъ какой-то хриплый.

— Однимъ словомъ?

— Гмъ, однимъ словомъ! надѣюсь, что и ты тоже рѣшишь однимъ словомъ! мнѣ нужно двадцать тысячь талеровъ.

— Къ какому времени?

— Вотъ въ томъ-то и штука, чортъ возьми! десять тысячь, которыя я долженъ Попечительному Совѣту за истекшій срокъ аренды, надо внести въ главную монастырскую кассу въ Зюндинѣ завтра, раньше полудня,—а не то Селльенъ, если только онъ пріѣдетъ сегодня, хотѣлъ тотчасъ же отвезти ихъ; разумѣется, это не болѣе какъ любезность съ его стороны, да и меня тоже ничто не обязываетъ къ этому. Значитъ, дѣло терпитъ. Остальное, то есть пятнадцать тысячь—долгъ на честное слово, и я долженъ заплатить его сегодня вечеромъ, если не желаю потерять своего гнѣдаго и всю собранную въ нынѣшнемъ году пшеницу, которые играютъ въ этомъ случаѣ роль заклада. Между нами будь сказано, мѣтили-то собственно на гнѣдаго; они, то есть оба Плюггена и Редебасъ, просто заставили меня взять деньги и назначить срокъ на сегодняшній день, потому-что знали въ какихъ я тискахъ по милости моей аренды и были увѣрены, что я ни въ какомъ случаѣ не буду въ состояніи заплатить, и гнѣдой-то достанется имъ! Плуты! мерзавцы! Отдать имъ гнѣдаго, тогда какъ на него у меня въ книгѣ ужь теперь записано на пятнадцать тысячь пари, и онъ навѣрное выручитъ мнѣ свои тридцать тысячь; это также вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Карлъ Брандовъ!

Онъ дѣлалъ видъ, будто въ сердцахъ не помнитъ что говоритъ, билъ хлыстомъ по воздуху и по отворотамъ своихъ сапоговъ, а самъ украдкой взглядывалъ на Готтгольда, который все еще неподвижно сидѣлъ у стола, подперевъ лобъ рукою.

— И эти деньги долженъ доставить тебѣ я? Какъ это это пришло тебѣ въ голову?

— Да вотъ какъ, приблизительно. Жена сказала мнѣ, что ты сегодня же уѣдешь отъ насъ. Разумѣется, я весьма сожалѣю объ этомъ; но у тебя конечно есть свои причины, достойныя, въ моихъ глазахъ, всякаго уваженія, хотя я и не знаю ихъ. Такъ можетъ быть ты захочешь воспользоваться экипажемъ, который я сейчасъ посылаю за Селльеномъ въ Прору. Я дамъ тебѣ Генриха Шееля, на него я вполнѣ полагаюсь, и Генрихъ могъ бы тотчасъ же и привезти пятнадцать тысячь, которыми мнѣ надо угостить моихъ милыхъ гостей. Тебѣ не для чего пересчитывать деньги; твой превосходный Вольнофъ, этотъ безукоризненный израильтянинъ, не обочтется. Селліеновскія десять тысячь могутъ пока оставаться тамъ; Селльенъ можетъ взять ихъ и завтра, вѣдь все равно ему надо же будетъ ѣхать опять черезъ Прору. Напиши мнѣ только строчку или скажи Генриху, что у Вольнофа лежатъ деньги, переведенныя на мое имя; онъ тотчасъ же доставитъ мнѣ сюда квитанцію или же она останется у Вольнофа, а я при случаѣ возьму ее самъ.

— А если Вольнофъ не согласится дать мнѣ этихъ денегъ?

— Какъ не согласится? но вѣдь мнѣ кажется у тебя на немъ пятьдесятъ тысячь?

— Всего десять, ни гроша больше!

— Но Земмель увѣрялъ меня, что…

— Земмель ошибается.

Брандовъ такъ и остановился на мѣстѣ съ поднятымъ хлыстомъ. Неужели этотъ господинъ хочетъ еще торговаться? Не думаетъ ли онъ отдѣлаться какими-то жалкими десятью тысячами?

По его рѣзкому, сегодня необыкновенно блѣдному лицу пробѣжала презрительная усмѣшка и хлыстъ снова засвистѣлъ въ воздухѣ.

— Ба! такъ у тебя есть кредитъ на пятьдесятъ тысячь. Кредитъ—это деньги; никто этого не знаетъ лучше меня, потому-что я уже давно живу кредитомъ. Но, твоя воля! Я прошу не за себя—я сдѣланъ изъ крѣпкаго матеріала, я вынесу и эту бурю. Бѣдную Цецилію жаль мнѣ. Она такъ крѣпко разсчитывала на твою дружбу, такъ убѣждала довѣриться тебѣ…

Готтгольдъ долженъ былъ собрать всѣ свои силы, чтобы не выйти изъ себя во время этой отвратительной сцены и не показать своему противнику, какъ жестоко онъ страдалъ. Вдругъ въ глазахъ его потемнѣло, въ ушахъ послышался звонъ, ему казалось что онъ лежитъ на полу, а Карлъ Брандовъ стоитъ надъ нимъ и собирается нанести ему второй ударъ. Тутъ онъ сдѣлалъ страшное усиліе, чтобъ освободиться отъ угрожавшаго ему обморока, и, поднявшись, сказалъ:

— Хорошо, Цецилія не напрасно разсчитывала на мою дружбу, ты не ошибся въ своемъ разсчетѣ.

Бранеовъ испугался выраженія смертельно-блѣднаго лица Готтгольда: онъ невольно отступилъ отъ него. Ему хотѣлось отвѣтить шуткой, что, когда дѣло касается его долговъ, онъ не имѣетъ привычки ошибаться въ разсчетѣ; не Готтгольдъ оборвалъ на серединѣ фразы презрительнымъ: «довольно» и ушелъ отъ него, чтобъ собираться въ дорогу.

— Четверть часа спустя экипажъ, управляемый Генрихомъ Шеелемъ, катился, туманнымъ утромъ, черезъ пустошь въ Прору.

XVII.

Въ маленькой уютной гостиной госпожи Вольнофъ въ верхнемъ этажѣ, съ выходившей на балконѣ дверью, только-что отпили кофе; мужчины ушли внизъ, въ контору, выкурить по сигарѣ. Дамы еще сидѣли за столомъ, съ котораго молоденькая миловидная горничная убирала кофейный приборъ; трое дѣтей въ восторгѣ отъ перемѣны въ домашнемъ порядкѣ—кофей обыкновенно пили внизу—шумѣли и развились вокругъ, къ величайшему удовольствію госпожи Вольнофъ, между тѣмъ какъ Альма Селльенъ съ недовольнымъ видомъ приложила къ бѣлому лбу нѣжную, тщательно лелѣемую руку.

— Не можешь ли ты выслать отсюда дѣтей?

— Выслать дѣтей! воскликнула госпожа Вольнофъ, съ изумленіемъ взглянувъ своими круглыми карими глазами на своихъ темноглазыхъ любимцевъ.

— У меня всегда поутрамъ немножко разстроены нервы; а сегодня мнѣ еще придется ѣхать за городъ, стало быть я должна быть вдвое осторожнѣй.

— Ахъ, извини, милая Альма! Я совсѣмъ забыла, что ты къ этому не привыкла. Впрочемъ не думай, что у меня всегда такой гвалтъ; но вотъ уже третій день, съ тѣхъ поръ какъ отъ насъ отошла Стина—Господь съ нею, я не хочу осуждать ее; бѣдная старушка собирается замужъ, дк къ тому же еще за молодаго человѣка, который почти могъ бы быть ей сыномъ, такъ конечно ей нельзя терять времени. Она поѣхала къ своимъ родителямъ; не дальше какъ черезъ двѣ недѣли будетъ свадьба. Ей тяжело было разстаться съ дѣтьми.

— Ты вѣдь хотѣла выслать дѣтей, милочка!

Дѣтей выслали; Альма Селльенъ въ изнеможеніи прислонилась въ уголъ диванчика и сказала, закрывая, словно въ полудремотѣ, свои нѣжные голубые глаза: «Я увѣрена, что намъ не миновать разочарованія».

— Что ты хочешь сказать, милая Альма? спросила госпожа Вольнофъ, все еще думавшая о своихъ дѣтяхъ.

— Мой мужъ просто бредитъ имъ; а онъ вѣчно восхищается такими людьми, которыхъ я нахожу потомъ просто отвратительными.

— На этотъ разъ ты ошибаешься! воскликнула госпожа Вольнофъ, которая, увлекшись такой интересной темой, не разслышала даже крику своего меньшаго ребенка на лѣстницѣ;—твой мужъ сказалъ скорѣе слишкомъ мало, чѣмъ слишкомъ много. Онъ не только красавецъ—чему я, положа руку на сердце, не придаю особенной важности—высокаго росту, съ изящными, очаровательными манерами, чудно гармонирующими съ нѣжнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительнымъ выраженіемъ лица, съ кроткимъ и между тѣмъ твердымъ взглядомъ большихъ темноголубыхъ глазъ, съ мягкимъ, но тѣмъ не менѣе звучнымъ голосомъ...

— Да ты дѣлаешься просто поэтомъ, сказала Альма.

Оттилія Вольнофъ покраснѣла до корней своихъ курчавыхъ, чорныхъ, какъ вороново крыло, волосъ.

— Я не отрицаю, что я его очень... очень...

— Люблю, подсказала Альма.

— Ну да, если хочешь; то есть такъ, какъ я люблю все доброе и прекрасное.

— Отличная теорія, я отъ всего сердца раздѣляю ее; но къ сожалѣнію, на практикѣ намъ надо постоянно ждать противорѣчія со стороны нашихъ мужей. Покрайней мѣрѣ мнѣ показалось, что твой совсѣмъ не въ такомъ восторгѣ отъ твоего *protégé*.

— Мой добрѣйшій Эмиль! сказала госпожа Вольнофъ,—мы съ нимъ не сходимся во многихъ вещахъ, да это и не удивительно...Боже мой, онъ столько натерпѣлся на своемъ вѣку! это сдѣлало его нѣсколько серіознымъ и педантичнымъ, но онъ добръ какъ ангелъ, и въ этомъ случаѣ ты какъ нельзя болѣе ошибаешься: въ сущности онъ онъ интересуется Готтгольдомъ еще больше или—если это ужь слишкомъ сильно сказано — покрайней мѣрѣ столько же какъ я!

— Этого не видать.

— Ну да, именно: не видать. Онъ боится выдать себя, если заговоритъ о томъ, что лежитъ у него на сердцѣ! Я замѣтила, что люди, проведшіе грустную молодость, всегда бываютъ такіе. Сердцу надобны, такъ сказать, своего рода праздники,—и если у него ихъ не было, если оно всегда было подъ гнетомъ тѣсной, мрачной дѣйствительности, какъ у моего бѣднаго Эмиля, то это оставляетъ слѣдъ на всю жизнь. Но вотъ что я хотѣла сказать: тутъ играютъ роль совсѣмъ особенныя обстоятельства. Мой добрый милый Эмиль кончено никогда не проговорился ни однимъ словомъ, даже передо мной, какъ будто бы я могу сердиться на него за то, что тридцать или ужь кажется теперь и всѣ тридцать пять лѣтъ тому назадъ онъ былъ серіозно влюбленъ—и именно въ Готтгольдову мать, когда они жили въ Штетинѣ въ одномъ и томъ же домѣ,—это длинная исторія, цѣлый романъ.

— Вотъ какъ! сказала Альма,—кто бы могъ подозрѣвать что нибудь подобное за твоимъ мужемъ!

— Извини пожалуста, воскликнула Оттилія,—ты, какъ я вижу, вовсе не понимаешь Эмиля; въ немъ столько свѣжести, силы, юношескаго огня.

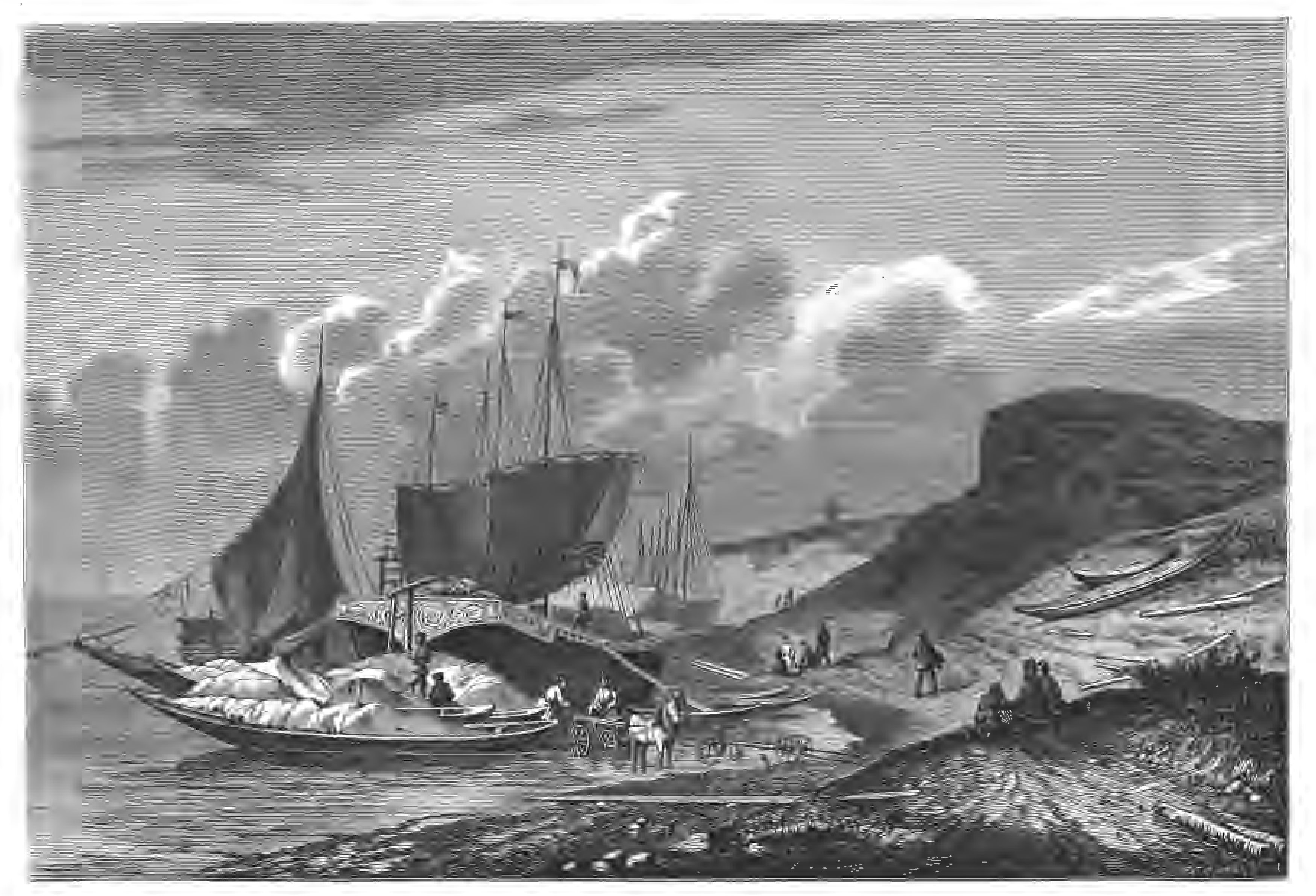
— Какая ты счастливица! сказала Альма съ легкимъ вздохомъ.

— Надѣюсь, что и ты такая же; но вѣдь я хотѣла объяснить, отчего Эмиль замолкаетъ, коль скоро заговорятъ о Готтгольдѣ. Одну причину я сказала, а потомъ онъ забралъ себѣ въ голову, что пребываніе Готтгольда у Брандовыхъ кончится для него—то есть для Готтгольда—несчастіемъ. Ты вѣдь знаешь, что Готтгольдъ любилъ Цецилію; да, между нами, я увѣрена, что онъ еще и теперь любитъ ее. Спрашиваю тебя: неужели, по твоему, это ужь такое больше несчастіе?

— Вовсе нѣтъ; я нахожу только, что это нѣсколько невѣроятно. Ты знаешь, я никогда не раздѣляла вашего восторга насчетъ Цециліи,—и рѣшительно не понимаю, отчего всѣ мужчины должны непремѣнно въ нее влюбляться. Ея мужъ очевидно ужь не влюбленъ въ нее; по крайней-мѣрѣ, судя потому какъ онъ ухаживаетъ за моей знакомой, всякій разъ какъ встрѣтится съ нею, можно заключить, что сердце его не слишкомъ - то переполнено другой любовью.

— Если только у него есть сердце. Извини меня, милая Альма, ты умная женщина—и я увѣрена, что ты любишь своего мужа; но Брандовъ въ самомъ дѣлѣ необыкновенно опасный человѣкъ: съ прекрасными манерами если захочетъ, всегда живой, веселый, часто остроумный, даже полный чувства, если это надо; при этомъ, смѣлый, отважный, превосходно ѣздитъ верхомъ, отлично фехтуетъ, а это всегда дѣйствуетъ на насъ, женщинъ,—однимъ словомъ: опасный человѣкъ. Боже мой! чѣмъ же иначе объяснить, что въ него влюбилась аристократическая Цецилія! Но что въ этомъ толку безъ настоящей любви!—а къ такой любви я рѣшительно считаю Брандова неспособнымъ. Теперь представь себѣ, что въ такую-то супружскую жизнь входитъ такой человѣкъ, какимъ я описала тебѣ Готтгольда, который къ тому же еще не совсѣмъ побѣдилъ въ себѣ юношескую страсть къ женѣ... Въ самомъ дѣлѣ, если обо всемъ этомъ хорошенько подумать, то едва ли не придется согласиться съ моимъ мужемъ, что такія страстныя натуры... въ уединеніи деревенской жизни... Право, у меня точно повязка упаласъ глазъ! И что это значитъ, что вотъ ужь цѣлыхъ восемь дней Готтгольдъ не даетъ о себѣ никакой вѣсти! Тихія воды, говорятъ, глубоки; а я скажу, что можетъ быть и глубокія тихи. И вѣдь собственно я, своей злополучной страстью къ картинамъ, и поводъ дала ему туда ѣхать!

— На этотъ счетъ я могу тебя успокоить! сказала Альма,—повѣрь мнѣ, мужчины всегда найдутъ какую нибудь причину чтобы сдѣлать то, чего они желаютъ,—не одну, такъ другую. И потомъ, вѣдь сегодня же вечеромъ



На берегу Волги. Рисовалъ съ натуры Волковскій, гравир. И. Матюшинъ.

и ужъ не дальше какъ завтра—если мы остаемся ночевать въ Долланѣ—я сообщу тебѣ самыя новыя и самыя вѣрныя извѣстія обо всѣхъ этихъ интересныхъ событіяхъ. Боюсь только, что все это не такъ интересно, какъ ты воображаешь.

— Счастливица! сказала Оттилія вздыхая,—какъ бы мнѣ хотѣлось ѣхать съ тобой! Но мой мужъ ни за что этого не позволитъ.

— Не позволитъ!—это такое слово, какого мужъ никогда не долженъ себѣ позволять въ отношеніи къ своей женѣ, сказала Альма, спуская и опять опуская на своемъ тонкомъ пальцѣ вѣнчальное кольцо.

Разговоръ обѣихъ дамъ былъ прерванъ ассессоромъ, который съ нѣкоторою поспѣшностію вошелъ въ гостиную.

— Ну вотъ, сказала его жена,—ты ужъ и вернулся? Экипажъ пріѣхалъ? Я еще вовсе не расположена ѣхать.

— Экипажъ еще не пріѣхалъ, отвѣчалъ ассессоръ, садясь между дамами и поднося къ губамъ руку своей жены, небрежно свѣсившуюся съ ручки дивана:—я, собственно говоря, пришелъ спросить, не захочешь ли ты лучше остаться здѣсь.

— Остаться здѣсь? сказала Альма, быстро поднимаясь изъ своего угла.—Что это тебѣ вздумалось, Гюго?

— У тебя, дитя мое, мигрень, и въ сильной степени; я еще давеча видѣлъ это.

— Такъ ты видѣлъ не совсѣмъ вѣрно; я сегодня здоровѣе обыкновеннаго.

— А погода-то какая! сказалъ ассессоръ, въ раздумьѣ поглядывая въ открытую балконную дверь;—вотъ тебѣ разъ, никакъ опять дождь? не понимаю, какъ могутъ дамы такъ рисковать!

Онъ всталъ и заперъ дверь.

— Во всякомъ случаѣ, Брандовъ пришлетъ закрытый экипажъ, сказала Альма.

— Тѣмъ хуже! воскликнулъ ассесоръ. — Цѣлый часъ ѣхать въ закрытомъ экипажѣ,—ты этого просто не выдержишь, бѣдняжка — я знаю! Ѣхать черезъ долланскую пустошь, послѣ того, какъ цѣлую ночь шелъ проливной дождь, это значитъ подвергать свою жизнь опасности!

— Я не хочу, чтобы ты одинъ подвергался этой опасности! сказала, улыбаясь, Альма.

— Это совсѣмъ другое дѣло, дитя мое! Мы, мужчины, должны идти туда, куда зоветъ насъ долгъ.

— И надежда на хорошій обѣдъ.

— Однимъ словомъ, милая Альма, ты сдѣлала бы мнѣ большое удовольствіе, еслибы осталась здѣсь.

— Я не имѣю ни малѣйшаго желанія сдѣлать тебѣ это удовольствіе, милый Гюго; сдѣлай одолженіе, станемъ говорить объ чемъ нибудь другомъ.

Ассессоръ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Хорошо же, сказалъ онъ, остановясь,—ты знаешь, какъ неохотно я въ чемъ нибудь тебѣ отказываю; но на этотъ разъ, право я не могу тебѣ этого позволить.

Альма пристально смотрѣла на своего мужа; Оттилія не могла больше удерживаться и расхохотавшись воскликнула:

— Позволить! это такое слово, какого мужъ никогда не долженъ себѣ позволять относительно своей жены.

— Слово можетъ быть не совсѣмъ ловко, сказалъ ассессоръ, — но въ сущности оно не измѣняетъ дѣла. А дѣло въ томъ, что вашъ супругъ только-что сообщилъ мнѣ такія вещи, что я на этотъ разъ не только не желаю, чтобы Альма ѣхала со мною, но просто нахожу это невозможнымъ. И вашъ супругъ, дорогая госпожа Вольнофъ, совершенно того же мнѣнія.

— Однако Эмиль заходитъ ужъ слишкомъ далеко въ своихъ опасеніяхъ! воскликнула съ досадою госпожа Вольнофъ.—Кажется, бѣдная Цецилія не заслуживаетъ этого! Вѣдь это значитъ подвергать опасности репутацію женщины, да еще безъ всякой нужды, безъ всякаго основанія! Кто смотритъ такъ строго, тому слѣдовало бы прервать всякое знакомство.

— Я васъ совсѣмъ не понимаю, уважаемая госпожа Вольнофъ, сказалъ ассессоръ,—покрайней мѣрѣ я не вижу, какую можетъ имѣть связь репутація госпожи Вольнофъ со всей этой несчастной исторіей.

— Въ такомъ случаѣ я опять таки не понимаю васъ, сказала Оттилія.

— Всего лучше, возразилъ Селльенъ,—если я, во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, разскажу вамъ обѣимъ въ чемъ дѣло. Правда, господинъ Вольнофъ просилъ меня ничего объ этомъ не говорить, но то лестное для меня упорство, съ какимъ жена моя отвергаетъ мои робкія попытки удержать ее здѣсь, заставляетъ меня выдти изъ моей дипломатической роли. Господинъ Вольнофъ сію минуту сказалъ мнѣ, что моя увѣренность въ томъ, будто Брандовъ приготовилъ тѣ десять тысячь талеровъ, которыя я думалъ получить отъ него сегодня, чистѣйшая иллюзія. Правда, Брандовъ писалъ мнѣ недѣли двѣ тому назадъ и не скрывалъ своего затруднительнаго положенія, но это такой ловкій господинъ, ему не въ первый разъ выпутываться изъ бѣды; какъ бы то ни было, онъ не отвѣчалъ на мое письмо, въ которомъ я старался ободрить его,—и я заключилъ изъ этого, что онъ не заставитъ меня прокатиться къ нему понапрасну, напротивъ того, что у него все въ порядкѣ. Тутъ вдругъ я слышу отъ вашего супруга, что ничего этого нѣтъ, что это дѣло совсѣмъ пропащее. Кредитъ Брандова совершенно подорванъ; господинъ Вольнофъ говоритъ, что на всемъ островѣ не найдется ни единой души, которая дала бы ему хоть одинъ талеръ, съ тѣхъ поръ какъ оба Плюггена и Редебасъ, благодаря которымъ онъ такъ долго держался, не дальше какъ вчера объявили въ конторѣ господина Вольнофа, что терпѣніе ихъ лопнуло и онъ уже не получитъ съ нихъ ни гроша. За то они получатъ съ него, то есть должны получить на дняхъ очень значительную сумму. Они говорили о пятнадцати тысячахъ талеровъ, но г. Вольнофъ думаетъ, что тутъ они немножко и прихвастнули. Какъ бы то ни было, но предполагая даже, что въ этомъ заключаются всѣ долги Брандова — а это весьма сомнительно — все-таки онъ погибшій человѣкъ. Попечительный совѣтъ навѣрное разсчитываетъ, что Брандовъ заплатитъ арендныя деньги. ему и то, вотъ уже два года, отстрочиваютъ эту уплату съ недѣли на недѣлю. Если же онъ этого не сдѣлаетъ, то совѣтъ вступитъ наконецъ въ свои права и будетъ принужденъ удалить его изъ имѣнья; тогда Брандовъ ужь конечно будетъ разоренъ такъ, какъ только возможно.

— Бѣдная Цецилія! бѣдная, бѣдная Цецилія! воскликнула госпожа Вольнофъ, заливаясь слезами.

— И мнѣ тоже жаль ее, сказалъ ассессоръ, разглядывая свои длинныя ногти.—Но чтожь будешь дѣлать!

— Эмиль долженъ помочь! воскликнула госпожа Вольнофъ, отнимая отъ лица платокъ.

— Ни за что; онъ сейчасъ говорилъ, что это было бы все равно, что лить воду въ бочку Данаидъ.

— Но сами вы, любезный господинъ Селльенъ? вѣдь вы его другъ? не станете же вы равнодушно смотрѣть, какъ гибнетъ вашъ другъ?

Ассесоръ пожалъ плечами. «Другъ! Господи, мало ли кого такъ называешь! Мои же отношенія къ Брандову—въ сущности весьма поверхностныя, если хотите даже просто дѣловыя... не правда ли, Альма?

— О, разумѣется, разумѣется! пробормотала Альма.

— И я бы именно измѣнилъ этотъ дѣловой характеръ нашихъ отношеній, еслибы въ такую критическую минуту поѣхалъ къ нему съ женой. Очень трудно не затрогивать чувствительныхъ струнъ въ присутствіи дамъ,—и въ такихъ случаяхъ, какъ этотъ, по моему слѣдуетъ избѣгать даже малѣйшей возможности къ тому. Развѣ ты не того же мнѣнія, милая Альма?

— Это непріятное положеніе, сказала Альма.

— Не правда ли? Зачѣмъ ты хочешь безъ всякой нужды подвергать себя такому положенію? Я такъ и зналъ, что моя умная женушка кончитъ тѣмъ, что согласится со мною.

И ассесоръ нѣжно поцѣловалъ руку своей жены.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ кажется, любезный Селльенъ, и вамъ бы лучше бы остаться здѣсь, сказала госпожа Вольнофъ.

— Мнѣ? отчего? Напротивъ, гораздо практичнѣе, если я какъ ни въ чемъ ни бывало, пріѣду къ нему. Я ничего знать не знаю и вѣдать не вѣдаю. Разумѣется, мнѣ будетъ ужасно жаль, если Брандовъ отведетъ меня въ сторону и скажетъ что не можетъ заплатить; но я держу пари, что обѣдъ отъ этого ни чуточку не будетъ хуже—и я съѣмъ его съ такимъ же апетитомъ, какъ и всегда. Красныя вина и шампанское у него всегда великолѣпныя.

Госпожа Вольнофъ встала и вышла на балконъ. Ей хотѣлось вздохнуть свѣжимъ воздухомъ, хотя бы рискуя испортить новую шелковую блузу на дождѣ, который сѣялся довольно часто съ неба покрытаго сѣрыми тучами. «Бѣдная, бѣдная Цецилія!» повторила она вздыхая, «и никто-то не хочетъ и не можетъ тебя спасти!»

Она подумала, что принесла своему мужу приданое пятьдесятъ тысячь талеровъ; но разумѣется безъ позволенія Эмиля она и думать не смѣла ихъ тронуть, а Эмиль этого не позволитъ. Развѣ попробовать броситься ему въ ноги съ этой просьбой? Эта сумазбродная мысль (въ особенности, когда она представила себѣ удивленное лицо своего мужа) чуть не заставила ее разсмѣяться, еслибы у нея не полились опять изъ глазъ слезы и не смѣшались съ дождевыми каплями, бившими ей въ горячее лицо. Вдругъ оба супруга, тихонько разговаривавшіе въ комнатѣ, были встревожены крикомъ съ балкона: «Готтгольдъ, ради самого Бога, Готтгольдъ!»

— Гдѣ, гдѣ? въ одинъ голосъ вскрикнули ассесоръ и его жена, подбѣгая къ балкону.

— Вотъ онъ идетъ! сказала Оттилія, указывая на рыночную площадь, черезъ которую въ эту минуту проходилъ человѣкъ въ шляпѣ съ широкими полями, низко надвинутой на лобъ; онъ шелъ прямо по направленію къ ихъ дому.

— Онъ ниже Брандова, сказала Альма, пристально осматривавшая идущаго въ лорнетъ.

— Что бы такое ему было нужно? спросилъ ассесоръ.

— Мы это сейчасъ узнаемъ, сказала госпожа Вольнофъ, вытѣсняя съ выраженіемъ какого-то испуга обоихъ супруговъ изъ балконной двери въ комнату.

Но Готтгольдъ, какъ доложила явившаяся на зовъ горничная, спросилъ только самого господина Вольнофа, и она должна была провести его прямо въ контору. Происходившее тамъ совѣщаніе, каково бы ни было его содержаніе, длилось гораздо дольше чѣмъ хотѣлось бы этого тѣмъ, кто ждалъ съ такимъ нетерпѣніемъ его окончанія. Наконецъ черезъ часъ, въ теченіи котораго ассесоръ скорѣе раздражилъ, чѣмъ облегчилъ нетерпѣніе дамъ подробнымъ повѣствованіемъ одного приключенія, случившагося съ нимъ и съ Готтгольдомъ въ Сициліи, господинъ Вольнофъ появился одинъ. Всѣ были поражены, удивлены и насилу успокоились, когда Вольнофъ сказалъ, что Готтгольдъ пошелъ только въ Фюрстенъгофъ переодѣться и вернется къ завтраку, если позволятъ дѣла. Хотѣли знать, что это за спѣшныя дѣла, что Готтгольдъ не могъ выбрать для нихъ другаго дня, кромѣ воскресенья.

— Объ этомъ дамы должны будутъ сами его спросить, сказалъ господинъ Вольнофъ, — онъ не повѣрялъ мнѣ этого. Я знаю только, что онъ ѣдетъ обратно въ Долланъ вмѣстѣ съ нашимъ общимъ другомъ, г. Селльенъ, и въ его же любезномъ обществѣ, которому онъ чрезвычайно радъ, вернется вечеромъ, или завтра утромъ, сюда и немедленно же отправится въ дальнѣйшій путь. Чуть ли да онъ не отправился теперь купить на скорую руку пару-другую подарковъ чтобы сдѣлать на прощанье сюрпризъ своимъ долланскимъ друзьямъ,—по крайней мѣрѣ онъ потребовалъ у меня такую сумму, которая просто для путешествія ужъ черезъ чуръ велика; объ остальномъ я умалчиваю!

Вольнофъ принялся, повидимому съ величайшимъ равнодушіемъ, насвистывать арію изъ Фигаро, и, чтобы избѣжать дальнѣйшикъ распросовъ, вышелъ изъ комнаты.

— Я нахожу, что это очень не любезно съ его стороны, онъ долженъ былъ по крайней мѣрѣ представиться, сказала Альма; — мнѣ бы очень хотѣлось наказать его за это, и не выйти къ завтраку.

— Пожалуйста, не дѣлай этого! сказалъ Селліенъ.

Оттилія ничего не сказала. Она слишкомъ хорошо знала своего мужа, чтобы, несмотря на его беззаботную мину, отъ нея ускользнуло мрачное выраженіе его глазъ и темная туча на лбу. Она была убѣждена, что разговоръ Готтгольда съ ея мужемъ вовсе не былъ такъ невиненъ; она предчувствовала, что тутъ скрывается какая-то непріятность, можетъ быть даже несчастіе,—а главное, она была увѣрена, что Селльены напрасно такъ хлопочутъ: Готтгольдъ не вернется къ завтраку.

(Продолженіе бýдетъ).

На берегу Волги.

Волга, величайшая рѣка въ Европѣ, по сіе время представляетъ по берегамъ своимъ слѣды разныхъ народовъ, и какъ свидѣтельница исторій, и древней и новѣйшей, разными памятниками говоритъ намъ о своей пережитой жизни и расказываетъ о всемъ ею видѣнномъ. Оружіе, жребій и переселеніе приводили разнородныя племена на ея плодородные берега и сухія степи. Она видѣла на этихъ же берегахъ и кровавыя схватки и долгія битвы, на этихъ берегахъ исчезали извѣстныя имена, и замѣнялись новыми, много пришлось ей слышать и смѣху и стоновъ, благословеній и проклятій,—но все-же течетъ она тихо и спокойно, неся на своихъ водахъ сотни судовъ и пароходовъ, и прокармливая тысячи семействъ.

Первыя свѣдѣнія о Волгѣ, или какъ ее тогда называли

Ра или Рау, были извѣстны Геродоту, о чемъ намъ свидѣтельствуютъ его сочиненія. При постепенномъ распространеніи греческихъ колоній на берегахъ Чернаго моря, Волга конечно сдѣлалась болѣе и даже очень хорошо извѣстна многимъ, особено торговому классу, потому что рѣка эта составляла важную черту и служила для переправы племенъ, движенія которыхъ часто угрожали судьбѣ Эвксинскихъ колоній, а главное для перехода каравановъ. На Волгѣ лежалъ какъ политическій такъ и комерческій базисъ окружныхъ странъ, — и еще во время Геродота, торговый путь, Via mercatorum, изъ Средней Азіи къ берегамъ Чернаго моря пересѣкалъ Волгу.

Черезъ нее переправлялись издѣлія Бактріаны и Персіи и произведенія Индіи, на которыя азіатскіе купцы промѣнивали у Скиѳовъ дорогіе мѣха и бѣлокурыхъ невольницъ Сѣвера. Со временемъ въ систему волжской торговли входили другіе города какъ южные такъ и сѣверные, къ ней прилегающіе,—и Кіевъ и Новгородъ, и Великіе Болгары, наконецъ и Астрахань, такъ что древняя Ра или Рау была основательницею нетолько международной торговли, но даже и политики народовъ, которые изъ Азіи вторгались въ Европу какъ Уральскими горами, такъ и Каспійскимъ моремъ и Волгою. Геродотова Via mercatorum и до сихъ поръ не совсѣмъ уничтожилась, потому что и въ наше время караваны идущіе изъ Хивы и Бухары въ Астрахань избираютъ этотъ путь и оживляютъ его, изображая остатокъ той знаменитой торговли, въ которой Волга играла столь замѣчательную роль.

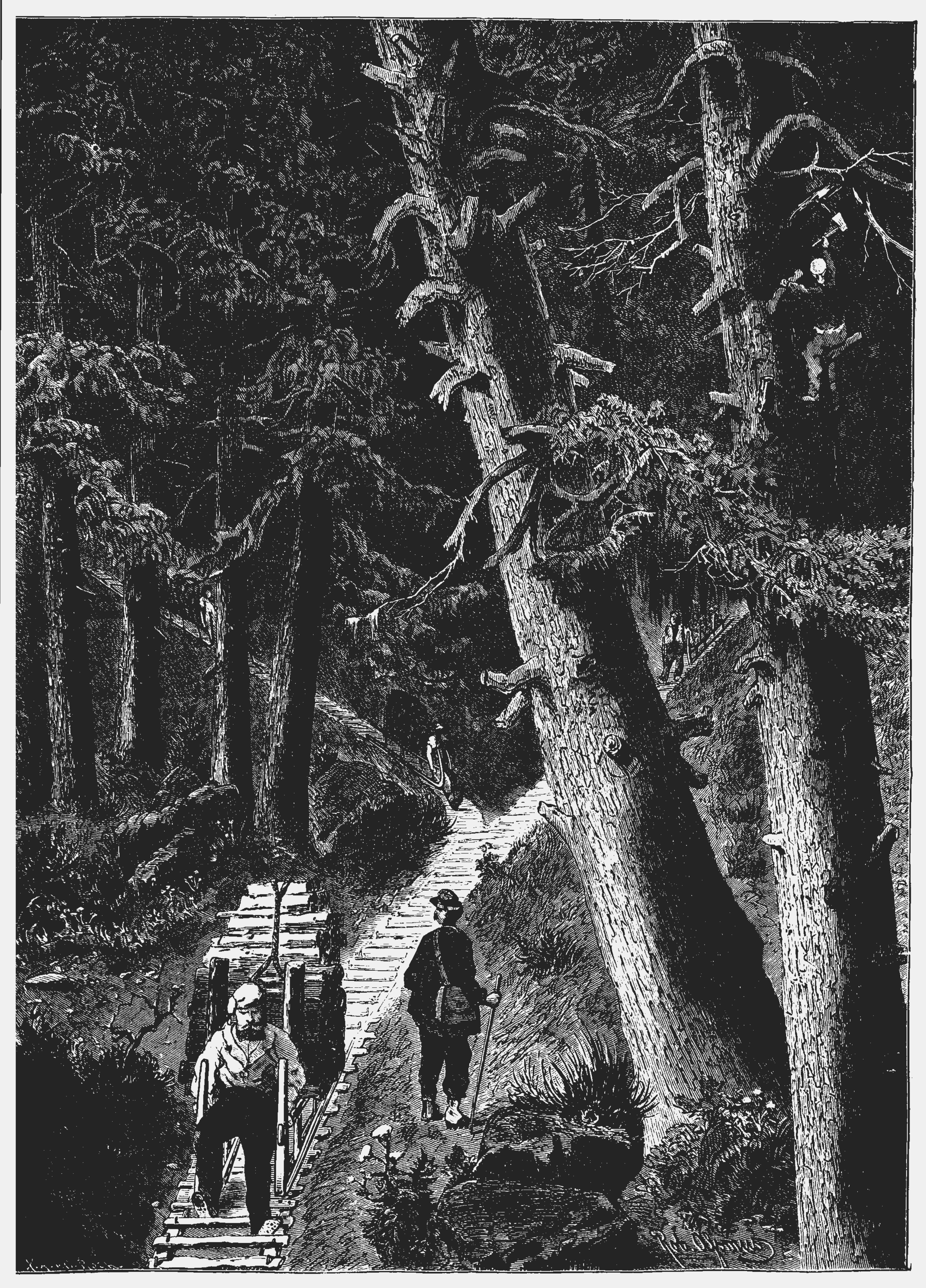
Какъ было замѣчено выше, рѣка Волга, кромѣ своего значенія въ торговлѣ вліяла, и на политику сосѣднихъ странъ; на ея берегахъ основались три великія державы въ первыхъ вѣкахъ христіанства: Гунны, Хазары и Булгары оживили и усилились на ее берегахъ, она-же играла важную роль въ исторіи Мадьяровъ и Угровъ (Венгры).— Русской рѣкой Волга сдѣлалась при Владимірскомъ князѣ Юріѣ Всеволодовичѣ, во время княженія котораго постоянное стремленіе русскихъ къ Волгѣ увѣнчалось успѣховъ и ознаменовалось построеніемъ Нижняго Новгорода, такъ что волжскія страны съ городами Нижнимъ Галичемъ Костромою, Муромомъ и Ростовомъ стали носить имя Русскаго Поволжья.

Какъ Булгары на самой Волгѣ, такъ Хазары и Половцы между Волгою и Дономъ, были врагами русской земли. Русскіе сначала только отбивали ихъ, но со временъ Владиміра Мономаха входили даже въ самыя степи половецкія, доходили до Дону и жестокимъ истребленіемъ отомщали половцамъ за ихъ набѣги, грозясь, какъ говоритъ лѣтописецъ «пить золотымъ шеломомъ воду Донскую. — Вообще русскіе смотрѣли на Волгу какъ на рѣку которая кормитъ и поитъ враговъ, набѣги которыхъ они считали наказаніемъ Божіемъ за грѣхи народа и князей; но удачно отражая эти набѣги, и даже отплачивая за нихъ огнемъ и мечомъ, считали эти племена осужденными покориться русской силѣ, а себя христіански обязанными «бить поганнымъ».

Но въ 1237 году явились на Волгу Монголы (Золотая Орда). Полчища ихъ, встрѣтивъ на пути Булгаровъ, разбили ихъ; то же было и съ Буртасами и Сексинами, остатками великой хазарской державы, дошла очередь и до половцевъ,—и всѣ эти племена совершенно разсѣянныя потеряли всякое политическое значеніе, и сливаясь съ своими же врагами, даже утеряли названія своихъ племенъ. Отпразновавъ кровавый пиръ побѣды на берегахъ Волги, Монголы перешли ее и ударили на Русь, Венгрію, Польшу, и послѣ кровополитныхъ разбоевъ и раззорительныхъ опустошеній полонивъ нашу родину, возвратились на Волгу и разсыпались по ее берегамъ «аки саранча», уничтожая все и дѣлая постоянные набѣги. Съ этого времени Волга стала страной мечей и копій, обиталищемъ варваровъ, землею плача и рыданій, позорищемъ кровопролитій, отъ которыхъ въ теченіе слишкомъ двухъ вѣковъ не просыхали волжскіе берега, и гдѣ были собраны всѣ бѣдствія падшія на голову Россіи. Долго продержалась Русь подъ игомъ монгольскимъ, много было казнено князей и бояръ, больно было князьямъ пріѣзжать на поклонъ къ ханамъ, пока наконецъ раздоры и междуусобицы въ самой Золотой ордѣ не дали русскимъ смѣлость возстать противъ монголовъ. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ походовъ предпринятыхъ Дмитріемъ Донскимъ, русскіе стали вѣрить въ свои силы и въ возможность мстить волжскимъ хищникамъ и врагамъ за ихъ насилія и за свое угнетенное положеніе; и безпрестанныя стычки на Волгѣ и ея берегахъ, принимая все большіе и большіе размѣры, снова превратили Волгу въ театръ войны, и сдѣлали ее позорищемъ страшныхъ событій. Такъ продолжалось долгое время, пока наконецъ уже Іоаннъ III, въ 1469, не покончилъ съ Золотою Ордою, и русскіе не восторжествовали на Волгѣ, вмѣстѣ съ плѣнниками, которые уже и не думали видѣть свою родину.

При всѣхъ успѣхахъ русскаго оружія и при всѣхъ усиліяхъ русской власти утвердить полную тишину и безопасность на Волгѣ, она долго еще смущалась кровавыми событіями, пока наконецъ уже при Іоаннѣ IV Россія навсегда обезопасилась отъ заволжскихъ странъ, въ которыхъ Монголы внезапными вторженіями нарушали спокойствіе и препятствовали государственному устройству. Но и тогда начавшееся благоденствіе—въ эпоху самозванцевъ и междуцарствія было снова нарушено. Удобность мѣста и волжскихъ странъ къ разбойничеству, обиліе выгодъ для этого ремесла, привычка къ нему полудикихъ туземныхъ жителей, смуты и безначаліе, все это было причиною, что Волга стала снова театромъ возмущеніи и раздольемъ для разбойниковъ, и на водахъ ее раздавались грозные «сарынь на кичку» заставлявшіе дрожать мирныхъ купцовъ, плавающихъ по ея водамъ. Но не одно зло происходило на Волгѣ; съ ея-же береговъ, когда вся Россія была беззащитою жертвою чужихъ и домашнихъ злодѣевъ, явились и спасители ея, Мининъ и князь Пожарскій, собрали ополченіе, и иноземцы и хищники были изгнаны изъ Россіи, а на престолѣ ее воцарился домъ Романовыхъ.

Хотя при первыхъ царяхъ и этой династіи, Волга не была совсѣмъ спокойна, но то были только временныя потрясенія, и вниманіе царей постоянно утверждало безопасность въ приволжскомъ краѣ, а военная стража, наблюдая за дѣйствіями волжской вольницы, препятствовала ее грабежамъ. Увѣренность въ безопасности, богатство края и его громадное плодородіе привлекали на берега Волги жителей изъ другихъ внутреннихъ городовъ Россіи, такъ что на мѣстахъ бывалыхъ кровавыхъ войнъ, злодѣйствъ и варварства, нынѣ обитаетъ мирная жизнь, и въ прежнихъ странахъ разбоевъ и опасности трудится честная дѣятельность и цвѣтетъ благоденствіе. А въ часъ отдыха и для облегченія трудной работы разносится по водамъ Волги широкая русская пѣсня, и слова «Внизъ по матушкѣ по Волгѣ» уже не заставляютъ дрожать береговыхъ обывателей и купцовъ, а выражаютъ довольство своей долей и беззаботное житье волжскихъ жителей.



Дровни въ Вогезахъ. Рисунокъ Роберта Асмусъ. грав. О. Ротъ.

Дровни въ Вогезахъ.

Каждая горная система запечатлѣна особымъ, ей одной свойственнымъ характеромъ, какъ относительно внѣшности—групировки вершинъ, очертаній хребта, большаго или меньшаго обилія лѣсовъ,—такъ и въ отношеніи того, что составляетъ душу каждой мѣстности, т. е. ея населенія. Таинственное сродство какъ бы повторяетъ въ людяхъ типы родныхъ горъ. Человѣкъ представляется здѣсь частицей самой природы. Въ горныхъ долинахъ донынѣ хранятся стародавніе нравы; вѣка, минувшіе для другихъ мѣстностей, какъ бы замерли на снѣжныхъ вершинахъ, подобно облакамъ. Веселый сыроваръ и вольные Альпы, солидный рудокопъ въ Гарцѣ и филистерская наружность Блоксберга, молчаливый шварцальдецъ и его безшумныя, неподвижныя ели,—какъ это ладитъ одно съ другимъ!

Къ этому пестрому обществу нѣмецкихъ горъ въ послѣднее время присоединился новый дивный гость, чужакъ,—это Вогезы въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Здѣсь также есть особый классъ людей, чрезвычайно вѣрно отражающихъ характеръ окружающей природы; съ ними-то мы и познакомимъ читателя безъ дальнихъ околичностей.

Поднимаясь отъ знаменитаго монастыря на горѣ Одиліенбергъ къ самому гребню, входимъ въ обширные лѣса, представляющіе невообразимое смѣшеніе всевозможныхъ древесныхъ породъ. Скоро мы достигаемъ тропинки, равномѣрными и отлогими уступами ведущей съ горы. На ней поперечно положены довольно толстыя, гдѣ было возможно дубовыя плахи, каждая фута въ четыре длиною, и футахъ въ двухъ разстоянія одна отъ другой. Кромѣ того, на каждой плахѣ по обоимъ концамъ вырублено углубленіе,—и эти правильно расположенныя, слѣдующія другъ за другомъ углубленія образуютъ родъ колеи, которая весьма нерѣдко натирается саломъ или мыломъ для устраненія шероховатости, тренія и сопряженной съ нимъ возгораемости.

Но, впередъ! Намъ скоро объяснится, къ чему служитъ эта колея. Вотъ что-то приближается..... Сани!..... Да, среди лѣта, внизъ по горѣ скользятъ сани. Мы сторонимся, любуясь простотою подводы, на которой нагромождена громадная тяжесть дровъ. Сзади подталкиваютъ поѣздъ одинъ или два человѣка. Впереди, съ плахи на плаху переступаетъ третій, упираясь обѣими локтями и спиною въ грузъ, дабы сдерживать при слишкомъ быстромъ ходѣ или предотвратить обрушеніе дровъ. Живописная картина! Темная глубь лѣса, мощные утесы вогезскаго песчаника въ пестрой смѣси со вкрапленнымъ въ него допотопнымъ кремнеземомъ (смѣсь эту ученые называютъ пуддингомъ, причемъ кремнеземъ переходитъ въ кварцы) и посреди всего этого цѣлая гора дровъ, при видѣ которой невольно дивишься, какъ можетъ ее двигать крошечный человѣчекъ. Правда, она постоянно колеблется, и вотъ-вотъ того и гляди разсыплется, такъ что мы съ трепетомъ сердца жмемся къ утесамъ, думая про себя: хорошо кабы не прямо на насъ рухнуло! Такое крушеніе вовсе не рѣдкость, особенно тамъ, гдѣ вѣтви частаго лѣса образуютъ низкій навѣсъ надъ тропинкой; въ такихъ мѣстахъ дровни рѣдко отдѣлываются безъ ущерба грузу. Бываетъ, что у вожака ослабѣваютъ силы; грузъ на полномъ ходу повергаетъ его ницъ на земь и переѣзжаетъ несчастнаго. Тамъ и сямъ одинокій крестъ указываетъ мѣсто, гдѣ несладкая жизнь нашла себѣ мучительный конецъ.

Да, несладка и тяжела эта жизнь! Праздному туристу эта ѣзда на дровняхъ покажется интересной и романтичной; художника поразятъ загорѣлыя лица съ рѣзкими чертами и суровымъ выраженіемъ, какъ драгоцѣнные типы. Но сколько трудоваго пота, сколько вздоховъ, сколько горя и лишеній таится за живописнымъ эффектомъ подобнаго поѣзда! Утро едва началось, путникъ только что выходитъ на свою экскурсію, а эти люди тащатся уже часа два-три съ своимъ грузомъ, непрестанно напрягая каждый мускулъ при неукоснительной осторожности. Попадаются дровни нагруженныя хворостомъ; это скудное топливо, которое бѣдняки набрали для собственной потребы или на продажу. Другіе взбираются на гору, неся на плечахъ пустыя, но тѣмъ не менѣе все еще тяжелыя дровни. Мы слѣдуемъ за ними вглубь лѣса, пока наконецъ достигаемъ просѣки, гдѣ значительно разрѣженный частоколъ стволовъ обличаетъ работу дровосѣка. Крутая возвышенность заграждаетъ намъ путь; тутъ лежатъ древесные стволы въ хаотическомъ безпорядкѣ. Ихъ рубятъ тамъ на верху, а затѣмъ подтаскиваютъ къ тропинкѣ съ колеей. Мы карабкаемся по нимъ выше и выше. Одиноко, въ тиши лѣса, стучитъ топоръ дровосѣка, исполняющаго вдали отъ людей свою тяжкую поденную работу. Стоитъ теплая лѣтняя погода, и ночлегъ подъ открытымъ небомъ—бездѣлица для его закаленной натуры. Хлѣба, сала и сыру, захваченныхъ съ собой, съ избыткомъ хватитъ дней на четырнадцать. Въ скромномъ мѣстечкѣ строитъ онъ себѣ шалашъ изъ еловаго хворосту, футовъ 6 въ длину, 3 въ ширину и 3 въ вышину, какъ разъ впору заползти въ него и лечь; крыша остроконечна и дождь скатывается по ней, не промачивая. Черезъ каждыя двѣ недѣли—расплата. Дровосѣкъ спускается съ горныхъ вершинъ къ жилищамъ людей и въ города,—прежде всего на дровяной рынокъ, въ городокъ Баръ, лежащій у подножія Одиліенберга. Здѣсь безчисленныя сокровища лѣсовъ нагромождены гигантскими башнями; сюда сходятся всѣ горныя колеи, по крайней мѣрѣ главныя, поглотивъ предварительно побочныя линіи, впадающія подобно притокамъ въ русло большой рѣки.

Но здѣсь и оканчивается вся поэзія жизни дровосѣка. На Эльзасской сторонѣ, въ округѣ Баръ, дровяное дѣло ведется въ обширныхъ размѣрахъ, но уже регулируется сверху внизъ и организуется спекуляторами; вездѣ чувствуется присутствіе капитала и крупныхъ предпринимателей. Лѣсъ примыкаетъ здѣсь къ обширнымъ виноградникамъ; получивъ сравнительно-хорошій заработокъ, дровосѣкъ не можетъ удержаться отъ вознагражденія себя за всѣ труды и лишенія доброй попойкой,—отчего въ этомъ краю, вмѣсто обычнаго добродушія горца, нерѣдко встрѣчается грубость крестьянина-винодѣла. Первобытныхъ, самородныхъ дровосѣковъ надо искать дальше, у древней границы Лотарингіи, гдѣ слишкомъ на 3,000 футовъ поднимается изъ цѣлаго моря лѣсовъ двойный горбъ громадной вершины Тонна. Тамъ-то въ пущахъ, облегающихъ селеніе Раонъ, въ почти безлюдныхъ долинахъ Сире и Муссе находится единственный пунктъ во всей западной Европѣ, гдѣ олень живетъ еще на свободѣ, а не въ охотничьихъ паркахъ. Тамъ находимъ мы и настоящихъ, неподдѣльныхъ дровяниковъ, говорящихъ на французско-лотарингскомъ патуа и называющихъ себя: возчикъ — le schlitteur — шлитеромъ, а дровосѣкъ — le segar—сегаромъ. Тамъ и донынѣ господствуетъ еще старый способъ ѣзды на дровняхъ, давно изгнанный изъ

округа Баръ по причинѣ своей опасности: предоставлять дровнямъ катиться внизъ собственною тяжестью даже на самыхъ крутыхъ спускахъ, что въ особенности великолѣпно зимою при глубокихъ снѣгахъ. Шлиттеръ стоитъ предъ возомъ на полозьяхъ дровней, растопыря ноги, и съ быстротою стрѣлы несется по тропинкѣ, называемой vovton, причемъ съ изумительной ловкостью отбрасываетъ ногою камни и другія препятствія, попадающіяся на его пути.

Василій Ивановичъ Кельсіевъ.

(Некрологъ).

4 октября, въ 3 часа пополудни, смерть похитила одного изъ лучшихъ сотрудниковъ нашего журнала, Василія Ивановича Кельсіева, умершаго послѣ продолжительной болѣзни отъ паралича сердца. Такъ какъ время не позволяетъ намъ помѣстить въ этомъ номерѣ портретъ этого талантливаго дѣятеля и почтеннаго сотрудника нашего, то мы, обѣщаясь сдѣлать это въ самомъ непродолжительномъ времени, пока помѣщаемъ, въ видѣ некролога, краткую біографію его, полную интереса по поводу различныхъ приключеній и ранней смерти, похитившей его отъ насъ на 38 году его жизни.

Окончивъ образованіе въ коммерческомъ училищѣ передъ началомъ Крымской компаніи, Василій Ивановичъ предназначилъ дальнѣйшій путь свой изученію восточныхъ языковъ; но всеобщій патріотизмъ, возбужденіе народнаго самолюбія, жажда битвъ и славы, охватившіе тогда всю Россію, задѣли за живое и его, и онъ, бросивъ восточные языки, которымъ онъ былъ всецѣльно преданъ, подалъ прошеніе о принятіи его въ военную службу. Но такъ какъ въ то время вышло предписаніе всѣхъ вольноопредѣляющихся новичковъ не пускать въ дѣло, а оставлять въ резервѣ, то это распоряженіе оставило его попрежнему въ рядахъ тружениковъ науки.

Уничтоживъ свое прошеніе, Василій Ивановичъ снова принялся за изслѣдованія манчжурскихъ глагольныхъ флексій и за изученіе идей великаго китайскаго философа Лао-цзы.

Дурно-ли повліяли на него китайскіе Лао-цзы и другіе философы, дурно ли онъ понялъ жизнь и гражданскія обязанности, или былъ такъ воспріимчивъ и слабъ, что не могъ самостоятельно бороться съ бреднями тогдашнихъ политическихъ партій,— но кончилось тѣмъ, что эти политическія убѣжденія какъ эпидемія захватили его въ свой омутъ—и опутанный ихъ сѣтями, онъ ударился безъ средствъ, безъ плана и безъ оглядки въ эмиграцію.

«Я сдѣлался эмигрантомъ, говоритъ онъ въ своемъ «Пережитомъ и передуманномъ»,—потому что не могъ имъ не сдѣлаться. Не было ни малѣйшаго повода отрѣзываться отъ Россіи и идти въ наше лондонское генеральное консульство и объявлять, что я не считаю себя болѣе русскимъ подданнымъ. Никто меня не зналъ, ни во что не былъ я замѣшанъ,—впереди мнѣ предстояла довольно недурная карьера, совершенно подходящая къ моей спеціальности оріенталиста, впереди все было свѣтло и даже завидно; но я все бросилъ; не только безъ всякой причины, не только безъ всякаго толчка, но даже противъ совѣтовъ и противъ убѣжденій самихъ редакторовъ «Колокола». Подробнаго отчета дать себѣ я не могъ, и въ то же время не могъ не сдѣлаться эмигрантомъ, время такое было, такимъ воздухомъ пахло».

Такимъ-то образомъ и сдѣлался Василій Ивановичъ эмигрантомъ. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Лондонъ, Василій Ивановичъ, сойдясь съ однимъ изъ тамошнихъ евреевъ предпринялъ обширный трудъ—переводъ Библіи въ духѣ Талмуда. Принятый въ Лондонѣ не совсѣмъ радушно, онъ черезъ годъ уже пріѣзжалъ въ Россію съ турецкимъ паспортомъ, и вслѣдъ за этимъ очутился въ Турціи въ средѣ раскольниковъ, на которыхъ онъ и сталъ дѣйствовать, какъ онъ говоритъ,—во имя общаго блага.

Онъ поселился въ Тульчѣ и тутъ пришлось ему впервые придти къ разочарованію—и увидѣть, что тѣ взгляды, которые исповѣдывалъ-онъ и вся герценская партія, ничуть не примѣнимы къ нравственному и умственному складу нашего народа.

Въ Добруджѣ, Василій Ивановичъ былъ выбранъ головою или «казакъ башою», но, какъ самъ сознается, по неумѣнію-ли, или по отсутствію воспріимчивости въ характерахъ тамошнихъ обывателей, для политической партіи, къ которой онъ принадлежалъ, онъ сдѣлать ничего не могъ; онъ писалъ въ эмиграцію, просилъ о подмогѣ—но отвѣту не было. Въ это время у него умеръ братъ и положеніе его еще ухудшилось, сомнѣнія стали душить его еще болѣе. Но несчастье на этомъ не остановилось. Холера, свирѣпствовавшая въ тѣхъ краяхъ въ 1865 году, лишила его въ самое непродолжительное время всего семейства, на его рукахъ умерли и жена и дѣти, и онъ остался одинъ безъ вѣры и упованія, безъ всякой охоты къ жизни. Въ этомъ тяжеломъ настроеніи онъ поѣхалъ въ Вѣну, гдѣ въ кругу людей образованныхъ, въ кругу славянъ, которыхъ онъ изучалъ,—онъ снова ожилъ, и подавилъ въ себѣ недавнее горе. Въ кругу этихъ славянъ, нашихъ братьевъ, онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отрезвлялся отъ идей герценской партіи и какъ говоритъ самъ— дошелъ до того, что исчезъ его космополитизмъ, пробудилась національная гордость, а вмѣстѣ съ ней возродилась страстная любовь къ Россіи. «Мнѣ было душно, говоритъ онъ,—я боролся съ собою, я старался подавить въ себѣ этотъ странный приливъ любви и родственнаго чувства—и ничего я не могъ сдѣлать съ собою!...... Я былъ русскій, я былъ гордъ Россіею, во мнѣ родилась неудержимая страсть служить русскому государству,—не идеямъ, не принципамъ, не знамени, на которомъ написаны какія нибудь громкія положенія о свободѣ, о равенствѣ, объ общемъ имуществѣ,—я сдѣлался русскимъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ москвичи въ XIV и XV вѣкѣ ни о чемъ не мечтали кромѣ созданія русскаго государства, и сами, крестя лбы, клали спины подъ батоги или подъ топоръ, только бы сопротивленіемъ власти не потрясти къ ней довѣрія». Послѣ этого Василій Ивановичъ отправился въ Галичину, для изученія этой еще такъ мало извѣстной намъ страны, былъ тамъ задержанъ по недоразумѣнію съ паспортомъ, изъ за котораго былъ высланъ въ Молдавію черезъ Буковину. Пріѣхавъ въ Яссы, послѣ этой поѣздки, изучая славянъ и ихъ отношенія къ Россіи, онъ вполнѣ созналъ, что онъ русскій, и мучился лишь тѣмъ, что ему, какъ эмигранту, невозможно возвращеніе на родину. Любовь къ Россіи всѣхъ славянъ и бѣглыхъ старообрядцевъ живущихъ въ Яссахъ, все болѣе и болѣе разжигала желаніе Василія Ивановича возвратиться на родину, — и онъ чтобы хотя немного отвязаться отъ этой тоски, сталъ въ мартѣ 1867 года готовиться къ путешествію по Молдавіи. Но и тутъ онъ наткнулся опять на Россію! и тутъ, въ этой Молдавіи, въ этой латинской расѣ, которая еще такъ недавно насъ ненавидѣла, онъ опять таки нашелъ то что и вездѣ у западныхъ славянъ, опять ту же безпредѣльную любовь къ Россіи и ту же безпредѣльную вѣру въ нее. Понятное дѣло, каково ему приходилось среди этихъ людей, при подобной обстановкѣ. Тутъ было уже не до изученія страны, не до какихъ нибудь ученыхъ изслѣдованій. Какъ кошмаръ засѣла въ его головѣ мысль воротиться во что бы-то ни стало—и воротиться какъ можно скорѣе.

Послѣ долгихъ думъ и сомнѣній Василій Ивановичъ начертилъ планъ своихъ дѣйствій—и 20 мая 1867 явился въ Скуляны, гдѣ и отдался безусловно въ руки правительства.

Написавъ заявленіе о своей сдачѣ, которое было послано въ Петербургъ, Василій Ивановичъ былъ отправленъ въ городъ Бѣльцы, оттуда въ Кишиневъ, гдѣ до полученія какого либо предписанія былъ посаженъ въ тюремный замокъ.

По полученіи предписанія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, Василій Ивановичъ былъ выпущенъ изъ тюремнаго замка, и подъ конвоемъ двухъ жандармовъ, подъ именемъ арестованной особы, онъ покатилъ на тройкѣ въ столицу, гдѣ должна была рѣшиться его участь. Проскакавъ это громадное пространство почти безъ остановки, Кельсіевъ былъ привезенъ 3 іюля въ Петербургъ, и сданъ въ третье отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, гдѣ и пробылъ до освобожденія.

Ровно черезъ сто дней по пріѣздѣ въ Петербургъ, 11 сентября Василій Ивановичъ былъ Высочайше помилованъ и выпущенъ съ полною свободою.

Проблродивъ первое время, по его выраженію, какъ шальной по Петербургу, онъ не могъ надивиться на всѣ совершенныя реформы, на весь прогрессъ образованія и вообще всѣ перемѣны, происшедшія во время его девятилѣтняго эмигранства.

Помилованіе его возбудило много толковъ и комментаріевъ. Слухи ходили весьма разнообразные и очень не лестные для помилованнаго эмигранта; но Василій Ивановичъ, не считая нужнымъ ни возставать противъ нихъ, ни опровергать ихъ, пропускалъ все это мимо ушей и не смущался этими незаслуженными подозрѣніями и обидными мнѣніями.

Устроившись въ Петербургѣ, Василій Ивановичъ сдѣлался сотрудникомъ разныхъ журналовъ, гдѣ помѣщалъ или записки изъ своего прошлаго, или новыя статьи ученаго или белетристическаго содержанія, а также и цѣльныя сочиненія для отдѣльныхъ изданій, какъ «Галичина и Молдавія», путевыя письма, и «Пережитое и передуманное», возбудившее много толковъ въ тогдашнемъ читающемъ обществѣ. Однимъ словомъ, онъ велъ жизнь дѣятельную, полезную; литературный кружокъ, къ которому онъ принадлежалъ, отдавъ справедливую дань его способностямъ и теплому сердцу и не вспоминая уже о его прошломъ покрытомъ державнымъ всепрощеніемъ, приблизилъ его къ себѣ по братски, цѣня его по достоинству. Жизнь со всѣхъ сторонъ стала обѣ-

щать ему много—и онъ самъ, переживъ и перечувствовавъ многое, во многомъ перемѣнился до перерожденія и принялъ девизомъ нерушимую вѣрность и общественную пользу. Къ этому времяни относится помѣщенная въ нашемъ журналѣ историческая повѣсть «Москва и Тверь», въ которой онъ такъ интересно и въ то же время исторически вѣрно очертилъ систему удѣльныхъ княжествъ и положеніе тогдашней Россіи подъ игомъ татарскимъ— и обширная записка «о происхожденіи бѣлокураго племени» читанная имъ въ русскомъ географическомъ обществѣ.

Въ томъ-же году, весною Василій Ивановичъ, чтобы успѣшнѣе поправить свое здоровье, разстроенное прежними волненіями эмигрантства, отправился за границу въ Богемію, гдѣ и пробылъ около трехъ мѣсяцевъ, изучая этнографію этой страны. По возвращеніи своемъ онъ сталъ помѣщать записки свои о чехахъ въ фельетонахъ Голоса, но по случаю возвратившейся болѣзни не могъ ихъ окончить. Оправившись снова, онъ написалъ вторую историческую повѣсть «при Петрѣ». Почти въ то же время былъ имъ задуманъ большой романъ изъ жизни раскольниковъ «Божьи Люди», прологъ къ которому, читанный имъ въ кругу его друзей, лучшихъ нашихъ литераторовъ, заслужилъ похвалы и одобренія.—Но къ несчастію, ранняя смерть отняла возможность окончить этотъ трудъ.

Кромѣ вышеупомянутыхъ статей, Василіемъ Ивановичемъ были написаны въ разное время: «Обличитель прошлаго вѣка» (Всем. трудъ, 1868 г.), «Изъ разсказовъ о эмигрантахъ», «Святорусскіе двоевѣры», «богиня Авдотья», (всѣ три въ «Зарѣ» 1869), «Знакомство съ Павломъ прусскимъ» (Заря, 1870), разсказъ изъ екатерининскаго времени «Мастеръ на всѣ руки» (Семейные вечера 1871 и 1872 гг.).

Кромѣ своей литературной дѣятельности, Кельсіевъ извѣстенъ еще какъ лингвистъ, говорившій на 14 языкахъ и знавшій всего около 25 языковъ и нарѣчій.

Этими сочиненіями за исключеніемъ мелкихъ статей и разсказовъ въ нашемъ и другихъ журналахъ оканчивается наличная литературная дѣятельность Василія Ивановича Кельсіева. Подготовленныхъ рукописей, плановъ и проэктовъ, говорятъ, осталось много въ его настольныхъ бумагахъ, опечатанныхъ въ день его смерти полиціей. Что въ нихъ—узнаетъ лишь законный наслѣдникъ, родной братъ покойнаго (бывшій секретарь Москов. политехнической выставки А. И. Кельсіевъ), а мы можемъ лишь до времени догадываться что должно быть много интереснаго, зная многосторонность свѣдѣній и богатство фантазіи покойнаго.

Въ послѣдній годъ жизни своей Кельсіевъ сталъ часто впадать въ какую-то апатію, отчуждаться отъ общества—и хотя ободряемый и поддерживаемый своими друзьями и являлся иногда въ обществѣ ихъ, но все же желалъ забиться куда нибудь въ глушь гдѣ его не смущали-бы ни свѣтскія условія, ни городская жизнь, полная шуму и разочарованій.

Знакомый съ раскольничьими дѣлами еще по эмиграціи и благонамѣренно перенесшій этого рода практику и на родную землю, онъ въ послѣдній годъ жизни сблизился съ мѣстными старообрядцами, которые являлись къ нему за совѣтами и подмогою; онъ велъ ихъ дѣла, помогалъ многимъ переходить въ единовѣріе изъ раскола, хлопоталъ за нихъ гдѣ слѣдуетъ, давалъ имъ совѣты,—и если это было нужно, даже доставлялъ имъ матеріальную помощь, не смотря на свои весьма ограниченныя средства. Все это онъ дѣлалъ безъ всякаго отъ кого либо возмездія, лишь изъ одной только любви къ ближнему и желанія хоть чѣмъ нибудь быть полезнымъ человѣчеству.

Такъ продолжалось до нынѣшней весны. И когда природа, оживая роскошно, стала дышать полною грудью отъ избытка силы и счастія,—бѣдный Кельсіевъ сталъ видимо клониться къ могилѣ. Василій Ивановичъ похороненъ на Большомъ Охтенскомъ кладбищѣ.

Миръ праху твоему, добрый человѣкъ! Ты заблуждался какъ и другіе,—но искупилъ это раскаяніемъ и любовью къ отечеству. Ты трудился для общей пользы какъ не многіе—и если не успѣлъ выполнить всего задуманнаго, то по крайней мѣрѣ не щадилъ своихъ силъ въ стремленіи къ этому.

Георгъ Швейнфуртъ.

Изслѣдователь земель людоѣдовъ и карловъ въ Африкѣ.

Между новѣйшими путешественниками, освѣтившими факеломъ науки ужасы ледяной полярной ночи и отдаленнѣйшія мѣстности негостепріимнаго африканскаго материка и широко-раздвинувшими область нашихъ знаній, Георгъ Швейнфуртъ занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ.

Георгъ Августъ Швейнфуртъ родился 29 декабря 1836 г. въ Ригѣ и происходитъ отъ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій этого города. Склонность къ путешествіямъ и изслѣдованіямъ обнаружилась въ немъ еще въ дѣтствѣ. Не пренебрегая остальными науками, онъ съ особенной любовью и успѣхомъ занимался географіей и естественной исторіей. Бродить по окрестностямъ съ ружьемъ за плечами или рисовальнымъ портфелемъ подъ мышкою—было величайшимъ для него удовольствіемъ. Едва достигнувъ юношескаго возраста, онъ былъ уже ловкимъ стрѣлкомъ и искуснымъ рисовальщикомъ; первыми произведеніями были памятники изъ временъ рыцарства и ландшафты остъ-зейскаго берега. Онъ и тогда уже былъ превосходнымъ ходокомъ, такъ что однажды прошелъ въ шесть дней взадъ и впередъ все пространство отъ Риги до мыса Доменеса (самаго сѣвернаго пункта Курляндіи), заключающее въ себѣ около 25 германскихъ миль (135 верст.). Во время его позднѣйшихъ странствованій эта ранняя привычка къ ходьбѣ очень пригодилась ему въ странахъ, гдѣ нѣтъ никакихъ искуственныхъ путей сообщенія.

Кончивъ въ 1856 г. курсъ въ рижской гимназіи, Швейнфуртъ поѣхалъ въ 1857 г. вмѣстѣ съ своими родителями на воды въ Гастейнъ, въ живописныхъ окрестностяхъ котораго онъ провелъ лѣто. Великолѣпіе альпійской флоры очаровало его и возбудило въ немъ страсть къ ботаникѣ, сдѣлавшейся впослѣдствіи времени его спеціальностью. Въ 1857 г. Швейнфуртъ поступилъ въ гейдельбергскій университетъ по естественному факультету, гдѣ съ пылкой любознательностью слѣдилъ за лекціями знаменитыхъ профессоровъ, оставляя эти занятія только для экскурсій. 1859 годъ онъ провелъ въ Мюнхенѣ, посѣщая тамошній университетъ, а въ 1860 г. отправился въ Берлинъ, въ ученыхъ кружкахъ котораго онъ встрѣтилъ чрезвычайно радушный пріемъ. Тутъ его, и безъ того уже значительный, гербарій значительно увеличился; другая работа по части ботаники, порученная Швейнфурту въ 1862 г., имѣла рѣшительное вліяніе на его будущность, приведя его въ ту область, которой онъ посвятилъ съ этихъ поръ свои изслѣдованія. Она состояла въ томъ, чтобы привести въ порядокъ богатый гербарій, оставшійся послѣ барона фонъ Барнима, умершаго на берегахъ Синяго Нила; эта работа подробно познакомила Швейнфурта съ естественной исторіей области Нила, которой онъ посвятилъ съ этихъ поръ свои силы. Его сочиненіе объ этомъ предметѣ, украшенное многочисленными рисунками, литографированными самимъ Швейнфуртомъ, доставило ему степень доктора.

1863 годъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ путешествію въ область Нила. Въ 1863 г. онъ отправился въ Александрію и здѣсь въ первый разъ вступилъ на африканскій континентъ, который онъ такъ горячо желалъ видѣть и между изслѣдователями котораго ему суждено было занять такое славное мѣсто. Послѣ небольшой поѣздки къ Суэцкому каналу и путешествія по египетско-нубійскому берегу Краснаго моря лѣтомъ 1864 г. (при чемъ онъ посѣтилъ неизслѣдованныя еще земли Абабду и Бухаринъ), онъ отправился въ 1865 г. черезъ Суакинъ, Кассалу и Гедарефъ въ Матамму, главный городъ небольшаго негритянскаго государства Галлабатъ, находящагося въ зависимости отъ египетскаго правительства,—и прожилъ здѣсь около пяти мѣсяцевъ. Необыкновенно богатая растительность первобытнаго лѣса, лежащаго тутъ у подножія абиссинской плоской возвышенности, дала ему вдоволь за-

нятій. Въ декабрѣ Швейнфуртъ отправился изъ Матаммы черезъ Гедарефъ въ Абу-Гаррасъ при Синемъ Нилѣ, а оттуда въ январѣ 1866 г. въ Хартумъ, главный городъ египетскаго Судана, лежащій при сліяніи Синяго Нила съ Бѣлымъ. Будучи чрезвычайно радушно принятъ тамошнимъ австрійскимъ консуломъ, онъ очень пріятно провелъ тутъ нѣсколько времени, но разстроенное здоровье и недостатокъ въ деньгахъ принудили его возвратиться на родину, откуда онъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ опять отправился въ Берлинъ.

Швейнфуртъ еще дорогою описывалъ подробно свои путевыя приключенія, и эти мастерски-написанные отчеты печатались, большею частью, въ журналѣ берлинскаго географическаго общества. Слѣдовавшіе за тѣмъ 1½ года онъ жилъ въ Берлинѣ и занимался приведеніемъ въ порядокъ своихъ коллекцій и другихъ результатовъ своего путешествія, стоившаго ему 13,000 рублей и имѣвшаго не малое значеніе. Швейнфуртъ привезъ съ собой такія богатыя и прекрасно сохранившіяся коллекціи растеній, какія рѣдко доходили къ намъ изъ столь отдаленныхъ странъ; онъ блистательнѣйшимъ образомъ доказалъ свою наблюдательность и способность къ изображенію природы и людей; безъ помощи собственно астрономическихъ наблюденій, онъ прокладывалъ себѣ дороги съ такоюточностію, какой нельзя лучше желать даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ астрономически-опредѣленныхъ пунктахъ; онъ не выпускалъ изъ виду своей задачи даже при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, и его тѣлосложеніе преодолѣло опасности африканскаго климата;—словомъ, онъ заявилъ себя однимъ изъ самыхъ способныхъ ученыхъ путешественниковъ. Больше этого: во время своего пребыванія въ Суданѣ и въ столицѣ этой страны онъ до такой степени ознакомился съ мѣстностью и людьми, что это дало ему возможность составить планъ для путешествія въ эти малоизвѣстныя страны, за удачное исполненіе котораго ручалось уже сдѣланное имъ во время перваго путешествія.

Георгъ Швейнфуртъ.

Рисов. А. Нейманъ, гравировалъ О. Ротъ.

Поэтому-то, когда основанная Гумбольдтомъ академія рѣшилась отправить туда новую экспедицію, то большинство академиковъ объявило себя въ пользу Швейнфурта и его плана, клонившагося, главнымъ образомъ, къ ботаническому изслѣдованію Багръ-Эль-Газала.

Хотя принадлежащая хартумскимъ торговцамъ слоновою костью область при рѣкахъ, составляющихъ въ совокупности главный западный рукавъ Бѣлаго Нила, и посѣщалась уже европейскими путешественниками, но неудовлетворительно. Главною причиною неудачи было заблужденіе, будто можно проникнуть въ принадлежащую торговцамъ слоновой костью область—безъ ихъ воли или даже и вопреки ея. Получить для отряда изъ нѣсколькихъ сотъ человѣкъ необходимыя средства къ жизни, а также при недостаткѣ во вьючныхъ животныхъ потребное количество носильщиковъ-негровъ—оказалось неудобоисполнимымъ даже для громадныхъ денежныхъ ресурсовъ г-жи Тинне. Поэтому-то докторъ Швейнфуртъ рѣшился, прежде всего, поставить себя подъ защиту этихъ торговцевъ слоновою костью, основать главную квартиру въ ихъ поселеніяхъ (Сериба) и оттуда уже приступить къ изслѣдованію роскошной растительности страны, тогда какъ неразлучныя съ экспедиціями за слоновой костью походы противъ различныхъ негритянскихъ племенъ дадутъ ему матеріалъ для этнографическихъ выводовъ. Успѣхъ этого плана превзошелъ всѣ ожиданія, потому что хотя Швейнфуртъ и не имѣлъ въ виду собственно географическихъ открытій, тѣмъ не менѣе ему суждено было проникнуть далеко за предѣлы извѣстной (хотя бы только и поверхностнымъ образомъ) до тѣхъ поръ области, въ сердце центральной Африки, обозначаемое на нашихъ картахъ бѣлымъ пятномъ,—и тамъ, на берегахъ большой рѣки, не состоящей уже въ связи съ Ниломъ, посѣтить чрозвычайно цивилизованное, сравнительно, племя людоѣдовъ, неизвѣстное до тѣхъ поръ Европѣ даже по имени. Но не станемъ забѣгать впередъ.

30 іюня 1868 Швейнфуртъ выѣхалъ изъ Берлина и прибылъ въ половинѣ октября въ Хартумъ.

Пустившись 5 января 1869 г. вверхъ по Бѣлому Нилу, Швейнфуртъ познакомился дорогою съ Могаметомъ Абу Самматомъ, участникомъ одной компаніи торговцевъ слоновою костью, который имѣлъ величайшее вліяніе на дальнѣйшее теченіе экспедиціи. Его-то предпріимчивость открыла далекія страны въ области страшныхъ людоѣдовъ (Ньямъ-ньямъ), куда еще не ступала нога европейца, и проложила путь къ неизвѣстнымъ даже и по имени Момбату. Этому храброму, великодушному нубійцу полюбилось то геройство, съ какимъ Шавага (европеецъ) бросился въ пеструю толпу чуждыхъ племенъ, безъ всякихъ своекорыстныхъ видовъ, только для удовлетворенія своей любознательности. Его предложеніе провести Швейнфурта къ людоѣдамъ Ньямъньямъ и Момбату было, само собою разумѣется, принято этимъ послѣднимъ съ радостію.

Не малаго труда стоило нашимъ путешественникамъ выбраться изъ Омъ-Суфа (матери волнъ), переполненнаго папирусомъ и высокой осокой рукава рѣки, по близости «Устья водъ», т. е. слiянія текущаго съ юга Багръ-эль-Гебеля съ Багръ-эль-Газалемъ; плыть по этой послѣдней, сравнительно, открытой рѣкѣ было легко—и 22 февраля Швейнфуртъ присталъ къ Мешерѣ (гавани), гдѣ прекращается судоходство, и остался тутъ въ ожиданіи, пока болѣе благопріятное время года (отъ іюня до августа) позволитъ ему возвратиться назадъ. Оставивъ это удобное для охоты, но крайне нездоровое мѣсто, Швейнфуртъ отправился 31 марта въ поселеніе въ Джурѣ Гаттасъ и основалъ здѣсь свою главную квартиру, служившую ему окодо двухъ лѣтъ. Лѣтніе мѣсяцы, неблагопріятные для путешествія, вслѣдствіе тропическихъ проливныхъ дождей, онъ посвятилъ естественно-историческимъ изслѣдованіямъ окрестностей. При этомъ онъ не пренебрегъ также и этнографическими отношеніями разнообразнаго народонаселенія. Благодаря тому обстоятельству, что нубійскіе агенты должны держать ради своихъ торговыхъ и воинственныхъ цѣлей превосходныхъ переводчиковъ, Швейнфуртъ былъ въ состояніи составить словари, собрать свѣденія о физическихъ свойствахъ, нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ и домашнихъ снарядахъ различныхъ племенъ.

Въ ноябрѣ 1869 г. Швейнфуртъ отправился, по приглашенію своего друга Абу-Саммата, въ поселеніе Сабби, лежащее къ юго-востоку отъ большаго поселенія Гаттасъ, откуда онъ ходилъ къ рѣкѣ Роль, впадающей не въ Багръ-эль-Газаль, а въ Багръ-эль-Гебель, гдѣ онъ соединился съ другими путешественниками, явившимися сюда съ востока. Въ 1870 г. онъ наконецъ отправился на югъ къ упомянутымъ выше племенамъ Ньямъ-ньямъ и Момбату. Своеобразная роскошная природа этихъ странъ чрезвычайно затрудняла путь, въ особенности же вслѣдствіе многочисленныхъ ручьевъ и рѣкъ съ поросшими густымъ колючимъ кустарникомъ берегами. Пройдя безъ безъ особенныхъ затрудненій область князьковъ Ньанге и Уандонъ, Швейнфуртъ разбилъ вначалѣ марта свою палатку въ резиденціи Мунзы, короля Момбату по ту сторону большой рѣки Уэлле, текущей на западъ, которую Швейнфуртъ считаетъ продолженіемъ Шари, впадающей въ озеро Чадъ подъ $13^1/_2$° сѣв. широты. Великолѣпныя галлереи, построенныя изъ пальмовыхъ вѣтвей и другія удивительныя произведенія искусства этого сравнительно чрезвычайно развитаго народа, съ кожею свѣтлаго цвѣта, его возмутительное людоѣдство—описаны нашимъ путешественникомъ съ большимъ краснорѣчіемъ; воздѣлываніе банана и масляной пальмы служитъ примѣтою этой далекой страны чудесъ.

Такимъ образомъ, преданіе о существованіе народа карликовъ въ экваторіальной Африкѣ, дошедшее къ намъ еще въ глубокой древности и считавшееся у насъ сказкой, оказывается, по свидѣтельству нашего путешественника, неопровержимымъ фактомъ; ему удалось даже взять къ себѣ въ услуженіе молодаго человѣка изъ этого загадочнаго племени акксхихъ карликовъ, имѣющихъ не болѣе $4^1/_3$ фута вышины.

Обратное путешествіе черезъ область Ньямньямъ было не мало затруднено наступившими дождями. Убійственное покушеніе на жизнь великодушнаго Абу Саммата было сигналомъ къ начатію враждебныхъ дѣйствій. Хотя экспедиція и достигла безъ особенной потери въ людяхъ дружелюбной области, тѣмъ не менѣе Швейнфурту пришлось почти совершенно отказаться отъ научныхъ наблюденій и кромѣ того онъ не мало пострадалъ отъ голода. Въ іюлѣ мѣсяцѣ онъ возвратился въ Гаттасъ здоровый, но истощенный отъ усталости. Но жажда новыхъ открытій, желаніе разрѣшить неразгаданныя во время перваго путешествія къ Ньямньямъ проблеммы—взяли свое, и Швейнфуртъ рѣшился прожить еще разъ побывать на югѣ.

Мы достигли поворотнаго пункта въ судьбѣ Швейнфурта. Счастье, до сихъ поразительно благопріятствовавшее своему любимцу, вдругъ поворачивается къ нему спиною. Ньямньямы, въ первый еще разъ вооруженные огнестрѣльнымъ оружіемъ, совершенно истребили одну изъ далеко зашедшихъ въ ихъ область экспедицій, а другую принудили возратиться назадъ съ значительною потерею, а 1 декабря нашего путешественника постигло еще большее несчастіе.

Поселеніе, переполненное, вопреки его предостереженіямъ, бамбуковыми хижинами, покрытыми соломой, заго-

рѣлось и въ нѣсколько минутъ сдѣлалось жертвою пламени. Швейнфурту удалось только спасти жизнь; его рисунки, плоды столькихъ трудовъ въ теченіи двухъ лѣтъ, были почти всѣ уничтожены вмѣстѣ съ неотосланными еще въ Европу коллекціями; благодаря счастливому случаю были спасены только сдѣланные имъ рисунки и нѣсколько письменныхъ принадлежностей. Послѣднее обстоятельство спасло нашего путешественника отъ отчаянія, которое, очень понятно, овладѣло было имъ на минуту, давши ему возможность вознаградить, до извѣстней степени, потерянное. Его энергія вмѣстѣ съ его цвѣтущимъ здоровымъ побѣдила судьбу и среди самыхъ жестокихъ лишеній онъ принялся за трудъ. Уничтоженные словари были возстановлены, исправлены и умножены, а благодаря дальнему путешествію на западъ, въ страну Креди, онъ также разъяснилъ гидрографическую сѣть западной области Багръ-эль-Газала, какъ и южную часть ея во время путешествія въ Ньямъньямъ.

Въ началѣ августа 1871 г. Швейнфуртъ возвратился въ Хартумъ. Тутъ онъ нашелъ, что почти вся европейская колонія вымерла во время его отсутствія. Швейнфуртъ поспѣшилъ уѣхать изъ этого убійственнаго города. Въ Варваріи его ждалъ новый ударъ; карликъ аккскій, котораго онъ думалъ представить въ Европѣ въ качествѣ живаго доказательства величайшаго антропологическаго открытія, умеръ отъ припадка дисентеріи. Достигнувъ благополучно Каира, Швейнфуртъ отплылъ въ началѣ декабря въ Александрію и проведя зиму въ южной Европѣ, прожилъ нѣсколько времени въ Берлинѣ и потомъ возвратился на родину, въ Ригу, а въ настоящее время живетъ въ Дерптѣ, гдѣ занимается приведеніемъ въ порядокъ своихъ сокровищъ и описаніемъ своего путешествія.

Дѣятельность Швейнфурта какъ путешественника пока кончена, но какъ ученаго его ожидаетъ еще блестящее поприще.

Политическое обозрѣніе.

Въ прошедшемъ нашемъ обозрѣніи мы разсказали читателямъ о съѣздѣ старо-католиковъ въ Кельнѣ и о рѣшеніи, принятомъ этою партіею относительно будущей своей дѣятельности. Теперь мы можемъ сообщить, что нѣчто подобное затѣяли и приверженцы папской непогрѣшимости, такъ называемые неокатолики. Въ виду успѣховъ противниковъ, ново-католики созвали свой съѣздъ въ г. Фульдѣ, въ которомъ приняли участіе почти всѣ епископы, признавшіе постановленія римскаго собора 1870 г. На съѣздѣ этомъ съ особенною яркостью выказались несостоятельность и безсиліе этой партіи: между крайними и умѣренными сторонниками папской непогрѣшимости возникли оживленные споры, обнаружившіе крайнюю нетерпимость однихъ и желаніе примиренія—со стороны другихъ; высказано было, что дѣло папства почти проиграно, такъ какъ, съ одной стороны, противъ него возстаютъ образованные классы, съ другой—правительства большей части державъ зап. Европы и наконецъ, съ третьей—довольно значительная часть католическаго духовенства, въ лицѣ такъ-называемыхъ старо-католиковъ. Единственнымъ преданнымъ папству сословіемъ является сельское населеніе, но оно такъ невѣжественно, что разсчитывать на его содѣйствіе нѣтъ никакой возможности, тѣмъ болѣе, что оно ежеминутно можетъ перейти въ другую крайность, т. е. къ полнѣйшему отрицанію. Общее впечатлѣніе отъ съѣзда то, что сами приверженцы папства очень хорошо сознаютъ несостоятельность провозглашеннаго ими догмата о папской непогрѣшимости въ глазахъ общественнаго мнѣнія, которое свободу совѣсти, науку и свободу личности ставитъ выше изувѣрства, невѣжества и рабскаго угнетенія. Но какъ утопающій хватается за соломинку, такъ нѣмецкіе епископы, участвовавшіе въ фульдскомъ съѣздѣ, рѣшились прибѣгнуть къ послѣднему средству и обратились къ прусскому правительству съ запиской, состоящей изъ восьми главъ. Въ этомъ интересномъ документѣ епископы доказываютъ, что государственные законы предоставляютъ церкви независимость отъ свѣтской власти; что государство, оказывая поддержку старо-католикамъ, тѣмъ самымъ нарушаетъ права церкви; что они удивляются преслѣдованіямъ, воздвигнутымъ противъ іезуитовъ; наконецъ, въ запискѣ заявляется порицаніе новому закону о школахъ, которыя правительство освободило отъ вліянія духовенства, и указывается на важныя послѣдствія отъ такого положенія дѣлъ для общественнаго спокойствія. Въ отвѣтъ на это заявленіе, прусское правительство, какъ слышно, намѣрено представить въ палату законъ, который положитъ конецъ всѣмъ этимъ нескончаемымъ спорамъ о кругѣ дѣйствій церковной и государственной власти. Духовенство католической Баваріи также не остается въ бездѣйствіи. Видя свое дѣло проиграннымъ, по крайней мѣрѣ во мнѣніи государства, баварскіе клерикалы (духовенство и его сторонники), распускаютъ слухи, что король баварскій намѣренъ отречься отъ престола. Движеніе католическаго духовенства замѣтно также въ Швейцаріи и въ Италіи. Съ другой же стороны, напротивъ того, слышится выраженіе полнаго сочувствія къ дѣйствіямъ свѣтскихъ властей противъ домогательства сторонниковъ папской непогрѣшимости вообще и отцовъ іезуитовъ въ особенности. Извѣстный италіанскій патріотъ Гарибальди написалъ недавно своему другу Арнольду, проживающему въ Англіи, письмо, въ которомъ, указывая на попытки задержать общественное развитіе со стороны клерикаловъ всѣхъ странъ и народовъ, говоритъ, что изъ всѣхъ европейскихъ правительствъ только одно заслуживаетъ одобренія: это правительство Пруссіи, которое изгнало іезуитовъ. Бисмаркъ, говоритъ Гарибальди, заслужилъ этимъ признательность всего міра. Затѣмъ Гарибальди удивляется Франціи, которая унижаетъ себя до того, что становится „очагомъ іезуитизма“.

Францію, впрочемъ, безпокоятъ теперь не столько іезуиты, сколько ихъ ближайшіе союзники—бонапартисты. Съ недѣлю тому назадъ, въ эту страну прибылъ изъ Англіи принцъ Наполеонъ, двоюродный братъ бывшаго императора французовъ. Появленіе этого человѣка въ предѣлахъ Франціи встревожило не на шутку правительство Тьера и республиканскую партію вообще. Опасеніе это имѣло тѣмъ больше основаніе, что пріѣздъ принца совпалъ какъ-разъ съ выборами въ національное собраніе. Оказалось, впрочемъ, что принцъ Наполеонъ прибылъ во Францію на свадьбу дочери Руэра, бывшаго перваго министра при императорѣ Наполеонѣ III. Тѣмъ не менѣе, совѣтъ министровъ, по предложенію Тьера, постановилъ удалить принца изъ Франціи, что и было исполнено при посредствѣ полиціи.

7-го октября по ст. счету, князь сербскій Миланъ открылъ, послѣ многихъ лѣтъ, собраніе представителей страны (скупштина) и при этомъ произнесъ рѣчь, въ которой въ общихъ чертахъ выставилъ программу различныхъ преобразованій, не терпящихъ отлагательства.

Смѣсь.

Чудеса синяго стекла. Американцы—замѣчательные люди. Они не довольствуются тѣмъ, что ихъ почва производитъ все съ избыткомъ; они хотятъ дѣйствовать на природу искуственнымъ образомъ и придумываютъ для этого совершенно особенныя средства. Въ Филадельфіи живетъ генералъ Плезантонъ, который пытается съ 1861 года увеличить жизненную силу посредствомъ дѣйствія *синяго* свѣта. Онъ подвергаетъ животныхъ и растенія дѣйствію солнечныхъ лучей, проходящихъ черезъ синія стекла, и находитъ, что они быстро растутъ и въ времени далеко оставляютъ за собою своихъ сверстниковъ, пользующихся только простымъ солнечнымъ свѣтомъ. Это дѣло не лишено интереса, и конечно стоитъ того чтобы испробовать его тѣмъ болѣе, что этотъ опытъ не представляетъ никакого затрудненія.

И такъ, у генерала Плезантона была теплица, одна сторона которой была покрыта синимъ, а другая обыкновеннымъ безцвѣтнымъ стекломъ. Въ этой теплицѣ были у него посажены лучшіе сорты виноградныхъ лозъ, молодые стволики въ палецъ толщиною, которые начали весело рости и скоро обратили на себя особенное вниманіе владѣльца. Въ то время, какъ въ развитіи лозъ, подверженныхъ дѣйствію безцвѣтнаго свѣта, не было ничего особеннаго, тѣ, которые росли подъ фіолетовымъ стекломъ, развивались удивительно быстро и вскорѣ наполнили всю теплицу. Послѣ пятимѣсячнаго росту виноградныя лозы, имѣвшія вначалѣ только нѣсколько дюймовъ вышины, достигли, среднимъ числомъ, до 45 футовъ (!) а стволъ ихъ заключалъ въ себѣ, на одинъ футъ отъ земли, около дюйма въ поперечникѣ.

Въ мартѣ 1862 года эти лозы, будучи напередъ подрѣзаны, начали зеленѣть и цвѣсти еще роскошнѣе, если только это можно, и дали такое множество винограду, что удивленію посѣтителей теплицы не было конца. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ этотъ виноградъ поспѣлъ и его собрали около 1200 фунтовъ. Этотъ сборъ послѣдовалъ черезъ 17 мѣсяцевъ послѣ посадки черенковъ, тогда какъ въ обыкновенныхъ случаяхъ виноградная лоза даетъ плодъ не прежде 5—6 лѣтъ. Въ слѣдующемъ (1863 году) то же зрѣлище, только лозы дали на этотъ разъ 2000 фунтовъ винограду, который былъ весь сладокъ и безо всякихъ недостатковъ.

Послѣ этого всѣ ожидали, что эта необыкновенная производительность истощила лозы и что теперь онѣ будутъ отдыхать. Ничуть не бывало! Каждый годъ вплоть до 1871 года повторялось тоже самое явленіе и лозы подъ фіолетовой стеклянной крышей давали въ годъ, среднимъ числомъ, 20 центеровъ хорошаго, безукоризненнаго винограду, тогда какъ ихъ сверстники подъ безцвѣтной стеклянной крышей развивались медленно и дали въ первый разъ плодъ только въ 1865 году, хотя они—за исключеніемъ фіолетоваго освѣщенія—были подвержены совершенно одинаковымъ условіямъ.

Если подъ вліяніемъ этого свѣта такъ хорошо развились растенія, то почему не развиться бы также и животнымъ? Вслѣдствіе этого генералъ Плезантонъ рѣшился произвести опытъ и въ этомъ отношеніи приказавъ раздѣлить свой свиной хлѣвъ на два отдѣленія, освѣщавшіяся—одно крышей изъ синяго, а другое изъ обыкновеннаго стекла. Въ каждомъ отдѣленіи было помѣщено по четыре поросенка одного и того же помета, одинаковой величины и вѣса, которыхъ кормили совершенно одинаковымъ образомъ и тѣмъ же самымъ кормомъ. Это произошло осенью 1869 года, а 4 мая 1870 г. Плезантонъ приказалъ взвѣсить поросятъ. Тутъ оказалось, что четыре свиньи, державшіяся подъ синимъ стекломъ, вѣсили 24 фунтами больше тѣхъ, которыя росли подъ бѣлымъ стекломъ.

Но истинное-то чудо еще впереди.

26 января 1870 г. родился на фермѣ господина Плезантона теленокъ, который былъ такъ слабъ, что никто не думалъ, чтобъ его можно было выростить. «Отведите его въ хлѣвъ съ синимъ освѣщеніемъ!» вскричалъ генералъ. Это было сдѣлано. «Въ сутки»—пишетъ Плезантонъ въ появившейся въ Филадельфіи брошюрѣ—«съ животнымъ произошло удивительное превращеніе. Прежде оно не могло подняться; теперь оно стояло на ногахъ, ходило по хлѣву, было живо и весело. Черезъ нѣсколько дней всѣ знаки слабости исчезли. Оно росло и развивалось удивительнымъ образомъ и вскорѣ превзошло всѣхъ своихъ сверстниковъ. Изъ слабаго теленка вышелъ чудеснѣйшій быкъ».

Мы передаемъ со словъ Плезантовой брошюры, — опыты въ этомъ отношеніи были бы чрезвычайно желательны, но за успѣшные результаты, или даже и за истину всѣхъ плезантовыхъ показаній мы, конечно, не можетъ поручиться.

Тяжкое затрудненіе.

Прилагаемая картинка изображаетъ отчаяніе трехъ домохозяекъ, которыя вслѣдствіе неблагопріятнаго расположенія колодцевъ и неудержимой болтливости прислужницъ, ежедневно два или три раза выходятъ изъ себя.

Дѣло вотъ въ чемъ: Три домика *A*, *B*, *C*, находящіеся въ сосѣдствѣ между собою, имѣютъ каждый по колодцу, выстроенному невдалекѣ отъ крыльца, но къ несчастію такъ неумѣстно, что всѣ три тропинки ведущія къ водопою скрещиваются какъ разъ на половинѣ пути.

Что же выходитъ? Это видно изъ нашего рисунка, но и безъ него легко догадаться, ибо кому же не извѣстна страсть дочерей Еввы потараторить между собою. И какой же хозяйкѣ не извѣстно, сколько разъ въ день понадобится сходить за водой для стряпни, стирки, поломоя и т. п.? А кухарка, какъ пошла—какъ и пропала. Глядь, онѣ всѣ трое стоятъ на распутьи и болтаютъ, оставя дѣла. Этому-то, не смотря на всѣ выговоры и угрозы, постоянно возобновлявшемуся бѣдствію и задумали помочь мужья хозяева А, В, С, само собой разумѣется наиболѣе терпѣвшіе отъ его послѣдствій. Вѣдь едвали на бѣломъ свѣтѣ есть такая жена, которая не дѣлилась бы съ мужемъ досадою, причиняемой ей дѣтьми и прислугой.

Мудрые супруги легко бы нашли выходъ изъ такого положенія, еслибъ въ этомъ дѣлѣ не было закрючки; а именно: во первыхъ, жоны ни подъ какимъ видомъ не соглашались, чтобы новыя дорожки къ колодцамъ вели отъ крыльца въ обходъ позади домовъ,—и во вторыхъ: средній изъ трехъ колодцевъ, изображенный на нашемъ рисункѣ впереди прочихъ, такъ близко примыкалъ къ забору, что позади его невозможно было провести никакой, даже самой узенькой тропинки.

Но.... настойчивое преслѣдованіе цѣли всегда найдетъ себѣ и средства достигнуть ее. Почтеннымъ главамъ семействъ удалось соединенными силами разрѣшить задачу—и съ тѣхъ поръ подъ всѣми тремя кровами водворился миръ и тишина; даже г-жа В, на долю которой выпала безспорно наибольшая невыгода, молча выноситъ неизбѣжное. Въ чемъ состоялъ способъ разрѣшенія задачи—читатель узнаетъ въ слѣдующемъ № «Нивы».

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 13 октября 1872 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр. д. № 53.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 23 октября 1872 года. Годъ III.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

XVIII.

Въ долланскомъ саду гости уже съ полчаса бродили взадъ и впередъ по сырымъ дорожкамъ, между влажными кустами шпалерника, въ ожиданіи ассесора и обѣда.

— Хорошъ молодецъ! кричалъ Гансъ Редебасъ, ходившій съ Отто фонъ Плюггеномъ, когда они въ третій разъ на одномъ и томъ же мѣстѣ встрѣтились съ Брандовымъ а вмѣстѣ и съ Густавомъ фонъ Плюггеномъ и пасторомъ Земмелемъ;—сначала пригласилъ насъ для кого-то, кто ни свѣтъ ни заря умчался Богъ вѣсть куда; потомъ твоей милой супругѣ, для которой мы всѣ и пріѣхали, угодно было заболѣть мигренью и не удостоить насъ своимъ появленіемъ; а вотъ теперь намъ приходится ждать ассесора и шататься по твоему старому сырому саду, какъ лошадямъ въ толчеѣ. Даю тебѣ еще десять минутъ сроку; если же мы не будемъ и послѣ этого сидѣть за столомъ — я велю закладывать и мы отобѣдаемъ на славу. Что скажешь ты на это, пастырь?

Господинъ Редебасъ смѣялся и грубо похлопывалъ по плечу пастора, котораго онъ привезъ въ своемъ экипажѣ. Брандовъ тоже смѣялся; пусть еще немножечко потерпятъ; не его вина, что ассесора до сихъ поръ нѣтъ и что вообще сегодня у него немножко не клеится, впрочемъ обѣдъ давно готовъ.

— Такъ сядемъ же, чортъ возьми, за столъ!—не то я упаду въ обморокъ.

Не очень-то казалось правдоподобнымъ, чтобы человѣкъ такого богатырскаго роста и такой богатырской силы могъ подвергнуться подобному припадку слабости; но у Брандова было много причинъ не раздражать больше

своихъ гостей. Чтобы сократить время до обѣда, уже съиграли одну игру,— пасторъ не участвовалъ въ ней, онъ только съ напряженнымъ сочувствіемъ слѣдилъ за игрой,—и проиграли Брандову сотни двѣ талеровъ. Конечно, это была ничтожнѣйшая сумма, въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ былъ долженъ своимъ гостямъ; но все-таки проигрышъ произвелъ на нихъ скверное впечатлѣніе, и они тѣмъ болѣе не скрывали своей досады, что Брандовъ еще и не заикался объ дѣлѣ, для окончанія котораго они собственно и собрались сегодня. Безъ сомнѣнія Брандовъ не могъ заплатить. Этого и прежде ожидали, да въ сущности-то все это дѣло, предпринятое сообща Гансомъ Редебасомъ и обоими Плюггенами и основано было на этомъ предположеніи; но теперь каждый изъ нихъ былъ не прочь смотрѣть на себя, какъ на честнаго человѣка, довѣріе котораго обманули самымъ безсовѣстнымъ образомъ.

Больше всѣхъ былъ раздраженъ господинъ Редебасъ. Условія, на которыя онъ согласился при заключеніи этого общаго дѣла, съ каждой минутой все меньше и меньше ему нравились. Зачѣмъ ужь онъ одинъ не далъ всей суммы или не выговорилъ на свою третью часть втораго залога, предложеннаго Брандовымъ вмѣстѣ съ гнѣдымъ, его пшеницы? Пшеница родилась, какъ онъ сегодня убѣдился собственными глазами, необыкновенно хорошо, сверхъ всякаго ожиданія; тутъ онъ получилъ бы славный барышъ, а насчетъ лошади это не вѣрно. Съ тѣхъ поръ какъ комитетъ прирѣзалъ къ отведенному для скачекъ пространству участокъ болотистой земли, шансы гнѣдаго, считавшагося по общему мнѣнію слишкомъ тяжелой лошадью, сильно упали. Да и потомъ—на что ему, въ высшей степени солидному человѣку, такія вещи, возиться съ которыми пристало только дворянамъ! Вотъ Плюггены съумѣли бы справиться съ лошадью! это ихъ призваніе; они это отлично знали, и пускай бы, Бога ради, брали лошадь а ему оставили бы пшеницу! Но оба брата, не смотря на свое обычное несогласіе, обратившееся въ поговорку, на этотъ разъ сошлись между собою. Коль скоро условіе заключено, его уже нельзя перемѣнить; и если Гансъ Редебасъ воображаетъ, что онъ одинъ знаетъ гдѣ раки зимуютъ, то онъ сильно ошибается. А такъ какъ господинъ Редебасъ не смѣлъ слишкомъ явно выражать гнѣва на своихъ обоихъ компаньоновъ, то онъ рѣшился тѣмъ грубѣе и безпощаднѣе выместить его на Брандовѣ. Еще до обѣда онъ сдѣлалъ множество выходокъ противъ него, и даже вино, которое онъ пилъ за столомъ въ громадномъ количествѣ, не могло, не смотря на всѣ свои превосходныя качества, привести великана къ лучшему расположенію духа.

Во всякое другое время Брандову ровно ничего бы не стоило отражать грубыя тяжелыя шутки своего противника и склонить насмѣшниковъ на свою сторону; не даромъ же всѣ товарищи считали его такимъ человѣкомъ, котораго нельзя раздражать безнаказанно. Но сегодня его повидимому совершенно покинуло и его подъ часъ страшное остроуміе и доказанное на дѣлѣ мужество. Онъ не слыхалъ того, чего невозможно было не разслыхать; не понималъ того, что было слишкомъ понятно; онъ смѣялся тому, отчего бы прежде бѣшено вскочилъ съ мѣста,—и съ блѣдными, дрожащими губами, старался придать разговору шутливый тонъ. Для этого онъ прибѣгалъ все болѣе болѣе къ сильнымъ средствамъ и наконецъ началъ угощать такими анекдотами, что даже долготерпѣливому пагору они показались ужъ черезъ чуръ скандалезными.

Не смотря на громкій смѣхъ и шумъ, не смотря на то, что рядъ пустыхъ бутылокъ становился все длиннѣе и длиннѣе, невеселый это былъ пиръ для самого хозяина дома. По долголѣтнему опыту Брандовъ зналъ, что нервы его способны перенести очень много, но теперь ему думалось что онъ не будетъ въ состояніи довести до конца того, что онъ взялъ на себя сегодня. Между тѣмъ какъ онъ, какъ сумасшедшій смѣялся надъ какой-то исторіей, которую онъ только что разсказалъ, у него чесались пальцы выхватить изъ бадьи бутылку шампанскаго и размозжить ею огромную черноволосую голову Редебаса. Онъ чувствовалъ, что силы его оставляютъ; онъ боялся лишиться сознанія, если Генрихъ Шеель не спасетъ его отъ этой ужасной муки неизвѣстности. А потомъ ему казалось, что эта мука ничто передъ другой мукой,—передъ мукой увѣренности, что жена его любитъ этого человѣка, а его презираетъ такъ глубоко, что даже не въ состояніи его ненавидѣть, и что онъ вполнѣ заслужилъ это презрѣніе. Снова и снова—съ быстротой молніи—въ одну минуту, которую ему было нужно, чтобы поднести къ губамъ стаканъ и опять поставить его на столъ,—переживалъ онъ сегоднешнюю ночную сцену въ ея спальнѣ, когда онъ стоялъ передъ ней съ сжатыми кулаками, и ни одна черточка въ ея блѣдномъ лицѣ не шевельнулась, пока онъ не нанесъ ей въ сердце смертельнаго удара, который онъ съ такой жестокостью приберегъ къ концу. Онъ попалъ ей прямо въ сердце. Да, въ сердце! Это былъ мастерской ударъ! Ударъ, который сломилъ ее, гордую, высокомѣрную, какъ попавшая въ лопатку оленю пуля, и сдѣлалъ ее безсильнымъ, послушнымъ орудіемъ, а его господиномъ положенія! Отличное положеніе—сидѣть тутъ и переносить грубыя колкости Редебаса да хохотать надъ своими собственными пошлыми остротами, смотрѣть на глупыя рожи Плюггеновъ и любезничать съ лицемѣрнымъ попомъ, да еще заботиться, чтобъ ни одинъ стаканъ не былъ пустъ, и сквозь этотъ безобразный хаосъ безпрестанно прислушиваться къ звуку экипажа, который долженъ былъ привезти Генриха, а съ нимъ вмѣстѣ и деньги, изъ-за которыхъ онъ рѣшился на это дѣло, изъ-за которыхъ онъ столько выстрадалъ, и все-таки долженъ погибнуть! Наконецъ-то, наконецъ! это стукъ лошадиныхъ подковъ и шумъ экипажа, остановившагося у дома! Никто не слыхалъ этого, кромѣ него! Тѣмъ лучше, ему не помѣшаютъ переговорить съ Генрихомъ!

Подъ предлогомъ, что онъ велитъ принести еще другаго сорта шампанскаго, онъ оставилъ гостей и побѣжалъ черезъ сѣни къ открытому подъѣзду, у котораго еще стоялъ экипажъ и увидѣлъ ассесора, занятаго разговоромъ съ Генрихомъ Шеелемъ. Вдругъ изъ его комнаты, стоявшей также настежь, кто-то назвалъ его по имени; онъ обернулся на зовъ и увидалъ въ дверяхъ ненавистнаго человѣка. Ужасъ и бѣшенство пронзили его какъ острымъ кинжаломъ. Зачѣмъ вернулся сюда этотъ человѣкъ? Какъ онъ осмѣлился вернуться? Онъ пришелъ, чтобы сказать, что у него нѣтъ денегъ, что онъ не хочетъ заплатить?

— Мы можемъ поговорить нѣсколько минутъ на свободѣ, сказалъ Готтгольдъ, замыкая за нимъ дверь,—ассесоръ еще на дворѣ; онъ ничего не знаетъ, и никто ничего не знаетъ, кромѣ, само собою разумѣется, Вольнофа; безъ него я нигдѣ не могъ найти денегъ, которыя ты требуешь. И все-таки я не могъ достать столько, сколько ты желаешь; поэтому я долженъ былъ опять пріѣхать сюда. Ты хотѣлъ получить чистыми деньгами пятнадцать тысячъ талеровъ. Вольнофу какъ разъ завтра приходится уплатить значительныя суммы за сдѣланныя имъ закупки хлѣба; онъ не могъ дать мнѣ больше десяти тысячъ; остальныя я при-

везъ въ трехъ векселяхъ, каждый по пяти тысячъ талеровъ, аккредитованныхъ Вольнофомъ; завтра по нимъ будетъ уплачено по предъявленіи ихъ въ Зюндинѣ Филипу Натансону, первому зюндинскому банкиру, какъ мнѣ сообщилъ Вольнофъ. Эти векселя, при той извѣстности, какой пользуется Вольнофъ во всей странѣ и вмѣстѣ съ этимъ и у твоихъ друзей, все равно что чистыя деньги. Надѣюсь, что они уладятъ твои дѣла. Во всякомъ случаѣ, я здѣсь, чтобы помочь тебѣ моимъ личнымъ кредитомъ; впрочемъ, я увѣренъ, что въ этомъ не окажется надобности.

Готтгольдъ положилъ на столъ большой, запечатанный конвертъ, вынулъ векселя изъ своего бумажника и протянулъ ихъ Брандову; этотъ послѣдній пробѣжалъ ихъ опытнымъ взглядомъ, чтобы убѣдиться, что они въ самомъ дѣлѣ были такъ же дѣйствительны, какъ чистыя деньги.

Странное чувство овладѣло Брандовымъ. У него шумѣло въ головѣ. Освобожденіе отъ муки ожиданія, сознаніе, что онъ вышелъ изъ своего отчаяннаго положенія, и къ этому еще надежда, что съ помощію теперь уже несомнѣнно принадлежащаго ему рыжаго, онъ, въ скоромъ времени, выйдетъ изъ зюндинскихъ скачекъ побѣдителемъ и обладателемъ большой суммы денегъ — все это внушало ему такую радость, что онъ точно опьянѣлъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы обязывало его прижать къ сердцу, какъ своего спасителя и единственнаго искренняго друга, человѣка, который доставилъ ему это; но этотъ человѣкъ, какой бы онъ тамъ ни былъ мечтатель и фантазеръ, навѣрное не довѣрилъ бы ему суммы (вѣдь это цѣлое маленькое состояніе), еслибъ онъ не достигъ уже всего, всего, что могло нарисовать Брандову нечистое ревнивое воображеніе, — и неподвижный взглядъ его, устремленный на Готтгольда, говорилъ: о, еслибы я могъ раздавить тебя, змѣю, которая ползетъ у меня на дорогѣ!

— Я не думаю, чтобы ты когда нибудь былъ въ состояніи возвратить мнѣ эти деньги, сказалъ Готтгольдъ; — тебѣ можетъ быть пріятно будетъ слышать, что я разъ навсегда отказываюсь отъ уплаты, а слѣдовательно и отъ векселя; все равно: онъ былъ бы не больше, какъ клочкомъ бумаги

Онъ вышелъ изъ комнаты; Брандовъ дико захохоталъ.

— Этого лишь не доставало! бромоталъ онъ, —какихъ же еще доказательствъ! Но вы поплатитесь за это, оба, такъ дорого поплатитесь, что все теперешнее, въ сравненіе съ тѣмъ, не болѣе капли воды на раскаленномъ камнѣ.

Въ дверь, которую Готтгольдъ оставилъ полу-отворенной, заглянулъ ассесоръ. Онъ слышалъ отъ Готтгольда, что Брандовъ здѣсь, и поспѣшилъ воспользоватьсл удобнымъ случаемъ, чтобы поздороваться съ своимъ другомъ наединѣ и выразить ему свое сожалѣніе объ томъ, что Готтгольдовы дѣла задержали ихъ такъ долго въ Прорѣ и что онъ не могъ привезти своей жены, у которой жесточайшій мигрень. Брандовъ объявилъ, что у его жена страдаетъ сегодня той же самой болѣзнью, объясняя это сочувствіемъ прекрасныхъ душъ. Саркастическій даже презрительный тонъ, какимъ были сказаны эти слова, заставилъ ассесора осыпать себя мысленно самыми лестными похвалами за свою предусмотрительность, благодаря которой онъ пріѣхалъ одинъ въ это несогласное семейство. Но тѣмъ сильнѣе было его удивленіе, когда Брандовъ продолжалъ по видимому съ величайшимъ хладнокровіемъ:

— А такъ какъ мы теперь наединѣ, любезный Селльенъ, то воспользуемтесь-ка временемъ, чтобы покончить наше маленькое дѣло. Вотъ вамъ извѣстныя десять тысячъ. Я получилъ ихъ отъ Вольнофа—мимоходомъ сказать, за мою прошлогоднюю рѣпу и нѣсколько небольшихъ поставокъ хлѣба. Я не трогалъ еще пакета; онъ, какъ видите, запечатанъ Вольнофской печатью. Если вамъ угодно принять на себя, какъ я полагаю, излишній, но тѣмъ не менѣе необходимый трудъ сосчитать, то пожалуйста не стѣсняйтесь. Когда кончите, приходите къ намъ. Я только приготовлю вамъ квитанцію, которую вы потрудитесь подписать и положить въ этотъ ящикъ.

Ассесоръ былъ до такой степени изумленъ, что просто не зналъ что отвѣчать; во всякомъ случаѣ, онъ рѣшился не смотря на печать Вольнофа подвергнуть пакетъ тщательному изслѣдованію. Брандовъ проворно написалъ квитанцію и съ иронической фразой: «не обсчитайтесь, любезный ассесоръ!» вышелъ изъ комнаты.

Ему хотѣлось какъ можно скорѣе переговорить съ своимъ повѣреннымъ. Генрихъ Шеель еще стоялъ съ экипажемъ у подъѣзда; но ему нечего былъ разсказывать, —онъ не зналъ, что ихъ такъ задержало въ Прорѣ. Должно быть остановка вышла изъ за денегъ; кажется ждали возвращенія Лойтца, который уѣзжалъ куда-то. Госпожа ассесорша не больна; напротивъ того, когда они уѣзжали, она стояла на балконѣ рядомъ съ госпожню Вольнофъ и посылала рукой поцалуи сидѣвшимъ въ экипажѣ господамъ. Что господа говорили между собой дорогой, онъ также не знаетъ; они все время тарабарили на какомъ - то иностранномъ языкѣ. За то онъ же и не пропустилъ ни одной ямы; сегодня, послѣ дождя, дорога вся въ ямахъ— господину ассесору пришлось такъ солоно, что подъ конецъ онъ сталъ ругаться на чемъ свѣтъ стоитъ уже на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ и побожился, что сегодня онъ другаго конца по этой дорогѣ не дѣлаетъ, хоть озолоти его. А другой-то сказалъ на это: значитъ, ему придется возвращаться одному, а ужь ночевать въ Долланѣ онъ ни за что не останется.

— Ночью это, въ самомъ дѣлѣ, опасная дорога, сказалъ Брандовъ.

— Въ особенности когда такая темень, какъ сегодня, отвѣчалъ Генрихъ Шеель.

Взгляды господина и слуги встрѣтились и въ тотъ же мигъ опять обратились въ сторону.

— Ужъ не разъ случались несчастія на это дорогѣ, съ тѣми, кто непремѣнно хотѣлъ ѣхать ночью, медленно проговорилъ Брандовъ.

— Когда кучеръ ѣхалъ спустя рукава, прибавилъ Генрихъ Шеель.

И опять взгляды ихъ встрѣтились. Безъ сомнѣнія, Генрихъ понялъ его—этотъ разъ, какъ и всегда. Брандовъ глубоко вздохнулъ. Ему бы очень хотѣлось, чтобы Генрихъ сказалъ еще слово, одно послѣднее слово; но Генрихъ повернулся къ лошадямъ. Изъ столовой послышались дикіе, гнѣвные голоса, силившіеся перекричать другъ друга, и въ ту же самую минуту прибѣжала Рика. Круглыя щечки хорошенькой дѣвушки разгорѣлись, ея сѣрые глаза блистали, а роскошные бѣлокурые волосы были уже не такъ гладки, какъ въ началѣ обѣда.

— Что тамъ такое? спросилъ Брандовъ.

— Они бранятся уже съ четверть часа; дойдетъ, чего добраго, до ножей! сказала Рика и показала смѣясь свои бѣлые зубы.

— Мы поговоримъ послѣ, закричалъ Брандовъ Генриху, только-что отъѣхавшему отъ подъѣзда, и увлекъ Рику въ темныя сѣни.

— Онъ опять пріѣхалъ сюда, сказалъ онъ, —посмотри хорошенько, куда онъ дѣвался! только что замѣтишь, сейчасъ же дай мнѣ знать.

— Большая мнѣ охота вѣчно бѣгать за ними! дерзко отвѣчала Рика.

— Конечно тебѣ больше нравится, чтобы вонъ тѣ господа обнимали тебя да щипали за щеки.

— А хоть бы и такъ? сказала дѣвушка.

— Помнишь, что я обѣщалъ тебѣ сегодня ночью? прошепталъ Брандовъ, обнимая стройную талію дѣвушки и наклоняясь къ ея уху.

— Обѣщать и исполнить не одно и то же, сказала Рика, не особенно усердно освобождаясь отъ него.

Шумъ въ столовой усиливался.

— Ну, хорошо; ты вѣдь умница, сказалъ Брандовъ,— смотри же, не зѣвай! я пойду посмотрю, что тамъ такое.

Гансъ Редебасъ воспользовался минутнымъ отсутствіемъ хозяина и еще разъ предложилъ обоимъ братьямъ уступить на его долю Брандовскую пшеницу, а себѣ взять за это въ исключительное владѣніе рыжаго, ссылаясь въ доказательство честности своихъ намѣреній на пастора, съ которымъ онъ дорогою не разъ говорилъ объ этомъ предметѣ. Пасторъ, всячески желавшій угодить своему патрону, старался изобразить всѣ преимущества, какія проистекали изъ этого соглашенія, для всѣхъ заинтересованныхъ сторонъ,—но, отуманный винными парами, хватилъ черезъ край, такъ что оба брата остолбенѣли и взяли назадъ уже на половины данное согласіе. Господинъ Редебасъ обозвалъ за это пастора глупцомъ, который вездѣ суется, а самъ ничего не смыслитъ, кромѣ развѣ своего богословскаго вздора, — и по этому кромѣ своей каѳедры, вездѣ долженъ держать языкъ за зубами. Тутъ духовный пастырь вспрыгнулъ и закричалъ что слово «глупецъ» такое названіе, приложить которое къ старому студенту онъ не допуститъ никогда, даже и своего патрона. Въ отвѣтъ на это господинъ Редебасъ разразился такимъ хохотомъ, что окончательно привелъ въ ярость пьянаго пастора.

А тутъ и между Плюггенами возникло сильное несогласіе. Густавъ шепнулъ своему брату, что онъ не прочь принять предложеніе, съ условіемъ чтобы Редебасъ приплатилъ еще двѣ тысячи талеровъ; Отто, какъ старшій, предостерегалъ младшаго брата отъ сдѣлокъ съ Редебасомъ, у котораго въ одномъ мизинцѣ больше ума, чѣмъ у него во всей головѣ. Густавъ обидѣлся такимъ скромнымъ мнѣніемъ объ его умѣ, и началъ что-то ворчать про «солому», которую, какъ извѣстно, находили при случаѣ въ чьей-то головѣ—намекъ на прозвище, данное въ насмѣшку старшему брату; конечно это вызвало со стороны послѣдняго возраженія, гдѣ слово «сѣно» играло весьма видную роль. Итакъ, всѣ четверо кричали другъ на друга—къ величайшему удивленію грума Фрица, который слушалъ ихъ разиня ротъ, пока не почувствовалъ, что кто-то тронулъ его за плечо; онъ оглянулся и увидѣлъ передъ собой своего господина.

— Пошелъ вонъ и не смѣй приходить, пока тебя не позовутъ!

Грумъ ушелъ; Брандовъ еще разъ быстро оглянулъ всю компанію. «Теперь какъ разъ самая удобная минута», проговорилъ онъ сквозь зубы.

Онъ подошелъ къ столу, но не сѣлъ, а всталъ, опираясь руками на спинку своего стула, и сказалъ обращая глаза на разстроенныя лица четырехъ собесѣдниковъ, которые вдругъ всѣ смолкли: — извините, господа, что я помѣшаю вашему интересному разговору, да къ тому же еще чисто дѣловымъ предметомъ, съ которымъ однако же надо покончить. Мой Генрихъ Шеель сію минуту вернулся изъ Проры—съ ассесоромъ и еще съ другимъ господиномъ имя, котораго должно покуда остаться тайной. Я просилъ Вольнофа прислать мнѣ изъ той суммы, которую онъ мнѣ долженъ, пятнадцать тысячъ талеровъ наличными деньгами. Онъ проситъ извинить его, что вмѣсто этого, посылаетъ векселя на помянутую сумму. Векселя эти, господа, трассированы Луи Лойтцомъ и К. въ Прорѣ на мое имя, акцептованны Вольнофомъ и ассигнованы на Филипа Натансона въ Зюндинѣ. Не будете ли вы такъ добры, господа, въ обмѣнъ этихъ векселей—каждый изъ нихъ въ пять тысячъ талеровъ—возвратить мнѣ мои росписки, которыя вы недавно отъ меня получили? можетъ быть онѣ случайно при васъ.

Брандовъ съ насмѣшливымъ поклономъ подалъ три векселя, которые онъ держалъ въ поднятой рукѣ въ видѣ вѣера.

Гости недовѣрчиво переглянулись между собой. Дѣло не ладно; въ роспискахъ говорилось о наличныхъ деньгахъ, они не обязаны брать векселей; но передъ этимъ они до того всѣ перебранились между собой, что рѣшительно были не способны вдругъ придти къ какому нибудь общему рѣшенію; между тѣмъ въ сущности каждый радовался, что другой обманутъ въ разсчетѣ на вѣрную добычу.

— Чтожъ, господа, воскликнулъ Брандовъ,—надѣюсь, что никто изъ васъ не затрудняется насчетъ формы моего платежа! Это было бы оскорбленіемъ для почтеннаго Вольнофа, вѣдь къ его снисходильности всѣ мы прибѣгаемъ отъ времени до времени. Или вамъ непремѣнно угодно, чтобы ассесоръ, который каждую минуту можетъ сюда войдти, былъ свидѣтелемъ, какъ хорошо господа фонъ Плюггены и господинъ Гансъ Редебасъ помогаютъ старому другу, попавшемуся въ бѣду?

Дѣйствительно, въ передней послышался голосъ ассесора.

— Давай сюда! сказалъ Гансъ Редебасъ.

— Пожалуй, сказалъ Отто фонъ Плюггенъ.

— Я не люблю быть помѣхой, сказалъ Густавъ. Векселя отправились въ бумажники трехъ господъ, въ замѣнъ росписокъ, которыя Брандовъ съ ироническимъ смѣхомъ скомкалъ какъ ничтожныя бумажонки и спряталъ къ себѣ въ карманъ, въ ту минуту какъ ассесоръ входилъ въ комнату.

Появленіе его дало Брандову приличный предлогъ пригласить гостей встать изъ за стола, продолжительностью котораго онъ и безъ того уже тяготился. Дождь пересталъ. Не лучше ли пить кофе въ саду, на свѣжемъ воздухѣ, чѣмъ въ душной комнатѣ? Онъ предполагалъ, что Готтгольдъ въ саду,—и не ошибся. Съ нимъ встрѣтились на одной изъ отдаленныхъ аллей. Готтгольдъ промолчалъ, когда Брандовъ началъ увѣрять, что устроилъ его возвращеніе чтобы сдѣлать пріятный сюрпризъ своимъ гостямъ,—и извинялся сильной головной болью, которая по временамъ вдругъ нападаетъ на него; онъ хотѣлъ чтобъ она сперва прошла, а тамъ уже представился бы гостямъ. Оба Плюггена были внѣ себя отъ радости, что увидѣлись съ старымъ школьнымъ товарищемъ, котораго впрочемъ они всегда ненавидѣли всѣмъ сердцемъ; господинъ Редебасъ считалъ за честь познакомиться съ такимъ знаменитымъ человѣкомъ, хотя изъ его рѣчей можно было ясно заключить, что ему совершенно неизвѣстно въ какой отрасли человѣческой дѣятельности могъ пріобрѣсти Готтгольдъ свою извѣстность. Пасторъ, къ которому онъ обыкновенно прибѣгалъ въ такихъ случаяхъ, къ сожалѣнію, не могъ дать ему никакихъ объясненій, — ибо только что заключилъ въ свои объятія ассесора, котораго ви-

Возвращеніе на родину. (Изъ минувшихъ временъ солдатскаго быта). Рисовалъ Н. Коверзневъ, гравировалъ И. Матюшинъ.

дѣлъ въ первый разъ въ жизни и клялся ему въ вѣчной дружбѣ. Ассесоръ смѣялся; у него достало юмору смѣяться и дальше, когда Гансъ Редебасъ, чтобы показать свою знаменитую силу, схватилъ обнимавшихся, поднялъ ихъ на воздухъ и вертѣлся съ ними на мѣстѣ. Это соблазнило Отто фонъ Плюггена вынуть изъ кармана свой шелковый носовой платокъ и, взявъ его за кончики, прыгать черезъ него взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ Густавъ въ похвальномъ соревнованіи своему остроумному брату балансировалъ садовый стулъ у себя на зубахъ нижней челюсти.

— Мнѣ бы тоже хотѣлось показать вамъ свои фокусы, вскрикнулъ Брандовъ,—и для этой цѣли я попрошу васъ пройти за мной нѣсколько шаговъ.

Онъ пошелъ впередъ и отворилъ прилегавшую къ садовому забору калитку, которая вела непосредственно на ристалище, гдѣ онъ объѣзжалъ своихъ скакуновъ. Это было довольно большое пространство, выбранное съ большимъ знаніемъ дѣла и въ высшей степени искусно приспособленное къ цѣли. Тутъ были прорыты узкіе и широкіе рвы, устроены низкіе и высокіе барьеры; въ одномъ мѣстѣ были оставлены пространства совершенно гладкаго дерну, чтобы лошади могли выходиться, въ другомъ—глубоко вспаханныя полосы пару для охотничьяго галлопу. Это ристалище, прилегающее одной стороной къ конюшнямъ, было обнесено съ остальныхъ трехъ сторонъ высокимъ досчатымъ заборомъ, и Брандовъ ревниво берегъ его отъ всякаго чужаго глаза. Теперь онъ наслаждался тѣмъ завистливымъ удивленіемъ, съ какимъ озирались кругомъ три землевладѣльца. Но онъ готовилъ имъ еще болѣе чувствительную обиду. Когда общество направилось къ конюшнямъ, на встрѣчу ему вышелъ Генрихъ Шеель, ведя подъ уздцы рыжаго. Великолѣпное животное грызло отъ нетерпѣнія удила, терлось головой объ берейторово плечо, и взглядывало большими черными глазами на стоявшую передъ нимъ публику, словно вызывая смѣльчака помѣряться съ нимъ.

— Ну, господа, вскрикнулъ Брандовъ, — вамъ вѣдь такъ хотѣлось покататься на рыжемъ—онъ передъ вами. Держу пари десять луидоровъ противъ одного, что ни одному изъ васъ не удастся даже попасть на сѣдло.

— Мнѣ не хотѣлось бы разбить позвоночный столбъ этому животному, проворчалъ Гансъ Редебасъ.

Отто Плюггенъ, прыгая давеча, свихнулъ немного ногу; но Густавъ полагалъ, что онъ очень и очень можетъ добыть себѣ десять луидоровъ.

Густавъ Плюггенъ былъ извѣстенъ какъ превосходный ѣздокъ, и не разъ возвращался съ преміей съ зюндинскихъ скачекъ. Онъ ни минуты не сомнѣвался въ томъ, что выиграетъ пари, но тѣмъ не менѣе рѣшился приступить къ дѣлу со всевозможными предосторожностями. Такимъ образомъ, онъ обошелъ кругомъ рысака чтобы пріучить его къ своей наружности, почесалъ ему тихонько гладкій лобъ, потомъ, не переставая разговаривать съ животнымъ, какъ можно осторожнѣе поправилъ повода и велѣлъ Генриху Шеелю отпустить лошадь и отойти въ сторону. Но лишь только нога его коснулась стремени, какъ въ ту же секунду рыжій съ силой рванулся въ сторону—и Густавъ былъ радъ что успѣлъ удержать въ рукѣ хоть повода. Нѣсколько разъ возобновлялъ онъ свою попытку—и все съ такими же несчастными послѣдствіями.

— Я бы могъ предсказать тебѣ это заранѣе, закричалъ господинъ Редебасъ.

— Ты опять осрамишься безъ всякой нужды, оралъ его братъ.

Готтгольдъ замѣтилъ, что Генрихъ Шеель все время стоялъ напротивъ лошади, не спуская съ нея своихъ косыхъ глазъ, и всякій разъ какъ Густавъ Плюггенъ хотѣлъ на нее вскочить, тотъ дѣлалъ едва замѣтный знакъ головой, послѣ чего животное, съ своей стороны также не сводившее одного изъ своихъ черныхъ глазъ съ берейтора, тотчасъ же бросалось въ сторону или подымалось на дыбы.

— Я полагаю, господинъ фонъ Плюггенъ, вы бы хорошо сдѣлали, если бы попросили Генриха Шееля отойти отъ лошади, сказалъ онъ.

— Я думаю, что Густавъ кончитъ эту забаву, поспѣшно вмѣшался Брандовъ;—я держалъ это пари въ шутку; дѣло въ томъ, что Генрихъ Шеель дрессировалъ рыжаго такъ, чтобы онъ никому не давался кромѣ его и меня—и даже я самъ не попаду въ сѣдло, если этого не захочетъ Генрихъ. Это-то и есть фокусъ, который я хотѣлъ вамъ показать.

Кромѣ Готтгольда всѣ приняли это за шутку, пока Брандовъ не доказалъ этого на дѣлѣ. Рыжій позволилъ ему сѣсть на себя—только послѣ утвердительнаго знака Генриха Шееля. Теперь-то началась вторая часть представленія, приготовленнаго Брандовомъ для своихъ гостей. Онъ проѣхалъ на рыжемъ по всему ристалищу, превозмогая труднѣйшія препятствія съ такой легкостью, которая выставляла въ самомъ яркомъ свѣтѣ какъ его совершенство въ верховой ѣздѣ, такъ и удивительную силу и выносливость великолѣпнаго животнаго, и наполняла сердца трехъ соперниковъ горчайшей завистью.

— Просто срамъ, что эдакій негодяй владѣетъ подобной лошадью, говорилъ Густавъ Плюггенъ, присоединившійся къ Готтгольду, между тѣмъ какъ остальная компанія пошла осматривать жеребятъ и конюшни;—просто срамъ! То есть, ѣздитъ-то онъ восхитительно—для простаго бюргера—это такъ; но бюргеры вообще не должны бы были держать скаковыхъ лошадей. Довольно кажется говорилъ я объ этомъ въ комитетѣ, когда восемь лѣтъ тому назадъ мы учреждали скачки въ Зюндинѣ; но я ничего не могъ тогда добиться. Вотъ и дождались! Уже четыре года, какъ Брандовъ хватаетъ у насъ изъ подъ рукъ самые лучшіе призы; просто, съ ума можно сойти! Негодяй давно бы ужъ былъ разоренъ, если бы его не поддерживали скачки и его жена.

— Его жена? спросилъ Готтгольдъ.

— Ну, да. Мы ужъ давно не давали бы ему ни пфеннига; но ради его жены, которая дѣйствительно восхитительна, нельзя допустить его совсѣмъ упасть. Конечно онъ это знаетъ лучше всякаго другаго, и она всегда должна быть на лицо, какъ скоро онъ собирается сдѣлать новый заемъ,—да вотъ не больше какъ недѣлю тому назадъ, когда мы были Плюггенгофѣ, Отто въ присутствіи своей жены—урожденной баронессы фонъ Грибенъ-Кэфенъ—безъ памяти ухаживалъ за ней во время обѣда, а полчаса спустя у Брандова лежало въ карманѣ пять тысячь талеровъ. Это была нелѣпость со стороны Отто; мы рѣшили что мы оба вмѣстѣ дадимъ ему не больше пяти тысячь. Это было бы безподобное дѣло, еслибы намъ не испортилъ его проклятый жидъ. Чортъ его знаетъ, почему онъ ему помогъ. Ассесоръ говорилъ мнѣ, что онъ и ему заплатилъ. Вдругъ заплатить двадцать пять тысячь! Мой умъ молчитъ—а это что нибудь да значитъ; я-то вѣдь знаю всѣ его штуки! Пасторъ думаетъ что ему далъ деньги ты; за это Брандовъ и смотрѣлъ

сквозь пальцы, какъ ты его женѣ... ну вотъ, за что же тутъ сердиться? Говорю тебѣ, поповская болтовня, больше ничего. Вѣрно бы ты остерегся!.. двадцать пять тысячь... смѣшно! но онъ ихъ получилъ—это фактъ, какъ они тамъ говорятъ въ Англіи... Былъ ты въ Англіи? я былъ тамъ восемь лѣтъ тому назадъ, когда мы устраивали зюндинскія скачки — восхитительная земля: лошади, женщины, овцы—прелесть! Что бишь я хотѣлъ сказать: онъ получилъ двадцать пять тысячь и Долланъ еще на пять лѣтъ, какъ думаетъ ассесоръ, а тутъ еще рыжій! *damn!* вотъ лошадь-то! Клянусь честью, даже въ Англіи я не видалъ ничего подобнаго! Что за стать! а эта гибкость! и какъ она выѣзжена! божественно! Но лошадь слишкомъ тяжела, честью увѣряю, слишкомъ тяжела—ей не пройти черезъ болото, которое мы теперь прирѣзали къ бѣгу. Говорятъ, будто принцъ Прора сказалъ, что это не совсѣмъ честно! Хорошо ему говорить; онъ не участвуетъ въ скачкахъ! Не хочешь ли пойти въ комнаты? тамъ, я слышалъ, затѣвается какая-то игра.

— Я никогда не игралъ, и моя головная боль опять возобновляется.

— Удивительно, не знаю что значитъ головная боль, точно у меня совсѣмъ нѣтъ головы. Вы, художники, получаете эту боль отъ масляныхъ красокъ! противнѣйшій запахъ!

(Продолженіе будетъ).

Труженики новаго времени.

II. Работникъ у пароваго молота.

Съ паровымъ молотомъ—кузнечное мастерство, ограниченное до тѣхъ поръ извѣстными предѣлами, пошло по новому пути, и съ изобрѣтеніемъ этого могущественнаго союзника труда, много работъ, считавшихся прежде образцовыми произведеніями кузнечнаго мастерства, напр. ковка лошадей безъ снятія мѣрки, набивка обручей на колеса, изготовленіе топора, и т. п., считаются теперь самыми обыкновенными вещами. Да, съ тѣхъ поръ какъ сдѣлалось возможнымъ шутя приподнимать на любую высоту стальной блокъ исполинскихъ размѣровъ посредствомъ пара и заставлять его дѣйствовать по вертикальному направленію внизъ тѣмъ же способомъ, кузнечное мастерство достигло необыкновенныхъ результатовъ. И если у насъ теперь есть буганкеры въ 50 центнеровъ вѣсомъ, противустоящіе силѣ 840 центнеровъ; якорныя цѣпи, не уступающія двигательной силѣ или упругости въ 1270 центнеровъ; мѣдные столбы съ огромными діаметрами и мостовыя балки исполинской длины, выносящія тяжесть товарныхъ поѣздовъ, нагруженныхъ гранитомъ и движимыхъ двойными локомотивами; плавающіе доки, опускающіеся въ море, чтобы принять въ себя пароходъ самыхъ громадныхъ размѣровъ съ полнымъ такелажемъ, а потомъ поднять его, какъ орѣховую скорлупу, изъ воды для починки,—или металлическіе маяки, выдерживающіе тамъ, гдѣ подъ напоромъ волнъ океана не разъ падали каменныя башни,—то всѣмъ этимъ мы обязаны паровому молоту. Онъ наложилъ печать неразрушимости на безчисленныя части машинъ, начиная съ осей, корабельныхъ валовъ, поршневыхъ штанговъ, колесъ, балансировъ и паровыхъ крановъ до крупповскаго тысячефунтоваго орудія 14 дюймовъ въ діаметрѣ, отлитаго изъ цѣльнаго куска стали. Но прежде, чѣмъ говорить о кузнецѣ *новаго времени*, или кузнецѣ какъ *подручномъ работникѣ при постройкѣ машинъ*, скажемъ нѣсколько словъ о болѣе, чѣмъ тысячелѣтнемъ кузнечномъ ремеслѣ, проложившемъ себѣ новые пути только помощію пароваго молота. Честь тебѣ, старое кузнечное мастерство! Первобытные выкованные и проволоченные желѣзные листы, доспѣхи, клинки, домашняя утварь, желѣзныя и стальныя орудія, которыхъ еще много сохраняется въ кунтскамерахъ и музеяхъ, напоминаютъ намъ о томъ, что огнемъ, молотомъ и желѣзомъ умѣли управлять наши предки. Уже въ 1320 году магистратъ одного изъ старинныхъ ганзейскихъ городовъ жаловался соутгемптонскому совѣту на то, что нѣсколько англійскихъ кораблей захватили маленькое судно, съ 34 желѣзными и стальными эфесами; а простые клинки, дѣлавшіеся на старыхъ солингенскихъ оружейныхъ фабрикахъ изъ зигенскаго шпатоваго желѣзняка (который идетъ теперь только для приготовленія извѣстнаго въ цѣломъ свѣтѣ зеркальнаго желѣза, лучшаго чугуна и благородной стали), не уступали относительно необыкновенной гибкости и остроты лезвея настоящимъ испанскимъ мечамъ (толедскимъ клинкамъ); они были такъ хороши, что ихъ даже отправляли на Востокъ, гдѣ онѣ, будучи украшены рубинами, жемчугомъ и бирюзой, продавались, подъ видомъ дамасскихъ клинковъ,—и не въ ущербъ покупателямъ.

Не смотря на самыя тщательныя изслѣдованія, ничто не показываетъ намъ, чтобы прежній кузнецъ нуждался въ какихъ нибудь сложныхъ орудіяхъ. Его кузня была такъ же незамысловато устроена, какъ самая скромная нынѣшняя деревенская кузница, если только не проще. Онъ растягивалъ и ковалъ желѣзо просто ударами молота. Ковка, сжиманіе и растягиваніе, производились самымъ простѣйшимъ способомъ. Короткіе куски онъ изготовлялъ на наковальнѣ, а длинные ковалъ просто на землѣ. Выгибаніе вокругъ устроеннаго на наковальнѣ *рожка*, высѣканіе отдѣльныхъ частей изъ цѣльнаго куска, отсѣканіе или отпиливаніе, ковка въ *гезенкахъ*, т. е. въ стальныхъ формахъ, чтобы дать раскаленному желѣзу форму гезенка—вотъ въ чемъ вообще состояли дѣла прежняго кузнеца. Но вѣроятно кузнецы, работавшіе панцыри и клинки, знали способъ приготовлять отличное желѣзо помощію особеннаго процесса охлажденія,—способъ, который въ сущности превосходитъ многіе изъ нынѣшнихъ патентованныхъ пріемовъ для производства желѣза и стали изъ сыраго матеріала. Еще и нынѣ нѣкоторые народы Азіи приготовляютъ превосходные ножи, и исполняютъ ими такія работы, для которыхъ европейцу нужны: топоръ, стругъ, отборка, буравъ и англійскій стальной ножъ. Уже давно механическій молотъ, монотонный звукъ котораго еще и нынѣ раздается въ лѣсу, выручалъ изъ бѣды ручной молотъ, въ случаѣ, если назначенный для ковки кусокъ былъ слишкомъ *толстъ*; а волочильный верстакъ, этотъ предшественникъ листобойни, дѣлалъ то же самое, если кусокъ былъ слишкомъ *тонокъ*. Уже въ 14 столѣтіи нюренбергскіе мастера панцырныхъ издѣлій покупали желѣзную проволоку, на которой не было и слѣда кузнечнаго молота, слѣдовательно проволоченную на верстакѣ. Цѣлыя столѣтія три товарища: руч-

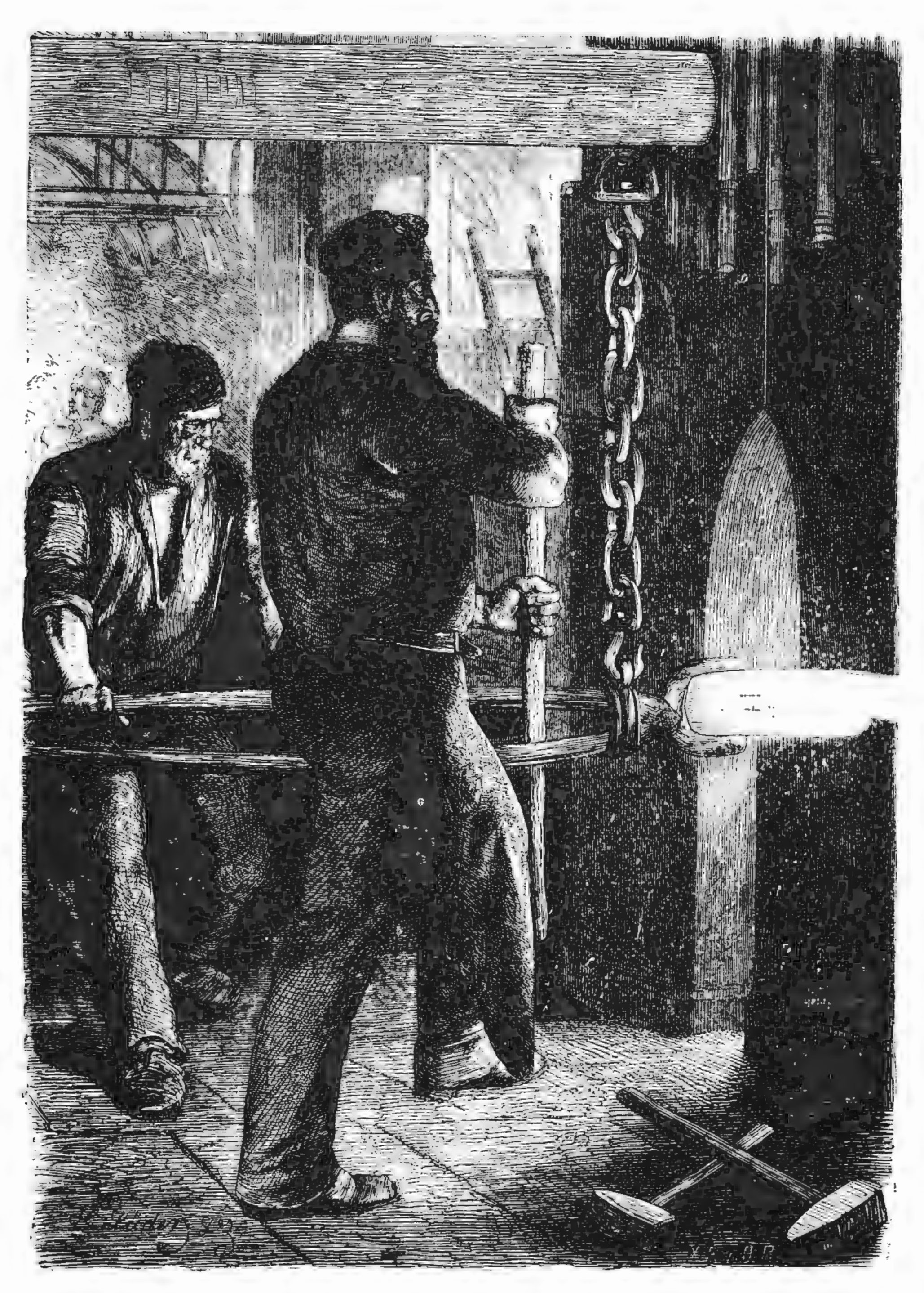
ной молотъ, механическій молотъ и волочильный верстакъ шли рука объ руку, пока въ новѣйшее время къ нимъ не присоединился четвертый—листобойня. Дѣло подвигалось исполинскими шагами. Разработка желѣзныхъ рудниковъ принимала все болѣе и болѣе значительные размѣры; процессъ плавки также усложнился. Печи и очаги увеличились, и мало по малу поднялись съ 10, 20, 30 футовъ до нынѣшней 60-футовой вышины. Кующіеся куски дѣлались все болѣе, и скоро наковальня съ лежащимъ на ней раскаленнымъ желѣзомъ заняла всю высоту подъема механическаго молота. Само собою разумѣется, что при такихъ затрудняющихъ обстоятельствахъ удары молота были очень слабы и кузнецамъ приходилось дѣлать страшныя усилія, чтобы удовлетворять высшимъ требованіямъ. Строители машинъ для суконныхъ и бумагопрядильныхъ фабрикъ, а въ особенности изобрѣтатели машинъ для инструментовъ и паровыхъ машинъ дошли наконецъ до формальнаго разрыва съ кузнецами. Кузнецъ, работающій ремесленныя орудія и тому подобные снаряды, и кузнецъ, какъ *подручный работникъ строителя машинъ,—рѣзко отдѣлились другъ отъ друга*. Мы станемъ говорить теперь о послѣднемъ, а въ концѣ опять вернемся къ первому.

Сначала кузнецъ отослалъ строителя машинъ, требовавшаго отъ него «невозможнаго», къ литейнымъ и плющильнымъ машинамъ. Но если эти послѣднія и доставляли машинныя части какихъ угодно резмѣровъ, за то отлитыя машинныя оси, отлитыя и выкатанныя листы для паровыхъ котловъ были, большею частью, такъ непрочны, что, исключая кочегара, никто не отваживался приближаться къ работающей паровой машинѣ. По этому очень естественно, что строители машинъ снова обратились въ кузнецу, требуя отъ него крѣпкаго однороднаго, сплоченнаго молотомъ, очищеннаго отъ шлаку желѣза, и притомъ въ такой общей формѣ, чтобы можно было дать ему потомъ помощію машины для инструментовъ (одного изъ самыхъ геніальныхъ изобрѣтеній) тѣ точныя формы, какія все больше и больше требовались машинами. Германія еще удовлетворялась услугами механическаго молота и его помощниковъ, но Англіи этого оказалось мало. Тутъ отъ наковальни и молота стали требовать все болѣе крупныхъ и трудныхъ вещей. Захотѣли между прочимъ выковать великобританскій тридцати-дюймовый цилиндръ съ лопатками, но ни одинъ кузнецъ Великобританіи не былъ въ состояніи выполнить этой задачи. Правда, не одинъ механическій молотъ охотно поработалъ бы надъ массой желѣза, изъ которой долженъ былъ выйдти великобританскій цилиндръ, но при незначительной высотѣ своего подъема молотъ такъ же мало подѣйствовалъ бы при ковкѣ на эту массу, какъ и «царапанье какой нибудь мыши на геркулесову дубину». Но чего Англія захочетъ, то она сдѣлаетъ, и Насмитъ изъ Патрикрофта подъ Манчестеромъ, перворазрядный кузнецъ, выручилъ изъ бѣды инженера пароходной компаніи «*Great Western*», обратившагося къ нему 24 ноября 1838 года. Онъ неутомимо работалъ надъ снарядомъ, который могъ бы поднимать слитокъ желѣза на любую высоту, а потомъ съ громомъ бросать его на наковальню, такъ чтобъ она загудѣла,—и достигъ желаемаго. Когда онъ прикрѣпилъ къ поршневой штангѣ слитокъ желѣза и заставилъ его ходить вверхъ и внизъ—паровой молотъ былъ созданъ. Съ чувствомъ высокаго удовольствія послалъ онъ эскизъ пароваго молота инженеру пароходной компаніи «*Great-Western*». Правда, корабельный *винтъ*, начавшій обращать на себя вниманіе, помѣшалъ осуществленію этого проэкта, но теорія пароваго молота уже *существовала*. Новый союзникъ труда требовалъ улучшенія, и Вильсонъ другъ и товарищъ по ремеслу Насмита довершилъ то, что было начато даровитымъ изобрѣтателемъ пароваго молота. 18 августа 1843 года на желѣзномъ заводѣ въ *Low-Moor* былъ выпущенъ первый самодѣятельный паровой молотъ, и вскорѣ послѣ этого правительство внесло его въ арсеналы. Теперь у насъ есть усовершенствованный *автоматически* - работающій вертикальный молотъ съ двойнымъ дѣйствіемъ и притомъ всевозможныхъ размѣровъ до геркулесовскаго стальнаго молота Круппа съ двойнымъ дѣйствіемъ въ тысячу центнеровъ вѣсомъ. Благодаря усовершенствованіямъ Вильсона, этотъ молотъ исполняетъ всѣ потребныя движенія *правильно* и согласно съ обстоятельствами, работаетъ съ поразительною быстротою, или же медленно и осторожно, съ большею или меньшею высотою подъема и вмѣстѣ съ этинъ можетъ каждую минуту прекратить или возобновить движеніе. Держась на дрожащемъ, но прочномъ основаніи, онъ, съ потрясающею силою падаетъ на колоссальныя массы желѣза и куетъ буганкеры въ пятьдесятъ центнеровъ вѣсомъ, или же работаетъ тонко и нѣжно, округляя поршневую штангу.

Заглянемъ-те въ одну изъ первоклассныхъ мастерскихъ, гдѣ огонь и молотъ играютъ главныя роли,—и все, что миѳологія разсказываетъ намъ о Вулканѣ и его кузницѣ въ Этнѣ, отойдетъ на задній планъ. Въ Этнѣ насчитываютъ около 40 кратеровъ, а между тѣмъ у любой изъ кузницъ, принадлежащихъ вѣдомству желѣзныхъ дорогъ или кораблестроенія, больше пылающихъ горнилъ, чѣмъ у Этны кратеровъ. «Когда изъ пучины поднимается ураганъ, люди тушатъ огни», говоритъ поэтъ; но здѣсь, въ кузницѣ съ паровымъ молотомъ, приводимые въ движеніе паромъ вентиляторы и раздувальные мѣха гонятъ черезъ пылъ кузнечнаго огня токъ воздуха, превосходящій силою всякій ураганъ.

Съ воемъ летитъ вѣтеръ черезъ барабанъ, поворачивающійся до тысячи разъ въ минуту и устремляется на огонь. Стройными рядами стоятъ паровые молоты, большіе и маленькіе, готовые, по первому мановенію, ковать слитки желѣза всевозможныхъ размѣровъ. Далеко разлетаются пылающіе выгарки и разносятся искры, такъ что нервному человѣку, переступившему за порогъ этого царства огня, дѣлается жутко и страшно. Сильные поворотные краны, устроенные между горнилами, быстро и вѣрно доставляютъ на наковальню громадные, до бѣла раскаленные куски желѣза, какихъ не схватить щипцами и не вынуть изъ печи никакому Геркулесу. Большіе мѣдные ящики съ водою, настоящіе колодцы, охлаждаютъ и закаляютъ сталь, умѣряютъ дѣйствіе огня, а вмѣстѣ съ этимъ утоляютъ и жажду облитаго пòтомъ работника. Чтобы управлять надлежащимъ образомъ кующимися кусками желѣза, этотъ работникъ, кромѣ необыкновенной силы мускуловъ, долженъ имѣть еще и нѣкоторое понятіе о горнозаводскомъ дѣлѣ. Онъ долженъ быть не только хорошимъ кузнецомъ, но и умѣть узнавать съ точностію, когда масса готова. Онъ долженъ заботиться объ томъ, чтобы угару (закиси) было какъ можно меньше, иначе это отзовется на его карманѣ или шеѣ. Онъ-то между прочимъ изготовляетъ и выгибаетъ на длинныхъ наковальняхъ, тѣ могучія рессоры, на которыхъ покоятся локомотивы, чтобы ихъ части не пострадали отъ сотрясенія при безпрерывной ѣздѣ. На особыхъ тискахъ съ винтами, передъ которыми маленькіе кузнечные тиски кажутся игрушкою, выглаживаетъ онъ пилою и отдѣлываетъ рѣзцомъ пылаю-

щіе куски желѣза; оскабливаетъ на стругальной машинѣ обшивки для панцырныхъ кораблей съ такимъ совершенствомъ, что, находясь на одномъ изъ такихъ кораблей, вы и не замѣтите на этихъ обшивкахъ пазовъ. Въ топящихся газомъ печахъ закаляетъ онъ экипажныя ресорсы и другія пружины, обдѣлываетъ листовое желѣзо для котловъ и



Труженики нашего времени II. У пароваго молота.

Рис. Людерсъ, грав. О. Ротъ.

раскаляетъ полосы въ 1000 фунтовъ вѣсомъ, чтобы выгнуть изъ нихъ обручи для колесъ. Но главная его сила должна состоять въ перетопкѣ, переработкѣ и возобновленіи старыхъ машинныхъ частей, сдѣлавшихся негодными для употребленія, чтобы ничто не пропадало даромъ и каждая минута приносила что нибудь полезное.

Мы исчислимъ только самое важное изъ того, что обрабатывается въ кузницахъ нашего времени въ качествѣ матеріала для другихъ работъ или же и окончательно отдѣлывается, — и всякій подивится длинному, чуть не безконечному ряду произведеній новѣйшихъ кузень, откуда выходятъ, кромѣ желѣзныхъ и стальныхъ полосъ всевозможной длины и формы, якори, подпоры для мостовъ, цѣлые мосты, клещи, нажимы, обшивки для вагоновъ, стропила и разныя сооруженія для крышъ, металлическія части паровыхъ котловъ, части паровыхъ машинъ и пароходовъ, газометры, краны, поршневые штанги, части локомотивовъ, машинныя оси, панцырныя брони, столбы для крылецъ, шесты для насосовъ, обивки для колесъ, шины изъ мелкаго зернистаго и пудлинговаго желѣза, и изъ цемент-

ной стали, подвижные подмостки, сигнальные снаряды, трубы, ворота и цилиндры. Но, чтобъ отдать справедливость и кузнецу, работающему ремесленныя и т. п. орудія, который рѣзко отдѣлился отъ кузнеца какъ *подручнаго работника при постройкѣ машинъ*, бросимъ бѣглый взглядъ на промышленную дѣятельность селъ. Здѣсь онъ изъ мелкаго работника сдѣлался производителемъ орудій для громадной промышленности. Нѣкоторыя мѣстности, напр. долина Энепская и Вольмская, буквально покрыты кузницами, выпускающими до тысячи статей желѣзнаго и стальнаго товару, который быстро расходится по всему свѣту. Отдѣльныя отрасли промышленности ютятся другъ подлѣ друга. Такъ напр. Штирія славится своими косами, Гагенъ и его окрестности воротами и тисками, и т. д.

У насъ въ Россіи производство разнаго рода металлическихъ издѣлій: ремесленныхъ инструментовъ, машинъ, земледѣльческихъ орудій, и т. п. болѣе всего распространено на Уралѣ, въ Финляндіи и въ южной Польшѣ, гдѣ существуетъ и самая добыча металловъ; особенно извѣстны въ этомъ отношеніи казенные Златоустовскіе и казенные гг. Демидовыхъ на Уралѣ, Фискарскіе въ Финляндіи и многіе заводы въ Польшѣ. Во внутреннихъ губерніяхъ замѣчательны: Шепелевыхъ въ Нижегородской губ., Яковлевыхъ и Полторацкаго въ Рязанской; на фабрикѣ Полторацкаго выдѣлываются преимущественно иглы. Машинные заводы находятся въ Петербургѣ (г. Путилова), въ Ригѣ, въ Варшавѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ (г. Мальцева). Кромѣ того выдѣлка косъ и серповъ производится въ Осташковскомъ уѣздѣ, топоровъ въ Плесѣ Костромской губерніи, а ножевыхъ и слесарныхъ издѣлій преимущественно въ селахъ Павловѣ и Ворсмѣ Нижегородской губерніи и въ г. Тулѣ. Въ послѣдней, кромѣ разныхъ родовъ слесарнаго дѣла, распространено приготовленіе разныхъ предметовъ изъ мѣди и въ особенности выдѣлка самоваровъ, которые развозятся не только по всей Россіи, но даже идутъ за границу. Приготовленіе разнаго рода металлическихъ издѣлій высшаго качества, стальныхъ, бронзовыхъ, накладнаго серебра и изъ благородныхъ металловъ болѣе всего распространено въ Петербургѣ, Москвѣ и Варшавѣ.

Сцены подобныя изображенной на нашемъ рисункѣ, можно видѣть на всѣхъ желѣзныхъ заводахъ, какъ напр. гг. Путилова, Мальцева и пр.

Возвращеніе на родину. (См. стр. 677).

День не то что-бы жаркій, не то что-бы холодный, настоящій русскій денекъ. То солнышко на минутку покажется, то застелетъ его пробѣгающей мимо тучкою. И быстро бѣжитъ по землѣ расплывшаяся тѣнь этой тучки; ползетъ она по отлогому косогору, исполосованному крестьянскими полями, прикрываетъ синевою эти желтыя, ярко-зеленыя, бѣловатыя полосы; когда переползетъ черезъ тотъ овражекъ, что извилиной пересѣкаетъ большую дорогу, то ярче заиграютъ на солнцѣ голубыя звѣдочки васильковъ, красныя головки полеваго мака и бѣлые цвѣточки зацвѣтшей гречихи.

Не красива родная сторона; все гладь да ширь, да унылые пустыри: тянется поле, взрытое допотопными сошками, за полемъ болотина, за болотиной, сколько глазъ хватаетъ, пни и валежникъ когда-то большаго лѣса, за этою сѣчею торчитъ покривившаяся не то колокольня не то бельведеръ на опустѣломъ помѣщичьемъ домѣ; тамъ дальше опять пахоть, за пахотью опять болотина... Рѣчонка чуть пробирается подмывая ольховые кусты, повисшіе надъ самою водою. Въ одномъ мѣстѣ ея перехватила тонкая, зыбкая плотинка; надъ плотинкою нагнулись плакучія ивы, торчитъ скворешникъ на длинномъ шестѣ, гдѣ-то за заборомъ надрывается лаетъ кудлатая собака. Баба мельничиха стоитъ съ рѣшетомъ на крылечкѣ, глядитъ сквозь кусты на воду:—тамъ кто то сидитъ, не видно кто,—одна только шапка виднѣется изъ за кручи, да помахиваетъ въ воздухѣ длинное удилище...

— Максимка!... кричитъ мельничиха:—Ау!...

— Ау!... отзывается Максимка.

— Иди что-ли, дядя Данило кличетъ.

Скрипятъ возы, увязанные рогожами, спускаясь по большаку къ бревенчатому мосту, а у самаго моста торчмя стоитъ полосатая верста; на верстѣ цифры написаны, съ одной стороны 17, а съ другой 22,—на самой верхушкѣ сидитъ ворона и носъ чиститъ; неподалеку лежитъ кнутъ веревочный, знать обронилъ егокто дорогою, и чуть видно его въ вершковой пыли глинистой дорожки. Помѣщичій тарантасикъ дребежжитъ проселкомъ, и высоко взмахиваютъ задами нахлестанныя, поджарыя пристяжныя.

Идетъ и пѣшеходъ этою дорогою, идетъ бойко, словно отчеканиваетъ шагъ; разъ—два, разъ—два отчеканиваютъ привычныя ноги; вольно, плавно помахиваетъ лѣвая рука и нагнулась богатырская спина подъ тяжелымъ, повытертымъ таки изрядно, солдатскимъ ранцемъ.

— То не беркуты со скалъ поднялись,
Царь Салтанъ собралъ войска, шелъ на Тифлись...

Закатываетъ во все горло пѣшеходъ и поддаетъ шагу, особливо когда дѣло пошло маленько подъ горку.

— Гляди, дядя Иванъ, солдатъ какъ валитъ,—страсть!

— На лошади не догнать, отзывается дядя Иванъ, подтягивая на ходу черезсѣдельникъ на своемъ солово-пѣгомъ.

— Потому, дѣло ихъ привышное.

— Въ наукѣ были.

— У насъ въ деревнѣ, безсрошный сказывалъ:—въ день, говоритъ, по сту верстъ отвалѣвали.

— По сту,—можетъ версты какія махонькія?

— Обыкновенныя.

— Здорово, земляки!... бойко говоритъ солдатъ, догнавъ обозниковъ.

— Здорово, братъ,—далеко ли...? спрашиваютъ земляки.

— Теперь далеко не далеко. Калашнаго уѣзда, деревня Просвистанная,—слыхали что-ли?

— Слыхали, есть такая,—говоритъ рыжій дядя Иванъ.

— Теперь это будетъ за Павловымъ селомъ, говоритъ рябой дядя Петра.

— Гдѣ за Павловымъ! говоритъ дядя Яковъ объ одномъ глазѣ.—Будетъ тебѣ село Ивашкино, за нимъ село Кандрашкино, тутъ сейчасъ кабакъ... а потомъ, милый мой, будетъ тебѣ село Прокислово, оно хоша безъ церкви а все таки село,—тутъ тебѣ опять кабакъ, али нѣтъ:—два; а тамъ, родимый мой, пойдетъ все въ гору, на горѣ питейный, за питейнымъ мельница, за мельницей каб:... да тамъ тебѣ разскажутъ.—Я, признаться самъ не бывалъ.

— Да я братцы и самъ бы деревню нашелъ, да немного позапамятовалъ, говоритъ солдатъ...

— Аль-давно не былъ?

— Пятнадцатый годъ вотъ пошелъ; — сторона наша тогда лѣсная была, а нынче, гляжу, — одни пенья торчатъ.

— На винокуренные заводы свели.

— Врешь, на чугунку.

— Да ты, голубчикъ, самъ изъ Просвистанной что-ли? спрашиваетъ солдата дядя Яковъ.

— Изъ нея самой.—А вы откуда?

— Мы ближніе, Павловскіе.

— А что, братцы, не знали ли въ Просвистанной — Арину Власьеву? спрашиваетъ солдатъ, и въ голосѣ его начинаетъ пропадать прежняя бойкость, звучитъ робкая нота, словно кто-то въ самомъ горлѣ перехватываетъ звуки.

— Не слыхали что-то... про Арину твою...

— Нынѣ—то бишь лѣтось, въ вашей сторонѣ народъ меръ шибко, говоритъ дядя Иванъ.—А что, братцы, мы здѣсь можетъ напоимъ коней?

Обозъ остановился у самаго мостика. Солдатъ пошелъ дальше.

Весь день шелъ служивый, и къ вечеру притомился изрядно.

— Ну, переходъ! крякнулъ онъ, опуская свой ранецъ на заваленку трехъ-оконной избы съ елкою на крышѣ.

— На побывку? спрашиваетъ толстый, красный какъ кумачъ целовальникъ, высунувшись въ растворенное окно.

— Совсѣмъ, отвѣчаетъ солдатъ.—На ночь пускаютъ что-ли?

— Заходи, что-же.

— Ладно, вотъ коли разнепогодится, а то пока и здѣсь вольготно. Мы народъ привышный.

— Все, чай, видывали на службѣ?

— А что дяденька въ Просвистанной бывали, что ли?

— Приходилось.

— А не слыхали—тамъ есть Арина Власьевна?

— Не слыхалъ.

— Баба такая, изъ себя видная?... Въ голосѣ солдата слышны слезы.

— Не слыхалъ.

— Мать у ней старуха, Домной звать...

— Не слыхалъ.

— Эхъ!.. я, дядя, знаешь, опять пойду...

— Да темно.

— Ничего, я уже того, я отдохнулъ.

Солдатъ торопливо накидываетъ на усталыя плечи свою ношу.

— Да куда, на ночь глядя? поспѣешь!

Проходитъ парень въ синей чуйкѣ, въ рукахъ гармонія, картузъ на затылкѣ.

— Откуда и куда? спрашиваетъ онъ солдата.

— Да вотъ въ Просвистанную идетъ, отвѣчаетъ за него целовальникъ.

— Вчера тамъ былъ, говоритъ парень въ синей чуйкѣ. Солдатикъ останавливается.

— А не слыхалъ ли, родной мой, тамъ Арина Власьевна живетъ?

— Не слыхалъ.

— Я, братцы, иду.

— Экъ дуетъ, и устали никакъ нѣтъ! говоритъ целовальникъ, глядя вслѣдъ солдату.

Парень въ синей чуйки наигрываетъ «барыню».

— Что, Петровичъ, осьмушку повѣришь? подлащивается онъ къ целовальнику.

— А этого хочешь? огрызается Петровичь и захлопываетъ окошко.

А солдатъ все, знай, шагаетъ. Темно совсѣмъ стало, ни зги не видно, дождикъ заморосилъ, и глухо зашумѣли осины въ лѣсу, что прижался къ самой дорогѣ.

Присѣлъ на минутку солдатъ подъ корявымъ, развѣсистымъ деревомъ, вынулъ краюху изъ мѣшка, закусываетъ...

— Собачка, бѣдная моя, залаетъ у воротъ...

Замурлыкалъ онъ себѣ подъ носъ и задумался.

Долго думалъ бѣдняга, да и задремалъ: усталость взяло свое, верстъ полсотни отмѣрилъ онъ сегодня—и отдыхалъ всего только разъ дорогою. Больно уже хочется увидѣть ему скорѣе свою Арину Власьевну. Изба ихъ отъ околицы первая, новая была, въ четыре окна, на крышѣ кони разные; онъ все это хорошо помнитъ — и ужь какъ же рвется его сердце къ этому родному гнѣздышку!...... Спитъ солдатъ и видитъ во снѣ. Подходитъ онъ къ своему крылечку, стоитъ на немъ его Арина Власьевна, изъ окна глядитъ старая Домна, парнишка Васька на одной ногѣ прыгаетъ................ По сѣдоватымъ усамъ пробираются слезы и чуть слышно мычитъ онъ во снѣ: «Эхъ ты, моя родимая».

Проснулся солдатъ. Никакъ разсвѣло уже—батюшки! Пробирается вѣтеръ утренній промежь мокрыхъ отъ дождя листьевъ; блестятъ колеи дорожныя, наполненныя до краевъ мутною водою, каркаютъ грачи, копаясь въ сырой пахати.

Выбрался солдатъ на послѣдній пригорокъ. Вонъ въ сторонѣ церковь видна ихъ приходская—вонъ и крыши Просвистанной—вонъ и ихъ рѣзной конекъ, гдѣ же онъ?.. родные мои!.. и протираетъ себѣ кулакомъ глаза нашъ пѣшеходъ, все ближе и ближе подходя къ околицѣ.

Подошелъ солдатъ, сталъ, оперся на свою палку, понурилъ свою голову, много на своемъ вѣку видавшую— да такъ и замеръ, словно столбъ, врытый поперекъ улицы.

Окошки заколочены, крыша провалилась, пауки заткали калитку. Тишина, смерть внутри, ничего не слышно, только ворона долбитъ носомъ сухую перекладину.

Народы Россіи.

XI. Башкиры.

Башкиры живутъ по южному Уралу, въ губерніяхъ Оренбургской и южной части Пермской (область Тургайская). Одни писатели относятъ ихъ къ племени финскому и утверждаютъ, что только съ XIII вѣка башкиры впервые начали говорить на тюркско-татарскомъ нарѣчіи; по другимъ писателямъ, они принадлежатъ къ племени турецко-татарскому подобно киргизамъ, съ которыми они вошли въ составъ государства россійскаго въ XVI столѣтіи, при царѣ Іоаннѣ IV. По наружности, какъ башкиры, такъ и киргизы сходны между собою; это сходство находится и въ одеждѣ, и въ вооруженіи этихъ племенъ.

Башкиры живутъ осѣдло и тщательно занимаются земледѣліемъ. Кочуютъ только лѣтомъ, къ чему вынуждаетъ ихъ сильно развитое между ними скотоводство. Зимою же

башкиры постоянно живутъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, образуя своими поселеніями деревни, почти ничѣмъ не отличающіяся отъ русскихъ деревень въ томъ краѣ. Наружность домовъ и способы постройки тѣ же самые; вся разница въ томъ, что оконъ на улицу не дѣлаютъ вообще, а если и есть гдѣ, то крошечное окошечко, залѣпленное пузыремъ вмѣсто стекла. Внутри избы дѣлятся въ большинствѣ на двѣ половины: мужскую и женскую. Мебели нѣтъ. Убранство составляютъ русскіе сундуки, покрытые у богатыхъ коврами.

Пища башкиръ, какъ и русскихъ ихъ сосѣдей, самая умѣренная, и мясо составляетъ роскошь, которую ежедневно дозволяютъ себѣ только богатые. Изъ напитковъ—любимѣйшій «кирпичный чай», а также и другіе прохладительные напитки: айранъ, разжиженное водою кобылье молоко и разные настои изъ сухихъ фруктовъ. Хотя по мусульманскому закону спиртные напитки воспрещены, но они все-таки употребляютъ ихъ, хотя и въ незначительномъ количествѣ.

Одежда башкиръ, какъ мы говорили, сходна съ киргизскою и состоитъ изъ халата изъ бумажной матеріи—и только у богатыхъ изъ полушелковой. Халаты шьются длинными до пятъ, съ огромной длины рукавами. Халатъ подпоясывается ремнемъ. Обувь составляютъ сапоги изъ туземной кожи. Богатые люди носятъ какъ бы кожаные чулки, поверхъ которыхъ надѣваютъ сауровыя (изъ лошадиной кожи) калоши, называемыя *ичигъ*. На головѣ носится шапочка—*тюбетей*, а на нее надѣваютъ высокій войлочный колпакъ, украшенный цвѣтными тесемочками.

Голову брѣютъ, а усы подстригаютъ и подбриваютъ, такъ что они тянутся узкою полоскою.

Женщины лицъ не закрываютъ. Халатъ тоже носятъ и накидываютъ его на голову, причемъ придерживаютъ полы руками, стараясь, чтобы ихъ не было видно, потому что показывать руки, въ особенности передъ старшими, считается верхомъ неприличія: руки должны быть спрятаны въ рукава и сложены на животѣ. На головѣ башкирки носятъ особыя шапочки и повязки, украшенныя бусами и монетами, или же онѣ украшаютъ ими грудь и шею, а кисти рукъ браслетами. Всевозможныя кольца тоже въ ходу у башкирокъ.

Нравы башкиръ весьма хороши. Они кротки, привѣтливы, гостепріимны. Разбоевъ и грабежей между ними нѣтъ; башкиры трезвы, трудолюбивы и не отличаются пылкими страстями.

Между башкирами пользуется особымъ уваженіемъ кладбище Балынъ Гози, въ пригородѣ Билярскѣ. Къ этимъ развалинамъ каждое лѣто съѣзжаются башкиры на поклоненіе, потому что признаютъ ихъ священными. Они вѣруютъ, что внутри каменныхъ зданій погребены ихъ святые, которые не только въ жизни своей, но и нынѣ еще дѣлаютъ различныя чудеса. Набожность и уваженіе башкиръ къ этой ихъ святынѣ доходитъ до того, что нѣкоторые изъ нихъ, собирающіеся на это мѣсто моленія, отъ самой подошвы до развалинъ, находящихся на склонѣ горы, ползутъ на колѣнахъ молясь и причитая имена своихъ святыхъ. Башкиры чтутъ также и источникъ, вытекающій изъ этой горы. Вода его считается священною, потому что ею будто бы совершалъ свои омовенія святой, жившій поблизости этого источника. Богомольцы запасаются этою водою, когда возвращаются къ себѣ домой. Этой водѣ приписываютъ свойство излѣчивать всякіе недуги. По окончаніи обыкновенныхъ моленій, поклонники сходятъ съ горы, гдѣ убивая гусей, овецъ и другихъ животныхъ, приготовляютъ въ честь своихъ святыхъ и для празднества обѣдъ; при этомъ не только тѣ, которые съѣзжаются для моленія, но и христіане, приходящіе посмотрѣть изъ любопытства, могутъ быть участниками ихъ празднества и увеселеній.

Мы выше говорили, что башкиры тщательно занимаются земледѣліемъ; поэтому у нихъ есть особое празднество, *сабанное*, получившее свое названіе отъ земледѣльческаго орудія—сабана. Празднество это происходитъ ежегодно предъ началомъ пашни.

Вечеромъ, наканунѣ празднества, собираются молодые люди со всей деревни, на верховыхъ лошадяхъ, и проѣзжаютъ деревню изъ конца въ конецъ, снова возвращаются отъ околицы и, останавливаясь предъ каждою избою, поднимаютъ ужаснѣйшій крикъ и стукъ—и продолжаютъ этотъ гвалтъ до тѣхъ поръ, покуда хозяинъ дома не дастъ имъ что нибудь. Такъ объѣзжаютъ всѣ дома безъ исключенія. Собравъ подворную пошлину, молодежь разъѣзжается по своимъ дворамъ; а поутру, до самаго солнечнаго восхода, вся компанія выѣзжаетъ въ поле и отъѣхавъ на значительное разстояніе, пускается на перегонки вскачь назадъ въ деревню, при въѣздѣ въ которую стоятъ уже зрители обоего пола, а въ извѣстномъ отъ нихъ разстояніи — стоитъ дѣвочка съ высокимъ шестомъ въ рукахъ. На шестѣ привязывается бѣлый платокъ, вышитый по угламъ, который и достается въ награду побѣдителю, т. е. тому, кто обгонитъ всѣхъ и первый сорветъ съ древка платокъ. По окончаніи этой скачки, всѣ жители идутъ въ мечеть на молитву и просятъ Бога объ урожаѣ хлѣба; послѣ молитвы устраивается общее пиршество, а между молодыми различныя забавы.

Внутреннее обозрѣніе.

Приключенія на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ. — Отчего они происходятъ. — Ловкая продѣлка елисаветоградскихъ евреевъ. — Наводненіе въ Амурской области. — Убійство въ Саратовѣ. — Окончаніе Мясниковскаго дѣла.

Переживаемое нами время особенно богато всевозможными приключеніями на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Не проходитъ дня безъ того, чтобы газеты не принесли извѣстія о какомъ нибудь несчастіи съ поѣздомъ, паровозомъ, желѣзнодорожной прислугой, пассажирами и т. п. Читая и слыша о всѣхъ этихъ несчастныхъ случаяхъ, невольно задаешь себѣ вопросъ: да когда-же будетъ конецъ всему этому? Насколько можно судить по краткимъ газетнымъ извѣстіямъ, большая часть желѣзнодорожныхъ несчастій происходитъ отъ небрежности желѣзнодорожной прислуги и вообще служащихъ по этой части. Съ другой стороны, причиною несчастій является и злоумышленіе со стороны неизвѣстныхъ личностей, которыя, пользуясь оплошностью сторожей, употребляютъ различныя средства, чтобы помѣшать движенію поѣзда. Случаи этого послѣдняго рода стали повторяться теперь чаще прежняго. 1-го октября, въ 3 часа ночи, на 245 верстѣ московско-ярославской желѣзной дороги оказался рельсъ, положенный поперегъ пути. Такая-же попытка была сдѣлана вновь въ семь часовъ вечера, причемъ пойманный злоумышленникъ, хотя и былъ представленъ начальству, но

успѣлъ бѣжать. 8-го октября, вечеромъ, рабочій поѣздъ на харьковско-николаевской желѣзной дорогѣ наѣхалъ на шпалу, положенную поперегъ дороги. При этомъ случаѣ убитъ вагонный мастеръ и раненъ кондукторъ. Поѣздъ же, отправленный за докторомъ, для поданія помощи, попалъ на камень, положенный на рельсы. Того-же числа, близъ Царицына, три мальчика и поѣзда со станціи Бологое въ гор. Рыбинскъ, машинистъ замѣтилъ, что изъ продувательнаго крана идетъ паръ, хотя этотъ кранъ имъ отворяемъ не былъ. Оказалось, что кранъ совершенно отломленъ. Тогда, остановивъ поѣздъ и изслѣдовавъ путь, машинистъ увидѣлъ шпалу, которая была кѣмъ-то положена поперегъ дороги и, зацѣпившись о паровозъ, изломала кранъ. За-

Башкиры. Рис. Г. Руссо, грав. де-Леклеръ.

одна дѣвочка положили, во время тумана, камни на рельсы, за что были пойманы и арестованы. Но болѣе всѣхъ въ этомъ отношеніи отличается Рыбинско-бологовская желѣзная дорога. Въ началѣ іюля нынѣшняго года, на рельсы этой дороги неизвѣстно кѣмъ навалена была цѣлая груда камней, отъ 9 до 10 пудовъ вѣсомъ каждый. Въ концѣ того-же мѣсяца, изъ трехъ мостовъ той-же дороги были вынуты желѣзные болты, которыми захотѣли воспользоваться трое злоумышленниковъ. Слѣдствіе надъ ними обнаружило съ ихъ стороны одно только намѣреніе украсть; тѣмъ не менѣе, отъ вынутія болтовъ поѣздъ легко могъ соскочить съ рельсовъ и упасть съ моста. Утромъ 8 сентября, какъ сообщаетъ „Русскій Міръ“, при слѣдованіи почтоваго тѣмъ, пройдя 180 саженъ, поѣздъ натолкнулся на вторую шпалу; потомъ—на третью и наконецъ, черезъ 1/2 версты,—на четвертую. Эти и имъ подобные случаи вынудили правительство издать особыя правила для усиленія надзора за безопасностью пути и для предупрежденія несчастій въ будущемъ. Насколько успѣшно будутъ дѣйствовать вновь изданныя постановленія — сказать трудно; но можно и теперь быть увѣреннымъ, что пока правленія нашихъ желѣзныхъ дорогъ не будутъ строже относиться къ своимъ обязанностямъ и уважать интересы публики, до тѣхъ поръ положеніе вещей не измѣнится, и случаи, вродѣ вышеприведенныхъ, будутъ повторяться по прежнему. Несчастій на желѣзныхъ дорогахъ много и безъ злоумышленія съ

чьей-бы то ни было стороны: одна безпечность русскаго человѣка способна произвести ихъ тысячи. Въ сентябрѣ, на харьковской станціи желѣзной дороги, дежурнымъ паровозомъ отрѣзало обѣ ноги молодому человѣку, не успѣвшему отскочить. На этой станціи, въ теченіи шести дней, раздавлено *пять* человѣкъ; одинъ и тотъ-же машинистъ два дня сряду убиваетъ по человѣку. На одесской жел. дорогѣ, вслѣдствіе недоброкачественности воды, происходитъ то, что котелъ машины не можетъ дѣйствовать исправно; а потому нѣкоторые поѣзды, вышедшіе со станціи, не доходя до другой, оставляютъ на пути часть вагоновъ и, облегчившись такимъ образомъ, слѣдуютъ далѣе. Эта исторія повторилась въ одинъ день съ тремя товарными поѣздами! Или еще случай, сообщаемый „Петерб. Вѣдомостями". 21-го сентября, въ 7 часовъ вечера, при проходѣ товарнаго поѣзда къ рыбинскому вокзалу, одинъ крестьянинъ, которому нужно было переѣхать линію, видя, что близко идетъ поѣздъ, остановилъ лошадь, а самъ сошелъ съ телѣги, чтобы держать подъ уздцы; но свистокъ поѣзда испугалъ лошадь; она вырвалась изъ рукъ хозяина и, разорвавъ цѣпь шлагбаума, бросилась на линію. Поѣздъ, шедшій полнымъ ходомъ, раздавилъ лошадь и расщепалъ телѣгу, осколки которой, напираемые локомотивомъ, сбили съ мѣста больше десятка шпалъ; нѣкоторые вагоны сошли съ рельсовъ, и поѣздъ остановился. Спрашивается: кто виноватъ въ настоящемъ случаѣ? Крестьянинъ, лошадь или общество жел. дороги, не желающее сдѣлать прочнаго шлагбаума?

Желѣзныя дороги представляютъ также обширную арену для дѣятельности мошенниковъ и всякаго рода ловкихъ людей. У проѣзжавшаго по московско-смоленской жел. дорогѣ судебнаго слѣдователя Г*. вырѣзано изъ боковаго сакъ-вояжа банковыми и кредитными билетами 14 тысячъ рублей. Онъ ѣхалъ съ женою, въ почтовомъ поѣздѣ, въ вагонѣ 2-го класса. Случайно деньги были найдены. Въ тотъ же день (4 сент.) украдено было у другаго господина 4,000 рублей. О пропадающихъ чуть не каждый день вещахъ и говорить нечего. Общество московско-курской жел. дороги вывѣсило въ своихъ вагонахъ объявленіе, которымъ предостерегаетъ пассажировъ отъ весьма возможнаго похищенія ихъ вещей, преимущественно на такихъ большихъ станціяхъ, какъ Тула, Орелъ и другія. Даже самъ директоръ общества одесской жел. дороги не избѣгъ общей участи. Но если можно предположить небезопасность отъ воровъ пассажирскаго багажа, то ужъ никакъ, казалось бы, нельзя ожидать на жел. дорогахъ открытаго грабежа; а между тѣмъ, у насъ бываютъ случаи и такого рода. Борисоглѣбскій (тамбовской губерніи) корреспондентъ газеты „Соврем. Извѣстія" разсказываетъ совершенно невѣроятное событіе. Однажды, когда товарный поѣздъ шелъ весьма умѣреннымъ ходомъ, вскакиваютъ, цѣпляясь за веревки и за что попало, въ вагоны человѣкъ около тридцати (!!) и начинаютъ сбрасывать съ открытыхъ вагоновъ товаръ; но крикъ замѣтившей это поѣздной прислуги заставилъ этихъ героевъ остановиться и поскорѣе убѣжать. Другое необычайное событіе, но уже въ иномъ родѣ, случилось на николаевской желѣзной дорогѣ въ поѣздѣ, слѣдовавшемъ 23-го сентября изъ Москвы въ Петербургъ. Между станціями Химки и Крюково, въ одномъ изъ вагоновъ два пассажира неожиданно открыли стрѣльбу изъ револьверовъ и тѣмъ произвели не малый переполохъ въ публикѣ. Стрѣлками оказались два купеческихъ сына; револьверы были заряжены пулями, но выстрѣлы не причинили пассажирамъ никакого вреда. Стрѣлки, какъ оказалось, были вооружены не однимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ, но и кинжалами. При составленіи полицейскаго акта, купчики сильно упали духомъ и просили не начинать дѣла, такъ-какъ за это имъ сильно достанется отъ родителей. Просьба ихъ, конечно, не была уважена.

Въ газетѣ „Биржа" сообщаютъ о слѣдующей продѣлкѣ евреевъ въ нашихъ южныхъ губерніяхъ. Въ 1870 году одинъ елисаветоградскій еврей далъ взаймы юнкеру одного драгунскаго полка 200 руб.; мировой судья рѣшилъ взыскать эти деньги, но взысканіе было пріостановлено вслѣдствіе рѣшенія кассаціоннаго департамента, въ которомъ разъяснено, что по воинскому уставу юнкера признаются состоящими въ нижнихъ чинахъ, а поэтому векселя и вообще долговыя ихъ обязательства не признаются дѣйствительными. Узнавъ о такомъ рѣшеніи, евреи затѣяли дѣло, которое можно назвать великимъ и отдающимъ честь ихъ изобрѣтательности. Нѣсколько евреевъ, сговорившись между собою, берутъ этого самого юнкера, везутъ въ Одессу, даютъ ему 300 р. въ награду за содѣйствіе въ ихъ дѣлѣ и заключаютъ съ нимъ у тамошнихъ нотаріусовъ сдѣлки, въ силу которыхъ юнкеръ даетъ евреямъ заемныя письма на 14,000 р., по 500 рублей каждое,—разумѣется, фальшивыя,—и, засвидѣтельствовавъ ихъ законнымъ порядкомъ, отправляются обратно въ Елисаветоградъ. Вѣсть объ этой этой сдѣлкѣ быстро разнеслась между евреями и соблазнила еще двухъ изъ нихъ такимъ же путемъ попытать счастья. Захвативъ съ собой опять того-же юнкера, эти евреи отправились съ нимъ въ Одессу и въ нѣсколько дней было совершенно заемныхъ писемъ еще на 23 тыс. рублей у одесскихъ нотаріусовъ, которые и не подозрѣвали, что совершаютъ противузаконныя сдѣлки. Въ это время евреи, оставшіеся въ Елисаветоградѣ, разсудивъ, что если и другіе пойдутъ на эту поживу, то имъ достанется очень мало,—пишутъ нотаріусамъ, что обязательства юнкера недѣйствительны, а потому нотаріусамъ придется отвѣчать своими залогами. Но евреи, не желая заводить дѣло, предлагаютъ нотаріусамъ мировую. Дѣлать нечего, нотаріусы, узнавъ, что они дѣйствительно совершили незаконныя сдѣлки, соглашаются на предложеніе евреевъ и мирятся съ ними на 500 рубляхъ, потомъ евреи представляютъ нотаріусамъ другое заемное письмо юнкера и получаютъ еще 500 р., затѣмъ—третье и т. д. Нотаріусы платятъ и совѣстятся сообщить одинъ другому о томъ, въ какой просакъ всѣ они попали. Наконецъ, мошенническая продѣлка евреевъ раскрывается; евреевъ и юнкера арестуютъ и заключаютъ въ тюрьму. Исторія эта кончится для нихъ, по всей вѣроятности, весьма непріятно.

Въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ" пишутъ, что городъ Благовѣщенскъ-на-Амурѣ и его окрестности подверглись сильнѣйшему наводненію. Съ 3-го на 4-е іюля, вода въ рѣкѣ Амурѣ вслѣдствіе таянія снѣговъ на горахъ у верховьевъ этой рѣки, поднялась съ небольшимъ сажени на 2, затопила полъ-города Благовѣщенска, такъ-что на одну изъ улицъ заходилъ пароходъ, и почти изъ 100 домовъ выгнала жителей, которые на время переселились въ горы. Въ окрестностяхъ города, смыло до основанія цѣлый десятокъ казачьихъ станицъ; въ станицѣ Черняевой изъ 80 домовъ осталось только 10. Всѣ посѣвы хлѣбовъ и покосы затопило. Голодъ, болѣзни: лихорадка, тифъ и цынга, — вотъ что ожидаетъ жителей впереди. Многіе утверждаютъ, что большая часть бѣдствія не была бы испытана, если-бъ амурскій телеграфъ былъ болѣе исправенъ. Извѣщенные во-время, жители могли бы заблаговременно принять мѣры къ спасенію своего имущества. Часть города Благовѣщенска спаслась только благодаря энергіи и распорядительности супруги губернатора (самъ онъ былъ въ отъѣздѣ), которая среди ночи явилась въ батальонъ и приказала бить тревогу.

Газеты разсказываютъ о звѣрскомъ убійствѣ въ г. Саратовѣ четырехъ женщинъ, принадлежащихъ къ се-

мейству купца Четверикова, между которыми было двое дѣтей, дѣвочки 14 и 10 лѣтъ. Преступникъ, служившій у Четверикова кучеромъ, Андрей Поляковъ, былъ арестованъ жандармомъ на станціи Фаустово московско-рязанской жел. дороги, на пути въ Москву, куда онъ направлялся. Убійство онъ совершилъ топоромъ, ночью; взялъ болѣе тысячи рублей денегъ и тотчасъ же отправился въ Москву.

Извѣстное читателямъ дѣло Мясниковыхъ снова разбиралось судомъ (въ Москвѣ), но и въ этотъ разъ всѣ подсудимые признаны были невиновными.

Безподобный редакторъ-издатель „Сіянія“.

Изъ пустого въ порожнее.

Мнѣ очень совѣстно, читатель, что на этотъ разъ приходится буквально слѣдовать заглавію моихъ бѣглыхъ очерковъ текущей россійской журналистики, бесѣдуя съ вами о... да, не удивляйтесь—о „Сіяніи“. Заявляя время отъ времени о различныхъ эволюціяхъ бывшаго своего приказчика, г. Турбы, редакція «Нивы» отнюдь не намѣревалась когда либо вступать съ нимъ въ полемику. Но, я, въ качествѣ легкомысленнаго хроникера, обязаннаго не терять изъ вида самыхъ мелочей общественной жизни, позволяю себѣ принять вызовъ г. Турбы—и поднять ту варешку, которая быть можетъ слишкомъ заношена, для того чтобы редакція „Нивы“ сдѣлала ей честь принять ее за перчатку, требующую серіознаго отвѣта.

Принять этотъ вызовъ я тѣмъ болѣе имѣю право, что варешка эта появилась въ «Сіяніи» № 42 подъ слѣдующимъ безграмотнымъ и безсмысленнымъ заглавіемъ:

Автору «Марево» и тому подобнымъ.

Кому-же, ради Аллаха, г. Турба, кому или чему подобнымъ, Мареву или автору? И кто эти подобные, къ которымъ вы обращаетесь съ вызовомъ? можетъ быть и я въ ихъ числѣ? При чемъ они наконецъ въ дѣлѣ „Нивы“? Нѣтъ, рѣшительно я принимаю вашъ вызовъ и выписываю для потѣхи читателей этотъ интересный документъ in extenso, за исключеніемъ трехъ площадныхъ выраженій, которыми не желаю оскорблять уши своихъ читателей и означу ихъ точками; но такъ какъ *ему подобнаго* мнѣ еще не случалось читывать, то считаю не лишнимъ пояснить нѣкоторыя особенно темныя мѣста моими примѣчаніями. И такъ, bis! г-нъ Турба, bis!

Автору „Марево“ и тому подобнымъ.

12 октября прошлаго года редакція..... «Нивы» сдѣлала первую пошлую вылазку противъ еще предполагавшагося въ то время журнала «Сіяніе» и старалась убѣдить «почтеннѣйшую публику» въ томъ, что подписываться на новый, невыходившій еще въ то время даже и въ свѣтъ журналъ не надо: «пожалуйста не подписывайтесь. «Сіяніе» будетъ дрянь, да и бумага вѣрно будетъ скверная, «Нива» лучше и т. под.».

(Этого въ „Нивѣ“ не было напечатано, г-нъ Турба; а что было напечатано—можно видѣть въ (№ 42) „Нивы“ за 1871 годъ).

Подобныя толкушныя зазыванья, повторявшіяся не разъ, слишкомъ говорятъ за себя и позволительны только гостинодворцамъ-литераторамъ.

(Вы вѣрно хотите сказать: приказчикамъ-литераторамъ, г-нъ Турба,—имъ еще и не то позволительно: они напр. въ своихъ зазываніяхъ обѣщаютъ своимъ подписчикамъ премію, не дадутъ ее—и съ рукъ сходитъ).

Въ виду скораго наступленія подписки, редакція...... «Нивы» опять открываетъ свою обычную октябрьскую «подписную компанію», въ которой такъ и сквозитъ: «пожалуйте, господа, къ намъ, «Сіяніе» только подражаетъ намъ въ форматѣ, въ цѣнѣ; мы стали переводить романъ Шпильгагена и, «Сіяніе», спустя 2 номера, стало дѣлать тоже—списываетъ, молъ, у насъ».

Да, г-нъ Турба, вы списывали съ „Нивы“, какъ это легко увидятъ читатели изъ сопоставленія перевода „Нивы“ съ вашею передѣлкою: Возьмемъ нумера по порядку и съ самыхъ первыхъ строкъ „Сіянія“:

„НИВА“	„СІЯНІЕ“
№ 33. **выданъ 14 августа.** — Не хочу утруждать васъ больше; я самъ найду, что мнѣ нужно. Жена кистера взглянула съ нѣкоторымъ удивленіемъ сперва на господина, а потомъ на связку большихъ ключей, висѣвшую на двери, которую она только что отворила. — Ну да, сказалъ иностранецъ,—вамъ нечего безпокоиться на этотъ счетъ; я не долго останусь, вотъ вамъ за труды. Онъ сунулъ ей въ руку монетку и обернулся къ двери. — Господинъ пасторъ запретилъ, сказала женщина.	**№ 35.** **выпущенъ 27 августа.** — Не безпокойтесь пожалуйста,—теперь я самъ найду то, что мнѣ нужно. Жена кистера взглянула съ удивленіемъ сначала на говорившаго, потомъ на большую связку ключей, воткнутую (?) въ дверь, которую она только-что отворила для него. — Да, самъ, — повторилъ тотъ,—но вы можете быть покойны, такъ-какъ я не останусь здѣсь долго. Вотъ вамъ за труды. Съ этими словами говорившій положилъ ей въ руку золотую монету и обернулся къ двери. — Господинъ пасторъ строго запретилъ... — сказала женщина.
„НИВА“ **№ 34.** **выданъ 21 августа.** Ну, молодой баринъ, сказалъ я, — это еще не такъ худо; у васъ теперь богатый зять, который можетъ дать вамъ денегъ.—Но молодой баринъ вскочилъ, сталъ передо мною, схватилъ меня за грудь и началъ трясти такъ, что мнѣ стало страшно, а самъ кричитъ: «если ты скажешь еще одно слово объ...	„СІЯНІЕ“ **№ 36.** **выпущенъ 3 сентября.** — Ну, молодой баринъ, сказалъ я, это еще небольшая бѣда: у васъ теперь богатый зять, который можетъ дать вамъ денегъ. При этихъ словахъ молодой баринъ вскочилъ и принялся меня трясти такъ сильно, что я перепугался, а самъ говоритъ: «если ты скажешь еще слово объ...»
„НИВА“ **№ 35.** **выданъ 28 августа.** Готтгольдъ охотно подошолъ бы ближе къ картинамъ, изъ которыхъ одна, висѣвшая нѣсколько дальше, по какому-то странному случаю, какъ будто была знакома ему; но господинъ Вольнофъ уже наполнилъ зеленые стаканы благоухающимъ ренвейномъ, и дюжая пожилая женщина шумно вошла въ комнату, неся въ красныхъ какъ огонь рукахъ дымящееся блюдо съ только-что изжаренной рыбой. — Стина говоритъ, что вы всегда особенно любили камбалу, сказалъ господинъ Вольнофъ.	„СІЯНІЕ“ **№ 37.** **выпущенъ 12 сентября.** Готтхольдъ охотно подошолъ бы ближе къ картинамъ, изъ которыхъ одна, висѣвшая немного высоко, казалась ему весьма знакомой, но въ это время Вольнофъ уже наполнилъ зеленые стаканы ароматическимъ рейнвейномъ, а пожилая, но здоровая на видъ (?) женщина вошла тихо въ комнату и поставила на столъ блюдо съ только-что зажареной морской рыбой. — Стина увѣряетъ, что вы всегда особенно любили камбалу,—сказалъ Вольнофъ.

и т. д. и т. д.

Но довольно, кажется; не ясно ли видно изъ этихъ сопоставленій, что г. Турба пережидалъ двѣ недѣли послѣ выхода каждаго нумера „Нивы“ и затѣмъ обра-

ботывалъ Шпильгагена по своему съ нашего перевода, причемъ „своя рука была вполнѣ владыка“?

Если разсуждать по вашему, господа, (чего Боже упаси, вообще), то придется обвинять въ подражаніи. . . . . «Нивѣ» и «Дѣло», такъ какъ переводъ романа Шпильгагена появился въ послѣднемъ журналѣ еще позже даже, чѣмъ въ «Сіяніи». Логика замѣчательная.

(Дѣйствительно замѣчательная, но за то вѣдь она и ваша собственная, безподобный издатель „Сіянія“! „Нива“ ни слова не говорила о „Дѣлѣ“, въ которомъ переводъ могъ появиться и черезъ годъ, а все-таки былъ бы чѣмъ онъ есть, т. е. самостоятельнымъ переводомъ, а не спискомъ съ „Нивы“).

Что же касается до того, что нашъ «переводъ»—«слабое подражаніе» вашему, то предлагаемъ всякому желающему, явиться въ контору «Сіянія» посмотрѣть на сохранившiяся еще рукописи перевода.

(Да вѣдь всякій списокъ есть рукопись—или вы и этого не знаете, г. Турба?).

Ничего если даже придетъ и знаменитый Марево,—

(Марево—средняго рода, г. Турба, и притомъ оно не ходитъ по той простой причинѣ, что у него ногъ нѣтъ.

Г. Клюшниковъ, вѣроятно, не посѣтуетъ на насъ, если мы согласимся съ нимъ, что «своя рука владыка»...

(Г. Клюшникову вѣроятно некогда сѣтовать на всякій вздоръ).

Жаль только, что онъ голову свою не всегда держитъ въ рукахъ.

(Сколько мнѣ извѣстно, онъ даже никогда не держитъ голову свою въ рукахъ, а всегда выше—на плечахъ).

Затѣмъ, на счетъ того, что нашъ журналъ есть слабое подражаніе «Нивѣ» вообще, то ограничимся повтореніемъ сказаннаго нами еще въ февралѣ мѣсяцѣ: «Мы считали-бы для себя позоромъ быть даже самымъ удачнымъ подражаніемъ подобному журналу. У насъ совершенно другія задачи (см. «Сіяніе» № 8)».

Вотъ это совершенно справедливо, г. Турба. Ваши задачи ужъ подлинно *задачи* для читающей публики. Не ходя дальше того же № 42 „Сіянія“, въ которомъ напечатанъ вышеприведенный куріозъ, что бы могла бы значить напр. хоть эта подпись подъ рисункомъ:

Ветрина Свѣчникова,

Гравировалъ В. Шпакъ, рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ.

Вѣдь *рѣзать на деревѣ* именно и значитъ *гравировать;* чья же это наконецъ гравюра? И какъ могъ г. Шлиперъ рѣзать на деревѣ то, что уже было вырѣзано на этомъ самомъ деревѣ г-номъ Шпакомъ? И что это за *ветрина*?—такого и слова нѣтъ ни на какомъ языкѣ, г. Турба.

Или напр. кто разгадаетъ слѣдующую подпись подъ другимъ рисункомъ того же нумера „Сіянія“:

Модель церкви изъ серебра работы. Овчинникова.

Что тутъ изъ серебра—модель или церковь или какія-то работы, и при чемъ тутъ Овчинникова?

А еще пишите вы, г. Турба, въ своемъ почтовомъ ящикѣ того же нумера

Г. Правдину. Ваши «Трущобы» безграмотны

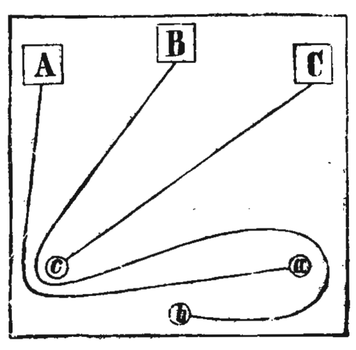
Не судья вы въ грамотности, г. Турба, иначе поисправили бы свои собственныя трущобы полныя безсмыслицъ вродѣ слѣдующаго отвѣта въ томъ же почтовомъ ящикѣ того же нумера:

Рабочему Никитѣ. Ваши интересныя замѣтки, присланныя 28 сентября, будутъ напечатаны въ непродолжимомъ времени.

Продолжимаго времени не бываетъ, г. Турба. Время строго опредѣляется законами движенія земли вокругъ солнца и около своей оси; а потому породолжить время не властны даже и вы, г. Турба, такъ какъ сомнительно чтобы вы нашли точку опоры Архимедова рычага въ пространствѣ вселенной и могли бы хоть на волосъ ускорить движеніе земли, а ужъ до солнца-то куда какъ далеко вашему "Сіянію". Ахъ, оставьте лучше коварные замыслы о перестройкѣ небесной механики и поучитесь-ка россійской грамматикѣ, т. е. искусству правильно говорить и писать по русски; а то вѣдь пожалуй ваши читатели не шутя подумаютъ, что вы всегда держите голову свою въ рукахъ, а на плечахъ у васъ ея не имѣется.

РАЗРѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ „ТЯЖКОЕ ЗАТРУДНЕНІЕ“.

(См. № 42 „Нивы“).



Новыя дорожки были проведены, какъ показано на прилагаемомъ чертежѣ, при чемъ бывшій кратчайшій путь отъ домика B до его колодца сталъ длиннѣйшимъ.

Почтовый ящикъ.

К. А. П-ко въ Новосиль. Ваша статья весьма интересна, но такъ какъ нашъ журналъ, подобно всѣмъ иллюстрированнымъ изданіямъ, находится подъ предварительною цензурой, то мы совѣтовали бы вамъ передать вашу рукопись въ какую нибудь другую газету.

Штабсъ-капитану В. Е. Б. въ К. Такъ какъ вы избрали эпиграфомъ:

Письмо лети туда,
Гдѣ примутъ безъ труда,
А если непріятно,
То прилети обратно,—

Мы готовы исполнить вашу просьбу.

Г-жѣ Е. К. въ Проскуровъ. Высоко цѣня ваше предложеніе напечатать «разсказъ Б....» безплатно, мы все же не находимъ возможности воспользоваться имъ.

Г. А. М. въ Путивль. Хотя статья ваша не безъ достоинствъ, но не подходитъ къ цѣлямъ нашего изданія.

Г. П. В. въ Москву. Мы желали бы имѣть корреспонденціи, касающіяся болѣе крупныхъ явленій.

Г. Н. Т. въ Елисаветградъ. Ваши статьи слишкомъ сжаты для трактуемыхъ предметовъ.

Г. Г. К. на станцію Юрловку. Пришлите что нибудь поинтереснѣй, напр. общій очеркъ охотъ въ вашемъ краю.

Г. И. С. въ Калугу. Мы вообще не печатаемъ акафистовъ, а въ особенности стихотворныхъ.

Г. К. С. въ Спасъ.-Деминскъ. Ваше стихотвореніе «Школа» будетъ помѣщено при первомъ удобномъ случаѣ.

Г. П. А. П—ъ въ Кіевъ. Ваше стихотвореніе «Метель» будетъ напечатано.

Г. Д. В. В. въ Балахну. Такъ какъ вся исторія съ новой кометой была общеизвѣстной уткой, то мы сочли за лучшее же не печатать вашего опроверженія, хотя оно написано весьма хорошо.

Г. Ѳ. С. Г-ну въ Москву. Ваши стихотворенія весьма хороши для начинающаго писателя, но за избыткомъ уже пріобрѣтенныхъ матеріаловъ въ этомъ родѣ, мы не можемъ удѣлить имъ мѣста.

Г. В. П. въ Черниговъ. Вашъ переводъ не будетъ напечатанъ.

Г. Р. П. въ село Гасево. Ваши сельскія идилліи едва ли будутъ по вкусу большинству городскихъ читателей. Попробуйте свои силы въ иномъ родѣ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Дозволено цензурою 20 октября 1872 года. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр. д. № 53

№ 44 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 30 октября 1872 года. Годъ III.

ОБЪ ИЗДАНІИ „НИВЫ“ ВЪ 1873 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годовой Экземпляръ „НИВЫ“ въ 52 №№ (880 страницъ) съ 200—250 рисунками и ежемѣсячнымъ прибавленіемъ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

I. Въ С.-Петербургѣ:	безъ доставки на домъ .	4 р. — к.
„	съ доставкой на домъ по городской почтѣ	5 „ — „
II. Въ Москвѣ:	безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ или О. Мекленбурга . .	4 „ 50 „
„	Съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію	5 „ 50 „
III. Въ губерніяхъ:	съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію.	5 р. 50* к.
IV. Заграницею:	Въ Германіи и Австріи 8 руб., въ Англіи и Франціи 10 руб, въ Голландіи, Бельгіи, Италіи, Швейцаріи и Дунайскихъ княжествахъ 9 руб., въ Швеціи, Испаніи, Португаліи и Греціи 10 руб. 50 коп., въ Китаѣ и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ 12 руб.	

ПОДПИСКА принимается въ **конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.**

Гг. Иногороднихъ подписчиковъ покорнѣйше просимъ обращаться для подписки на „НИВУ“ 1873 года съ своими требованіями—**исключительно и прямо** въ контору редакціи „НИВЫ“, ибо только въ такомъ случаѣ мы можемъ ручаться за аккуратную высылку нашего журнала. Во избѣжаніе перерыва между высылкою послѣднихъ №№ 1872 года и первыхъ №№ 1873 г., гг. подписчики (въ особенности живущіе въ отдаленныхъ мѣстностяхъ) благоволятъ высылать слѣдуемыя подписныя деньги 5 р. 50 к. **заблаговременно.**

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

XIX.

Молодой дворянчикъ послѣдовалъ за другими гостями, уже вошедшими въ домъ; всѣ они направились направо отъ сѣней въ кабинетъ Брандова, гдѣ, какъ Готтгольдъ увидѣлъ въ окно, уже былъ приготовленъ ломберный столъ.

— Что же, господинъ Веберъ, вы намѣрены оставаться здѣсь, на дорогѣ? спросила, подходя къ нему, стоявшая на порогѣ сѣней Рика.

Она довольно привѣтливо глядѣла на него своими сѣрыми глазами У него мелькнула въ головѣ мысль, что онъ самъ виноватъ, если не привлекъ на свою сторону это алчное созданіе; но можно, даже должно вернуть потерянное, если онъ желаетъ достигнуть цѣли, для которой вернулся въ Долланъ. Уѣзжая сегодня утромъ, онъ сдѣлалъ ей щедрый подарокъ; можетъ быть ему нужно только продолжать начатое.

— Мы не думали, что такъ скоро увидимъ васъ опять, продолжала дѣвушка,—вы уѣхали такъ неожиданно; здѣсь даже остались нѣкоторыя ваши вещи, чудесный пунцовый шелковый платокъ—принести его?

Она подошла къ нему какъ можно ближе, и какъ будто нечаянно дотронулась до его руки.

— Я думаю, онъ очень будетъ идти къ вамъ, сказалъ Готтгольдъ.

— Вы думаете? Воображаю! много вы знаете, что ко мнѣ идетъ, что нѣтъ! У васъ вѣдь только и были глаза что... для кого-то другаго.

— Гдѣ сегодня госпожа? Отчего ее не видно? спросилъ Готтгольдъ, и, замѣтивъ что при этихъ словахъ

недовольная тѣнь пробѣжала по лицу дѣвушки, прибавилъ:—я много далъ бы, чтобъ узнать это.

— А сколько? съ лукавымъ смѣхомъ спросила дѣвушка.

— Рика! куда же ты запропастилась? раздался изъ игорной комнаты голосъ Брандова. — Надо еще пару стакановъ; куда пропала эта дѣвка? и онъ сердито хлопнулъ дверью.

— Онъ насъ не видалъ, шепнула Рика,—мнѣ надобно идти, но я сію же минуту вернусь назадъ.

Она проскользнула въ домъ; еще нѣсколько минутъ Готтгольдъ стоялъ въ нерѣшимости: не сдѣлать ли ему самому, безъ посторонней помощи, попытки увидать Цецилію? Дѣвушка несомнѣнно можетъ быть ему полезна, если захочетъ; но захочетъ ли она? Она кажется серіозно испугалась, когда ее позвалъ Брандовъ; но ему такъ противно было прибѣгать къ дешевой благосклонности легкомысленной дѣвушки,—притомъ же, можетъ быть это была условленная игра между Брандовомъ и ею, чтобы сдѣлать его смѣлѣе, чтобы тѣмъ вѣрнѣе завлечь его въ западню. Лучше пользоваться обстоятельствами, надѣясь на одну свою ловкость.

Обстоятельства дѣйствительно были такъ благопріятны, какъ едва ли они могутъ быть въ другой разъ. Украдкой взглянувъ еще разъ въ освѣщенную уже комнату, онъ увидалъ, что все общество усердно занято игрой — играли кажется въ банкъ — Брандовъ держалъ банкъ—значитъ онъ не могъ теперь уйти. Рика стояла въ глубинѣ довольно большой комнаты съ подносомъ, уставленнымъ стаканами, которые пасторъ наполнялъ пуншемъ—значитъ она также на нѣкоторое время занята. Въ сѣняхъ ничто не шевелилось; въ столовой столъ стоялъ еще не убранный, такъ какъ его оставили гости—единственная свѣча, у которой они зажигали свои сигары, вспыхивала на сквозномъ вѣтру, готовая погаснуть. Тутъ тоже никого не было; и такъ онъ незамѣтно прошелъ въ садъ и скрылся въ его сумракѣ.

Хотя солнце зашло только недавно, но было уже почти совсѣмъ темно. Облака, немного разсѣявшіяся послѣ полудня, опять собрались въ большія темныя тучи; сильный, порывистый вѣтеръ, бѣшено играя ими, то перебрасывалъ ихъ другъ черезъ друга, то разгонялъ въ разныя стороны. Вершины старыхъ деревьевъ качались; въ высокихъ изгородяхъ шелестило и шумѣло, словно отъ ропота тысячи болтливыхъ языковъ.

Такъ казалось Готтгольду. Раза два онъ останавливался перевести духъ; ему было такъ непривычно дѣлать что нибудь украдкой. А между тѣмъ надо было рѣшиться на это; *такъ* онъ не могъ разстаться съ ней навсегда.

Ту часть дома, гдѣ внизу была ея комната, а на верху комната гдѣ помѣщался онъ, окружалъ маленькій садъ; онъ граничилъ со стороны двора заборомъ съ стоявшей насупротивъ него житницей, а отъ большаго сада, прилегавшаго къ задней части дома, отдѣлялся высокой, густой изгородью. Тутъ былъ сперва фруктовый садъ и огородъ, еще и теперь здѣсь стояло нѣсколько чудесныхъ яблонь и грушевыхъ деревьевъ; впослѣдствіи его обратили въ мѣсто для игры дѣтямъ, въ угоду которымъ гряды со спаржей и огурцами преобразились въ лужокъ, а въ толстой стѣнѣ пробили сюда изъ дѣтской небольшую дверь.

Готтгольдъ часто видѣлъ Цецилію, обыкновенно ано уходившую къ себѣ, въ этомъ саду, съ ребенкомъ ли—въ болѣе поздніе часы—одну. Онъ надѣялся найти ее здѣсь, или дать ей знать о своемъ присутствіи, объ которомъ на врядъ ли ее извѣстили, — онъ самъ не зналъ что будетъ дальше; онъ только говорилъ себѣ, что въ такомъ положеніи, какъ теперь, нельзя и не должно оставаться.

Садъ, насколько можно было видѣть изъ за калитки, былъ пустъ, но въ окнахъ двигался туда и сюда свѣтъ. Какъ ни осторожно отворялъ онъ калитку, но не могъ избѣжать, чтобы рѣдко отворяемая дверца громко не заскрипѣла на своихъ заржавленныхъ петляхъ; въ ту же минуту на него съ неистовымъ лаемъ бросился лягавый щенокъ, съ которымъ всегда играла Гретхенъ, но тотчасъ же успокоился, какъ только узналъ Готтгольда. Онъ принялъ за хорошій знакъ ласки маленькаго звѣрка и осторожно пошелъ дальше къ огню, теперь свѣтившему уже только изъ одного окошка. Это было около дѣтской комнаты, сосѣдней съ спальнею Цециліи. Съ бьющимся сердцемъ Готтгольдъ подошелъ къ окну и увидалъ ее.

Она, какъ казалось, только что собрала игрушки и опустилась на стулъ, подперши лобъ лѣвой рукой. Вся она была олицетвореніемъ затаеннаго горя. Свѣтъ стоявшей позади ея свѣчи, ясно и отчетливо обрисовывалъ дивную форму ея головы, нѣжныя линіи тонкой шеи, слегка наклоненнаго затылка и прелестной груди,—между тѣмъ какъ глубокая тѣнь, падавшая на ея милое лицо, еще усиливала его грустное выраженіе. Сердце Готтгольда разрывалась отъ любви и состраданія. «Цецилія, дорогая моя!» прошепталъ онъ.

Она не могла его слышать; но въ эту минуту она подняла голову и, взглянувъ въ окно, замѣтила стоявшую передъ нимъ темную фигуру. Подымаясь со стула, она радостно вскрикнула, раскрыла объятія—и потомъ, точно защищаясь обѣими руками, голосомъ полнымъ страха, воскликнула: «Нѣтъ, нѣтъ, ради Бога, не надо!»

Готтгольдъ не видалъ уже отклоняющаго жеста Цециліи, не слыхалъ ея словъ. Дверь была только притворена, онъ быстро вошелъ въ комнату, бросился къ ногамъ Цециліи и, схвативъ ея руки, покрывалъ ихъ страстными поцѣлуями.

И все, что въ эти послѣдніе чудные дни, обильные страданіями и блаженствомъ любви волновало и наполняло его грудь такъ, что она готова была разорваться, все что онъ выстрадалъ со вчерашняго дня до этой минуты, чему онъ не находилъ имени—полилось потокомъ изъ устъ его. Напрасно противилась Цецилія; она чувствовала, что этотъ потокъ увлекаетъ, уноситъ, пока вскочивъ и обнимая ее онъ не вскричалъ: «такъ пойдемъ-же Цецилія! Ты не должна ни минуты больше оставаться въ этомъ домѣ, подъ одной крышей съ этимъ негодяемъ, который продаетъ за презрѣнныя деньги свой позоръ, — позоръ знанія, что его жена любима другимъ и что она любитъ этого другаго. Я сегодня утромъ ушолъ не простившись съ тобою — все это случилось такъ внезапно, было такъ непостижимо; мнѣ казалось, что я долженъ исполнить твое приказаніе, еслибы даже и не понималъ тебя,—еслибы даже то, что ты сдѣлала, было сдѣлано изъ состраданія къ человѣку, котораго ты когда-то любила, даже изъ остатка любви къ нему; теперь я—теперь мы опять нашли другъ друга; теперь никто и ничто не разлучитъ насъ! Цецилія! ты не отвѣчаетъ мнѣ?

Она глядѣла на него большими глазами, выражавшими самое горестное удивленіе. Тутъ она взяла свѣчку и повела его въ спальню, гдѣ въ углубленіи стояла ея кровать, какъ разъ подлѣ кроватки ея ребенка.

Малютка лежала съ полусомкнутыми глазами, слегка открытымъ ротикомъ, съ раскраснѣвшимися щечками, въ томъ сладкомъ дѣтскомъ снѣ, который наступаетъ вслѣдъ за засыпаніемъ, какъ вечерняя заря за послѣдними лучами солнца. Готтгольдъ потупилъ взоры; въ эгоизмѣ страсти онъ едва ли и думалъ о ребенкѣ, а тѣмъ болѣе о томъ, что онъ могъ быть препятствіемъ. Онъ и теперь еще не понималъ этого. «Твой ребенокъ будетъ моимъ», лепеталъ онъ: «ты не разстанешься съ своимъ ребенкомъ; я никогда не разлучу тебя съ нимъ».

Она поставила свѣчу на полъ, чтобы свѣтъ не падалъ на глаза Гретхенъ, и стала передъ постелькой на колѣни, прижавшись лбомъ къ краю рѣшетки и дѣлая знакъ рукою, чтобы онъ ушелъ. Готтгольдъ стоялъ подлѣ нея съ отчаяніемъ человѣка, который чувствуетъ, что его дѣло потеряно, а между тѣмъ все еще силится отстоять его. Вдругъ собака, вошедшая вмѣстѣ съ нимъ въ комнату, начала ворчать и устремивъ кончикъ своей морды къ порогу двери, ведшей изъ спальни въ общую комнату, разразилась тихимъ лаемъ. Готтгольду показалось, какъ будто бы тамъ что-то зашумѣло; онъ пошелъ къ двери, Цецилія загородила ему дорогу. Она указала на дѣтскую комнату, откуда они вошли, и видя, что Готтгольдъ медлитъ, бросилась туда; Готтгольдъ машинально пошелъ за нею.

— Уйди ради, Бога! воскликнула Цецилія.

Это были первыя слова, слетѣвшія съ ея устъ.

— Опять: уйди? Ни за что!

— Ты долженъ! или все было тщетно! муки, борьба, позоръ — все, все!

— Цецилія, вскричалъ Готтгольдъ внѣ себя, — я не былъ бы мужчиной, еслибъ ушелъ еще разъ! Ты должна мнѣ объяснить все: я хочу знать, что я дѣлаю, почему я это дѣлаю...

— Я не могу ничего больше сказать; ты долженъ понять меня. Я думала, ты угадалъ все съ самаго начала — иначе у меня не хватило бы духу; я была бы несчастнѣйшее на землѣ созданіе, еслибъ ты и теперь еще не понималъ меня. Но ты поймешь; вѣдь я не могла бы любить тебя даже и при другихъ обстоятельствахъ. А теперь, ради твоей любви ко мнѣ, Готтгольдъ, не оставайся здѣсь ни одной секунды больше. Прощай, прощай на вѣки!

Тутъ въ полутемной комнатѣ между ними произошло что-то похожее на борьбу; онъ не пускалъ ее, она не пускала его, словно это должно было длиться вѣчно. Она отчаяно вырвалась, оттолкнула его отъ себя, какъ будто бы еще одна лишняя минута, которую онъ проведетъ съ ней, влекла за собою смерть и погибель. Еще разъ обнялъ онъ дорогую ему женщину, прижалъ ее къ сердцу, а тамъ стоялъ уже за дверью — и дождь билъ ему въ лицо, въ качавшихся надъ нимъ цвѣтахъ шумѣло и шелестило, а въ высокой живой изгороди слышался шопотъ и ропотъ словно отъ тысячи острыхъ языковъ: — Ты глупецъ, ты жалкій безумецъ, ты слабоумный простякъ, который дается въ обманъ разъ, два раза, столько разъ, сколько она захочетъ — почемъ я знаю!

Онъ захохоталъ, и во время этого хохота въ груди у него кипѣло все сильнѣе; онъ дорого бы далъ, еслибы онъ могъ плакать. Но плакать онъ не могъ, да и не хотѣлъ. Какъ бы то ни было, а все же еще ничего не рѣшено, все еще ничто не потеряно, хотя въ душѣ его была такая же темная ночь, какъ и та что одѣвала вокругъ его землю. Ни одной звѣдочки среди марка этихъ чорныхъ, несущихся облаковъ; только на западѣ — блѣдная, едва замѣтная полоса свѣту. А между тѣмъ — эта блѣдная полоса отраженіе закатившагося толнпа, которое завтра опять взойдетъ; она ручается за то, что мрачная ночь не вѣчно будетъ длиться. И по его губамъ также скользило еще что-то, словно вѣяніе ея устъ, словно жаръ ея поцѣлуя... Нѣтъ! нѣтъ, эта разлука не можетъ быть вѣчною! эта мука не можетъ вѣчно длиться.

XX.

Хорошенькую Рику задержали въ игорной комнатѣ, долѣе чѣмъ бы ей хотѣлось. Пасторъ, невѣрною рукою исправлявшій взятую имъ на себя должность кравчаго, счелъ еще за нужное говорить при этомъ длинныя, порядочно несвязныя рѣчи; за то тѣмъ проворнѣе пили вино сидѣвшіе за игорнымъ столомъ господа и тѣмъ нетерпѣливѣе требовали они его еще, пока наконецъ Рика, соскучившись ходить взадъ и впередъ, чему казалось не будетъ конца, и не долго думая, перенесла буфетъ съ пуншевой чашей къ игорному столу, доставивъ такимъ образомъ услуживому пастору возможность подносить налитые имъ стаканы и себѣ. Затѣмъ, нагнувшись надъ стуломъ Ганса Редебаса и поглядѣвъ нѣсколько минутъ на игру, она быстро выскользнула изъ комнаты.

Ее такъ и тянуло продолжать разговоръ съ Готтгольдомъ. Въ сущности, она всегда была расположена къ этому красивому тихому господину — и если исполняла навязанную ей Брандовомъ роль шпіона съ такимъ усердіемъ, то не столько изъ любви къ своему барину, сколько изъ соперничества съ своей барыней, которой она не желала бы уступить прекраснаго чужестранца. А между тѣмъ, сдѣланный имъ сегодня утромъ богатый подарокъ тронулъ и даже изумилъ ее, а его ласковое обращеніе совершенно обезоружило ее. Само собою разумѣется, что онъ возвратился только для барыни; но ея подвижное сердце нисколько не затруднилось задачей, какимъ образомъ можно сдѣлать одно, не упуская другаго. Она рѣшилась даже помогать ему, если онъ будетъ ласковъ, очень ласковъ — и право, ей же лучше будетъ, если ея барыня убѣжитъ съ нимъ.

Но она уже не нашла его у подъѣзда, гдѣ она его оставила. Къ тому же, это было очень неудобное мѣсто для продолженія начатаго разговора: того и смотри что кто нибудь придетъ; сѣни тоже не надежны. Можетъ быть онъ въ столовой? Его не было тамъ. Въ саду, куда она заглянула, деревья качались такъ угрюмо. Гдѣ бы онъ могъ быть? гдѣ же иначе, какъ не въ своей комнатѣ, чтобъ взглянуть на оставленныя тамъ вещи! Ей слѣдуетъ помочь ему; вѣдь въ темнотѣ онъ пожалуй и не найдетъ ихъ.

Хорошенькая дѣвушка тяжело вздохнула; въ одно мгновеніе поднялась она неслышными шагами по лѣстницѣ и шмыгнула къ той комнатѣ, гдѣ жилъ Готтгольдъ во время своего пребыванія въ Долланѣ. Здѣсь она остановилась, прижимая руки къ разгорѣвшимся щекамъ и къ волнующейся груди, — и послѣ легкаго стука, не расчитывая на приглашеніе войти, словно робѣя и медля, растворила дверь. Напрасно пылали ея щеки, напрасно билось такъ сильно ея сердце — комната была пуста. Она подошла къ окну и въ ту же минуту отошла отъ него. Тамъ, какъ разъ подъ нею, въ дѣтскомъ садикѣ, былъ тотъ, кого она искала; тихо и осторожно подходилъ онъ къ окнамъ, откуда падалъ на древесные стволы слабый дрожащій свѣтъ; а потомъ скрылся — куда же, какъ не въ дверь дѣтской комнаты, къ ней! Этого она отъ ихъ не ожидала, каковы лицемѣры! они съумѣли справиться сами право! Это ужь слишкомъ нагло! Въ такомъ случаѣ пожалуй и сбудется то, о чемъ онъ говорилъ ей раза два, а она въ сущности-то не вѣрила, — что онъ женится на ней, пусть только убѣ-

рется та, другая. Какъ бы то ни было, а онъ это узнаетъ; они не заслужили ничего лучшаго.

— Что бы это такое значило? вскричалъ господинъ Редебасъ, когда Брандовъ, сейчасъ же по окончаніи таліи, слегка извиняясь, всталъ изъ-за стола.

— Я сію же минуту вернусь назадъ, сказалъ Брандовъ,

— Да вѣдь мы ничего лучшаго и не желалибы для себя, вскричалъ Гансъ Редебасъ.—Пасторъ, еще одинъ стаканъ!

Брандову очень не хотѣлось вставать изъ-за стола; онъ опять былъ въ значительномъ выигрышѣ, а у игроковъ есть повѣрье, что не слѣдуетъ оставлять игры,—но Рика сдѣлала ему надъ черноволосой головой Ранса Редебаса знакъ—должно быть случилось что нибудь особенное.

Онъ пошелъ за дѣвушкой въ сѣни, а оттуда въ комнату налѣво, гдѣ она сдѣлала ему знакъ, чтобъ онъ шелъ какъ можно тише и привела его къ узенькой двери, ведшей въ спальню Цециліи. Изъ щели подъ дверью ложилась блѣдная полоса свѣту. Дѣвушка сѣла на порогѣ на корточки и прижала ухо къ двери; Брандовъ стоялъ, нагнувшись надъ нею и тоже прислушиваясь. Слышно было, что кто-то говоритъ, но что говоритъ и кто именно — нельзя рѣшить. Да и къ чему? Съ кѣмъ могла бы она говорить здѣсь, какъ не съ нимъ? О чемъ могутъ они разговаривать какъ не о томъ, что они желали бы скрыть отъ всѣхъ! Но тутъ свѣтъ сталъ ярче — очевидно они вошли въ спальню. Отъ ревности и ярости Брандовъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Не ворваться ли случайно ему туда и не задушить ли эту влюбленную чету? не опозорить ли ее передъ цѣлымъ свѣтомъ? Но Готтгольдъ ужь не прежній слабый мальчикъ; исходъ борьбы съ нимъ, одинъ на одинъ, по меньшей мѣрѣ сомнителенъ, и—вѣдь онъ ужь получилъ плату! Позоръ остался за нимъ и — поздно ужь было... Лай собаки, заставившій отскочить отъ дверей его и его помощницу, долженъ былъ предупредить и тѣхъ; гнѣздо окажется пустымъ. Дай-то Богъ! онъ и безъ того уже довольно слышалъ.

— Ну? сказала Рика, когда они, крадучись, возвратились въ сѣни.

— Ступай туда и скажи, что я сейчасъ приду, возразилъ Брандовъ.

Тонъ какимъ онъ это сказалъ—не предвѣщалъ ничего добраго: Рика почти раскаявалась въ томъ, что она сдѣлала.

— Онъ не таковъ какъ она, сказала она съ искреннимъ убѣжденіемъ, стараясь оправдать Готтгольда.

— Убирайся вонъ! повторилъ онъ, топнувъ ногою.

Дѣвушка ушла; Брандовъ вышелъ на подъѣздъ черезъ незатвореную дверь и устремилъ взоры на темный дворъ, въ сторону конюшень. Дождь билъ ему въ лицо, а вмѣстѣ съ дождемъ доносился до него и приторный запахъ доморощенаго табаку. Налѣво, какъ разъ подъ нимъ, передъ каменной скамьей рдѣла огненная точка и грубый голосъ спросилъ:

— Чтожъ, запрягать что ли?

Это былъ тотъ, кого онъ выглядывалъ, тотъ кто долженъ былъ осуществить планъ мести, глухо бродившій въ въ душѣ его,—тотъ, кто, какъ онъ увѣрялъ себя теперь, положилъ въ душѣ его первое основаніе этого плана. Такъ стало быть это сбудется!..

— Онъ теперь ужь не захочетъ ѣхать, хоть бы только изъ-за дурной погоды.

— Другіе вѣдь уѣдутъ же!

— Они довольно часто оставались здѣсь.

— Выпроводите ихъ вонъ!

Брандовъ подумалъ съ минуту.—Если я выиграю еще сотню-другую, они уѣдутъ сами собою, бормоталъ онъ.— Смотри же, Генрихъ, упрячь его какъ можно лучше, какъ можно лучше, какъ можно лучше.

— Такъ чтобъ его и отыскать было нельзя, сказалъ Генрихъ.

Въ душѣ Брандова сверкнуло что-то въ родѣ красной, какъ кровь, молніи на ночномъ небѣ. Этого-то онъ и добивался!

— И я дамъ тебѣ, чего ты требуешь! сказалъ онъ хриплымъ голосомъ, наклоняясь въ поднимавшемся изъ Генриховой трубкѣ дымѣ.

— Даромъ ничего не получишь; да и намеднишняя исторія съ рыжимъ тоже стоила мнѣ пять луидоровъ, мнѣ слѣдовало бы отдать хоть половину.

— На тебѣ, сказалъ Брандовъ, шаря въ карманѣ и давая ему изъ выиграннаго имъ передъ этимъ золота—все что попалось ему подъ руку.

— Вы всегда были для меня добрымъ бариномъ, сказалъ Генрихъ, стиснувъ у себя въ кулакѣ золотыя монеты.

— Господа говорятъ, что они сію минуту уѣдутъ, если только вы не вернетесь къ нимъ, сказала прибѣжавшая Рика. Она не затворила двери въ комнату, гдѣ играли, и оттуда слышался дребезжащій басъ Ганса Редебаса:— Брандовъ! Брандовъ! — рѣзкій смѣхъ и сильный голосъ, напѣвавшій:—домой мы не поѣдемъ! домой мы не поѣдемъ!

— А вотъ я васъ выпровожу! бормоталъ Брандовъ.— Ты побудь здѣсь Генрихъ.

— Мнѣ некуда спѣшить, баринъ.

Брандовъ возвратился къ господамъ.

— Вы злоупотребляете той свободой, которую даетъ вамъ случайное отсутствіе дамъ, сказалъ Брандовъ съ рѣзкимъ презрѣніемъ, когда гости встрѣтили его съ поднятыми стаканами и криками: ура!, при чемъ особенно отличился Густавъ фонъ Плюггенъ, оравшій, во все горло, съ какимъ-то особеннымъ трескомъ: гипъ! гипъ! ура!

— Случайное! воскликнулъ Гансъ Редебасъ,—вовсе не случайное. Ты нынче отлично устроиваешь свои дѣлишки!

— А жена-то у тебя тутъ при чемъ? сказалъ Отто фонъ Плюггенъ,

— Что вы хотите сказать! Извольте объясниться! вскричалъ Брандовъ,—я не потерплю!

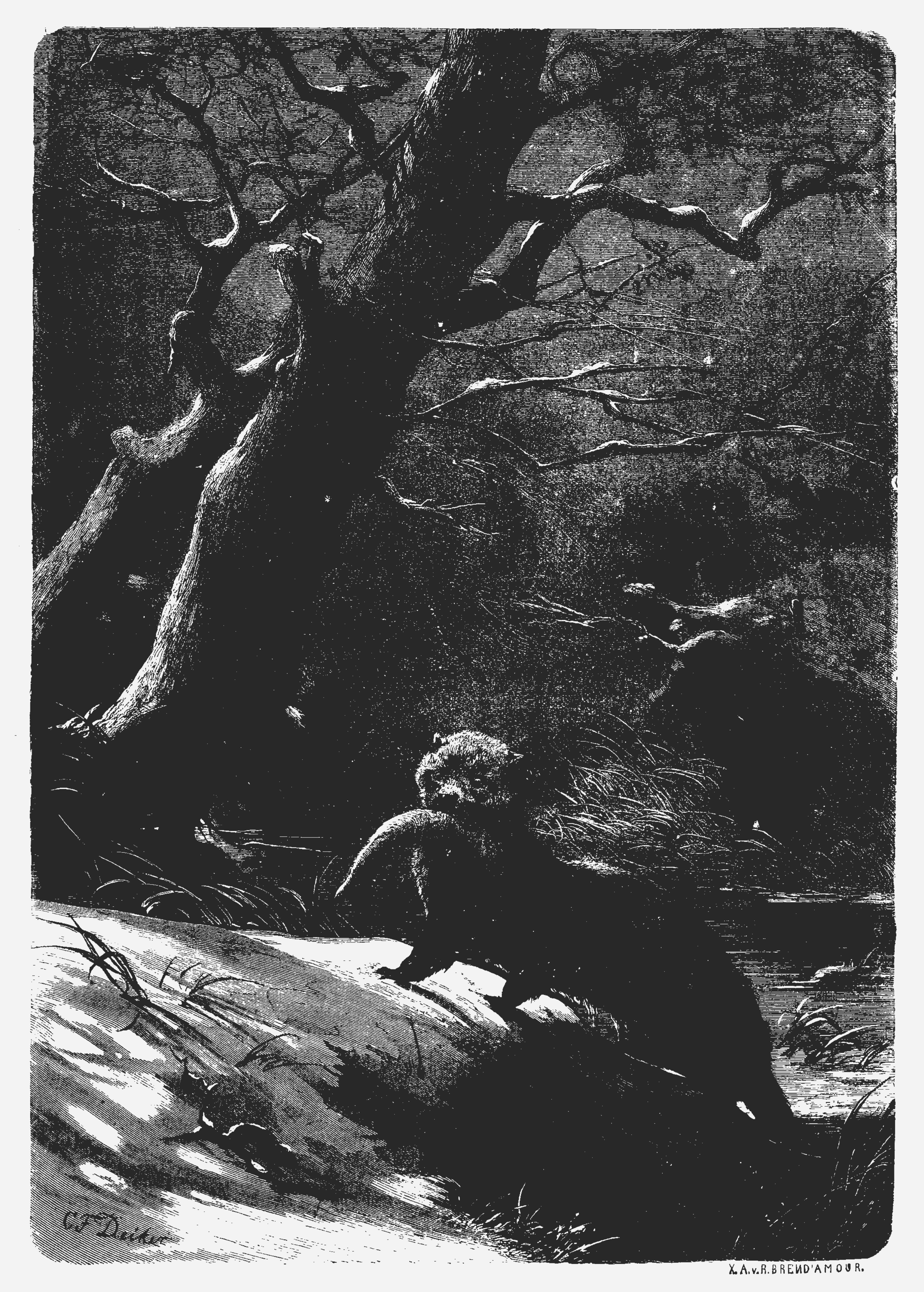
Онъ вдругъ замолчалъ. Стремительно обернувшись къ Отто фонъ Плюггену, онъ увидалъ стоявшаго подлѣ него Готтгольда, который должно быть вошелъ вслѣдъ за нимъ и все слышалъ. Нельзя было разбирать при немъ этого дѣла. Онъ сдѣлалъ необыкновеное усиліе чтобъ обуздать лютую ненависть, закипѣвшую въ его сердцѣ при видѣ этого человѣка, и вскричалъ:

— Наконецъ-то ты пожаловалъ! скажи на милость, гдѣ ты это пропадалъ? Слава Богу, что ты пришелъ!—ты положишь конецъ этой отвратительной игрѣ!

— О, о! вскричалъ Гансъ Редебасъ, — отвратительная игра! Добро бы ужь ты проигрался въ пухъ и прахъ! Ничего не бывало! Шесть сотенокъ или около того ты ужь прибралъ къ рукамъ! Не дурно, очень не дурно!

— Я еще никому не отказывалъ въ реванжѣ! вскричалъ Брандовъ съ умышенно эффектнымъ жестомъ.

— Богъ съ вами, Брандовъ! вскричалъ ассесоръ,—кто же ставитъ каждое слово въ строку? вѣдь Редебасу и на умъ не приходило оскорблять васъ. Ему хотѣлось только, чтобъ игра продолжалась и — положа руку на сердцѣ — я нахожу, что это самое подходящее для насъ занятіе.



Русская Фауна· III. Выдра. Рисовалъ съ натуры. К. Ф. Дейкеръ, гравир. Брендамуръ

— Ну, если вы такъ думаете, господинъ ассесоръ... вѣдь и вы тоже выиграли...

— Два-три талера! сказалъ ассесоръ не безъ нѣкотораго смущенія.

— То я конечно ничего не скажу противъ этого, продолжалъ Брандовъ.—Я полагалъ только, принимая въ уваженіе, что нашъ другъ Готтгольдъ не играетъ, а мы такъ мало пользовались до сихъ поръ его обществомъ, намъ слѣдовало бы сдѣлать ему эту маленькую уступку. Что я говорю: ему? скорѣе самимъ себѣ! Онъ теряетъ въ насъ не Богъ знаетъ что, но мы въ немъ напротивъ!

— Сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь изъ-за меня, сказалъ Готтгольдъ.

— Отлично, валяй же когда такъ по всѣмъ по тремъ! вскричалъ Гансъ Редебасъ, схватывая карты. — Я буду держать банкъ, авось у меня еще найдется два-три завалящихъ пфеннинга!

И вынувъ лѣвою рукою изъ толстаго, лежавшаго передъ нимъ бумажника банковые билеты, онъ сложилъ ихъ въ кучу.—Готово! теперь Брандовъ и вы, господа, не угодно ли вамъ понтировать!

— Очень жаль, но что же дѣлать? я надѣюсь, что ты не примешь этого въ дурную сторону, прошепталъ Брандовъ Готтгольду и сѣлъ на свое прежнее мѣсто за игорнымъ столомъ. Готтгольдъ махнулъ рукою и отошелъ отъ играющихъ. Поневолѣ пришлось ему принять предложеніе пастора, сидѣвшаго въ одномъ углу большаго кожанаго дивана. Когда Готтгольдъ занялъ мѣсто въ другомъ, пасторъ не безъ труда придвинулся къ нему и заговорилъ коснѣющимъ языкомъ:

— Да, да, любезный другъ, грѣшенъ этотъ міръ, страшно грѣшенъ! но и слишкомъ строгимъ быть тоже не слѣдуетъ, никакъ не слѣдуетъ. Они работаютъ всю недѣлю или по крайней мѣрѣ заставляютъ работать своихъ рабочихъ; въ воскресенье же они не могутъ дѣлать этого, иначе имъ грозитъ тяжкое наказаніе. Намъ прислано передъ самимъ началомъ жатвы строжайшее предписаніе отъ ландрата. Куда же имъ было дѣвать эти длинные часы? Праздность есть мать всѣхъ пороковъ: игры, пьянства... Рика, подай-ка сюда стаканчикъ... два стаканчика... Ты не пьешь? напрасно!... самъ варилъ... по рецепту моего уважаемаго принципала, графа Церникова.. Чудная жжонка! Больше трехъ сотень сварилъ ихъ во время своего кандидатства... а тамъ ужь безъ счета, на церевисъ... съ закрытыми глазами, съ закрытыми глазами!

Онъ лепеталъ еще эти послѣднія слова, какъ его тяжелая голова перегнулась напередъ и нижняя часть лица исчезла въ складкахъ слабо-повязаннаго бѣлаго галстука. Безпомощно упалъ онъ въ свой уголъ.

Съ гнѣвнымъ презрѣніемъ смотрѣлъ Готтгольдъ на это безотрадное зрѣлище.

Возмужалый человѣкъ сдержалъ то, что обѣщалъ мальчикъ и юноша; хмѣль сорвалъ личину ханжества—и передъ Готтгольдомъ предстало хорошо-памятное ему глупое и чувственное лицо галльскаго студента. Иначе не могло и быть. Но что этотъ жалкій человѣкъ былъ преемникомъ его отца; что эта мигающая сова сидѣла тамъ, гдѣ гнѣздился орелъ съ пламенными, вѣчно искавшими солнца глазами; что этотъ неуклюжій хитрый дуракъ могъ звенѣть своими бубенчиками въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проповѣдникъ въ пустынѣ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ призывалъ къ покаянію и исправленію—это было для него чѣмъ-то въ родѣ личнаго оскорбленія. А между тѣмъ, этотъ человѣкъ былъ тутъ въ своей сферѣ; стадо было достойно пастыря. Тутъ все носило на себѣ одну и ту же печать, представлялось чѣмъ-то въ родѣ мастерски написанной картины съ самыми рѣзкими очертаніями и красками: пьяный пасторъ, кивающій головою, въ углу дивана; воспламененныя виномъ лица игроковъ; роскошная красавица, расхаживающая между пирующими съ огненнымъ напиткомъ въ рукахъ, мѣняясь сладострастной улыбкой и двусмысленнымъ словцомъ съ однимъ, кокетливо отталкивая руку другаго, готовую лечь вокругъ ея таліи—настоящая богиня этого храма порока!—и все это одѣтое волнующимся сѣрымъ дымомъ, который поднимается изъ безпрерывно горящихъ трубокъ и кружится въ грязно-красныхъ кругахъ вокругъ мутнаго огня зажженныхъ свѣчей. Но нѣтъ, это не картина; къ несчастію, это самая грубая, пошлая, обыкновенная дѣйствительность. А позоръ, что она живетъ подъ этой же кровлей, что этотъ дикій шумъ раздается даже въ ея комнатѣ—сегодня не въ первый разъ, да навѣрное и не въ послѣдній!—что вотъ какіе люди собираются здѣсь,—эти пустоголовые деревенскіе юнкера, этотъ грубый выскочка съ неуклюжими руками и неуклюжими шутками! А если, убѣгая общества этихъ сатировъ и фавновъ, она станетъ искать утѣшенія въ уединеніи и оно устремитъ на нее холодные, суровые, язвительные глаза змѣи! Да, вотъ они, эти глаза! они украдкою взглянули изъ-за картъ! *эти* глаза—и ея нѣжные, кроткіе, полные любви глаза!

Готтгольдъ не смотрѣлъ уже на игроковъ. Онъ видѣлъ ее: вотъ она сидитъ въ дѣтской комнатѣ подлѣ игрушекъ своего ребенка—трогательно-прекрасный образъ съ дѣвически-нѣжными и стройными формами. Онъ видѣлъ печальное лицо, озаренное розовымъ отблескомъ радости, видѣлъ его, обезображенное ужасомъ и страхомъ,—онъ переживалъ еще разъ всю сцену, казавшуюся ему уже и и теперь сномъ, а потомъ мечталъ о будущемъ.... Вѣдь придетъ же оно наконецъ, полное солнечнаго свѣту, любви и поэзіи!.

Погрузясь въ эти думы, Готтгольдъ потерялъ счетъ времени, какъ вдругъ шумъ за игорнымъ столомъ заставилъ его опомниться. Повидимому, случилось что-то особенное: только Гансъ Редебасъ и Брандовъ еще сидѣли, всѣ остальные стояли наклонившись надъ столомъ съ выраженіемъ любопытства; и Рика тоже глядѣла, такъ усердно, что позабыла оттолкнуть руку ассесора, обвившуюся вокругъ ея таліи...

— Чтожь, ты держишь? кричалъ Редебасъ.

— Да.

— Опять тысячу? Въ такомъ случаѣ, это пятая.

— Тьфу ты пропасть, да!..

Наступила мертвая тишина, прерываемая только шелестомъ выдергиваемыхъ Редебасомъ картъ, а потомъ опять такой же крикъ и шумъ какъ тотъ, что пробудилъ Готтгольда отъ его мечтаній, только на этотъ разъ такой громкій, что даже пьяный пасторъ вышелъ, шатаясь, изъ своего угла. Готтгольдъ подошелъ къ столу. Его первый взглядъ упалъ на лицо Брандова; оно было страшно блѣдно; но тонкія губы были плотно сжаты, а въ суровыхъ, холодныхъ глазахъ даже блеснула недобрая улыбка, когда, обернувшись къ приближавшемуся Готтгольду, онъ закричалъ:

— Они славно общипали меня, Готтгольдъ; но не все коту масляница, попадется и онъ!

— Только не сегодня! вскричалъ Редебасъ, кладя карты на столъ и дѣлая какую-то отмѣтку въ своемъ бумажникѣ,—спасибо!

— Что это значитъ? спросилъ Брандовъ.

— А то, что я не хочу больше играть! возразилъ Ре-

дебасъ съ хохотомъ, закрывая бумажникъ и тяжело поднимаясь съ мѣста.

— Я всегда думалъ, что игру можетъ прекращать проигравшій, а не выигравшій.

— Если выигравшій не боится за свое дѣло... тогда конечно!

— Я требую объясненія! вскричалъ Брандовъ, отталкивая столъ въ сторону.

— Ахъ Брандовъ, Брандовъ, къ чему такъ горячиться! вскричали въ одинъ голосъ Отто и Густавъ фонъ Плюггены.

— Или вы опять вступили въ товарищество? возразилъ съ презрительнымъ смѣхомъ Брандовъ. — Я требую объясненія тутъ же, на мѣстѣ! продолжалъ онъ, подходя къ Редебасу.

Великанъ отступилъ на одинъ шагъ.

— Ого! вскричалъ онъ,—тебѣ надо объясненіе? изволь!

— Перестаньте, пожалуйста, любезный Брандовъ! сказалъ ассесоръ, становясь между ними съ видомъ примирителя.

— Пожалуйста, господинъ ассесоръ, вскричалъ Брандовъ, отпихивая его въ сторону,—я знаю, что мнѣ слѣдуетъ дѣлать.

— Да и я тоже знаю! вскричалъ Редебасъ, отворяя съ шумомъ окно и крича своимъ львинымъ голосомъ, раздавшимся по всему двору: — Запрягать, Августъ, запрягать!

Наступила дикая сцена, впродолженіи которой всѣ кричали какъ сумасшедшіе, наперерывъ другъ передъ другомъ, такъ что Готтгольдъ могъ разобрать только нѣсколько отдѣльныхъ словъ. Въ особенности же бушевалъ Гансъ Редебасъ, повидимому столько же отъ страха какъ и отъ гнѣва, тогда какъ Брандовъ былъ сравнительно покоенъ и видимо старался отдѣлить все еще не перестававшаго вмѣшиваться ассесора отъ трехъ остальныхъ. Тутъ къ этимъ послѣднимъ присоединился пасторъ, обнаруживавшій всевозможными способами намѣреніе сказать рѣчь и дѣйствительно успѣвшій начать ее раза два словами: «Любезные друзья мои!»

Три экипажа, давно уже державшіеся на готовѣ терпѣливыми кучерами, были поданы. Споръ перешелъ изъ комнаты въ сѣни, изъ сѣней на подъѣздъ, съ подъѣзда къ подножкамъ экипажей.

— Сочтемся, сочтемся! кричалъ безъ умолку Гансъ Редебасъ;—тутъ ли ты, пасторъ? ну такъ валяй по всѣмъ по тремъ!... Сочтемся! проревѣлъ онъ еще разъ изъ окна экипажа, когда могучія датскія лошади, разбѣжавшись изо всѣхъ силъ, помчались рысью къ сѣвернымъ воротамъ, откуда начиналась дорога въ Далицъ, проходившая черезъ лѣсъ и въ потемкахъ почти совершенно неудобная для ѣзды.

Тѣмъ временемъ Отто и Густавъ фонъ Плюггены заспорили на послѣдяхъ, еще между собою. Густавъ, ссылаясь на то, что у его экипажа нѣтъ фонарей, объявилъ, что онъ долженъ ѣхать черезъ пустошь; а Отто, запасшійся фонаремъ, думалъ слѣдовать за Редебасомъ. Густаву такъ долго приходилось терпѣть сегодня отъ своего старшаго брата, что онъ счелъ нужнымъ принять этотъ отказъ за злѣйшее оскорбленіе. Его голову не защищаетъ связка сѣна и онъ не имѣетъ малѣйшаго желанія разбить себѣ въ лѣсу черепъ объ деревья.—Въ такомъ случаѣ онъ можетъ зажечь ту солому, что у него въ головѣ-то, и свѣтить ею себѣ вплоть до дому, возразилъ Отто.

Такъ они и отправились по разнымъ дорогамъ.

— Это глупо, сказалъ Брандовъ, смотря на удалявшійся экипажъ Густава.

— Кто переѣдетъ, а кто нѣтъ, сказалъ Генрихъ Шеель.

— Всѣмъ извѣстно, что ты мастерски правишь.

— На грѣхъ мастера нѣтъ.

— Такъ ты стало быть не прочь?

— Вы-то, полно, не прочь ли?

Брандовъ не вдругъ отвѣчалъ. Онъ думалъ, что это дѣло гораздо легче; но вѣдь зачѣмъ же такъ сейчасъ и ломать ему шею? довольно рукъ и ногъ!

Онъ бросилъ робкій взглядъ въ окно; свѣтъ падалъ прямо на серіозное лицо Готтгольда, Брандовъ заскрежеталъ зубами.—Нѣтъ, этого не довольно! ему нужна его жизнь; этотъ проклятый пролаза не заслужилъ ничего лучшаго; да и гдѣ тутъ преступленіе? На грѣхъ мастера нѣтъ!

Вдругъ онъ вздрогнулъ. Объ этомъ-то онъ и не подумалъ заранѣе. Поссорившись съ игроками, онъ помѣшалъ всѣмъ вообще гостямъ остаться на ночь или даже и до бѣлаго дня, какъ они это часто дѣлывали,—лишивъ такимъ образомъ и Готтгольда приличнаго предлога остаться, если только у него было это намѣреніе,—а судя по тому, что онъ недавно подслушалъ, Брандовъ былъ убѣжденъ въ этомъ. Старательно удерживая ассесора отъ ссоры, Брандовъ отнялъ у него возможность ѣхать съ другими—въ предложеніяхъ не было недостатка, и добыча ускользнула бы отъ него, такъ какъ безъ ассесора Готтгольдъ конечно не рѣшился бы остаться. Но теперь—какимъ ему образомъ разлучить ихъ? Останется ассесоръ—а онъ повидимому и не думалъ объ отъѣздѣ—и Готтгольдъ останется, по крайней мѣрѣ у Готтгольда будетъ приличный предлогъ остаться; а если онъ принудитъ ассесора ѣхать...

Еще разъ его мрачные взоры остановились на лицахъ двухъ гостей. Они стояли на томъ же самомъ мѣстѣ—ассесоръ съ самыми живыми жестами разсказывалъ что-то Готтгольду, а этотъ послѣдній, судя по его минѣ и позѣ, чрезвычайно неохотно слушалъ его.

— Вѣдь я привезъ сюда ихъ обоихъ, могу обоихъ и отвезти назадъ, сказалъ Генрихъ Шеель, придавливая золу въ своей трубкѣ.

Обоихъ! одного, да! но что сдѣлалъ ему другой? ничего! какъ есть ничего! а что онъ взялъ у него сегодня десять тысячъ талеровъ...

— Вотъ развѣ денегъ-то жаль, если случится какое несчастіе на болотѣ! сказалъ Генрихъ Шеель, выколачивая трубку; экипажъ-то я всегда съумѣю поправить, а чтобъ не портить нашихъ лошадокъ, попрошу у Іохена Клюта его клячъ.

И Генрихъ Шеель пошелъ прочь медленными шагами. Брандовъ глядѣлъ вслѣдъ коренастой черной фигурѣ. Онъ хотѣлъ позвать Генриха назадъ, хотѣлъ закричать ему, что не нужно закладывать; но изъ груди его вырвался только какой-то странный, хриплый, сдавленный звукъ. Языкъ прилипъ у него къ гортани; когда онъ поднялъ ногу, то зашатался какъ пьяный и долженъ былъ уцѣпиться за старую липу, съ густыми вѣтвями. Какъ шумѣлъ въ нихъ въ эту минуту вѣтеръ! Дождь—онъ вѣдь опять пошелъ — билъ ему въ лицо, которое какъ-то странно горѣло, не смотря на то что онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Чу! что это такое? шумъ экипажа, который Генрихъ выдвигаетъ изъ сарая. Еще можно отмѣнить! но вѣдь онъ ничего не сказалъ, какъ есть ничего! чѣмъ же онъ виноватъ, если съ Генрихомъ случится ночью въ пустоши несчастіе?

Готтгольдъ и ассесоръ оставались въ комнатѣ; ассе-

соръ силился доказать Готтгольду обстоятельнымъ образомъ, что Брандовъ имѣлъ полное право требовать продолженія игры, только ему не слѣдовало выражать этого такимъ рѣшительнымъ тономъ. Какъ бы то ни было, а онъ долженъ былъ помнить, что онъ хозяинъ и въ качествѣ хозяина простить безтактность гостей.

Послѣднюю часть своей длинной рѣчи ассесоръ въ видѣ поученія обратилъ на половину уже къ самому Брандову, который только-что вошелъ въ комнату и, подойдя къ буфету, жадно выпилъ два стакана.

— Сегодня мнѣ дѣйствительно приходилось много прощать, и я очень обязанъ вамъ, господинъ ассесоръ, что вы до послѣдней минуты упражняете меня въ этой добродѣтели...

Тонъ, какимъ Брандовъ сказалъ это и жестъ съ какимъ онъ подошелъ къ ассесору, были такъ рѣзки, что этотъ послѣдній до нѣкоторой степени отрезвился и широко-раскрытыми глазами пристально смотрѣлъ на Брандова, который подошелъ къ нему еще на одинъ шагъ и сказалъ тихимъ голосомъ:

— А какъ назовете вы то, когда гости подвергаютъ такой безпощадной критикѣ поведеніе хозяина дома въ присутствіи прислуги? и онъ указалъ на Рику, подъ надзоромъ которой другая служанка и грумъ Фрицъ убирали со стола стаканы и начали сгребать въ кучу разсыпанные по полу черепки.

Ассесоръ выпрямился.

— Извините меня, пожалуйста, сказалъ онъ, — вы были такъ любезны, господинъ Брандовъ, что предлагали мнѣ возвратиться въ вашемъ экипажѣ... Мнѣ очень жаль, что я отказался ѣхать съ вашими гостями и долженъ теперь безпокоить васъ. Могу я разсчитывать на ваше общество, Готтгольдъ?

— Конечно, если Брандовъ ничего не имѣетъ противъ этого.

— Сдѣлайте одолженіе, располагайте мною какъ угодно.

Затѣмъ простились съ вѣжливой холодностью. Нѣсколько минутъ спустя легкій голштинскій экипажъ, привезшій за нѣсколько часовъ передъ этимъ обоихъ гостей, катился по тряской плотинѣ, темною непогожею ночью. Генрихъ Шеель правилъ лошадьми.

(Продолженіе будетъ).

Русская фауна.

III. Выдра или Водяная куница (Lutra vulgaris).

Дѣло было въ концѣ ноября. Дни стояли не очень морозные, ночью выпалъ мелкій снѣгъ—и я, забравъ всѣ охотничьи принадлежности и облекшись въ коротенькій полушубокъ, отправился на зайцевъ по порошѣ.

Пробродивъ по слѣдамъ косого около трехъ часовъ, и разъ пять спугнулъ его шумомъ моихъ шаговъ,—было довольно тепло и снѣгъ проваливался; бросивъ всякую надежду поживиться его шкуркой и вкуснымъ мясомъ, я отправился въ сосѣднюю деревушку отдохнуть, перекусить и пообогрѣться.

День былъ праздничный, всѣ были дома—и я закусывая да болтая съ мужичками о всякой всячинѣ и не замѣтилъ какъ стало смеркаться.

Дома меня ждали, на утро я долженъ былъ ѣхать въ городъ—и потому я, осмотрѣвъ ружье и наложивъ новые пистоны, простившись съ старостой и его хорошенькой дочкой, отправился домой.

Было часовъ 8 вечера, небо покрытое днемъ тучами прочистилось и покрылось миріадами звѣздъ, взошла полная луна и сталъ прошибать морозецъ.

А славно идти этакою ночью по лѣсу—тишь полнѣйшая, ничто не шелохнется, все будто вымерло. Хвойныя деревья, покрытыя снѣгомъ, точно бѣлые великаны стоятъ поникнувъ головою; лиственный лѣсъ блеститъ своими покрытыми инеемъ сучьями. Внизу чисто и гладко, а въ прозрачномъ воздухѣ какъ будто видно какъ льется на снѣжную равнину блѣдно-желтый свѣтъ луны и подъ его лучами на каждой снѣжинкѣ словно что-то шевелится.

Я шелъ по дорогѣ; по одну сторону у меня былъ глухой лѣсъ, по другую—большое поле; звонко раздавались мои шаги по крѣпкому снѣгу, и какъ-то гулко отзывались въ темнотѣ лѣса. Тихо. Вотъ зайка мелькнулъ въ кустарникѣ, вотъ какой-то глухой шумъ потянулся въ воздухѣ и опять все смолкло. Стало холоднѣе, я прибавилъ шагу. Морозъ щипалъ меня за носъ, такъ что я какъ-то невольно свернулъ съ дороги по лѣсной тропинкѣ къ мельницѣ Потапыча, шумъ колесъ которой становился все яснѣе и яснѣе.

Но что это? это не шумъ воды,—это не визгъ мельничнаго колеса,—это свистъ—это выдра!...

Затаивъ дыханіе, окоченѣлыми отъ холода руками разрядилъ я правый стволъ моей двустволки, положивъ вмѣсто дроби пулю.

Что если ожиданіе не исполнится, если слухъ обманулъ меня?..... Я остановился снялъ шапку и прислушиваюсь. Длинныя и томительныя минуты тревожнаго ожиданія! Напрягаю зрѣніе и слухъ во всѣ стороны, чтобы опредѣлить вѣрнѣе мѣсто; но все тихо. Рѣзкій протяжный свистъ слышится снова, слухъ не обманулъ меня—это голосъ выдры. Дѣлаю еще нѣсколько шаговъ къ мельничному ручью—и вотъ во всей красѣ при лунномъ освѣщеніи появляется предо мной выдра съ рыбой во рту, большая, блестящая!... Простоявъ нѣсколько минутъ, усмиривъ волненіе сердца, я приставилъ къ плечу ружье, прицѣлился... Выстрѣлъ грянулъ—и красавица выдра убитая на повалъ скатилась съ крутаго берега на ледъ, покрывающій ручей.

На выстрѣлъ выскочилъ Потапычъ, а съ нимъ мужичекъ привезшій муку, и съ бранью и крикомъ бросились въ мою сторону.

— Какого чорта по ночамъ носитъ? кричали они, подбѣгая ко мнѣ.

— Не ругайтесь, друзья, а вотъ лучше помогите мнѣ вытащить выдру.

— Ахъ, это вы, баринъ? ну, простите за грубое слово, право, зналъ бы что вы... Э! да попалась мошенница, не будешь больше рыбы воровать! вскричалъ онъ съ радостью, увидѣвъ убитое животное.—Ну спасибо, баринъ, что ухлопали, а то повѣрите-ли, животная всѣхъ лавьяновъ (*) да торминъ (**) повытаскала; эва, да и теперь съ рыбиной! Глянь, дядя Мартынъ, экую тормину захапала! ну да довольно, больше не будешь!.. и они съ дядей Мартыномъ, взваливъ выдру на плечи, понесли ее въ мельницу.

*) Ловьяны—харіусъ.
**) Тормины—форель.

— Клади, Мартынъ, ее на дровни, сказалъ я, увидя у мельницы его лошадь, —вотъ благо ты здѣсь, домой пѣшкомъ идти не придется. И мы, распростившись съ Потапычемъ, къ которому однако зашли пообогрѣться и выпить съ холоду рюмку ерофеича, отправились домой довольные сами собой и неожиданной удачей.

весьма своеобразна. Туловище длинное, толстое но весьма низкое; хвостъ сверху и книзу сжатъ, къ концу сильно съуженъ; голова плоская, удлиненно круглая, ширококрылая; ухо такъ коротко, что совсѣмъ спрятано въ шерсти, закруглено и можетъ закрываться кожаной складкой; глазъ маленькій, но живой; нога очень короткая, пятипалая;

Французская революція. Жоржъ Жакъ Дантонъ. Рис. Віола, грав. Паннемакеръ

Такъ какъ вѣроятно весьма немногимъ изъ нашихъ читателей извѣстны образъ жизни, нравы и обычаи выдры, мы считаемъ весьма не лишнимъ познакомить ихъ поближе съ этимъ въ высшей степени оригинальнымъ и любопытнымъ животнымъ.

Выдра, водяная куница (Lutra vulgaris), по наружности

лапа широкая съ голой подошвой, съ соединительною перепонкою между пальцами, которая доходитъ до когтей и образуетъ настоящую плавательную перепонку.

Взрослая выдра бываетъ длиною около 4 футовъ, изъ которыхъ полтора фута идутъ на хвостъ; вышина у шеи не болѣе фута—и то когда животное стоитъ, или

выпрямится, но на ходу она представляется еще ниже.

Великолѣпный мѣхъ состоитъ изъ очень нѣжнаго свѣтлобуросѣраго подшерстка и жесткой блестящей, густосидящей ости блестящаго темнобураго цвѣта, который на нижней сторонѣ, а именно подъ шеей и по бокамъ головы переходитъ въ болѣе свѣтлыя оттѣнки и бываетъ иногда сѣробѣловатый.

Водится выдра во всей Европѣ и сѣверной и средней Азіи и Америкѣ по берегамъ рѣкъ, озеръ, прудовъ и ручейковъ, гдѣ она изъ подъ воды въ почвѣ прорываетъ себѣ ходы, которые постепенно подымаясь входятъ въ довольно большую котловину, снабженную отверстіемъ для прохода воздуха извнѣ. Котловина эта всегда лежитъ выше водяной поверхности и обезпечиваетъ выдрѣ при нуждѣ сухое логовище. Весною, когда рѣки разливаются, выдра большею частью завладѣваетъ въ лѣсу старой лисьей или барсучьей норой, гдѣ и проживаетъ время разлива. Вслучаѣ если таковой не находится, выдра, умѣющая лазить, забирается на деревья или даже въ густые березовые кусты, гдѣ и укрывается днемъ.

Относительно своихъ способностей выдра неуступитъ ни въ чемъ своимъ родичамъ—куницамъ—и хотя довольно плохо бѣгаетъ, но за то въ водѣ чувствуетъ себя полной хозяйкой, такъ что едвали не превосходитъ прочихъ водяныхъ млекопитающихъ. Широкія лапы и превосходный хвостъ весломъ дѣлаютъ для нея возможнымъ соперничать въ быстротѣ даже съ форелью.

Умственныя способности или (если кому либо это не понравится) высшія способности этого животнаго развиты тоже весьма сильны. Каждый охотникъ знаетъ остроту ея чувствъ, каждый умѣетъ цѣнить дѣйствительно высокій умъ этого животнаго. Выдра слышитъ, видитъ и чуетъ вполнѣ превосходно; она предусмотрительна и пуглива, но въ то же время разсчетливо-смышлена и лукава.

Въ неволѣ, особенно пойманныя съ молоду, выдры скоро становятся ручными, привязываются къ своему хозяину, идутъ на его зовъ, слѣдуютъ за нимъ какъ собака и даютъ даже дрессировать себя, принося своей ловкостью въ рыбной ловлѣ выгоду своему хозяину. Бывали примѣры, что выдры, посылаемыя своимъ хозяиномъ, ныряли въ воду и, поймавъ рыбу, приносили ее къ ногамъ хозяина не хуже чѣмъ первокласная лягавая собака.

Пища выдры, соотвѣтствуя ее мѣстопребыванію, состоитъ преимущественно изъ рыбы и лягушекъ; но иной разъ она не прочь полакомиться и полевою мышью, молодыми птичками или даже другими мелкими млекопитающими. Вообще, какъ можно думать, у выдры вкусъ очень не дуренъ и она оказывается лакомкою, ибо кромѣ умѣнія выбирать лучшія породы рыбы, она, если голодъ не заставляетъ ее, съѣдаетъ только лучшія части рыбы, бросая все остальное.

Выдра можетъ быть поставлена многимъ въ примѣръ своею материнскою заботливостью и нѣжностью къ своимъ дѣтенышамъ, которыхъ она кормитъ и холитъ около полугода, начиная обучать ихъ еще на третьемъ мѣсяцѣ ихъ жизни всему искусству, необходимому для существованія. Собственно въ своихъ норахъ выдра бываетъ днемъ только въ такомъ случаѣ, если погода неблагопріятна или въ окрестностяхъ не совсѣмъ спокойно.

Въ хорошее и теплое время, въ полуденные часы припека, въ особенности въ мало-посѣщаемыхъ людьми и животными мѣстностяхъ, выдра пробирается на какой нибудь ольховый пень со множествомъ побѣговъ, въ густые ивовые кусты подъ узкимъ береговымъ навѣсомъ и предается на этомъ пріятномъ ложѣ такому безпечному покою, что иногда, если вѣтеръ бываетъ отъ нея, охотнику удается подходить къ ней на очень близкое разстояніе.

Пролежавъ такимъ образомъ до вечера, выдра выходитъ на охоту, причемъ она бьетъ хвостомъ по водѣ и сильными движеніями выпугиваютъ рыбу изъ подъ камней и береговъ, куда та прячется отъ хищныхъ преслѣдователей. Зимой, если нѣтъ готовыхъ прорубей, выдра еше съ поздней осени не даетъ замерзать отверстіямъ во льду, проламывая ихъ ежедневно и ловитъ рыбу подъ льдомъ. При недостаткѣ пищи въ ея мѣстностяхъ, она переселяется въ другія воды, гдѣ остается иногда года по два, и потомъ уже снова возвращается на родину.

Пожирая несмѣтное количество рыбы, выдра, въ особенности гдѣ ее много, приноситъ большой вредъ—между тѣмъ мѣхъ ее цѣнится—какъ первое такъ и послѣднее составляютъ весьма побудительныя причины къ ея уничтоженію. Охота на выдру съ ружьемъ почти не производится, потому что ея пугливость, предусмотрительность и лукавство выказываются во всемъ своемъ разнообразіи, именно на охотѣ. Главный родъ охоты, принятой въ Россіи, это есть охота капканами, которые разставляются около норы по слѣдамъ, оставленнымъ на свѣже-выпавшей порошѣ.

Въ заключеніе всего сказаннаго нами считаемъ не лишнимъ привести разсказъ объ одной прирученной выдрѣ, почерпнутый нами изъ руководства для охотниковъ и любителей охоты, написаннаго Дитрихомъ Винкелемъ.

Еще не выросши и вполовину—пишетъ г. Винкель—она нигдѣ не чувствовала себя такъ хорошо, какъ въ обществѣ людей. Если намъ случалось быть въ саду, она прибѣгала къ намъ, карабкалась на колѣни, пряталась у кого нибудь за пазухой и выглядывала оттуда. Когда же она еще больше подросла, то достаточно было разъ свиснуть, да кликнуть ее по имени—мы ей и имя дали—чтобы вызвать ее изъ прилегавшаго къ саду озера, гдѣ она любила плавать, и привлечь ее къ намъ. Намъ ничего не стоило выучить ее носить, прислуживать, а потомъ кувыркаться по пяти или шести разъ кряду, и все это она дѣлала охотно ко всеобщему удовольствію. Ея лучшимъ товарищемъ былъ довольно сильный таксъ (барсучья собака). Какъ только послѣдняя показывалась въ саду, выдра была уже навѣрное тутъ, садилась, пока еще не выросла, къ ней на спину и такъ-сказать каталась верхомъ. Собака терпѣливо выносила это. Иногда онѣ начинали тормошить другъ друга—и то собака, а то выдра одерживала верхъ. Если послѣдняя бывала въ духѣ, то начинала хихикать. Если кто нибудь проходилъ мимо нея съ собакою, и таксъ не обращалъ вниманія на свою пріятельницу, то выдра звала ее къ себѣ свистомъ и та сейчасъ же являлась на зовъ. Одинъ жестокосердый и корыстолюбивый человѣкъ убилъ животное, когда этому послѣднему было всего полтора года.

Гёце въ своей «Европейской фаунѣ» разсказываетъ о выдрѣ, принадлежавшей одному польскому дворянину, которая такъ отлично была выдрессирована, что охраняла его имущество, бросалась въ воду по данному знаку и ловила рыбу для кухни, а также отправлялась съ собаками на охоту и помогала приносить застрѣленныхъ утокъ.

Выдра имѣетъ тонкій слухъ и чутье; острымъ зрѣніемъ она превосходитъ большинство дичи. Она крайне пуглива, и бѣжитъ отъ человѣка или собаки, завидя ихъ еще издалека, а если не успѣетъ убѣжать, то приходитъ въ страшное озлобленіе на собаку, такъ что эта послѣдняя должна быть очень ловка и сильна, чтобы избѣжать опасныхъ укушеній, тѣмъ болѣе, что выдра иногда сразу переламываетъ ей кости. Выдра не только отлично ныряетъ, но и

превосходно плаваетъ, погружаясь въ воду настолько, что виденъ лишь одинъ носикъ.

Замѣчательна вражда между выдрами и бобрами, доказательствомъ чему можетъ служить слѣдующій примѣръ. У одного охотника, по имени Б., былъ удивительно ручной боберъ, а у его ближайшаго сосѣда С.—ручная выдра, дрессированная для рыбной ловли. Оба животныя ходили съ своими хозяевами иногда по нѣскольку часовъ сряду. Однажды сосѣди и ихъ ручныя животныя встрѣтились случайно на берегу пруда, гдѣ Б. (охотникъ) хотѣлъ ловить рыбу при помощи выдры. Едва эта послѣдняя завидѣла бобра, какъ бросилась на него; но тотъ предупредилъ ее. Завязалась жестокая борьба. Ни тотъ ни другой изъ сосѣдей не рѣшался разнять сражающихся, боясь чтобъ они не укусили его въ пылу битвы, которая длилась до тѣхъ поръ, пока ни одинъ изъ бойцовъ не могъ уже двигаться. Бобръ умеръ отъ ранъ черезъ нѣсколько дней, а выдра была совершенно растерзана, начиная съ головы до заднихъ ногъ.

Людовикъ XVI и революція.

(Продолженіе).

Кинемъ бѣглый взглядъ на главныхъ дѣятелей революціи.

Жоржъ Жакъ Дантонъ, одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ вождей французской революціи 1789 г., родился 28 октября 1759 г. Семейство его, принадлежавшее къ числу собственниковъ и промышленниковъ—древняго прохожденія и уважаемой репутаціи,—водворилось въ Арсисъ-на-Обѣ и владѣло помѣстьемъ въ окрестностяхъ этого города. Дантонъ учился въ Труа, столицѣ Шампани, и получивши небольшое имѣніе своего отца, отправился въ Парижъ для окончанія юридическаго образованія. При открытіи въ 1789 г. генеральныхъ штатовъ, Дантонъ занималъ мѣсто прокурора въ парламентѣ. Мирабо́ видѣлъ въ немъ сильнаго помощника своимъ планамъ, и дѣйствительно Дантонъ былъ какъ бы рожденъ революціонеромъ. Его фигура была колоссальна, его жесты порывисты, голосъ сильный и выразительный, черты безобразнаго и рябаго лица рѣзкія и подвижныя, маленькіе глаза язвительны и смѣлы. Его рѣчь была подобна бурному потоку. Никакое средство не казалось ему предосудительнымъ, лишь бы было ему полезно; онъ былъ убѣжденъ, что степень власти и силы зависитъ исключительно отъ степени смѣлости. Пылкій, обремененный долгами и нуждою, развратный, преданный то своимъ страстямъ, то своей партіи, Дантонъ былъ грозенъ въ политикѣ, пока дѣло шло о достиженіи цѣли, и снова становился безпечнымъ, когда достигалъ ея. Этотъ мощный демагогъ представлялъ въ себѣ смѣсь пороковъ и противуположныхъ качествъ. Продавшись двору, онъ сохранилъ гордую смѣлость своихъ республиканскихъ чувствъ. Онъ сталъ истребителемъ, не будучи жестокимъ; онъ былъ неумолимъ, когда дѣло шло о цѣлой массѣ, и гуманенъ, даже великодушенъ къ отдѣльнымъ личностямъ. Революція въ его глазахъ была игрою, въ которой побѣдитель выигрывалъ, если это было ему нужно, жизнь побѣжденнаго. Спасеніе родины стояло для Дантона выше закона, даже выше человѣчности: вотъ чѣмъ объясняются его злодѣйства послѣ 10 августа, и его переходъ къ умѣренности, когда онъ почелъ республику утвердившеюся.

Таковъ-то былъ человѣкъ, который велъ 14 іюля 1789 года народныя массы на приступъ къ Бастиліи. Будучи избранъ вскорѣ послѣ этого президентомъ кордельерскаго округа, онъ обвинялъ, 10 ноября 1790 г., отъ имени парижскихъ общинъ, передъ національнымъ собраніемъ, министровъ—и учредилъ, вмѣстѣ съ Камилломъ Дюмуленомъ, Фабромъ д'Эглантиномъ и Маратомъ, кордельерскій клубъ, который вскорѣ превзошелъ политическимъ фанатизмомъ якобинскій, не расходясь однакоже съ нимъ. Послѣ смерти Мирабо Дантонъ все болѣе и болѣе сталъ выдвигаться изъ массы и по его-то зову собрался 17 іюля 1791 года на марсовомъ полѣ народъ, требуя низложенія короля и суда надъ нимъ. Лафайетъ и Пальи усмирили возстаніе и Дантонъ, избѣгая ареста, уѣхалъ въ свое имѣнье; но выбранный, вскорѣ послѣ того, депутатомъ во второе національное собраніе, возвратился подъ защитою народа въ Парижъ и вопреки этому собранію сдѣлался субститутомъ общиннаго прокурора. 10 августа 1792 года, послѣ штурма тюльерійскаго дворца, королевская власть пала, и Дантонъ, одинъ изъ главныхъ предводителей этого возстанія, занялъ во вновь образовавшемся министерствѣ мѣсто министра юстиціи и хранителя государственной печати. Вступленіе непріятельскихъ войскъ въ Шампань и опасенія относительно роялистской партіи въ Парижѣ подали ему поводъ къ организованію системы устрашенія, имѣвшей слѣдствіемъ безчисленные аресты и казни. Когда въ ночь съ 1-го на 2 сентября пришло извѣстіе о взятіи пруссаками Вердена,—взятіе, открывавшее путь въ столицу,—ударили въ набатъ, заперли заставы и нанятая думой толпа изъ 300 убійцъ истребила впродолженіи трехъ дней около 1000 роялистовъ, заключенiяхъ въ Кармахъ, въ Аббатствѣ, въ Консьержери, въ Форсѣ и другихъ тюрьмахъ. Недоступный голосу личной вражды и руководствуясь только благомъ республики, Дантонъ спасалъ при этомъ всѣхъ, кто попадался ему подъ руку, и освободилъ изъ тюрьмы Дюпора, Барнава и Шарля Ламета, которые были нѣкоторымъ образомъ его личными врагами. Когда вслѣдъ за разошедшимся законодательнымъ собраніемъ организовался 20 сентября 1792 г. національный конвентъ, провозгласившій въ первое же свое засѣданіе (20 сент.) республику, Дантонъ промѣнялъ свое министерское мѣсто на депутатское и отправился вмѣстѣ съ Лакруа въ Бельгію для распространенія революціонныхъ идей. Отсюда онъ подалъ голосъ за смерть короля. Насчетъ вѣчнаго изгнанія эмигрантовъ онъ настоялъ еще прежде. Въ Бельгіи онъ хозяйничалъ свойственнымъ ему образомъ; государственныя и церковныя имущества были конфискованы и проданы (отчасти для его собственнаго обогащенія), а сопротивлявшіяся партіи подавлены самыми кровавыми преслѣдованіями. Но и тутъ Дантонъ уступалъ личнымъ ходатайствамъ и просьбамъ. Будучи по самой природѣ своей склоненъ къ крайностямъ, онъ былъ до извѣстной степени доступенъ голосу человѣколюбія и разсудка и сознавалъ, что паденіе всякаго нравственнаго и политическаго порядка повлечетъ за собою и его гибель, почему и старался сблизиться съ жирондистами, чтобы съ ихъ помощію положить преграду господству черни, но былъ отвергнутъ ими, и вслѣдствіе этого опять соединился съ Горою противъ Жиронды. Тѣмъ не менѣе онъ былъ противъ казни жирондистовъ и его открытое неодобреніе этой мѣры лишило его милости фанатическаго народа. Въ

комитетѣ общаго блага. гдѣ сидѣли его смертельные враги онъ не принималъ участія. Къ этому присоединилось еще то, что, женившись недавно въ другой разъ и будучи влюбленъ въ свою жену, онъ удалился на свою родину въ Арсисъ-на-Обѣ и тамъ, казалось, въ спокойствіи забылъ обо всемъ. Такимъ образомъ Робеспьеру, сдѣлавшемуся, послѣ смерти Марата, главою комитета общаго блага и якобинскаго клуба, было не трудно низвергнуть становившагося ему въ тягость Дантона. Будучи увѣдомленъ своими друзьями объ угрожающей ему опасности, Дантонъ возвратился въ Парижъ, рѣшившись настаивать на человѣколюбіи и разсудкѣ, и все еще довѣрялъ Робеспьеру. Только послѣ арестаціи его друга, Фабра д'Эглантина, разошелся онъ съ Робеспьеромъ, а въ ночь съ 31 марта на 1 апрѣля 1794 г. былъ взятъ подъ арестъ вмѣстѣ съ Лакруа. 3 апрѣля онъ явился вмѣстѣ съ своими друзьями: Демуленомъ, Вестерманомъ, Лакруа, Филипо и пр. передъ революціоннымъ трибуналомъ. Чрезвычайно искусно составленное Сенъ-Жюстомъ обвиненіе говорило о намѣреніяхъ Дантона посадить на престолъ герцога Орлеанскаго, о томъ что ему была заранѣе извѣстна измѣна Дюмурье, и т. д. Дантонъ относился къ судьямъ съ величайшимъ презрѣніемъ, сдѣлался изъ обвиняемаго обвинителемъ, такъ что судъ началъ безпокоиться. На вопросъ президента Дюма, спросившаго его, по принятому порядку, объ его имени, лѣтахъ и мѣстѣ жительства, Дантонъ отвѣчалъ: «Имя мое Дантонъ; мнѣ тридцать пять лѣтъ. Жилищемъ моимъ скоро будетъ ничтожество, имя же мое будетъ жить въ Пантеонѣ исторіи». Когда смертный приговоръ былъ произнесенъ, Дантонъ воскликнулъ: «Насъ приносятъ въ жертву честолюбію нѣсколькихъ подлыхъ разбойниковъ, но они не долго будутъ пользоваться плодомъ своей преступной побѣды. Я увлекаю за собой Робеспьера... Робеспьеръ слѣдуетъ за мною». Его отправили вмѣстѣ съ другими обвиненными въ тюрьму, а оттуда на эшафотъ.

(Продолженіе будетъ).

Числовыя отношенія въ природѣ.

Какъ велико пространство занимаемое всѣми строеніями на землѣ, включая сюда же всѣ корабли и суда на рѣкахъ и моряхъ? Сосчитать этого съ точностію нельзя; но весьма возможно опредѣлить, какой приблизительно объемъ *должны бы были* занять всѣ строенія на землѣ, взятыя вмѣстѣ. Если принять въ разсчетъ, что на землѣ живетъ 1,300 милліоновъ людей, и при томъ такъ, что въ одномъ домѣ въ 40 фут. вышины, 40 фут. длины и 30 фут. ширины, слѣдовательно въ домѣ порядочныхъ размѣровъ, живетъ по десяти человѣкъ, то въ общей сложности всѣ дома заключали бы въ себѣ 6,240 милліардовъ кубич. футовъ. Но можно положительно сказать, что даже въ самыхъ благоустроенныхъ государствахъ люди не живутъ такъ широко, чтобы цѣлый домъ, означенныхъ выше размѣровъ, приходился всего на десять человѣкъ. Слѣдовательно объемъ всѣхъ строеній на землѣ будетъ значительно меньше, и даже если мы причислимъ сюда всѣ корабли и суда, то и тогда все же еще не пополнится эта цифра, а между тѣмъ 6,240 милліардовъ куб. футовъ не составляютъ и половины куб. мили; всѣ человѣческія постройки, всѣ города, деревни, корабли, можно было безъ труда запаковать въ одинъ ящикъ въ милю длины, въ милю ширины и далеко еще не въ полъ-милю вышины. Весь человѣческій родъ могъ бы просторно жить въ одномъ зданіи величиною съ Монбланъ, и даже еслибы всѣхъ людей уложить въ ящикъ, какъ оловянныхъ солдатиковъ, такъ чтобы на каждаго приходилось не больше десяти куб. футовъ пространства, то для этого вполнѣ было бы достаточно ящика въ 2,400 фут. длины, вышины и ширины. Вотъ человѣческое величіе!

Луна отдалена отъ земли почти на 50,000 миль. Это отдаленіе гораздо меньше діаметра солнца. Еслибы солнце было пустымъ шаромъ и земля стояла бы въ его центрѣ, то все-таки путь луны вокругъ земли находился бы въ 40,000 миль отъ солнечной поверхности. Вообще объемъ солнца почти въ шесть сотъ разъ больше объема всѣхъ планетъ взятыхъ вмѣстѣ. Но что такое солнце со всѣми планетами въ сравненіи съ небомъ неподвижныхъ звѣздъ? Среднее отдаленіе земли отъ солнца простирается на 20,000,000 миль, слѣдовательно на такое пространство, что почтовый поѣздъ, который шелъ бы день и ночь, дѣлая по пяти миль въ часъ, прошелъ бы его въ 472 года. А между тѣмъ, это пространство ровно ничего не значитъ въ небѣ неподвижныхъ звѣздъ; оно такъ невообразимо ничтожно, что не можетъ служить для него масштабомъ.

Отдаленіе неподвижныхъ звѣздъ не опредѣлено съ точностію, именно потому что у насъ нѣтъ для этого масштаба; но рѣшено, что ближайшая неподвижная звѣзда отдалена отъ насъ по крайней мѣрѣ на четыре бильона миль. Чтобы пролетѣть это пространство, пушечное ядро, пролетающее въ одну секунду 600 футовъ, должно бы было летѣть 6,000,000 лѣтъ, а почтовый поѣздъ 90,000,000 лѣтъ. Скорость желѣзной дороги или пушечнаго ядра слишкомъ медленна или, лучше сказать, ровно ничего не значитъ тамъ, гдѣ вопросъ идетъ о подобныхъ пространствахъ. Это все равно, что еслибъ улитка вздумала ползти къ солнцу. Но въ природѣ существуетъ другая скорость, по которой можно опредѣлять эти пространства, не прибѣгая къ такимъ громаднымъ числамъ: это свѣтъ.

Свѣтъ проходитъ въ секунду около 40,000 миль; онъ могъ бы обѣжать въ секунду семь или восемь разъ вокругъ всей земли; чтобы пройти отъ луны къ намъ, ему нужно всего 1¼ секунды, а отъ солнца къ намъ онъ доходитъ въ 8 минутъ. Но, чтобы пройти до насъ отъ ближайшей неподвижной звѣзды, ему надо употребить три года. А между тѣмъ, по мнѣнію Гершеля, есть неподвижныя звѣзды, которыя такъ отдалены отъ насъ, что ихъ свѣтъ доходитъ до насъ лишь въ нѣсколько тысячелѣтій. (Въ новѣйшее время принимаютъ даже еще гораздо большія разстоянія). Еслибы погасла такая неподвижная звѣзда, то мы замѣтили бы это только черезъ нѣсколько тысячелѣтій; весьма вѣроятно, что мы видимъ много звѣздъ, которыя уже множество тысячелѣтій какъ перестали свѣтить, и что въ этотъ промежутокъ времени возникли новыя, которыхъ мы однакоже еще не видимъ, потому-что медленный посланникъ, доходящій отъ нихъ, свѣтъ, не дошелъ отъ нихъ къ намъ. Скорость свѣта, 40,000 миль въ секунду, въ небесномъ пространствѣ значитъ меньше черепашьей походки. Если мы представимъ себѣ свѣтъ блестящей точкой, двигающейся отъ одной звѣзды къ другой, то, несмотря на громадную быстроту

движенія, точка эта можетъ быть цѣлые годы казалась бы намъ неподвижно стоящей на одномъ мѣстѣ.

Изъ подобныхъ отношеній слѣдуетъ конечно заключить, что и величина отдѣльныхъ неподвижныхъ звѣздъ далеко превосходитъ извѣстныя намъ величины солнца и планетъ; вѣроятно есть неподвижныя звѣзды, діаметръ которыхъ больше, нежели разстояніе земли отъ солнца. Если мы представимъ себѣ такую звѣзду, населенной человѣческими существами и предположимъ, что эти существа, по своей величинѣ, также относятся къ звѣздѣ, какъ люди относятся къ землѣ, то такой звѣздный обитатель былъ бы въ 120,000 футовъ; упомянутый выше ящикъ со всѣми строеніями земнаго шара онъ могъ бы шутя нести подъ мышкой, какъ игрушечную коробочку, а людей, живущихъ на землѣ, могъ бы видѣть только помощію микроскопа. (Само собою разумѣется, что этотъ примѣръ служитъ только для того, чтобы нагляднѣе представить колосальную величину подобной звѣзды, а отнюдь не для того, чтобы предполагать возможность существованія на ней органической жизни, соотвѣтствующей такой же жизни на землѣ). Но что значитъ такая звѣзда въ сравненіи съ цѣлымъ небомъ неподвижныхъ звѣздъ? Наше небо неподвижныхъ звѣздъ заключаетъ въ себѣ милліоны солнцъ; такихъ солнцъ, по изчисленію Гершеля, въ одномъ млечномъ пути восьмнадцать. А такъ называемыя туманныя пятна, о которыхъ полагаютъ, что это особые звѣздные міры, что это другія небеса съ неподвижными звѣздами, лежащія за нашимъ небомъ и

С.-Петербургскій Императорскій Эрмитажъ.

Письмо. (Съ картины Тербурга). Рис. де-ла-Шарлери, грав. Паннемакеръ.

заключающія въ себѣ такое же необъятное количество звѣздъ, какъ и то, къ которому принадлежитъ наше солнце!

Но и тамъ, гдѣ дѣло идетъ не о такихъ колоссальныхъ пространствахъ, природа часто поражаетъ своими цифрами. Такъ напримѣръ, число яицъ, которое мечетъ рыба, доходитъ до невѣроятности. Икра бѣлуги вѣситъ 200 фунтовъ, а 5 яичекъ всего одинъ гранъ, стало быть въ фунтѣ будетъ до 300,000, а во всей икрѣ до 6 милліоновъ яичекъ. Въ трескѣ насчитываютъ до 9 милліоновъ яичекъ. (Карпъ заключаетъ въ себѣ 300,000, а селедка только около 40,000 яичекъ). Далѣе, въ гнилой водѣ количество инфузорій доходитъ до громадныхъ цифръ; нѣкоторыя изъ этихъ инфузорій такъ малы, что въ одной каплѣ воды онѣ находятъ себѣ 500 милліоновъ мѣстъ. Изчислено, что одно такое созданьице можетъ произвести въ теченіи четырехъ дней потомство въ 140 билліоновъ индивидуумовъ.

Звуки суть, какъ извѣстно, результатъ колебанія воздуха; самый низкій тонъ, какой мы слышимъ, происходитъ отъ 16, самый высокій отъ 36,000 колебаній въ секунду. Еслибы мы могли представить себѣ одну секунду раздѣленной на 36,000 частей, то ужъ и это далеко бы превосходило все, что можетъ себѣ представлять воображеніе, но и такая невообразимо крошечная частичка времени еще страшно велика въ сравненіи съ колебаніями свѣта. Свѣтъ происходитъ отъ колебаній эфира, газообразнаго тѣла, которое наполняетъ вселенную—и такъ тонко, что проникаетъ всѣ тѣла. Физика дошла до того, что можетъ вычислить величину свѣтовой волны и количество ея колебаній. Бѣлый свѣтъ составляется изъ цвѣтовъ радуги; если сравнить отдѣльные цвѣта съ отдѣльными звуками, то бѣлый свѣтъ образуетъ полный аккордъ. Чтобы произвести красный свѣтъ, каждая изъ крошечныхъ свѣтовыхъ волнъ должна сдѣлать 728 билліоновъ колебаній въ секунду. Еще гораздо большаго числа колебаній требуетъ фіолетовый свѣтъ, именно 468 милліоновъ въ секунду, цифрами это будетъ 768,000,000,000,000.

И такъ, отношенія чиселъ въ природѣ, какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ, превосходятъ самую смѣлую фантазію, но такъ какъ вообще наши знанія еще очень отрывочны и обнимаютъ собой только еще ничтожное число тайнъ природы, то, конечно, и объ отношеніяхъ чиселъ въ природѣ еще многое намъ неизвѣстно. Мы наблюдаемъ міръ и въ небесныхъ пространствахъ и въ незамѣтно маломъ посредствомъ инструментовъ, потому-что наши чувства недостаточны для непосредственнаго наблюденія. То же, что мы узнали объ отношеніяхъ чиселъ, опять-таки соотвѣтствуетъ только степени совершенства нашихъ инструментовъ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ въ великомъ, такъ и въ маломъ, мы бы узнали еще совсѣмъ другія цифры, еслибы наши инструменты были совершеннѣе.

Слѣдуетъ ли намъ послѣ этихъ необъятныхъ размѣровъ звѣзднаго міра смотрѣть на нашу землю, какъ на нѣчто неимѣющее значенія? Къ такому заключенію легко придти, когда подумаешь, что солнце со всей планетной системой представляетъ на нашемъ небѣ неподвижныхъ звѣздъ не больше какъ пылинку; но, въ такомъ случаѣ, намъ надо идти дальше и смотрѣть и на все это небо неподвижныхъ звѣздъ какъ на нѣчто не имѣющее значенія, — ибо что же значитъ это пространство въ сравненіи съ безконечнымъ пространствомъ, которое заключаетъ въ себѣ громадное, можетъ быть безконечное множество другихъ небесъ съ неподвижными звѣздами. Мы видѣли выше, что свѣтовая волна дѣлаетъ въ одну секунду нѣсколько билліоновъ колебаній. Секунда въ сравненіи съ количествомъ времени одного свѣтоваго колебанія составляетъ огромнѣйшій періодъ времени, столь же огромный, какъ и періодъ времени слишкомъ въ билліонъ лѣтъ въ сравненіи съ однимъ днемъ; а стаканъ воды въ сравненіи съ инфузоріей занимаетъ такое же пространство, какъ множество милліоновъ солнцъ въ сравненіи съ землю. Что вообще можно назвать большимъ или малымъ въ безконечномъ пространствѣ? Въ немъ какъ самое великое, такъ и самое малое, имѣетъ еще меньшее значеніе, чѣмъ какая нибудь одна инфузорія на землѣ. Тутъ никакая разница въ величинѣ не существенна. Малое и великое—понятія относительныя; земля велика потому-что *для насъ* она достаточно велика; все небо неподвижныхъ звѣздъ невообразимо мало потому-что вселенная безконечно больше его.

Политическое обозрѣніе.

Въ настоящее время, во Франціи, если и существуетъ какой нибудь разладъ, такъ только между двумя большими партіями: между сторонниками нынѣшняго правительства или такъ-называемой *консервативной республики*, съ пожизненнымъ президенствомъ Тьера, и партіей крайнихъ республиканцевъ *(радикаловъ)*, имѣющей во главѣ Гамбетту и Луи Блана. Для непосвященныхъ въ эти таинства читателей можетъ показаться страннымъ, какимъ образомъ эти двѣ партіи, сходныя между собою въ главныхъ своихъ стремленіяхъ, могутъ расходиться въ чемъ-нибудь настолько, чтобы враждовать другъ съ другомъ. Но тѣмъ не менѣе указанный нами разладъ дѣйствительно существуетъ и имѣетъ свои причины, которыя мы сейчасъ и изложимъ передъ читателями. Дѣло въ томъ, что во Франціи республика, послѣ испытанныхъ ею когда-то неудачъ, не пользуется особеннымъ расположеніемъ; если-же въ настоящее время большинство населенія и склоняется на ея сторону, такъ это благодаря только довѣрію внушаемому личностью самого Тьера, ухитрившагося расположить къ себѣ самые разнородные слои французскаго народа. Слѣдовательно, говоря вообще, республиканская партія во Франціи довольно слаба; за то въ своихъ рядахъ она насчитываетъ лучшихъ политическихъ дѣятелей страны, которые имѣютъ значительное вліяніе не только на народъ, но и на самое правительство. Съ другой стороны, во Франціи не существуетъ теперь и строго-организованной партіи монархистовъ; нельзя же въ самомъ дѣлѣ назвать таковою нѣсколько десятковъ бонапартистовъ, да нѣсколько сотенъ поклонниковъ орлеанской династіи, разсѣянныхъ по всей французской землѣ! Заслуга Тьера въ томъ и состоитъ, что онъ своею политическою ловкостью и сдержанностью, не раздражая понапрасну монархистовъ и смотря сквозь пальцы на продѣлки духовенства, потакая республиканцамъ и въ то же время не прерывая дружбы съ орлеанистами, съумѣлъ удержать всѣ эти разнородные элементы въ границахъ благоразумія. Но такъ-какъ рано или поздно а нужно-же было объявить себя сторонникамъ той или другой формы правленія, то Тьеръ склонился на сторону болѣе вліятельной партіи, т. е. республиканской. Каждая изъ остальныхъ партій, видя въ

Тьерѣ своего человѣка, примирилась съ мыслію имѣть его во главѣ правленія и стала поддерживать его политику. Такимъ образомъ, теперь огромное большинство французовъ стоитъ за сохраненіе нынѣшняго правительства — значитъ, за консервативную республику, и съ этою цѣлью хлопочутъ о томъ, чтобы эта форма правленія была провозглашена нынѣшнимъ національнымъ собраніемъ. Но радикалы, не довѣряя собранію въ его настоящемъ составѣ, желаютъ, чтобы республика была утверждена послѣ обновленія палаты новыми выборами, которые усилятъ въ ней партію искреннихъ республиканцевъ. Они желаютъ утвержденія республики надолго и опасаются, чтобы партія консервативныхъ республиканцевъ, составляющая ядро палаты, не провозгласила временной республики, съ пожизненымъ президентствомъ Тьера. Вотъ въ чемъ заключается главная причина разлада между этими двумя партіями.

Между Россіей и Франціей заключенъ новый почтовый договоръ, условія котораго уже окончательно опредѣлены. По этому договору, простыя письма изъ Франціи въ Россію будутъ оплачиваться не 80-ю сантимами (20 коп. по нормальному курсу), какъ это было до послѣдняго времени, а только 50-ю (по нормальному курсу $12^1/_2$ коп.); за то отправляемыя въ Россію заказныя письма будутъ оплачиваться 25 сантимами ($6^1/_4$ коп.), а отправляемыя во Францію—50 сантимами ($12^1/_2$ коп.) *дороже* настоящаго. Этотъ договоръ вступитъ въ силу съ первыхъ чиселъ декабря мѣсяца.

Затѣянное въ испанскомъ городѣ Ферролѣ возстаніе, о которомъ мы сообщали въ прошедшемъ обозрѣніи, кончилось пустяками: правительственныя войска взяли приступомъ арсеналъ, въ которомъ заперлись было инсургенты, и быстро разсѣяли толпу. Нѣсколько сотъ человѣкъ попались въ плѣнъ. Впрочемъ, усмиреніе возстанія въ Ферролѣ нисколько не успокоило умовъ на югѣ Испаніи. По послѣднимъ извѣстіямъ оттуда, какіе-то злоумышленники занимаются тѣмъ, что поджигаютъ дома и разныя постройки ничѣмъ неповинныхъ обывателей. Во всей Андалузіи господствуетъ безпокойство за собственность и даже жизнь гражданъ. Даже населеніе Мадрида, несмотря на видимое свое спокойствія, не питаетъ особеннаго расположенія къ нынѣшнему правительству. Недавно оно устроило большую манифестацію противъ намѣренія городскаго управленія обложить новымъ налогомъ окна и двери домовъ, а также вывѣски и выставляемые въ окнахъ товары. Мелочные торговцы устроили по этому случаю процессію, впереди которой несли знамя съ надписью: „долой налогъ!" Произошли схватки между толпою и солдатами гражданской гвардіи, причемъ было ранено около 20 человѣкъ, и произведены аресты.

Между черногорцами и турками произошло недавно кровавое столкновеніе, при чемъ турки, напавъ на дер. Липово, истребили ее до тла. По поводу этого столкновенія возникла переписка между правительствами Черногоріи и Турціи, изъ которой выяснилось, что поводомъ къ битвѣ послужилъ давнишній споръ о границѣ, отдѣляющей въ этомъ мѣстѣ княжество черногорское отъ Турціи.

Недавно скончался бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Соединенныхъ сѣверо - американскихъ Штатовъ, Сьюардъ. Это былъ человѣкъ рѣдкаго ума, дарованій и честности. Начавъ свою дѣятельность адвокатомъ, онъ былъ потомъ избранъ членомъ сената въ штатѣ Нью - Іоркъ, затѣмъ занималъ мѣсто губернатора въ этомъ штатѣ; въ 1849 году, его избрали сенаторомъ Соединенныхъ Штатовъ. Съ избраніемъ въ президенты республики знаменитаго Линкольна, Сьюардъ, который также считался въ числѣ кандидатовъ на президентское мѣсто, былъ сдѣланъ министромъ иностранныхъ дѣлъ. Во всѣхъ этихъ должностяхъ онъ выказалъ себя горячимъ противникомъ рабства, за что чуть не раздѣлилъ злополучной участи Линкольна. Сорокъ лѣтъ своей жизни Сьюардъ трудился на пользу отечества и умеръ вдали отъ дѣлъ на 71-мъ году.

Извѣстнаго преступника Нечаева Швейцарское правительство препроводило къ русской границѣ, и наднях онъ привезенъ въ Петербургъ

Судебная хроника.

Предполагаемый съѣздъ русскихъ юристовъ. — Цѣль его. — Дѣло о разрытіи могилы. — Дѣло о жестокомъ обращеніи съ рекрутами. — Дѣло г-жи Диттель.

Въ московскомъ юридическомъ обществѣ возникла мысль о ежегодномъ созваніи съѣзда русскихъ юристовъ для обсужденія различныхъ юридическихъ и законодательныхъ вопросовъ. Въ Германіи, уже болѣе десяти лѣтъ, какъ собираются подобные съѣзды; тамъ они имѣютъ характеръ не столько научно теоретическій, сколько прикладной, практическій. Послѣдній изъ такихъ съѣздовъ былъ во Франфуртѣ на Майнѣ, въ августѣ мѣсяцѣ наст. года, подъ предсѣдательствомъ и ближайшимъ руководительствомъ знаменитаго берлинскаго профессора Гнейста. Насколько можно судить по происходившимъ тамъ преніямъ, съѣзды германскихъ юристовъ преслѣдуютъ еще и цѣль политическую, т. е. объединеніе германскаго права. У насъ, конечно, подобной цѣли въ настоящее время быть не можетъ. Но за то мы нуждаемся въ однообразномъ пониманіи закона, который въ различныхъ мѣстностяхъ нашего отечества толкуется чрезвычайно различно, не говоря уже о крайне разнообразномъ порядкѣ судопроизводства и судоустройства. Обмѣнъ мыслей между съѣхавшимися со всѣхъ концовъ Россіи юристами заставитъ ихъ выработать единообразные пріемы и способы, необходимые для правильнаго пониманія закона и для успѣшнаго отправленія правосудія. Съ другой стороны, такимъ путемъ можетъ выработаться и матеріалъ для законодательныхъ реформъ. Нельзя, поэтому, не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли московскаго юридическаго общества и не пожелать ей скорѣйшаго осуществленія.

Въ августѣ мѣсяцѣ, въ одесскомъ военноокружномъ судѣ разбиралось слѣдующее, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, дѣло. 26 февраля, нын. года, двое рядовыхъ расположеннаго въ херсонскомъ уѣздѣ 55 пѣхотнаго Подольскаго полка, проходя въ 3 часа по полудни около кладбища въ мѣст. Новой Одессѣ, увидѣли человѣка, который рылъ яму на мѣстѣ, гдѣ погребенъ былъ умершій въ январѣ рядовой того же полка, Дашевскій. Узнавъ въ этомъ человѣкѣ солдата одного съ ними полка, Чередникова, а также освѣдомясь отъ него что онъ приготовляетъ могилу по просьбѣ какого-то крестьянина, они посовѣтовали ему зарыть начатую яму. Но онъ продолжалъ рыть на прежнемъ мѣстѣ. Вслѣдствіе этого на кладбище, спустя нѣкоторое время, прибыли и другіе нижніе чины Подольскаго полка, которые нашли Чредникова за прежнею работой, такъ что онъ успѣлъ уже докопаться до самаго гроба. Наряжено было слѣдствіе; Чередниковъ, на допросѣ сознаваясь въ разрытіи могилы, объяснилъ, что сдѣлалъ это затѣмъ, чтобы снять съ трупа Дашевскаго мундиръ, которымъ хотѣлъ воспользоваться, потому что у него былъ негодный мундиръ, а капральный унтеръофицеръ требовалъ отъ него опрятности въ обмунди-

ровкѣ. Это объясненіе вполнѣ подтвердилось произведеннымъ слѣдствіемъ. Судъ, руководствуясь первой половиной 234-й статьи воен. уст., приговорилъ подсудимаго Чредникова, при уменьшающихъ вину обстоятельствахъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на девять лѣтъ.

Унтеръ-офицеръ Юсуповъ, 32 лѣтъ, судился въ московскомъ военно-окружномъ судѣ за нанесеніе побоевъ и истязаніе подчиненныхъ ему рекрутовъ. Подробности дѣла этого, по словамъ „Московскихъ Вѣдомостей", заключаются въ слѣдующемъ: Юсуповъ, узнавъ, что находящіеся въ его капральствѣ рекруты Тихановъ и Зиминъ борятся на улицѣ и тѣмъ производятъ безпорядокъ, ударивъ ихъ за непослушаніе, приказалъ имъ идти въ казарму и самъ пошелъ за ними. Тамъ между Тихановымъ и Юсуповымъ произошелъ крупный разговоръ, причемъ Тихановъ, ругая Юсупова площадными словами, говорилъ: „ты капралъ сегодня, а я буду завтра; я тебя проберу". Тогда Юсуповъ, видя, что Тихановъ не унимается, приказалъ бывшимъ тутъ рекрутамъ связать ему, Тиханову, руки назадъ, а самъ, взявъ палку, въ четверть аршина длины и въ палецъ толщины, вложилъ ее Тиханову поперекъ рта; привязалъ къ концамъ этой палки веревки и завязалъ ихъ на затылкѣ узломъ. Въ такомъ видѣ Тихановъ положенъ былъ на полъ, гдѣ и пролежалъ съ четверть часа, т. е. пока товарищи Тиханова, замѣтивъ на губахъ его кровь, стали просить Юсупова развязать его, на что тотъ и согласился. Свидѣтели показали, что Юсуповъ обращался съ подчиненными ему грубо, билъ ихъ, дралъ за уши, ставилъ на колѣни, причемъ давалъ по ружью въ каждую руку, заставляя при этомъ держать руки вверхъ, стегалъ по чемъ-ни-попало ремнемъ съ металлическою бляхою и проч. По спросѣ свидѣтелей и выслушаніи рѣчей прокурора и защитника, судъ призналъ подсудимаго виновнымъ въ наложеніи на подчиненныхъ ему наказаній не установленныхъ закономъ и соединенныхъ съ жестокостью; принимая же во вниманіе смягчающія вину обстоятельства (прежнюю его отличную службу и долговременное содержаніе его подъ стражей), приговорилъ: по лишеніи Юсупова унтеръ-офицерскаго званія, нашивки за 6-ти лѣтнюю безпорочную службу и нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, выдержать подъ арестомъ на хлѣбѣ и водѣ двѣ недѣли и перевести въ разрядъ штрафованныхъ, съ увеличеніемъ обязательнаго пребыванія въ семъ разрядѣ на 6 мѣсяцевъ.

Недавно ужасное дѣло разбиралось окружнымъ судомъ въ гор. Мединѣ (Кал. губ). Мать, богатая помѣщица, получившая образованіе, обвинялась какъ сообщница въ отравленіи ея мужемъ роднаго сына своего, молодаго человѣка 22 лѣтъ, и въ непринятіи всѣхъ мѣръ къ приведенію его къ жизни. Мужъ г-жи Диттель (имя подсудимой) умеръ въ тюрьмѣ во время производства слѣдствія. Г-жа Диттель пріѣхала на судъ, вмѣстѣ съ своей компаньонкой, на четвернѣ вороныхъ, и все время, по увѣренію корреспондента „Русскихъ Вѣдомостей", держала себя спокойно и съ достоинствомъ: видно было, что она ожидала благопріятнаго для своего дѣла исхода. Обвинительный приговоръ присяжныхъ для многихъ былъ совершенною неожиданностью. Г-жа Диттель, выслушавъ приговоръ суда, осуждавшій ее въ каторжную работу, на заводы, на $13^1/_2$ лѣтъ,— нѣсколько минутъ стояла неподвижно, и вдругъ, безъ слезъ, но съ страшнымъ, почти нечеловѣческимъ крикомъ грохнулась на полъ. Долго не могли ее привести въ чувство. Корреспондентъ названной газеты прибавляетъ, что нѣкоторые изъ присяжныхъ раскаиваются въ своемъ приговорѣ.

Смѣсь.

ПИСЬМО (съ картины Ж. Тербурга).

(См. стр. 701).

Авторъ этого граціознаго произведенія, находящагося въ числѣ прочихъ картинъ голландской школы въ Императорскомъ Эрмитажѣ, Жераръ Тербургъ родился 1608 года въ Цволлѣ, работалъ на первыхъ порахъ въ Гарлемѣ, а затѣмъ отправился въ Италію. Въ 1648 году, находясь въ Мюнстерѣ, онъ написалъ «Пословъ, собравшихся на заключенія Вестфальскаго мира (нынѣ принадлежитъ графу Демидову). Впослѣдствіи Тербургъ послѣдовательно жилъ въ Мадридѣ, Лондонѣ и Парижѣ, причемъ неутомимая кисть его всюду оставляла видный слѣдъ пребыванія замѣчательнаго художника, дожившаго до 1681 года. Тербурга считаютъ творцомъ такъ-называемой разговорной живописи, такъ какъ сюжеты его картинъ рѣдко выходили изъ круга самой тѣсной обыденности. Въ изяществѣ исполненія онъ не уступаетъ ни одному изъ своихъ современниковъ. Картины его хранятся во многихъ галлереяхъ Европы, въ Лондонѣ, Дрезденѣ, Амстердамѣ, Парижѣ, Вѣнѣ и наконецъ у насъ въ Петербургѣ, въ Императорскихъ Академіи художествъ и Эрмитажѣ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

При № 44 «Нивы» приложено для **иногородныхъ** подписчиковъ **Объявленіе** отъ книжнаго магазина **Александра Ивановича Манухина въ**

Дозволено цензурою 27 октября 1872 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**, Вознес. пр. д. № 53.

№ 45. 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 6 ноября 1872 года. Годъ III.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

XXI.

Было вѣроятно часовъ десять, а между тѣмъ, не смотря на то, что дѣло было въ половинѣ мая и мѣсяцу слѣдовало уже взойти, на дворѣ стояла такая же темь, какъ осенью въ безлунную ночь. По осеннему завывалъ холодный вѣтеръ надъ ржанымъ жнивьемъ, а зачастившій съ удвоенною силою, холодный, какъ осенью, дождь билъ въ лицо.

— Закутайтесь хорошенько, сказалъ Готтгольдъ ассесору, безпокойно вертѣвшемуся на своемъ мѣстѣ.—Вы кажется очень разгорячились давеча?

— Еще бы! вѣдь я цѣлый вечеръ не разстегивался, возразилъ ассесоръ,—въ буквальномъ смыслѣ слова не разстегивался изъ-за тѣхъ десяти тысячь, что у меня въ боковомъ карманѣ. Хорошо еслибъ я могъ сказать то же самое и въ иносказательномъ, но все-таки — объясните мнѣ пожалуйста, любезный другъ, загадочное поведеніе Брандова. Вѣдь онъ все равно что выпроводилъ меня за дверь. А за что—не понимаю! весь вечеръ мы были въ самыхъ дружескихъ, можно сказать братскихъ отношеніяхъ. Все между нами было улажно какъ нельзя лучше; десять тысячь—сумма не маленькая — онъ заплатилъ мнѣ какъ есть до послѣдней копѣйки... вотъ въ чемъ главная-то загадка! Онъ говоритъ, что получилъ эти деньги отъ Вольнофа! Ужь не дурачилъ ли меня Вольнофъ? но зачѣмъ? Все это такъ темно, что я тутъ ровно ничего не вижу, какъ не вижу теперь своей руки, хоть и держу ее передъ глазами. Страшная темь!

— Мѣсяцъ уже съ часъ какъ взошелъ, сказалъ Генрихъ Шеель.

— Поэтому-то, конечно, у тебя и нѣтъ фонаря?

— У господина фонъ Плюггена тоже нѣтъ.

— А потомъ ты вообразилъ себѣ, что съ насъ будетъ и свѣту отъ твоей трубки, не такъ ли?

— Обойдемся и безъ курева, баринъ.

— Ну такъ и перестань; не могу сказать, чтобъ запахъ твоего тютюна особенно нравился мнѣ.

— Нашъ братъ не можетъ куритъ такого табаку, какъ важные господа, сказалъ Генрихъ Шеель, выколачивая трубку такъ, что изъ нея посыпались во мракѣ искры, и кладя ее въ карманъ.

— Не тотъ ли это малый, что везъ насъ сегодня сюда? спросилъ потихоньку ассесоръ.

— Тотъ самый, возразилъ Готтгольдъ, — и я посовѣтывалъ бы вамъ быть такъ же осторожнымъ какъ и давеча.

Но ассесоръ былъ не расположенъ слѣдовать совѣту Готтгольда. Хмѣль, прогнанный было сценой съ Брандовымъ, еще сильнѣе разобралъ его на холодномъ ночномъ воздухѣ. Онъ пустился ругать Брандова; онъ, видите ли, всегда заступался за него въ попечительномъ совѣтѣ, безъ него ему уже годъ тому назадъ пришлось бы убраться изъ Доллана, Брандовъ обязанъ ему во всѣхъ отношеніяхъ—и вотъ какъ отблагодарилъ его! Но теперь: баста! Ни дружбы ни протекціи—ничего-то онъ отъ него не получитъ. Этотъ милый баринъ все еще у него въ рукахъ. Такъ ли сякъ ли, а аренду-то придется возобновить. На этотъ разъ Брандовъ конечно заплатилъ, но что ручается за человѣка, который, находясь въ такомъ сомнительномъ положеніи, навязываетъ еще себѣ на шею карточный долгъ въ пять тысячъ талеровъ? Стоитъ только ему молвить объ этомъ словечко въ попечительномъ совѣтѣ—и Брандовъ пропалъ. Ужь не воображаетъ ли Брандовъ, что попечительный совѣтъ такъ сейчасъ успокоится, какъ только онъ выставитъ ему на видъ своего рыжаго? За все-то у него отвѣчаетъ эта лошадь! Еще побѣда не за Брандовомъ, да неизвѣстно еще попадетъ ли онъ и на скачки-то, потому-что тамъ на этотъ счетъ куда строго. Вѣдь исключили же въ прошломъ году молодаго Клебеница даромъ что владѣлецъ маіората—за то, что онъ заплатилъ карточный долгъ двумя сутками позже, чѣмъ слѣдовало. А чтобъ Редебасъ согласился оставить въ конторкѣ Брандова дальше завтрешняго полудня эти пять тысячъ, которыя онъ только-что у него выигралъ, такъ это куда сомнительно...

Замѣтивъ, что всѣ попытки остановить словоохотливаго ассесора остались бы втунѣ, Готтгольдъ былъ почти радъ, когда, пролепетавъ нѣсколько несвязныхъ словъ, этотъ послѣдній вдругъ замолкъ и прислонившись въ углу экипажа, погрузился повидимому въ отрезвляющій сонъ. Готтгольдъ покрылъ ему ноги еще своимъ собственнымъ пледомъ, поднялъ ему вверхъ воротникъ плаща, и устремивъ глаза во мракъ, погрузился въ размышленія. И для него тоже поведеніе Брандова было непостижимо. Что могло бы побудить его оскорбить такимъ образомъ ассесора, тогда какъ у него было столько причинъ дорожить его расположеніемъ. Ужь не былъ ли пьянъ и онъ? но въ такомъ случаѣ это опьяненіе овладѣло имъ внезапно и приняло чрезвычайно странный видъ—видъ ненависти, прикрывающейся холодною вѣжливостью. Или все это поднялось изъ-за него? можетъ-быть Брандову до такой степени хотѣлось выжить врага изъ дому, что онъ рѣшился даже поплатиться за это дружбой вліятельнаго человѣка. Это было такъ по человѣчески просто, такъ мало похоже на холодно разсчитывающаго человѣка—но если это не опьяненіе ищущее себѣ выхода въ буйствѣ, не ненависть стремящаяся удовлетворить себя—то что же это такое?

А если это ненависть, которая хочетъ удовлетворить себя во что бы то ни стало? если эта ненависть относится столько же и къ ней, какъ къ нему, можетъ статься къ ней даже больше чѣмъ къ нему? Если этотъ ужасный человѣкъ хотѣлъ избавиться отъ всѣхъ, чтобы вполнѣ дать волю своей бѣшеной ненависти, роскошно насладиться ужасной местью?

Готтгольдъ приподнялся съ мѣста, изъ груди у него вырвался громкій стонъ; потомъ онъ опять опустился въ глубину экипажа, браня себя, зачѣмъ онъ вызываетъ такіе страшные призраки. Вѣдь это-то ужь изъ всего самое невѣроятное! Какое бы средство онъ ни употребилъ вчера ночью, чтобы сломить гордость этой гордой женщины—онъ побѣдилъ, онъ можетъ быть доволенъ. А если онъ и не доволенъ—вѣдь онъ, хитрый, зналъ теперь тайну дѣлать золото; а какъ скоро онъ можетъ опять придти въ такое положеніе, что ему понадобится прибѣгать къ этому искусству — это показалъ сегодняшній вечеръ. — Куда дѣвается вода, которую ты льешь между пальцами? куда дѣвается золото, что ты даешь игроку? Да, кузенъ Бослафъ былъ правъ!

Но чѣмъ больше Готтгольдъ старался убѣждать себя, что всѣ эти ужасныя вещи невѣроятны, даже совсѣмъ невозможны, тѣмъ явственнѣе вставали онѣ передъ его глазами. Онъ видѣлъ, какъ тотъ крадется къ ней въ комнату, тихонько отворяетъ дверь и проскользаетъ къ ея кровати. Боже мой, что это? онъ явственно слышалъ какъ кто-то, съ выраженіемъ смертельнаго страха въ голосѣ, кличетъ его по имени...

Это не болѣе какъ обманъ его напряженныхъ чувствъ; просто какая нибудь сова слетѣла съ башни, и не слышно пронесясь надъ самой его головой, закричала съ испуга. Это, или что нибудь въ такомъ же родѣ.

Безъ сомнѣнія; но только фантазія тѣмъ не менѣе усердно продолжала свою ужасную игру; изъ протяжныхъ завываній бушующей надъ пустошью бури, изъ шелеста дроковыхъ кустовъ по сторонамъ, изъ скрипа съ трудомъ подвигавшагося экипажа, изъ фырканья выбивавшихся изъ силъ лошадей, она рождала призрачные звуки, слагавшіеся въ страшныя слова,—звуки и слова, какіе могутъ только шептать тѣ привѣднія, что выскользнули изъ сѣрочорнаго сумрака каменныхъ глыбъ, по правую сторону экипажа, на пригорокъ, или тѣ что носятся тамъ внизу на лѣво въ непроницаемомъ мракѣ надъ холоднымъ болотомъ.

Дорога уже нѣсколько времени шла въ гору, Готтгольдъ разсчитывалъ, что они уже на самомъ верху, какъ вдругъ лошади захрапѣли и остановились.

— Это что такое? спросилъ Готтгольдъ.

Генрихъ Шеель отвѣчалъ только двумя свистящими ударами кнута, лошади тронулись съ мѣста, но сейчасъ же опять остановились, храпя безпокойнѣе прежняго и пятясь, такъ что экипажъ подался нѣсколько назадъ, внизъ.

— Проклятыя клячи! вскричалъ Генрихъ Шеель по правую сторону экипажа.

— Тебя спрашиваютъ или нѣтъ? Что тамъ такое? вскричалъ Готтгольдъ, приподнявшись съ мѣста.

— Да ровно ничего, прокричалъ Генрихъ, — сидите спокойно. Проклятыя клячи! чуточку бы только понатужиться! а вотъ я подсоблю имъ! сидите спокойно, мы сію же минуту будемъ на верху. Ахъ ты, проклятый кнутъ!

Генрихъ, хлеставшій до сихъ поръ, какъ сума-

сшедшій, лошадей, вдругъ куда-то исчезъ; испуганныя лошади сдѣлали еще скачка два впередъ—вдругъ экипажъ нагнулся на бокъ налѣво—больше и больше—какъ молнія мелькнула у Готтгольда мысль, что если экипажъ опрокинется, онъ скатится на шестдесятъ футовъ внизъ въ болото—онъ положилъ уже руку на спинку экипажа, чтобы спрыгнуть направо... А товарищъ-то? онъ не желаетъ спастись безъ него. Но ассесоръ лежитъ какъ убитый, не шелохнется. Онъ схватилъ его, чтобъ броситься вмѣстѣ съ нимъ изъ экипажа. Поздно! Глухой трескъ, шумъ, словно разверзлась сама земля, чтобъ поглотить разомъ и и экипажъ и коня и человѣка,—свистъ и завываніе вѣтра въ ушахъ—страшный ударъ, паденіе, скатываніе, толчокъ, а тамъ—все миновалось.

XXII.

Въ большой уютной комнатѣ подлѣ конторы сидѣли при матовомъ свѣтѣ великолѣпной лампы—дружка этой лампы горѣла на столикѣ подъ зеркаломъ въ глубинѣ комнаты—Отилія Вольнофъ и Альма Селльенъ. Оттилія была занята какимъ-то изящнымъ рукодѣльемъ, между тѣмъ какъ Альма сидѣла сложа руки, прислонившись къ углу дивана. Передъ дамами поднималась искусно освѣщенная картина Готтгольда, изображавшая видъ Доллана. Она была поставлена на стулѣ съ высокою спинкою, и Альма бросала на нее по временамъ томные взоры. Она хотѣла, вслучаѣ если эти господа пріѣдутъ сегодня вечеромъ, сдѣлать Готтгольду пріятный сюрпризъ, показавъ ему, что она интересуется его произведеніемъ, и по ея-то просьбѣ сняли картину со стѣны и поставили здѣсь.

— Боюсь только, чтобъ она какъ нибудь не упала и не попортилась, сказала Оттилія;—и кромѣ того—я вовсе не увѣрена, что эти господа возвратятся сегодня вечеромъ.

— Не знаю, что общаго между возвращеніемъ этихъ господъ и моимъ желаніемъ насладиться искусствомъ, возразила Альма, осѣняя рукою глаза и разсматривая картину съ удвоеннымъ повидимому интересомъ.—Какъ могучи эти буки тутъ на передней части картины! какъ привольно взору на второмъ планѣ, какъ сладко покоится онъ тамъ, чтобы потомъ съ наслажденіемъ перейти на эту бурую степь налѣво, или же тоскливо носиться по этой чудной голубой морской дали. Да, онъ дѣйствительно великій художникъ!

Оттилія засмѣялась:—Ты скажешь ему все это?

— Почему же нѣтъ? возразила Альма,—я готова отдать должное всякому.

— Въ особенности если этотъ «всякій»—такой привлекательный человѣкъ, какъ Готтгольдъ?

— Да вѣдь я сегодня утромъ всего минутъ съ пять видѣла и говорила съ нимъ.

— Этого совершенно достаточно для такого тонкаго знатока, какъ ты. Признайся, Альма, ты очарована и сама видишь теперь, что нашу бѣдную Цецилію вовсе ужь нельзя осудить такъ строго, если только она дѣйствительно имѣетъ несчастіе находить такого человѣка привлекательнымъ.

— Ты знаешь, я очень строго смотрю на эти вещи, возразила Альма,—да, очень строго!.. ты лучше и не смотри на меня такими большими глазами, я не перемѣню своего мнѣнія. А впрочемъ, говоря откровенно, я очень мало интересуюсь тѣмъ, что находитъ или чего не находитъ твоя Цецилія; мнѣ не хотѣлось бы только потерять надежду на хорошій вкусъ и тактъ мужчинъ,—а это будетъ, если я дѣйствительно найду, что такой человѣкъ въ свою очередь находитъ твою бѣдную Цецилію привлекательною.

— Ты ошибаешься, Альма!

— Пожалуйста, любезная Оттилія, позволь мнѣ имѣть на этотъ счетъ свое собственное мнѣніе. Разскажи-ка мнѣ лучше—вотъ это-то и интересуетъ меня теперь, когда я познакомилась съ нимъ лично,—что ты знаешь объ немъ еще. Гуго утверждаетъ, что онъ полумилліонеръ. Въ самомъ ли дѣлѣ онъ такъ богатъ? какимъ образомъ досталось ему это состояніе? Гуго говоритъ, что это очень таинственная исторія,—но вѣдь онъ говоритъ такъ всякій разъ, какъ не можетъ доставить о чемъ нибудь свѣденій. Что тутъ такое?

— Ровно ничего, возразила Оттилія;—то есть ровно ничего таинственнаго; за то, что за грустная это исторія! я такъ плакала, когда мой Эмиль недавно разсказалъ мнѣ ее—прежде онъ никогда не говорилъ со мною объ этомъ.

Оттилія отерла слезы, уже повисшія на ея темныхъ рѣсницахъ.

— Ты до невѣроятности возбуждаешь мое любопытство, сказала Альма,—Какъ можетъ быть грустною исторія, которая, въ концѣ концовъ, ведетъ къ полумилліону?

— Ну, столько-то не наберется, сказала Оттилія;—я не могу сообщить тебѣ подробностей, такъ какъ разсказъ Эмиля былъ?... какъ бы это сказать?.. былъ очень сдержанъ—я уже говорила тебѣ сегодня утромъ почему; поэтому же самому и я не рѣшилась разспрашивать. Такіе старые котильонные значки слѣдуетъ всегда почитать и дѣлать видъ, что принимаешь ихъ за настоящія медали.

— Старые котильонные значки? спросила Альма съ удивленіемъ.

Оттилія засмѣялась.—Я называю такъ воспоминанія нашихъ мужей объ ихъ прежнихъ любовныхъ связяхъ. Стоитъ посмотрѣть, съ какой забавной нѣжностью хранятъ они эти воспоминанія, всячески прячутъ ихъ чтобы не ослѣпить насъ блескомъ; конечно, мы добрыя и хорошія женщины, но куда намъ до тѣхъ богинь! Въ такомъ случаѣ разумѣется...

— Извини, любезная Оттилія, что я прерву тебя, но ты хотѣла мнѣ разсказать, какимъ образомъ досталось Готтгольду состояніе.

— Все это находится въ тѣсной связи, возразила Оттилія;—котильонные значки, я говорю о любовномъ пламени моего добраго Эмиля и Готтгольдовой матери—вѣдь это то же самое—конечно, я всегда начинаю свои исторіи съ конца; Эмиль правъ. Какъ бы это сдѣлать, чтобы хоть теперь я начала сначала?

— Можетъ быть это такъ и будетъ, если ты начнешь съ того, кто же въ сущности была эта дама?

— Ты всегда сразу видишь что нужно! Ну да; кто она была? единственное дитя своихъ родителей... Ея мать... я забыла ея имя, но это было такое любящее милое созданіе, она страстно любила своего мужа, можетъ быть слишкомъ страстно. Должно быть и мужъ тоже былъ чрезвычайно привлекательный человѣкъ,—его называли не иначе какъ «прекраснымъ Ленцемъ», а каково быть жоной такого избалованнаго господина—извѣстно: веселая холостая жизнь продолжается и въ бракѣ. Къ этому, говорятъ, присоединились двѣ-три неудачныя спекуляціи; словомъ, года черезъ два господинъ Ленцъ обанкрутился или былъ близокъ къ банкрутству; въ книгахъ у него была страшная путаница; онъ не захотѣлъ переносить позора и... страшно и вообразить-то!.. онъ какъ нельзя

веселѣе престился съ женою, сказалъ, что хочетъ поохотиться, чтобъ освѣжить себѣ голову послѣ долгихъ счетовъ, а вечеромъ его приносятъ съ раздробленнымъ черепомъ;—не ужасно ли это?

— Дальше! сказала Альма.

— Да и дальнѣйшее-то почти также худо. Молодая женщина, совершенно не подозрѣвшая положенія своего мужа, иначе она не пустила бы его—вдругъ видитъ передъ собою трупъ. Увидавъ его, бѣдняжка испустила страшный крикъ. Часъ спустя... несчастная носила подъ сердцемъ втораго ребенка... она была въ жестокой горячкѣ, а черезъ нѣсколько дней трупомъ.

— Какая неосторожность! сказала Альма.

— Маленькая пятилѣтняя Марія...

— Ужь самое имя не нравится мнѣ! сказала Альма.

— Я не согласна съ этимъ; во всякомъ случаѣ. та которая носила его—была далеко не противна, если вѣрить Эмилю и, откровенно говоря, я убѣждена, что онъ не преувеличиваетъ въ этомъ отношеніи и что маленькая дамочка, сдѣлавшаяся, конечно, съ теченіемъ времени большой дамой, дѣйствительно владѣла всѣми тѣми превосходными качествами, которыя вскружили голову бѣдному юношѣ—ему было тогда всего лѣтъ двадцать. Да и не ему одному: всѣ безъ исключенія молодые люди, служившіе въ той же конторѣ, испытали то же самое. Я забыла сказать, или, скорѣе собиралась сказать, что бѣдная сиротка перешла въ домъ дяди, брата ея несчастнаго отца. Только этотъ дядя былъ во всѣхъ отношеніяхъ совершенной противуположностью ея отца: безобразный собою, строгій до недантичности, конечно превосходный дѣлецъ, старой школы, какъ говоритъ Эмиль; зналъ онъ дѣла какъ свои пять пальцевъ и въ это время былъ уже прокуратором. Жена, говорятъ, была ему совсѣмъ подъ стать, то есть не уступала ему ни въ безобразіи, ни въ педантичной строгости, такъ что бѣдная дѣвушка нельзя сказать чтобы покоилась въ этомъ домѣ на розахъ.

— Не смотря на столько поклонниковъ?

— Не смотря на столько поклонниковъ. У ней были большіе замыслы, она наслѣдовала это отъ отца.

— Можетъ быть она сама не знала, чего хочетъ.

— И то можетъ быть; во всякомъ случаѣ никто изъ этихъ молодыхъ людей не снискалъ ея благосклонности, развѣ-что немного Эмиль,—и то, какъ онъ увѣряетъ, потому только, что онъ былъ единственнымъ евреемъ въ христіанской конторѣ, значитъ его нельзя было нѣкоторымъ образомъ считать наравнѣ съ другими—положеніе евреевъ, надобно тебѣ сказать, было тогда, лѣтъ тридцать тому назадъ, еще ненадежнѣе и непріятнѣе теперешняго, не смотря на то, что можетъ быть и теперь не все еще идетъ у нихъ какъ слѣдовало бы. По крайней мѣрѣ она хуже всего обращалась съ тѣми, которые могли по своему положенію больше другихъ разсчитывать на ея руку—именно съ своимъ кузеномъ Эдуардомъ, тихимъ, робкимъ молодымъ человѣкомъ. Онъ былъ единственный сынъ у отца и безгранично любилъ ее. Эмиль говоритъ, что у него и теперь еще навертываются слезы на глазахъ, какъ онъ подумаетъ о томъ времени, когда Эдуардъ передавалъ ему, лучшему своему другу, свои страданія—безъ громкихъ блестящихъ фразъ—онъ не умѣлъ говорить ихъ—но такъ кротко, такъ скромно...

— Терпѣть не могу этихъ кроткихъ, покорныхъ людей, сказала Альма.

— Да они рѣдко и успѣваютъ, какъ это можно видѣть на Эдуардѣ. Ну конечно, она подавала кареты и другимъ, а ужь эти-то вовсе не были кротки и покорны: офицерамъ, баронамъ, графамъ—мало ли кому; вѣдь она была городскимъ дивомъ, кумиромъ всѣхъ молодыхъ людей, а между тѣмъ такъ же мало обращала на нихъ вниманія, какъ на солнце—на туманъ.

— Ты становишься настоящимъ поэтомъ.

— Это сравненіе Эмиля, онъ всегда выражается поэтически, коль скоро дѣло коснется ее,—такъ вотъ, говорю, какая она была, пока не явился ея суженый...

— Сельскій пасторъ! Ну ужь нечего сказать, убила бобра! сказала Альма.

— Пожалуйста, не выражайся такъ презрительно; это былъ человѣкъ необыкновенный, онъ такъ же кружилъ голову женщинамъ, какъ она мужчинамъ. Да не только женщинамъ! мужчины, и при томъ не то чтобъ ужь плохенькіе, и тѣ подъ часъ бредили имъ. Съ тѣхъ поръ какъ Эмиль принялъ, передъ нашей свадьбой, крещеніе, нога его не была въ церквѣ, тогда какъ въ то время онъ, не смотря на свое іудейское вѣроисповѣданіе, каждое воскресенье слушалъ божественную службу, исполняемую молодымъ викаріемъ—такъ, кажется, называютъ ихъ. Весь городъ, говоритъ онъ, сходился туда. Большая церковь не могла вмѣстить въ себѣ всѣхъ; стояли въ дверяхъ, даже передъ дверьми, чтобы только взглянуть на него, когда онъ будетъ выходить. Какъ они познакомились—не знаю, да и не въ томъ дѣло. Ея пріемные родители, боявшіеся за Эдуарда, были очень рады, что она оставляетъ ихъ, и сію же минуту дали согласіе, хотя маленькій приходъ въ Рамминѣ, гдѣ они вѣнчались, сулилъ скорѣе голодную смерть, чѣмъ сколько нибудь обезпеченную жизнь. Хорошо. Переѣхали изъ Штеттина въ Раммнинъ и...

— Исторія оканчивается, сказала Альма,—какъ всѣ подобныя исторіи, которыя начинаются такъ пышно, да кончаются обыкновенно: пошлостью. Но изъ этого я все еще не вижу, какимъ образомъ Готтгольдъ получилъ полмилліона.

— Вовсе не полмилліона, возразила Оттилія,—всего, какъ полагаетъ Эмиль, тысячь сто. Отъ кого же иначе могъ бы онъ получить ихъ, какъ не отъ добраго Эдуарда. Конечно, такому богатому наслѣднику, какъ Эдуардъ, представлялись самыя блестящія партіи, но онъ отказался отъ женитьбы и остáлся вѣренъ своей юношеской любви. Передъ смертью онъ употребилъ свое огромное состояніе на благотворительныя заведенія, а остатокъ отказалъ сыну своей кузины, какъ ближайшему наслѣднику.

— Конечно, это былъ чрезвычайно пріятный для него сюрпризъ, сказала Альма.

— Безъ сомнѣнія, хотя, повторю еще разъ, деньги не даютъ истиннаго счастья. Конечно, онъ теперь богатый или по крайней мѣрѣ зажиточный человѣкъ; но какая отъ этого польза лично ему? Ровно никакой. Онъ далъ для оборотовъ Эмилю десять тысячь талеровъ еще до нашей свадьбы—съ тѣхъ поръ Эмиль слава Богу не нуждается въ чужихъ деньгахъ—да и думать забылъ о нихъ; остальныя деньги онъ оставилъ въ одномъ торговомъ штетинскомъ домѣ, которымъ управляетъ теперь одинъ изъ компаніоновъ, подъ старой фирмой, а на него несовсѣмъ-то можно положиться; но Готтгольдъ не беретъ даже процентовъ, кромѣ развѣ тѣхъ случаевъ, когда нужно помочь нуждающемуся художнику или дать ходъ молодому таланту, доставить имъ возможность поступить въ академію, съѣздить въ Италію, и тому подобное. Въ сущности-то онъ и не нуждается въ этихъ деньгахъ; вѣдь онъ можетъ заработать столько, сколько захочетъ, и кромѣ того онъ такой добрый человѣкъ; дѣлать добро—для него потреб-

Луи Адольфъ Тьеръ, президентъ французской республики.

ность; только мнѣ кажется тутъ есть особенныя обстоятельства.

— Что же именно? спросила Альма.

— Зачѣмъ онъ не женится? Случаевъ конечно у него было не мало, а ему двадцать восемь лѣтъ. Боюсь чтобы и онъ не остался холостякомъ, какъ его штетинскій дядя, и... по тѣмъ же самымъ причинамъ. А куда пойдутъ деньги—я это знаю. Судя по тому, что мы слышали сегодня утромъ о положеніи Брандова, они будутъ совершенно у мѣста; отъ отца и матери бѣдная Гретхенъ конечно не много наслѣдуетъ.

— Онъ не будетъ такимъ глупцомъ, сказала Альма.

— То же самое говорили люди и о добромъ Эдуардѣ Ленцѣ. И мнѣ кажется... мнѣ кажется—только смотри, не выдай меня, когда твой мужъ возвратится—мнѣ кажется часть Готтгольдова состоянія перешла сегодня утромъ въ руки Брандова.

— Это сказалъ твой мужъ?

— Въ такомъ случаѣ я знала бы это. Чтобы Эмиль проболтался?!.. плохо же ты его знаешь. Все это мои собственныя соображенія; но они подтвердятся, когда твой мужъ и Готтгольдъ вернутся завтра утромъ.

— Я говорила имъ при самомъ отъѣздѣ, что буду непремѣнно ждать ихъ сегодня вечеромъ, сказала Альма, смотря въ согнутую кольцомъ руку на картину и повторяя потихоньку фразу, которой она собиралась встрѣтить Готтгольда.

— Право, это они! вскричала Оттилія, когда зазвонилъ колокольчикъ.

— А можетъ быть это твой мужъ вернулся изъ клуба?

— Онъ никогда не звонитъ, сказала Оттилія;—да это и не его шаги.

Приглашая войти, Оттилія подошла къ двери, куда въ эту минуту стучались; Альма прислонилась къ углу дивана, откинувъ нѣсколько назадъ голову и собираясь какъ можно красивѣе положить себѣ на колѣна бѣлыя руки, когда легкій крикъ Оттиліи заставилъ ее перемѣнить позу.

— Господинъ Брандовъ!

— Извините, милостивая государыня, извините, *mes dames*, что за недостаткомъ слуги, который доложилъ бы обо мнѣ, я рѣшился войти безъ доклада. Я надѣюсь, вы позволите мнѣ пробыть у васъ нѣсколько минутъ и поможете мнѣ такимъ образомъ исполнить одну шутку, которую я придумалъ для нашихъ друзей.

Брандовъ поклонился; Оттилія съ изумленіемъ, даже съ испугомъ взглянула на него. Господинъ Брандовъ вовсе не былъ похожъ на такого человѣка, который сбирается сыграть шутку. Его лицо было блѣдно и искажено, его длинныя бѣлокурыя бакенбарды растрепаны, его одежда представляла странную смѣсь городскаго и верховаго костюмовъ, съ мокрыми пятнами, доходившими до самыхъ плечь. И явиться въ этомъ видѣ, въ этотъ поздній часъ, въ такой домъ, который былъ для него все равно что незнакомый, или, точнѣе сказать, давно уже для него запертъ! Оттилія могла объяснить себѣ все это только однимъ.

— Ужь не случилось ли какого несчастія? вскричала она.

— Несчастія? отвѣчалъ Брандовъ,—нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно, кромѣ развѣ того, что случилось со мною—моего нѣсколько безтактнаго—даже очень безтактнаго поведенія съ друзьями. А такъ какъ я, *mes dames*, не смотря на всѣ претерпѣнныя мною испытанія, не привыкъ къ подобнаго рода несчастіямъ, то не находилъ себѣ покою, пока не сдѣлалъ попытки возстановить себя въ своихъ собственныхъ глазахъ, не говоря уже о моихъ друзьяхъ, которые конечно простили мою неловкость дорогою же.

— Неправда ли, они пріѣдутъ сюда вечеромъ, вѣдь я говорила это! вскричала Альма.

— Безъ сомнѣнія, сударыня; они скоро будутъ здѣсь, черезъ... положимъ черезъ двадцать минутъ—да, дѣйствительно, черезъ двадцать минутъ. Они выѣхали изъ Доллана ровно безъ десяти минутъ въ десять; теперь ровно половина одиннадцатаго, и хоть погода ужасная, но мои лошади такъ сильны, а Генрихъ такой отличный кучеръ, что имъ нуженъ всего часъ; и такъ, *mes dames*, черезъ двадцать минутъ мы услышимъ шумъ подъѣзжающаго экипажа.

Брандовъ вынулъ часы и не сводилъ съ нихъ глазъ, дѣлая это исчисленіе.

— А вы-то сами? спросила Альма.

— Я выѣхалъ, милостивая государыня, ровно въ десять часовъ, т. е. черезъ десять минутъ послѣ этого непріязненнаго прощанія, о которомъ теперь такъ глубоко сожалѣю, а двадцать пять минутъ спустя ставилъ уже свою лошадь въ конюшню гостинницы Фюрстенгофъ; значитъ я употребилъ ровно впятеро меньше времени на тѣ полторы мили, которые лежатъ между Долланомъ и Фюрстенгофомъ, чѣмъ на тѣ пятьдесятъ шаговъ, которые отдѣляютъ это мѣсто отъ гостинницы.

— Проѣхать въ двадцать пять минутъ такую дорогу, для которой другимъ нуженъ часъ! вскричала Альма.

— Извините, милостивая государыня, я ѣхалъ совсѣмъ по другой сторонѣ чѣмъ мои друзья, иначе сюрпризъ былъ бы невозможенъ. Они поѣхали черезъ долланскую пустошь, а я отправился черезъ Нейенгофъ, Ланкеницъ, Фашвитцъ, и такъ далѣе. Госпожа Вольнофъ можетъ прослѣдить направленіе—дорога, по меньшей мѣрѣ, столь же длинная и—столь же плохая, какъ я замѣчаю, только къ несчастію слишкомъ поздно, по своей одеждѣ.

— О, какъ мнѣ нравятся эти отважныя поѣздки верхомъ! вскричала Альма, придавая мечтательное выраженіе своимъ глазамъ.—Присядьте ко мнѣ, господинъ Брандовъ, сюда!

Она забыла о тѣхъ приготовленіяхъ, какія были сдѣланы ею для пріема Готтгольда и, протянувъ руку, толкнула спинку стула такъ, что картина покатилась и упала на полъ. Увидя это, Оттилія вскрикнула; Брандовъ бросился поднять картину, но едва онъ взглянулъ на нее, какъ глухо вскрикнувъ выпустилъ ее изъ рукъ.

— Моя бѣдная картина! вскричала Оттилія.

— Извините, ради Бога, сказалъ Брандовъ,—теперь я понимаю, что когда проѣдешь въ двадцать пять минутъ полторы мили, то не вполнѣ владѣешь своими членами.

Дѣйствительно, онъ дрожалъ взявъ опять картину и повидимому съ трудомъ держался на ногахъ. Оттилія замѣтила это и наконецъ предложила ему сѣсть.

(Продолженіе будетъ).

Луи Адольфъ Тьеръ.

Нынѣшній президентъ французской республики, Луи Адольфъ Тьеръ родился 16 апрѣля 1794 г. въ Марселѣ, гдѣ отецъ его былъ слесаремъ. На 18-мъ году онъ поступилъ въ академію Э (Aix) для изученія правъ, а по окончаніи курса поселился въ этомъ городѣ въ качествѣ адвоката. Имѣя очень мало практики, Тьеръ обратился къ изученію исторіи, политики и политической экономіи, а въ 1820 г. переселился, вмѣстѣ съ своимъ школьнымъ товарищемъ Минье, въ Парижъ, чтобы воспользоваться тамъ своими талантами. Тутъ онъ былъ введенъ въ кружокъ самыхъ вліятельныхъ членовъ оппозиціи, и сдѣлался (въ 1824 г.) по рекомендаціи Лафитта однимъ изъ редакторовъ «*Constitutionnel*», сильнѣйшаго органа либеральной партіи. Къ этому времени его публицистической дѣятельности относится появленіе его «Исторіи французской революціи (Парижъ 1823—1825 г. 10 том.), положившей основаніе его славѣ, какъ историка. Когда Карлъ X назначеніемъ клерикально - абсолютнаго министерства Полинь-

дяка объявилъ войну либеральной партіи, она подъ руководствомъ Тьера и Армана Карреля основала въ 1830 г. «*National*», получившій вскорѣ огромное вліяніе силою и смѣлостью своей полемики противъ царствующей династіи. Особенно сильное впечатлѣніе на массы произвелъ изобрѣтенный Тьеромъ лозунгъ: *le roi règne, mais ne gouverne pas* (король царствуетъ но не правитъ). Когда 26 іюля 1830 г. появились ненавистные приказы (*ordonnances*), редакторы всѣхъ либеральныхъ журналовъ собрались въ контору *National*'я и составили протестъ, послужившій вступленіемъ ко французской революціи.

Новый порядокъ вещей открывалъ молодому журналисту самыя блестящія надежды. Получивъ еще при герцогѣ де Брольи званіе государственнаго совѣтника и главнаго секретаря министерства фкнансовъ, онъ былъ сдѣланъ помощникомъ статсъсекретаря, когда его покровитель Лафитъ сталъ въ ноябрѣ 1830 г. во главѣ министерства. Когда же этотъ послѣдній послѣ едва пятимѣсячнаго управленія министерствомъ оказался отъ своей должности, Тьеръ также вышелъ въ отставку, не измѣняя однакоже своихъ отношеній къ іюльской монархіи. Избраніе его депутатомъ города Э открыло ему парламентскую карьеру, гдѣ несмотря на неудачи вначалѣ, онъ вскорѣ заставилъ признать свой ораторскій талантъ и ловкій умъ. Когда послѣ смерти министра Перье въ октябрѣ 1832 г. образовалось отчасти новое министерство подъ управленіемъ Сульта, Тьеръ получилъ портфель министерства внутреннихъ дѣлъ, но въ концѣ года перемѣнилъ его на министерство торговли и общественныхъ работъ. Здѣсь онъ высказалъ замѣчательную дѣятельность: старался оживить торговлю и промышленность, хлопоталъ о проведеніи желѣзныхъ дорогъ, предпринялъ много значительныхъ построекъ, въ особенно такихъ, которыя, какъ напр. увѣнчаніе Вандомской колонны статуей Наполеона и окончаніе тріумфальной арки «Звѣзды», воскресили память о славѣ французскаго оружія.

Въ ноябрѣ 1833 г. министерство подало въ отставку, потому что, по удаленіи маршала Жерара, не могло согласиться на счетъ выбора новаго президента совѣта. Но не дальше какъ черезъ двѣ недѣли, при Мортье, Тьеръ былъ снова сдѣланъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и оставался въ этой должности и при герцогѣ Брольи до февраля 1836 года. Событія происшедшія во время его управленія министерствомъ—опредѣлили то направленіе, котораго онъ съ тѣхъ поръ держался. До тѣхъ поръ никто не могъ сказать, что бы онъ въ какомъ бы то ни было отношеніи противорѣчилъ своему политическому прошлому. Но проискамъ экзальтированной партіи не было конца, покушеніе Фіэски на жизнь Лудовика Филиппа и королевскихъ принцевъ, посредствомъ оружія въ родѣ нынѣшней митральезы, привело всѣхъ въ ужасъ,—и Тьеръ, находившійся при этомъ случаѣ въ королевской свитѣ, съ своей стороны также настаивалъ на возбудившихъ такое сильное негодованіи сентябрскихъ законахъ, клонившихся къ ограниченію злоупотребленій печати и къ измѣненію судопроизводства посредствомъ присяжныхъ. Это произвело разрывъ между нимъ и республиканской партіей. Взамѣнъ отпавшихъ отъ него такимъ образомъ приверженцевъ—оставалось разсчитывать на популярность въ низшихъ классахъ, привлекая ихъ на свою сторону матеріальными облегченіями. Поэтому-то министерство предложило пониженіе пятипроцентной ренты, чтобы посредствомъ сбереженій въ выдачахъ по уплатамъ процентовъ государственнаго долга избѣжать увеличенія налоговъ. Но король, державшійся теоріи «*juste milieu*» и старавшійся угождать только достаточной буржуазіи, отказалъ въ своемъ согласіи—и Тьеръ съ своими товарищами подалъ въ отставку.

Хотя въ положеніи вещей не произошло никакой существенной перемѣны, тѣмъ не менѣе двѣ недѣли спустя онъ уже стоялъ во главѣ новаго министерства—въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ. Ловкій человѣкъ надѣялся энергической внѣшней политикой снискать народное одобреніе, и подъ кажущейся уступчивостью, приберегая оппозицію до болѣе удобнаго времени, сломить личное правленіе короля—и въ награду за эту вѣрность конституціонализму прочно утвердить за собой общественное довѣріе. Сообразно съ этими планами, онъ вступился за Тунисъ противъ Турціи, за тогдашній вольный городъ Краковъ противъ сѣверныхъ державъ, и поддерживалъ подъ рукой «невинную конституціонную королеву Изабеллу» противъ карлистскаго возстанія. Безъ сомнѣнія, все это помогло благополучно отложить вопросъ о рентѣ; но рвеніе, съ какимъ вербовались иностранные легіоны, слишкомъ ясно говорило испанцамъ, что это дѣлается съ вѣдома французскаго правительства; такъ какъ послѣднее не хотѣло открыто заявить этого, то вербованіе въ Испанію было запрещено, и выданное такимъ образомъ министерство опять вышло, 25 августа 1836 года, въ отставку.

Тьеръ отправился путешествовать по Италіи и отказался на нѣкоторое время отъ общественной дѣятельности. Но съ 1838 года онъ поддерживалъ въ Палатѣ такую сильную оппозицію противъ министерства Моле, что въ мартѣ 1839 г. этотъ послѣдній вышелъ въ отставку,—а такъ какъ королю хотѣлось удалить по мѣрѣ возможности Тьера отъ администраціи, то новое министерство Сульта образовалось только 16 мая. Однако и это послѣднее разошлось 20 февраля 1840 г. подъ предлогомъ, что Палата отказала непопулярному герцогу Немурскому въ денежной суммѣ по случаю его женитьбы,—но въ сущности изъ-за того что Тьеръ сильно и успѣшно боролся противъ правительственной политики въ восточныхъ дѣлахъ. Его защита самостоятельности египетскаго вице-короля—вызвала воспоминанія о наполеоновскихъ походахъ въ землю Фараоновъ и объ его планѣ угрожать оттуда владычеству англичанъ въ Остъ-Индіи, такъ что подъ давленіемъ общественнаго мнѣнія король былъ вынужденъ 1-го марта 1840 г. принять либеральное министерство Тьера. Однако высокомѣрный тонъ, какой принялъ Тьеръ, не произвелъ на другія четыре великія державы того дѣйствія, на какое онъ разсчитывалъ. Онѣ обѣщали угрожаемой власти султана свою помощь, и оставивъ Францію въ сторонѣ отъ переговоровъ, 15-го іюля рѣшили на томъ, что Мехметъ-Али остается наслѣдственнымъ владѣльцемъ Египта, но что всѣ прочія завоеванныя провинціи, равно какъ турецкій флотъ, преданный въ его руки измѣной, онъ долженъ возвратить Турціи. Это политическое пораженіе вызвало во Франціи цѣлую бурю негодованія. Французское самолюбіе считало неслыханнымъ оскорбленіемъ, что такой важный вопросъ могъ быть рѣшенъ помимимо Франціи, къ тому же еще при содѣйствіи Германіи. Тьеръ излилъ это негодованіе фразой: «Сирія лежитъ для насъ на Рейнѣ», съ лихорадочной дѣятельностью принялся за вооруженіе сухопутныхъ и морскихъ силъ, настоялъ на укрѣпленіи Парижа и научилъ французовъ возгласамъ объ естественныхъ границахъ. Между тѣмъ Лудовикъ-Филиппъ считалъ опаснымъ начинать войну съ цѣлой Европой. Поэтому онъ принялъ 21 октября 1840 г. отставку министерства, удержавъ изъ его программы только укрѣпленіе столицы, и предоставилъ министерству Гизо снова

придать положенію вещей мирный характеръ. Сдѣлавши нѣсколько счастливыхъ спекуляцій на деньги своей жены, дочери лильскаго банкира, Тьеръ опять удалился отъ политической жизни, для того чтобы какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и въ путешествіяхъ по Германіи и Италіи собирать матеріалы для исторіи «Консульства и Имперіи». Нѣсколько времени спустя, онъ снова возобновилъ парламентскую дѣятельность и до послѣдней минуты боролся противъ министерства Гизо.

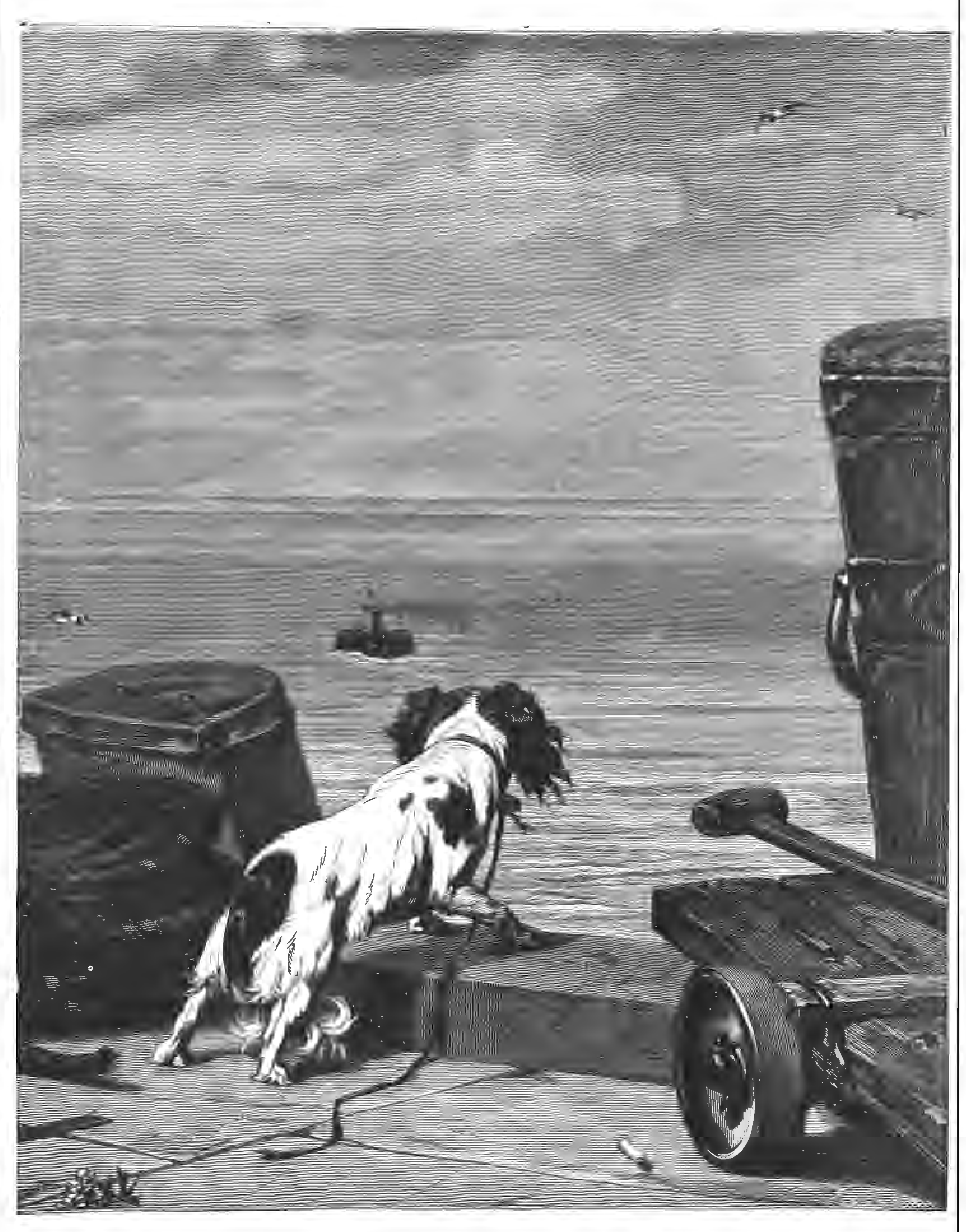
Можетъ быть послѣ февральской революціи Тьеръ и измѣнилъ отчасти свои воззрѣнія. Франція—это пороховой магазинъ, играть съ огнемъ въ ней нельзя. За то въ національномъ собраніи, котораго Тьеръ былъ членомъ съ іюня 1848 г. онъ дѣятельно возставалъ противъ соціалистовъ и бонапартистовъ, былъ вождемъ партіи порядка, и впослѣдствіи открыто работалъ за возстановленіе орлеанской фамиліи. Послѣ государственнаго переворота 2 декабря 1851 г. его постигло, какъ горячаго противника Лудовика-Наполеона, сначала тюремное заключеніе, а потомъ изгнаніе. Онъ жилъ нѣкоторое время въ Англіи, Швейцаріи и Верхней Италіи, потомъ получилъ позволеніе возвратиться во Францію и занимался окончаніемъ своей «Исторіи Консульства и Имперіи». (Парижъ 1845—1862 г. 20 том.). Только въ 1863 г., когда либеральная партія снова вышла изъ своего пассивнаго положенія, Тьеръ выступилъ представителемъ Парижа въ Законодательномъ Корпусѣ. Его краснорѣчіе оказало новыя услуги оппозиціи; но упорство, съ какимъ онъ при всякомъ случаѣ, подымалъ голосъ за свѣтскую власть папы и за борьбу противъ германскаго и итальянскаго стремленій къ единству, выказывало его неисправимымъ приверженцемъ старой политики, считающей униженіе сосѣдей необходимымъ условіемъ величія Франціи. Что Тьеръ давно задумалъ планъ войны съ Германіей—вовсе не противорѣчитъ недавней дѣятельности этого государственнаго человѣка. Его рѣчь въ бурное засѣданіе 18 марта служитъ разгадкой его поведенія. Онъ не хотѣлъ, чтобы министры Лудовика-Наполеона заглушали помощію войны неудовольствія общества на ихъ внутреннюю политику и еще болѣе упрочивали ея силу побѣдами, въ которыхъ тогда никто не сомнѣвался. Онъ не считалъ войну съ Германіей несправедливой, но только неудобной въ настоящую минуту. Какъ бы то ни было, никто не отниметъ отъ Тьера, что въ качествѣ представителя французской республики, а потомъ президента, Тьеръ оказалъ величайшія услуги своей странѣ, и по своимъ многостороннимъ дарованіямъ, по силѣ и упругости своего характера, принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени. Въ этомъ на дняхъ отдали ему справедливость правительства Англіи и Португалліи, избравшія Тьера посредникомъ по недоразумѣніямъ, возникшимъ между ними относительно владѣній въ Остъ-Индіи.

Что говоритъ нынѣшняя наука о молніи.

Многіе думаютъ, что о грозѣ нельзя сказать много новаго, потому-что это всѣмъ извѣстное явленіе, которое всякій изъ насъ видалъ столько разъ, что и не перечтешь. Это мнѣніе совершенно ложно, потому-что гроза есть такое явленіе природы, въ которомъ много таинственнаго даже для нынѣшней, такъ далеко подвинувшейся впередъ, науки. Конечно, еслибъ для этого нужно было только видѣть грозу, то это величественное явленіе давно уже было бы извѣстно въ точности. Но что можемъ мы извлечь для объясненія свойства грозы, смотря на молнію и слушая громъ? Большею частію ровно ничего. Да, пришлось повѣрить, что видъ молніи, которая, сверкая падаетъ изъ облака на землю, не даетъ никакой надежной точки опоры насчетъ того, низвергается ли молнія изъ облаковъ на землю или поднимается изъ земли къ облакамъ. И еслибъ даже цѣлыя тысячи видѣли какъ молнія слетѣла съ облака къ землѣ, то это общее наблюденіе не имѣло бы ровно никакого значенія для вопроса, по какому направленію двигалась молнія, съ облака къ землѣ или съ земли къ облаку. Между сотнями тысячь громовыхъ ударовъ только очень не многіе, сравнительно, допускаютъ вѣрное заключеніе о направленіи молніи, именно о томъ какое оно было—восходящее или нисходящее. Въ этомъ отношеніи никто не можетъ выбирать условій, при которыхъ совершается это явленіе, но долженъ наблюдать его въ его настоящемъ видѣ; потому-что, какъ говоритъ Вольтеръ, молнія—большой баринъ, къ которому надобно приближаться не иначе, какъ надъ величайшею осторожностью, и который не терпитъ, чтобы съ нимъ дѣлали опыты. Не смотря на это, точное изслѣдованіе многихъ тысячь громовыхъ ударовъ представило намъ множество случаевъ, изъ которыхъ можно извлечь довольно вѣрные выводы касательно направленія молніи или, правильнѣе, касательно положенія ея исходной точки. Я приведу нѣкоторые изъ нихъ.

Лѣтомъ 1787 г. въ деревнѣ Таконъ въ окрестностяхъ Бофоле было убито молніею два человѣка, которые удалились во время грозы подъ дерево. Волосы несчастныхъ нашли высоко на деревѣ, а желѣзное кольцо изъ деревяннаго башмака одного изъ этихъ людей висѣло на высокой вѣтви. 29 августа 1808 г. молнія ударила въ садовую бесѣдку одного шинка позади больницы Сальпетріеръ въ Парижѣ. Одинъ работникъ, который случайно находился тамъ, былъ убитъ; клочки его шляпы нашли на крышѣ. Одинъ человѣкъ находился во время грозы во второмъ этажѣ новаго, построеннаго изъ кирпичей дома, когда молнія прошла черезъ первый и второй этажъ и немедленно убила его. Его шапку подбросило наверхъ и ее нашли на другой день на потолкѣ комнаты между планками.

Можно бы привести еще другіе примѣры, но и этихъ достаточно для того, чтобъ доказать, что иногда молнія выходитъ изъ земли и поднимается въ воздухъ. Вообще, надобно принять за правило, что при каждомъ громовомъ ударѣ вылетаетъ въ одно и то же время двѣ молніи: одна изъ облака, а другая изъ земли и соединяются въ воздухѣ. Страшная скорость электрической искры препятствуетъ болѣе точному и непосредственному наблюденію. Изъ изслѣдованій Уитстона (Wheatstone) оказалось, что дѣйствительная продолжительность молніи не заключаетъ въ себѣ и тысячной части секунды. При непосредственномъ взглядѣ на сверкающую молнію каждый готовъ приписать ей по крайней мѣрѣ продолжительность одной секунды, а самую молнію считать длинной, летящей зигзагами полосой огня. Но эти наблюденія ничто иное какъ обманъ. Если мы станемъ быстро махать кругомъ маленькимъ кусочкомъ пылающаго угля, то намъ покажется, что мы видимъ непрерывную пылающую линію круга, потому-что впечатлѣніе свѣта съ каждаго пункта пути пылающаго угля длится въ глазу больше времени, чѣмъ уголь употребляетъ на совершеніе всей дороги. То же самое бы-



Забыли! Гравировалъ О. Ротъ. (См. стр. 720).

ваетъ и въ отношеніи молніи. Молнія есть электрическая искра, летящая зигзагами по воздуху. Этотъ зигзагообразный путь представляется, на основаніи только-что упомянутой причины, въ видѣ сіяющей зигзагообразной линіи, и время (секунда или меньше того) въ продолженіи котораго бываетъ видна эта зигзагообразная линія—не есть время продолжительности молніи, а время въ продолженіи котораго въ глазу длится ощущеніе свѣта.

Фактъ, что смерть отъ молніи (судя по всему, что намъ извѣстно объ этомъ) вполнѣ безболѣзненна, есть слѣдствіе страшной быстроты молніи. Есть множество примѣровъ, что люди, пораженные и оглушенные молніею, оставались однакоже живы. Когда они опять приходили въ себя, то не помнили ничего изъ того, что съ ними случилось; они не видѣли молніи и не ощутили ея дѣйствій. Одинъ человѣкъ, пораженный молніею, не помнилъ ничего изъ происходившаго, но спрашивалъ съ удивленіемъ, кто ударилъ его. 22 января 1849 года молнія ударила въ окрестностяхъ Клермонта и причинила большія опустошенія. Господинъ Дезармери ѣхалъ по большой дорогѣ въ то самое время, какъ послѣдовалъ сильный ударъ. Онъ самъ, не слыхавъ впрочемъ этого удара, свалился съ лошади и точно такъ же бросило на земь и его лошадь. Какъ долго лежалъ господинъ Дезармери на землѣ въ обморокѣ, этого онъ не можетъ опредѣлить; очнувшись опять, онъ не ощутилъ никакой боли и остался совершенно невредимъ. Молнія продырявила его шелковый кошелекъ и сплавила нѣсколько серебряныхъ монетъ. Одинъ изъ находившихся по близости тополей былъ совершенно разбитъ. Кора на немъ была какъ бы ободрана человѣческими руками, а вѣтви были изорваны. Одна изъ находившихся неподалеку козъ была убита тою же молніею. Она стояла прислонившись къ забору и еще держа во рту зеленый листокъ, который она ѣла въ минуту удара. *Римарусъ* передаетъ одинъ случай, когда два человѣка, которые для того, чтобъ избѣжать грозы, искали защиты у забора, были убиты тамъ молніею. Они сохраняли свое прежнее положеніе, глаза у нихъ были открыты, одинъ держалъ въ рукѣ кусокъ хлѣба, который онъ подавалъ собакѣ, сидѣвшей у него на колѣняхъ и убитой вмѣстѣ съ нимъ.

Эти примѣры, къ которымъ мы могли бы прибавить множество другихъ, доказываютъ, что смерть отъ удара молніи наступаетъ такъ скоро, что пораженный не успѣваетъ сдѣлать ни одного движенія. То же самое оказывается и изъ слѣдующаго соображенія.

Нервная система есть, какъ извѣстно, аппаратъ, посредствомъ котораго совершаются всѣ ощущенія. Нервы проводятъ каждое впечатлѣніе въ мозгъ, гдѣ оно, въ видѣ ощущенія, достигаетъ сознанія. Какъ ни скоро передается это ощущеніе, но все же для этого нужно извѣстное время. Посредствомъ чрезвычайно замысловатыхъ снарядовъ, описаніе которыхъ было бы здѣсь не у мѣста, нашли, что скорость, съ какою переносится ощущеніе въ чувственные нервы, простирается до ста футовъ въ секунду. Скорость молніи во сто тысячь разъ больше, такъ какъ она, какъ видно изъ наблюденій, совершаетъ меньше чѣмъ въ одну тысячную секунды обширный путь черезъ атмосферу. Принявъ это за правило, легко понять, что молнія можетъ разрушить нервную систему и ея впечатлительность, прежде чѣмъ ощущеніе проведетъ это событіе въ мозгъ и прежде чѣмъ оно могло бы тутъ быть замѣчено. Можно смѣло утверждать, что смерть отъ молніи—самый пріятный способъ потерять жизнь. Но никто не теряетъ охотно жизни, хотя бы это должно было произойдти самымъ пріятнымъ въ мірѣ способомъ; отсюда-то страхъ который испытываютъ очень многіе, если во время грозы сверкаютъ молніи, а за ними слѣдуютъ и громовые удары. Еслибъ подобные трусы обдумали какъ слѣдуетъ то, что сказано нами передъ этимъ, то почерпнули бы себѣ изъ этихъ словъ значительное успокоеніе,—ибо такъ какъ ударъ молніи мгновенно уничтожаетъ сознаніе, то ясно, что молніи, которую видишь, уже нечего бояться.

Для непосредственнаго знакомства съ молніею, большая часть случаевъ не представляетъ никакой возможности. Поэтому-то очень интересно слышать разсказы тѣхъ людей, которые непроизвольно вошли въ ближайшее сношеніе съ громовыми облаками, будучи застигнуты бурею на на высокихъ горахъ. Въ настоящее время намъ извѣстно, однакоже, очень мало примѣровъ тому, чтобы люди находились впродолженіи нѣкотораго времени среди грозовыхъ тучь, и къ тому же еще эти немногіе случаи имѣли чрезвычайно различные исходы.

Мы сообщимъ здѣсь нѣкоторые изъ этихъ случаевъ.

15 іюля 1839 года аптекарь *Пфефферъ* проѣзжалъ черезъ Коль-де-Баланъ въ Шамуни. Удалившись около четырехъ часовъ пополудни отъ ущелья на разстояніе получасоваго пути, они были застигнуты поднявшимся еще прежде грозовымъ облакомъ, которое опускалось все ниже и окутало обоихъ путешественниковъ. Сильный дождь промочилъ ихъ до костей и при этомъ было такъ темно и туманно, что они едва могли видѣть на разстояніи пяти шаговъ. Молніи не переставали сверкать, но грому вовсе не было слышно.

«Мы потеряли», пишетъ Пфефферъ, «надежду на жизнь, и поэтому шли съ распущенными зонтиками, хотя отъ этого опасность увеличивалась, и я смотрѣлъ на все съ стоическимъ спокойствіемъ. Мы слышали только сильный трескъ молній, которыя, будучи не толще обыкновенныхъ соломинокъ, то переходили изъ одного облачнаго слоя въ другой, то опускались въ глубину, но чаще вились вокругъ насъ на разстояніи отъ двухъ до полутора футовъ. Вдругъ фута на полтора отъ меня вылетѣла изъ земли электрическая искра, которая поднялась на три или четыре фута и соединилась тутъ съ летѣвшею изъ облака искрою. Я стоялъ въ первую минуту какъ ослѣпленный и въ сильно-наполненной парами атмосферѣ. Искра вылетѣла почти изъ того мѣста, куда я занесъ было ногу. Идя далѣе около четверти часа, мы очутились вдругъ надъ облаками и увидали надъ собою совершенно ясное небо и солнечное сіяніе».

5 іюля 1832 г. полковникъ *Бухвальдеръ* находился на вершинѣ Сентиса въ Швейцаріи, для того чтобъ поставить тамъ служащій для измѣреній сигналъ. Шелъ дождь, вдали слышались раскаты грома, которые все больше и больше приближались. Господинъ Бухвальдеръ вышелъ съ своимъ помощникомъ изъ палатки, чтобъ наблюдать надъ грозою, но сильныя молніи заставили ихъ возвратиться назадъ. Вскорѣ вся вершина горы одѣлась темнымъ облакомъ. Воздухъ, освѣщенный безпрерывными молніями, точно пылалъ; громъ не переставалъ гремѣть, а крутыя горныя стѣны отражали звукъ его назадъ въ тысячекратномъ эхо. Помощникъ Бухвальдера пришелъ въ величайшее волненіе. Чтобы успокоить его, Бухвальдеръ разсказывалъ ему, что и Біо и Арраго были, при своихъ измѣреніяхъ въ Испаніи, застигнуты бурею на вершинѣ горы, но что молнія вошла у палатки въ землю, не причинивъ никому вреда. Въ эту минуту появилось въ палаткѣ у ногъ помощника огненное ядро; этотъ послѣдній увидалъ его и вскричалъ: «Ахъ, Боже мой!» Тутъ огненный шаръ обрушился на него и повалилъ его наземь.

Самъ господенъ Бухвальдеръ почувствовалъ сильное потрясеніе въ лѣвомъ бедрѣ и дрожь во всѣхъ членахъ. Несмотря на собственныя страданія, онъ пытался помочь своему товарищу, но всѣ усилія оказались тщетны. Этотъ послѣдній умеръ. Его лѣвый бокъ былъ покрытъ коричневыми и красноватыми пятнами; волосы, рѣсницы и брови были отчасти сожжены. Господинъ Бухвальдеръ ждалъ, что и его постигнетъ та же участь, но опасность прошла, и онъ съ большимъ трудомъ дотащился до деревни Сентъ-Іоганъ.

Въ равнинѣ грозовыя облака пролетаютъ въ воздухѣ, высоко надъ нами, большею частію въ величественномъ и мрачномъ видѣ и значительной величины; какъ высоко находятся они отъ земли — это само собою разумѣется, ускользаетъ отъ непосредственнаго разсмотрѣнія. Но очень интересно и до извѣстной степени важно въ научномъ отношеніи узнать разстояніе пролетающаго грозоваго облака отъ наблюдателя. Нѣкоторые думаютъ, что можно заключить о разстояніи грозоваго облака по силѣ грома, но это совершенно невѣрно; сила грома не даетъ никакого масштаба для опредѣленія разстоянія. Чтобы открыть его приблизительно, употребляютъ очень простой способъ—а именно: считаютъ число секундъ, протекающихъ между появленіемъ молніи и послѣдовавшимъ громомъ. Если число этихъ секундъ умножить на тысячу, то получится приблизительно прямое разстояніе исходной точки этой молніи отъ наблюдателя, считая на парижскіе футы. Такимъ образомъ можно вообще судить, приближается буря или удаляется. Если хотятъ узнать съ точностію высоту грозоваго облака отъ поверхности земли, то этого можно достигнуть при помощи маленькой математической выкладки, о которой я, согласно своей цѣли, не стану распространяться.

«Въ нашихъ альпійскихъ странахъ — пишетъ одинъ наблюдатель—бури проносятся, большею частію, на высотахъ пяти-шести тысячь футовъ. Но тамъ встрѣчаются и болѣе высокія грозовыя облака. Такъ напр. 24 іюля 1861 г. я опредѣлилъ перпендикулярно высоту исходной точки обѣихъ молній въ девять тысячь четыреста футовъ. Обѣ молніи пробѣжали дорогу въ двадцать тысячь одинъ футъ и обрушились на маленькую садовую бесѣдку, по близости которой была убита женщина.—26 августа 1828 г. изъ одной тучи, носившейся много-что на высотѣ восьмидесяти футовъ и имѣвшей не больше какъ двадцать пять футовъ толщины, разразилась надъ монастыремъ Адмондомъ въ Штейермаркѣ буря. Вылетѣвшія изъ этой тучи молніи убили двухъ священниковъ на хорахъ монастырской церкви. Изъ этихъ примѣровъ видно, какъ различны могутъ быть тѣ высоты, гдѣ носятся облака. Само собою разумѣется, что при этомъ опасность быть поражену молнію бываетъ различна. Если мы возьмемъ грозовое облако, носящееся на высотѣ шести тысячь футовъ и другое—на высотѣ трехъ тысячь футовъ, то въ первомъ случаѣ опасности громоваго удара подвергается поверхность вчетверо больше, и слѣдовательно для каждаго отдѣльнаго пункта эта опасность вчетверо меньше, чѣмъ въ послѣднемъ случаѣ. Къ этому прибавляется еще то, что по мѣрѣ того какъ увеличивается высота—число падающихъ на землю молній становится вообще меньше, потому-что вообще только самая незначительная часть изъ возникающихъ во время грозы молній падаетъ на землю; большая же часть потухаетъ въ воздухѣ, или, правильнѣе сказать, исходные пункты большей части молній лежатъ въ облакахъ и только у немногихъ изъ нихъ одинъ исходной пунктъ лежитъ въ грозовомъ облакѣ, а другой находится на землѣ.

Но каковы бы ни были дѣйствія молніи въ отдѣльныхъ случаяхъ, вѣрно то, что путь по которому идетъ молнія, никогда не бываетъ случайнымъ а опредѣляется извѣстными обстоятельствами. Подземныя водяныя массы, находящіяся, посредствомъ всевозможныхъ каналовъ, въ связи съ морями и рѣками, суть общій резервуаръ разряжающихся грозовыхъ облаковъ. Чтобы достигнуть этого резервуара, молнія пробѣгаетъ свой путь, при чемъ она пользуется всѣми предметами, которые могутъ служить ей хорошими проводниками, слѣдовательно металлами, влажными слоями воздуха, острыми высоко выдающимися предметами, деревьями, и т. п. Поэтому-то и слѣдуетъ избѣгать во время грозы всѣхъ подобныхъ тѣлъ, чтобы не попасть случайнымъ образомъ на одну дорогу съ молніею и не быть въ слѣдствіе этого поражену ею. Подобныя мѣры предосторожноти, въ особенности правило избѣгать деревьевъ во время грозы, извѣстны теперь всякому; тѣмъ не менѣе, каждое лѣто читаешь въ газетахъ о несчастныхъ случаяхъ, отъ грозы, происшедшихъ вслѣдствіе собственной неосторожности. *Лихтенбергъ* былъ правъ, говоря: «Молнія убиваетъ людей, потому-что они сами называются на это».

Есть извѣстныя мѣста, чаще другихъ посѣщаемыя громовыми ударами; причину этого надобно искать въ геологическомъ свойствѣ и въ мѣстныхъ условіяхъ этихъ странъ. Къ числу такихъ мѣстностей принадлежитъ напр. «*el Sitio de Tumba barreto*» по близости золотого рудника «*Vega de oupia*» въ Новой Гренадѣ (въ южной Америкѣ). Никто не остается тутъ добровольно во время грозы. Когда *Буссенго* путешествовалъ по этой странѣ, молнія повалила подлѣ него на землею негра, служившаго ему проводникомъ. Въ Попайянѣ есть мѣстность «*Losma de Pitago*», тоже особенно подверженная громовымъ ударомъ. Молодой шведскій ботаникъ, *Планшманъ*, который несмотря на предостереженія туземцевъ посѣтилъ эту мѣстность во время грозы, былъ убитъ тамъ молнію. Точно такъ же и въ Европѣ есть мѣстности, не разъ пострадавшія отъ молніи. Есть много примѣровъ тому, что громовые удары нѣсколько разъ падали въ лѣсу на одни и тѣ же деревья. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ это происходило вслѣдствіе мѣстныхъ причинъ, которыя особенно притягиваютъ молнію; чѣмъ значительнѣе притяженіе или, другими словами, чѣмъ лучше проводникъ представляющійся молніи на пути къ подземнымъ водянымъ массамъ, тѣмъ вѣрнѣе, что молнія пойдетъ по этой дорогѣ предпочтительно передъ близь лежащими мѣстами.

На этомъ фактѣ основывается все дѣйствіе нашего громоваго отвода. Цѣль этихъ въ высшей степени простыхъ а между тѣмъ, при надлежащемъ устройствѣ, столь вѣрно дѣйствующихъ аппаратовъ—вовсе не та, чтобы, какъ ошибочно полагаютъ иные, отдалить молнію отъ того мѣста, гдѣ они устроиваются, а, напротивъ того, чтобы притянуть электрическую струю. Но притягивая молнію, они въ то же самое время представляютъ ей самую удобную дорогу вглубь земли, такъ-что низвергающаяся струя слѣдуетъ за проводникомъ, не трогая находящихся по близости ею строеній и людей. Въ настоящее время наука давно уже согласна насчетъ великой пользы громотводовъ, но въ публикѣ встрѣчаются еще довольно часто ошибочные взгляды въ этомъ отношеніи. Многіе, слышавшіе о притягательномъ дѣйствіи громоотвода, думаютъ, что зданіе, снабженное подобнымъ аппаратомъ, больше

другихъ подвержено опасности. Чтобы доказать неосновательность подобнаго мнѣнія я представлю одинъ примѣръ, который убѣдитъ даже самые предубѣжденные умы.

Палестина—одна изъ тѣхъ странъ, гдѣ происходятъ частыя и сильныя грозы,—и не смотря на это соломоновъ храмъ въ Іерусалимѣ въ теченіи цѣлаго тысячелѣтія ни разу не былъ пораженъ молніею. У этого храма была густо-позолоченная крыша, изъ кедроваго дерева наборной работы, унизанная отъ одного конца до другаго длинными остроконечными позолоченными желѣзными прутьями—для того, какъ пишетъ Іосифъ, чтобъ птицы не садились на нее и не пачкали. Точно такъ же и бока зданія были одѣты вездѣ густо позолоченнымъ деревомъ, а позади передняго двора находился резервуаръ, куда, собиралась, посредствомъ металлическихъ трубъ, стекающая съ крыши вода. Такимъ образомъ цѣлое представляло собою громоотводъ въ большомъ размѣрѣ и, нисколько не подозрѣвая этого, архитекторъ іудейскаго храма такъ хорошо защитилъ его отъ молніи, что только не многія зданія настоящаго времени могутъ, благодаря громоотводамъ, сравняться съ нимъ въ этомъ отношеніи. Соломоновъ храмъ, пощаженный бурею въ теченіи десяти столѣтій, представляетъ намъ такимъ образомъ одно изъ лучшихъ доказательствъ спасительнаго дѣйствія этихъ аппаратовъ.

Кіевопечерская лавра.

Кіевъ, эта святыня Руси, какъ Іерусалимъ, Мекка и Римъ для другихъ народовъ, въ то же время одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Европы. Исторія его проясняется впервые около 882 года, когда завоеватель Олегъ находитъ уже въ стѣнахъ его двухъ князей Аскольда и Дира, нѣкогда отдѣлившихся отъ дружины Рюрика. Легендарныя же сказанія объ основаніи Кіева восходятъ гораздо выше и приписываютъ заложеніе города тремъ братьямъ: Кію (по имени котораго и названъ), Щеку, Хореву и сестрѣ ихъ Лыбеди. Олегъ, по взятіи Кіева, сдѣлалъ его стольнымъ городомъ и назвалъ *матерью городовъ русскихъ*. По крещеніи руси Владиміромъ, Кіевъ становится средоточіемъ православія и уже не утрачиваетъ характера святыни до нашихъ временъ, не смотря на татарскій погромъ и сожженіе Батыемъ, а также и на временное владычество поляковъ, отъ которыхъ окончательно отходитъ по Андрусовскому договору 1667 года и вмѣстѣ съ Малороссіей присоединяется къ Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Утративъ еще во время удѣльныхъ неурядицъ значеніе столицы Руси, Великаго Княженія Кіевскаго, Кіевъ тѣмъ не менѣе остался однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ городовъ и сильнѣйшихъ крѣпостей Россійской Имперіи. Живописно расположенный на правомъ берегу Днѣпра, Кіевъ дѣлится на три части: Старый городъ, Печерскъ и Подолъ; каждый изъ этихъ трехъ отдѣловъ имѣетъ собственныя укрѣпленія. Но самое замѣчательное въ Кіевѣ—это его святыни, какъ напр. церковь св. Василія, построенная Владиміромъ святымъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ древности стоялъ храмъ Перуна, а на сѣверномъ концѣ стараго города видны еще остатки другой церкви, воздвигнутой также крестителемъ Руси. Въ этой же части города возвышается соборъ св. Софіи, сооруженный въ 1037 году великимъ княземъ Ярославомъ I. Здѣсь замѣчателенъ мозаичный образъ Богородицы, работы византійскихъ художниковъ и въ часовнѣ св. Владиміра гробница Ярослава. Вообще, въ Кіевѣ, нѣтъ недостатка въ древнихъ церквахъ, изъ которыхъ Десятинная относится также ко времени Равноапостольнаго, а св. Георгія къ 1032 году.

Достопримѣчательнѣйшимъ же изъ всѣхъ прочихъ памятникомъ древней Руси является знаменитая Кіево-печерская лавра, основанная св. Антоніемъ и долгое время служившая единственнымъ разсадникомъ просвѣщенія. Уроженецъ города Любеча (нынѣ мѣстечко черниговской губерніи), Антоній, подвизавшійся и посвященный въ иноки въ одномъ изъ монастырей на аѳонской горѣ, убѣжденъ былъ игуменомъ, по извѣщенію Божію, возвратиться въ свое отечество.

Первые отшельники стали собираться около преподобнаго Антонія, который поселился въ пещерѣ, выкопанной митрополитомъ Кіевскимъ, Иларіономъ, на берегу Днѣпра, на высокой горѣ, поросшей лѣсомъ. Иларіонъ любилъ уединяться здѣсь въ бытность еще священникомъ въ Берестовѣ, селѣ Ярослава I. Мы почти ничего не знаемъ о жизни этихъ двухъ первыхъ писателей русскихъ; но вотъ, является сюда нѣкій юноша Ѳеодосій, оставившій родительскій домъ и престарѣлую мать, во исполненіи слова Евангельскаго: «аще кто не оставитъ отца и матерь, въ слѣдъ мене не идетъ, нѣсть мене достоинъ». Услышавъ о блаженномъ Антоніи, живущемъ въ пещерѣ, Ѳеодосій «окрылатѣлъ духомъ (разсказывается въ житіи Ѳеодосія Печерскаго) и поспѣшно пришелъ къ преподобному Антонію, и увидѣвъ его палъ и поклонился ему, прося его со слезами, чтобы позволилъ ему остаться здѣсь (въ пещерѣ Антонія). Антоній же повелѣлъ великому Никону, пресвитеру и опытному черноризцу, постричь его». Не одного Ѳеодосія привлекла слава о святости Антонія и окружившихъ его отшельниковъ въ новообразовавшійся русскій монастырь. Однажды сынъ знатнаго боярина, Ивана, подъѣхалъ къ монастырю въ свѣтлой одеждѣ, на богатомъ конѣ, окруженный слугами; покинувъ эту одежду, отославъ коня и слугъ своихъ, онъ также просилъ Антонія о постриженіи. Впослѣдствіи другой любимецъ князя Изяслава также поступилъ въ число иноковъ печерскихъ,—разгнѣвался князь на то, что монастырь отнимаетъ у него воиновъ и слугъ, и пригрозилъ Никону, бывшему тогда игуменомъ, что онъ пошлетъ въ заточеніе и его и братію, а пещеру ихъ велитъ раскопать. Никонъ отвѣчалъ Изяславу: «Какъ тебѣ угодно, такъ и поступай со мною; а я все же не могу отнимать воиновъ у царя небеснаго».

Итакъ, первое братство св. Антонія составилось изъ четырехъ человѣкъ: іерея Никона, двадцати-трехлѣтняго юноши Ѳеодосія, Варлаама — сына знаменитаго Изяславова боярина Іоанна, и евнуха сего же князя—Ефрема. Всѣхъ ихъ постригалъ Никонъ, по волѣ Антонія, не имѣвшаго сана священства. Вскорѣ собралось братіи *двѣнадцать* человѣкъ, «и ископаша пещеру велику, и церковь, и келліи».

Таково начало пещеръ, извѣстныхъ теперь подъименемъ «дальныхъ».

Любя уединеніе, преподобный Антоній назначилъ братіи игуменомъ Варлаама, а самъ затворился въ своей пещерѣ; потомъ ископалъ особую, въ разстояніи отъ первой на 110 саженъ, пещеру, и поселился въ ней.

По причинѣ умножавшагося числа братіи въ первыхъ

пещерахъ, устроена была надъ ними, по благословенію препод. Антонія, открытая небольшая церковь. Потомъ, то ходатайству его же, великій князь Изяславъ уступилъ отшельникамъ гору, близь новой пещеры Антонія, «и заложиша тамъ церковь велику, и монастырь огородиша столпіемъ, и кельи поставиша многи, и оттолѣ прозвася Печерскій монастырь». Начало его было при игуменѣ Варлаамѣ, но къ окончанію монастырь приведенъ былъ лишь при его преемникѣ, Ѳеодосіи, котораго, по прошенію братіи, преподобный Антоній поставилъ игуменомъ, «яко послушливѣйшаго, кроткаго и смиреннѣйшаго». Отъ его имени Печерскій монастырь и назвался Ѳеодосіевымъ; а нынѣ извѣстенъ подъ именемъ «ближнихъ пещеръ».

Кіевопечерская лавра. Рисовалъ Фельтманъ, гравировалъ Гузманъ.

И такъ, въ 1062 году игуменомъ выбранъ былъ Ѳеодосій, въ которомъ мы видимъ богатую, энергическую и могучую русскую натуру, на которую успѣло сильно подѣйствовать христіанство. Новый игуменъ ввелъ въ монастырѣ строгій студійскій уставъ, которому основаніе было положено Ѳеодоромъ Студитомъ, жившимъ въ Византіи во время иконоборства и VII вселенскаго собора. Уставомъ этимъ предписывалась прежде всего молитва, общая, соборная, указывались самыя строгія правила соборнаго благочинія. Иноки должны были имѣть все общее, даже одежду, и никто не могъ не только имѣть частной собственности, но даже не имѣлъ права чтобы то ни было называть своимъ. Все что иноки заработывали трудами рукъ своихъ—составляло ихъ общую собственность, которая и бывала употребляема на содержаніе ихъ. Внѣ общаго, очень простаго стола, никто изъ иноковъ ничего не смѣлъ ни ѣсть ни пить; безъ разрѣшенія игумена ни одинъ изъ иноковъ не могъ ничего принять отъ кого бы то ни было. Безъ дозволенія игумена иноки не только не могли выходить за ворота монастырскія, но даже и ходить другъ къ другу по кельямъ. Самъ постоянно занятый, Ѳеодосій требовалъ, чтобъ и братія работали неутомимо. «Мы должны отъ трудовъ своихъ кормить убогихъ и странниковъ» говоритъ онъ въ словѣ «о терпѣніи и милостыни,—а не пребывать въ праздности, переходя изъ кельи въ келью». И по его слову, монастырь Кіевопечерскій неустанно заботился о нуждавшихся не только въ пищѣ матеріальной; братія готовила имъ пищу и другаго рода—изъ монастыря выходили и расходились книги по всей Руси. Кто былъ поученѣе, тотъ списывалъ или переводилъ ихъ; другіе сшивали листы и переплетали. Всѣ трудились—и Ѳеодосій болѣе всѣхъ, не зная покоя ни днемъ, ни ночью. Долговременное и дѣятельное игуменство Ѳеодосія не могло остаться безъ вліянія на дальнѣйшую судьбу Кіево-печерскаго монастыря, который увеличился еще новою, обширнѣйшею обителью на Берестовомъ полѣ, Новопечерскимъ монастыремъ. Изъ Кіево-печерскаго монастыря вышли первые наши миссіонеры: Леонтій, распространившій христіанство въ Ростовѣ, и Кукша, замученный Вятичами. Отсюда же, какъ изъ главнаго разсадника древнерусскаго просвѣщенія, вышла и большая

часть русскихъ владыкъ, правившихъ паствою русскою въ разныхъ концахъ нашего отечества до татарщины. Гдѣ бы ни являлись иноки печерскіе, какой бы дѣятельности они не посвящали себя, они постоянно поддерживали сношенія съ обителью печерскою.

Въ 1159 году Печерскій монастырь отъ великаго князя Кіевскаго и Владимірскаго, Андрея Юрьевича Боголюбскаго, получилъ названіе *архимандріи*, *лавры* и *ставропигіи* патріаршей и великокняжеской.

Весьма естественно, что при такомъ значеніи Кіево-печерскаго монастыря, въ инокахъ его должно было рано пробудиться желаніе прославить свою обитель,—и вотъ уже Несторъ, жившій въ XI вѣкѣ и началѣ XII и принадлежавшій также къ печерской братіи, сталъ собирать преданія о бывшихъ до него замѣчательныхъ подвижникахъ и занесъ эти преданія въ «Повѣсть времянныхъ лѣтъ» древнѣйшую лѣтопись русскую, а наконецъ написалъ и отдѣльныя житія «Бориса и Глѣба» и «Ѳеодосія Печерскаго». Нѣтъ сомнѣнія, что и до Нестора велись въ монастырѣ кое-какія погодныя замѣтки, которыми онъ воспользовался для составленія своей лѣтописи. Все что извѣстно намъ о самомъ авторѣ—ограничивается весьма скудными свѣденіями о его пребываніи въ Кіево-печерской обители. Достовѣрно только, что 17-ти лѣтнимъ юношей пришелъ онъ въ 1073 году въ монастырь, гдѣ и былъ постриженъ игумномъ Стефаномъ, а потомъ поставленъ въ діаконы. Въ 1091 году ему поручено было вмѣстѣ съ другими иноками отъискать мощи св. Ѳеодосія Печерскаго, что и было имъ исполнено. Предполагаютъ, что онъ долженъ былъ скончаться около 1113 года, такъ этотъ годъ упоминается имъ вначалѣ его лѣтописи.

Пещера преподобнаго Нестора лѣтописца и мощи его также находятся въ Кіевопечерской лаврѣ, которая такимъ образомъ является и колыбелью отечественной исторіи. Въ цѣломъ же, принимая во вниманіе, что крѣпкія стѣны монастыря, въ эту эпоху удѣльныхъ смутъ и кочевыхъ набѣговъ, составляли единственно надежное убѣжище для людей искавшихъ созерцательной жизни,—можно сказать, что Кіевопечерская лавра было въ то отдаленное время всероссійскою Академіею наукъ.

Политическое обозрѣніе.

Самымъ крупнымъ событіемъ политической жизни за послѣднія двѣ недѣли можно считать столкновеніе, происшедшее въ Пруссіи между палатою господъ и правительствомъ. Такъ какъ событіе это ни коимъ образомъ не можетъ считаться простою случайностью, а есть слѣдствіе цѣлаго ряда подготовившихъ его обстоятельствъ, то мы считаемъ необходимымъ остановиться на немъ подольше. По силѣ прусской конституціи (основныхъ законовъ управленія страною), прусскій парламентъ состоитъ изъ двухъ палатъ: верхней или палаты господъ и нижней или палаты депутатовъ. Въ первой засѣдаютъ: во 1-хъ, наслѣдственные члены, пользующіеся этимъ правомъ вслѣдствіе заслугъ предковъ, и во 2-хъ, пожизненные члены, которымъ дается отъ короля привиллегія на это и которые утверждаются королемъ-же. Вторая палата состоитъ изъ депутатовъ, избираемыхъ народомъ. Такимъ образомъ, верхняя палата составилась преимущественно изъ лицъ, принадлежащихъ къ родовой и денежной аристократіи, тогда какъ въ нижней смѣшаны всѣ сословія, начиная отъ родовитаго барона и кончая простымъ крестьяниномъ. По силѣ той-же конституціи, всякій проектъ, изготовленный правительствомъ, можетъ получить силу лишь тогда, когда онъ будетъ одобренъ обѣими палатами, безъ согласія которыхъ правительство не можетъ провести ни одной рѣшительной мѣры. За то правительство пользуется правомъ (въ случаѣ если обѣ палаты или одна изъ нихъ окажетъ рѣшительное сопротивленіе правительственнымъ мѣропріятіямъ) закрывать палаты на опредѣленный срокъ, причемъ обыкновенно разсчитывается, что новые выборы доставятъ правительству болѣе сильную поддержку. До сихъ поръ, въ Пруссіи, правительству большею частью удавалось соглашать палаты и склонять ихъ на сторону своихъ мѣропріятій. Угадывая чувства и желанія народа, король Вильгельмъ вмѣстѣ съ княземъ Бисмаркомъ вели его по тому политическому пути, какого, какъ имъ казалось, желало большинство народа. За временемъ войны, лишеній и безпокойствъ, для прусскаго народа наступило время умиротворенія и реформъ во внутренней жизни. Такъ какъ для всякаго образованнаго государства школа есть самое дорогое учрежденіе, то заботы правительства прежде всего и направились въ эту сторону: былъ выработанъ извѣстный читателямъ новый законъ о школахъ, который ставитъ ихъ въ независимое отъ духовенства положеніе; но какъ и слѣдовало ожидать, законъ этотъ сильно не понравился духовенству, въ особенности католическому,—и вотъ возгорается борьба между свѣтскою и духовною властями. Поддерживаемое большинствомъ народа, правительство, безъ всякаго сомнѣнія, выйдетъ изъ этой борьбы побѣдителемъ; тѣмъ не менѣе, изданіемъ этого закона и другими рѣшительными противъ духовенства мѣрами оно нажило себѣ въ немъ довольно опаснаго врага. Въ этотъ разъ правительственный проектъ не встрѣтилъ серіознаго противодѣйствія ни въ одной изъ палатъ. Ободренное успѣхомъ и поддерживаемое общественнымъ мнѣніемъ, правительство предлагаетъ теперь палатамъ на утвержденіе другой, не менѣе важный проектъ закона, совершенно измѣняющій стародавнее устройство окружнаго управленія, при которомъ вся власть находилась въ рукахъ мѣстной аристократіи и богатыхъ людей,—а взамѣнъ его вводящій всесословные выборы. Палата депутатовъ приняла этотъ проектъ еще въ іюлѣ текущаго года, и правительство считало дѣло уже на половину выиграннымъ, какъ вдругъ сильное препятствіе: палата господъ, на разсмотрѣніе которой поступилъ этотъ проектъ, не только отказывается принять его въ настоящемъ видѣ, но еще предлагаетъ такія измѣненія, которыя какъ-бы на вѣки узаконяютъ нынѣшнее феодальное устройство окружнаго управленія. Она рѣшительно, пунктъ за пунктомъ, отвергаетъ его, не обращая вниманія ни на убѣжденія правительства, ни на громкій голосъ общественнаго мнѣнія. Изъ 163 голосовъ, на сторонѣ новаго закона оказалось только 18; остальные 145 голосовъ единодушно и даже съ нѣкоторымъ азартомъ высказались противъ него. Говорятъ, что, ко времени обсужденія этого закона, въ Берлинъ притащились такіе члены верхней палаты, которые до тѣхъ поръ въ нее никогда не заглядывали. Такимъ образомъ, прусскимъ феодаламъ, богатымъ фабрикантамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ удалось таки на на нѣкоторое время отстоять отжившее свой вѣкъ учрежденіе! Мы говоримъ «на нѣкоторое время» потому, что рано или поздно, а господству феодаловъ и рыцарей не сдобровать: раздраженное неудачей, правительство, измѣнивъ составъ верхней палаты, добьется того, что новый законъ будетъ принятъ ею. Правда, чтобы

достигнуть этого, ему придется пожертвовать нѣкоторыми симпатіями; но сила вещей беретъ свое и личныя отношенія должны уступать мѣсто заботамъ о благѣ цѣлаго народа, хотя бы для этого пришлось пожертвовать интересами двухъ враждебныхъ ему партій—клерикаловъ и феодальной. Правительство закрыло засѣданія обѣихъ палатъ съ тѣмъ, чтобы 12 ноября (по новому стилю) снова открыть ихъ. Интересно знать, чѣмъ все это дѣло кончится.

Рѣшеніе спорныхъ вопросовъ между различными державами посредствомъ третейскаго суда или при помощи международныхъ совѣщаній—все болѣе и болѣе входитъ въ употребленіе, вытѣсняя собою прежнее средство, основанное на кровопролитии и на правѣ сильнаго. Не такъ давно, посредствомъ третейскаго суда, рѣшенъ былъ извѣстный читателямъ споръ между Англіей и Сѣверо-Американскими Штатами по поводу требованія сими послѣдними вознагражденія за убытки, причиненные Англіей въ послѣднюю междоусобную войну въ Америкѣ. Теперь, между этими же самыми державами, возникъ другой споръ, касательно проведенія болѣе точной пограничной линіи между владѣніями обоихъ государствъ. Не желая и въ этотъ разъ прибѣгать къ посредничеству крови, англичане и сѣверо-американцы просили германскаго императора разсудить ихъ дѣло по справедливости. Тотъ рѣшилъ споръ въ пользу Америки, и хотя англичанамъ по этому рѣшенію достался довольно значительный островъ, но они все-таки недовольны направленіемъ пограничной линіи. Какъ-бы то ни было, но рѣшеніе состоялось, и подчиниться ему необходимо. Говоря вообще, обѣ эти націи питаютъ рѣшительное нерасположеніе ко всякому кровопролитію и слишкомъ мало обнаруживаютъ въ себѣ завоевательныхъ наклонностей. Подтвержденіемъ этому можетъ служить то, какъ англичане относятся къ нашимъ завоеваніямъ въ Средней Азіи. На предполагаемый походъ русскихъ въ Хиву англичане вообще смотрятъ довольно доброжелательно; по ихъ мнѣнію, Англіи гораздо выгоднѣе имѣть своимъ сосѣдомъ въ Индіи народъ образованный нежели варваровъ. Къ тому-же, русскіе имѣютъ такое-же право на завоеванія въ Средней Азіи, какое имѣли англичане, завоевывая Индію. Права обѣихъ державъ оказываются, слѣдовательно, одинаковыми. Русскіе-же, кромѣ того, имѣютъ еще ту цѣль, чтобы движеніемъ на востокъ обезопасить торговлю и жизнь своихъ подданныхъ отъ опустошительныхъ набѣговъ варварскихъ племенъ. Въ этомъ смыслѣ завоеванія русскихъ въ Средней Азіи не могутъ внушать Англіи никакихъ серіозныхъ опасеній.

Президентъ Соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Грантъ, выбранъ снова въ эту должность, а соперникъ его, Горасъ Грили, остался въ меньшинствѣ.

Судебная хроника.

Въ „Кіевскомъ Листкѣ объявленій" помѣщенъ слѣдующій печальный случай изъ мѣстной судебной практики: Мѣсяца два тому назадъ, въ камеру мироваго судьи былъ представленъ молодой человѣкъ лѣтъ 20, по обвиненію въ кражѣ въ лавкѣ купца N, на Подолѣ, одной пары резиновыхъ калошъ. Не представивъ фактовъ къ своему оправданію, онъ былъ приговоренъ мировымъ судьею къ четырехнедѣльному заключенію. Послѣ выхода изъ тюрьмы, на другой день, въ вокзалѣ желѣзной дороги, онъ вытащилъ изъ кармана у одного купца серебряные часы. Пойманный за руку на мѣстѣ преступленія владѣльцемъ часовъ, онъ былъ отпущенъ имъ изъ состраданія, которое внушала купцу наружность вора; онъ былъ блѣденъ и исхудалый. Болѣзненное состояніе его говорило о послѣднемъ градусѣ чахотки. Отдѣлавшись отъ преслѣдованій купца, молодой человѣкъ отправился въ городъ. По дорогѣ онъ зашелъ къ портному подъ предлогомъ починки платья и укралъ сюртукъ. Пойманный на дорогѣ съ поличнымъ мастеровыми портнаго, онъ упалъ въ обморокъ. Сострадательный портной послалъ за находившимся вблизи цирюльникомъ, чтобъ привести въ чувство похитителя, а послѣ, отобравъ украденный сюртукъ, далъ ему еще изъ состраданія нѣсколько денегъ. Въ тотъ же самый вечеръ онъ опять попался въ воровствѣ пальто въ передней одного дома и былъ представленъ мировому судьѣ. Судья отказался судить вора изъ жалости къ его болѣзненному виду и отправилъ его въ больницу. По дорогѣ онъ выпросилъ у сопровождавшаго его полицейскаго позволенія зайти въ харчевню напиться чаю, и тамъ укралъ три салфетки. Въ больницѣ, ночью, сползъ съ койки и укралъ больничную ложку, которой давали лекарство больному. Черезъ два дня онъ умеръ.

Въ 5-мъ департаментѣ Правит. Сената, по 1-му отдѣленію, докладывалось дѣло о покушеніи на жизнь вятскаго губернатора. 28-го декабря прошлаго года къ вятскому полиціймейстеру явился крестьянинъ Слободскаго уѣзда Николай Лимоновъ и объявилъ ему, что канцелярскій служитель Александръ Вылягжанинъ, 26 лѣтъ, намѣревается посягнуть на жизнь губернатора и ожидаетъ только его проѣзда черезъ Царевскій мостъ,—что Вылягжанинъ подговаривалъ и его, Лимонова, принять въ этомъ дѣлѣ участіе, но онъ предпочелъ донести объ этомъ начальству. По прибытіи на мѣсто, полиціймейстеръ нашелъ Вылягжанина явно кого-то ожидающимъ и тутъ-же приступилъ къ осмотру его. Но на арестованномъ нашли только старый, сшитый нитками, ремень, да тупой, никуда негодный перочинный ножикъ. Врачебное отдѣленіе вятскаго губернскаго правленія нашло, что ножикъ такъ малъ и тупъ, что имъ невозможно нанести никакой смертельной раны взрослому человѣку, а ремень такъ изношенъ и уже надорванъ, что не выдержитъ самаго легкаго сопротивленія; вообще, ни этимъ ножемъ, ни этимъ ремнемъ нельзя причинить смерти взрослому человѣку, если только ему ничто не воспрепятствуетъ сопротивляться въ борьбѣ за жизнь. Вятская палата уголовнаго и гражданскаго суда, ввиду этого заявленія, признала, что дѣло это обнаруживаетъ со стороны Вылягжанина только преступный умыселъ, который преслѣдуется только въ случаяхъ преступленій государственныхъ, а потому, за недостаткомъ доказательствъ и уликъ, Вылягжанина отъ суда освободила. На рѣшеніе это мѣстный прокуроръ подалъ протестъ, полагая оставить подсудимаго въ подозрѣніи. Палата съ протестомъ этимъ не согласилась, и дѣло перешло въ Сенатъ, резолюція котораго по наст. дѣлу еще не объявлена.

Библіографія.

Обзоръ петербургскихъ тюремъ и относящихся до нихъ узаконеній и административныхъ распоряженій. В. И. Никитина. Въ предисловіи къ этой книгѣ г. Никитинъ говоритъ, что двери нашихъ тюремъ широко растворяются только предъ осужденными, да передъ начальниками, а частное лицо, хотя-бы съ самою благонамѣренною цѣлью, проникнуть туда не можетъ; а потому г. Никитину, если и удалось проникнуть за двери нашихъ тюремъ, то съ чрезвычайными затрудненіями и

притомъ благодаря просвѣщенному взгляду на дѣло нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ. Такимъ образомъ, передъ нами, хотя далеко не полныя, но тѣмъ не менѣе вѣрныя и достаточныя свѣдѣнія о нашихъ петербургскихъ тюрьмахъ. Всѣхъ такихъ мѣстъ заключенія въ Петербургѣ шесть: Арестантскіе казематы въ городскихъ полицейскихъ домахъ, городской тюремный замокъ, городская пересыльная тюрьма, городское исправительное заведеніе (смирительный рабочій и работный дома), городская тюрьма срочныхъ арестантовъ, заключаемыхъ по приговорамъ мировыхъ судей, и наконецъ военноисправительная тюрьма морскаго вѣдомства.

Въ Петербургѣ, при каждой изъ 12 полицейскихъ частей есть *арестантскіе казематы*, въ которыхъ ежедневно содержатся подъ стражею лица всѣхъ званій обоего пола числомъ отъ 600 до 700 человѣкъ. Замѣчательно, что въ каждой помѣстительной части есть по одному и по два каземата, въ которыхъ «*свaливаются*» забираемые ночью пьяные, буйные, безпаспортные и проч. Въ моментъ опустѣнія казематовъ, помѣщенія эти представляютъ сущій погромъ: поломанныя нары, клочья волосъ, кровь и проч. На продовольствіе арестантовъ изъ привиллегированнаго сословія отпускаются на руки наличными деньгами отъ 10 до 50 коп. въ сутки. Благородные сидятъ каждый отдѣльно; это одиночество имѣетъ вредное вліяніе на умственныя способности. Арестанты изъ благородныхъ занимаются чтеніемъ книгъ, а изъ простыхъ никто почти не читаетъ, да и ни чѣмъ почти не занимаются, развѣ что, потѣхи ради, одинъ другому зубы выбьетъ. Для наблюденія за порядкомъ, въ казематахъ выбираются старосты самими арестованными, и эти старосты, особенно предъ прочими, занимаются грабежемъ: они до чиста обираютъ, а въ случаѣ сооротивленія и жестоко бьютъ тѣхъ новичковъ, которые поступаютъ туда не зная тамошнихъ порядковъ.

С.-Петербургскій тюремный замокъ помѣщается на Петербургской сторонѣ, въ концѣ Большой Никольской слободы. Онъ состоитъ въ вѣдѣніи министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, а начальство надъ замкомъ ввѣрено попечительному о тюрьмахъ комитету. Статистика замка ведется очень неисправно, особенно по денежной части, что составляетъ *канцелярскую тайну*. Замокъ заключаетъ 103 камеры для содержанія 800 человѣкъ. Гигіеническія условія въ камерахъ простолюдиновъ, особенно въ карцерахъ, въ высшей степени неблагопріятны для здоровья: тяжелый воздухъ, сырость, и отсутствіе свѣта гибельно вліяютъ на заключенныхъ. Пища для благородныхъ готовится отдѣльно отъ простолюдиновъ и притомъ пища первыхъ не оставляетъ желать ничего лучшаго, а послѣднихъ едва сносна. Заключенные учатся грамотѣ по 2 часа въ сутки, но это дѣло ведется очень дурно. Мастерскія замка, что должно бы кажется составлять одно изъ лучшихъ учрежденій въ замкѣ, находятся въ чрезвычайномъ запущеніи. Большая часть арестантовъ проводитъ время въ праздности, потому что мастерскія существуютъ только для благородныхъ арестантовъ. Свиданія съ арестантами дозволяются 2 раза въ недѣлю, сквозь двойныя деревянныя рѣшетки. Незанятые ничѣмъ, арестанты, естественно, стараются изыскивать сами для себя занятія; они устраиваютъ фабрикацію фальшивыхъ паспортовъ, дѣлаютъ подложныя печати и проч., и проч. да придумываютъ средства устраивать побѣги. При замкѣ есть пріютъ для дѣвочекъ, дочерей арестантовъ, который въ настоящее время, благодаря нѣкоторымъ лицамъ попечительнаго о тюрьмахъ комитета, принялъ хорошій видъ. *С.-Петербургская тюрьма пересыльныхъ арестантовъ* находится въ С.-Петербургѣ въ Демидовомъ переулкѣ и находится подъ вѣдѣніемъ того-же комитета. Зданіе устроенное для 160 человѣкъ, нерѣдко вмѣщаетъ въ себя до 1,000 человѣкъ; оттого бываетъ тамъ страшная тѣснота. Обращаются съ арестантами гуманно, не унижая ихъ человѣческаго достоинства. Питаются арестанты пищею, привозимою ежедневно изъ замка, отчего она остываетъ, взбалтывается и теряетъ вкусъ. Статистическія свѣдѣнія этой тюрьмы, такъ же какъ и другихъ, ограничиваются перечнемъ пересыльныхъ арестантовъ. Предъ входомъ въ тюрьму, арестантовъ тщательно обыскиваютъ и потомъ даютъ казенное платье. Предъ выходомъ изъ тюрьмы, имъ брѣютъ половину головы, и эта операція потрясаетъ даже самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ. Въ числѣ арестантовъ есть очень много людей, высылаемыхъ по этапу за неплатежъ податей, за просрочки и пр. Ко множеству недостатковъ пересыльной тюрьмы слѣдуетъ отнести еще и тотъ, что жалованье смотрителю и другимъ служащимъ лицамъ идетъ очень скудное.

С.-П исправительое заведеніе. Здѣсь содержатся арестанты для исправленія нравственности. Содержаніе и одежда ихъ довольно хороши. Замѣчательно, что всѣ они, отъ 5 час. утра до 9 вечера, занимаются различными работами: одни переписываютъ бумаги, рисуютъ и пр. другіе прядутъ ленъ, шерсть, шьютъ, вяжутъ и пр. Нужно замѣтить, что все это появилось недавно. Въ заведеніи есть школа и гимнастика для малолѣтнихъ дѣтей.

С.-Петербургская тюрьма срочныхъ арестантовъ, содержащихся по приговорамъ столичныхъ мировыхъ судей, открыта со времени миров. учрежденій, на Выборгской сторонѣ, для 600 чел. Содержаніе арестантовъ въ этой тюрьмѣ значительно лучше нежели въ прочихъ и всѣ безъ изъятія обязаны заниматься работами. Замѣчательно, что между арестантами встрѣчаются такіе, какъ напр. мальчикъ 14 лѣтъ, голодный съѣлъ ½ ф. колбасы, ему непринадлежащей, и за это былъ приговоренъ мировымъ судьею къ 3½ мѣсячному аресту; или извощикъ, поднявшій у сосѣдняго дома доску, стоившую никакъ не болѣе 5 коп., былъ обвиненъ въ кражѣ, посаженъ на 3½ мѣсяца и разоренъ былъ тѣмъ самымъ съ семействомъ до тла. Что касается до женщинъ, содержащихся во всѣхъ нашихъ тюрьмахъ, то ихъ положеніе крайне жалкое: онѣ, находясь подъ арестомъ, ничего не дѣлаютъ и, выпущенныя на волю, не получаютъ заработной платы, какъ мужчины, а потому, по необходимости, не найдя для себя дѣла, умножаютъ собою и безъ того уже большое число проститутокъ.

Военноисправительная тюрьма морскаго вѣдомства въ С.-Петербургѣ назначена для заключенія военныхъ морскаго вѣдомства, отъ 3 мѣс. до 2 лѣтъ. Она основана на системѣ безусловнаго молчанія, къ несчастію, оказавшейся, по опытамъ, крайне непригодною: эта система производитъ очень часто идіотовъ.

Въ концѣ книжки г. Никитина, въ видѣ приложенія помѣщенъ очень характерный разсказъ: «съ однаго вола семь шкуръ»,— гдѣ онъ выводитъ чиновника, по неопытности сдѣлавшаго подлогъ и тѣмъ самымъ навлекшаго на себя кару неумолимыхъ законовъ.

Смѣсь.

ЗАБЫЛИ!

(См. стр. 713).

Прилагаемый рисунокъ такъ наглядно и художественно отражаетъ мысль автора, что не требуетъ никакихъ поясненій. Отходящій пароходъ на дальнемъ планѣ безграничнаго моря — и дышащая тоскливымъ безпокойствомъ фигура единственнаго четвероногаго пассажира, оставшаго на бичѣ гавани, краснорѣчивѣе всякихъ словъ говоритъ о томъ, что въ общей суматохѣ отплытія, его... забыли!...

О всемірной торговлѣ. Цифры внѣшней торговли указываютъ намъ на возрастаніе производства и потребленіе въ наше время. Общая сумма ввоза и вывоза всѣхъ бывшихъ въ оборотѣ цѣнностей составляла въ 1870 и 1871 г. 15,447 милліоновъ талеровъ и распредѣлялась по отдѣльнымъ частямъ свѣта слѣдующимъ образомъ:

	Ввозъ. Мил. тал.	Вывозъ. мил. тал.	Итого. Мил. тал.
Европа. . .	5783,4	4859,7	10,643,1
Америка . .	1343,7	1448,5	2792,2
Азія. . . .	649,8	673,6	1323,8
Австралія. .	198,9	188,0	396,9
Африка . .	133,1	158,3	291,4
Всего . . .	8108,9	7338,1	15,447,0

Приведенныя цифры находившихся въ оборотѣ цѣнностей, сравнительно съ цифрами прежнихъ лѣтъ, несомнѣнно показываютъ быстрое возрастаніе народнаго благосостоянія, потому что народонаселеніе, какъ во всѣхъ частяхъ свѣта, взятыхъ вмѣстѣ, такъ и въ каждомъ государствѣ отдѣльно, возрасло приблизительно такъ же быстро какъ и увеличеніе внѣшней торговли. Цѣнность послѣдней составляла въ 1860 г. 10,000 мил. тал., въ 1866 г. 12,200 мил. тал., въ 1867—68 г. 14,734 милл. тал., въ 1870—71 г. 15,447 мил. тал. Такимъ образомъ, въ десять лѣтъ, она увеличилась на 54 процента. Въ Европѣ ежегодное увеличеніе народонаселенія на 1% считается уже благопріятнымъ; внѣшняя же торговля Европы съ 10,210 мил. тал. въ 1867—68 году возрасла до 10,643 мил. тал. въ 1870—71 г.; такимъ образомъ, въ три года она увеличилась на 4,2 процента. Что касается до отдѣльныхъ государствъ, то внѣшняя торговля Франціи въ три года увеличивалась ежегодно на 7½ процентовъ, въ Бельгіи въ то же время на 7⅓ проц., въ Россіи на 4⅖ проц., въ Австріи на 6¼ проц., въ Испаніи на 2 процента, въ Великобританіи внѣшняя торговля за послѣдніе 30 лѣтъ учетверилась.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 3 Ноября 1872 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**. Вознес. пр. д. № 53.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 13 ноября 1872 года. **Годъ III.**

ОБЪ ИЗДАНІИ „НИВЫ“ ВЪ 1873 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годовой Экземпляръ „НИВЫ“ въ 52 №№ (880 страницъ) съ 200—250 рисунками и ежемѣсячнымъ прибавленіемъ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ . **4** р. — к.
„ съ доставкой на домъ по городской почтѣ . . . . **5** „ — „

II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ или О. Мекленбурга . . **4** „ **50** „
„ Съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію . . . . **5** „ **50** „

III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію. . . . . **5** р. **50*** к.

IV. Заграницею: Въ Германіи и Австріи **8** руб., въ Англіи и Франціи **10** руб , въ Голландіи, Бельгіи, Италіи, Швейцаріи и Дунайскихъ княжествахъ **9** руб., въ Швеціи, Испаніи, Португаліи и Греціи **10** руб. **50** коп., въ Китаѣ и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ **12** руб.

ПОДПИСКА принимается въ **конторѣ редакціи „НИВЫ“** въ **С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.**

Гг. Иногороднихъ подписчиковъ покорнѣйше просимъ обращаться для подписки на „НИВУ“ 1873 года съ своими требованіями—**исключительно и прямо** въ контору редакціи „НИВЫ“, ибо только въ такомъ случаѣ мы можемъ ручаться за аккуратную высылку нашего журнала. Во избѣжаніе перерыва между высылкою послѣднихъ №№ 1872 года и первыхъ №№ 1873 г., гг. подписчики (въ особенности живущіе въ отдаленныхъ мѣстностяхъ) благоволятъ высылать слѣдуемыя подписныя деньги **5** р. **50** к. **заблаговременно.**

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

— Нельзя ли мнѣ сперва поставить картину всторону?

— Ни за что! вскричала Альма.—Я не могу разстаться съ нею, да и для васъ, любезный другъ, она должна имѣть двойной интересъ. Взгляните-ка, какъ могучи эти буки здѣсь на аванъ-сценѣ! Какъ привольно взору на второмъ планѣ, какъ сладко покоится онъ тамъ, чтобы потомъ съ наслажденіемъ перейдти къ этой бурой степи или съ тоскою носиться по этой чудной синей морской дали!

— Да, да, конечно, сказалъ Брандовъ, не глядя на картину, стоявшую теперь какъ разъ передъ нимъ.—Это должно быть Долланъ?

— Должно быть! вскричала Оттилія;—да вѣдь вы, господинъ Брандовъ, сами хотѣли тогда купить эту картину! Неужели вы не помните, какъ мы—я и ваша жена—стояли передъ нею, а вы подошли къ намъ.

— Конечно, конечно! повторялъ Брандовъ.

— Я готова побиться объ закладъ, что мой мужъ и Готтгольдъ теперь тамъ—на этой бурой степи!

— Не можетъ быть! вскричала Оттилія,—или тамъ случилось какое нибудь несчастіе съ экипажемъ; но дай Богъ, чтобы это было одно только предположеніе.

— Конечно, конечно! повторялъ Брандовъ, вытирая платкомъ лобъ.

— Вы устали, господинъ Брандовъ. Позвольте предложить вамъ подкрѣпиться! сказала Оттилія, взявшись за колокольчикъ. Въ ту минуту какъ она встала чтобы отдать вошедшей дѣвушкѣ приказанія, Альма наклонилась впередъ и притягивая къ себѣ руку Брандова прошептала: «дорогой другъ, какъ я рада васъ видѣть! Но что-же такое вышло у васъ съ Гуго? а я-то думала, что

вамъ же выгоднѣе оставаться съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ!»

Брандовъ взялъ бѣлую ручку и на-скоро поднесъ ее къ губамъ.

— О, конечно, конечно, моя прелестная пріятельница, сказалъ онъ,—затѣмъ-то я и здѣсь; въ сущности, это совершенные пустяки, я былъ слегка взволнованъ...я ... О, милостивая государыня, зачѣмъ-же эти хлопоты? стаканъ вина, если ужъ вы непремѣнно желаете этого, а впрочемъ пожалуйста безъ церемоній!

Онъ обернулся къ Оттиліи; Альма, надувшись, отодвинулась въ уголъ; Брандовъ былъ сегодня что-то очень страненъ, такъ холоденъ, совсѣмъ не тотъ что прежде. Альма рѣшилась наказать его за это, когда пріѣдетъ Готтгольдъ, а чтобы это наказаніе было еще чувствительнѣе, быть съ нимъ какъ можно любезнѣе въ тѣ немногія минуты, пока тотъ не явится.

Но минуты проходили, пробило половина двѣнадцатаго, со времени прихода Брандова прошелъ уже часъ,—а все еще, всякій разъ какъ разговоръ прерывался, не слышно было подъѣзжающаго экипажа, ничего, кромѣ шелеста высокихъ тополей на маленькой площадкѣ передъ домомъ, да стука дождя въ окна. А чѣмъ дальше, тѣмъ чаще прерывался разговоръ, такъ какъ Оттилія, противъ своего обыкновенія, почти вовсе не старалась поддержать его; Альма, какъ и всегда, полагала, что довольно и того, если ласковая улыбка съ ея стороны даетъ позволеніе продолжать бесѣду; а Брандовъ былъ сегодня вечеромъ далеко не такой пріятный собесѣдникъ, какимъ онъ вообще слылъ. Безпокойство, съ какимъ онъ метался отъ одного предмета къ другому, имѣло въ себѣ что-то лихорадочное, его улыбка отзывалась чѣмъ-то вынужденнымъ; притомъ онъ повидимому и не замѣчалъ, что довольно уже давно не проронилъ ни слова; онъ сидѣлъ, устремивъ взоры на картину, пока наконецъ спохватился и снова заговорилъ тѣмъ рѣзкимъ голосомъ, который всякій разъ пугалъ Оттиллію. Безпокойство Оттиліи возрастало съ минуты на минуту. Она раза два вставала, подходила къ окну—и отдернувъ занавѣски, смотрѣла на улицу. Но тамъ стояла страшная темь, которая—отъ мутнаго, колеблющагося свѣта двухъ-трехъ фонарей—какъ будто бы еще болѣе усиливалась.

— Право, я начинаю не на шутку пугаться! вскричала она наконецъ, отвернувшись отъ окошка.

— Дѣйствительно, это очень странно, сказалъ Брандовъ.—Теперь безъ десяти минутъ двѣнадцать; имъ слѣдовало уже часъ тому назадъ быть здѣсь.

— Да и мой мужъ что-то нейдетъ, сказала Оттилія.

— Утѣшься, значитъ ему весело, сказала Альма.—Неужели вы уходите, любезный другъ?

— Я хочу попытаться: не узнаю ли чего, возразилъ Брандовъ, который поспѣшно всталъ и взялъ шляпу.

— Неужели вы рѣшитесь еще разъ ѣхать ночью? вскричала Альма.

— Однакожь, Альма!... сказала Оттилія.

Брандовъ собирался уйти, когда раздался звонъ колокольчика, затѣмъ послышались въ конторѣ тяжелые шаги и въ комнату вошелъ господинъ Вольнофъ. Оттилія поспѣшила къ нему на встрѣчу и передала ему въ немногихъ словахъ положеніе дѣла. Вольнофъ привѣтствовалъ поздняго гостя съ вѣжливою холодностью. Онъ не видитъ еще надлежащей причины опасаться, если господинъ Брандовъ не находитъ этого.

— Да вѣдь и онъ тоже безпокоится! вскричала Оттилія.

— Въ такомъ случаѣ, господину Брандову давно бы уже слѣдовало выѣхать, возразилъ Вольнофъ.

— Я не то чтобъ безпокоился, да и не то чтобъ былъ совершенно спокоенъ, сказалъ Брандовъ.—Вѣдь ночь темна, да и дорога мѣстами довольно плоха; но мой Генрихъ Шеель, всѣмъ извѣстно, превосходный кучеръ, и—постойте, что мнѣ пришло въ голову—вѣдь Отто Плюггенъ отправился по той же дорогѣ и къ тому же всего за нѣсколько минутъ передъ нашими друзьями.

— Изъ этого нельзя еще заключить, чтобы съ кѣмъ нибудь изъ нихъ, а то и со всѣми ними не случилось какой нибудь непріятности. Я говорю, *mes dames*, непріятности, а не несчастія, потому-что если въ такую ночь сломается колесо или что нибудь подобное, то и этимъ уже шутить нельзя; намъ слѣдуетъ отправиться на встрѣчу нашимъ друзьямъ. Если вамъ угодно, господинъ Брандовъ, я поѣду вмѣстѣ съ вами.

— Конечно, безъ сомнѣнія, но вѣдь я пріѣхалъ верхомъ, возразилъ Брандовъ.

— Мы можемъ взять въ гостинницѣ Фюрстенгофъ экипажъ. Если что случилось, то для нихъ нуженъ только экипажъ.

Альма нашла, что со стороны мужчинъ очень невѣжливо оставлять въ такую минуту дамъ однихъ, тогда какъ Оттилія насильно надѣла на мужа пледъ и прошептавъ: «молодецъ ты у меня, Эмиль»! отъ всей души поцѣловала его.

Вольнофъ настоялъ на томъ, чтобы дамы оставались въ комнатѣ. Когда дверь затворилась, онъ сказалъ: «я убѣжденъ, что съ ними случилось несчастіе, и вы также, не правда ли?»

Чорные глаза Вольнофа сверкали, при свѣтѣ свѣчки, которую онъ несъ въ рукахъ, такъ странно и смотрѣли такъ проницательно;—Брандовъ вздрогнулъ, словно ему задали въ судѣ вопросъ, отъ рѣшенія котораго зависѣлъ исходъ его дѣла.

— О, конечно нѣтъ, вовсе нѣтъ, лепеталъ онъ, — то есть я не могу сказать объ этомъ ничего положительнаго.

— И я тоже нѣтъ, сухо сказалъ Вольнофъ, ставя свѣчку на стоявшій въ передней какъ разъ передъ дверью столъ и отодвигая задвижку.

Дверь ярко освѣтилась, а когда Вольнофъ отворилъ ее, имъ на встрѣчу глянула мрачная ночь. Вдругъ, въ дверяхъ, на чорномъ фонѣ ночи обрисовалась фигура, при видѣ которой даже хладнокровный Вольнофъ вздрогнулъ, тогда какъ шедшій по слѣдамъ его Брандовъ отшатнулся назадъ съ глухимъ крикомъ. Измокшая одежда этого человѣка была сплошь покрыта пескомъ и глиной, словно онъ только-что выбрался изъ нѣдръ земли, а блѣдное обрамленное темной бородой лицо, на которое падала тѣнь широкополой шляпы, было страшно искажено узенькимъ слѣдомъ крови, отъ виска по всей щекѣ.

— Ради бога, Готтгольдъ, что такое случилось? вскричалъ Вольнофъ, протягивая другу обѣ руки и увлекая его въ передною.

— Гдѣ дамы? спросилъ вполголоса Готтгольдъ.

Вольнофъ указалъ на одну изъ комнатъ.

— Такъ отпустите ихъ; Селльенъ лежитъ въ гостинницѣ Фюрстенъгофъ, мы только-что перевязали его; онъ все еще безъ памяти; Лаутербахъ сомнѣвается, чтобъ онъ остался живъ. Мнѣ кажется, будетъ лучше, если я самъ принесу имъ это извѣстіе. Ты тутъ, Брандовъ!

— Я жду васъ здѣсь уже около двухъ часовъ, сказалъ онъ.—Но какъ это могло случиться? бѣдный Готтгольдъ

и этотъ добрый Селльенъ! Ты конечно останешься здѣсь и вы также, господинъ Вольнофъ?

Не дожидаясь отвѣта, Брандовъ бросился въ дверь и исчезъ во мракѣ.

Вольнофъ сверкнулъ вслѣдъ ему глазами; но удержалъ слово, дрожавшее, повидимому, у него на губахъ.

— А вы сами, любезный Готтгольдъ? сказалъ онъ.

— Я-то дешево отдѣлался, сказалъ Готтгольдъ. — Но что-то будемъ теперь? Какъ мы скажемъобъ этомъ дамамъ?

— Мнѣ хотѣлось бы сперва посмотрѣть на него. Онѣ знаютъ, что я отправился встрѣчать васъ и не замѣтятъ, что меня нѣтъ.

— Такъ пойдемъ-те!

Друзья вышли. Вольнофъ подалъ Готтгольду руку. — Обопритесь объ меня, сказалъ онъ, — покрѣпче, и молчите!

— Еще одно. Десять тысячь, что были при Селльенѣ, потеряны. Мы замѣтили это тогда только, когда разрѣзали на немъ сюртукъ.

— Какъ они могли потеряться, если вамъ пришлось разрѣзать на немъ сюртукъ?

Готтгольдъ не отвѣчалъ; онъ едва не упалъ разъ въ обморокъ дорогою и теперь опять почувствовалъ головокруженіе; ему дѣйствительно нужно было какъ можно крѣпче опереться на руку Вольнофа.

Не безъ труда достигли они гостинницы, гдѣ все было въ величайшемъ волненіи; но Брандова они уже не застали. Онъ по словамъ хозяина, какъ только узналъ о потерѣ денегъ, то сію минуту велѣлъ осѣдлать лошадь и ускакалъ, даже не взглянувъ на ассесора. Онъ говорилъ, что тутъ онъ не принесетъ никакой пользы, а деньги безъ него едва ли найдутся.

— Да и при немъ, пожалуй тоже, пробормоталъ Вольнофъ.

Ассесоръ былъ все въ томъ же положеніи. — Если онъ не опомнится въ скоромъ времени, у насъ нѣтъ никакой надежды спасти его, сказалъ докторъ Лаутербахъ.

Скоро у доктора Лаутербаха оказалось двое паціентовъ. Готтгольдъ упалъ въ обморокъ на постель Селльена.

— Я это предсказывалъ, сказалъ докторъ. — Это чудо, что онъ такъ долго выдержалъ. Дѣйствительно, это ужасный случай.

— Если только это случай, пробормоталъ Вольнофъ.

XXIII.

Для господина Вольнофа и его жены наступили безпокойные дни и ночи. Не смотря на тяжелыя раны ассесора, его все-таки можно было перенести въ домъ Вольнофа, гдѣ конечно ему было удобнѣе во всѣхъ отношеніяхъ, — тогда какъ Готтгольдъ, котораго, сравнительно съ нимъ и раненымъ-то почти было нельзя назвать, долженъ былъ остаться въ гостинницѣ. Онъ лежалъ въ горячкѣ, даже цѣлыми часами въ безпамятствѣ, въ сильномъ бреду; докторъ Лаутербахъ подозрительно качалъ головою и говорилъ о сотрясеніи мозга, въ чемъ нѣтъ ничего невозможнаго, и о внутреннемъ поврежденіи, въ чемъ очень много вѣроятнаго. Господинъ Вольнофъ былъ сильно озабоченъ, и все свободное время, какое только у него было, проводилъ у постели больнаго.

— Болѣзнь ассесора въ сущности очень проста, говорилъ господинъ Вольнофъ; — онъ сломалъ себѣ лѣвое бедро и вывернулъ правую руку; рука успѣшно вправлена, а нога лежитъ въ превосходномъ гипсовомъ станкѣ — за ассесора я не боюсь: его поставите на ноги и вы, женщины. Съ Готтгольдомъ другое дѣло; мы все еще не знаемъ, чѣмъ это кончится, — тутъ я необходимъ.

Оттилія полагала, что онъ будетъ всегда считать себя необходимымъ тамъ, гдѣ будетъ Готтгольдъ; впрочемъ, она ровно ничего не имѣла противъ этого, она сама вполнѣ раздѣляла его; Готтгольдъ былъ для нея все равно, что родной сынъ.

Господинъ Вольнофъ принялъ съ улыбкою это странное признаніе; и та же самая меланхолическая улыбка играла раза два на его серіозномъ лицѣ, въ то время какъ онъ, сидя у постели больнаго, отводилъ у него съ горячаго лба мягкіе, кудрявые волосы и сравнивалъ это прекрасное, то блѣдное, то раскраснѣвшееся лицо съ другимъ лицомъ, которое казалось ему когда-то идеаломъ всего прекраснаго и неизгладимо напечатлѣлось въ его сердцѣ.

И много странныхъ думъ пробуждали въ немъ эти воспоминанія, когда онъ сидѣлъ такимъ образомъ въ долгіе, тихіе часы; думы эти согрѣвали его сердце, но онъ гналъ ихъ отъ себя, потому-что они потрясали ту твердую почву, гдѣ онъ поставилъ себя и свой домъ и гдѣ онъ долженъ быть крѣпко держаться, если не хотѣлъ, чтобы и онъ самъ, и все что было ему ввѣрено, разлетѣлось какъ прахъ по вѣтру. Нѣтъ, нѣтъ! Не только Богу подобало рѣшить, что сдѣланное имъ дѣло — дѣло хорошее, но и человѣкъ долженъ имѣть право говорить такъ о своемъ созданіи, долженъ имѣть возможность сказать это, если желаетъ сохранить силы и мужество, необходимыя для того, чтобъ сберечь сдѣланное. Онъ избралъ свою часть; лучшая она или худшая? все равно! онъ избралъ — ее и конецъ. Не лучшія — худшія натуры тѣ, которыя все еще думаютъ придти къ какому нибудь рѣшенію, когда все уже давно рѣшено.

Но не для *него*, который по лѣтамъ могъ бы быть его сыномъ... котораго бы онъ такъ охотно... нѣтъ, нѣтъ! это не такъ; но онъ любилъ его за то, что онъ такъ добръ и благороденъ, любилъ его, какъ только можетъ человѣкъ любить другаго человѣка, моложе себя, котораго онъ видитъ колеблющимся на томъ самомъ мѣстѣ затруднительнаго жизненнаго пути, гдѣ нѣкогда лилась кровь его собственнаго сердца... Для *него* вѣдь еще ничего не было рѣшено. Развѣ не можетъ рѣшиться такъ, чтобы сердце не истекало кровью, прежде чѣмъ успокоится настолько чтобы понимать голосъ разсудка? Онъ отъ души желаетъ ему счастья, отъ котораго самъ долженъ былъ отказаться! Вѣдь теперь для него ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть полнаго счастья... слишкомъ много прожито такого, что бросаетъ свою тяжелую тѣнь на самое свѣтлое будущее... Но судя по формѣ этого лба, по выраженію этихъ глазъ, — для него можетъ быть существуетъ только единственное возможное счастіе. Оно коренится въ расѣ, въ складѣ мысли, чувства, унаслѣдованныхъ изъ поколѣнія въ поколѣніе отъ тѣхъ древнихъ германцевъ, одѣвавшихся въ медвѣжьи кожи, которые — вмѣсто того чтобы улучшать свое бѣдное отечество — запросто бросали его, сражались, приковавъ себя другъ къ другу цѣпями, а въ игрѣ скорѣе соглашались проиграть самихъ себя, чѣмъ сдѣлать уступку несчастію. Да, таковъ и *онъ*, сынъ такого же отца, такой же матери, которые оба погибли подъ напоромъ чувствъ, недопускающихъ торга и сдѣлки! Конечно, тутъ положеніе дѣла совсѣмъ не то; тутъ играютъ роль такія обстоятельства, какихъ тогда совершенно не существовало, — обстоятельства, дѣлающія, повидимому, то, что онъ иначе рѣшительно осудилъ бы какъ преступленіе противъ общества, почти подвигомъ человѣко-

любія—необходимостью; а все-таки въ его глазахъ это была печальная необходимость.

Конечно съ этой стороны почти все ограничивалось предположеніемъ—и должно было оставаться предположеніемъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока жертвы того несчастнаго приключенія на пустоши не будутъ въ состояніи сказать, что они знали сами, что они могли замѣтить прежде и послѣ этого. Правда, показаніямъ ассесора можно было придать только самое ничтожное значеніе,—изъ немногихъ словъ, сказанныхъ Готтгольдомъ въ первый вечеръ, было достаточно ясно, что его спутникъ находился почти что въ безсознательномъ состояніи, и дѣйствительно, когда онъ уже могъ ясно думать и говорить, то остался при рѣшительномъ показаніи, что ровно ничего не знаетъ и по всей вѣроятности крѣпко спалъ до самой катастрофы. Но Готтгольдъ, который съ своимъ трезвымъ, тонкимъ чувствомъ художника, безъ сомнѣнія все видѣлъ, слышалъ и наблюдалъ, если только вообще было что видѣть, слышать и наблюдать... онъ навѣрное могъ дать такіе матеріалы, какими съумѣлъ бы воспользоваться умный, дѣятельный слѣдователь.

Но къ числу такихъ слѣдователей едва ли можно было причислить совѣтника юстиціи фонъ Цаденига изъ главнаго города на островѣ, въ чьемъ округѣ случилось происшествіе. Господинъ совѣтникъ юстиціи ни съ какой стороны не видѣлъ въ этомъ случаѣ ничего особеннаго. Что экипажи опрокидываются въ болѣе или менѣе опасныхъ мѣстахъ и при этомъ теряются бумажники, съ этимъ долженъ согласиться всякій; а что по дорогѣ черезъ долланскую пустошь есть такія мѣста, извѣстное дѣло, по крайней мѣрѣ для него—совѣтника юстиціи фонъ Цаденига—онъ знаетъ исторію двоюродныхъ братьевъ Венгофовъ, театромъ которой вѣдь отчасти была и долланская пустошь,—отлично знаетъ, какъ и всякій другой, кто подобно ему, происходитъ изъ старинныхъ фамилій острова. Брандовы не изъ древней фамиліи, и нельзя вполнѣ оправдывать способъ, какимъ они въ свое время завладѣли Далицамъ; но вѣдь Далицъ больше не принадлежитъ имъ, и прицѣпляться къ Карлу Брандову за неисправность долланскихъ дорогъ, по которымъ три или четыре поколѣнія Венгофовъ безпрепятственно катались взадъ и впередъ, онъ — совѣтникъ юстиціи фонъ Цаденигъ — считаетъ непозволительнымъ, тѣмъ болѣе что обвиненіе главнымъ образомъ падало не на Брандова, а на его собственнаго зятя, господина ландрата фонъ Свантевита изъ Свантевита— и ему-то въ послѣдней инстанціи придется, конечно, отвѣчать за состояніе общинныхъ и окружныхъ дорогъ. Но такъ какъ господинъ Вольнофъ, къ уму и почтенному имени котораго онъ питаетъ величайшее уваженіе, думаетъ, что происшествіе должно быть разслѣдовано на мѣстѣ, то онъ тотчасъ же командируетъ для этой цѣли рефендарія фонъ Палена и даже дастъ ему жандарма; это обыкновенно придаетъ всей обстановкѣ особенно оффиціальный и торжественный вкусъ,—онъ надѣется, что господинъ Вольнофъ будетъ доволенъ этимъ.

Господинъ Вольнофъ былъ доволенъ, потому что добился отъ безпечнаго, но тѣмъ не менѣе отличнаго старика, всего, чего только можно было добиться, и справивъ еще нѣкоторыя дѣла, вернулся въ Прору. Въ дверяхъ гостинницы Фюрстенгофъ онъ столкнулся съ Карломъ Брандовомъ, который сегодня, какъ и всѣ предъидущіе дни, пріѣзжалъ верхомъ—лично справиться о состояніи больныхъ.

— Все идетъ превосходно! вскрикнулъ онъ, встрѣтясь съ Вольнофомъ.—Вотъ ужъ съ часъ, какъ его голова совершенно ясна. Я не пробовалъ пробраться къ нему, — ибо думаю, что не смотря на это, все таки надо отстранять отъ него самое малѣйшее волненіе; но я говорилъ съ Лаутербахомъ—тотъ въ большомъ горѣ. Онъ ожидалъ воспаленія мозга—и вдругъ видитъ, что оно отъ него ушло. И Селльену, сравнительно говоря, хорошо, сегодня я могу ѣхать домой съ облегченнымъ сердцемъ. Какъ рада будетъ моя жена! Я можетъ быть привезу ее завтра. Ваша супруга уже дала свое позволеніе на это. Итакъ, до свиданія, господинъ Вольнофъ, до свиданія!

— Чистокровная лошадь этотъ рыжій меринъ, сказалъ трактирный слуга, глядя вслѣдъ скачущему въ галопъ всаднику,—а все же онъ дрянь насупротивъ того жеребца, на которомъ онъ пріѣзжалъ въ воскресенье ночью; вотъ-та такъ капитальная лошадь!

Взоръ Вольнофа также слѣдилъ за стройнымъ всадникомъ, такъ спокойно и увѣренно сидѣвшемъ въ сѣдлѣ. «Если онъ такой мерзавецъ, какимъ я его считаю, плохо ему придется. Надобно сдѣлать такъ, чтобъ Готтгольдъ ничего не замѣтилъ; это страшно взволновало бы его, да къ тому же еще безъ основанія. Я по крайней мѣрѣ, хочу найти «основаніе повѣрнѣе» *). Конечно, для этого не годится драма; силокъ, въ который попался бы этотъ мошенникъ, долженъ быть похитрѣе сдѣланъ».

Готтгольдъ протянулъ своему другу, когда тотъ вошелъ къ нему, слабую, но не лихорадочную руку.

— Возмите, сказалъ онъ,—пощупайте сами. Теперь, этимъ рукопожатіемъ позвольте благодарить васъ за всю вашу любовь. Я не настолько былъ лишенъ сознанія, чтобы сквозь фантастическій безумный бредъ, который мучилъ меня, не узнавать, отъ времени до времени, вашего лица, всегда съ однимъ и тѣмъ же чудеснымъ выраженіемъ сострраданія, о которомъ я буду вспоминать съ благодарностію всю свою жизнь.

Голосъ Готтгольда дрожалъ, въ глазахъ блестѣли слёзы. — Это не болѣзненная слабость, сказалъ онъ, — я признаюсь, что это такое: это могущественная сила новаго для меня чувства. Мнѣ такъ рѣдко приходилось благодарить за тѣ одолженія, какія оказываетъ намъ любовь. Та, которая для другихъ людей служитъ всю жизнь образомъ самоотверженной любви,—мать умерла у меня такъ рано—я едва помню ее; отъ отца отдѣляла меня, какъ я долженъ предполагать, непроходимая пропасть; и вотъ уже десять лѣтъ какъ я скитаюсь по свѣту—тысяча различныхъ обстоятельствъ, тысяча различныхъ отношеній, постоянно ставятъ меня въ оживленныя сношенія съ людьми среди большаго кружка друзей, часто даже дѣлаютъ средоточіемъ этого кружка, но не смотря на то, въ сокровенной глубинѣ моей души я все таки одинокъ — одинокъ и жажду любви; и эту-то любовь далъ мнѣ, такъ поздно, человѣкъ который увидалъ меня первый разъ всего нѣсколько дней тому назадъ, котораго я также до тѣхъ поръ никогда не видалъ и не имѣлъ съ нимъ ничего общаго кромѣ самыхъ обыкновенныхъ дѣловыхъ отношеній.

Серіозное смуглое лицо купца выражало глубокое внутреннее волненіе, когда послѣ короткой паузы онъ съ какимъ-то особеннымъ мягкимъ и тихимъ выраженіемъ, составлявшимъ отличительную черту его голоса, сказалъ:

— А что если я васъ, а вы меня видѣли въ первый разъ не нѣсколько дней тому назадъ; что если я качалъ васъ на рукахъ, когда вы были четырехъ - пятилѣтнимъ мальчикомъ,—если участіе, которое я въ васъ принимаю,

*) Слова Гамлета, когда онъ хочетъ испытать братоубійцу Клавдія театральнымъ представленіемъ этого убійства по сценѣ.

Встрѣча съ зубромъ въ Бѣловѣжской пущѣ. Композиція и рисунокъ Н. Каразина, грав. К. Вейерманъ.

основывается на болѣе глубокихъ причинахъ, чѣмъ наши дѣловыя отношенія,—если оно связано со всѣмъ, что составляло поэзію и блескъ моей жизни: что тогда, мой милый молодой другъ, что тогда?

— Вы знали мою мать? спросилъ Готтгольдъ, полный ожиданія,—вѣдь вы должны были ее знать!

— Я зналъ ее и.. любилъ. Знать ее и любить—значило для меня тогда одно и то же, да даже и въ эту минуту это кажется мнѣ такъ же тѣсно связаннымъ какъ свѣтъ и тепло.

— А моя мать—любила васъ? Откройте мнѣ это, разрѣшите мнѣ загадку насчетъ отношеній моихъ родителей, которую я и теперь еще не могу рѣшить.

Вольнофъ покачалъ головой.—Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ онъ,—этого не было; и если одну минуту мнѣ и казалось такъ, то это именно былъ обманъ моихъ чувствъ,—и я, хотя и съ болью въ сердцѣ, считаю гордостью моей жизни, что я не допустилъ этому обману ослѣпить меня, что онъ не помѣшалъ мнѣ разглядѣть тотъ суровый путь, по которому заставлялъ меня идти мой долгъ, моя честь.

— Вы затемняете загадку, вмѣсто того чтобы разрѣшить ее, сказалъ Готтгольдъ.

— Мнѣ и самому до сей минуты все остается загадочнымъ въ этой драмѣ, возразилъ Вольнофъ, закрывая глаза рукой;—одно только было мнѣ понятно,—это то, что человѣкъ такого закала какъ вашъ отецъ, такой высоко-даровитый, воспламененный святой страстью правды человѣкъ, долженъ былъ возбудить безпредѣльную любовь въ сердцѣ вашей матери, не менѣе одушевленной высокими стремленіями. Говорю вамъ мой другъ, если когда нибудь существовала любовь, какъ вы изображали ее недавно, то это именно та, которая влекла другъ къ другу эти оба прекрасныя, избранныя существа, подобно тому какъ два пламени стремятся на встрѣчу одно къ другому. Свидѣтели этого чуднаго зрѣлища стояли очарованные и говорили: иначе не можетъ быть! Мой бѣдный возлюбленный Эдуардъ говорилъ то же самое; для него это былъ смертный приговоръ. Я тоже говорилъ это—и мнѣ казалось, что у меня разорвется сердце; но мое сердце сильнѣе, чѣмъ я думалъ, да къ тому же еще мнѣ хотѣлось жить! А въ такомъ случаѣ, мой другъ, ужь будетъ житься, хотя сначала эта жалкая жизнь и очень тяжела.

Вольнофъ замолчалъ, такъ какъ онъ чувствовалъ, что не могъ больше говорить, сколько нибудь владѣя собой. Немного погодя онъ снова продолжалъ:

— Въ эту минуту я не въ состояніи судить, правъ ли я, позволивъ себѣ увлечься передъ вами этими предметами; но конечно я былъ бы не правъ—передъ памятью вашихъ родителей, передъ вами, дорогой молодой другъ, даже передъ самимъ собой,—еслибы не сказалъ теперь всего; хотя этого всего и очень мало, но это малое страшно значительно для разгадки печальной неизвѣстности человѣческой судьбы.

Прекрасная молодая чета пріѣхала сюда; я опять увидѣлъ ихъ немного лѣтъ спустя, когда мои торговыя дѣла призвали меня въ эту сторону. Встрѣча была случайна, потому-что я навѣрное постарался бы избѣжать ее, зная, что она ничего не дастъ мнѣ кромѣ сердечной боли. Но когда я проѣзжалъ черезъ Ramминъ, противъ самаго пасторскаго дома у моего экипажа сломилось колесо. Я упалъ съ размаху, такъ что вывихнулъ себѣ руку, и принужденъ былъ пользоваться нѣсколько недѣль гостепріимствомъ вашихъ родителей. Я какъ теперь вижу передъ собой курчаваго больше-глазаго мальчика, весело игравшаго у ногъ своей матери, между клумбами астръ подъ лучами осенняго солнца. Онъ, слава Богу, не подозрѣвалъ: что значилъ мрачный взглядъ, который молодая, прекрасная мать такъ часто устремляла черезъ игравшаго ребенка, въ пустую даль. Увы, для нея не цвѣли цвѣты, для нея не свѣтило яркое солнце! вокругъ нея все было темно; темно было и въ ней самой, въ ея молодомъ горячемъ сердцѣ. И такая же тьма была и въ страстномъ сердцѣ мужа, котораго она нѣкогда такъ страстно любила, да и онъ ее тоже, а между тѣмъ—я твердо увѣренъ въ этомъ—они любили другъ друга съ такой же страстью и въ эту минуту, когда имъ казалось, когда они можетъ быть вѣрили, что ненавидятъ другъ друга. Ахъ, милый другъ, я не хочу читать проповѣди, не хочу опять возобновлять нашего спора; но что же мнѣ остается дѣлать, какъ не дотронуться до раны и не сказать: здѣсь опять повторяется примѣръ тѣхъ непомѣрныхъ требованій, вслѣдствіе которыхъ мы не удовлетворяемся тѣмъ что есть, не хотимъ снизойти до того чтобы создать возможное изъ того матеріала который находится на лицо—но отрѣшаясь отъ естественныхъ условій, стремимся къ осуществленію фантастическаго идеала. Обѣ эти чудесныя личности, такъ много обѣщавшія другъ другу, способныя такъ много дать другъ другу, считали это многое ничѣмъ, потому-что оно но составляло всего. Онъ, въ ея глазахъ, долженъ былъ быть не только служителемъ Бога, передъ которымъ она прежде благоговѣйно преклоняла колѣна, но еще долженъ былъ обладать всѣми добродѣтелями, какими только когда либо восхищалась въ мужчинѣ, она, умная, привлекавшая толпу поклонниковъ, дѣвушка. Въ его же глазахъ, она съ своей стороны, ко всѣмъ прелестямъ какими природа расточительно украшала ее, должна была быть окружена—я не знаю, какимъ-то мистическимъ ореоломъ, безъ котораго вся ея земная красота не имѣла значеніи для восторженно-мечтательнаго апостола. И вмѣсто того, чтобы попытаться нѣжной предупредительностью, терпѣніемъ, кротостью, сколько возможно уравновѣсить неизбѣжное различіе характеровъ и, благоговѣя передъ всемогущей силой, которой мы составляемъ только частицу, не обращать вниманія на оставшіяся неровности, которыя такъ или иначе всегда окажутся на лицо,—каждый изъ нихъ съ роковымъ упорствомъ все болѣе и болѣе давалъ ходу особеннымъ свойствамъ своей природы. Онъ хотѣлъ, чтобы жизненный смыслъ вещей лишь отражался въ умѣ его, какъ въ зеркалѣ; она, слишкомъ гордая, чтобы быть тщеславной, говорила, что ея зеркало говоритъ ей, что она молода и хороша да и божій свѣтъ тоже, на зло всѣмъ святошамъ и ипохондрикамъ. И вотъ, въ тихомъ пасторскомъ домѣ въ маленькой деревенькѣ, на островѣ, въ то время почти совсѣмъ отрѣзанномъ отъ сообщенія съ постороннимъ міромъ, завязалась эта странная, глухая борьба. Удивительно-ли, что оба несчастныя существа исходили кровью изъ своихъ глубокихъ ранъ, и изошли бы совсѣмъ, еслибы—не разстались во время, думаетъ и говоритъ свѣтъ въ подобныхъ случаяхъ. Что касается до меня, я думалъ не такъ. Я сказалъ себѣ: эти два человѣка никогда не забудутъ и никогда не перестанутъ существовать другъ для друга, если бы они поставили между собой цѣлый міръ; а послѣ нихъ, всѣхъ больше придется каяться тому, кто будетъ настолько безуменъ, чтобы способствовать этой разлукѣ. Такъ я сказалъ и молодой женщинѣ, которая не могла или не хотѣла скрывать передо мной своихъ страданій; я говорилъ съ ней—что я считалъ своимъ долгомъ—съ горячей убѣдительностью; и, вѣдь кажется мнѣ можно признаться въ этомъ: говоря такъ, я заглушалъ голосъ не

моего убѣжденія, а моего сердца, которое во время этихъ непостижимыхъ сценъ, казалось, готово было вырваться изъ моей напряженной груди. Я только тогда узналъ, что прежде чѣмъ явился ея настоящій суженый, я былъ гораздо ближе сердцу прелестной дѣвушки, чѣмъ когда либо надѣялся или осмѣлился бы подозрѣвать; — я узналъ это изъ отрывочныхъ словъ, намековъ, вырывавшихся изъ горячаго, страстнаго сероца, какъ искры изъ пылающаго огня. Что меня охватилъ этотъ огонь—могу ли я отрицать это! Что мнѣ невыразимо трудно было бороться съ нимъ—и это я могу сказать безъ всякаго преувеличенія. Да, мой другъ, я боролся какъ мой праотецъ въ ту полную чудесъ ночь, и какъ онъ—извлекъ изъ своей высоко-подымавшейся груди волшебно - могущественныя слова: «Я не пущу Тебя, пока не благословишь меня!»

И развѣ это не было благословеніемъ, что, не говоря уже обо мнѣ, частица спокойствія, изъ-за котораго я такъ тяжело боролся, перешла въ душу молодой женщины, предававшейся отчаянію? что она... а въ подобномъ положеніи это все... выиграла время, чтобы опомниться, подумать о томъ чѣмъ она нѣкогда обладала, спросить себя: не можетъ ли она вновь, если захочетъ, обладать имъ? Я не забуду выраженія, съ какимъ она взглянула на меня, подавая мнѣ на прощаньи руку; въ этомъ глубоко-грустномъ, задушевномъ взглядѣ, мерцала надежда. Я будто еще слышу, какъ она своимъ милымъ голосомъ говоритъ слова, бывшія для меня самой щедрой наградой—за все-что я выстрадалъ, слова: «благодарю васъ, мой другъ!»

— И я благодарю васъ, сказалъ Готтгольдъ, хватая руку глубоко растроганнаго человѣка и горячо пожимая ее;—отъ всего сердца благодарю васъ, потому-что вы дѣйствовали по вашему убѣжденію, — а что же можетъ больше сдѣлать человѣкъ? если даже вы и не помѣшали моей бѣдной матери умереть отъ разбитаго сердца.

Вольнофъ мрачно глядѣлъ внизъ; Готтгольдъ продолжалъ съ горькой улыбкой:

— Конечно, еще лучше умереть такъ, умереть въ молодости, чѣмъ жить съ разбитымъ сердцемъ, на мученье себѣ, да не на радость и другимъ, какъ это выпало на долю моего несчастнаго отца. Онъ не могъ примириться даже съ тѣнью моей матери! Иначе онъ не сказалъ бы съ поблѣднѣвшими губами, когда однажды, сильно разсердившись, оттолкнулъ меня отъ себя: «ты весь въ мать!» Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, я уважаю вашу мудрость; но мнѣ кажется, надо родиться мудрымъ... научиться этому нельзя.

— Особенно въ одинъ урокъ, сказалъ Вольнофъ серіознымъ дружескимъ тономъ,—да и долго же онъ продолжался, слишкомъ долго, если взять во вниманіе состояніе ученика.

Готтгольдъ не соглашался съ этимъ; онъ увѣрялъ, что чувствуетъ себя отлично, и что онъ достаточно силенъ, чтобы еще долго продолжать бесѣду, да и тема эта имѣетъ для него магическій интересъ.

— Поэтому-то именно и надо ее оставить, возразилъ Вольнофъ,—а если въ самомъ дѣлѣ вы не очень утомились, отвѣтьте-ка мнѣ лучше вопроса на два, относительва вашей несчастной поѣздки. Признаюсь, я дѣлаю ихъ вамъ почти что по порученію высшаго начальства. По крайней мѣрѣ, совѣтникъ юстиціи фонъ-Цаденигъ увѣряетъ, что безъ вашихъ показаній нельзя сдѣлать ни шагу въ этомъ несчастномъ дѣлѣ, и просилъ меня нѣкоторымъ образомъ внести ихъ въ протоколъ.

Готтгольдъ съ удивленіемъ взглянулъ на него.—«Въ чемъ дѣло?»

(Продолженіе будетъ).

Встрѣча съ зубромъ въ Бѣловѣжской пущѣ.

(Изъ записокъ лѣсничаго).

Я плотно закусилъ и выпилъ у жида «Янкеля» въ «Зеленой корчмѣ» и собирался ѣхать дальше. Хозяинъ корчмы возился на дворѣ, запрягая мою сѣрую лошадку «Снѣгурку» въ маленькія крестьянскія санки.

За перегородкою, согнувшись надъ громаднымъ корытомъ, жена Янкеля, высокая и худая какъ жердь «Рахиль», намыливала вонючимъ мыломъ какія-то разноцвѣтныя тряпки; на большой, двуспальной кровати валялись въ разнообразныхъ позахъ многочисленные наслѣдники хозяйской четы: самые маленькіе изъ нихъ что-то жевали, постарше—въ запуски охотились за многочисленными-же полчищами откормленныхъ клоповъ, густо-насѣлявшихъ всѣ щели кровати. У самаго окна, на узкой скамьѣ сидѣлъ старый, сѣдой крестьянинъ и усердно чинилъ свои протоптанные лапти. Въ корчмѣ пахло смѣсью чеснока, мыла, гари и дешеваго листоваго табаку; послѣднее отъ того, что старикъ полѣшанинъ не выпускалъ изо рта маленькой трубочки, такъ-называемой—носогрѣйки.

«Зеленая» корчма, въ которой я провелъ ночь, находилась (да, вѣроятно, находится и въ настоящую минуту) на одной изъ проселочныхъ, едва проѣздныхъ дорогъ, перерѣзывающихъ знаменитую «Бѣловѣжскую пущу». Удаленная отъ жилыхъ мѣстъ, корчма эта одиноко пріютилась подъ сѣнью столѣтнихъ дубовъ и буковъ, и гостепріимно отворяла свою низкую закопченую дверь всякому, желающему укрыться отъ непогоды, метели, дождя, или же темной, непривѣтливой ночи. Послѣднее обстоятельство заставило и меня провести подъ рядъ нѣсколько часовъ въ борьбѣ со всевозможными паразитами.

— Ну, панъ можетъ ѣхать, произнесъ Янкель, появившись на порогѣ:—кобыла его выкормилась, отдохнула и побѣжитъ отлично... Да и какъ же холодно! охъ, вей! какъ холодно!...

Янкель потиралъ свои костлявыя руки и топтался у порога.

— А что, продолжалъ онъ,—чи панъ выпьетъ еще на дорогу килишекъ (стаканчикъ) доброй наливки? У меня есть прошлогодняя, вишневка... Рахиль! а нука! гдѣ ты тамъ?... Или нѣтъ, ужъ лучше я заодно сбѣгаю самъ. И Янкель, хлопнувъ дверью, скрылся въ какомъ-то темномъ чуланчикѣ.

— Что я хочу сказать, началъ старикъ, чинившій лапти,—панъ лѣсомъ поѣдетъ—и пусть панъ не спитъ, а то не хорошо будетъ...

— А чтожъ можетъ случиться? спросилъ я, заинтересовавшись этимъ предостереженіемъ.

— А то, что тамъ опять бродитъ сѣдой сатана—и такъ безчинствуетъ, что просто страсть!

Я понялъ, что рѣчь шла о какомъ нибудь одинокомъ

старомъ зубрѣ, которые, частенько, бродя близь проѣзжихъ дорогъ, продѣлываютъ съ путниками, весьма непріятныя для послѣднихъ, штуки.

— Развѣ недавно случилось что нибудь?

— Да вотъ, третьяго дня, изъ нашей деревни крестьяне ѣхали съ сѣномъ на четырехъ возахъ, и натолкнулись у криваго болота на здоровеннаго бычища: полторы версты провожалъ онъ ихъ, проклятый. Одного страху что натерпѣлись; только и отдѣлались тѣмъ, что полъ-воза сѣна сбросили ему на дорогу... а то—просто бѣда бы была, вотъ что!...

— А нашего Мордко, вставила свою рѣчь изъ-за перегородки высокая Рахиль,—такъ того совсѣмъ не живаго привезли изъ лѣсу; и лошадь его прибѣжала съ пробитымъ бокомъ.

— Да и вчера вотъ-тоже, перебилъ крестьянинъ, обуваясь,—за объѣзднымъ погнался: ужь на что добрая лошадь у объѣзднаго-то, а едва ускакалъ отъ быка.

— И какъ же, Боже ты мой! они на ногу легки, произнесъ хозяинъ, снова появившись съ какой-то темной бутылью въ рукахъ;—смотрѣть на него—какая туша, а прыгаетъ—ну точно козелъ. Я разъ видѣлъ, такъ чуть не умеръ со страха.

— Оно точно, кому не въ привычку—страшно, замѣтилъ крестьянинъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, напутствуемый всевозможными предостереженіями, я выѣхалъ изъ воротъ корчминскаго дворика, а скоро высокая труба, торчащая на верху заваленной снѣгомъ крыши, скрылась между массами корявыхъ стволовъ вѣковѣчнаго лѣса.

Надо замѣтить, что вообще зубры—животныя необладающія особенно свирѣпымъ нравомъ. Они робко относятся къ приближенію человѣка и охотно уступаютъ ему дорогу, особенно если ихъ не затрогиваютъ; но въ крайности, когда имъ некуда дѣться отъ настойчиваго преслѣдованія врага, они приходятъ въ бѣшенство и тогда.... берегись неосторожный преслѣдователь: ярость этихъ животныхъ, соединенная съ колосальною силою, дѣлаетъ изъ нихъ нѣчто ужасное, передъ чѣмъ поблѣднѣетъ самый неустрашимый противникъ. Особенно страшна встрѣча со старыми быками, прогнанными изъ стада остальными членами. Лишенные всѣхъ радостей семейной и общественной жизни, эти сѣдогривые отшельники угрюмо бродятъ по одиночкѣ, и нетолько не избѣгаютъ человѣка, но нарочно ищутъ встрѣчи съ нимъ, держась по близости проѣзжихъ, лѣсныхъ дорогъ.

Уже часа два ѣхалъ я лѣсомъ. Утро было сѣрое, туманное; оголенныя вѣтки деревьевъ густою черною сѣтью заслоняли небо. Глухо каркая, хлопая мокрыми крыльями, съ сукна на сучокъ перелетали вороны, и ихъ зловѣщее карканье уныло разносилось по лѣсу. Слегка оттаявшая дорога едва замѣтнымъ слѣдомъ змѣилась впереди, исчезая въ лѣсной чащѣ. Лошадка моя бѣжала бойко, саночки поминутно подпрыгивали по корнямъ. Въ воздухѣ кружились и мелькали бѣлыя точки.

Вдругъ моя смирная и уже вовсе не пугливая кобыла начала боязливо похрапывать и поводить ушами. Я ободрилъ ее голосомъ и началъ пристально всматриваться въ окрестности; сперва я ничего не замѣчалъ подозрительнаго, потомъ я увидѣлъ, что изъ-за раскидистаго куста орѣшника, почти у самой дороги показалась какая-то темная масса. Лошадь шарахнулась въ сторону, чуть-чуть не опрокинула саней и стала, дрожа всѣмъ тѣломъ; густой паръ валилъ отъ вспотѣвшихъ боковъ бѣднаго животнаго. Въ ту же минуту громадный зубръ-быкъ, тяжело вытаскивая ноги изъ глубокаго снѣга, выбрался на дорогу и сталъ бокомъ ко мнѣ, злобно косясь своими маленькими, свирѣпыми глазами. Разстояніе, отдѣлявшее насъ, было не болѣе двадцати шаговъ. Первымъ моимъ намѣреніемъ было разогнать лошадь и броситься прямо на встрѣчу животнаго, испугать его этимъ стремительнымъ движеніемъ, и потомъ гнать по дорогѣ насколько хватитъ силъ у моей лошади.

Я пошевелилъ возжами, ударилъ кнутомъ и громко закричалъ; лошадь рванулась, но въ ту же секунду—густое облако снѣжной пыли взвилось у меня передъ глазами. Я видѣлъ только высоко-поднятый хвостъ быка и слышалъ глухой ударъ одной живой массы о другую.

Надо было думать о личномъ спасеніи. Я соскочилъ съ саней, запутался ногами въ возжахъ, но по счастію сейчасъ же освободился и бросился въ чащу. Первое что мнѣ бросилось въ глаза, это былъ вывороченный вѣтромъ, массивный корень стараго дуба; я вскарабкался на него и сѣлъ, да и было уже время. Зубръ бросилъ несчастную, истерзанную лошадь, съ переломленной ногою, съ вывороченными внутренности,—и кинулся за мной. Къ счастію,—высота моего убѣжища была около трехъ аршинъ, и звѣрь не могъ достать меня своими рогами, хотя я нагнувшись могъ дотронутся рукою до его всклоченной гривы.

Лошадь нѣсколько разъ порывалась вскочить на ноги, но это были безполезныя усилія: она была смертельна ранена. Каждая подобная попытка обращала на нее ярость зубра, который снова кидался на нее, наносилъ ей страшные удары рогами и снова возвращался ко мнѣ, безплодно терзая мое несокрушимое укрѣпленіе. Все это сопровождалось глухимъ ревомъ, похожимъ чрезвычайно на свиное хрюканье.

Меня выручили только къ ночи, случайно, проѣзжіе крестьяне: ихъ было человѣкъ двадцать и они тянулись длиннымъ обозомъ. Приближеніе этаго большаго общества, казалось, навело раздумье на стараго разбойника, и онъ уступилъ поле битвы, удалившись медленно въ чащу.

Н. Каразинъ.

Труженики нашего времени.

III. Сторожъ на желѣзной дорогѣ.

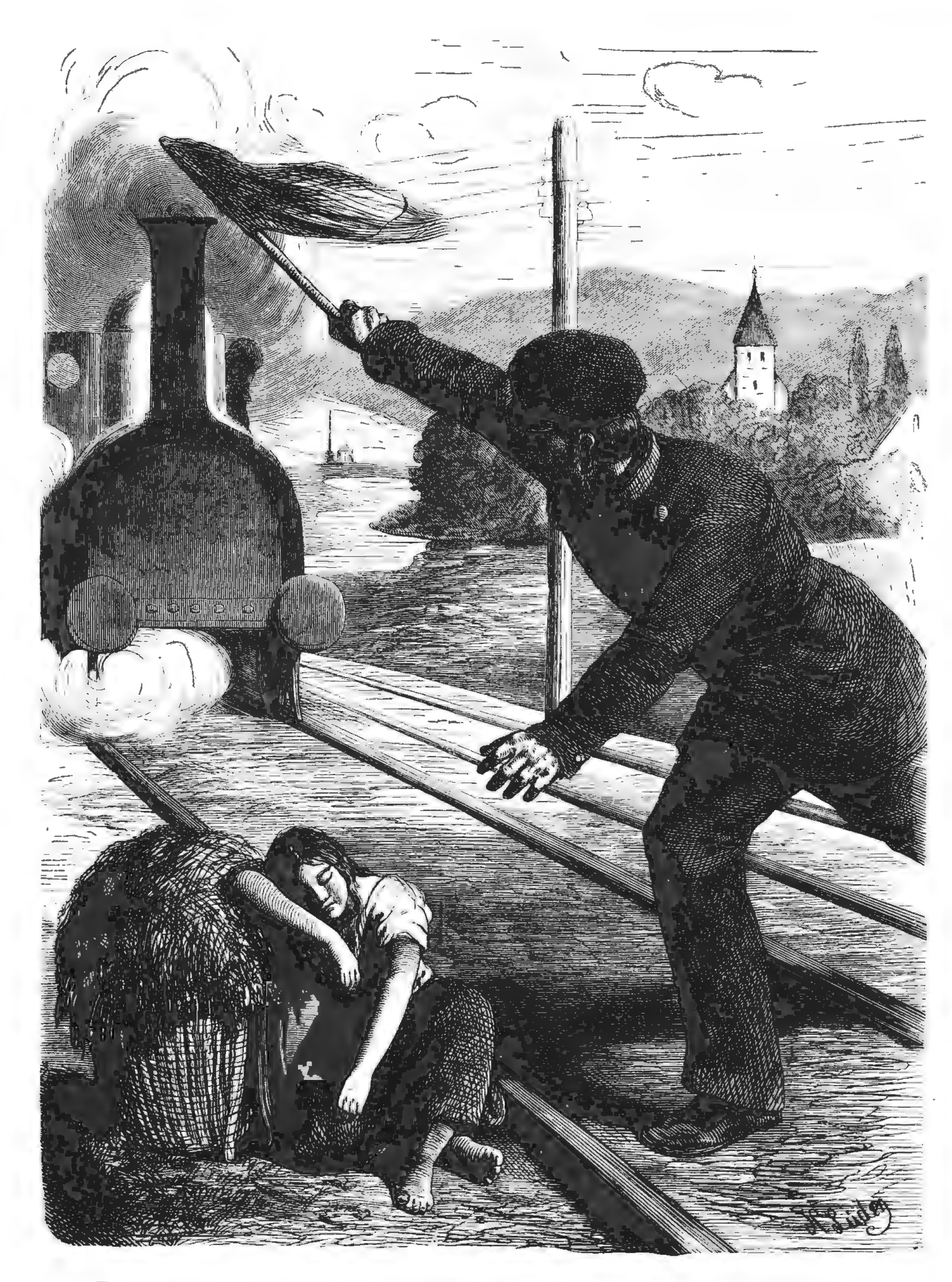
Какъ различны обязанности служащихъ при желѣзныхъ дорогахъ! Въ то время какъ быстрый, неутомимый паровой конь, со всѣми его хорошими и дурными качествами, сданъ на руки кондуктору локомотива,—неподвижное, холодное полотно дороги съ его спокойными рельсами находится на попеченіи дорожнаго сторожа. Эта вьющаяся лента, мертвая на наши глаза, въ глазахъ дорожнаго сторожа движется, даже можно сказать *живетъ*, и вся его задача въ томъ, чтобы слѣдить за этой жизнью въ самыхъ мельчайшихъ ея проявленіяхъ. Мы конечно не видимъ, какъ жаръ и морозъ расширяютъ или сжимаютъ рельсы, какъ каждый пробѣгающій мимо поѣздъ стираетъ съ нихъ два фунта желѣза, исчезающаго въ пространствѣ ввидѣ пыли. Точно также мы не видимъ какъ ржав-

чина ѣстъ рельсы, гвозди, болты, гайки и винты, какъ потихоньку подгниваютъ шпалы,—а сторожъ видитъ все это, *долженъ* видѣть. Вотъ онъ идетъ вдоль полотна съ инструментомъ въ рукахъ и пробуетъ рельсы. Иногда онъ сквозь зубы пускается въ разговоры съ своими питомцами.

Онъ замѣчаетъ, гдѣ лежитъ рельсъ.

— Посмотрю-ка, что сталось съ твоей вчерашней трещиной, продолжаетъ онъ свою бесѣду, пройдя довольно большое пространство молча, внимательно устремляя глаза во всѣ стороны.

— Да, тебя слѣдуетъ убрать, говоритъ онъ, останав-



Труженики нашего времени. III. Сторожъ на желѣзной дорогѣ.

— Погоди-ка, я гвоздь-то покрѣпче вобью тебѣ въ голову, смѣй у меня шататься! говоритъ онъ самъ съ собой, сопровождая свои слова здоровенными ударами молота.

— Гмъ, ты вотъ ужь который день не больно мнѣ нравишься, говоритъ онъ другому рельсу,—тебя надо будетъ показать начальнику станціи. Вишь, какой тонкій! пусть его распоряжается съ тобой какъ знаетъ, а я свое дѣло сдѣлалъ.

ливаясь передъ рельсомъ,—вонъ ужъ лежитъ и твой преемникъ; хоть онъ и не блеститъ такъ какъ ты, за то здоровъ какъ рыба въ водѣ. А ужь колеса товарнаго поѣзда отполируютъ его.

— А! несете негодника, что намеднись лопнулъ, чуть не во всю ширину? ничего, въ ломъ годится, говоритъ онъ, немного погодя, двумъ работникамъ, которые идутъ по дорогѣ съ заступомъ и лопатой и несутъ рельсъ.—Хорошо, что я увидѣлъ его прежде, чѣмъ онъ попался на

глаза начальнику, а то чего добраго и самому инспектору. Ну, несите, а ночью уберете вонъ и тотъ.—Чтожъ это поѣздъ нейдетъ? продолжаетъ самъ съ собой сторожъ и оглядывается.—Сигналы ужъ давно выставлены. А, вонъ, идетъ!

Тоненькій бѣлый дымокъ показывается вдали между безконечными рельсами. Въ ту же минуту изъ ближняго сторожеваго домика выходитъ молодецъ въ рабочей блузѣ и мѣрно направляется къ переводнымъ стрѣлкамъ, лежащимъ шагахъ въ тридцати отъ домика; а сторожъ-то уже подлѣ нихъ, стоитъ и посматриваетъ по сторонамъ. Еще одна минута, и поѣздъ несется мимо, свертываетъ на поворотные рельсы и летитъ къ станціи.

— Экъ его деретъ! говоритъ сторожъ молодому переводчику, проводя рукой по загорѣлому лбу.—Я думалъ—ты въ сторожкѣ увидалъ меня изъ окна; пусть, думаешь, поставитъ онъ вмѣсто меня, благо онъ тамъ. Только вотъ что: разъ на всегда говорю тебѣ, *я и не дотронулся бы до нихъ*. Одна уже мысль о томъ, что ты можешь разсчитывать, будто я стану ставить за тебя переводы, сковала бы мнѣ руки.

— Да развѣ я не пришелъ? Не понимаю, къ чему ты говоришь все это!

— Такъ, Андрюша, пришло на умъ, я и говорю. Ты знаешь, что никто не долженъ ставить переводовъ кромѣ тебя; ты ихъ поставилъ и всегда будешь ихъ ставить, кто бы при нихъ не стоялъ. Ты не долженъ ни на кого полагаться, даже на отца,—потому-что *ты* у насъ переводчикъ, а не кто другой.

— Конечно, продолжаетъ онъ, когда они подошли уже къ сторожевому домику и сынъ убралъ сигналы,—конечно, прежде я справлялъ и твою службу; однако начальство уважило мою просьбу, и мнѣ дало помощника. Прежде я жизни не былъ радъ; не то чтобъ мнѣ слишкомъ много было дѣла, да дѣло-то было больно различное. Вѣчно я жилъ въ страхѣ, что то тамъ чего не досмотрю, то туда не поспѣю во время. Мука эта, слава тебѣ Господи, кончилась; теперь я могу по крайней мѣрѣ сказать, что знаю свою дистанцію какъ свои пять пальцевъ. Вонъ идетъ смѣна, сегодня ночью мы не будемъ дежурить, а вотъ вчера и третьяго дня такъ куда было жутко! Отдыхъ—дѣло доброе, только польемъ-ка напередъ наши цвѣточки!

У счастливцевъ есть позади домика маленькій цвѣтникъ, и пока Андрюша достаетъ и наполняетъ водой лейку, отецъ рапортуетъ начальнику станціи.

Долго толкуютъ они между собою, потому у сторожа много заботъ на сердцѣ. Все что онъ говоритъ—слушаетъ также и пришедшій ему на смѣну сторожъ, который то и дѣло киваетъ соловою въ знакъ согласія. Окончивъ рапортъ и увидавъ, что уже зажжены огни, возвѣщающіе о началѣ ночнаго дежурства, сторожъ спѣшитъ къ своему сыну.

Набросанная картина далеко не представляетъ собой цѣлаго дня изъ жизни сторожа на желѣзной дорогѣ, а только маленькій образчикъ его дѣятельности. Работа этихъ сторожей, а также переводчиковъ и сигналистовъ, весьма многосторонняя, не смотря на ея кажущееся однообразіе. При правильномъ движеніи и при хорошей погодѣ, работа эта еще туда-сюда; но при задержкахъ въ движеніи, при экстренныхъ поѣздахъ, въ туманъ, снѣгъ и вообще непогоду, она требуетъ огромной энергіи со стороны работника,—и только тотъ способенъ хорошо исполнять эту обязанность, у кого, кромѣ толковой головы на плечахъ, бьется въ груди благородное сердце. Каково, стоя на дежурствѣ, прислушиваться къ сигнальному звонку, какъ бы ни бушевала буря! каково зоркимъ глазомъ вглядываться въ оптическій сигналъ, какъ бы ни былъ силенъ туманъ! Сторожъ долженъ не угадывать, а *видѣть*, что сигнальные звонки требуютъ вспомогательной машины или означаютъ что поѣздъ, который долженъ бы былъ придти по *правымъ* рельсамъ, придетъ по *лѣвымъ*. Ни на одну минуту не можетъ онъ развлечься какой нибудь посторонней мыслью; все его вниманіе должно быть приковано къ желѣзно-дорожному полотну, которое именно въ это-то время года и на этомъ пространствѣ нужно беречь какъ малое дитя. Здѣсь шпалы лежатъ не на гранитѣ, а на насыпи съ уступчивымъ грунтомъ. Тамъ скаты не укрѣплены еще предохранительными стѣнками или растительностью, и просачивающаяся въ нихъ вода производитъ осыпаніе насыпи и сдвиженіе шпалъ. А тутъ опять подземные ключи, не совершенно осушенные дренажемъ; незамѣтно просачивается изъ подъ земли вода, подмачиваетъ рельсы, замерзаетъ и постепенно образуетъ ледяной комъ, отъ котораго поѣздъ можетъ сойти съ рельсовъ,—точно такъ же какъ и отъ сброшеннаго на нихъ бурей дерева, обломка скалы сорвавшагося съ крутаго утеса или даже подброшеннаго недоброжелательной рукой камня. Чѣмъ можетъ и чѣмъ долженъ быть сторожъ—это можно видѣть изъ слѣдующаго случая, выбраннаго нами изъ множества другихъ. Тутъ сторожъ оказался точнѣе желѣзно-дорожнаго электрическаго сигнальнаго аппарата.

Это было 26 октября 1870 года. Былъ чудесный осенній день, а между тѣмъ, не смотря на ясную и тихую погоду, день этотъ чуть было не сдѣлался роковымъ для берлинскаго поѣзда № 1 и Кенигсбергскаго экстреннаго поѣзда № 4. Оба поѣзда мчались въ противуположномъ направленіи къ своей цѣли. По росписанію они должны были пересѣчь другъ друга въ Варлубинѣ. Но такъ какъ экстренный Кенигсбергскій поѣздъ опоздалъ на 2 часа 22 минуты,—въ Варлубинѣ это было извѣстно, опоздавшій поѣздъ подалъ сигналъ,—то слѣдовало перенести пересѣченіе поѣздовъ на другую станцію и распорядиться почтовымъ поѣздомъ такъ, чтобы онъ какъ можно менѣе задерживалъ экстренный.

На телеграфѣ закипѣла работа. «Поѣздъ № 4 долженъ ждать!» гласила депеша изъ Варлубина на сосѣднюю станцію Эцервинскъ. «Поѣздъ № 1 можетъ подвинуться впередъ!» пришелъ отвѣтъ изъ Эцервинска, который сдѣлался перекрестной станціей и долженъ былъ отвѣчать за свободу пути. Затѣмъ, два раза повторенные шесть звонковъ электрическаго аппарата возвѣстили прибытіе почтоваго поѣзда. Съ обыкновенной точностью и скоростью прошелъ онъ отъ Варлубина до Эцервинска, а потомъ при возобновленномъ посредствѣ телеграфа продолжалъ путь отъ Эцервинска до Пельплина. Когда онъ пришелъ на станцію Пельплинъ, Кенигсбергскій экстренный поѣздъ уже достигъ сосѣдней станціи Диршау. Но тутъ прервалось единственное быстрое и точное сношеніе между обоими поѣздами, посредствомъ телеграфа, такъ какъ незадолго передъ этимъ онъ пріостановилъ дѣйствіе между Пельплиномъ и Диршау. Станція Диршау была уполномочена отпустить экстренный поѣздъ, не дожидаясь прибытія почтоваго, потому что назначенныя по росписанію перекрестныя встрѣчи при прекращеніи телеграфнаго дѣйствія пріостанавливаются,—а такъ какъ скрещиваніе не было перенесено на Диршау, то станція эта предположила, что прекращеніе телеграфнаго дѣйствія замѣчено и въ Пельплинѣ—и Берлинскій почтовый поѣздъ будетъ тамъ

задержанъ. Но вышло иначе. Почти одновременно двинулись оба поѣзда: экстренный изъ Диршау и почтовый изъ Пельплина.

Можно вообразить, какой паническій страхъ овладѣлъ чиновниками Пельплинской станціи,—ибо когда по приходѣ почтоваго поѣзда надо было дать знать объ его отправленіи въ Диршау, то оказалось, что сигнальный аппаратъ не дѣйствуетъ, такъ какъ онъ тѣсно связанъ съ телеграфомъ, а этотъ послѣдній прекратилъ дѣйствіе.

Посредствомъ одной и той же телеграфной проволоки можно говорить и звонить. Обыкновенный звуковой токъ не достаточенъ; онъ слишкомъ слабъ, чтобы привести въ дѣйствіе сигнальный аппаратъ вдоль линіи. И такъ, для производства звона употребляютъ въ дѣйствіе гальваническій токъ, который по крайней мѣрѣ вдвое сильнѣе звуковаго тока. Только этотъ токъ въ состояніи сообщить молоточкамъ толчекъ, заставляющій ихъ ударять въ колокольчикъ. Слѣдовательно, когда телеграфная проволока не дѣйствуетъ, нельзя ни говорить, ни звонить,—и только въ такомъ случаѣ когда для звонка существуетъ особенный проводъ, звонъ не зависитъ отъ телеграфнаго сообщенія. А между тѣмъ, въ ту минуту какъ надо было позвонить, чтобъ дать знать объ отправленіи почтоваго поѣзда, работникъ, исправлявшій проволоку на прерванномъ проводѣ, какъ и слѣдовало ожидать, *еще не кончилъ* работы.

Страшная и непростительная оплошность, которая нисколько не оправдывается тѣмъ, что прекращеніе дѣйствія аппаратовъ не было замѣчено на пельплинской станціи. Отпускать почтовый поѣздъ, не получивъ предварительно сигнала отъ встрѣчнаго поѣзда, не переведя скрещиванья на Диршау и не получивъ отвѣта, что Диршау *приняла* его, ни въ какомъ случаѣ не слѣдовало. Милльонъ всаднику, который догонитъ почтовый поѣздъ, предостережетъ и побудитъ его къ немедленному возвращенію на станцію!—Неподвижно, безмолвно стоятъ сигнальные аппараты. Но не оставался неподвижнымъ сторожъ. Хотя все обстояло благополучно на его далекомъ одинокомъ посту, но все таки онъ не могъ быть спокоенъ, пока не покончится его дежурство и не пройдутъ всѣ назначенные поѣзды. Пристально всматриваясь вдаль, онъ и не думалъ о Берлинскомъ почтовомъ и о Кенигсбергскомъ экстренномъ поѣздахъ, потому-что вѣдь первый долженъ предвозвѣстить свое отбытіе со станціи *два раза*, каждый разъ шестью звонками, а другой—свое отправленіе изъ Диршау *одинъ разъ* шестью звонками, какъ это строжайшимъ и точнѣйшимъ образомъ предписано. Ба, что это такое онъ тамъ видитъ! Вдали вьется дымъ локомотива. А съ другой стороны? Также виднѣется дымъ локомотива. Справа и слѣва, по однимъ и тѣмъ же рельсамъ, все ближе и ближе подвигались легкія облака, отчетливо рисуясь въ ясномъ воздухѣ, между тѣмъ, какъ еще невидимыя машины, которымъ они принадлежали, изо всѣхъ силъ работали на взаимную погибель,—еще нѣсколько минутъ, и онѣ въ страшномъ толчкѣ сомнутъ, уничтожатъ другъ друга. Крикъ ужаса вырывается изъ груди сторожа—и въ воздухѣ развѣвается флагъ означающій несчастіе. Хорошо, еслибы онъ могъ въ тысячу разъ увеличиться, чтобы его замѣтили кондукторы обоихъ локомотивовъ! Повидимому, нѣтъ возможности предотвратить несчастіе. Если даже одинъ изъ кондукторовъ и замѣтитъ сигналъ и успѣетъ во время остановить машину, то еще вопросъ: замѣтитъ ли другой, и въ *состояніи* ли онъ будетъ удержать столкновеніе. Почтенный сторожъ сдѣлалъ бы все на свѣтѣ, чтобы спасти поѣзды, все ближе и ближе и ближе стремящіеся къ своей гибели,—это слышно по его крику, видно по тому, какъ дрожитъ въ его рукѣ флагъ. Что это? никакъ одинъ поѣздъ пошелъ медленнѣе; вотъ онъ совсѣмъ остановился. Кондукторъ локомотива, правда, не видалъ флага, но его зоркій глазъ разглядѣлъ дымъ идущей на встрѣчу машины. Что-то дѣлается съ другимъ поѣздомъ? Онъ, должно быть, также задержалъ ходъ, потому-что, хотя ему и надо было сдѣлать въ этомъ мѣстѣ значительный подъемъ, но все-таки такъ медленно онъ не шелъ бы безъ особенно важной причины. Вотъ онъ также останавливается, онъ во время увидѣлъ спасительный флагъ. Неправда ли, сторожъ, ты счастливъ теперь такъ же, какъ былъ счастливъ твой товарищъ по службѣ на сосѣдней дорогѣ, когда онъ спасъ бѣдную дѣвочку, которая, изнемогая подъ бременемъ дневнаго труда, больная, блѣдная, присѣла подлѣ самыхъ рельсъ и задремала? Онъ также съ опасностью своей собственной жизни махалъ флагомъ несущемуся поѣзду. Въ обоихъ случаяхъ, нельзя конечно не признать помощи свыше!

Когда локомотивы почтоваго и экстреннаго поѣздовъ, чуть не дотронулись другъ до друга, встрѣча ихъ была мирная; они оба пошли по одному направленію, одинъ переднимъ, другой заднимъ ходомъ. Они были на дорогѣ въ Диршау, чтобы пересѣчь другъ друга у знаменитаго віадукта и никогда уже больше не встрѣчаться на однихъ и тѣхъ же рельсахъ.

— Будь туманъ, что бы было, да еще вдобавокъ безъ сигнальнаго звонка! говорилъ потомъ сторожъ одному изъ кондукторовъ.

— А что бы было и среди бѣлаго дня! возразилъ кондукторъ, качая головой.—Сторожъ долженъ быть точнѣе и бдительнѣе *сигнальнаго звонка*, прибавилъ онъ, помолчавъ немного, и значительно приложилъ указательный палецъ правой руки къ носу.

Какъ ни строго сужденіе кондуктора, но тѣмъ не менѣе оно вѣрно. Кондукторъ, ведущій поѣздъ, лучше всякаго инаго знаетъ, что значитъ сторожъ на желѣзной дорогѣ. Если это вполнѣ вѣрный человѣкъ, серіозно относящійся къ своему дѣлу, то кондукторъ можетъ положиться на него, и умѣетъ цѣнить его по достоинству. Въ противномъ случаѣ пусть не прогнѣвается, тутъ: око за око! зубъ за зубъ! не жди пощады отъ кондуктора, если хоть разъ провинился. Даромъ что кондукторъ стрѣлой промчится съ поѣздомъ по дорогѣ; онъ на лету контролируетъ сторожа въ тысячу разъ строже, чѣмъ ревизоръ, чѣмъ начальникъ станціи или инспекторъ.

Дофинъ у башмачника Симона.

Всего три фигуры,—а между тѣмъ какое море мыслей и воспоминаній волнуется передъ умственнымъ взоромъ зрителя при видѣ страшно - прекрасной картины профессора Пилоти! Между этими тремя фигурами тянутся длинными рядами тѣни тѣхъ, которые давно уже истлѣли въ княжескихъ склепахъ или въ залитыхъ известкой могилахъ кладбища Маделенъ. Цѣлыми хороводами носятся эти тѣни въ мрачной, похожей на тюрьму, комнатѣ замка Тампль, гдѣ дофинъ Франціи стоитъ передъ башмачникомъ Симономъ, дрожа отъ страха и отвращенія.

Эти три фигуры—послѣдніе остатки да палачи и гробокопатели болѣе чѣмъ тысячелѣтней монархіи; между ними разыгрывается самая ужасная драма, какая когда либо происходила на обширной сценѣ міра,—драма полная слезъ и скорби, омерзительныхъ и приводящихъ въ ужасъ дѣлъ. А между тѣмъ, что за тѣсное помѣщеніе! да и дѣйствующихъ лицъ немного. Но сотни тысячъ, милліоны людей участвовали въ этой ужасной драмѣ, пока не наступила эта простая и вмѣстѣ съ тѣмъ потрясающая развязка, которую даровитый художникъ воспроизвелъ съ такою поразительною правдою. Тутъ собрано все, что можетъ привесть въ трепетъ сердце; эти три фигуры заставляютъ обращаться къ судьбѣ съ безчисленнымъ множествомъ вопросовъ.

Передъ нами мрачная комната съ ужасной обстановкой: кандалы, тюремные ключи, грязныя ремесленныя орудія, отвратительныя блюда и бутылки; фонарь, освѣщающій своимъ мутнымъ свѣтомъ ужасы тампльской жизни; страшныя и соблазнительныя картины на стѣнахъ; сосуды съ водкой и неопрятная мебель. И между всѣмъ этимъ, въ наполненной табачнымъ дымомъ и винными парами атмосферѣ, упомянутыя выше фигуры.

Видали ли вы когда, какъ бѣдная птичка, спасаясь отъ преслѣдующихъ ее враговъ, льнетъ къ гладкой стѣнѣ какого нибудь строенія, дрожа всѣмъ тѣломъ и изнемогая отъ усталости? Какъ она, тщетно ища себѣ опоры, царапаетъ стѣну маленькими лапками, машетъ крылышками и поводитъ полными испуга и безсильнаго гнѣва глазками? Такъ несчастный ребенокъ, сынъ короля, стоитъ въ углу насупротивъ своихъ мучителей. Ему предстоитъ одна изъ тѣхъ ужасныхъ сценъ, которымъ онъ такъ часто подвергается. Отвратительный Симонъ придвигаетъ къ нему по грязному столу рюмку водки: дитя должно спѣть одну изъ тѣхъ позорныхъ пѣсень, гдѣ самымъ безстыднымъ образомъ ругаются надъ его родными; наградою за это будетъ глотокъ отвратительной сивухи, помощію которой сатана Симонъ отравляетъ умъ даровитаго ребенка и побуждаетъ его къ сквернословію. Чудовище употребитъ все для исполненія своего намѣренія. Это уже такъ часто удавалось ему, и въ такомъ случаѣ онъ бралъ опьянѣвшаго, шатающагося ребенка и тащилъ его къ плѣнной королевѣ, чтобы онъ пѣлъ передъ нею, пѣлъ передъ несчастной матерью, которая, будучи доведена до отчаянія, тщетно трясетъ рѣшотки своей тюрьмы, слыша какъ изъ устъ ея роднаго сына вылетаетъ «*Ça ira*» или «*Garde toi, maudite Antoinette*».

Негодяй достигнетъ своей цѣли. Еще королевскій сынъ противится. Какъ онъ ни малъ, но уже вполнѣ понимаетъ мерзость того, къ чему хотятъ принудить его. Пока несчастный ребенокъ трезвъ, его умъ возстаетъ противъ этого. Художникъ превосходно изобразилъ постепенный ходъ этого ужаснаго дѣла. Благородное сопротивленіе дофина, правая рука котораго какъ бы ищетъ проломить стѣну, а лѣвая судорожно мнетъ платокъ; его дышащее испугомъ и гнѣвомъ лицо; за столомъ полупьяный Симонъ, который съ дьявольскимъ наслажденіемъ видитъ приближеніе той минуты, когда бѣдный ребенокъ поднесетъ къ губамъ рюмку,—но все еще съ отвратительно улыбкой на лицѣ, самъ тѣшась своими грубыми шутками, обращается къ нему пока еще съ «ласковыми словами»; вѣдь мальчикъ можетъ ожесточиться до такой степени, что съ нимъ ничего не подѣлаешь, а этого-то Симонъ и боится. Онъ можетъ мучить дофина, но не убивать его. Онъ можетъ превращать его въ тупоумнаго кретина, но слегка, исподоволь. Вѣдь члены конвента такъ человѣколюбивы! Дитя «Капета» не должно быть умерщвлено, и Симонъ боится своего собственнаго гнѣва. Онъ уже однажды чуть не выбилъ ему глаза салфеткой; если дофинъ умретъ отъ побоевъ, онъ лишится своего мѣста, тюремщика «маленькаго волчонка»,—вотъ онъ и прибѣгаетъ къ ласкѣ и лести. Другое дѣло—его пьяный товарищъ, поверженный силою спирта наземь. Онъ опередилъ Симона нѣсколькими шагами, поднялся на болѣе высокую степень скотства. Онъ грозитъ, хотя и не безъ труда, слабо сжатымъ кулакомъ; его посинѣвшія губы, изъ которыхъ вылетаютъ винные пары, лепечутъ ругательства и угрозы. Онъ не можетъ уже владѣть своими членами,—иначе бутылка, которую онъ съ трудомъ держитъ правой рукой, полетѣла бы въ прелестную головку дофина.

Бѣдный пойманный голубь! Твои коршуны вынудятъ отъ тебя все. Тщетно проводишь ты рукою по стѣнѣ—она непроницаема; ты—мячикъ въ ихъ окровавленныхъ когтяхъ. Еще твои благородные члены одѣты тѣмъ изящнымъ костюмомъ, который королева, твоя мать, вымолила, не безъ труда, у комиссаровъ конвента;—это послѣдніе лоскутья, послѣднія блестящія перышки; скоро Симонъ сорветъ, ощиплетъ ихъ, чтобы ты ходилъ въ такой-же грязной одеждѣ равенства, какъ онъ и его товарищи.

Нечего и говорить о томъ, что художнику пришлось много и долго работать, прежде чѣмъ онъ приступилъ къ своему дѣлу. Эти три фигуры—результатъ высокаго умственнаго труда. Безъ полнаго знакомства съ человѣческимъ сердцемъ и этой страшной эпохой создать подобную картину невозможно. Она создается тогда только, когда душа совершенно занята избраннымъ предметомъ, а рука вполнѣ повинуется ей. Смотря съ этой точки зрѣнія, можно заключить, какъ долженъ былъ страдать подъ часъ г. Пилоти при исполненіи своего труда. Сердце помогало у него рукѣ. Коротенькая и вмѣстѣ съ тѣмъ полная содержанія исторія маленькаго мученика тѣснитъ грудь и наполняетъ слезами глаза. Перо и рука отказываются передавать то, что сохранила намъ въ этомъ отношеніи неумолимая исторія—конечно и творческая кисть художника боролась съ подобными же препятствіями.

Казнь короля была въ глазахъ конвента необходимостью для утвержденія республики. Смерть королевы и принцессы Елизаветы, сестры короля, была чисто безполезною жестокостью; тигры рвали свою добычу. Но изъ всего того, что происходило въ тѣ времена, изъ всѣхъ ужасныхъ дѣлъ, совершавшихся за стѣнами гигантскаго города, жестокосердая игра съ ребенкомъ, мученія, которымъ онъ подвергался во мракѣ Тампля, всего возмутительнѣе.

Людовикъ Францъ Жозефъ Ксавье, дофинъ Франціи, родился 24 марта 1785 г. Онъ получилъ при крещеніи титулъ герцога Нормандскаго. Его колыбель была подаркомъ города Руана. Она стоила дорого и была сдѣлана съ большимъ вкусомъ. Странно, что довольно часто наслѣдникамъ французскаго престола, которымъ подданные дарили колыбели, приходилось потомъ маяться въ чужихъ земляхъ въ качествѣ эмигрантовъ или же изнывать въ ссылкѣ. Герцогъ Рейхштадскій и графъ Парижскій покоились въ такихъ же богато-убранныхъ колыбеляхъ. Природа не пожалѣла для Дофина своихъ даровъ. Кротость и любезность, понятливость и необыкновенная память соединялись въ немъ съ прелестною наружностью. У него было могучее сложеніе его отца въ соединеніи съ царственной граціей его матеріи. Онъ, такъ же какъ и сестра, наслѣдовалъ чудные глаза Маріи Антуанеты и ея прелестные волосы. Можно было почти навѣрное сказать, что если его умственныя и физическія свойства будутъ и впередъ такъ

Дофинъ у башмачника Симона. Съ картины профессора Пилоти. Рис. на деревѣ Ф. Бартъ, грав. А. Гехтъ.

развиваться, то Францiя получитъ въ лицѣ его такого правителя, въ которомъ позавидуетъ ей не одна нацiя. Но это развитiе не состоялось. Въ великолѣпныхъ садахъ Фонтенбло, въ Сенъ-Клу, которое король купилъ для своей супруги, въ Версальскомъ паркѣ росъ Дофинъ подлѣ своей милой, прелестной сестры. Съ истинно-отеческимъ чувствомъ слѣдилъ король за воспитанiемъ своего сына, да и королева была добрая мать. Вмѣстѣ съ гордостью она наслѣдовала и домашнiя добродѣтели Марiи Терезiи. Къ сожалѣнiю, первая брала часто перевѣсъ надъ послѣдними. Бури 1789 г. смутили семейную жизнь короля. Дитя было свидѣтелемъ самыхъ ужасныхъ сценъ. Тревожные часы пережитые дворомъ во время штурма Бастилiи (14 iюля 1789 г.) не могли еще имѣть на него влiянiя; но бѣгство короля со всѣмъ семействомъ въ Вареннъ (21 iюня 1791), ужасныя сцены при возвращенiи, оскорбленiя нанесенныя 20 iюня 1792 г. его родителямъ въ Тюильри, мучительные часы проведенные ими 10 августа того же года въ галлереѣ залы засѣданiй нацiональнаго собранiя,—все это глубоко запечатлѣлось въ молодомъ умѣ. Что тщательно скрываютъ отъ другихъ дѣтей, то онъ слышалъ и видѣлъ ежедневно: самыя безнравственныя рѣчи, самыя ужасныя ругательства. Куда ни обращались его взоры, вездѣ пошлость являлась ему во всей своей наготѣ: лица, одежда, жесты, все носило на себѣ печать цинизма, все было грязно. Что учили его чтить какъ святыню, то ежедневно топтали въ грязь: его отца, его мать. Онъ былъ свидѣтелемъ, какъ Шуаръ хотѣлъ занесть въ Версалѣ руку на его отца. Онъ пережилъ страшныя сцены тюильрiйскаго штурма, онъ спасался съ матерью изъ комнаты въ комнату и проводилъ цѣлые часы, сидя на стулѣ и чуть не падая отъ утомленiя. Онъ зналъ, что онъ сынъ короля,—а между тѣмъ бывали ночи, когда для него не находилось постели, гдѣ онъ могъ бы уснуть, пристанища, какое бываетъ у сына нищаго.

А между тѣмъ, мѣра его страданiй еще не исполнилась. Она тогда только должна была переполниться, когда ворота мрачнаго замка Тампль затворились за царственными плѣнниками,—желѣзныя ворота, черезъ которыя проходилъ когда-то Iаковъ Моле, отправляясь на эшафотъ, и которыя отворились передъ Людовикомъ, когда онъ шелъ на эшафотъ же. Натура дофина измѣнилась. Его открытый характеръ исчезъ, потому-что ребенокъ былъ вынужденъ притворяться, секретничать, лицемѣрить. Чтобы обманывать сторожей, дамы и самъ король употребляли извѣстные знаки; какое нибудь едва замѣтное движенiе приказывало ребенку молчать; какая нибудь какъ будто бы случайно положенная книга, листокъ или платокъ имѣли таинственное значенiе. Изъ-за какихъ нибудь мелкихъ выгодъ надобно было обращаться ласково съ такими людьми, которыхъ въ сущности ненавидѣлъ каждый; робко шептались плѣнники о самыхъ незначительныхъ вещахъ. Дофинъ рано сталъ скрытенъ, недовѣрчивъ; онъ видѣлъ кругомъ себя только враговъ—и сталъ считать врагомъ всякаго.

Сердце ребенка готово было разорваться, когда онъ получилъ послѣднiй прощальный поцѣлуй своего отца. Умъ дофина созрѣлъ рано; онъ понималъ, о чемъ идетъ дѣло. Его отца убили. Когда этотъ страшный ударъ поразилъ сердце ребенка, наступила пауза. Тюремная тишина была благодѣтельна. Это длилось шесть мѣсяцевъ. Тутъ пришло повелѣнiе: молодой Капетъ долженъ быть оторванъ отъ матери и отданъ подъ надзоръ и на попеченiе (!) башмачнику Симону. Королева возстала противъ этого; она стала передъ ребенкомъ, какъ львица, у которой хотятъ отнять дѣтеныша,—напрасно! Симонъ увелъ свою добычу. Симонъ былъ званiемъ башмачникъ, но въ это тревожное время получилъ чинъ муниципальнаго офицера. Необузданная дикость, постоянно выставляемая на показъ ненависть къ королевской фамилiи—побудили коммуну присоединить его къ шести коммисарамъ, руководившимъ и надзиравшимъ за всѣмъ, что имѣло отношенiе къ тампльскимъ плѣнникамъ. Разъ достигши этого мѣста, Симонъ скоро сдѣлался тюремщикомъ; онъ жилъ въ Тамплѣ. Несчастные были какъ разъ возлѣ своего мучителя. Помощникомъ Симона былъ швейцаръ этого замка, Жанъ Роше, прежде бывшiй сѣдельникъ. Это чудовище обязано своею печальною извѣстностью тоже несчастiю королевской фамилiи, которое оно еще болѣе увеличивало. Наружность Роше была ужасна. Онъ ходилъ въ саперскомъ мундирѣ, косматой медвѣжьей шапкѣ и съ длинной саблей. Гордясь своей должностью, онъ носилъ на поясѣ связку ключей, постоянно гремѣлъ ими; а когда плѣнникамъ были еще разрѣшены прогулки въ тампльскомъ саду, онъ пользовался этимъ случаемъ, чтобы выказать всю свою жестокость въ отношенiи королевской фамилiи.

Въ руки этихъ-то людей отдали дофина. Симонъ, въ качествѣ поклонника Руссо, хотѣлъ сдѣлать изъ дофина башмачника. Ребенокъ плакалъ, занимаясь этою грубою работою. Симонъ билъ его, когда находилъ его плачущимъ. Дофинъ замѣтилъ это; онъ подавилъ въ себѣ слезы и сидѣлъ за этимъ дѣломъ наподобiе идiота. Удары сыпались на его благородное лицо, на его прелестное молодое тѣло. Дофинъ сдѣлался рабомъ этого негодяя. Онъ приносилъ ему башмаки, дрова, водку. Мы уже говорили, что Симонъ чуть не выбилъ мальчику глаза. За что? онъ сѣкъ Дофина плетью и не могъ добиться отъ него слезъ. Дофинъ уже могъ скрывать свои муки, удерживаться отъ слезъ. Тутъ негодяй пришелъ въ ярость. Онъ схватилъ таганъ и занесъ его надъ головою Дофина, чтобъ убить его; но Дофинъ не трогался съ мѣста. Въ эту минуту онъ былъ уже король, потому что гордо скрестилъ руки на груди и смотрѣлъ на Симона твердымъ, вызывающимъ взглядомъ; Симонъ задрожалъ и бросилъ таганъ на полъ. Вечеромъ, когда измученный ребенокъ собирался лечь спать, Симонъ подошелъ къ нему. «Шуаны одержали побѣду надъ нацiональными войсками», прокаркалъ онъ. Дофинъ молчалъ. «Эй, Капетъ», продолжалъ Симонъ, «скажи-ка, что бы ты сдѣлалъ, еслибъ вандейцы освободили тебя?» Ребенокъ взглянулъ на него съ выраженiемъ небесной доброты. «Я простилъ бы васъ, *monsieur*», сказалъ онъ. Симонъ отвернулся; онъ проглотилъ стаканъ водки, чтобъ не быть тронуту этимъ отвѣтомъ. Скотская грубость побѣдила. Замѣтивъ, что мальчикъ рѣшительно не годится въ башмачники, Симонъ приступилъ къ другимъ мѣрамъ. Онъ научилъ ребенка тѣмъ позорнымъ пѣснямъ, въ которыхъ ругали его мать, и заставлялъ его повторять за собою тѣ отвратительныя вещи, которыя печатались на страницахъ «Друга народа» или «Кордельера». Соглашался ли ребенокъ на эти низости? Нѣтъ, онъ дѣлалъ ихъ, потому-что Симонъ поилъ его до пьяна. Съ рѣдкою силою воли противился Дофинъ постыднымъ внушенiямъ. Удары уже не помогали, Симонъ прибѣгнулъ къ водкѣ. Онъ хотѣлъ низвести мальчика до животнаго. Онъ наливалъ его отвратительнымъ напиткомъ и, дьявольски ухмыляясь, слѣдилъ за постепеннымъ помраченiемъ ума ребенка; затѣмъ начиналъ завывать возмутительныя пѣсни: «*Ça ira*», «*Madame Veto*», и разражался страшнымъ хохотомъ, когда шатающiйся ребенокъ начиналъ пѣть то же самое. Симонъ на этомъ не остановился. Постоянное

употребленіе водки видимо дѣйствовало на умъ Дофина. Ребенокъ тупѣлъ и впадалъ въ состояніе, граничившее съ идіотизмомъ. Наконецъ онъ дошелъ до того, что сталъ выносить *все*. Удары были ему уже ни по чемъ; теперь на него не дѣйствовали уже и душевныя муки и униженіе. Какимъ образомъ достигъ этого Симонъ? Страшно сказать. Онъ лишалъ ребенка *сна*.

Когда, скорчившись на своемъ жалкомъ ложѣ, Дофинъ засыпалъ, чудовище будило бѣднаго ребенка, крича грубымъ голосомъ: «Храпишь, Капетъ!». Если ребенокъ не отвѣчалъ, въ постель летѣло полѣно и несчастный просыпался. «Да, гражданинъ Симонъ». «А ну, встань, покажись-ка!». Дитя брело босыми ножками по каменному полу. «Вотъ я, гражданинъ Симонъ» «Гдѣ?» «Здѣсь».

«Подойди ко мнѣ такъ, чтобъ я тебя видѣлъ. Еще ближе». Дитя стояло у постели негодяя. «Хорошо», говорилъ онъ, и потомъ—потомъ онъ вытягивалъ ногу и такъ толкалъ ею дофина, что отбрасывалъ его на нѣсколько шаговъ. «Хорошо, ступай же теперь спать, проклятый Капетъ». Это мерзкое дѣло Симонъ повторялъ часто раза по два въ ночь.

Страдали-ли тѣ мученики, о которыхъ разсказываютъ намъ легенды, больше ребенка Людовика и Маріи Антуанеты? Конечно, нѣтъ. Но преступленія Симона, въ отношеніи дофина, еще не достигли высшей степени. То, что мы разсказывали, было только физическими пытками. Симонъ сдѣлалъ еще больше. Принцъ повиновался машинально, онъ лепеталъ слова: «да» и «нѣтъ», но уже не говорилъ ни слова больше. Хотите-ли знать, съ какихъ поръ началось это испытаніе, которое принцъ очевидно самъ наложилъ на себя? Съ 10 октября 1793 года. Въ этотъ день случилось слѣдующее. Собирались судить или, лучше сказать, присудить къ смерти королеву. Нужно было собрать какъ можно больше обвиненій. Низкій Геберъ придумалъ нѣчто ужасное. Онъ заставилъ сына обвинять мать. Симонъ напоилъ пьянымъ мальчика и до тѣхъ поръ заставлялъ его болтать, пока тотъ едва могъ владѣть языкомъ, потомъ позвалъ коммисара и прочелъ въ присутствіи ребенка бумагу, въ которой этотъ послѣдній обвинялъ свою мать—обвинялъ свою тетку, принцессу Елизавету, обвинялъ—обвинялъ—эти вещи не передаются и также рѣдко печатаются; онѣ такъ ужасны, что при чтеніи ихъ королева въ первый и въ послѣдній разъ вышла изъ себя, выпрямилась во весь ростъ—и обводя собраніе сверкающими отъ негодованія глазами, произнесла громкимъ голосомъ эти достопамятныя слова: «Природа возстаетъ противъ отвѣта на такія гнусности. Я ссылаюсь въ этомъ на всѣхъ находящихся здѣсь матерей».

Опьянѣвшій дофинъ попалъ въ страшную западню, но въ немъ еще таилась искра сознанія: онъ помнилъ, *что* онъ сдѣлалъ,—онъ зналъ, что онъ подписалъ своимъ именемъ, подтвердилъ что-то дурное. Съ этого дня *онъ никогда уже не говорилъ*, пока его состояніе не улучшилось, а тутъ онъ вскорѣ умеръ. Это улучшеніе наступило, когда Симонъ оставилъ свою жертву. Онъ получилъ званіе старшаго муниципальнаго чиновника и долженъ былъ оставить мѣсто мучителя. Въ то время Марія Антуанета была уже казнена, принцесса Елизавета тоже. Дофинъ и его сестра оставались послѣдними гостями въ Тамплѣ.

Марія Тереза Шарлотта, *Madame Royale*, какъ ее называли, не видала своего несчастнаго брата съ тѣхъ поръ, какъ онъ разстался съ матерью. 10 января, она услыхала шумъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ дофинъ. Она думала, что его влекутъ къ смерти, но это Симонъ шумѣлъ при отъѣздѣ. Онъ еще разъ прибилъ дофина. Съ этихъ поръ дитя было предоставлено уединенію. Тампльскіе коммисары заботились объ немъ лишь настолько, чтобы продлить его жизнь. Онъ жилъ въ запертой комнатѣ. Свѣжій воздухъ не проникалъ туда; никто не входилъ къ нему; боясь новыхъ мученій, а отчасти и вслѣдствіе отупѣнія, онъ не рѣшался дернуть за находившуюся въ его комнатѣ ручку колокольчика. Ему спускали посредствомъ блока его жалкую пищу, а также и воду. Дофинъ разучился мыться, онъ сидѣлъ скорчившись, ничего не дѣлалъ, ничего не требовалъ, не просилъ даже воздуха. Онъ сдѣлался тѣмъ, къ чему готовилъ его Симонъ: бездушной массой.

Въ этомъ состояніи нашла его *Madame Royale*, его сестра. Это кажется страннымъ: какимъ образомъ могла проникнуть принцесса къ своему плѣнному брату?—во время тюремнаго заключенія принца случилось многое. Наступило 9 термидора, низвергнувшее Робеспьера и людей террора. Если люди террора гильотинировали умѣренныхъ, то теперь умѣренные поспѣшили казнить той же смертью людей террора. Большая часть ихъ пала, въ томъ числѣ негодяй Симонъ и злодѣй Роше. Нѣкоторые изъ извергóвъ спаслись бѣгствомъ, другіе сошли съ ума, какъ напр. Тизонъ, служившая надзирательницей въ Тамплѣ и оклеветавшая королеву. Подулъ легкій, теплый вѣтеръ, поэтому *позаботились* о дофинѣ и стали вѣжливы въ отношеніи *Madame Royale*, хотя состояніе принца было самое жалкое. Видъ сестры исторгъ у него слабую улыбку. Зашла было даже рѣчь о томъ, чтобы освободить дѣтей, но Камбассаресъ подалъ мнѣніе противъ этого. Съ этихъ поръ принцъ постоянно хворалъ. Тутъ собрались коммисары и подали объ этомъ докладъ правительству. Въ Тампль прислали знаменитаго врача Дюсо, чтобы изслѣдовать состояніе принца. Но прежде, чѣмъ это случилось, въ Темпль была отправлена коммисія для посѣщенія принца, и притомъ по докладу коммисаровъ. Въ ожиданіи коммисіи тампльскіе коммисары позаботились объ одеждѣ, хорошемъ воздухѣ и игрушкахъ. Главою этой коммиссіи былъ Арманъ де-ла-Мансъ. Они вошли въ Тампль. Въ комнатѣ дофина была печь для обжиганія фарфора, а его кровать стояла недалеко отъ нея. Дофинъ сидѣлъ на столѣ и строилъ карточныя домики. Онъ не обратилъ никакого вниманія на появленіе коммисаровъ. Чтобы избѣжать всякаго взысканія, тампльскіе сторожа вычистили и провѣтрили комнату, а принца одѣли въ матросскій костюмъ. Его ложе состояло изъ деревянной кровати. На ней было постлано свѣжее бѣлье. Шагахъ въ пяти отъ этой кровати стояла другая, пустая. На ней покоился прежде Симонъ, лежавшій теперь въ известковой могилѣ кладбища Кламаръ. Отъ удивленія Арманъ стоялъ сначала какъ вкопанный, а потомъ подошелъ къ принцу и сказалъ ему, что правительство прислало его, чтобы удостовѣриться о состояніи плѣнника и *просить* его сказать, чего онъ желаетъ. Обращаясь къ принцу, Арманъ называлъ его *monsieur*. Три мѣсяца тому назадъ его за это гильотинировали бы. Дофинъ пристально смотрѣлъ на него, онъ перестал играть и не говорилъ ни слова. Арманъ спросилъ его: не желаетъ-ли онъ игрушекъ, пирожнаго или чего нибудь другаго вродѣ этого? Глаза принца приняли страшное выраженіе, но онъ продолжалъ молчать. Арманъ спросилъ въ третій разъ и кроткимъ голосомъ сказалъ, что принцъ можетъ *приказать* ему. Въ отвѣтъ на это онъ получилъ новый страшный взглядъ. Арманъ отвернулся—онъ *плакалъ*. «Протяните мнѣ вашу руку», сказалъ онъ. Принцъ машинально повиновался. Можетъ

быть онъ думалъ, что опять начнется истязаніе—онъ былъ послушенъ, онъ подчинялся ему. Арманъ ощупалъ ему руки, ноги, колѣна. Вездѣ онъ нашелъ желваки и опухоли. Коммисаръ застоналъ отъ удивленія, у принца была такъ-называемая англійская болѣзнь. —Арманъ заставилъ его ходить по комнатѣ и увидалъ, что несчастный ребенокъ едва передвигаетъ ноги. Онъ опять говорилъ съ нимъ, не будучи въ состояніи прервать его молчанія; дофинъ, нахмурившись, сѣлъ на кровать и вытянулъ впередъ тоненькія ножки, его лицо не выражало никакого внутренняго чувства. Когда Арманъ еще разъ попросилъ его пройтись, онъ упрямо сидѣлъ на кровати, подперевъ голову руками. Остальные коммисары не говорили ни слова, ужасъ сковалъ имъ языкъ. Только крикъ негодованія вырвался у нихъ, когда тюремщикъ—вопреки приказаніямъ сторожей—принесъ сыну Людовика, наслѣднику французскаго престола, его пищу: въ оловянной чашкѣ плавали маленькіе, бурые кусочки мяса, вторымъ блюдомъ была тарелка съ жиденькой чечевичной похлебкой, а третьимъ — блюдечко съ шестью поджареными каштанами... Пища эта должна была приниматься принцемъ помощію оловяннаго прибора. Арманъ тотчасъ приказалъ перемѣнить все это, онъ упрашивалъ принца, но этотъ послѣдній продолжалъ молчать и не поклонился коммисарамъ, когда они уходили.—Коммисары сдѣлали вѣрное донесеніе, а Арманъ не побоялся сказать, что честь націи требуетъ, чтобы съ принцемъ лучше обращались. Послѣ этого прислали Дюсо. За нимъ послѣдовали Дюманженъ и Пелльтанъ. Принца вывели на свѣжій воздухъ, но его тѣло отвыкло отъ его благодѣтельнаго дѣйствія; онъ заболѣлъ лихорадкою, которая такъ увеличилась, что черезъ каждые 12 часовъ въ Тампль присылали коммисара, чтобы удостовѣриться, что жертва еще жива. Его комната была освѣщена, онъ былъ покрытъ теплыми покрывалами, передъ нимъ стояли вкусные плоды, ему подавали лекарство—слишкомъ поздно. 9 іюня 1795 г. въ 3 часа дофинъ скончался. При его смерти присутствовала его сестра. Лоранъ и Гомье были при этомъ свидѣтелями.

Онъ молча разстался съ этимъ свѣтомъ, который былъ для его тѣла и души мѣстомъ пытки. Его неподвижныя угрюмо-прекрасныя черты внушали сторожамъ ужасъ; эти уста вопіяли громче, чѣмъ тогда, когда ребенокъ кричалъ и стоналъ подъ ударами Симона.—Тѣло вскрыли, потому-что разнесся слухъ, будто дофинъ отравленъ. Не нашли никакихъ слѣдовъ яда.

Madame Royale, одна изъ всего семейства, вышла живая изъ тюрьмы.—Судьба, преслѣдовавшая дофина при жизни, не оставила его въ покоѣ и послѣ смерти; появились обманщики, которые пытались присвоить себѣ его имя.

Смѣсь

Ошибка въ христіанскомъ лѣтосчисленіи. У различныхъ большихъ народныхъ группъ земнаго шара существуютъ еще въ настоящее время разныя эры или лѣтосчисленія: Индія и Китай имѣютъ свою особенную хронологію; магометанская эра, Геджра, считается отъ бѣгства пророка Магомета изъ Мекки въ Медину (622); евреи ведутъ свое лѣтосчисленіе еще отъ сотворенія міра; древніе греки вели счетъ по олимпійскимъ играмъ, а древніе римляне съ основанія Рима. Всѣ эти эры, частію уже забываемыя, со временемъ исчезнутъ, чтобы уступить мѣсто христіанской эрѣ, которая вслѣдъ за европейской и американской цивилизаціей проникаетъ во всѣ части свѣта и во всѣхъ великихъ міровыхъ событіяхъ служитъ единственной господствующей эрой.

Легко сказать: мы считаемъ время отъ рождества Христова, и съ тѣхъ поръ прошло 1872 года. Но при внимательномъ изслѣдованіи оказывается, что цифра эта не совсѣмъ вѣрна,—ученые ошиблись, какъ въ днѣ рожденія, такъ и въ днѣ смерти Христа. Именно, мы обсчитываемся ни больше ни меньше какъ на семь лѣтъ, такъ-что въ нынѣшнемъ году слѣдовало бы писать 1879 годъ. Одинъ римскій аббатъ, Діонисій, по прозванію Экзигуусъ, жившій 500 лѣтъ спустя *послѣ* Христа, составилъ таблицу для вычисленія пасхи, гдѣ въ первый разъ года считались отъ рожденія Христа. Но въ вычисленіи Діонисія вкрались неточности, и сдѣланныя имъ ошибки наслѣдовались отъ поколѣнія къ поколѣнію, что доказали ученые только ужь въ нашемъ столѣтіи. Новое лѣтосчисленіе, наша христіанская эра, скоро нашла сочувствіе въ Римѣ, но въ другихъ земляхъ распространялась весьма медленно. Такъ, Карлъ Великій былъ первый государь, который началъ принимать ее, хотя и не часто. Однако, чѣмъ болѣе распространялось христіанство, тѣмъ болѣе входила въ употребленіе христіанская эра, и въ X столѣтіи, исключая Востока, она господствовала во всей Европѣ.

Еще нѣмецкій астрономъ Иделеръ въ своей хронологіи доказывалъ, что вычисленіе римскаго аббата Діонисія не согласовалось съ показаніями евангелій, и что въ высшей степени вѣроятно, что Христосъ родился раньше, чѣмъ принято считать. по поводу происходившаго въ февралѣ нынѣшняго года въ Римѣ диспута о томъ, былъ ли апостолъ Петръ въ Римѣ или нѣтъ, поднятъ былъ и хронологическій вопросъ. И тутъ же, а потомъ въ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ по этому предмету, было доказано, что въ 1893 г. собственно слѣдовало бы писать 2000. Слѣдовательно, Христосъ родился семью годами раньше, чѣмъ считали до настоящаго времени. Болѣе ранній срокъ принималъ и св. Іоаннъ Златоустъ.

Діонисій установилъ свое счисленіе въ 532 году; но ему не предшествовало ни исторической ни хронологической критики, которой мы въ правѣ требовать, принимая въ соображеніе важность предмета. Онъ принялъ, какъ показываетъ Иделеръ, 25-е декабря 754 года послѣ основанія Рима, за день рожденія Спасителя. Но въ такомъ случаѣ Христосъ родился уже черезъ четыре съ половиною года *послѣ* смерти избившаго младенцевъ Ирода, приходящейся 7-го апрѣля 750 (послѣ основанія Рима). Слѣдовательно уже отсюда видно, что 754 г. послѣ основанія Рима не можетъ быть годомъ рождества Христова, такъ какъ родители его бѣжали въ Египетъ до Ирода, и только послѣ его смерти возвратились въ Іудею.

Но кромѣ разныхъ другихъ, есть прямое и именно: астрономическое доказательство для опредѣленія года рождества Христова; оно основывается на звѣздѣ, которую видѣли восточные мудрецы. Звѣзда же эта астрономически опредѣлена Кеплеромъ, величайшимъ изъ астрономовъ. Звѣзда волховъ, думаютъ, была не что иное какъ пророческое для Іудеи «соединеніе» (кажущееся вступленіе) двухъ яркихъ планетъ Юпитера и Сатурна въ созвѣздіи рыбъ. Ослѣпительно сіяли обѣ соединенныя звѣзды, образуя на небесномъ сводѣ блестящій шаръ. А это событіе происходило, какъ это точнѣйшимъ образомъ опредѣлено, въ 747 г. послѣ основанія Рима, слѣдовательно съ него и должно начинаться наше счисленіе. Но съ тѣхъ поръ до нашего времени прошло не 1872, а 1879 лѣтъ.

Мольеръ умеръ 17 февраля 1697 г., исполнивъ роль ипохондрика въ своей комедіи «Мнимый больной». Парижскій архіепископъ запретилъ хоронить его на кладбищѣ—на томъ основаніи, что онъ актеръ. Когда это дошло до короля, онъ пригласилъ къ себѣ архіепископа, чтобы внушить ему болѣе разумный образъ мыслей. Епископъ оставался непреклоненъ. «До какой же глубины освящена у васъ на кладбищѣ земля?» спросилъ съ сердцемъ король. «По крайней мѣрѣ на 8 футовъ», отвѣчалъ архіепископъ. «Хорошо же», возразилъ со смѣхомъ король, «пусть выроютъ могилу въ двѣнадцать футовъ глубины, такимъ образомъ ваша освященная земля нисколько не потерпитъ». Архіепископъ не могъ противиться этому повелѣнію и вслѣдствіе этого Мольеръ покоится на кладбищѣ *Père Lachaise* на разстояніи 12 фут. отъ поверхности земли.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Къ предъидущему № 45 „Нивы“, кромѣ объявленія объ открытіи подписки на 1873 годъ, были приложены и Парижскія моды“ за ноябрь съ 12 рисунк., по недосмотру неозначенныя въ содержаніи нѣкоторыхъ экземпляровъ.

Дозволено цензурою 10 Ноября 1872 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**. Вознес. пр. д. № 53

№ 47 1872

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 20 ноября 1872 года. Годъ III.

Желающіе могутъ еще подписаться на 1872 годъ; годовая цѣна 5 рублей съ пересылкой. Каждый новый подписчикъ получитъ всѣ уже вышедшіе №№ съ 1 до 47.

ОБЪ ИЗДАНІИ „НИВЫ“ ВЪ 1873 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годовой Экземпляръ „НИВЫ“ въ 52 №№ (880 страницъ) съ 250—300 рисунками и ежемѣсячнымъ прибавленіемъ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ . . **4** р. — к.
„ съ доставкой на домъ по городской почтѣ . . . . **5** „ — „

II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ или О. Мекленбурга . . **4** „ **50** „
„ Съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію . . . . **5** „ **50** „

III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію. . . . . **5** р. **50*** к.

IV. Заграницею: Въ Германіи и Австріи **8** руб., въ Англіи и Франціи **10** руб., въ Голландіи, Бельгіи, Италіи, Швейцаріи и Дунайскихъ княжествахъ **9** руб., въ Швеціи, Испаніи, Португаліи и Греціи **10** руб. **50** коп., въ Китаѣ и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ **12** руб.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Гг. Иногородныхъ подписчиковъ покорнѣйше просимъ обращаться для подписки на „НИВУ“ 1873 года съ своими требованіями—**исключительно и прямо** въ контору редакціи „НИВЫ“, ибо только въ такомъ случаѣ мы можемъ ручаться за аккуратную высылку нашего журнала. Во избѣжаніе перерыва между высылкою послѣднихъ №№ 1872 года и первыхъ №№ 1873 г., гг. подписчики (въ особенности живущіе въ отдаленныхъ мѣстностяхъ) благоволятъ высылать слѣдуемыя подписныя деньги **5** р. **50** к. **заблаговременно.**

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

— Въ чемъ дѣло? Да прежде всего въ потерянныхъ деньгахъ, которыя надо же, наконецъ, если можно, возвратить.

— Бѣдный Селльенъ! мнѣ отъ души жаль его, сказалъ Готтгольдъ;—но я не вижу, какимъ образомъ ваши вопросы и мои отвѣты могутъ способствовать возвращенію потеряннаго.

— Раскажите все какъ было. Не знаете ли вы, были ли еще эти деньги при Селльенѣ, когда вы уѣзжали изъ Доллана?

— Это я знаю навѣрное; когда я гулялъ съ нимъ послѣ обѣда, онъ, не догадываясь, что Брандовъ получилъ эти деньги отъ меня, съ удивленіемъ говорилъ мнѣ, что тотъ заплатилъ ему и даже показалъ мнѣ при этомъ пакетъ, который онъ вынулъ изъ боковаго кармана своего сюртука. Тамъ онъ держалъ его весь вечеръ—и я смотрѣлъ на это не безъ нѣкотораго безпокойства. Я все боялся, какъ бы, проигравъ свои деньги, онъ не схватился за эти. Къ счастью, онъ остался въ выигрышѣ.

— Такъ стало быть играли? Кто же проигралъ?

— Брандовъ.

— И много?

— Мнѣ кажется, онъ проигралъ пять тысячъ талеровъ Редебасу; вѣдь у другихъ-то, пожалуй, не хватило бы духу спорить такъ долго съ такимъ отчаяннымъ игрокомъ.

— И само собою разумѣется не заплатилъ ихъ на мѣстѣ?

— Конечно, нѣтъ; вотъ изъ-за этого-то и вышелъ споръ, кончившійся тѣмъ, что всѣ остальные гости разъѣхались по домамъ въ страшномъ гнѣвѣ.

— Вы не вмѣшивались въ этотъ споръ?

— Я? нѣтъ, — а вотъ развѣ немножко Селльенъ; по крайней мѣрѣ это могло подать поводу Брандову къ тѣмъ дерзостямъ, которыя въ концѣ концовъ выгнали насъ изъ дому.

— Выгнали изъ дому? Отлично! сказалъ Вольнофъ, словно онъ вносилъ эти слова въ протоколъ. — И эти деньги были еще при Селльенѣ, когда вы уѣхали?

— Онъ былъ навеселѣ — и когда я застегивалъ ему пальто, то замѣтилъ, что пакетъ еще у него.

— И это пальто было еще застегнуто, когда Лаутербахъ собирался сдѣлать ему здѣсь перевязку? Вы сами сдѣлали намедни это замѣчаніе, и Лаутербахъ утверждаетъ то же самое. Не пытались ли вы въ кузнѣ снять съ него платье?

— Нѣтъ, старый Пребровъ хотѣлъ было сдѣлать это; но Селльенъ, пришедшій на минуту въ память, такъ убѣдительно просилъ не трогать его, что мы отказались отъ этого, и старались только о томъ, чтобы ему было какъ можно спокойнѣе лежать на сѣнѣ и на соломѣ въ экипажѣ, который тѣмъ временемъ припасли Пребровы.

— И въ это время пакетъ все еще былъ при немъ?

Готтгольдъ подумалъ.—Нѣтъ, сказалъ онъ,—его при немъ уже не было. Теперь я припоминаю, что сперва старикъ, а потомъ я—хотѣли ощупать ему грудь, такъ какъ онъ жаловался на страшную боль въ лѣвомъ подреберьѣ. Тутъ я долженъ бы былъ замѣтить пакетъ. Это въ самомъ дѣлѣ странно.

— Конечно странно, возразилъ Вольнофъ,—вѣдь, наконецъ, не эти же честнѣйшіе Пребровы, отецъ и сынъ, взяли пакетъ у него изъ кармана, когда несли его съ этого несчастнаго мѣста въ кузню.

— Невозможно! вскричалъ Готтгольдъ.

— А между тѣмъ почти такъ же невозможно, хотя и въ другомъ смыслѣ, чтобы онъ выронилъ его, во время паденія, изъ кармана застегнутаго сюртука, сверхъ котораго было еще надѣто пальто, тоже застегнутое.

— Но кромѣ этого уже ничего нельзя предполагать.

— Такъ кажется. Но пойдемъ-те нѣсколько дальше. Такъ Брандовъ положительно произвелъ на васъ такое впечатлѣніе, какъ будто бы гналъ васъ изъ дому? Не поразило ли васъ это?

— И нѣтъ, и да.

— Положимъ, что это «нѣтъ» относится къ вамъ, а «да» къ ассесору; вѣдь собственныя выгоды Брандова требовали, чтобы онъ старался сохранить его расположеніе. Признаюсь, для меня это непостижимо. И выгнать васъ въ такую ночь—въ бурю, дождь и мракъ, какъ говоритъ король Лиръ,—на дорогу, пользующуюся—и притомъ совершенно справедливо — такой дурной репутаціей, да еще дать вамъ экипажъ безъ фонарей!

— Все это правда, сказалъ Готтгольдъ, смутившись,— но убѣжденіе въ Брандовской непріязни едва ли поможетъ намъ возвратить деньги. Впрочемъ, онъ вѣдь тотчасъ же раскаялся въ своемъ поступкѣ и въ тотъ же вечеръ пытался загладить его.

— Вы видите, какой я неловкій инквизиторъ, возразилъ Вольнофъ, проводя рукою по лбу.—Оставимъ-те же, когда такъ, господина и, не преклоняясь передъ мудростью извѣстной половицы, займемся слугой. Тотъ ли это самый, что возилъ васъ утромъ?

— Тотъ самый. Берейторъ Брандова, при случаѣ, какъ видите, кучеръ, вмѣстѣ съ этимъ и управляющій, словомъ: фактотумъ.

— Фактотумъ, очень хорошо, сказалъ Вольнофъ.—Правая рука, но не для однихъ правыхъ дѣлъ. И этотъ-то синьоръ-правая-рука также повидимому ничего не боится,— мнѣ по крайней мѣрѣ такъ показалось. Что вы думаете объ этомъ молодцѣ?

— Я нахожу его такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, что кто его хотя разъ видѣлъ, тотъ едва ли забудетъ его. Я такъ живо вспоминалъ его всегда, какъ будто бы онъ былъ у меня передъ глазами; четвероугольный плоскій черепъ, съ низкимъ покатымъ назадъ лбомъ большой хищной кошки, о которой напоминаютъ и его зеленые косые глаза,—въ то время какъ его широкія плечи, его коренастая, приземистая фигура, съ неуклюжими кривыми ногами, указываютъ скорѣе на собаку—именно на помѣсь такса и бульдога—тѣмъ болѣе, что онъ такъ же упрямъ и вѣренъ какъ и эти животныя: я думаю, онъ пойдетъ за своего господина въ огонь и въ воду.

— И въ воду, сказалъ Вольнофъ;—превосходно! Вотъ что значитъ глазъ-то художника! и говоритъ-то онъ словно пишетъ! Такъ это-то милое чудовище сидѣло у васъ на козлахъ, правя во мракѣ? Какова же была эта поѣздка?

— Правду сказать, я, почти до самой катастрофы, мало или даже и вовсе не обращалъ вниманія на то, что происходило вокругъ меня. Но теперь я припоминаю, что мы съ трудомъ поднимались на пригорокъ, вѣроятно вслѣдствіе сильнаго вѣтра, дувшаго намъ на встрѣчу, и Генрихъ Шеель съ свойственной ему жестокостію сильно хлесталъ бѣдныхъ лошадей,—а онѣ, предчувствуя повидимому свою судьбу, не хотѣли трогаться съ мѣста, такъ что наконецъ Генрихъ Шеель соскочилъ съ экипажа.

— Соскочилъ съ экипажа, повторилъ Вольнофъ,—очень хорошо! очень *à propos*, потому-что вслѣдъ за этимъ послѣдовало паденіе! не правда ли?

— Оно, должно быть, произошло въ ту же самую минуту.

— Положимъ, минуты двѣ спустя, иначе и вѣрный Калибанъ долженъ бы былъ раздѣлить ту же участь. Вы уже описывали мнѣ намедни вечеромъ это паденіе со всѣми подробностями, какія только вы могли запомнить; удивительно какъ далеко простирается наблюдательность художника, до самаго предверія, чуть не за порогъ смерти! А какъ долго длилась эта страшная минута, когда вы были такъ близко къ погибели?

— Трудно сказать положительно; безпамятство овладѣло мною безъ борьбы, даже безъ перехода, быстро, незамѣтно, въ родѣ того какъ опускается вѣко на глазъ. Точно такъ же и очнулся я безъ всякаго перехода, лежа лицомъ вверхъ, глядя на мѣсяцъ и наблюдая какъ находившіяся подъ нимъ желтокоричневыя облака дѣлались все тоньше да тоньше — словно мнѣ ровно нечего было больше дѣлать — пока наконецъ онъ не выглянулъ во всемъ блескѣ изъ-за послѣдняго прозрачнаго покрывала. Въ ту же самую минуту я вполнѣ, и притомъ сразу, созналъ свое положеніе и—словно кто сказалъ мнѣ это— зналъ, что скатился приблизительно до половины откоса и лежу на выступѣ, тогда какъ все что тянулось внизъ по направленію отъ откоса до края болота—представлялось мнѣ въ такомъ безпорядкѣ, что я ничего не могъ отличить. А потомъ я, должно быть, опять впалъ въ какое-то особенное состояніе. Но это было не безпамятство, а какой-то обманъ чувствъ, галлюцинація. Мнѣ очень явственно представлялся какой-то всадникъ, несшійся по болоту, по направленію къ Нейенгофу, съ такою быстротою какая проявляется только въ видѣніяхъ. Какъ настоящій призрачный всадникъ, онъ низко нагнулся надъ длинной тонкой шеей летѣвшаго во весь опоръ коня; на головѣ у

него была высокая шляпа. Привидѣніе въ цилиндрѣ, не смѣшно ли это?

— Дѣйствительно, очень смѣшно! сказалъ Вольнофъ. Онъ опять всталъ и подошелъ къ окошку, чтобы скрыть отъ Готтгольда свое волненіе. Что говорилъ намедни трактирный слуга о превосходныхъ свойствахъ лошади, на который пріѣхалъ Брандовъ въ ту ночь? и призрачный всадникъ мчался по направленію къ Нейенъгофу? да вѣдь и Брандовъ проѣзжалъ его! Странно, на Брандовѣ тоже была въ ту ночь высокая шляпа, и эта высокая шляпа была забрызгана тиной.

Вольнофъ обернулся опять къ Готтгольду.—Вы считаете невозможнымъ, чтобы какое бы то ни было существо, то есть существо съ плотью и костями, могло пройти по долланскому болоту?

— Что навело васъ на эту мысль? спросилъ съ удивленіемъ Готтгольдъ.

— О, мнѣ пришло это на умъ потому только, что Брандовъ вездѣ разсказываетъ, будто-бы одна-изъ везшихъ васъ лошадей какъ-то высвободилась—и желая спастить черезъ болото, утонула.

— Въ такомъ случаѣ у васъ самое лучшее доказательство невозможности этого!

— Конечно! возразилъ Вольнофъ;—а теперь вамъ непремѣнно нужно успокоиться; Лаутербахъ и безъ того уже будетъ недоволенъ. Черезъ два часа я опять зайду; до тѣхъ же поръ, во что бы то ни стало, вамъ надо уснуть.

Вольнофъ провелъ эти два часа въ такомъ волненіи, къ какому этотъ хладнокровный человѣкъ уже не считалъ себя способнымъ. Онъ поджидалъ рефендарія, который обѣщалъ остановиться въ Прорѣ на обратномъ пути изъ Доллана и сообщить ему результатъ своихъ розысковъ. Господинъ фонъ Паленъ двумя часами раньше его выѣхалъ изъ Б. и вѣроятно уже успѣлъ исполнить сдѣланное ему порученіе. Дѣйствительно, онъ вскорѣ пріѣхалъ, но безъ жандарма, прикомандированнаго къ нему его начальникомъ для того чтобы придать болѣе торжественности дѣлу.

— Диковинное слѣдствіе! сказалъ господинъ фонъ Паленъ.—Вы знаете, что я пріѣхалъ собственно за тѣмъ чтобы составить протоколъ о Генрихѣ Шеелѣ, который везъ этихъ господъ; покрайней мѣрѣ въ этомъ именно состояла моя главная задача,—какъ вдругъ... представьте себѣ!

— Этотъ человѣкъ скрылся, сказалъ Вольнофъ.

— Откуда вы это узнали?

— Это мое собственное предположеніе. Продолжайте, пожалуйста, вашъ разсказъ.

— Дѣйствительно скрылся, продолжалъ фонъ Паленъ.— Не больше какъ за полчаса до нашего пріѣзда онъ былъ еще въ помѣстьѣ; это говорятъ всѣ, между прочимъ и господинъ Брандовъ, который не задолго до этого возвратился домой. Онъ скрылся, пропалъ безъ вѣсти; господинъ Брандовъ былъ такъ любезнъ, что разослалъ своихъ людей во всевозможныхъ направленіяхъ, чтобы сыскать его, что и было бы сдѣлано — это говоритъ самъ господинъ Брандовъ—еслибы...

— Еслибы этотъ человѣкъ былъ не противъ того, чтобъ его сыскали.

— Совершенно вѣрно. Подумайте только, что это за глупый малый! въ концѣ концовъ вѣдь за нимъ нѣтъ никакой другой вины, кромѣ той что, жалѣя каретныхъ лошадей, онъ самовольно взялъ для этой поѣздки самыхъ скверныхъ клячь, какія только случились у него подъ руками въ числѣ многихъ другихъ превосходныхъ лошадей! Отъ этого-то по мнѣнію Брандова и произошла вся бѣда. Конечно, если этотъ человѣкъ дѣйствительно находится въ бѣгахъ,—я оставилъ тамъ на всякій случай Рютеръбуша, который схватитъ его за воротъ, если онъ паче чаянія, покажется,—тогда, говорю, конечно, это дѣло принимаетъ совсѣмъ другой видъ. Вѣдь этотъ малый какъ бы умышленно поддерживаетъ мнѣніе, что онъ, Богъ знаетъ какимъ образомъ, нашелъ деньги или даже вынулъ ихъ у ассесора изъ кармана, во время его обморока,—и теперь, сознавая свою вину и завидя насъ—а вѣдь съ пустошито далеко можно видѣть—далъ тягу. Брандовъ былъ чрезвычайно смущенъ; онъ говорилъ, что скорѣе счелъ бы способнымъ къ подобному преступленію кого угодно, только не человѣка который пользовался большимъ уваженіемъ еще при его отцѣ и всегда вѣрно и честно служилъ ему,—но все же согласился съ тѣмъ, что внезапное исчезновеніе этого человѣка дѣйствительно подозрительно; что, наконецъ, все возможно; во всякомъ случаѣ, нельзя отвергать возможности, что бѣднякъ не устоялъ противъ тяжелаго искушенія сдѣлаться сразу богатымъ человѣкомъ.

— Злаго человѣка всегда тянетъ ко злу, хотя бы даже онъ и не былъ бѣденъ, сказалъ Вольнофъ.

— Такъ вы думаете, что онъ укралъ? пылко спросилъ рефендарій.

— Я тутъ лицо совершенно постороннее и не могу имѣть своего мнѣнія, уклончиво возразилъ Вольнофъ, тогда какъ въ его темныхъ глазахъ сверкнула молнія, говорившая повидимому, что все же это мнѣніе у него есть— и притомъ очень рѣшительное.

XXIV.

Готтгольдъ, лишь только его состояніе позволило ему, переселился изъ Проры въ Зюнденъ, хотя Оттилія и утверждала, что воздухъ въ Прорѣ несравненно лучше для выздоравливающаго и что онъ можетъ такъ же хорошо написать здѣсь обѣщанную картину, какъ и тамъ. Она даже готова была объявить, что въ случаѣ, если другъ только для этого подкидаетъ ихъ, то она на-отрѣзъ отказывается отъ подарка; но ея мужъ еще разъ разошелся съ нею во мнѣніяхъ. — Не слѣдуетъ удерживать того, кто хочетъ ѣхать, сказалъ онъ, если не желаешь взять на себя отвѣтственности за тѣ послѣдствія, какія могутъ выйти, въ случаѣ если онъ останется. А этого въ настоящемъ случаѣ мнѣ вовсе не хочется. Я сердечно люблю этого молодаго человѣка, какъ онъ того заслуживаетъ, и отъ души желаю ему всего того счастья, какого онъ стоитъ,— только я не совсѣмъ понимаю, какимъ образомъ можетъ онъ достигнуть его этимъ путемъ. Не думай, чтобы я имѣлъ при этомъ въ виду свои собственныя воззрѣнія на бракъ; я уже готовъ на всякія уступки, лишь бы помочь Готтгольду. Но все же это не то. Единственное средство устранить препятствія такъ плохо, что, сколько я его знаю, онъ содрогнется при одной мысли употребить его, если только до этого дойдетъ. Пока до этого еще не дошло.

— Я не стану ломать голову надъ этой загадкой, вскричала Оттилія,—я сдѣлаю только одинъ вопросъ, пожалуйста отвѣчай мнѣ на него прямо безъ утайки: знаетъ ли Готтгольдъ про это средство?

— Я ничего не говорилъ ему на этотъ счетъ, но можетъ быть онъ, со свойственной ему проницательностью, самъ открылъ его.

Какъ ни загадочно было это объясненіе для Оттиліи, въ одномъ она не могла сомнѣваться—что Готтгольдъ дѣйствительно хочетъ ѣхать и что даже убѣжденія ея супруга едва ли въ состояніи удержать его.

Готтгольдъ уѣхалъ съ поспѣшностію человѣка, кото-

рый воображаетъ, что надъ нимъ тяготѣютъ чары, и хочетъ во что бы то ни стало освободиться отъ нихъ. Да и дѣйствительно, начиная съ той минуты какъ онъ ступилъ на родной островъ и проѣзжалъ по роднымъ полямъ въ обществѣ товарища своей молодости, не узнавая его, онъ какъ будто бы попалъ въ заколдованный кругъ. Добрый Іохенъ Пребровъ! вотъ ужь онъ-то всего менѣе напоминалъ собою вѣстника боговъ, а между тѣмъ—съ него именно начался рядъ чудесъ этихъ послѣднихъ дней, то дарившихъ его видѣніемъ божественно-прекраснаго лица, то представлявшихъ ему гнусную адскую образину,—то поившихъ его нектаромъ и амврозіей, то осыпавшихъ пепломъ сухой, пылающій языкъ его.

«Я была бы несчастнѣйшимъ созданіемъ, еслибъ ты не понималъ меня!»

Эти слова не переставали раздаваться въ ушахъ его—слова и тотъ испуганный голосъ, какимъ она воскликнула ихъ, какъ бы изъ бездны несчастія, откуда уже ничего не спасетъ ее, въ случаѣ еслибъ онъ не понялъ ея. Она и онъ! Вѣдь называется же непониманіе сомнѣніемъ; а сомнѣніе и отчаяніе—въ этомъ случаѣ—одно и тоже!

Понялъ ли онъ ее?

Была полночь, когда Готтгольдъ вдругъ проснулся послѣ безпокойнаго сна, проснулся съ мыслію: на одно, на одно только она не можетъ и не имѣетъ права рѣшиться—уйдти, въ то время какъ ея ребенокъ будетъ оставаться,—оставаться во власти этого сатаны; и этимъ «однимъ» сатана покорилъ ее своей власти. А что онъ можетъ принудить ее уйдти, что онъ принудитъ ее уйдти, предложитъ расторженіе брака, нарушеннаго ею,—то ей ли гордой отпираться? клятвенно отрекаться, что она не лежала въ объятіяхъ друга? повторять передъ судомъ, передъ свѣтомъ «да», которое она давно уже превратила въ глазахъ его въ неизмѣнное «нѣтъ». И вотъ, нарушеніе вѣрности подтверждено, бракъ расторгнутъ, дитя отнято у виновной стороны и присуждено той, которая признана невинною!

И онъ продиктовалъ ей съ презрительнымъ смѣхомъ тѣ позорныя слова, которыя должны были сдѣлать ее въ глазахъ возлюбленнаго продажной женщиной и достигли бы этой цѣли, еслибъ онъ не разгадалъ этого адскаго замысла, если бы онъ не понялъ ее.

Слава Богу, что онъ понималъ ее теперь! Но сколько она должна была вытерпѣть! какъ она должна была страдать!

И это такъ и останется? никогда! Теперь, когда онъ наконецъ разгадалъ презрѣнную игру своего противника, побѣда будетъ на его сторонѣ. И если онъ допустилъ заплатить себѣ за позоръ знанія, что его жена принадлежитъ въ душѣ другому, то что же въ такомъ случаѣ у него не продажное! Честь, жена и дитя—все у него продажное. Зачѣмъ же, когда такъ, онъ не продалъ всего и всѣхъ сразу? вѣдь онъ зналъ, что ему заплатятъ любую цѣну, насколько хватитъ состоянія покупщика! Или онъ хотѣлъ поднять цѣну на свои товары, продавая ихъ порознь? Или даже и для него существовали такія вещи, черезъ которыя онъ не могъ перешагнуть? немыслимо! Или его ненависть къ сопернику была сильнѣе его корыстолюбія? Или онъ былъ такъ утонченно жестокъ, что только увѣчилъ свои жертвы, чтобы наслаждаться ихъ муками?

Конечно, это очень могло статься отъ такого человѣка; но долго ли этотъ расточитель, этотъ игрокъ будетъ въ состояніи доставлять себѣ такое дорогое наслажденіе? скоро ли нужда заставитъ его продавать свои товары? Что остается дѣлать покупщику, какъ не выжидать да держать наготовѣ деньги?

Тутъ состояніе Готтгольда, которое до сихъ поръ не имѣло почти никакого значенія въ глазахъ его, вдругъ пріобрѣло для него удивительное, безцѣнное достоинство. И тяжело стало у него на душѣ при мысли, что онъ довѣрилъ его такимъ людямъ, на честность которыхъ нельзя было вполнѣ положиться. По крайней мѣрѣ Вольнофъ, еще до личнаго знакомства съ нимъ, не разъ намекалъ ему въ письмахъ, а потомъ прямо совѣтывалъ ему остерегаться штетинскаго торговаго дома; но Готтгольдъ, изъ равнодушія къ собственности, изъ уваженія къ памяти своего благодѣтеля—его преемникъ все еще сохранялъ въ фирмѣ его имя—не обратилъ вниманія на предостереженіе, пока Вольнофъ не заговорилъ недавно объ этомъ предметѣ еще настойчивѣе прежняго и не сказалъ ему напрямикъ, чтобы онъ требовалъ возвращенія своего капитала и что медлить опасно. Зюндинскій банкирскій домъ, дисконтировавшій векселя Вольнофа, подтвердилъ Готтгольду показанія своего корреспондента и предложилъ ему свои услуги, но съ тѣмъ чтобы онъ какъ можно скорѣе требовалъ возвращенія своихъ денегъ.

Готтгольдъ хотѣлъ было сдѣлать это, но прежде всего онъ зашелъ къ своему пансіонеру, молодому живописцу Бругбергу; онъ нашелъ его умирающимъ—и предавшись исполненію дружескихъ обязанностей, забылъ все остальное. Затѣмъ послѣдовали дни и недѣли мрачнаго унынія, когда онъ не могъ ни на что рѣшиться. Теперь онъ уже не колебался, хотѣлъ какъ можно скорѣе наверстать потерянное... Поздно!

Когда онъ явился къ банкиру, то этотъ послѣдній встрѣтилъ его съ чрезвычайно озабоченнымъ лицомъ. Онъ только что получилъ изъ Штеттина извѣстіе, что домъ Ленца и Компаніи обанкрутился—и притомъ самымъ скандальнымъ образомъ: заимодавцамъ не достанется и по пяти процентовъ съ капитала.—Мнѣ очень жаль, сказалъ господинъ Натансонъ,—самъ я теряю бездѣлицу, если только можно назвать потерею то, что мы давно уже считали потеряннымъ; но у васъ пропадаетъ значительная сумма. Пятьдесятъ тысячь талеровъ, если не ошибаюсь?

Еще незадолго передъ этимъ Готтгольдъ пожалъ бы при такомъ извѣстіи плечами и опять взялся бы за работу. Теперь оно поразило его какъ громомъ. Вслѣдствіе недавно сдѣланнаго имъ у Вольнофа займа и его теперешней потери—отъ его состоянія осталась только четвертая часть, да и эта, если смотрѣть строго, уже не принадлежала ему. Но и помимо этой точки зрѣнія, долженъ же онъ былъ исполнить взятыя имъ на себя обязательства, обязательства въ отношеніи бѣднаго молодаго художника, основавшаго планъ свой жизни на его дружбѣ, въ отношеніи жены и дѣтей только-что скончавшагося собрата по искусству, которыя, не будь его, очутились бы въ самомъ жалкомъ положеніи. Что же останется ему, когда онъ, какъ этого требуетъ его честь, его сердце,—заплатитъ эти долги? ничего! ничего кромѣ выручекъ съ его работы. Этого для него довольно, и даже слишкомъ; но для ненасытности того мота? вѣдь его не обнадежить будущимъ, онъ не согласится на разсрочку платежей, нѣтъ!

Готтгольдъ безпомощно стоялъ у поднимавшейся передъ нимъ преграды; ни гнѣвъ, ни отчаяніе, ничто не могло сломить ее. Въ чемъ можно было винить ее, кромѣ того, что она—молодая, великодушная, довѣрчивая, — далась въ обманъ негодяю? что она, послѣ долгихъ лѣтъ тяжелой, затаенной муки, отдохнула при видѣ друга своей мо-

Корчма на Литовской границѣ („Борисъ Годуновъ" А. С. Пушкина). Съ картины Мясоѣдова. Рис. Понезеровъ, грав. Г. Кохъ.

лодости и, ища спасенія, бросилась въ его объятія? А теперь вина оказывается на ея сторонѣ—и негодяй, чванясь своими правами, можетъ безнаказанно ругаться надъ нею, мучить ее, убить!

И вотъ, полный гнѣва, ненависти и любви кружился онъ въ этомъ страшномъ кругу, откуда не было повидимому выхода, если только не найдется средства уличить передъ цѣлымъ свѣтомъ въ винѣ того, кто дѣйствительно виноватъ.

Но можетъ ли быть доказана подобная вина?

Готтгольдъ испугался самаго себя, поймавъ себя на размышленіяхъ о возможности добыть эти доказательства. Неужели онъ рѣшится замарать свою честь, честь Цециліи, раскрывъ эти нечистыя тайны, которыя поднимаются изъ господскаго кабинета въ Долланѣ вверхъ по темной лѣстницѣ на чердакъ, въ маленькую комнатку субретки? Никогда!

А что этотъ мотъ, что этотъ игрокъ могъ выйти изъ мрачныхъ подземелій порока на открытую, сравнительно, дорогу преступленія—и эта мысль приходила ему на умъ; но слишкомъ многое говорило противъ этого. Трудно было предполагать въ этомъ негодяѣ то мужество, котораго все же нельзя отнять отъ преступленія. Опять и то взять: не даромъ же Вольнофъ высказалъ подозрѣніе; а вѣдь онъ, изъ участія ли къ ассесору или по влеченію собственной души, стремящейся объяснять все загадочное, схватился за это дѣло съ такимъ жаромъ, слѣдилъ такъ тщательно за малѣйшими подробностями, которыя могли повести къ открытію потерянныхъ или украденныхъ денегъ. И наконецъ, не психологическая ли это невозможность, чтобы даже такой человѣкъ какъ Брандовъ—какимъ бы образомъ онъ ни участвовалъ въ воровствѣ, прямо ли или посредствомъ третьяго лица,—могъ такъ спокойно держать руку обкраденнаго, какъ онъ недавно дѣлалъ это, когда Готтгольдъ засталъ его въ веселомъ разговорѣ съ выздоравливающимъ ассесоромъ и его супругой! Конечно, юргенскій попечительный совѣтъ взглянулъ на это дѣло съ особенной точки зрѣнія и разрѣшилъ чрезвычайно благопріятнымъ для Селльена образомъ. Подъ предсѣдательствомъ отца Альмы, члены нашли, что ассесоръ тутъ рѣшительно ни въ чемъ не виноватъ; въ качествѣ уполномоченнаго попечительнаго совѣта онъ былъ обязанъ принять деньги—и нисколько не отвѣчаетъ за то, что могло случиться въ долланской пустоши во время паденія и послѣ этого. На этомъ основаніи попечительный совѣтъ просто-на-просто внесъ десять тысячь талеровъ въ счетъ текущихъ убытковъ, «и если дѣло, милостивые государи», заявилъ Селльеновъ тесть, «коснется того, чтобъ отмѣнить обнародованное предписаніе о поимкѣ Генриха Шееля, то, что касается до меня, я ничего не имѣю противъ этого. Вѣдь парень-то давно уже удралъ за тридевять земель, поэтому публикѣ совершенно незачѣмъ напоминать объ этой глупой исторіи; это не согласуется, милостивые государи, ни съ нашими интересами вообще, ни съ интересами моего зятя».

Брандовъ страшно хохоталъ, когда Селльенъ потѣшалъ его описаніемъ этого послѣдняго засѣданія попечительнаго совѣта. Къ сожалѣнію, онъ не могъ оставаться ни минуты больше, ему нужно было ѣхать сейчасъ же послѣ засѣданія комитета для скачекъ: седьмое засѣданіе въ двѣ недѣли! онъ просто такъ и не выѣзжаетъ изъ города; да и что же ему иначе дѣлать? Дѣло идетъ о томъ, чтобы объявить недѣйствительнымъ рѣшеніе, въ силу котораго къ мѣсту для господскихъ скачекъ прирѣзывается полоса болотистой земли; а отъ этого зависитъ у него все. Его рыжій, который впрочемъ благополучно прибылъ вчера вмѣстѣ съ прочими лошадьми, — чудо, а не лошадь; настоящій *Steeple-Chaser!* но именно потому-то, что онъ такой сильный скакунъ, ему и слѣдуетъ держаться твердой почвы. Это просто стыдъ и срамъ, что съ нимъ дѣлаютъ! даже молодой князь Прора объявилъ, что это «*indigne*». Но неустойки онъ ни въ какомъ случаѣ не заплатитъ, лучше увязнетъ въ болотѣ, или, если ужь дѣло дойдетъ до этого, утонетъ.

— Это герой! воскликнула Альма Селльенъ, придавая глазамъ своимъ мечтательное выраженіе, когда Брандовъ еще не совсѣмъ затворилъ за собою дверь.

— Это дуракъ! сказалъ Готтгольдъ, идя къ себѣ на квартиру по тихимъ, вспрыснутымъ дождемъ улицамъ;—по крайней мѣрѣ такой же дуракъ какъ и мошенникъ, но что у него нѣтъ ни на волосокъ истиннаго мужества—въ этомъ нечего и сомнѣваться.

Дома у себя Готтгольдъ нашелъ письмо—и по твердому, смѣлому почерку сразу узналъ, что оно отъ Вольнофа.

Письмо было длинно; Готтгольдъ полагалъ, что оно заключаетъ въ себѣ подробности о штетинскомъ дѣлѣ, на счетъ котораго онъ не разъ мѣнялся съ другомъ въ послѣднія недѣли письмами. Онъ ошибся. Его глаза загорѣлись, когда онъ, стоя, быстро пробѣжалъ страницы; тутъ онъ бросился въ кресла, но тотчасъ же вскочилъ на ноги, потому-что уже рѣшился. Онъ побѣжалъ къ тому дому, гдѣ происходили засѣданія комитета для скачекъ. Господинъ Брандовъ, послѣ сильнаго спора съ нѣкоторыми изъ членовъ этого клуба, вышелъ, съ полчаса тому назадъ, изъ дому. Готтгольдъ отправился въ гостинницу, гдѣ обыкновенно останавливался Брандовъ. Но господину Брандову не заблагоразсудилось почтить на этотъ разъ своимъ присутствіемъ гостинницу. Не остановился ли онъ у «Золотаго Льва»? Но «Золотой Левъ» тоже не могъ ничего сказать о Брандовѣ, а указалъ на «Бѣлаго Коня». Изъ этой гостинницы Брандовъ выѣхалъ съ четверть часа тому назадъ. «Вѣроятно, говорилъ оберъ-кельнеръ,—онъ отправился домой, по крайней мѣрѣ онъ отослалъ свои вещи на пакетботъ».

Слѣдующее судно отходило не ранѣе какъ черезъ полчаса. Готтгольду какъ разъ хватило времени на то, чтобъ добѣжать домой и спрятать свои вещи въ сакъ.

— Можетъ быть я возвращусь дня черезъ два, закричалъ онъ хозяйкѣ; а самъ думалъ:—можетъ быть я и вовсе не возвращусь.

(Продолженіе будетъ).

Корчма на Литовской границѣ.

(„Борисъ Годуновъ“ А. С. Пушкина). Съ картины Мясоѣдова.

Смутное время и личность перваго самозванца—не разъ вдохновляли писателей русскихъ и иностранныхъ. Обходя первую попытку Сумарокова, исполненную реторическихъ фразъ и прочихъ недостатковъ французской псевдоклассической трагедіи, которой онъ подражалъ, а также и современныя намъ, истинно-художественныя произведенія гг. Островскаго и Чаева, — остановимся на двухъ образахъ Лжедмитрія, созданныхъ титаническими силами двухъ

міровыхъ поэтовъ—Шиллера и Пушкина. Блестящая личность смѣлаго искателя приключеній, который изъ ничтожества достигъ престола, съумѣвъ подчинить себѣ хотя на время цѣлый народъ,—понятнымъ образомъ привлекла вниманіе великаго нѣмецкаго идеалиста, который черпалъ матеріалъ своихъ вдохновеній изъ океана всемірной исторіи, подчиняя его своей субъективности и силою своего генія претворяя въ чисто-идеальныя созданія. Такъ отнесся онъ и къ своему «Димитрію», который, въ видѣ недоконченной программы, занималъ Шиллера на самомъ смертномъ одрѣ. Нѣмцы глубоко сожалѣютъ, что ранняя смерть помѣшала поэту докончить это многообѣщавшее произведеніе. Дѣйствительно, если внимательно всматриваться въ программу «Димитрія»—нельзя не подивиться серіозной начитанности Шиллера по этому предмету, и притомъ въ такую эпоху, когда мы сами, русскіе, были еще такъ бѣдны матеріалами по отечественной исторіи. Но какъ только начинаешь читать начало самой драмы, такъ и чувствуется фальшь въ самомъ основаніи,— еще довольно сносная, пока дѣло касается поляковъ съ ихъ сеймомъ; но окончательно нестерпимая, какъ только дѣйствіе переходитъ въ русскія села и монастыри. Чего же недоставало для выполненія своего замысла космополитическому поэту, который съ такою правдивостью передавалъ мельчайшіе національные оттѣнки характеровъ (правда, идеализированныхъ) изъ исторіи Англіи (Марія Стюартъ), Франціи (Орлеанская дѣва), Испаніи (Донъ Карлосъ), не говоря уже о Валленштейнѣ и Вильгельмѣ Теллѣ, гдѣ окрѣпшій геній Шиллера достигаетъ реализма въ своемъ идеализмѣ? Недоставало ему именно реальной основы: знанія славянскаго характера и быта, которые сложились на совершенно иныхъ основахъ, чѣмъ въ западныхъ германо-романскихъ національностяхъ. Этимъ-то знаніемъ народности въ высшей степени владѣлъ Пушкинъ въ эпоху созданія своего «Бориса Годунова», успѣвъ отрѣшиться отъ байронизма и другихъ чуждыхъ западноевропейскихъ вѣяній. Вотъ что писалъ онъ самъ по окончаніи этой драматической хроники: «Хотя я вообще довольно равнодушенъ къ успѣху или неудачѣ моихъ сочиненій, но признаюсь, неудача Бориса Годунова будетъ мнѣ чувствительна.... Какъ Монтань, я могу сказать о своемъ сочиненіи: «c'est une oeuvre de bonne foi«. Писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій и постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладиться дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мной употреблены были всѣ усилія, наконецъ—одобрѣніе малаго числа избранныхъ.... мнѣніемъ которыхъ я дорожу». «Борисъ Годуновъ» начатъ и оконченъ въ Михайловскомъ (небольшомъ имѣніи Пушкиныхъ въ Псковской губерніи), гдѣ сильно вліяла на поэта простая родная почва, за изученіе которой онъ принялся со всѣмъ жаромъ недавняго отступника отъ Байрона. Вечера посвящалъ Пушкинъ бесѣдамъ съ знаменитой нянею его, Ариною Родіоновною, которая была «посредницей его въ сношеніяхъ съ русскимъ сказочнымъ міромъ, руководительницей его въ узнаніи повѣрьевъ, обычаевъ и самыхъ пріемовъ, съ какими народъ подходитъ къ вымыслу и поэзіи»,—а дни проводилъ въ собираніи памятниковъ народной словесности, наблюденіяхъ и тонкомъ, глубокомъ изученіи народной рѣчи. Въ то же время Пушкинъ постоянно работалъ надъ самообразованіемъ, выучился англійскому языку, подробно и близко ознакомился съ Шекспиромъ и пришелъ къ убѣжденію, что «нашему театру приличны народные законы драмы шекспировской, а не свѣтскій обычай трагедій Расина. Что касается занятій отечественной исторіей, то о нихъ свидѣтельствуетъ его «Исторія Пугачевскаго бунта» и самое посвященіе «Бориса Годунова» Карамзину, какъ трудъ, геніемъ его вдохновенный. Писался этотъ трудъ такъ быстро, такъ цѣльно, какъ еще не приходилось Пушкину до тѣхъ поръ. «Я пишу и вмѣстѣ думаю (говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ). Большая часть сценъ требовала только обсужденія. Когда приходилъ я къ сценѣ, требовавшей уже вдохновенія, я или пережидалъ или просто перескакивалъ чрезъ нее. Этотъ способъ работы для меня совершенно новъ. Я знаю, что силы мои развились совершенно и чувствую, что могу творить».

Вотъ какой упорной подготовительной работы при необыкновенно-счастливой обстановкѣ стоило созданіе трагедіи, которая въ переводахъ стяжала европейскую славу ея творцу! На русской сценѣ, она появилась лишь въ послѣдніе годы; что же касается живописи—она почтила поэта ранѣе, нежели театръ для котораго онъ трудился. Не говоря о великолѣпныхъ гравюрахъ къ твореніямъ Пушкина, появлявшихся въ изданіи г. Генкеля, двое русскихъ живописцевъ избрали сцену въ корчмѣ на Литовской границѣ темою своихъ произведеніи: мы говоримъ о г.г. Трутовскомъ и Мясоѣдовѣ съ картины котораго, бывшей на прошлогодней выставкѣ въ Императорской Академіи Художествъ, прилагаемъ рисунокъ г. Понезерова. Онъ изображаетъ тотъ моментъ, когда бѣглый Гришка Отрепьевъ, пробираясь къ Литовской границѣ въ обществѣ двухъ бродягъ, Мисаила и Варлаама, выдающихъ себя за чернецовъ, заходитъ въ корчму, и здѣсь открытый приставами при посредствѣ Варлаама, выхватываетъ кинжалъ и бросается въ окно, производя переполохъ во всѣхъ присутсвующихъ, къ несказанному ужасу хозяйки корчмы. Считая излишнимъ болѣе подробно напоминать читателямъ эту высоко-художественную, дышащую неподдѣльнымъ народнымъ юморомъ сцену, мы позволимъ себѣ обратить ихъ вниманіе на самую гравюру, выполненную по заказу нашему заграницей талантливымъ рѣзцомъ г. Коха, который употребилъ около двухъ мѣсяцевъ на воспроизведеніе рисунка г. Понезерова, съ тою добросовѣстностью въ отдѣлкѣ мельчайшихъ подробностей, какой требовала превосходная картина г. Мясоѣдова. Намъ остается лишь пожалѣть, что г. Понезеровъ, передавъ свой рисунокъ въ наше распоряженіе, нашелъ возможнымъ въ то же время уступить копію съ него другому изданію, на страницахъ котораго она и появилась какъ видно весьма на скорую руку.

Шарль Франсуа Гуно.

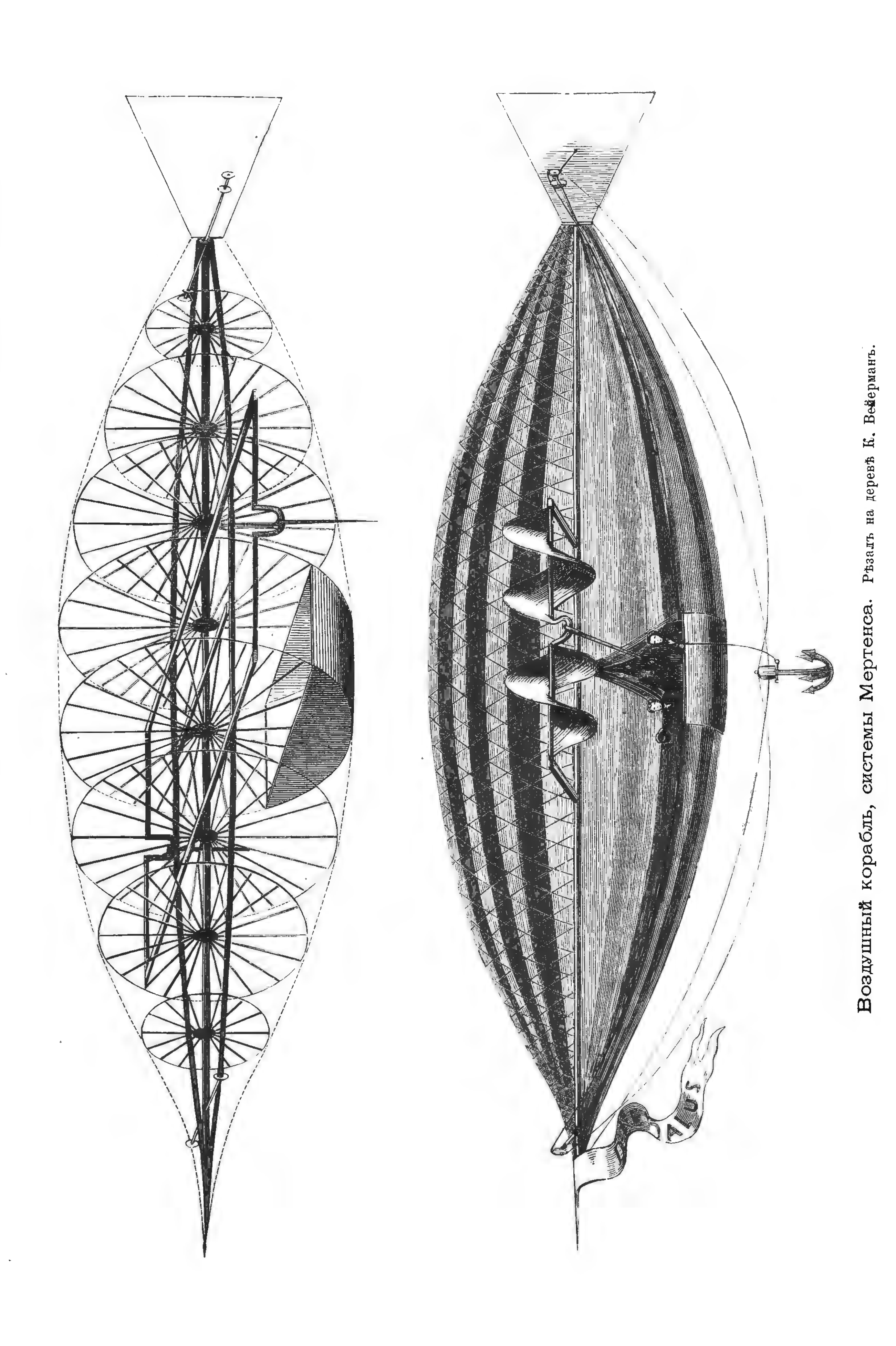
Неотразимо влечетъ композиторовъ сцена въ свой волшебной кругъ; каждый годъ множество рукъ протягивается за царскими призами, которыми она вѣнчаетъ побѣдителя; тѣмъ не менѣе оперный репертуаръ съ каждымъ годомъ бѣднѣетъ. Современные композиторы, дѣти времени чрезвычайно богатаго умомъ и образованіемъ, но безконечно бѣднаго самостоятельнымъ творчествомъ, должны выбирать одно изъ двухъ: или старательно комбинировать уже извѣстныя формы и выраженія, или дѣлать отчаянное усиліе—завоевать посредствомъ преобразованія тѣхъ зако-

Шарль Франсуа Гуно. Рис. Е. Роллеръ, грав. О. Ротъ.

новъ, на которыхъ покоится музыкальная драма, новую почву для новой жатвы. Хроникеру же музыкальной исторіи нашихъ дней не остается ничего больше, какъ отложить въ сторону идеальный масштабъ, какъ бы ни лежало нему его сердце, и примѣнить свою эстетическую критику къ обстоятельствамъ и условіямъ настоящаго. Но его поклоненіе великимъ умершимъ творцамъ всего менѣе должно позволять ему высокомѣрно смотрѣть на труднодостигаемые успѣхи современниковъ. Напротивъ, скорѣе онъ обязанъ быть благодарнымъ за малѣйшій даръ, долженъ сочувственно относиться даже къ едва замѣтному зародышу таланта, пробивающемуся изъ жестокой почвы на суровый воздухъ.

Гуно, которому теперь пятьдесятъ четыре года, одинъ изъ важнѣйшихъ представителей современной французской оперы. Въ Парижѣ съ перваго же его появленія въ немъ оцѣнили серіознаго художника, отвергающаго въ музыкѣ ремесло, служащее единственно для праздной забавы. Его *Фаустъ* имѣлъ такой блестящій успѣхъ, какого не имѣла опера въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ. Легко усвоиваемый пѣвучій характеръ мелодій, наркотическій ароматъ, который онѣ разливаютъ, привелъ публику въ восторгъ. Роль Маргариты считается одной изъ благодарнѣйшихъ ролей современнаго репертуара; знаменитости первой величины, какъ Лукка, Арто и многія другія, увѣнчали ее роскошными цвѣтами своего таланта. Фаустъ сдѣлался принадлежностью всѣхъ европейскихъ сценъ. Извѣстно, что у насъ это также одна изъ самыхъ любимыхъ оперъ.

Новѣйшие произведеніе Гуно, *Ромео и Юлія*, также



Воздушный корабль, системы Мертенса. Рѣзалъ на деревѣ К. Вейерманъ.

поставленное въ нынѣшній сезонъ на нашей итальянской сценѣ, только-что еще обходитъ музыкальный міръ. Едва ли эта опера будетъ имѣть такой успѣхъ какъ предшествовавшій ей «Фаустъ», но во всякомъ случаѣ можно ожидать, что ей будетъ оказано по крайней мѣрѣ должное вниманіе. Она вполнѣ заслуживаетъ этого, уже потому, что рѣзко отличается отъ обычнаго фабричнаго товара, какимъ запруженъ въ настоящее время парижскій оперный рынокъ.

Новые элементы, которыми Гуно хотѣлъ оживить французскую сцену, онъ почерпнулъ изъ созданій Шпора и Вебера, Шуберта, Мендельсона и Шумана. Всѣ эти мастера были вѣрными товарищами его работъ. Разумѣется, вліяніе нѣмецкой школы не могло не отразиться на немъ. Оно отразилось именно въ двухъ качествахъ, отличающихъ автора «Фауста» и «Ромео» отъ большинства французскихъ композиторовъ и приближающихъ его къ духу нѣмецкаго творчества,—это извѣстная идеальность и менѣе рабская зависимость отъ завѣщанныхъ преданіемъ формъ и рутинныхъ пріемовъ французской школы. Мы привыкли встрѣчать въ произведеніяхъ французскихъ оперныхъ композиторовъ стремительность ритма, больше порывистую, чѣмъ плавную гармонію, прерываемую декламаторскими удареніями мелодію, яркія краски, наконецъ блестящія музыкальныя сочетанія и контрасты. Въ музыкѣ Гуно—всѣхъ этихъ качествъ большею частью мы не находимъ, а если и встрѣчаются нѣкоторыя изъ нихъ, то въ весьма слабой степени. Ритмическій элементъ уходитъ у него (за немногими исключеніями) на второй планъ; колеблющійся полумракъ составляетъ у него преобладающій колоритъ гармоніи, мелодія его льется мягко и плавно. Въ основѣ музыкальныхъ изображеній почти сплошь лежатъ формы, принятыя новымъ направленіемъ музыки. Въ пестромъ разнообразіи, короткіе речитативы чередуются съ маленькими аріями, смотря по содержанію текста. Собственно большія аріи и ансамбли встрѣчаются какъ исключенія.

Искусная, опытная въ оперной техникѣ рука видна повсюду. Его художественный талантъ чуждъ всего рѣзкаго и грубаго; онъ выливается ясно и мирно въ спокойномъ теченіи гармоніи. Въ тщательной, богатой интересными сочетаніями, презирающей вычурные эффекты оркестровкѣ виденъ такъ же тонкій художественный вкусъ. Но напрасно будемъ мы искать въ немъ глубины и силы творчества. Въ немъ нѣтъ ни юмора, ни настоящей полной страсти; онъ не имѣетъ власти ни надъ духомъ комедіи, ни надъ трагическими силами. Его вдохновеніе ограничивается нѣсколькими минорными тонами чувства; томная мягкость и восторженная мечтательность составляютъ главныя его черты. Его сочиненія не лишены сердечности и пріятности, но эти качества прячутся иногда подъ покровомъ сантиментальности. Поэтому всѣ созданные имъ образы имѣютъ отпечатокъ какой-то усталости, слабости, недоконченности. Вся его музыка носитъ на себѣ особенный характеръ женственности; поэтому она возбуждаетъ къ себѣ, самую теплую симпатію изображеніемъ дѣвическихъ образовъ.

Шарль Франсуа Гуно родился въ Парижѣ 17-го іюля 1818 г. Своимъ музыкальнымъ образованіемъ онъ обязанъ консерваторіи подъ руководствомъ Галеви, Лесюэра и Поэра. Въ 1837 г. онъ получилъ на конкурсѣ этого института вторую, а въ 1839 г. первую награду. Послѣдняя доставила ему на пять лѣтъ государственную стипендію въ 3000 франковъ, съ обязательствомъ прожить два года въ Римѣ. Онъ усердно занимался тамъ изученіемъ старинной итальянской церковной музыки, на обратномъ пути въ отечество пробылъ нѣкоторое время въ Вѣнѣ, гдѣ въ первый разъ были исполнены его месса и реквіемъ, плоды его двухлѣтнихъ трудовъ. Возвратясь въ Парижъ, онъ руководилъ музыкальной частью богослуженія въ церкви иностранныхъ миссій, надѣлъ духовное платье, принялъ малое посвященіе, и казалось навсегда отказался отъ свѣта. Вдругъ въ 1851 г. онъ внезапно вышелъ изъ своего продолжительнаго затворничества съ своей оперой «Сафо». Хотя опера эта и не удержалась на сценѣ, но имя ея автора пріобрѣло съ тѣхъ поръ почетное мѣсто въ музыкальномъ мірѣ.

Финалъ «Сафо» принадлежитъ къ лучшему, что вообще написалъ Гуно. Положеніе дѣйствующихъ лицъ почти то же самое что въ послѣдней сценѣ Мейерберовской Африканки. На крутой, далеко выдающейся въ море скалѣ появляется поэтесса, посылая кораблю, который уноситъ ея возлюбленнаго съ счастливой ея соперницей, свою лебединую пѣснь—безслезную жалобу гордаго, хотя и разбитаго сердца.

Для второй своей драматической работы, композиторъ опять взялъ сюжетъ изъ древности. Въ хорахъ къ Понсардовой трагедіи «Улиссъ», появившейся въ 1852 году на *Théâtre français*, музыкальные критики хвалятъ ширину идей и благородство стиля. Однако публика отнеслась къ нимъ довольно холодно, и чтобы спасти свое существованіе, имъ надо было искать убѣжища въ концертныхъ залахъ. «Фаусту», который въ первый разъ увидѣлъ свѣтъ лампъ 19 марта 1859 года въ «*Théâtre Lyrique*», предшествовала въ 1854 году большая пяти-актная опера «*La nonne sanglante*» и въ 1858 г. комическая опера «*Le médecin malgré lui*». Не смотря на прелесть отдѣльныхъ частей, ни той ни другой не удалось прочно утвердиться въ репертуарѣ. Первую погубилъ нелѣпый сюжетъ, вторую—трудность задачи вѣрно передать въ звукахъ здоровый, сильный юморъ Мольера.

Могучее произведеніе Гёте—Фаустъ—постоянно оказывало возбуждающее и плодотворное вліяніе на музыку. Многіе композиторы пробовали передать его въ музыкальныхъ краскахъ. Нѣкоторыя изъ самыхъ задушевныхъ созданій Шуберта и Шумана посвящены этому поэтическому произведенію, и новая романтическая школа даритъ насъ Фаустовскими симфоніями. По увѣреніямъ Экермана, Гёте очень хотѣлось видѣть свое произведеніе въ рукахъ геніальнаго композитора. Дѣйствительно, двое изъ величайшихъ музыкальныхъ художниковъ нѣсколько лѣтъ лелѣяли мысль овладѣть гётевской драмой для оперной сцены. Одинъ изъ нихъ былъ Бетховенъ. Страннымъ образомъ онъ сошелся въ выборѣ сюжета съ Россини, своимъ музыкальнымъ антиподомъ, который, какъ говорятъ достовѣрные источники, одно время имѣлъ планъ послѣ Телля написать Фауста. Литературными сотрудниками Гуно были Жюль Барбье и Мишель Карре, два опытныхъ и талантливыхъ писателя. Прежде всего они дали самый широкій просторъ волѣ композитора, поднесли ему такой сценарій, что ему было вполнѣ удобно изливать потоки своихъ звуковъ. По ихъ мнѣнію, для этого годилась одна любовная сторона драмы, все остальное они откинули въ сторону. Посмотримъ же, какъ относится опера къ своему первообразу—трагедіи Гете.

(Окончаніе будетъ).

Новое изобрѣтеніе.

Воздушный корабль Мертенса,

Многочисленныя попытки управлять аэростатами (воздушными шарами), и давать имъ какое угодно направленіе, въ особенности часто повторявшіяся за послѣднее десятилѣтіе, до сихъ поръ еще ни разу не удавались, единственно благодаря шарообразной формѣ аэростатовъ, представлявшей слишкомъ большую поверхность давленію воздуха и потоку вѣтра, преодолѣть которые не было возможности. Новое изобрѣтеніе, которому кажется предстоитъ разрѣшить задачу воздухоплаванія, основывается главнымъ образомъ на совершенномъ уклоненіи отъ шарообразной формы. Подобно тому какъ кораблестроитель беретъ моделью судовъ первообразъ рыбы, а каретнику въ его издѣліяхъ служатъ образцомъ четвероногія животныя, такъ и воздухоплаватель можетъ заимствовать форму своего корабля изъ природы. Для того, чтобы носясь въ воздухѣ сопротивляться вѣтру, идти противъ него, грести веслами и направлять корабль во всѣ стороны, надо было устроить, такъ-сказать рыбообразную птицу съ надлежащими орудіями движенія и поворота. Наиболѣе цѣлесообразною оказывается форма веретеновидная, которая, заключая въ себѣ громадный объемъ газа и поднимая значительныя тяжести, съ легкостью разсѣкаетъ воздухъ.

Стоитъ только вытянуть обыкновенный воздушный шаръ продольно въ двѣ противоположныя стороны, заострить концы въ видѣ веретена—и форма воздушнаго корабля отыскана. Для того чтобы сообщить этой продольной формѣ прочную основу, вводится срединная ось, подобная килю корабля или позвоночному столбу животныхъ, съ тою только разницею, что она проходитъ какъ разъ въ срединѣ веретена. Отъ этой оси, изготовленной изъ легкаго дерева, въ равномѣрномъ разстояніи другъ отъ друга, на подобіе реберъ, идутъ лучами веревки къ стѣнкамъ корабля, служащія имъ поддержкою. Они необходимы для того, чтобы распредѣлить давленіе газа на стѣнки въ болѣе узкихъ полотнищахъ, чѣмъ увеличивается прочность цѣлаго и замѣняется употреблявшаяся до сихъ поръ тяжелая сѣть аэростата. Кромѣ того, натягиваемыя раздутыми стѣнками корабля, веревки эти придаютъ крѣпость самой срединной оси, не позволяя ей кривиться и уклоняться въ бокъ. Такимъ образомъ ось получаетъ значеніе твердой опоры, дающей возможность приводить корабль въ движеніе и управлять имъ. Вотъ въ главныхъ чертахъ новое изобрѣтеніе доктора и естествоиспытателя Людвига Мертенса въ Берлинѣ, которое изображено на нашемъ рисункѣ.

Шелковая или тафтяная оболочка корабля раздѣлена внутри на три камеры—непроницаемыми для газа перегородками изъ той же матеріи, которыя натягиваются на лучистые веревочные круги въ передней и задней трети веретена. Каждая изъ боковыхъ камеръ соединяется со срединною посредствомъ клапана—и притомъ такъ, что клапанъ этотъ, по наполненіи корабля газомъ, можетъ быть закрытъ посредствомъ веревки. Это устроено съ тою цѣлію, чтобы въ случаѣ разрыва оболочки, газъ вылеталъ бы лишь изъ той камеры, гдѣ послѣдовалъ разрывъ, между тѣмъ какъ двухъ другихъ наполненныхъ газомъ камеръ будетъ достаточно для безопаснаго спуска на землю.

Въ средней камерѣ помѣщается пассажирская каюта, такъ что разрѣзывающая воздухъ сила полета не задерживается никакимъ привѣсомъ вродѣ лодочекъ у аэростатовъ. Для этого, подъ срединою продольной оси оставляется свободное пространство, отгороженное отъ наполняющаго среднюю камеру газа особыми стѣнками, нисколько не выдающееся съ боковъ корабля, но открытое съ обѣихъ сторонъ. Эта каюта держится на поперечной балкѣ, которая утверждается срединою на продольной оси, а концами упирается въ стѣнки корабля и прикрѣпляется къ сѣти, натянутой на верхнюю половину корабля.

Боковыя отверстія каюты задергиваются занавѣсами. Пассажиры образуютъ собою балластъ, чѣмъ достигается равновѣсіе судна.

Въ движеніе же корабль приводится посредствомъ двухъ архимедовыхъ винтовъ, по одному съ каждаго бока. Винтъ этотъ устроенъ слѣдующимъ образомъ: берется валъ, проводится на немъ спиральная линія, по ней въ равныхъ разстояніяхъ отвѣсно вбиваются стойки и забираются непроницаемой для воздуха тканью; для установки вала прикрѣпляются къ продольной оси двѣ поперечныя балки съ выдающимися изъ корабля концами, въ которыхъ и вращаются шипы вала. Балки эти удалены одна отъ другой на длину вала, и выступаютъ съ боковъ корабля настолько, чтобы спиральныя крылья винта могли свободно вращаться, не цѣпляя за судно; кромѣ того, выступающіе концы ихъ прикрѣпляются къ наружной сѣткѣ, чѣмъ предотвращается сдвиженіе ихъ на сторону. Винты вращаются посредствомъ кривошипа, въ срединѣ каждаго вала. Палка, огибающая концомъ своимъ средину дуги кривошипа, служитъ рукояткой, посредствомъ которой изъ каюты вертятъ валы любымъ механическимъ приводомъ (слѣдовательно, въ очень большихъ корабляхъ даже посредствомъ пара). Въ судахъ меньшаго размѣра достаточно двухъ человѣкъ, которые производятъ вращеніе ногою, какъ въ прялкѣ или точильномъ колесѣ.

Эти винтовыя крылья, будучи приведены во вращательное движеніе, быстро отгребаютъ воздухъ назадъ и такимъ образомъ гонятъ корабль впередъ, подобно пароходному винту или мельничнымъ колесамъ.

Но какъ управлять этимъ кораблемъ? Понятно, что подвижное, продолговатое, заостренное спереди тѣло также легко можетъ двигаться по всѣмъ направленіямъ въ воздухѣ какъ и птица, или какъ рыба въ водѣ. Когда рыба шевелитъ одинмъ правымъ плавникомъ, или птица машетъ однимъ правымъ крыломъ, онѣ сворачиваютъ направо—и наоборотъ. Если рыба, плывя впередъ, держитъ хвостъ вбокъ, съ нею происходитъ то же, что съ кораблемъ когда отклоняютъ руль, — она получаетъ боковое движеніе. Если рыба гребетъ плавниками внизъ, она поднимается вверхъ къ поверхности воды.

У нашего корабля есть эти крылья или плавники—это два винтовыхъ вала, которые, будучи приведены въ движеніе оба разомъ, гонятъ его впередъ. Движеніе одного лѣваго винта заставляетъ корабль отклоняться влѣво и описавъ дугу повернуться совершенно налѣво кругомъ,—одного праваго—направо. Если оба винта будутъ вращаться вмѣстѣ но въ противоположныхъ направленіяхъ, поворотъ произойдетъ еще скорѣе.

Кромѣ того, на задней оконечности корабля есть еще хвостъ или руль, которымы управляютъ также изъ каюты.

Для того чтобъ направлять корабль вверхъ и внизъ, подъ нимъ изъ конца въ конецъ привѣшенъ канатъ, съ подвижнымъ грузомъ, служащимъ въ то же время и якоремъ. Этотъ послѣдній ходитъ по канату на блокѣ взадъ и впередъ, и передвигать его можно изъ каюты помощію шнура, съ передвиженіемъ его на заднюю оконечность корабля, она опускается, передняя часть приподнимается, и корабль направляется кверху; съ передвиженіемъ къ передней части, происходитъ обратное, и корабль движется книзу.

Руль прикрѣпленъ на задней оконечности корабля и, посредствомъ блоковъ и шнура изъ каюты, дѣйствуетъ въ четырехъ направленіяхъ: вверхъ, внизъ, направо и налѣво, представляя собой двѣ пересѣкающіяся плоскости: вертикальную и горизонтальную. Простѣйшаго устройства руль, изображенный на нашемъ рисункѣ, представляетъ только одну плоскость и служитъ при поворотахъ направо и налѣво.

Въ бурю этотъ корабль конечно не можетъ летать, такъ же какъ и морскія суда не рѣшаются на плаваніе въ штормъ. Но обыкновенный вѣтеръ не препятствуетъ ему. Безъ помощи винта, онъ станетъ подниматься самъ собою и идти по вѣтру, причемъ въ самомъ кораблѣ будетъ штиль и свѣча горитъ неколеблющимся пламенемъ. Тяга и вѣтеръ ощущаются только во время хода противъ вѣтра. Чѣмъ выше, тѣмъ меньше вѣтра. Еще выше можно пользоваться пассатными вѣтрами (подобно тому какъ корабли пользуются морскими теченіями).

Но какъ же спуститься обратно на землю? При прежнихъ аэростатахъ это было всегда сопряжено съ нѣкоторой опасностью. Теперь же стоитъ только перетянуть якорь на переднюю оконечность корабля, и грести впередъ или остановить движеніе и постепенно выпускать газъ. Затѣмъ бросаютъ якорь.

Въ заключеніе замѣтимъ, что изобрѣтатель готовъ помочь совѣтомъ и дѣломъ всѣмъ тѣмъ, кто пожелаетъ устроить большую модель, а въ особенности самое судно, для испытанія на практикѣ этого изобрѣтенія, столь безкорыстно опубликованнаго во всеобщее свѣдѣніе. Докторъ Мертенсъ живетъ въ Берлинѣ, Markgrafenstrasse, № 51 и 52.

Прилагаемые рисунки изображаютъ: первый — внутреннее устройство корабля; второй—наружный его видъ.

Въ снѣгахъ на Тихоокеанской желѣзной дорогѣ.

За 150 долларовъ, которые платятъ путешественники за переѣздъ изъ Санъ-Франциско въ Омаху на Миссури, получили мы на этотъ разъ нѣчто совершенно особое. Уже два раза переѣзжалъ я Скалистыя горы и преріи, но лѣтомъ, въ ясную, тихую погоду. Необозримо тянулась во всѣ стороны отъ дороги зелень равнины, словно длинныя морскія волны, пересѣкаясь лишь на разстояніи нѣсколькихъ миль узкими рѣчками. Однообразенъ былъ видъ это-

го волнующагося ярко-зеленаго луга, простиравшагося такъ далеко, какъ только можно было обнять взоромъ. Утромъ надъ этимъ зеленымъ моремъ вставало солнце, а вечеромъ опять скрывалось за нимъ. Зуйки и другія степныя птицы пролетали надъ равниною; маленькіе черные дрозды сопровождали поѣздъ большими стаями. Вдали крался худой, голодный волкъ, косясь однимъ глазомъ на уносившійся поѣздъ, а другимъ на оставъ павшей лошади. На краю горизонта бѣжало вскачь около полудюжины антилопъ, слишкомъ близко для взволнованныхъ этимъ видомъ охотниковъ, но слишкомъ далеко для ружей, державшихся тутъ на готовѣ для нихъ и для индѣйцевъ. Какъ разъ у самыхъ шинъ виднѣются оживленные холмы степныхъ сурковъ; вотъ и кусты шалфея и полыни, эти характеристическія примѣты пустыни,—и надъ всѣмъ этимъ такой чудно-чистый, такой эфирный воздухъ, что всѣ предметы обрисовываются съ телескопическою ясностію, даль кажется близкою, а линія горизонта лежитъ далеко-далеко за волнообразною землею. Восхожденія и захожденія солнца, которымъ предшествуютъ длинные сумерки, живо напоминаютъ Италію.

Совсѣмъ не такова картина преріи, неизгладимо напечатлѣвшаяся на этотъ разъ въ моей памяти. 16-го декабря мы выѣхали изъ Санъ-Франциско. Миновали Сакраменто и поднялись на облеченную двойною мантіею снѣга *Сьерра-Неваду* съ ея гигантскими площадями хвойнаго лѣса. Нѣсколько миль кряду дорога ведетъ туннелями; все выше и выше поднимается поѣздъ, все сильнѣе и сильнѣе пыхтитъ машина, все обширнѣе и обширнѣе представляется намъ царство снѣга;—но мы смѣемся надъ нимъ—потому что хотя мы и достигли теперь высоты 7000 футовъ, а сѣрое небо грозитъ обрушить новыя массы снѣга на произведеніе человѣческихъ рукъ, но онъ не можетъ занести насъ. Въ этомъ ручаются мастерски устроенные *Snow-Scheds* или навѣсы отъ снѣга, благодаря которымъ снѣгъ, выпадающій часто на 15 футовъ вышины, здѣсь совершенно безвреденъ. Плотно другъ къ другу вбиты въ землю, по обѣимъ сторонамъ дороги, гигантскіе стволы елей, замкнутые вверху отлогою досчатою или бревенчатою крышею, которая недопускаетъ ни скопленія тяжелыхъ массъ снѣга, ни остановки лавинъ. На опасныхъ мѣстахъ бревна обшиты еще съ наружной стороны досками, и такимъ образомъ поѣздъ проходитъ огромное пространство полутемными крытыми галлереями. Въ Сьерра-Невадѣ эти *Snow-Scheds* имѣютъ около сорока англійскихъ миль протяженія и постройка ихъ стоила странѣ 1¹/₃ милліоновъ долларовъ.

Благодаря этимъ-то навѣсамъ отъ снѣга, мы проѣхали Сьерра-Неваду, если не безъ нѣкотораго замедленія, то все-таки благополучно. Спустившись съ восточной отлогости горы, мы проѣхали цвѣтущую, богатую серебромъ *Неваду*, знаменитый *Утахъ*, гдѣ готовится теперь конецъ мормонскому владычеству и, оставивъ равнину *Ларами*, стали подниматься опять на Скалистыя горы. И тутъ также навѣсы отъ снѣга спасли насъ. Затѣмъ явились преріи, гдѣ должны были начаться наши путевыя страданія и радости. *Snow-Scheds* на восточномъ склонѣ Скалистыхъ горъ и въ преріяхъ—другаго рода, чѣмъ въ Сьерра-Невадѣ. Здѣсь нѣтъ крышъ, какъ тамъ, но засѣки изъ бревенъ, заборы изъ кольевъ и каменные валы въ два фута ширины и около шести футовъ вышины, нагроможденные мѣстами вдоль коллеи, должны препятствовать занесенію дороги снѣгомъ со стороны. Что падаетъ съ неба, конечно такъ и остается на дорогѣ. Но для устраненія все еще значительныхъ снѣговыхъ массъ—прибѣгаютъ къ плугу, который припрягается зимою къ паровозу вмѣсто *Cowcatcher'a*. (ловителя коровъ). Задача *Cowcatcher'a*—отбросить въ сторону буйвола или другіе, тяжелые предметы, попавшіе на шины, а задача снѣговаго плуга — освободить коллею отъ снѣга. И вотъ, когда гигантское чудовище мчится впередъ со всею присущею ему силою, то отъ него летятъ въ видѣ пыли массы снѣга, словно стружки съ мягкой доски. И какъ же онъ при этомъ стонетъ и пыхтитъ! Этотъ колоссъ нельзя и сравнивать съ обыкновенными европейскими локомотивами: будучи по меньшей мѣрѣ вдвое больше, съ воронкообразною дымовою трубою, онъ катится на десяти колесахъ; онъ между другими паровыми машинами то же что слонъ между звѣрями, да и работа его не легкая, также какъ и работа этого толстокожаго четвероногаго.

Скалистыя горы остались за нами; чудно-хороша была панорама, представлявшаяся глазамъ нашимъ. На необозримое разстояніе поднимаются съ юга на сѣверъ, полукругомъ, расположенные другъ за другомъ холмы и горы всевозможныхъ формъ и оттѣнковъ. Голыя скалы и лѣса покрыты ослѣпительно-бѣлымъ снѣгомъ. На сѣверѣ поднимается царь всего этого ряда горъ *Longs Peak*, 14,600 футовъ вышины, а на югѣ—его братъ — *Peaks Peak*, 13,400 фут. Горныя вершины, лежащія между ними и дальше, почти такіе же великаны какъ они. Солнце ярко сіяло, когда мы проѣзжали черезъ Скалистыя горы; позолоченные его лучами скалы и снѣгъ, высоко поднимаясь въ воздухѣ, какъ бы таяли въ голубомъ небѣ.

Но послѣ того какъ мы спустились въ *Чеенну*, все приняло другой видъ. Зашумѣла страшная, пронизывающая насквозь степная буря, летѣвшая съ сѣвера, которая вскорѣ остановила локомотивъ. Снѣгу лежало не больше какъ на одинъ футъ—и плугъ легко справлялся съ нимъ; но тутъ, когда къ снѣгу прибавился еще вѣтеръ, дѣло перемѣнилось. Снѣгъ былъ не клочковатъ, но легокъ, тонокъ, похожъ на порошокъ,—такъ что, будучи гонимъ бурею, онъ образовалъ въ иныхъ мѣстахъ настоящіе баррикады. Машина ударяется объ нихъ со всею силою пара, сначала она прорывается, но затѣмъ колеса начинаютъ скрипѣть, какъ будто-бы ихъ затормозили — стой! — и поѣздъ стоитъ какъ вкопаный.

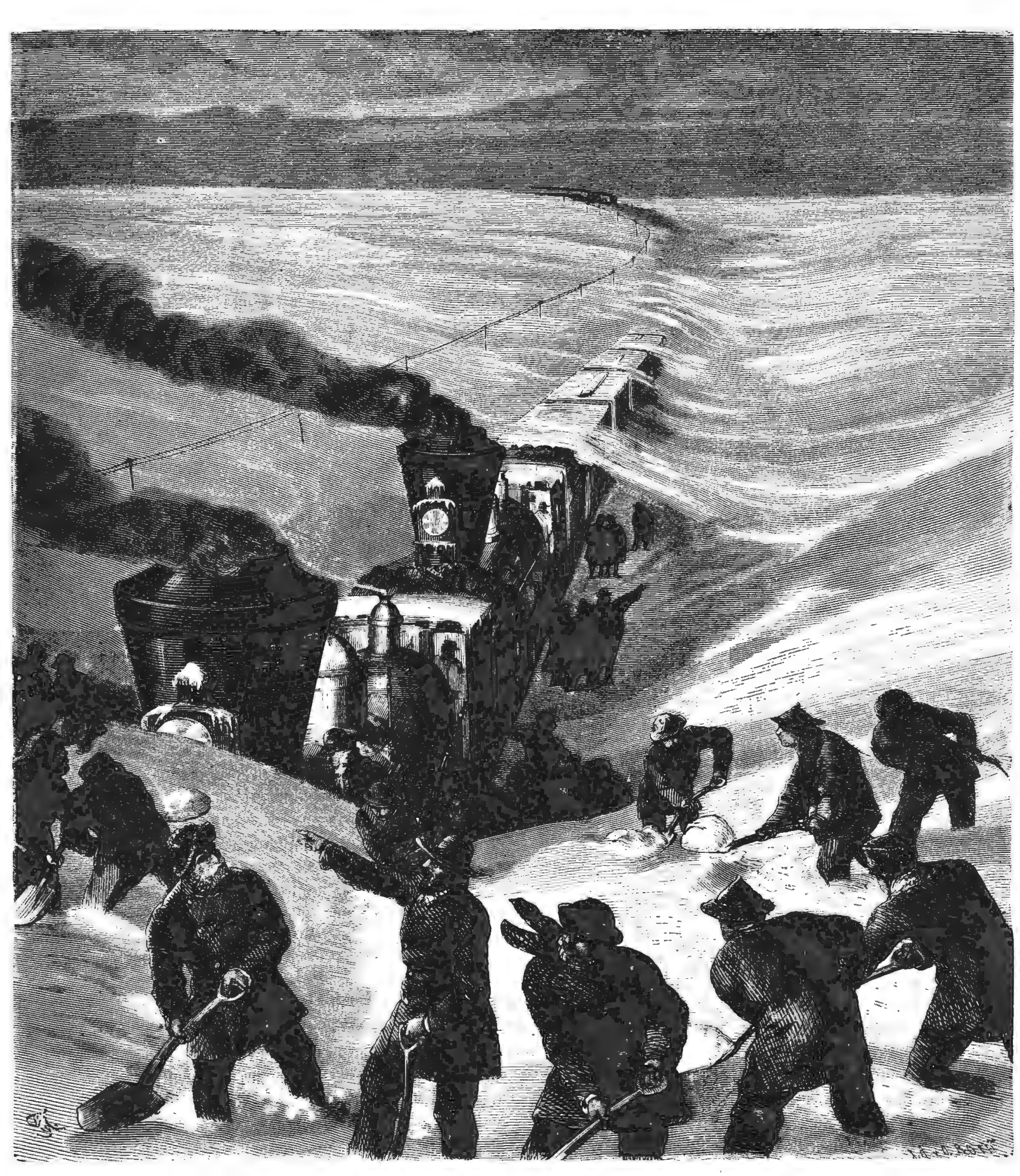
Посылаютъ въ Чеенну одного человѣка, который съ трудомъ пробирается туда; являются работники, отрываютъ коллею, и мы благополучно достигаемъ до чисто-американскаго досчатаго городка.

Чеенна, названная такъ по имени одного индѣйскаго племени, живущаго тутъ по близости,—возникла только во время постройки тихо-океанской желѣзной дороги. Теперь она главный городъ территоріи Вайомингъ съ необыкновенно подвижнымъ народонаселеніемъ. Разъ она уже до тла сгорѣла, чему способствовало въ особенности то обстоятельство, что большая часть домовъ построена изъ досокъ. Нѣкоторые изъ этихъ домовъ уже стояли въ другихъ городахъ: *въ Шерманнѣ, Отто и Пайнъ-Блюффѣ*. Но владѣльцы не нашли тамъ тѣхъ выгодъ, на какія разсчитывали; они снесли свои дома, отправили ихъ по желѣзной дорогѣ и опять выстроили въ Чееннѣ. Такимъ образомъ и дома летаютъ тутъ, подобно людямъ, съ мѣста на мѣсто.

Въ Чееннѣ запаслись углемъ, водою и съѣстными припасами, припрягли другой громадный локомотивъ и отправились дальше, въ Арчеръ. До Омахи оставалось только 500 англійскихъ миль, дорога шла черезъ преріи,—и кто сказалъ бы намъ въ первый день Рождества, что мы достигнемъ желаннаго берега Миссури только на второй не-

дѣлѣ новаго года, того мы непремѣнно подняли бы на смѣхъ.

Нѣсколько времени все шло хорошо. Затѣмъ опять послѣдовало роковое «стой!» На этотъ разъ далеко кругомъ



Въ снѣгахъ на Тихоокеанской желѣзной дорогѣ.

Рисовалъ А. Толлеръ, грав. О. Ротъ.

не видать было ни одной крыши. Буря рвалась въ вагонныя окна и навалила такъ много снѣгу, что вагоны стояли на половину въ снѣгу. Мы были чуть не погребены. Тутъ-то обнаружилось вполнѣ все превосходство устройства американскихъ вагоновъ сравнительно съ нашими, европейскими. *) Двѣ большія печи распространяли пріятную теплоту на весь вагонъ, и Самъ, черный вагонный служитель, превосходно справлялся съ углемъ. Удивительная картина! этотъ кудрявый, скалящій зубы негръ, дѣдъ котораго былъ привезенъ сюда въ видѣ раба съ жаркихъ береговъ Гвинеи,—топитъ намъ печь, которая должна бы

*) Подробное описаніе тихо-океанской желѣзной дороги, навѣсовъ отъ снѣга, устройства вагоновъ и т. п. помѣщено въ 11 и 12 № «Нивы» за 1870 годъ.

была составлять для него такое же чудное понятіе какъ и снѣгъ. Прибавьте къ этому, что Самъ—христіанинъ, говоритъ по англійски и одѣвается такъ же, какъ и мы. Его нагой предокъ повергался ницъ передъ фетишемъ подъ палящими лучами солнца,—а внукъ служитъ истопникомъ въ вагонѣ желѣзной дороги, который занесенъ снѣгомъ здѣсь, въ американской преріи!

Затѣмъ Самъ предложилъ намъ сигары; онъ принесъ *canду* (леденцовъ) и разнесъ чай. Весело болтая, шагаетъ онъ между скамьями съ мягкими подушками, устроенными по обѣ стороны прохода. Намъ въ вагонѣ было удивительно хорошо, мы не обращали вниманія на ярившуюся на дворѣ бурю и праздновали канунъ Рождества Христова, вспоминая о близкихъ сердцу, оставленныхъ въ дорогомъ отечествѣ.

Поваръ, прикомандированный къ этому поѣзду, приготовилъ намъ великолѣпное угощеніе въ «гостиномъ вагонѣ.» Тамъ дымилась чаша съ супомъ, здѣсь путешественники дѣлили между собою взятые ими изъ дому запасы,—а потомъ, кто получилъ мѣсто, удалялся въ спокойный и великолѣпный спальный вагонъ. Безъ этого вагона едва ли было бы возможно совершить разомъ все путешествіе отъ Санъ-Франциско до Нью-Іорка, не поплатившись, больше или меньше, здоровьемъ. Но въ спальныхъ вагонахъ, устроенныхъ на манеръ корабельныхъ каютъ, спится превосходно. Постели хороши; полы покрыты коврами; на стѣнахъ зеркала; двойныя окна каждой каюты запираются герметически. Какое намъ дѣло до завывающей тамъ, на дворѣ, бури! какое намъ дѣло до снѣга — онъ можетъ повредить развѣ однимъ скитающимся тутъ волкамъ. Всѣ другія животныя ушли на югъ; степные сурки лежатъ въ зимней спячкѣ. Ихъ не тяготитъ этотъ бѣлый саванъ, покрывающій теперь прелестную равнину, представлявшуюся мнѣ, во время моихъ прежнихъ путешествій, обширнымъ зеленымъ моремъ. Какой контрастъ!

Въ койкѣ, насупротивъ моего ложа, отдернулись красныя гардины и показалась престранная голова. Желтое, какъ пшеница, лицо, съ маленькими черными пронзительными глазками, скривилось въ ласковую улыбку; маленькая, лежащая на макушкѣ косичка, цвѣту воронова крыла, заколыхалась надъ гладко остриженнымъ черепомъ,—и владѣлецъ этой замѣчательной головы закричалъ мнѣ съ нѣсколько иностраннымъ акцентомъ «*Morning, Sir*!» Это былъ *Те-Юзи-Но-Ками*, членъ прибывшаго въ Санъ-Франциско японскаго посольства, отправившійся впередъ въ видѣ піонера, для того чтобъ приготовить въ Вашингтонѣ квартиры для прочихъ дипломатовъ изъ страны солнечнаго восхода.

Интересное знакомство — этотъ цивилизованный азіатецъ! Сперва негръ, потомъ японецъ, не говоря уже о янки, англичанахъ, ирландцахъ, французахъ и нѣмцахъ, съ которыми я тутъ познакомился. Мы разговаривали за завтракомъ, который былъ поданъ тутъ же, на поднятомъ опускномъ столикѣ. Самъ принесъ чаю, поджареной ветчины и по одному яйцу на человѣка.—«Больше нѣтъ, замѣтилъ онъ,—запасы изъ Чеенны подходятъ къ концу и если мы не выберемся въ скоромъ времени изъ «проклятаго» снѣга, то можемъ сосать, для поддержанія жизни, кончики своихъ пальцевъ.

У меня не было ни охоты, ни времени думать объ этомъ отчаянномъ средствѣ. Мой любезный реформаторъ-японецъ описывалъ мнѣ подробнымъ образомъ свое отечество. Это былъ человѣкъ прогресса, который былъ уже знакомъ теоретическимъ образомъ со всѣми условіями западной культуры; онъ разсказывалъ, какъ европейская цивилизація все больше и больше распространяется въ его любезномъ Нипонѣ и какъ именно въ настоящую минуту устраиваютъ первую дорогу изъ Іеддо въ Іокагаму.

Нѣтъ ни малѣйшей надежды подвинуться сегодня хотя бы только на одну милю. Степная буря свирѣпствуетъ, нисколько не слабѣя; куда бы мы ни обратили взоръ, вездѣ одно только чудовищное облако топчайшей снѣжной пыли, облѣпившей вагонныя окна. Въ сущности не холодно, но сильный вѣтеръ понижаетъ температуру. Оба черные колосса, стоящіе впереди поѣзда, унизаны сосульками; тамъ въ котлѣ кипитъ и бурлитъ вода. Въ концѣ концовъ паръ все-таки выручитъ насъ.

Запасы подходятъ къ концу. Мы—словно крѣпость передъ капитуляціей. Не одолѣетъ ли насъ голодъ? Крысы еще не успѣли завестись въ вагонахъ. «*Halibut and crackers* еще остались, а больше ничего нѣтъ», объясняетъ Самъ. *Halibut* — это сушеная рыба, а *crackers* что-то въ родѣ сухарей изъ пшеничной муки. Въ первый день Рождества я поужиналъ этой рыбой и сухарями и затѣмъ спокойно заснулъ. Поѣздъ стоялъ какъ вкопаный.

Положеніе было такъ оригинально, что я рѣшился вести дневникъ. Вотъ отрывокъ изъ него: *Второй день Рождества.* Поѣздъ все еще стоитъ между Сиднеемъ и Лоджъ-Полемъ. Мнѣ чудится, что я въ полярныхъ странахъ и окруженъ со всѣхъ сторонъ льдинами. Если мы подвергнемся участи сэра Джона Франклина и погибнемъ въ этой снѣжной пустынѣ, то пусть по крайней мѣрѣ этотъ дневникъ покажетъ нашимъ потомкамъ, какимъ образомъ мы прожили послѣдніе дни. Бульверъ нашелъ бы тутъ превосходный сюжетъ въ *pendant* къ своему «послѣднему дню Помпеи». Это будетъ страшное зрѣлище, когда нашъ поѣздъ откопаютъ изъ подъ снѣга..

Всѣхъ насъ найдутъ оцѣпенѣлыми, мертвыми, съ исхудалыми отъ голода лицами. Нѣкоторые изъ насъ дойдутъ можетъ быть до людоѣдства и будутъ питаться въ послѣдніе дни мясомъ своихъ спутниковъ. Ну, до этого-то, надо надѣяться, не дойдетъ—но метель не прекращается и мы все болѣе и болѣе вязнемъ въ снѣгу. Вотъ уже третій день, какъ мы не трогаемся съ мѣста. Еслибъ индѣйцы знали это! Но краснокожіе лежатъ теперь въ своихъ вигвамахъ, на подобіе сурковъ, и одѣваются буйволовыми кожами. Вотъ была бы штука, еслибъ они напали теперь на поѣздъ, завывая пѣсню войны. Но револьверы на готовѣ.

— Что ты намъ дашь поѣсть, Самъ? спросилъ я спустившись съ своей постели.

— „*Halibut and crakers*“, отвѣчалъ онъ коротко.

— Есть надежда, что мы отправимся дальше?

— *No, Sir*, отвѣчалъ негръ, скаля зубы.

Пассажиры все болѣе и болѣе знакомятся другъ съ другомъ. Если бы занесло снѣгомъ европейскій вагонъ, то каждое купе было бы предоставлено самому себѣ и разобщено съ другими. Но устройство американскихъ вагоновъ дозволяетъ сообщеніе между всѣми вообще пассажирами. Хорошо истопленныя печи дѣлаютъ то, что, не смотря на растворяющіяся двери, температура все-таки остается пріятною.—А что если поѣздъ сойдетъ съ колеи и печи обрушатъ на насъ то, что въ нихъ содержится? Ну, до этого еще далеко, поѣздъ стоитъ какъ вкопаный.

Я задумалъ было переселиться въ другой вагонъ. Тамъ сидѣла прелестнѣйшая дѣвушка-янки съ бѣлокурыми локонами, забавлявшая всѣхъ путешественниковъ своей веселой болтовней и плутовскимъ юморомъ. Но,—что ты дѣлаешь? что ты дѣлаешь? вскричалъ я самому себѣ,—опять ловлю я тебя съ твоей слабой стороны!.. Что вый-

детъ изъ того, если ты станешь засматриваться на каждое хорошенькое личико?

Я не утерпѣлъ и сталъ разспрашивать Сама о малолѣткѣ. Онъ засмѣялся и сказалъ, что тутъ мнѣ нечего ждать. Леди родомъ изъ Сараготы, славящейся своими минеральными водами, а тамъ, какъ извѣстно, молодыя дамы учредили *Antikissing-society* (общество противъ поцѣлуевъ). Само собою разумѣется, что это поубавило у меня пылу.

Поѣздъ все больше и больше оживлялся, не смотря на то, что пассажиры ѣли только *Halibut and crackers*. Составлялись партіи виста, а въ шестомъ вагонѣ шесть шотландцевъ основали пѣвческій союзъ. По малой мѣрѣ въ двадцатый разъ пѣли они сегодня свою любимую пѣсню:

Schould auld acquaintance be forgot.

И третій день Рождества прошелъ точно такъ же, какъ второй. Дѣло начало внушать серіозныя опасенія. Конечно посланный за помощью не могъ пробраться одинъ до ближайшей станціи. Поэтому-то всѣ мы вообще и «взялись за работу», т. е. начали отгребать снѣгъ отъ паровой машины. Когда это было сдѣлано, то первую машину отцѣпили и она отправилась одна. Опять запрягли въ нее колоссальный снѣговой плугъ, одѣвшій, какъ бы панцыремъ, весь локомотивъ. Со всею присущею ему силою, проложилъ себѣ колоссъ дорогу и благополучно достигъ Перси,—гдѣ уже, такъ какъ поѣздъ не показывался, держались на готовѣ вызванные по телеграфу работники, въ томъ числѣ множество китайцевъ, и двѣ большія паровыя машины. Къ вечеру насъ освободили – и мы, при громкихъ крикахъ «ура!» въѣхали въ Перси, гдѣ *Halibut* и *crackers* достигли своего конца.

Внутреннее обозрѣніе.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ помѣщенъ недавно текстъ торговыхъ договоровъ, заключенныхъ Россіею съ владѣтелями средне-азіатскихъ ханствъ. Этотъ любопытный документъ оффиціальная газета сопровождаетъ нѣсколькими замѣчаніями, объясняющими истинное значеніе подобнаго рода договоровъ для русскихъ и для владѣтелей средне-азіатскихъ ханствъ,—а также причину, вслѣдствіе которой правительство сочло необходимымъ обнародовать эти документы. Съ тѣхъ поръ какъ Россія начала военныя дѣйствія противъ средне-азіатскихъ ханствъ, въ иностранной печати стали приписывать ей какіе-то завоевательные замыслы, «направленные противъ Англіи и угрожающіе будто бы спокойствію великобританскихъ владѣній въ Остъ-Индіи». Этимъ толкамъ вѣрили отчасти и въ Россіи, хотя въ послѣднее время сама англійская печать старается уже разоблачить всю ихъ неосновательность. По ея мнѣнію, стремленія русскихъ въ глубь Азіи объясняются желаніемъ съ ихъ стороны обезопасить для себя торговый путь въ Индію и въ сосѣднія государства, откуда Россія получаетъ главную массу хлопка для своихъ фабрикъ. Такъ какъ враждебныя намъ до сихъ поръ ханства лежатъ на самомъ пути въ Индію, изъ которой мы могли-бы получать разные колоніальные товары, караванная же торговля всей внутренней Азіи находится въ рукахъ туркестанцевъ,—то намъ весьма было бы выгодно проложить для своихъ купцовъ безопасный путь во всѣ города средней Азіи. Имѣя это въ виду, правительство, съ завоеваніемъ Ташкента и съ учрежденіемъ въ 1867 году Туркестанскаго генералъ-губернаторства, предначертало для нашихъ дѣйствій совершенно опредѣленную программу: по отношенію къ завоеваннымъ странамъ—введеніе правильной администраціи и водвореніе законнаго порядка; по отношенію къ сосѣднимъ ханствамъ—установленіе дружескихъ дипломатическихъ сношеній съ правителями и равноправности для русскихъ купцовъ въ торговлю съ этими ханствами. Такимъ образомъ, заключены были торговые договоры съ владѣтелями трехъ азіатскихъ ханствъ: Коканда, Бухары и Джиты-шара, по смыслу которыхъ русскимъ предоставляется право свободной торговли во всѣхъ трехъ ханствахъ.

Заимствуемъ изъ „Статистическаго Временника Россійской Имперіи“, издаваемаго центральнымъ статистическимъ комитетомъ, новѣйшія цифры, касающіяся пространства и народонаселенія нашего отечества. Европейская Россія со своими 49-ю губерніями и Бессарабскою областью, исключая водъ, простирается на 85,819.74 кв. миль и имѣетъ 63,658,684 ч. жителей, слѣдовательно на 1 квадр. милю приходится 741 ч. Городское населеніе составляетъ 10.2 процентовъ всего числа жителей, а мужское населеніе относится къ женскому какъ 100 къ 102,4. Приращеніе народонаселенія въ 4 года доходитъ до 4.15 процентовъ и колеблется между +13.5 (Минск. губ.) и —2.98 (Архангельск. губ.). Царство польское, со своими 10-ю губерніями, простирается на 2220.4 кв. миль и имѣетъ 4,705,667 жителей; слѣдовательно, 2569 ч. на 1 кв. милю. Городское населеніе составляетъ 25.9 процентовъ всего народонаселенія, и на 100 мужчинъ приходится 106 женщинъ. Великое Княжество Финляндское; со своими 8-ю губерніями, простирается на 6341.3 кв. миль и имѣетъ 1,843,253 ч. жителей; слѣдовательно, приходится 290,6 ч. на 1 кв. милю. Такимъ образомъ, Европейская Россія, включая и В. К. Финляндское, простирается на 93,826.3 кв. мили и имѣетъ 71,207,794 ч. жителей, т. е. 758 на 1 кв. милю.

Азіатская Россія, по новѣйшему дѣленію, заключаетъ въ себѣ слѣдующія провинціи: а) Кавказское намѣстничество съ губерніями: Баку, Эриванской, Кутаисской, Ставропольской и Тифлисской; области: Дагестанскую, Кубанскую и Терекскую; уѣзды: Сухумъ и Земля Черноморскаго Войска; всего 7,897,06 квадр. мили съ 4,583,640 жителями (580 человѣкъ на одну кв. милю); b) Сибирь, съ 4 губерніями и 4 областями, всего 227,339.87 кв. миль, съ 3,827,627 жителей, значитъ по 146 человѣкъ на одну кв. милю. с) Центральная Азія, съ 6 областями занимаетъ 46,741 кв. миль, съ 2,627,246 жит. (56 чел. на 1 кв. милю). Вся Азіатская Россія, слѣдовательно, занимаетъ пространства 281,978,40 кв. миль, съ 10,537,513 чел. жителей (37 чел. на 1 кв. милю). Вся Россійская Имперія, слѣдовательно, занимаетъ пространство въ 375,805 кв. миль, съ населеніемъ въ 81,745,307 человѣкъ; на одну квадратную милю приходится 217 человѣкъ.

По вѣроисповѣданію, народонаселеніе государства дѣлится слѣдующимъ образомъ: въ Европейской Россіи, съ Царствомъ Польскимъ, но безъ Вел. Кн. Финляндскаго, считается 53,169,171 православныхъ (въ томъ числѣ и единовѣрцы), 926,631 старообрядцевъ, 229,260 уніатовъ, 37,136 армяно-грегоріанъ, 7,209,464 католика, 2,560.354 протестанта, 2,612,179 евреевъ, 2,359,372 магометанина и 255,975 язычниковъ.

Европейская Россія со включеніемъ Царства Польскаго, но безъ Финляндіи, заключаетъ въ себѣ 592,266 потомственныхъ дворянъ, 327,724 личныхъ дворянъ и чиновниковъ, 633,185 духовныхъ, городскихъ жителей 6,907,071, крестьянъ 56,270,541 чел., въ томъ числѣ самоѣды Арханг. губерніи, киргизы Внутренней Орды и калмыки Астраханской губерніи; военныхъ 3,743,358 человѣкъ, иностранцевъ 148,125 и 743,231 непринад-

лежащихъ ни къ одному изъ поименованныхъ сословій.

Въ Азіатской Россіи (безъ губерніи Баку, областей Дагестанской, Сыръ-Дарьинской и Тургайской и земли Черноморскаго Войска, о которыхъ нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній) считается 31,542 потомственныхъ дворянина, 30,094 личныхъ дворянина, 40.658 духовныхъ лицъ, 263,539 городскихъ жителей, 5,350,643 крестьянина, 1,003,305 военныхъ, 4,104 иностранца и 119,650 человѣкъ непринадлежащихъ ни къ одному изъ поименованныхъ сословій. Между крестьянскимъ населеніемъ Азіатской Россіи считается 1,129,848 инородцевъ (589,230 мужчинъ и 540,609 женщинъ) и 151,589 ссыльныхъ (100,344 мужчины и 51,245 женщинъ). Такимъ образомъ, въ Россійской Имперіи 1 дворянинъ приходится на 88 жителей; 1 военный на 17 жителей, 1 духовное лицо на 122 жителя. Собственно въ Европейской Россіи, со включеніемъ Царства Польскаго, но безъ Вел. Кн. Финляндскаго, 1 дворянинъ приходится на 75 жителей, 1 военный на 18 жит., 1 духовное лицо на 109 жителей.

По частнымъ свѣденіямъ, въ Россіи имѣется 23 броненосныхъ высокобортныхъ судна; въ этомъ отношеніи она уступаетъ только Англіи (44 броненосца), Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ (46 различнаго калибра броненосныхъ судовъ), Австріи (28 брон.) и Франціи (50 броненосцевъ).

По офиціальнымъ свѣденіямъ, помѣщеннымъ въ „Указателѣ по дѣламъ печати", въ Россіи, за исключеніемъ Привислянскаго края, Кавказскаго края съ Закавказьемъ и обѣихъ столицъ, къ концу 1871 года насчитывалось: 127 книжныхъ магазиновъ, 232 книжныхъ лавки, 236 библіотекъ, 29 кабинетовъ для чтенія или читалень; 11 библіотекъ съ кабинетами, 2 книжныхъ склада и 1 дѣтская библіотека. По разсчету, одно мѣсто для продажи книгъ приходится слишкомъ на 200 тысячъ человѣкъ и 1 библіотека на 290 тыс. человѣкъ.

Въ Петербургѣ книжныхъ магазиновъ 36, въ Москвѣ 21; книжныхъ лавокъ въ Петербургѣ 36, въ Москвѣ 66; библіотекъ и кабинетовъ для чтенія въ Петербургѣ 21, въ Москвѣ 17.

Общій оборотъ нашей внѣшней торговли въ 1871 году составлялъ: по *отпуску* товаровъ на сумму 260,367,284 рубля, по *привозу* на 352,578,686 рублей; всего на 612,945,970 рублей. За послѣднія 10 лѣтъ привозъ увеличился чуть не *втрое*, а отпускъ даже не удвоился.

Политическое обозрѣніе.

Въ Италіи подготовляется такъ-называемый министерскій кризисъ. Это значитъ, что нынѣшнее министерство, во главѣ котораго находится извѣстный Ланца, не оправдываетъ возлагаемыхъ на него надеждъ, а потому должно будетъ выйти въ отставку. Нерасположеніе къ министерству происходитъ главнымъ образомъ отъ того фальшиваго положенія, въ которое оно поставило себя по отношенію къ различнымъ партіямъ. Яблокомъ раздора здѣсь, какъ и во многихъ другихъ странахъ, является вопросъ о политическихъ правахъ духовенства. До послѣдняго времени, существующія въ Италіи религіозныя корпораціи (общества) составляли обособленныя, независимыя отъ гражданской власти учрежденія и были послушнымъ орудіемъ въ рукахъ папства не только въ религіозномъ, но и въ политическомъ отношеніяхъ. Такое положеніе вещей грозило странѣ опасностью междоусобной войны, между сторонниками нынѣшняго свѣтскаго правительства и сторонниками папизма. Уступая требованіямъ общественнаго мнѣнія, министерство, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, внесло въ палату представителей страны проектъ закона о духовныхъ обществахъ, подчиняющаго ихъ дѣйствію обыкновенныхъ свѣтскихъ законовъ (конституціи). Этотъ проектъ встрѣтилъ въ палатѣ самый благосклонный пріемъ; а потому оставалось только провести его въ жизнь. Но министерство испугалось тѣхъ послѣдствій, которыя навлечетъ на него проведеніе этого закона, и теперь не знаетъ на что рѣшиться: оставить проектъ въ палатѣ,—значитъ нажить себѣ враговъ въ духовенствѣ; взять его оттуда—значитъ вооружить противъ себя большинство палаты, которое, какъ выше сказано, относится къ проекту съ большимъ сочувствіемъ. Какъ бы то ни было, т. е. совершится ли министерскій кризисъ или все пройдетъ благополучно, но духовнымъ корпораціямъ недолго придется пользоваться своимъ независимымъ отъ государства положеніемъ. Хотя папство, подобно правительству Виктора Эммануила, рѣшилось вести самую упорную борьбу и даже, какъ слышно, заготовило болѣе 20 тысячъ ружей, множество аммуниціи и нѣсколько пушекъ стариннаго устройства, но годныхъ къ употребленію,—тѣмъ не менѣе это сопротивленіе не приведетъ ни къ чему и подобная воинственность имѣетъ скорѣе смѣшной, нежели серіозный характеръ.

Въ нѣсколькихъ большихъ городахъ Англіи происходило волненіе, вызванное различными поводами. 3-го ноября въ Лондонскомъ Гайдъ-паркѣ, собрался большой митингъ (сходка), изъ 30,000 человѣкъ, на которомъ говорены были рѣчи въ пользу освобожденія феніевъ (ирландцевъ, стоящихъ за самостоятельность своей родины). Ораторы не только не одобряли мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ противъ Ирландіи, но даже говорил о его низверженіи. Полиція въ дѣло не вмѣшивалась, а только сохраняла порядокъ, который не былъ нарушенъ. Въ другихъ городахъ Англіи, Ливерпулѣ и Гуллѣ, сборища были по другому поводу и имѣли иной характеръ. Возбужденный кабатчиками, недовольными изданіемъ новаго закона, по которому кабаки по воскресеньямъ должны закрываться не позже девяти часовъ вечера, простой народъ шумѣлъ нѣсколько дней и даже вступалъ въ драку съ полицейскими, на которыхъ сыпались камни. Съ другой стороны, въ лондонскомъ «Обществѣ рабочихъ для распространенія идей мира», черезъ день послѣ знаменитаго митинга въ Гайдъ-паркѣ, происходило интересное засѣданіе, на которомъ, по поводу миролюбиваго окончанія алабамскаго и санъ-хуанскаго вопросовъ (см. № 45 „Нивы"), высказано было горячее желаніе, чтобы для рѣшенія всякихъ столкновеній между державами образованъ былъ *постоянный международный третейскій судъ.* Это рѣшеніе принято было единогласно, и Общество намѣрено всѣми силами способствовать распространенію этой въ высшей степени благотворной мѣры.

Въ американскомъ городѣ Бостонѣ былъ недавно большой пожаръ, убытокъ отъ котораго простирается свыше 100 милліоновъ рублей серебромъ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

..зволено цензурою 17 Ноября 1872 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр., д. № ..

№ 48 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 27 ноября 1872 года. Годъ III.

Желающіе могутъ еще подписаться на 1872 годъ; годовая цѣна 5 рублей съ пересылкой. Каждый новый подписчикъ получитъ всѣ уже вышедшіе №№ съ 1 до 47.

ОБЪ ИЗДАНІИ „НИВЫ“ ВЪ 1873 ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годовой Экземпляръ „НИВЫ“ въ 52 №№ (880 страницъ) съ 250—300 рисунками и ежемѣсячнымъ прибавленіемъ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“.

I. Въ С.-Петербургѣ:	безъ доставки на домъ .	4 р. — к.
„	съ доставкой на домъ по городской почтѣ	5 „ — „
II. Въ Москвѣ:	безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ или О. Мекленбурга . .	4 „ 50 „
„	Съ пересылкой на домъ чрезъ газетную экспедицію	5 „ 50 „
III. Въ губерніяхъ:	съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію.	5 р. 50 * к.
IV. Заграницею:	Въ Германіи и Австріи 8 руб., въ Англіи и Франціи 10 руб., въ Голландіи, Бельгіи, Италіи, Швейцаріи и Дунайскихъ княжествахъ 9 руб., въ Швеціи, Испаніи, Португаліи и Греціи 10 руб. 50 коп., въ Китаѣ и Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ 12 руб.	

ПОДПИСКА принимается **въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.**

Гг. Иногороднихъ подписчиковъ покорнѣйше просимъ обращаться для подписки на „НИВУ“ 1873 года съ своими требованіями—**исключительно и прямо** въ контору редакціи „НИВЫ“, ибо только въ такомъ случаѣ мы можемъ ручаться за аккуратную высылку нашего журнала. Во избѣжаніе перерыва между высылкою послѣднихъ №№ 1872 года и первыхъ №№ 1873 г., гг. подписчики (въ особенности живущіе въ отдаленныхъ мѣстностяхъ) благоволятъ высылать слѣдуемыя подписныя деньги **5 р. 50 к. заблаговременно.**

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

Переправа на островъ длилась сегодня необыкновенно долго. Сильный вѣтеръ перемѣнилъ направленіе и дулъ прямо на встрѣчу; ботъ былъ биткомъ набитъ людьми, надобно было осторожно лавировать. Разговоръ пассажировъ—мѣстныхъ землевладѣльцевъ и арендаторовъ—вертѣлся исключительно на скачкахъ, которыя должны были начаться черезъ нѣсколько дней. Это будутъ самыя блестящія скачки, какія когда либо бывали. Будутъ лошади изъ Силезіи, даже изъ Венгріи. Право, князю Прора слѣдовало было принять въ нихъ участіе. Большой государственный призъ увеличенъ до тысячи талеровъ; но главными-то скачками все же будутъ господскія! Сначала полагали, что изъ объявленныхъ къ конкурсу двадцати четырехъ лошадей не явится и трехъ, такъ какъ еще въ маѣ мѣсяцѣ шестеро конкурентовъ, опасаясь рыжаго жеребца господина Брандова, заплатили неустойку,—но теперь дѣло приняло иной оборотъ; теперь всѣ намѣревались принять участіе въ скачкахъ. Вѣдь извѣстно, что рыжему съ болотомъ не справиться; ему придется сдѣлать крюкъ, а послѣ этого ему ужь не нагнать другихъ лошадей, такъ какъ за болотомъ вплоть до самаго столба всего только одно незначительное препятствіе, а въоткрытомъ полѣ еще неизвѣстно кто возьметъ верхъ—онъ или какая другая лошадь.

Такъ, столпившись въ кучу, разговаривали между собою пассажиры, въ то время какъ мелкій дождь мочилъ имъ широкія плечи. Готтгольдъ схватился за письмо, которое лежало у него въ карманѣ. «Рыжему съ болотомъ не справиться», это говорилъ и самъ Брандовъ! Ясно что онъ не выдумывалъ—и говорилъ такимъ образомъ не изъ

одного только желанія подстрекнуть соревнованіе своихъ соперниковъ, какъ полагалъ одинъ изъ споривших.

Наконецъ ботъ присталъ къ острову. Готтгольдъ поспѣшилъ въ гостинницу, чтобы достать себѣ экипажъ въ Прору. Всѣ три экипажа господина Петерса были въ дорогѣ; одинъ долженъ былъ скоро возвратиться, ему даже слѣдовало бы уже быть дома;—да бѣда въ томъ, что на конюховъ - то ему уже нельзя теперь полагаться: единственный надежный конюхъ, какой когда либо у него былъ, недѣли три тому назадъ женился. Это нѣкто Іохенъ Пребровъ изъ Доллана, то есть не изъ имѣнія, а изъ кузницы, по близости которой случилось недавно несчастіе, — конечно господинъ слышалъ объ этомъ?

— Ахъ, Боже мой, вскричалъ господинъ Петерсъ,—да вѣдь это вы сами! Насилу я васъ узналъ! Вы кажетесь еще блѣднѣе и хворѣе, чѣмъ за три недѣли передъ этимъ, когда проѣзжали здѣсь вмѣстѣ съ господиномъ ассесоромъ и господиномъ Вольнофомъ. Я еще часика за два передъ этимъ опять поболталъ объ этой исторіи съ господиномъ Брандовымъ. Жаль, что вы пропустили двѣнадцати-часовой ботъ! Могли бы ѣхать дальше съ господиномъ Брандовымъ, который всегда уѣзжаетъ отсюда на своихъ собственныхъ лошадяхъ. А о Генрихъ-то Шеелѣ какъ есть ни слуху ни духу; малый-то, навѣрное, уже три недѣли на пути въ Америку.

Господинъ Петерсъ долженъ былъ оставить Готтгольда, чтобы позаботиться о прочихъ гостяхъ; комната для пріѣзжихъ была биткомъ набита ихъ широкоплечими фигурами. Готтгольдъ уже замѣтилъ, что на него устремлены любопытные взоры; вѣроятно, господинъ Петерсъ уже повѣстилъ, что онъ—одинъ изъ героевъ несчастнаго приключенія на пустоши. Объ этомъ происшествіи уже много говорили, а теперь когда имя Брандова было у всѣхъ на устахъ—стали говорить еще больше чѣмъ прежде. Готтгольдъ вышелъ изъ наполненной табачнымъ дымомъ комнаты на дворъ и бродилъ тамъ подъ дождемъ, который все еще продолжалъ моросить, до тѣхъ поръ пока наконецъ, послѣ цѣлаго часу самаго нетерпѣливаго ожиданія, не явился обѣщанный экипажъ — старая исковерканная коляска; къ счастью, въ нее запрягли пару свѣжихъ лошадей. Господинъ Петерсъ вышелъ на дворъ, чтобъ проститься съ Готтгольдомъ, и сказать ему, что по случаю значительнаго запроса онъ не можетъ взять за провозъ обыкновенной цѣны. Готтгольдъ согласился на это безстыдное требованіе и далъ бы еще больше, лишь бы только поскорѣе уѣхать.

— Я съ разу смекнулъ, въ чемъ дѣло-то, говорилъ господинъ Петерсъ своимъ,—два часа тому назадъ Брандовъ, а теперь этотъ; замѣчайте! они напали на слѣдъ Шееля.

— Пустяки! возразилъ одинъ толстый арендаторъ; — Шеель давно уже за тридевять земель.

— Должно быть онъ самъ спровадилъ себя на тотъ свѣтъ, замѣтилъ другой.

— Или былъ спроваженъ туда кѣмъ другимъ, пробормоталъ третій.

Гости образовали еще болѣе тѣсный кружокъ. Что Генрихъ Шеель воспользовался плодами своего преступленія не одинъ, что его даже вполнѣ обсчитали — это мнѣніе крѣпко укоренилось въ публикѣ, хотя и не приняло еще опредѣленнаго вида. И на этотъ разъ, никто не хотѣлъ или не могъ привести какое нибудь имя; напротивъ того, дѣло становилось тѣмъ темнѣе, чѣмъ дольше о немъ говорили и чѣмъ чаще опорожнивались толстыя рюмки съ зеленоватой жидкостью. Господинъ Петерсъ съ видимымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на это: трудно было рѣшить, кто изъ споривших закажетъ ему прежде всѣхъ чашу его знаменитаго глинтвейна; но что этотъ заказъ сбудется не дальше какъ черезъ пять минутъ—дѣло вѣрное. Господинъ Петерсъ уже сдѣлалъ черезъ маленькое окошечко, выходившее въ кухню, надлежащій знакъ своей дочери, которая стояла у очага.

Тѣмъ временемъ Готтгольдъ ѣхалъ при непереставшемъ моросить дождѣ, который одѣвалъ всю окрестность сѣрымъ покрываломъ, становившимся все плотнѣе да плотнѣе. Въ щели задернутаго, для предохраненія отъ непогоды, кожанаго фартука свистѣлъ вѣтеръ; старая коляска скрипѣла и трещала, когда — что случалось чуть не ежеминутно—колеса на лѣвой или на правой сторонѣ экипажа попадали въ ямы изобитой дороги. Но лошади были сильны, а кучеръ, въ ожиданіи получить побольше денегъ на водку, усердствовалъ отъ всей души; такимъ образомъ, принимая въ соображеніе обстоятельства, дѣло быстро шло впередъ, — хотя далеко не такъ быстро, какъ было желательно для снѣдаемаго нетерпѣніемъ Готтгольда.

А между тѣмъ онъ долженъ былъ сознавать, да и сознавалъ, что ему вовсе незачѣмъ такъ спѣшить, что какой нибудь лишній часъ ровно ничего для него не значитъ, что этотъ лишній часъ даже принесетъ ему пользу, давъ возможность созрѣть въ душѣ его какому нибудь положительному рѣшенію. Но говоря это самому себѣ, онъ высунулся изъ экипажа закричать кучеру, что дорога тутъ совсѣмъ гладкая, такъ чтобъ онъ поскорѣе ѣхалъ.

Затѣмъ онъ опять помѣстился въ углу своей маленькой душной темницы, вынулъ письмо Вольнофа и пристально смотрѣлъ на него, словно не вѣря чтобы такая твердая рука могла написать такимъ крупнымъ, четкимъ почеркомъ то, что тутъ было написано. И онъ прочелъ во второй разъ.

«То что я скажу вамъ, любезный другъ, сегодня, — такъ гнусно, что никакое предисловіе тутъ не поможетъ. Поэтому я приступлю прямо къ дѣлу. Паденіе на пустоши было не слѣдствіемъ несчастной случайности, а слѣдствіемъ постыднаго преступленія, нравственный виновникъ котораго — Брандовъ. Во вторыхъ: деньги были украдены; виновникъ воровства, которое можетъ быть названо скорѣе разбоемъ, Брандовъ же. Очень вѣроятно, что онъ присутствовалъ при этомъ дѣлѣ или по крайней мѣрѣ явился на сцену сейчасъ же послѣ его исполненія; во всякомъ случаѣ, добыча попала къ нему въ руки. Составляютъ ли нѣкоторымъ образомъ оба эти преступленія одно и то же, т. е. что первое лишь открывало возможность для втораго, или второе изъ нихъ совершенно потомъ, потому только что было совершено первое—этого я не знаю, да конечно не узнаетъ и никто другой, такъ какъ есть причины опасаться, что оба эти преступленія повлекли за собою третье».

«Кто открылъ мнѣ эти ужасы? То, что такъ часто бываетъ предателемъ преступленія: случай».

«Такой случай, что случайнѣе онъ и быть не могъ».

«Деньги въ пакетѣ состояли изъ ассигнацій во сто, пятьдесятъ и двадцать пять талеровъ. Я самъ, какъ вамъ извѣстно, пересчиталъ и завернулъ эти деньги; само собою разумѣется, что это еще не даетъ мнѣ возможности узнать которую нибудь изъ этихъ ассигнацій, вслучаѣ еслибъ она опять попалась мнѣ въ руки. Но тождественность одной я все же могу опредѣлить; эта ассигнація опять у меня въ рукахъ—и я могу указать, въ чьихъ рукахъ была она въ этотъ промежутокъ времени».

«Десять лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось выдать эту

ассигнацію въ очень критическое для меня время. Это были послѣднія мои деньги; подъ вліяніемъ какого-то страннаго юмора я помѣтилъ ее, написавъ на лицевой сторонѣ вверху въ правомъ углу, мелкими, почти микроскопическими буквами, слова: «счастливаго пути!» и число того дня. Четыре года тому назадъ эта ассигнація опять попала ко мнѣ въ кассу. Я почтилъ стараго друга словами: «добро пожаловать», которыя я написалъ вмѣстѣ съ числомъ, показывающимъ день ея возвращенія ко мнѣ, на оборотѣ въ лѣвомъ верхнемъ углу,—и отвелъ ей, въ качествѣ талисмана, мѣсто въ своемъ портфелѣ, гдѣ она и лежала, пока я не вынулъ ее за три недѣли передъ этимъ. Вы помните, что наличныхъ денегъ было у меня маловато, и я воспользовался этимъ случемъ, чтобы наказать себя за свои суевѣрныя побужденія, прибавивъ эту ассигнацію къ прочимъ».

«Эту-то ассигнацію, тождество которой я могу подтвердить присягой, господинъ Редебасъ получилъ отъ Брандова, какъ часть карточнаго долга, на другой день катастрофы — въ полдень — положенный для уплаты этого долга срокъ. Господинъ Редебасъ, не трогая уже больше этихъ денегъ, держалъ ихъ у себя въ шкафу до вчерашняго дня. Тутъ, расплачиваясь со мною, онъ отдалъ мнѣ и эту ассигнацію. Я спросилъ господина Редебаса—не открывая впрочемъ ему сущности дѣла—можетъ ли онъ, въ случаѣ нужды, подтвердить это показаніе присягой; онъ отвѣчалъ мнѣ съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но чрезвычайно рѣшительно, что готовъ сдѣлать это въ какое угодно время».

«Брандовъ, какъ извѣстно, разсказывалъ кое-гдѣ, то есть умышленно разглашалъ, что пять тысячь, которыя онъ заплатилъ Редебасу въ полдень, получены имъ утромъ отъ здѣшняго торговца продуктами Якова Демминера въ зачетъ тѣхъ семи тысячь, за которыя онъ продалъ ему свою пшеницу. Въ сущности въ этомъ показаніи нѣтъ ничего невѣроятнаго. Всѣмъ извѣстно, что Яковъ Демминеръ готовъ взяться за что угодно, даже за пристанодержательство, лишь бы только зашибить себѣ копѣйку; отсюда тѣнь возможности того, чтобы господинъ получилъ отъ него утромъ за проданную имъ пшеницу тѣ самыя деньги, которыя слуга похитилъ у нашего друга ночью, и, чтобы получше скрыть ихъ, тотчасъ же отнесъ честному Якову, съ которымъ онъ можетъ быть давно уже велъ дѣло. Я говорю: «тѣнь возможности», потому-что времени-то для этого было ужь слишкомъ мало; но такъ какъ намъ пока не извѣстно, гдѣ и какимъ образомъ Генрихъ Шеель провелъ остальную часть ночи, то дѣло пожалуй и могло происходить такимъ образомъ».

«А между тѣмъ оказывается, что по крайней мѣрѣ этому дѣлу честный Яковъ не причастенъ,—да и той сдѣлки между нимъ и Брандовомъ, о которой разглашаетъ этотъ послѣдній, тоже не было. Конечно, Брандовъ былъ здѣсь утромъ того дня, а также спускался и въ ту темную пещеру, которую Яковъ называетъ своей конторой; получилъ онъ отъ него и деньги, но всего только двѣ тысячи, да и не за нынѣшнюю пшеницу—она уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ продана Якову—а за пшеницу будущаго года. Ему нужно было продать *à tout prix*, чтобы отклонить подозрѣніе касательно настоящаго источника тѣхъ денегъ, которыя у него оказались въ это время, и онъ могъ назвать какое угодно число, не опасаясь, чтобы честный Яковъ сталъ противорѣчить человѣку, заключающему съ нимъ такія выгодныя сдѣлки. И эту тоже продѣлку открылъ мнѣ случай, въ образѣ бѣднаго молодаго еврея, который уже нѣсколько лѣтъ работалъ у Якова и пріобрѣлъ себѣ его довѣріе, пока вдругъ совѣсть, или ужь я не знаю что, не побудила его излить передо мною свое сердце и обратиться ко мнѣ съ просьбою извлечь его изъ этого вертепа порока».

«Теперь сдѣлаемъ общій сводъ. Брандовъ, у котораго, какъ всѣмъ извѣстно, не было въ день катастрофы денегъ и который утромъ на слѣдующій день получилъ всего двѣ тысячи, разомъ платитъ въ полдень господину Редебасу пять тысячь—и въ числѣ этихъ денегъ находится ассигнація во сто талеровъ, лежавшая въ исчезнувшемъ при этой катастрофѣ пакетѣ».

«Исчезнувшемъ! почему же не потерянномъ, но найденномъ и только не возвращенномъ?»

«Конечно, онъ и въ этомъ случаѣ не переставалъ бы оставаться украденнымъ! но дѣло-то въ томъ, что онъ украденъ, отнятъ много прежде».

«Вспомните, что пакетъ, какъ вы убѣдились на дѣлѣ, былъ еще у ассесора въ боковомъ карманѣ, когда вы уѣзжали изъ Доллана; что въ кузнѣ его, какъ замѣтили, уже не было тамъ, а застегнутый вами сюртукъ все еще былъ застегнутъ. Конечно, это еще не точное доказательство; а послѣднее обстоятельство, на первый взглядъ, даже какъ будто бы говоритъ противъ моего показанія. Какимъ образомъ, скажутъ пожалуй, такой предусмотрительный насчетъ всего остальнаго воръ умышленно навязалъ бы себѣ на шею лишнюю улику? Но вѣдь сначала - то можно и перехитрить; да и потомъ, можно ли было узнать, что весь вечеръ не выпускали изъ виду пакета, а когда застегивали потомъ пальто ассесору, то даже касались его рукою. Защитникъ обвиненнаго, само собою разумѣется, усомнится въ точности этихъ показаній; скажетъ... Но мы вѣдь теперь не въ судѣ; для меня доказано: деньги были при ассесорѣ, когда послѣдовало паденіе; а когда оба Пребровы поднимали несчастнаго въ то время, какъ Генрихъ Шеель стоялъ при этомъ съ фонаремъ въ рукахъ, то ихъ при немъ уже не было;—значитъ онѣ украдены въ промежуткѣ этого времени».

«Кѣмъ?»

«Конечно, никѣмъ другимъ, какъ тѣмъ же самымъ Генрихомъ Шеелемъ, но весьма... весьма вѣроятно, что Генрихъ Шеель былъ не одинъ».

«Могъ ли Карлъ Брандовъ быть при немъ?»

«Онъ не пожалѣлъ труда, чтобы доказать свое пребываніе въ другомъ мѣстѣ, прежде чѣмъ у него потребовали доказательствъ,—и очень хитро устроилъ эту штуку. Онъ ѣхалъ верхомъ черезъ Нейенгофъ, Ланкеницъ и Фашвицъ; это достовѣрно: въ этихъ деревняхъ слышали какъ онъ промчался, онъ даже урвалъ время переброситься нѣсколькими словами со встрѣтившимися ему на пути знакомыми людьми. Если же онъ всю дорогу ѣхалъ верхомъ, то не могъ быть на мѣстѣ преступленія,—самый лучшій ѣздокъ на самой превосходной лошади не въ состояніи былъ бы этого сдѣлать;—ну, а если онъ не всю эту дорогу проѣхалъ? если онъ свернулъ на нее только не доѣзжая Нейенгофа? если призрачный всадникъ, мчавшійся по болоту, представлялся вамъ не въ бреду, а былъ настоящій живой всадникъ, и если этотъ всадникъ былъ Карлъ Брандовъ?»

«Вы говорите: это невозможно. Ничего нѣтъ невозможнаго для преслѣдуемаго фуріями человѣка, когда онъ скачетъ на такой лошади, какъ знаменитый рыжій!»

«Брандовъ ѣздилъ въ ту ночь на рыжемъ; конюхъ гостинницы Фюрстенгофъ, увидавъ третьяго дня этого скакуна днемъ, во время своей поѣздки въ Зюндинъ, готовъ

поклясться въ этомъ. Если же такой человѣкъ, какъ Брандовъ, рѣшается, въ такую ночь, по такой дорогѣ, мчаться вскачь на лошади, которая сама по себѣ составляетъ небольшое состояніе и за которую онъ, кромѣ того, держитъ пари на цѣлыя тысячи,—значитъ... значитъ ему надо очень торопиться».

«Стало быть онъ очень торопился; иначе, любезный другъ,—не остаться бы вамъ въ живыхъ. Ужъ конечно, вы обязаны жизнью не тому, что васъ пощадили,—и кого сбрасываютъ стремглавъ съ высоты шестидесяти футовъ, того и совсѣмъ дѣлаютъ нѣмымъ, если только не очень торопятся».

«Но, какъ я уже говорилъ, это задача не легкая даже и для болѣе мудраго судьи, чѣмъ совѣтникъ юстиціи фонъ Цаденигъ. Одинъ изъ свидѣтелей никогда не выдастъ этого; а другой—можетъ быть ужъ и не можетъ выдать».

«Я встрѣтилъ Брандова на возвратномъ пути изъ Б.; очень не мудрено, что онъ узналъ отъ моего кучера, что я цѣлый часъ совѣщался съ совѣтникомъ юстиціи. Онъ скачетъ во весь опоръ домой; часъ спустя является референдарій съ жандармомъ—они уже не находятъ Генриха Шееля, а между тѣмъ его видѣли все утро, да онъ же и лошадь принялъ отъ господина, когда тотъ вернулся домой. Господинъ очень, очень сильно хлопочетъ объ томъ, чтобъ отыскался такъ внезапно исчезнувшій Шеель; онъ самъ руководитъ поисками; онъ...»

«Я не хочу развивать дальше это ужасное предположеніе, въ моемъ сводѣ оно единственное; все остальное факты... факты вопіющіе къ небу. Они не могутъ, они не должны оставаться безнаказанными. Знаю, мой дорогой другъ, что вы думаете объ этомъ такъ же какъ и я, хотя каждый нервъ вашего сердца долженъ содрогаться при мысли о томъ, что вы, именно вы...»

«Послѣ завтра я пріѣду съ женой въ Зюндинъ. Тамъ мы подумаемъ, только не о томъ, что именно надо дѣлать—на этотъ счетъ не можетъ уже быть никакихъ сомнѣній,—а о томъ, *какимъ образомъ* приступить къ дѣлу; вотъ о чемъ, конечно, надо поразсудить».

Готтгольдъ снова спряталъ письмо, и такъ пристально глядѣлъ вдаль на безотрадный дождевой ландшафтъ, что почти и не слыхалъ какъ мимо него, по другой сторонѣ дороги, промчался ѣхавшій изъ Проры экипажъ. До Проры оставалось еще полчаса; но нетерпѣливому путнику они казались вѣчностью. Наконецъ экипажъ остановился передъ домомъ Вольнофа.

XXVI.

— Я такъ неохотно отпускаю васъ, говорила Оттилія,—мужъ вернется къ вечеру. Онъ будетъ сердиться, что я васъ отпустила. И потомъ, милый другъ, подумайте: вы отправляетесь безъ опредѣленнаго плана, безъ твердаго рѣшенія, и съ такой-то подготовкой хотите выступить противъ такого человѣка, какъ Брандовъ; вѣдь это значитъ, проиграть игру, еще не начиная ее.

Оттилія взяла Готтгольда за обѣ руки, какъ будто хотѣла увлечь его отъ дверей опять въ комнату. Готтгольдъ покачалъ головой.

— Вы, конечно, правы, сказалъ онъ;—но бываютъ случаи, что человѣкъ, который не правъ, или хоть только не можетъ доказать своей правоты, все-таки долженъ поступать по своему усмотрѣнію. Я именно въ такомъ положеніи. Я не могу послать Брандова въ смирительный домъ или на эшафотъ; не могу...

— Еслибъ даже онъ и остался вслѣдствіе этого мужемъ Цециліи? Конечно, вы этого не можете хотѣть...

— Конечно, нѣтъ; поэтому-то и долженъ быть отысканъ третій исходъ.

— Который никогда не отыщется. Послушайте, милый, дорогой Готтгольдъ, позвольте мнѣ сказать вамъ то, что сказалъ бы вамъ мой мужъ, будь онъ теперь здѣсь: Никогда! Если вы придете къ нему такъ, одни, не имѣя за собой сыщиковъ и суда,—онъ никогда не подастся; вы должны ему доказать, что онъ вполнѣ въ вашихъ рукахъ, а между тѣмъ на дѣлѣ-то этого нѣтъ. Мужъ еще вчера вечеромъ говорилъ: «Еслибы только возможно было дать ему очную ставку съ Шеелемъ! Безъ Шееля, въ сущности, ничего нельзя сдѣлать; но гдѣ Шеель? Можетъ быть на днѣ какого нибудь изъ долланскихъ болотъ». Ахъ! другъ мой, бѣгите дальше отъ этого разбойничьяго гнѣзда.

— А ее я долженъ оставить тамъ! воскликнулъ Готтгольдъ.—Горе мнѣ, что я до сихъ поръ допускалъ это, что я не пожертвовалъ всѣмъ, чтобы вырвать ее оттуда вмѣстѣ съ ея ребенкомъ! вѣдь только ребенокъ и удерживалъ ее, а онъ бы продалъ и ребенка, еслибы у меня достало мозгу и сердца предложить ему надлежащую цѣну. Теперь я ничего уже не могу ему предложить, кромѣ борьбы на жизнь и смерть; но я увѣренъ въ себѣ—и онъ отлично знаетъ, что на этотъ разъ ему не побѣдить меня. Простите, мой другъ, что я такъ разглагольствую передъ вами, когда гораздо бы полезнѣе было дѣйствовать, и... прощайте!

Оттилія залилась слезами.—Да, воскликнула она,—милый, любезный другъ! да, вы должны ѣхать, вы должны всѣмъ пожертвовать, если любите Цецилію; а что вы ее любите—я вѣдь ужь давно это знаю, и мой добрый Эмиль зналъ это, и... и... Эмиль на вашемъ мѣстѣ поступилъ бы точно такъ же, повѣрьте мнѣ, что бы онъ тамъ прежде ни говорилъ и что бы онъ ни сталъ говорить потомъ. Онъ знаетъ, что значитъ страстная любовь; да, онъ ничего бы не сказалъ противъ вашего поступка, будь ему теперь опять двадцать восемь лѣтъ и будь онъ на вашемъ мѣстѣ. Но что же мнѣ дѣлать, что я не такая красавица и не такъ умна какъ ваша милая покойная матушка! и вообще, чѣмъ же я виновата, что тридцать лѣтъ тому назадъ меня еще не было на свѣтѣ! а вѣдь въ концѣ-то концовъ, есть супружества гораздо несчастнѣе, чѣмъ его и мое, и... и... дай Богъ чтобы вы и ваша Цецилія были когда нибудь хоть такъ счастливы какъ мы!

Она обняла Готтгольда и горячо поцѣловала. Минуту спустя, она стояла у открытаго окна, и, не обращая вниманія на дождь, сѣявшійся ей въ заплаканное лицо, махала носовымъ платкомъ вслѣдъ трясшемуся по неровной мостовой экипажу.

Не смотря на всѣ остановки, когда Готтгольдъ выѣзжалъ изъ Проры, то до заката солнца оставался еще почти цѣлый часъ; лошади бѣжали бодро; такимъ образомъ, онъ долженъ былъ пріѣхать въ Долланъ еще до наступленія полной темноты. Онъ повторялъ себѣ это нѣсколько разъ въ теченіе этого часа; потомъ опять, будто очнувшись, спрашивалъ себя: зачѣмъ же въ сущности онъ такъ разчитываетъ на это, и чтожъ изъ того, что онъ пріѣдетъ въ Долланъ прежде или послѣ наступленія темноты? На это у него не находилось отвѣта въ умѣ—и пока онъ искалъ этого отвѣта, ему уже снова думалось: «слава Богу, я буду тамъ еще до потемокъ!» Ужь не начинаютъ ли у него путаться мысли? это никуда не годится; сегодня его головѣ придется еще многое вынести. И безпокой-

ный взоръ его опять слѣдилъ за мрачными облаками, за влажными жнивьями и черными пашнями; онъ подумалъ: «однако темнѣетъ скорѣе, чѣмъ я предполагалъ» и, словно одна упорная идея вызываетъ другую, соотвѣтствующую, хотя бы даже и самую безразсудную, у него мелькнуло въ умѣ: «я ужь не увижу ее»

Онъ никакъ не могъ отдѣлаться отъ этой новой идеи: онъ не увидитъ ее, точно она спрячется при его появленіи, и ему надо будетъ ее отыскивать, а отыскать нельзя, потому что слишкомъ темно!

Или все это ничто иное какъ безсмыслица, которая лѣзетъ въ голову человѣку, когда онъ нѣсколько часовъ кряду трясется по избитой дорогѣ въ наполненной дождевыми парами коляскѣ и пристально смотритъ въ сѣрую даль, что каждую минуту становится сѣрѣе и непроницаемѣе? Или это страшное представленіе ужасной дѣйствительности? Генрихъ Шеель принялъ отъ *него* лошадь, когда онъ вернулся домой, а черезъ два часа Генрихъ Шеель исчезъ. Теперь по крайней мѣрѣ четыре часа какъ *онъ* дома; слѣдовательно у него было вдвое больше времени.

Готтгольдъ сдернулъ, еще растегнутый съ одной стороны, кожаный фартукъ экипажа; онъ задыхался. Наконецъ-то! Вотъ кузница; онъ сію минуту увидится, поговоритъ съ честными Пребровыми. Они живутъ такъ близко отъ господскаго дома; навѣрно они скажутъ ему, что вотъ они только что видѣли ее, разговаривали съ ней.

Кузница стояла пустая; тамъ не было ни души. Должно быть прошло ужъ часа два какъ пересталъ дѣйствовать мѣхъ: на потухшихъ угольяхъ лежалъ толстый слой золы. Повидимому, отецъ и сынъ, единственные обитатели этого древняго домика, только-что бросили второпяхъ работу. На наковальнѣ лежалъ кусокъ желѣза, который они начали ковать; тутъ же на полу лежали щипцы и молота, словно ихъ только-что выпустили изъ рукъ, чтобы со всѣхъ ногъ выбѣжать въ растворенную настежь дверь. Конюхъ былъ очень недоволенъ этимъ: одна рессора въ экипажѣ едва держалась; онъ разсчитывалъ, что здѣсь ее починятъ, а то и ѣхать совсѣмъ нельзя. Готтгольдъ велѣлъ ему потихоньку ѣхать за нимъ; онъ пойдетъ впереди пѣшкомъ.

Онъ не въ состояніи былъ ждать ни одной минуты; при видѣ оставленной кузницы, адскій страхъ, мучившій его всю дорогу, дошелъ до послѣднихъ предѣловъ. Онъ поспѣшно шелъ по спускающейся подъ гору дорогѣ черезъ пустошь, не замѣчая, какъ, при быстрой ходьбѣ, вѣтеръ съ удвоенной силой билъ ему въ лицо дождемъ,— не спуская глазъ съ ближайшей цѣпи холмовъ, лежавшей передъ нимъ и казавшейся ему недостижимой. Наконецъ онъ задыхаясь поднялся на верхъ, но вправѣ все таки ничего не было видно: съ болота все ближе и ближе надвигался сѣрый туманъ; онъ подступилъ такъ близко, что крутой обрывъ слѣдующей вершины чуть-чуть обрисовывался сквозь окружавшіе его пары.

Готтгольдъ едва могъ узнать мѣсто, гдѣ случилось несчастіе. Достигнувъ подошвы холма, онъ вспомнилъ, что внизу, если держаться плотно къ краю, есть проходъ между холмомъ и болотомъ; и вотъ онъ пошелъ по этому направленію, держась длинной цѣпи холмовъ, подымавшейся надъ нимъ по лѣвую руку.

Но, между тѣмъ какъ онъ такимъ образомъ спускался все ниже да ниже, его все плотнѣе окутывалъ туманъ, лежавшій надъ болотомъ на подобіе моря съ сѣдыми волнами — и клубами подымавшійся по крутымъ откосамъ, точно волны, гонимыя вѣтромъ на береговые утесы.

Алексѣй Θеофилактовичъ Писемскій.

Рис. Волковскій, грав. И. Матюшинъ.

Слѣва онъ ничего не могъ видѣть за холмомъ, справа туманъ едва позволялъ разглядѣть куда ему ступить, а между тѣмъ мучительный страхъ его усиливался съ каждымъ шагомъ. Ему казалось, что вотъ-вотъ туманный занавѣсъ поднимется и откроетъ страшную картину, которая пока скрывается за нимъ; а гора, къ которой онъ прижимается, только для того и стоитъ тутъ, чтобы ему нельзя было убѣжать отъ ужаснаго зрѣлища. Да вотъ и оно!

Готтгольдъ стоялъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, устремивъ вышедшіе изъ орбитъ глаза на туманъ. Это могло быть только порожденіе его до безумія возбужденной фантазіи, потому-что онъ ужъ ничего больше не видѣлъ, ровно ничего,—а вѣдь не сію ли минуту представились ему четверо или пятеро человѣкъ, стоявшихъ кружкомъ и шарившихъ длинными шестами въ болотѣ?—миражъ!

Нѣтъ, нѣтъ, не миражъ! развѣ призраки могутъ говорить человѣческими голосами? а онъ очень ясно различалъ, хотя и не разбиралъ словъ; но вотъ онъ услышалъ и слова: «Пожалуй, не тутъ-ли!».

Нѣтъ, не пожалуй... навѣрное; теперь онъ зналъ, чего онъ такъ боялся.

Одинъ прыжокъ—и онъ былъ уже по ту сторону высокой осоки, широкой лентой опоясавшей въ этомъ мѣстѣ болото; мшистая почва подымалась и опускалась подъ его ногами; не разъ изъ подъ торопившихся ногъ выскакивала вода—онъ ничего не замѣчалъ; взглядъ его упорно устремлялся въ туманѣ къ тому мѣсту, откуда онъ слышалъ голоса. Вотъ опять они слышатся ему, совсѣмъ ужъ близко; снова выглянули изъ тумана тѣ же фигуры, которыя показались было ему передъ этимъ, когда туманъ на мигъ разорвался,—и вотъ ужъ онъ подлѣ нихъ: «Кузенъ Бослафъ!»

— Отойди дальше, и вы всѣ тоже! Насъ тутъ слишкомъ много; оно насъ не сдержитъ; я ужъ и одинъ справлюсь.

Всѣ отступили назадъ; старикъ нѣсколько разъ осторожно провелъ длиннымъ багромъ въ водѣ, образовавшей тутъ между тростниками и поникшими травами маленькое темное озерцо. Потомъ вынулъ багоръ и отдалъ его одному изъ людей.—Ничего нѣтъ, это послѣднее мѣсто; пойдемте назадъ; не отставайте отъ меня, и ты тоже, Готтгольдъ! всѣ иди по моимъ слѣдамъ.

Старикъ шелъ впереди всѣхъ, съ ружьемъ на плечѣ, ровнымъ широкимъ охотничьимъ шагомъ, такъ что всѣ остальные, въ томъ числѣ и Класъ Пребровъ, братъ Іохена, съ трудомъ поспѣвали за нимъ. Раза два онъ останавливался; онъ повидимому разсматривалъ почву, но всякій разъ это продолжалось не больше минуты. Потомъ онъ снова продолжалъ шагать въ туманѣ. Всѣ шли за нимъ, не колеблясь; всякій зналъ, что можно идти спокойно, когда впереди идетъ кузенъ Бослафъ. Но вотъ почва стала дѣлаться все тверже и тверже, они пришли какъ разъ къ тому мѣсту, откуда часъ тому назадъ вышли. Кузенъ Бослафъ подозвалъ къ себѣ Готтгольда.

— Когда? спросилъ Готтгольдъ.

— Еще сегодня ночью, во второмъ часу; собаки лаяли, я узналъ объ этомъ всего три часа тому назадъ.

— И у васъ еще есть надежда?

Старикъ уставилъ глаза въ туманъ.

— Мы не нашли ее, сказалъ онъ,—такъ стало быть и другіе могли ее не найти; поэтому еще есть надежда, хотя весьма сомнительно, чтобы въ такую темную ночь она могла далеко уйдти съ ребенкомъ.

— Съ ребенкомъ! воскликнулъ Готтгольдъ,—съ Гретхенъ! тогда все хорошо; она никогда не покусится на жизнь ребенка!

— На жизнь! сказалъ старикъ,—на жизнь! есть зло, страшнѣе смерти.

Готтгольдъ содрогнулся. Она не хотѣла разстаться съ ребенкомъ; она все переносила ради ребенка, думала, что въ силахъ все перенести. Но страданія перешли мѣру — она должна была сбросить эту тяжесть. Что же будетъ съ Гретхенъ? есть зло хуже смерти.

(Продолженіе будетъ).

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій родился 20 марта 1820 года въ Костромской губерніи, въ усадьбѣ Раменьѣ, гдѣ и воспитывался до 13-лѣтняго возраста, занимаясь преимущественно латинскимъ языкомъ и рисованіемъ. Въ 1833 году онъ былъ отданъ въ костромскую гимназію, гдѣ, какъ онъ самъ разсказываетъ, онъ прочитывалъ почти всѣ выходившіе тогда въ огромномъ количествѣ романы, русскіе и переводные, и вмѣстѣ съ тѣмъ участвовалъ во всѣхъ домашнихъ спектакляхъ, затѣваемыхъ гимназистами, и исполнялъ всегда при этомъ комическія роли. По окончаніе курса въ костромской гимназіи, Писемскій въ 1840 году поступилъ въ Московскій университетъ по математическому факультету. Въ 1844 году, окончивъ университскій курсъ съ званіемъ дѣйствительнаго студента, онъ поступилъ на службу, въ костромскую палату Государственныхъ имуществъ, и, пробывъ тамъ около года, перешелъ въ московскую палату.

Здѣсь-то, въ Москвѣ, въ 1846 году написалъ онъ первый свой романъ «Боярщину», который обратилъ на себя вниманіе знакомыхъ автора; этотъ успѣхъ увлекъ его: онъ бросилъ службу и уѣхалъ въ деревню, чтобы пополнить свое образованіе чтеніемъ и исключительно заняться литературою.

Отправивъ «Боярщину» въ 1847 году въ «Отечественныя Записки», Алексѣй Ѳеофилактовичъ принялся за повѣсть «Тюфякъ»; но когда романъ, по независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, не могъ быть напечатанъ, то авторъ, обманувшійся въ своихъ надеждахъ, не только не рѣшился пустить въ свѣтъ «Тюфякъ», но даже совсѣмъ бросилъ писать.

Женившись въ 1848 году на дочери прежняго издателя «Отечественныхъ Записокъ», покойнаго Павла Петровича Свиньина, Алексѣй Ѳеофилактовичъ снова принялся за службу—и оставя всякіе помыслы о литературѣ, поступилъ въ чиновники особыхъ порученій къ костромскому военному губернатору, должность котораго временно исправлялъ тогда генералъ-маіоръ генералъ-адъютантъ свѣтлѣйшій князь А. А. Италійскій графъ Суворовъ Рымникскій. Но когда, въ 1856 г., около редакціи «Москвитянина» образовался кружокъ молодежи, знакомой Писемскому (Алмазовъ, Островскій, Эдельсонъ и проч.) и принявшей дѣятельное участіе въ изданіи этого журнала,—то новые сотрудники Москвитянина обратились къ нашему въ то время ех-литератору съ вопросомъ, нѣтъ ли у него чего нибудь готоваго для печати. Писемскій послалъ имъ свой «Тюфякъ», который будучи въ томъ-же году напечатанъ[1]) обратилъ на себя общее вниманіе.

Хотя въ 1850 г. Алексѣй Ѳеофилактовичъ и перешелъ на службу въ костромское губернское правленіе, но успѣхъ, который имѣлъ «Тюфякъ», снова заставилъ автора отказаться отъ служебной карьеры, вернуться на литературное поприще и сдѣлаться постояннымъ сотрудникомъ Москвитянина.

Въ 1851 г. Писемскій написалъ романъ: «Бракъ по Любви или Сергѣй Петровичъ Хазаровъ и Марья Ступицына» [2]), гдѣ въ художественныхъ образахъ показалъ, какъ многіе вступаютъ въ бракъ не имѣя понятія объ истинной любви и какія ошибки происходятъ отъ неяснаго пониманія чувственности и чувства, причемъ вся дальнѣйшая семейная жизнь оказывается далеко не отрадною и непривлекательною. Затѣмъ въ разсказѣ «Комикъ»[3]) онъ

[1]) «Москвитянинъ» 1850 г. №№ 19,20,21,22.
[2]) Москвитянинъ 1851 г. 4—7.
[3]) Москвитянинъ 1851 г.

яркими красками обрисовалъ положеніе истиннаго, но сбившагося съ настоящей дороги художника въ нашемъ провинціяльномъ обществѣ. Въ томъ же году имъ былъ начатъ романъ «Богатый Женихъ»[1]) и комедія «Ипохондрикъ[2]).

Въ теченіи 1852 года Писемскій окончилъ романъ «Богатый Женихъ»[3]), написалъ повѣсть «М-г. Братмановъ[4])» и очеркъ крестьянскаго быта «Питерщикъ»[5]). Плодомъ литературныхъ работъ 1853 г. у Писемскаго является комедія въ 4 дѣйствіяхъ «Раздѣлъ»[6]) и разсказъ «Лѣшій»[7]). Въ этомъ же году были изданы особымъ изданіемъ его сочиненія въ трехъ частяхъ подъ заглавіемъ: Повѣсти и разсказы А. Ѳ. Писемскаго.

Выйдя въ этомъ-же году въ отставку, Писемскій поселился въ деревнѣ, гдѣ на досугѣ вполнѣ предался литературѣ.

Пріѣхавъ въ 1854 году въ Петербургъ и зачислившись снова на службу по министерству удѣловъ, онъ напечаталъ разсказъ «Фанфаронъ»[8]) (Теккеревскій снобсъ на русскій ладъ) и драматическій очеркъ: «Ветеранъ и Новобранецъ[9]) изъ событій 1854 года, отражающій въ чрезвычайно симпатическихъ чертахъ народный патріотизмъ во время Крымской кампаніи. Въ этомъ-же году имъ были подготовлены: повѣсть «Виновата ли она[10]), въ которой необыкновенно рельефно изображается, какъ часто падаютъ у насъ нравственно-развитыя женщины, будучи совершенно правы и невинны,—и разсказъ изъ русскаго быта «Плотничья Артель [11])» (деревенскія записки). Кромѣ этого въ 1855 г. имъ была написана еще критическая статья о Гоголѣ: «Сочиненія Н. В. Гоголя, найденныя послѣ его смерти. Похожденія Чичикова или мертвыя души. 5 главъ[12]).

Въ 1856 году А. Ѳ. Писемскій, по порученію морскаго министерства, съ литературною цѣлію ѣздилъ въ Астрахань и написалъ статью: «Пребываніе черноморскихъ моряковъ въ Москвѣ и пріемъ ихъ астраханскими жителями»[13]).

Въ этомъ-же году онъ предпринялъ изданіе своихъ «Очерковъ крестьянскаго быта» и выпустилъ томъ, въ которой вошли: «Питерщикъ», разсказъ «Лѣшій» и очеркъ изъ деревенскихъ записокъ «Плотничья Артель».

Въ слѣдующемъ году Писемскій напомнилъ себя публикѣ только дважды, именно разсказомъ: «Старая барыня» [14] гдѣ онъ выводитъ типъ старой помѣщицы и небольшой статьей «Бирючья Коса» [15]). Съ наступленіемъ 1858 года А. Ѳ. Писемскій принялъ дѣятельное участіе въ редакціи Библіотеки для чтенія, гдѣ и помѣстилъ свой романъ «Боярщину» [16]) написанный имъ прежде всѣхъ своихъ литературныхъ трудовъ. Вскорѣ затѣмъ написанъ и большой романъ «Тысяча душъ» [17]) который имѣлъ громадный успѣхъ, окончательно упрочившій и безъ того громкую литературную извѣстность его автора.

[1]) Современникъ 1851 г. 10—12.
[2]) Москвитянинъ 1852 г. № 1.
[3]) Современникъ 1853 г. 1—5.
[4]) Москвитянинъ 1852 г. 17 и 18.
[5]) Москвитянинъ № 23.
[6]) Современникъ 1853 г. № 1.
[7]) Современникъ 1853 г. № 11.
[8]) Современникъ 1854 г. № 7.
[9]) «Отечественныя Записки» 1854 г. № 9.
[10]) Современникв 1855 № 2 = «Отечественныя Записки» 1855 № 3.
[11]) «Отечественныя Записки» 1855 № 9.
[12]) «Отечественныя записки» 1855 № 9.
[13]) Морской Сборникъ 1856 г. № 6.
[14]) Библіотека для чтенія 1857 г. № 1.
[15]) Морской Сборникъ 1857 г. № 4.
[16]) Библіотека для чтенія 1858 г. № 1 и № 2.
[17]) «Отечественныя Записки 1858 г. №№ 1, 2, 3, 5 и 6=особое изданіе Кожанчикова въ 4-хъ частяхъ.

Къ тому-же 1858 году относятся его два очерки «Татары» и «Астраханскіе армяне» [1]). Въ 1859 году мы встрѣчаемъ другое капитальное произведеніе А. Ѳ. Писемскаго—его драму изъ крѣпостнаго быта — «Горькую Судбину» [2]) въ 4-хъ дѣйствіяхъ, которая и доставила автору присужденную въ 1860 г. императорской академіей наукъ большую золотую медаль изъ такъ-называемыхъ уваровскихъ наградъ за сочиненія драматическія.

Начавъ съ 1860 свои литературно - этнографическіе очерки «калмыки» [3]) А. Ѳ. Писемскій принималъ участіе въ редакціи журнала «Искуство», въ періодическомъ изданіи, «Вѣкъ», и напечаталъ кромѣ того разсказъ «Старческій грѣхъ» [4])—психо-патологическій этюдъ, въ которомъ мастерски изображены возможность развитія и послѣдствія страсти въ отжившемъ старикѣ.

Въ 1861 г. вышли 3 тома сочиненій А. Ѳ. Писемскаго, изданные Стелловскимъ, а въ 1862 году, напечатавъ свой расказъ «Батька» [5]), Писемскій переселился изъ Петербурга въ Москву. Здѣсь въ 1863 году, на страницахъ «Русскаго Вѣстника», появилось новое произведеніе его—романъ «Взбаломученное море» [6]), художественно отражающій тѣ нестроенія и безобразія, которыя возникли въ русскомъ обществѣ наряду съ здоровымъ стремленіемъ къ реформамъ, послѣ крымской кампаніи. Понятно, что этотъ романъ долженъ былъ возбудить цѣлую бурю нападокъ со стороны извѣстной партіи на его автора, имѣвшаго смѣлость безпощадно разоблачить истинное значеніе тѣхъ противуобщественныхъ элементовъ, которые навязывались русскому народу въ такое время, когда общество всего менѣе было приготовлено къ сознательной борьбѣ съ ними.

Въ первое полугодіе 1865 года Писемскій помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» рядъ блестящихъ очерковъ «Русскіе лгуны» [7]) дышащихъ здоровымъ и неподдѣльнымъ юморомъ. Въ 1866 г. въ журналѣ «Всемірный Трудъ» напечатаны его «Самоуправцы», имѣвшіе громадный успѣхъ на сценѣ. Затѣмъ въ 1867—драма «поручикъ Гладковъ» и наконецъ въ 1868—драма «Былые соколы».

Въ 1869 году на страницахъ новаго журнала «Заря» начался большой романъ Писемскаго «Люди сороковыхъ годовъ», въ которомъ необыкновенно теплыми симпатическими чертами обрисовано время воспитанія и развитія самого автора. По богатству и разнообразію типовъ, творчески возпроизведенныхъ въ этомъ обширномъ трудѣ, «Люди сороковыхъ годовъ» могутъ сравниться развѣ только съ колосальнымъ произведеніемъ графа Л. Н. Толстаго.

Послѣднее произведеніе Писемскаго «Въ водоворотѣ» въ настоящее время нарасхватъ читается русскою публикой—и это лучшая замѣна всякихъ отзывовъ, которые объемъ нашей статьи не дозволяетъ распространить какъ бы слѣдовало въ виду высокохудожественной дѣятельности заслуженнаго беллетриста.

Отличительною чертою громаднаго таланта А. Ѳ. Писемскаго является необыкновенная пластичность образовъ, какъ бы изсѣченныхъ могучимъ рѣзцомъ—и притомъ двумя-тремя вѣрными ударами, безъ всякихъ поправокъ и сглаживаній; въ изображеніи характеровъ и ходѣ дѣй-

[1]) Библіотеки для чтенія 1858 №№ 10 и 11.—
[2]) Библіотека для чтенія № 11.=Особое изданіе Кожанчикова.
[3]) Библіотека для чтенія 1860 г. № 1.
[4]) Библіотека для чтенія 1860 № 12.
[5]) «Русское Слово» 1862 г. № 1.
[6]) «Русскій Вѣстникъ» 1863 №№ 1.2.3.4.5.6.7.8.
[7]) «Отечественныя Записки» 1865 г. №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6.

ствія вѣетъ здоровый реализмъ, чуждый болѣзненной мечтательности, сантиментальности, а также уродливыхъ утрировокъ ложно-реальной школы. Никогда не переставая быть художникомъ, авторъ является вполнѣ современнымъ человѣкомъ — и притомъ человѣкомъ русскимъ.

Во многихъ произведеніяхъ своихъ, Писемскій достигаетъ идеала народнаго писателя, изучившаго свой народъ не изъ прекраснаго далека, не по книгамъ и слухамъ, — а въ самой живой дѣйствительности его быта. Онъ не «припомадитъ» русскаго мужика, не «подсластитъ» его, по собственному выраженію. Типы всѣхъ сословій, всѣхъ слоевъ общества являются у него въ первобытной своей чистотѣ безъ всякихъ прикрасъ или умышленной карикатурности, — отчего и происходитъ свойственная ему объективность разсказа, то художественное спокойствіе въ изложеніи, которое освѣжительно дѣйствуетъ на читателя. Писемскій не навязываетъ никому своихъ воззрѣній, а просто рисуетъ жизнь какъ она есть, предоставляя самому читателю дѣлать надлежащіе выводы.

Жница-украинка.

(Съ наброска Филипповича).

Жаркій, удушливый полдень; въ темной синевѣ чуть сквозятъ легкія перистыя облачка; солнце печетъ такъ, что разутой ногѣ горячо не только на голой землѣ, а даже и по отавѣ, нагрѣтой палящими лучами; золотисто сверкаютъ и переливаются зрѣлыя колосья; зелень пожухла и отдаетъ сухимъ металлическимъ блескомъ; все замолкло, словно примерло въ окрестности — только кузнечики взапуски стрекочатъ, да легкій вѣтерокъ пышетъ зноемъ въ загорѣлое лицо молодой жницы... Ей одной н тъ отдыху въ эти часы всеобщаго покоя природы. Спитъ старый батько въ прохладной тѣни *омшаника* (зимнее помѣщеніе для пчелъ) на пасекѣ, куда зашелъ было подрѣзать сотъ; спитъ стара (мать) въ саду подъ яблоней, гдѣ сморилъ ея послѣобѣденный сонъ; спятъ ребятишки въ кучѣ какъ попало... Одна Ганна *робитъ* (работаетъ) — и жарко же ей бѣдняжкѣ, какъ ни старалась она полегче одѣться на работу! Поверхъ сорочки, собственноручно разшитой краснымъ шолкомъ въ долгіе зимніе вечера, она завернулась только *плахтой* — старинный нарядъ, уцѣлѣвшій лишь въ самой глуши степныхъ деревень да кое-гдѣ по хуторамъ, затерянныхъ вдали отъ проѣзжихъ дорогъ. Не слушая ворчливой *старой*, она даже *опаски* (фартука) не повязала на плахту, что считается верхомъ неприличія у малороссіянокъ; положимъ, плахта не простая *хрещата* (т. е. крестиками) а узорная, *квітная*, съ цвѣтами, — но все неловко. За то ужь на другія, менѣе обременительныя украшенія не поскупилась чернобривая красотка: въ косу заплела себѣ широкую цвѣтную *стежку* (ленту), голову повязала другою — и въ полѣ уже, между дѣломъ, убрала ее тутъ же ростущими во ржи, синенькими *волошками* (васильками). На шеѣ у нея *намисто* (ожерелье) *добре*, т. е. изъ настоящихъ красныхъ коралловъ, а не поддѣльныхъ корольковъ, къ которымъ украинки питаютъ такое отвращеніе, что ни одна изъ нихъ не рѣшится *купить* себѣ ожерелье, хотя бы на самой богатой ярмаркѣ, боясь обману. А между тѣмъ дѣвушка до тѣхъ поръ не считается невѣстой, пока не добудетъ себѣ *добрего намиста;* безъ него она чувствуетъ себя глубоко несчастною, такъ какъ даже у нищихъ есть ожерелье въ одну или двѣ нитки. Дѣло въ томъ, что кораллы переходятъ изъ рода въ родъ, отъ матери къ дочери, — а если дочерей нѣсколько, то дѣлятся между ними поровну, что отнюдь не значитъ по немногу, ибо встарину, во времена батьки Богдана (Хмѣльницкаго), женщины бывали буквально завѣшаны ожерельями. Наша жница, какъ видно, не изъ бѣдной семьи — намисто у нея въ шесть нитокъ, а блескомъ не уступаетъ *дукачу* (золотая или серебряная монета), пріютившемуся среди ихъ. Конечно и не даромъ она такъ *причепурилась* (принарядилась) даже на жатву? Ну, еще бы! Жениховъ у Ганны — просто отбою нѣтъ. Появись она куда нибудь на *вечерницы* (вечеринка), *паробки* такъ и обступятъ ее со всѣхъ сторонъ: одинъ пряниками подслуживается, другой горілкой подчуетъ; у третьяго прибаутка за прибауткой — лишь бы словечко промолвила; четвертый скрипку ладитъ, хоть бы потанцовала Галя подъ его музыку. И мастерица же Галя танцовать, а поетъ такъ, что во всемъ околодкѣ и ровни ей нѣтъ. Въ Малороссіи хорошіе голоса вообще не рѣдкость, а какъ Ганна запоетъ, такъ ужь тутъ всѣ слушаютъ — и старый и малый. На *улицѣ* (лѣтнія вечернія гулянки у околицы или на выгонѣ) она покрываетъ своимъ голосомъ весь хоръ; *ажъ луна пидетъ гаемъ*, т. е. даже въ лѣсу отзывается гулъ, говорятъ паробки, очарованные дивными переливами ея пѣсни. Глядитъ-глядитъ на нее иной скрипачъ, да какъ зажаритъ *у скрипицю* — Ганна тотчасъ руки въ боки и пошла *голубця* (танецъ), только подскакиваетъ да притопываетъ подковками черевиковъ, а сама такъ и носится перомъ по кругу. Безъ нея и вечерница не въ вечерницу; а какъ вошла въ хату — откуда что берется: росказни, шутки, дівчата встрепенулись, смѣются — и всѣхъ веселѣй заливается сама Ганна звонкимъ дѣвичьемъ смѣхомъ. Не мудрено, что у паробковъ изъ за нея не разъ дѣло доходило до драки, а на *досвіткахъ* — и того хуже. На досвітки, какъ извѣстно, дівчата собираются съ осени въ наемную избу къ какому нибудь пожилому бобылю, который и называется *досвічоный батько*. Онѣ приносятъ съ собой работу и закуску, послѣднюю нерѣдко тишкомъ отъ старой: тутъ и курка жареная, и вареники, и сало, и галушки — всего вдоволь. Садятся дівчата за шитье, за вязанье, *спиваютъ* пѣсни, да поджидаютъ милыхъ дружковъ. Чу! вотъ раздается желанный стукъ въ двери и вваливается толпа въ бѣлыхъ *світкахъ*, съ горілкой и скрипачемъ. Молодежь разбивается попарно, работа чередуется танцами, пѣніемъ — и здѣсь то полагается начало будущему сватовству и замужеству — часто весьма нешуточное, но никогда не обманное. Прошлую зиму за Ганной крѣпко увивались два паробка: *Остапъ*, сынъ волостнаго старшины, и *Петрусь кучерявый* (кудрявый), скрипачъ изъ сосѣдняго хутора. Ганна отдала предпочтеніе Петрусю — но тутъ *такое-то лихо подіялось, що и казати не можно*. Какъ-то разъ, подъ конецъ досвітокъ, Остапъ попрощавшись со всѣми, притаился въ сѣняхъ — и какъ только погасили огонь а влюбленныя парочки разошлись по укромнымъ уголкамъ хаты, онъ словно кошка прокрался за молодой четой и ударилъ Петруся ножемъ въ бокъ. Поднялся переполохъ. Дівчата кричатъ: «*вівкулака* (оборотень)! другія: *рятуйте* (спасайте)! ри-

Жница-украинка. Съ наброска Филиповича, рис. и грав. Шюбелеръ.

жутъ»! пока досвічонный батько *выкресалъ* огня—Остапа и слѣдъ простылъ. Къ счастью, рана была не опасна и Петрусь оправился; но съ тѣхъ поръ Ганна упросила его не ходить на досвітки. «*Годи, мій голубе*, уговаривала она,—*отъ тилько отробимъ літо, покосемо, погребемо, у копици* (въ копны) *покладемо, а тамо спожинки* (успенскій постъ), *а тамо и сватывъ посылатимешь*...

И вотъ, подходятъ эти *спожинки*, жатва въ самомъ разгарѣ, тяжеловѣсные снопы такъ и ростутъ въ рукахъ красавицы Ганны. Посмотрите, какъ легко и свободно, съ серпомъ въ рукѣ, несетъ она золотистую вязанку, задумчиво поводя карими очами, да поглядывая своего милаго... Смѣлая, гордая поступь и сильныя, загорѣлыя руки сулятъ счастливцу жену-работницу, домовитую хозяйку, гибкія округлыя формы тѣла дышатъ молодостью и здоровьемъ; но не такъ-то легко красавицѣ ждать да поджидать условленнаго времени: тяжело волнуется горячая южная кровь, словно млѣя томною нѣгою знойнаго полдня; грудь высоко вздымается подъ неровными складками сорочки: влажный взоръ ея тоскливо вперяется вдаль, а думы роятся роятся безчисленными вереницами...

Думи мои, думи мои,
Лихо мині зъ вами!

Шарль Франсуа Гуно.

(Окончаніе).

Философская атмосфера, въ которой живетъ и дышетъ драма, составляетъ въ либретто только вступительную декорацію. Съ первой же сцены, метафизическія тучи оригинала исчезаютъ, и передъ нами широко и свободно разстилается свѣтлое оперное небо. Въ дѣйствіи и лицахъ внѣшнихъ перемѣнъ мало, но тѣмъ болѣе измѣненъ ихъ внутренній смыслъ и характеръ. Если Фаустъ и Мефистофель сглажены до уровня обыкновенныхъ либретныхъ героевъ, то Гретхенъ постигла еще болѣе печальная участь. На составителяхъ либретто лежатъ тѣ же злыя чары что и на Зибелѣ; отъ ихъ прикосновенія вянетъ всякій цвѣтокъ, и тщетно силятся они смыть съ себя проклятія потоками сантиментальности. Что сдѣлали они съ этимъ чистѣйшимъ образомъ, когда либо существовавшимъ въ поэзіи? У Гёте, Гретхенъ является намъ воспитанной въ тѣсномъ кругѣ семейныхъ обязанностей, подъ строгимъ материнскимъ надзоромъ. Въ оперѣ, она живетъ себѣ на волѣ, праздная повинующаяся только своей собственной фантазіи; у нея уже завелись нѣжныя сношенія съ цвѣточнымъ рыцаремъ Зибелемъ. Та—дѣтски чистая, невинная, довѣрчивая, однимъ словомъ, вполнѣ непорочная, неподдѣльная натура; потому-то она такъ сразу беззавѣтно и всецѣло и отдалась человѣку, которому принадлежало ея сердце. Какъ не похожа на нее французская Маргарита! Она очень хорошо знаетъ, что въ любви подъ розами скрываются шипы, она бросается въ ноги своему другу, говоритъ ему о долгѣ и добродѣтели, умоляетъ его не губить ее. Нельзя отрицать того, что музыка Гуно придала этому смятому цвѣтку блестящія краски и новый ароматъ, хотя они и совершенно измѣнили весь характеръ его первообраза.

Композиторъ вложилъ въ уста своей Гретхенъ все что отъ него зависѣло по части плавности музыкальныхъ фразъ, мелодической красоты и трогательнаго краснорѣчія. Весь ея характеръ чисто лирическій, но нигдѣ чувство ея не доростаетъ до настоящей могучей страсти; все въ ней неопредѣленно, и словно улыбка сквозь слезы, мечтательно бродитъ между горемъ и радостью. Сцена въ церкви, сумасшествіе и апофеозъ Гретхенъ, написаны поверхностно въ слишкомъ легкомъ стилѣ. Въ дуэтѣ въ тюрьмѣ главную роль играютъ такъ-называемые повторяющіеся мотивы, домашнее средство, систематически примѣняемое въ настоящее время для музыкальныхъ характеристикъ.

Фаустъ и Мефистофель лишены всякой индивидуальности. Первый почти ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго типа любовниковъ современной французской оперы; а что касается до выраженія демонической силы, то въ этомъ отношеніи талантъ композитора вполнѣ отказывается ему служить.

Тѣ, умственный ростъ которыхъ не достигаетъ до высоты геніальности, часто въ одномъ своемъ произведеніи исчерпываютъ всю творческую силу своего дарованія. Всѣ остальныя ихъ работы или служатъ приготовленіемъ къ этому лучшему произведенію, или же въ постепенномъ *decrescendo* идутъ сверху внизъ. То же самое можно сказать и про Гуно. До сихъ поръ ему только разъ удалось сдѣлать сильный ходъ, всѣ его послѣдующія созданія не болѣе какъ отголоски уже высказанныхъ въ Фаустѣ мелодій. Новое его произведеніе, «Ромео и Юлія», днемъ рожденія котораго было 27 апрѣля 1867 г., и объ которомъ мы поговоримъ еще подробнѣе, не составляетъ исключенія. Ему предшестововали цѣлыхъ три оперы, но ни одна изъ нихъ не обезпечила за собой прочнаго положенія въ современной музыкальной жизни. Оперы: «Филимонъ и Бавкида», исполненная въ первый разъ въ 1860 г. на Лирическомъ театрѣ, и «Царица Сабъ»—въ 1862 г. въ большомъ оперномъ театрѣ, даже въ Парижѣ, едва удостоились жиденькаго *succès d'estime*. Но въ 1864 г. французская публика благосклонно встрѣтила оперу «Мирель» появившуюся на лирическомъ театрѣ,—этомъ, такъ-сказать, артистическомъ отечествѣ композитора. Сюжетъ ея взятъ изъ народнаго эпоса, и дѣйствіе происходитъ въ тѣсномъ кругу сельской идилліи. Героинѣ оперы нѣтъ еще пятнадцати лѣтъ. Она отдала свое сердце молодому корзинщику Винсену, и отказала богатому крестьянину, который за нея сватался. Этотъ послѣдній нападаетъ на своего соперника и опрокидываетъ его на землю. Мирель, думая, что возлюбленный ея убитъ, идетъ на богомолье. Во время пути по знойной равнинѣ, она получаетъ солнечный ударъ и достигаетъ цѣли своего странствія только для того, чтобы умереть на рукахъ своего возлюбленнаго. Конечно, можно бы много сказать противъ сюжета и его выполненія, но онъ въ высшей степени соотвѣтствуетъ таланту Гуно; самая сильная его сторона вѣдь именно и заключается въ выраженіи элегическихъ чувствъ; всего симпатичнѣе для него—это святыя тайны объятой горемъ, усталой, задумчиво ушедшей въ себя, дѣвической души.

Ромео и Юлія.... Гуно не первый, и вѣрно не будетъ послѣднимъ изъ композиторовъ, прельщавшихся волшебной прелестью этихъ двухъ именъ. Шекспировская трагедія вызвала на свѣтъ чуть не полдюжины оперъ; еще въ восемнадцатомъ столѣтіи брались за нея Бенда и Цингарелли, въ нашемъ Ваккаи и Беллини. Что Гуно отнесся къ своей задачѣ серіознѣе, что онъ съ несравнен-

но большимъ жаромъ старался остаться вѣрнымъ поэтическому оргиналу, чѣмъ всѣ его предшественники—это видно уже изъ либретто. Не только въ теченіи и расположеніи дѣйствія, но часто даже въ нѣкоторыхъ частностяхъ, текстъ Барбье и Карре весьма близко держится оригинала. Если исключены нѣкоторыя второстепенныя дѣйствующія лица, или нѣсколько сценъ стянуты въ одну, то это не особенно важно. Тамъ же гдѣ встрѣчаются болѣе значительныя отклоненія, онѣ большею частію объясняются крайней необходимостью приспособленія къ условіямъ оперы. Такъ напримѣръ, старый слуга Ромео, Бальтазаръ, превратился въ молодаго пажа Стефано. Больше всего разнится либретто отъ драмы въ пятомъ актѣ. Но если кровь Париса не проливается, и Ромео безпрепятственно проникаетъ въ склепъ, если онъ еще живъ когда Юлія просыпается, и ихъ дуэтъ заканчиваетъ оперу,—то все это такія вещи, которыя оперная обработка сюжета неизбѣжно влечетъ за собой.

Произведеніе Шекспира представляло композитору задачу еще болѣе трудную, чѣмъ произведеніе Гёте. Въ Фаустѣ онъ выбралъ единственно тѣ моменты, которые подходили къ его соображеніямъ; здѣсь же онъ задумалъ возсоздать въ звукахъ всю драму, дополнить ее музыкальными красотами. Исторія любви знаменитой веронской пары, сама по себя полная дивныхъ звуковъ, должна производить неотразимое обаяніе на душу художника; но взглянувъ поближе, убѣждаешься, что множество трудностей и опасностей оспариваютъ у музыки горячее желаніе обладать ею. Въ Ромео и Юліи представляется не какая либо опредѣленная влюбленная пара, какъ напримѣръ хоть бы въ Фаустѣ и Гретхенъ, или Ринальдѣ и Армидѣ и множествѣ другихъ;—скорѣе всеобщій, всеобъемлющій первоначальный типъ любви. Только безграничный музыкальный геній могъ бы вылить эти два образа въ звукѣ и мелодіи, создать ихъ для новой—еще болѣе возвышенной жизни. Но талантъ Гуно, при всѣхъ его достоинствахъ, не въ силахъ справиться съ такой громадной задачей; вся трагедія насквозь проникнута самой плѣнительной наивностью, свѣжимъ дыханіемъ самой цвѣтущей юности и здоровья,—и этому жизненному ея элементу противупоставляетъ онъ одинъ болѣзненный романтизмъ, составляющій преобладающее направленіе современной оперы, и особенно заразившій собой Гуно. Его музыка находитъ свою пищу почти исключительно въ разговорахъ влюбленныхъ молодыхъ людей. Вся опера состоитъ изъ растянутаго не менѣе какъ на четыре акта, изрѣдка прерываемаго короткими эпизодами, любовнаго дуэта, такъ что наконецъ производитъ на слушателя впечатлѣніе давящей монотонности. Въ прекрасныхъ отдѣльныхъ частяхъ нѣтъ недостатка, но силы и доконченности музыкальная мысль достигаетъ только урывками; можно назвать только два такихъ мѣста: прелестный дуэтъ въ первомъ актѣ и въ высшей степени характеристическую арію, въ которой Лоренцо изображаетъ могущество соннаго напитка. — Остановится ли талантъ Гуно на той точкѣ, на какой онъ стоитъ теперь, или творческая его сила будетъ развиваться и рости,—покажетъ будущее. Говорятъ, что слѣдующія оперы, которыми онъ намѣренъ заняться, это «Франческа да Римини» и «Король Лиръ» Шекспира.

Вильна

Немного найдется городовъ русскихъ, которые могли бы похвалиться такою красотою мѣстоположенія и богатствомъ живописныхъ окрестностей какъ древняя столица Великаго Княжества Литовскаго. Подъѣзжая къ ней по Варшавской желѣзной дорогѣ, уже за Динабургомъ поражаешься окольными видами, непривычными глазу сѣверянина. Лѣсистыя горы, полуразрушенные замки по склонамъ и на вершинахъ ихъ, готическія стрѣлки костеловъ—все это вѣетъ чѣмъ-то чуждымъ, средневѣковымъ и чѣмъ ближе къ Вильнѣ — тѣмъ сильнѣе чувствуется близость феодальной Европы. Въ самой же Вильнѣ есть памятники глубочайшей древности—и не мудрено, если припомнить, что она еще во времена славянскаго язычества была святыней окрестныхъ племенъ—задолго до 1305 года, когда Гедиминъ возвелъ ее на степень *города* и сдѣлалъ столицею Литвы; лишь въ 1387 году проникъ сюда свѣтъ Христова ученія, при Владиславѣ Ягеллонѣ, который и построилъ первый соборъ на мѣстѣ древняго языческаго храма Перкуна, литовскаго Перуна, бога громовъ. Впослѣдствіи, по сліяніи Литвы съ Польшею, Вильна присоединенная къ польскому королевству, не разъ подвергалась разграбленію отъ шведовъ и казаковъ, особенно въ XVII столѣтіи, а въ половинѣ XVIII-вѣка ее опустошали пожары—и Вильна много утратила изъ прежняго величія и блеска къ 14 декабрю 1795 г., когда манифестомъ Екатерины II было объявлено о возвращеніи себѣ Россіею древняго ея достоянія—Литвы. Хотя и послѣ того, именно въ началѣ 1812 года, Вильна была занята Наполеономъ, который отсюда распоряжался организаціей польскаго возстанія, а во время польскаго мятежа 1830—31 года въ стѣнахъ ея подготовлялось нѣсколько заговоровъ и даже произошли двѣ стычки между русскими войсками и польскими мятежниками,—но это были лишь послѣдніе отголоски навязаннаго ей нѣкогда и теперь совершенно безсильнаго прошлаго. Какъ бы въ подтвержденіе этого, за послѣдній мятежъ 1863—64 гг., графъ М. Н. Муравьевъ изъ Вильны подавилъ его во всемъ сѣверозападномъ краѣ и положилъ начало мѣропріятіямъ, содѣйствующимъ окончательному обрусѣнію тѣхъ элементовъ, въ которыхъ таились еще сѣмена розни въ ущербъ благосостоянію большинства русскаго населенія.

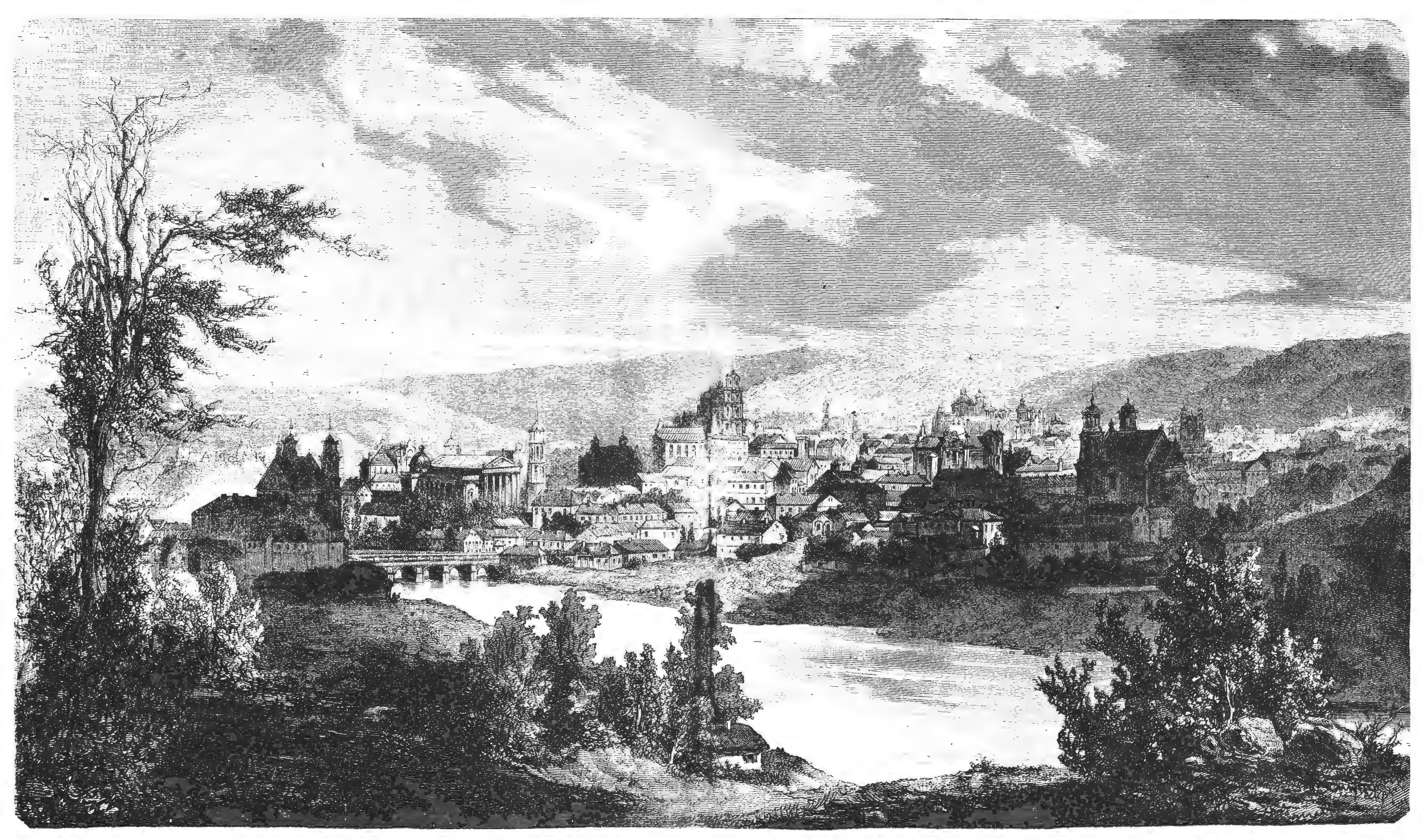
Вильна, главный городъ Виленской губерніи, стоитъ при рѣкѣ Виліи, въ холмистой (338 футовъ надъ уровнемъ моря), поросшей лѣсами, мѣстности, на Варшавской желѣзной дорогѣ, которая даетъ отсюда вѣтвь на Кенигсбергъ и строющуюся линію на Минскъ. Городъ имѣетъ нѣсколько большихъ предмѣстій, окруженныхъ живописными окрестностями и великолѣпнѣйшими подгородными дачами.

Начнемъ нашъ бѣглый обзоръ съ наиболѣе посѣщаемаго предмѣстія *Погулянки*. Съ лѣвой стороны главной его улицы тянется аллея для пѣшеходовъ, съ правой дома и сады, а неподалеку нѣмецкое кладбище, украшенное изящными памятниками. Но за кладбищемъ, вправо, начинается подъемъ на *Буфалову* гору, обычное мѣсто гуляній здѣшнихъ обывателей. Съ горы превосходный видъ на городъ, рѣку Вилію и красивые изгибы ея береговъ. Отъ кладбища же пролегаетъ обсаженная деревьями дорога къ рогаткамъ, а тамъ, за ресторацією Малиновскаго и усадьбой Андерсона, синѣетъ темный боръ и тянется дорога къ *Закрету*. Среди этого лѣса нѣкогда хоронили

умершихъ отъ мороваго повѣтрія; на этомъ мѣстѣ часовня съ могилою генеральши Рѣпниной. Отъ часовненки до Закрета не болѣе полверсты. Густыя липовыя аллеи ведутъ въ это чарующее надрѣчное затишье, гдѣ въ прежнія времена находилось лѣтнее мѣстопребываніе іезуитовъ, а потомъ стояла усадьба генерала Бенигсена, сожженная французами. Берега рѣки поросли вербой и калиной, выше раскинулись рощицы и перелѣски, чередуясь съ холмитыми полями до краевъ небосклона, окаймленныхъ зубчатками вѣковыхъ пущъ, — и въ этой-то темной рамѣ струятся по каменистому руслу зеркальныя воды Виліи.

Возвращаясь съ береговъ рѣки къ городу, встрѣчаемъ на пригоркѣ фолварокъ Замечекъ, а между нимъ и Вильною — губернаторская дача — лѣтнее мѣстожительство начальника края, бывшій *звѣринецъ* Радзивила. Слѣдуя далѣе по берегу, входимъ въ предмѣстье *Лукишки*, названное такъ по имени Лукаша, любимца Витолдова. Въ древности на этомъ мѣстѣ шумѣлъ вѣковой лѣсъ, посвященный Перкуну; теперь его замѣнили красивыя улицы, надъ которыми возвышается костелъ св. Іакова и мечеть мѣстныхъ татаръ, поселившихся въ Вильн со времеънъ Витолда. При выходѣ изъ предмѣстья начинается *Зеленый мостъ*, построенный въ XVI вѣкѣ виленскимъ воеводою Альбертомъ Гаштолдомъ, сожженный въ 1812 году и возобновленный впослѣдствіи. Отъ этого моста видѣнъ костелъ св. Рафала, если смотрѣть по направленію къ Веркамъ и Кальваріи. Главная улица предмѣстья *Снипишекъ* выводитъ на дорогу къ живописнѣйшей изъ окрестностей Вильны — Веркамъ.

Осѣненная тѣнистыми лѣсками на пригоркахъ, дорога эта начинается у лежащаго на пути къ Кальваріи фольварка Болтупа, затѣмъ идетъ мимо бѣлыхъ стѣнъ обители, служащей лѣтней резиденціей митрополита, откуда уже близехонько до Верокъ. Вотъ раздвигаются послѣднія купы деревьевъ — и сквозь нихъ виднѣется эта надрѣчная дача князя Витгенштейна, окруженная уступами горъ, лѣсами и водой. Прежде тутъ былъ замокъ епископовъ виленскихъ, потомъ владѣніе княгини де Линь; потомокъ ея, Потоцкій, продалъ это имѣніе виленскому обывателю Ясинскому, а этотъ послѣдній генералу Витгенштейну, зято князя Доминика Радзивила.



Общій видъ города Вильны. Съ натуры рис. Е. М. Андріоли, грав. Гораздовскій.

Налюбовавшись Верками, путникъ сходитъ съ вершины горы и возвращается къ Кальваріи. По дорогѣ къ *Антокольскому* предмѣстью, кромѣ полей и небольшихъ перелѣсковъ, нѣтъ ничего замѣчательнаго, — и только достигнувъ берега Виліи и переправясь на лодкѣ въ *Антоколу*, утомленный красотами природы, глазъ еще разъ отдыхаетъ — на роскошной зелени сада при бывшемъ палацѣ Сапѣги.

Таковы окрестности Вильны и ея предмѣстій.

Что касается самаго города, онъ имѣетъ значительныя укрѣпленія, состоящія изъ *Предмостнаго*, на правомъ берегу Виліи, *Замковаго*, на высокой горѣ лѣваго берега рѣки у впаденія въ нее рѣчки Вилейки, и *Крестоваго* укрѣпленія, также у впаденія на противуположной сторонѣ. Вслѣдствіе условій мѣстности, съ замковаго укрѣпленія можно обстрѣливать значительнѣйшую часть города Вильны и окрестности его съ сѣверной и восточной сторонъ. Изъ 40 виленскихъ церквей только 3 православныхъ и двѣ протестантскихъ, остальныя 35 католическихъ, между коими замѣчательны: построенный въ 1387 году, вышеупомянутый соборъ во имя св. Станислава съ часовной и серебряной гробницей (3000 ф. серебра) св. Казиміра, кромѣ того костелъ св. Іоанна, замѣчательный по величинѣ, въ предмѣстіи Антоколѣ, и костелъ св. Петра, выстроенный Пацами. Монастырей православныхъ въ Вильнѣ два: *Духовъ*, I класса, основанный въ концѣ XVI вѣка, гдѣ древле была русская типографія, и еще древнѣйшій, *Троицкій*, III класса, основанный до XV столѣтія. Кромѣ нѣсколькихъ католическихъ монастырей, есть еще синагога и мечеть. Древнѣйшимъ памятникомъ считается *Гедиминовъ замокъ* на высокой горѣ, видимый на нашемъ рисункѣ слѣва на дальнемъ планѣ. Изъ зданій замѣчательны: Императорскій дворецъ, губернаторскій замокъ (бывшій палацъ Огинскихъ) и театръ. Учрежденный въ 1576 г., нѣкогда славный во всей Европѣ университетъ закрытъ въ 1831 году, по случаю мятежа, — причемъ многія сокровища его библіотеки, обсерваторіи, анатомическаго музея, лабораторіи и ботаническаго сада — перевезены въ Кіевъ и Петербургъ. Вообще въ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ Вильна не чувствуетъ недостатка. Здѣсь медикохирургическая академія

съ библіотекой, римско-католическая духовная академія, семинарія, двѣ гимназіи и проч. Кромѣ того, стоитъ упомянуть объ институтѣ глухонѣмыхъ, воспитательномъ домѣ, сиротскомъ домѣ и пріютѣ для бѣдныхъ.

Жителей въ Вильнѣ около 65,000, между которыми большинство составляютъ литовцы, затѣмъ слѣдуютъ русскіе, поляки, и 20,000 евреевъ. Главные промыслы окрестныхъ поселянъ: хлѣбопашество и лѣсоводство съ добываніемъ смолы, дегтя и угля. Почва, мѣстами песчаная, мѣстами болотистая, въ большей части плодородная.

Хотя Вильна лежитъ подъ 54° 41′ с. ш., но климатъ ея довольно умѣренный; за исключеніемъ зимы, всѣ времена года отличаются сыростью. Средняя годичная температура + 5°, 3. Поэтому разводимыя растенія родятся весьма хорошо. Лѣсъ, хлѣбъ, льняное сѣмя составляютъ главные предметы торговли, которая, впрочемъ вся въ рукахъ евреевъ, и особенно оживляется Георгіевскою ярмаркою, ежегодно происходящей въ Вильнѣ съ 23 апрѣля по 15 мая.

Политическое обозрѣніе.

Въ политическомъ мірѣ только и рѣчи, что о посланіи президента французской республики, прочитанномъ при открытіи засѣданій національнаго собранія. Посланіе это въ самомъ дѣлѣ имѣетъ большое значеніе при настоящемъ положеніи Франціи. Тьеръ рѣшительно и прямо объявляетъ странѣ, что въ республиканской формѣ правленія она нашла умиротвореніе внутри и уваженіе со стороны другихъ государствъ; что республика, несмотря на случайное свое происхожденіе, уже успѣла пріучить къ себѣ народъ, который послѣ двухъ неудавшихся опытовъ, смотрѣлъ на нее съ недовѣріемъ. Въ настоящее время, она—единственное законное правительство страны, и желать другаго—значитъ произвести самый опасный въ государствѣ переворотъ. Республика, по мнѣнію Тьера, только тогда можетъ разсчитывать на долговѣчность, если она не будетъ дѣломъ какой-нибудь партіи. Огромное большинство народа чуждается партій, потому-что ищетъ спокойствія, тишины и безопасности. Партіи мѣняются; сегодня въ силѣ одна, завтра другая; сегодня одна управляетъ народомъ, завтра будетъ управлять другая. При такомъ порядкѣ вещей, представляется самый удобный случай для дѣятельности всевозможныхъ искателей счастія, которые, пользуясь тѣмъ что на ихъ улицѣ праздникъ, эксплуатируютъ націю и ведутъ ее къ вѣрной гибели. Настоящая же правительственная форма во Франціи создана не одною какой-нибудь партіею, а есть необходимое слѣдствіе предшествующихъ историческихъ событій; она поддерживается большинствомъ народа—за то, что при ней водворено въ странѣ спокойствіе, въ которомъ Франція такъ нуждается. Если спокойствіе и порядокъ будутъ продолжаться, то Франція, даже и республиканская, внушитъ къ себѣ полное довѣріе со стороны сосѣдей, которые сдѣлаются ея вѣрными друзьями; тогда какъ та-же Франція, безпокойная и волнующаяся, только оттолкнетъ отъ себя. Въ заключеніе Тьеръ обратился къ депутатамъ съ похвальною рѣчью и объявилъ, что отъ національнаго собранія будетъ зависѣть придать существующей республикѣ ту или другую форму. Какъ и слѣдовало ожидать, рѣчь Тьера была встрѣчена депутатами далеко неодинаково:—такъ-называемая лѣвая сторона, т. е. республиканцы разныхъ оттѣнковъ и группъ, съ живѣйшею радостью апплодировали ей; монархисты же или многозначительно безмолствовали или прерывали рѣчь президента крайне рѣзкими возгласами. Республиканцамъ не понравились только заключительныя слова посланія, именно то мѣсто его, гдѣ Тьеръ признаетъ за собраніемъ право выбора той или другой формы республиканскаго правленія. Республиканцы опасаются, чтобы монархическое большинство національнаго собранія, въ нынѣшнемъ его составѣ, не пересилило республиканскую партію и не измыслило бы такой формы, которая теперь не только нежелательна, но даже опасна. Разногласіе по поводу президентской рѣчи яснѣе всего выказалось въ преніяхъ объ отвѣтномъ адресѣ. Когда въ слѣдующее засѣданіе зашла объ этомъ рѣчь, то нѣкоторые изъ монархистовъ высказались противъ составленія отвѣтнаго адреса, объяснивъ, что адресы подносятъ только вполнѣ установившемуся правительству, а правительство Тьера таковымъ не можетъ быть названо. Съ своей стороны, Тьеръ, узнавъ о подготовляемомъ отвѣтѣ, отозвался, что онъ приметъ его въ такомъ только случаѣ, если онъ будетъ согласенъ съ мыслями, высказанными въ посланіи. Увѣряютъ, что планъ Тьера состоитъ въ томъ, чтобы всевозможными средствами продлить свое полномочіе до истеченія срока полномочій нынѣшняго національнаго собранія,—значитъ, до выбора новаго собранія; а это можетъ совершиться лишь послѣ уплаты нѣмцамъ дани и очищенія отъ нихъ страны, т. е. не раньше какъ черезъ годъ. По окончаніи полномочій нынѣшней палаты, на мѣсто ея будетъ выбрана другая, отъ которой будетъ зависѣть уже окончательное установленіе той или другой формы правленія. Теперь же Тьеръ хочетъ приготовить страну къ постоянной республикѣ и чтобы онъ былъ ея пожизненнымъ президентомъ.

Рѣчь Тьера къ Національному Собранію, въ которой онъ такъ откровенно высказался за республику, послужила для монархистовъ вызовомъ къ открытому нападенію на правительство,—нападенію столь серіозному, что послѣдствій его даже и предъугадать невозможно. Дѣло началось со того, что въ одно изъ засѣданій собранія старый генералъ Шангарнье потребовалъ у правительства отчета за дозволеніе рѣчей Гамбетты, произнесенныхъ этимъ депутатомъ нѣсколько времени тому назадъ въ Греноблѣ и другихъ городахъ Франціи,—и настаивалъ, чтобы правительство, тотчасъ же, передъ лицомъ всей палаты, торжественно отреклось отъ всякой солидарности (единомыслія, сообщничества) съ направленіемъ этихъ рѣчей. Слова генерала Шангарнье были искрой, запавшей въ пороховой погребъ. Все что было въ палатѣ независимаго и опредѣленнаго—заспорило, зашумѣло, заволновалось. Такъ-называемая правая сторона собранія, т. е. монархисты всѣхъ партій и оттѣнковъ, дружнымъ хлопаніемъ привѣтствовали запросъ генерала; лѣвая же сторона, поддерживающая Тьера и республику, рѣшительно и громко протестовала противъ рѣчи Шангарнье. Раздраженіе съ обѣихъ сторонъ, разжигаемое рѣчами герцога Брольи, министра внутреннихъ дѣлъ и другихъ ораторовъ, дошло до крайней степени напряженія, когда на трибуну взошелъ Тьеръ. Онъ началъ съ того, что, послѣ двухлѣтняго своего президентства, онъ никакъ не ожидалъ встрѣтить къ себѣ недовѣріе со стороны собранія, которому долженъ быть очень хорошо извѣстенъ образъ мыслей и направленіе правительства. Правительство, по его словамъ, доказало свою рѣшимость подъ стѣнами Парижа, при усмиреніи коммуналистовъ, а также во многихъ другихъ случаяхъ. „Я не боюсь, сказалъ Тьеръ,—суда націи, потому-что дѣйствовалъ честно и, получивъ

республику изъ ея рукъ, я передамъ ее въ сохранности. Но я не могу допустить того, чтобы во мнѣ сомнѣвались и требовали отъ меня заявленія, въ то время, когда мнѣ недовѣряютъ. Я требую, поэтому, самымъ рѣшительнымъ образомъ, чтобы мнѣ оказано было довѣріе". Затѣмъ, Тьеръ сказалъ, что неблагодарность палаты его оскорбляетъ, что онъ весьма далекъ отъ честолюбивыхъ или какихъ нибудь иныхъ замысловъ и проч. Вопросъ былъ поставленъ такимъ образомъ, что собранію приходилось или высказать полное довѣріе къ правительству, или же заявить ему свое неудовольствіе. Монархисты, сдѣлавшіе нападеніе на Тьера, хотѣли было обойдти вопросъ объ изъявленіи довѣрія или недовѣрія, такъ какъ чувствовали, что это вопросъ не только щекотливый, но и весьма опасный; а потому, пользуясь открытымъ заявленіемъ Тьера, сначала въ коммиссіи, а потомъ и въ собраніи, о его несочувствіи крайнимъ мнѣніямъ Гамбетты, предложили просто перейдти къ очереднымъ дѣламъ. Въ этомъ съ ними сошлись и крайніе республиканцы (радикалы). Но въ тоже время вліятельными группами той и другой стороны предложено было постановленіе въ новой формѣ, чрезвычайно ловко составленное. „Національное собраніе, сказано было въ этомъ предложеніи,—довѣряя твердости правительства и порицая ученія, изложенныя на гренобльскомъ банкетѣ, переходитъ къ очереднымъ дѣламъ". Форма эта была принята, и началось голосованіе, во время котораго почти половина депутатовъ оставила залу засѣданія, выразивъ такимъ образомъ свое *недовѣріе* правительству. Исходъ этого столкновенія сильно взволновалъ всю Францію; съ одной стороны, замѣтно какое-то броженіе и подготовляется какой-то переворотъ въ монархическомъ смыслѣ; толкуютъ напр. о томъ, что монархисты намѣрены вручить управленіе страною тремъ военнымъ генераламъ: маршалу Макъ-Магону, нынѣшнему парижскому губернатору, Ладмиро и генералу Шангарнье; съ другой стороны—какъ изъ рога изобилія сыпятся сочувственные для Тьера адресы отъ разныхъ городовъ, сословій и учрежденій Франціи. Не смотря на то, положеніе дѣлъ крайне натянуто, и трудно сказать, какой исходъ приметъ оно въ будущемъ. Вѣрно только одно, что если Тьеръ теперь не будетъ поддержанъ собраніемъ, то несчастной Франціи не избѣгнуть новыхъ и можетъ быть болѣе страшныхъ потрясеній.

Фельетонъ.

«Конецъ Чертапханова» новое произведеніе И. С. Тургенева.—Нѣчто о нашихъ женскихъ гимназіяхъ.—Интересъ, возбуждаемый въ французахъ и нѣмцахъ русскимъ языкомъ.—Рекрутскій наборъ 1873 года и слухъ о взятіи русскими Хивы.

Симпатичнѣйшій и даровитѣйшій изъ русскихъ писателей, И. С. Тургеневъ помѣстилъ въ ноябрской книжкѣ „Вѣстника Европы" небольшой разсказъ изъ „Записокъ Охотника", подъ названіемъ „Конецъ Чертапханова". Эта маленькая вещица заключаетъ въ себѣ повѣствованіе о вымирающемъ теперь типѣ, въ которомъ талантливый авторъ нашелъ много привлекательныхъ чертъ и особенностей. Такъ-какъ большинству нашихъ читателей быть можетъ не скоро представится возможность лично познакомиться съ новымъ произведеніемъ г. Тургенева, то мы хоть отчасти удовлетворимъ ихъ желанію, разсказавъ въ общихъ словахъ содержаніе „Конца Чертапханова". Выше было замѣчено, что личность Чертапханова представляетъ одинъ изъ вымирающихъ въ настоящее время типовъ, созданныхъ нашею историческою жизнью. По природѣ и воспитанію, это былъ человѣкъ честный, добрый, но горячій, взбалмошный, гордецъ и забіяка. „И при всемъ томъ, говоритъ авторъ,—душа въ немъ была добрая, даже великая по своему: несправедливости, притѣсненія онъ вчужѣ не выносилъ; за мужиковъ своихъ стоялъ горой"; гордился своимъ дворянскимъ происхожденіемъ, отличался примѣрнымъ безкорыстіемъ, но не терпѣлъ противорѣчія ни въ комъ и былъ крайне своенравенъ. Жилъ онъ въ небольшомъ домикѣ, стоявшемъ „на-юру", на совершенно открытомъ мѣстѣ, и даже не окружонномъ заборомъ,—вмѣстѣ съ своимъ прихлебателемъ, сосѣднимъ помѣщикомъ Недопюскинымъ, и цыганкой Машей, которую любилъ до-безумія. Года два спустя послѣ посѣщенія авторомъ Чертапханова, начались для этого послѣдняго бѣдствія, мало-по-малу подготовившія и самый конецъ этого захолустнаго героя. Бѣдствія начались съ ухода Маши, которая, единственно въ силу своей цыганской натуры, стосковалась въ этой однообразной жизни, и въ одинъ прекрасный день покинула Чертапханова. Узнавъ о ея побѣгѣ, Чертапхановъ бросился за ней, умолялъ остаться, грозилъ убить ее, потомъ себя, терзался, плакалъ и бранился... Ничто не помогало, и Маша ушла. Чертапхановъ послѣ этого запилъ; однако „очувствовался". Но тутъ постигло его второе бѣдствіе—кончина закадычнаго его пріятеля, Тихона Недопюскина, послѣ которой Чертапхановъ опять запилъ. Одиночество заѣло его. Онъ совсѣмъ одичалъ и опустился. Одно только утѣшеніе осталось у него—верховой конь, сѣрой масти, донской породы, кличкою Малекъ-Адель. Этого коня онъ любилъ какъ самого близкаго себѣ друга, съ пріобрѣтеніемъ его даже пересталъ пить, гордился имъ передъ сосѣдями, берегъ его какъ зѣницу ока—и все-таки не уберегъ: въ одну ночь Малекъ-Аделя украли. Чертапхановъ чуть съ ума не сошелъ; но энергическая натура не захотѣла примириться съ этимъ новымъ бѣдствіемъ, и Чертапхановъ отправился искать своего послѣдняго друга. Болѣе году пропадалъ онъ, изъѣздилъ всѣ окрестныя ярмарки и конскіе торги, выспрашивалъ, разузнавалъ и наконецъ отыскалъ-таки своего Малекъ-Аделя. Но тутъ, по мѣрѣ того, какъ Чертопхановъ ближе приглядывался къ своему коню, въ душу его стало закрадываться сомнѣніе: прежній ли это въ самомъ дѣлѣ Малекъ-Адель, или какой нибудь другой, только на него похожій? Сомнѣнія привели его къ полной увѣренности, что это не онъ, вѣрный, чуткій и выносливый Малекъ-Адель.. Пораженный этимъ открытіемъ, Чертапхановъ окончательно обезумѣлъ отъ отчаянія. Всѣ нити, связывавшія его съ этою жизнію, порвались. Выбравъ темную ночь, онъ отвелъ мнимаго Малекъ-Аделя въ оврагъ и тамъ застрѣлилъ его изъ пистолета. Затѣмъ, вернувшись домой, онъ слегъ въ постель и уже болѣе не вставалъ. Такъ кончилъ свою жизнь герой Чертапхановъ.

По извѣстіямъ газетъ, въ Петербургъ прибыла цѣлая коммиссія, отъ французскаго министерства народнаго просвѣщенія, для осмотра здѣшнихъ женскихъ учебныхъ заведеній. Члены коммиссіи, какъ слышно, вынесли изъ посѣщенія петербургскихъ женскихъ гимназій весьма лестное для этихъ заведеній впечатлѣніе. Ввиду того, что въ программу курса будущихъ женскихъ учебныхъ заведеній Франціи предполагается ввести и обученіе русскому языку, члены коммиссіи подъискиваютъ, между преподавательницами нашихъ женскихъ учебныхъ заведеній, желающихъ преподавать этотъ языкъ во Франціи. Содержаніе для нихъ будетъ нѣ-

сколько больше получаемаго ими въ Россіи; а если присоединить къ этому перспективу жить въ Парижѣ или вообще во Франціи, — что имѣетъ для многихъ обаятельное значеніе,—то можно быть увѣреннымъ въ успѣхѣ поисковъ гг. членовъ коммиссіи. Женскими учебными заведеніями нашими интересуются также и англичане: такъ, недавно, мы слышали, была послана въ Англію пространная записка о существующихъ у насъ женскихъ заведеніяхъ.

Но не одна только Франція думаетъ ввести у себя преподаваніе русскаго языка; офицеры прусскаго генеральнаго штаба также принялись за изученіе нашей родной рѣчи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣется цѣль болѣе практическая, въ чемъ признаются и сами нѣмцы, утверждая, что за будущее поручиться невозможно.

Съ будущаго года объявленъ наборъ, по шести человѣкъ съ 1,000. Наборъ будетъ произведенъ еще по старому порядку, но съ нѣкоторыми измѣненіями, вызываемыми необходимостью перехода къ новому порядку.

Въ числѣ слуховъ, носящихся по Петербургу, особеннаго вниманія заслуживаетъ извѣстіе о взятіи русскими войсками города Хивы. Оффиціальнаго объ этомъ, однако, еще ничего нѣтъ.

Смѣсь.

Морская трава. Между замѣчательнѣйшими мѣстами, гдѣ водится морская флора, мореплаватели замѣтили нѣсколько такихъ, важное значеніе которыхъ нейдетъ ни въ какое сравненіе съ тѣмъ, что находятъ въ другихъ моряхъ. Эти банки водорослей распространяются на поверхности водъ въ видѣ луговъ, по зелени которыхъ можно, по видимому, ходить безъ всякой опасности, такъ густо и крѣпко переплетаются онѣ между собою. Каждый морякъ знаетъ одну изъ такихъ банокъ между Азорскими, Канарскими островами и Зеленымъ мысомъ. Если бы Колумбъ послушался ропота своего экипажа, когда онъ плылъ въ этомъ странномъ морѣ, гдѣ морская трава такъ сильно мѣшала имъ подвигаться впередъ, то возвратился бы въ Испанію, и Новый Свѣтъ не былъ бы открытъ,—такъ встревоженъ былъ экипажъ этимъ необыкновеннымъ явленіемъ. Другая, почти столь же значительная масса—въ шесть разъ больше Франціи—находится въ Тихомъ Океанѣ, не далеко отъ береговъ Калифорніи. Морскія травы водятся вездѣ. Оторванныя отъ береговъ нѣкоторыхъ странъ и уносимыя морскими теченіями или силою волнъ, онѣ образуютъ большія банки растеній, плавающія на поверхности воды, увлекая за собою миріады разнаго рода насѣкомыхъ изъ одного полушарія въ другое; когда же эти банки останавливаются на спокойной поверхности воды, то становятся средоточіемъ такой жизни и такого размноженія, какія едвали можно встрѣтить въ неизмѣримыхъ лѣсахъ тропическихъ странъ. Но мало того, что морская трава встрѣчается на поверхности воды на всевозможныхъ широтахъ,—подводная флора чрезвычайно богата и имѣетъ множество представителей, начиная съ маленькаго *Ectocarpus*, ковромъ устилающаго почву, и до гигантскаго *Fucus*, достигающаго нѣсколькихъ сотъ ярдовъ длины и водящагося въ болотистыхъ мѣстахъ, озерахъ, рѣкахъ и океанахъ. Едва ли есть берегъ, гдѣ бы ихъ не было; въ особенности встрѣчаются они по берегамъ Тихаго океана, гдѣ, въ глубинѣ моря, водолазъ можетъ видѣть всю роскошь этой растительности—столь же богатой ландшафтами, какъ и жаркій поясъ. Ея формы, краски и колебанія безподобны. Миріады маленькихъ нитчатокъ (*Algae*) образуютъ цѣлые луга, подобные зеленому бархатному ковру всевозможныхъ оттѣнковъ, испещренному тамъ и сямъ большими листьями морскаго латука или же ярко-краснымъ цвѣтомъ плавающихъ *Irideae.* Затѣмъ слѣдуютъ большія *thalassiophyteae* съ вѣерами красныхъ, зеленыхъ и желтыхъ листьевъ, надъ которыми возвышаются гибкія ленты *laminareae* и стройный стебель другаго рода, убранный волнистой бахромкой и завершающійся большимъ листомъ въ пятнадцать ярдовъ длины. Надъ всѣмъ этимъ, словно пальмовое дерево въ лѣсу, поднимается великолѣпный *nereocystus* съ чрезвычайно большимъ стеблемъ, который все болѣе и болѣе утолщается и заканчивается пучкомъ лентообразныхъ листьевъ, возбуждающихъ удивленіе своими нѣжными и пріятными колебаніями.

Не трудно представить себѣ то дѣйствіе, которое должно производить малѣйшее колыханіе волнъ на эти длинныя, гибкія растенія; но почти невозможно передать тѣ переливы тѣней и цвѣтовъ, какими украшается эта подвижная картина отъ преломленія въ водѣ солнечныхъ лучей. Затѣмъ слѣдовало бы описать всѣ тѣ живыя существа, которыя придаютъ жизнь этимъ подводнымъ ландшафтамъ: тысячи крабовъ, пробирающихся по зеленой лучицѣ (*ulva*), сонмы тюленей или колонны серебристыхъ сельдей, скользящихъ по звѣздчатымъ кораламъ; блестящій морской анемонъ, цвѣтущій на коралловыхъ банкахъ, или голубой колокольчикъ медузы между длинными листьями *Laminareae.*

Въ экономіи природы морскія травы играютъ немаловажную роль. Если мы оглянемся на отдаленные періоды всемірной исторіи, когда едва остывшая земная кора была покрыта водой, то мы найдемъ въ тепловатыхъ водахъ остатки первоначальнаго протококуса, простыя клѣточки котораго подготовили почву къ принятію растительности. Когда болѣе высокія вершины выглянули изъ подъ воды, онѣ были покрыты первымъ слоемъ земли или ила, происшедшаго отъ сгнившихъ морскихъ травъ. И до настоящаго времени онѣ продолжаютъ, въ глубинѣ океановъ, озеръ и рѣкъ, служить основаніемъ тому богатому удобренію, которымъ съ такимъ успѣхомъ пользуются послѣдующія генераціи растеній. Совершенно независимо отъ этого, онѣ приносятъ и непосредственную пользу. Ядовитыхъ морскихъ травъ вовсе не извѣстно; многія виды этихъ травъ доставляютъ богатое питательное вещество, а другіе въ большихъ размѣрахъ обрабатываются на фабрикахъ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 24 Ноября 1872 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр., д. № 53.

№ 49 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 4 декабря 1872 года. Годъ III.

Желающіе могутъ еще подписаться на 1872 годъ; годовая цѣна 5 рублей съ пересылкой. Каждый новый подписчикъ получитъ всѣ уже вышедшіе №№ съ 1 до 47.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

XXVII.

Они быстро приближались къ дому. Старикъ Бослафъ шелъ впереди всѣхъ — широкими, ровными шагами; глаза его то потуплялись, то пристально вглядывались въ сумерки. Онъ не говорилъ ни слова, а Готтгольдъ не спрашивалъ. Но онъ зналъ, прежде чѣмъ они дошли до дому,—изъ разныхъ отрывочныхъ замѣчаній шедшихъ съ ними людей, — что, какъ только передъ полуднемъ распространился въ дворнѣ слухъ, будто барыня съ ребенкомъ пропала—съ утра, а то пожалуй еще и со вчерашняго вечера, — тотчасъ же стали говорить, что она что нибудь надъ собой сдѣлала. Нельзя было сказать, кто первый высказалъ эту мысль: она явилась какъ-то у всѣхъ вдругъ. Побѣжали за кузеномъ Бослафомъ. Кузенъ Бослафъ немедленно явился—съ своимъ старымъ служакой, ружьемъ, на плечѣ—и распредѣлилъ людей: управляющій Мёллеръ долженъ былъ идти полями въ лѣсъ, что у морскаго берега; кузнецъ Пребровъ, за которымъ также послали, пойдетъ съ другими людьми вверхъ по пустоши къ горнымъ укрѣпленіямъ; самъ же кузенъ Бослафъ спустится съ остальными людьми по пустоши къ болоту; по окончаніи розысковъ, всѣ должны опять сойтись на дворѣ. Два часа тому назадъ—когда они были еще тамъ внизу на болотѣ, только тогда еще не было такого сильнаго тумана, — они видѣли, какъ господинъ Брандовъ ѣхалъ домой, а потомъ опять уѣхалъ куда-то. Да и хорошо, что онъ такъ сдѣлалъ, ибо всѣ они порѣшили, что убійцѣ не выйти живому изъ дому; еще объ Генрихѣ Шелѣ нечего тужить—онъ былъ такой же дурной человѣкъ какъ и Брандовъ, но барыню-то съ ребенкомъ—это уже

изъ рукъ вонъ; впрочемъ, вѣдь всегда всѣ и говорили, что рано ли поздно ли, а ужъ непремѣнно кончится этимъ.

Всѣ они говорили такъ, а между тѣмъ допустили до этого! Но развѣ они могли помѣшать?! а онъ? Готтгольду казалось, что сердце его разорвется отъ гнѣва и горя.

Они вошли на дворъ, почти въ одно время съ обѣими другими партіями. И тѣ тщательно обыскали условленныя мѣста, но ничего не нашли, ни малѣйшаго слѣда. Что же еще оставалось дѣлать?

Многаго, во всякомъ случаѣ, предпринять было нельзя. Хотя туманъ и разсѣялся, но на дворѣ быстро темнѣло; черезъ полчаса, самое большое черезъ часъ, должна была наступить тьма. Притомъ же видно было, что люди устали до изнеможенія, пробывъ цѣлый день на ногахъ, лазая по колючимъ кустарникамъ и по оврагамъ въ лѣсу и завязая въ болотѣ; но несмотря на это, они готовы были обыскать еще лѣсъ по далицкой дорогѣ, какъ только пополдничаютъ,—кузенъ Бослафъ распорядился, чтобы полдникъ былъ на дворѣ. Кузенъ Бослафъ ничего не ѣлъ; скрестивъ руки, стоялъ онъ, прислонясь къ одной изъ двухъ старыхъ липъ,—и терпѣливо ждалъ, когда люди наѣдятся, и снова будутъ готовы помочь ему отыскивать его правнучку, послѣднюю отрасль его рода, на днѣ рухляковой копи, въ глубинѣ лѣсныхъ овраговъ, вездѣ куда бы она ни скрылась, чтобы умереть съ своимъ ребенкомъ.

Готтгольдъ вошелъ въ домъ, ему хотѣлось отыскать Мину, добрую, совсѣмъ еще молоденькую дѣвушку; онъ видалъ иногда, какъ она играла съ Гретхенъ,—и ему казалось, что она была предана Цециліи. Нельзя ли отъ нея узнать что нибудь, что бы навело на какую нибудь мысль? Онъ отыскалъ дѣвочку въ кухнѣ, гдѣ она, съ заплаканными глазами, помогала приготовлять людямъ бутерброты. Завидѣвъ Готтгольда, она съ радостнымъ крикомъ выронила изъ рукъ ножикъ и побѣжала къ нему на встрѣчу. Готтгольдъ попросилъ ее выйти съ нимъ на минуту.

Сначала бѣдная дѣвочка не могла говорить отъ слезъ. Барыня была все такая скучная въ послѣднее время, скучнѣе обыкновеннаго; она почти-что ничего не говорила, развѣ только съ Гретхенъ—да и то самое необходимое. Вчера еще до поздняго вечера ея не было дома,—она ушла одна, безъ Гретхенъ,—какъ вернулась домой, такъ была такая блѣдная и измученная, и такъ все пристально смотрѣла впередъ; но не хотѣла лечь въ постель, а уговаривала ее идти въ Нейенгофъ къ матери, которую опять схватила падучая, да еще сказала, чтобъ не приходить раньше обѣда,—а тогда барыня была ужь Богъ вѣсть гдѣ. Ужь навѣрное Рика давно про это знала, да только молчала, потому-что боялась людей, а забралась наверхъ, да и сидѣла тамъ, пока не пріѣхалъ баринъ. Тотъ-то сначала ее выругалъ и прибилъ хлыстомъ; послѣ этого Рика начала выть и кричать, что ужь она отплатитъ ему за это, и такія говорила слова, просто бѣда, а напослѣдокъ баринъ увезъ ее съ собой въ каретѣ. А добрая-то наша барыня пѣшкомъ, голубушка, ушла изъ дому, въ глухую, темную ночь,—и Гретхенъ, бѣдненькая, милая крошечка, не могла даже надѣть новыхъ сапожекъ, потому-то они заперты въ шкапу, а ключь-то она унесла съ собой въ карманѣ, какъ уходила въ Нейенгофъ.

Дѣвочка опять принялась плакать. Готтгольдъ попытался сказать ей въ утѣшеніе нѣсколько ласковыхъ словъ, но принужденъ былъ отвернуться отъ нея; собственное горе одолѣвало его. Плачущая дѣвушка такъ живо напомнила ему тѣ солнечные дни, когда онъ приходилъ въ садъ къ Цециліи, а Гретхенъ играла между цвѣточными клумбами.

Когда онъ вернулся на дворъ, люди уже закусили и снова готовы были къ походу. Кузнецъ Пребровъ долженъ обыскивать лѣсъ влѣво отъ далицкой дороги, управляющій—вправо; кузенъ Бослафъ хотѣлъ идти по самой дорогѣ. Уже выходили изъ воротъ, какъ на дворъ, ковыляя, ввалился экипажъ Готтгольда; рессора окончательно сломалась, а съ одного колеса соскочилъ обручъ. Кузенъ Бослафъ спросилъ управляющаго, цѣлъ ли еще у нихъ старый экипажъ господина Венгофа, можетъ ли онъ пойти въ дѣло. Рѣшили, что Класъ Пребровъ починитъ что нужно, заложитъ пару свѣжихъ лошадей и поѣдетъ вслѣдъ за ними. Готтгольдъ вопросительно посмотрѣлъ на старика.

— Я буду искать, пока не найду ее, сказалъ старикъ, подтягивая повыше на плечо ремень отъ ружья,—и я отыщу ее—живую или мертвую; въ томъ и другомъ случаѣ намъ понадобится экипажъ.

Пришли къ лѣсу, люди раздѣлились на право и на лѣво и стали пробираться въ глубину.

— Я пойду по дорогѣ, сказалъ кузенъ Бослафъ Готтгольду, шедшему рядомъ съ нимъ;—мнѣ можно положиться на свои старые глаза, а теперь я почти увѣренъ, что она пошла по этой дорогѣ. Здѣсь ей всего ближе было къ лѣсу, а сейчасъ за лѣсомъ, вправо на паровомъ полѣ, есть большая рухляковая копь. Когда Цецилія была еще ребенкомъ, въ этой копи утопилась одна несчастная дѣвушка, умертвившая своего новорожденнаго ребенка.

Говоря это, старикъ продолжалъ идти своимъ ровнымъ шагомъ, и зоркіе глаза его не покидали изрытой комями дороги или же пронизывали кустарники и древніе стволы, надъ которыми—здѣсь, въ глубинѣ лѣса — уже мрачно насупилась ночь. Люди перекликались въ лѣсу, чтобы не потерять слѣда, иногда лаяла какая нибудь изъ взятыхъ ими съ собой собакъ—и опять на минуту все смолкало; только вѣтеръ завывалъ въ могучихъ вершинахъ и съ шумомъ стряхивалъ съ листьевъ дождевыя капли. По временамъ старикъ останавливался и прислушивался; потомъ, убѣдившись, что люди не сбились и не произошло ничего особеннаго, шелъ дальше.

Такимъ образомъ они пришли на опушку лѣса, темная кайма котораго, въ сумракѣ, уходила по обѣимъ сторонамъ въ необъятную для глаза даль. Изъ людей, медленно пробиравшихся въ мелкомъ кустарникѣ, никого не было видно. Кузенъ Бослафъ указалъ вправо; тамъ нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, на темномъ фонѣ пароваго поля, отдѣлялось круглое пятно; это была рухляковая копь, которую проливные дожди послѣднихъ дней наполнили почти до самыхъ краевъ.

Они пошли по дорожкѣ на паровомъ полѣ; старикъ по прежнему шелъ впередъ, но шелъ тише прежняго, низко опустивъ голову, словно онъ хотѣлъ сосчитать каждый стебелекъ короткой мокрой травы. «Здѣсь!»

Онъ показалъ на сырую землю, гдѣ, что замѣтилъ теперь и Готтгольдъ, виденъ былъ отпечатокъ слѣдовъ, одинъ побольше, подлѣ него маленькій. Слѣды шли отъ дороги, съ которой они только-что свернули, но они тянулись ближе къ лѣсу, направлялись къ рухляковой копи и пересѣкали дорогу подъ косымъ угломъ. Старый охотникъ и молодой человѣкъ взглянули другъ на друга, ни тотъ ни другой не вымолвилъ ни слова; они знали, что сейчасъ все рѣшится.

Тихо, осторожно пошли они за слѣдомъ, правильно бѣжавшимъ передъ ними, все по направленію къ рухляковой копи; они уже отчетливо видѣли на ея водяной поверхности мелкую рябь, которую неугомонный вѣтеръ гналъ

къ крутымъ краямъ и съ плескомъ разбивалъ объ нихъ. Еще шаговъ пятнадцать—и все рѣшится.

Готтгольдъ впился глазами въ страшную воду, что такъ враждебно сверкала въ послѣднихъ слабыхъ остаткахъ вечерняго свѣта; ему представлялось, какъ она стоитъ тутъ на краю, держа ребенка за руку, устремивъ глаза въ воду.

Старикъ, положивъ ему руку на плечо, другой показывалъ на землю: «Здѣсь она взяла ребенка на руки».

Оставался одинъ слѣдъ, тотъ что былъ побольше; теперь онъ глубже уходилъ въ землю,—пять, десять, пятнадцать шаговъ.

— Стой!

Прокричавъ это, старикъ въ тотъ же мигъ замахалъ рукой назадъ и опустился на колѣна. Слѣдъ былъ растоптанъ какъ будто здѣсь нерѣшительные шаги метались туда и сюда, а потомъ онъ снова виднѣлся отчетливо, но уже параллельно съ краемъ копи; наконецъ, еще дальше, онъ рѣшительно поворачивалъ назадъ, по направленію къ дорогѣ, и шелъ по этому направленію до межи; здѣсь, на крутомъ откосѣ, черезъ который переходила она съ своей ношей на дорогу, былъ сбитъ кусочекъ дерну.

Оба стояли опять на дорогѣ; Готтгольду казалось, что земля колеблется у него подъ ногами; онъ бросился на на грудь старику, который крѣпко заключилъ его въ объятія.

— Теперь мы можемъ надѣяться, дорогой мой сынъ, но мы еще не пришли къ концу.

— Я готовъ все перенести и на все отважиться, пока еще остается надежда! воскликнулъ Готтгольдъ, освобождаясь изъ объятій Бослафа.

Изъ мрачнаго лѣса стали выходить теперь, по одной и по двѣ, темныя мужскія фигуры, направляясь къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ старикъ съ Готтгольдомъ. Никто ничего не нашелъ; управляющій Меллеръ спросилъ, не хотятъ ли изслѣдовать рухляковую копь, ужь больше этого сегодня ничего нельзя будетъ сдѣлать, слишкомъ темно, да и люди устали до смерти.

— Но если господину Венгофу угодно, мы постараемся еще, сказалъ управляющій;—неправда ли, ребята?

— Да, да, постараемся, отвѣчали всѣ хоромъ.

— Спасибо вамъ, сказалъ кузенъ Бослафъ, — теперь ваша служба кончена; дальше ужь придется дѣйствовать мнѣ одному вотъ съ этимъ господиномъ, какъ скоро Класъ Преботъ пріѣдетъ съ экипажемъ. У меня есть теперь надежда, что я найду свою правнучку живою.

Голосъ старика дрожалъ, когда онъ произносилъ послѣднія слова; люди съ недоумѣніемъ смотрѣли на него.

— Да, мою правнучку, продолжалъ старикъ, и теперь голосъ его звучалъ твердо и какъ-то особенно глубоко и торжественно,—потому-что она правнучка—моя и Ульрики, жены Адольфа Венгофа. Сегодня вы выказали мнѣ столько дружбы и вѣрности, я долженъ сказать вамъ правду. Никого ужь нѣтъ на землѣ, кто хоть сколько нибудь могъ бы отъ этого пострадать; а для васъ хорошо будетъ знать, что всегда надо говорить правду,—что девяностолѣтній старикъ долженъ высказать ее, безъ всякой другой причины, кромѣ той, что это правда. Теперь ступайте, дѣти мои, домой. Не вздумайте мстить тому, кто выгналъ изъ дому мое дитя; также не вымещайте вашего гнѣва на этомъ домѣ. Въ немъ раньше его жили хорошіе люди, и послѣ него будетъ жить хорошіе люди. Итакъ, еще разъ спасибо вамъ, дѣти!

Люди слушали молча. Нѣкоторые сняли шапки — сами не зная почему; когда старикъ съ Готтгольдомъ садились въ подоспѣвшій тѣмъ временемъ экипажъ, всѣ стояли вокругъ него съ открытыми головами,—а когда карета тронулась съ мѣста, и сами они пошли въ обратный путь, долго еще никто изъ нихъ не могъ произнести слова.

А карета ѣхала въ вечернемъ сумракѣ по направленію къ деревнѣ Ралловъ. Въ лѣтніе вечера дорога эта была чудо какъ хороша, и Цецилія любила гулять здѣсь съ ребенкомъ. Готтгольдъ предложилъ ѣхать по большой дорогѣ; старикъ согласился.

— Теперь наступаетъ твоя очередь, сказалъ онъ,— мы искали мертвую, на это годится старикъ; теперь мы ищемъ живую, для этого дѣла пригоднѣе молодая кровь.

XXVIII.

Два дня спустя, утромъ, Іохенъ Пребровъ, позавтракавъ въ другой разъ, стоялъ передъ дверью своего дома и смотрѣлъ въ длинный телескопъ, который онъ держалъ лѣвой рукой, прислонивъ его къ флаговому шесту, высоко поднимавшемуся передъ домомъ среди песковъ и далеко замѣтному съ моря. Добряка Іохена частенько-таки можно было застать въ этомъ положеніи и за тѣмъ же самымъ занятіемъ. Не то чтобъ онъ искалъ или надѣялся открыть на морѣ что-нибудь особенное; но въ досужные часы, телескопъ, стоявшій обыкновенно какъ разъ у самаго входа въ домъ, на двухъ кривыхъ распоркахъ, подъ защитою далеко выступающей впередъ крыши, служилъ большой утѣхой,—хотя бы даже на морѣ, какъ въ эту минуту, и не было ничего видно, кромѣ весело прыгающихъ при утреннемъ вѣтеркѣ волнъ, увѣнчанныхъ тамъ и сямъ пѣной.

Но сегодня добрякъ Іохенъ даже и не взглянулъ на увѣнчанныя пѣной волны, онъ ничего какъ есть не видѣлъ,—а между тѣмъ, когда онъ, пять минутъ спустя, снялъ и сдвинулъ телескопъ, на лицѣ его лежало такое озабоченное выраженіе, какъ будто бы онъ наблюдалъ зацѣлымъ кораблемъ, несшимся къ виссовской мели въ страшную, идущую съ сѣверо-востока бурю, и его сосѣдъ командиръ боцмановъ Бонзакъ объявилъ, что кораблю нѣтъ уже спасенія.

То же самое озабоченное выраженіе лежало и на полномъ лицѣ его Стины, которая только-что показалась въ дверяхъ и, праздно держа подъ фартукомъ свои трудолюбивыя руки, смотрѣла, не отводя глазъ, на небо, усѣянное блестящими, бѣлыми облаками, даже и не замѣтивъ своего Іохена, стоявшаго отъ нея шагахъ въ шести.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказала со вздохомъ Стина.

— Да, да! сказалъ Іохенъ.

— Ахъ, Іохенъ, какъ же ты меня опять испугалъ!

— Оно таки и страшно, какъ подумаешь хорошенько! сказалъ Іохенъ.

Іохенъ опять выдвинулъ телескопъ и очевидно сбирался продолжать свои давишнія наблюденія; но Стина вырвала у него изъ рукъ инструментъ, положила его на мѣсто и сказала съ нѣкоторымъ раздраженіемъ: — Ты все смотришь въ эту старую штуку, а я отъ заботы просто не знаю, гдѣ у меня голова.

— Разумѣется, если ты не знаешь этого, Стина...

— Откуда мнѣ это и знать! Зачѣмъ же ты и мужчина, когда я, бѣдная женщина, должна все знать? А она сію минуту опять спрашивала меня, не пріѣхалъ ли шведъ. Бѣдная дѣвушка! Пускаться въ такую даль на такой дрянной яхтѣ! Богъ знаетъ, захотятъ ли еще держать ее тѣ-то, за моремъ! Вѣдь они родня между собою всего въ четвертомъ или пятомъ колѣнѣ!

Стина говорила съ большимъ оживленіемъ, но пониженнымъ голосомъ; она притащила своего Іохена къ первому забору, отдѣлявшему песчаный садикъ отъ песчаной деревенской улицы. У Іохена было какое-то смутное чувство, что онъ, какъ мужчина и мужъ, какъ единственный трактирщикъ въ Виссовѣ, долженъ что нибудь сказать; поэтому онъ и сказалъ:—Стина, ты видишь, тутъ мы оба ничего не подѣлаемъ.

— Іохенъ, я не думала, чтобъ ты былъ такой негодный! вскричала Стина, отворачиваясь отъ своего мужа и, рыдая и утирая себѣ обѣими красными руками глаза, ушла назадъ въ домъ.

Іохенъ остановился у забора и поднялъ обѣ руки; но телескопъ преспокойно лежалъ-себѣ на своихъ распоркахъ—и онъ, принимая во вниманіе свою негодность, не рѣшился взяться за своего утѣшителя. Поэтому онъ опять опустилъ обѣ руки и всунулъ ихъ въ карманы. Что это, никакъ его трубка? Ей теперь не мало-таки приходилось лежать безъ дѣла. Стина терпѣть не могла, чтобъ курили; если она увидитъ, что онъ куритъ, когда она уже безъ того такъ разсердилась, то ее ужь не умилостивишь.

Іохенъ опять опустилъ трубку въ карманъ и пристально смотрѣлъ на сверкающее море, какъ человѣкъ, который и безъ оптическаго инструмента видитъ слишкомъ ужь ясно то несчастное мѣсто, гдѣ только-что пошелъ ко дну великолѣпнѣйшій корабль со всѣмъ, что на немъ было.

— Добраго утра, Пребровъ! сказалъ кто-то какъ разъ подлѣ него.

Іохенъ медленно отвелъ отъ моря свои голубые глаза и обратилъ ихъ къ господину, который, поднявъ вверхъ воротникъ своего пальто, только что прошелъ быстрыми шагами мимо забора.

— Добраго утра, господинъ над...

— Стъ! сказалъ господинъ, остановившись и приложивъ палецъ ко рту.

Іохенъ кивнулъ головой въ знакъ согласія.

— Сегодня вечеромъ! продолжалъ тотъ,—я это говорю для того, что хотя все до сихъ поръ шло хорошо, а всетаки кто нибудь можетъ еще въ эти послѣдніе часы возымѣть подозрѣніе и придти къ вамъ за справками. Само собою разумѣется, вы незнакомы со мною.

— Избави Боже! возразилъ Іохенъ.

Господинъ кивнулъ головой и хотѣлъ было идти дальше, но пораженный озабоченнымъ выраженіемъ іохенова лица опять остановился и сказалъ:—Тебѣ не слѣдуетъ принимать этого къ сердцу, Пребровъ! Ранкамъ подѣломъ, ихъ поведеніе позоръ для Виссова и всей окрестности; кончится тѣмъ, что не найдется никого, кто не былъ бы радъ, что вы избавились отъ мошенниковъ. А въ слѣдующій разъ какъ я пріѣду, я, Пребровъ, само собою разумѣется, остановлюсь у васъ; на этотъ разъ я долженъ играть въ прятки.

Господинъ кивнулъ головою, удалился легкими шагами и, быстро осмотрѣвшись кругомъ себя, вошелъ въ домъ командира боцмановъ.

— Проклятая исторія, пробормоталъ Іохенъ, не зная въ точности къ какой изъ двухъ относились эти слова, къ той, что разыгрывались въ его домѣ, или къ другой, о которой только-что говорилъ господинъ надсмотрщикъ за сборомъ пошлины. Конечно, дѣло шло о первой, потому-что вторая не касалась его; но все же это была лишняя тайна, а для него и той уже было слишкомъ много.

— Добраго утра, Іохенъ!

Но на этотъ разъ Іохенъ не шутя испугался. Передъ нимъ стоялъ его братъ, Класъ, какъ разъ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда только-что ушелъ господинъ надсмотрщикъ.

— Откуда тебя Богъ принесъ, Класъ? вскричалъ онъ.

— Да, это ты правду говоришь, возразилъ Класъ.

Оба брата смотрѣли другъ на друга черезъ высокій заборъ такими пытливыми глазами, словно они не были, начиная съ младенчества, самыми лучшими друзьями въ мірѣ.

— Ужь не умеръ ли отецъ? медленно спросилъ Іохенъ.

— Избави Боже! возразилъ Класъ.

— Не сгорѣла ли кузница?

— Какъ ты можешь спрашивать такія глупости, Іохенъ?

Разговоръ повидимому пересѣкся. Ощущеніе такого рода словно весь свѣтъ ничто иное какъ одна мрачная тайна, а онъ несчастный человѣкъ, который долженъ сторожить эту тайну,—еще больше завладѣло Іохеномъ.

— Не хочешь ли войдти, Класъ? сказалъ онъ.

Надобно же было наконецъ сказать это; вѣдь не могъ же онъ оставлять дольше на улицѣ своего единственнаго брата, который къ тому же еще былъ старше его.

Класъ Пребровъ тотчасъ же послѣдовалъ братскому приглашенію, хотя оно и было сдѣлано далеко не братскимъ тономъ, потрясъ Іохену руку и сказалъ обводя глазами домъ:—Тебѣ тутъ хорошо живется, Іохенъ.

Іохенъ кивнулъ головою.

— И много бываетъ у тебя гостей?

— Тебѣ что за дѣло! вскричалъ Іохенъ съ такою пылкостью, какъ будто бы дѣло шло о томъ, чтобъ отклонить тяжелое оскорбленіе.

— Такъ, къ слову пришлось, сказалъ Класъ.

— Здѣсь ровно никого нѣтъ, вскричалъ Іохенъ,—ни души! и онъ заступилъ шедшему къ дому брату дорогу.

— Вотъ славно-то, сказалъ Класъ,—въ такомъ случаѣ я могу тотчасъ вернуться назадъ и сказать старому господину Венгофу и господину Готтгольду, что они могутъ остановиться у тебя.

Іохенъ такъ и замеръ на мѣстѣ. Что теперь дѣлать? Онъ обѣщался молчать; но что проку въ молчаніи, когда придетъ господинъ Готтгольдъ, да къ тому же еще не одинъ, а вмѣстѣ съ старымъ господиномъ, къ которому Іохонъ питаетъ такое неодолимое почтеніе? Вѣдь стоитъ старику взглянуть на него своими свѣтлыми глазами—и онъ какъ есть все выскажетъ. «Стина, Стина!» вскричалъ Іохенъ такимъ голосомъ, какъ будто бы единственная въ Виссовѣ гостинница и трактиръ были охвачены пламенемъ съ фундамента и до щипца.

— Іохенъ, съ ума ты сошелъ? неужели же ты какъ есть не думаешь...

Стина, стремглавъ бросившаяся изъ дому на громовый крикъ своего мужа, вдругъ остановилась и смотрѣла на своего деверя съ раскрытымъ ртомъ и вытаращенными глазами.

— Смотри-ка! сказалъ Іохенъ съ видомъ величайшаго удовольствія.

— Гдѣ онъ? сказала Стина.

Класъ Пребровъ чувствовалъ, что его дипломатическая сдержанность была уже неумѣстна съ умной Стиной и что ему приходится открыть свое порученіе. Онъ съ наслажденіемъ теръ себѣ руки, скалилъ бѣлые зубы, а потомъ вдругъ сдѣлался опять серіозенъ и сказалъ, пробѣгая взорами длинный рядъ оконъ: «Не лучше ли намъ войдти?»

Они вошли въ маленькую жилую комнату, которая находилась какъ разъ за большой комнатой для пріѣзжихъ. Стина на минутку отправилась туда—достать бутылку рома и два стакана, чтобы братья могли чокнуться и чтобъ у Класа не пересохло въ горлѣ, въ случаѣ если ему есть что поразсказать.

Класу дѣйствительно было что поразсказать; но принимая въ уваженіе, что господа ожидаютъ его возвращенія, онъ ограничился немногими словами.

Они напали на слѣдъ еще въ первый вечеръ; но на другой день опять потеряли его, потому-что барыня, взявши экипажъ въ Раловѣ, оставила его въ Гульвицѣ, а потомъ шла пѣшкомъ, чтобы скрыть свой слѣдъ. Это ей такъ хорошо удалось, что имъ понадобилось двое сутокъ, чтобы опять найдти на него вчера поздно вечеромъ въ Трентовѣ. Конечно и теперь еще они не знали навѣрное, по какой дорогѣ отправилась барыня; но они еще въ полдень оставили экипажъ и лошадей у господина фонъ Шорица изъ Шорицъ — онъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ господиномъ Готтгольдомъ—и пошли пѣшкомъ, чтобы сбить съ пути господина Брандова, вслучаѣ если онъ гонится за нею. А все же таки они принуждены были отдохнуть часика два въ Трентовѣ, а сегодня прямо оттуда и пріѣхали сюда, не столько за тѣмъ, чтобы забрать справки гдѣ барыня, сколько за тѣмъ, чтобы просить невѣстку приготовить барыню, чтобы она ужь не слишкомъ испугалась.

— Ахъ, Боже мой, сказала Стина,—бѣдное, бѣдное дитя! да вѣдь она взяла съ насъ слово, что мы не выдадимъ ее.

— Стина, мы тутъ оба ровно ничего не подѣлаемъ! сказалъ Іохенъ.

Стина въ сущности никогда не сомнѣвалась въ этомъ; она даже просила небо войти въ ихъ положеніе и прислать имъ Готтгольда, пока еще не поздно. Она конечно не могла признаться въ этомъ во всеуслышаніе, но ей не хотѣлось бы также и измѣнить такъ прямо тому обѣщанію, которое она дала Цециліи; въ этомъ затруднительномъ положеніи она начала горько плакать.

Іохенъ одобрительно кивалъ головою, словно хотѣлъ показать своей Стинѣ, что она смотритъ теперь съ надлежащей точки зрѣнія; Класъ выпилъ свой стаканъ и сказалъ, вставая:—Такъ черезъ четверть часа мы опять будемъ здѣсь. Ты Стина, ты вѣдь такая умная женщина, ты ужь уладишь дѣло; а ты, Іохенъ, ступай со мною.

Іохенъ вскочилъ и бросился изъ комнаты съ такою торопливостью, что оставилъ свой стаканъ на половину недопитымъ. Стина хотѣла слить остатокъ въ бутылку, но въ разсѣянности сама выпила его. Въ глазахъ у нея помутилось. «Бѣдныя мы женщины!» сказала она.

Фридрихъ Шпильгагенъ.

Рисовалъ Ф. Вагнеръ, гравировалъ Г. Дитрихъ въ Дрезденѣ.

XXIX.

Давеча, когда Стина оставила Цецилію, та сидѣла у постельки ея ребенка. Гретхенъ заснула; ея милое маленькое личико казалось бѣдной матери еще блѣднѣе, а тоненькія бѣлыя ручки нѣсколько разъ слегка вздрагивали. Что, если она серіозно заболѣетъ? если она умретъ—и весь ужасъ и всѣ сердечныя терзанія этихъ послѣднихъ часовъ вынесены напрасно?

Она прижала руки къ глазамъ. Никого, никого, кто бы могъ посовѣтовать и помочь ей! А между тѣмъ она была еще у друзей, у своей доброй, старой Стины, которая приняла ее вчера съ радостными слезами и не могла опомниться отъ счастья и скорби при этомъ неожиданномъ посѣщеніи,—у этого молодца Іохена, честное лицо котораго мелькало такъ привѣтливо въ воспоминаніяхъ веселыхъ игръ ея молодости;—какою же одинокою будетъ она чувствовать себя тамъ на чужбинѣ! Не будутъ ли

смотрѣть на нее и обращаться съ ней, какъ съ искательницей приключеній? И можетъ ли она требовать инаго? Не все ли говоритъ противъ нея? Можетъ ли она разсказать всѣмъ или хотя бы только одному человѣку свою грустную исторію?

Томительное безпокойство повлекло ее съ ея мѣста въ сосѣднюю комнату къ окну. Между верхушками сосѣднихъ домовъ и бѣлыми дюнами мелькала большая полоса синяго моря, а надъ нимъ сверкающій парусъ. Это была свѣжая, яркая картина, вставленная въ раму низенькаго окошечка. Цецилія смотрѣла на нее тѣми глазами, какими она привыкла смотрѣть на природу; а потомъ она думала о томъ, что эта водная пустыня съ одинокимъ кораблемъ, несущимся по безлюдному пути въ неизвѣстную даль, была страшной, безжалостной дѣйствительностью для нея, для ея ребенка.

Голова ея опустилась на руку; она не слыхала шороха за дверями и взглянула тогда только, когда дверь растворилась и въ комнату вошла Стина съ робкимъ пытливымъ взоромъ, съ радостно-смущеннымъ выраженіемъ на покраснѣвшемъ отъ слезъ лицѣ,—взошла и оглянулась на кого-то, стоявшаго позади нея. Цецилія вздрогнула отъ какого-то предчувствія, у ней прилила кровь къ сердцу. Кто же могла быть эта темная фигура въ коридорѣ, какъ не тотъ, по комъ она такъ безмѣрно тосковала, чьего прибытія ждала съ такой же надеждой и любовью, съ какими вѣрующій ждетъ чуда.—И онъ былъ тутъ, потому-что любилъ ее; а все-таки, все-таки! этого не могло, этому не слѣдовало быть; и ея полуоткрытыя руки опять опустились и отвѣчали на пожатіе его рукъ только трепетомъ.

— Гдѣ Гретхенъ?

Они подошли къ постели малютки; добрая Стина уже опередила ихъ. Блѣдныя щечки раскраснѣлись, сильнѣе дрожали ручки; боязливый взоръ Цециліи говорилъ то, что она высказала дрожащими устами только въ сосѣдней комнатѣ: «Если она умретъ, я убила ее».

— Она не умретъ, возразилъ Готтгольдъ;—но и ты не рѣшайся ни на какія насильственныя мѣры; перестань бороться одна, не отвергай моей помощи, какъ ты это до сихъ поръ дѣлала.

— Для того чтобъ увлечь тебя, тебя невиноватаго въ этомъ несчастіи, въ погибель! я и такъ уже слишкомъ много это дѣлала, но продолжать это—никогда!

— Что называешь ты продолжать, Цецилія? Я люблю тебя—этимъ все сказано, этимъ оба наши существованія заключены въ одинъ и тотъ же кругъ. Что могла бы ты вынести, чего я не вынесъ бы съ тобою? да и не стало ли самое твое прошлое моимъ? не всегда ли оно было моимъ? не жило ли все это постоянно въ душѣ моей въ видѣ какого-то робкаго, неяснаго предчувствія и не набрасывало ли оно мнѣ завѣсу на самую свѣтлую жизнь? Да, Цецилія,—обдумавъ это, я долженъ сказать: Слава Богу! слава Богу, что завѣса разорвана, что жизнь лежитъ передо мною, какова она есть, хотя бы даже всевозможныя затрудненія и препятствія и грозили вполнѣ преградить намъ дорогу. Мы побѣдимъ ихъ. Если я когда либо въ этомъ сомнѣвался, то теперь уже не сомнѣваюсь,—теперь, когда ты возвращена мнѣ.

Сидя подлѣ нея, онъ наклонился къ ея уху и шепталъ едва слышно; но она понимала всякій звукъ—и всякій звукъ рѣзалъ ей по сердцу.

— Мнѣ, Цецилія, мнѣ. Ты убила бы не только себя и своего ребенка, ты убила бы и меня. Такъ вотъ, если какой нибудь голосъ, который ты на вѣки должна считать святымъ, въ правдивости котораго ты никогда не должна имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія, взывалъ къ тебѣ: живи! то ты живешь именно для меня, потому-что безъ меня, Цецилія, ты уже не можешь жить.

— Но не съ тобою! вскричала Цецилія, ломая руки.— Нѣтъ, не гляди на меня такъ вопросительно и съ такимъ упрекомъ твоими полными любви глазами, ты добрый, милый Готтгольдъ! Вѣдь я все желала бы сказать тебѣ, но не могу; быть можетъ женщинѣ, такой, которая въ полномъ смыслѣ слова была бы женщиной, мнѣ не нужно было бы говорить,—она и такъ поняла бы меня.

— Ты не любишь меня такъ, какъ должна бы любить человѣка, отъ котораго могла бы принять и приняла бы всякую жертву, потому-что для любви не существуетъ жертвъ,—для истинной любви, той, которая все терпитъ и все выноситъ; а твоя любовь не истинная!

Онъ сказалъ это безъ горечи; но онъ тяжело дышалъ, а губы его дрожали.

(Продолженіе будетъ).

Фридрихъ Шпильгагенъ.

Фридрихъ Шпильгагенъ родился 24 февраля 1829 г. въ г. Магдебургѣ, гдѣ отецъ его занималъ должность совѣтника губернскаго правленія. Способности его развились такъ рано, что на четвертомъ году онъ уже свободно читалъ и писалъ. Гимназическій курсъ онъ проходилъ въ Штральзундѣ, куда былъ переведенъ его отецъ, а съ 1847 до 1851 г. занимался въ берлинскомъ, бонскомъ и грейфсвальдскомъ университетахъ, сначала изученіемъ медицины, а потомъ юриспруденціи и вмѣстѣ съ тѣмъ филологіи и философіи. Затѣмъ онъ былъ попеременно солдатомъ, домашнимъ учителемъ, частнымъ преподавателемъ, актеромъ, учителемъ въ одной женской школѣ, офицеромъ ландвера, занимаясь въ то же самое время литературой, которой онъ наконецъ исключительно посвятилъ себя. Уже первыя его повѣсти «Клара Веръ» (изданная въ 1857 г.) и «На дюнахъ» (1858 г.) обратили на него всеобщее вниманіе. Вмѣстѣ съ этимъ онъ издалъ нѣсколько превосходныхъ переводовъ: «Путевые очерки говадьи» соч. Куртиса (1857 г.), «Англійскія черты характера» Эмерсона (1857 г.), «Американскія стихотворенія» (1859 г.), «Лоренцо Медичи» Роско, (1859 г.) «Любовь» (1852 г.) «Женщина» (1860 г.) и «Море» (1861 г.), Мишле. Въ тоже самое время онъ написалъ множество философскихъ, литературно-историческихъ, критическихъ и эстетическихъ статей. Но собственно основаніе его славѣ положилъ его романъ «Загадочныя натуры» (1860 г.), который онъ написалъ въ Гановерѣ, послѣ своей женитьбы, занимая должность фельетониста при *Zeitung für Nord-Deutschland*, и эпиграфомъ котораго онъ выбралъ слѣдующія слова Гете: «Существуютъ загадочныя натуры, которымъ не приходится по мѣркѣ никакое положеніе, въ которое ставитъ ихъ жизнь и которыя ничѣмъ не довольны; отсюда возникаетъ страшное противорѣчіе, которое заставляетъ ихъ губить жизнь безъ наслажденія ею.» Въ слѣдующемъ 1861 г. появилось продолженіе этого романа подъ за-

главіемъ «Изъ мрака къ свѣту». Оба эти романа образуютъ столь же глубоко задуманное, какъ и превосходно исполненное цѣлое, богатое ослѣпительными красотами и оригинальными подробностями, и принадлежатъ къ числу лучшихъ новѣйшихъ произведеній въ области политическаго и психологическаго романа. Огромный успѣхъ этихъ произведеній побудилъ берлинскаго книгопродавца Янке вызвать въ концѣ 1862 г. Шпильгагена въ Берлинъ для основанія «*Deutsche Wochenschrift*». Впрочемъ эта газета издавалась всего полгода и въ іюнѣ 1863 года прекратилась вмѣстѣ съ окончаніемъ романа Шпильгагена: «Фонъ Гогенштейны», сюжетъ котораго — стремленія 1848 г. Сочиненіе это было издано отдѣльно въ томъ же году. Съ тѣхъ поръ Шпильгагенъ поселился въ Берлинѣ. Еще не такъ недавно корреспондентъ одной изъ издающихся у насъ нѣмецкихъ газетъ, описывая замѣчательнѣйшіе берлинскіе салоны, коснулся между прочимъ и салона Шпильгагена. Знаменитый писатель угощаетъ своихъ гостей самыми тонкими ужинами и заботится о томъ, чтобъ они какъ можно пріятнѣе проводили время. Между прочимъ, на одномъ изъ его вечеровъ была розыграна прелестная маленькая комедійка, причемъ хозяинъ оказался такимъ же превосходнымъ актеромъ, какъ и его англійскій собратъ по перу Боцъ-Диккенсъ. Изъ дальнѣйшихъ сочиненій Шпильгагена мы назовемъ повѣсти «Въ двѣнадцатомъ часу» (1862), «Подъ елями» (1867 г.) и два большіе романа: «Рядами и шеренгами (1866) (*) и «Между молотомъ и наковальней» (1869), гдѣ съ той же самой художественностью, какъ и въ прежнихъ романахъ, изображаются различныя соціальныя и общественныя стремленія настоящаго времени, при чемъ рабочій вопросъ выступаетъ на первый планъ. Послѣднее сочиненіе Шпильгагена «Про что щебетала ласточка» печатается въ нашемъ журналѣ одновременно съ его появленіемъ въ подлинникѣ.

Всѣ вообще сочиненія Шпильгагена имѣли по нѣскольку изданій и за исключеніемъ его «*Vermischte Schriften*» (1866 г.) собраны въ одно изданіе для народнаго употребленія, вышедшее въ 1867 г. въ 18 томахъ подъ заглавіемъ: *Gesammelte Werke von F. Spielhagen.*»

Немногіе изъ современныхъ нѣмецкихъ писателей пользуются такой громадной и обширной популярностью, какъ Шпильгагенъ. Причину этой популярности конечно надо искать столько же въ высокомъ талантѣ автора, какъ и въ культурно-историческомъ значеніи его произведеній. Уже лѣтъ двадцать тому назадъ Риль писалъ: *die Zeit ist da, in der auch die Staatsmänner zu ihrer Belehrung Romane lesen müssten (наступила пора, когда и государственнымъ мужамъ слѣдовало бы читать для своего поученія романы)*,—конечно романы Шпильгагена, представляя самыя разнообразныя явленія общественной жизни и поднимая множество политическихъ, соціальныхъ вопросовъ, могутъ служить подобнымъ поучительнымъ чтеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ исполняютъ и другую задачу тенденціознаго романа: способствовать *образованію и прогрессивному движенію общества.*

Передать болѣе или менѣе послѣдовательнымъ образомъ содержаніе романовъ Шпильгагена, какъ по богатству эпизодовъ, по множеству вводныхъ лицъ, такъ и еще болѣе по изобилію встрѣчавшихся по пути вопросовъ — дѣло не легкое, точно такъ же какъ и опредѣлить культурно-историческое значеніе его произведеній; по крайней мѣрѣ, большую часть того, что у насъ есть по этой части, можно назвать скорѣе этюдами по поводу того или другаго романа Шпильгагена, или, лучше сказать, по поводу того или другаго изъ поднимаемыхъ Шпильгагеномъ вопросовъ, чѣмъ полнымъ и обстоятельнымъ разборомъ всего романа,—а тѣмъ болѣе всей вообще литературной дѣятельности этого знаменитаго писателя.

Всѣ сколько нибудь значительныя произведенія Шпильгагена переведены на русскій языкъ вскорѣ послѣ ихъ появленія.

Расколъ и раскольничьи секты въ Россіи **).

Причина быстраго распространенія раскола. — Духъ времени. — Нравственный бытъ русскаго общества. — Внутреннія силы раскола. — Церковно-іерархическіе порядки. — Гражданскіе безпорядки. — Петръ I.

Менѣе чѣмъ въ полстолѣтія, считая съ временъ патріарха Никона, расколъ такъ сильно распространился въ Россіи, что старообрядцами «звѣропаственныя мѣста населялись и вмѣсто деревъ умножались люди». Еще при жизни расколоначальниковъ, по словамъ попа Лазаря («Щитъ православія»), около 1676 г. въ Великороссіи считалось до 100,000 человѣкъ готовыхъ умереть за расколъ, только скрытыхъ «страха ради властелинска». Выговскій скитъ на одномъ собственномъ иждивеніи содержалъ до двухъ тысячъ мужеска пола и болѣе тысячи женскаго пола. Въ 17-ти Стародубскихъ слободахъ было до 50,000 старообрядцевъ обоего пола. На Вѣткѣ и въ 14-ти окрестныхъ слободахъ число ихъ умножилось до 40,000. На Керженцѣ, въ Чернораменскихъ лѣсахъ Юрьевскаго и Балахнинскаго округовъ, къ 1716 году, насчитывалось однихъ записныхъ раскольниковъ до 40,000 душъ. Всѣ казаки Елецкіе и Яицкіе и большая часть изъ 20,000 Донскихъ казаковъ заражены были расколомъ. Въ предѣлахъ Астраханскихъ цѣлыя слободы были заселены раскольниками, а въ 1692 г. они распространились по рѣкамъ Кумѣ, Сулакѣ, Кубани, и Аграханѣ; въ 1698 г. многіе поселились за Терекомъ, въ горахъ Большой и Малой Кабарды и основали 5 станицъ по сю сторону Терека. Въ Сибири, со временъ Никона, множество раскольниковъ поселилось при желѣзныхъ заводахъ и золотыхъ промыслахъ, гдѣ число ихъ въ одно столѣтіе возросло до 100,000 человѣкъ.

Разсмотримъ историческія причины этого невѣроятно-быстраго распространенія раскола, прослѣдивъ ихъ въ томъ порядкѣ, какъ онѣ изложены въ замѣчательномъ изслѣдованіи г. Щапова о причинахъ происхожденія и распространенія русскаго раскола. Какъ мы видѣли, исправленіе книгъ патріархомъ Никономъ было только внѣшнимъ поводомъ къ раскрытію раскола; главный же, первоначальный его источникъ кроется глубже и восходитъ гораздо далѣе временъ Никона. Русскій расколъ сложился

---

*) Въ русскомъ переводѣ этото романъ называется «Одинъ въ полѣ не воинъ.»

**) См. «Нива» 1871 года. №№ 35, 39, 49.

изъ двухъ началъ: 1) начала собственно церковнаго, какъ секта церковнообрядовая, несогласная съ православною церковью, и 2) начала гражданскаго, какъ секта возставшая, по собственному выраженію старообрядцевъ, противъ новшествъ не только церковныхъ, но и государственныхъ. Потому и источника раскола прежде всего надо искать въ духѣ и направленіи церковной и гражданской жизни русскаго народа въ тотъ періодъ времени, когда расколъ зачался, развился и распространился.

Предки наши, по обращеніи къ вѣрѣ и церкви Христовой, прежде всего плѣнились, вслѣдъ за послами Владиміра, внѣшнимъ благолѣпіемъ и обрядностью христіанскаго богослуженія, которая въ то время въ Византіи достигла высшаго развитія;—такъ что самая христіанская жизнь предковъ нашихъ, въ противуположность духовносозерцательному догматизму грековъ, имѣла характеръ преимущественно церковнообрядовой. Но, при такомъ направленіи христіанскаго благочестія въ русскомъ народѣ, древніе предки наши однако не смотрѣли на церковно-богослужебную обрядность, какъ смотрятъ на нее старообрядцы. Полагая сущность богослуженія не въ одной внѣшней обрядности, но и въ его духовномъ знаменованіи, древніе христіане отнюдь не чуждались внѣшнихъ улучшеній и исправленій въ обрядахъ. Они не думали, напр., что введеніе благоустроеннаго пѣнія въ церквахъ противно православію, не спорили о количествѣ просфоръ, потребныхъ для евхаристіи, а проникали въ сущность и значеніе таинства (на вопросъ Кирика: можно ли служить на одной просфорѣ? Нифонтъ отвѣчалъ: «если это будетъ далеко въ селѣ, а взять другой просфоры негдѣ, достоитъ служить). Когда встрѣчались какія либо недоумѣнія относительно обрядовъ или замѣчались неисправности въ чинѣ, низшіе клирики спрашивали епископовъ, которые рѣшали вопросъ,—и раскола изъ этого не происходило. Такова была церковнообрядовая жизнь народа русскаго въ первые вѣка церкви русской.

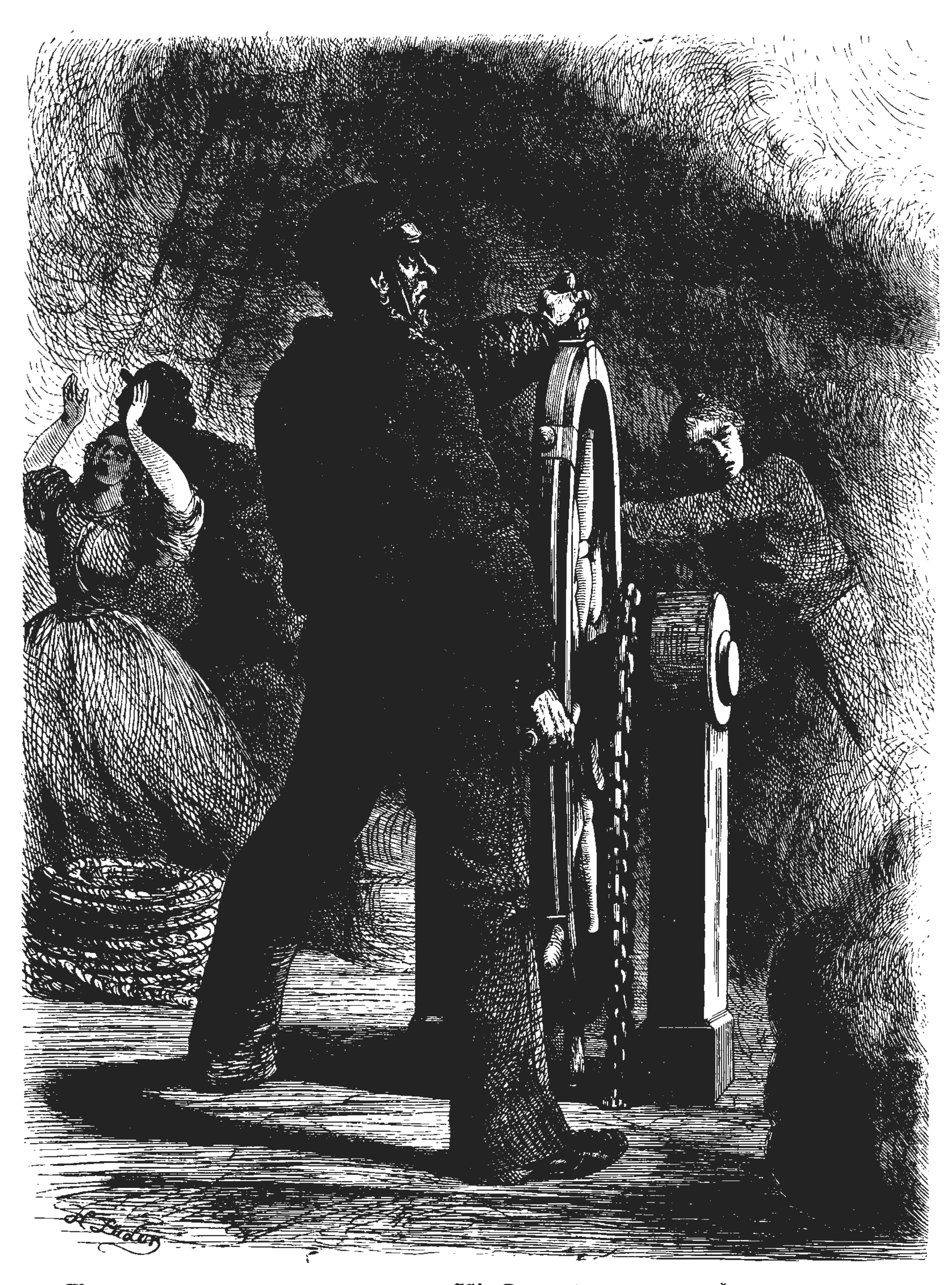
Но настали времена упадка духовнаго просвѣщенія въ нашемъ отечествѣ, задержаннаго съ одной стороны татарскимъ погромомъ, съ другой — удѣльною раздробленностью, при которой стало обнаруживаться нѣкоторое разнообразіе въ самой церковной обрядности, напр. въ Новгородской и Псковской церкви. А при отсутствіи или крайнемъ недостаткѣ въ народѣ богословскаго, догматико-теоретическаго просвѣщенія, всегда оживляющаго обрядовую сторону, преобладающее церковно-обрядовое направленіе стало переходить въ *мертво-обрядовое*. Лѣтописцы начали вносить въ лѣтописи даже такія мелочи, какъ напр. въ новгородской: «тоя же зимы (1476 г.) нѣкоторые философове начаша пѣти: «о, Господи помилуй» а друзѣи: «Господи помилуй». Съ XVI вѣка, частію съ упадкомъ училищъ, частію вслѣдствіе распространенія въ многочисленныхъ сборникахъ мнѣній суевѣрныхъ, — отъ истиннаго, православнаго-церковнаго старообрядства стало отдѣлягься старообрдчество невѣжественное, одностороннее. Умножилось темное, мнимое благочестіе, думавшее получить спасеніе однимъ пристрастіемъ къ наружной святынѣ. Образовалось множество суевѣрныхъ и невѣжественныхъ толковъ о церковно-богослужебныхъ обрядахъ и вещахъ.

Раздвоеніе и рѣзкая противоложность двухъ направленій,—живаго, истинно-церковно-обрядоваго, и мертво-обрядоваго, раскольническаго—уже видимо обнаружилась и въ жизни, и въ письменности. Съ одной стороны мы видимъ людей, которые «живутъ во грѣсѣхъ неотступно, а каноны всякими молитвами преподобныхъ молятся по вся дни, чающе спасенія получити; живутъ въ лихоимствѣ и во всякой злобѣ, а каноны всякими различными пѣньми угождати чаютъ». Съ другой стороны стоитъ просвѣщеннѣйшій мужъ церкви русской и греческой въ XVI вѣкѣ, Максимъ Грекъ и сильно обличаетъ такую мертвообрядовую жизнь. Въ XVII вѣкѣ въ церковныхъ книгахъ оказалось уже «многое нѣкое и преизлишнее разгласіе», отъ котораго возникало уже «всякое несогласіе и несостояніе въ церковномъ соединеніи, какъ замѣчали царь Михаилъ Ѳеодоровичъ и патріархъ Филаретъ. Притакихъ обстоятельствахъ открылась явная борьба ревнителей истины въ богослужебныхъ книгахъ и ревнителей мертвой буквы, которые не хотѣли допустить никакого исправленія. Сторона мнимостарообрядческая явно обнаружила духъ противорѣчія и рѣшительной неуступчивости.

Приступая къ совершенію своего великаго призванія, Никонъ положилъ пресѣчь раскольническое направленіе въ самомъ его источникѣ и возстановить церковнобогослужебную жизнь въ древней, первоначальной ея чистотѣ. Но тутъ выяснилось, что сущность и сила русскаго раскола заключалась и заключается не въ одной упорной ревности къ мертвообрядности, а также и въ его *религіозно-гражданскомъ демократизмѣ*, которымъ ознаменовались возстанія раскольниковъ при Никонѣ и въ особенности послѣ Никона. Расколъ возникъ—сначала въ низшемъ духовенствѣ и возсталъ во первыхъ противъ церкви и особенно противъ патріарха, потому что исправленія, нетерпимыя приверженцами старины, начались прежде всего въ церкви, касались духовенства и совершены были Никономъ. При всеобщемъ недовольствѣ духовенства управленіемъ Никона и фанатически-суевѣрномъ предубѣжденіи почти всего народа, слѣдовало только возстать кому нибудь изъ недовольныхъ Никономъ въ духовенствѣ—и расколъ неминуемо долженъ былъ возникнуть. Что-же особенно волновало духовенство и почему оно возстало прежде всѣхъ? Изъ всѣхъ жалобъ и протестовъ первыхъ расколоначальниковъ ясно открывается, что первоначально расколъ возникъ въ духовенствѣ изъ чисто духовно-демократическаго начала—изъ стремленія значительной части низшаго духовенства освободиться главнымъ образомъ изъ подъ власти, суда и управленія, по ихъ мнѣнію, слишкомъ строгаго Никона, казавшагося низшему духовенству вторымъ папою; вотъ почему коренной основный принципъ раскола и особенно его первоначальной проповѣди по городамъ и селамъ—составляетъ ненависть къ Никону. Другая причина, почему не только духовенство, но и народъ фанатически взволновался, заключается въ томъ религіозномъ направленіи умовъ и понятій, которое мы выше показали,—именно въ мистико-религіозномъ заблужденіи, что реформа Никона есть начало давно-ожидаемаго отпаденія великороссійской церкви, вслѣдъ за Малороссіею и древнимъ Римомъ, отъ православія къ латинству—къ этому антихристову ученію, которое по лжеапокалипсическимъ вычисленіямъ книжниковъ должно было поглотить Русь между 1660 и 1866 г. Главный расколоучитель протопопъ Аввакумъ съ горестію восклицалъ: «охъ, бѣдная Русь, чего-то тебѣ захотѣлось латинскихъ обычаевъ и нѣмецкихъ поступокъ»! Дѣло въ томъ, что въ царствованіе Алексѣя Михийловича гражданское правительство путемъ вѣковаго опыта дошло до убѣжденія, что для благоустройства и процвѣтанія Россіи въ средѣ другихъ европейскихъ государствъ—необходимо ближайшее знакомство и общеніе съ ними, необходимо заимствованіе западноевропейской гражданственности и науки, словомъ всестороннее духовное развитіе. А масса, народъ, коснѣла въ старинной одно-

сторонности и исключительности. Въ первой половинѣ XVII вѣка въ русскихъ людяхъ господствовало глубокое предубѣжденіе противъ «поганыхъ, зловѣрныхъ» иностранцевъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ, при дворѣ и въ домахъ частныхъ людей являлись новые западные обычаи, напр. украшеніе комнатъ картинами и портретами, театральныя представленія, оркестръ музыки, большая простота и мягкость свѣтскаго обращенія. Русскіе же хотѣли отличаться отъ иностранцевъ въ самой одеждѣ, на томъ основаніи, что ихъ нравы и вѣра отличны отъ вѣры и нравовъ «поганыхъ» иноземцевъ. «Въ коей ждо странѣ свои обычаи» писалъ самъ патріархъ Іосифъ въ окружномъ поученіи духовенству и мірянамъ: «не приходитъ чужой законъ въ другую страну, но каждая своего обычая законъ держитъ».

Посмотримъ же, каковы были эти обычаи, вся *бытовая и нравственная* жизнь большей части русскаго народа въ XVII вѣкѣ, представившая такую благопріятную и удобную почву для повсемѣстнаго распространенія раскола. «Мы впали во вѣ злыя дѣла» жаловался еще Авраамій Палицынъ: «въ лихвы и неправды, въ объядѣніе и пьянство и проч.» Въ исходѣ XVII столѣтія слышимъ то же твердое, рѣшительное, глубоко-сознательное требованіе народнаго нравственнаго очищенія—въ дѣяніяхъ собора 1667 года, въ соборныхъ отвѣтахъ 1681 г., въ посланіяхъ патріарха Іоакима и Аѳанасія Холмогорскаго и въ запискахъ частныхъ людей: Кошихина, Желябужскаго и другихъ. Все что возставало противъ такого очищенія—отдѣлялось подобно плевелу отъ пшеницы и возращало расколъ. Какіе же нравственные недостатки тогдашня-



Труженики нашего времени. IV. Рулевой на пароходѣ. Грав. О. Ротъ.

го общества наиболѣе благопріятствовали его развитію?

Прежде всего разумѣется *недостатокъ просвѣщенія*. Люди темнаго, невѣжественнаго направленія «съ прещеніемъ заповѣдовали» юношамъ «тщаливымъ къ наукѣ»: «не читайте книгъ многихъ» и указывали на тѣхъ, кто «ума изступилъ, а оисица въ книгахъ зашолся, а оисица въ ересь впалъ»—О, бѣда! восклицалъ по этому поводу знаменитый Курбскій: «отнимаютъ оружіе, которымъ еретики обличаются, а другіе исправляются, и врачевство смертоноснымъ ядомъ называютъ!» Старыя книги, старыя понятія, и никакой свѣжей мысли, никакой новой книги, даже никакого новаго изданія, а тѣмъ болѣе исправленія старой книги,—вотъ жалкій девизъ умственной жизни нашего народа въ XVII вѣкѣ. Точно такъ же говорилъ Кошихинъ о Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича: «Россійскаго государства люди никакого добраго наученія не имѣютъ и не пріемлютъ». Такимъ образомъ, въ умственномъ отношеніи, расколъ былъ не что иное, какъ отрицаніе просвѣщенія. А съ невѣжествомъ всегда находится въ тѣсной связи *грубое легковѣріе и суевѣріе*. При недостаткѣ нравственнаго вліянія духовенства, суевѣрія въ народѣ особенно поддерживались колдунами и чародѣями, этими хранителями языческихъ суевѣрій. Волхвы, сумасброды и лихія бабы прельщали простой народъ ворожбой, гаданьемъ и различными суевѣрными наговорами и заговорами. Въ первой половинѣ XVII вѣка простыя женщины-поселянки являлись уже народными учительницами, всенародно объявляя, что имъ были божественныя видѣнія и откровенія. Нѣкоторые же изъ расколоучителей, для успѣшнѣйшаго совращенія православныхъ, прибѣгали также къ чародѣйству и лживымъ чудесамъ, въ которыя народъ сильно вѣритъ,—и такимъ образомъ успѣшно распространяли расколъ; таковъ былъ волхвъ-расколоучитель поселившійся въ предѣлахъ Новгородскихъ въ монастырѣ Палеостровскомъ. «Къ нему же и сюда начали собираться послѣдователи со всѣхъ мѣстъ, ученіемъ его лестнымъ прельщаеми и волшебствомъ привлекаеми». Такимъ образомъ, расколъ потворствовалъ суевѣрію и распространился по причинѣ суевѣрія. Не менѣе того благопріятствовала умноженію раскола и крайняя *холодность и невнимательность къ церкви*, господствовавшая въ немалой части русскаго народа той поры. Многіе православные, не чувствуя внутренней потребности, стали нерадѣть объ исполненіи священнѣйшихъ обязанностей христіанина, и почти вовсе перестали освящаться таинствами церквей. «Лучше бы намъ на Новой землѣ за Сибирью съ князь Иванъ Ивановичемъ Лобановымъ пропасть» писалъ къ друзьямъ своимъ бояринъ Василій Отяевъ, «нежели де съ Новогородскимъ митрополитомъ, какъ де такъ, что сильно заставляетъ говѣть, никого де силою не заставишь вѣровать». Многіе крестьяне жили не по правиламъ церкви, держали наложницъ, «женились въ роду и племени, въ кумовствѣ и сватовствѣ и въ крестномъ братствѣ и при жизни первыхъ женъ». Въ такихъ-то отношеніяхъ находилось множество русскихъ христіанъ къ церкви, когда среди ихъ явились расколоучители и стали проповѣдовать во всеслышаніе, что на землѣ нѣтъ болѣе истинной церкви,—что та церковь которая называется православною—не церковь, храмы ея—не храмы а конскія стоялища, и что потому не должно ходить въ церковь, можно вступать бракъ безъ ея благословенія и слѣдуетъ прервать съ нею всякую связь. Холодность къ церкви естественно влекла за собою *неуваженіе къ духовенству и стремленіе освободиться отъ его суда и вліянія*. Отсюда понятно быстрое распространеніе безпоповщины, причемъ не обошлось и безъ вліянія протестантизма, идеи котораго, не смотря на все отвращеніе русскихъ къ нѣмцамъ, на сѣверѣ Россіи стали распространяться еще въ XVI вѣкѣ и ясно высказались въ ереси жидовствующихъ и еще болѣе у Матѳея Башкина и Ѳеодосія Косаго. Всему тому чрезвычайно содѣйствовала народная *склонность къ грубой необузданной свободѣ въ нравственной жизни*. Если и въ наше время этотъ недостатокъ еще господствуетъ въ народѣ, то въ XVII вѣкѣ разгулъ страстей выходилъ изъ границъ общественнаго благочинія и порядка. Безчинствующій пьяный людъ ходилъ по праздникамъ на улицахъ, затѣвалъ игрища, кулачные бои до смертнаго убійства, лаялся позорною бранью и тутъ-то совершалось «и мужемъ и отрокомъ женамъ замужнимъ и дѣвамъ великое прельщеніе и паденіе. Женщины не уступали въ развратѣ мужчинамъ. Беззаконное сожительство распространилось въ XVII вѣкѣ до чрезвычайности, какъ это видно изъ записокъ Желябужскаго, у Олеарія и Кемпфера. Но тотъ грубый кичливый развратъ—ничто въ сравненіи съ тѣмъ что дѣялось въ Сибири, гдѣ впослѣдствіи развился расколъ. Понятно, почему въ скитахъ и монастыряхъ раскольническихъ такъ сильно былъ развитъ развратъ и такъ приманчивъ для грубыхъ русскихъ людей; многія секты, какъ напр. Стефановщина, Филиповщина, называли этотъ развратъ любовью, а церковный бракъ грѣхомъ.

(Продолженіе будетъ).

Труженики нашего времени.

IV. Рулевой на пароходѣ.

Какъ ни величественна эскадра парусныхъ судовъ, въ особенности же если подъ нею «шумно волнуется море»,—а всетаки она должна уступить самой скромной *флотиліи* независимыхъ отъ вѣтра и теченія *паровыхъ судовъ*. Да, въ отношеніи движимаго силою пара повелителя водъ даже соперничество невозможно. Въ то время какъ *колесный* пароходъ съ его лопатками, имѣющими дѣло наполовину съ воздухомъ, на половину съ водой, лишь изрѣдка рѣшается пускаться въ открытое море,—*винтовой пароходъ* съ его работающимъ подъ водой архимедовымъ винтомъ и его обмачтовкой, не уступающей обмачтовкѣ прекраснѣйшаго паруснаго корвета, настоящій тузъ океана. Я не стану описывать этихъ плавающихъ дворцовъ гамбургско-американской компаніи пароходства съ винтовыми снарядами, вышедшими изъ подъ пароваго молота крупповскаго завода. Въ ихъ изящныхъ каютахъ съ паркетными полами и позолоченными архитектурными украшеніями, въ ихъ роскошныхъ спальняхъ, въ комнатахъ для куренія табаку, гдѣ помѣщается и библіотека, въ особыхъ дамскихъ салонахъ живется такъ же удобно, какъ въ какой нибудь виллѣ на твердой землѣ; а въ ихъ *первыхъ* салонахъ, убранныхъ дорогими картинами, сверкающими люстрами, красными бархатными диванами, роскошными столиками съ цвѣтами, можно акомпанировать блестящимъ «*réveil du lion*» начинающей разыгрываться бурѣ. Мы займемся

на этотъ разъ не помѣщеніями для пассажировъ; наше вниманіе будемъ обращено на рулеваго, его убѣжище и его трудъ.

Благо ему, если рулевой приводъ хорошо устроенъ! почтовыя суда не любятъ загромождать верхней палубы и устраиваютъ рулевыя снасти за бизанью въ пространствѣ между деками. Съ обрызганною волнами грудью, съ развѣвающимися по вѣтру волосами, устремивъ глаза вдаль, туда, гдѣ небо сливается съ водою,—вотъ самое пріятное положеніе для рулеваго. Заключеніе въ тѣсной шкиперской каютѣ или подъ палубой—не по душѣ ему, и если онъ настоящій морякъ, то даже во время сраженія ему пріятнѣе править судномъ на верхней палубѣ, чѣмъ въ низу корабля за недоступною для бомбъ броней. Взгляните на него, какъ онъ стоитъ у рулеваго колеса; онъ, чья задача состоитъ въ томъ, чтобъ держать корабль въ опредѣленной компасомъ чертѣ. Его работа, при этомъ спокойномъ, гладкомъ морѣ, при этомъ отдаленіи отъ береговъ, песчаныхъ мелей и утесовъ, даже среди наступившаго теперь мрака, очень мало разгоняемаго звѣзднымъ свѣтомъ, —такъ легка, что не одинъ пассажиръ, напрасно искавщій сна подъ палубой и зѣвая смотрящій за бортъ, охотно смѣнилъ бы его на четверть часа. Я говорю на четверть часа, потому-что рулевое колесо не повинуется одному давленію пальцевъ, а требуетъ, чтобъ на него плотно налегали,—и если для того чтобъ задержать въ дурную погоду какой нибудь изъ этихъ желѣзныхъ плавающихъ дворцовъ съ машинами въ двѣ тысячи лошадиныхъ силъ и требуется иногда до шести и больше матросовъ, то все же эта затрата силъ въ сравненіи съ тѣмъ громаднымъ результатомъ, который этимъ достигается, крайне незначительна. Но рулевому и въ голову не приходитъ, какіе великіе успѣхи сдѣлала нынѣшняя наука мореплаванія во искуствѣ управлять судами. Онъ полагаетъ, что искуство управлять рулемъ такъ же дивно извѣстно, какъ и навигація,—и въ этомъ отношеніи онъ пожалуй и правъ. А между тѣмъ, штурманъ, если во время господства Ганзы какой нибудь корабль встрѣтилъ бы на пути своего странствованія по сѣвернымъ морямъ два парусныхъ суда, которыя плыли бы въ противуположномъ направленіи, или же какое нибудь парусное судно, которое не будучи удерживаемо якоремъ, стояло бы на мѣстѣ во время вѣтра, дрейфовало бы въ бурю, поворачивалось бы противъ вѣтра безъ всякой задержки,—его экипажъ пришелъ бы въ такой же ужасъ, какъ ты самъ, увидавъ корабль-призракъ. Но повторимъ еще разъ, что значатъ самые блестящіе результаты, добытые въ цвѣтущую эпоху искусства маневрировать помощію руля и паруса—въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано для управленія судномъ съ началомъ пароходства! Вотъ маневрируетъ одинъ изъ этихъ великолѣпныхъ винтовыхъ пароходовъ,—маневрируетъ только помощію своихъ двухъ винтовъ, изъ которыхъ каждый работаетъ посредствомъ своей собственной машины. Одинъ винтъ работаетъ по направленію впередъ, другой-по направленію назадъ, и плавающій дворецъ поворачивается кругомъ, словно кубарь на подносѣ. А вотъ этотъ противудѣйствующій пароходъ помрачастъ даже и паровое судно съ двойнымъ винтомъ. Его машина извергаетъ безостановочно столбъ воды, которому, закрывая клапаны, можно дать самое различное направленіе. Помощію одной только перестановки извергающейся воды маневрируетъ судно. И это управленіе судномъ безъ помощи руля совершается независимо отъ дѣйствія машины, двигающей впередъ судно. Паровой машинѣ не нужно давать обратнаго ходу; она можетъ продолжать дѣйствовать, какой бы ни дѣлалъ поворотъ корабль. Рулевой и штурманъ — не одно и то же, и незнакомые съ этимъ дѣломъ люди дѣлаютъ первому слишкомъ много чести, называя его *штурманомъ*. Въ то время, какъ рулевой состоитъ и работаетъ подъ контролемъ штурмана, этотъ послѣдній долженъ умѣть какъ можно скорѣе и вѣрнѣе вести судно къ его цѣли; а чтобъ быть въ состояніи сдѣлать это всегда и вездѣ, онъ долженъ умѣть опредѣлять съ точностію, посредствомъ навигаціонныхъ вычисленій, то мѣсто, надъ которымъ проносится судно. Даже между искусствомъ маневрированія и лоцманскимъ искусствомъ все еще есть разница. Эту разницу легко усмотрѣть изъ слѣдующихъ двухъ примѣровъ.

Одно изъ самыхъ блестящихъ доказательствъ тѣхъ успѣховъ, какихъ достигло въ наше время *искусство маневрированія*, представляетъ собою состязаніе между американскими яхтами «Генріэтой», "Вестой» и «Флитвингомъ», происходившее въ 1866 г., при чемъ первая изъ этихъ яхтъ выиграла призъ въ 90,000 долларовъ. Всѣ три яхты, одинаково хорошо снаряженныя, отправились 11 декабря, въ часъ пополудни, изъ Нью-Іорка въ Европу. Вмѣстѣ съ ними отправилось нѣсколько опытныхъ спеціалистовъ, выбранныхъ въ судьи. «Генріэта» прибыла въ Англію 25 декабря въ 4 часа пополудни, опередивъ «Весту» 38 часами и 10 минутами, а «Флитвинга» 77 часами. Этимъ блестящимъ успѣхомъ она обязана своей способности къ маневрамъ и превосходству своихъ матросовъ. Во время своего пути, она съ величайшею точностію держалась линіи европейской дороги и не упускала изъ виду ни малѣйшей выгоды. Когда напр. съ ней повстрѣчались два паровыя судна, которые могли задержать ее, она подняла темносиній флагъ, и пароходы, принявъ ее за феніянское судно, перемѣнили направленіе,—пароходы, но не «Генріэта».

Что же касается до *лоцманскаго искусства*, то самое блестящее доказательство сдѣланныхъ имъ успѣховъ — это, конечно, извлеченіе со дна моря сигнальной доски; исполненное за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ однимъ англійскимъ капитаномъ.

Англійское правительство отправило корабль, приказавъ сопровождавшей его экспедиціи бросить въ океанъ, за спиною капитана, доску съ надписью. Затѣмъ увѣдомили объ этомъ капитана—съ тѣмъ, чтобы онъ извлекъ впослѣдствіи опущенное сокровище. Само собою разумѣется, что капитанъ какъ можно скорѣе и точнѣе опредѣлилъ помощію своихъ инструментовъ то мѣсто, куда бросили доску. Затѣмъ онъ отправился путешествовать кругомъ свѣта; по возвращеніи капитанъ отыскалъ, помощію своихъ навигаціонныхъ вычисленій, достопамятный пунктъ океана, скрывавшій доску, вытащилъ сокровище—и положилъ себѣ въ карманъ, въ награду за свое совершенство *въ лоцманскомъ искусствѣ*, назначенный англійскимъ адмиралтействомъ призъ. «Этому я не вѣрю», сказалъ рулевой, которому я разсказалъ эту исторію, и съ сердцемъ схватился за спицы колеса, «если бы люди умудрились до такой степени, то на днѣ моря не лежало бы столько кораблей, нагруженныхъ всякимъ добромъ».

— Да, еслибъ только знали съ точностію, гдѣ они лежатъ, то ихъ ужь вытащили бы, отвѣчалъ я.—Можетъ быть мѣсто, гдѣ они пошли ко дну и было обозначено съ точностію; но корабельныя бумаги, изъ которыхъ можно было бы узнать это, лежатъ, къ сожалѣнію, на днѣ моря.

— За руль, за руль!.. послышалось во мракѣ съ мостика.

«Ступайте, ступайте, ни слова больше!» сказалъ рулевой. Удовольствіе, доставленное остановкою корабля на опредѣленной компасомъ чертѣ, получило несовсѣмъ пріятную придачу. Пароходъ вошелъ въ узкій фарватеръ, продолжая дѣлать по прежнему по 14 узловъ въ часъ. Приказы съ командирской площадки раздавались все чаще, и ихъ надобно было исполнять со скоростію мысли. Колесо надобно было вертѣть не только своевременно, но еще и искусно, чтобы пароходъ получилъ точь въ точь то самое направленіе, какое требовалось. Караульный штурманъ на мостикѣ не видалъ рулеваго, а между тѣмъ зналъ съ величайшею точностію положеніе руля. Ему нужно было только смотрѣть на прозрачный рулевой указатель, помѣщавшейся на шкиперской каютѣ, колесный приборъ котораго былъ соединенъ съ осью руля. Большая чорная стрѣлка указывала на бѣломъ какъ молоко циферблятѣ изъ точки въ точку положеніе руля въ отношеніи бакборта и штирборда. Это великолѣпное изобрѣтеніе было единственною вещью на всемъ пароходѣ, возбуждавшею удивленіе рулеваго. Почему? Потому-что теперь штурману или помощнику незачѣмъ уже было торчать у него за спиною для контроля надъ рулемъ. Впрочемъ болѣе подвижная служба на пропитанномъ дегтемъ кораблѣ, хотя бы даже и плохенькомъ, была для него несравненно пріятнѣе, чѣмъ на прекраснѣйшемъ желѣзномъ пароходѣ, гдѣ рѣшительно нельзя было натянуть паруса такъ, чтобъ чадъ изъ его дымовой трубы не допекалъ того, кто ихъ натягивалъ,—или даже и совсѣмъ не ошеломлялъ его. Я не могу не извинять добраго рулеваго въ этой слабости, или лучшее сказать, въ этомъ избыткѣ силы. Онъ воспитывался на парусномъ кораблѣ, этой популярнѣйшей школѣ моряковъ. Но здѣсь имѣлъ то преимущество— а этимъ онъ былъ обязанъ все же таки кораблю—что считался одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ матросовъ, потому-что только *такимъ* матросамъ довѣряется управленіе рулемъ. Мнѣ очень часто приходилось удивляться, съ какою точностію онъ исполнялъ приказанія насчетъ управленія рулемъ. Даже самый быстрый, внезапный приказъ ни на минуту не сбивалъ съ толку этого опытнаго рулеваго. А это не бездѣлица, если взять во вниманіе, что приказы управленія рулемъ даются всегда наоборотъ. Колесо надобно всегда вертѣть не въ ту сторону, про которую говорится въ приказѣ, а въ противуположную. При прежнемъ устройствѣ руля это было иначе. Когда командовалось положить руль право, матросъ клалъ его направо, а когда командовалось положить руль лѣво, онъ клалъ его налѣво. Правда, что въ такомъ случаѣ командиру приходилось давать приказанія наоборотъ. Но полузло все же лучше полнаго зла. Со времени введенія рулеваго колеса командуется на выворотъ и поворачивается навыворотъ.

Но способность или неспособность къ дѣлу матроса обнаруживается только во время критическаго положенія, а отъ этого положенія дѣлающій большое путешествіе корабль избавляется очень рѣдко. Когда корабли не бороздили еще такъ быстро воду, какъ въ наше время,— ошибка, сдѣланная рулевымъ, не имѣла того значенія, какъ теперь. Чѣмъ скорѣе плыветъ судно, тѣмъ сильнѣе дѣйствіе руля, именно вслѣдствіе сильнѣйшаго давленія воды.

Вотъ тутъ-то, когда пароходу приходится употребить всю свою силу, чтобы выбраться изъ непріятнаго положенія,—приходится держать ухо востро. Одинъ нескусный или одинъ несвоевременный поворотъ колеса причиняетъ иногда столько же вреда, сколько, напротивъ того, приноситъ пользы ловкость и точность. Быстрѣе чѣмъ низвергается по отвѣсамъ горы лавина—должны быть исполненные два-три приказа насчетъ управленія рулемъ.

Кругомъ кипитъ жаркая, спѣшная работа, но у руля движеніе должно совершиться спокойно. Погода плоха, небо въ тучахъ, идетъ проливной дождь, волны такъ и ходятъ, подвергая судно сильной качкѣ. Марсъ, фокъ, кливеръ и гафель еще въ состояніи умѣрить ее, но всетаки она такъ сильна, что ванты грозятъ расшататься. Вѣтеръ крѣпчаетъ. Марсъ, фокъ и кливеръ приходится убрать по очереди. Что это? пароходъ ложится на бокъ! Мачта трескается; она вѣроятно слишкомъ сильно страдала отъ напора реи. Экипажъ обрубаетъ всѣ ея снасти, приготовляясь срубить ее. У руля тихо и спокойно, хотя вѣтеръ такъ и гуляетъ по палубѣ, а дождь такъ и льетъ туда. До срубки мачты не доходитъ; но когда пароходъ опять сильно легъ на бокъ и снова переваливается на другой бокъ, фокъ ломается и падаетъ вмѣстѣ со стеньгой и реей за бортъ. Много еще другаго увлечено ими, но много еще виситъ и на снастяхъ и можетъ свалиться туда же. Машину останавливаютъ, чтобы винтъ не запутался въ упавшихъ снастяхъ; но рулевое колесо должно держаться до тѣхъ поръ, пока пароходъ повинуется рулю и исполняются приказанія.

Терпѣніе! матросы опять приводятъ все въ порядокъ, гротъ-брамъ рею и гротъ-бомъ-брамъ рею, и быть можетъ имъ еще удастся, несмотря на качку судна, предохранить отъ паденія обломки большой марсовой реи и стеньги. Вотъ летитъ сверху бизань-стеньга и разбиваетъ компасъ. Не содрогайся рулевой, но продолжай работать по прежнему. Терпѣніе! сила бури сокрушилась, какъ ни сильно еще дрожитъ большая мачта съ основанія до верхушки. Какъ ни страшно поднимаютъ еще пароходъ волны, но онъ уже безопасенъ отъ дальнѣйшей размачтовки. Буря все больше и больше утихаетъ. Скоро небо опять поголубѣетъ и усѣется утѣшительными звѣздами. Пароходу незачѣмъ оставаться въ бездѣйственномъ положеніи; онъ достигаетъ гавани, не прибѣгая къ запасному рулю, — можетъ быть потому-что имъ *хорошо управляли*.

Бурная ночь, туманъ и прибой волнъ не пугаютъ рулеваго. Они его спутники въ каждомъ сколько нибудь продолжительномъ путешествіи, онъ коротко знакомъ съ ними. Но что можетъ сломить его мужество, ослабить его руку, это—*огонь*. Какъ ни трудно уклониться отъ этой враждебной силы на пароходѣ, но все-таки пока она еще можетъ быть обуздана, или пока не взяла еще перевѣсу, отступленіе отъ этого врага, хотя бы даже и незначительное, все еще возможно. Если на подвѣтренной сторонѣ нѣтъ проходу, то можно отступить по другой сторонѣ. Но рулевому нѣтъ выбора касательно того, гдѣ ему удобнѣе быть. Его мѣсто передъ рулевымъ колесомъ—и его-то онъ долженъ держаться, какъ бы сильно ни возставалъ въ немъ инстинктъ самосохраненія, какимъ бы испытаніямъ ни подвергались его сила и хладнокровіе. Среди жалобныхъ криковъ, среди воплей ужаса, онъ долженъ вслушиваться только въ одни звуки—въ звуки команды. Онъ долженъ посредствомъ поворота парохода отдалять отъ нѣкоторыхъ угрожаемыхъ пунктовъ извивающееся змѣйками пламя и удушающій дымъ, чтобы, пожалуй, направить ихъ на самаго себя. Тутъ среди криковъ о помощи, среди трещащаго такелажа, развивается отчаянная борьба за спасительные боты и буи. Пассажиры хотятъ насильно овладѣть ими, а этого нельзя допустить. И при такомъ-то волненіи, при такомъ-то спѣхѣ, при такой

Идутъ! Идутъ! Съ картины Отто Эрдмана, грав. О. Роттъ.

кипучей работѣ самъ онъ долженъ олицетворять невозмутимое спокойствіе. Вотъ съ жалобнымъ, разрывающимъ сердце воплемъ подноситъ къ нему мать свое бѣдное дитя; онъ долженъ спасти его, для этого стоитъ ему только протянуть руку. О, безжалостная рука, она продолжаетъ держать рулевое колесо и не протягивается къ теплому тѣлу, а ухо все вслушивается въ холодные слова команды и остается глухо для горячихъ просьбъ и мольбы бѣдной матери. Мать, ты была спасена вмѣстѣ съ твоимъ ребенкомъ. Подплывшій пароходъ взялъ васъ. А рулевой, на котораго ты глядѣла съ негодованіемъ за то, что онъ оставался такъ хладнокровенъ въ виду твоей невыразимой муки? Его уже нѣтъ въ живыхъ, но онъ *для твоего же блага* держалъ судно до тѣхъ поръ, пока руль еще повиновался ему.

Къ счастью, подобные случаи рѣдки, по крайней мѣрѣ не всегда имѣютъ такой гибельный конецъ. Тѣмъ не менѣе даже и при болѣе или менѣе благопріятномъ исходѣ они надолго остаются у насъ въ памяти, и мы не перестаемъ интересоваться судьбою пострадавшаго судна даже и тогда, когда оно уже внѣ опасности,—какъ это было недавно въ Кронштадтской гавани по поводу французскаго коммерческаго парохода *Командантъ-Франкетти*. Какимъ образомъ загорѣлась на немъ пакля (онъ былъ нагруженъ льномъ и куделью)—неизвѣстно. 26 октября 1872 г. онъ вышелъ изъ Кронштадтской купеческой гавани въ море и прошелъ до острова Нервы, какъ вдругъ на немъ показался изъ носоваго трюма дымъ и оказалось, что загорѣлась пакля. Пожаръ на морѣ! Если уже одна мысль о подобномъ случаѣ приводитъ насъ въ ужасъ, то что же должны чувствовать находящіеся на горящемъ суднѣ люди? Командиръ парохода, г. *Патуазо*, не видѣлъ другаго средства спасти пароходъ, какъ направить его въ ближайшую гавань, именно въ Кронштадтъ; поэтому онъ приказалъ закрыть на-глухо всѣ люки и поворотилъ въ Кронштадтъ, куда и прибылъ въ 4 часа по полудни. Пароходъ дошелъ до малаго рейда и высадился на отмель, противу Почтовыхъ воротъ. Около 6 часовъ вечера, командиръ внутренней брандвахты, увѣдомленный объ этомъ несчастіи французскимъ консуломъ въ Кронштадтѣ г. Мальвинь, немедленно послалъ желѣзный барказъ съ людьми и помпой на горящій пароходъ, куда отправился также и самъ г. Мальвинь на нанятомъ имъ пароходѣ съ 75 рабочими и пожарными помпами, а съ берега были отправлены команды на военныя суда и стѣнку гаваней для предупрежденія возгорѣнія и на случай, если бы искры съ горящаго парохода могли долетѣть до гавани.

Ночь была темная. Дулъ сильный югозападный вѣтеръ. Тѣмъ временемъ горящій пароходъ, вслѣдствіе прибыли воды, сошелъ съ отмели и направился въ восточный рейдъ, гдѣ снова всталъ на мель. Къ нему были посланы двѣ винтовыя лодки и пароходъ, для спасенія команды и прочихъ рабочихъ, всего до 90 человѣкъ; но пожаръ удалось потушить не прежде какъ на слѣдующій день.

28 октября при разгрузкѣ льна кудель снова возгорѣлась, но къ вечеру пожаръ былъ потушенъ. Что касается до самаго парохода, то, благодаря тому обстоятельству, что онъ желѣзный, сгорѣла только находившаяся въ посовомъ трюмѣ часть груза льна и кудели и обгорѣла верхняя палуба надъ этимъ трюмомъ. Но пароходъ все еще продолжалъ стоять на отмели—и уже опасались, что принуждены будутъ оставить его тутъ на всю зиму, потому-что, послѣ выгрузки всего груза и угля, всѣ усилія стащить его съ мели посредствомъ трехъ буксирныхъ параходовъ оказались тщетны,—когда, 14 ноября, благодаря наступившей оттепели, прибыли воды и особой заботливости лицъ, слѣдившихъ за его участью, его наконецъ стащили съ мели при помощи буксирнаго парохода *Бликсенъ*, который привелъ его въ купеческую гавань. 15 ноября водолазы осмотрѣли подводную часть парохода и не нашли никакого поврежденія, вслѣдствіе чего и рѣшено было опять нагрузить его товаромъ и отправить его въ море, во Францію. Пожелаемъ же счастливаго пути ему и его экипажу, въ томъ числѣ и его рулевому, которому тоже, конечно, пришлось не мало пострадать во время случившагося съ нимъ несчастія.

Внутреннее обозрѣніе.

Извѣстно, что ни въ чемъ мы такъ быстро не подвигаемся впередъ, какъ въ развитіи кабачнаго дѣла. Кабаки растутъ у насъ какъ грибы; ими занимаются люди самаго различнаго общественнаго положенія, начиная отъ евреевъ и разныхъ аферистовъ и кончая отставными чиновными особами, дослужившимися „степеней извѣстныхъ". Въ столицахъ и въ провинціи вы можете встрѣтить кабаки, содержимые частнымъ лицомъ отъ себя лично или черезъ подставнаго человѣка; кабаки, содержимые цѣлою компаніей случайныхъ акціонеровъ; кабаки, поддерживаемые на общественныя деньги; кабаки, созидаемые на церковныя суммы; кабаки крестьянскіе, помѣщичьи, купеческіе, заводскіе, монастырскіе и т. д. Обиліе кабаковъ, какъ и слѣдуетъ быть, замѣчается въ особенности въ мѣстахъ людныхъ, въ которыхъ происходитъ постоянный приливъ и отливъ рабочаго народа, гдѣ совершаются разнообразнѣйшія сдѣлки торговаго и промышленнаго характера. Тутъ для кабачнаго дѣла представляется обильная пожива и полное раздолье; здѣсь, подъ покровомъ свободной торговли виномъ, совершается иногда столько темныхъ, грязныхъ и даже преступныхъ дѣлъ, что становится страшно не за человѣка, по выраженію Гамлета, а за цѣлую массу пропивающагося невѣжественнаго народа. Если не считать обѣихъ нашихъ столицъ, въ которыхъ, кажется, одинъ кабакъ приходится на 3 дома, то на первомъ планѣ по особенному изобилію питейныхъ заведеній должны быть поставлены двѣ другія наши столицы (въ кабачномъ отношеніи): гор. Рыбинскъ и Иваново-Вознесенскъ. Въ первомъ изъ этихъ городовъ,—во время навигаціи, когда черезъ Рыбинскъ проходятъ караваны судовъ на пути въ Петербургъ, мѣстъ для продажи питей становится чуть не столько сколько домовъ. Объ Иваново-Вознесенскѣ въ газету „Биржа" пишутъ, что тамъ, при населеніи болѣе чѣмъ въ 21,000 чел., существуетъ 6 школъ, съ 600 учащихся, и болѣе 200 трактировъ, винныхъ погребовъ, виноторговель и кабаковъ. Такимъ образомъ, въ этомъ городѣ одна школа приходится на 3,500 человѣкъ, а одно заведеніе для продажи спиртныхъ напитковъ—на 84 человѣка. Если предположить, что десятую часть всего населенія составляютъ дѣти школьнаго возраста, то окажется, что число дѣтей, которыя должны были бы посѣщать школу, простирается до 2000; значитъ 1400 дѣтей въ настоящее время вовсе не посѣщаютъ школы. Но если населеніе Иваново-Вознесенска такъ

не богато школами, за то оно вполнѣ обезпечено кабаками. Сейчасъ было вычислено, что на каждый кабакъ среднимъ числомъ приходится по 84 человѣка. Ежегодные расходы каждаго питейнаго дома таковы, что для полученія барыша въ 300 рублей ему необходимо продать въ годъ никакъ не менѣе 600 ведеръ водки, и только въ такомъ случаѣ будутъ покрыты всѣ расходы по содержанію питейнаго заведенія. Такимъ образомъ, на *каждаго* жителя должно приходиться болѣе чѣмъ по 7 ведеръ въ годъ; взявъ же въ разсчетъ однихъ только потребителей спиртныхъ напитковъ, т. е. вычитая изъ общаго числа населенія: дѣтей, древнихъ стариковъ и непьющихъ,—мы увидимъ, что на каждаго потребителя придется по меньшей мѣрѣ по 8 ведеръ водки въ годъ, или по 13⅓ полуштофа въ мѣсяцъ, что еще не можетъ считаться чрезмѣрнымъ потребленіемъ. Спрашивается же теперь: какимъ образомъ, при такомъ относительно незначительномъ потребленіи вина, можетъ существовать столь великое число разнаго рода питейныхъ заведеній? Одно изъ двухъ: или ивановцы потребляютъ вина втрое болѣе того количества, которое мы предположили, или же кабачники ведутъ дѣло себѣ въ убытокъ. Но вести торговлю себѣ въ убытокъ не станетъ ни одно промышленное или торговое заведеніе; точно такъ же нельзя предположить, чтобы потребленіе вина дошло до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какъ 2 ведра водки на человѣка въ мѣсяцъ. Существуетъ, слѣдовательно, другое средство, другой выходъ изъ этого положенія, которымъ пользуются содержатели питейныхъ заведеній для безъубыточнаго веденія дѣла. На это секретное средство указываютъ корреспонденты нѣкоторыхъ провинціальныхъ газетъ. По словамъ одного такого корреспондента, въ небольшомъ уѣздномъ городишкѣ Царево-Кокшайскѣ существуетъ свыше 20 питейныхъ заведеній, одинъ ренсковой погребъ, двѣ или три харчевни, три гостинницы и два винокуренныхъ завода, такъ-что на 40 съ небольшимъ жителей, считая въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, приходится одно питейное заведеніе. Это, какъ видитъ читатель, будетъ еще почище Иваново-Вознесенска! Не имѣя возможности вести дѣло безъубыточно, одинъ изъ Царево-кокшайскихъ торговцевъ, обладатель цѣлой дюжины питейныхъ заведеній, пустилъ въ ходъ во всѣхъ своихъ „заверняйкахъ" и „разувайкахъ" такъ-называемую дешовку, т. е. какую-то мутную жидкость весьма одуряющаго свойства, но съ спиртнымъ запахомъ. Пуская въ ходъ это таинственное средство, онъ не только не терпитъ отъ своихъ заведеній убытка, но еще наживаетъ солидные барыши. Впрочемъ, заслугу подобнаго открытія должны раздѣлить съ нимъ и многіе другіе кабатчики, разсѣянные по землѣ русской.

Другое спасительное для кабатчиковъ средство для приличія называется иностраннымъ словомъ *эксплуатація* и состоитъ въ слѣдующемъ: Понадобились напр. шинкарю дрова,—онъ ихъ не покупаетъ, а призываетъ Ивана или Петра, и тотъ или другой за *осьмушку* накрадетъ въ чужомъ лѣсу дрова и несетъ шинкарю. За ночь онъ принесетъ по крайней мѣрѣ копѣекъ на 50. Подобнымъ образомъ шинкарь добываетъ себѣ хлѣбъ. Онъ ни пашетъ, ни сѣетъ; но на зиму житница у него полна. Прибавьте къ этому, говоритъ корреспондентъ „Нов. Тел." изъ Полтавы, переводъ въ шинкѣ краденаго, разбавленіе водки водою, обираніе пьяныхъ и т. под.,—и вы убѣдитесь, что во многихъ случаяхъ продажа водки только приманка, маска для эксплоатаціи.

Итакъ, вотъ средства для полученія барышей отъ сего благодарнаго промысла. Конечно, благодарность эта получается не отъ потребителей; но вѣдь,—правду сказать,—содержатели питейныхъ заведеній въ ней и не нуждаются. Для нихъ важенъ интересъ лишь собственнаго кармана; до остальнаго же имъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла. Имъ даже прямо *выгодно* поддерживать въ народѣ пьянство, чтобы при этомъ эксплуатировать его на всѣ лады и способы. Но рано или поздно, а придетъ время, когда нынѣшній порядокъ торговли виномъ долженъ будетъ измѣниться такимъ образомъ, чтобы отъ этого не страдала ни народная нравственность, ни народная мошна. Замѣчательный примѣръ въ этомъ отношеніи подаютъ казаки нѣкоторыхъ донскихъ станицъ. Одна изъ этихъ станицъ приговоромъ своимъ постановила упразднить всѣ кабаки; другая (тишанская) положила имѣть на всю станицу только два питейныхъ дома, которые будутъ содержаться станичнымъ обществомъ и для продажи въ нихъ будутъ назначаться по выбору общества благонадежные люди. Послѣ тишанской, и нѣкоторыя другія станицы постановили подобные же приговоры.

Смѣсь

Идутъ! Идутъ!

См. стр. 781.

Женевьева Шедевилль захлопнула свою книгу. То былъ «Телемакъ». Она взялась за другую. Три молодыя особы, сидѣвшія вокругъ стола, глядѣли на нее съ вялою сонливостью въ прелестныхъ чертахъ лица, изрѣдка съ усиліемъ подавляя зѣвокъ и невольно смыкая глаза. Впрочемъ, нѣтъ—не всѣ. Старшая, очаровательная блондинка, съ смѣлымъ профилемъ и кокетливо наброшенной на плечи кружевной косынкой, по видимому тоже не очень-то интересуется поученіями высокой, худощавой дѣвицы, возсѣдающей въ концѣ стола съ достоинствомъ наставницы,—но лицо ея не выказываетъ ни малѣйшаго утомленія. Напротивъ того, въ немъ то сквозитъ лихорадочное нетерпѣніе, то разливается яркій румянецъ, глаза ея сверкаютъ и блещутъ, какъ бы съ торжествомъ озираясь вокругъ; а тамъ она снова погружается въ мечтательное раздумье, и словно прислушивается къ голосамъ, возникающимъ въ ея сердцѣ. Она улыбается.

— Фрейлейнъ Елисавета фонъ Ранно! укоризненно звучитъ голосъ наставницы:—неужели вы нисколько не стѣсняетесь выказывать, какъ вамъ скучно слушать одно изъ величайшихъ произведеній нашей литературы?

Фрейлейнъ Ранно, неумѣя владѣть собою въ такой мѣрѣ, какъ сидящая возлѣ сестра ея, въ самомъ дѣлѣ широко растянула маленькій ротикъ, вслѣдствіе того раздраженія междучелюстныхъ связокъ, которое обыкновенно приписывается скукѣ. Правда, она ловко и съ быстротою молніи прикрыла ротъ наипрекраснѣйшею въ свѣтѣ ручкою, но тѣмъ самымъ и обратила вниманіе mademoiselle Шедевилль на состояніе ея духа.

Фрейлейнъ Елисавета фонъ Ранно покраснѣла, а равно и сестра ея, какъ подобало дѣвицамъ; но блондинка въ кружевной косыночкѣ уставилась на преподавательницу смѣлыми сѣрыми глазами и сказала:

— *Нашей* литературы? Я думала, авторъ «Телемака»—французъ.

— Есть *одна* лишь литература—это французская! Слѣдовательно, она также и ваша, баронесса Дорневицъ, какъ и всѣхъ остальныхъ народовъ.

Женевьева Шедевилль была одной изъ первыхъ французскихъ наставницъ, которыхъ привлекло въ Берлинъ пристрастіе Великаго Фридриха къ ихъ языку,—и всѣ приближенныя ко двору фамиліи, чтобы польстить пристрастію своего монарха, естественно поспѣшили вручить своихъ дочерей этимъ дамамъ для дальнѣйшаго усовершенствованія во французскомъ языкѣ и литературѣ.

Mademoiselle Шедевилль серіозно относилась къ своему призванію, но надѣленная порядочною долею національной гордости, которая только увеличивалась пристрастіемъ государя къ ея языку, наставница въ самомъ дѣлѣ дошла до того, что стала считать французовъ всемірными учителями отъ рожденія. Первое замѣчаніе ученицы она приняла какъ дѣтскую выходку, не имѣющую значенія, но каково же было ея изумленіе, когда баронесса горячо возразила:

— Нѣтъ, нѣмецкій языкъ также имѣетъ свою литературу—и то, что мнѣ изъ нея извѣстно, гораздо болѣе подходитъ къ нашему характеру, нежели гладкія, искуственныя формы чуждой рѣчи.

Женевьева Шедевилль почувствовала, что нападаютъ на ея завѣтныя стремленія, на самыя условія ея существованія. Она

довольно сносно говорила по нѣмецки, но съ чуждымъ акцентомъ и неправильными оборотами.

— Въ чемъ же состоитъ эта литература, осмѣлюсь спросить?

— Прежде всего у насъ были наши несравненные миннезингеры! сказала фрейлейнъ фонъ Дорневицъ съ раскраснѣвшимися щеками, между тѣмъ какъ обѣ сестры Ранно изумленно глядѣли ей въ лицо, широко раскрывая глаза.

— Что это такое миннезингеры? презрительно спросила mademoiselle Шедевилль.

— *Минне*—это старинное слово, значитъ: *любовь*, а миннезингеры тоже, что и трубадуры.

— А! воскликнула старая наставница съ удивленіемъ,—я не знала, что и въ этой странѣ были трубадуры. Но... при этомъ глаза пожилой особы такъ пытливо впились въ лицо баронессы, что та въ смущеніи потупила ихъ долу,—но вы прежде что-то не заговаривали о нѣмецкихъ трубадурахъ—ктожъ это познакомилъ васъ съ этими нѣмецкими трубадурами, съ этими миннезингерами?

Баронесса Дорневицъ не поднимала глазъ.

Въ это время съ надворья—окна учебной комнаты выходили на дворцовую площадь—раздался барабанъ и горны военной музыки, съ которой обыкновенно ходилъ дворцовой караулъ.

Баронесса Дорневицъ вскочила съ мѣста, и не отвѣчая обратила пылающее лицо къ окну; обѣ дѣвицы Ранно послѣдовали ея примѣру и вспорхнувъ словно на крыльяхъ, вытянули стройный станъ черезъ столъ по направленію къ окошку.

— Но, mesdames! воскликнула Женевьева Шедевилль, пытаясь придать строгое выраженіе лицу, между тѣмъ какъ—вѣроятно въ воспоминаніе собственной молодости—на губахъ ея скользила добродушная усмѣшка,—но mesdames, я знаю, что великій король, мой августѣйшій покровитель, развиваетъ воинственность даже въ женщинахъ, только всему свое время, поэтому, je vous prie passons à Lafontaine (пожалуйста, перейдемте къ Лафонтену).

Молодыя особы ничего не слыхали, въ особенности фрейлейнъ Дорневицъ; какъ вкопаная не сводила она глазъ съ маршировавшаго отряда солдатъ. Женевьева Шедевилль перестала, качая головой.

Улыбка исчезла на губахъ ея. До такой степени еще ни разу не колебали ея достоинства наставницы и авторитета Лафонтена.

— Mais, chère baronne, быстро воскликнула она, заглянувъ на мигъ черезъ плечо упрямой ученицы,—вы знаете этого молодаго офицера? Онъ вамъ салютируетъ своей épee (шпагой)... еще и еще разъ! О, фрейлейнъ фонъ Дорневицъ, это очень дурно! Я не потерплю, чтобы въ моемъ домѣ назначали rendez-vous по окнамъ.

Солдаты межь тѣмъ вошли въ дворцовые ворота, барабанъ и горны замолкли. Фрейлейнъ фонъ Дорневицъ обернулась, поблѣднѣвъ и растерявшись.

— Вы знаете этого офицера! строго проговорила mademoiselle Шедевилль.

— Я его знаю, онъ кланяется мнѣ всякій разъ, когда я его встрѣчаю или вижу отсюда изъ окна.

— Но вы еще не говорили съ нимъ? продолжала старая француженка.

— Я—нѣтъ, но онъ со мною говорилъ, пробормотала фрейлейнъ Дорневицъ,—онъ встрѣтилъ меня, помните, какъ мы ходили на прогулку къ Шарлоттенбургу. Я очень утомилась и поотстала немного...

— Вотъ какъ! сухо замѣтила наставница.

— Ну, онъ подошелъ ко мнѣ и...

— И?

— Сказалъ мнѣ, что онъ меня любитъ, что не можетъ безъ меня жить. Я со страху такъ и сѣла на скамью.

— Э? Ну и что же вы отвѣчали?

— Я? ничего! Я проворно ушла.

— Ну, вотъ это похвально и добродѣтельно. Я припоминаю, вы и къ намъ-то присоединились совсѣмъ запыхавшись. А на другой день вы же сами, просились опять гулять въ Шарлоттенбургъ. Что же, вы опять встрѣтили своего преслѣдователя? Вы вѣдь и тогда также устали.

— Нѣтъ, но я нашла книгу на той скамьѣ.

— А въ ней une lettre d'amour na papier rose (любовное письмо на розовой бумагѣ).

— Нѣтъ—просто книгу—пѣсни нѣмецкихъ миннезингеровъ, переписанныя твердымъ солдатскимъ почеркомъ. А на первой страницѣ его имя—капитанъ графъ Рейнгардъ.

— А что дальше было?

Фрейлейнъ фонъ Дорневицъ быстро взмахнула глазами, какъ бы удивляясь, что насчетъ этого могъ еще возникнуть вопросъ.

— Онъ просилъ у великаго короля позволенія на мнѣ жениться.

— Какъ, даже не зная, любите ли вы его?

— Онъ это знаетъ. Иначе я не стала бы его слушать и не взяла бы книги.

Mademoiselle Шедевилль въ изумленіи глядѣла на молодую дѣвушку.—Жениться безъ любовнаго письма на розовой бумажкѣ, безъ интриги, безъ дуэли, безъ шелковой лѣстницы—это очень странно! пробормотала она, вспоминая собственную молодость.

Фрейлейнъ фонъ Дорневицъ улыбнулась.

— Вотъ видите, у насъ не только своя литература, а также и любовь-то своя особенная.

Женевьева Шедевилль быстро отвернулась и сѣла.

— Passons à Lafontaine, mesdemoiselles.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Въ № 48 «Нивы», на стр. 753, въ началѣ романа Шпильгагена пропущена римская цифра XXV, означающая новую главу.

При этомъ нумерѣ прилагается „Парижскія моды" за Декабрь мѣсяцъ съ двѣнадцатью рисунками.

Редакція покорнѣйше проситъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, возобновляющихъ подписку на 1873 г. прилагать при высылкѣ подписныхъ денегъ печатный адресъ съ послѣдней бандероли.

Дозволено цензурою 1 Декабря 1872 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. Эдуарда Гоппе. Вознес. пр., д. № 53

№ 50 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 11 декабря 1872 года. Годъ III.

Желающіе могутъ еще подписаться на 1872 годъ; годовая цѣна 5 рублей съ пересылкой. Каждый новый подписчикъ получитъ всѣ уже вышедшіе №№ съ 1 до 50.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

— Не права ли я, что даже одаренный самыми нѣжными чувствами, самый лучшій мужчина не можетъ понять насъ? возразила Цецилія, склоняясь къ Готтгольду и откидывая ему волосы съ его пылающаго лба. На ея чудныхъ губахъ, въ темныхъ глазахъ ея заиграла на минуту та полная невыразимой прелести улыбка, которая являлась иногда Готтгольду въ мечтахъ, словно околдовывала его на цѣлый день и заставляла снова и снова мечтать о себѣ. Но это продолжалось одинъ мигъ; она исчезла; прежняя глубокая задумчивость опять осѣнила каждую черту прелестнаго лица и звучала въ голосѣ.

— Истинная любовь! Смѣетъ ли женщина, пережившая то, что пережила я, даже произносить эти слова? Истинная любовь? Развѣ ты назвалъ бы ее такъ, еслибъ я...

Она вдругъ прервала рѣчь, встала, подошла къ окну, опять вернулась назадъ и сказала, остановясь со сложенными руками передъ Готтгольдомъ:—еслибы я продолжала помогать его алчности, еслибы я дольше позволяла продавать себя и своего ребенка, еслибы ты долженъ былъ отдать до послѣдней копѣйки все твое состояніе, чтобы выкупить насъ...

— Ты могла сдѣлать это и не сдѣлала! вскричалъ Готтгольдъ въ горестномъ волненіи.

— Я могла и не сдѣлала этого, возразила Цецилія;— но конечно не потому, чтобы у меня хоть на мигъ явилось сомнѣніе, что ты не задумываясь отдашь все, все;— такое сомнѣніе немыслимо въ женщинѣ, которая знаетъ, что она любима; развѣ въ подобномъ случаѣ она не пошла бы просить милостыни для любимаго ею человѣка?

но—все это напрасно, Готтгольдъ! я никогда больше не произнесу этихъ словъ. О, какъ тяжко горе, которое лишено даже благодѣтельной возможности высказаться и терзаетъ душу нѣмыми муками!

Она металась по комнатѣ, ломая руки; мрачный взглядъ Готтгольда слѣдилъ за ней, когда она взадъ и впередъ проходила мимо него, и въ его сердцѣ поднялось горькое чувство. Была возможность—и она не схватилась за нее; теперь ужь поздно!

Онъ сказалъ ей это, разсказалъ почему ужь поздно; маленькій остатокъ его состоянія,—еслибы даже онъ могъ удовлетворить своими заработками тѣхъ, кто имѣетъ уже на него права,—для алчности этого человѣка ничто; если бы кто предложилъ ему эти ничтожныя деньги, онъ бы съ презрительнымъ смѣхомъ бросилъ ихъ ему въ ноги.

Цецилія, стоя посреди комнаты и тяжело дыша, слушала его.—Бѣдный Готтгольдъ! сказала она:—для меня... лучше такъ... Теперь и искушеніе не можетъ придти ко мнѣ! все рѣшено! Да, Готтгольдъ, рѣшено; можетъ быть и у него это была минутная вспышка жадности къ деньгамъ, которую ненависть къ тебѣ—ты знаешь, какъ онъ ненавидитъ тебя,—давно заглушила. Онъ не отдастъ меня; я не избрала, не хотѣла избрать смерти, пока оставалась послѣдняя восможность спасенія—бѣгство. Пусти меня, Готтгольдъ, а то будетъ поздно и это; не удерживай меня. Ты хочешь меня спасти, а самъ только толкаешь въ руки смерти!

— Я удержу и спасу тебя, вырву тебя изъ рукъ смерти! вскричалъ Готтгольдъ, схвативъ обѣ руки Цециліи.—Я спасу тебя и твоего ребенка. Ты уморишь Гретхенъ, подвергая ее больную, лежащую въ лихорадкѣ, опасностямъ путешествія; а между тѣмъ, это путешествіе и безъ того невозможно и было бы только безполезной жестокостью, потому-что онъ и тамъ и всюду съумѣетъ отыскать тебя—если захочетъ. Тамъ онъ тебя отыщетъ точно такъ же, какъ и здѣсь, такъ что и здѣсь тебѣ нельзя оставаться. Ты нигдѣ не можешь оставаться иначе какъ подъ моей защитой; повторяю тебѣ: я съумѣю защитить тебя, Цецилія! Неужели у тебя нѣтъ нисколько вѣры въ меня, въ мое мужество, въ мою силу, въ мое благоразуміе? Я не могу сказать тебѣ всего, какъ я думаю спасти тебя; дай мнѣ дѣйствовать молча: развѣ мы, мужчины, не считаемъ нѣкоторыхъ вещей справедливыми, такъ же какъ считаете ихъ вы, женщины? Развѣ у насъ не бываетъ обстоятельствъ, гдѣ мы должны поступать такъ, какъ велитъ долгъ и честь, и гдѣ мы можемъ довѣриться только мужчинѣ? И послушай, Цецилія, если я скажу тебѣ, что я довѣрился человѣку, на котораго ты съ дѣтства смотрѣла съ глубокимъ уваженіемъ, не подозрѣвая, что, не будь этого добровольнаго уваженія, ты все равно обязана ему этимъ чувствомъ,—что этотъ человѣкъ одобряетъ мой планъ, мое рѣшеніе, и самъ сдѣлаетъ все что можетъ для того, чтобы мой планъ не оставался планомъ, чтобы рѣшеніе исполнилось,—что онъ собственными устами увѣритъ тебя во всемъ этомъ,—Цецилія, я приведу его тебѣ, этого старика, прадѣда, и когда ты, упавъ передъ нимъ на колѣна, почувствуешь на своей головѣ его руку, прошедшее, кажущееся неизмѣннымъ, несокрушимымъ какъ судьба, заколеблется и пошатнется въ твоихъ глазахъ; тогда ты можетъ быть повѣришь, что настоящее не неизмѣнно для того, кто живетъ и любитъ.

Готтгольдъ исчезъ. Цецилію обдало ужасомъ страшнаго предчувствія; она неподвижно смотрѣла на дверь, въ которую онъ ушелъ. Дверь снова отворилась; вошедшій въ нее высокій старикъ долженъ былъ наклонить голову, и и такъ, съ наклоненной головой и съ опущенными глазами, подходилъ онъ къ ней. По ней пробѣжала дрожь: это былъ портретъ ея отца, когда, за часъ до смерти, онъ подозвалъ ее къ своей постели! а отецъ въ ту минуту былъ такъ похожъ на портретъ дѣда, что висѣлъ въ гостиной подлѣ старинныхъ стѣнныхъ часовъ,—колѣни ея задрожали—и теперь, когда онъ протянулъ къ ней руку, Цецилія невольно склонилась.

Готтгольдъ заперъ дверь. Что говорили между собой двое этихъ людей, должно было навсегда остаться тайной для уха третьяго человѣка.

XXX.

Послѣдніе лучи заходящаго солнца дрожали въ безпокойныхъ волнахъ пурпуровыми огнями, и тѣ же пурпуровые огни трепетали на колеблющихся травахъ обширной болотистой низменности, тянувшейся отъ западнаго берега до самыхъ дюнъ,—пылали на бѣлыхъ дюнахъ и обливали своимъ свѣтомъ фигуры Готтгольда и Іохена Преброва, которые, поднявшись съ восточнаго болѣе узкаго берега, только-что достигли самой высокой точки. Готтгольдъ, заслонивъ глаза рукою, уже любовался огненнымъ моремъ, а Іохенъ Пребровъ все еще возился съ телескопомъ. Наконецъ онъ нашелъ въ блестящей мѣдной трубкѣ тонкую черточку. «Вотъ оно!» сказалъ онъ, передавъ инструментъ своему спутнику, и какъ бы извиняясь, прибавилъ:

— Съ этой штукой чертовски далеко видно.

— Добрякъ ты! отвѣчалъ улыбаясь Готтгольдъ.

Іохенъ оскалилъ свои бѣлые зубы, и потомъ вдругъ оба сдѣлались по прежнему очень серіозны. Готтгольдъ такъ усердно смотрѣлъ въ зрительную трубу, будто бы въ самомъ дѣлѣ искалъ еще лодку, которая, четыре часа тому назадъ, отплыла при попутномъ вѣтрѣ и навѣрное поднялась теперь до Зюндина, если только не была ужь въ гавани; а Іохенъ былъ такъ мраченъ, словно онъ сегодня въ послѣдній разъ видѣлъ круглыя щеки своей Стины, непремѣнно хотѣвшей проводить барыню.

Но этотъ славный человѣкъ не думалъ о себѣ. На нѣсколько-то деньковъ, а пожалуй и на нѣсколько недѣль, если будетъ крайность, онъ уже обойдется безъ своей Стины; а вѣдь ужь что за житье было ему съ нею! такое житье, что не разъ приходило ему въ голову: ужь не слишкомъ ли ему везетъ. А бѣдный-то, бѣдный господинъ Готтгольдъ! Ахъ ты, Господи, какъ смотрѣли-то они другъ на дружку, когда она сходила въ лодку и они еще разъ протянули на мосту другъ другу руки,—такими большими, большими глазами, а на глазахъ-то у нихъ были крупныя прекрупныя слезы! а какъ вошла она въ лодку, то такъ прямехонько и ушла въ каюту. Стина-то, тѣмъ временемъ, принесла туда малютку, а потомъ—какъ вѣтеръ вздулъ паруса и лодка накренилась—она опять вышла на верхъ—и стояла тамъ, опершись на руку стараго барина, и махала платкомъ. и все смотрѣла такими большими глазами, хоть наврядъ ли видѣла что нибудь изъ-за слезъ!

— Ну да лодка-то такая отличная, что лучше и быть не можетъ, сказалъ Іохенъ,—а что касается моего тестя, такъ онъ радешенекъ, что ему еще находится какое нибудь дѣло; а ужь братецъ мой Класъ дьявольски ловкій малый, да и столько разъ бывалъ въ Зюндинѣ! Ужь онъ-то устроитъ все какъ слѣдуетъ: приведетъ экипажъ къ мосту, и гдѣ Вольнофъ живетъ также, говоритъ, знаетъ; и пусть-ка кто попробуетъ затронуть стараго барина! а человѣкъ не можетъ уже сдѣлать больше того, что онъ въ

силахъ сдѣлать—и если онъ сдѣлалъ что въ человѣческихъ силахъ, то онъ сдѣлалъ все возможное.

Іохенъ перевелъ духъ: онъ самъ не могъ надивиться, откуда это взялось у него сегодня столько словъ—его Стина не съумѣла бы лучше объясниться—и господинъ Готтгольдъ кивалъ головой, а ничего не говорилъ; да и чтоже было ему на это сказать? Іохенъ продолжалъ еще болѣе убѣдительнымъ тономъ:—А поэтому-то нечего вамъ такъ и горевать, господинъ Готтгольдъ! Богъ вѣсть что еще будетъ!... Вѣдь ужь когда лошадь закуситъ удила, такъ ты хоть руки себѣ оторви, ужь она помчится,—а что можетъ сдѣлать лошадь, человѣкъ и подавно можетъ.

— За мной дѣло не станетъ, Іохенъ, возразилъ Готтгольдъ;—я и не горюю больше, потому-что знаю, что отстою дѣло, хотя это и очень трудно, пока у насъ нѣтъ Шееля. Но я думаю, мы захватимъ еще молодца; по крайней мѣрѣ извѣстно, что онъ живъ, а это главное.

Іохенъ Пребровъ покачалъ круглой головой.—Проклятая это исторія—есть и будетъ, господинъ Готтгольдъ, сказалъ онъ.—Старикъ Арентъ, горицкій пастухъ, говоритъ, будто видѣлъ его недѣлю тому назадъ;—ну, знать-то его старикъ знаетъ,—онъ долго жилъ въ Далицѣ, пока его не спровадилъ оттуда Генрихъ Шеель, вѣдь Генрихъ-то только и наровитъ какъ бы кому сдѣлать зло; да вѣдь ночью всѣ кошки сѣры, и еслибъ даже... тутъ вѣдь случая-то не искать стать, ступай себѣ отсюда куда хочешь, въ море или за море, въ Швецію, Мекленбургъ или куда въ другое мѣсто. Поэтому мудренаго нѣтъ, что онъ направилъ сюда лыжи; но что онъ еще здѣсь—нѣтъ, этого я не думаю.

Пурпуровое зарево, освѣщавшее западный горизонтъ, погасло—и когда, спустясь съ гребня дюнъ, они обратились на востокъ, море, подступивши здѣсь совсѣмъ близко, сливалось на неизмѣримое разстояніе съ окружающей его темной синевой, отъ которой бѣлый песокъ береговой каймы выдѣлялся особенно рѣзко. Къ сѣверу, въ фантастическомъ, причудливомъ безпорядкѣ тянулись цѣпи дюнъ (на самой большой возвышенности которыхъ они все еще стояли), теряясь въ сумракѣ въ необозримой дали; тутъ онѣ густо поросли дрокомъ и дикимъ овсомъ, тамъ стояли совершенно голыя, въ видѣ круглыхъ, длинныхъ сплющенныхъ холмовъ, съ острыми нависшими краями—точно какъ будто бы взбутараженное бурей море превратилось въ песокъ и застыло въ этомъ видѣ. Тамъ гдѣ западный берегъ дальше всего выдавался въ море—коротенькая эта коса слыла подъ именемъ Виссовскаго притона — возвышалась изъ-за дюнъ еще едва-едва замѣтно крыша, и Іохенъ Пребровъ указалъ телескопомъ на это мѣсто.

— Видите домъ?

— Кусочекъ его вижу.

— Это домъ Ранковъ; признаюсь, не хотѣлось бы мнѣ сегодня быть въ ихъ шкурѣ.

— А что такое? спросилъ Готтгольдъ.

— Тоже вѣдь приходится дать тягу, продолжалъ Іохенъ, невольно понижая голосъ, хотя кромѣ чаекъ, носившихся внизу надъ водой, насколько можно было обнять взоромъ, не было видно ни одного живаго существа.—Собственно-то говоря, они рыбаки—и во время шведовъ имъ была еще дана привиллегія мелочной продажи пива и вина; они говорятъ, что она и теперь еще принадлежитъ имъ, потому-что наше правительство ничего не сдѣлало, для того чтобъ отмѣнить ее. Все это только такъ говорится, чтобъ былъ предлогъ,—а то какъ же сказать: зачѣмъ безпрестанно приплываютъ лодки съ людьми, которые такъ же выдаютъ себя за рыбаковъ, какъ и Ранки, и такъ же мало рыбачатъ, какъ и они. Ихъ тамъ бываетъ иногда по полдюжинѣ заразъ, говорятъ чиновники вѣдомства податныхъ сборовъ; а какъ эти наѣдутъ—сухимъ путемъ или моремъ—никого нѣтъ, всѣ разбѣжатся, кстати же и море подъ рукою; поминай ихъ, значитъ, какъ звали. Ужь они пытались сторожить тутъ на дюнахъ, и на высотахъ-то караулили цѣлые дни; не тутъ-то было: ни одной, бывало, лодки не покажется, развѣ какой нибудь невинный рыбацкій челнокъ,—а Ранки-то стоятъ себѣ да посмѣиваются, смотря какъ чиновники отправляются во свояси съ длинными носами. Но сегодня-то вечеромъ попадутся они.

— Отчего такъ сегодня вечеромъ?

— По настоящему-то мнѣ не слѣдовало бы вовсе болтать объ этомъ; ну, да съ вами — другое дѣло, да благо и они сами тутъ. Видите три паруса, что крейсируютъ тамъ на сѣверѣ? Это Велиновскія рыбачьи лодки; ну и во время же они поспѣли сюда, да и мѣсто-то выбрали хорошее!—только, замѣтьте себѣ, сидятъ тамъ не рыбаки, а чиновники вѣдомства податныхъ сборовъ, одѣтые въ рыбачьи куртки; а какъ они подойдутъ поближе, то вдругъ перемѣнятъ курсъ, и такъ прямо и будутъ держать на Виссовскій притонъ. Между тѣмъ какъ только они перемѣнятъ курсъ, съ сухаго-то пути: маршъ! маршъ! цѣлая дюжина чиновниковъ и жандармовъ. Я слышалъ все это отъ господина инспектора изъ Зюндина. Онъ ужь два дня у насъ въ Виссовѣ; мы съ нимъ старые знакомые, потому-что я часто ѣздилъ съ нимъ,—вотъ онъ все это мнѣ и сказалъ. Гляньте-ка, господинъ Готтгольдъ, гляньте, начинается!

Іохенъ съ совершенно несвойственною ему пылкостью показалъ на три судна, которыя вдругъ всѣ три разомъ повернули и направились прямо къ берегу, тогда какъ до сихъ поръ они плыли одно за другимъ, на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Но въ ту же самую минуту показалось изъ-за виссовскаго притона два судна, которыя должно-быть прятались тамъ,—и вскорѣ стало очевидно, что они намѣревались пробраться на сѣверъ между берегомъ и тремя ботами, въ то время какъ передній ботъ силился отрѣзать имъ дорогу. Но уже теперь было сомнительно, удастся ли ему исполнить свое намѣреніе, такъ какъ онъ былъ дальше отъ того пункта, гдѣ пересѣкались дороги, а контрабандныя суда плавали ничуть не хуже его и кромѣ того вѣтеръ дулъ имъ прямо въ корму. Дѣйствительно, не дальше какъ черезъ десять минутъ, показалось маленькое сѣрое облачко, поднявшееся съ преслѣдующаго судна; за нимъ потянулось множество другихъ такихъ же облачковъ, слѣдовавшихъ другъ за другомъ все въ болѣе короткіе промежутки времени, такъ что чиновники вѣдомства податныхъ сборовъ начали отчаяваться въ успѣхѣ своей гонки, и вскорѣ прекращеніе пальбы показало, что эта гонка не удалась. Контрабандныя суда виднѣлись еще на темномъ горизонтѣ въ видѣ чорныхъ точекъ; преслѣдующій ботъ перемѣнилъ курсъ и поворотилъ въ Виссовскій притонъ, куда, тѣмъ временемъ, давно уже прибыли два другія, «вѣроятно для того, чтобы имѣть возможность констатировать, вмѣстѣ съ прибѣжавшими на берегъ жителями, что они еще разъ нашли гнѣздо пустымъ», полагалъ Готтгольдъ.

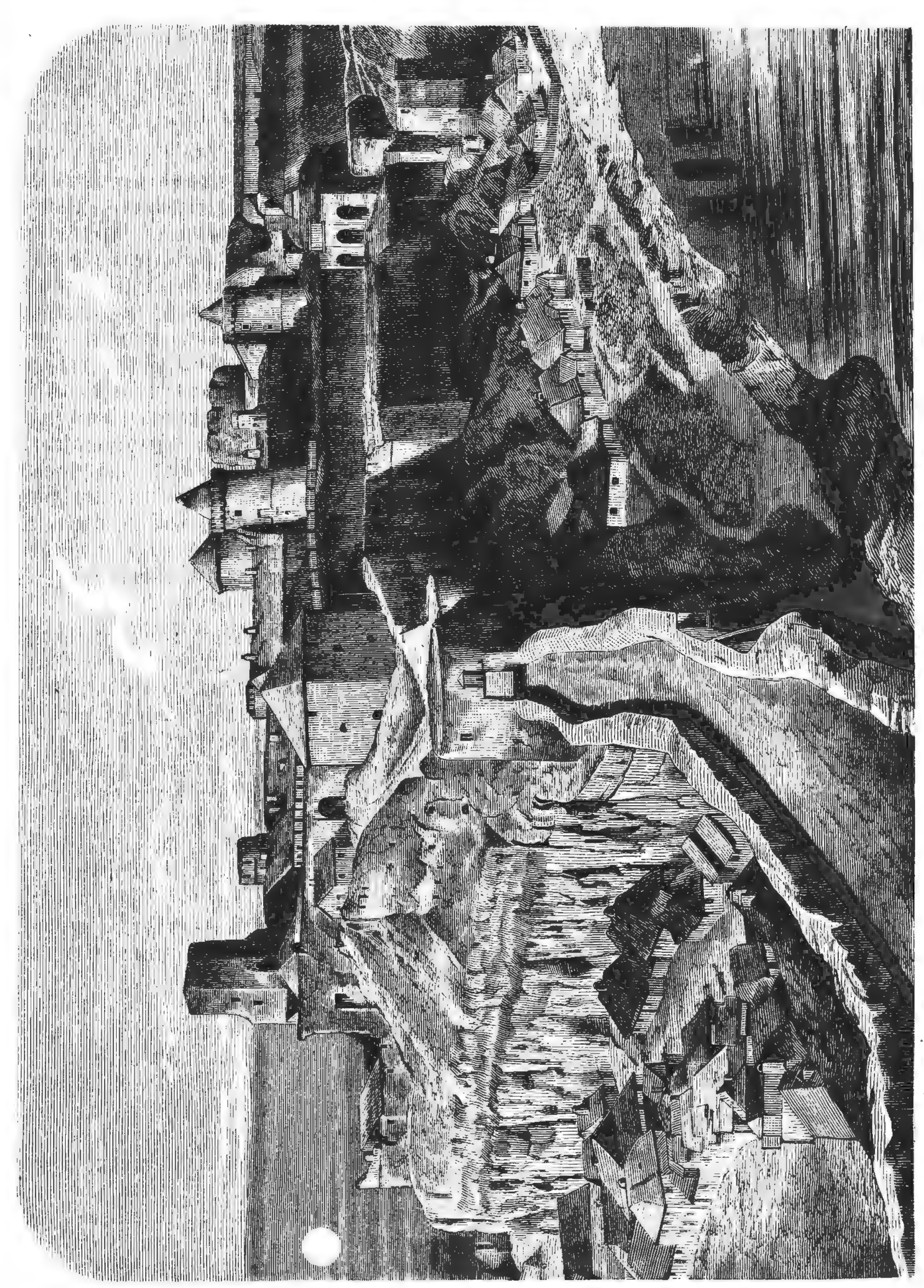
— Черти проклятые! сказалъ Іохенъ Пребровъ.

Стоя на верхушкѣ высокой дюны, они съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдили за этимъ увлекательнымъ зрѣлищемъ; каждая фаза его была также ясна имъ, дѣ-

тямъ взморья, какъ будто бы они находились на мѣстѣ дѣйствія. Конечно, имъ много помогалъ въ этомъ случаѣ телескопъ; онъ переходилъ отъ одного къ другому и въ эту минуту находился въ рукахъ Готтгольда. Готтгольдъ полагалъ, что если показанія Іохена справедливы, они должны увидать, по крайней мѣрѣ на отдаленныхъ дюнахъ, хена, спустился такъ, что ихъ головы скрылись за колыхавшеюся высокою осокою.

— Что такое?

— Генрихъ Шеель! я видѣлъ его какъ нельзя яснѣе, онъ стоялъ шагахъ въ тысячѣ отъ нась, тамъ наверху дюны, спиною сюда.



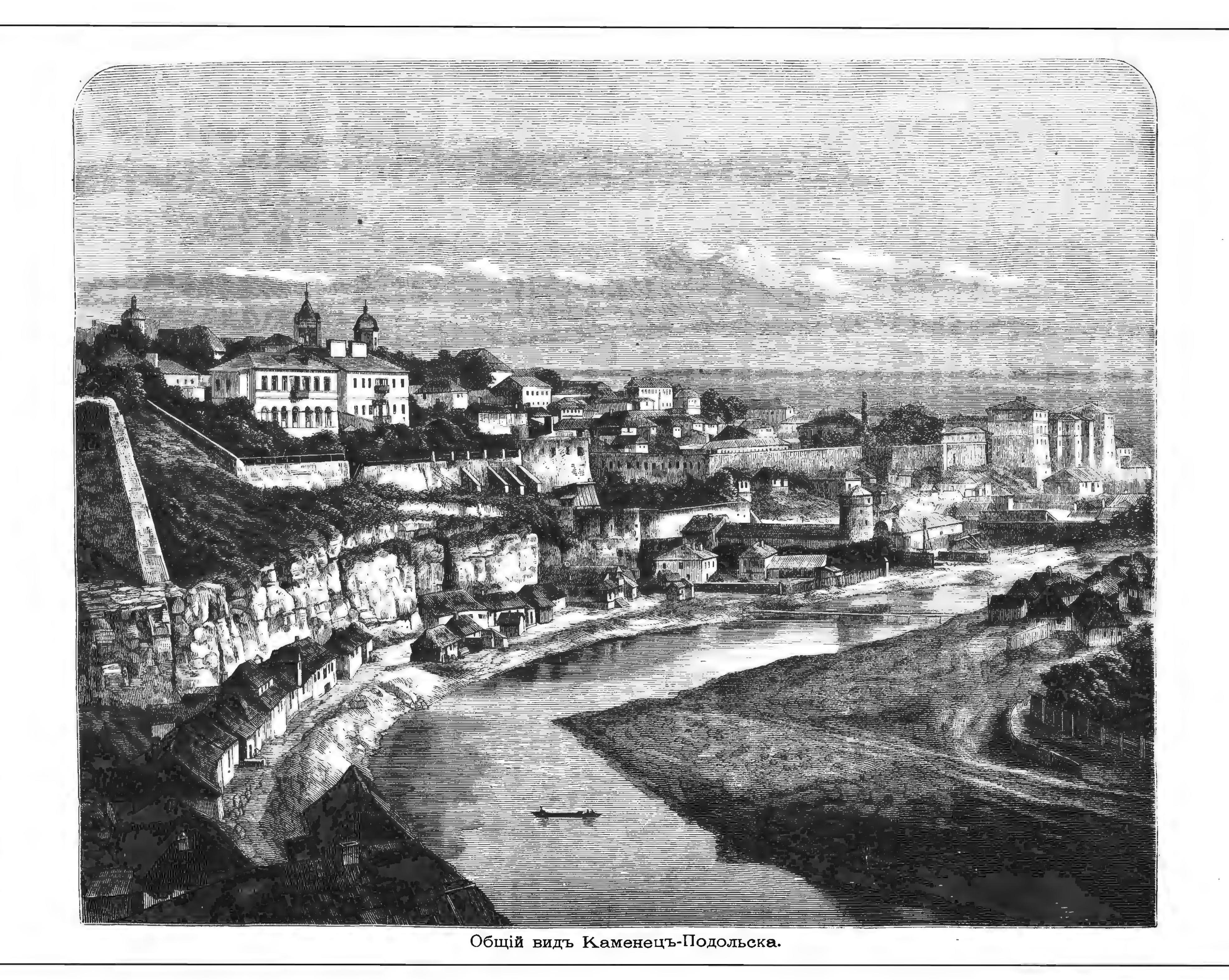
Замокъ и такъ-называемый Турецкій мостъ въ Каменцѣ.

фигуры чиновниковъ вѣдомства податныхъ сборовъ— и, медленно, подвигаясь съ холма на холмъ, онъ всматривался въ лежащую передъ нимъ мѣстность, уже потонувшую въ вечернемъ сумракѣ, какъ вдругъ у него вырвалось тихое восклицаніе. Въ ту же самую секунду опустилъ онъ телескопъ и, увлекая за собою съ вершины дюны Іо-

— Можетъ ли это быть?

— Не знаю; но это былъ онъ. Я узналъ бы его между тысячами; да вотъ онъ!

Только человѣкъ, котораго и глядѣвшій въ телескопъ Іохенъ принялъ за Генриха Шееля, находился уже на другой дюнѣ, лежавшей нѣсколько поодаль, вправо отъ



Общій видъ Каменецъ-Подольска.

первой, ближе къ нимъ, какъ показалось Готтгольду; перемѣнивъ стоячее положеніе на лежачее, онъ притаился за дюной, точь въ точь такъ же какъ и оба товарища, и смотрѣлъ по направленію къ дому Ранке, откуда онъ пришелъ. По крайней мѣрѣ Готтгольдъ не сомнѣвался въ этомъ. Въ одну минуту все дѣло стало для него ясно какъ день. Такъ или иначе, но Генрихъ не могъ бѣжать дальше; а такъ какъ, судя по описанію Іохена, домъ Ранке ничто иное какъ притонъ для воровъ, то бѣглецъ и пріютился тамъ. А теперь его оттуда выгнало неожиденное нападеніе со стороны чиновниковъ вѣдомства податныхъ сборовъ. Вотъ онъ и бросился отъ нихъ въ дюны—и всѣ шансы были за то, что ему удастся уйти, еслибъ даже его стали преслѣдовать, такъ какъ наступающая ночь и необыкновенно холмистая мѣстность чрезвычайно способствовали его намѣреніямъ.

Іохенъ вполнѣ раздѣлялъ мнѣніе Готтгольда; но что имъ было дѣлать? Выжидать, пока все еще неподвижно лежавшій на своемъ посту Генрихъ станетъ продолжать свое бѣгство все въ томъ же направленіи, или же попробовать подкрасться къ нему, тѣмъ болѣе что онъ считалъ себя совершенно безопаснымъ съ этой стороны? То и другое было одинаково невѣрно. Теперь уже очень быстро темнѣло, разстояніе между ними и Генрихомъ все таки было значительное, скоро онъ будетъ казаться въ глазахъ ихъ не больше какъ темнымъ пятнышкомъ на свѣтломъ пескѣ, а тамъ и совсѣмъ исчезнетъ; но съ другой стороны, стоило ему только оглянуться—и если они не вполнѣ прикрыты травою, онъ конечно въ ту же секунду скатится съ дюны, гдѣ онъ лежитъ,—и о томъ, чтобы нагнать его, нечего, само собою разумѣется, и думать.

Сердце у Готтгольда сильно билось, когда онъ обдумывалъ все это и шопотомъ переговаривался съ Іохеномъ. Вѣдь по всѣмъ вѣроятіямъ—его и ея судьба зависѣла отъ того, попадется ли этотъ человѣкъ въ ихъ руки.

Не дальше какъ за нѣсколько минутъ у него не было и тѣни надежды, чтобъ это могло статься; теперь ему, повидимому, готовъ помогать случай, казавшійся ему чуть не чудомъ. Тамъ онъ, этотъ человѣкъ; а тутъ онъ самъ съ своимъ вѣрнымъ Іохеномъ. Раздѣляющее ихъ разстояніе такъ незначительно, его можно пройдти въ нѣсколько минутъ,—и одинъ взглядъ, одно дуновеніе вѣтерка, чистѣйшій вздоръ могъ вырвать у него добычу, словно все это было ничто иное какъ греза, обманъ его взволнованныхъ чувствъ; стоило только ему протереть себѣ глаза, и темнаго пятна тамъ на пескѣ, которое онъ принялъ было за человѣка, какъ не бывало.

Онъ и въ самомъ дѣлѣ исчезъ. Приближались ли къ нему преслѣдователи съ той стороны, и онъ, увидавъ это, пустился бѣжать дальше, или, можетъ быть, онъ нашелъ, что опасность миновалась и можно вернуться назадъ,—но мѣсто, гдѣ онъ только-что лежалъ, было пусто. Ошибка была невозможна; не смотря на глубокіе сумерки, этотъ обрывъ дюны еще довольно ясно отдѣлялся отъ темнаго фона неба. Не появится ли онъ еще разъ, а если появится, то дальше или ближе?

Прошло нѣсколько секундъ, впродолженіи которыхъ оба товарища едва переводили духъ. Такъ и есть! вонъ онъ, но уже ближе—значительно ближе; онъ, повидимому, шелъ прямо къ нимъ, и теперь на этотъ счетъ не могло быть никакого сомнѣнія. Черезъ нѣсколько минутъ разстояніе уменьшилось наполовину; они уже едва осмѣливались подсматривать за нимъ сквозь высокую осоку, какъ ни необходимо было имъ слѣдить за движеніями этого человѣка, который могъ въ послѣднюю минуту перемѣнить направленіе. Тутъ онъ прокрался черезъ пониженіе между двумя холмами близь лежавшей цѣпи и прошелъ по глубокой замкнутой со всѣхъ сторонъ котловинѣ прямо къ той дюнѣ, за обрывомъ которой они лежали. Она была выше всѣхъ другихъ—и вѣроятно онъ намѣревался взглянуть съ нея еще разъ на всю окрестность, для удостовѣренія въ томъ что ему уже нечего опасаться ни съ какой стороны.

Они спустились фута на два, прячась какъ можно больше въ осокѣ. Черезъ нѣсколько минутъ они должны были встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Генрихомъ Шеелемъ; они явственно слышали, какъ онъ поднимался на довольно крутой откосъ и ругался на чемъ свѣтъ стоитъ, когда песокъ осыпался у него подъ ногами.

Они вскочили на ноги; въ одно мгновеніе они были уже подлѣ него. Быстрымъ, какъ молнія, движеніемъ Генрихъ выскользнулъ у Готтгольда изъ рукъ, но повернувшись направо, наткнулся прямо на Іохена. Слившись въ одну плотную массу, противники покатились внизъ прежде чѣмъ Готтгольдъ успѣлъ подбѣжать къ нимъ. Іохенъ крѣпко держалъ Шееля, но когда они въ послѣдней разъ перевернулись, Іохенъ очутился подъ Генрихомъ; помощію отчаяннаго усилія Генрихъ высвободился и, выхвативъ изъ кармана длинный складной ножъ, готовился нанести страшный ударъ, какъ вдругъ Готтгольдъ схватилъ его за поднятую руку и вырвалъ у него ножъ. Тѣмъ временемъ Іохенъ опять уже былъ наверху, а Генрихъ Шеель, въ свою очередь, лежалъ на пескѣ у подножія дюны, лицомъ внизъ. Іохенъ, придавивъ ему колѣнами плечи, намѣревался связать ему локти тонкою веревкою, которую онъ по кучерскому обыкновенію постоянно носилъ при себѣ.

— Если ты свяжешь меня, то ужь заразъ и раздави меня, проговорилъ задыхаясь Генрихъ Шеель: — я не встану.

— Пусти его! сказалъ Готтгольдъ.

— Но вотъ это-то по крайней мѣрѣ мы отберемъ отъ него, сказалъ Іохенъ, вытаскивая изъ кармана почти лежащаго на землѣ Генриха пистолетъ и передавая его Готтгольду. Генрихъ Шеель всталъ опять на ноги. Страшно было смотрѣть на его обезображенное злобой лицо и его косые глаза, пристально глядѣвшіе на его противника. Вдругъ онъ, весь вздрогнувъ, отпрянулъ назадъ.

— Это вы?... вы?... вскричалъ онъ. — Что вамъ отъ меня нужно?

XXXI.

Лицо и жестъ Генриха Шееля, прерывистые звуки его грубаго голоса—выражали дикій ужасъ.

— Что съ тобою? вскричалъ Готтгольдъ, крѣпко потрясши его за плечо, такъ какъ онъ все еще стоялъ словно остолбенѣлый.

Это сильное прикосновеніе страннымъ и страннымъ образомъ отозвалось на Генрихѣ Шеелѣ. Онъ протянулъ длинныя руки къ ночному небу, дико потрясая и съ содроганіемъ поднимая и опуская ихъ; затѣмъ бросился на колѣни, оперся лѣвою рукою о песокъ, и съ бѣшенствомъ размахнулся нѣсколько разъ правою, словно онъ хотѣлъ доконать какого-то врага, которому онъ наступилъ на горло; послѣ этого онъ опять всталъ и проговорилъ хриплымъ голосомъ.

— Что со мною? я желалъ бы, чтобъ онъ бы у меня въ рукахъ!

— Кто?

— Онъ солгалъ; онъ сказалъ, что вы умерли и они хотятъ поймать меня и что хорошо еще, если меня только

посадятъ въ смирительный домъ, и неужели же я намѣренъ погубить вмѣстѣ съ собою и его, вѣдь онъ всегда былъ такимъ добрымъ для меня господиномъ, и онъ дастъ мнѣ столько, что мнѣ хватитъ на всю жизнь там, за моремъ. А когда онъ пришелъ ночью къ могилѣ гунновъ, куда я спрятался, то далъ мнѣ всего на всего только пятьсотъ талеровъ; «остальное, говоритъ, я долженъ былъ дать рефендарію въ видѣ ручательства за то, что явлюсь на судъ, въ какое бы меня ни потребовали время». И все это была ложь? неправда ли, господинъ, все это была ложь?

— Все, сказалъ Готтгольдъ,—все, отъ слова до слова.

— Все, отъ слова до слова! повторилъ Генрихъ, словно онъ все еще не пришолъ въ себя. — Зачѣмъ ему было лгать? я бы и безъ того послушался, еслибъ это было нужно для него. Вѣдь я для него же все сдѣлалъ; вѣдь еслибъ мнѣ были дороги деньги—они были у меня въ рукахъ и я могъ бы дѣлать съ ними что угодно, а я отдалъ ихъ ему. Ни одного талера не утаилъ! весь пакетъ, какъ взялъ его у кассира изъ кармана, такъ и отдалъ.

— Ты сдѣлалъ это для него, сказалъ Готтгольдъ;—онъ самъ приказалъ тебѣ?

— Приказалъ? возразилъ Генрихъ, — такія вещи не приказываются! я сдѣлалъ это, потому... потому... я не знаю почему... Но онъ катался, сидя у меня на спинѣ, пока ему не подарили его пони, а потомъ вѣдь это я училъ его ѣздить верхомъ... Все-то у него отъ меня, все! и если гнѣдой выиграетъ и доставитъ ему добрый кушъ денегъ—кому будетъ онъ обязанъ этимъ, какъ не Генриху Шеелю?

Разговаривая такимъ образомъ, они шли черезъ дюны, Готтгольдъ и Генрихъ впереди, а Іохенъ вслѣдъ за ними, но такъ что, въ случаѣ нужды, ему стоило сдѣлать два скачка и онъ былъ бы подлѣ нихъ. Стало очень темно, такъ темно, что они съ трудомъ могли отличить дикихъ кроликовъ, шмыгавшихъ у нихъ подъ ногами въ дикомъ овсѣ, а большая несшаяся имъ навстрѣчу сова съ испугомъ бросилась въ сторону, когда, послѣ небольшой паузы, Генрихъ съ страшнымъ ругательствомъ продолжалъ:

— Я сдѣлалъ это, потому-что зналъ, какъ ему было круто. Пять тысячь онъ долженъ былъ заплатить господину Редебасу въ полдень, а еслибъ онъ не заплатилъ ихъ, его могли не пустить на скачки. Это я зналъ—вѣдь я тамъ бывалъ не разъ и знаю не хуже любаго господина—и я зналъ также, что это будетъ ему на руку, да еще какъ! хоть онъ и не говорилъ этого, да сколько мнѣ помнится — сперва даже и не помышлялъ о тѣхъ деньгахъ, что лежали въ карманѣ у господина кассира. Но я весь день думалъ объ этомъ и высмотрѣлъ себѣ мѣстечко, еще когда мы ѣхали въ Долланъ. Оно давнымъ уже давно висѣло надъ болотомъ и его порядочно-таки размыло дождемъ, вотъ я и сказалъ самому себѣ: если они поѣдутъ назадъ сегодня вечеромъ и сдѣлать такъ, чтобъ экипажъ поднялся вгору здѣсь, то этотъ выступъ не выдержитъ и все полетитъ къ чорту; опять же это такое несчастіе, которое, въ такую бурную ночь какъ нынѣшняя, можетъ случиться съ самымъ лучшимъ кучеромъ.

— Вотъ развѣ только, что вмѣстѣ съ другими могъ полетѣть и ты! сказалъ Готтгольдъ.

— Это какъ? еслибъ я не успѣлъ сойти во время съ козелъ? Э, господинъ! это такъ же легко сдѣлать, какъ и соскочить съ лошади, когда она понесетъ; стоитъ только замѣтить, что онъ сбирается упасть. Я спустился во время, а тамъ и пошло писать: все рухнуло, все покатилось внизъ, такой-то пошелъ кругомъ громъ и трескъ, а потомъ все стихло; сорвался еще, правда, обломокъ-другой и покатился туда же, да развѣ еще тамъ надъ болотомъ гудѣла и выла буря,—но вѣдь мнѣ-то это вовсе не въ диковинку. Все было тихо.

Я стоялъ на верху и спрашивалъ себя, какъ далеко эти господа могли скатиться. Если рухляковая масса не разсыпалась и достигши до болота, то при ея силѣ и тяжести она Богъ вѣсть какъ глубоко опустилась; но вѣдь шумъ-то какъ будто бы еще и теперь раздавался у меня въ ушахъ, должно быть рухлякъ разсыпался дорогою и въ такомъ случаѣ все могло лежать на обрывѣ. Надобно же мнѣ было наконецъ узнать, что изъ этого вышло; вотъ я поползъ внизъ.

Не легкое это было дѣло; въ темнотѣ я не могъ разглядѣть подходящихъ мѣстъ и чуть было не свалился самъ; наконецъ я спустился внизъ.

— Ну?

— Ну, тутъ я принялся бродить ощупью; мѣсяцъ чуточку выглянулъ—и я скоро нашелъ экипажъ или то, что осталось еще отъ экипажа; весь онъ какъ есть разлетѣлся въ дребезги. Тутъ же лежала и одна изъ лошадей, она сломала себѣ шею и была совершенно мертва. Какъ разъ подлѣ нея лежалъ господинъ асессоръ; онъ, однакоже, еще дышалъ, а когда я переворотилъ его на спину, онъ застоналъ и потомъ раза два вздрогнулъ. Умретъ-то онъ, подумалъ я, и безъ меня, но деньги-то я у него изъ кармана вынулъ и застегнулъ опять сюртукъ, такъ чтобъ было похоже на то, что онъ какъ упалъ, такъ и остался въ томъ же самомъ видѣ.

— А меня ты не искалъ?

— Искалъ, да ужь не нашелъ; онъ говорилъ мнѣ послѣ, что вы остались на половинѣ дороги. Притомъ мнѣ надоѣло толочься въ потемкахъ тамъ на болотѣ, да и въ тростникѣ шумѣло; а потомъ другая кляча, что вырвалась съ половиною дышла и побѣжала по болоту — она, глупая, принялась ржать... Жалость беретъ, когда этакъ какое нибудь животное, почуявъ, что ему приходитъ конецъ, ржетъ въ смертной тоскѣ! вотъ я и навострилъ лыжи и выбрался по добру по здорову на сушу.

— А тѣмъ временемъ туда подоспѣлъ и господинъ Брандовъ?

— Откуда вы это знаете? спросилъ съ удивленіемъ Генрихъ.

— Это мое собственное предположеніе.

— Нѣтъ, его еще тамъ не было, но онъ скоро пріѣхалъ—и я такъ и обмеръ, какъ увидалъ, что онъ на гнѣдомъ,—да и чего ему тутъ было нужно? Я и ему это говорилъ, и чтобъ онъ сейчасъ же изволилъ вернуться назадъ; но онъ стоялъ на своемъ: «всѣ, говоритъ, видѣли, что я уѣхалъ; что я скажу насчетъ того, гдѣ я былъ, когда все это выйдетъ наружу?» Я хотѣлъ было передать ему пакетъ, но онъ вышибъ его у меня изъ рукъ; такъ онъ и лежалъ между нами—и я сказалъ ему, что пусть же, когда такъ, онъ тутъ и остается. «По мнѣ пожалуй», отвѣчалъ онъ, «я хлопоталъ не изъ-за денегъ». Тутъ онъ спросилъ меня, что съ вами сталось. Я коротко отвѣчалъ ему, потому-что меня брало зло. Онъ прогонялъ было меня назадъ и... и... «дѣлайте это одни, баринъ,» сказалъ я, а я не хочу больше мѣшаться въ это дѣло. Онъ принялся улещать меня, но я отказался, чисто со злости. А потомъ онъ опять сталъ трусить: что-то онъ скажетъ насчетъ того, гдѣ онъ былъ все это время? пока наконецъ я сказалъ ему: «да вѣдь подъ вами гнѣдой, отчегоже бы и вамъ, баринъ, не проѣхать по болоту? стоитъ только вамъ сдѣлать это, и вы пріѣдете въ Нейенгофъ такъ же скоро, какъ еслибъ вы отправились изъ Доллана тот-

часъ же послѣ вашихъ послѣднихъ гостей, разумѣется по настоящей дорогѣ.» Это смекалъ и онъ, да духу-то у него не хватало,—хотя у него и довольно смѣлости для подобныхъ вещей, да къ тому же еще я самъ, съ недѣлю тому назадъ, проѣхалъ у него на глазахъ по болоту. Вотъ я и сказалъ ему: «въ такомъ случаѣ дѣлайте, что хотите; но мнѣ надобно идти и вызвать Пребровыхъ, иначе меня во всемъ обвинятъ.» Тутъ онъ наконецъ поѣхалъ; любо было и смотрѣть-то какъ онъ ѣхалъ—я могъ хорошо видѣть, потому-что мѣсяцъ совсѣмъ вышелъ, — вода такъ и брызгала изъ-подъ копытъ!—да, весело было и смотрѣть-то какъ онъ ѣхалъ!

Генрихъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ молча; вдругъ онъ остановился.

— А все-таки стыдно и грѣшно ему поступать такъ со мною! Пусть Богъ накажетъ меня, если я не отплачу ему! Онъ обѣщалъ мнѣ десять процентовъ со всего, что выиграетъ ему гнѣдой, и у него уже записано въ счетной книгѣ десять тысячь; легко можетъ статься что онъ выиграетъ еще столько же. А онъ знаетъ, что я готовъ отдать руку, чтобы только посмотрѣть, какъ будетъ отличаться на скачкахъ гнѣдой и какъ они будутъ показывать на меня и говорить: «это Генрихъ Шеель выдрессировалъ его, онъ смыслитъ въ этомъ больше чѣмъ всѣ англичапе.» Господи, Господи! и мнѣ простить ему, что онъ держитъ меня тутъ, въ этой лачугѣ у Ранковъ вотъ уже восемь дней? а когда я пріѣхалъ въ Горицъ ночью, чтобы сѣсть на яхту, которая отправлялась въ Мекленбургъ, и долженъ былъ, по уговору, встрѣтиться съ нимъ въ горицкой еловой рощицѣ,—онъ и не заглянулъ туда. Зачѣмъ? вѣдь съ деньгами ли, безъ денегъ ли, а все же я, думалъ онъ, долженъ былъ уѣхать на другой день; но я ему отплачу, клянусь Богомъ, отплачу!

(Продолженіе будетъ).

Каменецъ-Подольскъ.

Что за хорошенькій городокъ Каменецъ-Подольскъ! Построенный на высокомъ и утесистомъ полуостровѣ, образуемомъ теченіемъ рѣки Смотрича, онъ, съ которой стороны на него ни взглянешь—заглядѣнье! Къ городу примыкаютъ мызы: Русская, Польская и Бѣлановка, предмѣстья: Мукши, Карвассары и Зеньковцы, деревня Подзамче и Юридика Францисканская и Кармелитская. Прямо противъ города, на утесѣ, находится старинная крѣпость, соединенная съ городомъ древнимъ мостомъ черезъ рѣку Смотричъ, видъ которой мы при семъ прилагаемъ.

Русскія лѣтописи впервые упоминаютъ о Каменцѣ въ концѣ XII вѣка. По свидѣтельству ихъ, въ XII вѣкѣ Каменецъ входилъ въ составъ княжества Галицкаго и въ 1199 былъ безуспѣшно осаждаемъ Котяномъ, княземъ половецкимъ, въ союзѣ съ князьями черниговскимъ, туровскимъ и венгерскимъ царевичемъ Адріяномъ. Въ 1239 г. Каменецъ былъ взять приступомъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, княземъ владимірскимъ. Въ 1240 г. городъ превращенъ въ груды развалинъ ордою Батыя — и съ этого времени исчезъ изъ исторіи на цѣлое столѣтіе. Около 1381 г. Гедиминъ, князь литовскій, подчинивъ Литвѣ подольскій край, отдалъ его во владѣніе внукамъ своимъ, князьямъ Коріантовичамъ, которые построили, т. е. вѣроятно возобновили опустѣлый Каменецъ. Затѣмъ Каменецъ переходилъ отъ Литвы къ Польшѣ и наоборотъ, пока наконецъ въ 1443 г. рѣшительно вошелъ въ составъ Польши. Во второй половинѣ XV вѣка и вначалѣ XVI Каменецъ и окрестности его часто подвергались набѣгамъ крымскихъ татаръ и турокъ. Въ 1509 г. Каменецъ выдержалъ осаду молдаванъ. Между тѣмъ важность каменецкой крѣпости болѣе и болѣе обращала на себя вниманіе не только польскаго правительства, но и другихъ державъ. Въ 1516 г. папа Левъ, назначая въ Польшѣ юбилей, опредѣлилъ часть собранныхъ тогда денегъ на сооруженіе стѣнъ въ Каменцѣ. Въ XVII вѣкѣ Каменецъ терпѣлъ осады козаковъ и турокъ. Такъ, гетманъ Хмельницкій осаждалъ его въ 1648 и въ 1652 г., а въ 1672 г. гетманъ Дорошенко, соединившись съ султаномъ турецкимъ Магометомъ IV и крымскими татарами, овладѣлъ Каменцомъ, который до 1699 г. оставался въ рукахъ турокъ, содержавшихъ здѣсь свой гарнизонъ. Еще доселѣ уцѣлѣли памятники ихъ пребыванія: значительно умноженныя укрѣпленія крѣпости, каменный мостъ отъ крѣпости въ городъ, амвонъ въ доминиканскомъ монастырѣ и минаретъ при костелѣ каѳедральномъ. На послѣднемъ, по выходѣ турокъ, поставлена вверху на золотомъ полукружіи стоящая Богоматерь. Въ 1699 г. Каменецъ снова присоединенъ къ Польшѣ. Въ 1795 году Подолія возвращена Россіи и Каменецъ сдѣлался главнымъ городомъ подольскаго намѣстничества, а въ 1796 г. при образованіи Подольской губерніи губернскимъ городомъ.

Православная вѣра съ древнѣйшаго времени была господствующею въ Каменцѣ; даже при литовскихъ князьяхъ и по соединеніи Литвы съ Польшею, она долго преобладала надъ всѣми другими вѣроисповѣданіями. Со введеніемъ въ 1595 г. Уніи вліяніе ея уменьшилось, но жители средняго и низшаго классовъ остались неизмѣнными ревнителями прародительской вѣры. Изъ плана города Каменца, современнаго владѣнію турокъ, видно, что, кромѣ уцѣлѣвшихъ доселѣ православныхъ церквей: Іоанно—Предтеченской, Троицкой, Петропавловской и Георгіевской, въ 1672 г. существовало еще 6 другихъ православныхъ церквой. Между тѣмъ какъ православіе давно уже утвердилось въ Каменцѣ, польское правительство основало здѣсь и свое епископство, начало котораго относятъ къ 1375 г. Католическое духовенство успѣвало обращать на себя вниманіе даже литовскихъ князей, правившихъ Подольемъ, хотя многіе изъ нихъ исповѣдывали православную вѣру. Такъ въ 1445 г. князь Свидригайло пожаловалъ Каменецкому монастырю деревню Зубровку. Кромѣ доминиканскаго, другимъ древнѣйшимъ монастыремъ можно считать каѳедральный, въ которомъ былъ Магометъ IV и при которомъ послѣ устроенъ минаретъ. При вступленіи турокъ, кромѣ означенныхъ двухъ монастырей, было еще 5 костеловъ.

Городъ Каменецъ, не смотря на угрожавшія ему многократно и впослѣдствіи постигшія его несчастія, нѣкогда славился дѣятельностію и торговой промышленностью. Даже послѣ турецкаго ига торговля въ немъ процвѣтала. Особенно въ этомъ отличались армяне; въ концѣ XVIII вѣка умноженіе еврейскаго племени взяло перевѣсъ. Армяне упали такъ, что нынѣшнее поколѣніе ихъ едва примѣтно въ городѣ.

Каменецкая крѣпость при польскомъ правительствѣ считалась неприступной и носила знаменательное названіе: *antimurale Christianitas* (т. е. предстѣніе христіанства). Гранинъ, лѣтопись котораго издана на польскомъ языкѣ вначалѣ XVII вѣка, говоритъ, что крѣпость эта,

Хорватки съ Военной Границы. Рис. Валеріо, грав. Бертранъ.

кромѣ защищавшихъ ее стѣнъ и башень, имѣла огромные запасы оружія. Вмѣстѣ съ этимъ не только крѣпость, но и весь городъ былъ окруженъ высокими стѣнами, такъ-что за ними едва были видны крыши зданій. По показанію другаго историка, Бѣльскаго, въ 1621 г., подходилъ къ Каменцу турецкій султанъ Османъ, но найдя его, сверхъ ожиданія, сильно укрѣпленнымъ, немедленно отступилъ. Каменецкая крѣпость во время владычества Польши служила мѣстомъ заключенія на всю жизнь важнѣйшихъ преступниковъ. Блаженной памяти Императоръ Александръ I повелѣлъ упразднить ее: современные успѣхи военнаго искусства уже уменьшили тогда славу въ неприступности.

Теперь перейдемъ къ настоящему состоянію Каменца. Въ 1863 г. въ этомъ городѣ считалось 20,699 душъ обоего пола, въ предмѣстьяхъ города 2,890. Въ томъ числѣ: католиковъ 4,987, армянъ 69, протестантовъ 56 и евреевъ 9,965. Православныхъ церквей было 17, изъ нихъ соборная Іоанно-Предтеченская основана, по преданію, князьями Коріантовичами, до 1798 г. принадлежала базильянскому кляштору, а въ этомъ году обращена въ православный соборъ; православный мужской Троицкій монастырь 1-го класса. Католическихъ костеловъ считалось 5 и, кромѣ того, Николаевская армяно-католическая церковь, основанная въ 1398 г.; послѣдняя была сперва греко-армянскою, а въ 1666 г. соединилась съ католическою церковью; въ ней сохраняется служебникъ съ надписью 1394 г., а также замѣчательная икона Божіей Матери, существовавшая еще во время раззоренія Каменца татарами. Кармелитскій и Доминиканскій женскій монастыри. Еврейская синагога и 24 молитвенныхъ школъ. Городъ имѣетъ театръ, губернскую гимназію, приходское училище, православную и римско-католическую семинарію, 2 еврейскихъ училища и нѣсколько заводовъ: салотопенныхъ, мыловарныхъ, водочныхъ и кирпичныхъ, произведенія которыхъ сбываются исключительно на мѣстѣ. По росписи 1862 г. доходъ города исчисленъ въ 29,814 рублей. Торговля Каменца не имѣетъ значительнаго развитія; ею преимущественно занимаются евреи; близость австрійской и молдавской границъ благопріятствуетъ контрабандѣ. Нѣкоторые изъ купцовъ ведутъ торговлю зерновымъ хлѣбомъ. Небольшіе базары три раза въ недѣлю; назначенныя здѣсь 3 ярмарки никогда не собираются.

Климатъ Каменца, такъ же какъ и всей вообще Подольской губерніи, умѣренный и пріятный. Въ окрестностяхъ города не мало развалинъ древнихъ замковъ, памятниковъ, кургановъ или земляныхъ насыпей, чѣмъ отличаются также и многіе другіе города Подольской губерніи,

---

Западные Славяне.

I. Хорваты съ Военной Границы.

Между многими славянскими землями, входящими въ составъ Австро-венгерской монархіи, такъ-называемая Военная Граница (съ Турціею) особенно выдается оригинальнымъ характеромъ какъ мѣстности, такъ и населенія. На узкой и извилистой полосѣ земли, извѣстной подъ этимъ названіемъ, которая тянется по теченію рѣкъ Дуная и Савы, составляющихъ пограничную черту расположенъ рядъ городковъ и мѣстечекъ: Орсова, Панчова. Землинъ, Бродъ, Градиска, Загребъ и пр.; на турецкомъ берегу имъ соотвѣтствуютъ болѣе или менѣе значительныя крѣпостцы, игравшія въ прежнее время роль оборонительныхъ форпостовъ Оттоманской порты. Отъ Загреба до Градиски преобладаютъ хорваты, отъ Брода до Землина словаки. Западный горизонтъ Брода замыкается со стороны Босніи лѣсистыми взгорьями, подъ которыми вьется Сава; австрійскій берегъ плоскій. По обоимъ берегамъ чередуются помѣщенія австрійской и турецкой пограничной стражи. По причинѣ частыхъ разливовъ Савы, домики той и другой стороны строятся на сваяхъ, только австрійскіе на грубыхъ кирпичныхъ фундаментахъ и всѣ на одинъ образецъ, чисто-выбѣленные и приглядные,—тогда какъ турецкіе едва держатся на деревянныхъ столбахъ, слабо вбитыхъ въ землю, у порога ихъ обыкновенно сидятъ аги въ бѣлыхъ или зеленыхъ чалмахъ, покуривая трубку изъ длинныхъ чубуковъ и безпечно глядя на теченіе Савы.

Тотъ же контрастъ, хотя и въ другой формѣ, поражаетъ путешественника и далѣе отъ Брода къ Западу. Часто берега рѣки расширяются и Сава течетъ, какъ озеро среди парка, между лѣсами столѣтнихъ дубовъ. На Европейскомъ берегу деревья красивыя, высокія, густозеленѣющія; на Турецкомъ—они на половину посохли, съ оголенными вершинами, и ростутъ рѣдко. Еще далѣе къ западу лежитъ Градиска—укрѣпленное мѣстечко, которому на турецкомъ берегу соотвѣтствуетъ земляная крѣпостца Бербиръ. Твердыня укрѣпленій и поле за валомъ разбиваетъ на части мѣстечко, препятствуя такимъ образомъ его процвѣтанію и торговлѣ; впрочемъ, часахъ въ трехъ ѣзды отъ него вглубь страны находится Новая Градиска, маленькое но цвѣтущее мѣстечко, сообщающееся къ крѣпостью. Тутъ уже чувствуешь себя въ Хорватіи. Надбрежные дома строятся прочно; у оконъ и входа лѣпится галерейка съ навѣсомъ отъ снѣга и дождя. Крыши далеко выдаются, какъ въ швейцарскихъ домикахъ.

Отсюда до самаго Сисека, гдѣ Сава перестаетъ служить границею, берега плоски и поросли вербами. Рѣка раздѣляетъ Сисекъ на двѣ части: *старый* городъ на лѣвомъ берегу и *новый*—на правомъ. Здѣсь идетъ желѣзная дорога къ Загребу и далѣе на Тріестъ. Въ Сисекѣ средоточіе торговли окрестныхъ земель, наиважнѣйшій предметъ которой составляетъ дерево, идущее изъ Босніи, Славоніи и Хорватіи. Сисекъ—древняя римская Сиссія, тутъ выкапывается множество древнихъ надписей, свѣтильниковъ, гробницъ, и прочихъ памятниковъ, которые украшаютъ основанный академіею въ Загребѣ музей.

Между Сисекомъ и Загребомъ лежитъ мѣстечко Торополія, окруженное плантаціями проса и кукурузы. Здѣшніе мѣщане, въ награду за мужество которымъ они нѣкогда отличались въ борьбѣ съ турками, пользовались большими привилегіями. Они всѣ поголовно были возведены въ дворянское достоинство; каждый волошанинъ являлся въ общинныя собранія съ саблей, опоясанной но сермягѣ, и временно бросая привычку ходить босикомъ, надѣвалъ высокіе венгерскіе сапоги, затыкалъ пару пистолетовъ за поясъ и такимъ образомъ смѣло входилъ въ засѣданіе, не обращая никакого вниманія на насмѣшки.

Мѣстоположеніе Загреба очаровательно. Приближаясь къ нему, еще издали видишь бѣлокаменныя группы домовъ, высокія крыши которыхъ рисуются на темномъ фонѣ зеленыхъ лѣсовъ, покрывающихъ высокую и обширную гору, замыкающую городъ. На нѣсколькихъ пригоркахъ, отрасляхъ той горы, расположились осѣдлости первыхъ поселенцевъ Загреба; нынѣ у подножія ихъ проходитъ желѣзная дорога и разрослось цвѣтущее предмѣстье, средоточіе мѣстной горговли.

Вотъ общій очеркъ страны, извѣстной подъ названіемъ Военной Границы. Что касается населенія, то нигдѣ не представляется такого удобства изученія его, какъ въ Загребѣ. По воскреснымъ днямъ на большой площади, съ конной статуей Елачича, толпится народъ, окрестные хорваты обоего пола, собирающіеся сюда для продажи своихъ произведеній и закупокъ всего потребнаго по хозяйству. Въ одеждѣ ихъ преобладаютъ цвѣта бѣлый и яркокрасный. Нарядъ мужчинъ очень простъ. Всѣ

они въ бѣлыхъ рубахахъ и такомъ же исподнемъ платьѣ. Многіе носятъ еще поверхъ короткія безрукавки, расшитыя въ узоръ разноцвѣтнымъ сукномъ. Нѣкоторые надѣваютъ еще родъ капота изъ темнаго или чернаго сукна со множествомъ красныхъ шнурочковъ и кистей.

Главную часть женской одежды составляетъ длинная бѣлая сорочка, на которую надѣвается бѣлый же фартукъ съ красной или голубой каймой, а сверхъ еще коротенькій красный передничекъ. На грудь ниспадаетъ тяжелое ожерелье изъ настоящихъ коралловъ. Въ головномъ уборѣ царствуетъ большое разнообразіе. Нѣкоторыя просто повязываютъ голову платкомъ; иныя носятъ родъ бѣлой салфетки, обшитой красной или голубой каймой, которая укладывается на головѣ, какъ у крестьянъ Кампаніи и Абруццовъ. Большая часть женщинъ—замѣчательныя красавицы.

Стекло и его производство.

Къ числу открытій, имѣвшихъ самыя богатыя послѣдствія, безспорно принадлежитъ изобрѣтеніе стекла; полезнѣйшій и красивый матеріалъ этотъ конечно равнялся бы своей цѣнностью золоту, еслибы только его нельзя было добывать большими массами чѣмъ золото. Но потому-то, что оно такъ дешево въ продажѣ, мы едва и сознаемъ его его драгоцѣнныя качества. А стоитъ только капельку подумать, что бы съ нами было, еслибы мы не владѣли стекломъ, и мы тотчасъ же вполнѣ оцѣнимъ громаднѣйшія его услуги. На что была бы, напримѣръ, похожа наша уютная домашняя жизнь безъ стеклянныхъ оконъ въ домахъ? Возможно ли бы намъ было достигнуть безъ нихъ теперешней степени цивилизаціи? Чѣмъ же стекло всего удобнѣе достигаетъ цѣли—защищать жилыя помѣщенія, не лишая ихъ свѣта? Отнюдь не единственнымъ бросающимся въ глаза качествомъ—прозрачностью, но также и другимъ столь-же существеннымъ. Если бы можно было металлическія доски дѣлать такими же прозрачными какъ стекло, не измѣняя ихъ остальныхъ качествъ, то все же онѣ мало бы годились для оконъ, потому-что, по крайней мѣрѣ въ тихую погоду, было бы рѣшительно все равно: есть онѣ или нѣтъ; въ томъ и другомъ случаѣ искусственная теплота, доставляемая жилищамъ топкой, исчезала бы одинаково скоро. Прежде всего, стекло вполнѣ удобно для оконныхъ рамъ, вслѣдствіе того, что оно весьма дурной проводникъ тепла; стекло удерживаетъ тепло, металлъ не удерживаетъ. А какъ бы мы обходились въ нашей домашней и промышленной жизни безъ стеклянной посуды и стеклянныхъ аппаратовъ, могли ли бы такія науки какъ физика, химія, астрономія, оптика, достигнуть сколько нибудь значительнаго развитія безъ этого незамѣнимаго матеріала, и какъ низко, въ сравненіи съ теперешнимъ, стало бы наше міросозерцаніе, — понятно всякому.

При глубокой древности стекляннаго производства, не мудрено, что затерялся слѣдъ его историческаго развитія. Сказка Плинія объ изобрѣтеніи стекла финикіянами—не выдерживаетъ критики, — ибо всякому извѣстно какъ должна быть сильна степень жара на стеклянномъ заводѣ. *Плиній* расказываетъ намъ: корабль съ натромъ загнало бурей къ берегу вблизи рѣки Белоса; моряки, чтобы состряпать себѣ кушанье,—такъ какъ на берегу былъ одинъ песокъ, а камней не было,—положили на песокъ нѣсколько кусковъ натра чтобы поставить на нихъ свои котлы; каково же было изъ удивленіе, когда они увидѣли на пескѣ прозрачное стекло! Дѣйствительно, песокъ этой маленькой рѣчки, вытекающей у подошвы горы Кармеля, долгое время славился своими особенными качествами для производства стекла; кромѣ того что тутъ же на берегу возникло много стеклянныхъ заводовъ, и изъ другихъ мѣстъ былъ большой спросъ на этотъ песокъ, и его вывозили въ далекія страны. Но, какъ мы уже говорили, разсказъ этотъ нельзя принимать буквально; жаръ, который могъ развиться при этихъ данныхъ, далеко не достаточенъ для произведенія стекла. Что открытіе это было дѣломъ случайности—весьма вѣроятно, равно какъ съ большой вѣроятностью можно признать и мѣстность его происхожденія на восточныхъ берегахъ Средиземнаго моря, такъ какъ жившіе тамъ народы, египтяне, финикіяне и другіе, съ древнихъ временъ занимались различными отраслями промышленности,—особенно, гончарнымъ ремесломъ и металлургіей, что, при необходимой для этихъ производствъ высокой степени жара, почти неизбѣжно должно было привести къ изобрѣтенію стекла. При этомъ и необходимыя составныя части, песокъ и натръ, были у нихъ подъ рукой, такъ какъ послѣдній встрѣчается въ большомъ количествѣ въ тѣхъ мѣстностяхъ, какъ натуральный продуктъ. Были ли финикіяне, какъ полагаютъ, долгое время единственными производителями стекла или, какъ дѣятельный торговый народъ, только завладѣли торговлей этимъ товаромъ,—нельзя сказать положительно, такъ какъ египтяне также съ древнихъ временъ были знакомы съ издѣліемъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ стеколъ, съ шлифованіемъ и золоченіемъ ихъ, что доказываютъ стеклянныя украшенія, найденныя въ ихъ гробницахъ.

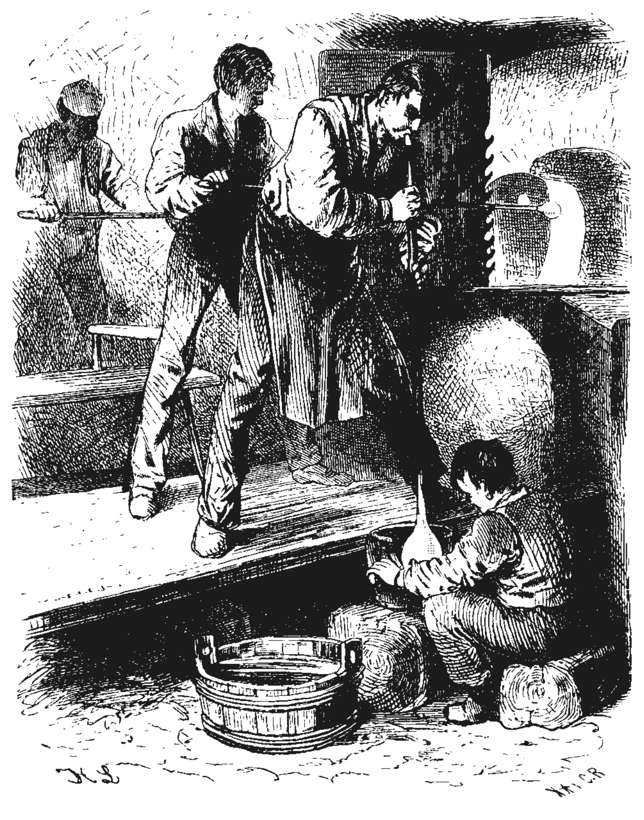
Въ Ветхомъ завѣтѣ часто упоминается о стеклѣ; такъ же Аристотель, почти за 400 лѣтъ до Р. Х., писалъ о стеклѣ и старался объяснить причину его прозрачности. Впослѣдствіи въ Египтѣ фабрикація стекла развилась въ большихъ размѣрахъ; александрійскіе стеклянные заводы получили громкую извѣстность и наполнили всю Италію своими произведеніями.

Римляне владѣли стеклянными вещами еще за 200 лѣтъ до Р. Х.; однако первый стеклянный заводъ въ Римѣ былъ основанъ только при Неронѣ, и то на немъ дѣлались одни плохіе стаканы. Въ то время, стаканы хорошей работы были такъ дороги, что Неронъ заплатилъ за пару прекрасныхъ стеклянныхъ чашокъ тысячу рублей на теперешнія деньги. Но уже въ 210 г. по Р. Х. въ Римѣ развелось столько стеклянныхъ заводчиковъ, что нашли нужнымъ отдѣлить имъ особую часть города. Что у Римлянъ были стеклянныя окна, доказываютъ оконныя рамы, найденныя въ развалинахъ Помпеи. Въ серединѣ пятаго столѣтія въ константинопольскомъ софійскомъ соборѣ были стеклянныя окна. Въ средніе вѣка, венеціанцы первые принялись за фабрикацію стекла, и скоро пріобрѣли громкую славу. Французы, въ свою очередь, также ревностно ухватились за эту вѣтвь промышленности и старались затмить венеціанцевъ, главнымъ образомъ фабрикаціей зеркалъ. Изъ Венеціи искусство стеклянной фабрикаціи перешло въ Богемію. До тѣхъ поръ преимущественно дѣлали натровое стекло, частію изъ находящагося въ природномъ состояніи углекислаго натра, частію изъ содержащей натръ золы отъ сжиганія береговыхъ растеній; но въ Богеміи были принуждены добывать золу изъ лѣсныхъ деревьевъ, полагая что это одно и то же; не знали что растительность внутренней, удаленной отъ моря зем-

ли, содержитъ вмѣстѣ натра калій, потому-что только въ 1757 г. научились отличать оба эти вещества. Между тѣмъ, такимъ образомъ безсознательно открыли еще лучшую составную часть стекла. Благодаря этому и большей чистотѣ находящихся въ Богеміи минеральныхъ веществъ, богемское стекло стало считаться лучшимъ, и скоро вошло въ большую славу, которую оно сохранило и до настоящаго времени.

Но при быстро-развивавшемся стеклянномъ производствѣ, сталъ чувствоваться недостатокъ въ лѣсѣ, цѣна на кали все болѣе и болѣе подымалась. Это послужило поводомъ, прежде всего во Франціи, снова вернуться къ натру, который между тѣмъ научились извлекать изъ поваренной соли. Въ то время какъ во Франціи недостатокъ лѣса заставилъ прибѣгнуть къ натру, въ Англіи придумали дѣлать свинцовое стекло. Тамъ волей-неволей должны были, при производствѣ стекла, вмѣсто дерева употреблять каменный уголь; но при этомъ способѣ получалось стекло, окрашенное сажей. Изыскивая средства для избѣжанія этого неудобства, совершенно неожиданно напали на драгоцѣнныя свойства окиси свинца. Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ остатковъ древности, мы можемъ убѣдиться, что Римляне фабриковали свинцовое стекло еще до Р. Х. Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда какое либо открытіе совершенно терялось, и черезъ много столѣтій снова надо было его дѣлать.

Но обратимся теперь къ самому стеклу, къ сущности его, къ способу приготовленія изъ него различныхъ предметовъ.



I. Выдуваніе стекла.

Стекломъ называются вообще соединенія, въ которыхъ кремнеземъ соединенъ съ нѣсколькими окисями металловъ щелочей и щелочныхъ земель. Всѣ шлаки, остающіеся при плавленіи металловъ, ничто иное какъ нечистыя стекла. Чистѣйшія формы кремнезема—это горный хрусталь, агатъ, кварцъ и продуктъ его растиранія, чистый кварцевый песокъ, кремень и пр. Самъ же кремнеземъ есть соединеніе двухъ простыхъ тѣлъ, кислорода и кремнія, извѣстнаго намъ только въ видѣ темно-бураго порошка. Такія-то кислородныя соединенія служатъ большею частію *основаніями*, т. е. они могутъ съ кислотами образовать соли; но бываютъ случаи, и сюда именно принадлежитъ кремній, гдѣ наоборотъ, кислородное соединеніе переходитъ въ противуположный рядъ, т. е. становится въ число кислотъ, и съ своей стороны образуетъ, въ соединеніи съ основаніями, соли. Слѣдовательно кремнеземъ, песокъ, какъ ни странно это слышать, есть кислота,—не имѣющая, конечно, вкуса, такъ какъ она нерастворима на языкѣ; когда же эта кислота соединяется съ окисями (натръ, окись свинца, известь, глиноземъ, и т. п.), то образуется кремнекислая соль, большею частію имѣющая свойства стекла. Итакъ, стекло, собственно говоря, слѣдовало бы назвать солью,—хотя и въ немъ, такъ какъ оно большею частію нерастворимо, нельзя этого распознать на вкусъ. Вѣдь мѣлъ и мраморъ точно также — совершенно правильныя соли, углекислая известь, какъ ни мало они похожи на то, что въ обыденной физикѣ называется солью.

Простыя кремнекислыя соединенія не могутъ быть употребляемы на приготовленіе стекла; тѣ въ которыя входятъ щелочи кали или натръ—потребовали бы слишкомъ большой пропорціи кремнезема для того, чтобы сдѣлать ихъ нерастворимыми въ водѣ,—но въ этомъ случаѣ масса плавится только при самомъ сильномъ жарѣ кузнечнаго горна. Кремнекислыя соли щелочныхъ земель нерастворимы въ водѣ, но требуютъ слишкомъ высокой температуры для плавленія и кромѣ того имѣютъ стремленіе кристаллизоваться.

Если, напротивъ, соединить кремнекислыя щелочныя земли съ кремнекислыми щелочами, тогда получаются вещества, точка плавленія которыхъ ниже самаго легкоплавкаго кремнекислаго соединенія, и которыя, кромѣ того, не кристаллизуются. Слѣдовательно, соединяя кремнекислыя щелочи съ кремнекислыми щелочными землями, можно получить вещества, довольно легкоплавкія, которыя можно обработывать выдуваніемъ, и содержащія довольно кремнезема, чтобы противустоять дѣйствію не только воды, но и вліянію кислотъ.

Стекла могутъ быть раздѣлены на восемь рѣзко-отличающихся родовъ: зеленое стекло, бѣлое стекло, зеркальное стекло, хрусталь, кронгласъ и флинтгасъ, стразъ, эмаль и цвѣтное стекло. Къ которому же роду принадлежитъ наше оконное стекло? Къ бѣлому стеклу, подумаютъ многіе. Нѣтъ, наше привѣтливое оконное стекло стоитъ наровнѣ съ бутылочнымъ стекломъ, т. е. на самой низкой ступенькѣ, и не смотря на его чистоту—принадлежитъ къ зеленому стеклу. Каждый изъ названныхъ родовъ—совершенно особеннаго состава стеклянной массы, смотря по тому какаго свойства должно быть приготовляемое стекло. Только цвѣтныя стекла обыкновенно бываютъ одинаковаго состава съ простымъ стекломъ; окрашиваніе ихъ достигается извѣстной примѣсью къ стеклянной массѣ, для окраски въ пурпурокрасный цвѣтъ — закиси мѣди, желтый — хлористаго серебра, аметистовый—окиси марганца, голубой—окиси кобальта и т. д.

Приготовленіе стекла всякаго сорта производится такъ:

матеріалъ, хорошо перемѣшанный, сперва прокаливается въ печи; послѣ этого прокаливанія, называемаго *подготовкой* и служащаго для произведенія соединенія, вещество помѣщаютъ въ тигель, находящійся въ серединѣ печи и раскаляемый понемногу до ярко-краснаго каленія. Послѣ этого, масса расплавляется, разжижается и вслѣдствіе выдѣленія газовъ и другихъ постороннихъ веществъ, находящихся въ смѣси, пузырится и пѣнится. Тогда эту пѣну снимаютъ желѣзной ложкой, и послѣ того какъ поверхность стекла станетъ чистою, охлаждаютъ печь для того, чтобы сгустить массу, пока она не приметъ плотности тѣста. Въ такомъ состояніи изъ нея уже можно выдѣлывать требуемые предметы.

При выдѣлкѣ стекла употребляются два способа, выдуваніе и отливка въ формы. Работникъ, къ которому всегда приставленъ еще помощникъ, опускаетъ конецъ длинной, открытой съ обоихъ концовъ, желѣзной трубки съ деревяннымъ мундштукомъ въ растопленную массу, часть которой остается на трубкѣ; тогда онъ скатываетъ ее на поду въ шаръ, и немножко выдуваетъ, чтобы видѣть довольно ли захватилось массы. Если окажется, что массы мало, для того предмета который требуется выдуть, напр. для бутылки,—то работникъ еще разъ опускаетъ трубку въ стекло, и образуетъ выдуваніемъ пустой шаръ, которому, вращая его надъ головой, придаетъ форму груши; потомъ онъ снова вноситъ массу въ печь. Когда масса достаточно размягчится, работникъ беретъ ее, дуетъ, потомъ кладетъ въ коническую бронзовую форму. Когда бутылка сформировалась, работникъ вынимаетъ ее изъ формы и помощію желѣзнаго прямоугольника, вершину котораго онъ упираетъ въ центръ основанія бутылки, при постоянномъ вращеніи этой послѣдней, образуетъ дно бутылки. Когда бутылка такимъ образомъ приготовлена, работникъ поворачиваетъ ее, прикрѣпляетъ конецъ своей трубки къ ея дну, набираетъ изъ тигля стеклянной массы, растягиваетъ ее въ нить и обматываетъ этою послѣднею конецъ открытаго горла бутылки, для того чтобы образовать утолщеніе, какое мы обыкновенно видимъ на горлышкѣ.

При болѣе тонкихъ работахъ, формовщикъ сидитъ на особенно устроенномъ стулѣ съ далеко выступающими впередъ ручками; а пока помощникъ выдуваетъ вещь, формовщикъ постоянно вертитъ ее на длинныхъ ручкахъ стула. Ручка и другія выступающія части придѣлываются особо, какъ было описано про бутылочное горлышко; тягучая, тѣснообразная масса соединяется весьма легко и плотно. Все тутъ зависитъ отъ вѣрнаго глазомѣра и искусства работника, благодаря чему выдѣлка требуетъ меньше двухъ минутъ.

Пойдемте теперь въ какой нибудь изъ первоклассныхъ стеклянныхъ складовъ; это точно какой-то волшебный чертогъ изъ тысячи и одной ночи. Тутъ, какъ маленькія озера сіяютъ зеркала. Въ старину, прабабушки наши смотрѣлись только въ металлическія зеркала, пока венеціанская зеркальная фабрика на островѣ Мурано, первая зеркальная фабрика въ мірѣ, не положила конецъ этому недостатку. Потомъ, несмотря на запрещеніе вывозить изъ Венеціи кварцевый песокъ, въ Франціи стали выливать зеркала на бронзовыхъ доскахъ, и уже Людовикъ XIV могъ видѣть себя въ зеркалѣ во весь ростъ. Первое по величинѣ зеркало, сдѣланное во Франціи, принадлежитъ графу Шереметеву. Цѣна этого трюмо, вставленнаго въ янтарную раму, равняется стоимости цѣлаго помѣстья.

Послѣ зеркалъ больше всего бросаются въ глаза блестящія люстры, роскошныя, чистыя какъ хрусталь, или блестящія разноцвѣтными красками вазы, бокалы, кубки и т. п. Особенно славится этими произведеніями Чехія;

2. Формовка посуды.

3. Охлажденіе стеклянныхъ издѣлій.

ея стеклянные и хрустальные предметы роскоши распространены по всему свѣту. Но въ Чехіи дошли до совершенства не въ однихъ предметахъ роскоши; это доказываютъ стоящія тутъ же стеклянныя трубочки и реторты, рядомъ съ лампами и стеклянными колоколами. Всѣ эти вещи сдѣланы изъ самаго тугоплавкаго богемскаго стекла съ основаніемъ кали. Такъ какъ онѣ могутъ выдерживать сильнѣйшій жаръ, то и пользуются большимъ уваженіемъ химиковъ.

Но остановимся въ этой блестящей залѣ и полюбуемся на сафиры, рубины, аметисты въ брошкахъ, серьгахъ ожерельяхъ, и т. п. Производство этихъ камней во Франціи достигло высокой степени совершенства. Поддѣльные камни сдѣланы иногда такъ искусно, что только по твердости ихъ можно отличить отъ настоящихъ. Драгоцѣнные камни этого стекляннаго царства состоятъ изъ страза, окрашеннаго различными металлическими окислами.

Но какимъ образомъ дѣлаются на стеклѣ, первоначально чистомъ какъ вода, тѣ прекрасные матовые рисунки и картины, которые мы на нихъ видимъ? Они сообщаются стеклу посредствомъ одной весьма опасной и въ высшей степени ѣдкой кислоты, капля которой, если попадетъ на кожу, производитъ страшнѣйшую боль. Это фтористо-водородная кислота; она употребляется для вытравленія рисунковъ и надписей на стеклѣ. Для этой цѣли, стекло покрываютъ гравировальнымъ лакомъ и потомъ по лаку гравируютъ рисунокъ; такимъ образомъ награвированныя мѣста остаются открытыми, тогда разрисованную сторону стекла подвергаютъ дѣйствію фтористо-водородной кислоты. Она въ короткое время втравляетъ рисунокъ въ стекло, что по снятіи лака ясно обозначается терпентиновымъ масломъ.

Вотъ еще передъ нами разноцвѣтныя нити бусъ, безчисленные образцы разнообразнѣйшихъ пуговицъ, и различныхъ хорошенькихъ вещицъ, поражающихъ яркостью красокъ и изяществомъ отдѣлки. Многія изъ этихъ вещей, бусы напр., очень дешевы, а между тѣмъ *каждая* бусинка берется изъ печи отдѣльно. Нечего и говорить о томъ, что работникъ долженъ надѣлать тысячи такихъ бусинокъ, чтобы заработать себѣ дневное пропитаніе.

Итакъ, стекло соединяетъ въ себѣ важнѣйшія и разнообразнѣйшія качества, удовлетворяя и главнѣйшимъ потребностямъ жизни и требованіямъ вкуса и роскоши. Поднося къ нашимъ губамъ душистое вино въ великолѣпнымъ бокалѣ, мы и не думаемъ о сложномъ процессѣ его производства и о тѣхъ, кто стоитъ долгіе рабочіе часы передъ жаромъ фабричной печи.

Судебная хроника.

Мировой судъ въ югозападныхъ и сѣверозападныхъ губерніяхъ.— Мѣстные адвокаты и данныя имъ прозвища. — Отношенія къ новому суду виленскихъ евреевъ. — Дѣло и покушеніи на убійство матери. — Два случая дѣтоубійства въ Полтавской губерніи. — Дѣло о барышничествѣ театральными билетами. — Патріахальность Касимовскаго мироваго судьи и его пріятеля.

Введеніе мироваго суда въ нашихъ сѣверозападныхъ и югозападныхъ губерніяхъ не было ни для кого неожиданностью. Объ этомъ было извѣстно еще въ то время, когда въ правительственныхъ сферахъ подготовлялся проектъ судебной реформы въ этомъ краѣ; но дѣло ограничивалось одними только слухами. Большинство населенія, недовольное существовавшими порядками, относилось къ этимъ слухамъ благосклонно и возлагало на новый судъ самыя свѣтлыя надежды; съ другой стороны, разныя личности, живущія на счетъ невѣжественныхъ простодушныхъ людей и не упускающія случая половить рыбу въ мутной водѣ, — взирали на подготовлявшуюся реформу враждебно, вмѣстѣ съ тѣмъ стараясь утѣшать себя надеждою, что при ловкомъ веденіи дѣла для нихъ найдется пожива и при новомъ судѣ; наконецъ, были и такіе, которые встрѣтили новый судъ совершенно равнодушно, — точно это такое явленіе, на которомъ и останавливаться не стоило. Дѣйствительность оправдала ожиданія тѣхъ и другихъ. Несмотря на существенное отличіе мироваго суда въ югозападномъ и сѣверозападномъ краяхъ отъ того, который дѣйствуетъ въ остальныхъ частяхъ имперіи, новый судъ простотою, несложностью и скоростью своего механизма произвелъ на всѣхъ весьма пріятное впечатлѣніе. Въ этомъ отношеніи новый судъ имѣетъ несомнѣнныя преимущества передъ старымъ,—и людямъ, привыкшимъ къ прежнему порядку судопроизводства, нельзя было ихъ не замѣтить. Несмотря, однако, на всю свою несложность, мировое судопроизводство, какъ все новое, требовало изученія, требовало знанія новыхъ законовъ, касающихся дѣятельности мировыхъ судебныхъ установленій. Но такъ-какъ подобное знаніе далеко не всѣмъ доступно, а для многихъ составляетъ даже рѣшительный камень преткновенія, то понадобились особые ходатаи по дѣламъ или такъ-называемые адвокаты. Провинціальный, да отчасти и столичный адвокатъ—это типъ, порожденный современностью; онъ ждетъ, чтобы талантливое перо изобразило его въ литературномъ произведеніи. Теперь вся наша провинція ударилась въ адвокатуру: веденіемъ дѣлъ въ мировыхъ судебныхъ установленіяхъ занимаются тамъ не только отставные чиновники и офицеры, болѣе или менѣе искусившіеся въ знаніи законовъ, но и такія личности, которыя никогда съ ними не имѣли дѣла,— помѣщики, купцы, отставные солдаты, писаря и проч. Для характеристики такихъ адвокатовъ достаточно сказать, что одни изъ нихъ берутся вести дѣло и отвѣтчика и истца, не разбирая кто изъ нихъ правъ и кто виноватъ,—другіе, взявъ на себя роль защитника подсудимаго, вмѣсто оправданія, подводятъ его подъ обвиненіе; третьи берутъ деньги отъ своего кліента, пропадаютъ съ ними, а чтобы ихъ не накрыли—переѣзжаютъ изъ одного города въ другой, продолжая адвокатствовать и тамъ; четвертые, защищая дѣло, несутъ такую околесицу, что судья или предсѣдатель миров. съѣзда находится вынужденнымъ лишить ихъ слова, и т. д. *). Въ разныхъ мѣстахъ имъ даны различныя прозвища: въ одномъ мѣстѣ напр. ихъ называютъ *аблакатами*, въ другомъ *дровокатами*, на Кавказѣ—*шаурниками* (отъ слова шауръ—пятакъ), а въ Кіевѣ ихъ прозвали *брехунцами* (вралями). Каждое изъ прозвищъ имѣетъ, такимъ образомъ, свой оттѣнокъ и показываетъ ту или другую черту дѣятельности подобнаго рода „адвокатовъ“.

Въ югозападныхъ и сѣверозападныхъ губеріяхъ нашихъ, при ихъ смѣшанномъ и крайне разнородномъ населеніи, отношенія жителей къ новому суду представляютъ особенной интересъ. Евреи, напримѣръ, по словамъ «Виленскаго Вѣстника», отнеслись къ мировому институту далеко не одинаково: евреи - фанатики посмотрѣли на него съ недовѣріемъ, но болѣе образован-

*) За подробною характеристикою этого класса людей мы отсылаемъ читателсй къ извѣстной книгѣ г. Никитина «Общественныя и законодательныя погрѣшности».

ные евреи не только не отказываются прибѣгать къ мировому суду, а еще предпочитаютъ его своему духовному суду, который дѣйствуетъ по предписаніямъ талмуда и отчасти обычнаго права. Надо замѣтить, что въ прежнее время, т. е. до введенія въ тѣхъ краяхъ мироваго суда, евреи обращались къ общему государственному суду только въ немногихъ опредѣленныхъ случаяхъ, предпочитая въ остальныхъ случаяхъ судиться своимъ собственнымъ судомъ. Прежде евреи охотно обращались къ *бетъ-дину* (такъ-называется ихъ судъ), потому-что судопроизводство въ немъ стоитъ очень дешево, дѣло разбирается съ безъусловною справедливостью и рѣшеніе слѣдуетъ весьма быстро. Увѣренность въ справедливости рѣшенія бетъ-дина была такъ велика, что къ нему обращались иногда даже христiане, имѣвшіе дѣло съ евреями. Въ подобныхъ случаяхъ, бетъ-динъ, польщенный довѣріемъ, оказывалъ даже нѣкоторое пристрастіе къ христіанамъ. Но при всѣхъ своихъ достоинствахъ, бетъ-динъ имѣетъ и много недостатковъ,—между прочимъ тотъ, что, въ силу религіознаго убѣжденія евреевъ, заставляющаго ихъ строго подчиняться своему суду, рѣшеніе суда приводится у нихъ въ исполненіе самими тяжущимся. Вслѣдствіе этого, въ исполненіи рѣшенія происходили неизбѣжныя проволочки, споры, для предъупрежденія которыхъ установлены были извѣстные залоги, которые должна вносить тяжущаяся сторона въ обезпеченіе скораго и точнаго исполненія резолюціи бетъ-дина. Со введеніемъ мироваго суда, бетъ-динъ почти оставленъ: къ нему обращаются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда есть рискъ подвергнуться со стороны мироваго суда тюремному заключенію. Не только представители еврейской интеллигенціи, но и самые вліятельные и благочестивые евреи, извѣстные своею начитанностью и познаніями въ талмудѣ, промѣняли, какъ увѣряетъ названная газета, свой ветхозавѣтный бетъ-динъ на новый мировой судъ. „Мы знаемъ положительно, говоритъ «Виленскій Вѣстникъ», что евреи обращались къ мировымъ судьямъ даже по своимъ брачнымъ дѣламъ, и когда одинъ изъ мировыхъ судей, по неподсудности такихъ дѣлъ мировому суду, не принималъ ихъ къ своему разбирательству и совѣтовалъ обратиться къ еврейскому духовному суду, то просители отвѣчали, что теперь они считаютъ своими раввинами мировыхъ судей, какъ имѣющихъ власть рѣшать дѣла, и что ихъ собственные раввины ничего не значатъ".

20 ноября, въ варшавскомъ уголовномъ судѣ судился нѣкто Константинъ Павловскій (по ремеслу кузнецъ) за намѣреніе совершить убійство своей матери. Въ началѣ марта мѣсяца настоящаго года, вечеромъ, около 7 часовъ, за городомъ вблизи повонзковской заставы, нѣкоторыми изъ гуляющихъ по городскому валу услышаны были страшные крики какой-то женщины. По прибытіи на мѣсто происшествія, найдена была почти безъ чувствъ женщина, оказавшаяся впослѣдствіи матерью Константина Павловскаго, съ нѣсколькими ранами на шеѣ и рукѣ. Спрошенная сначала въ полиціи, а потомъ на слѣдствіи, женщина эта показала, что родной сынъ ея, К. Павловскій, уговорилъ ее въ этотъ день отправиться въ костелъ на Повонзскахъ; на возвратномъ пути оттуда они заходили во многіе кабаки и харчевни, гдѣ пили и закусывали вмѣстѣ. Затѣмъ, проходя ближайшей дорогой мимо повонзковскаго кладбища, сѣли отдохнуть,—и тутъ-то Павловскій, вынувъ кухонный ножъ, сталъ наносить имъ удары матери по шеѣ. Шерстяная косынка, повязанная на шеѣ, крики, привлекшіе двухъ свидѣтелей, спасли ее отъ неминуемой смерти. Константинъ Павловскій на судѣ показалъ, что мать его хотѣла зарѣзаться сама, а онъ желалъ только помѣшать исполненію ея намѣренія,—а она, видя неудачу, начала кричать. При этомъ подсудимый упомянулъ о распутной жизни своей матери, вслѣдствіе чего она была покинута ея вторымъ мужемъ, Латошинскимъ, и что она хотѣла зарѣзаться съ тою цѣлью, чтобы отомстить сыну за постоянные упреки, такъ-какъ подозрѣніе въ убійствѣ матери пало бы ни на кого другаго, какъ только на него. Судъ нашелъ Павловскаго виновнымъ въ намѣреніи совершить убійство матери и приговорилъ, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, къ ссылкѣ въ каторжныя работы въ рудникахъ на 12 лѣтъ, съ поселеніемъ въ Сибири навсегда. Когда преступника отводили обратно въ тюрьму, онъ былъ блѣденъ, но спокоенъ. На другое утро его нашли повѣсившимся въ камерѣ на собственной рубашкѣ. Приговора суда показалось недостаточно для его совѣсти, и онъ рѣшился покончить съ жизнію.

Въ уголовномъ отдѣленіи полтавскаго окружнаго суда 24 и 25 октября, по словамъ «Кіевлянина», разсматривались два интересныя дѣла по дѣтоубійству. Въ первомъ мать убила незаконно-рожденное дитя посредствомъ фосфора, которымъ она намазала соски своихъ грудей. Дитя, поэтому, вмѣстѣ съ молокомъ матери всосало и смерть. Во второмъ мать тотчасъ послѣ родовъ убиваетъ, ударяя о деревянный столбъ, только что рожденнаго ею ребенка. По первому дѣлу судъ опредѣлилъ виновную, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ Сибирь въ каторжныя работы. По второму же, виновная была оправдана: присяжные нашли, что она совершила преступленіе въ припадкѣ умопомѣшательства.

У одного изъ мировыхъ судей города Москвы разбиралось, какъ сообщаютъ «Русск. Вѣд.», нѣсколько дѣлъ по обвиненію полиціею лицъ въ барышничествѣ театральными билетами, причемъ произошелъ слѣдующій разговоръ. *Судья* (къ обвиняемымъ). Мѣщане (такіе-то) вы обвиняетесь въ барышничествѣ театральными билетами; признаете себя виновными, или нѣтъ? *Обвиняемые* (въ одинъ голосъ). Да, признаемъ; но законъ въ этомъ насъ не преслѣдуетъ. *Судья.* Барышничество это преслѣдуется административнымъ порядкомъ, полиціею. *Обвиняемые.* Да, помилуйте, г. судья, всѣ банки торгуютъ изъ барыша даже государственными бумагами, и ихъ за это не преслѣдуютъ. А мы что такое?—убытки одни терпимъ! мало-ли у насъ остается непроданныхъ билетовъ, а мы вѣдь рвемъ ихъ! *Судья.* Такъ вы всѣ признаете себя виновными? *Одинъ изъ обвиняемыхъ.* Я, г. судья, въ этотъ разъ не попался, а торговалъ. Судья постановилъ: оштрафовать каждаго изъ нихъ по 1 руб., и всѣ подсудимые приговоромъ остались довольны.

Извѣстно, что нѣкоторые изъ провинціальныхъ мировыхъ судей смотрятъ на свое дѣло крайне патріархально. Вотъ образчикъ подобнаго отношенія, приводимый «Пет. Листкомъ»: Дѣло происходитъ въ Касимовскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Камера мироваго судьи находится при его квартирѣ, изъ которой дверь ведетъ во внутренніе покои. Небольшая и не совсѣмъ удобная камера была въ это утро биткомъ набита. Около 12 часовъ изъ квартиры судьи, черезъ немного растворенную дверь, послышался голосъ его супруги: «Иванъ Васильевичъ, а Иванъ Васильевичъ! иди пить кофе».—Сейчасъ, отвѣчалъ судья, продолжая склонять противниковъ къ миру. Черезъ нѣсколько минутъ тотъ же голосъ, но уже болѣе настойчиво произнесъ: «Да иди же, говорятъ тебѣ, кофе простынетъ, брось—успѣешь еще». Убѣжденный такимъ сильнымъ аргументомъ, мировой снимаетъ съ себя цѣпь и объявляетъ засѣданіе на время прерваннымъ. Касимовцы, знакомые съ патріархальнымъ нравомъ своего судьи, не возмутились подобной сценой и спокойно ожидали возвращенія жреца Ѳемиды; но не такъ посмотрѣлъ на это дѣло его другъ, находившійся въ числѣ публики: онъ

быстро вышелъ изъ-за перегородки, сѣлъ на судейское мѣсто, украсилъ себя цѣпью и открылъ засѣданіе. Мировой, услыхавъ, что судъ продолжается, не смотря на отсутствіе его персоны, появился на порогѣ со стаканомъ кофе, и увидя своего пріятеля, расхохотался и сказалъ:—«Перестань дурачиться, иди лучше пить кофе.—«Я васъ попрошу не мѣшать мнѣ», отвѣчалъ новый судья.—«Да полно же, говорю тебѣ, иди къ намъ.— «Я васъ оштрафую», возражаетъ пріятель.—«Экій сумасшедшій, перестань!»—«Я васъ велю вывести; впрочемъ, если мнѣ дадутъ сюда водку и закуску приличную,— я согласенъ». Мировой сдѣлалъ надлежащее распоряженіе насчетъ водки съ закускою, и съ сознаніемъ собственнаго достоинства занялъ свое мѣсто. Товарищъ помѣстился тутъ же, благодушествуя за выпивкой.

Смѣсь.

Что значитъ имя Берлинъ? На счетъ имени Берлина много толковали и спорили—и все-таки ничего не рѣшили. Пытались выдавать слово «Берлинъ» за нѣмецкое и даже за греческое и кельтическое. Но всѣ эти производства никуда не годятся, и названіе Берлина, построеннаго на прежде бывшей славянской (вендской) почвѣ,—славянское. Докторъ *Киллишъ* недавно доказалъ это какъ нельзя основательнѣе въ своей брошюрѣ: «*Berlin, der Name der deutschen Kaiserstadt*» (Берлинъ, имя германскаго имперскаго города). Прежде всего мы узнаемъ изъ этой брошюры, что имя «Берлинъ» принадлежитъ не одному только имперскому городу, но и многимъ другимъ мѣстамъ. Въ Галле двѣ площади называются большимъ и малымъ Берлиномъ, точно также какъ и два озера подъ Виттштокомъ; въ Голштиніи есть селеніе Берлинъ, въ Лауенбургѣ площадь Берлинъ, точно такъ же, какъ и въ Мекленбургѣ, въ Галиціи въ окрестностяхъ Бродъ есть селеніе Перлинъ и т. д. и т. д. Все это лежитъ въ прежде бывшихъ, а частію и теперь еще принадлежащихъ славянамъ земляхъ. Поэтому-то трудно не согласиться съ докторомъ Киллишемъ, что Берлинъ—слово славянское. При этомъ надобно замѣтить, что въ самыхъ древнѣйшихъ грамотахъ, уже въ XIV столѣтіи «Берлиномъ» называлось мѣстечко на берегахъ Шпре. Оно лежало на лѣвомъ берегу Шпре, насупротивъ мѣстечка Кельнъ. И это названіе, безспорно славянское, тоже самое, что и имя Кельна подъ Мейсеномъ, Колина въ Богеміи, которое производятъ отъ слова «*Kol*» или «*Kul*», т. е. свая, слѣдовательно мѣстечко, построенное на сваяхъ. Объ этомъ и теперь еще напоминаютъ нѣсколько Берлинскихъ улицъ и площадей, лежащихъ на берегу Шпре, на мѣстѣ прежде бывшаго Кельна. Но что же собственно значитъ слово Берлинъ? Такъ какъ названіе Перлинъ встрѣчается во многихъ мѣстахъ, то можно полагать, что такъ называлась первоначально и столица Пруссіи— и названіе Перлинъ превратилось въ Берлинъ только въ ушахъ нѣмцевъ, говорящихъ саксонскимъ нарѣчіемъ. Такимъ образомъ оказывается, что это сложное слово, составленное изъ «*Per*» и «*lin*». «*Per*»—это сокращенное «*перо*», а «*lin*»—сокращенное «*линять*». Поэтому-то Перлинъ значитъ собственно *мѣсто линянія птицъ*. Тутъ паслись гуси и утки, принадлежавшіе жителямъ Кельна. Выходитъ слѣдовательно, что столица Пруссіи называется именемъ гусинаго пастбища древнихъ вендовъ, первоначальныхъ жителей Кельна.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

При семъ нумерѣ прилагаются: **Моды** за **декабрь** 1872 г. съ 12 рисунками, а также для городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе Центральной Конторы подписки на журналы Германа Гоппе, въ С.-Петербургѣ.

Дозволено цензурою 8 Декабря 1872 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе.** Вознес. пр., д. № 53.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 51 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 18 декабря 1872 года. **Годъ III.**

Желающіе могутъ еще подписаться на 1872 годъ; годовая цѣна 5 рублей съ пересылкой. Каждый новый подписчикъ получитъ всѣ уже вышедшіе №№ съ 1 до 51.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Продолженіе).

— Это обойдется тебѣ по крайней мѣрѣ такъ же дорого, какъ и ему, возразилъ Готтгольдъ. — или ужь не воображаешь ли ты, что судъ оправдаетъ тебя потому, что ты все это дѣлалъ для твоего господина?

— Судъ! Неужели же вы отдадите меня подъ судъ? воскликнулъ Генрихъ.

— А еслибъ я такъ и сдѣлалъ, можешь ли ты упрекать меня за это?

Генрихъ остановился, но бѣжать не было никакой возможности. Тяжелая рука Іохена Преброва лежала на его плечѣ, а другой онъ еще передъ этимъ взвелъ курокъ пистолета; длинный стволъ этого оружія такъ и блестѣлъ, освѣщенный огнемъ перваго маяка, отъ котораго они были ужь очень недалеко. Если онъ доведетъ дѣло до крайности, то стоитъ только крикнуть, чтобы тотчасъ же вызвать сторожей.

— Я въ вашей власти, сударь, сказалъ онъ, —да и не совсѣмъ-то въ вашей. Ни вы, ни другой не можете заставить меня повторить на судѣ то, что я сейчасъ разсказалъ вамъ. Вѣдь я могъ наплести вамъ небылицы!

— Увертки мало помогутъ тебѣ, Генрихъ; у насъ есть доказательства, что деньги были не потеряны, а ограблены и очутились въ рукахъ вашего господина.

Онъ разсказалъ вкратцѣ содержаніе вольнофовскаго письма, присовокупивъ, что онъ только передъ этимъ узналъ отъ старика Бослафа, какъ при поискахъ на болотѣ— къ величайшему изумленію людей — они видѣли на нѣсколько сотень шаговъ слѣды лошади, несшейся во весь

опоръ; отпирательства Генриха отъ этого и другихъ уже доказанныхъ фактовъ никого не собьетъ съ толку.

Генрихъ внимательно слушалъ.

— Мнѣ все сдается, сударь, что вы оставите судъ въ сторонѣ, сказалъ онъ, — это скверная исторія, и чѣмъ меньше будутъ объ ней говорить, тѣмъ лучше для... всѣхъ, кого она касается; но ужь если на то пошло, сударь, такъ наше-то горемычное житье и всегда было не много чѣмъ лучше собачьяго, а послѣдніе дни пришлись мнѣ и того хуже, — мнѣ посидѣть годъ-другой въ смирительномъ домѣ, или потерпѣть что иное въ родѣ этого, куда ни шло, лишь бы и онъ попался туда же.

За темнотой Готтгольдъ не могъ видѣть жестокой усмѣшки, которая при послѣднихъ словахъ искривила широкій ротъ говорившаго.

— Я могу избавить тебя отъ смирительнаго дома, если ты дашь мнѣ слово не дѣлать никакихъ попытокъ къ бѣгству и безпрекословно слушаться всѣхъ моихъ приказаній. Я не внушу тебѣ ничего несправедливаго.

— Знаю, сударь, сказалъ Генрихъ, — вотъ вамъ моя рука!

Это была желѣзная рука; но по нервному ея пожатію Готтгольдъ чувствовалъ, что человѣкъ этотъ сдержитъ обѣщанное.

— Такъ пойдемъ-же, сказалъ онъ, — а ты, Іохенъ, проведи насъ къ твоему дому такой дорогой, гдѣ бы насъ по возможности никто не могъ видѣть.

XXXII.

— Бѣдный другъ мой! недоставало, чтобы еще это горе постигло насъ; это, право, ужасно! Но не слѣдуетъ унывать: Гретхенъ выздоровѣетъ и все пойдетъ хорошо.

Такъ говорила Оттилія Вольнофъ, стоя въ передней своего зюндинскаго дома съ Готтгольдомъ, съ которымъ она вышла изъ комнаты, гдѣ Цецилія и старикъ Бослафъ стерегли лихорадочный сонъ Гретхенъ.

— Все! повторила Оттилія, замѣтивъ, что глубокая печаль не сходитъ съ выразительнаго лица Готтгольда.

— Вѣдь вы сами не вѣрите этому, возразилъ онъ, сжимая руки Оттиліи; — если ребенокъ умретъ, то я боюсь, что Цецилія никогда не проститъ себѣ этого, хотя вся тяжесть вины лежитъ на томъ негодяѣ; во всякомъ случаѣ, прибавится еще одно изъ тѣхъ грустныхъ и мучительныхъ воспоминаній, которыя, по собственному же ея признанію вамъ, навсегда отдалятъ ее отъ меня.

Изъ боковой комнаты вышелъ господинъ Вольнофъ, готовый идти. Оттилія проводила друзей до двери. — Какъ жаль, что я не могу идти съ вами! сказала она.

— А это было бы не дурно, сказалъ Вольнофъ, когда друзья шли въ сумеркахъ по улицамъ, необыкновенно оживленнымъ въ этотъ день; — женщины обладаютъ тѣмъ, что въ подобныхъ положеніяхъ облегчаетъ самое трудное: неограниченной страстностью, которую мы мущины, нашими умствованіями благополучно отгоняемъ отъ себя, не пріобрѣтая взамѣнъ того величаваго спокойствія, съ какимъ удивительный старикъ встрѣтился сегодня утромъ съ Брандовымъ. Я не хотѣлъ говорить объ этомъ при женщинахъ. Брандовъ, съ быстротою соображенія, которой отъ него не отниметъ никакой врагъ, сразу заключилъ, что, рѣшась на бѣгство, Цецилія, рано ли, поздно ли, обратится сюда, если только не начнетъ съ этого. Поэтому-то онъ тотчасъ же и вернулся назадъ и сломя голову помчался сюда; онъ долженъ былъ встрѣтиться вамъ еще до Проры. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно былъ па сторожѣ передъ моимъ и передъ вашимъ домомъ; удивляюсь упорству, съ какимъ онъ держался разъ принятаго предположенія, и тому безстыдству, съ которымъ онъ всѣмъ разсказывалъ, что жена его уѣхала въ гости на нѣсколько дней, а комедія разыгранная съ людьми кузеномъ Бослафомъ—поиски по болоту, по лѣсу—мошенническая штука, и онъ заставитъ злаго старика, ужь давнишняго своего врага, отвѣтить за это. Конечно, въ душѣ у него былъ адъ отъ страха и тревоги, потому-что его враги—а ихъ у него не мало, начиная съ господина Редебеса и фонъ Плюггеновъ,—были по видимому расположены усерднѣйшимъ образомъ распространять всѣ ходившіе слухи, и даже еще худшіе; въ комитетѣ для скачекъ едва было не рѣшили потребовать отъ Брандова оффиціальнаго объясненія, когда вчера вечеромъ онъ разсказывалъ въ клубѣ, что полчаса тому назадъ пріѣхала его жена и остановилась у насъ. Селльены тоже искали этой чести; но ассесоръ все еще не совсѣмъ поправился, потому онъ и предпочелъ насъ. Чтобы придать своимъ разсказамъ надлежащій вѣсъ, или не знаю ужь какой бѣсъ нахальства толкалъ его,—какъ только узналъ онъ вчера о прибытіи Цециліи, я полагаю черезъ Альму Селльенъ, которая къ несчастію какъ нарочно была у моей жены,— сейчасъ же, говорю, позвонилъ у насъ и велѣлъ доложить о себѣ моей женѣ. Ну, Оттилія-то безъ сомнѣнія рада бы была его принять и высказать наконецъ все, что у нея такъ долго копилось на сердцѣ; но старикъ вошелъ въ комнату и попросилъ мою жену съ той важной вѣжливостью, которой мы, люди двухъ послѣднихъ поколѣній, разучились, оставить его на минуту съ Брадовымъ. И въ самомъ дѣлѣ, не прошло даже и минуты, какъ старикъ такъ же спокойно, какъ всегда, вернулся въ комнату къ дамамъ, а тотъ стремглавъ пустился по лѣстницѣ,—а Цецилія, ничего не подозрѣвавшая объ этомъ покушеніи, испугалась, отчего кто-то такъ сильно хлопнулъ дверью. Но вотъ и «Золотой левъ!» Пожалуйста, позвольте мнѣ зайдти сюда. Если мы не застанемъ его сегодня вечеромъ, надо сдѣлать такъ, чтобъ онъ не зналъ, что вы вернулись.

Вольнофъ вошелъ въ сѣни; въ отворенную дверь подъѣзда разливался яркій свѣтъ на улицу. По случаю скачекъ, которыя сегодня начались и должны были продолжаться и завтра, въ большомъ домѣ было значительное движеніе. Вольнофъ принужденъ былъ сдѣлать множество вопросовъ, прежде чѣмъ добился положительнаго отвѣта; Готтгольду пришлось порядочно подождать. Когда, прохаживаясь взадъ и впередъ, онъ нѣсколько отдалился отъ отъ дому, изъ мрака одной боковой улицы вдругъ шмыгнула мимо него женская фигура,—потомъ, осмотрѣвшись кругомъ и подойдя къ нему, тихо прошептала: «Карлъ!», поднявъ при этомъ чорный вуаль. Несмотря на слабое освѣщеніе, Готтгольдъ узналъ Альму Селльенъ.

— Вы ошиблись, сударыня, сказалъ онъ.

Альма тоже узнала его; она была такъ увѣрена, что тутъ не можетъ быть ошибки; отъ страха она едва не лишилась сознанія, но это продолжалось одна минуту.—Хорошо что это не кто нибудь другой, сказала она, тяжело воздохнувъ. Готтгольдъ не отвѣчалъ; она продолжала:— я уже не разъ просила его сказать вамъ это; все равно: когда нибудь вы должны же были бы узнать, а для васъ такое открытіе конечно могло быть только очень пріятно,—но онъ все не хотѣлъ.

— И у него были на то хорошія причины.

— Какія причины? Умоляю васъ, скажите мнѣ все!

— Въ другой разъ и въ другомъ мѣстѣ; теперь и время и мѣсто не совсѣмъ удобны для этого.

Вольнофъ вышелъ изъ дому. — Такъ до другаго раза! шепнула Альма, опуская вуаль и изчезая въ темной улицѣ, откуда она вышмыгнула.

— Кто это? спросилъ Вольнофъ.

— Кого только не потопитъ этотъ человѣкъ въ грязи! воскликнулъ Готтгольдъ.

— Гдѣ намъ давно уже слѣдовало бы искать его, если бы мы хотѣли найти его, возразилъ Вольнофъ. — Это была госпожа Селльенъ, не правда ли? Вы не выдаете никакой тайны: это было тайной только для насъ; здѣсь воробьи съ крышъ кричатъ объ этомъ. Въ концѣ концовъ, дѣло становится легче, чѣмъ мы думали; во всякомъ случаѣ это необыкновенное счастье, что вы поймали Генриха Шееля. Лишь бы въ послѣднюю минуту не заговорило у молодца его прежнее чувство преданности!

— Не думаю, Брандовъ слишкомъ сильно оскорбилъ это чувство; онъ поступилъ такъ безсовѣстно съ нимъ, своимъ подчиненнымъ, — что это именно до глубины души потрясло и возмутило грубаго, но по своему все - таки честнаго человѣка. Нѣтъ, напротивъ: чего я боюсь — это того, что нашъ образъ дѣйствій относительно Брандова не удовлетворитъ его — и онъ захочетъ отмстить по своему.

— Чтожъ, развѣ онъ не правъ до извѣстной степени? живо возразилъ Вольнофъ, — развѣ мы не отнимаемъ жертвы у висѣлицы? и если мы оправдываемъ себя тѣмъ, что есть преступленія не подходящія ни подъ одну статью уголовныхъ законовъ, которыя, между тѣмъ, хуже убійства и грабежа, — то развѣ Генрихъ Шеель не можетъ примѣнить всего этого къ себѣ и желать, чтобы претерпѣнное имъ вѣроломство не осталось безъ наказанія? Простите меня, мой другъ, за мое нелогическое упорство! я вѣдь понимаю, что участь не одного хорошаго человѣка зависитъ отъ таинственности, съ какой мы приступаемъ къ дѣлу. Тутъ это будетъ нѣчто въ родѣ верховнаго тайнаго судилища или Божьяго суда, вмѣсто обыкновеннаго гласнаго суда. Но вотъ и клубъ. Я не охотно оставляю васъ одного, но я чувствую, какъ и вы, что вамъ надо биться въ этомъ дѣлѣ безъ секундантовъ.

Готтгольдъ ходилъ взадъ и впередъ по ярко освѣщеннымъ сѣнямъ. Изъ залы, куда лакей въ галунахъ понесъ его карточку, раздавался шумъ, смѣхъ и звонъ стакановъ; въ конторѣ еще сидѣлъ надъ своими книгами и усердно писалъ конторщикъ; въ гардеробѣ была порядочная суета: то надо было принимать вещи вновь приходящихъ, то выдавать ихъ тѣмъ, кто уходилъ.

Лакей опять появился: господинъ Брандовъ проситъ извиненія, но онъ именно теперь очень занятъ; нельзя ли отложить до завтра?

— Чего нельзя ли отложить? спросилъ Густавъ Плюггенъ, вышедшій вслѣдъ за лакеемъ изъ столовой и здоровавшійся съ Готтгольдомъ съ своей обычной шумной живостью, ещё усиленною хмѣлемъ. — Что? Брандовъ очень занятъ? пустяки! Занятъ? сидитъ себѣ за бутылкой канарскаго да записываетъ пари, одно крупнѣе другаго, въ свою проклятую книжку. Всѣ точно съума сошли, не смотря на то что Редебасъ и Отто и я не мало отговаривали ихъ: послѣ того, что мы видѣли въ Долланѣ, я все считаю возможнымъ. Будетъ то же самое что съ Герри-Гарри въ Дерби пять лѣтъ тому назадъ. Былъ въ Англіи? Восхитительная земля: женщины, лошади, овцы — прелесть! Старая моя острота, которая вѣчно остается новой. Что бишь я хотѣлъ сказать: говорить съ Брандовымъ? да отчего ты не войдешь? Доставь мнѣ удовольствіе ввести стараго школьнаго товарища. Знаменитый художникъ! гмъ! вчера у президента слышалъ отъ принца Проры, который познакомился съ тобой въ Римѣ — и въ восхищеніи что ты въ Зюндинѣ. Чортъ знаетъ что такое, просто должно быть, великолѣпіе! Говорилъ даже, что отыщетъ тебя; удивительно! Завтра также на скачкахъ? *A propos*, есть билетъ? Трибуна. А? Пожалуста, безъ церемоній! видишь, у меня еще полдюжины; сдѣлай мнѣ удовольствіе! Вотъ сюда!

Слуга давно уже взялся за ручку дверей. Въ столовой собралось чрезвычайно большое общество — члены клуба и ихъ гости, между которыми было особенно много гарнизонныхъ офицеровъ. Сидѣли за разными столами и пили шампанское; было весело, даже шумно. Никто не обращалъ вниманія на вошедшаго, въ томъ числѣ и Брандовъ. Онъ повидимому только-что всталъ изъ-за стола и въ настоящую минуту стоялъ въ глубинѣ комнаты, среди группы, откуда со всѣхъ сторонъ обращались къ нему съ предложеніями, тогда какъ онъ, поднявъ вверхъ свою карманную книжку, кричалъ: «Не всѣ вдругъ, не всѣ вдругъ, если ужь вамъ непремѣнно угодно сдѣлать меня Крезомъ! Трутверъ, полтораста! Это мѣсто я назначаю для куммеровыхъ двухъ сотъ! Какъ, баронъ, на пистоли *)? Плохое предвѣщаніе. Дальше! Плюггенъ? И ты тоже, Брутъ? Что такое? Какой-то господинъ — опять! я очень занятъ! скажи этому господину...

Брандовъ вдругъ замолкъ; онъ только теперь замѣтилъ Готтгольда, стоявшаго до сихъ поръ позади него.

— Я подожду, пока ты кончишь тутъ.

— Тебѣ слишкомъ долго придется ждать.

— Мнѣ некуда торопиться.

Готтгольдъ, вѣжливо и холодно поклонившись, вышелъ изъ кружка. Брандовъ страшно поблѣднѣлъ; мрачно и пристально смотрѣлъ онъ въ книгу для занесенія пари, и карандашъ дрожалъ у него въ рукѣ. Что бы такое могло значить упорство, съ какимъ преслѣдовалъ его этотъ человѣкъ! Ужь не отбрить ли ему его передъ всей честной компаніей? Но вѣдь изъ этого можетъ выйти скандалъ, а именно сегодня вечеромъ скандалъ-то и можетъ быть опасенъ.

— Ну что же Брандовъ! мнѣ некогда ждать! вскричалъ одинъ голосъ.

— Когда же вы, наконецъ, сведете счетъ? сказалъ другой.

— Ваша правда, господа, мнѣ именно остается только счесть, сказалъ Брандовъ, закрывая книгу; — потерпите немножко; дѣло идетъ, повидимому, объ очень важномъ для меня извѣстіи. Я сію же минуту возвращусь къ вамъ. Извините, пожалуйста.

— Дѣйствительно, мнѣ нужно сообщить тебѣ довольно важное извѣстіе и, лучше всего, безъ свидѣтелей. Поэтому я, ради твоей же выгоды, прошу тебя похлопотать, чтобъ намъ никто не мѣшалъ.

— Подумалъ ли ты также и о томъ, что теперь скорѣе я имѣю право обращаться къ тебѣ съ требованіями, чѣмъ ты ко мнѣ?

— По моему мнѣнію, я все обдумалъ, — чего ты никакъ не можешь сказать о себѣ.

Они стояли нѣсколько поодаль отъ другихъ, тихо разговаривая и смотря другъ другу въ глаза.

— Кто это такой? спросилъ одинъ изъ господъ, украсившій собственноручной подписью карманную книжку Брандова.

— Безподобный малый! вскричалъ Густавъ фонъ Плюг-

*) Золотая монета, равняющаяся 5 талерамъ или $5^1/_2$ руб. сер.

генъ.—Мой бывшій товарищъ по школѣ, знаменитый живописецъ; вчера у президента цѣлый вечеръ только и говорили что объ немъ. Протеже князя Проры! чудо а не малый! И я тоже закажу ему свой портретъ. Въ Англіи у всѣхъ знатныхъ людей есть такіе портреты, со всѣми любимыми лошадьми, собаками и остальнымъ прочимъ семействомъ. Былъ ты въ Англіи, Куммеровъ? восхитительная земля! Женщины, лошади, овцы—прелесть.

XXXIII.

Они молча прошли сѣни и молча вошли въ одну изъ комнатъ, куда члены клуба могли удаляться для частныхъ переговоровъ. По одному мановенію Брандова, слуга отворилъ ее имъ. Большая люстра, висѣвшая надъ покрытымъ зеленымъ бархатомъ столомъ, разливала свѣтъ по всей комнатѣ; къ столу было придвинуто два бархатныхъ кресла.

— Я думаю, что тутъ намъ рѣшительно никто не помѣшаетъ, сказалъ Готтгольдъ.

— А я—что комедія не долго продлится; ты видѣлъ, я былъ очень занятъ.

Брандовъ, какъ бы съ нетерпѣніемъ, отодвинулъ отъ стола одно кресло и бросился въ него; только это была вовсе не случайность, что лицо его оставалось совершенно въ тѣни, тогда какъ свѣтъ падалъ прямо на лицо Готтгольда.

— Очень занятъ, повторилъ Брандовъ, барабаня пальцами по спинкѣ стула,—такъ занятъ, что долженъ былъ отложить свои счеты съ тобой или, лучше сказать, съ вами—до завтра. И если, паче чаянія, ты такъ безстыденъ, что собираешься застращать меня, розыгравъ роль зачинщика, то говорю тебѣ: берегись! Берегитесь! Вы знаете меня только вполовину; моему терпѣнію есть конецъ, и какъ бы я охотно ни избѣгалъ скандала,—а въ настоящее время, признаюсь откровенно, мнѣ очень хотѣлось бы избѣжать его,—но если вы меня вынудите и дѣло безъ того не обойдется—я готовъ... готовъ каждую минуту!

Брандовъ проговорилъ все это громкимъ, угрожающимъ тономъ; но его намѣреніе, очевидно, не удалось. Готтгольдовы глаза остановились на немъ — съ такимъ презрѣніемъ, какъ показалось ему,—онъ не могъ вынести этого взгляда и вдругъ перервалъ рѣчь, испугавшись во глубинѣ души, когда Готтгольдъ спокойно развернулъ письмо, которое онъ еще передъ этимъ вынулъ изъ кармана.

— Не прочтешь ли ты это письмо, прежде чѣмъ продолжать дальше?

У Брандова не хватило духу сказать: нѣтъ.

— Отъ благороднаго Вольнофа, какъ мнѣ кажется, ко мнѣ объ тебѣ?

— Отъ Вольнофа—это такъ, только ко мнѣ объ тебѣ.

— Обо мнѣ, это смѣшно, да къ тому же еще письмо-то порядочно длинно.

Онъ притворно зѣвнулъ, протягивая руку къ листкамъ, но едва онъ заглянулъ въ нихъ и прочелъ первыя строчки, какъ съ бѣшенствомъ подпрыгнулъ на мѣстѣ и, швырнувъ письмо на столъ, закричалъ:

— Это подло! это требуетъ крови! Я ничего больше не хочу видѣть, ничего больше не хочу слышать! Я не желаю быть жертвою пошлой интриги. Мы поговоримъ, сударь, поговоримъ!

Онъ безпомощно метался по комнатѣ, Готтгольдъ продолжалъ сидѣть по прежнему.

— Я даю тебѣ минуту, въ продолженіи которой ты долженъ рѣшить: прочтешь ли ты это письмо или мнѣ придется отнести его къ графу Царрентину, прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшимъ мѣрамъ.

Брандовъ опять бросился въ кресло, схватилъ письмо и началъ читать его, съ видомъ человѣка, который хочетъ какъ можно скорѣе отдѣлаться отъ докучливаго просителя. На губахъ у него играла презрительная улыбка.—Я ошибся, бормоталъ онъ, какъ бы разговаривая самимъ собою,—это просто смѣшно, вполнѣ смѣшно.

Но его губы поблѣднѣли; улыбка превратилась въ гримасу, а его руки дрожали все сильнѣе да сильнѣе. Сначала онъ читалъ чрезвычайно быстро, но чѣмъ дальше онъ подвигался, тѣмъ дальше останавливался на каждомъ отдѣльномъ предложеніи и даже словѣ. Иное онъ, повидимому, обдумывалъ въ два, въ три пріема,—и очевидно давно уже прекратилъ чтеніе, когда повидимому оно все еще продолжалось. Наконецъ изъ глубины его взволнованной души вырвалось рѣшеніе.

— Ты хотѣлъ передать это письмо нашему предсѣдателю, сказалъ онъ, тщательно складывая листки,—я не имѣю ничего противъ этого; бери! но съ однимъ условіемъ...

Онъ опять отвелъ руку, которою онъ подавалъ Готтгольду письмо.

— Съ условіемъ, чтобъ напередъ я снялъ копію съ этого драгоцѣннаго документа; это будетъ отличной подкладкой къ тому иску за клевету, который я заведу противъ благороднаго автора этого жалкаго произведенія и его высоконравственнаго корреспондента. Въ отношеніи такого человѣка, какъ ты, который рѣшается обвинять, на основаніи такихъ смѣшныхъ предположеній, своего друга въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ,—это будетъ не болѣе, какъ должное.

— Совершенно справедливо, возразилъ Готтгольдъ,—ты можешь удержать и оригиналъ. Письмо должно было ознакомить тебя съ нѣкоторыми вещами, которыя мнѣ противно было передавать тебѣ изустно,—слѣдовательно оно сдѣлало свое дѣло.

— И этотъ интересный разговоръ конченъ, сказалъ Брандовъ, вставая,—то есть на сегодня; завтра мы поговоримъ больше, только тогда дѣло приметъ совсѣмъ другой видъ. То, въ чемъ я обвиняю тебя, не нелѣпыя выдумки, вродѣ знаменитой исторіи съ ассигнаціей, или нелѣпой фантазіи, вродѣ ужаснаго убійства Генриха—эту сказку, со всѣми ея страшными подробностями, вы конечно распустите на слѣдующей же ярмаркѣ,—нѣтъ, это факты, положительные факты,—великолѣпный комментарій къ пѣснѣ о превосходномъ человѣкѣ, который не съумѣлъ сдѣлать лучшаго употребленія изъ оказаннаго ему гостепріимства, какъ—сдѣлавъ то, что ты сдѣлалъ. До завтра же, когда такъ!

Брандовъ съ жестомъ, который долженъ былъ выражать презрѣніе, подошелъ къ двери; Готтгольдъ заступилъ ему дорогу.

— Ты конечно потерпишь еще нѣсколько, если я тебѣ скажу, что тутъ дѣло идетъ о твоей судьбѣ, о твоей будущности.

— О моей судьбѣ, о моей будущности? Ты съ ума сошелъ?

— Рѣши самъ. Вчера вечеромъ я поймалъ Генриха Шееля въ Виссовѣ, гдѣ онъ скрывался; а теперь онъ у меня въ квартирѣ подъ карауломъ обоихъ братьевъ Пребровыхъ.

Брандовъ зашатался, словно пораженный пулею, и

Крестины у вендовъ. Рис. Р. Бургерръ, грав. А. Ивановъ.

схватившись за спинку стула, смотрѣлъ на Готтгольда широко-раскрытыми глазами.

— Генрихъ Шеель! пролепеталъ онъ.

— А ты воображалъ, что онъ навѣки исчезъ со сцены, несмотря на то что у тебя не хватило разсчету или пожалуй щедрости, чтобы вознаградить какъ слѣдуетъ своего пособника въ преступленіи. Теперь я долженъ сторожить его, не для того чтобъ не допустить его убѣжать,—онъ объ этомъ и не думаетъ; онъ готовъ вынести какое угодно наказаніе, лишь бы не ушелъ отъ кары тотъ, для кого онъ сдѣлалъ то, что было сдѣлано имъ;—я держу его подъ карауломъ просто для того, чтобъ онъ не приступилъ къ этому наказанію самъ со свойственною ему суровостію и жестокостію.

Брандовъ опустился въ кресло; его наглая отвага, его удивительная находчивость, повидимому, совершенно его оставили, онъ казался десятью годами старѣе; вдругъ онъ опять вскочилъ.

— Вотъ что! вскричалъ онъ,—и этимъ-то ты думаешь согнуть меня въ бараній рогъ! Если этотъ мошенникъ, Генрихъ, допустилъ поймать себя, тѣмъ хуже для него. Какимъ образомъ онъ можетъ повредить мнѣ? Надѣюсь, мнѣ повѣрятъ не меньше, чѣмъ какому нибудь бездѣльнику-холопу, который очевидно подкупленъ моимъ врагомъ! Кто не знаетъ за собою вины, тотъ не прибѣгаетъ къ подкупамъ; или ужь не думаете ли вы въ самомъ дѣлѣ, что кто нибудь повѣритъ тому, чтобы я допустилъ убѣжать парня-то, еслибъ подозрѣніе могло коснуться меня хоть съ какой нибудь стороны, не заставивъ его такъ или иначе молчать? Рѣшите это между собою и дѣлайте что хотите, — честный человѣкъ, какъ я, смѣется надъ вашими угрозами.

Онъ опять пошелъ къ двери, но чѣмъ ближе подходилъ онъ къ ней, тѣмъ медленнѣе становились его шаги; вдругъ онъ повернулся и пошелъ прямо къ Готтгольду.

— Будетъ намъ играть комедію, Готтгольдъ! станемъ говорить какъ разсудительные люди: скажи мнѣ свои условія.

— Прежде всего сознайся во всемъ томъ, въ чемъ обвиняетъ тебя вольнофово письмо. Ты знаешь, про что я говорю.

— Не совсѣмъ. Это признаніе требуется только для тебя?

— Если ты покоришься прочимъ условіямъ, да.

— Хорошо; ну, я сдѣлалъ то, что мнѣ приписываютъ. Чтожь изъ этого?

— Что изъ этого выйдетъ—дѣло понятное. Дочь уважаемой фамиліи не можетъ быть женою преступника, и мужъ ея не долженъ сидѣть въ смирительномъ домѣ. Это значитъ: ты соглаcишься безпрекословно на все, что мы—то есть господинъ Богиславъ Венгофъ, Вольнофъ и я—предпишемъ тебѣ насчетъ развода.

— А дочь моя?

— Отвѣчай самъ себѣ на этотъ вопросъ.

— Я люблю этого ребенка.

— Ты лжешь, Брандовъ; и еслибъ даже это было возможно, такъ же какъ оно невозможно, то все же ты потерялъ навѣки право оставить ее у себя и даже находиться съ ней въ какихъ бы то ни было сношеніяхъ. Я надѣюсь, она забудетъ, что ты ея отецъ.

— А все таки я останусь навсегда ея отцомъ. Это безъ всякаго сомнѣнія необыкновенно отрадное сознаніе будетъ моимъ свадебнымъ подаркомъ тебѣ; или паче чаянія, вы не желаете блистательно привести къ концу это столь блистательно начатое дѣло?

— Рѣчь идетъ о твоей судьбѣ, а не о моей.

— Однакоже твоя судьба, повидимому, въ довольно близкой связи съ моей. Или ужь не хочешь ли ты увѣрить меня, что все это ты сдѣлалъ изъ человѣколюбія? Дудки, любезный другъ! кажется, мы знаемъ другъ друга не со вчерашняго дня—и наши дороги пересѣкаются теперь не въ первый разъ. Я заступалъ дорогу тебѣ, а ты мнѣ, еще передъ школьными скамьями, на мѣстѣ игръ, въ танцклассахъ, вездѣ; я вышибъ тебя изъ сѣдла и сдѣлалъ тебѣ подарокъ на память, чтобъ ты могъ вспоминать объ этомъ на всю свою жизнь. Ну да, ты въ своемъ правѣ—это отъигрышная партія. Одинъ невѣрный ходъ съ моей стороны—и я проигралъ ее; я слишкомъ старый игрокъ, чтобы не принаровиться къ моему положенію. Но игра еще не кончена; мы еще разъ встрѣтимся, а послѣдній смѣхъ лучше перваго.

Глаза Брандова метали молніи смертельной ненависти, въ то время какъ онъ быстрыми шагами ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ мимо Готтгольда. Онъ поминутно закусывалъ себѣ острыми зубами блѣдныя губы; онъ дергалъ и теребилъ концы своихъ длинныхъ бѣлокурыхъ бакенбартъ, когда, остановившись передъ Готтгольдомъ, сказалъ ему:

— Еще одинъ вопросъ: не мнѣ ли придется справлять и приданое?

— Не знаю, что ты хочешь этимъ сказать; знаю только, что мы намѣрены предоставить тебя твоей судьбѣ, коль скоро ты исполнишь—по крайней мѣрѣ для виду—свои обязанности, и возвратишь покражу. Тебѣ представляется завтра шансъ, ты можешь разомъ получить нужныя средства. Это деньги игрока, но это не касается насъ.

— А если я не выиграю?

— Въ такомъ случаѣ, ты возьмешься за трудъ. Долланъ отданъ тебѣ въ аренду еще на пять лѣтъ. Ты можешь, если захочешь—а ты долженъ будешь хотѣть—уплатить десять тысячь меньше чѣмъ въ половину этого времени; я дамъ тебѣ ихъ взаймы—это почти все, что мнѣ осталось отъ моего состоянія. Во всякомъ случаѣ, пакетъ будетъ найденъ завтра вечеромъ въ долланской пустоши, а послѣ завтра будетъ лежать въ кассѣ попечительнаго совѣта.

— Какъ вы о себѣ хлопочете!

— И о тебѣ. Еслибъ мы выгнали тебя изъ отечества, какъ ты того заслуживаешь—потому-что ты недостоинъ, чтобы твои соотечественники называли тебя господиномъ,—ты, по всему вѣроятію, погибъ бы въ самое короткое время. Я не хочу этого, не хочу ради твоего ребенка.

Брандовъ хотѣлъ разразиться презрительнымъ смѣхомъ, но послѣднія слова Готтгольда и тонъ, какимъ онъ произнесъ ихъ, зажали ему ротъ.

— Ты говорилъ передъ этимъ, будто ты любишь своего ребенка; это ложь, Брандовъ: еслибъ ты хоть немножко любилъ его, то ради уже одного его не рѣшился бы на преступленіе. Ты никогда не любилъ никого, кромѣ самого себя; это была пошлая, суетная, эгоистическая любовь, гдѣ не было и слѣда уваженія къ святому и высокому, которымъ покланяются въ себѣ и въ другихъ даже менѣе развитыя личности. Тѣмъ не менѣе—впрочемъ, хотя я отъ души вѣрю этому, но вѣдь я человѣкъ и могу заблуждаться,—можетъ быть, тебя все же тронетъ, если

ты услышишь, что твой ребенокъ боленъ, очень боленъ,— и мы, можетъ быть, продлимъ его милую молодую жизнь лишь на нѣсколько дней. Ужасно, что мнѣ приходится сказать тебѣ это, но я не могу облегчить тебѣ той тяжести, которую ты взялъ на свою совѣсть: если Гретхенъ умретъ, то убилъ ее ты.

— Я? пролепеталъ Брандовъ,—я?

(Продолженіе будетъ).

Крестины у Вендовъ.

Маленькій народецъ славянскаго происхожденія, цѣлыя столѣтія сохраняющій свою національность среди чуждаго ему народонаселенія, передъ которымъ онъ то же что капля въ морѣ, заслуживаетъ полнаго вниманія, въ особенности со стороны соплеменнаго ему народа.

Въ 38 № «Нивы» за нынѣшній годъ мы описывали образъ жизни и обычаи вендовъ, при чемъ особенно распространились объ ихъ свадьбахъ. Теперь мы представляемъ нашимъ читателямъ изображеніе другаго, столь же знаменательнаго эпизода изъ жизни венда. Дѣйствіе происходитъ въ томъ же Нижнемъ Лаузицѣ (въ Пруссіи), гдѣ происходила и описанная нами свадьба, на берегахъ Шпре, который образуетъ здѣсь безчисленными рукавами знаменитый Шпревальдъ, заключающій въ себѣ около 5 кв. миль. Все тутъ дѣлается на маленькихъ лодкахъ; на нихъ производитъ рыболовъ свое выгодное ремесло, на нихъ отправляютъ скотъ на пастбища и везутъ сѣно въ скирды, на нихъ ѣдутъ крестьяне по воскресеньямъ въ церковь и на нихъ неслышными ударами веселъ преслѣдуетъ охотникъ многочисленную дичь. Теперь на такой же лодкѣ везутъ крестить новаго гражданина міра, новаго славянина.

Чудное майское утро. Весело струятся свѣтлыя воды Шпре; ярко зеленѣютъ буки и дубы Шпревальда. Чуть не вся деревня провожаетъ веселый поѣздъ. Взгляните на этихъ двухъ женщинъ и мальчугана тамъ вверху на мостикѣ. А вотъ и самъ виновникъ празднества на пышной, обшитой кисейной оборкой, подушкѣ. Съ какой любовью и участіемъ смотрятъ на него женщины, одѣвшіяся по случаю этого торжества въ самыя нарядныя платья. Тутъ же въ лодкѣ лежитъ и его братишка, — лежитъ и наслаждается жизнію. Шалунъ свѣсилъ ногу за бортъ лодки,—но не бойтесь, онъ знаетъ мѣру и ни за что не свалится въ воду. Насупротивъ мальчугана его маленькая сестренка, такая же нарядная и почти такая же чинная, какъ и ея взрослыя родственницы и знакомыя, хотя ея плутовское личико и говоритъ, что ей всего какихъ нибудь восемь или десять лѣтъ и вслѣдствіе этого она большая рѣзвушка; а рядомъ съ нимъ—добрый вѣрный песъ, который лаетъ ужь конечно не потому, чтобы ему въ самомъ дѣлѣ слѣдовало лаять, а скорѣе отъ радости, что, пользуясь покровительствомъ маленькаго хозяина, попалъ-таки въ лодку. Опять и то взять, какъ же и не лаять - то, когда все кругомъ и говоритъ, и смѣется и даже играютъ на скрипкѣ, какъ вотъ тотъ молодецъ, что стоитъ въ плывущей рядомъ лодкѣ. Что за характерныя и вмѣстѣ съ тѣмъ что за добродушныя лица! Да, это наши родичи славяне. Пожелаемъ же имъ побольше такихъ радостныхъ дней и простимся съ ними до поры до времени.

Московская Политехническая выставка.

Гончарное производство

Зайдите въ любую крестьянскую избу, по всему необъятному пространству нашего, раскинувшагося во всѣ концы свѣта, отечества и осмотрите всю кухонную утварь несложнаго домашняго хозяйства. Васъ всегда поразитъ полнѣйшее отсутствіе металла: глина, глина и глина, въ въ разныхъ видахъ, разныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, муравленая и оставшаяся въ натуральномъ видѣ, и между этою массою глины, за цѣлыми рядами горшковъ на полкахъ одиноко чернѣетъ гдѣ нибудь развалистый чугунчикъ—уже шагъ къ роскоши, отъ котораго крестьянинъ нашъ удерживается по многимъ, весьма основательнымъ причинамъ.

На каждой сельской ярмаркѣ, въ уѣздныхъ и другихъ городахъ въ базарные дни, на рынкахъ, вездѣ вы увидите цѣлыя груды глинянаго товара, разложеннаго на показъ и еще не разобраннаго, на возахъ, разставленныхъ по линіи, около которыхъ жуютъ сѣно притащившія ихъ лошади или волы, глядя по мѣстности. Хозяева этого крупнаго товара не боятся остаться безъ покупателей, и если имъ придется снова запрягать свои возы, то развѣ только для того, чтобы ѣхать за новымъ запасомъ. Самая хрупкость товара—служитъ имъ надежнѣйшимъ залогомъ къ успѣху.— Только лишь начнетъ бѣлѣть на востокѣ полоска утренней зари, во всякой избѣ начинается обычная возня хозяекъ: потягиваясь и зѣвая, почесывая себя спину и плечи, крестясь и охая, лѣзетъ съ высокихъ палатей заспавшаяся баба—и прямо къ печкѣ. Не пройдетъ и четверти часа, маленькія четыре-угольныя отверстія окошекъ засвѣтятся красными точками. Ярко пылаютъ растопленныя печи, высоко вьется столбомъ дымъ на утреннемъ, морозномъ воздухѣ и звучно щелкаютъ своими боками пузатые глиняные горшки, разставленные и безконечно переставляемые у самаго раскаленнаго жерла неуклюжей печи. Сколько ихъ полопается отъ неравномѣрною накаливанія, сколько ихъ перебьетъ желѣзный ухватъ полусонной хозяйки!.. только и слышится, то у той, то у другой печки—трескъ лопающейся посуды и сердитая, ворчливая брань раздосадованной хозяйки. —«Бей—скоро ярмарка!» остритъ съ палатей мужъ, только что продравшій глаза,—и не очень сердитъ его эта потеря.—Принимая во вниманіе крайнюю дешевизну этой посуды — убытокъ отъ одного другаго разбитаго горшка не очень то ощутителенъ даже тощему крестьнскому карману.

Не стану описывать различныя формы и виды крестьянской глиняной посуды—это было-бы совершенно излишне—ибо кому не приходилось видѣть этихъ расписанныхъ зеленой и красной поливой чашекъ, плошекъ, мисокъ, противней, кувшиновъ съ одною ручкою, кувшиновъ съ двумя ручками, молочныхъ кринокъ и пр. и пр.? Укажу только на то, что все это дѣлается почти безъ всякихъ машинныхъ приспособленій а просто руками, поштучно — и такъ быстро, что не смотря на дешевизну,

совершенно окупаетъ труды рабочаго и даетъ возможность зашибить даже копѣйку при продажѣ.

Нельзя указать въ какой полосѣ Россіи больше всего развито производство собственно простѣйшихъ видовъ глиняной посуды. Вездѣ, гдѣ есть глина и человѣческія руки, вездѣ пользуются этимъ дешевымъ матеріаломъ. Только тамъ, гдѣ суровость климата не позволяетъ человѣку разработывать почву, большую часть времени скрытую подъ снѣгомъ, какъ напримѣръ на крайнемъ сѣверѣ,—тамъ является металлическая посуда въ видѣ котловъ изъ чугуна или мѣди. Кочевые народы Россіи тоже недопускаютъ въ своемъ хозяйствѣ глиняныхъ посудинъ, непрочность которыхъ выказалась бы въ полномъ своемъ блескѣ, при постоянныхъ переходахъ номадовъ съ одного пастбищнаго мѣста на другое.

Самая лучшая глина и самый широкій промыселъ ею мы встрѣчаемъ въ средней полосѣ Россіи, въ губерніяхъ Московской, Тверской и Рязанской,—хотя послѣдняя считается въ черноземной полосѣ, но тамъ встрѣчаются мѣстами превосходныя залежи глины, и даже глины лучшаго качества, годной не только для простыхъ горшковъ, но и для посуды болѣе цѣнной, употребляемой въ зажиточномъ кругу людей. Тамъ, напримѣръ, найдена была недавно превосходная фарфоровая глина необыкновенной бѣлизны и тягучести — послѣднее качество высоко цѣнится фабрикантами, такъ какъ даетъ возможность дѣлать посуду тоньше и легче. Знаменитый нашъ посудный фабрикантъ, Гарднеръ, пріобрѣтшій себѣ такую громкую и вполнѣ заслуженную извѣстность, дѣлая розысканія въ этой губерніи, нашелъ въ имѣніи г-жи Балкъ фарфоровую глину, неуступающую лучшимъ сортамъ старо-саксонской глины.

Далѣе къ югу, въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской, тоже находятся мѣстами, по скалистымъ оврагамъ,—прекрасные сорты цвѣтныхъ глинъ, красной, желтой и аспидно-черной. Посуда приготовленная изъ смѣшанныхъ сортовъ цвѣтной глины очень оригинальна и напоминаетъ собою нѣсколько этрусскія произведенія этого рода.—За неимѣніемъ, или правильнѣе сказать за крайней дороговизной лѣсу—всѣ жилища—хаты малоросіянъ и нашихъ южныхъ степняковъ дѣлаются изъ глины и потомъ штукатурятся бѣлою-глиною, по которой выводятся цвѣтные бордюры и украшенія. Каждая женщина тамъ превосходный штукатуръ—и хозяйки гордятся одна передъ другою чистотой и яркостью своихъ опрятныхъ домиковъ.

По безконечнымъ, ровнымъ какъ скатерть степнымъ дорогамъ вы можете часто встрѣтить длинные высоконагруженные возы съ горшками; торговцы (или какъ ихъ здѣсь называютъ: гончари), покуривая свои трубочки, степенно шагаютъ передъ своими волами и медленно тянутся эти неторопливые обозы, развозя по далеко разбросаннымъ селеніямъ—необходимый товаръ, ожидаемый хозяйками всегда съ нетерпѣніемъ, такъ какъ за длинный промежутокъ времени между привозами не мало перебьется посуды и является необходимость возобновлять хозяйскій запасъ.

Дешевизна этихъ издѣлій доходитъ до того, что на одинъ полтинникъ можно накупить столько, что не донести въ одинъ разъ до дому. Большой горшокъ стоитъ много пять копѣекъ; есть предметы, цѣна которыхъ доходитъ до копѣйки и даже гроша.

Давно уже сложилась поговорки: «Не боги горшки лѣпятъ»—Дѣйствительно, тутъ богамъ нечего дѣлать. Самый употребительнѣйшій способъ лѣпки, это на подвижномъ кругу; главную роль тутъ играетъ центробѣжная сила. Весь приборъ или станокъ состоитъ изъ стола, въ который вдѣланы два вертящіеся круга—оба они соединены между собою проходящею черезъ центры осью; верхній кругъ меньше нижняго, вслѣдствіе чего онъ гораздо быстрѣе вертится. Вращеніе производится или посредствомъ какого нибудь привода или же просто ногою, какъ показано на нашемъ рисункѣ. Комокъ мокрой, хорошо перемятой глины кладется на верхній кругъ—и вращеніе дѣлаетъ свое дѣло, остается только пальцами придавать нужную форму. Это много напоминаетъ токарной станокъ, тѣмъ болѣе что кромѣ пальцевъ употребляются иногда деревянное ло-

Московская политехническая выставка.

Гончарное производство. Рис. Н. Каразинъ, грав. И. Матюшинъ.

У птичника. Рис. Гамонъ, грав. Шюбелеръ.

паточки—шпадели, острыми краями которыхъ проводятъ бороздки и снимаютъ излишнюю массу. Какъ руки такъ и инструменты рабочій постоянно долженъ смачивать, иначе глина къ нимъ прилипаетъ, что лишаетъ работу необходимой чистоты и гладкости.—Послѣ того какъ вылѣпятъ сосудъ, его сушатъ на вольномъ воздухѣ и потомъ уже обжигаютъ въ нарочно-устроенныхъ для этой цѣли печахъ. Для того чтобы понять какъ быстро идетъ это производство—нужно только видѣть, что менѣе чѣмъ въ полторы минуты готовъ бываетъ сосудъ несложной формы и неболѣе трехъ минутъ нужно для того чтобы вылѣпить (вывертѣть, какъ обыкновенно называютъ) довольно большую и даже ведерную чашу.

Въ техническомъ отдѣлѣ на московской политехнической выставкѣ были устроены два или три такихъ ручныхъ станка, одинъ изъ которыхъ изображенъ на нашемъ рисункѣ. Не смотря на то, что производство такъ обыкновенно, многимъ изъ публики, особенно городской, приходилось въ первый разъ видѣть эту работу—и особенно изумляла посѣтителей именно скорость и видимая простота работы. Надо было видѣть, какъ быстро установливалась новыми, еще мокрыми произведеніями—деревянная полка, помѣщенная подъ рукою работника. Его помощникъ едва успѣвалъ отрывать новые комки матеріала отъ сложенной тутъ же глиниой массы. У другаго станка гдѣ лѣпили горшки—изъ простой кирпичной глины, такъ тамъ вылѣпленные предметы тотчасъ же опять бросались въ массу, и работали только съ исключительною цѣлью—показывать публики самые пріемы и технику производства.

Расколъ и раскольничьи секты въ Россіи *).

(Окончаніе).

Тѣми же недостатками отличалось и низшее духовенство, изъ котораго вышли первые расколоучители. Невѣжество доходило до того, что одинъ священникъ, на вопросъ Дмитрія Ростовскаго: гдѣ у него находятся животворящія христовы тайны?—«не разумѣ словесе его и яко недомысляй, стояше молча». Даже крестьянинъ Посошковъ говорилъ о русскихъ священникахъ своего времени: «нынѣ такихъ пресвитеровъ много, что не то чтобы кого отъ невѣрія привести, но и того не знаютъ, что то есть рѣченіе вѣра». Не мало вліяла на укорененіе раскола въ низшей части духовенства и закоренѣлая лѣность исправлять церковныя службы, холодность къ церкви, невнимательность къ своему званію—и они съ радостью, обращались въ расколъ, который обольщалъ ихъ полною свободою отъ строгихъ уставовъ церкви, причемъ не малое число увлекались духомъ непокорности и самоуправленія, а также и привычкою жить невоздержно по влеченію своихъ страстей и похотей, а не по духѣ вѣры и христіанской нравственности. Даже многіе монахи, вслѣдствіе нетрезвой жизни и невнимательности къ своимъ обѣтамъ, совершенно отвыкали отъ иноческаго уединенія, пускались въ міръ и бродили по улицамъ въ городахъ и селахъ, входили въ худые дома, къ соблазну православныхъ. Понятно, что такіе люди должны были озлобиться на Никона, который не могъ терпѣть безпорядочной жизни въ духовенствѣ, былъ взыскателенъ къ нерадивымъ, а къ непослушнымъ и злымъ «яростію являшася», строго воспрещалъ безмѣстнымъ священникамъ бродить по городамъ и селамъ, порочныхъ протопоповъ и поповъ смирялъ, посылалъ въ монастыри на чорныя работы, бралъ за приставовъ и заключалъ въ темницы.

Таковы-то были качества той почвы, на которой возникъ и распространился расколъ, явно возставшій наконецъ въ лицѣ расколоучителей изъ низшаго духовенства вмѣстѣ съ массою невѣжественнаго народа. Взглянемъ же теперь на внутреннія силы и способы, которымъ обладалъ расколъ въ себѣ самомъ для такого быстраго распространенія.

Главнѣйшими орудіями его были очевидно расколоучители. Это были люди, стоявшіе во главѣ оппозиціи, недовольной новымъ порядкомъ вещей, которые развивали и проводили въ народъ демократическія идеи раскола; но мятежное движеніе изъ области церковной скоро было перенесено ими въ сферу гражданскую—и во главѣ его стали являться и дѣйствовать партизаны противугосударственные, каковы напр. Хованскій, Стенька Разинъ, Денисовы и др. Со стороны расколоучителей первою и непосредственною причиною быстраго распространенія раскола была чрезвычайная многочисленность ихъ, быстрое разсѣяніе съ проповѣдью по всей Россіи и постоянное, неусыпное проповѣданіе, а также личныя свойства и общественное положеніе ересіарховъ. Въ предѣлахъ Владимірскихъ, въ уѣздахъ Костромскомъ, Вязниковскомъ и Кинешемскомъ проповѣдовалъ первый расколоначальникъ Капитонъ, пустынножитель, очаровывавшій народъ ревностью и подподвижничествомъ и самъ обольщавшійся своею мнимою святостію. Онъ сталъ распространять свое лжеученіе еще отъ того времени, какъ вышли книги, изданныя при напр. Іосифѣ протопопами Аввакумомъ, Ворифатьевымъ и Нероновымъ, которые пользовались большимъ почетомъ въ народѣ какъ справщики. Въ теченіи 20-лѣтней проповѣди онъ такъ много успѣлъ сдѣлать, что во второй половинѣ XVII вѣка послѣдователи его составили особую общину и назывались Капитонами. Ему помогали ученики его: Прохоръ, Вавила, Леонидъ и др. Во самомъ посадѣ Вязникахъ ревностно насаждалъ расколъ священникъ Симеонъ. Въ Муромѣ при Окѣ свободно проповѣдовалъ расколъ архимандритъ Спасскаго монастыря Антоній, во Владимірѣ Залѣсскомъ—обольщавшій простаковъ своимъ высокомудрствованіемъ, грамотностью и начитанностью о. Іоаннъ, бывшій наборщикомъ печатныхъ дѣлъ при патр. Іосифѣ, и первый канцелярскій писарь Никита, уловлявшій народъ своимъ юридическимъ вліяніемъ, весьма понятнымъ при томъ почетѣ, какимъ пользовались въ то время приказные люди. Въ предѣлахъ Новгородскихъ и Псковскихъ усердно распространялъ расколъ бывшій протопопъ Псковскаго собора, старецъ Варлаамъ, а съ нимъ ученики его: великолуцкій купецъ, Иванъ Деменьевъ, завлекавшій народъ своимъ богатствомъ, дворянинъ Дмитрій Хвостовъ съ двумя родными сестрами, поселянинъ Василій Лисицынъ, Григорій бывшій казначей Антоніева монастыря, Сампсонъ Поповичъ, Лаврентій купецъ, псковичи Василій и Симеонъ, Евгеній простой, о. Іосафъ Чаплинъ и мн. др. Въ предѣлахъ Олонецкихъ и Архангельскихъ сначала проповѣдовалъ сосланный въ Палеостровскій монастырь Павелъ Коломенскій, потомъ на сѣверномъ поморьѣ въ Олонцѣ

---

*) См. № 49 «Нивы».

Досифей игуменъ, богатый купецъ Александръ Гутоевъ «имѣніемъ изобильный» и клирикъ Елеазаръ, въ Каргополѣ безграмотный поселянинъ Леонтій, Іоаннъ Іуліанинъ и писарь Козьма Прокопьевъ «вся народы къ себѣ паче магнита привлекавшій, понеже всѣмъ приходящимъ къ нему сладокъ и полезенъ бяше совѣтникъ и наставитель»; кромѣ того въ олонецкой области вышедшіе изъ Соловецкаго монастыря иноки: Епифаній, Савватій, Германъ, Іосифъ сухой, дьяконъ Игнатій и др.; здѣсь же въ Заонежскомъ поморьѣ скитался съ братіею по пустынямъ Данило Викулинъ, повсюду проповѣдуя, «мѣста перемѣняя» до основанія Выговскаго скита. Далѣе на сѣверѣ, въ Соловецкой обитатели и окрестностяхъ, распространяли расколъ кромѣ сосланныхъ съ княземъ Львовымъ: Іеремонахъ Ѳеоктистъ, старцы Фирсовъ и Епифаній. Въ предѣлахъ Кандалашскихъ и Холмогорскихъ при Никонѣ распространяли расколъ—старцы Сила, Алексѣй и Ѳедоръ. Вообще въ Бѣломъ поморьѣ расколоучителей было множество и успѣхъ проповѣди необыкновенный. Въ предѣлахъ Нижегородскихъ распространяли расколъ: бѣжавшій изъ осажденнаго Соловецкаго монастыря монахъ Арсеній основавшій въ Керженскихъ лѣсахъ скитъ шарпанскій, игуменъ бизюковскаго монастыря Сергій Салтыковъ и монахъ Ефремъ Потемкинъ, іеромонахъ Авраамій, соловецкій монахъ Софонтій во многихъ скитахъ и преемникъ Арсенія Онуфрій, основавшій скитъ близь города Семенова. Въ южной Россіи, по Волгѣ, Дону, за Астраханью и по Кумѣ: шляхетскаго роду старецъ Іовъ и тихвинскій игуменъ Досифей съ двумя священниками: Пафнутіемъ и Ѳеодосіемъ. Въ предѣлахъ Калужскихъ, въ городѣ Боровскѣ проповѣдовалъ расколъ священникъ Поліевктъ и другіе. Въ предѣлахъ Черниговскихъ извѣстный намъ попъ Козьма. Въ Сибири — Аввакумъ, лжечернецъ Іосифъ Истоминъ, попъ Домитіанъ, Лепихинъ и Шапошниковъ. Мы перечислили только наиболѣе извѣстныхъ расколоучителей,—а сколько было неизвѣстныхъ!

Горячность одушевленность и сила проповѣди, соединенная съ религіозныхъ фанатизмомъ, доходившимъ до самосжиганія, много содѣйствовали успѣху расколоучителей. — Сверхъ того, они всегда умѣли искусно дѣйствовать на умы и сердца слушателей, приспособляясь къ умственному, нравственному, а иногда и физическому состоянію ихъ. Самое географическое положеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ особенно сильна были проповѣдь раскола, представляло не мало удобствъ для усиленія старообрядческой общины. Расколоучители преимущественно распространяли свое ученіе въ отдаленныхъ окраинахъ Россіи, которыхъ лѣсистость, пустынность и малонаселенность составляли достаточный оплотъ противъ правительственнаго надзора, причемъ болота и озера ограждали отъ городовъ, откуда угрожала опасность. Въ болѣе населенныхъ мѣстахъ распространенію раскола содѣйствовали торги, на которыхъ расколоучители пользовались стеченіемъ народа, какъ напр. Никита Пустосвятъ на Суздальскомъ торгу, или проповѣдники нижегородскіе на макарьевской ярмаркѣ, откуда ходили въ Астрахань паузки, струги и др. суда со всякимъ товаромъ,—не говоря уже объ офеняхъ или ходебщикахъ Владимірскихъ и Ярославскихъ, бродившихъ по всей Россіи съ коробкой за спиной, заражавшихся по пути расколомъ и въ свою очередь распространявшихъ его, и окончательно давшихъ начало сектѣ такъ-называемкхъ странниковъ. На Вѣткѣ же, непринадлежавшей Россіи, расколъ развивался совершенно свободно.

Не мало подкрѣпленія находилъ для себя расколъ и въ старыхъ церковныхъ безпорядкахъ. Въ церковно-правительственномъ отношеніи — происхожденію и развитію раскола при Никонѣ особенно содѣйствовало возстаніе бояръ вмѣстѣ съ расколоначальниками противъ Никона. По ходатайству бояръ былъ возвращенъ изъ Сибири осужденный Никономъ личный врагъ его Аввакумъ — и «егда въ царствующій градъ прійде, князи и бояре тако любезно его пріяша, яко ангела Божія». Бояре же требовали низложенія Никона—этого вожделеннаго торжества раскола. У бояръ была борьба съ высшею церковною властію, борьба вельможной гордости съ патріаршимъ авторитетомъ,—боярамъ нужно было образовать изъ себя партію церковную, которая бы возстала противъ Никона—и вотъ раскольники помогаютъ боярамъ, а бояре раскольникамъ. Далѣе, развитію раскола благопріятствовалъ недостатокъ церковно-правительственнаго надзора во многихъ частяхъ управленія. Особенно епархіальное управленіе русской церкви въ періодъ распространенія раскола было благопріятно для его успѣха. Были архипастыри весьма мало заботившіеся объ удовлетвореніи самымъ важнымъ потребностямъ своихъ епархіи, медлили поставленіемъ священниковъ, которыхъ замѣняли расколоучители, за то вмѣшивались въ дѣла гражданской власти и заводили съ нею ссоры. Архимандриты нерѣдко за взятки покрывали раскольниковъ. Наконецъ немало вліяла малочисленность и обширность епархій, о состояніи которыхъ почти не представлялось никакихъ отчетовъ до Петра Великаго.

Что же касается гражданскаго состоянія Россія во второй половинѣ XVII вѣка, то оно не менѣе церковнаго заключало въ себѣ элементовъ для развитія раскола. Въ *Государствѣ Московскомъ* въ переходную эпоху, когда оно преобразовывалось въ *Имперію Всероссійскую*, совершалась та же борьба разрозненныхъ силъ—началъ старой и новой Россіи. Въ гражданскомъ устройствѣ русскаго народа много было внутреннихъ противорѣчій, разлада, питавшихъ разъединеніе въ духѣ народномъ. Большей части народа, воспитаннаго въ средневѣковой вольности, казалось тяжкимъ недавно возникшее личное подчиненіе и служба государству, подушная зависимость отъ него, прикрѣпленіе къ сословнымъ общинамъ, отмѣна Юрьева дня и закрѣпощеніе. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича открыло собой періодъ новаго законодательства; но отсталые люди, привыкшіе жить не по законамъ, а по старинѣ, по жалованнымъ грамотамъ, по земскимъ обычаямъ, упорно противились новшеству. Расколъ же призналъ это уложеніе и донынѣ признаетъ противнымъ вѣрѣ Христовой. До 160 человѣкъ, недовольныхъ уложеніемъ, сосланы были въ Соловецкій монастырь—и тамъ, вмѣстѣ съ государственными мятежниками произвели раскольничій бунтъ. При такихъ обстоятельствахъ понятно, почему множество людей примкнуло къ демократической партіи раскольниковъ.

Община принимала всѣхъ, кто одержимъ былъ еще старымъ противугосударственнымъ духомъ противленія гражданской власти, личнаго произвола и необузданной свободы. А такихъ людей въ XVII вѣкѣ было много. Самая идея верховной власти, самодержавія, достигшая своего полнаго развитія въ имперіи, не проникла еще въ массу народную. Сколько народъ любилъ царя, столько же любовь та была непостоянна. Царь Борисъ Годуновъ, пока благодѣтельствовалъ народу и не касался его внутренняго быта, былъ любимъ,—но когда сталъ вводить новые порядки и обычаи, то «въ ненависть былъ всему міру ради такихъ нововводныхъ дѣлъ». Недаромъ возможно было появленіе 14-ти самозванцевъ въ XVII вѣкѣ, въ томъ числѣ четырехъ въ одно царствованіе Алексѣя Михайло-

вича. Въ актахъ историческихъ весьма часто говорится о томъ, какъ многіе «чинились сильны и непослушны государеву указу». Когда царь издавалъ какое нибудь распоряженіе не по праву черни, она возмущалась, бунтовала, не понимая благихъ намѣреній правительства, съ буйнымъ неистовствомъ требовала у государя чего хотѣла—и государь долженъ былъ иногда уступать ея своеволію, чтобъ избѣжать мятежа и кровопролитія.

Но особенно развитію раскола благопріятствовалъ духъ противу-государственной вольности и самоуправства, господствовавшій въ стрѣльцахъ и казакахъ. Стрѣльцы по городамъ были главными зачинщиками мятежей. За этихъ-то стрѣльцовъ и принялся прежде всего Петръ I, великій строитель государственнаго порядка Россіи. Геніальнымъ умомъ провидѣлъ онъ, что старыми московскими порядками нельзя далѣе тянуть государственную машину и поѣхалъ за границу-учиться наукѣ правленія, а оттуда вернулся обритый, въ нѣмецкомъ платьѣ, и сталъ передѣлывать Русь на «нѣмецкій манеръ». Вотъ какъ изображаетъ это возвращеніе государя знатокъ русскаго раскола, П. И. Мельниковъ. Свѣдали старообрядцы, что, возвратясь въ Москву, царь, не заѣзжая ни въ Кремль къ тамошнимъ чудотворцамъ, ни къ Иверской Божіей Матери, прямо проѣхалъ на Кокуй, въ нѣмецкую слободу, въ домъ виноторговца Монса, гдѣ съ его дочерью и Лефортомъ прокутилъ цѣлую ночь, наутро обрилъ бороду боярамъ, а въ день новаго года (1-го сентября) вопреки древнему обычаю, не явился на кремлевской площади, не принялъ благословенія патріарха и поздравленій бояръ и народа и самъ не «здравствовалъ» народъ съ новолѣтіемъ. Черезъ двѣнадцать дней по пріѣздѣ, не допустивъ царицу на глаза, постригъ ее и заточилъ въ Суздальскій монастырь, а тамъ принялся за кровавый пиръ — за стрѣльцовъ. Такъ какъ въ 1666 году раскольники ошиблись относительно ожидаемаго пришествія антихриста, то и начались въ то время толки о пришествіи его не во плоти, «не чувственнаго», а пока еще «духовнаго»; а между тѣмъ высчитали, что дѣйствительное пришествіе его послѣдуетъ въ 1699 году, конецъ же міру послѣдуетъ не ранѣе половины 1702 г. Въ 34 году по Р. Х. распятъ былъ Спаситель, говорили раскольники,—и тогда же былъ связанъ сатана на 1000 лѣтъ, т. е. до 1034 года, когда отпала римская церковь отъ православной. Съ этого времени до явленія антихриста должно было исполниться число лѣтъ, равное апокалипсическому числу въ имени антихриста, т. е. 666; и такъ онъ долженъ явиться въ 1699 или 1700 году. Подъ вліяніемъ подобныхъ толковъ образовалось въ раскольникахъ убѣжденіе, что антихристъ, ожидаемый ими въ 1699 году, никто иной какъ Петръ I.

Такъ-то представляли себѣ раскольники могучую личность преобразователя и начало его животворящихъ реформъ.

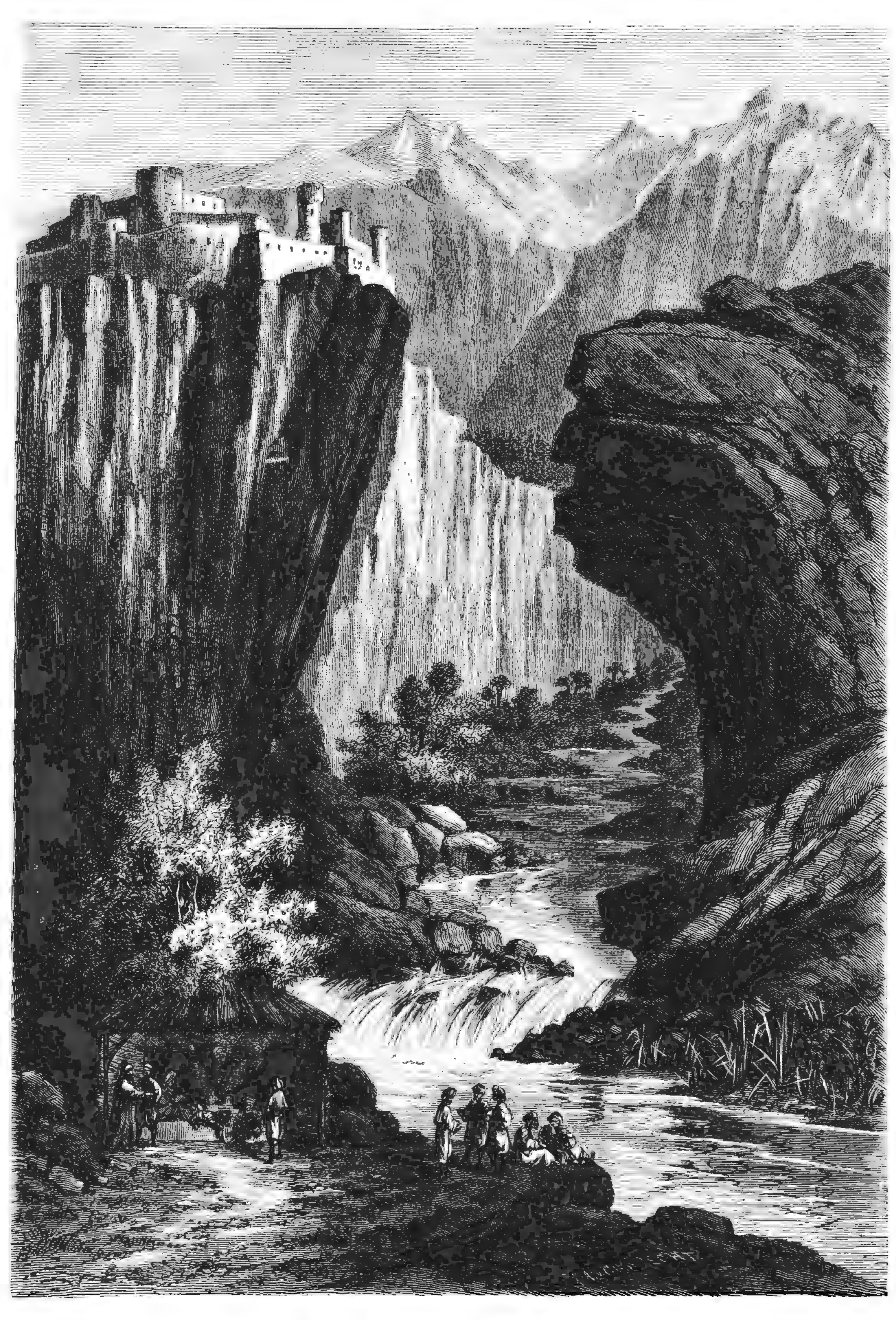
Замокъ Ключъ на Занѣ.

Замокъ Ключъ на Занѣ, изображенный на прилагаемомъ при этомъ рисункѣ, извѣстенъ какъ послѣднее убѣжище послѣдняго короля Босніи Стефана. Будучи осажденъ тутъ, въ 1463 г., Магометомъ II, король этотъ былъ на столько довѣрчивъ, что сдался побѣдителю послѣ того, какъ тотъ поклялся кораномъ и пророкомъ пощадить его жизнь. Но такъ какъ, согласно османской политикѣ, договоры заключаются, а клятвы даются для того только, чтобы нарушить ихъ,—и одолѣть врага коварствомъ похвальнѣе чѣмъ побѣдить его силою, то Магометъ II и приказалъ вскорѣ отрубить плѣннику голову. Теперь страшная крѣпость не болѣе, какъ развалина, какъ и всѣ вообще боснійскія крѣпости, и видъ ея уже никого не приведетъ въ ужасъ. Впрочемъ, это послѣднее впечатлѣніе все еще производитъ отчасти высокая нависшая скала, на которой построена крѣпость,—а еще болѣе та, что стоитъ насупротивъ нея, въ видѣ громадной сломанной арки. Эти замѣчательныя ворота созданы водами Заны, которая, протекая здѣсь Богъ знаетъ сколько тысячелѣтій, точила и размывала скалу, до тѣхъ поръ пока ворота приняли свой настоящій видъ и образъ, остающійся неизмѣннымъ вотъ уже 2000 лѣтъ. Подобныя бреши впрочемъ не диковинка въ Босніи. Названіе «Ключъ» замокъ получилъ вслѣдствіе того значенія, какое онъ имѣлъ для обороны страны. То же самое названіе носитъ и лежащій за утесомъ, нѣсколько ниже по теченію рѣки, городишка, гдѣ всего 1700 жителей. Маленькое строеніе у подножія утеса, на лѣво—«кьешкъ» или павильонъ слѣдующаго за нимъ и поэтому не вошедшаго въ рамы этой картинки «гана» или турецкой гостинницы. Тутъ не переводится огонь, для того чтобы можно было, въ какую угодно минуту, сварить кофе или же брать уголья для закуриванія трубки. Съ этой цѣлью каждый истый боснякъ носитъ за поясомъ нарочно для этого щипчики. Людямъ знатнымъ уголья подаются услужливымъ хозяиномъ или другими не столь важными гостями. Въ «кьешкѣ» Гандши или хозяинъ готовитъ заказанныя кушанья, и гости обыкновенно тутъ же на мѣстѣ съѣдаютъ ихъ, а тѣ, кто побѣднѣе, проводятъ тутъ и ночь, закутавшись въ свои одѣяла. Болѣе зажиточнымъ посѣтителямъ отводится комната въ ганѣ, только кто хоть разъ воспользовался этимъ отличіемъ, тотъ никогда уже не забудетъ претерпѣнныхъ имъ ночью мученій — ни смрадной атмосферы гана, ни кишащихъ въ немъ мелкихъ паразитовъ, которые повидимому особенно лакомы до крови «франковъ», по крайней мѣрѣ босняки спятъ при этомъ какъ нельзя лучше. Точно такъ же, если крупный дождь промочитъ насквозь, весь день скакавшаго, сломя голову, иностранца, то, чего добраго, и онъ при видѣ смраднаго гана, воскликнетъ пожалуй: «а все-таки Боснія чудная страна и ея храбрые жители удивительно хороши собой и чрезвычайно понятливы»!

Политическое обозрѣніе.

За послѣднія двѣ недѣли, борьба между правительствомъ и правою стороною національнаго собранія во Франціи приняла оборотъ, который по разнымъ причинамъ можно было предвидѣть заранѣе. Поводомъ къ этой борьбѣ, какъ читатели вѣроятно помнятъ, послужило расположеніе президента республики къ партіи,

поддерживаающей республику какъ единственно возможную въ настоящее время форму правленія во Франціи. Правой сторонѣ, т. е. монархистамъ разныхъ оттѣнковъ и направленій, почему-то вообразилось, что и усердіемъ, достойными лучшей цѣли, напали они на правительство, требуя отъ него публичнаго отреченія отъ всякаго сообщества съ радикалами. Напрасно Тьеръ распинался за свою честь въ національн. собраніи, призна-



Замокъ ключъ на Занѣ. Съ фотографіи рисовалъ и гравировалъ Шпехтъ.

Тьеръ, для упроченія своего положенія, разсчитываетъ не только на партію умѣренныхъ республиканцевъ и либераловъ, но и на такъ-называемыхъ радикаловъ (крайнихъ сторонниковъ республики). „Старые друзья Тьера" не могли простить ему этого; съ ожесточеніемъ вая себя оскорбленнымъ подобнымъ недовѣріемъ палаты, грозилъ даже выйти въ отставку именно въ такую критическую для страны минуту,—правительство принуждено было уступить большинству палаты и въ одно изъ послѣдующихъ засѣданій громогласно отрек-

лось отъ сообщества съ радикальною партіею. Это была первая уступка, сдѣланная правительствомъ правой сторонѣ. Ободренные успѣхомъ, монархисты пошли еще далѣе: чтобы помѣшать осуществленію ненавистныхъ имъ реформъ, которыя Тьеръ, послѣ уступки, сдѣланной имъ правой сторонѣ, надѣялся ввести при содѣйствіи всѣхъ партій собранія, монархисты подняли вдругъ вопросъ о сочувственныхъ адресахъ, которые въ большомъ количествѣ присылались Тьеру, когда стало извѣстнымъ содержаніе его посланія національному собранію (см. № 46 „Нивы"),—и добились того, что какъ составителямъ адресовъ, такъ и министру внутреннихъ дѣлъ, Лефрану,—отъ котораго зависѣло предупредить ихъ появленіе, — выражено было косвенное порицаніе, послѣдствіемъ котораго былъ выходъ Лефрана въ отставку. На мѣсто его Тьеръ назначилъ человѣка изъ лагеря монархистовъ, желая конечно, угодить этимъ правой сторонѣ. Съ выходомъ Лефрана, между министрами остался только одинъ изъ партіи республиканцевъ, да и тотъ самаго невиннаго свойства,—министръ народнаго просвѣщенія, Жюль Симонъ. Это была вторая уступка правительства правой сторонѣ. Третьей побѣдой монархистовъ слѣдуетъ считать выборъ членовъ въ комиссію для установленія правильныхъ отношеній между исполнительною властью республики (президентомъ) и законодательною (національнымъ собраніемъ), по предложенію самого правительства. Предлагая эту мѣру, правительство разсчитывало, что большинство членовъ въ этой комиссіи составится если уже не изъ лицъ совершенно ему преданныхъ и его поддерживающихъ, то по крайней мѣрѣ изъ такихъ которыя ему не враждебны. Но и тутъ его ожидала неудача: изъ 30 членовъ комиссіи только 11 принадлежатъ къ партіи правительственной, остальные сидятъ на правой сторонѣ.

Но что-же дѣлала во все это время лѣвая сторона, собранія т. е. та довольно многочисленная партія депутатовъ, которая поддерживаетъ президента въ его борьбѣ съ монархистами? Эта партія почти во всѣхъ важныхъ голосованіяхъ послѣдняго времени оставалось въ меньшинствѣ. Радикальная часть ея, какъ болѣе энергическая, выступила-было впередъ съ манифестомъ, въ которомъ указывала на распущеніе собранія и на обновленіе его новыми силами, какъ на единственный выходъ изъ настоящаго положенія. Многіе изъ членовъ этой партіи, вмѣстѣ со нѣкоторыми изъ сочувствующихъ ей газетъ, стали распространять эту мысль по всей Франціи; вслѣдъ за симъ изъ разныхъ мѣстъ стали получаться просьбы о распущеніи нынѣшняго національнаго собранія, полномочія котораго, по увѣренію республиканцевъ, уже кончились. Побѣда повидимому начала склоняться на сторону правительственной партіи; но правая сторона и здѣсь съумѣла поставить на своемъ. Манифестомъ лѣвой стороны и присылаемыми со всѣхъ концовъ Франціи просьбами о немедленномъ распущеніи собранія она воспользовалась для того, чтобы напугать президента страшнымъ призракомъ революціи, въ которую можетъ быть повергнута страна, если власть перейдетъ въ руки будущаго національнаго собранія, которое будто бы составится изъ однихъ только самыхъ крайнихъ радикаловъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что Тьеръ, заявивъ, что онъ не раздѣляетъ мнѣнія о необходимости немедленнаго распущенія собранія, сдѣлалъ тѣмъ самымъ четвертую уступку правой сторонѣ. Впрочемъ, судя по послѣднимъ извѣстіемъ, предложеніе, выработанное комиссіею тридцати, составлено въ болѣе примирительномъ духѣ и въ главныхъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ: власть Тьера должна быть продолжена на 3 года; въ случаѣ смерти его, или другихъ особенныхъ обстоятельствъ, исполнительную власть приметъ на себя нынѣшній предсѣдатель націон. собранія, Греви (умѣренный республиканецъ по убѣжденіямъ и одинъ изъ честнѣйшихъ людей современной Франціи); для обезпеченія въ собраніи спокойствія, должна быть выбрана изъ среды его постоянная комиссія, на обязанности которой будетъ разсматриваніе трудовъ собранія. Въ комиссіи этой, которая должна называться контрольнымъ отдѣленіемъ перебываютъ всѣ члены собранія, по жребію. Если подобное предложеніе комиссіи будетъ принято націон. собраніемъ, то можно будетъ надѣяться на успѣхъ нѣкоторыхъ предложеній о реформахъ, составленныхъ правительствомъ и внесенныхъ на разсмотрѣніе палаты. Въ общемъ-же положеніе дѣлъ таково, что Тьеръ, подавляемый монархическимъ большинствомъ собранія, не можетъ провести задуманныхъ имъ преобразованій, но въ то-же время не рѣшается окончательно примкнуть къ лѣвой сторонѣ, чтобы съ ея помощью достигнуть распущенія столь консервативнаго собранія. Общественное мнѣніе, если судить по присылаемымъ со всѣхъ концовъ Франціи заявленіямъ, сочувствуетъ Тьеру и его правительству, и совѣтуетъ ему держаться лѣвой стороны собранія. Говорятъ, что при встрѣчѣ съ экипажемъ Тьера парижскіе кучера съ особеннымъ удареніемъ кричатъ: „держи лѣвѣе"!...

Но не одна только Франція испытываетъ на себѣ перемѣны и волненія въ родѣ вышеприведенныхъ: нѣчто подобное совершается такъ же въ Венгріи. Извѣстно, что королевство это вошло въ составъ австрійской имперіи на правахъ такъ-называемаго *дуализма.* Это значитъ, что венгерскія земли пользуются одинаковыми политическими правами съ чистонѣмецкими провинціями Австріи; императоръ австрійскій вѣнчается вмѣстѣ съ тѣмъ и королемъ,—вообще Венгрія составляетъ собою довольно самостоятельную половину австрійской имперіи. Въ венгерскомъ сеймѣ а слѣдовательно и между венгерскимъ народомъ существуютъ въ настоящее время три партіи: одна—партія консерваторовъ—поддерживаетъ дуализмъ, т. е. настоящій порядокъ вещей, и находитъ, что если Венгрія пользуется теперь нѣкоторою самостоятельностью, то благодаря только тому, что она идетъ рука объ руку съ Австріей, составляя съ нею одно цѣлое; съ отдѣленіемъ-же Венгріи отъ Австріи, эта послѣдняя распадется совершенно, а вскорѣ за нею послѣдуетъ и Венгрія. Другая партія стремится къ отдѣленію своего отечества отъ Австріи и къ образованію изъ него самостоятельной политической едининицы; къ этой партіи, довольно многочисленной, принадлежатъ многіе вліятельные члены мадьярской аристократіи. Наконецъ, есть еще третья партія такъ-называемыхъ непримиримыхъ, представителемъ которой является извѣстный патріотъ Кошутъ; члены этой партіи не согласны ни на какія сдѣлки съ Австріей и самостоятельность своего отечества представляютъ себѣ не иначе, какъ подъ республиканской формой. До сихъ поръ партія сторонниковъ дуализма имѣла и количественный и качественный перевѣсъ на политическомъ поприщѣ; не только большинство членовъ венгерской палаты депутатовъ придерживается это системы, не только глава венгерскаго министерства принадлежитъ къ ней-же, но и самъ министръ-президентъ Австріи, графъ Андраши, числится между ея сторонниками. Лѣвая сторона однако не унываетъ, продолжая держаться принятаго ею направленія, и если въ чемъ сходится съ остальными партіями, такъ только въ противодѣйствіи стремленіямъ къ самостоятельности различныхъ славянскихъ народностей Австріи. Тутъ только выступаетъ на сцену все эгоистическое единодушіе мадьяровъ (венгровъ), которое въ стремленіяхъ австрійскихъ славянъ видитъ помѣху своимъ собственнымъ планамъ. Въ этомъ случаѣ партія дуалистовъ, отвергающая стремленія къ самостоятельности всѣхъ народностей Ав-

стріи безъ исключенія, поступаетъ гораздо послѣдовательнѣе остальныхъ своихъ соотечественниковъ.

Законъ объ окружномъ правленіи въ Пруссіи, наконецъ, прошелъ въ Верхней Палатѣ. Чтобы сломить упорство „господъ", правительство, распустивъ палату, назначило въ нее 25 новыхъ членовъ, по большей части изъ чиновничьей среды. Благодаря имъ, законъ былъ принятъ и Верхней Палатой. Другою немаловажною новостью является просьба объ отставкѣ, поданная императору Вильгельму кн. Бисмаркомъ, который желаетъ сложить съ себя одну изъ своихъ должностей.

Недавно умеръ одинъ изъ претендентовъ на президентское мѣсто въ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и соперникъ Гранта, Горасъ Грили.

Смѣсь.

У птичника.

Въ послѣдніе годы, по мѣрѣ развитія въ обществѣ любви къ естествознанію, чрезвычайно размножились различные садки для комнатнаго содержанія животныхъ и растеній и наблюденія надъ ихъ нравами. Рѣдкую гостиную не украшаетъ какой нибудь питомникъ, террарій или акварій. Особенно акваріумы распространены у насъ, устраиваются часто громадной величины и стоятъ очень дорого. Прилагаемый на стр. 809 рисунокъ изображаетъ одинъ изъ подобныхъ садковъ, гораздо рѣже попадающійся въ такихъ размѣрахъ. Это авіарій, или по просту *птичникъ*. Маленькіе садки для канареекъ намъ не въ диковинку, но вглядитесь въ это просторное помѣщеніе за проволочной сѣтью: какихъ только птицъ и пташекъ нельзя насажать въ эту громадную клѣтку, гдѣ собраны всѣ удобства для пернатыхъ жильцовъ! Тутъ и сухое деревцо, на которомъ воркуетъ пара египетскихъ голубей, а золотой фазанъ заботливо чиститъ клювъ объ вѣтку. Внизу полощатся въ небольшомъ бассейнѣ красивые виды утокъ, а мелюзга даже выпускается на время въ комнату и со всѣхъ сторонъ летитъ къ милой хозяйкѣ, у ногъ которой собралась чистоплотная семья куропатокъ. Правда, устройство такого птичника обходится не дешево, требуетъ особой комнаты, многихъ хлопотъ и постояннаго попеченія: птица просыпается рано, громогласно заявляетъ о томъ, что день насталъ и желудокъ ея пустъ,—нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, въ томъ, что заботливой хозяйкѣ частенько приходится прямо съ постели спѣшить къ своимъ любимцамъ. За то, посмотрите, какою радостью сіяютъ ея глаза, при видѣ этихъ крошекъ, которыя на лету хватаютъ сыплющійся изъ щедрой руки кормъ и весело щебечутъ вокругъ нея. А какая радость, когда изъ пестренькихъ скорлупокъ подъ насѣдкой выклюнется цѣлое поколѣніе молодыхъ птенчиковъ съ желтыми носиками, какъ у изображенныхъ куропатокъ,—или когда вмѣстѣ съ весенними лучами солнца въ первый разъ запоетъ тотъ или другой голосистый пѣвецъ. Но, повторяемъ,—и возни съ ними не мало: садокъ ежедневно должно чистить, иначе воздухъ въ комнатѣ станетъ невыносимо тяжелый. Нѣкоторыя породы пташекъ исключительно насѣкомоядны—и доставленіе имъ корма зимою сопряжено съ большими затрудненіями, такъ какъ отъ однихъ муравьиныхъ яицъ онѣ нерѣдко худѣютъ. Другія плохо уживаются вмѣстѣ и требуютъ особыхъ перегородокъ. Въ отношеніи экзотическихъ видовъ малѣйшій недосмотръ пагубно отзывается на здоровьи чужеземныхъ плѣнницъ: въ особенности бенгальки, колибри и мелкіе попугайчики часто гибнутъ въ нашемъ климатѣ. Но когда есть средства и охота устранить и побороть всѣ препятствія—трудъ выкупается бездною наслажденій, доставляемыхъ созерцаніемъ этой разнохарактерной жизни, безконечно разнообразной въ своихъ проявленіяхъ.

Торжество механики. Молодая женщина, по имени Робертсонъ, которой угрожала смерть отъ антонова огня, должна была подвергнуться въ 1869 г. ампутаціи, лишившей ее обѣихъ рукъ и обѣихъ ногъ. Докторъ Бергъ, счастливо исполнившій эту операцію въ Дунди *(Dundee)*, сдѣлалъ въ пользу этой женщины подписку. Несчастная была отправлена въ Лондонъ, гдѣ г. Гесеръ Беггъ (*Heather Begg*) сдѣлалъ для нея, по особеннымъ рисункамъ, искуственныя руки и ноги. Руки были устроены автоматически и притомъ такъ, что она можетъ сгибать и разгибать пальцы, когда ей угодно. Это дало ей возможность брать въ руки даже самые мелкіе предметы, напр. иголки. Мало по малу бѣдная женщина привыкла къ употребленію новыхъ членовъ, такъ что могла даже ткать шали и заработывать себѣ кусокъ хлѣба. Она послала одну изъ вытканныхъ ею шалей королевѣ и получила отъ нея за это 5 фунт. стерл. Помощію костылей госпожа Робертсонъ можетъ стоять и ходить, а теперь, по прошествіи трехъ лѣтъ, она можетъ писать, вязать, одѣваться и т. д. «*British Medical Journal*» пишетъ, что это безпримѣрный случай, свидѣтельствующій о необыкновенныхъ успѣхахъ хирургіи въ механикѣ.

Новѣйшія произведенія Каульбаха. Недавно вышелъ въ Мюнхенѣ первый выпускъ новаго собранія произведеній Каульбаха, «Танецъ Мертвецовъ», въ четырехъ очень удачно фотографированныхъ листахъ. Первый листъ изображаетъ, какъ смерть со всевозможною вѣжливостью отнимаетъ у великаго естествоиспытателя Гумбольдта «Космосъ». Второй листъ представляетъ, какъ папа запирается въ Ватиканѣ и, кичась силою своего ключа, презираетъ смерть, которая въ одеждѣ протестантскаго пастора стучится въ дверь, а тѣмъ временемъ *католическая* смерть уже повисла на непогрѣшимомъ ключѣ. Третій листъ приводитъ насъ ко времени упадка Германіи. Нѣмецкіе князья присягаютъ въ вѣрности римскому королю. Супруга Наполеона I держитъ на колѣняхъ маленькаго римскаго короля. Смерть, въ видѣ папскаго нунція, выступаетъ впередъ въ качествѣ оратора присягающихъ князей и, танцуя, вручаетъ протягивающему руки ребенку церковный вѣнецъ и скипетръ, верхушка котораго изображаетъ прыгунчика. А внизу подписано: «бѣдное, невинное дитя, въ твоемъ вѣнцѣ заранѣе отражается паденіе твоего рода». Четвертая картина изображаетъ протестантскаго пастора и монаха, горячо спорящихъ между собою и силящихся обратить другъ друга доводами изъ Библіи, пока наконецъ, пораженные смертью, они не сталкиваются черепами. На сторонѣ пастора плачетъ его жена и множество дѣтей, на сторонѣ монаха стоитъ множество монахинь, ломающихъ себѣ руки въ отчаяніи руки, а надъ обоими спорящими ангелъ дѣлаетъ носъ.

Американскіе репортеры. Извѣстно,—пишетъ «Нью-іоркская торговая газета»—что репортеры газетъ преотважный народецъ. Ничто не ускользаетъ отъ ихъ наблюдательности и настойчивости; сегодня разсматриваютъ въ лупу коронованную особу, завтра всемогущаго министра, а послѣ-завтра пронюхиваютъ, что дѣлается во внутренности Африки. Но вотъ чего еще не бывало. Недавно одинъ изъ этихъ господъ рѣшился подвергнуть себя заключенію въ сумашедшемъ домѣ, чтобы провѣдать тайны этого заведенія. О сумашедшемъ домѣ Блюмангдаля ходили въ обществѣ дурные слухи. Господинъ Джемсъ Чемберсъ, репортеръ «Трибуны», пріѣхавшій три недѣли тому назадъ изъ Новаго Орлеана въ Нью-Іоркъ, занялъ въ гостинницѣ комнату, притворился сумасшедшимъ и былъ отвезенъ въ упомянутый домъ умалишенныхъ. Будучи выпущенъ черезъ двѣ недѣли, онъ печатаетъ въ своей газетѣ отчетъ, не говорящій въ пользу этого заведнія, но подтверждающій носившіеся слухи и доказывающій, что удостовѣренія двухъ докторовъ, подкрѣпленнаго приказаніемъ какого нибудь полицейскаго чиновника, совершенно достаточно, чтобы посадить кого угодно въ сумашедшій домъ.

Куріозы англійскаго почтамта. Въ числѣ разныхъ куріозныхъ фактовъ, заключающихся въ ежегодномъ отчетѣ англійскаго почтамта, находится между прочимъ, что въ прошломъ 1871 году оказалось около 3,500,000 писемъ и около 300,000 почтовыхъ картъ, которыхъ почтамтъ рѣшительно не могъ доставить. 80,000 изъ этихъ недоставленныхъ писемъ заключали въ себѣ предметы различнаго рода; 15,000 были безъ адреса, въ томъ числѣ много такихъ, куда были вложены деньги или банковые билеты. Въ особенности поразительна та небрежность, какую публика выказываетъ иногда при отправкѣ цѣнныхъ вещей. Такъ, напр., въ прошломъ году былъ поданъ свертокъ, заключающій въ себѣ часы и двѣ золотыя монеты, безъ адреса, безъ печати и даже не завязанный; а въ другой разъ въ почтовомъ ящикѣ оказались часы съ медальономъ, едва завернутые и адресованные въ Америку; но ничто, ни внутри, ни снаружи свертка, не показывало, для кого назначены эти предметы, или кто былъ подателемъ ихъ. Иногда же приносятъ посылки, заключающія въ себѣ чрезвычайно странные для доставки по почтѣ предметы, какъ напр. живыхъ шелковичныхъ червей, мышей, ящерицъ и черепахъ. Одна изъ самыхъ необыкновенныхъ посылокъ была подана особенно эксцентричнымъ господиномъ, который чрезвычайно удивлялся, что почтамтъ отказывается доставить по почтѣ живую змѣю. Порѣшили на томъ, что змѣя будетъ отправлена на мѣсто назначенія съ нарочнымъ.

Японскіе фейерверки. Какъ хотите, а японцы—преоригинальный народъ. Они даже днемъ забавляются фейерверками! Главную роль въ этихъ фейерверкахъ играютъ ракеты и бомбы, разрывающіяся высоко въ воздухѣ и выпускающія изъ себя не огонь, а пестрый дымъ, самыхъ великолѣпныхъ цвѣтовъ,

или складныя фигуры изъ бумаги или проволоки, развертывающіяся въ воздухѣ и медленно опускающіяся на землю. Чего только не вылетаетъ изъ подобной ракеты, сопровождаемой длиннымъ пестрымъ хвостомъ дыма: рыбы, какъ-бы плавающія въ воздухѣ; большія, ярко-раскрашенныя змѣи, извивающіяся надъ вершинами деревьевъ; птицы, удивительно долго парящія въ воздухѣ на одномъ и томъ же мѣстѣ; человѣческія фигуры, цвѣты, дома, храмы, словомъ все, что только можно вообразить,—и эта-то смѣна бумажныхъ фигуръ и призраковъ, представляемыхъ сложившимся въ компактную массу дымомъ, производитъ удивительное впечатлѣніе.

Обѣдъ вошелъ въ обычай только въ новѣйшее время. Древніе, какъ римляне, такъ и германцы, только ужинали или, лучше сказать, вечеряли. Обѣдъ произошелъ отъ завтрака. Поэтому-то въ XIV столѣтіи обѣдали или, пожалуй, ѣли въ 8 часовъ утра. Только при Людовикѣ XIV начали садиться за столъ въ 11 часовъ утра и даже въ Англіи, въ царствованіе Елизаветы, это было обычное время ѣды. Въ революціонное столѣтіе обѣдъ, по крайней мѣрѣ у знатныхъ, происходилъ въ 2, въ 3 часа, а въ настоящее время за обѣдъ садятся въ Парижѣ не прежде 6, въ Англіи, очень часто, не прежде 10 часовъ вечера. На одномъ только нѣмецкомъ филистерѣ революція не оставила никакого слѣда, онъ и теперь обѣдаетъ въ полдень. Конечно, древній философъ правъ, говоря, что богатымъ лучше всего ѣсть, когда они почувствуютъ голодъ, а бѣднымъ—когда у нихъ есть чѣмъ утолить его.

Во времена гомеровскихъ героевъ пирующіе помѣщались на простыхъ скамьяхъ, поставленныхъ вокругъ такого же стола. Этотъ обычай былъ скоро вытѣсненъ персидскимъ обычаемъ обѣдать въ полулежачемъ положеніи. По тремъ сторонамъ стола раскладывали подушки, четвертая оставлялась свободною для прислуги. Гости лежали, обернувшись другъ къ другу спиною, на лѣвомъ боку, головою къ столу, ногами наружу, а кушанья брали со стола правой рукой, протягивая ее черезъ голову. Римляне наслѣдовали этотъ обычай отъ грековъ, а древніе германцы, садившіеся за низенькіе столы на связкахъ сѣна, переняли его отъ римлянъ. Во время *Ѳеодосія Великаго* пирующіе даже лежали на столахъ, дѣлавшихся въ видѣ полумѣсяца. Но, при той простотѣ нравовъ, какою отличались древніе германцы, этотъ обычай вскорѣ вышелъ у нихъ изъ употребленія. Поэтому-то уже при первыхъ французскихъ короляхъ были введены деревянныя скамьи, а для князей стулья съ подушками. Съ этого времени ведетъ начало чисто-германскій обычай разсаживать за столомъ мужчинъ и женщинъ попарно; каждой парѣ подавалось одно общее блюдо и чаша для питья. Низенькій столъ былъ замѣненъ высокимъ; сначала онъ оставался безъ всякой отдѣлки, но вскорѣ, у знатныхъ лицъ, его начали покрывать кожами, которыя были замѣнены въ XVI столѣтіи скатертями. Салфетки употреблялись еще у римлянъ. Каждый гость приносилъ съ собою по салфеткѣ, назначавшейся впрочемъ для не совсѣмъ деликатнаго употребленія, именно для того, чтобъ завернуть въ нее и унести домой тѣ кушанья, которыя особенно ему понравятся. Собственно для стола ихъ стали ткать прежде всего въ Реймсѣ, но еще въ царствованіе императора *Карла V* онѣ были такъ дороги, что ими дарили королей и королевъ. Ложки, само собою разумѣется, были извѣстны только народамъ, употреблявшимъ въ пищу похлебки. Греческіе боги и герои ѣли пальцами. Ножи были впервые введены галлами, но вилки—болѣе новаго происхожденія. О ножахъ и вилкахъ говорится въ первый разъ по поводу пира, даннаго *Филиппомъ Красивымъ*, герцогомъ Бургундскимъ; каждому мужчинѣ подано было при этомъ по ножу, а сидящимъ подлѣ нихъ дамамъ—по вилкѣ. Въ Англію и Германію эти вилки введены гораздо позже, и *Марія Стюартъ* брала кушанья пальцами. Вмѣсто тарелокъ долго употребляли ломти хлѣба, пока наконецъ эти послѣдніе были замѣнены сначала деревянными кружками, потомъ глиняными и, наконецъ, металлическими тарелками.

Ящики для газетъ. На многихъ англійскихъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ заведены ящики, въ родѣ почтовыхъ, куда путешественники опускаютъ развлекавшія ихъ въ дорогѣ и уже ненужныя для нихъ газеты и книги. Эти газеты и книги отправляются въ госпитали и разныя другія благотворительныя заведенія, для назиданія и развлеченія ихъ обитателей. Мы рекомендуемъ это прекрасное заведеніе нашимъ станціямъ желѣзныхъ дорогъ.

Вліяніе кладбища на воду. Относительно измѣненій колодезной воды по близости кладбищъ, «*Annales de la Société de med. de Gand*» представляетъ чрезвычайно интересный отчетъ о произведенномъ Лефортомъ въ С. Дидье (во Франціи) анализѣ воды единственнаго тамошняго колодца, лежащаго въ 50 метрахъ отъ кладбища. Эта вода имѣетъ сладковатый вкусъ, не возбуждаетъ рвоты, однако оставляетъ по себѣ гнилостный вкусъ. При выпариваніи остается густая, сѣрая масса, которая при дальнѣйшемъ нагрѣваніи получаетъ темно-коричневый цвѣтъ и распространяетъ пригорѣлый запахъ. Одна часть осадка была смѣшана съ разбавленной хлористо-водородной кислотой, при чемъ образовались—углекислота и запахъ глины; другая часть была разложена посредствомъ известковой воды, при чемъ замѣтили присутствіе большаго количества аммоніаковыхъ солей. Поэтому-то, основываясь на присутствіи органическихъ веществъ, Лефортъ и вывелъ заключеніе, что даже разстояніе на 100 метровъ отъ всякаго человѣческаго жилища еще не достаточно для устройства кладбища; что новыя кладбища могутъ устроиваться въ какомъ нибудь мѣстѣ только тогда, когда убѣдятся, что кладбищенская вода не проникаетъ въ колодцы, вода которыхъ употребляется людьми для питья; что необходимо устроивать вблизи существующихъ кладбищъ и вообще мѣстъ назначенныхъ для выбрасыванія падали—подземныя трубы, которыя отводили бы изъ подобныхъ мѣстъ воду въ сторону, и что вообще слѣдовало бы по временамъ подвергать употребляемую въ питье воду точному анализу вслѣдствіе чего въ ней открывалось бы иногда присутствіе вредныхъ для здоровья веществъ, въ особенности въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ источниками.

Новое изобрѣтеніе. На вѣнскую всемірную выставку прибудетъ, какъ слышно, изъ Парижа новое важное изобрѣтеніе инженера Фердинанда Томмази по части телеграфнаго искусства, отъ примѣненія котораго надо ожидать полнѣйшаго преобразованія нынѣсуществующаго телеграфнаго сообщенія черезъ океанъ. По системѣ, лежащей въ основѣ этого изобрѣтенія, можно обходиться безъ электрическаго тока при передачѣ депешъ на далекія разстоянія или до извѣстной степени замѣнять его. Система эта, вызвавшая чрезвычайно одобрительные отзывы со стороны такихъ компетентныхъ судей, какъ Филипсъ, Спинелли, Кулиньи, Тоссели и другіе, основывается на передвигаемости запертаго въ трубкѣ водяного столба. Еслибы, напр., соединить Америку съ Европой, вмѣсто теперешняго каната, пустой внутри мѣдной проволокой, то въ пустомъ пространствѣ могъ бы помѣщаться водяной столбъ, на который стоило бы только произвести со стороны европейскаго материка съ помощью гидравлической машины давленіе—и это давленіе передалось бы на противоположный конецъ водянаго столба. Чтобы преодолѣть треніе и сцѣпленіе воды при разстояніи 4,000 километровъ и при водяномъ столбѣ 2 ¾ миллиметра въ поперечникѣ—потребовалось бы давленіе 250 атмосферъ.

Впрочемъ устройство этой полой проволоки можетъ быть то же самое, какъ и мѣдныхъ проволокъ трансатлантическаго кабеля. Опыты съ кабелемъ въ 500 метровъ длины, сдѣланные въ Парижѣ въ присутствіи опытныхъ спеціалистовъ, дали удивительный результатъ.

Пилигримства въ Лурдъ (во Франціи) принимаютъ все болѣе и болѣе значительные размѣры. Недавно, благодаря стараніямъ легитимистскаго духовенства, въ Лурдъ явилось заразъ до 20,000 богомольцевъ, со всѣхъ концовъ Франціи. Происхожденіе этихъ путешествій слѣдующее: одна дама изъ Лурда выбрала сосѣдній гротъ мѣстомъ для свиданій съ однимъ молодымъ таможеннымъ чиновникомъ. Однажды эта парочка была застигнута врасплохъ крестьянской дѣвочкой и, чтобы не допустить ее до естественнаго объясненія своего присутствія въ гротѣ, молодой человѣкъ отступилъ назадъ, а дама представила изъ себя небесное видѣніе. Она поручила изумленному ребенку возвѣстить деревнѣ, что Пресвятой Дѣвѣ угодно являть чудеса въ этомъ мѣстѣ. Это надѣлало много шуму. Одна благочестивая особа, желавшая способствовать проявленію этихъ чудесъ, отклонила теченіе протекавшаго вблизи маленькаго ручейка такъ, чтобъ онъ протекалъ черезъ гротъ и въ скоромъ времени нѣсколько больныхъ, употреблявшихъ эту воду, выздоровѣли. Этого было достаточно, чтобы обратить всю нѣжную заботливость сосѣднихъ содержателей гостинницъ на эти святыя мѣста и возбудить зависть въ *Bagneres di Biporre*, гдѣ теперь только и думаютъ о томъ, какъ бы произвести такое же чудо.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Дозволено цензурою 15 Декабря 1872 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**. Вознес. пр., д. № 53.

№ 52 1872.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—3 РИСУНКАМИ.

Выданъ 25 декабря 1872 года. **Годъ III.**

Желающіе могутъ еще подписаться на 1872 годъ; годовая цѣна 5 рублей съ пересылкой. Каждый новый подписчикъ получитъ всѣ уже вышедшіе №№ съ 1 до 52.

Про что щебетала ласточка.

Соч. Ф. Шпильгагена.

(Окончаніе).

— Да, ты, невыносимо терзавшій ея мать, возразилъ Готтгольдъ, обращаясь къ Брандову.—Ужь не думалъ ли ты, что ударъ, направленный на мать, не затронетъ ребенка? что ядъ, который ты подливалъ, капля за каплею, въ чашу ея жизни, не отравитъ и его? Ты не могъ такъ думать, потому-что весь твой планъ былъ основанъ именно на этой любви матери къ ребенку и ребенка къ матери; ты считалъ союзъ этихъ двухъ сердецъ настолько крѣпкимъ, чтобы основать на немъ все это гнусное сплетеніе лжи и обмана, измѣны и насилія. Повторяю: если ребенокъ умретъ—ты убилъ его. Вникни въ это, бездушный человѣкъ, если можешь. Это до такой степени ужасно, что всѣ твои остальные поступки блѣднѣютъ передъ этимъ; это такъ страшно, что должно заставить тебя остановиться.

Готтгольдъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, потомъ снова остановился передъ своимъ противникомъ, который сидѣлъ молча, подперевъ голову обѣими руками.

— Брандовъ! говорятъ, что когда, пораженный твоимъ клинкомъ, я лежалъ передъ тобой на землѣ, ты еще разъ ударилъ меня. Я рѣшительно не хотѣлъ вѣрить этому, и теперь мнѣ трудно этому вѣрить. Какъ бы то ни было, я не могу нанести смертельнаго удара человѣку, который безпомощно лежитъ передо мной на землѣ, кто бы онъ ни былъ и что бы онъ ни дѣлалъ; но и подать руку недостойному я также не могу,—развѣ-что онъ протянетъ ко мнѣ свою, прося помощи. Подумай объ этомъ, Брандовъ! можетъ быть эта минута наступитъ раньше, чѣмъ ты думаешь.

Готтгольдъ вышелъ изъ комнаты; Брандовъ все сидѣлъ

въ томъ же самомъ положенiи, углубленный въ самого себя, неподвижно устремивъ глаза на коверъ. На его блѣдномъ лицѣ блуждала презрительная улыбка.—Отличная проповѣдь, пробормоталъ онъ,—чрезвычайно назидательно! Это у него наслѣдственный даръ отъ отца,—поповичъ, извѣстное дѣло! А я сижу тутъ и позволяю усовѣщевать себя жалкому болтуну, проклятому лицемѣру, и не швырну ему все, что онъ говорилъ, назадъ въ его ханжескую рожу! Тьфу!

Онъ вскочилъ съ мѣста и заходилъ по комнатѣ.

— О глупость, безконечная глупость! Она полюбила этого пачкуна-живописишку не съ сегодняшняго и не со вчерашняго дня, она всегда любила его; она никогда не могла простить, что снизошла до меня, надменная принцесса! Вѣдь я зналъ это съ перваго же дня! И долженъ былъ спокойно проглотить это, дѣлать видъ будто ничего не замѣчаю? довольствоваться крошками, которыя мнѣ бросали? Чтожь я былъ... дуракъ? Никто не сдѣлалъ бы этого на моемъ мѣстѣ! а я сдѣлалъ только то, что сдѣлалъ бы на моемъ мѣстѣ всякiй! такъ поступаютъ тысячи, да еще у нихъ нѣтъ и моего оправданiя. Альма ужь давно бы убѣжала отъ своего дуралея-мужа, еслибъ я захотѣлъ этого, еслибъ постоянно не отговаривалъ ее! А ужь какъ бы это было имъ на руку! вѣдь и всѣ-то ихъ бѣдствiя сводятся на то, зачѣмъ я не облегчаю имъ дѣла. Ну, вотъ, кажется я имъ теперь довольно облегчилъ его! Дуракъ я! болванъ! Какъ бы я могъ потѣшиться надъ ними, какъ бы я потѣшился, не замѣшайся тутъ проклятыхъ денегъ! Они бросили мнѣ на дорогу камень, о который я споткнулся, и я же дѣлай имъ угожденiе, а они торжествуютъ себѣ да и только!

Онъ бросался изъ угла въ уголъ, какъ пойманный хищный звѣрь.

— Но еще посмотримъ. Я чуть было не распустилъ нюни передъ сантиментальной болтовней, какъ будто бы все это было сущей правдой; точно она не воспитал а ребенка такъ, чтобъ онъ ненавидѣлъ меня! точно въ немъ есть хоть одна черта моя—и онъ не могъ быть точно такъ же его ребенкомъ, да это вѣроятно и было бы такъ, будь онъ ужь тогда благороднымъ другомъ дома, какого онъ корчитъ изъ себя теперь. Я позволилъ согнуть себя въ бараній рогъ, какъ какой нибудь глупый мальчишка. Это случилось слишкомъ внезапно; я не былъ приготовленъ къ этому. Да и что Генрихъ Шеель отыскался—скверная штука. Кому бы пришло это въ голову, послѣ того какъ этотъ дуракъ отвлекъ всѣ подозрѣнiя на себя, да еще въ добавокъ, послѣ того какъ я его такъ настращалъ! Поплатится же онъ за это, попадись только онъ мнѣ въ руки, мошенникъ! Я покажу ему! ему и этой пустомелѣ-поповичу, и тому старому плуту, и проклятому жиду, и ей... ей...

Онъ подошелъ къ большому простѣночному зеркалу.

— Я былъ для нея не довольно хорошъ, такъ ли? Другiе въ этомъ отношенiи инаго мнѣнiя. Вотъ въ чемъ дѣло: я слишкомъ дешево продалъ себя. Такой молодецъ, какъ я, могъ бы заявить совсѣмъ другiя требованiя, хоть я въ настоящую минуту ничуть не красивѣе, чѣмъ былъ вчера вечеромъ Донъ-Жуанъ, когда за нимъ пришелъ чортъ. Но это такъ кажется отъ зеленаго стекла и жалкаго освѣщенiя.

Стукъ въ дверь прервалъ его мрачныя размышленiя. Пришелъ лакей спросить, скоро ли господинъ Брандовъ вернется въ столовую.

— Сейчасъ! сказалъ Брандовъ.

Онъ бросилъ еще взглядъ въ зеркало.—Однако, въ самомъ дѣлѣ, на мнѣ лица нѣтъ. Все равно! или даже лучше! Они подумаютъ, что я боюсь за завтрашнiй день, и тѣмъ скорѣе пойдутъ на приманку, глупцы! а завтра у меня будетъ въ карманѣ мои тридцать или сорокъ тысячь—остальное все пустяки.

XXXIV.

Ясное сентябрское утро свѣтило надъ старымъ ганзейскимъ городомъ, на извилистыхъ улицахъ котораго царствовала сегодня необыкновенная тишина,—такая тишина, что служанки, праздно стоя въ открытыхъ дверяхъ, могли безпрепятственно жаловаться другъ другу черезъ улицу на свою горькую долю. Въ самомъ дѣлѣ, не обидно ли, на второй день—самый главный день, когда всѣ на свѣтѣ, даже маленькiй мальчикъ, что учится шить башмаки у башмачника Банка, и тотъ ушелъ,—оставаться сторожить домъ? А ужь экипажъ кучера Коппа шестой разъ прiѣхалъ порожнимъ, и стоитъ теперь на углу у аптеки; но барышни вѣчно такъ долго наряжаются и никогда-то не готовы. Грѣшно это и стыдно, какъ подумаешь, что иныя порядочныя дѣвушки, которыя не заставили бы экипажъ дожидаться, даже и пѣшкомъ-то не смѣютъ туда сбѣгать. Но когда кошки нѣтъ дома, мыши прыгаютъ по столамъ и скамьямъ.

Веселыя дѣвушки, приближаясь другъ къ другу все ближе да ближе, схватились за руки и принялись кружиться по мостовой, то уходя отъ солнца въ тѣнь, бросаемую домами, то изъ тѣни на солнечный свѣтъ,—но вдругъ съ визгомъ вырвались другъ отъ дружки, и каждая полетѣла къ своей двери, когда изъ большаго тихаго сосѣдняго дома вышелъ неизвѣстный господинъ.

Готтгольдъ съ Цецилiей и старикомъ Бослафомъ всю ночь провелъ у кроватки Гретхенъ, а добрая Стина то приходила, то уходила. Нѣсколько разъ они думали, что уже наступаетъ послѣдняя минута; но маленькая хрипящая грудка, которую Цецилiя прижимала къ своей груди, опять собиралась съ силами, и Цецилiя снова опускала свое сокровище на подушку, которая едва ли была бѣлѣе нѣжнаго блѣднаго личика. Послѣ полуночи лихорадка немножко утихла; докторъ, пришедшiй рано утромъ, сказалъ, что опасность, къ сожалѣнiю, еще не прошла, но что онъ надѣется на нѣсколько спокойныхъ часовъ,—и убѣдительно просилъ воспользоваться этимъ промежуткомъ и запастись новыми силами, въ которыхъ всѣ они такъ нуждались.

Онъ взглянулъ при этихъ словахъ на старика Бослафа. Старикъ Бослафъ привѣтливо улыбнулся и сказалъ, чтобы господинъ докторъ не безпокоился объ немъ; онъ привыкъ къ ночнымъ дежурствамъ, и скоро у него будетъ вдоволь времени выспаться. Но Цецилiя, нѣжно заботясь о старикѣ, котораго она иначе не называла какъ отцомъ, настояла на томъ, чтобъ онъ легъ. И Готтгольда она также прогнала. Она останется дежурить съ Оттилiей до полудня; если состоянiе Гретхенъ ухудшится, ему тотчасъ же дадутъ знать.

И вотъ онъ шелъ по тихой улицѣ къ себѣ домой и видѣлъ дѣвушекъ, со смѣхомъ танцовавшихъ на тихой улицѣ, видѣлъ солнечный свѣтъ, такъ привѣтливо игравшiй на старинномъ фронтонѣ, и стаю голубей, весело кружившихся подъ ярко-голубымъ небомъ. Какъ онъ прекрасенъ—этотъ свѣтлый мiръ! какъ чистъ и живителенъ мягкiй теплый воздухъ, который онъ вдыхалъ въ себя полной грудью! какъ легко онъ шелъ, не смотря на безсонную ночь! какъ сильно билась жизнь въ его жилахъ, не смотря на все прошлое! А все-таки побѣдитъ тьма и смерть? Если ребе-

нокъ умереть—Готтгольдъ остановился въ ужасѣ — ему такъ живо представилась темная маленькая могилка. Но вѣдь это только мрачная игра его фантазіи! Гретхенъ вѣдь еще жива; она выздоровѣетъ, вѣдь нѣжное созданьице пережило эту страшную ночь,—и онъ смѣло могъ сказать себѣ, что онъ а не кто иной возвратилъ ее къ жизни. И такъ, она должна жить для него, должна своими маленькими нѣжными ручками положить послѣдній камень къ зданію его счастья. До сихъ поръ все удавалось же ему сверхъ ожиданія! Даже случай вступился за него! Смѣлъ ли онъ, нѣсколько дней тому назадъ, имѣть хоть малѣйшую надежду, что его противникъ такъ скоро, такъ вполнѣ будетъ въ его рукахъ, и онъ будетъ въ состояніи сказать: «это должно быть такъ и вотъ такимъ-то образомъ», и все это безъ шуму, даже никто посторонній и не знаетъ ничего! Сегодня вечеромъ несчастный долженъ вернуться въ Долланъ и тамъ будто бы найти украденныя деньги, а завтра черезъ Вольнофа передать ихъ въ кассу юргенскаго попечительнаго совѣта; сегодня же вечеромъ отчалитъ въ Англію пароходъ, который увезетъ его сообщника, добровольно объявившаго, что тутъ ему не житье, и онъ не чаетъ какъ бы поскорѣе уѣхать бы въ Америку, особенно если господа такъ щедро его наградятъ, какъ обѣщались, а ужъ насчетъ этого-то онъ спокоенъ, онъ знаетъ, что они сдержатъ обѣщаніе. Слѣдовательно, не далѣе какъ черезъ сутки все будетъ устроено и улажено для фундамента, на которомъ потомъ можно строить дальше.

Тяжелые поспѣшные шаги, недалеко отъ его дома, стремившіеся по пустой улицѣ ему на встрѣчу, заставили Готтгольда поднять голову.

— Что случилось, Іохенъ?

— Онъ убѣжалъ, отвѣчалъ Іохенъ, едва переводя духъ,—и я сію же минуту бросился къ вамъ.

— Когда?

— Да ужъ будетъ съ часъ, или около того. Онъ сказалъ, что усталъ и хочетъ немножко соснуть, а Классъ и я пошли къ фрау Мюллеръ; она звала насъ завтракать. Ну, господинъ Готтгольдъ, сидимъ мы себѣ преспокойно, подаетъ она намъ свѣжую итальянскую колбасу, намъ и въ голову не приходитъ ничего дурнаго, а онъ-то между тѣмъ прыгъ изъ втораго этржа въ садъ; садъ-то вѣдь прилегаетъ къ городской стѣнѣ, ворота не заперты— право мы не виноваты! Когда человѣкъ не можетъ смотрѣть на васъ прямо, какъ тутъ узнать, что у него въ башкѣ сидитъ такая затѣя?

— Часъ тому назадъ, ты говоришь?

Іохенъ кивнулъ головой.

— Гдѣ Классъ?

— Онъ пошелъ въ гавань; почемъ знать, тотъ пожалуй туда-то именно и направилъ лыжи—поразвѣдать какъ и что.

Готтгольдъ покачалъ головой.—Этого никакъ не можетъ быть; онъ знаетъ, что ужъ все условлено.

— Что намъ дѣлать, господинъ Готтгольдъ?

— Бѣги къ господину Вольнофу, разскажи ему что случилось и что я отправился на скачки, а потомъ приходи туда ко мнѣ какъ можно скорѣе.

Іохенъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него:—А вѣдь и вправду, господинъ Готтгольдъ, чуть ли-ка да онъ не тамъ; вчера вечеромъ у него только и было рѣчи что о скачкахъ.

Готтгольдъ пошелъ было, но Іохенъ опять нагналъ его.

— Вѣдь вы не сердитесь на меня, господинъ Готтгольдъ? и на брата Класса!

— Ахъ, вы добрые ребята!

Іохенъ былъ чрезвычайно растроганъ и безъ сомнѣнія намѣревался сказать еще что нибудь; но Готтгольдъ пожалъ его грубую честную руку и поспѣшно пошелъ по улицѣ къ городскимъ воротамъ, за которыми не въ далекомъ разстояніи отъ города находилось мѣсто для скачекъ.

Онъ зналъ дорогу только по разсказамъ, но сегодня въ ней никакъ нельзя было ошибиться. Чѣмъ ближе подходилъ онъ къ воротамъ, тѣмъ многочисленнѣе становилась публика, стремившаяся по одному и тому же направленію. Улица предмѣстья, черезъ которую надо было проходить была разукрашена по праздничному. Скромные дачные домики, наполовину прятавшіеся въ зеленыхъ садахъ, были сегодня убраны вѣнками и коврами; тамъ и сямъ изъ-за тѣнистыхъ деревьевъ, черезъ запыленную живую изгородь, смотрѣли на идущій по припеку народъ—какой нибудь старый господинъ, садовникъ или нянька съ ребенкомъ на рукахъ. Кто жалѣлъ, а кто и радовался. По временамъ на улицѣ гремѣлъ одинъ изъ тѣхъ длинныхъ голштинскихъ экипажей, которые снабжены четырьмя или шестью сидѣньями, расположенными одно позади другаго; если онъ ѣхалъ по направленію къ городу, то былъ пустъ, если же изъ него—то биткомъ набитъ пассажирами; — между этими счастливцами и съ ногъ до головы запыленными пѣшеходами нерѣдко шла перестрѣлка мѣстными остротами.

Готтгольдъ уже опередилъ много пѣшеходовъ и все еще такъ же быстро и неутомимо шелъ впередъ. Конечно, трудно было надѣяться, чтобъ онъ или Іохенъ могли отыскать въ такой толпѣ Генриха Шееля, тѣмъ болѣе что Генрихъ видимо не желалъ этого; но что имъ слѣдовало искать его именно на скачкахъ—въ этомъ Готтгольдп не сомнѣвался ни минуты. Онъ шелъ теперь по слѣдамъ бѣглеца—и чѣмъ яснѣе онъ представлялъ себѣ всѣ тѣ плохія послѣдствія, какими грозило ему это бѣгство, тѣмъ тяжелѣе становилось у него на сердцѣ. Если Генрихъ убѣжалъ, для того чтобъ не возвращаться, чтобъ дѣйствовать на свободѣ по своему усмотрѣнію—и Брандовъ во время узнаетъ это, онъ возьметъ назадъ всѣ свои уступки; придется вновь бороться, и притомъ съ такимъ противникомъ, котораго ужъ нельзя больше захватить въ расплохъ. Если Генрихъ Шеель ищетъ только случая отмстить за себя, то при грубой энергіи этого человѣка жизнь Брандова виситъ теперь на волоскѣ; даже допустивъ, что Брандовъ изъ тѣхъ людей, которые съумѣютъ постоять за себя, — и въ такомъ случаѣ все то, чего повидимому ему удалось добиться, становится сомнительнымъ, въ особенности же та тайна, которая скрывала до сихъ поръ отъ нагло-любопытнаго свѣта печальную судьбу обожаемой женщины.

Все быстрѣе и быстрѣе шелъ Готтгольдъ, надѣясь вскорѣ достигнуть цѣли, но напрасно поворачивалъ онъ изъ одной улицы съ тянувшимися по бокамъ стѣнами въ другую, — предмѣстью повидимому не было конца. До скачекъ еще полчаса пути, отвѣчали ему на его вопросъ.

Его обогналъ легкій, открытый экипажъ, запряженный двумя удивительными лошадьми, и пронесся мимо него. Ему показалось, что лицо изящнаго, молодаго человѣка, сидѣвшаго въ этомъ экипажѣ, знакомо ему. Юноша обернулся къ нему и вслѣдъ за этимъ хлопнулъ палочкой по плечу кучера, экипажъ остановился; моло-

дой человѣкъ спрыгнулъ наземь и быстрыми шагами пошелъ назадъ къ Готтгольду, махая рукой и еще издали крича ему: «наконецъ-то я васъ встрѣтилъ!»

Минуту спустя Готтгольдъ уже сидѣлъ подлѣ молодаго князя Прора; лошади опять помчались—и опять замелькали направо и налѣво запыленные пѣшеходы, живыя изгороди, сады, виллы и амбары.

— Вы не повѣрите, какъ я радъ! говорилъ князь, еще разъ пожимая Готтгольду руку;—или, лучше сказать, вы тогда только вполнѣ представите себѣ это, когда я скажу вамъ, что я собственно для васъ-то и пріѣхалъ сюда изъ Берлина, гдѣ у меня происходили чрезвычайно важныя совѣщанія съ Шинкелемъ насчетъ моего загороднаго замка. Объ вашемъ отъѣздѣ изъ Рима мнѣ писалъ графъ Ингенгеймъ, а о вашемъ пребываніи въ нашихъ мѣстахъ меня увѣдомили изъ Проры; вотъ я и направился сюда, чтобы повидать васъ, поговорить съ вами, уговорить васъ, завладѣть вами,—словомъ: вы должны расписать мнѣ *al fresco* мой загородный замокъ. Я хочу этого, и если, какъ я полагаю, это еще не можетъ помѣшать вамъ отказаться, то я прибавлю: самъ Шинкель хочетъ этого, и вы навѣрное согласитесь. Онъ хочетъ васъ, именно васъ. «Я не знаю никого, съ кѣмъ бы, по моему убѣжденію, я могъ такъ сойтись», сказалъ онъ и просто пришелъ въ восторгъ, когда я объявилъ ему, что я имѣю честь быть лично знакомымъ съ вами и провелъ съ вами чудную зиму въ Римѣ. Ахъ, Римъ, божественный Римъ! но вы, великій чародѣй, опять должны вызвать мнѣ его, на стѣнахъ моего сѣвернаго замка; въ столовой у меня будутъ только римскіе или, по крайней мѣрѣ, итальянскіе ландшафты, полные свѣта и радости, словомъ такіе, какими они являются въ вашихъ чудныхъ картинахъ. Что же касается до отечественныхъ ландшафтовъ, которые мы назначаемъ для оружейной залы, то тутъ вы властны дѣлать что вамъ угодно. Они должны быть вполнѣ предоставлены вамъ и, вопреки датскому принцу, вы можете тутъ дать полную волю меланхоліи. Но прежде всего вы должны изъявить свое согласіе—хотите?

Пылкій молодой человѣкъ протянулъ руку, и по его прекрасному, привлекательному лицу пробѣжала какая-то тѣнь, когда Готтгольдъ медлилъ отвѣтомъ. Съ какимъ удовольствіемъ, съ какою радостью согласился бы онъ на это прекрасное, почетное и выгодное предложеніе, сулившее ему все, чего только могло желать сердце художника!... но теперь, въ настоящее время...

— Вы не хотите? спросилъ печально молодой князь.

— Хочу, разумѣется хочу, возразилъ глубоко взволнованный Готтговьдъ, пожимая протянутую руку,—но могу ли—это еще вопросъ для самого меня; и въ эту минуту я не могу утвердительно отвѣчать на него. Извините, ваша свѣтлость, если я говорю загадками, но бываютъ такіе часы, такая пора, когда мы не слушаемся самихъ себя, когда мы стоимъ словно околдованные какою-то судьбою, не будучи въ силахъ ни ускорить, ни задержать ея хода, и намъ остается только выжидать ея рѣшенія, прежде чѣмъ мы освободимся настолько, чтобы рѣшиться самимъ.

— Я конечно не вполнѣ понимаю васъ, возразилъ князь,—но сколько я могъ понять, надъ вами тяготѣетъ что-то—и притомъ далеко не пустое; съ вами случилось какое нибудь большое несчастіе или же вы опасаетесь этого несчастія. Это такъ близко касается того вопроса, который я намѣренъ сдѣлать вамъ, что вы конечно простите мнѣ его: не можетъ ли кто нибудь помочь вамъ и не могу ли я взять этого на себя?

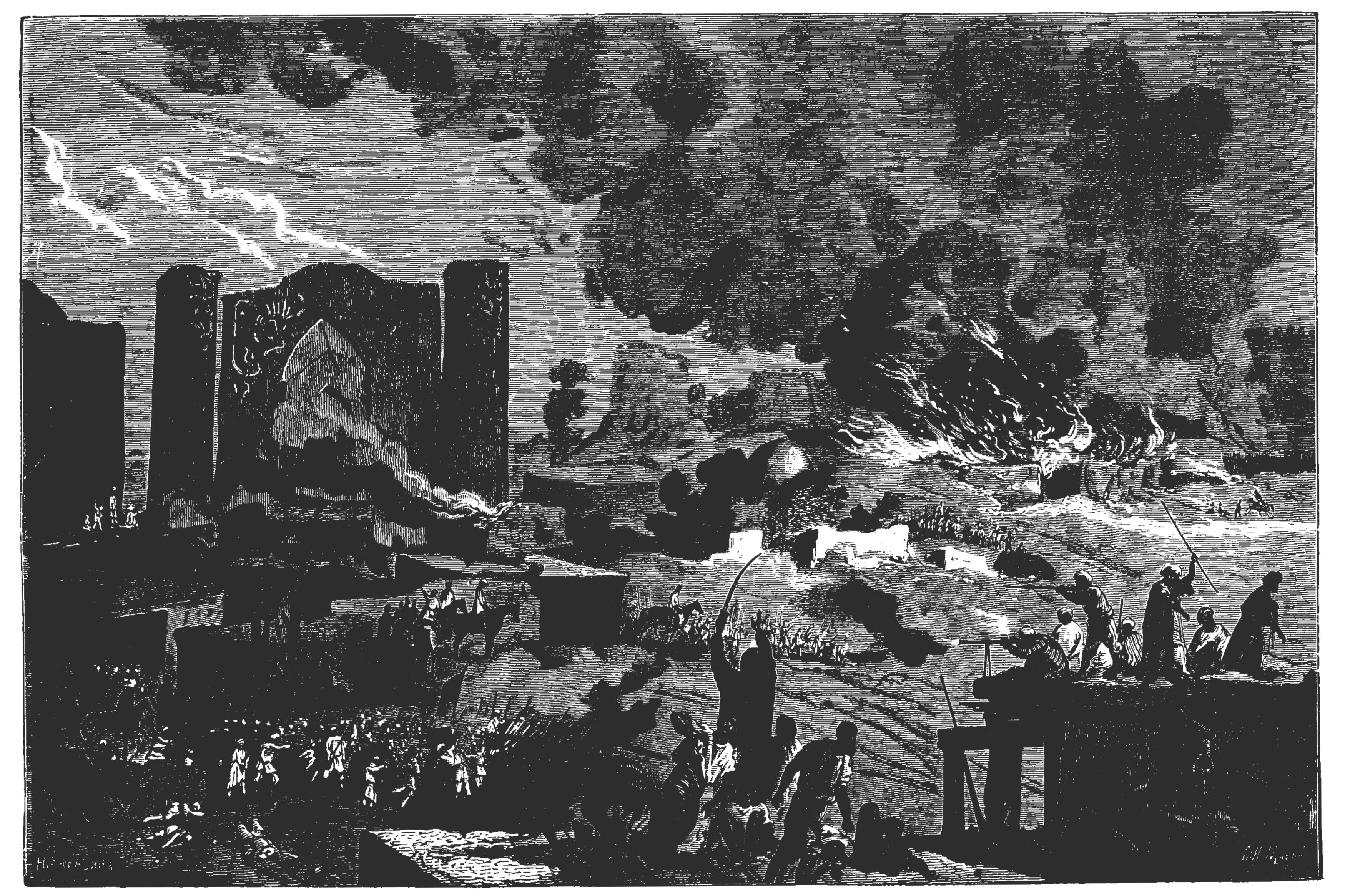
— Благодарю васъ, ваша свѣтлость; но я долженъ бороться одинъ.

— Въ такомъ случаѣ я не стану настаивать на своемъ предложеніи; но, помните, я во всякое время готовъ служить вамъ.

Тѣмъ временемъ они выѣхали изъ двойнаго ряда домовъ; невдалекѣ отъ нихъ тянутся необозримый лугъ, гдѣ было устроено мѣсто для скачекъ съ его высокими эстрадами, цѣлымъ городкомъ лавокъ и палатокъ, длиннымъ рядомъ съѣхавшихся экипажей и темной толпой зрителей. Мимо нихъ вихремъ пронесся отрядъ всадниковъ; одинъ изъ этихъ господъ не безъ труда сдержалъ свою лошадь и подъѣхалъ къ рогаткѣ.

Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ,
генералъ-губернаторъ Туркестанскаго края.

Рис. Тегеццо, грав. Штиффи.



Защита Самаркандской цитадели. Рис. Н. Каразинъ, грав. И. Матюшинъ.

— Какъ, Плюггенъ, вы не участвуете въ скачкахъ? вскричалъ князь.

— Сію минуту заплатилъ неустойку, ваша свѣтлость, сію минуту! Слишкомъ убѣжденъ, что и сегодня дѣло пойдетъ точь въ точь такъ же, какъ четыре года передъ этимъ въ Дерби,—ахъ, Готтгольдъ, *bon jour, bon jour!* Твой другъ Брандовъ блистательно ведетъ нынче свои дѣла, чертовски - блистательно!

— Значитъ ужь началось? Не опоздалъ ли я?

— Избави Боже, Готтгольдъ; то есть они черезъ десять минутъ будутъ здѣсь. Хотѣлъ было ѣхать къ преднослѣдней преградѣ; всѣ тамъ—ждутъ не дождутся! Точь въ точь такъ же, какъ и въ Дерби за четыре года передъ этимъ, когда Гарри - Герри и Робинъ - Гудъ изъ Друри-Лена....

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же вы тутъ мѣшкаете, Плюггенъ? *á revoir*, до сегодняшняго вечера. Впередъ!

Густавъ Плюггенъ, скорчивъ кислую мину, раскланялся, повернулъ свою лошадь и помчался къ своимъ товарищамъ.

— Такъ вы, стало быть, знакомы съ этимъ Брандовымъ? сказалъ князь.—Душевно жалѣю этого человѣка; у него, если не ошибаюсь, были всѣ данныя для превосходнаго кавалерійскаго генерала: свѣтлая голова, зоркій глазъ, удивительная изворотливость и ко всему этому личная храбрость, доходящая до безумія; но при скромной мѣщанской обстановкѣ изъ него вышло то, что называется *mauvais sujet*. А все таки это низко, что, желая уронить его, прирѣзали къ мѣсту для скачекъ полосу болотистой земли. Я слышалъ, что это было сдѣлано для того только, чтобъ дать другимъ лошадямъ хоть какой нибудь шансъ на успѣхъ, такъ какъ всѣ вообще того мнѣнія, что такая тяжелая лошадь, какъ Гнѣдой, не можетъ проѣхать болота.

— Онъ проѣдетъ ваша свѣтлость, сказалъ Готтгольдъ,—вы можете держать пари на милліонъ.

— Давно ли Саулъ попалъ въ пророки? вскричалъ смѣясь князь Прора.—Давно ли мы стали такими знатоками въ *horse-flesh?* Въ такомъ случаѣ вы должны остаться со мною и объяснить мнѣ сущность дѣла, чтобъ я, отъявленный дилеттантъ въ этихъ благородныхъ искуствахъ, не попался въ просакъ.

— Я убѣжденъ, что ваша свѣтлость...

— Вы хотите отъ меня отдѣлаться, понимаю. Ну чтожъ! я доволенъ уже и тѣмъ, что увидѣлся и поговорилъ съ вами. Я пробуду еще три дня въ Зюндинѣ а потомъ недѣлю въ Прорѣ, гдѣ вы непремѣнно должны пріѣхать ко мнѣ въ гости,—даже и въ такомъ случаѣ, если вы не напишете ни одной черточки для моего загороднаго замка, но я не хочу огорчать себя заранѣе этимъ предположеніемъ. Перейдемъ къ другому. Вы конечно пойдете со мною наверхъ. Сверху лучше видно, и вы должны по крайней мѣрѣ позволить мнѣ доставить вамъ хорошее мѣсто.

Экипажъ остановился. Князь соскочилъ наземь и началъ, не дожидаясь отвѣта Готтгольда, всходить по лѣстницѣ. Готтгольдъ долженъ былъ, волею - неволею, слѣдовать за своимъ обязательнымъ другомъ, какъ тотъ этого ждалъ; наверху онъ ужь легко найдетъ случай откланяться безъ невѣжливости.

Лѣстницы и эстрады были набиты биткомъ, но толпа быстро разступилась, чтобы пропустить князя, котораго вообще любили, къ передней скамьѣ, гдѣ было два пустыхъ мѣста, назначавшихся собственно для него и его спутника.—А право, вы отлично дѣлаете, что не отстаете отъ меня, сказалъ князь, оглянувшись на Готтгольда и засмѣявшись,—вы видите, что здѣсь точь въ точь такъ же, какъ у Зевса, «все роздано» *). Но Готтгольду уже ничего больше не оставалось, какъ воспользоваться даннымъ ему позволеніемъ. Узенькая улица, открывшаяся для князя между двумя рядами сидѣній, уже сомкнулась; а сзади стало какъ будто бы еще тѣснѣе: всѣмъ хотѣлось взглянуть поближе на князя, и вскорѣ Готтгольдъ очутился среди блестящаго собранія пожилыхъ и молодыхъ дамъ изъ мѣстной аристократіи, въ самыхъ щегольскихъ костюмахъ, старыхъ дворянъ съ сѣдыми головами, украшенныхъ звѣздами сановниковъ гражданскаго вѣдомства и высшихъ военныхъ чиновъ. Все улыбалось, все преклонялось передъ молодымъ княземъ, который самъ раскланивался на всѣ стороны, принимая съ улыбкою оказываемыя ему почести.

— Ваша свѣтлость пожаловали какъ разъ въ пору, сейчасъ покажутся вонъ изъ-за того ряда холмовъ первые всадники; могу ли я предложить вашей свѣтлости мою зрительную трубу? вскричалъ старый графъ Грибенъ своимъ рѣзкимъ голосомъ.

— Благодарю, благодарю, мнѣ бы не хотѣлось лишать васъ этой вещи; она нужнѣе вамъ, чѣмъ мнѣ. А что цѣль, по прежнему, здѣсь передъ трибунами?

— Разумѣется, ваша свѣтлость; вотъ они, ѣдутъ!

Князь взялъ у стараго аристократа на минуту зрительную трубу; на эстрадѣ все взволновалось и зашумѣло:—ѣдутъ, ѣдутъ!—пожалуйста, сидите на своемъ мѣстѣ!—послышалось со всѣхъ сторонъ, и всѣ глаза, вооруженные, устремились на длинный рядъ холмовъ, про которые говорилъ князю графъ Грибенъ. На немъ дѣйствительно виднѣлись три подвижныя пятнышка; они, съ удивительною для такого значительнаго разстоянія быстротою, одновременно спускались внизъ и уже опять изчезли въ углубленіи между двумя рядами холмовъ, когда на томъ же самомъ мѣстѣ опять показались четыре или пять подвижныхъ пятнышекъ, чтобы точно такъ же спуститься съ холма и изчезнуть въ углубленіи. Но участіе публики сосредоточивалось исключительно на первыхъ трехъ пятнышкахъ. Судя по промежутку времени между появленіемъ этихъ трехъ пятнышекъ и слѣдующихъ четырехъ — объ отставшихъ нечего уже было и говорить; можно было съ увѣренностью заключить, что побѣдитель могъ выйти только изъ нихъ, и хотя только помощію самой лучшей зрительной трубы можно было видѣть, что что эти три подвижныя пятнышка — несшіеся во весь опоръ всадники, но двухъ изъ нихъ уже положительно называли по имени; насчетъ третьяго всадника колебались. Одни говорили, что это баронъ Куммеровъ на Генгистѣ, тогда какъ другіе держали пари за Ревекку графа Царентина, управляемую младшимъ барономъ Брезеномъ.

— Но двое-то другихъ, ваша свѣтлость, двое-то другихъ: мой Куртъ и Карлъ Брандовъ! кричалъ, вспыхнувъ отъ волненія и размахивая руками, старый графъ Грибенъ такъ громко, что это разнеслось по всей эстрадѣ.

— Графъ Грибенъ! Карлъ Брандовъ! бѣглымъ огнемъ летали эти имена изъ устъ въ уста по всей эстрадѣ, съ эстрады по лѣстницѣ перебѣгали внизу между волнующеюся толпою, гдѣ всѣ стояли на цыпочкахъ съ вытянутыми шеями. Графъ Грибенъ! Карлъ Брандовъ на гнѣдомъ!

Карлъ Брандовъ! при этомъ имени Готтгольда бросило въ дрожь. Оно, словно заклятіе злаго чародѣя, опустошило его жизнь; съ нимъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, свя-

*) Намекъ на стихотвореніе Шиллера «Раздѣлъ земли».

зывалось для него столько дурныхъ воспоминаній, и всегда, раньше ли, позже ли, да и въ настоящее время, оно отождествлялось въ его глазахъ съ понятіемъ о всемъ, что возстаетъ и бунтуетъ во глубинѣ человѣческаго сердца противъ боговъ свѣта. И вотъ, это имя несется къ нему со всѣхъ устъ: Карлъ Брандовъ! Карлъ Брандовъ!...— какъ будто бы это было имя человѣка, разливающаго счастье и довольство уже однимъ своимъ присутствіемъ; и прелестные глаза сіяли, и аристократическія ручки уже нетерпѣливо махали обшитыми кружевомъ платочками въ знакъ привѣтствія побѣдителю. Цѣлый народъ, затаивъ дыханіе, нетерпѣливо ждалъ этого человѣка. И не правъ ли ужь онъ полно въ отношеніи одинокого мечтателя, когда для достиженія своей блестящей цѣли: денегъ, почета и благоволенія женщинъ, онъ не пожалѣлъ никого, ничего? Можно ли требовать отъ него, чтобъ онъ свернулъ съ своего пути изъ уваженія къ какому нибудь нравственному принципу, когда его не остановило никакое препятствіе? И если побѣда не дешево дается, то можно ли ставить ему въ вину, что онъ не отнесся къ чужому благосостоянію и горю, или даже и жизни, съ тѣмъ уваженіемъ, какого мы требуемъ и въ правѣ требовать отъ спокойнаго гражданина, — когда онъ не подорожилъ своею собственною жизнію!

Вотъ какія странныя мысли мелькали въ головѣ Готтгольда, въ то время, какъ его взоры, точно такъ же какъ взоры всѣхъ присутствовавшихъ, были устремлены на то мѣсто, гдѣ, по мнѣнію находившихся по близости Готтгольда знатоковъ, должны были появиться всадники. Но вотъ и они — теперь и невооруженный глазъ могъ отличить ихъ—и восклицанія: «графъ Грибенъ! Карлъ Брандовъ!» опять послышались. На этихъ двухъ всадникахъ и сосредоточилось всеобщее вниманіе; они появились одновременно, тогда какъ третій всадникъ уже настолько отсталъ, что показался цѣлыми тридцатью секундами позже. На него нечего ужь было и разсчитывать. Лошади бѣжали такъ неистово - быстро, что нельзя было наверстать ни одной потерянной секунды, а тутъ тридцать—да это просто вѣчность! Дѣло шло уже только о гнѣдомъ и Бесси, они съ первый же минуты обратили на себя вниманіе и за нихъ до послѣдней минуты держали пари на громадныя суммы. Кто изъ нихъ побѣдитъ: гнѣдой или Бесси? Никто не дерзалъ рѣшить этого; никто уже не предлагалъ и не принималъ пари; едва осмѣливались говорить, шевелиться, до такой степени были у всѣхъ напряжены нервы. Ни на одинъ волосокъ не клонилось коромысло вѣсовъ на ту или другую сторону! Если Бесси, какъ всѣ вообще утверждали, была проворнѣе гнѣдаго, за то всѣмъ извѣстное искуство Брандова въ верховой ѣздѣ могло выравнять эту разницу; обѣ разомъ—съ эстрады извивающуюся линію дороги можно было видѣть такъ же явственно какъ линію на какой нибудь ландкартѣ—перепрыгнули лошади черезъ третью (считая отъ послѣдней) преграду, черезъ вторую, черезъ предпослѣднюю; оба разомъ побѣдили всадники послѣднее препятствіе—стѣну въ шесть футовъ вышиною. Въ волнующейся толпѣ раздались клики удивленія. А тамъ опять наступила мертвая тишина. Скоро все должно было рѣшиться. За послѣдней преградой слѣдовала полоса совершенно гладкаго грунта, а затѣмъ участокъ болотистой земли въ нѣсколько десятинъ, вокругъ котораго были разставлены шесты съ флагами. Если гнѣдой не обгонитъ значительнымъ образомъ Бесси на гладкомъ грунтѣ, онъ пропалъ, потому-что Бесси — это было извѣстно — легка какъ коза, ей ничего не значитъ пробѣжать по болоту, тогда какъ гнѣдой или завязнетъ или долженъ будетъ сдѣлать крюкъ, и ужь этотъ-то крюкъ не обойдется ему даромъ, хотя бы онъ и обогналъ ее на гладкомъ грунтѣ.

Но гнѣдой ни на одинъ футъ, ни на одинъ дюймъ не обогналъ Бесси. Первую половину пути обѣ лошади неслись рядомъ, затѣмъ опередила Бесси—на половину лошадинаго туловища, на цѣлое лошадиное туловище, на два, на три, на полдюжины лошадиныхъ туловищей. — Тѣ, кто держалъ пари за гнѣдаго, перемѣнились въ лицѣ. Но и за Бесси тоже держали пари и притомъ на гораздо болѣе значительныя суммы; счастливцы бросали торжествующіе взгляды. Говорить было нѣкогда. Бесси уже достигла края болота; видно было, какъ ея всадникъ повернулся на сѣдлѣ, чтобъ измѣрить разстояніе между нимъ и его соперникомъ, и вслѣдъ за этимъ помчался влѣво по краю болота. — «Молодецъ! молодецъ!» кричалъ старый графъ Грибенъ, — «тамъ будетъ подальше, ваша свѣтлость, но за то грунтъ крѣпче, а времени то у него довольно. Гнѣдому уже не нагнать его, ура!» — кричалъ въ восторгѣ старикъ, махая своей шляпой. «Ура! Ура!» гремѣла подвижная толпа, забывая свои восторги по поводу гнѣдаго, — «Бесси побѣждаетъ, гнѣдой проигрываетъ! Ура!»

Мигомъ все смолкло, точно молнія ударила въ землю передъ зрителями. Брандовъ поспѣлъ къ тому мѣсту, съ котораго, за двѣ секунды предъ тѣмъ, графъ Грибенъ, обезпеченный отсталостью противника, хотѣлъ обогнуть трясину. Мощнымъ скачкомъ Гнѣдой очутился на болотѣ, ни на волосъ не сбившись съ прямаго пути, и понесся по наиболѣе топкой, но за то и кратчайшей части его, съ каждымъ мгновеніемъ повидимому все шибче и шибче, между тѣмъ какъ всадникъ не прибѣгалъ ни къ хлысту, ни къ шпорамъ, словно мчался онъ по ровному лугу, — вотъ онъ махнулъ рукой своему сопернику, обогнавъ его, при чемъ вода свѣтлымъ ключемъ забила изъ подъ копытъ.

Вотъ онъ достигъ уже окраины болота по сю сторону и скачетъ по широкой прямой дорогѣ—ужь не бѣшеной прытью, а курцъ - галопомъ, словно смѣясь надъ противникомъ, который, по достиженіи Брандовымъ твердаго грунта, отчаявшись въ побѣдѣ, своротилъ съ дороги.

И снова раздалось: «ура, Гнѣдой! ура, Брандовъ!». Зрители махали шляпами, шапками,—и бурные клики разростаясь, слились въ оглушительно громовый гулъ, когда побѣдитель, проѣхавъ трибуны, миновалъ и цѣль тѣмъ же курцъ - галопомъ. Все поднялось на цыпочки, мужчины кричали ура, дамы махали платками—и всѣ тѣснились по широкой лѣстницѣ внизъ на площадку, чтобы поближе взглянуть на побѣдителя и на дивную лошадь, когда онъ, по обычаю, вернется—и еще разъ, но уже шагомъ проѣдетъ мимо трибунъ туда, гдѣ сѣдлаютъ коней.

— Тутъ ужь никакое право не поможетъ—одна сила беретъ верхъ, говорилъ князь, увлекаемый вмѣстѣ съ Готтгольдомъ волною сплотившейся толпы внизъ по лѣстницѣ,—сила энтузіазма, который придаетъ духъ и слабымъ. Посмотрите, какъ геройски пробивается въ давкѣ вонъ та нѣжная дамочка. Не жена ли это Брандова? Я бы предложилъ ей руку.

Синій вуаль дамы отпахнулся въ лицо Готтгольду—и онъ узналъ Альму Селльенъ. Она не видала его, хотя стояла какъ разъ возлѣ него. Съ горделивой улыбкой, придававшей странную прелесть мелкимъ чертамъ изнуреннаго личика, радостно сверкая голубыми, обычно томными и усталыми глазами, ничего не замѣчая вокругъ, она такъ и впилась взоромъ, такъ и уставилась навстрѣчу возлюбленному, который даже безъ шляпы виднѣлся голо-

вою выше волнующейся толпы. Вотъ показались алыя плечи, скрылись, и выглянули снова; вотъ кивнула дивная голова коня, а вотъ и весь всадникъ въ ало-красномъ рейтфракѣ. Стоявшіе шпалерами въ первыхъ рядахъ, узнавъ князя, потѣснились всторону; пара двѣ изъ стоявшихъ позади господъ и дамъ, въ томъ числѣ Альма Селльенъ, вытолкнуты были впередъ, и ряды снова сомкнулись передъ Готтгольдомъ, который охотно отступилъ. Брандовъ, со шляпой въ рукѣ, кланяясь на обѣ стороны и болтая съ двумя шедшими возлѣ друзьями, уже поровнялся съ ними, какъ вдругъ увидалъ князя и подъ руку съ нимъ Альму Селльенъ. Улыбка удивленія мелькнула по лицу его. Салютуя, онъ круто повернулъ гнѣдаго и низко наклонился къ шеѣ скакуна. Кровный конь храпѣлъ, грызъ удила, безпокойно рылъ копытомъ и косилъ большими, искрящимися глазами въ толпу. Вдругъ, чего-то испугавшись, онъ далъ скачокъ всторону, и когда всадникъ хотѣлъ его принудить вернуться, стрѣлою взвился на дыбы. «Назадъ!» крикнулъ князь въ толпу, которая тѣснясь со всѣхъ сторонъ, сплотилась точно клубокъ. Но стоявшіе позади, которымъ не грозила опасность, не трогались съ мѣста. «Назадъ! Назадъ!» еще разъ воскликнулъ князь, среди женскаго визга. «Прыгайте наземь Брандовъ!» кричали мужчины. Но Брандовъ казалось утратилъ свое прославленное искусство въ верховой ѣздѣ. Нѣкоторые впослѣдствіи говорили, что его съ самаго начала оглушилъ тяжелый ударъ въ лобъ закинувшимся конскимъ затылкомъ. Пока онъ безуспѣшно и непонятно-безтолковымъ образомъ боролся съ лошадью, глаза его были дико устремлены на одного изъ простонародья, который—богъ вѣсть какъ—пробрался въ общей давкѣ тоже въ передніе ряды, вдругъ очутился возлѣ него, и высоко поднявъ руки ринулся подъ ноги взвившейся на дыбы лошади; думали, что этотъ человѣкъ хочетъ остановить бѣшеное животное цукомъ подъ уздцы.

— Бога ради, пропустите меня! крикнулъ Готтгольдъ.

Онъ узналъ Генриха Шееля, хотя видѣлъ только плоскій, покрытый курчавыми, черными съ просѣдью волосами черепъ его (шапку сбили въ толпѣ),—а не свирѣпое лицо съ зеленоватыми косыми глазами, демоническая власть которыхъ заставляла животное вздыматься выше и выше, между тѣмъ какъ оно бѣшено било стальными подковами въ воздухѣ, словно желая уничтожить мучителя. Вотъ одно изъ сверкавшихъ копытъ грянуло въ голову невзрачному человѣку—и онъ палъ, словно пораженный пулею. Но въ тотъ же мигъ и лошадь опрокинулась навзничь, и при паденіи рухнула всей своей тяжестью на всадника. Съ воемъ ужаса толпа кинулась прочь.

«Доктора, доктора, нѣтъ ли здѣсь доктора?» Доктора не было, да никакой бы докторъ и не помогъ. Человѣкъ, хотѣвшій схватить лошадь подъ уздцы и признанный теперь предстоящими за бывшаго брандовскаго тренера, розыскиваемаго Генриха Шееля, лежалъ навзничъ, мертвый, съ раздробленнымъ черепомъ, страшно обезображеннымъ лицомъ и ужасающе-выкаченными глазами. Господинъ его еще дышалъ, но Готтгольдъ, державшій его на рукахъ, видѣлъ, что дѣло быстро идетъ къ концу. Смертная блѣдность покрыла красивыя рѣзкія черты его лица—и какъ-то жутко было смотрѣть на его бѣлые зубы блестѣвшіе межъ синихъ губъ. Вдругъ все тѣло его затрепетало и голова склонилась на грудь Готтгольда.

— Вотъ и докторъ! послышалось два-три голоса.

— Тутъ ужъ ему нечего дѣлать, пробормоталъ Готтгольдъ,—помогите мнѣ отнести его.

Когда Брандова приподняли, стоявшая возлѣ, судорожно стиснувъ руки, дама въ синемъ вуалѣ громко вскрикнула и лишилась чувствъ.

Никто не обратилъ на это вниманія; уже много дамъ попадало въ обморокъ.

XXXV.

Настала очаровательная осень, золотистые теплые деньки и свѣтлыя звѣздныя ночи. Въ садахъ всюду еще цвѣли возлѣ астръ лѣтнія розы и лишь исподволь желтѣли лѣса. Въ воздухѣ стояла такая тишь, что длинныя нити паутинъ едва шевелились, и палый листъ лежалъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ коснулся земли. Перелетныя птицы пріостановили свое переселеніе, и по кустамъ, въ поляхъ раздавался ихъ щебетъ, какъ бы маня тоненькими веселыми голосками, а по вечерамъ съ морскаго берега откликались дикіе лебеди, которыхъ задолго до этого времени обыкновенно уносятъ мощныя бѣлыя крылья къ сѣверу на родину.

То была очаровательная осень, до обманчивости похожая на лѣто; «да, но все же это обманъ, говорила Цецилія: «лѣто прошло; зима стучится у воротъ; надо устроиваться на зиму.

Шесть недѣль уже жила она въ Долланѣ, гдѣ, какъ недавно думалось ей, ноги ея не будетъ и котораго она не надѣялась больше видѣть. Но врачи настоятельно требовали, чтобы Гретхенъ, для оправленія отъ тяжкой болѣзни, если ужь не возможно увезти ея къ зимѣ на югъ, по крайней мѣрѣ провела бы прекрасные осеніе дни на берегу моря въ тепломъ, укрытомъ отъ суровыхъ вѣтровъ мѣстечкѣ,—а какой же уголокъ могъ бы наилучше удовлетворить этимъ условіямъ, какъ не тихій, пригрѣваемый солнышкомъ, Долланъ? И если, для Цециліи это все таки составляло жертву, она не колеблясь принесла ее своему ребенку и престарѣлому *отцу*.

Онъ такъ настойчиво просился домой въ Долланъ, очнувшись отъ глубокаго обморока, внезапно овладѣвшаго имъ дня два спустя послѣ катастрофы на скачкахъ, — и еще разъ возвращенный къ жизни, противъ ожиданій доктора. «Исполните желаніе старика, сказалъ врачъ,—и поскорѣе; онъ не долго будетъ обременять васъ какими бы то ни было желаніями. Дни его сочтены — и нашъ долгъ: порадовать его напослѣдокъ тѣмъ солнышкомъ, котораго онъ такъ прискорбно лишонъ въ тѣснотѣ узкихъ улицъ.»

Съ глубокой благодарностью привѣтствовалъ старикъ это солнышко въ родимомъ уголкѣ. Не то чтобы онъ словами выразилъ эту признательность. Онъ и прежде-то былъ несловоохотливъ; но на бѣдномъ кроткомъ лицѣ его лежалъ такой несомнѣнный отпечатокъ глубочайшаго мира души, въ добрыхъ глазахъ его часто свѣтилось какъ бы радостное воспоминаніе, а на губахъ его нерѣдко играла блаженная улыбка, когда онъ рядомъ съ Цециліей, опираясь на ея руку, медленно прохаживался въ озаренныхъ солнцемъ поляхъ. Частенько такъ же—иногда спозаранку—выходилъ онъ одинъ одинехонекъ, тогда Цецилія безпокоилась объ немъ и наконецъ осмѣлилась просить, чтобъ онъ бралъ ее съ собою, вѣдь она для него готова вставать во всякое время. Но старикъ потрепалъ ее по щекѣ и сказалъ: «ужь оставь меня; тебѣ вѣдь они чужіе.»

Цецилія долго раздумывала объ этихъ странныхъ словахъ—и только тогда поняла ихъ смыслъ, какъ однажды на зарѣ въ растворенное окно увидала старика стоящимъ у одного изъ старѣйшихъ деревъ—у липы, въ тѣни которой, по преданію, сиживалъ еще Карлъ XII шведскій, —

Елка. Рис. И. Пановъ, грав. Ѳ. Герасимовъ.

тутъ-то старикъ кивалъ бѣлоснѣжною головою и подавалъ знаки рукой, какъ дѣлаютъ это люди прощаясь съ кѣмъ нибудь. Да, одиноко бродя въ саду, по полямъ, лѣсамъ и лугамъ, старикъ именно прощался, — прощался съ друзьями и знакомыми своей молодости: тамъ — съ деревомъ, осѣнявшимъ своими вѣтвями его мечты о возлюбленной; тутъ — съ утесомъ, къ жесткой груди котораго нѣкогда прижималъ онъ измученное горемъ, юношески-выносливое сердце; съ лугомъ, гдѣ онъ мчался на дикомъ конѣ, надѣясь выскакать вмѣсто приза прекрасную Ульрику фонъ Далицъ; съ лѣсомъ, такъ часто отзывавшимся эхомъ на выстрѣлъ его доброй винтовки. Теперь онъ уже ни разу не бралъ съ собою этого добраго ружья, которое прежде сопутствовало ему всюду. Оно спокойно стояло въ углу; онъ навѣки простился съ вѣрнымъ товарищемъ. Точно такъ же и къ приморскому дому онъ уже ни разу не направлялъ своихъ шаговъ—а разъ какъ они вмѣстѣ, съ Цециліей пробираясь лѣсомъ, нечаянно вышли изъ за деревьовъ на возвышенный берегъ, старикомъ повидимому овладѣлъ чуть не страхъ, онъ покачалъ маститой головой и прошепталъ: «это стоило мнѣ многихъ лѣтъ, многихъ-многихъ лѣтъ!» Потомъ только рукою махнулъ, какъ бы желая выразить, что эти годы вычеркиваются навсегда изъ его воспоминаній.

Быть-можетъ оно такъ и было; онъ ни однимъ словомъ не упоминалъ о безконечно долгой порѣ, прожитой имъ въ приморскомъ домѣ. Но часто принимался онъ разсказывать изъ временъ своей молодости—старинныя исторіи, невѣдомыя никѣмъ изъ живущихъ кромѣ его, и при этомъ смѣялся отъ души, а иной разъ слезы текли по увядшимъ, блѣднымъ щекамъ.

Въ этихъ старинныхъ исторіяхъ помнилъ онъ все досконально, какъ кого зовутъ и всѣ прозвища, день и часъ, и даже свѣтило ли при этомъ солнце или шелъ дождь; но недавнія событія онъ плохо разумѣлъ и перепутывалъ ихъ самымъ страннымъ образомъ. Такъ, Цецицію онъ нерѣдко звалъ именемъ своей возлюбленной: Ульрикой; и Цециліи до боли прискорбно были слышать, когда онъ по временамъ заговаривалъ объ ея мужѣ, какъ о любимомъ ею человѣкѣ, къ которому онъ сильно ревнуетъ, хотя тотъ и не долго здѣсь пробылъ, — пока наконецъ она поняла, что старикъ разумѣетъ Готтгольда.

Въ первый разъ это странно взволновало ее, а потомъ, когда прадѣдъ снова завелъ объ этомъ рѣчь и притомъ спокойно, какъ будто это такъ и было и быть иначе не могло, соединяя имя ея въ такой тѣсной связи съ именемъ возлюбленнаго,—она приняла это за чудный сонъ, который грезится въ полудремотѣ почти наяву, пока не отступила въ страхѣ предъ опасностью, таившейся въ этомъ снѣ. Этого не должно, не могло быть! Зачѣмъ обманывать себя представленіемъ дѣйствительности невозможной, будущности—несбыточной!

И она высказала это съ страстною силою, въ цѣломъ потокѣ слезъ, обращаясь болѣе къ самой себѣ, чѣмъ къ старику, когда онъ снова заговорилъ о Готтгольдѣ, который что-то ужь слишкомъ долго-де не является, оставляя въ одиночествѣ и ее, такъ сильно его любящую, и ребенка, охотно играющаго съ нимъ. Она сказала ему, что ей и думать объ этомъ не слѣдуетъ, такъ какъ за ними слишкомъ много пережитаго, которое должно разлучить ихъ навсегда, и что еслибы кровь ея не принадлежала уже ея ребенку и *отцу*, она отдала бы ее всю до капли за *него*, но никогда не могла бы стать его женою. Это было въ саду, однимъ изъ чудныхъ, словно лѣтнихъ вечеровъ октября мѣсяца, и пока она говорила, старикъ съ глубокою важностью въ лицѣ глядѣлъ на янтарножелтый востокъ, сквозившій въ пестрой листвѣ деревьевъ, въ которой не слышалось ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка. «Да, да» проговорилъ онъ: «ты много-много выстрадала; но» прибавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія: «это было такъ давно, такъ давно уже. Время исправляетъ многое, многое!»

Онъ казалось опять погрузился въ мечтательныя воспоминанія о тѣхъ дняхъ, которые нынѣ лишь для него одного сохранили значеніе дѣйствительнаго бытія, лишь для него одного всплывали изъ Леты; но затѣмъ, когда взглядъ его скользнулъ по заплаканному лицу собесѣдницы, онъ провелъ рукою по лбу и по глазамъ и торопливо заговорилъ, какъ будто боясь снова забыть это...

— Не все, впрочемъ! Или по крайней мѣрѣ медленно, очень медленно; можетъ пройдти шестьдесять, семьдесятъ, я не знаю сколько лѣтъ—а все таки оно еще не уладится вполнѣ, пока не соберешься съ духомъ и не признаешься другому человѣку. Я высказался ему, въ тотъ вечеръ какъ я спасъ его на морѣ,—и таково оно хорошо вышло, очень много вышло хорошаго; съ тѣхъ мнѣ стало такъ легко на сердцѣ. Ты тоже должна кому нибудь высказаться, — не мнѣ, я многое забываю, могу и это забыть. Ты должна ему высказаться.

А на другой день вечеромъ, ходя съ нею взадъ и впередъ по той же аллеѣ, при мерцающемъ въ вѣтвяхъ вечернемъ свѣтѣ, онъ вдругъ остановился и спросилъ; «сказала ты ему?» Тоже спрашивалъ онъ и на третій и на четвертый день, озабоченно качая сѣдою головою, когда она вся вспыхнувъ отвѣчала: «нѣтъ, батюшка, я не говорила ему» и прибавила про себя: «да и завтра, когда онъ пріѣдетъ, не скажу, никогда не скажу этого.»

Готтгольдъ пріѣхалъ — и не одинъ. Съ нимъ былъ князь Прора, у котораго онъ долгое время гостилъ въ замкѣ, набрасывая эскизы въ оружейной залѣ, и оканчивая рядъ итальянскихъ пейзажей въ столовой. Князь пожелалъ проводить его на обратномъ пути въ Прору, а когда узналъ, что Готтгольду надо еще по дорогѣ заѣхать въ Долланъ, проститься передъ отъѣздомъ въ Италію, то просилъ позволенія сопутствовать ему и туда.

— Вѣдь мы съ вами, сударыня, собственно говоря, сосѣди, сказалъ молодой человѣкъ,—какъ по Прорѣ, такъ и по Замку — и мнѣ давно бы слѣдовало сдѣлать вамъ визитъ; но теперь, надо признаться, меня привлекъ сюда особенный интересъ. Нашъ другъ, еще задолго предъ этимъ, разсказывалъ мнѣ о гробницѣ гунновъ, что у васъ въ лѣсу и которая быть можетъ одна лишь на всемъ островѣ такъ хорошо сохранилась. Ну, намъ для оружейной залы нуженъ ландшафтъ именно съ гробницей гунновъ,—и когда я ему напомнилъ объ долланской, упрямецъ сталъ на томъ, что это дѣло неподходящее. Я разумѣется утверждаю напротивъ, что намъ нельзя безъ нея обойдтись, тѣмъ болѣе что Долланъ, прежде чѣмъ перейдти въ вашъ родъ—т. е. Венгофскій—что случилось тому назадъ лѣтъ двѣсти, если считать и шведскую отрасль,—Долланъ, говорю я, былъ владѣніемъ князей Прора съ значительною частью этого острова; да, здѣсь на береговой возвышенности во времена язычества гнѣздилась ихъ твердыня, окруженная земляною стѣною, сваями и могилами, объ остаткахъ которыхъ упоминается и въ древнихъ лѣтописяхъ,— и поэтому весьма возможно, даже вѣроятно, что въ этихъ гробницахъ покоится прахъ моихъ предковъ. И отъ подобныхъ-то воспоминаній я долженъ отказаться, благодаря эгоизму художника? Никогда! У насъ еще цѣлый часъ времени, туда и назадъ мнѣ говорятъ понадобится пол-

часа, — пожалуйста, любезный другъ, не безпокойтесь! Васъ я менѣе всѣхъ желалъ бы взять съ собою, такъ какъ вы своими противорѣчіями испортите мое настроеніе.

— Я охотно провожу васъ, сказалъ старый Бослафъ: — я частенько таки охотился тамъ наверху съ свѣтлѣйшимъ прадѣдомъ вашимъ. А теперь ужь давно-давно не заходилъ туда; мнѣ бы хотѣлось побывать еще разикъ.

Князь съ изумленіемъ поглядѣлъ на старика. Много наслышавшись объ немъ отъ Готтгольда, онъ съ самаго прихода привѣтствовалъ его съ глубочайшимъ уваженіемъ; но ему сдавалось какъ-то похоже на сказку, чтобы кто нибудь бывалъ на охотѣ вмѣстѣ съ Мальте фонъ Прора, который жилъ во времена Фридриха Великаго и еще передъ семилѣтней войной посланъ былъ шведскимъ правительствомъ съ дипломатическимъ порученіемъ въ Берлинъ.

— Я никакъ не могу допустить возможности этого, сказалъ онъ: — никакъ не могу!

Но старикъ повидимому даже не замѣтилъ вѣжливаго противорѣчія; онъ уже взялъ свою трость и шелъ широкими шагами впередъ, изъ саду, гдѣ происходилъ этотъ разговоръ. Князь улыбаясь поспѣшилъ вслѣдъ за нимъ.

— Ваша свѣтлость, позвольте намъ по крайней мѣрѣ хоть послѣ придти, сказалъ Готтгольдъ.

— Прошу васъ, отвѣтилъ князь, — ради стараго господина, которому мое общество можетъ и прискучить подъ конецъ... А потомъ, отведя Готтгольда нѣсколько шаговъ всторону, прибавилъ: — Намъ остается еще часъ, не пропускайте его даромъ. Увидавъ эту даму, я понялъ, уразумѣлъ все, о чемъ вы умолчали, вы, скрытнѣйшій изъ смертныхъ. Да приметъ васъ богъ молчаливой любви подъ свое милостивое покровительство!

Готтгольдъ тихо вернулся туда, гдѣ оставилъ Цецилію, и нашелъ ее все въ той же задумчивой позѣ. Выскажется ли она сегодня, или промолчитъ, какъ дѣлала это до сихъ поръ, и молча отпуститъ его?

Онъ подошелъ къ ней и взялъ за опущенную руку. «Цецилія!»

Она медленно подняла темныя рѣсницы и поглядѣла на него съ выраженіемъ трогательной мольбы.

— Мнѣ не слѣдуетъ вызывать тебя на объясненіе? Я долженъ предоставить тебя молчанію, Цецилія? Но надо же высказаться; позволь же мнѣ сдѣлать это за тебя. Ты можешь сказать это только женщинѣ — и то говорить было бы излишне: она и безъ того поняла бы тебя, — не такъ ли? Развѣ любовь менѣе проницательнѣе чѣмъ глазъ сочувствующей подруги? Не знаю; могу только то сказать, что читаю въ твоемъ сердцѣ. Вотъ въ чемъ дѣло, Цецилія. Ты любишь меня, но не смѣешь отдаться своему влеченію; да, ты робко отступаешь предъ мыслію о томъ, чтобы стать моей женою, — какъ передъ проступкомъ — противъ кого? Это жестоко, Цецилія, но я долженъ это выговорить: противъ твоей гордости. Вотъ чего ты боишься — самой себя, а не меня. Ты знаешь — такъ же какъ вотъ то, что солнце теперь садится, а завтра снова взойдетъ, — ты знаешь, что не будетъ ни дня, ни часа такого, когда бы я хоть словомъ или взглядомъ упрекнулъ тебя въ твоемъ прошломъ несчастіи, безграничномъ несчастіи; ты знаешь, что мнѣ, какъ я думаю, не въ чемъ прощать тебя. Но ты, Цецилія... ты думаешь, что ты сама себѣ никогда не простишь. Ты думаешь, что если неопытная шестнадцатилѣтняя дѣвочка разъ ошиблась, то стыдъ и раскаяніе должны вѣчно тебя преслѣдовать, стыдъ и раскаяніе должны вырвать тебя изъ моихъ объятій, еслибъ ты даже и послѣдовала когда нибудь влеченію сердца...

— Развѣ я не въ правѣ такъ думать и чувствовать? воскликнула Цецилія, а слезы такъ и хлынули по ея пылающимъ щекамъ; — могла ли я простить себѣ, что пошла замужъ за этого человѣка? — шестнадцатилѣтней, неопытной дѣвочкой, говоришь ты? Я не была такъ неопытна; я настолько знала свѣтъ, чтобы сообразить, что жизнь въ прекрасномъ замкѣ, въ тѣнистомъ далицскомъ паркѣ гораздо блистательнѣй мрачнаго сельскаго пастората! И я попрала ногами сердце бѣднаго студента, хотя тайный голосъ, никогда не замолкававшій съ тѣхъ поръ, уже тогда шепталъ мнѣ: онъ лучшій изъ двухъ. И это я могла простить себѣ? И то, что я отпустила его съ разбитымъ сердцемъ на чужбину, не сказавъ ему ни слова участія въ утѣшеніе, — радуясь что онъ не слѣдитъ за мной любящимъ взглядомъ, не читаетъ въ душѣ моей? А теперь, когда мои высокія мечты стали тѣмъ, что должно было изъ нихъ выйдти; теперь, когда я такъ безконечно несчастна, какъ я того заслужила, — и онъ возвращается и стоитъ предо мною, чистый, благородный человѣкъ, который можетъ справедливо гордиться своимъ цѣломудреннымъ, трудовымъ прошлымъ и съ спокойнымъ весельемъ взирать на свою будущность съ предстоящимъ ей еще болѣе славнымъ развитіемъ, — теперь онъ долженъ задержать свое побѣдное шествіе и поднимать такъ глубоко падшую... да что я говорю! долженъ связать ея судьбу съ своею, чтобы связать самого себя, связать себѣ сильныя, трудолюбивыя руки — и оторвавъ гордый духъ отъ возвышенныхъ его занятій, низвести его къ вѣчному, ежедневному, ежечасному созерцанію и раздѣленію злополучной самовольно-несчастной участи? Ты говоришь, гордость препятствуетъ мнѣ сдѣлать это? Пусть будетъ гордость! но гордость тобою, за тебя! Ахъ, Готтгольдъ, она во мнѣ живетъ не съ нынѣшняго дня — эта гордость! Я уже тогда гордилась тобою, когда ты, сверкая взглядомъ, такъ дивно разсказывалъ о богахъ и герояхъ и про то, что доблестный мужъ долженъ смѣло считать себя равнымъ богамъ; а когда, послѣ долгихъ лѣтъ скорби, я услыхала что ты пробился сквозь непреоборимыя препятствія, въ виду которыхъ другіе тысячу разъ бы сошли въ могилу, — и потомъ такъ быстро возвысился, что незнавшіе тебя, твоей силы и прилежанія, только дивились въ изумленіи, — достигъ высшаго развитія въ своемъ искусствѣ и имя молодаго художника стало на ряду съ лучшими мастерами, — да, Готтгольдъ, вотъ когда я гордилась - то! какъ я гордилась и какъ благодарила судьбу! — Мнѣ казалось, что теперь я все перенесу гораздо легче, потому что мое преступленіе не отозвалось на тебѣ — и я одна, одна должна страдать за свои прегрѣшенія!

Изъ вечерняго свѣта полей, надъ которыми въ красноватомъ отблескѣ заката носились нити паутинъ, они перешли въ тихій сумракъ лѣса. Ни звука, кромѣ шороха бурой листвы подъ ногами; лишь когда замолчала Цецилія, жалобно раздался посвистъ одинокой птички.

— Одна, одна, сказалъ онъ, — вѣчно одна — и этимъ путемъ ты хочешь исцѣлиться, бѣдная женщина! Развѣ человѣкъ можетъ быть одинъ? И развѣ ты одна въ концѣ концовъ? Ну, положимъ, я герой — на дѣлѣ этого нѣтъ — мощный герой, который одиноко прокладываетъ себѣ путь безконечными трудами къ неземнымъ цѣлямъ, — а у тебя-то развѣ нѣтъ дочери, которую ты замкнешь вдали отъ прекраснаго Божьяго свѣта? ты, въ нѣмомъ отчаяніи отвращающаяся отъ жизни, закутавъ покрываломъ свою голову? Какимъ добродѣтелямъ научишь ты свое дитя, когда сама лишена всякой радости, при которой только и можетъ развиться добродѣтель? ты, не вѣ-

ряшая болѣе въ лучшую, въ высшую изъ добродѣтелей, которая всѣмъ добродѣтелямъ добродѣтель,—въ любовь? Кто соболѣзнуетъ вонъ той пичужкѣ, которая осталась тутъ, въ осенней листвѣ, быть можетъ подстрѣленная или искалѣченная, на злую погибель? Ни братьямъ, ни сестрамъ, ни прежнему дружку, ни дѣтямъ—дѣла нѣтъ до нея,—всѣ они безпечно унеслись и покинули ее—одну, одну! Такъ вѣдь они повинуются желѣзному закону, правящему ихъ прилетомъ и отлетомъ, ихъ жизнью и смертью,—и слѣдовательно не грѣшатъ, не могутъ грѣшить; но мы можемъ—и грѣшимъ, когда не слѣдуемъ закону, правящему нами, когда не повинуемся любви. Она—всемогущія узы, которыми связуются всѣ племена сыновъ земли отъ начала вѣка, и будетъ служить имъ связью до конца міра; она—всемогущее солнце и свѣтлые лучи ея будутъ прояснять и живить всѣ омраченныя, скорбныя сердца;—вотъ и я своей любовью покорилъ тебя, возлюбленная, какъ ты ни противишься,—и пламень мой проникаетъ въ твое сердце, которые ты тщетно мнѣ закрываешь, вѣдь я могущественнѣе тебя, такъ что могу удѣлить тебѣ изъ моей силы и все еще сохранить ея довольно и для себя, и для тебя, и для твоего дитяти—нашего дитяти, Цецилія!

Она стояла передъ нимъ, дрожа всѣми членами, блѣдная, поднявъ на него темные, застланные слезами глаза и съ мольбою сложивъ руки...

— Пощади, Готтгольдъ, пощади! Я не силахъ болѣе, я не въ силахъ...

Проворные шаги послышались на узкой тропинкѣ, которая вела отъ могилы гунновъ.

— Слава Богу! я спѣшилъ къ вамъ навстрѣчу, милостивая государыня... мнѣ кажется... я знаю, вы не похожи на прочихъ нашихъ дамъ...

— Онъ умеръ! воскликнула Цецилія.

— Боюсь, что мы уже не застанемъ его въ живыхъ, хотя у него и достало силы послать меня. Я шелъ неохотно, но онъ такъ настойчиво, такъ сердечно желалъ васъ видѣть, васъ обоихъ.

Они побѣжали тропинкой въ паросникѣ, на холмъ къ могилѣ гунновъ, которой громадная масса темно вырѣзывалась на свѣтломъ вечернемъ небѣ.

Онъ сидѣлъ на обросшемъ мохомъ камнѣ, прислонясь спиной къ одному изъ крупнѣйшихъ валуновъ, сложивъ руки на груди, съ чуднымъ выраженіемъ глубочайшаго успокоенія на блѣдномъ, маститомъ лицѣ, кротко созерцая вечеръ, догоравшій на поляхъ, въ лѣсахъ, по степи и на морѣ. Цецилія склонилась на траву къ ногамъ его, прижавъ губы къ холодѣющей рукѣ.

Отъ ея прикосновенія по тѣлу умирающаго пробѣжалъ легкій трепетъ. Взглядъ его медленно перешелъ съ отдаленныхъ предметовъ на ближайшіе и наконецъ остановился на прекрасномъ, блѣдномъ, лицѣ, залитомъ слезами. Блаженная улыбка чуть мерцала на его лицѣ; «Ульрика!» пролепеталъ онъ тихо, едва слышно, блѣдными губами, а тамъ сомкнулись и уста и вѣки.

Цецилія склонилась головой на грудь Готтгольда. Князь, втеченіи всей сцены стоявшій поодаль, отвернулся; широко раскрывъ глаза, онъ вперилъ неподвижный взглядъ на золотой закатъ.

Золотой закатъ опять погасалъ надъ полями, лѣсами и надъ кладбищемъ въ Рамминѣ, на которомъ они только что погребли останки прадѣда подлѣ праха его дѣтей и внучатъ. Вокругъ могилы собрался лишь небольшой, весьма небольшой кружокъ, когда опускали гробъ; они не нуждались въ пасторѣ для освященія могилы, которая и безъ того стала для нихъ святыней.

Потомъ г-жа Вольнофъ обняла Цецилію и шепнула ей на ухо: «не смущайся филистерскими нападками, если повстрѣчаются съ вами»; а Цецилія отвѣчала ей: «не бойся; я знаю что дѣлаю». Затѣмъ Оттилія поцѣловала Гретхенъ, а князь и г. Вольнофъ обмѣнялись съ Цециліею на прощанье нѣсколькими сердечными словами—и легкая колясочка князя покатила въ замокъ, а тяжеловѣсный экипажъ Вольнофа по дорогѣ къ Прорѣ.

На другомъ концѣ селенія, гдѣ пролегаетъ дорога на Нейенферъ и далѣе къ Зюндину, стояла почтовая карета—и они пошли тихонько по селу рука объ руку, а дитя бѣжало впередъ, бросаясь за ласточками, когда они слишкомъ близко пролетали.

За исключеніемъ этого—ласточкамъ было раздолье. Вверхъ и внизъ, быстрыми какъ стрѣла вереницами летали онѣ, то у самой земли, то поднимаясь вверхъ прелестными дугами, прямо, зигзагомъ, чирикая, щебеча, безъ устали работая своими длинными крыльями. И для нихъ это былъ также послѣдній вечеръ, на утро онѣ потянули къ югу, и вернулись только весной.

Готтгольдъ думалъ объ нихъ, а потомъ задумался о томъ вечерѣ, когда онъ шелъ пустою деревенскою улицей и щебетанье ласточекъ вызвало на глазахъ его горькія слезы; какой пустыней казались ему тогда и родина и весь бѣлый свѣтъ, а теперь весь божій міръ является ему какъ бы громаднымъ отечествомъ; онъ заглянулъ въ темные глаза возлюбленной жены, пожалъ теплую крошечную ручонку дитяти, которое было его дитятей,—и понялъ «про что щебетала ласточка».

Константинъ Петровичъ фонъ-Кауфманъ
Туркестанскій генералъ-губернаторъ.

Шестой годъ управляя отдаленнымъ и новымъ для насъ краемъ, настоящій туркестантскій генералъ-губернаторъ съ обычной своей энергіей успѣлъ много, а взятіемъ Самарканда упрочилъ положеніе наше во Средней Азіи.

Константинъ Петровичъ фонъ - Кауфманъ родился въ деревнѣ Майданы близь Иванъ-Города, гдѣ отецъ его остановился, возвращаясь въ 1818 году на маршѣ изъ Парижа. Девятнадцати лѣтъ отъ роду получилъ первый офицерскій чинъ, окончивъ съ отличнымъ успѣхомъ полный курсъ наукъ въ верхнемъ офицерскомъ классѣ главнаго инженернаго училища (нынѣ Николаевская инженерная Академія), въ 1838 году выпущенъ на службу инженеръ-поручикомъ, а въ 1843 году назначенъ старшимъ адъютантомъ штаба отдѣльнаго кавказскаго корпуса. Съ этого времени начинается его боевая служба на Кавказѣ, гдѣ онъ находился до 1856 г. и участвовалъ почти во всѣхъ экспедиціяхъ. Два раза былъ раненъ, первый разъ въ 1845 году, во время дарчунскаго похода, въ шею, а второй разъ при взятіи укрѣпленнаго аула Чохъ, пулею въ

въ ступню лѣвой ноги навылетъ. На Кавказѣ онъ получилъ ордена: св. Анны 3-й и 2-й степени съ короною, св. Георгія 4-й степени за отличіе при взятіи укрѣпленнаго аула Гергебиля; золотую саблю за храбрость и св. Владиміра 3-й степени за штурмъ Карса; получилъ всѣ чины до полковника включительно за военныя отличія; командовалъ 3-имъ баталіономъ Дагестанскаго полка и кавказскимъ саперномъ баталіономъ. Въ 1856 году назначенъ былъ командиромъ лейбъ-гвардіи сапернаго баталіона и въ томъ же году начальникомъ штаба инженернаго корпуса, членомъ совѣта Военной академіи и конференціи Николаевской инженерной академіи. Въ 1857 году произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ въ Свиту Его Величества; въ 1860 году получилъ орденъ св. Станислава 1-й степени, а въ 1861 году награжденъ орденами св. Анны 1-й степени и назначенъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства. Въ 1864 году произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1865 году назначенъ генералъ-губернаторомъ сѣверо-западныхъ губерній и командующимъ войсками Виленскаго военнаго округа. Въ 1866 году награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-й степени. Въ 1867 г. назначенъ генералъ-губернаторомъ во вновь образованное изъ прежней Туркестанской и части Семипалатинской области генералъ-губернаторство и командующимъ войсками туркестанскаго военнаго округа. Въ слѣдующемъ за тѣмъ году за взятіе Самарканда награжденъ орденомъ Георгія 3-й степени и за дѣло при Зеро-Булакѣ Бѣлаго орла съ мечами.—По Высочайшему повелѣнію Государя Императора, имя его начертано на мраморной доскѣ въ главномъ инженерномъ училищѣ съ присовокупленіемъ: «1868 года, Самаркандъ.» Послѣднія полученныя имъ награды были: ордена св. Александра Невскаго въ 1870 г. и тотъ же орденъ алмазами украшенный въ 1872 г.

Пожаръ новой Реформатской церкви въ С.-Петербургѣ въ ночь съ 14 на 15 декабря. Рис. Бролингъ, грав. Оскаръ Май.

На родинѣ.

То, что умчали житейскія грозы
Бурной своею волной—
Думы младенчества, ясныя грёзы,
Снова встаютъ предо мной!

* * *

Тѣни родныя, вдали изъ тумана,
Манятъ съ любовью меня;
Въ зелени яркой одѣта поляна,
Свѣтомъ облитая дня...

* * *

Лѣсъ деревенскій, исполненный дива!
Въ годы златые мои,
Я отъ тебя сторонился пугливо—
Вѣрилъ я въ чары твои!

* * *

Помню я няни старушки разсказы,
Лѣшій въ лѣсу томъ живетъ,
Малыхъ дѣтей, за большіе проказы,
Въ чащу густую беретъ!

* * *

Слушалъ я няню—и каждому слову
Слѣпо я вѣрилъ тогда...
Сердце къ былому стремиться готово
Даже и въ эти года!

* * *

Холодомъ жизни, мертвящимъ дыханьемъ,
Нѣтъ! не изладить ничѣмъ
Дѣтство златое, его обаянье,
Въ сердцѣ совсѣмъ!

* *
*

Пѣсни весенней манящіе звуки,
Счастье былое сулятъ,
И забывая тяжелыя муки—
Вѣрить, любить снова радъ!

* *
*

Тѣни родныя, желанныя тѣни,
Къ жизни возставшія вновь,
Съ теплымъ раскаяньемъ пасть на колѣни
Я передъ вами готовъ!

* *
*

Воздухъ полей—ароматный, здоровый,
Ласки родимой земли,
Горя прожитаго обликъ суровый
Вырвать изъ сердца могли!

В. Сѣверянинъ.

Елка.

„Елка (Pinus Abies L, Abies excelsa End) растеніе изъ семейства еловыхъ съ листьями (хвоями). Вѣтви выходятъ изъ ствола подъ тупымъ угломъ...... Цвѣтетъ около 50 лѣтъ, растетъ по сырымъ низменностямъ, богата смолою......“

Должно быть изъ Ботаники.

I.

Родины нашей питомица скромная,
Елка, люблю я тебя съ давнихъ поръ!...
Лѣтомъ стоишь ты суровая, темная,
Любитъ тебя мой отъискивать взоръ!...
Солнце ли—вѣтеръ, морозъ ли случается,
Все ты привыкла покорно сносить...
Не отъ тебя ль нашъ народъ научается
Такъ терпѣливо, безропотно жить?!...
Грѣетъ ли солнышко иглы смолистыя,
Или сѣчетъ ихъ осеннимъ дождемъ,
Снѣгъ ли накутаетъ хлопья пушистые,
Все это, елка, тебѣ нипочемъ!...
Правда, когда пріодѣнутся лѣтомъ
Сестры и братья твои, такъ тебѣ
Не угоняться за ихъ туалетомъ,
Но ты стоишь покоряясь судьбѣ.
Осень настала—и желтые, красные
Листья красиво сквозь зелень видны...
Думаешь ты: «погодите, прекрасные,
«Скоро не хватитъ ни силъ, ни казны?
«Только мой дядя морозецъ появится
«Жду его съ часу на часъ...
«Славно онъ съ вами тогда позабавится
«Сниметъ наряды роскошные съ васъ!...
«Небо подернется сѣрыми тучами,
«Сверху посыплетъ снѣжокъ—
«Сядете на мель вы съ голыми сучьями,
«И проклянете свой рокъ!

II.

(посвящается дорожнымъ).

Славный морозецъ сегодня какой!
Ѣду въ деревню, дорогой большой....
Какъ бы до мѣста добраться!...

Ну, Николай, ничего, не жалѣй!
Разикъ, другой, пріударь лошадей!
Будетъ намъ нынче кататься!...

Лошади дружно помчались,—какъ разъ
Этакъ въ деревню домчатъ онѣ насъ,
То-то погрѣемся любо!

Экой морозецъ!... Нѣтъ силы терпѣть,
Грѣшное тѣло не можетъ согрѣть
Даже овчинная шуба!...

—«Вотъ и околица стала видна,
Будемъ въ деревнѣ—минутка одна!...»
Такъ утѣшаетъ Николка!

Въѣхали!... мчимся въ деревнѣ стрѣлой,
Вдругъ стали кони предъ грязной избой,
Гдѣ у дверей вбита елка...

Что это?...—Экой ты баринъ чудакъ,
Развѣ не знаешь?... вѣдь это кабакъ!...»

III.

(посвящается умершимъ).

Ельникъ насыпанъ съ утра по дорогѣ
Вѣрно кого-то везутъ на покой!
Скорбныя лица серьозны и строги,
Взгляды туманитъ слезой...

Елка, и тутъ въ тебѣ люди нуждаются,
Будь благодарна за это судьбѣ—
Тутъ они плачутъ, а тамъ наслаждаются,
Слезы и радость извѣстны тебѣ!...

IV.

(посвящается дѣтямъ).

Впрочемъ и сами, вы елки, страдаете,
Даромъ что вѣчно живете въ лѣсу!
Радъ мужичекъ, вы давно это знаете,
Коль Рождество у него на носу!...
Въ дровни заложитъ савраску онъ пѣгаго,
Взять не забудетъ съ собой топора,
Какъ ни просите защиты у снѣга вы,
Какъ ни была бы зима къ вамъ добра,
Васъ мужичекъ всюду съищетъ навѣрное,
Васъ изловчится отъ всюду срубить...
Да, наступило для васъ время скверное,
Вашему горю нельзя пособить!....
Рубитъ не зря онъ—какая полюбится!
Рубитъ изъ малыхъ, валитъ изъ большихъ...
Сколько васъ милыя елки погубится?!...
—«Что тутъ считать, наростетъ и другихъ!...
«Склонны вы больно къ мотиву печальному,
«Только, признаться, не кстати онъ тутъ.....»
Всѣмъ по кресту имъ сколотятъ прощальному
И на базаръ продавать повезутъ...
Разнымъ особамъ вы въ руки досталися,
Разныя штуки надѣли на васъ;
Вашей погибелью мы сокрушаемся,
Но наступилъ торжества теперь часъ!...
Полны гостей всѣ покои парадные,
Взрослые люди смѣются, острятъ,
А на столѣ стоятъ елки нарядныя
Передъ толпою веселыхъ ребятъ!....

Густавъ Ненадо.

Пожаръ Ново-Реформатской церкви въ С.-Петербургѣ.

Въ ночь съ 14 на 15 декабря Петербургъ былъ свидѣтелемъ такого зрѣлища, какого ему давно уже не приходилось видѣть, по крайней мѣрѣ въ центрѣ города. Въ одиннадцатомъ часу ночи произошелъ пожаръ въ нѣмецкой реформатской церкви на Большой Морской, и въ короткое время крыша и колокольня были объяты пламенемъ. Мы находились случайно у самаго горящаго зданія, около 12 часовъ ночи. Крестъ уже повалился. Желѣзныя стропила, поддерживавшія шпиль, раскалились добѣла. Вся внутренность колокольни до самой крыши стояла въ огнѣ. Собственно крыша уже обрушилась. Только со стороны лѣваго берега Мойки поднимались еще пять трубъ. Сосѣдніе дома и толпа любопытныхъ засыпались искрами; на Большую Морскую падали большія горящія балки, листы желѣза, пылающіе обломки. Вся дѣятельность пожарныхъ сосредоточилась, повидимому, на этой улицѣ, тѣмъ болѣе что вѣтеръ гналъ пламя въ эту сторону. Долго вся нижняя часть церкви была одѣта мракомъ, но вдругъ потолокъ верхняго этажа обрушился; въ окнахъ церкви показался яркій свѣтъ и изъ истребляемаго огнемъ зданія полетѣли милліоны искръ, а за ними клубы чернаго дыма. Внутренность церкви запылала. Не смотря на всѣ усилія пожарныхъ, дѣйствовавшихъ съ самоотверженіемъ, пожаръ длился всю ночь. Выгорѣла внутренность церкви, прекрасный органъ исчезъ безъ слѣда; уцѣлѣло только то, что было сдѣлано изъ желѣза и изъ камня; впрочемъ кафедра, столъ для причастія, часть хоръ и находящіеся подъ ними скамьи несовсѣмъ истреблены. Отъ зданія церкви уцѣлѣлъ только нижній этажъ, гдѣ помѣщаются квартиры пастора и другихъ служителей; но и въ этой части зданія причинены значительныя поврежденія водой, проникшей туда при тушеніи пожара. Вообще нѣмецкая реформатская церковь представляетъ теперь собой развалины.

О причинахъ пожара пишутъ слѣдующее. 14 декабря въ цѣломъ зданіи выжигали трубы со всѣми обычными предосторожностями, при чемъ присутствовала и пожарная команда. Къ двумъ часамъ по полудни все было кончено, и пожарные удалились вмѣстѣ съ трубочистами. Повидимому, послѣдніе не осмотрѣли хорошенько чердака послѣ выжиганія трубъ; между тѣмъ, во время выжиганія вѣроятно лопнула одна труба на чердакѣ, и черезъ трещину огонь перешелъ на близь лежащія кровельныя вязки изъ брусьевъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что внутри башни огонь долго тлѣлъ, пока наконецъ пламя охватило всю крышу.

Все строеніе застраховано въ 260,000 руб.; по оцѣнкѣ экспертовъ, страховыя общества понесли отъ этого пожара убытковъ на 160,000 руб., такъ какъ въ верхней части зданія сохранились одни только голыя стѣны. На общинѣ лежитъ еще долгъ въ 60,000 руб.

По красотѣ стиля, по пропорціональности частей нѣмецкая реформатская церковь принадлежала къ лучшимъ зданіямъ Петербурга. Кромѣ главнаго портала, два боковыхъ хода вели на общую площадку, откуда поднималась широкая лѣстница въ шесть ступеней на другую площадку. Отсюда два входа, по правую и по лѣвую руку, вели въ церковь. Собственно въ церковь, устроенную въ первомъ этажѣ, входили по той или другой широкой лѣстницѣ, которыя вели въ нее съ обѣихъ сторонъ. Насупротивъ средней двери была устроена, какъ и во всѣхъ вообще романскихъ церквахъ, ниша. Къ этой нишѣ примыкала кафедра для проповѣдника. Передъ нею стоялъ столъ для причастія, сдѣланный изъ дубоваго дерева въ чисто-романскомъ стилѣ, съ бѣлою мраморною доскою наверху. По тремъ сторонамъ церкви шли хоры, поддерживавшіеся чугунными колоннами; насупротивъ кафедры надъ этими хорами были устроены еще другіе хоры, назначавшіеся исключительно для органа. Скамьи были дубовые, въ романскомъ вкусѣ. Церковь прекрасно освѣщалась высокими окнами; кромѣ того для вечерней службы зажигали канделябры, помѣщавшіеся на хорахъ между колоннами. Все зданіе построено въ чисто-романскомъ стилѣ. Церковь имѣетъ 64 фута ширины, 170 футовъ длины, включая сюда же и колокольню, и 90 футовъ вышины, до шпица; а вмѣстѣ съ шпицемъ и крестомъ 200 футовъ. Все вообще зданіе, построенное на добровольно жертвованныя деньги, отличается строгою простотою. Церковь была заложена 8 сентября 1862 года, а 24 октября 1865 года ее уже освятили.

Смѣсь.

Кельнскій соборный колоколъ. Кельнскій соборный колоколъ, который нѣмцы предполагаютъ отлить изъ завоеванныхъ у французовъ пушекъ, будетъ имѣть, какъ пишутъ нѣмецкія газеты, 15,000 пудовъ. (Нашъ Иванъ Великій, треснувшій при паденіи и стоящій теперь на каменномъ подножіи, вѣситъ, какъ извѣстно, 12,000 пудовъ). Для отливки кельнскаго колокола было сдѣлано 22 предложенія, большею частью изъ Германіи, а также изъ Австріи, Италіи и даже Франціи. Колоколъ рѣшено отливать въ городѣ, такъ какъ городскіе ворота слишкомъ узки,—и теперь вопросъ въ томъ, сдержитъ ли его вагонъ желѣзной дороги или какой либо другой перевозный снарядъ.

Казнь на островахъ Фиджи. *«Fidchi-Times»* передаетъ слѣдующія ужасныя подробности касательно первой попытки привести въ исполненіе смертный приговоръ, произнесеный 8-го іюня нынѣшняго года на островахъ Фиджи. «Нѣсколько лицъ, присутствовавшихъ утромъ во вторникъ при казни нѣкоего Франка, приговореннаго къ смерти за убійство господина Томаса Мунра, были свидѣтелями ужасной и возмутительной сцены. Франка приговорили къ висѣлицѣ, и казнь эта должна была совершиться 7-го числа. Назначенное время пришло и прошло, но казнь не состоялась, потому что шерифъ былъ занятъ своими собственными дѣлами. Бѣдный осужденный, уже пережившій въ умѣ всѣ ужасы смерти, весь день томился, ожидалъ съ часу на часъ рѣшенія своей судьбы, пока, наконецъ, поздно вечеромъ ему не объявили, что его казнятъ завтра утромъ въ 6 часовъ. Всѣ приготовленія были сдѣланы еще 6 числа, веревка была уже прикрѣплена и петля сдѣлана. Тѣмъ временемъ веревка насквозь промокла отъ дождя, такъ что утромъ ее пришлось сушить на огнѣ. Пробило 6 часовъ, веревка была опять прикрѣплена, осужденный и палачъ стояли на эшафотѣ, а когда послѣдній накинулъ на шею петлю первому, то не мало бился, чтобъ стянуть ее. Затѣмъ подмостки упали и когда веревка вытянулась, Франкъ, минуты съ три, былъ повидимому мертвъ. Но вскорѣ его члены начали шевелиться, онъ нѣсколько разъ простоналъ и наконецъ заговорилъ. Онъ просилъ окружающихъ избавить его отъ мученій, «чтобы онъ отошелъ къ своему Создателю въ мирѣ». Потомъ онъ поднялъ одну руку, такъ какъ его не связали надлежащимъ образомъ, схватилъ веревку и такимъ образомъ избавился, до нѣкоторой степени, отъ страшнаго давленія шеи. Онъ все еще продолжалъ просить освободить его изъ его ужаснаго положенія. Но страшная сцена еще не кончилась. Одно изъ должностныхъ лицъ перерѣзало веревку и Франкъ грохнулся на земь, такъ какъ должностное лицо даже и не пыталось перехватить его на лету. Послѣ этого несчастнаго опять отвели въ темницу. Такимъ образомъ кончилась эта безпримѣрно-ужасная сцена. Какое она дѣйствіе произвела на зрителей—можно судить по тому, что одинъ сильный человѣкъ упалъ въ обморокъ. Послѣ этихъ ужасныхъ мученій несчастнаго избавили отъ смертной казни. Негодованіе публики было такъ велико, что въ случаѣ еслибъ еще разъ попытались повѣсить Франка, оно перешло бы въ бунтъ. Франкъ разсказываетъ, что, когда подмостки упали, онъ почувствовалъ, что у него что-то сломилось въ затылкѣ; онъ сталъ молиться Богу. Затѣмъ ему припомнилось до малѣйшихъ подробностей одно кораблекрушеніе, отъ котораго онъ спасся, а вслѣдъ за этимъ ему пришла мысль: «Отчего же я не умираю?». Когда онъ увидалъ, что можетъ дышать, то сталъ подозрѣвать, что его умышленно мучатъ.

Картинка изъ парижской жизни. Недавно въ одинъ изъ лучшихъ парижскихъ кафе вошелъ какой-то господинъ и потребовалъ себѣ завтракъ. Это былъ красивый молодой человѣкъ съ чорными кудрявыми волосами, прекрасными манерами

и важнымъ видомъ. Позавтракавъ не спѣша, онъ потребовалъ счетъ; но вмѣсто половаго явился самъ хозяинъ заведенія и раскланялся съ нимъ съ величайшею вѣжливостью. «Милостивый государь, сказалъ онъ гостю,—я не приму отъ васъ платы, пока не переговорю съ вами. Здѣсь случилось нѣчто особенное; вы сію же минуту узнаете это, если сдѣлаете мнѣ честь пойти со мною минутъ на пять». Удивленный молодой человѣкъ идетъ за хозяиномъ. Этотъ послѣдній поднимается во второй этажъ и вводитъ его въ великолѣпную гостиную. Послѣ этого онъ съ смущеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ торжественнымъ видомъ обращается къ своему гостю съ слѣдующею рѣчью: «милостивый государь, у меня есть дочь. Она тамъ внизу у кассы и конечно видѣла васъ. У ней бываютъ по временамъ такія затѣи, которыя вовсе мнѣ не нравятся, но если она заберетъ себѣ что въ голову, то ужъ этого у нее не выбьешь—и я волею-неволею долженъ покоряться. Вы удивитесь тому, что я скажу вамъ; но она заставила меня побожиться, что я сдѣлаю это. Впрочемъ, моя дочь—прекрасно воспитанная дама. Она видѣла васъ, милостивый государь, почувствовала къ вамъ, съ первой же минуты, величайшее уваженіе и наотрѣзъ объявила мнѣ, что такъ какъ я желаю выдать ее замужъ, то она не пойдетъ ни за кого, кромѣ васъ. Она любитъ васъ и поручила мнѣ....» Бѣдный отецъ запнулся. Онъ, повидимому, былъ столько же смущенъ, какъ и раздраженъ. «Ну да будь, что будетъ», продолжалъ онъ, «она поручила мнѣ — предложить вамъ ея руку. Я человѣкъ не богатый, но даю за дочерью 600,000 франковъ». Красивый молодой человѣкъ, которому досталось въ наслѣдство только 30,000 франковъ долгу, изумился. «Но, милостивый государь, началъ онъ,—я не имѣю чести знать васъ; да, вѣроятно, и вы не...». «Да и не нуждаюсь въ этомъ, милостивый государь; моя дочь желаетъ только знать: согласны ли вы жениться на ней?» Молодой человѣкъ не оттолкнулъ отъ себя счастья, такъ какъ молодая дама была, въ добавокъ, еще очень хороша собой,—и свадьба состоялась.

Чудесныя свойства числа 9. Можетъ быть наши читатели не забыли еще интересную статью на счетъ чудесныхъ свойствъ чиселъ, помѣщенную въ одномъ изъ № «Нивы» за 1870 годъ именно на стр 168. Теперь мы раскроемъ имъ таинства числа 9, съ которымъ можно дѣлать самые удивительные опыты. Умножимъ напр. это число на различныя цифры и сложимъ вмѣстѣ цифры произведенія,—въ суммѣ опять окажется 9. 2×9=18, а 1+8=9. Трижды девять 27, а 2 и 7 составляетъ 9. Такимъ образомъ идетъ до одиннадцать разъ девять, гдѣ въ числѣ 99 девять повторяется два раза. Хорошо; теперь сложимъ обѣ цифры и получится 18, а 1 и 8 составляютъ опять 9. Возьмемъ большія числа и сдѣлаемъ примѣръ умноженія, изъ котораго опять тѣмъ или другимъ образомъ выйдетъ девять. 339×9=3051. Сложите сумму и получите девять. 5071×9=45,639. Сложите эту сумму и получится 27, т. е. = 3 × 9 = или 2 + 7 = 9.

Можно дѣлать и дальнѣйшіе опыты на счетъ числа 9 и, такъ сказать, комкать его въ родѣ фигурки изъ каучука, которая всегда опять принимаетъ прежній видъ. Возьмемъ рядъ какихъ угодно чиселъ, перевернемъ его и вычтемъ этотъ взятый на выворотъ рядъ изъ перваго. Сложивъ цифры полученнаго остатка мы получимъ опять девять.

Напримѣръ 5071
1705
3366 = 18 = 2 × 9 и 1 + 8 = 9.

Тотъ же самый результатъ получится если эти числа будутъ взяты въ квадратѣ. Возьмемъ любое число, напр. 62, если мы перевернемъ его, то получимъ 26, которые, будучи вычтены изъ 62 дадутъ число 36 или 3+6=9. Квадраты 26 и 62 суть относительные 676 и 3844. Вычтите одно число изъ другаго и вы получите 3168. Сложивъ эти цифры, мы получимъ 18 = 2 × 9 или 1 + 8 = 9.

Сдѣлаемъ еще опытъ. Напишемъ любое число, напр. 7,549,132, вычтемъ изъ него сумму его цифръ (слѣдовательно 31) и мы опять получимъ остатокъ, изъ котораго опять выйдетъ девять:

7,549,132
31
7,549,101 = 27 = 3 × 9 или 2 + 7 = 9.

Основываясь на этихъ странныхъ свойствахъ числа девять, любители фокусовъ могутъ занять общество слѣдующею игрою. Предложите кому нибудь написать какой угодно родъ чиселъ такъ, чтобы вы этого не видали. Затѣмъ пусть написавшій это число сложитъ отдѣльныя его цифры и вычтетъ, какъ показано выше, эту сумму изъ написаннаго числа. Предложите послѣ этого стереть изъ происшедшаго остатка любое число и при помощи вышеописаннаго разложенія вы легко угадаете это число. Положимъ напр., что будетъ написано 63,425. Сумма этихъ цифръ будетъ 20; вычтя ее изъ 63,425 мы получимъ 63,405. Положимъ, что написавшій зачеркнетъ въ полученномъ остаткѣ число 4, то сложивши цифры остатка мы получимъ 14. Пусть назоветъ онъ это число и чтобъ угадать вычеркнутыя 4, нужно только взять ближайшее къ цифрѣ 14 произведеніе 9, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ число 18, а 14 вычтенные изъ 18 даютъ 4, т. е. вычеркнутое число.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

При семъ нумерѣ прилагается оглавленіе „Нивы" за 1872 годъ.

Дозволено цензурою 22 Декабря 1872 года. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-Пбургѣ, Больш. Морская, д. № 9. Типогр. **Эдуарда Гоппе**. Вознес. пр., д. № 53.